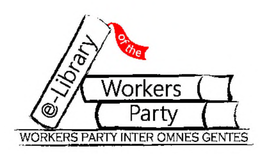
РЕВОЛЮЦИИ
1848-1849

I

e-Library
of the
Workers
Party
WORKERS PARTY INTER OMNES GENTES

АКАДЕМИЯ
НАУК
СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва · 1952

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

РЕВОЛЮЦИИ 1848—1849

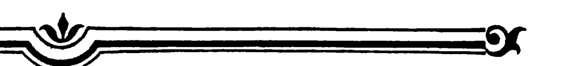
I

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
профессора Ф. В. ПОТЕМКИНА
и профессора А. И. МОЛОКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва · 1952

ОТ РЕДАКЦИИ

Данный коллективный труд, освещающий буржуазные и буржуазно-демократические революции 1848—1849 гг., национально-буржуазные движения этого времени и первую попытку пролетарской революции—восстание парижских рабочих в июне 1848 г.,— представляет одну из книг серии «Библиотека Всемирной истории», подготовляемой Институтом истории и издаваемой Академией Наук СССР.

Книга «Революции 1848—1849 гг.» издается в двух томах. Первый из них охватывает 1847—1848 гг.; второй — 1849 г. В некоторых главах второго тома рассказ доведен до 1850—1851 гг. Эти главы следует рассматривать лишь как краткие очерки, необходимые для завершенности изложения. Глава, освещающая историографию революций и национальных движений 1848—1849 гг., дана во втором томе.

Особое место в данном труде отведено вопросу о возникновении марксизма —величайшей активной силы, боровшейся за «...ликвидацию старого, отживающего свой век базиса с его старой надстройкой»[1]. Но редакция не ставила перед собою задачи освещения идеологии в целом; в узких хронологических рамках книги изложение вопросов истории философии, науки, литературы, искусства многих стран Европы имело бы неизбежно фрагментарный характер.

В составлении книги принимали участие сотрудники институтов Академии Наук СССР и другие научные работники, привлеченные Институтом истории. Большую помощь оказал авторскому коллективу и редакции академик В. П. Волгин.

При редактировании данной работы были учтены критические замечания научных сотрудников институтов Академии Наук СССР и других историков, взявших на себя труд прочесть отдельные части книги еще в рукописи.

---

[1] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Издательство «Правды». 1950, стр. 4—5.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВВЕДЕНИЕ

В первой половине XIX в. во многих странах континентальной Европы начался переход от мануфактурной стадии капитализма к машинному, фабричному производству. Ускорился процесс оформления основных классов капиталистического общества: буржуазии и пролетариата.

Между тем почти во всех странах того времени, и на Западе и на Востоке, еще господствовали абсолютистско-феодальные порядки, т. е. различные формы крепостной или полукрепостной зависимости крестьян, абсолютизм, засилие дворянства, высшего духовенства, бюрократии и военщины. Миллионы людей в колониях европейских государств и в Соединенных Штатах Северной Америки томились в оковах рабства, продавались и покупались как вещи, с насильственным и вечным разлучением членов семьи.

Во многих странах Европы классовое угнетение соединялось и переплеталось с угнетением национальным. Польский народ подвергался тяжкой феодальной эксплуатации и в то же время находился под властью трех реакционных держав — России, Австрии и Пруссии. Миллионы крестьян, составлявших основную массу населения многонациональной Австрийской империи: чехи, словаки, хорваты, сербы, словены, русины (украинцы), румыны, платили, кроме государственных налогов, непомерные подати помещикам, преимущественно — немцам, венграм, полякам. Под австрийским гнетом находилась значительная часть итальянского народа; под властью английских лендлордов — ирландские крестьяне-арендаторы, вечно жившие впроголодь и погибавшие тысячами в неурожайные годы. Многие народы европейского материка томились под игом турецких феодалов.

В двух крупных странах Западной Европы — Германии и Италии — все еще оставалась нерешенной стоявшая перед ними жизненно важная задача: осуществление национально-государственного объединения.

Единственным полноценным методом решения всех этих назревших исторических задач — свержения абсолютистско-феодального гнета, национального освобождения порабощенных народов и национально-государственного объединения раздробленных стран — была буржуазно-демократическая революция, соединенная в ряде стран с национально-освободительной войной, возглавленной силами революционного лагеря.

В. И. Ленин писал: «В 1793 и 1848 гг. и во Франции и в Германии и во всей Европе *объективно* стояла на очереди *буржуазно*-демократическая революция. Этому *объективному* историческому положению вещей соответствовала «истинно-национальная», т. е. национально-*буржуазная* программа тогдашней демократии, которую в 1793 г. осуществили наиболее революционные элементы буржуазии и плебейства, а в 1848 г. провозглашал от имени всей передовой демократии Маркс. Феодально-

династическим войнам противопоставлялись тогда, *объективно*, революционно-демократические войны, национально-освободительные войны»[1].

Объединенные силы европейской реакции, сплотившиеся в 1814—1815 гг. на Венском конгрессе и в «Священном союзе», во главе с австрийским канцлером князем Меттернихом и русским царем Александром I, пытались насильственными мерами предотвратить революции и национально-освободительные движения. Свирепый белый террор был основой политики французских, испанских и неаполитанских Бурбонов, восстановленных на своих тронах решениями Венского конгресса. Реакция свирепствовала после Венского конгресса во всех странах Европы.

Но даже и тогда, в годы наибольших успехов реакции, в период с 1815 по 1830 г., революционное движение — непреодолимая сила, ведущая человечество вперед, — не прекращалось.

В Испании борьба прогрессивных сил против реакционных правительств проявилась в антиправительственных заговорах 1815—1819 гг., а затем — в буржуазной революции 1820 г. По указке «Священного союза» эта революция была подавлена французскими войсками, но, тем не менее, она оказала значительное влияние на многие европейские страны, в том числе и на Францию. В Португалии революционная часть офицерства в том же 1820 г. вынудила короля ввести либеральную конституцию. В 1820—1821 гг. вспыхнуло революционное движение в Италии: карбонарии, итальянские буржуазные революционеры, временно захватили власть в Неаполитанском королевстве. Тогда же, в 1821—1822 гг., началось героическое восстание греков против турецкого владычества. В обширных странах Центральной и Южной Америки, в бывших колониях Испании и Португалии, успешно развивалась национально-освободительная борьба, возникали самостоятельные государства, сбрасывавшие с себя иго монархических правительств — членов «Священного союза».

В 1825 г. и в царской России, представлявшей наиболее могущественный оплот «Священного союза» и всей европейской реакции, произошло первое открытое вооруженное восстание против самодержавно-крепостнического строя — восстание декабристов. Участники восстания 14 декабря 1825 г., русские офицеры, уже и раньше, во времена походов против Наполеона, общаясь с интеллигенцией западноевропейских и восточноевропейских стран, не только воспринимали, но и сами распространяли там, в зарубежных странах, революционные идеи. Подняв восстание в 1825 г., декабристы открыли новый период исторического развития России.

Менее чем через пять лет после восстания декабристов, в июле 1830 г., вспыхнула революция во Франции.

Буржуазная революция 1830 г. во Франции, по признанию самого Меттерниха, «прорвала плотину», сооруженную силами европейской реакции в 1814—1815 гг.

В самой Франции революция 1830 г. не произвела глубоких преобразований: династия старших Бурбонов пала, но на смену полуфеодальной-полубуржуазной монархии Бурбонов пришла не буржуазная республика, а буржуазная монархия, возглавленная ставленником банкиров, герцогом Луи-Филиппом Орлеанским. Буржуазная монархия Луи-Филиппа принесла французскому народу тяжкие страдания. И тем не менее июльская революция 1830 г. имела очень большое значение в истории всей Европы.

1830 год был поворотным моментом в историческом развитии Европы. Во Франции июльская революция 1830 г. окончательно закрепила победу буржуазии над дворянством. За рубежом Франции, в абсолютист-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 302.

ско-феодальных странах, известия об июльской революции произвели потрясающее впечатление. «То были солнечные лучи, завернутые в бумагу, и они произвели в душе моей самый дикий пожар», — так писал о газетных сообщениях из Франции в августе 1830 г. великий немецкий поэт Генрих Гейне. Под несомненным влиянием июльских революционных боев в Париже месяц спустя началась революция в Нидерландах, освободившая Бельгию от оков, наложенных на нее Венским конгрессом. В ноябре того же года разразилось польское восстание. В начале 1831 г. вспыхнули восстания в некоторых частях Италии. Начался новый период в истории Швейцарии, ознаменовавшийся победами либералов и радикалов над силами аристократической и клерикальной реакции. В Германии после 1830 г., по выражению Энгельса, «шло всеобщее брожение». Под влиянием июльской революции 1830 г. резко обострилась классовая борьба и в Англии, где вскоре же, в 1832 г., под давлением масс была осуществлена первая парламентская реформа, приведшая промышленную буржуазию к участию в государственной власти.

Июльская революция 1830 г. не прошла бесследно и для славянских народов, входивших в состав Австрийской империи. Она усилила процесс «славянского возрождения».

Чтобы понять значение национального движения различных славянских народов, как одного из важнейших явлений исторического развития Европы, достаточно обратить внимание на численность угнетенных славян к середине XIX в. Славян, подвластных Турецкой империи, было около 8 млн.; в Австрийской империи насчитывалось 8 млн. немцев и около 17 млн. славян; в Прусском королевстве к началу 40-х годов было около 12 млн. жителей, из них — около 2 млн. славян. Славянские народы не раз поднимались на борьбу за свою независимость. Множество ярких страниц в истории освободительной борьбы человечества написаны кровью славянских народов, героически восстававших против своих угнетателей.

«Славянское возрождение» началось задолго до революции 1848 г. В свое время немалое влияние оказала на западных и южных славян французская буржуазная революция XVIII в., а затем, в начале XIX в., появление русских войск на территории Австрийской империи среди славян. Но главную роль в пробуждении национального движения славян сыграли внутренние народные волнения, особенно — крестьянские восстания 20—30-х годов XIX в. Эти восстания имели и более широкое значение в истории Европы, как одно из проявлений того революционного движения, которое расшатывало тогда устои реакции на необозримой территории, от Гвадалквивира до Невы и от Бристоля до Афин.

Вслед за чешским и словацким возрождением, начавшимся до 1830 г., возникло национальное движение хорватов, галицийских украинцев (русин) и других народов, угнетавшихся Габсбургами. Появились и зачатки международных связей славян, так называемая — славянская взаимность.

Новым явлением в Европе, возникшим после революции 1830 г. во Франции, было и международное объединение буржуазных революционеров-республиканцев. В 1834 г. различные, правда немногочисленные, тайные группировки буржуазных демократов «Молодая Италия», «Молодая Германия», «Молодая Франция», «Молодая Польша», «Молодая Швейцария» объединились под общим руководством итальянского буржуазного революционера Мадзини в союз, названный «Молодой Европой».

«Молодая Европа» не имела связей с народными массами. Приютившись в Швейцарии, на территории маленькой и слабой страны, «Молодая Европа» была задушена в зародыше в том же 1834 г. силами международной реакции. Политические эмигранты были изгнаны из Швейцарии; тысячи

участников революционных движений, происходивших в период от Венского конгресса до середины 30-х годов, томились в тюрьмах. Враги свободы и прогресса торжествовали: после разгрома «Молодой Европы» повсюду, казалось, воцарилась тишина. Но, как говорили тогда передовые люди Италии, это была не могильная тишина, а тишина колыбели!

Революционное движение 30-х годов возвещало о приближении новой, еще более мощной, общеевропейской революционной бури. Она разразилась в 1848 году.

* * *

Одним из важнейших результатов победы прогрессивных сил над силами реакции в 1830—1832 гг. было ускорение темпов экономического развития всех европейских стран, не исключая и России. Энгельс писал в 1847 г.: «В России промышленность развивается колоссальными шагами и превращает даже русских бояр все более и более в буржуа»[1].

Несмотря на господство самодержавно-крепостнического строя, Россия становилась примером страны, способной в своем культурном росте быстро нагонять и во многом опережать другие страны. Приоритет русской научной и технической мысли доказан советскими историками в огромном множестве открытий и изобретений, относящихся также и к первой половине XIX в. Русская литература и искусство превзошли лучшие достижения литературы и искусства Запада. Высота, на которую тогда же, до революции 1848 г., поднялась русская философская мысль, была указана В. И. Лениным: «Первое из «Писем об изучении природы»,—«Эмпирия и идеализм»,— написанное в 1844 году [Герценом], показывает нам мыслителя, который, даже теперь [в 1912 г.!], головой выше бездны современных естествоиспытателей-эмпириков и тьмы тем нынешних философов, идеалистов и полуидеалистов. Герцен вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед — историческим материализмом»[2]. В 40-е годы появились и гениальные труды другого русского революционного мыслителя В. Г. Белинского, революционные стихи великого украинского поэта Т. Г. Шевченко и многие другие произведения, свидетельствовавшие не только об одаренности этих лучших людей русского народа и других народов многонациональной Российской империи, но и о понимании этими людьми необходимости революционного свержения царизма. В то же время само возникновение в России замечательных трудов в области науки, литературы, искусства было закономерным результатом новых явлений в базисе, в экономическом строе России, страны, в которой, при сохранении абсолютистско-феодального строя, в 20—40-х годах XIX в. быстро созревал капиталистический уклад, обострялись классовые противоречия, ширились крестьянские восстания и другие народные волнения. В 40-е годы Россия находилась в стадии глубокого кризиса самодержавно-крепостнического строя; не сущность кризиса, а только степень его развития отличала Россию 1848 г. от других абсолютистско-феодальных стран Европы.

* * *

Лишь изучив результаты экономического развития Европы в 1830—1847 гг., а также массовые движения и социалистические учения этого времени, можно понять причины и исторические особенности буржуазных и буржуазно-демократических революций 1848 г., их отличия от революций XVII и XVIII столетий.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 247.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 10.

В первой половине XIX в. из всех стран Европы по уровню промышленного развития особенно выдвинулись Англия и Франция. Первая еще до 1848 г. вступила в заключительный фазис промышленной революции, когда уже и самые машины становились изделиями машинного, а не мануфактурного производства.

В Англии в одной лишь текстильной промышленности в 1847 г. было занято около 545 тыс. фабричных рабочих; текстильных фабрик было более 4 тыс. Аграрная революция в Англии уже закончилась: ограбленное лендлордами английское крестьянство задолго до 1848 г. исчезло как особый общественный класс. Англия уже в это время была страной капиталистических ферм и фабрик, страной резко выраженных противоречий между буржуазией и громадной массой сельскохозяйственного и промышленного пролетариата.

Не удивительно поэтому, что именно в Англии возникло тогда «...первое широкое, действительно массовое, политически оформленное, пролетарски-революционное движение, чартизм...»[1]. Еще до возникновения чартизма началась деятельность Роберта Оуэна, социалиста-утописта, который хотя и не понимал всемирно-исторического значения революционной борьбы пролетариата, но открыто провозглашал, что «троицей зла» являются частная собственность, религия и буржуазный брак.

На континенте Европы в первые десятилетия XIX в. появились произведения великих социалистов-утопистов Анри Сен-Симона и Шарля Фурье, насыщенные едкой критикой капиталистического способа производства, еще не вполне сформировавшегося во многих европейских странах. В то же время французский пролетариат, невзирая на сен-симонистскую и фурьеристскую пропаганду мирных, бескровных методов общественного переустройства, вступил на путь самостоятельной революционной борьбы. Во Франции в первые же годы буржуазной монархии Луи-Филиппа произошли рабочие восстания в Лионе, имевшие громадное историческое значение. Со времени этих восстаний (1831 и 1834 гг.). «классовая борьба между буржуазией и пролетариатом, как указывал Энгельс, стала занимать первое место в истории более развитых стран Европы...»[2].

Численность французского пролетариата росла. Его самостоятельные выступления в 30—40-х годах продолжали усиливаться. После подавления открытых вооруженных восстаний 1831, 1832 и 1834 гг. во Франции появились подпольные, пролетарские по составу, организации. Они уничтожались полицией, распадались, но вскоре вновь возникали, упорно продолжая свою деятельность вплоть до революции 1848 г. Одновременно развивалось и достигло еще небывалой широты стачечное движение, сыгравшее существенную роль в подготовке французского пролетариата к революционным боям 1848 г. «Стачки,— писал Ф. Энгельс,— являются для рабочих военной школой, в которой они подготовляются к великой борьбе, ставшей уже неизбежной; стачки, наконец, являются манифестацией отдельных отраслей труда, возвещающей об их присоединении к великому рабочему движению»[3].

Выдающееся историческое значение французского рабочего движения накануне революции 1848 г. будет еще более понятно, если учесть, что тогда же, в 1840—1848 гг., среди пролетариата распространялись идеи Кабе, Дезами, Пийо и других представителей утопического коммунизма.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 282.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 25; см. также т. XV, стр. 525.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. III, стр. 506.

С возникновением новых условий классовой борьбы изменялось и соотношение политических партий, совершалась перегруппировка политических сил. Под влиянием событий 1830—1832 гг. во Франции произошло отделение демократии от либерализма, размежевание политических деятелей, объединенных ранее, в период реставрации, в совместной борьбе против дворянской и клерикальной реакции. Во Франции буржуазные либералы, уже и раньше отличавшиеся враждебностью к народным массам, превратились в консервативную силу, в потенциальный резерв контрреволюции.

В то же время, в 30-х и 40-х годах XIX в., повсюду сохранялась почва, питавшая революционность мелкой буржуазии и ее политических представителей — мелкобуржуазных демократов. Во Франции мелкобуржуазные республиканцы участвовали в лионском восстании 1834 г., сражаясь плечом к плечу с пролетариатом. Английские радикалы выступали совместно с чартистами на первом этапе борьбы за «Народную хартию». Швейцарские радикалы, как это было, например, в кантоне Ваадт, не далее как через год после прихода к власти либералов, организационно и политически обособились от них и сблизились с крестьянами и ремесленниками в борьбе за создание единой и независимой, буржуазно-демократической Швейцарии, за ее очищение от иезуитов, агентов европейской реакции.

Было бы, однако, большой ошибкой при освещении политической борьбы в Европе в 1830—1847 гг. умолчать о непоследовательности и неустойчивости мелкобуржуазных демократов, об их колебаниях в моменты сильных народных волнений.

Возрождение якобинства 1793—1794 гг. было уже невозможно в 40-е годы XIX в. не только во Франции, но и в таких сравнительно отсталых странах, как Италия. Капиталистический уклад на территории Северной Италии накануне 1848 г. был более широко развит, чем во Франции накануне буржуазной революции 1789—1794 гг. Поэтому и противоречия между буржуазией и пролетариатом (или полупролетариатом) были тут более развиты и более обострены, чем во Франции перед буржуазной революцией XVIII в.

На территории Германии крупная капиталистическая промышленность появилась еще до 1848 г. Рост парового транспорта, расширение Таможенного союза и развитие внутренней конкуренции, — как писал Энгельс, «... теснее сблизили коммерческие классы различных государств и областей Германии, сравняли их интересы, сконцентрировали их силу»[1]. Следствием этого торгово-промышленного роста был переход всей массы «коммерческих классов» германских государств в лагерь либеральной оппозиции. Но в 1844 г. в Силезии вспыхнуло рабочее восстание. Подобно лионским восстаниям, силезское восстание имело значение поворотного момента в истории классовой борьбы. Перепуганные этим первым в Германии массовым рабочим восстанием прусские либералы пали в 1848 г. на колени перед своим абсолютистско-феодальным правительством, вместо того чтобы возглавить борьбу за его свержение. Совсем иное влияние оказало восстание 1844 г. на немецкий пролетариат. Всю Германию облетела «Песня ткачей», этот, по выражению Маркса, смелый боевой клич силезских повстанцев; в «Песне ткачей» пролетариат «...резко, ясно, беспощадно и властно» заявлял «о своей противоположности обществу частной собственности»[2].

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 19.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. III, стр. 15.

* * *

В 40-х годах XIX века появились бессмертные творения Карла Маркса и Фридриха Энгельса, создавших могучее духовное оружие пролетариата. Возникновение марксизма было поистине величайшим революционным переворотом в философии, в науке, в освободительном движении народных масс. Уже в своих ранних произведениях Маркс и Энгельс заложили основы теории пролетарской революции. Накануне революции 1848 г. они основали боевую международную пролетарскую организацию — Союз коммунистов и выдвинули лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» В феврале 1848 г. вышел в свет «Манифест Коммунистической партии»— великое произведение, значение которого в немногих, но исчерпывающих словах определил В. И. Ленин: «В этом произведении с гениальной ясностью и яркостью обрисовано новое миросозерцание, последовательный материализм, охватывающий и область социальной жизни, диалектика, как наиболее всестороннее и глубокое учение о развитии, теория классовой борьбы и всемирно-исторической революционной роли пролетариата, творца нового, коммунистического общества»[1].

Замечательные слова, с которых начинается «Манифест Коммунистической партии»: «*Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма*», превосходно резюмируют то существенно новое и самое важное, что принесло человечеству социально-экономическое и идейное развитие Европы к концу 40-х годов XIX в.

Освещая итоги революционного движения в европейских странах в 1847 г., Энгельс писал: «Всюду за спиной буржуазии стоит пролетариат. В одних местах он принимает участие в ее борьбе и отчасти разделяет ее иллюзии, как, напр., в Италии и в Швейцарии. В других странах он держится молча в стороне, но под рукою подготовляет свержение буржуазии, напр., во Франции и Германии»[2].

Не касаясь тут вопроса о том, как повлияли эти существенные различия политических позиций пролетариата на судьбы революций, вспыхнувших в 1848 г. (этот вопрос, как и ряд других проблем, будет уместнее рассмотреть в заключительной части книги), отметим, что быстрое формирование и развитие пролетариата в 40-х годах XIX в. в передовых странах того времени именно и представляло наиболее важную особенность исторических условий буржуазных и буржуазно-демократических революций 1848 г., по сравнению со всеми предшествовавшими буржуазными революциями.

Самостоятельных политических движений пролетариата не было и не могло быть в XVII—XVIII вв., и в те времена пролетариат еще не мог выступать в роли гегемона буржуазной революции.

И. В. Сталин писал: «В 18-м столетии французская буржуазия была вождём французской революции, но почему? Потому, что французский пролетариат был слаб, он не выступал самостоятельно, он не выставлял своих классовых требований, у него не было ни классового сознания, ни организации, он шёл тогда в хвосте у буржуазии, и буржуазия пользовалась им, как оружием для своих буржуазных целей»[3].

Иное положение к середине XIX в. было в передовых странах того времени: пролетариат уже имел некоторый опыт самостоятельных политических выступлений. Во Франции в 1848 г. пролетариат уже начинал

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 32.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 248.
[3] И. В. Сталин. Соч., т. 2, стр. 61.

борьбу с буржуазией за овладение руководством буржуазно-демократической революцией. И более того, в июне 1848 г. в столице этой страны, впервые в истории человечества, борьба пролетариата поднялась на вершину открытого вооруженного восстания против классового господства буржуазии. «Это была борьба за сохранение или уничтожение *буржуазного* строя»[1],— писал Маркс об июньском восстании парижских рабочих. Это была попытка пролетарской революции, первый провозвестник того величайшего в мировой истории события, которое совершилось в 1917 г. в нашей стране.

Противоположность и коренные отличия пролетарской революции от революции буржуазной, указанные нашим великим учителем И. В. Сталиным[2], видит теперь весь мир. В отличие от буржуазных революций, Великая Октябрьская социалистическая революция принесла народам СССР не изменение форм эксплуатации, а полное уничтожение всякой эксплуатации, не формальную демократию, скрывающую диктатуру озверелых врагов трудового народа—империалистов, а подлинно народную власть—Советское социалистическое государство.

* * *

Революции не происходят вне тех особых исторических условий, которые В. И. Ленин назвал революционной ситуацией.

В трудах В. И. Ленина было дано классическое определение сущности революционной ситуации:

«Каковы, вообще говоря, признаки революционной ситуации? Мы наверное не ошибемся, если укажем следующие три главные признака: 1) Невозможность для господствующих классов сохранить в неизмененном виде свое господство; тот или иной кризис «верхов», кризис политики господствующего класса, создающий трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов... 2) Обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов. 3) Значительное повышение, в силу указанных причин, активности масс, в «мирную» эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых, как всей обстановкой кризиса, *так и самими «верхами»*, к самостоятельному историческому выступлению»[3].

Признаки, указанные В. И. Лениным, были налицо в 1847—1848 гг. почти во всех странах Европы.

Времена повсеместного господства феодальных порядков миновали. Задолго до событий 1848 г. начался период победы и утверждения капитализма в передовых странах мира. В условиях характерной для этой эпохи сравнительной плавности развития капитализма возник, одновременно в ряде стран, глубокий кризис политики господствующих классов. Кризис «верхов» был неотвратим в тех странах Европы, где, невзирая ни на требования капиталистического развития, ни на растущие народные волнения, грозившие самому существованию тогдашних «верхов», насильственно, в неизменном виде, сохранялись феодально-абсолютистские порядки.

Нужда угнетенных классов повсюду и уже в течение многих лет возрастала непрерывно, в одних странах Европы — преимущественно под влиянием промышленной революции, в других — в связи с усилением феодальной эксплуатации и национального гнета. И во второй половине 40-х годов почти во всей Европе произошло обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 23.
[2] См. И. В. Сталин. Соч., т. 8, стр. 21—22.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 189—190.

Еще в 1844 г. в Бельгии и Голландии обнаружился значительный неурожай картофеля. В 1845 г. недород, причиненный так называемой картофельной болезнью, представлял уже почти общеевропейское бедствие. Картофельная болезнь распространялась в общем от северо-востока к западу и на юго-запад, поражая, впрочем, не одновременно и не в одинаковой мере различные страны Западной, Центральной и Южной Европы.

Во многих странах Европы с картофельной болезнью, повторившейся в 1846 и 1847 гг., совпал неурожай хлеба и других полевых культур. Сотни тысяч людей умирали голодной смертью или погибали от быстро распространявшихся эпидемических заболеваний, от тифа и холеры.

Другой причиной резкого обострения нужды трудящихся масс, причиной, порожденной самим капиталистическим способом производства, был очередной кризис перепроизводства, тяжелый торгово-промышленный кризис, разразившийся в 1847 г., вызвавший безработицу невиданных ранее размеров и чрезвычайно обостривший все классовые противоречия.

Значительное и повсеместное повышение активности народных масс в 1847 г. было закономерным результатом перечисленных причин: усиленной эксплуатации, непомерной дороговизны основных продуктов питания, торгово-промышленного кризиса. Маркс писал: «В 1847 г. дороговизна вызвала во Франции, как и на всем континенте, кровавые столкновения»[1]. Действительно, повсюду поднимались, восставали или готовились к восстанию трудящиеся массы: пролетариат, полупролетариат и крестьянство различных стран Европы, люди разных национальностей и разной степени политического развития: чартисты — организованные рабочие Англии, и разобщенные ирландские крестьяне; пролетарии Парижа, частью уже знакомые с коммунистическими сочинениями Кабе и Дезами, и бретонские хлебопашцы, не знавшие французского языка; долго смирявшиеся немцы и часто восстававшие славянские народы Австрийской империи — чехи, поляки, словаки, хорваты, галицийские украинцы. Скованные одной цепью — габсбургской властью, эти славянские народы были, однако, далеки от понимания своей первоочередной задачи: совместно с революционными силами Европы бороться за полное уничтожение Габсбургской монархии, за повсеместную победу буржуазно-демократической революции.

Революционная ситуация общеевропейского масштаба сложилась. Во многих странах Европы была налицо и та сила, без которой, как учил В. И. Ленин, революция невозможна даже и при наличии революционной ситуации: этой силой были революционные классы, способные к массовым действиям, достаточно сильным «...чтобы сломить (или надломить) старое правительство, которое никогда, даже и в эпоху кризисов, не «упадет», если его не «уронят»[2].

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 7

[2] В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 190.

Глава первая

ФРАНЦИЯ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ 1848 Г.

КЛАССОВАЯ СУЩНОСТЬ ИЮЛЬСКОЙ МОНАРХИИ

Характеризуя классовую сущность Июльской монархии, Маркс писал: «При Луи-Филиппе господствовала не французская буржуазия, а лишь *одна* ее *фракция*: банкиры, биржевые и железнодорожные короли, владельцы угольных копей, железных рудников и лесов, часть примыкающего к ним крупного землевладения — так называемая *финансовая аристократия*. Она сидела на троне, она диктовала в палатах законы, она раздавала государственные должности, начиная с министерства и кончая патентом на торговлю табаком»[1].

Диктатура банкиров

Интересам финансовой аристократии была подчинена вся внутренняя и внешняя политика французского правительства с 1830 по 1848 г. Конституционная хартия 1814 г. подверглась в 1830 г. очень незначительным изменениям: число избирателей, не превышавшее при реставрации 100 тыс. чел., увеличилось после революции 1830 г. лишь до 240—250 тыс.

Король Луи-Филипп, крупнейший во Франции лесовладелец и финансист, был лично заинтересован в сохранении своекорыстного господства финансовой аристократии. По выражению Маркса, Июльская монархия была не чем иным, как акционерной компанией для эксплуатации французского национального богатства. Отпрыск древнего рода герцогов Орлеанских, Луи-Филипп был в точном смысле слова «королем-буржуа», главарем той акционерной компании, которая грабила Францию. Неофициальными, но наиболее влиятельными советниками короля, его «подлинными министрами»[2] были биржевые короли, банкиры Ротшильд и Фульд.

Правительство, высшая военная и гражданская администрация, члены палат и избиратели вместе со своими прихвостнями, в общем около 300 тыс. семейств, были соучастниками акционерного общества «Луи-Филипп, Ротшильд и К°».

Классовая сущность политики Луи-Филиппа определилась в первые же годы его царствования. Осенью 1831 г. Франция еще не вполне оправилась от тяжелой экономической депрессии, продолжавшейся два года.

---

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв., 1949, т. 1, стр. 111—112.

[2] См. Ф. Энгельс. Правительство и оппозиция во Франции. «Пролетарская революция», 1940, № 4, стр. 126.

В сентябре 1831 г. парижский префект Вивьен докладывал об упадке торговли, о многочисленных банкротствах, о безработице, нищете и голоде 40 тыс. парижских рабочих. И тем не менее тогда же, в 1830—1831 гг., невзирая на бедственное положение народных масс, правительство Луи-Филиппа, руководствуясь интересами финансовых акул, увеличило налоги и, более того, создало именно из беднейших слоев населения новые контингенты налогоплательщиков. Законы, укреплявшие экономическое и политическое могущество финансовой знати, принимались палатой депутатов, в составе которой, наряду со ставленниками высшей бюрократии, банкиров и крупных помещиков, были также и представители промышленной буржуазии.

Но несмотря на промышленный рост Франции, число депутатов, выражавших интересы промышленной буржуазии, сокращалось. Характеризуя социальный состав палаты депутатов в последние годы царствования Луи-Филиппа, Энгельс писал: «Нынешняя законодательная власть больше, чем всякая предшествующая, является воплощением слов Лафитта, сказанных им на следующий день после июльской революции: «Отныне править Францией будем мы, банкиры»[1].

Подчеркивая, что в 40-х годах биржевики все более стесняли деятельность промышленников на внутреннем и внешнем рынках, Энгельс отмечал перемену и в количественном соотношении сил в палате депутатов. Шансы промышленников, писал Энгельс, падают с каждым годом, и «...их партия в палате депутатов, составлявшая раньше половину, теперь насчитывает едва лишь треть депутатов»[2].

Этими указаниями уточняется характеристика социального состава «верхов», правивших Францией в последние годы Июльской монархии. Вместе с тем определяется и одна из важнейших причин обострения противоречий внутри той коалиции банкиров, крупных промышленников и отчасти крупных землевладельцев, которая была названа Марксом финансовой аристократией: индустриальный рост Франции и развитие капитализма в сельском хозяйстве сопровождались не усилением, а ослаблением политического влияния промышленной буржуазии и буржуазных землевладельцев. Диктатура банкиров,—таков был социально-политический строй Франции в 40-е годы. Эта диктатура непрестанно ухудшала положение народных масс и вредила интересам промышленной и торговой буржуазии, интересам земледелия и судоходства.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПОЛОЖЕНИЕ ФРАНЦУЗСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В 40-х ГОДАХ XIX В.

Крестьянское парцеллярное хозяйство и издольщина в годы Июльской монархии

Аграрный вопрос в том значении, которое он имел в абсолютистско-феодальной Франции, навсегда отошел в прошлое после двух буржуазных революций 1789—1794 гг. и 1830 г. Революция конца XVIII в. расчистила путь для господства буржуазии, революция 1830 г. закрепила победу буржуазии над дворянством. Силы землевладельческой аристократии были сломлены, но революция 1830 г. не изменила значения сельского хозяйства как одной из основ экономиче-

---

[1] Ф. Энгельс. Правительство и оппозиция во Франции. «Пролетарская революция», 1940, № 4, стр. 126.

[2] Ф. Энгельс. Закат и близость падения Гизо. «Пролетарская революция», 1940, № 4, стр. 132.

ского развития Франции. В 1845 г. две трети ее населения — 24 млн. человек — были сельскими жителями.

Буржуазные историки обычно не отрицают отсталости французского сельского хозяйства в первой половине XIX в. Они отмечают, например, тот факт, что посевная площадь Франции увеличилась с 1815 по 1852 г. лишь с 23 до 26 млн. га и что урожайность пшеницы в тот же период возросла с 10 только до 13,5 гектолитра. Описывая возникновение и развитие новых культур, картофеля и сахарной свеклы, французские историки отмечают застой в других отраслях хозяйства, равно как и характерные для французской деревни технико-экономические контрасты: распространение усовершенствованного плуга Ровилля на севере и сохранение примитивной сохи на юге.

Однако как самая постановка вопроса о развитии сельского хозяйства во Франции, так и оценка результатов этого развития к 1848 г. в работах буржуазных историков глубоко ошибочны.

Франция этого времени была страной с громадным численным преобладанием мелкого хозяйства, мелких и мельчайших крестьянских владений. Существовавшие тогда же крупные и средние поместья, принадлежавшие буржуазии и дворянству, также дробились на мелкие участки, сдававшиеся в аренду или исполу, и лишь в некоторых департаментах помещичьи земли представляли собой в точном смысле слова крупное капиталистическое хозяйство.

Процесс парцеллирования, обычно идеализируемый в буржуазной литературе, чрезвычайно стеснял развитие производительных сил Франции: он задерживал рост населения, тормозил развитие сельскохозяйственного и промышленного производства. Глубокие замечания о закономерностях развития мелкого, парцеллярного хозяйства в условиях капиталистического способа производства были высказаны Марксом в «Капитале» и других его трудах. «Мелкая земельная собственность,— писал Маркс,—по самой своей природе, исключает развитие общественных производительных сил труда, общественные формы труда, общественную концентрацию капиталов, скотоводство в крупных размерах, прогрессивное применение науки»[1]. Экономическим законом развития парцеллярной собственности было «прогрессивное ухудшение условий производства и вздорожание средств производства»[2].

В условиях капитализма на протяжении первой половины XIX в. существенно изменилась и историческая роль парцеллы, ее положение в буржуазном обществе. Еще в начале XIX в., при Наполеоне I, раздробление земельной собственности дополняло собой торгово-промышленный рост страны («...свободную конкуренцию и возникающую крупную индустрию в городах»[3]). В следующие же десятилетия, т. е. при Реставрации и Июльской монархии, парцелла крестьянина «...представляет только предлог, позволяющий капиталисту извлекать из земли прибыль, процент и ренту, предоставляя самому земледельцу выколачивать как ему угодно свою заработную плату»[4].

Система измельченных аренд, особенно половничество, резко осуждалась и некоторыми буржуазными публицистами того времени. Редактор провинциальной газеты «Ревю дю Шер» Травене характеризовал половничество как своего рода наихудший вид рабства: половник становится

---

[1] К. Маркс. Капитал, т. III, ч. 2. М., 1949, стр. 820.

[2] Там же, стр. 820. Ср. К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв., 1949, т. I, стр. 295.

[3] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв., 1949, т. I, стр. 295.

[4] Там же, стр. 296.

вечным должником земельного собственника. Если половнику и удавалось извлечь небольшой доход из арендуемой им фермы, то владелец земли тотчас же по окончании договорного, чаще всего кратковременного, срока навязывал своему издольщику еще более тяжелые условия аренды. Половник впадал в отчаяние: «фатальный урок» лишал издольщика предприимчивости, творческой энергии, и арендуемое имение возвращалось в свое исходное состояние жалкой запущенности.

«Ярость парцеллирования», писал другой современник той же эпохи Рандю, порождалась своекорыстием собственников. Земельные собственники наживались за счет крестьянской нужды; используя малоземелье крестьян, они повышали стоимость именно мелких и мельчайших аренд.

Налоговые тяготы крестьян

Принято считать, что поземельный налог при Луи-Филиппе увеличился с 260 до 300 млн. фр. Учитывая также налоги, взимавшиеся при переходе земельных владений из одних рук в другие, следует определить сумму поземельного налога в 560 млн. фр., что составляло около половины всего государственного бюджета. Французский буржуазный историк Шарлети, считавший, что этот налог поглощал целую треть чистого дохода земледельца, не отмечал, однако, того, что по крайней мере так же велико было и бремя процентов, взимавшихся с земельной собственности, отданной под залог. Система государственных податей создавала множество затруднений, тормозивших и даже вовсе прекращавших развитие различных отраслей сельского хозяйства.

Старинный налог феодальной эпохи—«октруа», взимавшийся с ввозимых в город продовольственных товаров, удорожал их цены, стеснял их сбыт. Налог на соль, уничтоженный буржуазной революцией XVIII в., но вновь введенный при Наполеоне I, приносил и в своем новом виде большой вред французскому земледелию. Соль была нужна и скотоводу, и хлебопашцу, и огороднику, но чрезмерное повышение цен на соль, представлявшую монополию казны, препятствовало приобретению ее в необходимом количестве.

Налоговые тяготы в значительной мере порождались самой системой административно-государственного строя Июльской монархии. Во Франции было множество мелких поселков: в общем числе 36 819 общин, существовавших перед революцией 1848 г., около 20 % селений были деревнями, насчитывавшими 300 и менее чем 300 жителей. Жители мелких селений были поставлены правительством перед альтернативой: или отказываться от устройства школ, больниц и других общественных учреждений, содержащихся за счет местных средств, или же обременять себя дополнительным налогом, так называемыми «дополнительными сантимами». В буржуазной историографии вопрос о «дополнительных сантимах» слабо освещен, а между тем это одна из важных страниц истории французской деревни рассматриваемого времени. Общая сумма «дополнительных сантимов» была если не во всей, то в значительной части Франции так велика, что, по свидетельству одного из тогдашних экономистов, она даже превышала «основную сумму налога».

Чрезвычайно большую роль в задержке развития сельского хозяйства, промышленности и торговли во Франции играла и неразвитость кредита. Широкое развитие кредита могло понизить ссудный процент, и поэтому оно было нежелательно для Ротшильдов и Фульдов, фактически управлявших Францией.

В области поземельного кредита Франция отставала не только, например, от Шотландии, где благодаря организации сельскохозяйственного кредита удалось снизить уровень ссудного процента с 7—8 до 3,5—4, но и от Бельгии и даже германских государств.

Рост пауперизма

Многочисленные показания современников революции 1848 г., равно как и тайная переписка префектов с правительством, свидетельствуют, что пауперизм, закономерно выраставший в описанных условиях аграрного развития Франции и происходившей тогда промышленной революции, распространялся и усиливался в общем повсюду, во всех районах Франции.

Департамент Нижней Шаранты в 1845 г. был, говоря словами официального документа, «наводнен» множеством взрослых и здоровых нищих «не местного происхождения».

Во многих крестьянских семьях в Бретани не было ни простыни, ни одеяла, чтобы завернуть новорожденного ребенка; у матерей, вследствие голодания, пропадало молоко.

По словам буржуазного историка Анри Сэ, северный район был наиболее процветавшей областью Франции. Однако из неопубликованных архивных материалов о пауперизме мы узнаем, что именно в департаменте Нор, т. е. в Северном департаменте, к 1840 г. очень быстро возрастала нищета. В наиболее промышленном департаменте Нижней Сены нищенство, по признанию самих местных властей, еще до кризиса 1848 г. достигло небывалых размеров и грозило «затопить» весь этот край. В департаменте Сены-и-Марны, т. е. рядом с «процветавшим» краем, по показанию одного из местных мэров, двери домов по 12—15 раз в день осаждались нищими. Подобные же сообщения поступали и из других районов.

В департаменте Роны, по выражению, встречающемуся в официальном докладе, уже в 1840 г. были «мириады» пришлых пауперов как из числа безработных пролетариев, так и крестьян, покинувших свои деревни.

Коммерческое рыбоводство было одной из важнейших причин обнищания крестьян в департаменте Тарн-и-Гаронна. Помещичьи водохранилища затопляли и обесценивали крестьянскую землю, а крестьяне—арендаторы помещичьей земли одновременно сгонялись владельцами. «Так земельные собственники Домба приносили крестьянина в жертву своим выгодам»,— писал современник Июльской монархии, проводя аналогию с английскими лордами, сгонявшими крестьян с земли для разведения овечьих стад.

Классовая дифференциация крестьянства. Положение сельской бедноты

По официальным данным, в середине XIX в. во Франции насчитывалось 7 846 000 сельских собственников. Но почти что половина этих «собственников» была освобождена от налогов по бедности. Лафарг правильно указывал, что «собственность», которая оказывалась недостаточной для того, чтобы прокормить крестьян, была лишь средством прикрепления этих крестьян к деревне в качестве поденщиков, работающих у крупных землевладельцев, или, добавим, в качестве их постоянно эксплуатируемых издольщиков.

Данные о налоговом обложении крестьян и о различии их жизненных условий в известной мере восполняют недостатки статистики распределения земельной собственности. Так, например, в департаменте Ньевр в 1844 г. были следующие три категории крестьян-налогоплательщиков.

П е р в а я к а т е г о р и я. Размер годового налога: от 120 до 150 фр. Это — владельцы земельных участков, достаточных, чтобы прокормиться продуктами своего труда; это — также и владельцы нескольких арпанов земли, дополняющие недостаток дохода от собственной земли обработкой чужих земель или занимающиеся извозом. По словам современника, описавшего положение сельского населения в департаменте Ньевр в 1844 г., эти земледельцы почти всегда пользовались «достатком», но, «бережливые до скупости», они часто отказывали себе «в жизненно необходимом» и жили «как самые бедные крестьяне».

Вторая категория. Размер налога: 35 фр. Это — крестьяне, владеющие лишь парцеллами, вынужденные постоянно работать на других.

Третья категория. Размер налога: от 3 до 20 фр. Это — крестьяне «безземельные, владеющие всего лишь несколькими арами или виноградником, которые существуют только продажей своей рабочей силы, пролетарии».

Крестьяне последних двух категорий влачат самое жалкое существование: у них «плохо освещенное и сырое жилище, чаще всего без окон»; мяса они никогда не потребляют; «два раза в день они едят тюрю, в которой вода обильно растворяет небольшое количество молока»; визит врача обходится в 6 фр., а лекарства продаются крестьянину много дороже своей нарицательной цены; поэтому крестьяне не лечатся, а «предпочитают умирать».

Значение общинных земель и «прав пользования» в экономике французской деревни 40-х годов

Касаясь вопроса об общинных землях и обычных правах крестьян — права собирать колосья, оставшиеся на чужих землях после жатвы, пользоваться общественными выгонами и т. д., — Лафарг писал: «Древние права крестьян были уничтожены в первые 40 лет настоящего [девятнадцатого] столетия». Это указание не точно: «права пользования» уничтожались, но еще не были уничтожены в указанный Лафаргом срок. На территории крупного, капиталистического хозяйства, т. е., например, в департаменте Нор, действительно, задолго до революции 1848 г. исчезли общинные земли, общественные выгоны: это был район многопольного севооборота, искусственного травосеяния, район крупных ферм с применением наемного труда и некоторых машин. Но на громадном пространстве мелкого и мельчайшего крестьянского землевладения в той или иной мере древние «права пользования» и остатки общинных владений уцелели, и борьба крестьян за их сохранение имела очень важное значение во взаимоотношениях сельской буржуазии и сельской бедноты. В условиях быстрого обнищания крестьян неприкосновенность уцелевших остатков общинных владений и хотя бы частичное сохранение исконных «прав пользования» (пастьба скота на общественных выгонах, собирание колосьев, остатков винограда, сухих сучьев, соломы) представляло буквально жизненный вопрос для каждого бедняка — владельца парцеллы. Уничтожить общинные владения и отнять у крестьян «права пользования» — значило разорить его окончательно. Утратив последние остатки своей независимости, пролетаризованный крестьянин должен был бы чаще и дешевле продавать свою рабочую силу. Но в этом и была заинтересована вся сельская буржуазия: разбогатевшая верхушка крестьянства, горожане, купившие землю, помещики, происходившие из дворян. В идеологическом «оправдании» этого ограбления крестьянской бедноты не было недостатка: буржуазные агрономы неустанно в течение целого столетия доказывали несовместимость более высокой сельскохозяйственной культуры, например, многопольного севооборота, с общественными выгонами и прочими остатками общинных порядков.

Не решаясь издать закон о ликвидации общинных владений, правительство Июльской монархии все-таки нанесло тяжелый удар крестьянской бедноте тем, что разрешило при определенных условиях сдавать общинные владения в аренду частным лицам. Как только началось применение этого закона, немедленно же, в разных частях Франции, возобновились крестьянские волнения.

Крестьянские волнения в 40-х годах.

Французский историк-коммунист Альбер Собуль, правильно отметивший тот факт, что «бои за права пользования и сохранение традиционных условий жизни превратились в классовые конфликты», дал первый в исторической литературе очерк крестьянских движений 40-х годов. Главное место

в работе Собуля занимают, правда, крестьянские выступления в период революции 1848 г. Но и тот краткий перечень крестьянских движений, который дает возможность судить о положении деревни в 1844—1846 гг., представляет бесспорную ценность, поскольку он приоткрывает одну из важнейших страниц истории Франции.

Волнения на почве тех или иных покушений, совершавшихся в отношении общинных владений, происходили в декабре 1844 г. и январе 1845 г. в Сен-Любесе (департамент Жиронда); в первые месяцы 1845 г.— в Сен-Марселе (департамент Изер); в декабре 1845 г.— в Фрозионе (департамент Нижняя Луара); в марте 1846 г.— в нескольких деревнях округа Фонтенбло; тогда же, весной 1846 г.— в департаменте Кот-дю-Нор.

Наряду с конфликтами, возникавшими на почве борьбы за общинные владения и «права пользования», повсеместно во Франции происходили (каждый раз, когда страна претерпевала большие неурожаи) продовольственные волнения, в которых крестьянская беднота, сельский пролетариат и полупролетариат, играла активную и часто инициативную роль.

Организационно-политическое сплочение буржуазных землевладельцев в последние годы Июльской монархии

В статье И. В. Сталина «Перспективы» имеется чрезвычайно важное для историка Июльской монархии указание: «От начала буржуазной революции на Западе до первых попыток пролетарской революции прошло более полстолетия, в продолжение которого крестьянство успело выделить мощную и влиятельную в деревне сельскую буржуазию, послужившую соединительным мостом между крестьянством и крупным капиталом города и закрепившую тем самым гегемонию буржуазии над крестьянством»[1].

Общность интересов эксплуататоров деревенской бедноты—разбогатевших крестьян и помещиков, принадлежавших по своему происхождению к дворянству, а также и помещиков из среды городской буржуазии—уже сама по себе цементировала этот «соединительный мост». Но, сверх того, в годы Июльской монархии, особенно в последние ее времена, стали приобретать большое значение и средства организационно-политического сплочения буржуазных землевладельцев как классовых противников сельской бедноты и в то же время как обособленной от других фракций буржуазии «партии земледельческих интересов».

Немногочисленные сельскохозяйственные общества и так называемые «комиции» существовали во Франции еще в XVIII в. Но они стали широко распространяться лишь после буржуазной революции 1830 г. Комиции — это добровольные объединения зажиточных землевладельцев, отличавшиеся от сельскохозяйственных обществ преобладанием в них чисто практических, коммерческих интересов. Местные комиции подразделялись на секции; каждая секция имела свою область деятельности. Даже в отсталой Бретании именно комиции способствовали введению лучших сельскохозяйственных орудий. В пяти департаментах, составлявших провинцию Нормандию, комиции в 1846 г. имели свой периодический орган — «Сельскохозяйственная Нормандия». В департаменте Эн, где комиции характеризовались в 1846 г. как учреждение «недавно возникшее», был свой журнал — «Комиция, ежемесячный бюллетень земледелия и садоводства». Были и в других частях Франции местные печатные органы, издаваемые комициями и сельскохозяйственными обществами.

Характерным показателем организационного роста зажиточных, буржуазных слоев сельского населения является общая численность всех комиций и обществ, существовавших во Франции в 1846 г.: их было более 800.

---

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 5, стр. 121.

Пропаганда объединения землевладельцев в «четвертую» политическую силу

Представители буржуазной верхушки сельского населения видели, однако, в комициях и обществах того времени лишь «элемент силы», не более как «зародыш» института, имевшего, по их мнению, большую будущность. По выражению современников, они еще не завоевали в государстве положения «четвертой власти», т. е. еще не стали такой же влиятельной силой, какими были тогда политические партии и группировки банкиров. крупных промышленников и торговцев.

В газете Эмиля де Жирардэна «Пресса» осенью 1845 г. появилась статья горячего защитника сельскохозяйственных съездов, агронома д'Авринкура. Но д'Авринкур, сам дворянин, рекомендовал земледельцам следовать примеру англичан — собираться под знамена крупных землевладельцев-аристократов, под знамена «торизма». Критикуя статью д'Авринкура, «Журнал практической агрикультуры» пропагандировал иную идею: политическое сплочение земледельцев и землевладельцев вне зависимости от различий их социального происхождения и без гегемонии крупной земельной собственности.

«Глубокая разница существует ныне между тенденциями индустриального и земледельческого развития»,— писал весной 1846 г. Лефур, один из противников д'Авринкура. Банковский кредит, средства железнодорожного транспорта стали монополиями; во французском обществе сформировались сильные корпорации, более могущественные, чем те, которые были разрушены буржуазной революцией XVIII в. Необходимо создание особого министерства земледелия. Но прежде всего надо «завоевать положение в парламенте», надо иметь партию земледельческих интересов в законодательном корпусе. В этом — главнейшая задача земледельцев: «могущественная земледельческая партия в парламенте,— таков должен быть ныне лозунг всех людей земли...»

Лефур, конечно, понимал всю необычность лозунга, обращенного одновременно к крестьянину, буржуа и дворянину. Поэтому он пояснял, что прежние политические партии за 15 лет модифицировались; материальные интересы, «заменив собой страсти политические, поставили многие вопросы по-другому...» Времена феодальной знати во Франции прошли. И «люди земли», отодвигая прочь «старые предубеждения», должны избирать в депутаты «людей земли».

РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ТОРГОВЛИ ВО ФРАНЦИИ В 30—40-х ГОДАХ XIX В.

Особенности индустриального развития Франции

Промышленная революция, начавшаяся во Франции задолго до воцарения Луи-Филиппа, могла бы, казалось, в течение его—почти двадцатилетнего — царствования поставить Францию по уровню ее индустриального развития в один ряд с Англией. В действительности же распространение фабричного производства тормозилось множеством препятствий. Важнейшими из них были, конечно, охарактеризованные выше аграрные особенности. По замечанию Маркса, характеристика французской промышленности, вытекающая из системы землевладения, была хорошо изложена бароном Дюпеном, который писал: «Так как Франция — страна распыленной земельной собственности, мелких земельных участков, то она также *страна распыленной промышленности, мелких мастерских*»[1].

---

[1] «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», т. II (VII), М., 1933, стр. 251.

Продолжавшееся в 30—40-х годах дробление земельной собственности и измельчание хозяйств задерживали рост населения и тормозили приток рабочей силы в города, поскольку часть сельского населения, хотя и бедствовала постоянно, но не покидала деревню. Часть мелких собственников, несомненно, имела сбережения. Но, как указывал Маркс, как раз здесь, где сбережения и накопления имеются в относительно высокой степени, и их наличие возможно при данных обстоятельствах, *образованию капитала*, относительно говоря, и *развитию капиталистического производства* по сравнению с Англией мешают как раз те экономические условия, которые благоприятствуют накоплению и т. д.[1]

Здесь уместно напомнить и о чрезвычайно важном обобщающем замечании И. В. Сталина, указавшего на то, что общая для капиталистических стран причина сравнительно медленной индустриализации, в отличие от условий быстрой социалистической индустриализации, заключается в самом направлении индустриализации: в капиталистических странах индустриализация обычно начинается с легкой промышленности. «Только по истечении длительного срока, в течение которого лёгкая промышленность накопляет прибыли и сосредоточивает их в банках, только после этого наступает очередь тяжёлой промышленности и начинается постепенная перекачка накоплений в тяжёлую индустрию...»[2].

Но, как уже сказано выше, в годы Июльской монархии банки были достоянием олигархии биржевиков, орудием их экономического и политического господства. Поэтому во Франции даже и рост легкой промышленности был стеснен засилием банкиров.

Даже в 1839 г. лишь очень немногие коммерческие центры располагали сравнительно благоприятными условиями кредита. Это были Париж, Марсель, Лион, Бордо и Нант. Торгово-промышленный кредит был ограничен, затруднен, и в то же время достигла небывалого развития биржа, арена скандальных махинаций французских финансистов.

Яркую характеристику биржи дал в 1841 г. торгово-промышленный «Мемориал»: «У парижской биржи нет больше ничего действительно коммерческого... Реально биржа — не более. как притон. Все это знают, все это видят, об этом говорят... притон, однако, продолжает все более и более разорять промышленность и в своей триумфальной безнаказанности представляет зрелище таких деяний, сказать о которых: «каторжные подвиги» — значило бы выразиться уменьшительными словами».

С 1841 г. по 1848 г. правительство учредило несколько банкирских контор — отделений Французского банка. В отчете за 1844 г. фигурируют 11 контор. Но, даже учитывая все конторы Французского банка и все провинциальные банки, едва удается насчитать 25% городов — департаментских центров, где существовали эти конторы.

Промышленная революция могла быть, однако, лишь замедлена, но не приостановлена своекорыстной политикой финансовой аристократии. Число паровых машин увеличилось в 1830—1848 гг. с 616 до 4853, импорт хлопка лишь в период с 1830 по 1840 г. почти удвоился, фабричная организация производства укреплялась в хлопчатобумажном, шерстяном, шелкопрядильном (размотка и крутка шелка), льнопрядильном, бумаготкацком, ситцепечатном, бумажном, ленточном производствах и в некоторых других отраслях легкой промышленности. Тяжелая индустрия переходила от древесного к каменноугольному топливу. Значительная часть трудящихся масс Франции — полупролетариат ремесл и мануфак-

[1] См. «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», т. II (VII), М., 1933. стр. 249.

[2] И. Сталин. Речи на предвыборных собраниях избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы. Госполитиздат, 1949, стр. 24.

тур, частично также мастера и крестьяне, имевшие ранее свое мелкое самостоятельное хозяйство,—превратилась под влиянием промышленной революции и прочих условий капиталистического развития в новый общественный класс—фабричный пролетариат. Это означало, что во Франции сложился и основной эксплуататорский класс: крупная промышленная буржуазия, кадры которой ранее, до 1830 г., только еще формировались.

Рост промышленной буржуазии в Англии повлек за собой изменение ее положения в государстве: парламентская реформа 1832 г. привела английскую промышленную буржуазию к участию во власти. Во Франции же, наперекор интересам промышленной буржуазии, одновременно с успехами промышленной революции возрастало политическое влияние банкиров.

Внешняя торговля Франции в 1830—1848 гг.

После июльской революции 1830 г. во Франции не могла уже продолжаться та нелепая политика непризнания республик Латинской Америки, которую диктовал правительству Бурбонов «Священный союз».

Быстрый рост торговли Англии и Франции с молодыми южноамериканскими государствами, только что освободившимися из-под власти Испании и Португалии, представляет важный факт в экономической истории 30—40-х годов XIX в. В 1846 г., например, в одну только Бразилию Франция вывезла товаров на $17\frac{1}{3}$ млн. фр., что в том же году превысило на $1\frac{1}{3}$ млн. фр. весь французский экспорт в Россию, с которой у Франции имелись давние торговые связи. Но было бы большой ошибкой, опираясь на показатели роста торговых оборотов, делать вывод об удовлетворенности французских купцов существовавшими в годы Июльской монархии условиями торговли.

Рост торговли Франции с Америкой не компенсировал недостаточного развития коммерческих связей Франции со многими европейскими государствами. Французские коммерсанты были недовольны состоянием торговли Франции с Россией, Швецией, Данией, Ганновером, Мекленбургом, Голландией, Бельгией, Португалией и Австрией. Так, например, с 1836 по 1846 г. французский импорт из Швеции удвоился, а экспорт в эту страну не только не вырос, но даже уменьшился. Прямые указания на недостаточность сбыта французских текстильных товаров были сделаны правительству осведомленным коммерческим агентом Ароисоном, автором подробной докладной записки о внешней торговле Франции в 40-х годах.

Среди документов, исходивших из среды промышленников, обращает на себя внимание заявление Сен-Кантенской торговой палаты префекту департамента Эн, представленное в 1844 г. Палата просила восстановить утраченные французской промышленностью позиции на рынках Италии, Германии, Испании.

Таможенная политика правительства Луи-Филиппа

Июльская монархия унаследовала систему строгого протекционизма, т. е. систему полных импортных запрещений по отношению к одним товарам и высоких запретительных тарифов — по отношению к другим. Правительству Луи-Филиппа пришлось, однако, поставить перед собой проблему тарифных преобразований. На путь тарифной реформы толкали даже чисто фискальные, правительственные интересы. Были и особые причины, заставлявшие правительство постоянно думать о реформе таможенного режима. Международная обстановка вынуждала Луи-Филиппа с первых дней царствования искать сближения с Англией. Тогда и возникла первая англо-французская антанта — детище Талейрана и Пальмерстона, противопоставлявших англо-французское «сердечное согласие» союзу трех феодально-абсолютистских монархий: России, Австрии и Пруссии.

В Англии были уверены, что Луи-Филипп, воцарение которого было встречено очень холодно в Австрии и резко враждебно в России, согласится, если и не «сердечно», то по соображениям политическим, изменить существовавший тогда, ненавистный для Англии, французский запретительный таможенный режим. В Англии понимали, что отмена запрещений и снижение пошлин не встретят одобрения большинства членов палаты депутатов; знали, что и сам Луи-Филипп, как крупный лесовладелец, заинтересован в сохранении стеснений для импорта английского угля, и тем не менее англичане упорно требовали от своего союзника реформы таможенного режима.

Не решаясь отменить систему таможенных запрещений, правительство волновало промышленников сомнениями в прочности этой системы, вселяло в них тревогу за будущее, неуверенность в завтрашнем дне. Выступая перед правительственной анкетной комиссией 1834 г. по вопросу о реформе таможенной системы, текстильный фабрикант Мимерель, член нескольких торговых палат, говорил: «Я призван был в 1827, 1829, 1831 и 1832 гг. по поводу предполагаемых перемен в нашем тарифе и теперь, в 1834 г., я опять выступаю перед вами по тому же поводу. Согласитесь, что мануфактурная промышленность, которою играют, как игрушкой, и которая беспрестанно должна опасаться перемен в своей системе производства, не может идти вперед».

В 40-е годы вновь появились планы тарифных преобразований, нежелательных для мелких и средних промышленников и для части купечества. С ведома правительства в августе 1846 г. в Париже образовался, по выражению одного видного промышленника того времени, союз «сектантов», иначе говоря, союз сторонников свободы торговли. В том же году в Бордо возникла «Ассоциация борьбы за свободу обмена», руководимая видным либеральным экономистом Мишелем Шевалье.

Железнодорожный транспорт

Вне железных дорог — нет жизни! Таков был настойчивый лейтмотив заявлений, петиций, статей, с которыми обращались к правительству промышленники и их политические представители. Развитие транспорта в это время буржуазный историк Ж. Лефевр относит к числу правительственных забот и заслуг, но в действительности для Франции, страны наиболее развитой промышленности (по сравнению с другими континентальными государствами Европы), характерно было именно отставание железнодорожного строительства. Причинами его отставания было невнимание правительства к нуждам промышленников и допущение к строительству железных дорог спекулянтов, единственной заботой которых было личное обогащение. И чем отчетливее проявлялся тот характерный для Июльской монархии факт, что строительство железных дорог стимулировалось отнюдь не индустриальными интересами страны, а спекулятивными соображениями кучки финансистов, тем более резкими становились выпады против правительства со стороны промышленников. Так, например, Сен-Кантенская совещательная палата ремесл и мануфактур прямо заявляла, что департамент Эн был обманут: раньше предполагалось провести линию железной дороги от Парижа к бельгийской границе, но ни стратегические, ни экономические соображения не были уважены, и, вопреки первоначальным намерениям, была избрана другая трасса. Всего к началу 1848 г. во Франции было в эксплуатации лишь 1931 км железных дорог. В Англии же в это время было 5192 км используемых путей, и все они имели большое значение, соединяя промышленные центры с портовыми городами. В США только с 1840 по 1848 г. железнодорожная сеть выросла с 4,5 до 7,5 тыс. км; даже в Пруссии в 1848 г. было уже 3424 км железнодорожного пути, т. е. значительно больше, чем во Франции.

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ ВО ФРАНЦИИ ПЕРЕД РЕВОЛЮЦИЕЙ 1848 Г.

Положение французских рабочих в 30-х и 40-х гг.

Положение рабочих заметно ухудшилось в первые же годы Июльской монархии. Превосходно осведомленное о бедствиях пролетариата в 1830—1831 гг. в условиях затянувшейся экономической депрессии, правительство воцарившихся финансистов не постеснялось увеличить налоги и расширить самый контингент налогоплательщиков, включив в него те слои трудящегося населения, которые, по бедности, даже и правительством реставрации от налогов освобождались. «Мы свергли иго родовой аристократии, чтобы подпасть под иго финансовой аристократии»,— с горечью говорили рабочие в 1831 г.

Впоследствии, с 1831 г. по 1848 г., экономическое положение Франции изменялось неоднократно, кризисы и депрессии сменялись периодами промышленного подъема, но массовое обнищание рабочего класса и общее ухудшение условий труда широких слоев пролетариата не прекращались. Каждый этап промышленного подъема означал для рабочего класса Франции не что иное, как рост «резервной армии» труда, рост пауперизма.

Обнищание городских и сельских ремесленников в тех отраслях производства, которые уже были механизированы (например, хлопчатобумажное, шерстяное, льнопрядильное, шелковое производство), антисанитарные, убийственные жилищные условия в фабричных общежитиях, удлинение рабочего дня до 16—18 часов в сутки, хищническая эксплуатация труда детей, принимавшихся на фабрики с шести-семи лет и даже моложе, снижение заработной платы и обсчитывание рабочих посредством мошеннических махинаций с фабричными часами, что удлиняло рабочий день на два, три и даже четыре часа, жестокие и явно несправедливые штрафы, увечья, по большей части вызванные жадностью фабрикантов, заставлявших рабочих чистить механизмы на ходу, в рабочее время, и не ограждавших машины никакими предохранительными приспособлениями,— вот, в кратких чертах, те условия труда и существования рабочих, которые были созданы капиталистическим способом производства во Франции в 20—40-х годах XIX в.

Исследование неопубликованных документальных материалов, включая секретную переписку правительственных лиц и чиновников Июльской монархии, позволяет широко иллюстрировать эту обобщенную характеристику положения фабричного пролетариата.

«По совести сказать,— писал, например, чиновник департамента Сены-и-Уазы в 1842 г., характеризуя положение местных малолетних рабочих, занятых производством шнурков,— арестанты нашей скверной тюрьмы д'Этан живут во всех отношениях в двадцать раз лучше».

«Еще совсем недавно,— писал о положении на бумагоделательных фабриках в 1847 г. другой современник,— несколько детей, из которых старшему едва ли исполнилось 15 лет, а младшему было самое большее лет 10, работали по ночам и под угрозою штрафа принуждались через каждые две недели работать по 24 часа без перерыва».

По закону 1841 г. воспрещалось пользоваться трудом детей моложе 8 лет, а рабочий день детей должен был быть короче, чем у взрослых. Но этот закон почти нигде не выполнялся. Сами законодатели — члены палаты депутатов из числа фабрикантов — грубо нарушали закон 1841 г. и подавали пример хищничества, злоупотреблений. На бумагопрядильной фабрике депутата Фонтэн-Гри дети восьми лет работали по 16 часов в сутки ежедневно. Другой депутат — владелец пенькопрядильной фабрики Мерсье грабил своих малолетних рабочих, получавших всего

по 25 сантимов в день, посредством жестоких штрафов: он взыскивал по 15 сантимов за каждые 15 минут опоздания на работу, т. е. присваивал, сверх прибавочной стоимости, 60% дневного заработка.

Новые исторические условия развития социалистических и коммунистических учений во Франции

Ко времени революции 1830 г. существовали два различных направления социалистической и коммунистической мысли: одно — «мирное», уводившее пролетариат в сторону от революционной борьбы, принявшее в Англии облик оуэнизма, а во Франции — сен-симонизма и фурьеризма; другое направление — революционное, представленное во Франции необабувизмом, т. е. пропагандой Буонарроти и его сторонников.

После буржуазной революции 1830 г. во Франции и парламентской реформы 1832 г. в Англии для европейских стран наступил новый исторический этап.

В Англии и Франции капиталистическое производство, а вместе с ним и новые общественные классы в период между революциями 1830 и 1848 гг. достигли гораздо более значительной степени развития, чем во времена Бабефа и в годы появления первых трудов Сен-Симона, Фурье, Оуэна. Главное же значение имело то обстоятельство, что в период между революциями 1830 и 1848 гг. коренным образом изменились исторические условия классовой борьбы пролетариата. К власти и в Англии и во Франции пришла буржуазия. Рабочему классу противостояло, следовательно, не только экономическое, но и политическое господство буржуазии. Пролетариат даже во Франции, стране, менее развитой, чем Англия, уже выделился из мелкобуржуазной массы «народа» в особый общественный класс. В обеих странах в период 1830—1848 гг. возникли пролетарские движения, делавшие очевидным новый, всемирно-исторического значения факт — начавшуюся «историческую самодеятельность» рабочего класса. Во Франции в условиях политического господства буржуазии произошли в 1831—1834 гг. первые рабочие восстания. «Солдатами социализма» называл Маркс рабочих Лиона — повстанцев 1831 и 1834 гг. Сама буржуазия тогда же осознала значение лионских событий. Орган орлеанистской крупной буржуазии «Журналь де Деба» («Journal des Débats») писал в декабре 1831 г.: «Лионское восстание открыло важную тайну — внутреннюю борьбу, происходящую в обществе между классом имущих и классом, который ничего не имеет... Под средним классом есть население пролетариев, которое волнуется и содрогается, не зная, чего оно хочет, куда оно идет... Ему плохо... Оно хочет перемен. Вот где опасность для современного общества, и отсюда могут выйти варвары, которые его разрушат...» Пресса всех европейских стран сообщала о лионских восстаниях и комментировала их.

Первое пятилетие после 1830 г. представляло очень важный период в истории Франции, обнаруживший значительный рост революционной боеспособности и классовой сплоченности французского пролетариата, что проявилось не только в восстаниях 1831 и 1834 гг., но и в многочисленных стачках и во многих других формах деятельности рабочих. Следует отметить возникновение профессиональных объединений, вводивших, как это было, например, у ткачей в Лионе и сапожников в Париже, военизированный строй (подразделение на дивизии, роты), установление междугородных связей, участие рабочих в политических республиканских организациях мелкобуржуазных демократов: в «Обществе друзей народа» (1830—1832), в «Обществе прав человека и гражданина» (1833—1834).

Передовые деятели рабочего движения уже в 1834 г. осознали в свете опыта двух лионских восстаний необходимость классового обособления

политических организаций пролетариата. Весной 1835 г. заключенные в тюрьме Сент-Пелажи (там находились участники апрельских восстаний 1834 г.) выпустили прокламацию, резюмировавшую уроки пройденного этапа, этапа совместных с буржуазными республиканцами политических организаций: «Отныне — прочь с дороги вы, праздные люди, маскирующиеся рабочими, чтобы навязать нам свое управление, всегда столь пагубное для наших интересов... Как истинные представители народа, скажем наконец: нет никаких надежд вне пролетариата!» Прокламация указывала трудящимся и путь их борьбы: «Революционные легионы — вот название, которое научит вас, какими средствами борьбы вы должны пользоваться».

«Общество революционных легионов» возникло в 1834 г., но оно было в зародыше подавлено полицией. Вслед за Революционными легионами появились другие тайные союзы, сначала «Общество семей», затем «Общество времен года».

Наиболее активным организатором этих обществ был горячий друг народа, мужественный революционер-социалист Огюст Бланки, еще в юности получивший боевое крещение — два ранения в уличной схватке в Париже в дни баррикадных боев 1827 г.

Но Бланки был далек от понимания исторических уроков рабочего движения 1830—1834 гг. Вместе с Барбесом в 1835—1839 гг. Бланки фактически создавал особый тип ассоциации: тайные, преимущественно пролетарские, революционные союзы — «Общество семей» и затем «Общество времен года». Однако на протяжении всей своей долгой жизни, бóльшая часть которой была проведена в тюрьмах, Бланки с пренебрежением относился к революционной теории и не понимал ни сущности, ни исторических задач того класса, интересы которого он защищал с оружием в руках: под пролетариатом он подразумевал «30 миллионов французов, живущих своим трудом и лишенных политических прав», т. е. почти всю основную массу населения Франции. Не понял Бланки и опыта массовых движений; бланкисты повторяли ошибки карбонариев и бабувистов. Они были уверены, что для совершения революции достаточно нескольких сотен смелых заговорщиков.

В воскресенье 12 мая 1839 г. ошибочная бланкистская тактика была испытана на улицах Парижа. «Общество времен года», не насчитывавшее и двух тысяч человек, совсем не связанное с массами, попыталось посредством внезапного нападения свергнуть правительство. Но в тот же день восстание было подавлено. Бланки и Барбес, организаторы восстания и его военные вожди, были схвачены и заключены в тюрьму, из которой их освободила лишь революция 1848 г.

Тайные революционные организации и стачки 40-х годов

Разгром «Общества времен года» не остановил развития революционно-пролетарского движения во Франции. Претерпевая провалы и вновь появляясь под каким-либо иным наименованием, тайные революционные организации, притом не только в Париже, но и в провинции, просуществовали до последних дней царствования Луи-Филиппа и, несомненно, сыграли свою роль в подготовке февральского переворота.

После разгрома «Общества времен года» в Париже возникло «Общество новых времен года». Возможно, что другая организация того же времени — «Общество работников-эгалитариев» — представляла союз, в котором были одни и те же руководители или по крайней мере часть руководителей. В «Обществе работников-эгалитариев» состояли также и студенты. Тогда же, в 40-х годах, в Лионе и других городах департамента Роны действовали, укрепляя свои связи с рабочими других районов, такие организации,

как коммунистическое «Общество без названия», члены которого, как и участники венской организации «Засученные рукава», приобретали оружие: кинжалы и пистолеты.

Сама историческая обстановка этого времени — последних восьми лет царствования Луи-Филиппа — способствовала развитию пролетарских организаций. Новый промышленный подъем принес рабочему классу лишь усиление массового обнищания, ухудшение условий труда. Но с численным ростом пролетариата росла и стачечная борьба. Небывалое распространение стачечного движения — один из важнейших фактов последнего восьмилетия царствования Луи-Филиппа. Другая отличительная черта того же времени — широкое распространение коммунистической пропаганды. Разумеется, как и в первые годы Июльской монархии, сам пролетариат своими боевыми выступлениями оказывал влияние на коммунистических писателей и политических деятелей, вождей вышеназванных революционных организаций. В то же время именно коммунистические писатели-пропагандисты, особенно Дезами и Пийо, были организаторами пролетарского движения, чего еще не наблюдалось в период лионских восстаний. Двух-трех примеров из истории стачечной борьбы 40-х годов будет достаточно, чтобы осветить эту связь коммунистических писателей - пропагандистов с рабочим классом.

В марте 1840 г. в Париже началась грандиозная по тем временам стачка, в которой приняли участие около 60 000 рабочих различных профессий (в частности, портные, обойщики, сапожники, булочники, печатники). Особые общественные кухни отпускали стачечникам обеды по удешевленным ценам. Французские портные, участники стачки, получали материальную помощь от своих собратьев по профессии — англичан. Стачка была проиграна, но в самом поражении таилась победа: стачка свидетельствовала о единстве, организованности и силе пролетариата. Стачка закончилась, но в июле того же года в Париже состоялась беспрецедентная демонстрация — коммунистический банкет, организованный Дезами и Пийо. Трудно переоценить пропагандистское значение произносившихся на банкете тостов и речей, особенно заключительных слов Пийо: «Коммунизм, это — единственное лекарство, годное для лечения человечества от всех зол... и он осуществим не через тысячу лет и даже не через сто лет, а сегодня, в данный момент».

Другой пример непосредственной близости пропагандистов коммунизма к рабочим, пример идейно-организационного влияния коммунистов на пролетариат, представляет едва ли не самое замечательное движение середины 40-х годов — начавшаяся 3 апреля 1844 г. и продолжавшаяся около полутора месяцев стачка шахтеров в Рив-де-Жье. В трудах советского историка Е. В. Тарле были впервые освещены характерные особенности этой стачки: поддержка забастовщиков городской мелкой буржуазией и сельским населением, связь шахтеров Рив-де-Жье с рабочими других промышленных центров, с лионскими тайными организациями рабочих, влияние коммунистических учений. «Сильно организованный бунт»,—так характеризовали стачку шахтеров 1844 г. перепугавшиеся местные власти.

В Рив-де-Жье были вызваны крупные воинские части, но их присутствие не прекратило стачки. Среди стачечников тайно распространялась брошюра Жюля Ле Ру «Буржуа и пролетарий», разъяснявшая, что независимо от различия профессий «народ пролетариев — одна семья»; долг чести, человеческого достоинства пролетария — борьба за лучшие условия жизни; только раб «живет для того, чтобы работать», свободный же человек «работает, чтобы жить». Проездом в районе стачки была тогда социалистка-утопистка Флора Тристан, но ее речи не производили никакого впечатления на рабочих. «Они с пренебрежением относятся к ее уто-

пиям и не хотят внимать никаким учениям, кроме коммунизма»,— доносил правительству хорошо осведомленный прокурор.

Коммунистические учения Дезами и Пийо

Коммунистические теории 40-х годов заслуживают большого внимания. Среди них на первое место следует поставить учение Дезами.

Теодор Дезами, бывший школьный учитель в провинции, по приезде в Париж сблизился с бланкистами, вступил в «Общество времен года», затем был секретарем Кабе и сотрудником его журнала «Попюлер». Как уже сказано, он был одним из главных организаторов коммунистического банкета в 1840 г. в Париже.

ЭТЬЕН КАБЕ

Литография. Алоф

Собрание Института Маркса—Энгельса—Ленина. Москва

В своих работах Дезами не ограничивался повторением бабувистских идей, как это делали, в сущности, другие коммунисты-эгалитаристы, близкие к «Обществу времен года», например, Лапоннерэ, Лаотьер. Важное замечание об отличии Дезами от Кабе, коммунистического писателя, имя которого было тогда еще более популярно, высказано Марксом и Энгельсом в «Святом семействе»: «Француз *Кабэ*, изгнанный в Англию, испытывает на себе влияние тамошних коммунистических идей и, по возвращении во Францию, становится самым популярным, хотя и самым поверхностным, представителем коммунизма. Более научные французские коммунисты, *Дезами*, *Гэй* и др., развивают, подобно Оуэну, учение *материализма* как учение *реального гуманизма* и как *логическую* основу *коммунизма*»[1]. Главное сочинение Дезами «Кодекс общности» (1842) определяло три основы коммунистического строя, представлявшего собой идеал Дезами: «общая собственность, общий труд, общее воспитание». Для осуществления этого идеала, доказывал Дезами, необходимо уничтожить «нерв тирании» — собственность и деньги. Но путь к коммунистическому преобразованию общества не может быть найден вне революции, без революционной диктатуры. Дезами полемизировал с Кабе и другими сторонниками одних лишь мирных средств борьбы. В ответ на заявление Кабе: «Я прежде всего француз, затем — я демократ, реформист; затем — социалист и, наконец, уж — коммунист», Дезами говорил: «Что же касается меня, то я прежде всего — коммунист».

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. III, стр. 161.

В исторической литературе предпринимались попытки изобразить Дезами предшественником Маркса и Энгельса, будто бы предвосхитившим чуть ли не все основные идеи марксизма. Авторам этих нелепых сопоставлений совершенно чуждо понимание марксизма и значение его возникновения как величайшего революционного переворота в философии, в науке. Для характеристики теоретической ограниченности Дезами достаточно сказать, что даже и в работе 1843 г., в «Альманахе общности», написанном совместно с Гэем и Навелем, Дезами ни на шаг не подвинулся по сравнению с Бланки в определении сущности того общественного класса, который только и мог совершить социалистическую революцию,— в определении пролетариата; для Дезами, как и для Бланки, пролетариат — подавляющее большинство населения Франции. Не понимая природы пролетариата, как особого общественного класса, Дезами не мог создать и учение о роли пролетариата в будущей социалистической революции.

Теоретические пороки работ Дезами повторялись и в произведениях другого влиятельного коммунистического писателя и активного политического деятеля 40-х годов — Жан-Жака Пийо.

Пийо, священник, лишенный сана и приговоренный к тюремному заключению за попытку создать новую, «унитарную церковь», талантливый публицист, был автором нескольких революционных брошюр: «Ни дворцов, ни хижин» (1840), «Коммунизм — не утопия» (1841); задуманная им большая работа «История равных» осталась незаконченной. Источником мировоззрения Пийо был бабувизм. Будучи, по сравнению с Дезами, менее самостоятельным мыслителем, Пийо, повидимому, отличался большей активностью в практическом руководстве революционными организациями. Это был стойкий революционер, энергию которого не сломили ни многочисленные судебные преследования, ни пожилые годы: в 1871 г. Пийо был деятельным членом Парижской Коммуны; арестованный версальцами, он был приговорен к пожизненной каторге.

Теоретическая ограниченность, свойственная французским революционным коммунистам 30—40-х годов, разумеется, не могла не оказать отрицательного влияния на тактику рабочего класса, сохранявшего вплоть до провала «Общества коммунистов-материалистов» в 1847 г. дух сектантства в своих подпольных организациях. И тем не менее, деятельность таких революционеров, как Дезами и Пийо, способствовала росту боевого опыта французских рабочих и более глубокому размежеванию их с мелкобуржуазными демократами.

Реформистские течения в социалистических и коммунистических учениях 30—40 годов. Кабе

Совсем иное историческое значение имели развивавшиеся тогда же из предшествующих учений или вновь возникавшие «мирные» течения утопического социализма и коммунизма, представленные сен-симонистами, фурьеристами, социалистами-эклектиками и коммунистом Кабе.

«Значение критически-утопического социализма и коммунизма,— писали Маркс и Энгельс,— стоит в обратном отношении к историческому развитию. По мере того как развивается и принимает все более определенные формы борьба классов, это фантастическое стремление возвыситься над ней, это фантастически отрицательное к ней отношение лишается всякого практического смысла и всякого теоретического оправдания»[1].

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. ОГИЗ, 1948, стр. 77—78.

К этому направлению, стоящему «в обратном отношении к историческому развитию», относятся и сочинения утописта Кабе, популяризировавшего коммунистические идеи, но бывшего противником революционной борьбы. В 30-х годах Кабе был заурядным мелкобуржуазным демократом, участником республиканского движения. Широкую известность он приобрел своей книгой «Путешествие в Икарию», написанной в форме романа (1840). Волнующий контраст представляла, по сравнению с реальными условиями жизни бесправного французского пролетариата, счастливая жизнь икарийцев — обитателей фантастической «Икарии», где, благодаря утвердившемуся коммунистическому строю, рабочие были хозяевами страны и пользовались всеми материальными и духовными благами. Икарийцы работали не по 16, а по 7 часов в день. Однако путь к этой счастливой жизни Кабе видел лишь в мирной пропаганде коммунизма. Он говорил: «Если бы я держал революцию в кулаке, я не разжал бы его».

Еще резче обнаруживается «обратное отношение к историческому развитию» Франции 40-х годов в многочисленных течениях утопического социализма, которые были представлены эпигонами сен-симонизма и фурьеризма, а также различными группировками социалистов-эклектиков.

Сен-симонисты и рабочее движение 30—40-х годов

Ближайшие ученики Сен-Симона, Базар и Анфантен, авторы коллективного труда «Изложение учения Сен-Симона», систематизировали взгляды своего учителя и обогатили их более отчетливой характеристикой противоречий капиталистического строя. В новых исторических условиях, созданных революцией 1830 г., т. е. в условиях буржуазной монархии Луи-Филиппа, сен-симонисты вплоть до первого лионского восстания продолжали играть прогрессивную роль. Сен-симонисты читали тогда свои публичные лекции не только в Париже, но и в Лионе, где даже большие здания Лотереи и цирка не вмещали всех стремившихся сюда слушателей. Тысячи людей жадно воспринимали неслыханные и в то же время каждому понятные, глубоко волнующие речи об эксплуатации человека человеком, о промышленной анархии, о необходимости ассоциации и коренного улучшения всех жизненных условий «самого многочисленного и самого бедного класса общества».

Но первое же лионское восстание обнажило лицо сен-симонистов как сторонников примирения классовых противоречий и — объективно — защитников буржуазии. Рабочие отвернулись от сентиментальных пропагандистов классового мира — лионских сен-симонистов Франсуа и Пейффера, да и сама парижская сен-симонистская «церковь», растерявшаяся в дни ноябрьского восстания 1831 г., вскоре распалась.

Фантазиями, мечтами о счастье заменяли пропаганду классовой борьбы сторонники Шарля Фурье, имевшие, однако, некоторый успех в мануфактурных центрах в начале 30-х годов. Отбрасывая фантастику Фурье, рабочие горячо воспринимали учение о преимуществах ассоциации, об обеспечении «обильного минимума» в будущем, глубоко преобразованном обществе. Второе лионское восстание открыло новую страницу в истории Франции. Сами рабочие стали осознавать необходимость самостоятельной политической борьбы, притом борьбы, доводимой до вооруженного восстания. Фурьеризм после 1834 г. привлекал к себе только одиночек; в это время Фурье нашел энергичного пропагандиста своих идей в лице Консидерана.

Консидеран

Виктор Консидеран, военный инженер, бросивший службу еще при жизни своего учителя, стал издавать фурьеристские ежемесячники «Фаланстер» и «Фалангу», а впоследствии, с 1843 г., ежедневную газету «Мирная демократия».

В сочинениях Консидерана, в отличие от работ Фурье, часто встречаются выражения «пролетариат», «пролетарское восстание», «классовая борьба». Бедствия фабричного пролетариата описаны в главной работе Консидерана «Социальное предназначение» (1834—1838) более подробно, чем в трудах Фурье. Особенной остротой отличались выпады Консидерана против господствовавшей финансовой аристократии, французских биржевиков. «Повседневно ажиотер, спекулянт-паразит загребает одним только взмахом сети больше золота, чем соберут, экономя в течение целого года, сто тысяч работников, своим потом орошающих землю»,— писал Консидеран, отвечая лицемерным проповедникам «воздержания» как средства, якобы могущего избавить общество от пауперизма. Нужно, однако, обладать теоретическим невежеством французского историка Домманже, чтобы усмотреть в простой констатации широко известных фактов «изумительное приближение к марксизму». Когда Консидеран писал: «Конечно, на самом деле происходит раздор и война, и буржуазия вполне признала это, с ужасом воскликнув: варвары у наших ворот!»,— он не более как словами самой же буржуазной прессы выражал признание давно обнаружившегося факта: начавшихся в 1831 г. вооруженных восстаний пролетариата.

Не движение вперед, а регресс представляли сочинения Консидерана по сравнению с трудами Фурье, так как Консидеран при более развитых исторических условиях продолжал упорно повторять коренную и вреднейшую ошибку своего учителя — отрицание методов революционной борьбы.

«В. Консидеран, умерший в 1893 году, был учеником утописта Фурье и остался неисправимым **утопистом**, который видел «спасение Франции» в **примирении** классов»[1].

Бюше. Католический социализм

Наряду с прямыми последователями великих утопистов во Франции в годы Июльской монархии было немало социалистов-эклектиков, которые заимствовали отдельные стороны учений Сен-Симона, Фурье, брали кое-что от якобинства, от христианства и дополняли чужие мысли сумбурными примесями собственного изобретения. К этой категории социалистов-эклектиков, несмотря на все их различия, следует отнести и Бюше, и Леру, и Луи Блана, и многих других публицистов, писателей, адвокатов, художников 40-х годов XIX в.

Типичным представителем социалистов-эклектиков был врач Филипп-Жозеф Бюше, бывший карбонарий, затем последователь Сен-Симона, автор историко-философской работы «Введение в науку истории» (1833), составитель (вместе со своим другом Ру-Лавернь) монументальной «Парламентской истории французской революции» (1833—1838).

Якобинец, мелкобуржуазный демократ, организатор прогрессивных органов «Европеец» («L'Européen»), «Мастерская» («L'Atelier»), «Национальное обозрение» («Revue nationale»), Бюше был одновременно и пропагандистом рабочих производственных ассоциаций (в 1832 г. Бюше создал союз столяров), во всеобщем распространении которых Бюше надеялся найти путь к социализму. Бюше — мирный пропагандист, глава своеобразной философско-католической «школы», из которой рабочие, имевшие несчастие уверовать в своего учителя, могли (как это и случилось впоследствии с Корбоном) выходить только реформистами, сторонниками классового компромисса, т. е. изменниками делу революции и интересам пролетариата.

---

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 1, стр. 352.

Пьер Леру Во многих отношениях подобным же эклектиком был и наборщик Пьер Леру, бывший сен-симонист, критиковавший христианство, но противопоставлявший ему отнюдь не революционное учение, а религиозную же доктрину — некую «религию человечества», основанную на братской солидарности и равенстве людей. Главными работами Пьера Леру были книги «Опыт о равенстве» (1838) и «О человечестве, его принципе и будущем» (1840).

Критикуя капиталистический строй резкими, правдивыми словами, Леру, однако, был далек от революционного социализма и даже в теории не изгонял частной собственности из рисовавшегося ему идеального общества. Леру занимался и практической деятельностью: в департаменте Крёз он организовал земледельческую ассоциацию.

Среди поклонников Леру была замечательная французская писательница Аврора Дюдеван, более известная под псевдонимом Жорж Санд.

Многие литераторы находились тогда под обаянием социалистических идей. Один из первых русских историков французского утопического социализма А. Михайлов писал в своей книге «Пролетариат во Франции» (1877): «Романы, повести, драмы были проникнуты этими идеями; романы Жорж Санда, «Парижские тайны» Евгения Сю и «Парижский ветошник» Феликса Пиа вызывали восторг и озлобление именно потому, что общество видело в этих произведениях те самые идеи, которые тревожили всех. Романы Жорж Санда, где буржуазия является в очень невыгодном для нее свете, вызывали просто скрежет зубовный у буржуа. Евгений Сю показал весь ужас той бездны, куда брошен пролетариат».

Луи Блан Жан-Жозеф-Луи Блан, в середине 30-х годов лишь начинающий журналист, только что поселившийся в Париже, вскоре стал одним из известнейших публицистов. В 1834 г. Луи Блан начал сотрудничать в буржуазно-демократической газете «Бон санс» («Bon sens»); в 1839 г. он основал собственный периодический орган «Политическое, социальное и литературное обозрение», где доказывал необходимость серьезных социальных преобразований во Франции. В годы Июльской монархии Луи Блан написал и первые свои исторические труды: пятитомную «Историю десяти лет» (1830—1840), а затем и первую книгу своей двенадцатитомной истории французской буржуазной революции XVIII в.

«История десяти лет»— это отнюдь не академическая, бесстрастная летопись событий. Это — бичующий правительство Луи-Филиппа обвинительный акт, острая политическая направленность которого и создала Луи Блану успех среди демократически настроенных читателей: за каких-нибудь четыре года «История десяти лет» была издана шесть раз.

Но одновременно распространялось и другое произведение Луи Блана, принесшее трудящимся массам громадный вред. Это была брошюра «Об организации труда» (1840).

Луи Блан излагал в ней свой «простой» план мирного перехода от капитализма к социализму. Конкуренция, писал Луи Блан, порождает нищету; следовательно, необходимо уничтожить конкуренцию посредством самой же конкуренции. Для этого надо только избрать демократическое правительство, которое путем специального целевого налога создаст денежный фонд для организации под руководством государственной власти «общественных мастерских», обслуживаемых безупречными как в нравственном отношении, так и по своей трудовой квалификации рабочими. Доход, поступающий от «общественных («социальных») мастерских», будет использован для построения новых, аналогичных

же предприятий, которые, численно все более и более разрастаясь, постепенно вытеснят частнокапиталистические фабрики, заводы, мастерские. Абсурдность утопии Луи Блана, не видевшего, что государство является орудием классового угнетения в руках буржуазии, которая, разумеется, никогда не использует этого орудия для самоуничтожения, не была понятна тогда (до возникновения и распространения марксизма) трудящимся массам, и очень многие рабочие видели в Луи Блане своего вождя. Подлинное лицо Луи Блана — соглашателя, предателя интересов пролетариата — рабочие рассмотрели только позднее, уже во время революции 1848 г.

Прудон

«Луи Блан так же недалек в логике, как и в политической экономии, и об обеих он рассуждает как слепой о цветах». Слова эти, написанные Прудоном, вполне справедливы, но Прудон мог бы применить их также и к самому себе: несмотря даже на личное знакомство с Марксом и длительные беседы с ним в 1844 г., Прудон так и не преодолел своей политической слепоты и оказался не способен овладеть не только методом материалистической диалектики, но даже и диалектикой гегельянской. Пьер-Жозеф Прудон, сын бочара, в течение некоторого времени работавший наборщиком, был идеологом разорявшихся мелких собственников — крестьян, ремесленников, торговцев. Философ мелкой буржуазии — так охарактеризовал Прудона Маркс. В период, предшествующий революции 1848 г., наибольшей известностью пользовались две книги Прудона: «Что такое собственность, или исследование о принципе права и власти» (1840) и «Философия нищеты, или система экономических противоречий» (1846).

Успех книги «Что такое собственность» объясняется не столько литературными достоинствами этого, в общем очень поверхностного, произведения Прудона, сколько ответом на поставленный вопрос: «с о б с т в е н н о с т ь — э т о к р а ж а». Ответ был не нов: его можно было найти в сочинениях Бриссо, французского политического деятеля конца XVIII в., но он прозвучал с особенной силой в 40-е годы XIX в., когда в условиях промышленной революции и политического господства финансовой аристократии ограбление широких масс капиталистами совершалось небывалыми по своему многообразию и интенсивности методами. Сам Прудон, впрочем, даже и в этой своей книге был далек от революционных настроений. Он писал: «Собственность есть кража! Это набат 1793 года! Это лозунг революции!..— Успокойся, читатель: я не носитель разбоя и не зачинщик мятежа».

В другой своей книге, «Философия нищеты», Прудон подвергал грубым насмешкам социалистические и коммунистические учения, объявлял коммунизм «карикатурой собственности» и резко порицал методы революционной борьбы. Маркс ответил на прудоновскую «Философию нищеты» книгой «Нищета философии» (1847), в которой разоблачил как теоретическое убожество, так и политический вред этого сочинения Прудона.

В «Манифесте Коммунистической партии» Прудон охарактеризован как «буржуазный социалист». В свете новейших советских исследований о Прудоне становится особенно понятной острота и резкость критики Прудона Марксом: Маркс разгадал в позиции Прудона перед революцией 1848 г. его объективную и субъективную контрреволюционность — факт, в настоящее время документально установленный.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СИТУАЦИИ ВО ФРАНЦИИ В 1847—1848 ГГ.

Сельскохозяйственные бедствия 1845—1847 гг.

Говоря словами Маркса, два экономических события мирового значения ускорили взрыв революции: «*картофельная болезнь*» и «*всеобщий торговый и промышленный кризис* в Англии»[1] осенью 1847 г.

Во Франции в начале осени 1845 г. картофельной болезнью поражены были только Нормандия и Бретань и лишь в конце 1845 г.— южные районы страны. Картофельная болезнь проявлялась повсюду одинаково: внезапно сохла ботва, вырытый картофель оказывался негодным для питания. Потери картофеля во Франции в 1845 г. равнялись в среднем четвертой части нормального урожая. В 1846 г. картофельная болезнь возобновилась и получила во Франции еще более широкое распространение. Один гектолитр картофеля в Париже осенью 1846 г. стоил от 13 до 14 фр. В 1847 г. признаки той же болезни обнаружились уже в парниковых сортах. В общем, однако, во Франции в 1847 г. катастрофические размеры бедствие это приняло лишь в отдельных районах (особенно в Лотарингии).

Хлебные запасы стали исчезать во Франции по крайней мере за два года до революции. Урожай 1845 г. был приблизительно на треть меньше, чем в 1844 г.; поэтому уже в 1845 г. были пущены в продажу все хлебные запасы. С осени 1846 г., когда обнаружился новый и более значительный неурожай, хлебные цены, не превышавшие 22 фр. за один гектолитр пшеницы, стали возрастать. В конце мая 1847 г. гектолитр пшеницы стоил во Франции в среднем 38 фр., в отдельных же районах — более 50 фр.

В течение тех же двух лет, дождливого 1845 г. и засушливого 1846 г., Франция терпела и другие сельскохозяйственные невзгоды: болезнь виноградников осенью 1845 г., приносившая в некоторых районах громадные убытки; недород шелковых коконов во Франции и ее колониях, недород чечевицы, бобов, гороха вследствие засухи 1846 г.

Перелом наступил осенью 1847 г. Во всей Европе урожай 1847 г. был выше среднего. Французские восточные рынки: Одесса, Константинополь, Александрия, равно как и портовые склады США, изобиловали хлебом. Цены на пшеницу снижались. Но в это время разразился экономический кризис.

Экономический кризис 1847 г.

Различая в экономических бедствиях 1847г. четыре кризиса: 1) продовольственный, 2) денежный, 3) биржевой, 4) промышленный, французский историк Жорж Лефевр допускает, однако, грубую ошибку, поскольку два последних кризиса (биржевой и промышленный) он рассматривает лишь как следствие двух первых.

Задолго до революции 1848 г. основой производственных отношений как в Англии, так и во Франции была капиталистическая собственность на средства производства; общественный строй был капиталистический. Следовательно, и историческое развитие этого строя в период, предшествовавший революции 1848 г., представляло в основном не что иное, как развитие противоречий капиталистического способа производства, классическое определение которых дано в кратком курсе «Истории Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)»: «Производя все больше и больше товаров и снижая цены на товары, капитализм обостряет конкуренцию, разоряет массу мелких и средних частных собственников, обращает их в пролетариев и понижает их покупательную способность, ввиду чего сбыт произведенных товаров становится невозможным. Расширяя же производство и собирая на громадных фабриках и заводах миллионы рабочих,

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв. 1949, т. I, стр. 115.

капитализм придает процессу производства общественный характер и подрывает тем самым свою собственную базу, так как общественный характер процесса производства требует общественной собственности на средства производства, между тем как собственность на средства производства остается частнокапиталистической, несовместимой с общественным характером процесса производства.

Эти непримиримые противоречия между характером производительных сил и производственными отношениями дают знать о себе в периодических кризисах перепроизводства...»[1]

Периодические кризисы перепроизводства начались с 1825 г. С 1825 по 1847 г. капиталистический способ производства достиг значительного развития не только в Англии, но и во многих других странах Европы. Поэтому глубина экономического потрясения и его распространенность были гораздо более значительны, чем в 1825—1827, 1837 и 1842 гг. В работах Маркса и Энгельса, создавших научную теорию капиталистических кризисов, освещены многие вопросы истории кризиса 1847 г. Маркс писал: «Всеобщий торговый кризис, наступивший в Европе приблизительно осенью 1847 г. и длившийся до весны 1848 г., открылся на лондонском денежном рынке паникой, начавшейся в последних числах апреля и достигшей высшей точки 4 мая 1847 года. В течение этих последних дней все денежные сделки полностью приостановились; но начиная с 4 мая напряжение стало ослабевать, так что купцы и журналисты поздравляли друг друга по поводу чисто случайного и временного характера паники. Несколько месяцев спустя разразился торговый и промышленный кризис, для которого денежная паника служила только симптомом и предвестником»[2].

Несколько ниже Маркс указал и географический путь движения европейской паники 1847 г.: «из Лондона через Париж в Берлин и Вену»[3].

Кульминационным моментом промышленного подъема в Англии был 1846 г., когда не только фабричное производство, но и железнодорожное строительство достигло небывалого уровня. Кредит в Англии в годы промышленного подъема был дешев, и, как писал Энгельс, английские капиталисты «с той же страстностью», с какой они расширяли производство, подписывались на железнодорожные акции, насколько хватало сил, лишь бы сделать первые взносы, не беспокоясь о последствиях этих спекуляций[4]. Фабриканты рассчитывали на неограниченность потребительских возможностей дальневосточных рынков, только что захваченных тогда Англией в ее разбойничьих «опиумных» войнах с Китаем. Они говорили: «Как можем мы производить слишком много? Нам предстоит одеть 300 миллионов человек!»

Пагубные результаты перепроизводства должны были рано или поздно обнаружиться. Наступление очередного торгово-промышленного кризиса было ускорено сельскохозяйственными бедствиями. Миллионы фунтов стерлингов надо было срочно перевести за границу в уплату за импортируемый хлеб. Более 7 млн. фунтов было взято из золотого запаса Английского банка. Кредит катастрофически сокращался: по примеру Английского банка ограничивали свои денежные выдачи также и все прочие банки Великобритании. Вексельный учет поднялся в апреле 1847 г. до 7%; в ноябре того же года официальный минимальный учет повысился до 10%, и «огромное большинство векселей можно было учесть только под колос-

---

[1] История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс, 1938, стр. 121.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XI, ч. I, стр. 57.

[3] Там же.

[4] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIX, ч. I, стр. 443.

сальные ростовщические проценты или вовсе нельзя было учесть...»[1] Последовало множество банкротств, разорений крупных, средних и мелких торгово-промышленных фирм. Крах угрожал и самому Английскому банку. Но в конце октября 1847 г. английское правительство отменило акт 1844 г., стеснявший выпуск банкнот. «Кредит нации», как писал Энгельс (подразумевая кредит всей массы мелкой буржуазии, равно как и всех вообще купцов, промышленников и землевладельцев Англии), сыграл тут свою немалую роль; с выпуском банкнот «...немедленно наступило решительное облегчение стеснения с деньгами»[2].

В конце 1847 г. в Англии «...высшее напряжение кризиса было уже пережито, банковый учет упал в декабре снова до 5%, и уже в течение 1848 г. было подготовлено то новое оживление в делах, которое сорвало в 1849 г. дальнейший подъем революционных движений на континенте...»[3]

В торгово-промышленной жизни Франции в 1845—1848 гг. было много общего с экономикой Англии. Но были и чрезвычайно важные отличительные особенности, сыгравшие особую роль в условиях возникавшей революционной ситуации.

Зловещие слухи о плохом урожае и о спекуляциях железнодорожными акциями волновали французских промышленников уже осенью 1845 г. Однако еще и в 1846 г. конъюнктура в хлопкопрядильном (наиболее механизированном) производстве была благоприятная. В Эльзасе, например, как сообщали местные власти, «дела шли безостановочно и хорошо в течение июля, августа и сентября» 1846 г. Положение резко изменилось в 1847 г.: производство стало сокращаться во всех прядильных и ткацких предприятиях, хотя годовые средние цены на хлопок в 1847 г. были выше, чем в 1846 г. В шелкопрядильном же производстве осенью 1847 г. наблюдалось резкое падение цен на крученую пряжу, и современники объясняли это явление более всего перепроизводством.

Тем временем назревал и кризис железнодорожного строительства. В 1846 г. было введено в эксплуатацию 1322, а в 1847 г.—1832 км железных дорог. Но даже и в 1847 г. действительная величина капитала, представленного железными дорогами, не превышала 1232 тыс. фр.; акций же было выпущено к концу 1847 г. на 2491 тыс. фр.

Крах спекулятивного, дутого железнодорожного строительства, равно как и промышленный кризис, был неизбежен. Но и во Франции развязка была ускорена продовольственным и денежным кризисами. Французский банк, покупая миллионы гектолитров заграничного хлеба, расплачивался за него, как и Английский банк, своим золотом. Золотой запас Французского банка в 1845 г. равнялся 320 млн. фр., а в январе 1847 г.— всего 47 млн. фр. Спасением своим от катастрофы Французский банк был обязан Николаю I, купившему на 50 млн. фр. французской ренты. Но царь, разумеется, не мог создать во Франции тот «кредит нации», который по другую сторону Ла Манша облегчил рассасывание кризиса. Кредит во Франции и ранее не был развит в такой мере, как в Англии. Деньги во Франции стали «дороже и реже» еще в 1846 г., когда обнаружились финансовые затруднения лишь отдельных железнодорожных компаний. В 1847 г. под влиянием потрясений английской экономики и вследствие внутренних причин банкротства следовали одно за другим: 635 банкротств было в одном лишь первом полугодии 1847 г. в одном только департаменте Сены.

В отличие от Англии кульминационный момент торгово-промышленного кризиса не был пройден во Франции в последние месяцы 1847 г.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIX, ч. I, стр. 444.
[2] Там же.
[3] Karl Marx. Das Kapital. Volksausgabe. Verlagsgenossenschaft. Moskau. Leningrad. s. 446. Цитата дается по исправленному немецк. изд. 1933 г.

Напротив, среди французской мелкой буржуазии банкротства были наиболее многочисленны именно в последнем квартале 1847 г.

О состоянии промышленности и внешней торговли в последние месяцы Июльской монархии дают представление таможенные сведения — преуменьшенные, но все же характерные показатели направлений хозяйственной жизни Франции. В январе и феврале 1848 г. заметно увеличился экспорт французских вин (около 215 тыс. гектолитров за два первых месяца 1848 г. против 153,4 тыс. гектолитра в январе-феврале 1846 г.), а также вывоз хлопчатобумажных товаров (около 10 тыс. метр. квинталов в начале 1848 г. против 7,1 тыс. метр. квинталов в начале 1847 г.). Но в то же время заметно сократился экспорт французских машин, механизированных инструментов, полотняных товаров, сахара, стеклянных изделий; экспорт готового платья, шерстяных и шелковых товаров тоже сократился, хотя и менее заметно.

Финансовый кризис 1847 г.

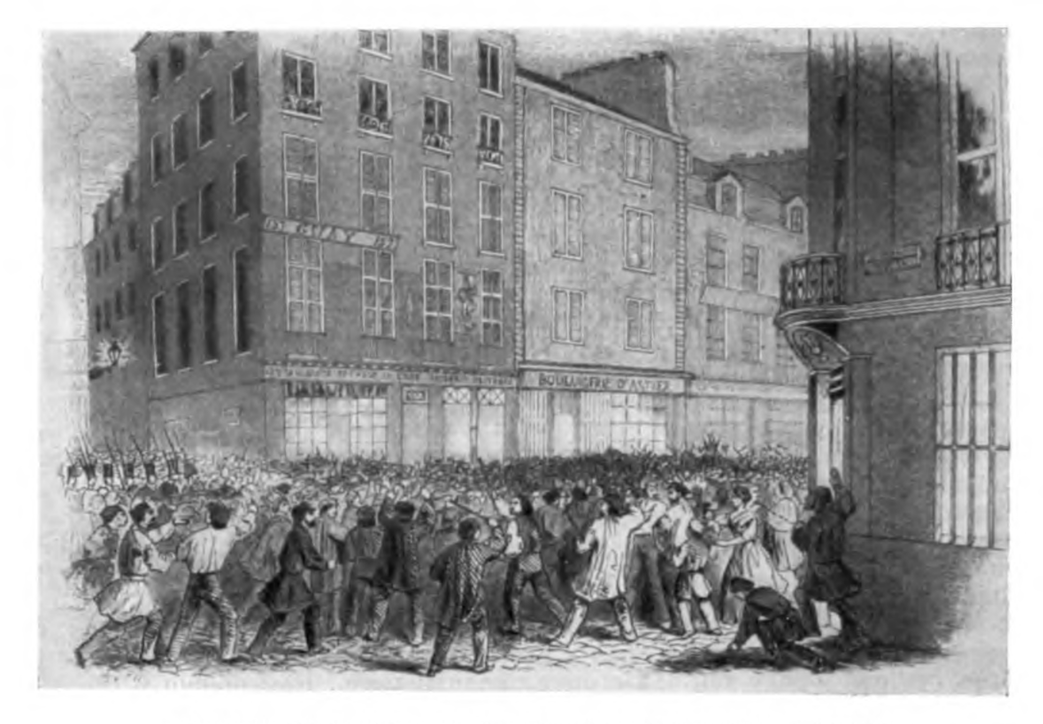
Как явление особого порядка, характеризующее порочную экономическую политику правительства Июльской монархии, следует отметить финансовый кризис 1847 г. Государственный дефицит в 1847 г. достиг 25 % всего бюджета, иначе говоря, 247 млн. фр. Социально-политическое значение государственного дефицита в условиях Июльской монархии было раскрыто Марксом: «*Задолженность государства* была, напротив, в *прямых интересах* той фракции буржуазии, которая господствовала и законодательствовала через палаты. *Государственный дефицит* был как раз главным предметом ее спекуляции и важнейшим источником ее обогащения»[1]. Но в 1847 г. эта преступная политика обернулась против самих же финансистов. Ранее, в годы промышленного подъема, правительство могло маневрировать, используя фонды сберегательных касс, боны казначейства и другие возможности. В условиях же экономического кризиса 1847 г. сберегательные кассы подверглись массовому опустошению: вкладчики повсюду изымали свои вклады. Вся налоговая система стояла под угрозой в создавшихся условиях многочисленных банкротств, пауперизации и безработицы. Неконсолидированный государственный долг к началу 1848 г. достиг 630 млн. фр., а у правительства Гизо не было средств для покрытия даже самой малой части этого долга. Тогда Гизо предпринял внутренний заем, самая экстраординарность которого дискредитировала правительство: стофранковые облигации выпускались по цене в 75 фр. Государственная власть публично продавалась ростовщикам!

Обострение классовых противоречий в 1847 г.

Экономический кризис оказал громадное влияние на всю политическую жизнь Франции. Представляя общенародное бедствие, кризис, однако, совершенно неодинаково поражал различные общественные классы. Еще Марксом был отмечен тот факт, что положение мелкой буржуазии во Франции ухудшилось в связи с переходом, под влиянием кризиса, части крупного капитала, ранее занятого во внешней торговле, на внутренний рынок. Конкуренция на внутреннем рынке усилилась, и процесс разорения мелких торговцев и промышленников ускорился.

Кризис порождал и другие факторы, революционизировавшие мелкую буржуазию и трудящиеся массы. Во время кризиса усилился рост концентрации производства; в металлургической и угольной промышленности появились новые монопольные объединения. 175 промышленников района Рив-де-Жье обращались в 1847 г. к правительству с жалобой на «нахальство и преувеличенные притязания» местных угольных компаний. Углепромышленники-монополисты отказывались поставлять уголь в Сент-

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв., 1949, т. I стр. 112—113.

НАРОДНЫЕ ВОЛНЕНИЯ В СЕНТ-АНТУАНСКОМ ПРЕДМЕСТЬЕ
Ксилография
Собрание Института Маркса — Энгельса — Ленина. Москва

Этьенн по прежней цене. Намерение Ротшильда скупить металлургические предприятия в департаменте Нор с целью создания там крупного промышленного центра, подобного Крезо, получило широкую огласку и резко критиковалось в прессе мелкобуржуазных демократов.

Особенно тяжелы стали под влиянием кризиса и неурожаев условия жизни трудящихся масс, положение которых уже в течение многих лет, не исключая и периодов промышленного подъема, все более и более ухудшалось. В начале 1847 г. даже и зажиточные семьи трудящихся впали в крайнюю нужду: все их запасы были израсходованы, а между тем хлебные цены продолжали возрастать. Значительная безработица, падение заработной платы, эпидемические болезни. резкое увеличение смертности и понижение на 75% прироста населения в 1847 г. по сравнению с двумя предшествующими годами — таковы не отрицаемые даже и буржуазной литературой показатели народных бедствий в 1847 г. Буржуазная литература, однако, искаженно освещает народные волнения 1847 г. и неправильно оценивает политическую позицию пролетариата.

Некритически сопоставляя 1788 и 1847 гг.— два кануна двух разных буржуазно-демократических революций, французские буржуазные ученые старательно подчеркивают сравнительную слабость народных движений в 1847 г. и спешат порадовать господствующие классы утешительным для них, но ложным выводом: с ростом просвещения народ становится более способным к смирению!

Главным вопросом французской буржуазной революции XVIII в. был вопрос аграрный. Естественно поэтому, что и волнения крестьян во Франции в 1788 г. были более сильными и более распространенными, чем

в 1847 г. Однако и 1847 год характеризуется именно резким повышением активности масс. Формы же борьбы трудящихся масс были в 1847—1848 гг. гораздо более развитыми, чем в конце XVIII в. Продовольственные волнения были только одним из многих проявлений повышенной активности масс.

Продовольственные волнения и стачечная борьба в 1847 г.

Продовольственные волнения, выражавшиеся в народных демонстрациях, сходках, нападениях на дома спекулянтов, булочные и хлебные склады, в 1847 г. вспыхивали во многих местах Бретани и Нормандии, а также в департаментах Сарт, Эндр, Шарант, в городах Туре и Труа, в больших и маленьких городах департамента Верхнего Рейна, короче сказать — повсеместно. Господствующие классы были особенно сильно напуганы «делом в Бюзансэ», небольшом городке департамента Эндр, где по инициативе рабочих — жителей окрестных деревень (поденщиков. тележников, каменщиков) было совершено нападение на хлебные грузы и амбары, принадлежавшие спекулянтам. Два спекулянта поплатились жизнью. В Бюзансэ тотчас же появились воинские части. Жестокие репрессии были обрушены правительством на участников волнений; четверо рабочих были гильотинированы немедленно там же, в Бюзансэ. Эта расправа еще более усилила ненависть масс к правительству буржуазной монархии.

Казалось бы, в условиях кризиса, когда громадная изголодавшаяся «резервная армия» труда стояла у дверей фабрик и мастерских, не могло быть стачек. Между тем забастовки продолжались. Каменщики и строительные рабочие Нанта, боровшиеся против снижения заработной платы, бастовали три месяца, с июля по сентябрь 1847 г., несмотря на появление воинских частей и аресты. Тогда же, летом и осенью 1847 г., бастовали плотники в г. Ренне, ткачи в г. Роанне, горняки в Сент-Этьенне, землекопы в местечке Ремильи. текстильщики в Эльбефе, шахтеры в Анзене, конопатчики в Сен-Мало.

В Париже рабочие волнения были в 1847 г. очень редкими. Из них особенно шумным было происшествие на улице Сент-Онорэ, где подверглась разгрому сапожная мастерская, владелец которой пытался произвести неправильный расчет с одним из своих рабочих. Однако, как это будет показано ниже, причиной относительного спокойствия столичного пролетариата был вовсе не недостаток воли к борьбе.

Процесс членов «Общества коммунистов-материалистов»

В июле 1847 г. в Париже состоялся суд над одиннадцатью членами «Общества коммунистов-материалистов» по обвинению в «заговоре» против правительства, частной собственности и церкви. «Дело» коммунистов-материалистов было состряпано правительством Гизо с целью, почти для всех очевидной: очернить пропагандистов коммунистических идей обвинением в уголовных преступлениях, напугать имущие классы и тем самым укрепить их монархические симпатии. Судебный процесс не оправдал ожиданий правительства. Обвиняемые, простые люди, почти все принадлежавшие к рабочему классу (исключение составлял лишь Коффино, виноторговец), превратились в глазах широких слоев населения в обвинителей: они разоблачили провокаторскую роль трех участников «дела» и доказали виновность судебно-полицейских властей в грубой фальсификации.

Имена коммунистических писателей — Дезами, Пийо, Кабе, Констана, равно как и названия их сочинений, приобрели еще более широкую известность, притом в такое время, когда Июльская монархия вступила в самый опасный для нее фазис кризиса. Мужественное поведение обвиняемых вдохновляло трудящиеся массы. Поучительны были и биогра-

фические факты, получившие благодаря процессу широкую огласку: оказалось, например, что обвиняемый Жавело, рабочий, организатор «Общества коммунистов-материалистов», был участником бланкистского восстания в Париже в 1839 г.

Передовые рабочие-коммунисты преодолевали на практике основной порок утопистов — их проповедь одних лишь мирных средств борьбы.

Процесс привлек внимание пролетариата к коренным вопросам тактики освободительной борьбы. Маркс писал: «История с бомбами в 1847 г., в которой прямое участие полиции обнаружилось откровеннее, чем во всех прежних историях, разбила, наконец, ряды самых упорных и нелепых старых заговорщиков, и в результате ее все их прежние секции влились в прямое пролетарское движение»[1].

Столкновения рабочих с буржуазией в Лиможе. Рабочий банкет 2 января 1848 г.

Провинциальные города Франции нередко бывали ареной движений, в которых более выразительно, чем в столице, проявлялись те или иные черты политического развития страны, новые лозунги и новые направления борьбы. Таковы были, например, события в Гренобле в 1788 г., в Лионе—в 1831 и 1834 гг. Весьма характерными были для своего времени, для революционной ситуации 1847—1848 гг., события в Лиможе, центре фарфоро-фаянсового производства и текстильной промышленности. Пролетариат и полупролетариат Лиможа составлял основную массу населения: около 15 тыс. рабочих (считая женщин и детей) при общей численности городского населения в 23 тыс. человек. Крупная торгово-промышленная буржуазия города, почти вся владевшая также и землей, была чрезвычайно далека от какого-либо демократизма. Командные посты в местной национальной гвардии находились в руках наиболее враждебных пролетариату представителей буржуазии.

В июне 1847 г. из Лиможа была адресована в министерство внутренних дел тайно составленная активом местной буржуазии петиция о реорганизации национальной гвардии: лиможская буржуазия хотела полностью очистить национальную гвардию от республиканско-демократических элементов. Но тайная переписка стала известна в Лиможе. Начавшиеся рабочие волнения заставили буржуазию отказаться от проекта реорганизации, скомпрометированные командиры национальной гвардии отказались от своих постов; подал в отставку и местный мэр. Так еще в 1847 г. в Лиможе создался кризис власти: с начала зимы 1847/48 г. вплоть до февральской революции освободившиеся командные посты в национальной гвардии и в мэрии не были замещены.

2 января 1848 г. в Лиможе состоялся банкет, занявший особое место в развитии этой формы политической пропаганды. Хотя этот банкет был организован деятелями, примыкавшими к мелкобуржуазному течению «Реформы» («La Réforme»), это была своеобразная социалистическая манифестация. Банкет был устроен в честь Пьера Леру; его организаторами были Дюссуб-Гастон, Бак и Вильгурей, люди, не принадлежавшие к рабочему классу. Ни Леру, ни ученики его — Дюссуб и Бак, ни Вильгурей, последователь Кабе, не были пролетарскими революционерами. Но рабочие, участники банкета, по-своему понимали волновавшие их изречения, приписывавшиеся Леру: «Капиталистическое производство убивает», «там, где нет равенства, свобода — ложь». По просьбе Дюссуба и Бака участники банкета воздержались от резких выступлений. И тем не менее лиможская буржуазия была сильно напугана появившимся перед ней «призраком коммунизма».

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 303.

Борьба политических партий в 40-х годах. Легитимисты и орлеанисты

«Буржуазный класс,— писал Маркс, определяя социальную сущность двух правых политических партий во Франции — легитимистов и орлеанистов,— распадался на две большие фракции, которые по очереди обладали монополией власти: *крупные землевладельцы* — в период *реставрации*, *финансовая аристократия* и *промышленная буржуазия* — в период *июльской монархии*. *Бурбон* — таково было королевское имя для преобладающего влияния интересов одной фракции; *Орлеан* — королевское имя для преобладающего влияния интересов другой фракции...»[1]

Следовательно, хотя легитимисты и представляли, особенно в лице своих руководящих кадров, клерикально-дворянскую коалицию, партия эта — «вопреки своему кокетству феодализмом и своей родовой спеси»— была буржуазная, поскольку и сама крупная земельная собственность во Франции в первой половине XIX в. уже «...насквозь обуржуазилась»[2].

После своих безуспешных попыток разжечь «вандейские» мятежи партия легитимистов ограничивалась лишь легальными формами борьбы, хотя неистовые антиправительственные выпады в легитимистской прессе, особенно в газетах «Котидьен» («Quotidienne») и «Газет де Франс» («Gazette de France») убедительно свидетельствовали о том, что ни о каком примирении легитимистов с орлеанистами тогда еще не было речи.

Говоря о легитимистской партии в период 1830—1848 гг., следует отметить и то обстоятельство, что часть ее членов попыталась по-новому защищать католицизм — эту идеологическую «святыню» приверженцев династии Бурбонов. Французский историк Мале писал о деятелях, отколовшихся от правоверных легитимистов: «Они начали приходить к той мысли, что необходимо искать опору в основной стихии государственной жизни, т. е. в народе. А так как народ требовал свободного режима, то и духовенство должно стать либеральным». В общих чертах это замечание правильно, но оно вовсе недостаточно для объяснения причин отхода части клерикалов от прежней тактики. Неправильно было бы ограничиться также и общим указанием на антиклерикальные настроения народа и на близость к народу многих клерикалов по своему социальному происхождению. Решающее значение имели, во-первых, политические провалы легитимистов в первые годы Июльской монархии, во-вторых, то совершенно новое соотношение интересов сельской буржуазии и определенных слоев помещиков-дворян, которое, как уже было сказано выше, проявлялось в стремлении организовать единую «партию земледельческих интересов».

Аббат Ламеннэ, бывший легитимист, был инициатором «новой тактики». В основанной им в октябре 1830 г. газете «Авенир» («L'Avenir») он сотрудничал с Монталамбером и Лакордером, требовал отделения церкви от государства, поддерживал освободительные стремления Польши, Бельгии. Но римский папа осудил мечтания Ламеннэ о «демократической теократии». Временный же соратник Ламеннэ, граф Монталамбер, подчинился воле папы.

В 40-е годы Монталамбер был, по выражению Маркса, «шефом иезуитов», главой «католической партии», открыто заявлявшей о своем ультрамонтанстве. Эта партия никогда не поддерживала итальянских патриотов в борьбе с Австрией, порицала швейцарских радикалов и выра-

---

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв., 1949, т. I, стр. 158.
[2] Там же, стр. 236.

жала свои симпатии реакционному «Зондербунду». От былого увлечения либерализмом у Монталамбера уже ничего не оставалось. Ламеннэ же освободился от всех своих прежних ультрамонтанских идей; он продолжал писать сочинения, осуждавшиеся римским папой, и за одну из своих работ отсидел целый год в тюрьме. В 40-е годы Ламеннэ находился в лагере буржуазно-демократических деятелей.

Заслуживает внимания и эволюция легитимистского органа «Газет де Франс». Ее редактором был аббат Женуд, сын трактирщика, увлекавшийся в молодости сочинениями французских материалистов, впоследствии ярый католик и легитимист. Политические позиции двух легитимистских газет «Котидьен» и «Газет де Франс» в течение ряда лет полностью совпадали. Но затем Женуд внезапно выступил в качестве пропагандиста всеобщего избирательного права. И хотя цель Женуда была та же, легитимистская, т. е. восстановление династии Бурбонов, но газета его была воспрещена как в Римском государстве, так и в некоторых других монархических странах.

Орлеанистская или, иначе говоря, правительственная, консервативная партия обеспечивала себе подавляющее большинство в палатах ограничением избирательного права (предоставленного, как уже было сказано выше, лишь ничтожному меньшинству нации), подкупами и административным давлением на избирателей. Вожаком орлеанистов перед революцией 1848 г. был известный историк Гизо, превратившийся после 1830 г. из умеренного либерала в ярого консерватора, соратника Меттерниха и Николая I.

Династическая оппозиция. «Прогрессивные консерваторы»

В момент возникновения «кризиса верхов» орлеанисты уже не могли сохранить единство в своих рядах. Еще за несколько лет до революции 1848 г. часть орлеанистов, возглавленная адвокатом Одилоном Барро, оформилась в группировку сторонников умеренной избирательной реформы. Группировка Барро получила наименование «династической оппозиции». Действительно, Барро и его последователи оставались монархистами, сторонниками династии Орлеанов, и отличались от правительственной партии главным образом своим отношением к избирательной реформе. В условиях революционной ситуации, в обстановке продовольственного и экономического кризиса, группировка Барро стала с удвоенной энергией бороться за осуществление своего лозунга: «Реформа во избежание революции». Значительная активизация «династической оппозиции» Барро и ее блокирование с буржуазными республиканцами — таковы были особенности тактики этой партии в 1847 г.

Появление в 1847 г. новой политической группировки —«прогрессивных консерваторов»— представляет одно из наиболее характерных проявлений «кризиса верхов». Группировка эта возникла среди самой правительственной партии. Ее возглавил известный орлеанистский журналист, редактор наиболее распространенной в те времена газеты «Пресса» («La Presse»), Эмиль де Жирарден. Своеобразное положение этой группировки Жирарден выражал словами: «Мы — в оппозиции, но мы — не из оппозиции». Характерно и то обстоятельство, что «прогрессивные консерваторы» ограничивались сначала программой лишь экономических мероприятий: создание доступного кредита, налоговая реформа, снижение цен на соль, почтовая реформа и пр., но затем и Жирарден присоединился к сторонникам избирательной реформы. Эмиль де Жирарден, по выражению Энгельса, «человек весьма одаренный и энергичный, но лишенный каких бы то ни было принципов», продававшийся орлеанистам в течение многих лет, внезапно сам воспользовался публичной трибуной для разоблачения правительственной коррупции.

Коррупция и политические скандалы в последние годы Июльской монархии

Современные буржуазные историки, руководимые тайным желанием оправдать режим финансовой олигархии, заботливо отмечают, что коррупция возникла во Франции не в 1830—1848 гг., а гораздо раньше, во времена абсолютизма. Конечно, давность этого зла — факт неоспоримый, но, констатируя его, апологеты империализма «забывают» добавить, что ни пресловутые политические скандалы 40-х годов XIX в., ни коррупция времен абсолютизма не были случайностью: историческое значение этих явлений каждый раз и заключалось именно в том, что они были характерными признаками морально-политической деградации правящих верхов, предвестниками их свержения.

Предсказывая скорое падение власти Гизо, Энгельс писал в июне 1847 г.:

«Такого количества скандальных сплетен, какое было собрано и продемонстрировано там [во французской палате депутатов] за последние четыре-пять недель, право же еще не встречалось в анналах парламентских прений»[1]. Энгельс напоминал о бичующих словах английского радикала Дэнкомба, предлагавшего начертать на здании английского парламента надпись: «*В этих стенах творятся дела самые позорные и гнусные*»[2]. Вполне уместна была бы эта надпись и на фронтоне французской палаты депутатов!

Взяточничество и хищения видных должностных лиц обнаруживались одно за другим повсеместно: в военном управлении Рошфорского порта, в Тулонском арсенале, в Парижской ратуше, в министерствах. Наиболее значительное место в грязной летописи этих скандальных дел занимают судебные дела министров Теста и Кюбьера, а также дело о «пособии» правительственной газете «Эпок» («L'Epoque»), дело, компрометировавшее министра Дюшателя. Министр общественных работ Тест продавался Ротшильду, пользовавшемуся пособничеством Теста в своих железнодорожных спекуляциях. Немного позднее, будучи председателем Кассационного суда, Тест совместно с военным министром генералом Кюбьером продался одной горнопромышленной компании. Преступления Теста и Кюбьера были раскрыты и доказаны, но первый из них был приговорен к тюремному заключению только на трехлетний срок, а второй отделался лишением прав и штрафом в 10 тыс. фр. Министр внутренних дел граф Дюшатель был обвинен Жирарденом в том, что он оказал «пособие» министерской газете «Эпок» посредством передачи этой газете громадной суммы (100 тыс. фр.), востребованной с одного частного лица в качестве платы за разрешение открыть в Париже новый оперный театр.

Оппозиция и кризис внешней политики правительства Гизо

Крупные неудачи внешней политики, падение международного престижа того или иного государства — обычные признаки кризиса политики господствующих классов. Отметим некоторые наиболее характерные для кризиса Июльской монархии факты. Первое скандальное поражение французская дипломатия потерпела в 1840 г. Россия, Англия, Австрия и Пруссия летом 1840 г. объединились для решения так называемого Восточного вопроса без участия Франции. Ни бурные протесты французских газет, ни манифестации национальной гвардии, требовавшей объявления войны «Священному союзу», не поколебали смирения Луи-Филиппа. «Ни гроша для славы! Слава не приносит никакой прибыли! Мир во что бы то ни стало! Война понижает курс трех- и четырехпроцентных

---

[1] Ф. Энгельс. Закат и близость падения Гизо.—Позиция французской буржуазии. «Пролетарская революция», 1940, № 4, стр. 128.

[2] Там же, подчеркнуто Ф. Энгельсом.

бумаг! — вот что написала на своем знамени Франция биржевых дельцов. Ее внешняя политика свелась поэтому к ряду унижений французского национального достоинства»[1].

В 1841 г. Франция была допущена Россией, Англией, Австрией и Пруссией к подписанию Лондонского протокола о ликвидации турецко-египетского конфликта и конвенции с турецким султаном о закрытии проливов для военных судов всех наций. Но этот протокол закреплял двойное дипломатическое поражение Франции: потерю преобладания в Сирии и влияния в Египте, подпавшего впоследствии под иго Англии.

С 1841 по 1848 г., особенно в период министерства Гизо, международный авторитет Франции продолжал падать. Ни завершение покорения Алжира в 1847 г., ни другие колониальные грабежи не могли остановить быстрый рост недовольства широких слоев населения Франции внешней политикой финансовой олигархии.

В 1844 г. оппозиция широко использовала нашумевшее «дело Притчарда», английского агента на о. Таити, противодействовавшего утверждению тут, на Таити, французского господства. Французские военные власти в Таити попытались в 1843 г. прогнать Притчарда. Таити остался в руках французов, но французское правительство подчинилось требованию Англии: извинилось, освободило Притчарда из-под ареста и даже вознаградило его за антифранцузские происки, уплатив 25 тыс. франков.

Сблизившись незадолго до революции 1848 г. с меттерниховской Австрией и с царской Россией, Франция еще более откровенно выступила в области международной политики как реакционная сила и обрекла себя на новые дипломатические поражения.

В 1846 г. была окончательно разоблачена лживость заявлений различных кабинетов Луи-Филиппа об их сочувствии национальной независимости поляков: правительство Гизо не осмелилось воспрепятствовать насильственной ликвидации последнего очага польской независимости — оно примирилось с присоединением Кракова к Австрийской империи.

Франция стала на сторону реакционного «Зондербунда» в гражданской войне швейцарских кантонов; вместе с «Зондербундом», вместе с Меттернихом в этой войне потерпела поражение и дипломатия Гизо.

Сближение Франции с меттерниховской Австрией и с царской Россией привело Гизо и к поражениям в Италии: итальянским монархам еще до начала французской революции 1848 г. пришлось пойти на уступки, начать конституционные преобразования; таким образом, ставка Гизо на итальянских реакционеров оказалась битой.

К концу царствования Луи-Филиппа, писал А. И. Герцен, современник и очевидец описываемых событий, «Франция не могла держаться даже на той высоте, на которой была за десять лет,— она делалась второстепенным государством. Правительства переставали ее бояться, народы начинали ненавидеть»[2].

Реакционная политика и дипломатические провалы Гизо в громадной мере ускоряли приближение революционной развязки, усиливали рост недовольства не только народных масс, но и широких слоев буржуазии и тем самым еще более содействовали расколу правящих верхов. Внешняя политика Луи-Филиппа и Гизо подвергалась ожесточенной критике не только в широких массах, в общественных и политических организациях, в печати и на парламентской трибуне, но даже и в переписке принцев Орлеанской династии. Сын короля принц Жуанвильский в письме к брату, герцогу Немурскому, в ноябре 1847 г. с возмущением писал об угодничестве Франции

---

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв., 1949, т. I, стр. 115.
[2] А. И. Герцен. Полное собр. соч., 1919, т. VI, стр. 68.

в отношении Австрии и о принятии Францией роли «жандарма в Швейцарии и душителя в Италии собственных же своих принципов и своих естественных союзников». Главную причину своего расхождения с королем в этих вопросах принц Жуанвильский указывал ясно: «Я начинаю сильно беспокоиться, так как нас ведут к революции...»

Буржуазные республиканцы. «Насиональ» и «Реформа»

Две группировки буржуазных республиканцев существовали легально в последние годы Июльской монархии. Одна из них возглавлялась Маррастом, другая Ледрю-Ролленом. Арман Марраст, в начале 30-х годов—республиканец и радикал, мелкобуржуазный демократ, готовый использовать свое положение юриста для защиты рабочих, даже если они были участниками революционного восстания; в 40-х годах Марраст перешел на иные позиции. Это был враждебный пролетариату «республиканец в желтых перчатках», редактор буржуазной газеты «Насиональ» («Le National»), социальное лицо которой превосходно охарактеризовали сами французские рабочие, назвав ее «газетой господчиков». Влияние газеты «Насиональ», как и всей группировки, называвшейся тем же именем, «...опиралось,—как писал Маркс,—на антипатию страны к личности Луи-Филиппа, на воспоминания о первой республике, на республиканскую веру кучки мечтателей, а главное—на *французский национализм*, ненависти которого к Венским трактатам и к союзу с Англией она никогда не давала остыть»[1]. По социальному составу партия «Насиональ» не была какой-либо строго обособленной фракцией буржуазии, но состояла «...из буржуа, писателей, адвокатов, офицеров и чиновников республиканского образа мыслей...»[2] Промышленная буржуазия симпатизировала «Насионалю» и была ему благодарна за его холопскую защиту французской покровительственной системы»,а «...буржуазия в целом была ему благодарна за его злостные доносы на коммунизм и социализм»[3]. Знаменем этой партии было трехцветное, буржуазное знамя. Поэтому и назывались сторонники «Насионаля» трехцветными республиканцами. В то же время это были «чистые» республиканцы, т. е. сторонники одних лишь политических преобразований; никаких социальных реформ, поскольку эти реформы противоречили классовым интересам крупной буржуазии, они не выдвигали.

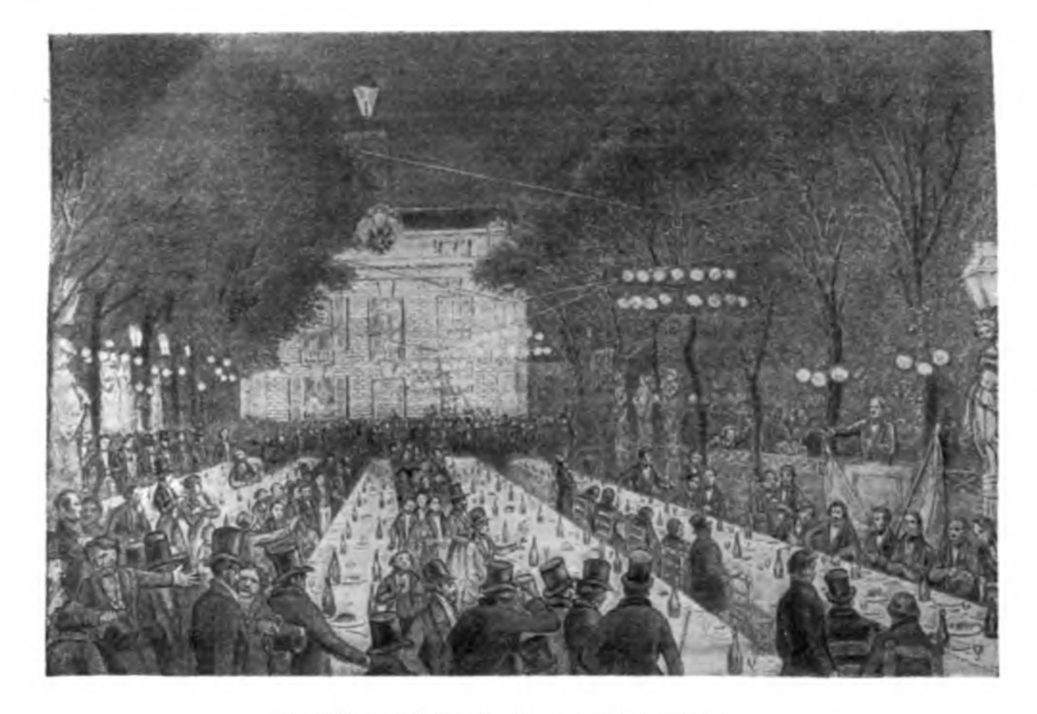
Другой, обособленный, политический лагерь представляла партия «Реформы», группировка мелкобуржуазных республиканцев, сплотившихся вокруг Ледрю-Роллена, редактора газеты «Реформа»,самое наименование которой выражало стремление этой партии использовать будущий республиканский строй для проведения социально-экономических преобразований. способных несколько улучшить положение широких масс. На страницах газеты «Реформа», издававшейся с 1843 г., освещался и рабочий вопрос. Улучшение положения рабочего класса и политический союз с ним — таковы были, наряду с требованиями избирательной реформы, лозунги мелкобуржуазных республиканцев накануне революции 1848 г.

Банкетная кампания (июль 1847—январь 1848 г.)

Так называемые реформистские банкеты — многолюдные собрания представителей парламентской оппозиции и других политических деятелей, произносивших «за обеденным столом» тосты за избирательную реформу во Франции, не были новинкой в 1847 г. Подобные собрания устраивались и раньше. Эта легальная форма политической борьбы впервые получила широкое распространение во Франции в 1840 г.,

---

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв., 1949, т. I, стр. 221.
[2] Там же.
[3] Там же.

БАНКЕТ В ШАТО-РУЖ 9 ИЮЛЯ 1847 г.

Литография неизв. художника

Собрание Института Маркса — Энгельса — Ленина. Москва

когда и в Париже и в провинциальных городах устраивались банкеты собиравшие сотни и даже тысячи участников — сторонников реформы.

Но банкетную кампанию, начавшуюся летом 1847 г., характеризуют важные отличительные особенности. Она протекала в условиях революционной ситуации, при новом соотношении классовых сил, когда быстро возрастало влияние демократических деятелей и народных масс. Поэтому и значение банкетной кампании 1847—1848 гг. было иное, чем раньше.

Организатором первого в 1847 г. банкета был Одилон Барро, вожак династической оппозиции». По его инициативе 9 июля 1847 г. в Париже, в помещении Шато-Руж, собрались многочисленные сторонники избирательной реформы, представители различных слоев буржуазии и различных оттенков оппозиции. И хотя республиканско-демократическая партия «Реформы», как организация, отказалась от участия в банкете, устроители собрания в Шато-Руж, умеренные либералы, были вынуждены примириться с требованием демократов — воздержаться от тоста за короля и провозгласить тост за народный суверенитет. После банкета в Шато-Руж умеренным либералам еще удавалось брать реванш в некоторых провинциальных городах. Так, например, банкеты в городах Мелен, Бар-ле-Дюк, Куломье, Шаритэ были только робкими демонстрациями либералов, заявлявших о своих умеренных требованиях, да и то лишь после тостов в честь короля. Но вскоре, в том же 1847 г., во Франции, да и во всей Европе, появилось сообщение о демократических банкетах, организуемых республиканцами в промышленных городах под лозунгом «свобода, равенство и братство», с тостами в честь рабочего класса и за «организацию труда». Первый демократический банкет состоялся в Лилле

7 ноября 1847 г. В ответ на тосты: «За рабочих, за их неотъемлемые права», «За их священные, доселе неведомые интересы» вождь республиканцев «Реформы» Ледрю Роллен произнес нашумевшую речь, текст которой был напечатан не только в демократической прессе Франции, но также и в Англии, в чартистской газете «Полярная звезда» («Northern Star»). Для характеристики агитационно-пропагандистского значения речи Ледрю Роллена достаточно будет привести хотя бы следующие его слова: «Народ не только достоин представлять себя, но... он и может достаточно быть представлен лишь самим собой».

На банкете 7 ноября 1847 г. в лилльском городском саду присутствовало 1100 человек. Не менее многолюдным был и демократический банкет в Дижоне, обнаруживший новые успехи республиканцев «Реформы». В Дижоне собрались возглавляемые Ледрю-Ролленом, Луи Бланом, Боном (видным участником лионского восстания 1834 г.) представители других городов Франции и, кроме того, делегаты из Швейцарии (от Невшателя, Женевы, Люцерна). И впервые уже не в качестве случайных одиночек (как это было ранее на некоторых других банкетах) прибыли на дижонский банкет и рабочие; их было тут около 400 человек.

Банкетная кампания 1847 г. способствовала развитию борьбы за избирательную реформу в различных частях Франции; в движение были вовлечены даже департаментские советы. Банкетная кампания содействовала вместе с тем классовому размежеванию в лагере сторонников реформы. В борьбе за организацию демократических банкетов отчетливо обнаружился оппортунизм буржуазных республиканцев — группировки «Насиональ», их склонность к компромиссу с монархистами, и в то же время обозначались привлекавшие внимание рабочих декларации мелкобуржуазных республиканцев «Реформы»: провозглашение союза с рабочим классом, борьбы за идею народного суверенитета, за проведение социальных реформ, за объединение с демократами других стран.

Как указывал Энгельс, начало банкетной кампании было положено либералами, но ее результаты пошли на пользу демократам.

Развязка возникшего революционного кризиса совершилась именно так, как предсказывал Энгельс. Банкетная кампания не прекратилась в 1847 г.; напротив, самая борьба за организацию парижского банкета, назначенного его инициаторами на 19 января 1848 г., но запрещенного правительством и перенесенного оппозицией на 22 февраля, оказалась прелюдией буржуазно-демократической революции. Ни одна из политических группировок оппозиционной буржуазии не решалась поднять вооруженное восстание с целью насильственного свержения правительства Луи-Филиппа. И тем не менее, несмотря на измену либералов и колебания мелкобуржуазных демократов, революция совершилась.

* * *

Коренную противоположность представляет оценка исторических условий и причин этой революции, с одной стороны, в трудах основоположников марксизма-ленинизма, с другой — в работах буржуазных историков. Рассуждая о буржуазных революциях XVIII—XIX столетий, современные буржуазные историки выдают не только свой страх перед пролетарской революцией, но и свое глубокое теоретическое невежество.

Характерным даже для лучших представителей французской буржуазной науки является мнение Жоржа Лефевра, считавшего, что революция 1848 г. могла быть предотвращена. Более 15 лет назад, читая свой обширный курс лекций по истории Июльской монархии, Ж. Лефевр высказал именно эту мысль: правительство Луи-Филиппа «имело все козыри для того, чтобы выиграть партию и избежать революции». И вновь, но еще бо-

лее резко тот же глубоко ошибочный взгляд был выражен Лефевром в своеобразном манифесте современных буржуазных французских историков — в первом номере возродившегося после войны журнала «Революция 1848 года», где вслед за характеристикой общественного недовольства политикой Луи-Филиппа и его премьера Гизо высказана «философическая» сентенция, политический смысл которой не требует комментариев: «Однако правительству, которое обладает централизованной администрацией, преданной армией и полицией, нечего бояться, если оно сохраняет волю к самообороне и если оно замечает опасность». Не было ничего более легкого, чем предотвратить революцию в 1848 г., уверяет Лефевр: «для этого достаточно было лишь расширить избирательный корпус».

Совсем иначе оценивали положение Франции в последние годы Июльской монархии великие основоположники марксизма, притом в статьях, написанных еще до революции 1848 г.

«Ротшильд и Луи-Филипп прекрасно понимают,— писал Ф. Энгельс в июле 1847 г.,— что включение в число избирателей мелкой буржуазии означает не что иное, как «LA RÉPUBLIQUE!» [РЕСПУБЛИКУ!]»[1].

Действительно, падение монархии Луи-Филиппа было уже неизбежно в исторических условиях 1847—1848 гг., характеризующихся, как это явствует из всего сказанного, следующими важнейшими чертами.

Социальная база правительства финансовой аристократии, и ранее неширокая, в последние годы царствования Луи-Филиппа еще более сузилась. «Царство банкиров» связывало развитие производительных сил; для завершения промышленной революции — основной задачи капиталистического развития Франции в те времена — требовались реформы, противоречившие своекорыстным интересам узкой группы биржевиков, финансистов, не совместимые с сохранением их засилья.

Широкие слои буржуазного землевладения, возможно, и были удовлетворены экономической политикой правительства в первые годы Июльской монархии. Поправки к хлебным законам времен Реставрации сводились к фикции, протекционизм фактически сохранился. Но по мере развития капиталистического сельского хозяйства и одновременно по мере распространения мелкой аренды и издольщины, препятствовавших росту земледелия, буржуазное землевладение все более нуждалось в законодательных актах, которым (шла ли речь об организации сельского кредита или всего лишь о снижении налога на соль) противились именно банкиры и биржевики. Различные причины порождали среди землевладельцев стремление к политическому объединению, независимо от их социального происхождения и размеров владений, с целью завоевания для себя влиятельного представительства в парламенте и государственном аппарате. Еще не завоевав правительственной власти, крупные и средние землевладельцы представляли накануне 1848 г. силу, достаточно сплоченную хотя бы только для того, чтобы, в случае расширения избирательных прав, ликвидировать диктатуру банкиров.

Конечно, совершить революцию могли только народные массы. Но период Июльской монархии более всего и характеризуется беспрерывным и резким ухудшением положения народных масс, равно как и громадным боевым опытом, который был приобретен народными массами в восстаниях и многочисленных стачках 1830—1847 гг. Небывало широкое распространение социалистических и коммунистических идей представляет также один из важнейших итогов исторического развития Франции в 1830—1847 гг.

---

[1] Ф. Энгельс. Закат и близость падения Гизо. — Позиция французской буржуазии. «Пролетарская революция», 1940, № 4, стр. 133.

Народные волнения 1845—1847 гг. и экономический кризис 1847 г. обострили все противоречия внутри французского буржуазного общества, активизировали либеральную оппозицию, привели к кризису правящих «верхов», к их расколу. Либеральная оппозиция вскоре отступила, увидев, к чему может привести начавшийся во всей Франции и связанный отчасти с банкетной кампанией подъем общественного движения. Заколебались и многие политические представители мелкой буржуазии, республиканцы из партии «Реформа». Но остановить народное движение было уже невозможно. В 1847 г., как и в 1787—1788 гг., нужда народных масс во Франции была особенно нестерпима.

Весьма велика была в 1847—1848 гг. и активность трудящихся масс Франции. Но формы этой повышенной активности пролетариата и полупролетариата были иными, чем в более ранние времена, когда вспыхивали только голодные волнения или плохо организованные восстания. Грубую ошибку представляет мнение буржуазных историков о позиции пролетариата в конце 1847 и начале 1848 г. (особенно о позиции парижских рабочих). Внешнее спокойствие, царившее в этот момент в рабочих кварталах Парижа, воздержание рабочих от преждевременных и не подготовленных выступлений многие современники революции, а вслед за ними и буржуазные историки принимали за «смирение», за пассивную покорность своей горькой судьбе.

Совсем иная оценка позиции парижских рабочих во время революционной ситуации конца 1847 и начала 1848 г. была дана Энгельсом, который поддерживал связи с передовыми представителями рабочего класса Франции и был хорошо осведомлен о деятельности ее тайных коммунистических организаций.

В ноябре 1847 г. Энгельс писал о рабочих Парижа: «О революции они разговаривают мало,— это вещь, не вызывающая сомнений, вопрос, на который все без исключения смотрят одинаково. И когда придет время, когда столкновение между народом и правительством станет неизбежным,— они вмиг окажутся на улицах и площадях, они разроют мостовые, перегородят улицы омнибусами, телегами и каретами, забаррикадируют все переулки, каждый узкий тупик превратят в крепость и двинутся, сметая все на своем пути, от Бастилии на Тюильрийский дворец. И тогда почтенные участники банкетов в честь реформы в большинстве своем запрячутся, чего доброго, в самые темные углы своих домов или рассеются, как сухие листья, в вихре народной грозы»[1].

Через три месяца это гениальное предвидение полностью подтвердилось!

---

[1] Ф. Энгельс. Движение за реформу во Франции. «Пролетарская революция», 1940, № 4, стр. 139.

Глава вторая

ГЕРМАНИЯ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ 1848 Г. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ГЕРМАНИИ В 30—40-х ГОДАХ XIX В.

За первые два-три десятилетия XIX в. экономическая жизнь Германии мало изменилась. Попрежнему преобладающая часть населения (больше 70%) проживала в деревнях и занималась сельским хозяйством. На многих немецких городах лежал характерный средневековый отпечаток. Жизнь протекала в них медленно и вяло; они редко насчитывали больше 4—5 тыс. жителей. В 12 наиболее крупных немецких городах еще в 40-х годах XIX в. было немногим больше жителей, чем в одном Париже.

Сельское хозяйство

Дворянство продолжало сохранять свои прежние социально-политические позиции, в экономической области оставаясь крупнейшей силой. В Пруссии, например, помещики только выиграли от реформ 1807—1811 гг. Они сумели удержать в своих руках значительную часть земли и получить от крестьянства за «освобождение» огромные денежные суммы. В одной лишь Силезии дворянство «... получило вознаграждение в следующих размерах: деньгами — 18 544 766 талеров; денежной рентой ежегодно — 1 599 992 талера; натуральной рентой — рожью — 260 069 шеффелей ежегодно; наконец, уступленной крестьянами землей — 1 533 050 моргенов»[1].

До 1848 г. в Пруссии успели «освободиться» шесть седьмых зажиточного крестьянства и лишь пятая часть середняков и бедняков. Используя выкупные платежи, помещики начинали перестраивать свое хозяйство на новый, капиталистический лад, сохраняя в неприкосновенности значительные остатки крепостничества в «освобожденной» деревне.

Внедрение капитализма в сельское хозяйство Пруссии (и Германии вообще) шло, таким образом, по мучительному для крестьян пути. Говоря словами Энгельса, «...система феодального землевладения почти повсюду оставалась господствующей. В руках землевладельцев осталось даже право суда над феодально-зависимыми крестьянами... В одних местностях феодализм был сильнее, чем в других, но нигде, за исключением левого берега Рейна, он не был вполне уничтожен»[2].

Промышленность

Промышленное производство Германии в первые десятилетия XIX в. находилось в значительной части в руках мелких ремесленных мастеров, снабжавших узкий круг своих потребителей всеми необходимыми предметами домашнего обихода.

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 247.
[2] К. Маркс. Избр. произв., 1940, т. II, стр. 33—34.

Однако в ряде отраслей промышленности наблюдалось успешное развитие капиталистической мануфактуры, пробивавшей себе дорогу, несмотря на многочисленные феодальные стеснения. В период континентальной блокады в Германии стали открываться первые текстильные фабрики. Распространение наполеоновского кодекса в Западной и Северо-Западной Германии и реформы Штейна и Гарденберга в Пруссии также благоприятствовали развитию крупной, фабричной индустрии.

Ряд препятствий все еще тормозил начавшееся развитие крупной промышленности в Германии. Наиболее серьезным препятствием была недостаточная емкость внутреннего рынка, обусловленная политической раздробленностью страны и малой покупательной способностью широких слоев населения, задавленных феодальными поборами. Сохранившиеся от средних веков внутренние таможенные перегородки, многообразие валют, мер и весов, отсутствие единого коммерческого законодательства — все это тяжело отражалось на торговле и резко сокращало сбыт изделий молодой национальной промышленности, и без того страдавшей от возросшей иностранной конкуренции как на внутреннем, так и на внешнем рынке.

Постоянная пассивность торгового баланса сказывалась на медленном темпе накопления капиталов. После 1815 г. в Германии повсеместно ощущался недостаток денежных средств. Это обстоятельство, а также высокий учетный процент отрицательно влияли на капиталистическое предпринимательство, мешали внедрению новых машин, новых технологических приемов и организационных форм. Относительно слабый приток рабочей силы в города, вызванный сохранением остатков крепостничества в деревне, также задерживал строительство фабрик и заводов.

Плохое состояние транспорта в свою очередь сказывалось на темпе экономического развития Германии. Достаточно сказать, что «немецкая почтовая улитка» (так называли в начале XIX в. общественный дилижанс в Германии) ползла от Берлина до Гамбурга двое суток и что расходы по перевозке грузов были здесь значительно более высокими, чем в Англии или Бельгии.

Несмотря на все указанные препятствия, в Германии к 30-м годам XIX в. уже успели вполне определиться те районы и области страны, где развитие капиталистических отношений пошло относительно быстрым темпом. Передовой в этом отношении являлась область среднего течения Рейна — Рейнско-Вестфальские провинции Пруссии. Этому благоприятствовали здесь сравнительно ранняя ликвидация феодальных стеснений и наличие огромных естественных богатств — залежей угля и железной руды.

До начала 30-х годов производство железа и стали было распространено главным образом на левом берегу Рейна (в особенности в долине Саара), где леса еще давали нужное количество топлива для промышленности. Долина Рура не знала тогда домен и фабричных труб и сохраняла свой деревенский облик. Гельзенкирхен, Рурорт и другие поселения, ставшие через два-три десятка лет крупнейшими центрами германской тяжелой индустрии, представляли собой в то время полудеревни; даже в Эссене, в мастерской Альфреда Круппа, было занято не больше десятка рабочих-металлистов. Тем не менее и здесь паровые машины появились уже в 20-х годах. В 30-х годах, после строительства первых глубоких шахт и перехода к употреблению каменного угля, промышленное развитие Германии пошло вперед быстрыми шагами. К началу 40-х годов Бохум и Эссен превратились на глазах одного поколения из небольших поселений в крупнейшие города—центры угольной и металлургической промышленности. В производстве тканей в Рейнской области также наблюдались большие сдвиги. К 30-м годам здесь возникли предприятия

фабричного типа, особенно в районе Крефельда на левом берегу Рейна и в районе Эльберфельда — Бармена на правом берегу.

По сравнению с Рейнской областью Силезия была более отсталой, но и здесь в 20—30-х годах наблюдался технический прогресс. В Силезии широко распространена была полотняная, а позднее и хлопчатобумажная промышленность. Капиталистическая мануфактура охватывала здесь тысячи деревенских кустарей, находившихся в зависимости от сравнительно небольшого числа крупных предпринимателей-капиталистов, так называемых «фабрикантов». Первые прядильные фабрики появились в Силезии также в 20-х годах, ткачество же продолжало еще до середины века оставаться почти исключительно ручным.

Берлин, столица Пруссии, к концу 40-х годов становился одним из крупных торгово-промышленных центров Германии; в нем сосредоточивалось до трети всего машиностроительного и ситценабивного производства Пруссии.

Экономика Берлина давно уже успела перерасти ремесленную стадию: в основе ее лежала капиталистическая мануфактура, превращавшаяся в ведущих отраслях производства в фабрику. Из 400 тыс. населения Берлина в 1846 г. до 70 тыс. являлись наемными рабочими, занятыми не только на предприятиях мануфактурного типа, но и на крупных фабриках и заводах, например на машиностроительном заводе Борзига, выпустившем в одном только 1847 г. 67 паровозов, на ситценабивных фабриках Данненберга и Гольдберга и т. п.

Положение берлинских пролетариев было чрезвычайно тяжелым: рабочий день при нищенской заработной плате продолжался 14—15 часов. Энгельс в 1844 г. писал о Берлине: «Добрые немцы думали всегда, что нищета и разложение существовали лишь в Париже и Лионе, Лондоне и Манчестере, что Германия была совершенно свободна от таких порождений сверхцивилизации и излишнего развития фабричной промышленности. Ныне они, однако, начинают видеть, что они сами могли бы показать значительное количество социальных бедствий; берлинские газеты признают, что «Voigtland» их города не уступает в этом отношении С.-Жилю или всякому другому очагу париев цивилизации...»[1]

Но и вне Пруссии быстро развивались некоторые промышленные районы, в частности в Саксонии. Текстильная промышленность за годы континентальной блокады сделала и здесь быстрые успехи. В 1810 г. в Саксонии было до 9 тыс. станков «дженни», и с этого времени стало вытесняться ручное прядение. В 1814 г. в Саксонии было 283 тыс. механических веретен, а в 1834 г.— уже до 375 тыс. Создание Таможенного союза дало мощный толчок развитию саксонской текстильной промышленности: всего за четыре года (1834—1838) здесь выросло до 45 новых крупных бумагопрядильных фабрик.

Несмотря, однако, на весь этот прогресс, Германия к концу первой половины XIX в. только еще вступала в стадию промышленной революции. Число паровых двигателей в стране все еще оставалось сравнительно ничтожным. И в этом отношении Германия значительно отставала от Франции, не говоря уже об Англии. К 1847 г. в Пруссии насчитывалось лишь немногим больше 1 тыс. паровых двигателей с общей мощностью в 21 тыс. лош. сил. Еще в 1849 г. на всех промышленных предприятиях Берлина было только 113 паровых двигателей. До 50-х годов ручное ткачество еще удерживало свои позиции. В большинстве мелких и средних городов ремесленное производство продолжало играть заметную роль.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. II, стр. 415. «Voigtland» (Фойгтланд) — район рабочих казарм в Берлине.

Таможенный союз

В 20—30-х годах наметился прогресс в области не только промышленности, но и транспорта. Уже в 1824 г. по Рейну начали ходить первые колесные пароходы. Первая железная дорога, на участке Нюрнберг — Фюрт, была открыта в 1835 г., а вслед за тем были открыты для пассажирских и товарных перевозок линии Берлин — Потсдам, Франкфурт-на-Майне — Майнц и др. В начале 40-х годов началось строительство нескольких железнодорожных магистралей, связывавших периферию с центром и главные города между собой. Одновременно значительно увеличилась и сеть шоссейных дорог, строившихся по инициативе и на средства Пруссии даже и за пределами ее собственной территории. Строительство это, непосильное для мелких государств, способствовало их экономическому сближению с Пруссией. В 1818 г. в Пруссии был впервые введен общий таможенный тариф. Позднее прусское правительство предприняло шаги с целью уничтожения таможенных перегородок между чересполосно лежавшими прусскими владениями и соседними немецкими государствами. В 1819 г. Пруссия заключила с маленьким княжеством Шварцбург-Зондерсхаузен первый договор об установлении единой таможенной границы. В конце 20-х годов аналогичные договоры были заключены Пруссией с Гессен-Дармштадтом, Баварией и Вюртембергом. К 1 января 1834 г. новый Таможенный союз объединял 18 государств с 23 млн. жителей. Пруссии принадлежала в нем руководящая роль. Шлагбаумы на дорогах северной Германии были, наконец, уничтожены, препятствия для свободной перевозки грузов устранены.

Вне Таможенного союза остались отдельные немецкие государства, прилегавшие к Северному морю: Ганновер, Ганзейские города, Ольденбург и Мекленбург. Не обладая собственной промышленностью, они стремились извлекать прибыль из тесных торговых связей с Англией и были поэтому противниками каких-либо таможенных ограничений.

Создание Таможенного союза сильно способствовало расширению внутреннего рынка и развитию германской промышленности. Со второй половины 30-х годов ускорилось разложение старых ремесленных предприятий, стали внедряться новые, более высокие формы капиталистической мануфактуры. Одновременно увеличивалось число фабрик и заводов. вытеснявших из многих отраслей промышленности ручной труд.

РОСТ ОППОЗИЦИОННЫХ НАСТРОЕНИЙ В ГЕРМАНИИ В 30-х ГОДАХ XIX В.

Оппозиционность немецкой буржуазии

С ростом промышленности и торговли, а также под непосредственным впечатлением политических успехов буржуазии во Франции и Бельгии с начала 30-х годов росли оппозиционные настроения и в кругах немецкой буржуазии. Особенно возросла политическая активность буржуазии в Рейнской провинции Пруссии. Промышленники и купцы выдвинули здесь ряд политических требований и сформулировали их в докладной записке, составленной видным аахенским фабрикантом Давидом Ганземаном. Записка эта в начале 1831 г. была передана королю.

Рейнские либералы требовали прежде всего превращения сословных провинциальных ландтагов в общепрусское представительное собрание и настаивали на изменении избирательных порядков, чтобы покончить с засилием дворянства. В записке, однако, ничего не говорилось о всеобщем избирательном праве. Наоборот, Ганземан указывал в ней, что «богатейшие люди государства должны иметь подавляющее влияние», и поэтому советовал королю искать опоры только у «влиятельных», т. е.

наиболее состоятельных граждан. Ганземан пугал Фридриха-Вильгельма III возможностью «восстания черни». «Союз между бюргерством и дворянством,— писал Ганземан,— составляет подлинную силу нации». Позднее, в 1840 г., Ганземан в новой докладной записке подчеркивал, что «Пруссия нуждается в могущественном троне» и что «наследственная монархия представляет собой краеугольный камень политического здания».

К голосу рейнских либералов присоединялись голоса либералов в Юго-Западной Германии. Баденские профессора Роттек и Велькер после неудачной попытки издания оппозиционной газеты «Откровенный» («Freimüthiger») предприняли в 1833 г. издание многотомного «Политического словаря» («Staatslexicon», 1833—1844), ставшего своего рода библией немецкого либерализма.

Словарь Роттека и Велькера имел, однако, весьма мало общего со знаменитой энциклопедией Дидро и д'Аламбера. Сословно-цензовая конституционная монархия с двухпалатной системой—вот политический идеал, к которому стремились либералы не только в Пруссии, но и в Юго-Западной Германии. Дворянство в их глазах — необходимое звено, связывающее династию с народными массами. Они не помышляли поэтому о полном уничтожении сословных преимуществ и привилегий дворянства.

Оппозиционность немецкой буржуазии продолжала, таким образом, носить весьма ограниченный характер и не могла идти ни в какое сравнение с политическими настроениями французской буржуазии кануна революции 1789 г.

Мелкобуржуазный радикализм. «Молодая Германия»

Решительнее выступали против реакции передовые представители промежуточных слоев немецкого общества — ремесленников, мелкобуржуазной интеллигенции. Нарождавшийся в Германии капитализм уже давил на эти слои, вызывая в них острое чувство тревоги и недовольства. В то же время они сталкивались с надменным дворянством, страдали от феодальных порядков. Жизненные условия толкали средние слои к более смелому протесту, к республиканско-демократическим идеалам. Впрочем, эти идеалы были выражены у немецкой интеллигенции 30-х годов еще очень неясно и нередко противоречиво.

В условиях крайнего полицейского произвола возможность пропаганды вольнолюбивых идей была весьма ограничена. Мечты о «свободе, равенстве и братстве» приходилось таить про себя. Поэтому протест демократических кругов против реакционных порядков облекался зачастую в форму чисто литературных выступлений и выражался в поэтических образах и философских рассуждениях.

В 20-х и 30-х годах сложилось новое литературное течение — «Молодая Германия». Писатели и поэты, входившие в это литературное содружество, упорно боролись против меттерниховского реакционного режима, против пруссачества, против произвола мелких князей и в своих произведениях расшатывали устои абсолютизма. Переселившиеся после июльской революции в Париж писатели Людвиг Берне и Генрих Гейне идейно возглавляли эту литературную борьбу и вели за собой группу молодых писателей и поэтов, среди которых особенно выделялся драматург и романист Карл Гуцков (автор драмы «Уриэль Акоста»).

В середине 30-х годов Берне выступил против реакционного писателя Менцеля, доносившего правительству на передовых писателей, глумившегося над идеями французской буржуазной революции XVIII в. и восхвалявшего мнимые доблести древних германцев. «Речь идет,— писал Берне,— не о том, каковы были немцы полторы тысячи лет назад, а о том, каковы они теперь». А теперь — «немецкое влияние повсюду служит

защитой насилию и угрожает свободе». Поэтому, доказывал Берне, истинный патриот обязан не восторгаться подвигами какого-нибудь Арминия, не восхвалять историческое прошлое немецкого народа, но «разбудить его, потому что он спит». Берне звал немцев проснуться от векового сна, указывая им, что «народ, который терпеливо позволяет топтать себя ногами, заслуживает, чтобы его давили и раздавили». Однако Берне ограничивался стремлением лишь к политическим свободам. В «Парижских письмах» (1830—1832) он подчеркивал, что ведет борьбу «не против собственности, а лишь против привилегий богатых». Писатель видел спасение человечества в буржуазно-демократическом перевороте.

Гейне в стихах и прозаических произведениях еще более едко и зло высмеивал германские порядки и также звал немецкого «Михеля» пробудиться, наконец, от векового сна и «не успокаиваться, пока жив хоть один тиран». В «Путевых картинах» (1826—1831) поэт с исключительной силой пригвоздил к позорному столбу не только надменное дворянство и лицемерное духовенство, но и трусливое, раболепное немецкое мещанство.

После выхода «Путевых картин» Гейне вынужден был эмигрировать во Францию. Его поэма «Германия», вышедшая в 1845 г., представляла собой убийственную сатиру на прусские политические порядки, на немецких князей, на дворянство, бюрократию и мещанство всей Германии.

Гейне лучше Берне понимал ограниченность целей и задач буржуазной революции; не будучи социалистом, он все же приветствовал в своих знаменитых «Ткачах» первые шаги немецкого рабочего движения.

Литературные выступления Гуцкова и других представителей «Молодой Германии» носили более умеренный характер. Позднее они свелись к требованиям свободы слова и печати. В 40-х годах многие деятели «Молодой Германии», по выражению Энгельса, «раскаивались в своих юношеских грехах» и постепенно превращались в заурядных либералов. Но в годы, непосредственно следовавшие за июльской революцией, вся свободомыслящая Германия, затаив дыхание, следила за борьбой группы молодых писателей, радуясь каждому меткому удару, нанесенному прислужникам реакции рукой Берне, Гейне, Гуцкова. Союзный сейм в декабре 1835 г. запретил распространение в Германии их произведений. Однако это не остановило развития оппозиционных настроений среди передовой части немецкой буржуазной интеллигенции. Особенно сильное впечатление произвела в Германии и даже за ее пределами «Песнь ненависти» Георга Гервега, появившаяся в 1841 г. в сборнике «Песни живого человека». Это стихотворение дышало революционным пафосом.

Младогегельянцы

В области философии в Германии 30-х годов идейные расхождения среди последователей и учеников Гегеля становились все более и более заметными. В борьбе с феодальными реакционерами, дорожившими идеалистической системой Гегеля, выделилось постепенно левое крыло (так называемые младогегельянцы), которое придавало главное значение диалектическому методу Гегеля (хотя и сам метод был идеалистическим) и делало из его учения прогрессивные политические выводы. Но стесненные самодержавным гнетом прусского правительства, младогегельянцы (братья Бруно, Эдгар Бауэр и др.) облекали свою критику реакционных устоев в форму критического пересмотра вопросов истории религии, происхождения христианства, личности Иисуса и т. п. В целом их критика существующих политических порядков носила абстрактный, отвлеченный и потому ограниченный характер. Они обрушивались не столько на действительное зло в общественных отношениях, сколько на отражение этого зла в сознании людей. Резко критиковал христианскую религию публицист и философ Давид Штраус в своей известной книге «Жизнь Иисуса» (1835 г.).

Борьбу с реакцией в области идеологии вел и Людвиг Фейербах, книга которого «Сущность христианства» (1841) была одним из первых проявлений материализма в немецкой философии. Но это был материализм непоследовательный, ограниченный, не распространявшийся на область общественных наук. «Поскольку Фейербах материалист, он не занимается историей; поскольку же он рассматривает историю — он вовсе не материалист»[1].

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП РАБОЧЕГО И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ГЕРМАНИИ

«Союз справедливых»

В самой Германии было мало возможностей для создания каких-либо революционных организаций. Первые немецкие рабочие революционные организации начали создаваться вне Германии. Еще до событий 1830 г. началась политическая эмиграция из Германского союза.

Во Франции и Швейцарии находилось немало немецких ремесленников, преимущественно портных и часовщиков, частью — политических эмигрантов. До появления самостоятельных рабочих организаций многие из этих ремесленников примыкали к эмигрантским кружкам мелкобуржуазных республиканцев: в 1832 г.— к «Немецкому народному союзу», в 1833—1834 гг.— к «Молодой Германии» (немецкая ветвь международной ассоциации «Молодая Европа»), в 1833—1835 гг.— к «Союзу гонимых» («Союз отверженных»).

Внутри «Союза гонимых» в 1833—1835 гг. происходила борьба между мелкобуржуазными демократами и ремесленниками, сторонниками социалистических учений. Эта борьба предвещала значительное событие в истории немецкого пролетариата: появление в 1836 г. первой самостоятельной организации немецких социалистов. В 1836 г. из «Союза гонимых» выделилась социалистическая группа, принявшая название «Союза справедливых». Как указывал Энгельс, «Союз справедливых» был организован самыми крайними, по большей части пролетарскими элементами «Союза гонимых». «Мы хотим, чтобы все люди на земле были свободными, чтобы никому не жилось лучше или хуже, чем другому, чтобы все сообща несли общественные тяготы, страдания, радости и наслаждения... для этой цели мы основали свой союз»,—говорилось в воззвании этой новой организации, появление которой и было началом самостоятельного немецкого рабочего движения.

В программных заявлениях «Союза справедливых» было еще много незрелого и утопического, организационные принципы его были заимствованы у тайного общества бланкистов, с которыми немецкие рабочие в Париже поддерживали тесную связь.

Вейтлинг

Вскоре после основания «Союза справедливых» в него вступил один из выдающихся деятелей раннего немецкого рабочего движения — Вильгельм Вейтлинг. Еще мальчиком Вейтлинг стал работать в мастерской портного, а затем с котомкой за плечами обошел, как это было тогда в обычае у подмастерьев, многие немецкие и французские города.

Вейтлинг познакомился с сочинениями французских социалистов-утопистов, в частности с сочинениями Фурье, и скоро стал продумывать собственную систему социальных преобразований. В 1838 г. вышло в свет его первое сочинение «Человечество, как оно есть и каким оно должно быть». Позднее, в начале 40-х годов, вышли другие произведения Вейтлинга—«Гарантии гармонии и свободы» и «Евангелие бедного грешника».

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 35.

Будущее общество представлялось Вейтлингу в виде содружества граждан, пользующихся равными правами и одинаково участвующих как в производстве, так и в распределении. Переход к новому общественному строю рисовался ему в форме стихийного бунта угнетенных народных масс. Главная роль в этом бунте должна принадлежать, по мысли Вейтлинга, люмпен-пролетариату, париям существующего общественного строя. Заимствуя у Фурье критическую часть его системы, Вейтлинг в то же время воспринял идею Бабефао насиль ственном социальном перевороте. Вейтлинг не придавал никакого значения организации рабочего класса и политической борьбе, его коммунизм носил не только грубо уравнительный, но и мистический характер.

ВИЛЬГЕЛЬМ ВЕЙТЛИНГ

Фото

Собрание Института Маркса — Энгельса — Ленина. Москва

Появление «Союза справедливых» и распространение произведений Вейтлинга свидетельствовали о пробуждении классового сознания у немецких рабочих.

«Истинные социалисты»

В начале 40-х годов XIX в. среди мелкобуржуазной интеллигенции и частично среди рабочих и беднейших ремесленников получило распространение новое идеологическое течение — «Истинный социализм».

«Истинные социалисты», и среди них в особенности журналисты К. Грюн и М. Гесс, ополчались в своих статьях в популярной «Трирской газете» («Trirische Zeitung»), журналах «Общественное зеркало» («Gesellschaftsspiegel») и «Вестфальский пароход» («Westphälisches Dampfboot») против капиталистической эксплуатации, но проповедовали, вместо классовой борьбы, всеобщее братство и любовь между людьми и народами. При этом они сочетали свои сентиментальные и мещанские воззрения с отдельными идеями, заимствованными у французских социалистов-утопистов и у Вейтлинга.

«Истинные социалисты» отрицали существование капитализма в Германии и утверждали, что она в своем развитии может не пойти по пути Англии и Франции, может избежать борьбы между пролетариатом и буржуазией. Они думали, что Германия прямо перейдет к новому, построенному на принципах всеобщей любви и гуманизма, общественному строю.

Грюн и Гесс отрицательно относились к политической борьбе рабочего класса. Как раз в то время, когда раздробленная на отдельные куски и угнетаемая феодальным дворянством Германия быстрыми шагами шла к революции, они утверждали, что немецким рабочим нет никакого дела до конституционного строя и других буржуазно-демократических реформ.

Характеризуя сущность этого вреднейшего идеологического течения, с которым вели упорную борьбу Маркс и Энгельс, В. И. Ленин указывал, что оно состоит в непонимании «...классовой борьбы и значения политической свободы, с одной стороны. Далее, в неумении различить значение того или иного слоя буржуазии в современной политической борьбе»[1].

Восстание силезских ткачей

В июне 1844 г. в Силезии, представлявшей исконные владения Польши, впервые поднялись против капитала ткачи ряда горных селений, подобно тому как до них поднимались на борьбу против своих угнетателей-капиталистов луддиты в Англии и шелкоткачи в Лионе.

Положение силезских ручных ткачей после начала промышленной революции в Англии и появления паровых машин в самой Германии стало невыносимым. «Фабриканты», раздававшие им пряжу на выработку, из года в год снижали расценки. Пользуясь тяжелым положением ткачей, они за их счет сокращали издержки производства, а затем выбрасывали свои товары на продажу по низким ценам. Силезские ткачи подвергались, кроме того, эксплуатации и со стороны местных помещиков, продолжавших и в 40-х годах взимать с них особый «ткацкий чинш» за право заниматься промыслом.

К началу 40-х годов положение в горных округах стало особенно тяжелым в связи с рядом неурожайных лет и задержкой в сбыте продукции на заграничные рынки. Нищета в горных селениях достигла таких размеров, что даже прусский чиновник, специально объезжавший незадолго перед восстанием горные текстильные округа Силезии, вынужден был признать, что из 36 тыс. человек более 6 тыс. буквально умирают с голоду.

Народ выразил свое возмущение в песне «Кровавый суд». Песню эту Маркс назвал «боевым кличем», в котором пролетариат Силезии резко, ясно, беспощадно и властно заявлял во всеуслышание о своей враждебности буржуазному обществу, обществу частной собственности. В начале июня 1844 г. долго накоплявшийся гнев ткачей вырвался, наконец, наружу.

Восстание началось 4 июня. Голодные ткачи разгромили дом и предприятия особенно ненавистного фабриканта Цванцигера. На следующий день они большой толпой двинулись в соседнее селение и там также подвергли разгрому ряд предприятий. Местные власти вызвали в горные округа воинские части, но восставшие ткачи, несмотря на предупреждение, не расходились. Один за другим были даны по ткачам ружейные залпы. До 20 человек было убито и тяжело ранено, но ткачи сами перешли в наступление, и королевская пехота скоро была с позором изгнана из селения. 6 июня в горные селения вступили крупные воинские силы, и повстанцы вынуждены были покориться. Около 70 ткачей было схвачено, посажено в крепость, подвергнуто жестоким телесным наказаниям.

«Порядок» был, таким образом, восстановлен, но, несмотря на поражение, восстание силезских ткачей имело большое историческое значение: оно показало, что немецкие рабочие, так же как английские и французские пролетарии, начали осознавать свои классовые интересы и втягиваться

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 10, стр. 430.

в борьбу против капитала. Несмотря на стихийность выступления силезских ткачей, в нем можно усмотреть определенные элементы организованности и сознательности.

Восстание силезских ткачей вызвало сочувственные отклики не только в Германии, но и в Австрийской империи. Почти одновременно выступили ситцепечатники в Берлине и ткачи в Праге. По всей Германии и Австрии прокатилась волна стачечного движения.

Накануне событий 1848 г. немецкий рабочий класс был, таким образом, гораздо более развит, чем рабочие в Англии XVII в. и Франции XVIII в. Обстоятельство это, отмеченное Марксом в «Манифесте Коммунистической партии», «...послужило вероятной причиной того, что именно Германия явилась родиной научного социализма, а вожди германского пролетариата — Маркс и Энгельс — его творцами»[1].

КАРЛ МАРКС И ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС[2]

Оба великих основоположника научного социализма начали свою политическую деятельность незадолго перед тем, как вспыхнуло силезское восстание. Родившись и выросши в Рейнской провинции Пруссии, наиболее передовой в экономическом отношении области Германии, Маркс и Энгельс в молодости имели возможность наблюдать быструю ломку старых производственных отношений и первые победные шаги капитализма. Кроме того, здесь, на Рейне, острее, чем где-либо в Германии, чувствовался тяжелый гнет усилившейся после 1815 г. реакции.

Карл Маркс

Сын адвоката, Маркс окончил в 1835 г. гимназию в родном городе Трире, а затем поступил в университет, сначала в Бонне, потом в Берлине, где изучал юридические науки, историю и философию. Еще будучи студентом, он примкнул к кружку левых гегельянцев, которые, по выражению В. И. Ленина, «...стремились делать из философии Гегеля атеистические и революционные выводы»[3].

Окончив университет в 1841 г. и представив свою докторскую диссертацию («Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура»), Маркс направился в Бонн, рассчитывая продолжать там научную работу. Скоро круговорот политической жизни захватил его, как и многих других представителей передовой интеллигенции.

Если вспомнить, что как раз в начале 40-х годов впервые начал подниматься на борьбу немецкий рабочий класс, станет понятным, в какую раскаленную политическую атмосферу попал после своего приезда на Рейн Маркс.

В Кельне в это время местные радикальные буржуа, связанные с левыми гегельянцами, основали оппозиционную «Рейнскую газету» («Rheinische Zeitung»). Маркс начал сотрудничать в этой газете с апреля 1842 г., а в октябре стал ее редактором. С этого времени «Рейнская газета» принимала все более и более революционно-демократическое направление и скоро попала под яростные удары прусской цензуры. В марте 1843 г., после появления на ее страницах статей Маркса о тяжелом положении мозельских крестьян-виноделов, газета была закрыта.

Убедившись в невозможности «ни писать под прусской цензурой, ни дышать прусским воздухом», Маркс осенью 1843 г. переселился в Париж и здесь совместно с журналистом-демократом Арнольдом Руге начал

---

[1] И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 7.

[2] О деятельности Маркса и Энгельса подробнее см. главы: седьмую, восьмую, тридцатую, сороквторую, пятидесятую.

[3] В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 30.

подготавливать издание нового журнала — «Немецко-французские ежегодники» («Deutsch-französische Jahrbücher»). «В своих статьях в этом журнале Маркс выступает уже как революционер, провозглашающий „беспощадную критику всего существующего“ и в частности «критику оружия», апеллирующий *к массам* и *к пролетариату*»[1].

Фридрих Энгельс

Энгельс был сыном богатого фабриканта из Эльберфельд-Бармена. Литературную деятельность Энгельс начал в 1839 г., напечатав в одном из передовых журналов того времени свои «Письма из Вупперталя». В этих письмах он с исключительной выразительностью обрисовал, с одной стороны, привольную жизнь буржуазии, с другой — нищенскую, тяжелую жизнь пролетариев своего родного города. В ряде статей, посвященных «Положению Германии», Энгельс клеймил позором немецкое мещанство, не желавшее оторваться от того «верноподданного корыта»[2], у которого Германия очутилась после Венского конгресса, и смело звал немцев к борьбе против самодержавия.

Отбывая в 1841 г. военную службу в Берлине, Энгельс поступил вольнослушателем в университет. В 1842 г. появилась его философская работа «Шеллинг и откровение», яркий памфлет против реакционного берлинского профессора философии Шеллинга. В том же 1842 г. Энгельс был отправлен отцом в Манчестер, где стал работать в фабричной конторе фирмы, пайщиком которой был отец Энгельса. Эта поездка в Англию имела для Энгельса громадное значение. Он увидел ужасающую эксплуатацию фабричных рабочих. Потрясенный этим зрелищем, Энгельс принял участие в движении английского пролетариата, сблизился с чартистами, стал сотрудничать в их прессе. Одновременно он приступил к изучению условий жизни трудящихся масс в Англии и Ирландии и ознакомился с сочинениями английских экономистов. Результатом этого двухлетнего труда были замечательные произведения Энгельса: «Очерки критики политической экономии», опубликованные в «Немецко-французских ежегодниках» в 1844 г., и книга «Положение рабочего класса в Англии», напечатанная в 1845 г. Значение этих работ было ясно определено Марксом; рассказывая о возникновении своей теории — великой теории научного коммунизма, Маркс отметил, что именно в «Очерках критики политической экономии» и в книге «Положение рабочего класса» Энгельс пришел «другим путем к тому же результату...»[3] Осенью 1844 г., возвращаясь из Англии на родину, Энгельс встретился с Марксом в Париже. Сблизившись друг с другом, Маркс и Энгельс приняли в дальнейшем активное участие в жизни революционных групп Парижа, а затем и Брюсселя, куда Маркс переехал в 1845 г. после того, как по настоянию прусского правительства он был выслан из Парижа. Именно в 1845—1846 гг. Маркс и Энгельс в ожесточенной борьбе с различными учениями мелкобуржуазного социализма выработали «...теорию и тактику революционного *пролетарского социализма* или коммунизма (марксизма)»[4].

Как указывал А. А. Жданов, «возникновение марксизма было настоящим открытием, революцией в философии... Маркс и Энгельс создали новую философию, качественно отличающуюся от всех предыдущих, хотя бы и прогрессивных философских систем»[5].

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 31.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. II, стр. 70.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XII, ч. 1, стр. 8.
[4] В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 32.
[5] «Вопросы философии», 1947 г., № 1, стр. 258.

РОСТ ГЕРМАНСКОГО БУРЖУАЗНОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Вместе с экономическим ростом немецкой буржуазии росла и ее политическая активность. В 40-х годах XIX в. немецкие буржуа острее, чем раньше, ощущали слабость Германского союза и отсутствие в Германии национального единства. Все настойчивее требовали они создания сильного всенемецкого отечества. Громче других раздавался голос буржуазного экономиста Фридриха Листа, автора труда «Национальная система политической экономии». Ф. Лист упорно боролся против разобщенности и хаоса в области экономических отношений, которые характеризовали жизнь германских государств в тот период.

Стремление к «единому отечеству» было связано у немецкой буржуазии со стремлением добиться не только уничтожения многочисленных внутренних феодальных пут, но и утверждения молодой еще промышленности Германии на мировом рынке. Отсутствие государственного единства делало немецкого купца за границей совершенно бесправным. «Английский, французский, американский купец мог за границей позволить себе даже больше, чем дома. За него вступалось его посольство, а в крайнем случае и несколько военных кораблей. Только не немец!— писал позднее Энгельс.— ... Куда бы ни приезжали немецкие купцы, они везде находились под чужой защитой... Впрочем, если бы даже их послы и пожелали вступиться за них, какая могла быть от этого польза? С самими-то немецкими послами за границей обходились, как с чистильщиками сапог» [1].

Характерно, однако, что уже в то время либеральная немецкая буржуазия связывала с объединением Германии не только задачу защиты собственных границ, но и завоевание чужих земель. Так, например, в начале 30-х годов один из наиболее видных деятелей антифеодальной оппозиции в Вюртемберге, Пфицер, писал, что немцы самой природой, «созданы» для того, чтобы «нести цивилизацию другим народам» и «заселять чужие земли». В начале 40-х годов в связи с международными осложнениями на Ближнем Востоке некоторые круги немецких бюргеров заговорили о необходимости создания сильной немецкой армии и военного флота.

Когда во Франции в начале 40-х годов, с приходом к власти Тьера, снова вспомнили о «французском Рейне», немецкая буржуазия ответила на эти притязания французской буржуазии бешеной националистической пропагандой и требованием вооружений. «Им не завладеть немецким Рейном, пока кости последнего немца не будут поглощены его волнами»,— писал в своих стихах немецкий поэт Беккер. Ему вторили и другие немецкие поэты и публицисты. «Германия превыше всего», «Страж на Рейне» и другие шовинистические песни, ставшие позднее гимнами немецких империалистов, получили в Германии широкое распространение именно в то время. В тогдашних периодических изданиях можно было встретить мечты о колониях, якобы необходимых немцам. У того же Фридриха Листа можно уже найти мысли о немецкой экспансии в сторону нижнего течения Дуная, Черного моря и Ближнего Востока. Он мечтал уже о связях Берлина с Багдадом! При этом он был враждебно настроен не только по отношению к Франции и России, но и к Англии. Он прямо грозил «владычице морей»: «Если Англия встанет поперек дороги немцам, они завоюют Бельгию и Голландию, пробьются к Северному морю и завладеют, наконец, «ключом от своего собственного дома».

Под «собственным домом» молодая, но уже хищная немецкая буржуазия подразумевала не только те земли, которые действительно были заселены немцами, но и области, заселенные другими народами.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 455—456.

По отношению ко всем этим народам, в разное время лишившимся политической самостоятельности, представители широких слоев немецкой буржуазии, даже наиболее радикальные, занимали враждебную позицию, старались доказать расовое превосходство германцев над славянскими и романскими народами. Даже один из радикальных немецких поэтов того времени Георг Гервег писал, что «в будущей объединенной Германии венгры, поляки, чехи и славяне вообще не будут иметь права голосовать или владеть землей и смогут быть полезны лишь в обработке земли ручным трудом».

РЕВОЛЮЦИОННАЯ СИТУАЦИЯ В ПРУССИИ В 1847—1848 ГГ.

В 1840 г. умер прусский король Фридрих-Вильгельм III и на престол вступил его сын Фридрих-Вильгельм IV. С приходом к власти нового монарха либеральное бюргерство связывало большие ожидания, надеясь, что сын осуществит, наконец, данные отцом конституционные обещания.

Вступив на престол, новый король, правда, даровал амнистию и допустил некоторые цензурные послабления, но вместе с тем, при коронации в Кенигсберге, подчеркнул, что будет охранять незыблемость существующего в стране самодержавного строя.

Обманувшуюся в своих надеждах прусскую буржуазию охватили сильные оппозиционные настроения. В Пруссии начали выходить многочисленные политические брошюры и книги с требованиями представительного строя и прямыми угрозами по адресу дворянства и самого короля.

«Рейнская газета» и «Кенигсбергская газета» («Königsberger Zeitung») в качестве органов передовой либерально-буржуазной мысли открыли поход против реакционной политики Фридриха-Вильгельма IV.

Политические требования прусской буржуазии

Ко второй половине 40-х годов особенно сильно возросли политические притязания прусской буржуазии, наиболее развитой в экономическом отношении. Несмотря на все правительственные репрессии, оппозиционное движение в Пруссии с каждым годом заметно усиливалось, грозя смести со своего пути обветшалое здание прусского абсолютизма. Уже в 1841 г. многие провинциальные ландтаги настаивали на скорейшем проведении реформ. В 1845 г. все ландтаги (за исключением двух) потребовали конституции.

Давид Ганземан и на этот раз сформулировал в своей докладной записке основные требования либералов. Созыв общепрусского сословного представительства, укрепление и расширение Таможенного союза, уничтожение вотчинной юстиции и других привилегий юнкеров занимали среди этих требований первое место.

Рейнская буржуазия попрежнему выступала в качестве застрельщика оппозиционного движения. Из ее среды постепенно выделились вожди прусского либерализма: фабрикант Ганземан, банкиры Кампгаузен и Мефиссен и другие деятели того же склада.

В то же время среди оппозиционных кругов буржуазии усилились стремления подчинить своему влиянию начинавшееся рабочее движение. В 1845—1846 гг. вышли в свет брошюры и статьи, призывавшие к союзу буржуазии с пролетариатом против господствующего дворянства. В этих брошюрах, принадлежавших перу публицистов-либералов, выражалась уверенность, что собственники и предприниматели охотно пойдут навстречу рабочим, если найдут у них поддержку своим политическим требованиям. Тогда же в городах Рейнской области и в других городах Германии были открыты «Союзы для улучшения положения

трудящихся классов» и созданы различные благотворительные учреждения. В своих «Замечаниях по поводу препятствий для просвещения и эмансипации низших классов» рейнский заводчик либерал Гаркорт призывал рабочих к совместному выступлению против юнкерства, обещая им сокращение рабочего дня, охрану детского труда и даже социальное страхование. С трудом скрывая свой страх перед растущим рабочим движением, прусские либеральные буржуа стремились, с одной стороны, ослабить напор народных низов, а с другой — использовать этот напор в собственных классовых интересах.

Рост недовольства в народных массах

Как уже было сказано, годы, непосредственно предшествовавшие революции 1848 г., были неурожайными, а кроме того, в 1847 г. вся Европа была потрясена сильным финансовым и торгово-промышленным кризисом. Положение народных масс стало совершенно невыносимым. К концу 1847 г. в Германии голодали многие тысячи рабочих и крестьянских семей; в отдельных областях от тифа и других болезней, связанных с хроническим недоеданием, вымирало население целых деревень. В Восточной Пруссии и Силезии, где помещичий гнет был особенно тяжел, голодная смерть угрожала целым районам. Но и на юго-западе Германии царила самая неприкрытая нужда, особенно острая и безысходная как раз в тех местностях, где крестьянство еще не забыло о временах «Башмака» и «Бедного Конрада»,— в Оденвальде и Шварцвальде.

Уже ранней весной 1847 г. во многих немецких городах голодающие массы выходили на улицу, чтобы свести свои счеты с купцами, бессовестно взвинчивавшими цены на продовольствие. В апреле волнения вспыхнули в самой столице Пруссии. Целых два дня — 21 и 22 апреля 1847 г.— здесь продолжалась так называемая «картофельная война», в ходе которой не только были разгромлены многие лавки, но и выбиты стекла во дворце прусского наследника престола. Впервые на улицах Берлина раздавались крики: «Революция!» Власти подняли на ноги почти весь столичный гарнизон. Перепуганные на смерть состоятельные бюргеры спешили предложить правительству свои услуги против поднявшегося народа. Они готовы были, как заявлял берлинский бургомистр Наунин, немедленно приступить к организации отрядов добровольцев-полицейских, чтобы помочь правительству поддержать в городе «спокойствие и порядок».

Берлинские волнения нашли отклик в других прусских городах — Галле, Штеттине, Мерзебурге. В мае волнения разыгрались на юге — в городах Вюртемберга, где дело доходило до постройки баррикад и кровавых столкновений с войсками.

Созыв Соединенного ландтага

В начале 1847 г. затруднения прусского правительства резко возросли. Казна была почти пуста. Банкиры упорно отказывали Фридриху-Вильгельму IV в новых займах: они требовали гарантий со стороны народного представительства. Король, вечно колебавшийся между репрессиями и уступками, был в конце концов поставлен перед необходимостью внять голосу либеральной буржуазии. Он вынужден был созвать представителей всех восьми провинциальных ландтагов и дать этому Соединенному ландтагу право вотировать новые налоги и займы. Уступка эта лучше, чем что-либо другое, свидетельствовала о назревании в Пруссии революционной ситуации.

Трудно было заранее предсказать, как поведут себя съехавшиеся в Берлин в апреле 1847 г. представители буржуазной оппозиции, т. е. удовлетворятся ли они скромными королевскими уступками. Короля и его министров не оставляла мысль о применении насилия над несговорчивыми депутатами Соединенного ландтага. «Если нам придется совер-

шить 18 брюмера,— говорил уже в первые дни февраля русскому послу министр иностранных дел Каниц,— господа депутаты, которым придется прыгать из окон второго этажа, почувствуют себя не слишком хорошо...»

Открывая заседания Соединенного ландтага, король подчеркнул ограниченность задач, поставленных перед собравшимися депутатами. «Никогда никакой силе земной не удастся превратить естественные, особенно сильные у нас своей внутренней правдой, отношения между монархом и народом в условные, конституционные»,— заявил он депутатам. Подобные слова способны были только обострить и без того достаточно острые противоречия. Представители либеральной оппозиции, собравшиеся в Белом зале королевского дворца, где происходили заседания ландтага, при обсуждении ответного адреса требовали конституции, настаивали на периодических созывах ландтага, на предоставлении ему всех прав законодательного представительного собрания.

Вся Пруссия, кроме реакционно-дворянских кругов, встретила королевскую речь с горечью и негодованием. Столкновение между дворянско-абсолютистской монархией и либерально-буржуазной оппозицией делалось неизбежным.

Король и стоявшие за ним круги юнкерства, составившие в ландтаге особую курию «господ», не шли на дальнейшие уступки, а либерально-буржуазное большинство не шло навстречу правительственным пожеланиям и отказывало правительству в кредитах. В июне 1847 г., после трехмесячных бесплодных препирательств, дело дошло до открытого разрыва.

Когда поставлен был на обсуждение вопрос о новом займе на нужды железнодорожного строительства, либералы — члены Соединенного ландтага, прекрасно понимавшие значение проектируемой восточно-прусской железной дороги, отказали правительству в кредитах, заявив, что не дадут их, пока Фридрих-Вильгельм IV не согласится на конституционный образ правления.

Фридрих-Вильгельм IV распустил несговорчивый ландтаг. Престиж королевской власти, явно растерявшейся перед лицом растущего оппозиционного движения, стремительно падал. Революционный взрыв в Пруссии быстро надвигался.

Познань перед революцией

Из трех польских областей, находившихся под властью Пруссии: Силезии, Поморья (Западной Пруссии) и Познани (великого герцогства Познанского, как она стала официально называться с 1815 г.), Познань была самой значительной по численности польского населения и в большей степени, чем другие, сохранила национальный польский характер. Поэтому прусское правительство в своей политике по отношению к Познани, начиная с 1815 г., руководствовалось в сущности одной задачей: превратить Познань в обычную прусскую провинцию, лишенную национально-политической самобытности.

С начала 40-х годов берлинский двор несколько смягчил свою политику по отношению к познанским полякам и тем возбудил у местной шляхты надежды на возможность добиться от Пруссии признания автономии этой области. Эти чаяния оказались совершенно беспочвенными — королевский рескрипт в июле 1841 г. отклонял всякую мысль о предоставлении автономии герцогству Познанскому.

В то время как шляхта ограничивалась требованием автономии Познани, идея национального восстания и восстановления независимой Польши находила благоприятную почву в радикальных кругах польской интеллигенции — шляхетской и буржуазной, среди ремесленников, крестьян и купцов.

Положение крестьян в Познани

Во второй половине 40-х годов герцогство Познанское продолжало оставаться по преимуществу аграрной областью с крупным землевладением. Аграрная реформа, затянувшаяся с 1823 до 1847 г., нисколько не подорвала помещичьего землевладения. Напротив, расширение помещичьего хозяйства за счет крестьянских земель, получение помещиками значительных сумм (земельная компенсация и денежный выкуп за упразднение барщины и других повинностей), а также фактическое сохранение во многих случаях барщины укрепили землевладельческую шляхту. 54% всей земли принадлежало крупным собственникам, в том числе 42%— польской шляхте.

Для крестьян аграрная реформа была сопряжена с потерей земли или сокращением площади их участков. Таким образом, в результате аграрной реформы возросло число малоземельных и особенно безземельных крестьян, вынужденных искать заработка в качестве сельскохозяйственных рабочих или арендовать у помещиков клочок земли на условиях отработки. Беднейшее крестьянство составляло подавляющее большинство сельского населения Познани.

Тяжелые условия жизни, нищета, земельная теснота и полицейский режим делали познанских крестьян восприимчивыми к революционной пропаганде. Крестьянин ненавидел и помещика и прусского чиновника.

Польская шляхта боялась крестьян и в то же время опасалась прусской демагогической политики натравливания крестьян на шляхту.

БАВАРИЯ, БАДЕН, ВЮРТЕМБЕРГ И ДРУГИЕ ГЕРМАНСКИЕ ГОСУДАРСТВА НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ

Приближение революции чувствовалось к концу 1847 г. во всех государствах Германского союза: всюду царили сильное возбуждение в «низах» и растерянность в «верхах» общества. Особенно острым становилось положение на юго-западе Германии: в Баварии, Бадене, Вюртемберге и Гессен-Дармштадте можно было наблюдать предвестия надвигающейся бури.

Положение в Баварии

В Баварии с 1825 г. королевский престол занимал Людвиг I, человек, многими чертами характера напоминавший Фридриха-Вильгельма IV. Подобно берлинскому самодержцу баварский король постоянно носился с фантастическими проектами и планами, изображал из себя «покровителя» наук и искусств, старался превратить свою столицу Мюнхен в новые германские «Афины». Он мало интересовался делами государственного управления, зато за долгие годы царствования успел выпустить четыре томика бездарных стихов, в которых воспевал своих многочисленных фавориток. Алчность фавориток, а также строительство пышных дворцов разоряли баварскую казну и тяжелым бременем ложились на плечи населения. Несмотря на существование конституции, в Баварии царил полный полицейский произвол, цензура свирепствовала больше, чем где-либо.

В конце 40-х годов Людвиг приблизил к себе испанскую танцовщицу Лолу Монтес, которая вскоре стала распоряжаться в Мюнхене, как в собственном доме: смещала министров, назначала чиновников, открывала и закрывала университет. Наглые выходки зазнавшейся авантюристки, сумевшей совершенно подчинить себе старого короля, скоро объединили против нее самые различные слои баварского общества и ускорили развитие событий. Волнения народных масс в начале февраля 1848 г. были столь серьезны, что перепуганные министры посоветовали Людвигу I снова открыть университет и предложить фаворитке покинуть пределы королевства.

Но отъезд Лолы Монтес, успевшей в короткий срок дискредитировать баварского монарха в глазах бюргерства, не вызвал успокоения в Мюнхене. Положение в Баварии продолжало оставаться тревожным. Растерянность и колебания правительственных верхов, проявленные в дни февральских уличных волнений, подрывали в глазах оппозиционного бюргерства и без того упавший престиж Людвига I и всей династии Виттельсбахов.

Положение в Бадене

Не менее напряженным было положение в великом герцогстве Баденском, расположенном в непосредственном соседстве с французским Эльзасом и Швейцарией. Близость к этим двум центрам немецкой революционной эмиграции способствовала распространению здесь, в юго-западном углу Германии, революционной пропаганды.

Победа оппозиции на выборах 1846 г. заставила великого герцога Леопольда пойти на уступки и призвать к власти близкого к умеренно-либеральным кругам чиновника Бекка. Этому новому премьеру удалось привлечь на сторону правительства верхние слои собственников. В нижней палате ландтага и за ее стенами к осени 1847 г. наметился раскол либеральной оппозиции на две враждовавшие части: умеренную, поддерживавшую министерство, и радикальную, стремившуюся к уничтожению существующих полусамодержавных порядков.

Раскол оппозиции и выделение из ее рядов радикально-демократической группы были подготовлены и ускорены явлениями, которые наблюдались с весны 1847 г. как в деревнях, так и в городах Бадена. Весной 1847 г. в Бадене голодали целые селения. Уже с марта здесь широко распространялись революционные брошюры и листовки, призывавшие народ к восстанию.

В одной из листовок говорилось, что «пришло время, когда господь бог ниспослал людям голод, чтобы народ наконец-то пробудился». Листовка эта в большом количестве экземпляров распространялась от имени «Рейнского комитета для основания немецкой республики» в селениях, расположенных в Нижнерейнском округе. В ней были подробно перечислены мероприятия, которые должны были обеспечить успех революции: провозглашение республики, арест и уничтожение врагов народа, захват княжеской казны и общественных касс, поголовное вооружение трудового народа и т. п. Другая прокламация, распространенная в тех же местностях в апреле 1847 г., призывала крестьян к уничтожению чиновничества и дворянства, к созданию «свободного государства».

Дело не ограничивалось сельскими местностями. Русский посланник Озеров сообщал в Петербург в начале 1847 г. о раскрытии в Маннгейме клуба «рабочих-коммунистов», о широком распространении республиканских брошюр, о «волнениях, распространяющихся по всей Германии, подобно эпидемии». Озеров добавлял, что народные волнения «открыли глаза всем тем, которым есть что сохранять», и доказали этим последним «необходимость искать защиты у правительства». После майских волнений в Ульме и Штутгарте, явившихся отголоском апрельских событий в Берлине, баденская буржуазия, по словам Озерова, поняла, что «не может рассчитывать на народ», и именно поэтому в ее среде наметился определенный поворот в сторону правительства.

Либералы и демократы в Бадене. Густав Струве

На страницах баденских газет и журналов борьба между «половинчатыми» (Halbe) и «цельными» (Ganze) — так стали называть представителей обоих политических течений — широко развернулась уже с конца 1846 г.

В ноябре 1846 г. в городе Дурлахе состоялся съезд умеренного крыла буржуазной оппозиции, на котором было решено основать новый полити-

ческий орган—«Немецкую газету». Газета эта, начавшая выходить только с июля следующего года в Гейдельберге под редакцией Гервинуса, с одной стороны, вела борьбу за создание единого немецкого национального государства в форме конституционной монархии, а с другой — стремилась противодействовать распространению в Германии идей политического радикализма. Среди ее сотрудников можно было встретить многих видных представителей торгово - промышленных кругов (например, Мати и Бассермана) и многих ученых (Гервинуса, Дальмана и др.).

ГУСТАВ СТРУВЕ

Гравюра Отто

Собрание Института Маркса — Энгельса — Ленина. Москва

Во главе радикального крыла буржуазной оппозиции стал известный журналист Густав Струве, сумевший вскоре сплотить вокруг себя многих республиканцев - демократов, среди которых выделялись адвокаты Ф. Геккер, Л. Брентано, журналист Фиклер и некоторые другие.

Струве уже в середине 40-х годов приобрел в Бадене известность в качестве энергичного противника бюрократии и цензуры. Он боролся с правительством сперва на страницах «Маннгеймского журнала» («Mannheimer Zeitung»), затем в редактируемом им «Немецком наблюдателе» («Deutscher Beobachter»), двух оппозиционных газетах, подвергавшихся постоянным гонениям со стороны полиции. В «Немецком наблюдателе» Струве критиковал не только министерство Бекка, но и половинчатый либерализм Мати и Бассермана.

Требования Струве выходили за пределы политической программы умеренного большинства баденской палаты. В отличие от Мати и Бассермана, Струве добивался «устранения всех кастовых различий между сословиями» и в особенности «облегчения положения беднейших классов общества». Уже в первом номере газеты «Немецкий наблюдатель», вышедшем в январе 1847 г., Струве призывал народ идти на любые жертвы для осуществления своих требований и предусматривал революционный метод борьбы.

31 июля 1847 г. в статье, посвященной предстоявшим дополнительным выборам в палату, Струве резко осуждал политическую линию «так называемой буржуазной партии палаты, состоящей из купцов и фабрикантов», и противопоставлял ей партию демократов, связанных с «четвертым сословием». Струве открыто заявлял, что стремится к такому строю, «который будет противодействовать возникновению бедности» и будет «признавать за каждым гражданином право на труд, а право на существование будет ставить выше права священной частной собственности».

Съезды в Оффенбурге и Геппенгейме

Разрыв между либералами и демократами был ускорен опубликованием принятой Струве и его политическими единомышленниками программы народных требований. Программа эта была разработана на съезде, состоявшемся 12 сентября 1847 г. в г. Оффенбурге, и получила затем широкое распространение далеко за пределами Бадена. Из тактических соображений в программе был обойден вопрос о желательной форме правления, но в целом она почти не отличалась от широко распространенной тогда среди буржуазных демократов всей Западной Европы политической программы французской партии «Реформы». Оффенбургская программа была проникнута духом мелкобуржуазного республиканизма. Наряду с требованиями уничтожения всех реакционных постановлений Союзного сейма, установления полного политического равенства и создания представительства народа при Союзном сейме, мы встречаем здесь требования подоходно-прогрессивного налога, а также «уничтожения противоречий между трудом и капиталом».

Узнав о содержании Оффенбургской программы, баденские власти немедленно нарядили следствие над Геккером и Струве и запретили новое демократическое собрание в Донауэшингене. Но и либеральная «Немецкая газета» также не скрывала своего негодования по поводу республиканской пропаганды радикалов. Руководителей баденского радикализма, организаторов Оффенбургского собрания — Геккера и Струве— в частной переписке либералы называли «террористами» и даже «коммунистами»!

«Каждый, имеющий, кроме одной пары штанов, еще и другую в своем шкафу, с негодованием отвернется от этих выступлений и станет союзником правительства»,— писал, например, друг депутата Мати, либеральный бургомистр г. Констанца, Хюэлин.

Съезд умеренных либералов всей Юго-Западной Германии, состоявшийся через месяц после Оффенбургского собрания в г. Геппенгейме, еще больше углубил наметившиеся ранее разногласия. В работах съезда, наряду с Мати, Бассерманом, Гагерном и другими видными деятелями южногерманского либерализма, приняли участие и два представителя прусской буржуазной оппозиции — Ганземан и Мефиссен. Это говорило о начавшемся организационном сближении умеренных либералов Южной и Северной Германии. Работа Геппенгеймского съезда проходила под знаком борьбы против Оффенбургской программы.

После Геппенгеймского съезда совместная деятельность либералов и радикалов стала совершенно невозможной. К концу 1847 г. эти два крыла ранее единой антиправительственной оппозиции в Бадене находились в открытой борьбе друг с другом.

Положение в Вюртемберге и других германских государствах

В соседних с Баденом Вюртемберге и Гессен-Дармштадте к концу 40-х годов также далеко не было спокойно. И здесь многое предвещало близкую бурю.

Хотя и король Вильгельм I Вюртембергский и великий герцог Людвиг II Гессенский давно дали своим подданным конституционные хартии, но фактически продолжали оставаться самодержцами. Пожалуй, нигде во всей Германии не соблюдались с такой уморительной серьезностью все правила дворцового церемониала, как в Штутгарте и Дармштадте; нигде не были так раздуты контингенты местных «армий», предназначенных больше для парадов и караулов, чем для военных действий. К тому же оба двора — и вюртембергский и гессен-дармштадтский — имели семейные связи с русским царем, что еще более укрепляло здесь реакционный политический курс. Без совета с князем А. М. Горчако-

вым, русским посланником в Штутгарте, вюртембергский король не решал ни одного сколько-нибудь серьезного политического вопроса.

В палатах оба правительства располагали прочным большинством, но это не мешало буржуазной оппозиции с каждым годом становиться все более и более настойчивой. Рядом с такими деятелями умеренного крыла оппозиционного движения, как Ремер в Вюртемберге и Генрих фон Гагерн в Гессен-Дармштадте, здесь не было недостатка и в политических единомышленниках Геккера — Струве. Номера «Немецкого наблюдателя» и «Требования» Оффенбургского собрания распространялись в Штутгарте и Дармштадте в тысячах экземпляров.

Большое впечатление произвели в Германии майские события 1847 г. в Штутгарте и Ульме. Характерной чертой этих событий было невиданное упорство, проявленное народными массами. Подобно восставшим в 1844 г. силезским ткачам, рабочие и ремесленники Штутгарта пустили в ход палки и камни и впервые в Германии начали строить баррикады. Губернатор Штутгарта поспешил вызвать воинские части. Сам король в сопровождении адъютантов направился к месту столкновений — его встретили камнями. «Вообще простой народ оказался лишенным всякого почтения даже к принцам царствующего дома»,— с тревогой писал Горчаков в своем донесении в Петербург.

После нескольких ружейных залпов восстание было подавлено. Но кровь пролилась. Ее видели и не могли забыть участники движения, штутгартские рабочие и ремесленники, которые только после этого майского расстрела начали постепенно освобождаться от монархических иллюзий.

В широких кругах германской буржуазии народные волнения весны 1847 г. рассматривались, вне всякого сомнения, совершенно так же, как расценивал их царский посланник в Дрездене барон Шредер. «Все эти выступления,— писал он,— хотя и не имеют определенной цели, тем не менее связаны с распространением коммунистической идеи. связаны с той борьбой между пролетариатом и собственностью, которая в одно и то же время является и наиболее печальным симптомом, и наибольшей опасностью нашей эпохи». Шредера весьма обрадовало, что штутгартские «мятежники» разбили окна также и в доме либерального депутата банкира Федерера и что это побудило всех банкиров города просить правительство о помощи против народа.

Выступление 62 штутгартских граждан, во главе с радикальным депутатом палаты Муршелем, решившихся публично протестовать против применения огнестрельного оружия на улицах города, вызвало открытое неодобрение в буржуазных кругах вюртембергской столицы. Бюргерство почти всех вюртембергских городов спешило направить королю Вильгельму благодарственные адреса.

* * *

Все то, что к концу 1847 и началу 1848 г. происходило в Баварии, Бадене, Вюртемберге и других южногерманских государствах, а также в Австрии и Пруссии, можно было наблюдать и в других германских государствах. Повсеместно под влиянием все углубляющегося экономического кризиса росло недовольство народных масс, прорывавшееся то тут, то там в стихийных голодных выступлениях.

О том, что в массах немецких рабочих постепенно вызревало классовое самосознание, свидетельствовали листовки и прокламации, которые накануне мартовских событий 1848 г. в большом числе распространялись во всех промышленных центрах Германии. «Люди из рядов пролетариата, ремесленные подмастерья! Не дозволяйте больше обходиться с собой, как

с собаками»,— гласила, например, одна листовка, распространявшаяся во Франкфурте-на-Майне: «Вы составляете основное ядро народа, покажите же всё свое значение, выше держите свои головы! В настоящее время ходить в лохмотьях — это честь... Покажите же, что вы мужчины, и, когда настанет час борьбы, нанесите удар!»

В другой анонимной листовке, отпечатанной в «типографии господ Бей сильней и Помогай себе сам», говорилось: «Борьба на почве закона невозможна... Нам остается, следовательно, в качестве последнего средства тайная и скрытая борьба. Организация этой борьбы является задачей данного года... И когда все заклокочет внутри города и когда вспыхнет всё зажигающая искра, тогда вперед, вы, неистовые кузнечные подмастерья, вы, покрытые копотью литейщики, вы, бледные ткачи! Тогда расправляйте плечи и поднимайте руки, вы, замученные фабричные рабочие! Тогда вы, наборщики, лейте из ваших литер пули!»

К концу 40-х годов немецкий рабочий класс еще не достиг зрелости, еще не был организован, не имел собственной политической партии. И тем не менее бюргерство всех государств Германского союза страшилось «красного призрака коммунизма». Этот страх и предопределял в значительной мере линию политического поведения крупной буржуазии: она не могла не понимать, что в ходе неизбежных будущих схваток ей придется иметь дело с рабочим классом и защищать от его покушений как свою собственность, так и отвоеванную у юнкеров власть.

В Германии первой половины XIX в. дальнейшее развитие производительных сил было невозможно без ликвидации унаследованных от средневековья феодально-абсолютистских порядков. «В начале 1848 г. Германия стояла на пороге революции, и эта революция несомненно вспыхнула бы даже и в том случае, если бы ее наступление не ускорила французская февральская революция»[1] Революционный переворот, перед которым стояла Германия в 1848 г., должен был совершиться «...при более прогрессивных условиях европейской цивилизации вообще, с гораздо более развитым пролетариатом, чем в Англии XVII и во Франции XVIII столетия»[2]

Главной задачей буржуазно-демократической революции в Германии, раздробленной политически, было национально-государственное объединение, уничтожение феодальных перегородок и устранение царствующих династий, установление единой, неделимой, демократической республики.

---

[1] К. Маркс. Избр. произв., 1940, т. II, стр. 49.
[2] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв., 1949, т. I, стр 39.

Глава третья

АВСТРИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ 1848 Г.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЛОЖЕНИЯ ИМПЕРИИ В 30—40-х ГОДАХ XIX В.

Несмотря на реформы Иосифа II, несколько смягчившие крепостническую эксплуатацию, зависимость крестьян от помещиков сохранилась в Австрии повсеместно, пережив все бури французской революции, все наполеоновские войны. Помещики попрежнему обладали в своих владениях всей полнотой судебной и полицейской власти. Огромная армия чиновников осуществляла в интересах титулованной и нетитулованной знати, проживавшей обычно в городах, повседневный надзор за многомиллионным населением австрийской деревни. Население это, если не считать зажиточной верхушки в Верхней и Нижней Австрии, Тироле и некоторых других местах, находилось в самом тяжелом положении. Крестьяне ютились вместе со скотом в крытых соломой хатах и вынуждены были, как и в старину, исправно нести оброки и выполнять «робот»—барщину. Значительную часть рабочего времени и до двух третей урожая крестьяне (в большинстве — славяне) должны были отдавать своим господам, чаще всего чуждой им национальности.

Экономическое и политическое развитие империи в 30—40-х годах

Некоторые ограничения барщины, введенные во времена Иосифа II, были уничтожены при его племяннике Франце I. В течение всей первой половины XIX в. помещики в погоне за прибылью различными способами увеличивали барщину, не забывая в то же время и об оброках. Последние были особенно тяжелы в альпийских и вообще горных округах, где, как правило, помещики не имели больших запашек. При Франце I вся Австрия целиком возвратилась к дореформенным, крепостническим порядкам XVIII в. Кроме обычного поземельного чинша, австрийские крестьяне должны были нести многочисленные платежи, связанные с переходом их имущества в другие руки, а также платить обычные оброки за право заниматься каким-либо промыслом. Невыносимым гнетом давили на крестьян всевозможные государственные и местные налоги и сборы (поземельный и домовый налоги, окружные, общинные и церковные сборы, взносы на содержание школьных учителей, сторожей, пастухов и т. п.); в Моравии, например, число различных поборов ко времени революции 1848 г. доходило до 242, в Крайне — до 123. Эти налоги и сборы поглощали подавляющую часть дохода крестьянина. Сильно страдали крестьяне и от военных постоев, особенно при посылке в деревни

карательных отрядов. Не удивительно, что голодовки и повальные болезни являлись обычными спутниками крестьянской жизни.

Между тем ростки капиталистического способа производства пробивались и на феодальной почве Габсбургской империи. В 20-х годах XIX в. в Австрийской империи стали создаваться первые фабрики и заводы, особенно в Чехии. Несмотря на серьезные препятствия — скудость капиталов, недостаток квалифицированной рабочей силы и, главное, малую емкость внутреннего рынка,— в 30-х и особенно в 40-х годах в Австрии заметно ускорилось внедрение нового способа производства. Наряду с уже существовавшими мануфактурами появилось и фабричное производство пряжи. Капиталистические промышленные предприятия особенно быстро развивались в предместьях и окрестностях больших городов, где не было цеховых ограничений.

В 1841 г. в Австрийской империи (без Венгрии и итальянских провинций) насчитывалось уже больше 900 тыс. механических веретен. На одну Чехию, в экономическом отношении наиболее развитую часть империи, из этого общего числа падало 336 тыс. веретен. С 1831 по 1842 г. количество ввезенного в Австрию хлопка увеличилось втрое, а готовой пряжи — вдесятеро. В одной только Чехии накануне революции 1848 г. в ходу было до 100 тыс. ткацких станков, в Моравии — около 30 тыс., в Нижней Австрии — 7 тыс. На бумагопрядильных предприятиях империи было занято к этому времени 18 тыс. рабочих. Быстро развивалось и ситцепечатное производство: в Чехии (главным образом в районе Праги) имелось 70 ситцепечатных предприятий с 20 тыс. рабочих, в Нижней Австрии — более 50 предприятий.

Наряду с различными отраслями текстильного производства развивалась в Австрии и тяжелая промышленность, главным образом в Штирии, Каринтии, горных районах Чехии, Моравии и австрийской Силезии. Здесь производились различные виды металлических изделий, начиная с листового железа и кончая гвоздями и иголками. Древесный уголь вытеснялся каменным. В 1841 г. число паровых машин в Австрии было еще сравнительно незначительно: 231 машина общей мощностью в 2939 л. сил, но по данным 1852 г. число паровых машин увеличилось до 671, мощность же — до 9128 л. сил.

Столица государства, Вена, была крупным торгово-промышленным центром. Преобладающее значение имело тут производство предметов роскоши, готового платья, дорогих текстильных товаров. В одном только производстве бархата, атласа и тафты было занято до 10 тыс. рабочих.

Об исключительно тяжелых условиях труда в австрийской промышленности не приходится много говорить. Переход от ручного труда к фабричному производству приводил и тут, в отсталой Австрии, к быстрой пауперизации трудового населения, к постепенному вымиранию от голода целых селений ручных прядильщиков и ткачей. На фабриках же заработная плата при 14—16-часовом рабочем дне даже для квалифицированных рабочих не превышала жалкой суммы в 40—50 крейцеров, причем предприниматели часто прибегали к расплате не деньгами, а товарами.

Ужасающая нищета, огромная детская смертность, резкое ухудшение физического состояния рабочих, ремесленников, крестьян — таковы были результаты экономического развития Австрии в 30—40-х годах XIX в., в условиях двойного, а для большинства трудящихся и тройного угнетения — феодальной и капиталистической эксплуатации и национального бесправия.

Буржуазия в Австрии сравнительно быстро обогащалась в 30—40-х годах XIX в.; и тем не менее она была недовольна как общим направлением внутренней и внешней политики правительства Австрийской

империи, так и, в частности, его экономической политикой. Здесь продолжали существовать различные цеховые ограничения и регламенты, а также внутренние таможенные пошлины, за которые из фискальных соображений упорно цеплялись император и его министры.

Таможенная политика правительства также задерживала экономический прогресс, поскольку барьер из высоких ввозных пошлин фактически лишал австрийских промышленников необходимого им сырья, не давал им возможности укреплять торговые связи с соседними государствами и способствовал огромному развитию контрабанды. Австрийская империя не вошла в созданный Пруссией Таможенный союз. Это ослабляло ее связи даже с южногерманскими государствами, непосредственно с нею граничившими: не только австрийские, но и чешские промышленники боялись конкуренции прусских фабрикантов и потому настаивали на ограждении имперского внутреннего рынка.

Особенно губительной была запретительная политика правительства для Венгерского королевства, превращенного в аграрный придаток к западным частям Габсбургской империи, почти совершенно отрезанный от внешнего мира. Больше половины всей промышленной продукции этих западных частей сбывалось в городах и селах Венгрии, почти лишенной, вследствие колонизаторской политики австрийского правительства, собственной национальной промышленности. Политике этой служила таможенная граница между Венгерским королевством и другими частями империи, призванная, с одной стороны, защищать австрийских помещиков от ущерба, связанного с ввозом более дешевых венгерских сельскохозяйственных продуктов, а с другой — обеспечить австрийским промышленникам безраздельное господство на внутреннем венгерском рынке.

Раскалывая владения Габсбургов на две части и отделяя их китайской стеной от прочего мира, австрийское правительство постепенно ослабляло связи империи с немецкими государствами. Тем самым оно собственными руками способствовало росту экономического и политического преобладания Пруссии в Германском союзе. В то же время оно еще больше обостряло внутренние противоречия в пределах империи, мешая созданию внутреннего рынка, искусственно задерживая развитие национальной венгерской промышленности и тормозя развитие промышленности в некоторых других частях страны.

К концу 40-х годов в Австрийской империи резко усилилось недовольство народных масс, а также оппозиционные настроения торгово-промышленной буржуазии. Одновременно большой остроты достигли в Австрии и национальные противоречия.

Национальные противоречия в Австрии

В многонациональной Австрийской империи, управлявшейся династией Габсбургов, наиболее политически развитыми были немцы, хотя в численном отношении они составляли незначительный процент населения. Сильная, опирающаяся преимущественно на немецких помещиков, власть Габсбургов сложилась здесь раньше окончательной ликвидации феодальных отношений, «...в условиях слабо развитого капитализма, когда оттёртые на задний план национальности не успели еще консолидироваться экономически в целостные нации»[1].

Австрийская империя представляла собой тюрьму народов, в которой господствующая немецкая национальность подвергала тяжелому гнету все другие национальности этого государства. «Австрия повинна в том, — писал в 1847 г. Энгельс, — что мы пользуемся дурной славой

---

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 2, стр. 304.

угнетателей других наций и наемников реакции во всех странах. Под австрийским флагом немцы держат в рабстве Польшу, Богемию и Италию»[1].

Уже задолго до мартовских событий 1848 г. в отдельных частях Австрии обнаружились антигабсбургские, автономистские стремления. «Пестрая, по кусочкам унаследованная и наворованная австрийская монархия, эта организованная путаница из десяти языков и наций...»[2], явно начинала расползаться, несмотря на все усилия Меттерниха и других прислужников габсбургского абсолютизма.

Уже император Франц I, умерший в 1835 г. и оставивший престол своему слабоумному сыну Фердинанду I, не слишком верил в устойчивость австрийского абсолютизма. Но за свою участь он после создания «Священного союза» был вполне спокоен: «Меня и Меттерниха она еще выдержит»,— говорил он о своей империи.

Действительно, она выдержала французскую революцию, войны Наполеона и июльский переворот, но пара выдержать не могла. «Пар,— писал Энгельс,— проложил себе путь сквозь Альпы и Богемский лес, пар лишил Дунай его роли; пар разорвал в клочки австрийское варварство и тем самым вырвал почву из-под ног Габсбургского дома»[3].

Несмотря на все препятствия, развитие капиталистических отношений шло вперед и в экономически отсталой Австрии: в стране строились железные дороги, увеличивалось число фабрик и заводов. Вместе с ростом немецкой буржуазии росла и буржуазия других национальностей. «Основной вопрос для молодой буржуазии — рынок,— указывает И. В. Сталин.— Сбыть свои товары и выйти победителем в конкуренции с буржуазией иной национальности — такова ее цель... Но дело, обыкновенно, не ограничивается рынком. В борьбу вмешивается полуфеодальная-полубуржуазная бюрократия господствующей нации со своими методами «тащить и не пущать»... Борьба из хозяйственной сферы переносится в политическую»... «Стеснённая со всех сторон буржуазия угнетённой нации естественно приходит в движение. Она апеллирует к «родным низам» и начинает кричать об «отечестве», выдавая своё собственное дело за дело общенародное... И «низы» не всегда остаются безучастными к призывам, собираясь вокруг её знамени: репрессии сверху задевают и их, вызывая в них недовольство»[4].

Недовольство это проявлялось и в итальянских провинциях монархии Габсбургов — Ломбардии и Венеции, и в Венгрии, и в Чехии, и в Галиции, и в некоторых других областях — везде, где сталкивались интересы просыпавшихся к самостоятельной жизни оттесненных наций с интересами помещиков и буржуазии господствующей нации.

Вследствие этого основной задачей буржуазной революции в Австрии являлось разрушение многонациональной абсолютистско-феодальной монархии Габсбургов и создание на ее развалинах ряда самостоятельных буржуазных национальных государств.

Венгрия

Стремление к независимому государственному существованию раньше всего стало проявляться в Венгрии. Габсбурги издавна угнетали Венгрию и в течение первых десятилетий XIX в. окончательно лишили ее былой самостоятельности. С 1812 г. венское правительство перестало созывать венгерские дворянские сеймы и только в 1825 г., в связи со все растущим недовольством,

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 256.
[2] Там же, стр. 250.
[3] Там же, стр. 255.
[4] И. В. Сталин. Соч., т. 2, стр. 305—306.

созвало, наконец, в Пресбурге (Братиславе) сейм. На этом сейме в качестве главы нарождающейся дворянско-либеральной оппозиции впервые выступил один из магнатов, граф Стефан Сечени. Он и другие депутаты потребовали от австрийского императора соблюдения старинной венгерской конституции, потребовали замены официального латинского языка венгерским. За развернувшейся на заседаниях сейма борьбой с огромным интересом следило все население Венгрии, стремившееся к независимости. Только небольшая кучка магнатов-аристократов, изменяя своему народу, поддерживала в сейме угнетательскую политику Меттерниха.

В 30-х годах в Венгрии стала постепенно складываться враждебная австрийскому абсолютизму либеральная группировка, состоявшая из политических представителей обуржуазивавшегося дворянства, преимущественно принадлежавшего к средним слоям землевладельцев. К либеральной группировке примыкала и венгерская буржуазная интеллигенция, происходившая из среды мелкопоместных дворян. Вождем этого либерального крыла венгерского национально-освободительного движения стал публицист Лайош Кошут, выходец из мелкопоместной дворянской семьи. Свою политическую деятельность Кошут начал с издания газеты, в которой публиковались отчеты о заседаниях сейма. В борьбе против меттерниховского реакционного режима Кошут выдвинул политическую программу, сводившуюся к установлению государственной автономии Венгрии в рамках Габсбургской монархии, к постепенной отмене крепостничества (за выкуп) и проведению других буржуазных реформ.

На эти требования прогрессивных кругов общества австрийское правительство ответило роспуском очередного сейма 1836 г. и заключением в тюрьму наиболее популярных лидеров освободительного движения, среди них и Кошута. Однако под давлением общественного мнения власти вынуждены были в 1840 г. выпустить Кошута из тюрьмы. Возобновив борьбу против габсбургского абсолютизма, Кошут в начале 40-х годов стал издавать оппозиционную газету «Пешти Хирлап», в которой настойчиво требовал политического равноправия Венгрии.

Слабой стороной либерально-оппозиционного движения в Венгрии являлось враждебное отношение венгерских либералов к населявшим ее территорию славянским народам — словакам на севере, словенам, хорватам и сербам на юге (а также к румынам на востоке). Народы эти одновременно с венгерским народом складывались в 20—40-х годах в современные буржуазные нации. Венгерское дворянство, которое и под австрийским владычеством удерживало в своих руках местную (комитатскую) администрацию, стремилось ассимилировать дворянские верхи угнетенных национальностей, населявших территорию Венгрии, и старалось навязать им венгерский язык, венгерскую культуру.

Наряду с движением либерального, обуржуазивавшегося дворянства во второй половине 40-х годов в Венгрии стало постепенно развиваться революционно-демократическое движение.

В широких массах венгерского населения[1] — среди закабаленного крестьянства и городской бедноты — росло озлобление против помещичьего ига, против феодальных и колониальных оков габсбургского абсолютизма, сковывавших экономическое, политическое и культурное развитие страны.

Мелкое дворянство, в значительной части лишившееся своих земельных владений, по экономическому положению и образу жизни мало чем от-

---

[1] По переписи 1840 г. население Венгрии составляло 11 млн., из которых 4,8 млн. было венгров, 2,2 млн. румын, 1,6 млн. словаков, 1,2 млн. немцев, 400 тыс. украинцев, 108 тыс. хорватов, 324 тыс. сербов и др.

личалось от зажиточной части крестьянства, но оно обладало некоторыми политическими правами: выбирало депутатов в комитатские (губернские) собрания; однако выборы контролировались крупными землевладельцами, так что на деле мелкое дворянство было лишено политического влияния.

Численность мелкобуржуазной и мелкодворянской интеллигенции к середине XIX в. значительно возросла. Молодежь зачитывалась талантливыми произведениями венгерского поэта и революционного демократа Шандора Петефи и становилась в ряды борцов против феодального гнета и немецко-габсбургского господства. К ней примыкали также образованные выходцы из крестьянства. Основанное Петефи в 1847 г. движение «Молодой Венгрии» добивалось отмены всех феодальных привилегий в Венгрии, обеспечения ее национальной независимости. В городах возникали политические клубы прогрессивной интеллигенции, наиболее влиятельным из которых был в первое время «Союз оппозиции» («Эллензеки кер»).

Либералы не скрывали своей враждебности к группе Петефи, влияние которой усиливалось; особенно боялись они объединения городской бедноты с мелким крестьянством. Против Петефи началась клеветническая кампания, его стали травить за славянское происхождение, печатание его песен было запрещено. Но они все же распространялись в народе и возбуждали массы против австрийского деспотизма. Петефи боролся за «осуществление свободы, равенства и братства всех народов» и призывал к борьбе до тех пор, пока каждый человек «не получит своей доли из рога изобилия».

Широкие слои Будапешта, для которых имя Петефи стало знаменем, состояли из мелких торговцев, мелких ремесленников, подмастерьев, строительных и сезонных рабочих. Весь этот трудовой люд, как и близкие к нему по материальному положению группы интеллигенции (студенчество, служащие), был совершенно не организован. И все же эти слои сыграли в 1848 г. роль главной движущей силы буржуазной революции.

К концу 40-х годов общественное недовольство в Венгрии резко возросло. Не имея возможности подчинить себе оппозиционное большинство сейма, австрийское правительство решило очистить от либералов комитаты, постепенно превратившиеся в центры национально-освободительной пропаганды. В провинции Венгрии были посланы правительственные чиновники в сопровождении отрядов солдат. Эти меры правительства Меттерниха вызвали резкое усиление оппозиционных настроений в широких кругах общества — от либеральной части помещиков до подвластных им крестьян. Политическое положение в Венгрии становилось все более напряженным.

Чехия

Утратив полностью свою самостоятельность уже после битвы при Белой Горе в 1620 г., Чехия к началу XIX в. превратилась в простую провинцию Габсбургской империи, подвергавшуюся притом насильственному онемечиванию.

Крестьянство, т. е. основная масса населения Чехии, стонало под бременем помещичьей эксплуатации, изнывало от барщины, оброков, налогов и поденщины. Ненависть чешских и моравских крестьян к своим угнетателям то и дело прорывалась волнениями и восстаниями. В 1821 г. в Зноемском крае (Моравия) властям удалось подавить восстания крестьян лишь после четырехмесячной борьбы.

В промышленном отношении Чехия к началу XIX в. занимала в Австрийской империи первое место. Наибольшее значение имела здесь текстильная промышленность — ткацкое, ситценабивное и суконное производства. Положение рабочих было очень тяжелым. Они неоднократно выступали против вызывавшей безработицу машинизации производства.

Летом 1844 г. во многих городах Чехии возникли крупные волнения рабочих, продолжавшиеся, несмотря на жестокие репрессии, до самого 1848 г.

Между господствующими классами чешской и немецкой национальности существовала конкурентная борьба. Чешская буржуазия, в руках которой находилась мелкая и средняя промышленность, конкурировала с немецкой буржуазией, преобладавшей в крупной промышленности и пользовавшейся поддержкой со стороны правительства. В защиту средневековых прав Чешского королевства выступала и часть чешского дворянства (в противоположность другой его части, совершенно онемечившейся и тесно связанной с венским двором). Эта часть дворянства (главным образом среднего и мелкого) стремилась к восстановлению своего влияния, к автономии чешского сейма, к превращению его в законодательный орган для всех земель чешской короны.

Выразительницей идей буржуазно-национального движения явилась чешская интеллигенция, развивавшаяся под влиянием идей французской буржуазной революции, а еще более — русской литературы в связи с ростом чешско-русских связей. Об этом свидетельствовали новые литературные и исторические труды, которые начали выходить и на чешском языке. Расцвет чешской культуры — «Чешское возрождение»— наступил в 30—40-х годах и связан с именами Шафарика, Коллара, Палацкого, Юнгмана и др. Эти деятели явились выразителями политических и экономических интересов развивающейся чешской буржуазии. В широко распространявшихся брошюрах и статьях чешские буржуазные публицисты решительно выступали за равноправие чешского и немецкого языков, за полную национальную автономию Чехии в рамках Австрийской империи. Однако единой национально-политической программы у чешской буржуазии до 1848 г. не было, хотя попытки ее создания делались неоднократно.

Одной из форм политических организаций перед революцией 1848 г. являлись читательские клубы, так называемые «беседы», где получались русские, польские и немецкие периодические издания; посетители «бесед» сообща обсуждали вопросы текущей политики.

Оппозиционно настроенные элементы чешской буржуазии, дворянства и интеллигенции шли под общим лозунгом полного национального равноправия, но среди них наметились два течения: одно, весьма умеренное, во главе с Палацким, другое, более левое, ставшее позднее ядром радикально-демократической партии. Выразителем этого последнего течения стало тайное общество «Рипиль», созданное в 1846 г. Оно вело широкую пропаганду среди населения, в частности среди рабочих. Отдельные члены «Рипиля» находились под влиянием социалистических идей.

Галиция

Галиция, две трети территории которой (к востоку от рек Вислока и Сана) были населены украинцами и треть (западная часть) — поляками, представляла собой в составе Австрии провинцию, управлявшуюся губернатором при помощи обширного бюрократического аппарата. Чиновники в Галиции были в подавляющем большинстве немцы. Сословный сейм, учрежденный в Галиции в качестве ширмы абсолютистских порядков, был декоративным, лишенным всякого значения учреждением.

Сущность австрийской политики в Галиции состояла в подавлении польской и украинской национальных культур, в искусственном торможении экономического развития этого края, в превращении его в аграрно-сырьевой придаток и рынок сбыта для австрийской промышленности.

Галиция в первой половине XIX в. продолжала оставаться областью устаревших, феодально-крепостнических порядков. Помещикам принад-

лежала половина всей земли. Крестьяне владели ничтожными земельными участками, были подавлены тяжелыми помещичьими поборами и часто непосильной барщиной. Голод в Галиции был постоянным бедствием, от которого гибли многие тысячи крестьян. Крестьянское хозяйство деградировало и разрушалось.

Бегство от помещиков, поджоги помещичьих усадеб, крестьянские «бунты» — таковы были обычные формы борьбы крестьян со своими жестокими угнетателями. Наивысшего подъема крестьянское антифеодальное движение в Галиции достигло в 1846 г.

Для украинского крестьянства, составлявшего подавляющее большинство украинского народа в Галиции, классовое угнетение отягчалось национальным гнетом, ибо господствующий класс во всей Галиции, в том числе и в восточной, украинской ее части, составляли в основном польские помещики.

Оторванные от основных украинских земель, от культурной связи со всем украинским народом и братским русским народом, украинцы Галиции жили в условиях двойного национального гнета—немецкого и польского. Орудием подавления украинской национальной культуры, рассадником невежества и обскурантизма была подвластная Ватикану и Габсбургам греко католическая (униатская) церковь, ненавидимая украинским народом.

30—40-е годы XIX в. были в Галиции временем значительного развития польского национально-освободительного движения. Это движение не было только галицийским. Оно охватывало и польские земли, находившиеся под властью Пруссии, и Царство Польское. Руководящие центры этого движения находились среди польской эмиграции во Франции, Бельгии, Англии. Буржуазно-демократическое направление польского национального движения связывало борьбу за независимость Польши с перестройкой ее социального строя, раскрепощением крестьянства, ликвидацией феодальных отношений.

Для общей борьбы против ненавистного меттерниховского режима в польские тайные организации, находившиеся на территории Галиции, вступало немало украинцев. Антиавстрийское движение охватило буржуазную интеллигенцию, ремесленников, мелкопоместную и частично среднюю шляхту. Однако антиавстрийская борьба почти нигде не сомкнулась с крестьянским антифеодальным движением.

Взрыв революционной борьбы произошел в Галиции в 1846 г. Этот взрыв был одним из важнейших предвестников революции 1848 г. в Австрийской империи[1].

Положение в южных областях Австрийской империи

Своеобразным было положение в южных областях Австрийской империи — Словении, Хорватии, Славонии и Банате. Часть этих земель представляла область Военной границы, область военных поселений граничар, обязанных за пользование землей нести военную службу. Другая часть, лежавшая в южной Венгрии, являлась районом феодально-помещичьего хозяйства. Крестьяне, жившие на помещичьей земле, были держателями земельных участков. Они были обременены дополнительными денежными и натуральными повинностями в пользу помещиков, выполняли барщинные работы. Таково же было и положение крестьян Хорватии. Крупной капиталистической промышленности в Славонии и Банате не существовало. Довольно развитое ремесло частично сохраняло феодальную форму цеховой организации, частично развивалось вне цеховых рамок. В немногих городах Хорватии существо-

[1] См. об этом в главе четвертой.

вала капиталистическая мануфактура. В целом промышленное развитие всех названных областей было еще очень слабым.

Господствующие классы в названных областях состояли из немцев и венгров; только в Хорватии было значительное местное дворянство. Национальный гнет имел двойной характер. Южнославянские народности, с одной стороны, угнетались немецким правительством Австрии, а с другой, — поскольку значительная часть этих областей входила в состав Венгерского королевства, — венгерскими помещиками. Последние душили все проявления южнославянской культуры и подавляли притязания хорватского дворянства на политические права Хорватии внутри земель венгерской короны. Сербский и хорватский языки не признавались равноправными венгерскому языку.

Между тем и южное славянство в 30—40-х годах в связи с развитием капиталистических отношений в этих областях переживало свое национальное возрождение.

В Хорватии, например, уже с конца XVIII в., отчасти под влиянием французской буржуазной революции, отчасти под влиянием побед русского оружия в войнах 1812 — 1814 гг., усилились стремления к культурной автономии. Попытки мадьяризации страны наталкивались все больше и больше на сопротивление со стороны местной буржуазно-дворянской интеллигенции. Одним из наиболее известных деятелей национального движения являлся в Хорватии Людевит Гай, сумевший сплотить вокруг себя ряд выдающихся представителей хорватской, словенской и сербской интеллигенции и положить начало «иллиризму» — движению, направленному к объединению всех южнославянских народностей. В чисто политической области сторонники «иллиризма» не имели четкой программы. Тем не менее уже до революции 1848 г. наметился раскол хорватского национального движения на два лагеря: умеренных, стремившихся лишь к автономии Хорватского королевства в составе Австрийской империи, и радикалов, требовавших создания самостоятельного южнославянского государства, а в области аграрного вопроса шедших навстречу основным требованиям крестьянства. Австрийское правительство с тревогой следило за деятельностью иллирийцев. Оно ответило на их выступления репрессиями и в 1843 г. запретило даже употребление слова «иллиризм».

В Сербской Воеводине также задолго до революции заметны были признаки национального возрождения. Еще в 1826 г. в Новом Саде было основано сербское научно-литературное общество — «Матица Сербская». В Пеште в 30-х годах также начали выходить сербские журналы, сербы начали давать решительный отпор политике усиленной мадьяризации населения Воеводины, Баната и Бачки.

Накануне революции 1848 г. положение в южных округах Венгрии было чрезвычайно напряженным. В дальнейшем, в ходе начавшейся революции, своеобразие создавшегося здесь положения позволило Габсбургам не без успеха играть на национальных противоречиях и, натравливая славянское население на венгерское, в конце концов задушить венгерскую революцию.

* * *

Итак, сильное общественное недовольство, острые классовые и национальные противоречия накануне 1848 г. наблюдались в Австрийской империи повсеместно: в Венгрии, Чехии, Галиции, в Хорватии, Ломбардии, Венеции и других областях.

Но и в собственно Австрии, в самой Вене, накануне 1848 г. неуклонно нарастали оппозиционные настроения. Проявлялись они в кругах ав-

стрийского бюргерства не так сильно, как среди буржуазии Пруссии и других государств Германского союза, но тем не менее и нижнеавстрийский сейм еще в 1843 г. принял резолюцию об отмене феодальных повинностей, а в 1845 г. обратил внимание правительства на необходимость расширения избирательного права и опубликования протоколов сеймовых прений.

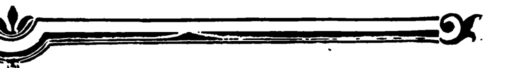
В принятой сеймом особой резолюции говорилось также о необходимости представления росписи приходов и расходов на рассмотрение и утверждение сословного собрания.

Накопившееся в народных массах возмущение выражалось в стихийных крестьянских выступлениях, в отказах от выполнения барщины. После силезских событий 1844 г., которые произвели на австрийских рабочих большое впечатление, глухо волновались рабочие и демократические слои городов, особенно в предместьях Вены.

Таким образом, к концу 40-х годов и «...Австрия медленно, но верно двигалась к крупным переменам»[1]. И здесь, следовательно, «...совершалось медленное подземное движение, которое уничтожало все усилия Меттерниха»[2].

---

[1] К. Маркс. Избр. произв., 1940, т. II, стр. 58.
[2] Там же, стр. 56.

Глава четвертая

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПОЛЬШЕ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ 1848 Г.

ПОДГОТОВКА ВОССТАНИЯ

Излагая ход восстания 1846 г., польские буржуазные историки обычно утверждают, что для его возникновения не было серьезных причин и что поражение восстания было неизбежно. Исторические факты полностью опровергают это ложное утверждение буржуазных историков. Революционный взрыв 1846 г., будучи прямым следствием общественно-экономического развития Польши, имел глубокие корни.

Причины восстания 1846 г.

Во всех частях расчлененной Польши наблюдался глубокий кризис феодально-крепостнических порядков; ниспровержение феодализма, сковывавшего развитие производительных сил и стоявшего на пути национального освобождения и воссоединения Польши, стало для польского народа жизненно необходимой задачей.

Наибольшей остроты этот кризис достиг в находившейся под властью Австрии Западной Галиции и в польских землях, захваченных Пруссией, особенно в Силезии и Великой Польше. Во многом здесь сказалось влияние кризиса, который переживали феодально-абсолютистские монархии Пруссия и Австрия, где складывалась революционная ситуация, вследствие чего в этих странах и развернулась в 1848 г. буржуазная революция. Относительная (по сравнению с Австрией и Пруссией) прочность феодально-абсолютистского строя в России ограничивала в некоторой мере развитие революционного кризиса в Царстве Польском, но он развивался и здесь: доказательством этого является возникновение тайной революционной крестьянской организации, руководимой Петром Сцегенным.

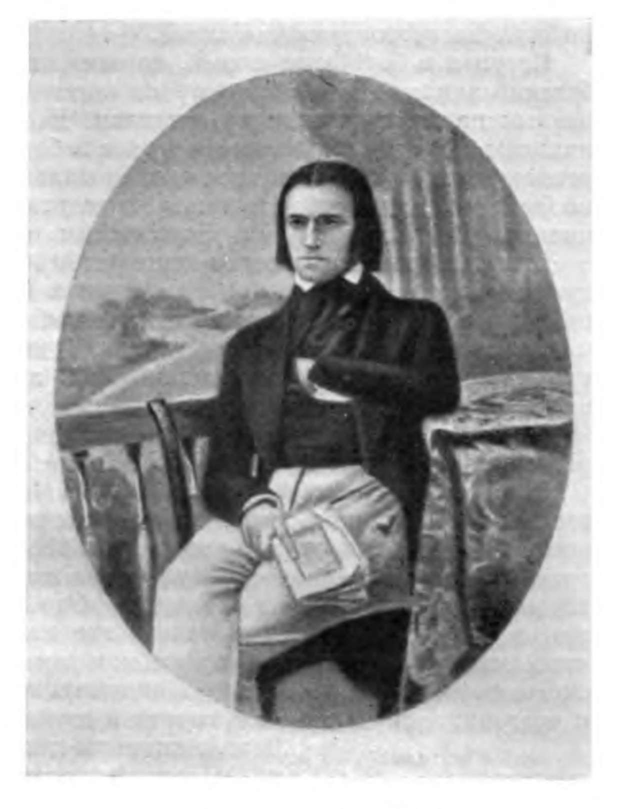
Польская революционная демократия. Дембовский

Традиционное в буржуазной историографии представление, будто инициатива организации восстания 1846 г. принадлежала польской демократической эмиграции, оторванной от родной страны, резко противоречит историческим фактам. В действительности революционный взрыв назревал именно на территории Польши, и первыми ощутили это демократические организации, возникавшие и действовавшие в самой стране. Следствием нарастания революционного кризиса и было появление таких революционно-демократических организаций, как «Крестьянский союз», основанный Сцегенным, как «Союз плебеев», руково-

димый Валентином Стефанским. Именно от революционеров-демократов, действовавших в самой Польше, исходила инициатива восстания, именно они выдвигали наиболее последовательные революционные лозунги.

Высоко оценивая деятельность польской демократической эмиграции, Маркс и Энгельс указывали, однако, что неэмигрировавшие поляки «...гораздо лучше познали потребности Польши, в которой продолжали жить, чем почти вся польская эмиграция...»[1]

Среди деятелей польской революционной демократии 40-х годов особенно выделяется Эдвард Дембовский. Его деятельность является одной из самых славных страниц в истории польского освободительного движения первой половины XIX в., в период, предшествовавший выступлению на арену борьбы польского рабочего класса.

ЭДВАРД ДЕМБОВСКИЙ

Дембовский начал революционную деятельность в 1839 г. в качестве члена варшавской группы «Объединения польского народа». В 1842—1844 гг. он занимался в Варшаве и в Познани литературно-публицистической деятельностью, но уже с начала 1845 г. полностью посвятил себя подготовке восстания. На 24-м году жизни Дембовский погиб, борясь за дело революции.

Труды Дембовского дают основание считать его одним из наиболее выдающихся представителей революционно-демократической мысли того времени. Дембовский был решительным противником немецкой реакционной идеалистической философии и приветствовал появление статей Энгельса, направленных против Шеллинга. Критикуя философию Гегеля, он писал, что ее метод и система «служат цели примирения с существующим злом». Дембовский пришел к убеждению, что жизнь общества есть непрерывная борьба старого и нового, борьба, в которой новое неизбежно должно победить. В то время, когда мистически-религиозное поветрие наложило свой отпечаток на развитие взглядов даже таких прогрессивных деятелей, как Станислав Ворцель и Адам Мицкевич, антикатолическая, даже атеистическая направленность мировоззрения Дембовского была редким явлением в польском обществе того времени. Дембовский высоко ценил французских материалистов XVIII в. за их борьбу против католической церкви и религии.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 410.

Дембовский был убежден, что победа нового над старым, победа революционного народа над феодальным строем должна была наступить в результате вооруженного восстания. Без колебаний он приветствовал грядущую народную революцию и посвятил ее подготовке все свои силы. Дембовский видел, что в этой борьбе интересы крестьянства неминуемо столкнутся с интересами шляхты, и, в отличие от деятелей эмигрантского «Польского демократического общества», не искал компромисса, а решительно стал на сторону крестьянства.

Вступая в борьбу за новый, справедливый общественный строй, Дембовский понимал, что таким строем не является буржуазный строй, основанный на эксплуатации трудящихся. Но он ошибался, считая, что социализм в Польше того времени может победить в результате крестьянской революции. В действительности в феодальной Польше 40-х годов XIX в. не было необходимых исторических условий для победы социализма. Социализм Дембовского был утопическим социализмом.

Взгляды революционеров-демократов отражало написанное Ришардом Бервинским стихотворение «Марш в будущее», один из лучших образцов революционно-демократической польской поэзии XIX в. Поэт рисует в нем счастливое царство будущего, царство свободы и изобилия, «землю обетованную». Но достичь этой земли нужно не терпением и молитвами, а революционной борьбой.

К топору, к вооруженному восстанию звали крестьянскую Польшу революционные демократы!

Влияние Дембовского сказалось на Генрике Каменском, опубликовавшем в 1844 г. под псевдонимом Филарета Правдовского книгу «Жизненные истины польского народа», а в 1845 г.— «Демократический катехизис», ставший наиболее популярным изложением программы демократического переустройства Польши. Особенный интерес представляет третья часть «Жизненных истин», где излагалась своеобразная теория крестьянской партизанской войны, которая должна была, по мысли Каменского, развить революционную инициативу народных масс и привести к созданию революционной власти и демократической Польши.

«Польское демократическое общество»

Революционеры-демократы в Польше 40-х годов представляли сравнительно немногочисленную группу, но их влияние было очень велико. Они близко стояли к народу, и в этом была их сила.

Нарастание революционного кризиса в Польше и усиление деятельности демократических организаций в стране поставили «Польское демократическое общество» перед необходимостью определить свое отношение к назревавшему восстанию. По этому вопросу в руководящем органе общества — «Централизации» не было единства мнений. В 1845 г. из ее состава вышли Томаш Малиновский и Генрик Якубовский, противники взятого «Централизацией» курса на организацию восстания. Но и большинство «Централизации» во главе с Хельтманом, стоявшее за переход к практической подготовке восстания, не было готово к восстанию и действовало неуверенно.

Руководители «Демократического общества» неприязненно относились к последовательным, решительным демократам. «Централизация» использовала все свое влияние, чтобы оттянуть сроки восстания, но вскоре убедилась в том, что задержать его невозможно. Осенью 1845 г. на совещании в Познани был определен точный срок начала национального восстания — февраль 1846 г. Это решение было принято по настоянию представителя галицийских помещиков графа Весёловского, стремившегося тем самым предотвратить восстание крестьян против помещиков.

Две программы борьбы

Революционеры-демократы стремились к полному удовлетворению всех антифеодальных требований крестьянства, в котором они видели основную силу восстания; шляхту же они считали врагом революции, и даже ту часть шляхты, которая выражала свое сочувствие идее национального освобождения Польши, они рассматривали лишь как временного и ненадежного попутчика. Демократическая революция должна была, по мысли революционеров-демократов, привести к национальному освобождению Польши, которое было неразрывной частью их политической программы. Революционеры-демократы приветствовали назревавшее крестьянское антифеодальное восстание и готовы были возглавить его.

В противоположность революционерам-демократам, члены «Польского демократического общества» и близких ему конспиративных организаций в самой Польше (по социальному происхождению в подавляющем большинстве шляхтичи, по программе — буржуазные демократы) рассматривали крестьянство как «рабочую силу» в освободительной борьбе. Носители пережитков шляхетской идеологии, члены «Демократического общества» ошибочно полагали, что значительная часть шляхты способна поступиться своими классовыми интересами и стать руководителем народных масс в предстоящей национально-освободительной борьбе. Свою тактическую задачу члены «Демократического общества» видели в таких лозунгах, которые не оттолкнули бы и не напугали шляхту. Члены этой организации были чрезвычайно далеки от крестьянства. Подчиняя задачу демократического преобразования Польши задаче ее национального освобождения, буржуазные демократы затушевывали классовые противоречия и считали возможным создание общенационального фронта — от крепостного до помещика. Буржуазные демократы, боявшиеся революционной инициативы масс, были неспособны возглавить народное движение.

Так создалось глубоко трагическое для судьбы польского освободительного движения положение. При назначении срока национального восстания, целью которого буржуазные демократы объявляли освобождение крестьянства, решающим мотивом для них оказывалось стремление предотвратить крестьянское восстание!

Программа и тактика «Демократического общества» подвергались острой критике со стороны революционеров-демократов. Но в условиях приближавшегося революционного взрыва последние считали необходимым не порывать с «Демократическим обществом».

Расплывчатость программы «Демократического общества» приводила к тому, что в ряды конспиративных организаций проникало немало шляхтичей, далеких от всякого демократизма; среди них были и провокаторы. В ноябре 1845 г. прусская полиция арестовала Стефанского и группу членов «Союза плебеев», на которых донес член познанской шляхетской организации С. Мельжинский. Существует предположение, что Стефанский был выдан прусской полиции с ведома членов «Познанского центрального комитета», стремившегося обезглавить и подчинить себе «Союз плебеев».

План Мерославского

Для практической организации восстания «Демократическое общество» ввело в 1845 г. в состав «Централизации» и выдвинуло на пост командующего вооруженными силами Людвика Мерославского.

Стратегический план Мерославского рассматривал Великую Польшу и Галицию с Краковской республикой в качестве двух основных очагов восстания и оперативных баз. а Царство Польское — как основной театр военных действий. В Великой Польше и Галиции предполагалось сформировать две регулярные армии, которые, оставив заслоны против Пруссии

и Австрии, двинулись бы в Царство Польское и концентрическим наступлением заставили бы русские войска отступить за его пределы. Одновременное восстание в Литве, в Белоруссии и на Украине должно было лишить царское правительство возможности подтянуть против восставших значительные силы.

Стратегия Мерославского была порочна в самой основе. Буржуазный демократ, далекий от народа, Мерославский был решительным противником народной, партизанской войны. Между тем в 1846 г., в отличие от 1830 г., повстанцы не имели регулярной армии, ее нужно было создать в ходе самого восстания. Вместо того чтобы рассматривать эту задачу как один из этапов народной войны, Мерославский предполагал начать восстание с формирования регулярных армий. Чтобы придать этому фантастическому плану подобие реальности, Мерославский выдвинул совершенно ложный тезис, что непримиримость противоречий между Пруссией и Россией обеспечит повстанцам благожелательный нейтралитет со стороны Пруссии.

В плане Мерославского отразился коренной порок программы «Демократического общества». Под восстановлением государственной независимости Польши общество понимало восстановление Польши в границах 1772 г.

Борясь за национальное освобождение своего народа, польские буржуазные демократы в то же время стремились восстановить режим национального угнетения для литовского, белорусского и украинского народов. Более того, они вообще не считались с тем, что лозунг «границы 1772 г.» означает включение в состав восстановленной Польши других народов; они игнорировали самый факт существования этих народов.

Несмотря на полное несоответствие реальным условиям, план Мерославского был одобрен «Централизацией».

В канун нового, 1846, года Мерославский прибыл в Познань. В январе 1846 г. он выехал в Краков, чтобы сформировать там национальное правительство из представителей всех частей Польши и окончательно определить дату восстания. Восстание должно было начаться в ночь на 22 февраля. Из Кракова Мерославский вернулся в Великую Польшу, основную базу восстания.

Организация восстания

В Великой Польше, наряду со шляхтой и городской интеллигенцией, в состав ядра повстанческих сил входили и ремесленники из «Союза плебеев». Общее число первоначальных участников восстания в Великой Польше и Поморье превосходило тысячу человек.

Восстановление повстанческой организации в Царстве Польском, разгромленной арестами 1843—1844 гг., было начато непосредственно перед восстанием. Благодаря энергичной деятельности Дембовского был создан ряд опорных ячеек восстания в Галиции. За 20 дней своего пребывания во Львове (декабрь 1845 — январь 1846 г.) Дембовский создал здесь организацию численностью свыше 500 человек. После его отъезда число ее членов перевалило уже за тысячу. В округах Западной Галиции насчитывалось по нескольку сот человек, готовых принять участие в восстании.

Подготовляясь к восстанию, руководители «Демократического общества» исходили из своего старого, ложного положения: не вести агитации среди крестьян и не привлекать их к подготовке восстания, а в момент начала восстания обнародовать декрет об отмене барщины и передаче в собственность крестьян их наделов, что и могло, по их мнению, обеспечить присоединение крестьян к восстанию.

Подготовка восстания не могла не привлечь внимания консервативной части шляхты. Политическую линию указал ей князь Адам Чарторыйский. 29 ноября 1845 г. он объявил, что согласен с предоставлением крестьянам в собственность их наделов, причем откровенно указал, что революционного взрыва не избежать и что поэтому необходимо стремиться «принять на себя руководство освобожденным народом». Консервативная шляхта усвоила рекомендованную Чарторыйским тактику захвата руководства движением с целью удержать его в желательных для аристократии рамках.

Задуманное «Демократическим обществом» общепольское восстание 1846 г. не осуществилось. В историю оно вошло как «Краковское восстание».

КРАКОВСКОЕ ВОССТАНИЕ 1846 Г.

Разгром повстанческой организации в Великой Польше

Подготовка восстания в Великой Польше не была тайной для прусских властей. Однако долгое время они, несмотря на все старания, не могли обнаружить руководителей и план восстания. На помощь им пришел предатель — шляхтич Генрик Понинский. 5 февраля 1846 г. он донес начальнику познанской полиции о плане восстания и перечислил всех руководителей. 12—14 февраля — за неделю до назначенного срока восстания — полиция произвела массовые аресты. Арестован был и Мерославский. В результате этих арестов восстание в Великой Польше было сорвано. Лишь в Поморье, в окрестностях Старогарда, имела место в ночь на 22 февраля безуспешная попытка поднять восстание.

Когда в Великой Польше стало известно об успехе восстания в Кракове, избежавшая ареста группа революционеров, руководимая Владиславом Неголевским, предприняла 3 марта попытку захвата Познанской крепости. Но сил было мало, а прусские власти были настороже. После короткой перестрелки повстанцы были вынуждены разойтись.

2 августа 1847 г. прусское правительство организовало в Берлине большой процесс над польскими повстанцами. Процесс длился четыре месяца. Восемь обвиняемых были приговорены к смертной казни, около ста человек было осуждено на разные сроки тюремного заключения.

Попытки восстания в Царстве Польском

В Царстве Польском небольшая группа повстанцев во главе с Панталеоном Потоцким в ночь на 22 февраля предприняла безуспешную попытку восстания в г. Седльце. Назначенный Мерославским на пост руководителя повстанческих сил в Царстве Польском Бронислав Домбровский совершенно растерялся и бездействовал до самого дня восстания. Получив в последний момент известие об арестах в Великой Польше, он, даже не известив Потоцкого и других повстанцев, бежал за границу. Потоцкий и двое других повстанцев были по приговору военного суда повешены, трое повстанцев осуждены на пожизненную каторгу.

В юго-западной части Царства Польского, под Меховым, организовалось несколько повстанческих отрядов, направившихся в Краков. Таким образом, и в польских землях, входивших в состав Пруссии, и в Царстве Польском, находившемся под властью России, восстание было сорвано, кадры повстанческой организации попали в руки жандармов, еще более усилился свирепый полицейский режим.

Основная причина неудачи общепольского национально-освободительного восстания, подготовлявшегося «Демократическим обществом», заключалась в классовой ограниченности деятелей Общества, в непонимании

ими существа исторических задач, стоявших перед польским народом. Следствием классовой ограниченности Общества были и те конкретные обстоятельства, которые способствовали неудаче восстания: слабость повстанческой организации, ее засоренность предателями и провокаторами из числа шляхтичей, непригодность ряда выдвинутых Обществом руководителей-шляхтичей и т. д.

18 февраля Краков был занят австрийскими войсками. Почти одновременно руководители повстанческой организации в Кракове — члены Национального правительства, представитель «Централизации» Ян Альциато, представитель Краковской республики ассистент университета Людвик Гожковский и представитель Галиции юрист Ян Тыссовский — получили сообщение о массовых арестах в Великой Польше. Наступило замешательство. Альциато заявил, что в создавшейся обстановке восстание не имеет никаких шансов на успех, и настоял на отмене восстания. Были посланы нарочные, чтобы спешно поставить об этом в известность все повстанческие группы. Немедленно после принятия этого капитулянтского решения Альциато выехал из Кракова во Францию.

Однако члены Национального правительства, оставшиеся в Кракове, столкнувшись с резкой оппозицией рядовых повстанцев, пересмотрели принятое решение. Учитывая, что австрийцам может быть известен срок восстания, они предприняли попытку овладеть Краковом в ночь на 21 февраля, т. е. на день ранее намеченного срока.

Начало восстания в Кракове

Первые столкновения австрийцев с повстанцами произошли уже 20 февраля. Отряды, посланные командующим австрийскими войсками генералом Коллином для занятия небольших городов Краковской республики — Хжанова, Кшешовиц, Явожна, были атакованы повстанцами. Ночью начался бой в Кракове.

Силы повстанцев были невелики, а в распоряжении Коллина было 1300 человек и 3 орудия. В ночь на 21 февраля повстанцам не удалось добиться успеха; дело ограничилось несколькими стычками на улицах города. Но непрерывно поступавшие известия о действиях повстанческих отрядов на территории республики, о росте сил повстанцев увеличивали тревогу австрийского командования. Дело решило сообщение, что на Краков движется большой отряд восставших крестьян. В 6 часов вечера 22 февраля австрийские войска начали отступать за Вислу. На следующую ночь солдаты продолжали дальнейший отход в глубь Галиции — к Вадовицам. Вместе с австрийскими войсками из Кракова бежали представители иностранных держав, президент и вице-президент сената, чины полиции.

В тот момент, когда массы рабочих, ремесленников, городской бедноты Кракова и пришедших в город крестьян с ликованием двинулись по улицам, чтобы освободить из тюрем борцов за свободу Польши, в доме графа Юзефа Водзицкого собрались консерваторы; они решили взять в свои руки власть, создать и вооружить «стражу безопасности» из шляхты и буржуазии. Консерваторы образовали «Комитет общественной безопасности» во главе с Водзицким. Однако это самочинное помещичье-купеческое «правительство» встретило решительный отпор со стороны народных масс. Консерваторы вынуждены были отступить. «Комитет общественной безопасности» был распущен.

В состав провозглашенного краковскими повстанцами Национального правительства Польской республики вошли Тыссовский, Гожковский и Александр Гжегожевский (как представитель Царства Польского); секретарем правительства стал Кароль Рогавский.

Манифест Национального правительства

В 8 часов вечера на центральной площади города при огромном воодушевлении народных масс Тыссовский читал манифест Национального правительства.

Манифест описывал бедственное положение польского народа и провозглашал следующую программу действий: «Нас двадцать миллионов, встанем все как один человек, и мощи нашей не одолеет ни одна сила; добудем свободу, какой еще до сих пор не было на земле; завоюем общественный строй, в котором каждый по заслугам и способностям будет пользоваться национальным достоянием, и ни одна привилегия ни под каким видом не будет иметь места; в котором каждый поляк найдет обеспечение для себя, своей жены и детей; в котором калека получит без унижения верную помощь всего общества; в котором земля, находящаяся сейчас лишь в условном владении крестьян, станет их безусловной собственностью; будут отменены чинши (оброки), барщины и всякие тому подобные повинности без какого-либо вознаграждения, а служение национальному делу с оружием в руках будет награждено землей из национальных имуществ».

Изданный на следующий день «Революционный статут» гласил: «Грабеж, самосуд, хотя бы и в отношении виновных, вымогание чиншей и барщины, вооруженное противодействие, шпионаж, подрыв государственных финансов, злоупотребление властью и присвоение власти караются смертной казнью». Таким образом, революционное правительство отнесло требование феодальных повинностей к числу тягчайших преступлений против нового революционного порядка.

С первых же часов существования революционной власти в Кракове началось формирование регулярных военных сил восставших. С громадным энтузиазмом записывалась в революционное войско городская беднота.

23 февраля в Краков прибыли повстанческие отряды из Царства Польского.

Борьба революционных демократов со шляхетско-купеческими консерваторами в Кракове

Уже в самом начале организации революционных органов власти выявилось расхождение между членами Национального правительства. Тыссовский стремился установить контакт с имущими слоями города и привлечь их к управлению. Дело кончилось тем, что утром 24 февраля Тыссовский был провозглашен диктатором. Но одновременно с этим произошло важное событие, укрепившее положение революционеров-демократов: в Краков прибыл во главе отряда, состоявшего из 200 горняков с соляных копей Велички, Эдвард Дембовский.

Действуя почти в одиночку, Дембовский сумел в течение нескольких часов не только поднять на восстание горняков Велички, но и организовать там повстанческую власть. Он привез в Краков и передал революционному правительству кассу соляных копей — более 100 тыс. гульденов. Эта сумма обеспечила финансовые нужды повстанческого правительства. Дембовский занял пост секретаря диктатора.

В ночь на 25 февраля группа краковских консерваторов произвела попытку контрреволюционного переворота, потребовав от Тыссовского отказа от диктатуры и передачи власти профессору Краковского университета Михаилу Вишневскому. Тыссовский без сопротивления подчинился этому требованию. Однако несколько часов спустя, когда об этом стало известно Дембовскому, он, подняв краковские массы, быстро ликвидировал контрреволюционный заговор. Вишневский бежал в Пруссию. Диктатура Тыссовского была восстановлена.

Консерваторам удалось все же, при попустительстве и содействии диктатора Тыссовского, овладеть вновь создаваемым государственным аппаратом; они были назначены министрами, членами городского совета и т. д. Единственным старанием этих чиновников (по их собственному признанию) было «делать елико возможно меньше и не в революционном духе».

Тыссовский не смог, однако, парализовать кипучую революционную деятельность Дембовского. Три дня пребывания Дембовского в Кракове были ознаменованы не только ликвидацией контрреволюционного заговора, но и открытием революционного клуба и некоторыми другими демократическими мерами (упразднение сословных различий и титулов и т. п.).

Воззвание «Ко всем полякам, умеющим читать»

Принятое по инициативе Дембовского воззвание «Ко всем полякам, умеющим читать» заменяло расплывчатые формулировки правительственного манифеста ясными и точными положениями, не поддающимися двусмысленному толкованию. Вот текст этого важного документа:

«Каждому, кто только умеет читать, диктатор приказывает немедленно по получении настоящего воззвания созывать сельский народ и обращаться к нему с речью, которая найдет отзвук в сердцах слушателей. Речь должна быть примерно такого содержания, чтобы народ ясно понял и почувствовал стремления революции:

Народ польский! Революция, осуществленная в республике, отменяет всякую барщину, чинши и дани, а земли, за которые вы до сих пор отрабатывали или платили какие-либо повинности, являются отныне вашей безусловной собственностью, которой вы можете распоряжаться по своему усмотрению.

Тот, кто станет вымогать от вас барщину или дани, понесет кару.

Те, кто не имеет земли — батраки, коморники, особенно же сражающиеся в войсках республики, получат землю из национальных имуществ по окончании борьбы за независимость; для ремесленников будут основаны национальные мастерские, в которых плата за работу в два раза выше, чем та, которую они сейчас получают.

Польская республика ликвидирует все привилегии шляхты и угнетение и делает всех людей равными.

Значит, революция совершена для твоего блага, народ; она возвращает тебе отнятые у тебя права. Провозглашай же всюду то, что ты слышал, и помни, что ты, как это будет делать каждый поляк, обязан защищать свои права против... каждого, кто захочет лишить этих прав нас, народ, нас, крестьян, нас, поляков».

Значение этого воззвания состоит прежде всего в том, что в нем определеннее, чем в каком-либо другом документе, был поставлен вопрос о наделении землей безземельных крестьян и об улучшении положения городской бедноты.

Военное положение краковских повстанцев

Ошибкой краковских повстанцев было то, что они не использовали замешательства австрийцев и не попытались преследовать их. В течение трех дней вообще не было сделано ничего для распространения восстания за пределы Кракова. Наоборот, в Краков стягивались все те небольшие повстанческие отряды, которые действовали в примыкающем к нему районе. Вместо того чтобы немедленно перейти в наступление против растерявшегося противника и широко организовать партизанскую войну, революционное правительство занялось формированием регулярной армии. Руководство военными силами было поручено случайным лицам, совершенно не пригодным для этой цели, а отчасти и

не сочувствовавшим восстанию. Энтузиазм городской бедноты Кракова и крестьян ближайших деревень, массами записывавшихся в революционную армию, численность которой достигла к 28 февраля 5 тыс. человек, не был использован надлежащим образом.

Лишь после прибытия в Краков Дембовского диктатор выслал 25 февраля в Галицию, в направлении Велички, повстанческий отряд. На следующий день под Гдовом этот отряд был разбит австрийскими войсками и крестьянскими отрядами. Это был результат провокационной тактики австрийских властей, обманным путем восстановивших крестьян против повстанцев.

Узнав об этом, Дембовский решил организовать мирную процессию, которая должна была двигаться от одной галицийской деревни к другой, разъяснять крестьянам цели революции и склонить их на сторону восставших. 27 февраля процессия выступила из Кракова. Дембовский сам стал во главе ее. Но тем временем Коллин занял незащищенное Подгорье (пригород Кракова). Австрийцы атаковали почти безоружную процессию. Дембовский вступил в неравную схватку и пал в бою.

Гибель Дембовского была огромной потерей для польского революционного движения.

Падение Кракова. Ликвидация Краковской республики

После гибели Дембовского Краков оставался в руках повстанцев только четыре дня. Тыссовский оказался неспособным предпринять что-либо для укрепления положения восставших. Он все более и более подпадал под влияние шляхетско-купеческих консерваторов, которые фактически стали хозяевами города. Народные массы были готовы к продолжению борьбы, но командиры потеряли веру в успех.

Коллин, получив подкрепления, установил на высотах Подгорья пушки и 1 марта ультимативно потребовал капитуляции, угрожая открыть огонь по городу. С севера к Кракову подходили царские войска под начальством генерала Панютина.

В ночь на 3 марта Тыссовский отдал революционным войскам приказ оставить город. 3 марта в Краков вступили русские, а затем австрийские войска. Несмотря на протест рядовых повстанцев, требовавших продолжения борьбы, военный совет принял решение перейти прусскую границу и сложить оружие. 4 марта капитуляция совершилась.

Власть в Кракове перешла к временному военному управлению, составленному из представителей России, Австрии и Пруссии, под председательством австрийского фельдмаршала Кастильоне. Одновременно начались переговоры между Россией, Австрией и Пруссией о дальнейшей судьбе Кракова. Уже в начале июля с территории республики были выведены русские и прусские войска. 6 ноября 1846 г. три державы подписали договор, по которому вольный город Краков под названием великого княжества Краковского включался в состав Австрийской империи.

Аресты, начавшиеся сразу после оккупации города, свидетельствовали о том, что оккупанты хорошо разобрались в характере восстания. Среди 1252 арестованных было более 750 рабочих, ремесленных подмастерьев и вообще беднейших жителей. Они были основной силой восстания, и на них прежде всего обрушился террор оккупантов.

Провокационная тактика австрийских властей

Австрийские власти в Галиции знали о подготовке в Польше национально-освободительного восстания. Они понимали, что крестьянское восстание в Западной Галиции неизбежно и что ход событий зависит прежде всего от того, сомкнется ли антифеодальная борьба крепостного крестьянства с польским национально-освободительным движением. Австрийские власти отдавали себе отчет в настроениях и чаяниях галицийского крестьянства. Они знали о враждебном отношении крестьян ко всему, что носит ненавистный панский облик. Кроме того. они учитывали, что крестьяне, обманутые демагогическими заявлениями австрийских чиновников, ждут избавления от феодального гнета от императора. Австрийская администрация стремилась использовать эти настроения, чтобы направить все недовольство крестьян против шляхтичей, рассчитывая тем самым отвлечь крестьянство от национально-освободительной борьбы. Участие крестьян в борьбе с польским национальным движением привело бы к дискредитации этого движения в глазах передовой, прогрессивной части европейского общества и внесло бы смятение в ту часть шляхты, которая была склонна поддержать борьбу за независимость Польши.

Австрийской полиции удалось напасть на след самой большой и самой опасной для австрийского господства в Галиции повстанческой организации — львовской. 12 февраля 1846 г. во Львове были произведены многочисленные аресты, в результате которых повстанческая организация была разгромлена. Это было тяжелым ударом для польских революционеров, так как с будущей деятельностью львовской организации повстанцы связывали большие надежды: она должна была вывести из строя всё галицийское губернское управление и военное командование, обезглавить австрийскую государственную машину в Галиции.

В деревнях Западной Галиции была введена сельская стража из вооруженных косами и вилами крестьян. Деревенским старостам, войтам было предписано задерживать всех неизвестных лиц и доставлять их к окружным властям. По деревням распространялся слух, возникший не без участия австрийских чиновников, что император предполагает отменить барщину и что недовольная этим шляхта собирается начать восстание. Крестьяне, видя, что между австрийскими властями и польскими помещиками неизбежно столкновение, готовились использовать создавшееся положение в своих интересах. Уже давно назревавшее стихийное антифеодальное крестьянское движение нуждалось только в толчке. Этим толчком должно было явиться начало национально-освободительного восстания. Но крестьяне ждали восстания не для того, чтобы примкнуть к нему, а чтобы разделаться с помещиками, в том числе и с помещиками-повстанцами.

Известную роль в дальнейшем развитии событий сыграло и то обстоятельство, что некоторые шляхтичи, ведя среди крестьян агитацию за восстание, грозили им смертной казнью в случае, если они его не поддержат. Понятно, что подобные методы не могли внушить крестьянам доверия к организаторам польского национального восстания.

Попытки польского национального восстания в Галиции

Опасаясь, что австрийским властям стало известно о сроке восстания, повстанцы в Тарновском округе, действовавшие под руководством Весёловского, решили захватить Тарнов в ночь на 18 февраля. Были назначены два пункта, где намечалось собрать около 600 человек. Если учесть, что весь гарнизон Тарнова насчитывал 700 человек,

притом в большинстве — поляков, то следует признать, что у повстанцев были значительные шансы на успех. Однако о переносе срока восстания узнали не все, а часть повстанцев опоздала к вновь назначенному часу вследствие сильной снежной бури.

Крестьяне разоружили повстанцев под Тарновом, и с этого момента началось широкое крестьянское восстание против помещиков. Из Тарновского округа оно в два дня распространилось на соседние округа — Бохенский, Ясельский, Саноцкий, отчасти Сандецкий и Вадовицкий.

ТЕОФИЛЬ ВИСНЕВСКИЙ

Широко разветвленная по всей Галиции повстанческая сеть оказалась дезорганизованной, и вместо общего национального восстания произошло лишь несколько местных вспышек. Те отряды шляхетских повстанцев, которые собрались 21 февраля в Ясельском и Саноцком округах, частью самораспустились, частью были рассеяны крестьянами. В Горожане Самборского округа попытка поднять восстание была расстроена крестьянами.

Лишь под Нарайовом, Бережанского округа, собрался отряд повстанцев под руководством Теофиля Висневского. Однако после первой успешной стычки с австрийскими гусарами, не получив ожидавшегося подкрепления, отряд был вынужден самораспуститься.

Висневский и один из тарновских повстанцев, Капусцинский, были повешены 31 июля 1847 г. Десятки повстанцев были осуждены на заточение в страшных казематах Шпильберга, сотни людей томились в заключении в Кракове и Львове в ожидании суда.

Восстание галицийских крестьян против помещиков

Начавшееся с разоружения шляхетских повстанческих отрядов крестьянское восстание приняло характер массового разгрома помещичьих усадеб и уничтожения помещиков. В течение нескольких дней было разгромлено более 200 помещичьих усадеб (из них до 150 в Тарновском округе) и перебито около полутора тысяч помещиков, управляющих и мелких шляхтичей.

Крестьяне собирались в отряды, которые чаще всего распадались сразу же после ликвидации соседних усадеб. Стабильных отрядов было немного. Известны имена руководителей крестьянских отрядов: Корыга и Стемпек — в Бохенском округе, Яноха — в Сандецком и др. Но более всех известно имя Якуба Шели, руководителя одного

из наиболее активных крестьянских отрядов, действовавшего на границе между Тарновским и Ясельским округами.

ЯКУБ ШЕЛЯ

Якуб Шеля, крестьянин из деревни Смажова, бывший более 20 лет уполномоченным сельской общины в ее судебных процессах с помещиками Богушами, пользовался большим уважением среди крестьян. Возглавив восстание в своей деревне, Шеля вскоре стал вождем крестьян всей прилегающей местности: документы приписывают Шеле власть над 50 и даже 100 общинами.

Крестьяне были глубоко убеждены, что с уничтожением помещиков будет уничтожена и барщина. Восставшие крестьяне стремились не только сбросить с себя ярмо феодальных повинностей, но добивались и раздела панских земель, наделения землей безземельных халупников и коморников. В деревне Трепча крестьяне уже приступили к разделу помещичьих земель.

Крестьянское движение в Галиции в 1846 г. представляло собою антифеодальное восстание крепостных крестьян. Именно так оценивал это восстание Маркс: «Для *галицийских* крестьян... вопрос собственности сводится к превращению феодальной земельной собственности в мелкобуржуазную земельную собственность. Он имеет для них тот же смысл, как и для *французского* крестьянства 1789 г»[1].

Хохоловское восстание

Если революционный порыв крепостного крестьянства в Галиции не был возглавлен буржуазными демократами, если он обратился против самих же буржуазных демократов, то объясняется это в первую очередь классовой ограниченностью этих последних. В то же время события 1846 г. обнаружили, что последовательный революционный демократизм и последовательная защита интересов крестьянства обеспечивали союз между революционной демократией и крестьянскими массами. Примером такого союза является поддержка Краковского восстания некоторыми группами крестьянства Краковской республики.

Ярким свидетельством действенности и плодотворности революционно-демократической пропаганды среди крестьян является восстание в Подгалье, горном районе Сандецкого округа. В Подгалье в 30-х годах пропаганду вел Станислав Мариновский; в годы, предшествовавшие восстанию 1846 г., здесь действовал Юлиан Гosляр. Результатом их деятельности было выступление крестьян одновременно под антифеодальными и нацио-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 208.

нально-освободительными лозунгами. Центром восстания было горное село Хохолов, по имени которого это восстание часто называется хохоловским. Во главе восставших стоял Ян Андрусикевич, участник восстания 1830—1831 гг. Восставшие крестьяне в ночь на 22 февраля разоружили пограничную таможенную стражу и с успехом выдержали первый бой. Но затем недостаток вооружения, отсутствие руководства (Андрусикевич был ранен) и изолированность от других районов восстания заставили хохоловских крестьян сложить оружие.

Новый подъем крестьянского восстания

В первый момент после подавления Краковского восстания австрийские власти были уверены, что им без труда удастся овладеть крестьянским движением, но вскоре они убедились в своей ошибке. Уже с первых чисел марта окружные старосты начали рассылать уполномоченных, которые объявляли благодарность крестьянам за верную службу императору и призывали их... вновь приступить к отбыванию барщины! Этот призыв вызвал бурю негодования среди крестьян, повсеместный отказ от барщины и угрозы по адресу властей, которых обвиняли в том, что они якобы утаивают императорский манифест об отмене барщины. Поднялась новая волна крестьянского движения, охватившая и такие районы, крестьянство которых не принимало участия на первом этапе движения. Крестьяне отказывались от выполнения феодальных повинностей, поджигали помещичьи усадьбы. Движение приняло еще более массовый характер, чем в феврале.

Австрийские власти приняли все меры, чтобы подавить восстание. В охваченные крестьянским движением округа были направлены войска. Военными экзекуциями и угрозами военно-полевого суда восстанавливался барщинный «порядок». Якуб Шеля был доставлен в Тарнов и содержался под арестом (позже он был выслан в Буковину).

Вместе с тем австрийское правительство сочло необходимым предоставить крестьянам некоторые, впрочем незначительные, льготы. Указ 13 апреля 1846 г. отменял обязанность крестьян перевозить панский хлеб и другие продукты к пунктам сбыта или сплава, однако оставлял в силе барщину — основное бремя, тяготевшее на крестьянине. Тот же указ предупреждал крестьян, что «насилия и отказ от выполнения повинностей, основанных на существующих правах, будут караться по всей строгости закона».

В то же время австрийское правительство продолжало распространять легенду о том, что галицийские крестьяне взялись за оружие ради защиты «обожаемого монарха». Эта выдумка, возвещенная Меттернихом всей Европе в его циркулярной ноте от 7 марта 1846 г., повторялась и в других официальных документах, опубликованных австрийскими властями.

Крестьянское восстание было подавлено, но отзвуки его еще долго ощущались в Галиции, о чем говорит изданный в октябре 1846 г. циркуляр о введении полевого суда в Галиции; эта мера мотивировалась тем, что «внутренний мир в королевствах Галиции и Лодомерии вновь поставлен под угрозу опасными покушениями и подстрекательством крестьян к восстанию».

Вопрос о крестьянской реформе в Галиции

Некоторые австрийские чиновники и часть польских помещиков, исходя из убеждения, что сохранить барщину невозможно и что новый революционный взрыв еще большей силы не заставит себя долго ждать, выступали с докладными записками, развивая в них различные проекты крестьянской реформы. Эти проекты были проникнуты, впрочем, одной мыслью: уступить как можно меньше, превратить реформу в обман крестьянства, поживиться на отмене барщины.

Два основных пункта выдвигались помещиками в их проектах крестьянской реформы: отмена феодальных повинностей за выкуп, притом за такой выкуп, который обогатил бы помещиков и разорил бы крестьян, и одновременная отмена сервитутов, т. е. завершение процесса экспроприации общинных пастбищ и лесов, что должно было содействовать усилению эксплуатации «освобожденных» крестьян.

Австрийское правительство отвергло проект об отмене барщины.

Губернатор Моравии граф Стадион, направленный в Галицию в качестве чрезвычайного комиссара, занялся разработкой проекта реформы. Результатом его деятельности явились три циркуляра, изданные 25 ноября 1846 г. Они предоставляли крестьянам право продавать и завещать их наделы, но верховное право собственности на эти наделы оставляли за помещиками. Намеченная Стадионом реформа должны была несколько уменьшить размеры барщины, но практического осуществления она так и не получила.

Отзвуки западно-галицийского восстания в Восточной Галиции и в Царстве Польском

Крестьянское восстание 1846 г. в Западной Галиции вызвало отклик среди крестьянских масс некоторых других славянских областей Австрии. В конце того же года крестьянские волнения охватили Восточную Галицию. Пример галицийских крестьян побудил к борьбе крестьян Чехии. В некоторых районах Чехии дело дошло до серьезных крестьянских волнений. Крестьяне заявляли: «Будет и у нас восстание, как в Польше, перебьем всех, а там будь, что будет!».

Крестьянское восстание в Галиции взволновало и крестьян Царства Польского. В ряде деревень соседней с Галицией Радомской губернии крестьяне отказывались отбывать барщину. В Люблинской, Варшавской, Августовской губерниях произошли столкновения между крестьянами и лесничими из-за порубки леса. Жандармы доносили, что крестьяне собираются в корчмах и обсуждают галицийские события.

Царское правительство было серьезно встревожено крестьянским движением в польских землях. Чтобы подавить это движение, были приняты суровые полицейские и военные меры. Вместе с тем, стремясь ослабить революционное брожение среди польского крестьянства, царское правительство указом 7 июня 1846 г. упразднило некоторые второстепенные феодальные повинности и запретило сгон с земли крестьян, имеющих наделы размером более 3 моргов. Как и в Галиции, эта куцая реформа вызвала возмущение крестьян, ожидавших полной отмены барщины. Около 200 деревень отказалось подписать протокол оглашения царского указа. Во многих деревнях крестьяне прекратили отбывание барщины. Особенно широкий характер приняло осенью 1846 — весной 1847 г. крестьянское движение в Люблинской, Радомской и Августовской губерниях. Крестьянский протест был подавлен военными экзекуциями.

Поворот вправо в «Польском демократическом обществе» после поражения восстания 1846 г.

«Польское демократическое общество» безоговорочно приветствовало Краковское восстание и объявило краковский манифест своей программой. На этой основе произошло объединение всех демократических сил польской эмиграции: в мае 1846 г. в состав «Демократического общества» влилась основная масса членов лиги «Зъедночене» («Единение») во главе с историком Лелевелем и Ворцелем Это привело к укреплению авторитета «Демократического общества».

О крестьянском восстании в Галиции деятели «Демократического общества» говорили как о трагическом недоразумении. Они закрывали глаза на то, что крестьянское восстание 1846 г. показало всю порочность тактики «Демократического общества», стремившегося к примирению

крестьянина с помещиком, всю нереальность планов создания общенационального фронта.

Воздерживаясь от прямого осуждения крестьянского восстания, деятели «Демократического общества» по существу эволюционировали вправо. Они боялись повторения галицийской «резни», как именовали они это восстание вслед за разъяренной шляхтой, и были готовы пойти на дальнейшее ограничение своей программы, лишь бы сохранить контакт со шляхетскими кругами. Это поправение отчетливо выявилось во время революции 1848 г. Лишь отдельные выдающиеся представители польской демократии (среди них—А. Мицкевич) решительно выступали в защиту восставшего крестьянства.

Усиление реакционных настроений среди польской шляхты после восстания 1846 г.

Польские помещичьи круги в самой Польше и в эмиграции были потрясены вестью о крестьянском восстании в Галиции. Их растерянность проявилась в полном политическом разброде. В одном лишь сказывалось единство помещичьего лагеря — в ненависти к революции.

Шляхетская публицистика всячески стремилась очернить крестьянское движение. Раздувались сведения о жестокости восставших крестьян.

Значительная часть польских помещиков, в том числе и тех, кто кокетничал ранее с идеей восстановления независимости Польши, превратилась в послушных верноподданных абсолютистских правительств России, Австрии и Пруссии. Одним из итогов событий 1846 г. в Польше было, как указывал Энгельс, «...полное обособление польской аристократии от польского народа и ее присоединение к угнетателям отечества...»[1]. Маркиз Велепольский опубликовал анонимное «Открытое письмо польского шляхтича князю Меттерниху», в котором призывал польских помещиков искать защиты от крестьянского движения у царизма. Краковские помещики и купцы, напуганные массовым участием ремесленников и крестьян в восстании 1846 г., со вздохом облегчения приняли известие о переходе Кракова под власть Габсбургов.

Польша накануне революции 1848 г.

Революционные события 1846 г. означали вступление Польши в полосу буржуазной революции. Хотя крестьянское восстание в Галиции и было подавлено, оно потрясло до основания феодально-крепостнический барщинный режим. Революция 1848 г. принесла отмену барщины в Галиции, ускорение аграрной реформы в Великой Польше, Силезии и Поморье Лишь в Царстве Польском феодальные отношения просуществовали вплоть до восстания 1863—1864 гг.

Классовая борьба в 1846 г. усилила и ускорила процесс вызревания и размежевания политических сил в польском обществе; она обнаружила слабость и противоречивость позиций польских шляхетско-буржуазных демократов. События 1846 г. стали отправным пунктом для дальнейшей кристаллизации политических лагерей в Польше в период ее перехода от феодального строя к капиталистическому.

ИТОГИ И ЗНАЧЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ 1846 Г.

Маркс и Энгельс о Краковском восстании 1846 г.

22 февраля 1848 г., во вторую годовщину Краковского восстания и в канун революционных битв 1848 г., великие вожди революционного пролетариата Маркс и Энгельс выступили с речами на митинге, посвященном восстанию в Кракове. Выступление Маркса и Энгельса на этом митинге свидетельствует о том, какое крупное значение

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 266.

придавали основоположники марксизма Краковскому восстанию. В своих речах Маркс и Энгельс дали глубокий анализ революционных событий 1846 г. в Кракове. Вместе с тем они начертали программу польского революционного движения, определили его перспективы и задачи.

Сравнивая восстание 1846 г. с восстанием 1830 г., Энгельс отмечал «... огромный прогресс, совершившийся в недрах самой несчастной, окровавленной, растерзанной Польши...» [1]. Короткое, задушенное через несколько дней, восстание 1846 г. в Кракове основоположники марксизма ставили неизмеримо выше, чем восстание 1830 г. В восстании 1846 г. они видели не только поражение, но и победу. «Эта победа есть победа молодой демократической Польши над старой аристократической Польшей» [2].

Восстание 1830 г., как указывал Энгельс, ничего не изменяло во внутреннем положении народа. Это восстание «...исключало три четверти Польши» [3]. Краковское восстание было подлинно национальной борьбой, освободительной борьбой всей Польши, здесь «...нападали сразу на три державы» [4]. Вместе с тем Краковское восстание стремилось разрушить старую, аристократическую Польшу и «...создать на ее развалинах с помощью совершенно нового класса, с помощью большинства народа, новую, современную, цивилизованную, демократическую Польшу» [5]. Краковское восстание дало Европе славный пример, «...отожествив национальное дело с делом демократии и с освобождением угнетенного класса» [6]. «Люди, которые стояли во главе краковского революционного движения, — добавлял Маркс, — имели глубокое убеждение в том, что только демократическая Польша могла быть независимой и что польская демократия невозможна без упразднения феодальных прав, без аграрного движения, которое превратило бы крепостных крестьян в свободных собственников, собственников современных» [7].

В той же речи Маркс иронизировал над нелепыми утверждениями реакционных правительств Европы, объявивших Краковское восстание коммунистической революцией. Он указывал, что целью Краковского восстания не был и не мог быть коммунизм. Вместе с тем основоположники марксизма усматривали в революционных событиях 1846 г. «бесповоротный переход польского народа на сторону демократии» [8]. Начало широкого аграрного движения, ознаменованное крестьянским восстанием в Галиции, должно было послужить залогом будущих успехов польской революционной демократии.

Маркс и Энгельс выдвинули перед польским народом программу революционной борьбы, программу аграрной революции, которая была еще шире сформулирована и развита ими в ходе революции 1848 г. «... Со времени краковского восстания 1846 г., — писал Энгельс в 1848 г., — борьба за независимость Польши одновременно является борьбой *аграрной демократии* — единственно возможной формы демократии в восточной Европе — *против патриархально-феодального абсолютизма*» [9].

Значение, которое придавали Маркс и Энгельс Краковскому восстанию 1846 г., ярко характеризуется известным положением «Манифеста Коммунистической партии»: «Среди поляков коммунисты поддерживают

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 266.
[2] Там же, стр. 264.
[3] Там же, стр. 265.
[4] Там же.
[5] Там же, стр. 266.
[6] Там же, стр. 263.
[7] Там же.
[8] Там же, стр. 266.
[9] Там же, т. VI, стр. 383.

партию, которая ставит аграрную революцию условием национального освобождения. ту самую партию, которая вызвала краковское восстание 1846 года»[1]. В этих словах заключается оценка выдающегося значения борьбы передовых польских революционеров для дела освобождения пролетариата.

Не случайно в речи о Краковском восстании Энгельс оценивал действия польских революционеров-демократов в Кракове в следующих словах, столь близких заключительным строкам «Коммунистического манифеста»: «...все принятые там меры отличались тою демократическою, я сказал бы почти пролетарскою смелостью, которой нечего терять, кроме нищеты, и которой предстоит приобрести целое отечество, целый мир»[2].

Одновременно Энгельс подчеркивал крупное международное значение Краковского восстания. Благодаря этому восстанию, указывал он, «польское дело обратилось из национального дела, которым оно было до тех пор, в дело всех народов».[3]

Революционные события 1846 г. в Польше были первым вестником приближавшейся революции, которая в 1848—1849 гг. охватила значительную часть Европы.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. М. 1948, стр. 80.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. V, стр. 265.

[3] Там же, стр. 266.

Глава пятая

ИТАЛЬЯНСКИЕ ГОСУДАРСТВА НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ 1848 Г.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ИТАЛИИ И ПОЛОЖЕНИЕ ЕЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ КЛАССОВ В 30—40-х ГОДАХ XIX В.

В середине XIX в. Италия была одной из сравнительно отсталых стран Европы. Почти четыре пятых населения Италии было связано с сельским хозяйством. Подавляющее большинство итальянских крестьян принуждено было на кабальных условиях арендовать землю у помещиков Наиболее распространенной формой крестьянской аренды была «меццадриа»— полуфеодальная издольщина, при которой крестьянин отдавал помещику половину или более половины урожая, а нередко и отрабатывал за скудную плату обусловленное договором количество дней в барской усадьбе.

Сельское хозяйство

Отдавая львиную долю урожая помещику, крестьяне должны были в то же время нести громадную тяжесть прямых и косвенных государственных налогов. Налог на соль местами удорожал ее стоимость в десять раз. Налог на помол доходил иногда до 15—20% стоимости зерна. В некоторых районах Италии, особенно в Сицилии, поборы превышали доходы с земли. Доведенные до отчаяния крестьяне бросали свой участок и уходили нищенствовать или грабить на больших дорогах. В плодородной Италии смерть от истощения была частым явлением в крестьянских лачугах.

Итальянские помещики, владевшие большей частью земельного фонда страны, к середине XIX в. не были однородны. В годы наполеоновского владычества, когда помещичьи и церковные земли конфисковались и после распродажи переходили в руки буржуазии, феодальное — светское и духовное — землевладение в Италии было подорвано. Но часть феодальных поместий уцелела, и вернувшиеся в 1814 г. итальянские государи стали возвращать дворянству и духовенству нераспроданные земли. Поэтому вплоть до середины XIX в. в Италии сохранилась довольно значительная прослойка старинной феодальной знати. Даже на севере, в Ломбардии, насчитывалось до 70 средневековых феодов, а в Центральной и Южной Италии, где проникновение капитализма в сельское хозяйство было значительно слабее, существовали еще громадные латифундии, принадлежавшие высшему католическому духовенству, старинным герцогским и княжеским фамилиям. Но запущенные, а часто и вовсе необработанные поля их не приносили дохода. Вследствие этого часть родовых поместий аристократии постепенно переходила в руки более предприимчивых

буржуа. Владеть землей в Италии было выгодно и «почетно», и скупка земельных участков буржуазией после 1814 г. шла усиленными темпами.

Итальянские буржуазные землевладельцы обычно не вели крупного капиталистического хозяйства; в большинстве случаев они, пользуясь безысходной нуждой крестьян, дробили свои земли на мелкие участки и сдавали их, как и дворяне, в кабальную аренду. Разница была лишь в том, что, чаще пересматривая в свою пользу арендные договоры, крупные землевладельцы буржуазного происхождения еще более ухудшали положение голодной крестьянской массы.

Много было в Италии и буржуазных арендаторов помещичьей земли. В Римском государстве, где переход земли в руки буржуазии задерживался системой майората, встречались арендаторы, обладавшие капиталом в сотни тысяч лир.

Эксплуатируя крестьян полуфеодальными методами, итальянские помещики были в то же время крепко связаны с рынком капиталистического производства. В 30—40-х годах XIX в. продукция итальянского сельского хозяйства, в первую очередь шелк-сырец, находила в Европе хороший сбыт. Производство на рынок сближало интересы помещиков — и дворянского и буржуазного происхождения — с интересами торгово-промышленной буржуазии. В помещичьих салонах Италии можно было услышать не менее горячие споры о таможенных пошлинах и о торговле шелком, чем в купеческой конторе. Торговая буржуазия, занимавшаяся главным образом вывозом продукции помещичьих хозяйств на европейские рынки, была непосредственно заинтересована в их процветании. Так создавались экономические предпосылки для сложившегося в 30—40-х годах политического блока крупной буржуазии и либерального, обуржуазившегося дворянства.

Промышленность

В развитии промышленности Италия отставала не только от Англии или Франции, но даже и от Пруссии. Главной отраслью итальянской промышленности было производство шелка-сырца, подавляющая часть которого вывозилась на европейские рынки. Размотка шелковых коконов производилась преимущественно в деревнях крестьянами в свободное от сельских работ время. Шелкокручение же было сконцентрировано в городах, где уже в 40-х годах были небольшие фабрики.

В северных областях Италии — Ломбардии и Пьемонте — развивалась и новая отрасль промышленности — хлопчатобумажное производство. К середине 40-х годов в Ломбардии насчитывалось 28 механических хлопкопрядилен, сосредоточенных главным образом в Милане. В среднем такая фабрика имела 4 тыс. веретен, но были фабрики в 8 тыс. и даже в 10 тыс. веретен. Были в Милане и другие механизированные предприятия: шерстяные и льнопрядильные фабрики, машиностроительные мастерские. Наличие нескольких десятков фабрик и заводов придавало Милану сходство с крупными индустриальными центрами Западной Европы, но даже и этот город с самой развитой в Италии промышленностью оставался еще в основном центром ремесленно-мануфактурного производства.

В Пьемонте механические хлопкопрядильни были более многочисленны, чем в Ломбардии (около 50 предприятий), но это были очень мелкие фабрики, имевшие в среднем по 2 тыс. веретен.

В Центральной Италии (в Римском государстве и Тоскане) механизированные предприятия встречались уже как исключение, а на юге — в Неаполе (иначе Королевстве Обеих Сицилий) — фабрик почти вовсе не было, и даже мануфактур было мало. Мелкое производство в Южной Италии не выдерживало конкуренции дешевых фабричных товаров,

ввозимых из-за границы контрабандным путем; южноитальянские ремесленники разорялись, превращаясь в люмпен-пролетариев.

Торговая буржуазия Италии была многочисленнее и в общем богаче, чем буржуазия промышленная. В Милане было несколько десятков оптовых фирм, вывозивших итальянский шелк-сырец или крученую пряжу на рынки Франции, Англии, Германии, Швейцарии и закупавших в Америке хлопок для ломбардских прядилен. Среди торговой буржуазии видное место занимали оптовики-хлеботорговцы. К прослойке крупной буржуазии относились в Италии также банкиры и откупщики.

Буржуазная и мелкобуржуазная интеллигенция в Италии была многочисленна: к ней принадлежали художники, адвокаты, музыканты, учителя, в большинстве — люди нуждавшиеся, не находившие в этой отсталой и бедной стране достаточного применения своим силам.

Рабочий класс Италии состоял в основном из ремесленных подмастерьев, мануфактурных и сезонных рабочих. Фабричный пролетариат был еще очень немногочислен и по своему развитию далеко отстоял от индустриальных рабочих передовых стран того времени.

Заработная плата итальянских рабочих была очень низка. Крестьяне-бедняки, для которых работа на купца-раздатчика была необходимым приработком, соглашались работать за самую ничтожную плату, и предприниматели, пользуясь этим, устанавливали заработную плату городских рабочих ниже голодного минимума.

Итальянские рабочие еще не имели опыта самостоятельной и организованной борьбы за свои интересы. Рабочее движение в Италии в те годы выражалось преимущественно в голодных волнениях, а нередко принимало уродливые формы конкурентной борьбы рабочих между собой. Так, например, в Венеции рабочая беднота была издавна разделена на две большие фракции, которые имели даже свои знамена и регулярно устраивали друг с другом настоящие побоища. В Ливорнском порту происходили бесконечные стычки между местными грузчиками и грузчиками из других городов. Но одновременно в разных концах Италии вспыхивали и конфликты рабочих с хозяевами. В больших итальянских городах скоплялись десятки тысяч полуголодных рабочих, представлявших собой, как и обездоленное крестьянство, важнейшую боевую силу буржуазной революции в Италии.

Причины экономической отсталости Италии

Решением Венского конгресса Италия была искусственно раздроблена в 1815 г. на восемь отдельных частей. Самое большое из итальянских государств — Неаполитанское королевство — имело к 1848 г. 6 382 000 жителей, самое маленькое — княжество Лукка — 165 000, Модена — 575 000, Парма — 497 000, Тоскана — 1 500 000, Римское государство — 2 900 000, Ломбардо-Венецианское королевство — около 5 000 000 и Сардинское королевство — 4 900 000 жителей.

Ломбардо-Венецианское королевство было присоединено к Австрийской империи. В сильной зависимости от Австрии находились мелкие государства — Тоскана, Модена, Парма, Лукка и др. Господствующее положение повсюду занимали дворянство и духовенство. Власть итальянских государей не была ограничена никакими конституционными актами, и интересы местной буржуазии всячески ущемлялись правительством.

Каждое из этих государств имело свою налоговую систему, в каждом были свои меры и свои веса, своя денежная система, свое устаревшее законодательство. Итальянские государства были отделены друг от друга таможенными границами, а в некоторых из них таможенные барьеры разделяли разные провинции. При перевозке товаров из Пармы в

Модену — на расстоянии 37 миль — надо было уплачивать шесть раз таможенные пошлины, а за товары, провозимые по реке По, таможенные пошлины уплачивались 21 раз! Не удивительно, что после 1814 г. навигация тут почти прекратилась.

Не развит был и сухопутный транспорт. Итальянские правительства исправно взимали со своих подданных дорожные сборы, но о проведении необходимых для развития торговли дорог заботились очень мало; в Южной Италии, например, многие районы сообщались друг с другом лишь горными тропинками, доступными только в летнее время. В Центральной и Северной Италии дороги были лучше, но перевозка товаров и там обходилась очень дорого; например, доставка зерна в Геную из Турина стоила дороже, чем перевозка его в ту же Геную морским путем из Одессы.

Разобщенность отдельных частей Италии чрезвычайно стесняла внутреннюю торговлю и задерживала развитие промышленности. Оно тормозилось также и недостатком промышленных ресурсов, недостатком собственного угля и железа. Политическое объединение Италии становилось основным условием роста производительных сил страны. Развитие их требовало также ликвидации абсолютизма и всех феодальных порядков внутри каждого из итальянских государств. Коренных изменений требовала антинациональная экономическая политика итальянских правительств, которые в одних случаях под давлением Австрии, в других — под влиянием Англии создавали систему внешних таможенных пошлин, вредившую интересам отечественной промышленности (например, шелковому и сахарному производству).

Средства, выкачиваемые из страны, шли на субсидии и подарки дворянству и духовенству, расхищались феодальным государственным аппаратом. Взяточничество и вопиющий произвол царили во всех итальянских государственных учреждениях.

Австрийское господство. Задачи итальянской буржуазной революции

Австрия, получившая на Венском конгрессе наиболее богатую, плодородную и промышленно развитую часть Италии — Ломбардию и Венецию, была чрезвычайно заинтересована в сохранении своих итальянских владений, а следовательно, и в слабости Италии. Австрийские власти блокировались с наиболее реакционными слоями итальянского общества — дворянством и духовенством, с государями, боявшимися потерять свои троны в случае политического объединения страны. Венское правительство хозяйничало в Италии почти так же свободно, как у себя дома. Австрийские инструкторы организовали папскую полицию Рима, австрийские власти перлюстрировали частную переписку итальянцев, в ужаснейших австрийских тюрьмах десятилетиями томились итальянские патриоты. Австрия же своими войсками подавляла освободительные движения в Италии: в 1821 г. австрийская интервенция задушила буржуазную революцию в Королевстве Обеих Сицилий, в 1831 г. Австрия ввела свои войска в центральные области Италии и подавила разгоравшееся там восстание.

Экономически отсталая, политически раздробленная, задыхавшаяся под тяжестью феодального гнета и чужеземного господства, залитая кровью, униженная в своем национальном достоинстве, Италия была в глазах австрийских угнетателей «только географическим понятием» (так говорил об Италии ее злейший враг князь Меттерних, канцлер Австрийской империи). Освобождение от австрийского ига становилось, таким образом, необходимой предпосылкой политического возрождения и экономического подъема страны. Борьба за национальную независимость и государственное единство становилась основным содержанием и главной задачей буржуазной революции в Италии.

Но по-разному относились к этой задаче различные общественные классы в Италии.

Трудящиеся массы, а также буржуазия и обуржуазившаяся часть дворянства входили в антиавстрийский и антифеодальный лагерь. Главной силой в этом лагере должно было стать итальянское крестьянство. Непосредственное его участие в национально-освободительной борьбе зависело, однако, от тех аграрных требований и лозунгов, которые напишет на своем знамени итальянская буржуазия, и от той позиции, какую займет она в споре помещиков и крестьян за землю.

Феодальные же слои итальянского общества (крупные землевладельцы—аристократы, высшее духовенство и высшая бюрократия), возглавляемые итальянскими государями, были заинтересованы в сохранении абсолютистско-феодальных порядков. В австрийских штыках видели они свою защиту и опору.

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ИТАЛИИ В 30—40-х ГОДАХ XIX В.

«Молодая Италия». Мадзини и его программа

В 1831 г. среди итальянских эмигрантов в Марселе возникла организация, которой суждено было сыграть очень важную роль в борьбе за национальную независимость и объединение Италии. Это было общество «Молодая Италия», основанное виднейшим итальянским буржуазным революционером Джузеппе Мадзини.

Сын генуэзского врача, Мадзини, еще будучи студентом, вступил в одну из карбонарских лож Генуи. Его выдал шпион; Мадзини был заключен в тюрьму, а затем выслан из Италии. «Молодая Италия», организованная им вскоре после высылки, ставила своей целью поднять народную войну против австрийского господства и добиться объединения Италии с одновременным превращением ее в буржуазно-демократическую республику. Путь к этому Мадзини видел в пропаганде идей национальной независимости и в организации восстаний, которые должны были вовлечь весь итальянский народ в национально-освободительную борьбу.

Лозунг борьбы за национальное возрождение, выдвинутый Мадзини, привлек к нему прогрессивные и революционные элементы мелкой и средней итальянской буржуазии, буржуазной интеллигенции и либерального дворянства.

Вскоре на территории Апеннинского полуострова возникли руководимые Мадзини из Марселя (а впоследствии из Лондона) подпольные отделения «Молодой Италии». Итальянские и австрийские власти жестоко преследовали их. Сотни последователей Мадзини погибали в австрийских тюрьмах. Героическая борьба итальянских революционеров вызывала сочувствие всего передового человечества.

Однако, несмотря на беззаветную преданность Мадзини делу освобождения Италии, серьезные пороки в его программе и тактике приводили к постоянным неудачам, значительно ослабившим к середине 40-х годов «Молодую Италию». Пороки эти заключались в том, что, призывая к народной войне с Австрией, Мадзини не выдвигал программы глубоких социальных преобразований, способных улучшить положение народных масс Италии, не выдвигал аграрных требований, которые могли бы поднять на борьбу основную массу ее населения — крестьян. Буржуазный интеллигент, оторванный от народа и его нужд, он считал, что народ должен был бороться за независимость Италии не во имя «корыстных» материальных интересов, а во имя «высокой идеи» самосовершенствования и любви к богу. «Бог и народ»— таков был девиз Мадзини. Эта позиция вождя

«Молодой Италии» отражала настроения итальянской буржуазии, которая, призывая народ к революционной борьбе с Австрией, отнюдь не хотела жертвовать в пользу народа своими материальными интересами и, сама владея землей, не собиралась отдавать ее крестьянам. Порочна была и тактика Мадзини, повторявшая в сущности ошибки карбонариев: восстания, руководимые из-за границы и организуемые без учета исторических условий, вне зависимости от наличия или отсутствия революционной ситуации и без организованной связи с массами, разумеется, не могли иметь успеха. Отрицательную роль сыграла впоследствии и неустойчивость взглядов Мадзини по вопросу о форме государственной власти в освобожденной Италии. «Человек этот,— писал о Мадзини великий русский революционный демократ Н. А. Добролюбов,—без всякого сомнения сильно ошибался в половине своих идей, резюмированных в его девизе „Бог и народ“»[1].

ДЖУЗЕППЕ МАДЗИНИ

Литография неизв. художника

Собрание Института Маркса — Энгельса — Ленина. Москва

Членом «Молодой Италии» в 30-е годы был и прославленный герой итальянского народа Джузеппе Гарибальди, сын мелкого судовладельца. Еще в 1834 г. пьемонтское правительство приговорило его к смертной казни за участие в одном из заговоров «Молодой Италии». Он бежал в Америку и сражался там за независимость южноамериканских республик в ожидании возможности бороться за независимость родной страны.

Воин, моряк, Гарибальди любил родину всеми силами своей пламенной души. Но и он, несмотря на близость к народу, не мог преодолеть свою буржуазную ограниченность. Гарибальди не видел коренных пороков в программе «Молодой Италии».

Либеральное крыло «Рисорджименто» («Risorgimento»)

Между тем необходимость коренных перемен в экономическом и политическом положении страны становилась понятной не только передовым деятелям итальянской буржуазной демократии, но и широким слоям буржуазии и обуржуазившегося дворянства. В 40-х годах в северной части Апеннинского полуострова возникло умеренно либеральное литературно-политическое течение, выражавшее настроения крупной буржуазии и обуржуазившегося дворянства, которые боялись революционного выступления мадзинистов и стремились

[1] Н. А. Добролюбов. Соч., т. 5, М. 1941, стр. 157.

найти иной, не революционный путь национального освобождения и объединения Италии.

В экономических журналах Милана, на аграрных съездах в Пьемонте, на научных конгрессах в Генуе и Венеции буржуазные публицисты и ученые требовали создания условий, необходимых для образования общенационального итальянского рынка, настаивали на уничтожении внутренних таможенных границ, на пересмотре таможенных тарифов. При этом они усиленно подчеркивали необходимость национального единства и братства пьемонтцев, ломбардцев, тосканцев, неаполитанцев, римлян.

Наиболее известными выразителями политических чаяний итальянской либеральной буржуазии и либерального дворянства стали три человека: Джоберти, Бальбо и д'Адзелио. В 1843 г. вышла книга аббата Джоберти «О нравственном и гражданском первенстве итальянцев». Напоминая своим соотечественникам о славе древнего Рима, Джоберти старался доказать, что Италия и впредь предназначена быть первой страной в мире. Путь к возрождению и воссоединению страны Джоберти видел в образовании федерации итальянских государств под главенством римского папы. Австрийский император, как монарх Ломбардо-Венецианского королевства, должен был, по мнению автора, войти в федерацию на правах полноправного члена.

Через два года пьемонтский дворянин граф Чезаре Бальбо выпустил книгу «Надежды Италии». Поддерживая идею федерации итальянских государей, Бальбо считал, что федерация эта не достигнет цели, если Ломбардия и Венеция не будут освобождены от австрийского ига. Но собственными силами освободить Ломбардию и Венецию, утверждал Бальбо, итальянцы не смогут. Единственный выход для Италии автор видел в использовании противоречий между великими державами Европы. Он надеялся, что Россия, Англия и Франция уговорят Австрию добровольно уйти из Италии, обещав ей за это компенсацию на Балканах.

Идеи Джоберти и Бальбо пользовались популярностью во всей Италии. Но в Сардинском королевстве, самом сильном из всех итальянских государств, правящая верхушка добивалась присоединения к Пьемонту значительной части Италии и во главе федерации итальянских государей хотела видеть только сардинского короля. Идеи пьемонтской буржуазии и либерального дворянства были выражены в работах маркиза д'Адзелио. В ряде статей и особенно в вышедшей в 1845 г. брошюре «Последние события в Романье» д'Адзелио вплотную подводил читателя, насколько это позволяли цензурные условия, к идее объединения Италии вокруг Савойской династии. Он резко критиковал сторонников революционных методов борьбы, в первую очередь Мадзини и его последователей.

В 1846—1847 гг. программу д'Адзелио в Пьемонте активно пропагандировала уже целая группа «альбертистов», называвшаяся так по имени короля Карла-Альберта. Не ограничиваясь агитацией в Пьемонте, «альбертисты» вербовали сторонников во Флоренции, Риме, Милане и других городах Италии. И «альбертисты», и «бальбисты», и сторонники Джоберти — все это были лишь разветвления либерально монархического крыла национально-освободительного движения — партии либералов (или умеренных, как они сами себя называли), организационно и идеологически оформлявшейся в 40-х годах. Буржуазные историки обозначают это течение термином «Рисорджименто» (по-итальянски — возрождение). Тем самым они искажают историю: они умаляют значение «Молодой Италии», начавшей борьбу за революционное возрождение страны до появления сочинений Джоберти, Бальбо и д'Адзелио. Либеральное течение Рисорджименто было лишь одним из на-

правлений общественного движения 40-х годов, и самое возникновение этого либерального течения было в значительной мере обусловлено существованием революционного лагеря Рисорджименто. Напуганные революционной борьбой пролетариата Англии и Франции и ростом противоречий между эксплуататорскими и эксплуатируемыми классами в самой Италии, итальянские либералы стремились разрешить стоявшие перед ними задачи по возможности мирным путем, без участия народных масс. Поэтому они отвергали выдвинутую Мадзини идею народной войны за независимость и предпочитали рассчитывать на помощь иностранных держав, на пьемонтскую королевскую армию и даже на компромисс с Австрией.

ПОДЪЕМ ОБЩЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ В ИТАЛИИ В 1846—1847 ГГ.

Общественное движение и либеральные реформы в Римском государстве

Общественное движение в Италии особенно усилилось со второй половины 1846 г. Почти во всех странах Западной, Центральной и Южной Европы в 1846—1847 гг. назревал революционный кризис. В обстановке обострившихся бедствий народных масс, их ропота и волнений стали более активными и итальянские либералы. Одно случайное обстоятельство ускорило проявление назревших противоречий в Италии.

Летом 1846 г. умер папа Григорий XVI, один из реакционнейших итальянских государей.

Конклав избрал папой кардинала Мастаи-Феррети, пользовавшегося репутацией гибкого политика, способного проводить либеральные реформы. Ожидания либералов на первых порах как будто оправдались. Новый папа, принявший имя Пия IX, создал комиссию для пересмотра кодексов, разрешил строительство железных дорог, амнистировал политических заключенных, ослабил цензуру, создал государственный совет и муниципалитет, в состав которых были включены представители помещиков-дворян и торгово-промышленной буржуазии.

Все это резко отличалось от политики Григория XVI, и либералы увидели в первых шагах Пия IX начало «новой эры». Либералы всячески раздували популярность «доброго папы», называли его не иначе, как «великим», «милостивым», «бессмертным», устраивали в его честь пышные шествия, народные демонстрации и посвящали ему стихи. Из Рима увлечение Пием перекинулось в другие государства и города Италии. Возглас: «Да здравствует Пий IX!» раздавался в разных концах страны.

Народные волнения в Римском государстве в 1847 г.

Политическая активность масс росла. На демонстрациях народ легко переходил от приветствий к просьбам, а от просьб — к требованиям. Среди римской бедноты распространился слух, что папа желает за счет церковных земель облегчить лежащее на народе налоговое бремя. Во всей Италии ждали реформ, ждали, что папа возглавит общеитальянскую войну против Австрии. Возглас: «Да здравствует Пий IX!» уже с первых недель избрания нового папы сопровождался обычно криками: «Да здравствует свободная Италия! Смерть австрийцам!».

Пий IX, отлично понимавший, что его власть в Риме держится на австрийских штыках, вскоре оказался в положении волшебника, вызвавшего духов, но не знающего, как их унять. «От меня ждут, чтобы я стал Наполеоном, а я всего только бедный сельский священник»,— твердил он с напускным смирением.

В 1847 г. в Римском государстве прокатилась волна голодных бунтов. Толпы голодающих рабочих, ремесленников и крестьян громили хлебные лавки, амбары, нападали на соляные копи, избивали камнями стражу. В северных легатствах тайные террористические общества организовывали убийства местных богачей, австрофилов. Здесь буржуазия уже с конца 1846 г., не дожидаясь разрешения папы, приступила к организации национальной гвардии, чтобы защитить свою собственность от покушений со стороны трудящихся масс и вместе с тем обеспечить себе опору в борьбе с реакцией.

Папское правительство издало приказ о запрещении народных сходок. Это вызвало в Риме демонстрации протеста, которые полиция не решалась разгонять. По улицам днем и ночью ходили шумные толпы ремесленников и рабочих, слышались крики: «Да здравствует Пий IX! Смерть дьявольским советникам папы! Смерть тиранам!».

Общее возбуждение еще более возросло, когда по городу разнеслись слухи об организованном австрийцами реакционном заговоре. Народом овладела ярость. Папская полиция была парализована страхом, а двинуть против населения войска правительство не решалось.

На восьмой день народных волнений папа разрешил буржуазии организовать национальную гвардию. Еще до того как национальная гвардия была организована, папское правительство обратилось к австрийскому посланнику с запросом, как будет реагировать Австрия на просьбу о вооруженной помощи. Австрийцы ответили оккупацией пограничного города Феррары. Это вызвало, однако, такой взрыв возмущения во всей Италии, что австрийское правительство не решилось двинуть свои войска в глубь страны.

Раскол среди либералов

С избранием Пия IX авторитет умеренных либералов в правительственных кругах возрос. Вожаки либералов и в первую очередь д'Адзелио стали ближайшими советниками «святого отца». Они поддерживали политику папы и уговаривали народ терпеливо ждать реформ. Но народные волнения усиливались, и умеренные либералы начали понемногу отходить от руководства общественным движением.

В августе 1847 г. д'Адзелио опубликовал свой «Проект национальной программы». Это было политическое кредо умеренных либералов всей Италии. Суть программы сводилась к утверждению, что «революционный принцип» мешает союзу государей с народом и проведению реформ, а потому должен быть отброшен. Д'Адзелио высказывался и против народной борьбы за независимость Италии. «Мы не хотим возбуждать народную ярость против Австрии,— писал он,— мы знаем, что возможность завоевать независимость еще очень далека. Мы будем спокойно ждать независимости, стараясь стать достойными случая, когда провидению угодно будет нам его послать...».

Летом 1847 г. фактическое руководство движением постепенно стало переходить к руководимой адвокатом Стербини левой группе либералов — к «экзальтированным», как их тогда называли. Левые либералы выражали в Риме, так же как и в остальной Италии, интересы средней буржуазии и части либерального дворянства. Никакой особой программы у них в 1847 г. еще не было, но настроены они были более решительно, чем умеренные, и если последние в это время уже начинали побаиваться народа, то «экзальтированные» такого страха еще не испытывали. Они смело устраивали сходки, на которых принимались требования о создании выборных муниципалитетов, светского министерства и других реформ.

Организатором народных демонстраций был стоявший во главе римского плебса революционер, выходец из народа (по социальному поло-

жению — мелкий торговец) — Анджелло Брунетти, более известный под именем Чичероваккио. Это был талантливый организатор массовых движений, пламенный патриот, страстно преданный делу борьбы за национальную независимость и свободу, трибун римских «низов».

В каждом из 14 районов Рима Чичероваккио опирался на своих верных сторонников, таких же людей из народа, как и он сам. Благодаря этому, он мог в любое время в кратчайший срок организовать массовые демонстрации римского плебса.

Политическим центром, объединявшим либералов, был в 1847 г. Римский клуб. В начале 1848 г., когда отношения между левыми и умеренными обострились, левые вышли из Римского клуба и основали Народный клуб, руководителем которого стал Стербини.

Особой вражды между клубами не было; лидеры Римского клуба часто выступали в Народном клубе, и наоборот. К левым либералам в это время примыкали и мадзинисты. Не чувствуя за собой достаточной опоры в массах и не решаясь порвать с либеральной буржуазией, Мадзини временно снял требование республики и фактически отдал руководство движением монархистам. Осенью 1847 г. Мадзини даже обратился к Пию IX с публичным призывом возглавить борьбу за свободу и независимость Италии. Одновременно Мадзини вновь напечатал свое адресованное еще в 1831 г., письмо к Карлу Альберту, в котором он обращался к королю с таким же призывом.

Общественное движение в Тоскане и других мелких государствах Италии

Тоскана, управлявшаяся герцогом Леопольдом II, считалась в Италии государством с либеральным режимом. Здесь находили приют политические эмигранты из Неаполя и Рима. В Тоскану допускались книги, запрещенные в остальной Италии. Но и тосканская буржуазия была заинтересована в освобождении и объединении Италии, а положение народных масс в Тоскане было не лучше, чем в других итальянских государствах.

Так же как и в Риме, демонстрации в Тоскане в честь Пия IX приняли политический характер. Первым организатором их был бывший член «Молодой Италии» профессор Монтанелли. Он требовал свободы печати, создания выборных муниципалитетов и пересмотра таможенных тарифов. Тосканские умеренные либералы во главе с ученым и литератором Каппони с опаской поглядывали на организованные Монтанелли демонстрации.

В 1847 г., когда в Тоскане начались голодные волнения, позиция умеренных окончательно определилась. «Сейчас, когда хлеб стоит 30 ливров, я менее чем когда-либо склонен ограничивать силу правительства»,— писал в марте 1847 г. Каппони. Узнав об аресте группы лиц, обвиненных в пропаганде всеобщего уравнения имуществ, умеренные обратились к Леопольду II с просьбой разрешить им издание журнала «для борьбы с коммунизмом». В мае 1847 г. перепуганный герцог вынужден был удовлетворить требование левых либералов и отменить ограничения свободы печати. Скоро Флоренция стала одним из центров буржуазно-демократической журналистики в Италии.

К лету голодные волнения участились. В Монсаммано народ разгромил дома помещиков, спекулировавших на голоде; в Картоне по установленным народом ценам был взят весь хлеб из лавок, в Ливорно восьмитысячная толпа ремесленников и портовых рабочих в течение нескольких часов бушевала перед губернаторским дворцом, требуя введения твердых цен. Правительство, не имевшее крупных воинских частей, не решалось применить силу. Поэтому основным требованием тосканской буржуазии стало создание национальной гвардии. Как и римская буржуазия,

буржуазия Тосканы преследовала при этом две цели: охрану своей собственности, а затем и борьбу с реакцией.

Демократические слои населения, веря в то, что национальная гвардия создается для борьбы с Австрией, горячо поддержали создание этой гвардии. Во Флоренции специальный комитет под руководством адвоката Моранди организовывал демонстрации мелких лавочников, ремесленников, безработных подмастерьев. После оккупации Феррары и нависшей над Италией угрозы австрийской интервенции требование оружия стало всеобщим. Во Флоренции ремесленники начали приходить на демонстрации, вооруженные ножами; войска днем и ночью охраняли здание австрийского посольства. В Ливорно, где предприниматели давно уже жаловались на «дурное настроение рабочих», на площади перед губернаторским дворцом каждый вечер собирался народ, требуя оружия и братаясь с войсками.

Под влиянием этих народных волнений осенью 1847 г. Леопольд II включил в состав своего кабинета умеренных либералов и, несмотря на упорное противодействие со стороны Меттерниха, разрешил создание национальной гвардии.

Вскоре, однако, стало известно, что из состава национальной гвардии фактически исключались мелкие лавочники, ремесленники, рабочие, батраки. Тогда в Тоскане вспыхнули новые волнения. Они начались в Ливорно, оттуда перекинулись во Флоренцию, а из Флоренции — в остальные города Тосканы. С криком: «Долой австрийских шпионов!» рабочие и ремесленники громили помещения полиции, выпускали из тюрем заключенных.

Волнения начались и в соседних с Тосканой мелких государствах Центральной Италии — Модене, Парме, Лукке. Не имея сил для противодействия народному движению, князь, правивший Луккой, продал свое маленькое государство Тоскане. Герцог Модены предпочел обратиться за помощью к Австрии, и Меттерних ввел в Модену несколько батальонов. Это еще более накалило обстановку в Центральной Италии, усилив здесь страх перед вторжением австрийских войск.

В Ливорно в начале января 1848 г. была сделана попытка поднять восстание. В городе вспыхнули пожары, народные массы требовали оружия для борьбы с Австрией. Богатые семьи в панике бежали. В помещении местного муниципалитета укрепилась выбранная рабочими и ремесленниками комиссия во главе с популярным буржуазным демократом, писателем Гуэррацци. Правительство спешно отправило в Ливорно все бывшие в его распоряжении войска. Явился туда и министр внутренних дел, умеренный либерал Ридольфи. Он провел в городе массовые обыски и арестовал Гуэррацци.

Крупная буржуазия горячо одобряла правительственные репрессии, восхищалась Ридольфи, называла его спасителем. Муниципалитеты спешили выразить правительству свою готовность сотрудничать с ним в «охране общественного спокойствия». Командиры национальной гвардии заявили Леопольду II, что он всегда может рассчитывать на их помощь.

«Здесь есть большая группа людей, которая с каждым днем проникается все большим отвращением к создавшемуся положению вещей,— писал осенью 1847 г. английский консул в Тоскане;— в группу эту входят главные торговцы и промышленники Флоренции, а также знать. Все они предпочтут увидеть приход австрийцев, чем мириться с продолжением нынешнего анархического состояния».

Нарастание революционного кризиса в Сардинском королевстве

Пьемонтские либералы, мечтавшие поставить Пьемонт во главе объединенной Италии, устраивали демонстрации под лозунгом: «Да здравствует Карл-Альберт, король Италии!». Туринские торговцы и промышленники поддерживали «альбертистов» и в дни особенно больших демонстраций даже закрывали иногда свои лавки и мастерские, чтобы рабочие и служащие могли участвовать в уличных шествиях.

Сардинский король Карл-Альберт, еще будучи наследным принцем, участвовал в заговорах карбонариев, но в 1821 г. предал своих товарищей и потом спокойно смотрел, как они шли на каторгу и в изгнание. Позднее, будучи королем (1831—1849), он постоянно колебался между соблазном присоединить к своей короне новые земли и боязнью, что национально-освободительная война перерастет в буржуазную революцию и лишит его трона. Поэтому, поощряя своих сторонников, он в то же время одергивал их, когда движение принимало массовый характер. Он затевал таможенные споры с Австрией и писал рассчитанные на передачу из рук в руки письма о том, как хорош будет день, когда он сможет кинуть клич независимости. Одно из таких писем, написанное в дни оккупации Феррары австрийцами, граф Кастаньето, друг короля, огласил на многолюдном съезде помещиков. После этого либеральные газеты стали называть Карла-Альберта «шпагой Италии».

Но «король колебаний» (прозвище, данное Карлу-Альберту демократами) смертельно боялся народных движений, не исключая и демонстраций под лозунгом: «Да здравствует король Карл-Альберт!» «Если говорить откровенно,— писал он осенью 1847 г. своему министру полиции Вилламарине,— все эти овации внушают мне отвращение... Я знаю, что́ значит популярность: сегодня это—«да здравствует», завтра — это смерть... Я всеми силами буду противиться демонстрациям, которые подражают Риму и Флоренции и приводят к таким печальным последствиям».

Между тем положение в Пьемонте становилось все более и более напряженным. Повсюду в королевстве возрастала политическая активность масс. В Генуе народ требовал отмены налога на соль и оружия для борьбы с Австрией. В Турине у дома австрийского посольства проходили враждебные демонстрации, раздавались крики: «Долой иезуитов!»

Положение в Турине ярко охарактеризовал очевидец событий, великий русский революционный демократ А. И. Герцен:

«Глухой говор о реформе, тяжелое ожидание ее, подземный ропот, *деятельная тишина*, если можно так выразиться, предшествовали обнародованию перемен; полицейские ходили, придавая своему лицу особую проницательность; озлобленные иезуиты и испуганные аббаты шныряли по улицам и поучали направо и налево; военные придавали себе еще более кровожадный вид. Группы являлись вдруг, как из-под земли, на площадях, на углах; в кофейнях и на бульварах говорили о политике, несмотря на то, что еще не было разрешено говорить о чем-либо, кроме погоды» [1]

Чтобы несколько ослабить общественное недовольство, Карл-Альберт 30 октября торжественно объявил о реформе устаревшей системы судопроизводства и о некотором ослаблении цензуры. Умеренные восторженно благодарили короля, но общественное возбуждение в королевстве продолжало нарастать. В январе 1848 г. народные волнения усилились, и один из

---

[1] А. И. Герцен. Письма из Франции и Италии. М.—Л., 1931, стр. 67.

лидеров пьемонтских умеренных либералов, молодой еще тогда граф Кавур, предложил просить короля о конституции. «Мы должны просить короля перевести дискуссию с опасной арены неупорядоченных движений в обстановку обсуждений законных, торжественных и мирных,— сказал он,— это значит мы должны просить конституции».

В скорейшем введении конституции Кавур видел средство предотвращения народной революции (он еще в 1846 г. выступил в печати со статьей «О коммунистических идеях и способах борьбы с их распространением»).

Заявление Кавура было опубликовано в газете «Рисорджименто». Король отнесся к этому предложению резко отрицательно. «Я уже даровал реформы. Никто не сможет вырвать у меня дальнейшие уступки»,— говорил он в те дни губернатору Турина.

Национально-освободительное движение в Ломбардо-Венецианском королевстве

Ломбардо-Венецианское королевство входило, как уже было сказано, в состав Австрийской империи. Австрийцы превратили эту богатую и наиболее развитую в промышленном отношении часть Италии в свою колонию. Они облагали ее непомерными налогами, тормозили развитие ее промышленности и торговли, оскорбляли национальные чувства ее населения.

Весной 1847 г. и здесь вспыхнули голодные волнения; с развитием экономического кризиса летом и осенью 1847 г. еще более усилилось недовольство, назревавшее в народе и широких слоях местной буржуазии.

Либеральное движение приняло в Ломбардо-Венеции особенно ярко выраженный национально-освободительный характер. Возглас: «Да здравствует Пий IX!» уже в первых демонстрациях звучал здесь как лозунг: «Долой австрийцев!» Австрийские власти, почувствовав это, насторожились.

Осенью 1847 г. в столице Ломбардии — Милане австрийская полиция, обнажив сабли, врезалась в толпу, певшую гимн в честь Пия IX. На запрещение чествовать либерального папу Милан ответил так называемыми «странными демонстрациями»: время от времени народ собирался на площади перед собором, молча стоял и расходился, прежде чем успевала прибыть полиция (то были «молчаливые мессы» в честь борцов за дело Италии); в другие дни по тайному сговору патриотов внезапно заполнялись пешеходами и экипажами определенные, обычно малолюдные улицы Милана, которые демонстранты именовали «путями свободы».

Организаторами этих демонстраций были подпольные республиканские кружки миланской буржуазии и буржуазной интеллигенции. В конце 1847 г. республиканцы выпустили прокламацию с призывом отказаться от курения табака, продажа которого была выгодной монополией Австрии. Вскоре на улицах Милана почти невозможно было увидеть курящего человека. Решив спровоцировать столкновение с жителями австрийские власти 13 января 1848 г. выпустили на улицы города солдат и полицейских с сигарами в зубах. В рабочих районах Милана произошли кровавые столкновения населения с войсками. Через неделю волна «табачных бунтов» перекинулась в провинцию.

Нарастание революционного подъема встревожило не только австрийцев, но и ломбардскую буржуазию и ломбардских умеренных либералов во главе с руководителем миланского муниципалитета графом Казати. Поддерживая тайные сношения с Карлом-Альбертом и с туринскими «альбертистами», Казати одновременно вел дружескую переписку с Веной. «Вы предлагаете мне, — писал он в октябре 1847 г. австрийскому чиновнику Пиллерсдорфу, — задачу наиболее почетную

и патриотическую, сделать все от меня зависящее, чтобы власти, объединившись с избранной частью населения, повели страну по пути процветания, сдерживая низшие классы, которые не признают никаких авторитетов».

Стремясь избежать народного восстания, умеренные либералы проводили широкую кампанию «легальной оппозиции», призывали народ «уважать закон» и в своих петициях австрийскому правительству ограничивались требованием экономических реформ и автономии в рамках Австрийской империи. Однако австрийские власти не шли ни на какие уступки. Наоборот, они стягивали в Ломбардию войска, закрывали существовавшие десятки лет общества и клубы, производили массовые обыски и аресты. Но репрессии только раздражали население. На стенах миланских домов, как ни оберегала их полиция, появлялись надписи: «Да здравствует свободная Италия!», «Смерть австрийцам!»

Общественное движение в Венеции в конце 1847—начале 1848 г.

Из Милана движение перекинулось в Венецию. Организатором его выступили буржуазные демократы — адвокат Даниель Манин и поэт Николо Томмазео. Оппозиционное движение в Венеции принимало угрожающий для австрийских властей характер. Вождь венецианских буржуазных демократов Манин, не веря еще в возможность окончательного освобождения Венеции от австрийского ига, требовал от австрийцев самоуправления. Движение, начатое Манином и Томмазео, принимало все более широкие размеры. В начале 1848 г. австрийская полиция арестовала их обоих.

Эти аресты не остановили борьбы. Стены венецианских домов были покрыты такими же, как в Милане, надписями: «Смерть австрийцам!» Никто не курил на улицах, демонстрация следовала за демонстрацией. Даже площадь святого Марка, излюбленное место вечерних прогулок венецианцев, опустела: там играл австрийский военный оркестр.

В Павии австрийские власти закрыли университет, являвшийся одним из очагов революционного движения.

Нарастало напряжение и в задыхавшейся от австрийских поборов ломбардо-венецианской деревне. Здесь бесчинствовали расставленные на постой австрийские солдаты. Они пьянствовали, съедали последние крестьянские припасы. Бывали случаи, когда крестьяне, озлобленные насилиями «тедески» (немцев), шли на них с вилами и топорами.

Движение в деревнях принимало религиозный по форме характер: крестьяне прославляли «доброго папу», имя которого австрийцы запрещали упоминать.

Народные волнения в Неаполитанском королевстве

В отличие от других итальянских государств, в Неаполитанском королевстве в 1847 г. не было проведено никаких реформ. В июле 1846 г. король Фердинанд II заключил с Меттернихом тайное соглашение о военной помощи, усилил цензуру и запретил демонстрации в честь Пия IX. Но вести из Флоренции и Рима передавались из уст в уста, и на фоне либеральных реформ, проводимых в остальных итальянских государствах, деспотический гнет неаполитанских Бурбонов становился особенно ненавистным. Местная буржуазия и либеральное дворянство не хотели долее мириться с засильем феодальной знати в политической жизни королевства. Кризис и неурожай привели и здесь, на юге Италии, к сильным народным волнениям. В Калабрии крестьяне, объединившись в отряды, требовали у помещиков выкупа и, не получая его, жгли замки, амбары и риги. Помещики бежали в города, но и там не чувствовали себя в достаточной безопасности.

Либеральное движение, загнанное полицейскими преследованиями в подполье, поневоле принимало заговорщический характер. Основным требованием неаполитанских либералов являлась конституция 1820 г. Сицилийские либералы требовали политической независимости своего острова, соглашаясь, впрочем, на личную унию неаполитанской и сицилийской корон.

Летом 1847 г. на заседании комитета, возникшего в подполье и объединявшего представителей либеральных заговорщических обществ Сицилии, Неаполя и всех южных провинций, был поставлен вопрос об организации одновременного восстания во всем королевстве. На заседании выявилось характерное для итальянских либералов тех лет деление на две группировки: умеренных и левых. Умеренные были против восстания. Они и здесь стремились добиться конституции путем подачи петиций правительству. «Тогда мы поднимем восстание без вас,— воскликнул калабриец Ромео,— с Бурбонами надо бороться ружьями, а не словами!».

Восстание было назначено на 1 сентября 1847 г., но в последнюю минуту полиция напала на след заговорщиков, и большинство тайных комитетов отказалось от выступления. В Мессине группа молодежи с возгласами: «Да здравствует Пий IX!» напала на королевские войска, но была рассеяна и бежала в пригородные поля, прежде чем население успело понять, что собственно случилось.

По ту сторону пролива, в Калабрии, восстание началось тогда, когда оно уже было подавлено в Мессине. В Реджо инсургенты овладели городской крепостью и даже создали временное правительство. Но уже через три дня спешно высланные Фердинандом II войска заставили восставших отступить в горы, где к ним примкнули крестьяне. Целый месяц не затихала крестьянская война. В одной из кровавых схваток был убит Ромео. Королевские войска разыскивали повстанцев по деревням, пытали крестьян, вырывали им бороды, протыкали гвоздями виски. И все же крестьяне укрывали беглецов и помогали им перебираться на Корсику или Мальту.

В подпольных кружках Неаполя после неудачи этого восстания царило сильное возбуждение, строились планы убийства Фердинанда II.

1 декабря 1847 г. в газетах Флоренции и Рима появилось обращение к Фердинанду II, убеждавшее его согласиться на реформы. Обращение было подписано шестьюдесятью виднейшими либералами Пьемонта, Тосканы и Рима. В эти же дни в Неаполе и Сицилии, несмотря на запрещение, состоялись многолюдные демонстрации в честь Пия IX и в пользу реформ. В Палермо городским властям была вручена покрытая тысячами подписей петиция с просьбой разрешить создание национальной гвардии.

Эта петиция и эти демонстрации были последней попыткой умеренных предотвратить народную революцию путем реформ. Но Фердинанд II наотрез отказался разрешить организацию национальной гвардии. 14 декабря в Неаполе произошло кровавое побоище между студентами и двинутыми против них войсками. Тогда подпольный комитет неаполитанских либералов спешно отправил своего представителя в Рим договариваться с римскими либералами о помощи Неаполю в случае восстания.

В Риме группа Стербини горячо поддержала мысль о восстании. Д'Адзелио долго возражал, но в конце концов и он был вынужден согласиться и обещать от имени римских либералов воспрепятствовать проходу австрийских войск через римскую территорию в Неаполь.

На заседании подпольного комитета было решено, что если правительство до 12 января 1848 г. не пойдет на уступки, сицилийские либералы призовут население острова к восстанию, а неаполитанские — поддержат их мощной демонстрацией с требованием конституции.

СИЦИЛИЙСКОЕ ВОССТАНИЕ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В ДРУГИХ ЧАСТЯХ ИТАЛИИ

Восстание в Палермо. Переход к конституционному режиму в Неаполитанском королевстве

Природа, писали Маркс и Энгельс, сделала Сицилию раем, но господствующие классы превратили этот остров в ад для трудящихся. Среди нищего итальянского крестьянства крестьяне Сицилии были едва ли не самыми обездоленными. Жестокой эксплуатации подвергались рабочие в серных рудниках Сицилии. К началу 1848 г. положение народных масс в Сицилии стало совершенно невыносимым. Повторные неурожаи, ударивший по ремесленной бедноте и рабочим промышленный кризис, разорение мелкой буржуазии, бесчинства королевских войск и общее возбуждение, царившее в Италии, превратили остров в пороховой погреб.

Искрой, вызвавшей революционный взрыв, явилось воззвание, расклеенное на улицах Палермо 9 января 1848 г. Оно призывало население города взяться за оружие. В ночь на 12 января во многих домах готовились к сражению. С утра улицы стали наполняться народом, в толпе мелькали национальные флаги, кокарды, слышались восклицания в честь Пия IX. Начали появляться группы вооруженных граждан; священники с крестами в руках призывали жителей к восстанию.

Стычки населения с войсками, начавшись в населенном беднотой районе, вскоре распространились на весь город.

Вечером 12 января в Палермо возник повстанческий комитет из либералов. В стычках с полицией и войсками народ одерживал отдельные победы. По вечерам город был иллюминован, и по улицам торжественно проносили захваченные за день трофеи. Днем и ночью все в большем количестве на помощь восставшей столице прибывали крестьяне, вооруженные ружьями и ножами.

К 15 января, когда на горизонте показались корабли, имевшие на на борту 5 тыс. неаполитанских солдат, восстание уже успело окрепнуть. Неаполитанские войска начали бомбардировку города. Она длилась много часов и вызвала большие пожары. Через два дня инсургенты в кровавых схватках отбили солдат, пытавшихся прорвать сплошное кольцо баррикад и проникнуть в город. В ночь на 20 января повстанцы подожгли продовольственные склады королевских войск и, разрушив трубопровод, лишили солдат воды. Еще через два дня повстанцы, силы которых продолжали нарастать, сами перешли в решительное наступление.

«Положение моих войск становится с каждым днем все печальнее, — доносил Фердинанду II командующий неаполитанскими войсками генерал де Соге, — жители Палермо организуются. Вся Сицилия в величайшем волнении... Я с грустью думаю, что мне придется оставить город...».

Между тем началось движение в южных провинциях королевства. На улицах Неаполя раздавались возгласы: «Да здравствует Палермо!» 26 января Фердинанд II приказал эвакуировать Палермо.

На следующий же день либералы организовали в Неаполе грандиозную демонстрацию с требованием конституции. Неаполитанские ремесленники пришли на демонстрацию вооруженными. В их колоннах раздавались крики: «Хлеба и работы!» В королевском дворце царила растерянность, и в неаполитанском порту уже стоял под парами корабль на случай бегства короля и его семьи. Но либералы сдержали народ и не дали демонстрации перерасти в вооруженное восстание. Они удовольствовались тем, что кабинет министров подал в отставку, и Фердинанд II поручил формирование нового кабинета умеренному либералу Боццелли.

29 января королевский указ возвестил, что Боццелли поручено разработать проект конституции.

Придя к власти, умеренные немедленно высказались против независимости своих недавних союзников — сицилийцев. Министерство Боццелли упорно продолжало держаться за Мессину — единственный пункт Сицилии, где еще оставались неаполитанские войска.

Восстание в Сицилии раскалило общественную атмосферу в Италии и довершило созревание революционной ситуации во всей стране. Требования национальной независимости и конституции стали основными требованиями итальянской буржуазии, итальянских ремесленников и рабочих.

Переход к конституционному режиму в Пьемонте

Когда в Турин пришли первые известия о провозглашении конституции в Неаполе, обходить вопрос о конституции стало для пьемонтского правительства невозможным. В первых числах февраля 1848 г. за конституцию высказались, надеясь этим успокоить общественное мнение, и совет министров и составленный из знати и крупных помещиков муниципалитет Турина.

Цеплявшийся за абсолютистские порядки Карл-Альберт грозил отречением от престола. 7 февраля он созвал Большой совет короны для обсуждения создавшегося положения. Совет заседал девять часов подряд. Все это время перед королевским дворцом толпилось множество людей разных классов и состояний, а по городу проходили демонстрации с требованием конституции. Протоколы Большого совета короны хорошо отражают страх, охвативший в те дни правящие круги Пьемонта. «Я высказываюсь за конституцию, ибо это последнее средство, оставшееся у нас», — говорил один из членов Совета короны.— «У нас есть республиканская партия, которая... протягивает руку коммунизму и ждет лишь случая, чтобы напасть на правительство. Мы должны противопоставить ей конституцию», — в панике восклицал другой.

Совет короны единогласно высказался за введение конституции. Указ о ней был опубликован Карлом-Альбертом 9 февраля 1848 г.

Отклики в Пьемонте на февральскую революцию во Франции

27 февраля в день празднества в честь конституции, устроенного либералами, в Турин пришла весть о провозглашении республики во Франции. Это известие вызвало у умеренных испуг, граничивший с ужасом.

«Я точно сброшен на землю, — писал на другой день Кавур. — Если во Франции республика, то что будет с нами?». «Бальбо, д'Адзелио и Кавур,— вторил ему в частном письме старый друг Карла-Альберта, генерал Соннац, — могут теперь сколько угодно кричать с балкона, что королевский статут (конституция) сделает весь мир счастливым. Им все равно не поверят. Инстинктивно чувствуешь, что республиканское движение настигнет нас в Ницце, в Шамбери, в Генуе».

Действительно, весть о февральской революции, испугав умеренных, усилила борьбу демократических слоев населения. В Генуе народ в конце февраля разгромил монастыри ненавистных защитников старого строя — иезуитов. Они бежали в Турин, но подобные сцены повторились и там. Дело кончилось тем, что иезуитам пришлось вовсе покинуть королевство. Эти события вызвали переполох среди имущих слоев населения. Туринские богачи спешно приступили к организации национальной гвардии. С другой стороны, левые либералы во главе с Валерио и Брофферио выступили в начале марта с резкой критикой конституции. Они требовали снижения избирательного ценза и однопалатного законодательного собрания (в королевской конституции предусматривалась двухпалатная система). В Генуе левые организовали грандиозную демонстрацию, ко-

торая подошла к губернаторскому дворцу с возгласами: «Долой такую (т. е. королевскую) конституцию!» Некоторые кричали даже: «Пусть будет как во Франции!»

Левобуржуазная печать, в первую очередь редактируемая Валерио газета «Конкордиа», требовала войны с Австрией. Возгласы: «Да здравствует свободная Италия!» слышались на демонстрациях все чаще.

Конституции в Тоскане и Римском государстве

В Тоскане волнения и на этот раз начались в портовом городе Ливорно, а из Ливорно перебросились во Флоренцию, Пизу и другие города Тосканы. Леопольд II обратился к подданным с призывом «положить конец бунтовщическим манифестациям» и, вызвав командиров национальной гвардии, просил их не агитировать за конституцию, заявив, что ему было бы «трудно» согласиться на конституцию, не обидев своих старых и новых друзей, т. е. австрийское правительство и папу. Либералы, в том числе и Монтанелли, готовы были признать доводы Леопольда II уважительными, но общественное возбуждение продолжало нарастать. Когда стало известно, что в Пьемонте конституция уже введена, дальнейшее сопротивление правящих кругов стало невозможно. Специальной комиссии из умеренных либералов было поручено спешно разработать проект конституции, который и был утвержден Леопольдом II 17 февраля 1848 г.

Как и в Пьемонте, конституция не принесла герцогству «успокоения». В Тоскане продолжались митинги, демонстрации. Народ, собираясь на улицах тосканских городов, громко требовал войны с Австрией.

10 февраля в Риме состоялась демонстрация, во время которой тысячные толпы кричали: «Не надо больше умеренности!», «Не надо попов!» «Да здравствует Сицилия!». На следующий день папа с балкона своего дворца заявил народу, что «не может, не должен и не хочет» принять требований конституции. Но после того как в Риме узнали о победе революции во Франции, папе пришлось уступить.

Папский указ о конституции был опубликован 15 марта 1848 г. Так же как и конституции Неаполя, Пьемонта, Тосканы, конституция, введенная Пием IX, была консервативной: она предусматривала двухпалатную систему, назначение членов верхней палаты главой государства, высокий имущественный ценз для выборов в нижнюю палату.

Так же как и в Неаполе и в Пьемонте, введение конституции сопровождалось в Риме образованием кабинета министров из умеренных либералов. При этом во главе римского кабинета стоял кардинал (но среди министров были не одни только люди духовного звания).

Ломбардия и Венеция в первой половине марта 1848 г.

Как только в Милане были получены известия о восстании в Сицилии, на стенах домов появились надписи: «Подражайте Палермо!» Весть о революции во Франции еще более усилила опасения имущих классов и готовность народа к борьбе.

«Громадное большинство тех, кто имеет что терять,— доносил своему правительству английский консул в Милане,— смотрит на февральские события во Франции с неодобрением. Враждебность по отношению к Австрии отступила на задний план, уступив место страху. Это касается значительного большинства высших и наиболее здравомыслящей части средних классов». С другой стороны, добавлял посол, «здесь есть многочисленный низший класс общества, который, надеясь на улучшение своего положения, будет приветствовать всякую перемену, лишь бы она покончила с австрийским игом».

В марте ломбардо-венецианские города напоминали военный лагерь. В Милане не прекращалось движение войск, всюду были конные патрули,

отряды. Австрийские солдаты не решались выходить на улицу поодиночке. Предосторожности эти, однако, не помогали. По утрам в отдаленных переулках находили трупы убитых солдат. К середине марта на стенах домов появилось изображение — большое круглое яблоко, а под ним лаконичная надпись: «Плод созрел».

В Италии, как и в некоторых других европейских странах, 1847 год ознаменовался крупными политическими успехами буржуазии. Рабочий класс Италии еще не мог в то время выступить в качестве самостоятельной политической силы. Но именно пролетарским и полупролетарским массам буржуазия обязана была успехами, достигнутыми ею в конце 1847 и в начале 1848 г. Лишь под влиянием народных выступлений, усилившихся повсеместно со времени восстания в Палермо, итальянские государи пошли на уступки, даровали желанные для крупной буржуазии и обуржуазившегося дворянства цензовые конституции, призвали к власти умеренных либералов.

Придя к власти в момент, когда уже почти повсюду в Западной Европе сложилась революционная ситуация и когда, с начавшимся крушением реакционных трактатов 1815 г., успех национально-освободительного движения в Италии, казалось, был вполне обеспечен, умеренные либералы повели политику соглашательства с силами внутренней и международной реакции. Страх перед революционной активностью народных масс — вот в чем заключалась причина этой предательской, антинародной политики умеренных либералов.

Глава шестая

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ 1848 г.

Картина революций и контрреволюций 1848—1849 гг. будет далеко не полной и даже не верной, если ограничиться освещением политической борьбы внутри отдельных стран Западной Европы, оставив в стороне их внешнюю политику. Огромное значение в событиях 1848—1849 гг. имело то обстоятельство, что революции вспыхнули не только против внутренней реакции, но и грозили в корне подорвать всю европейскую систему международных отношений, сложившуюся на основе реакционных венских трактатов 1815 г.

Общая оценка международных отношений в период революции 1848 г.

Во Франции буржуазная революция 1848 г. поставила у власти вместо финансовой аристократии весь класс французской буржуазии, широкие круги которой стремились к захватнической политике, что рано или поздно должно было привести к международным столкновениям. Еще очевиднее международное значение событий 1848 г. в Центральной Европе: буржуазные революции в итальянских и германских государствах были направлены к уничтожению феодальной раздробленности, к созданию сильных национальных буржуазных государств: объединенной Италии и объединенной Германии; итальянская и венгерская революции вели к распаду Австрийской империи; польское революционное движение, направленное к восстановлению независимой Польши, грозило не только Австрийской империи, но и прусской монархии и царской России. Ясно, что успех этих движений означал бы коренные изменения в характере международных отношений в Европе и окончательное крушение системы договоров 1815 г., этого оплота феодализма и абсолютизма.

В международных отношениях 1848—1849 гг. центральным был вопрос, уцелеет ли система 1815 г. или она рухнет и совершится воссоединение Германии и Италии в самостоятельные государства. Создание единой Германии означало бы уничтожение феодальной раздробленности немецких земель и ликвидацию стародавнего австро-прусского соперничества.

Сохранение того и другого долгое время было выгодно соседним крупным державам.

Раздробленность Германии соответствовала внешнеполитическим интересам господствующих классов Франции, была выгодна и Англии, ревниво следившей за соотношением сил на Балтийском и Северном морях.

Царская дипломатия также издавна поддерживала феодальную раздробленность и реакционные порядки в Германии, способствовавшие упрочению влияния России в европейских делах.

Попытки объединения Германии под гегемонией Пруссии вызывали тревогу и противодействие как со стороны царской России, так и со стороны Англии и Франции. Правящие классы Англии опасались усиления Пруссии за счет Дании; французская буржуазия видела для себя потенциальную угрозу в возможном поглощении Пруссией не только принадлежавших Дании Шлезвига и Гольштинии, но и малых немецких государств. Еще более враждебно относились правительства России, Франции и Англии к революционно-демократическому пути объединения Германии. Для Николая I борьба против революционного объединения Германии означала одновременно защиту самодержавно-крепостнического строя Российской империи. Между буржуазной Францией и буржуазной Англией, с одной стороны, и феодально-абсолютистскими государствами Россией и Австрией — с другой, существовала некоторая общность позиций в германских делах, которая не могла не повлиять на международные отношения 1848—1849 гг.

Борьба между революцией и контрреволюцией и дипломатия европейских держав в 1848—1849 гг.

Революционное движение 1848—1849 гг. отличалось от предшествовавших революций особыми чертами, которые отразились и на дипломатических отношениях этих лет: оно происходило при активном участии рабочего класса, в революции конца XVIII в. еще не выступавшего как самостоятельная сила. Перед растущим движением рабочего класса крупная буржуазия быстро утрачивала свой либерализм и оказывалась неспособной к революционной борьбе с феодально-абсолютистскими порядками. Поэтому в области дипломатии, как и во внутренней политике, складывался союз буржуазной и дворянской контрреволюции.

Половинчатость и непоследовательность революций 1848 г. имели своим результатом то, что государственная власть, а следовательно, и внешняя политика почти всюду оставались либо в руках крупной буржуазии, переходившей на путь контрреволюции, либо в руках землевладельческой аристократии (с участием или без участия буржуазии).

Классовая природа реакции и контрреволюции в различных странах была неодинакова: во Франции она была буржуазной, в Англии она имела буржуазно-аристократический характер, в России, Австрии, германских и итальянских государствах — дворянский или по преимуществу дворянский.

Прогрессивные слои русского общества еще не были настолько сильны, чтобы лишить царскую дипломатию возможности вмешиваться в дела других стран с целью укрепления там контрреволюционных сил. Однако финансовая слабость Российской империи и освободительное движение в Царстве Польском заставляли правительство Николая I сохранять выжидательное положение вплоть до 1849 г., когда под влиянием успехов венгерской революции возникла реальная угроза распада Австрийской империи.

Хотя австрийское правительство в лице князя Меттерниха было накануне 1848 г. наиболее консервативным и последовательным защитником феодально-монархической реакции во всей Западной и Центральной Европе, но самой прочной опорой этой реакции в Германии оказался прусский абсолютизм. Особенности внешней политики Пруссии в 1848—1849 гг. определялись тем, что более высокое, чем в Австрии, развитие капитализма и выгодное географическое положение прусских владений, которые как бы охватывали германские государства с запада и востока, давали прусскому юнкерству надежду добиться гегемонии в Германии, тем более, что в военном отношении прусский абсолютизм был сильнее всех остальных немецких правительств. С другой стороны, коро-

левская власть в Пруссии, в отличие от австрийской монархии, имела возможность прикрывать свои реакционные и агрессивные цели лицемерными фразами о борьбе за немецкое национальное единство. Прусская монархия лавировала, делая половинчатые уступки либеральной буржуазии, видевшей в прусском правительстве и прусской армии главного противника революционной демократии и вместе с тем силу, способную объединить немецкие земли, а также вести агрессивную политику в отношении славянских народов и соседних государств.

Россия, Пруссия и Австрия

Важным оплотом «системы 1815 г.» были сотрудничество и солидарность ее главных участников — пяти «великих держав»: Англии, России, Австрии, Пруссии и Франции. Но на протяжении трех десятилетий (1815—1848) интересы этих держав все более расходились. В 40-х годах произошло резкое ухудшение отношений между Пруссией и Австрией, а еще более между Пруссией и Россией. До начала 40-х годов царь явно более благоволил к Пруссии, чем к Австрии, и находился с берлинским двором в самых тесных отношениях. Между Пруссией и Россией не возникало тех споров о политике на Балканах и в Турции, которые приводили к острым разногласиям между Николаем I и Меттернихом. Прусский абсолютизм казался царю незыблемым Но затем положение изменилось. Начиная с 1840 г. центр буржуазно-либерального движения в Германии стал перемещаться из южногерманских государств в Пруссию. С другой стороны, среди прусской буржуазии усиливалось стремление к объединению Германии под главенством Пруссии.

Эти новые факты вызывали сильное беспокойство в правящих кругах царской России. Фридрих-Вильгельм IV, при всем своем отвращении к парламентскому правлению, намеревался использовать идею немецкого национального единства и делал, в интересах укрепления юнкерской Пруссии и установления ее гегемонии среди немецких государств, некоторые уступки буржуазии. Финансовый кризис сделал неизбежным созыв в Пруссии Соединенного ландтага. Созыв этого ландтата крайне озлобил Николая I против Фридриха-Вильгельма IV. Король тщетно пытался убедить Николая I в незначительности своих уступок либеральным требованиям. Упрямый царь стоял на своем: в колебаниях Фридриха-Вильгельма IV он видел потрясение всех устоев старой Пруссии. На уверения короля в полном единении его с Россией царь в октябре 1847 г. отвечал: «Этого тесного единения наших стран больше не существует...»

Николай I осуждал колебания прусского короля не столько потому, что беспокоился о неприкосновенности дворянско-абсолютистского строя в Пруссии, сколько потому, что консервативно-монархическая Пруссия ревностно охраняла реакционные трактаты 1815 г. и не стремилась к объединению Германии под своей гегемонией. Николаю I было выгоднее, чтобы Германия оставалась раздробленной и, стало быть, слабой, чтобы в ней существовала система противовеса Пруссии и Австрии, взаимно нейтрализовавших друг друга и позволявших царизму играть роль арбитра в немецких делах.

К 1848 г. между Пруссией и Россией обострились и торговые отношения. Еще со времени Венского конгресса прусские буржуа и юнкеры претендовали на то, чтобы те западные губернии России, которые до 1772 г. входили в состав Польши, были открыты для беспошлинного или хотя бы осуществляемого на особо льготных условиях ввоза немецких товаров. После образования прусского Таможенного союза (1834) германская буржуазия в лице своих публицистов и экономистов стала мечтать о том, чтобы в него были включены и западные губернии России. В 1818 г. Пруссия получила важные привилегии для своей торговли в этих

губерниях, но вскоре русское правительство стало принимать меры к ограждению этих областей от проникновения прусских товаров. В 20-х годах были отменены некоторые таможенные льготы, а в 40-х годах русский министр финансов граф Канкрин выдвинул проект полной отмены всяких таможенных преимуществ для Пруссии в западных губерниях Российской империи. Этот проект, благоприятствовавший развитию промышленности в Царстве Польском и сбыту ее продуктов на русском рынке, вызвал сильное недовольство как прусского правительства, так и немецкой буржуазии.

Вопрос о русских таможенных тарифах служил предметом долгих переговоров с Пруссией, но соглашение по этому вопросу так и не было достигнуто. В 1842 г. Николай I отменил бо́льшую часть льгот для германских товаров и сохранил за Пруссией лишь второстепенные преимущества. Вместе с тем предполагалось на всей западной границе империи ввести в 1850 г. единый таможенный тариф, а внутри России снять таможенную границу между внутренними областями и теми, которые до 1772 г. входили в состав Польши. Это намерение еще больше усилило раздражение германской буржуазии и прусского юнкерства против России.

Немецкие буржуазные либералы мечтали о создании объединенной Германии со включением в нее соседних земель, мечтали и о значительном расширении Таможенного союза, с тем чтобы он охватывал не только немецкие области, но и Эльзас, Лотарингию, Швейцарию, Люксембург, Лимбург, Бельгию, Голландию, Шлезвиг, Чехию, а также прибалтийские губернии России. Ослабление России как главного препятствия на пути создания в центре Европы под главенством Пруссии огромной немецкой державы было составной частью этих захватнических планов. Важнейшим средством для достижения этой своей цели германские либералы считали сближение с западными державами и восстановление Польши с территорией, которая простиралась бы до Днепра; такая Польша, будучи формально независимой, на деле была бы вассалом Германии и служила бы ей плацдармом против России.

Особенно многочисленные и ревностные сторонники этих взглядов находились в Южной и Западной Германии, вдали от польских земель. Крупный аахенский фабрикант и умеренно либеральный политический деятель Давид Ганземан, доктор Вирт из Пфальца, профессор-историк Гервинус и демократический публицист А. Руге были типичными представителями этого образа мыслей. Но чем ближе к востоку Германии, к Силезии, Познани, Померании и Восточной Пруссии, тем более явственно обрисовывались агрессивные планы немецкой буржуазии и юнкерства по отношению к полякам. Двор, армия, чиновничество и юнкерство Пруссии, наиболее непосредственно заинтересованные в обладании исконными польскими землями, относились к полякам с резкой враждебностью и стояли за тесное сближение с Россией.

Прусское правительство стремилось провести реформу Германского союза, чтобы усилить его военное значение и увеличить в нем влияние Пруссии, но одновременно старалось сохранить мир и с Россией, и с Австрией.

Тем не менее к 1848 г. единение трех «северных дворов» было серьезно поколеблено. В Вене и Петербурге росло недоверие к Пруссии. Николай I все теснее сближался с Австрией, видя в ней противовес либеральным чаяниям и национально-объединительным стремлениям германской буржуазии. В 1846 г. Николай I оказал полную поддержку Австрии в ликвидации Краковской республики и в подавлении революционного восстания в ней. Царь велел тогда объявить венскому двору, что «Австрия может положиться на силы России, подобно тому как государь император желал бы рассчи-

тывать на силы Австрии». В Берлине идея присоединения Кракова к Австрии была встречена крайне недоброжелательно и вызвала сильный испуг у короля и его министра иностранных дел графа Каница. Однако, не желая обострять отношения с Россией, прусский двор в конце концов присоединился к этому решению. Но это все же не рассеяло подозрений, которые возбуждала в Петербурге и Вене прусская политика.

Кризис внешней политики Июльской монархии

Накануне февральской революции внешняя политика кабинета Гизо была всецело подчинена интересам финансовой аристократии, которая во главе с королем Луи-Филиппом правила Францией. Внешняя политика французского правительства носила в это время последовательно реакционный характер. Мир во что бы то ни стало, мир на основе беспрекословного соблюдения договоров 1815 г., которые лишили Францию ее завоеваний на левом берегу Рейна, был одной из основ внешней политики Июльской монархии — этого «царства банкиров».

Накануне февральской революции Июльская монархия почти повсюду терпела дипломатические поражения. Правда, французская дипломатия преодолела в Испании английские интриги и добилась в 1846 г. одновременного заключения брака королевы Изабеллы с ее двоюродным братом герцогом Кадисским (от которого ввиду его болезненного состояния нельзя было ждать потомства) и брака ее сестры инфанты Луизы с младшим сыном Луи-Филиппа — герцогом Монпансье, но надежды Луи-Филиппа на упрочение французского влияния в Испании вскоре были разрушены; в октябре 1847 г. во главе испанского правительства снова стал противник Франции генерал Нарваес.

«Испанские браки» вызвали взрыв негодования в правящих кругах Англии и вконец подорвали англо-французское «сердечное согласие» начала 30-х годов, еще ранее расшатанное французскими запретительными пошлинами на импортные английские товары и соперничеством обеих держав в колониальной политике.

Резкое ухудшение англо-французских отношений не компенсировалось наметившимся сближением Франции с Австрией, которое вполне отвечало общему реакционному курсу политики Гизо. Вместе с тем Гизо видел в Австрии противовес прусским стремлениям к гегемонии в Германии. Старания Гизо угодить Австрии и России явно обнаружились и в его нежелании оказывать какую бы то ни было поддержку польскому освободительному движению.

Французская дипломатия действовала заодно с австрийской и в итальянских государствах. Когда папа Пий IX задумал провести кое-какие либеральные реформы, Гизо через французского представителя в Риме графа Росси выразил свои опасения относительно «преждевременности» этих планов. Пресмыкательство Гизо перед Австрией дошло до того, что французский посланник в Турине принял участие в протестах против печатания в Генуе песен, в которых говорилось об австрийцах в оскорбительных тонах. Было очевидно, что низкопоклонство Гизо перед Меттернихом грозит полным уничтожением французского престижа в Италии.

В Португалии Гизо совместно с Пальмерстоном оказывал помощь реакционному правительству королевы Марии против либеральной партии.

Франция и гражданская война в Швейцарии

Летом 1847 г. европейские кабинеты были озабочены приготовлениями к гражданской войне в Швейцарии между «Зондербундом» (сепаратным союзом семи реакционных католических кантонов) и федеральным правительством, которое держалось буржуазно-радикального направления и опиралось на передовые кантоны. В июле

1847 г. федеральное правительство издало указ о роспуске «Зондербунда», а 3/IX об изгнании иезуитов. Меттерних предложил державам вооруженное вмешательство в швейцарские дела для поддержания реакции в Швейцарии. Произвольным толкованием договора 1815 г. Меттерних пытался обосновать «права» держав на вмешательство: он утверждал, что международная гарантия нейтралитета Швейцарии, обусловленная решениями Венского конгресса. будто бы неразрывно связана с неприкосновенностью конституции Швейцарского союза, с сохранением самостоятельности отдельных кантонов, которую швейцарские радикалы намеревались ограничить в пользу центральной власти.

Австрия при полном одобрении России и Пруссии предложила военные меры по наблюдению за швейцарской границей. Император Фердинанд предоставил «Зондербунду» секретную субсидию в 250 тыс. фр. для создания общей военной кассы семи кантонов. Австрийские арсеналы снабжали эти кантоны ружьями, пушками и амуницией, направляли туда офицеров-инструкторов, а когда начались военные действия, австрийские войска были стянуты к границам Швейцарии.

Носились слухи, что и правительство Гизо втайне снабжало «Зондербунд» оружием. Открытое военное выступление в пользу швейцарских реакционеров Гизо отклонил, боясь нападок либеральной оппозиции во Франции и усиления австрийского влияния в Швейцарии. Гизо выдвинул проект дипломатического вмешательства, которое он надеялся возглавить сам, чтобы поднять французский престиж в Швейцарии. Он хотел предложить воюющим сторонам перемирие и передачу религиозных споров на усмотрение папы, а политических — на решение пяти великих держав.

В дело вмешался Пальмерстон, который предложил свой проект посредничества между воюющими сторонами и созыв в Лондоне конференции держав с участием представителей как федерального правительства, так и «Зондербунда». Тайно Пальмерстон передал главе федерального правительства Оксенбейну совет — разгромить «Зондербунд» раньше, чем состоится вмешательство держав. 23 ноября 1847 г. отряды «Зондербунда» были наголову разбиты, и вмешательство держав потеряло всякий смысл. Французский план урегулирования швейцарского конфликта полностью провалился, но Гизо успел еще раз скомпрометировать себя в глазах французской либеральной оппозиции своей готовностью сотрудничать с Меттернихом для защиты иезуитов и реакционеров в Швейцарии.

Сближаясь с Австрией, министерство Гизо стремилось сблизиться и с Россией. Оно ревностно преследовало русских и польских революционных эмигрантов; из Франции было выслано множество неугодных царизму лиц (в том числе Бакунин). Улучшение отношений между Францией и Россией в 1847 г. выразилось в возведении русского поверенного в делах в Париже Н. Д. Киселева в ранг посланника.

Внешнеполитические стремления либералов и республиканцев во Франции

В начале 1848 г. Ламартин выступил в палате депутатов в прениях по поводу тронной речи короля с резкой критикой внешней политики Гизо. «Франция,— сказал Ламартин, — вопреки своему характеру, вопреки своей вековой политике и своим традициям, сделалась папистской в Риме, клерикальной в Берне, австрийской в Пьемонте, — французской она не была нигде, контрреволюционной — везде». Буржуазные либералы и республиканцы считали, что Гизо запятнал себя рабским подчинением «системе 1815 г.», которую французская буржуазия ненавидела, видя в ней главное препятствие для осуществления своих мечтаний о возрождении французской гегемонии в Европе. В противовес политике Гизо буржуазные республиканцы выдвигали свою политику — политику возвышения престижа Франции в

Европе. Газета «Насиональ», главный орган буржуазных республиканцев, вела настойчивую пропаганду агрессивной внешней политики, прикрывая ее фразами о помощи освободительным движениям в других странах, как это впоследствии делал и Луи-Наполеон.

«При Луи-Филиппе газета «National»,— писал Маркс,— была обязана значительной частью своих сторонников скрытому бонапартизму, который именно поэтому смог впоследствии, при республике, выступить в лице Луи Бонапарта против самого «National» как победоносный конкурент»[1].

Более левые круги французского общества, революционные демократы, сторонники «социальной республики», которые группировались в основном вокруг газеты «Реформа», стремились оказать вооруженную помощь освободительным движениям в Польше, Италии, Германии.

Того же взгляда держался Бланки, держалось большинство французских социалистов. Но наиболее решительно эту точку зрения проводили переселившиеся во Францию революционеры из Польши, Ирландии и итальянских государств. Невзирая на ограниченность собственных сил и на своекорыстие французской буржуазии, революционные эмигранты надеялись использовать Францию как орудие освобождения своей родины.

Внешняя политика Англии. Пальмерстон

В 1848 г. во главе английской внешней политики стоял министр иностранных дел в кабинете Джона Росселя лорд Пальмерстон, крупнейший английский дипломат середины XIX в. Аристократ по происхождению, Пальмерстон стал верным слугой британского капитализма. Он был типичным представителем внешней политики воинствующей британской буржуазии в пору расцвета ее морского владычества, ее мировой промышленной и колониальной монополии.

Сначала Пальмерстон принадлежал к партии тори, но затем примкнул к вигам. Беззастенчивый карьерист, не стеснявшийся в выборе средств, способный на любое вероломство, он был превосходным оратором, умевшим прикрывать напыщенной либеральной фразеологией низменные коммерческие расчеты. Разыгрывая роль противника реакционных традиций «Священного союза», Пальмерстон на деле не раз отступал от своего показного либерализма и был одним из злейших врагов революционно-демократических движений.

Современники по-разному оценивали политику Пальмерстона. Его либерализм был чужд и враждебен придворной аристократии: в глазах королевы Виктории и ее придворных он слыл почти революционером. Зато виги находили в нем искусного защитника интересов британского капитализма.

Маркс беспощадно разоблачал лицемерие и лживость Пальмерстона, его сотрудничество с реакцией. «Будучи торием по происхождению,— писал о нем Маркс, —он все же сумел ввести в управление иностранными делами весь тот клубок лжи, который составляет квинт-эссенцию вигизма. Он прекрасно умеет соединять демократическую фразеологию с олигархическими воззрениями, умеет хорошо скрывать торгашескую мирную политику буржуазии за гордым языком аристократического англичанина старых времен»[2].

Британский либерализм покоился на жестокой эксплуатации многомиллионного населения Индии и других колоний, на угнетении Ирландии. На Ближнем Востоке Пальмерстон проводил политику агрессии

---

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв., 1949, т. I, стр. 221.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 488—489.

и поддерживал феодальный гнет Турецкой империи над народами Балканского полуострова. В Западной Европе Пальмерстон стоял за целостность Австрийской империи, за сохранение ее господства над итальянцами, венграми и славянами. Турция и Австрия были главным оплотом английской политики в ее соперничестве с Россией на Ближнем Востоке.

Никогда Пальмерстон не оказывал какой-либо поддержки польскому освободительному движению. Там, где это было выгодно английской буржуазии, он открыто поддерживал реакционные правительства. В частности, в Португалии он помогал реакционному правительству королевы Марии; Пальмерстон надеялся использовать династические связи для поддержания английского влияния в Португалии (муж португальской королевы происходил из Саксен-Кобургского дома, связанного узами родства с английским двором).

Враждебное отношение Пальмерстона к России открыто проявлялось в его ближневосточной политике, но он никогда не мешал царизму подавлять революционные движения. Маркс писал о Пальмерстоне: «Притеснители всегда могли рассчитывать на его помощь; притесненных же он щедро одаривал своим ораторским великодушием. Он всегда был готов к услугам, когда дело шло об угнетении поляков, итальянцев, венгров, немцев; и все-таки их притеснители подозревали его в тайных сношениях с жертвами, которых они зарезали с его разрешения»[1]. Даже в тех случаях, когда Пальмерстон в 1847—1848 гг. давал другим правительствам советы провести некоторые либеральные реформы, он делал это лишь из боязни, что слишком упорная консервативная политика может вызвать революцию и создать угрозу общеевропейской войны. Вместе с тем он рассчитывал, что либеральные реформы в других странах будут содействовать развитию торговли этих стран с Англией и росту в них политических симпатий к ней. Но в то же время он смертельно боялся подъема национально-освободительной борьбы в Ирландии и особенно чартистского движения, развитию которого способствовали успехи революции на континенте. Он понимал и то, что эти успехи могут привести к войне континентальных держав против Англии.

У Англии не было союзников на континенте, и для войны она располагала только денежными ресурсами. Британской буржуазии в 1848 г. было еще выгодно сохранение договоров 1815 г. «Система 1815 г.» исключала возможность опасного для Англии господства на материке какой-либо одной державы и предоставляла Англии возможность оказывать значительное влияние на европейские дела путем вмешательства во взаимную борьбу России, Австрии, Франции и Пруссии. Мир в Европе был выгоден британской буржуазии, так как он способствовал развитию промышленности и торговли Англии, облегчал ей захват новых рынков и колоний. В 1848 г. Англия использовала свои финансы, флот и дипломатию, чтобы помешать торжеству революционно-демократических движений в Европе. В конце 1848 г. Маркс писал, что «...Англия кажется скалою, о которую разбиваются революционные волны»[2].

Главными противниками Англии являлись Россия и Франция. Пальмерстон всячески противился французскому влиянию и в итальянских государствах, и в Швейцарии, и в Испании. Защита нейтралитета Бельгии и Швейцарии от посягательств Франции была одной из основ политики Пальмерстона. Он старался не допустить вооруженного вмешательства Франции в итальянские дела. Усиление Сардинского королевства как барьера между Францией и Австрией, укрепление Пруссии как противо-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 489.
[2] Там же, т. VII, стр. 103.

веса Франции и России, но при условии сохранения целостности Дании и статус-кво на Балтийском море — таковы были те немногие существенные изменения в «системе 1815 г.», которые Пальмерстон находил в 1848—1849 гг. допустимыми и желательными в интересах традиционной британской политики «европейского равновесия».

Миссия лорда Минто в Италии

Еще в 1847 г. Пальмерстон сочувственно отнесся к намерению Пия IX провести некоторые либеральные реформы. Пальмерстон боялся, что французская либеральная оппозиция может свергнуть министерство Гизо, поддержать революцию в Италии и затеять войну с Австрией для уничтожения ее господства на Апеннинском полуострове. Пальмерстон сочувствовал умеренно-либеральным преобразованиям в Сардинском королевстве, видя в них средство предупредить и войну и революцию. Английский министр иностранных дел считал, что сильный Пьемонт будет способен служить противовесом влиянию Франции в Северной Италии. Для проведения своей политики в Швейцарии и итальянских государствах он еще в 1847 г. задумал послать в Берн, Турин, Флоренцию, Рим и Неаполь с конфиденциальной миссией видного дипломатического чиновника лорда Минто. По прибытии в Италию Минто высказался в пользу сторонников умеренных либеральных реформ и поддержал выдвинутую туринским кабинетом идею сплочения Тосканы, Модены и Рима вокруг Пьемонта в «таможенную лигу». Симпатии британской буржуазии были всецело на стороне Пьемонта. Не только торговые, но и политические выгоды определяли эти симпатии: с точки зрения интересов английской буржуазии было желательно, чтобы Австрия поменьше внимания уделяла Италии и была готова в любое время обратить все свои силы против России на Балканах. Лорд Минто поощрял стремления пьемонтских либералов и одновременно давал советы Пию IX провести некоторые реформы.

Когда в начале 1848 г. вспыхнуло революционное движение в Сицилии, Пальмерстон счел полезным посоветовать неаполитанскому правительству провести умеренные реформы, чтобы в дальнейшем избежать бóльших уступок. Россия, Пруссия, Австрия и Франция давали неаполитанскому и папскому правительствам противоположные советы — сопротивляться до последней крайности, не делать никаких уступок либеральной оппозиции.

Глава седьмая

СОЮЗ КОММУНИСТОВ

Марксизм возник как глубокое обобщение опыта рабочего движения главных капиталистических стран, как научно обоснованный ответ на коренные вопросы, выдвинутые этим движением. В Англии, Франции, Германии классовое самосознание рабочих уже начинало пробуждаться и широкие слои пролетариата постепенно сплачивались, приобретали боевую закалку в многочисленных стачках и революционных восстаниях 30—40-х годов.

Однако даже в наиболее развитых странах рабочее движение было еще теоретически и организационно незрелым, подчиненным влиянию буржуазной и мелкобуржуазной идеологии. Среди рабочих были распространены идеи утопического социализма.

«Союз справедливых»

Ценнейшие указания по вопросу о возникновении рабочего движения в Германии и о происхождении «Союза коммунистов» даны самим Энгельсом. Энгельс писал: «Из основанного в 1834 г. германскими эмигрантами в Париже демократическо-республиканского тайного Союза отверженных выделились в 1836 г. самые крайние, по большей части пролетарские, элементы и образовали новый тайный союз — *Союз справедливых*»[1]. 1836 год, как указывает Энгельс, и является начальной датой истории самостоятельного немецкого рабочего движения[2].

Исторические пути двух различных организаций — «Союза гонимых» и «Союза справедливых» — все более и более расходились. С принятием (в 1838 г) нового устава полностью завершилось организационное обособление «Союза справедливых». Как в своих теоретических воззрениях, так и в своей тактике «Союз справедливых» следовал бабувистским традициям. «...Требование общности имущества выдвигалось как необходимое следствие «равенства»[3]. Вскоре обнаружилась потребность создать собственную социалистическую литературу на немецком языке. Взялся за это дело ремесленник Вильгельм Вейтлинг — один из организаторов «Союза справедливых», написавший по его поручению брошюру «Человечество каково оно есть и каким оно должно стать». Брошюра Вейтлинга стала программным документом Союза. Единственная «...немецкая коммунистическая система,— писал Маркс, имея в виду учение Вейтлинга,—

---

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв., 1949, т. II, стр. 321.
[2] См. там же, стр. 320.
[3] Там же, стр. 321.

была воспроизведением французских идей в рамках мировоззрения, ограниченного отношениями мелкого ремесла»[1]. Вейтлинг пропагандировал среди немецких рабочих грубый уравнительный коммунизм и сектантскую заговорщическую тактику.

Фактически парижские общины «Союза справедливых» были лишь ответвлением бланкистского «Общества времен года». 12 мая 1839 г. парижские общины «Союза справедливых» приняли участие в восстании, поднятом «Обществом времен года», и разделили участь бланкистов: многие члены «Союза справедливых» были арестованы. Видные деятели Союза вынуждены были бежать из Франции и переселиться в Швейцарию или Англию.

Оказавшись в Швейцарии, Вейтлинг создал там ряд общин «Союза справедливых».

Особенно плодотворной оказалась деятельность членов Союза в Англии. В Лондоне видные деятели Союза, эмигрировавшие из Франции, бывший студент-лесник Карл Шаппер и часовщик Иосиф Молль организовали тайную общину и при ней открытое «Просветительное общество немецких рабочих», созданное в феврале 1840 г. К середине 40-х годов лондонские деятели Союза установили связи с существовавшими в различных городах Германии, а также Англии, Франции, Швейцарии общинами «Союза справедливых», став фактически его руководящим центром. Характеризуя этот этап деятельности Союза, Энгельс писал: «С тех пор как центр тяжести был перенесен из Парижа в Лондон, на первый план выступил новый момент: Союз из немецкого постепенно стал *интернациональным*. В рабочее общество, кроме немцев и швейцарцев, входили также представители всех тех национальностей, которые преимущественно пользовались немецким языком для общения с иностранцами. Это были скандинавцы, голландцы, венгерцы, чехи, южные славяне, а также русские и эльзасцы»[2].

Руководители лондонской организации «Союза справедливых» — Шаппер, Молль, Бауэр — установили тесные связи с лидерами революционного крыла чартистской партии Гарни, Джонсом, а также с деятелями польской и французской революционно-демократической эмиграции в Лондоне. В сентябре 1845 г. эмигранты совместно с чартистами создали интернациональное общество «Братские демократы», объединявшее социалистов и демократов разных стран. В эти годы (1843—1845) руководители «Союза справедливых» познакомились с Энгельсом и Марксом, влияние которых начало сказываться уже тогда. К концу 1846 г. руководство Союзом было передано Шапперу, Моллю и Бауэру.

Благодаря общению с Марксом и Энгельсом и в связи с ростом интернациональных связей «Союза справедливых» его идейная платформа оказалась в противоречии с отсталыми воззрениями Вейтлинга. Это обнаружилось уже в 1845 г. во время дискуссии между Вейтлингом (приехавшим в Лондон) и руководителями лондонского «Просветительного общества немецких рабочих», которые в то же время являлись руководителями лондонской организации «Союза справедливых». Вейтлинг потерпел поражение по ряду основных вопросов.

Вейтлинг в своих литературных работах и устных выступлениях отражал отсталые взгляды пролетаризировавшихся ремесленников. Продолжая отстаивать заговорщическую, сектантскую тактику, он предлагал осуществлять коммунизм при помощи отдельных мелких экспериментов

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 455.
[2] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв., 1949, т. II, ст. 324.

(создание образцовых коммун, кооперативных столовых и т. д.). Лондонские деятели «Союза справедливых» отвергли предложения Вейтлинга. Они подвергли суровой критике религиозную сторону учения Вейтлинга, осудили его заговорщическую тактику и провозгласили необходимость открытой пропаганды коммунизма. Потерпев поражение, Вейтлинг в начале 1846 г. переехал в Брюссель. В Союзе в целом влияние Вейтлинга еще не было окончательно сломлено; оно еще было велико среди членов Союза в Швейцарии, Париже и во многих общинах самой Германии.

Порвав с Вейтлингом, «Просветительное общество немецких рабочих» и руководство «Союза справедливых» не сразу сумели найти путь к революционному, научному коммунизму. В деятельности «Просветительного общества» все более определенно проступали две тенденции: одна — ведущая к немецкому мелкобуржуазному «истинному социализму», другая — сближавшая общество с пролетарским, революционным коммунизмом Маркса и Энгельса. Господствующим было влияние немецкого «истинного социализма», и только в конце 1846 г. стала преобладать вторая тенденция.

Значительно сложнее происходило развитие «Союза справедливых» в целом. Теоретическая основа Союза была эклектична. Союз испытывал влияние большинства распространенных в то время направлений утопического, мелкобуржуазного социализма. Будучи скован отсталыми теоретическими воззрениями, Союз оставался полузаговорщической, сектантской организацией. Все попытки руководителей Союза собственными силами разработать единую программу, которая бы соответствовала новым условиям борьбы рабочего класса, оказались тщетными. Без помощи революционной интеллигенции нельзя было разрешить эту задачу.

«Чтобы выработать научный социализм,— писал И. В. Сталин, — надо стоять во главе науки, надо быть вооружённым научными знаниями и уметь глубоко исследовать законы исторического развития. А рабочий класс, пока он остаётся рабочим классом, не в силах стать во главе науки, двигать ее вперёд и научно исследовать исторические законы: для этого у него нет ни времени, ни средств»[1].

Характеризуя господствовавшие в первой половине XIX века течения утопического социализма, И. В. Сталин указывает на их основные пороки, заключающиеся в том, что социалисты-утописты не выясняли законов общественной жизни, отрывались от нее, обращались за помощью к сильным мира сего и совершенно затушевывали «...реальное рабочее движение и рабочую массу, являющуюся единственной **естественной** носительницей социалистического идеала». «Вследствие этого, — указывает И. В. Сталин, — их теории оставались лишь теориями, проходящими мимо рабочей массы, среди которой совершенно независимо от этих теорий зрела великая мысль, возвещённая в середине прошлого века устами гениального **Карла Маркса: «Освобождение рабочего класса может быть делом только самого рабочего класса... Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»**[2]

Маркс и Энгельс— творцы научного коммунизма

Маркс еще в 1843 г. резко выступил против догматизма всей предшествующей философии и всего утопического социализма. В отличие от утопистов, отвергавших необходимость политической борьбы, Маркс призывал к тому, чтобы философская критика являлась частью активной политической борьбы и чтобы эта борьба велась с определенных партийных позиций. В 1844 г. в «Немецко-французских ежегод-

---

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 1, стр. 99—100.
[2] Там же, стр. 12.

КАРЛ МАРКС

Фото

Собрание Института Маркса — Энгельса — Ленина. Москва.

никах» Маркс сформулировал свой новый взгляд на всемирно-историческую роль пролетариата, призванного сокрушить старое, буржуазное общество и осуществить переход к коммунизму. Пролетариат, доказывал Маркс, самым ходом исторического развития призван совершить социалистическую революцию, осуществить самую передовую философию[1].

Одновременно, еще до встречи с Марксом осенью 1844 г., складывались революционно-коммунистические взгляды Энгельса, который, наряду с Марксом, явился основоположником теории и тактики пролетарского социализма. В 1844 г. в тех же «Немецко-французских ежегодниках» была напечатана работа Энгельса «Очерки критики политической экономии», гениальный труд, в котором Энгельс «... с точки зрения социализма рассмотрел основные явления современного экономического порядка, как необходимые последствия господства частной собственности»[2].

В 1844 г. Энгельс готовил к печати свою замечательную книгу «Положение рабочего класса в Англии». О значении этого труда Ленин писал: «Энгельс *первый* сказал, что пролетариат *не только* страдающий класс; что именно то позорное экономическое положение, в котором находится пролетариат, неудержимо толкает его вперед и заставляет бороться за свое конечное освобождение. А борющийся пролетариат *сам поможет себе*. Политическое движение рабочего класса неизбежно приведет рабочих к сознанию того, что у них нет выхода вне социализма»[3].

В конце августа 1844 г. в Париже состоялась встреча Маркса и Энгельса. У них обнаружилось поразительное единство взглядов по всем важнейшим вопросам революционной теории и коммунистического движения. Во время этой встречи, явившейся знаменательной вехой в истории возникновения марксизма, Маркс и Энгельс решили выступить с работой, направленной против левых гегельянцев — представителей немецкого буржуазного радикализма. Идеалистические теории левых гегельянцев, отрицавших историческую роль народных масс, служили тормозом в деле вовлечения передовой интеллигенции в революционную борьбу, в коммунистическое движение.

В книге «Святое семейство. Критика критической критики» (1845) Маркс и Энгельс нанесли сокрушительный удар по идеалистическим воззрениям Гегеля и левых гегельянцев и с позиций материализма раскрыли определяющее значение борьбы народных масс в историческом развитии. Говоря об этой книге, И. В. Сталин писал: «... Маркс и Энгельс раньше всех доказали в своей «Критике критической критики», что исторические взгляды Гегеля в корне противоречат самодержавию народа» [4]. Основоположники марксизма развили в «Святом семействе» свое положение о всемирно-исторической роли пролетариата и вплотную подошли к некоторым основным идеям исторического материализма.

Весной 1845 г. Маркс и Энгельс приступили к написанию совместного труда «Немецкая идеология». В этой большой работе основоположники марксизма дали первый наиболее общий очерк важнейших положений своей теории — научного коммунизма, теории пролетарской революции. Вместе с тем «Немецкая идеология» является боевым партийным произведением, направленным против непосредственных врагов революционного коммунизма в Германии, против левых гегельянцев и мелкобуржуазных «истинных социалистов». Маркс и Энгельс подвергли сокрушительной критике и философию Фейербаха, служившую идеологическим

[1] См. гл. восьмую.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 10.
[3] Там же, стр. 8.
[4] И. В. Сталин. Соч., т. 1, стр. 302.

обоснованием реакционных воззрений «истинных социалистов».

К этому же времени основоположники марксизма в своих работах сформулировали исходные положения о классовой организации пролетариата, о его революционной партии. «Маркс и Энгельс учили, что промышленный пролетариат является самым революционным и потому — самым передовым классом капиталистического общества, что только такой класс, как пролетариат, может собрать вокруг себя все недовольные капитализмом силы и повести их на штурм капитализма. Но чтобы победить старый мир и создать новое бесклассовое общество, пролетариат должен иметь свою собственную рабочую партию, которую Маркс и Энгельс называли коммунистической партией»[1].

Создание Марксом и Энгельсом революционной теории пролетариата — научного коммунизма — явилось глубочайшим революционным переворотом в философии, в науке.

Борьба Маркса и Энгельса за создание революционной партии пролетариата

Опираясь на разработанную ими теорию, Маркс и Энгельс с начала 1846 г. наметили план организации коммунистической пропаганды, план борьбы за создание революционной партии пролетариата. «Мы,— писал впоследствии Энгельс,— отнюдь не намеревались сообщить о новых научных результатах исключительно «ученому» миру, изложив их в толстых книгах. Наоборот. Мы оба уже глубоко вошли в политическое движение; у нас уже были последователи среди интеллигенции, особенно в западной Германии, и значительные связи с организованным пролетариатом. На нас лежала обязанность научно обосновать наши взгляды, но не менее важно было для нас убедить в правильности наших воззрений европейский и, прежде всего, германский пролетариат. Как только мы сами себе все уяснили, то приступили к работе»[2].

Маркс и Энгельс уже в середине 40-х годов стремились создать коммунистическую партию пролетариата. Однако они ясно сознавали, что для этого еще отсутствуют необходимые условия. Поэтому, начиная с 1846 г., они стали организовывать коммунистические корреспондентские комитеты, которые должны были подготовить создание подобной партии. Эти комитеты должны были, по мысли Маркса и Энгельса, установить письменную связь между социалистами Германии и социалистами других стран с целью взаимной информации, коммунистической пропаганды и критики ошибочных взглядов и теорий.

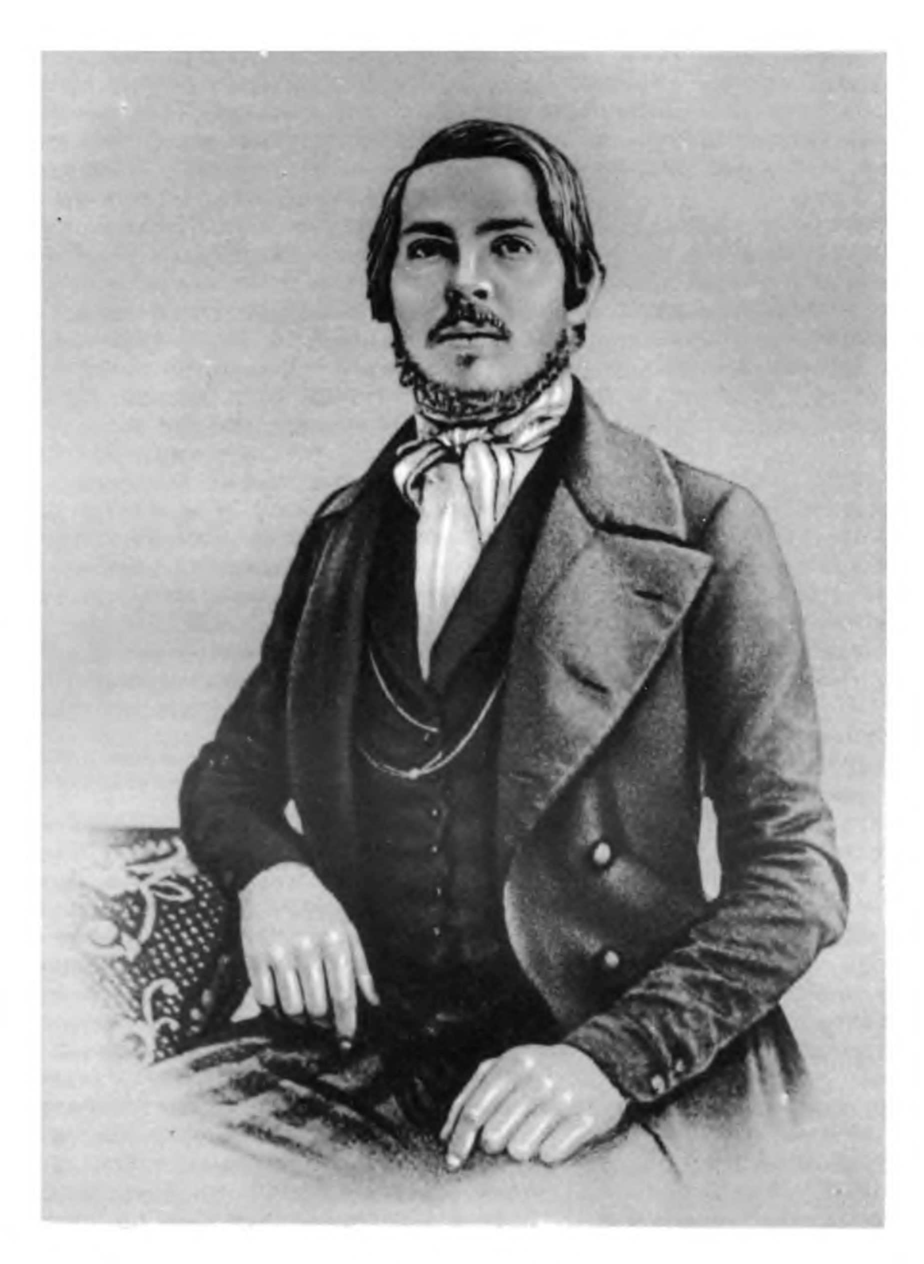
Центром этой корреспондентской связи стал Брюссельский комитет, руководимый Марксом и Энгельсом. Он установил связи со многими немецкими социалистами, жившими в Кельне, Киле, Эльберфельде, Силезии, Париже, Лондоне. Маркс и Энгельс с самого начала организации корреспондентских комитетов стремились установить связи с некоторыми социалистами Франции, Бельгии и с руководителями революционного крыла чартистской партии. Так, им удалось установить крепкую связь с лидером левого крыла чартизма — Гарни.

Вовлекая передовых немецких рабочих в революционно-коммунистическое движение, Маркс и Энгельс должны были определить свое отношение и к «Союзу справедливых», объединявшему значительную часть этих рабочих. Члены Союза организовали в ряде городов открытые просветительные рабочие общества, руководимые тайными общинами «Союза». Лондонское «Просветительное общество немецких рабочих», руководимое Шаппером, Моллем и Бауэром, объединяло к концу

---

[1] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 11.

[2] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв., 1949, т. II, стр. 327.

ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС

Фото

Собрание Института Маркса — Энгельса — Ленина. Москва.

1846 г. около 500 человек и играло наиболее значительную роль в деятельности «Союза справедливых». На предложение Маркса и Энгельса создать коммунистический корреспондентский комитет руководители «Просветительного общества» ответили полным согласием и немедленно организовали подобный комитет в Лондоне. Благодаря этому основоположники марксизма смогли установить связь с более широким кругом немецких пролетариев в Германии и вне ее. Маркс и Энгельс получили теперь возможность более непосредственно влиять на руководителей «Союза справедливых», подвергать критике их утопические воззрения, разъяснять им основы революционной теории.

Более тесная связь между существующими группами и кружками должна была выявить коренные разногласия внутри социалистического движения и привести к открытой идеологической борьбе. Маркс и Энгельс ясно видели, что только этим путем можно объединить все подлинно революционные силы вокруг единой коммунистической программы и таким образом подготовить организацию коммунистической партии.

Первым, против кого выступил руководимый Марксом и Энгельсом Брюссельский корреспондентский комитет, был Вейтлинг, входивший в состав этого комитета.

На заседании Брюссельского комитета 30 марта 1846 г. Маркс и Энгельс решительно осудили сектантскую, заговорщическую тактику и уравнительный коммунизм Вейтлинга. Они доказывали необходимость очищения коммунистического движения от отсталых элементов, тормозящих его развитие. Вейтлинг потерпел поражение и вскоре уехал из Брюсселя.

Выступление Маркса и Энгельса против Вейтлинга способствовало высвобождению «Союза справедливых» из-под влияния вейтлингианства. Многие немецкие социалисты в Германии и в других странах горячо одобрили это выступление.

Борьба с «истинным социализмом»

Значительно более сложной и острой была борьба Маркса и Энгельса против «истинных социалистов», которые в ряде вопросов выступали сообща с вейтлингианцами. Наиболее характерной чертой «истинного социализма» было стремление прикрыть политическое бессилие и трусость немецкого мещанства, его отказ от революционных методов борьбы сентиментально-слезливой фразой о любви и братстве между людьми, о всеобщем мире и т. п. «Истинные социалисты» выражали реакционные тенденции той части мелкой буржуазии, которая, ополчаясь против крупной буржуазии, стремилась отстоять патриархальные отношения в производстве. Ленин писал, что «истинные социалисты» ...полукультурники, нереволюционеры, герои мудреных рассуждений и отвлеченной проповеди»[1].

Основоположники марксизма вскрыли узкий национализм «истинных социалистов», рассматривавших немецкую культуру и в особенности философию, как высшее достижение всемирной истории. Эти шовинистические представления прикрывались у «истинных социалистов» фразами об универсализме и космополитизме немцев. Всеми своими взглядами и практической деятельностью «истинный социализм» объективно являлся орудием реакционного германского абсолютизма в борьбе против демократического движения и «...непосредственно служил выражением реакционных интересов, интересов немецкого мещанства»[2].

Поэтому понятна та страстность, с которой Маркс и Энгельс повели борьбу против «истинного социализма». Эта борьба особенно усилилась в

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 10, стр. 430.
[2] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв., 1949, т. I, стр. 33.

1846 г. Так, на заседании Брюссельского корреспондентского комитета 11 мая 1846 г. Маркс и Энгельс со всей резкостью выступили против одного из наиболее ярых представителей «истинного социализма»— Германа Криге, издававшего в Нью-Йорке газету «Народный трибун» («Folkstribun»). В составленных Марксом и Энгельсом резолюции и объяснительной записке Криге обвинялся в подмене революционно-коммунистического учения сентиментально-филантропической проповедью о любви между людьми. Резолюция против Криге вместе с объяснительной запиской к ней, известные под названием «Манифест против Криге», были разосланы всем коммунистическим группам и организациям, с которыми был связан Брюссельский комитет.

Между тем видный лондонский руководитель «Союза справедливых» Шаппер взял Криге под защиту и занял оппортунистическую, примиренческую позицию по отношению к «истинному социализму».

Письма Шаппера и его друзей к Брюссельскому комитету показали, что между основоположниками марксизма и руководством «Союза справедливых» существовали серьезные разногласия. Без преодоления влияния «истинного социализма» на «Союз справедливых» нельзя было и думать о его завоевании. Однако для перехода Союза на позиции революционно-пролетарского коммунизма надо было предварительно развернуть в основных центрах Союза, находившихся в Лондоне и Париже, борьбу против «истинных социалистов».

С этой целью Энгельс по решению Брюссельского комитета направился в Париж и начал там ожесточенную борьбу против «истинных социалистов», руководивших парижскими общинами Союза. Разоблачая реакционные взгляды «истинных социалистов», вожаком которых был Карл Грюн, Энгельс решительно выступал и против антипролетарских воззрений Прудона, распространявшихся «истинными социалистами» среди немецких рабочих. Прудон к этому времени открыто объявил себя врагом коммунизма. Страстная борьба Энгельса против «истинных социалистов» и против Прудона закончилась победой: большинство немецких революционных рабочих в Париже сплотилось вокруг Энгельса.

Победа, одержанная Энгельсом в Париже, оказала воздействие и на руководство «Союза справедливых», находившееся в Лондоне. Оно также стало подмечать коренные пороки «истинного социализма» и постепенно высвобождаться из-под его влияния. Этому способствовала также и печатная пропаганда, которую вели от имени Брюссельского корреспондентского комитета Маркс и Энгельс. «Не входя во внутренние дела Союза, — писал Энгельс, — мы все же узнавали о всех важных происшествиях. С другой стороны, мы устно, письменно и при посредстве печати воздействовали на теоретические воззрения наиболее выдающихся его членов. Той же цели служили разные литографированные циркуляры, которые мы в особых случаях, когда речь шла о внутренних делах создававшейся коммунистической партии, рассылали по всему свету своим друзьям и корреспондентам. В этих циркулярах затрагивался иногда и самый Союз»[1].

Роль Маркса и Энгельса в реорганизации «Союза справедливых»

К началу 1847 г. в «Союзе справедливых» назрел острый кризис в связи с борьбой, которая велась внутри него по вопросам идейного направления Союза и его организационной структуры. Попытки руководства Союза собственными силами разработать его программу оказались безуспешными. В то же время среди наиболее передовых членов «Союза справедливых», особенно в Лондоне и Париже, росло число приверженцев нового, революционного мировоззрения

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв., 1949, т. II, стр. 327—328.

Маркса и Энгельса. Руководство Союза осознало, наконец, ошибочность своих воззрений и поняло необходимость коренной реорганизации. В конце января 1847 г. руководители Союза обратились к Марксу и Энгельсу с предложением вступить в «Союз справедливых», принять участие в его реорганизации и в разработке его программы. С этой целью Иосиф Молль отправился в феврале 1847 г. к Марксу в Брюссель, а затем к Энгельсу в Париж. Основоположники марксизма, неоднократно отклонявшие ранее предложение о вступлении в «Союз справедливых» ввиду своего несогласия с его идейным направлением, на этот раз дали положительный ответ. Марксу и Энгельсу предоставлялась теперь решающая роль в деле реорганизации Союза и разработки его программы.

Маркс информировал своих сторонников в Германии о достигнутом соглашении В свою очередь и руководство «Союза справедливых» сообщило об этом в феврале 1847 г. в специальном обращении к членам Союза. В этом обращении руководители Союза потребовали решительной борьбы как против «истинных социалистов», так и против сторонников Вейтлинга. В обращении говорилось о необходимости созвать конгресс Союза, была указана дата его созыва — июнь 1847 г., а также повестка дня. Несомненно, что дата созыва конгресса и порядок его работы были согласованы с Марксом и Энгельсом.

На конгрессе предполагалось обсудить следующие вопросы: 1) отчетный доклад руководства Союза и выбор нового руководства, определение местопребывания будущего центрального комитета; 2) полная реорганизация Союза, пересмотр устава; 3) принятие программы Союза — «краткого коммунистического исповедания веры»; 4) создание центрального органа Союза — его газеты; 5) вопросы организации и пропаганды.

Создание «Союза коммунистов»

В начале июня 1847 г. в Лондоне собрался первый конгресс «Союза справедливых». Маркс из-за материальных затруднений не мог прибыть на конгресс. Вместо него поехал Вильгельм Вольф, который представлял брюссельских членов Союза. Парижские общины на конгрессе были представлены Энгельсом. Энгельс сыграл решающую роль как в работе конгресса, так и в коренной реорганизации всего Союза. Основным вопросом конгресса было принятие нового устава, означавшее полную реорганизацию «Союза справедливых». Уже первый параграф этого устава, сформулированный Энгельсом, указывал на принципиально новый характер Союза и намечал направление, в котором будет разрабатываться его новая программа. «Целью Союза,— указывалось в этом параграфе,— является: свержение буржуазии, господство пролетариата, уничтожение старого, основанного на антагонизме классов буржуазного общества и основание нового общества, без классов и без частной собственности»[1].

Принятый на конгрессе устав не был от начала до конца составлен Марксом и Энгельсом. Если сравнивать его с уставом «Союза справедливых», принятым в 1838 г., то можно установить некоторые черты сходства в тексте этих двух документов. Однако изменения, внесенные в устав «Союза справедливых» Энгельсом и Вольфом, имели столь принципиальный характер, что предложенный устав следует рассматривать как совершенно новый документ. Роль Энгельса и Вольфа в разработке устава заключалась во внедрении в организацию Союза принципов демократического централизма и выборности, в преодолении сектантства и заговорщической тактики, всего того, что противоречило теории и тактике

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв., 1949, т. II, стр. 330.

марксизма. Победа марксистского направления на конгрессе получила свое выражение в переименовании «Союза справедливых». По предложению Маркса и Энгельса он стал отныне называться «Союзом коммунистов». Прежний лозунг Союза, отражавший его утопическое направление («все люди — братья»), был заменен новым, выдвинутым Марксом и Энгельсом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Этот революционный призыв, выражающий сущность пролетарского интернационализма, международный характер борьбы рабочего класса, стал отныне боевым кличем всемирного пролетарского движения.

В соответствии с новым уставом была изменена и организационная структура Союза. Первичной организацией является община; общины объединяются руководящим округом, которому они подчинены; верховным органом Союза является конгресс; в промежутке между конгрессами исполнительная власть принадлежит Центральному комитету, избираемому окружным комитетом той местности, которая определена конгрессом как местопребывание Центрального комитета.

Характеризуя коренную реорганизацию Союза, проведенную конгрессом в результате принятия нового устава, Энгельс писал: «Здесь прежде всего была проведена реорганизация Союза. Все, что в нем еще оставалось из старых мистических названий, сохранившихся от заговорщических времен, было уничтожено... Самая организация была насквозь демократическая, с выборными и в любое время сменяемыми комитетами; уже одно это закрывало путь всякому стремлению к заговорам, требующим диктатуры, и Союз — по крайней мере для обычного мирного времени — превратился в чисто пропагандистское общество»[1]. Конгресс решил передать устав на обсуждение общин с тем, чтобы окончательно принять его на втором конгрессе.

Конгресс решительно осудил взгляды и тактику вейтлингианцев и постановил исключить их из Союза. Это историческое решение как бы подводит итог той страстной борьбе, которую вели Маркс и Энгельс против вейтлингианства, и знаменует решительный разрыв Союза со своим прошлым.

На конгрессе было решено создать печатный орган Союза. Осуществляя это решение, руководство «Союза коммунистов» выпустило в начале сентября 1847 г. в Лондоне пробный номер своего «Коммунистического журнала».

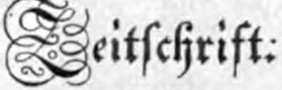
Однако дальше этого единственного номера дело не пошло вследствие недостатка материальных средств Программный вопрос на конгрессе не разбирался. Конгресс принял ряд организационных решений. Местопребыванием Центрального комитета попрежнему оставался Лондон. Шаппер, Бауэр, Молль и их друзья вновь вошли в Центральный комитет, однако подлинными руководителями Союза стали Маркс и Энгельс. По окончании конгресса руководство «Союза коммунистов» обратилось к его членам с циркулярным письмом, в котором были освещены итоги работы первого конгресса.

С первым конгрессом закончился первый этап борьбы основоположников марксизма за создание революционной партии пролетариата; «Союз справедливых» был реорганизован и переименован в «Союз коммунистов». Однако Марксу и Энгельсу предстояло еще завершить идейный и организационный разгром вейтлингианцев и «истинных социалистов», разработать марксистскую программу для нового Союза и его тактические принципы.

---

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв., 1949, т. II, стр. 329—330.

Probeblatt.

Kommunistische Zeitschrift.

„Proletarier aller Länder vereinigt Euch!"

Nr. 1. **London, im September 1847.** **Preis 2 Pence.**

Wir ersuchen alle Freunde unseres Unternehmens im Auslande Einsendungen von Artikeln und Bestellungen auf dieses Blatt franco an den „Bildungsverein für Arbeiter", 191, Drury Lane, High Holborn, London, einzuschicken. Preis für Deutschland 2 Ngr. oder 6 Kreuzer; für Frankreich und Belgien 4 Sous; für die Schweiz 11 Batzen.

Einleitung.

Tausende Zeitungen und Zeitschriften werden gedruckt, alle politischen Parteien, alle religiösen Secten finden ihre Vertreter, und nur dem Proletariat, der ungeheueren Masse der Nichtsbesitzenden, war es bis jetzt noch nicht gelungen ein dauerndes Organ zu finden, das ungetheilt seine Interessen vertheidigt, das besonders den Arbeitern bei ihrem Bestreben sich auszubilden als Leitfaden gedient hätte. Freilich wurde schon oft und vielseitig unter den Proletariern das Bedürfniß eines solchen Blattes gefühlt, und auch an mehreren Orten schon der Versuch gemacht, ein solches zu gründen; aber leider immer ohne Erfolg. In der Schweiz erschienen kurz nach einander „die junge Generation," „die fröhliche Botschaft," die „Blätter der Gegenwart;" in Frankreich das „Vorwärts," die „Blätter der Zukunft;" in Rheinpreußen der „Gesellschaftsspiegel" ꝛc., aber alle gingen nach kurzer Zeit wieder zu Grunde; entweder schritt die Polizei ein, und vertrieb die Redaktoren, oder es mangelten die zur Fortsetzung nöthigen Geldmittel; die Proletarier konnten nicht helfen, die Bourgeois wollten nicht. Nach allen diesen mißglückten Unternehmungen wurden wir schon seit längerer Zeit von vielen Seiten her aufgefordert, einen neuen Versuch zu wagen, da hier in England völlige Preßfreiheit existire, und wir folglich keine Verfolgungen der Polizei zu furchten hätten.

Gelehrte und Arbeiter versprachen ihre Mitwirkung, aber noch zögerten wir, weil wir befürchteten, daß auch bei uns nach kurzer Zeit die zur Fortsetzung des Blattes nöthigen Geldmittel fehlen würden. Endlich wurde der Vorschlag gemacht, eine eigene Druckerei anzuschaffen, um auf diese Weise ein zu gründendes Blatt sicher zu stellen. Eine Subscription wurde eröffnet, die Mitglieder beider Bildungsvereine für Arbeiter in London thaten, was in ihren Kräften stand — ja mehr als in ihren Kräften stand, und in kurzer Zeit wurden £25 zusammengebracht. Mit diesem Geld ließen wir von Deutschland die nöthigen Schriften kommen; die Schriftsetzer unserer Vereine setzten unentgeltlich, und so erscheint nun die erste Nummer unseres Blattes, dessen Existenz noch mit einiger Hülfe vom Kontinent völlig gesichert wird. Es fehlt uns noch eine Presse, und so bald wir die zum Ankauf derselben nöthigen Mittel besitzen, wird unsere Druckerei völlig im Stande sein, in welcher wir dann auch außer unserer Zeitschrift noch andere

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ «КОММУНИСТИШЕ ЦЕЙТШРИФТ».
ВПЕРВЫЕ ЗДЕСЬ НАПЕЧАТАН ВЕЛИКИЙ ПРИЗЫВ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА «ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!»

Собрание Института Маркса — Энгельса — Ленина. Москва.

Между I и II конгрессами «Союза коммунистов»

Период между первым и вторым конгрессами «Союза коммунистов» характеризуется борьбой Маркса и Энгельса за преобразование Союза на основе новых организационных принципов. 5 августа 1847 г. Маркс организовал в Брюсселе общину Союза; одновременно был создан «Брюссельский окружной комитет» под председательством Маркса. В августе того же года Маркс и Энгельс основали в Брюсселе «Просветительное общество немецких рабочих», которое по примеру «Лондонского просветительного общества» развернуло пропагандистскую деятельность, стремясь вовлечь передовых рабочих в «Союз коммунистов». У Союза не было средств для издания собственного печатного органа. Но Маркс и Энгельс сумели постепенно укрепить свое влияние на «Немецкую брюссельскую газету» («Deutsche Brüseller Zeitung») и к сентябрю 1847 г. стали ее фактическими редакторами. Они использовали эту газету в качестве трибуны для решительной борьбы против приверженцев так называемого «феодального социализма», — этих оруженосцев прусского правительства, против «истинных социалистов» и против буржуазных либералов и мелкобуржуазных демократов (Ламартин, Гейнцен и др.), нападавших на коммунизм. В этой борьбе Маркс и Энгельс отстаивали теоретические и тактические принципы революционной партии пролетариата. Центральный комитет «Союза коммунистов», под влиянием основоположников марксизма, повел энергичную борьбу с вейтлингианцами, «истинными социалистами» и отверг утопические проекты Кабе о переселении коммунистов в Америку и о создании там коммуны «Икария».

Необходимость принятия новой программы и полного освобождения «Союза коммунистов» от сектантско-утопических элементов, которые в это время усилили свою подрывную деятельность, сделали неотложным созыв второго конгресса. В своем письме в Брюссель лондонский Центральный комитет писал: «Настоятельно необходимо, чтобы Брюссельский окружной комитет послал делегата на предстоящий конгресс. На этом конгрессе решится вопрос,— должен ли Союз в целом прекратить свое существование или же из него должна быть удалена та гниль, которая то здесь, то там обнаруживается в нем... Лондон и Брюссель являются в данный момент двумя столпами, на которые опирается весь Союз. Если эти столпы поколеблются или упадут, то рухнет и все здание».

Сознавая, какую огромную роль должен сыграть предстоящий конгресс для развития коммунистического движения, Маркс и Энгельс усиленно готовились к нему. Энгельс развернул в Париже большую организационную и пропагандистскую работу по подготовке к предстоящему конгрессу. Он разработал свой проект программы — «Принципы коммунизма», который после одобрения Парижским окружным комитетом должен был обсуждаться на конгрессе. Этот документ является предварительным вариантом «Коммунистического манифеста». Все другие проекты программы, обсуждавшиеся в Париже, были отвергнуты. Энгельс был вторично избран делегатом на конгресс от парижских общин.

II конгресс «Союза коммунистов»

Второй конгресс «Союза коммунистов», открывшийся 29 ноября 1847 г., сыграл большую роль в истории международного рабочего движения, в истории марксизма. На нем были представлены коммунисты Германии, Франции, Англии, Бельгии, Швейцарии, Польши и ряда других стран. Конгресс заседал около двух недель. На нем был окончательно принят устав Союза, что означало победу организационных принципов марксизма. По предложению Маркса и Энгельса было принято решение, что Союз

должен открыто провозгласить революционно-коммунистические принципы своей программы. Это было сказано уже на первой странице «Коммунистического манифеста»: «Пора уже коммунистам перед всем миром открыто изложить свои взгляды, свои цели, свои стремления и сказкам о призраке коммунизма противопоставить манифест самой партии»[1].

Основным вопросом на конгрессе было принятие программы. Обсуждалось несколько проектов. Конгресс послужил Марксу и Энгельсу трибуной, с которой они провозгласили принципы своего революционного учения — научного коммунизма. После многодневного обсуждения вопроса о программе Маркс и Энгельс добились полной победы. «Все разногласия и сомнения,— писал Энгельс, — были, наконец, устранены, и новые принципы приняты единогласно. Марксу и мне было поручено выработать манифест»[2]. Местопребыванием Центрального комитета попрежнему остался Лондон. В состав Центрального комитета вошли Шаппер, Молль, Бауэр и др., но фактическими вождями Союза стали Маркс и Энгельс.

ФРИДРИХ ЛЕССНЕР

Вернувшись с конгресса в Брюссель, Маркс и Энгельс все внимание уделили написанию «Манифеста Коммунистической партии». Работа Маркса над рукописью этого гениального произведения была завершена в последних числах января 1848 г. и направлена в Лондон Центральному комитету для опубликования. Вышедший в свет в последних числах февраля, в первые дни революции 1848 г., «Манифест Коммунистической партии» стал великой программой всего международного коммунистического движения. Он сохраняет свое неувядаемое значение и в наши дни[3].

* * *

Велика роль «Союза коммунистов» в истории международного рабочего движения.

С появлением «Союза коммунистов» и «Манифеста Коммунистической партии» произошло слияние революционной социалистической теории с

---

[2] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв., 1949, т. I, стр. 8.

[2] Там же, т. II, стр. 330.

[3] Подробнее о «Манифесте Коммунистической партии» см. главу восьмую.

рабочим движением. Характеризуя развитие немецкого коммунистического движения, Энгельс писал: «Немецкий социализм возник задолго до 1848 г. На первых порах в нем существовало два независимых течения. С одной стороны — чисто рабочее движение, ответвление французского пролетарского коммунизма. ...Затем — теоретическое движение... в этом течении с самого же начала господствует имя Маркса. «Коммунистический манифест», появившийся в январе 1848 г., обозначает слияние обоих этих течений...»[1]

ИОСИФ ВЕЙДЕМЕЙЕР

«Союз коммунистов» явился зародышем коммунистической партии пролетариата, школой для подготовки деятелей рабочего движения, школой пролетарских революционеров. Из его среды вышли и Вильгельм Либкнехт, Иосиф Вейдемейер, Фридрих Лесснер и некоторые другие ученики Маркса и Энгельса, принимавшие активное участие в революционном движении, в деятельности I Интернационала, а затем в организации социалистических партий.

«Союз коммунистов» был первой формой интернационального пролетарского единства, славным предшественником руководимого Марксом и Энгельсом «Международного товарищества рабочих». «Современное международное рабочее движение, — писал Энгельс в своей статье «К истории Союза коммунистов», — по существу представляет непосредственное продолжение тогдашнего немецкого, которое вообще было *первым международным рабочим движением* и из которого вышло много лиц, игравших потом руководящую роль в Международном Товариществе Рабочих»[2].

Историческое значение «Союза коммунистов» заключается главным образом в том, что он послужил Марксу и Энгельсу всемирно-исторической трибуной, с которой они на весь мир провозгласили великие принципы «Манифеста Коммунистической партии», ставшего, как отмечал впоследствии Энгельс, «...общей программой многих миллионов рабочих всех стран, от Сибири до Калифорнии»[3].

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 241—242.
[2] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв., 1949, т II, стр. 320.
[3] Там же, т. I, стр. 6.

Глава восьмая

«МАНИФЕСТ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ»

Есть книги, историческое значение которых, не вполне ясное для современников, с каждым десятилетием раскрывается со все большей и большей полнотой. Такие книги не стареют: наоборот, чем дальше отходят в прошлое породившие их исторические события, тем ярче выступает их вечный, непреходящий, общий смысл. Среди таких великих памятников человеческого гения одно из первых мест занимает «Манифест Коммунистической партии».

Исторические предпосылки «Манифеста»

«Манифест» был написан Марксом и Энгельсом по поручению международной революционной рабочей организации — «Союз коммунистов». Это боевой, программный документ величайшего в мировой истории движения масс — борьбы пролетариата за свое освобождение. И в то же время это один из самых значительных документов в истории науки о человеческом обществе. «Манифест Коммунистической партии» положил рубеж между научным коммунизмом и коммунизмом утопическим, знаменовал начало совершенно нового, высшего этапа в росте классового сознания и классовой борьбы пролетариата. Вместе с тем он предвещал новую эру в развитии человечества, открытую Великой Октябрьской социалистической революцией, конец «предистории» человечества, начало его «подлинной истории».

Оба эти момента в исторической характеристике «Коммунистического манифеста» — его значение для классовой борьбы пролетариата и его общечеловеческое значение — неразрывно связаны друг с другом и взаимно обусловлены. Ибо т о л ь к о пролетариат способен до конца сокрушить общественный порядок, основанный на эксплуатации человека человеком и на классовом антагонизме, и положить начало новому порядку — бесклассовому обществу, сознательно и планомерно строящему свою жизнь. Ибо т о л ь к о уничтожив классовое строение общества и все виды эксплуатации человека человеком, искоренив все возможности возрождения эксплуатации, пролетариат способен освободить самого себя.

В обществе, распадающемся на антагонистические классы, классовые противоречия неизбежно определяют все миропонимание членов общества, в особенности понимание явлений общественной жизни. Как ни значительны были отдельные достижения научной мысли в период антагонистических формаций, научная мысль тех времен всегда окрашивалась и ограничивалась классовыми интересами. В идеологии господствующего класса феодального общества забота о сохранении существующего порядка

доминировала над всем миросозерцанием. Буржуазия в период своей борьбы против феодального порядка нанесла тяжелые удары по феодальной идеологии. В лице своих лучших, наиболее передовых представителей она подвергла разрушительной критике освящавшую феодальное общество религиозную систему и освободила человеческую мысль от связывавших ее уз феодального мировоззрения. Однако даже во время наивысшего подъема буржуазного просвещения — накануне французской буржуазной революции XVIII в.— буржуазия не могла довести эту освободительную работу до конца. Выступая против феодального порядка, буржуазия стремилась к установлению такого общественного строя, который сделал бы невозможной феодальную эксплуатацию,но она вовсе и не помышляла о порядке, который сделал бы невозможной всякую эксплуатацию, в том числе и буржуазную. Революция, к которой буржуазия вела общество, должна была лишь передать власть из рук одного класса — феодалов — в руки другого класса — буржуазии, отнюдь не упраздняя деления общества на классы, сохраняя в неприкосновенности господство эксплуататоров над эксплуатируемыми. Придавая своим классовым интересам значение интересов общечеловеческих, буржуазия не могла создать истинную науку об обществе, осознать закономерности исторического процесса. Великим буржуазным просветителям и материалистам XVIII в. не чуждо было представление о классовом делении общества, о том, что обществом правят «интересы». Но их философия общества оставалась идеалистической. Буржуазные просветители предпочитали обосновывать необходимость смены феодального порядка порядком буржуазным не историческими, а рационалистическими доводами. Они чувствовали, что идея исторической смены общественных порядков может подорвать прочность не только того порядка, который они разрушают, но и того, который они стремятся построить. Поэтому необходимость и целесообразность последнего буржуазные просветители выводили не из законов истории, а из воображаемых «вечных» законов человеческой природы, разума, провидения. Тем самым буржуазные просветители придавали характер «вечности» своему общественному идеалу.

Исходя из этих «вечных» законов, буржуазия осудила как неразумные, как основанные на предрассудках все старые формы общества и государства. Идущий им на смену порядок она провозгласила царством разума, при котором в человеческих отношениях будут господствовать соответствующие «природе человека» справедливость и равенство. «Мы знаем теперь,— писал Энгельс,— что это царство разума было не чем иным, как идеализированным царством буржуазии, что вечная справедливость нашла свое осуществление в буржуазной юстиции, что равенство свелось к буржуазному равенству перед законом, а одним из самых существенных прав человека провозглашена была буржуазная собственность. Государство разума... оказалось и могло оказаться на практике только буржуазной демократической республикой»[1].

Изучение явлений общественной жизни, могло привести к созданию науки об обществе лишь тогда, когда в обществе появился класс, интересы которого выходили за пределы классового общества, класс, стремящийся не к тому, чтобы увековечить свое господство, но к тому, чтобы использовать свое господство для ликвидации классового строения общества и освобождения всего трудящегося человечества. Именно таким классом является пролетариат.

Пролетариат оформляется как класс лишь в результате промышленной революции. Объединяемый местом, которое он занимает в общественном

---

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв., 1949, т. II, стр. 108.

производстве, общностью жизненных условий и интересов, пролетариат первоначально составляет, по выражению Маркса, класс в себе. Но пролетариат приходит к классовому самосознанию, превращается из класса в себе в класс для себя путем длительного и сложного процесса, в результате длительной и тяжелой борьбы против господствующих классов.

Первые проблески чувства солидарности и революционных настроений могут быть отмечены в рабочих массах очень рано, задолго до промышленной революции. «...Хотя в общем и целом буржуазия *в борьбе с дворянством* имела известное право считать себя также представительницей интересов различных трудящихся классов того времени,— говорит Энгельс,— тем не менее при каждом крупном буржуазном движении вспыхивали самостоятельные движения того класса, который был более или менее развитым предшественником современного пролетариата»[1]. Наиболее ярким примером такого движения, отражающего интересы и стремления пролетаризованных масс населения, был в 1795—1796 гг. так называемый «заговор Бабефа».

Бабувисты

После контрреволюционного переворота 9 термидора (27 июля 1794 г.), после установления ничем не прикрытой буржуазной диктатуры, рабочие не могли не испытывать глубокого разочарования в тех рецептах исцеления социальных зол, какие предлагались политическими группировками, сменявшими друг друга у власти в процессе революции. Под влиянием опыта классовой борьбы 1789—1794 гг. началось идеологическое выделение предпролетариата из той плебейской массы, частью которой он сознавал себя до этого времени. В рабочей среде росло сознание того, что изменения в политическом строе сами по себе еще отнюдь не обеспечивают улучшения положения трудящихся. Шла усиленная работа мысли в поисках новых путей разрешения социальной проблемы. Последовательного классового миросозерцания французские рабочие этой эпохи выработать еще не могли, но элементы, зачатки этого миросозерцания были уже налицо.

Бабувисты попытались выразить эти еще не вполне ясные социальные чаяния французских рабочих, попытались дать ответ на запросы нового общественного класса, начинавшего пробуждаться к самостоятельной политической жизни. В этой первой попытке было много черт, отвечавших незрелости классовых отношений, незрелости самого пролетариата. Тем не менее в предистории коммунизма, в предистории развития классового самосознания пролетариата бабувистское движение занимает значительное место.

Бабувисты ставили себе целью революционный переворот во имя коммунизма. Они полагали, что созданная ими тайная организация сможет поднять плебейские массы Парижа и установить в результате успешного восстания революционную диктатуру, которая и осуществит преобразование общества на коммунистических началах. Всю предшествующую историю Бабеф рассматривал как непрерывную войну между «плебеями и патрициями», между бедными и богатыми. Французская революция, писал он, есть один из эпизодов этой вечной борьбы. Но революция «не доведена до конца, так как ничего не сделано для обеспечения народного счастья».

«...Заговор Бабефа,— писал Энгельс,— сделал во имя равенства заключительные выводы из идей демократии 93 года, поскольку выводы эти возможны были тогда»[2]. Учение бабувистов об истории как о борьбе

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв., 1949, т. II, стр. 108.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 28.

между богатыми и бедными, о необходимости революционного переворота для достижения коммунизма представляет шаг вперед от рационалистических и естественно-правовых рассуждений просветителей XVIII в. Но и это учение было еще очень примитивно. Исторический процесс в изображении бабувистов однообразен; мы не видим в нем смены формаций, не видим изменений в социальном составе общества. «Беднота» в учении бабувистов представляет нечто единое. Подготовляя восстание, бабувисты заботились об установлении связей с рабочими. Но исторического значения пролетариата как особого общественного класса они не понимали.

Не сумев обосновать коммунизм исторически, бабувисты пытались обосновать его неизбежность рационалистически, используя для этой цели унаследованную ими от просветителей XVIII в. теорию естественного права с ее «вечными» принципами и «неотъемлемыми» правами человека. Таким вечным принципом естественного права является для них равенство. Природа дала всем людям равное право пользоваться ее благами, равное право на счастье. Но естественное право не реализовано в праве положительном: везде царит неравенство, имеющее своим источником право частной собственности. Коммунистический строй, к осуществлению которого призывали бабувисты, есть для них естественный и разумный строй, соответствующий естественным свойствам человеческой природы.

Сен-Симон, Фурье, Оуэн

Более глубокое понимание социальных процессов и несравненно более широкий кругозор находим мы у великих утопистов начала XIX в. Хотя они и остаются во многих отношениях людьми XVIII в., но они уже учитывают в своих теориях те огромные сдвиги, какими отмечен конец XVIII в.,— начавшийся промышленный переворот и буржуазную революцию. Они понимают внутреннюю противоречивость созданного этими сдвигами буржуазного общества, видят разложение старых общественных классов и формирование новых.

Для Сен-Симона исторический процесс есть процесс закономерный; понимание законов исторического развития должно, по его мнению, дать возможность предвидеть будущее. В его философии истории есть элементы диалектики. Он видит в истории последовательную смену систем. В пределах каждой из них человечество развивается, пока данная система из формы развития не превращается в препятствие развитию. Для каждой системы характерно определенное соотношение классов — эксплуататоров и эксплуатируемых. История европейских обществ с XV по XIX в. представляется Сен-Симону историей борьбы новых, растущих классов — промышленников и ученых — с господствующими классами старого общества — феодалами и духовенством. Но классовый анализ современного общества у Сен-Симона явно недостаточен: «индустриалы» составляют у него единый класс, объединяющий и предпринимателей и рабочих. Хотя в последнем своем произведении — «Новом христианстве» он ставит целью общественного преобразования увеличение благосостояния пролетариата как наибеднейшего класса, все же антагонизм между предпринимателями и рабочими он и здесь объявляет основанным на недоразумении. Боясь, что его учение может толкнуть рабочих на акты насилия против богатых и правительства, Сен-Симон призывал промышленников и правительства принять меры к увеличению социального счастья бедняка.

Немало нового внес в понимание исторического процесса и общественных отношений капитализма Фурье. Энгельс отмечает диалектический характер учения Фурье об исторических судьбах человечества, прогрессивное значение предложенной им схемы ступеней исторического развития:

дикость, варварство, патриархат, цивилизация. Следует указать также, что Фурье видел основной толчок к прогрессу человечества в несоответствии между потребностями человека и ресурсами окружающей среды, что он определяет исторические периоды производственными признаками. Фурье дал яркую характеристику противоречий капиталистического общества. Он видел процесс концентрации производства, он понимал неизбежность пролетаризации мелких собственников. Он считал, что прогресс при капитализме — иллюзия, что положение трудящихся с ростом общественного богатства становится все хуже. Фурье предвидел возможность революционных потрясений. Но в этой грядущей революции он не видел силы, способной разрешить общественный кризис. На свою систему он смотрел как на способ предупреждения революционной катастрофы, примирения общественных противоречий.

Фурье верил в возможность для свободного человеческого разума вмешиваться в исторический ход событий и влиять на него. С другой стороны, он верил, что существует некий предустановленный богом социальный кодекс, соответствующий природе человека, его страстям. Пока этот социальный кодекс не открыт, невозможно выйти из существующего хаоса. Но Фурье воображал, что он открыл этот кодекс. Поэтому, полагал Фурье, соответствующий страстям человека строй должен утвердиться быстро и без борьбы. Этот строй должен соответствовать интересам всех классов — интересам капиталистов не меньше, чем интересам рабочих. Ежедневно, в назначенные часы, Фурье ждал приход капиталистов, которые должны были принести ему деньги для организации опытной ассоциации.

В отличие от Сен-Симона и Фурье, Оуэн был в течение ряда лет практически связан, как крупный фабрикант, с капиталистическим производством. Впоследствии он принимал активное участие в кооперативном и профессиональном движении английского пролетариата. Оуэн прекрасно понимал связь процесса образования современного пролетариата с промышленной революцией. Он лично наблюдал и высоко ценил рост сознательности и культуры рабочего класса. Он видел, что настроение народа становится все более революционным. Но, как и Фурье, Оуэн считал своей задачей предупреждение революционного взрыва, мирное общественное преобразование. Даже в период своей наибольшей близости к рабочему движению он выступал против классовой борьбы. По мнению Оуэна, разъединяют людей «плохо понятые» интересы: действительные интересы одинаковы у всех — богатых и бедных, правящих и управляемых. Разумные доводы убедительны для всех. Поэтому Оуэн и пытался убедить в разумности своих проектов то английский парламент, то королеву Викторию, то, подобно Сен-Симону, монархов «Священного союза». Политическую борьбу он считал для дела преобразования общества совершенно бесполезной.

Историческая необходимость новой, пролетарской революционной теории

Ни одна из утопических систем не отвечала потребностям растущего классового самосознания пролетариата, ни одна из них не могла служить теоретическим обоснованием его классовой борьбы. Между тем классовое движение пролетариата с каждым десятилетием подымалось на новую ступень как в количественном, так и в качественном отношении. В Англии, которая раньше других стран пережила промышленную революцию, давно закончилась полоса стихийных выступлений, сопровождавшихся разрушением машин рабочими. Возникло рабочее кооперативное движение, развивались профессиональные союзы, была уже сделана первая попытка создания всеанглийского союза рабочих, высоко поднялась волна первого самостоятельного массового политического движения пролетариата — чартизма. Во Франции восстания лионских

рабочих ярко продемонстрировали революционные настроения пролетариата. Французские рабочие принимали в 30-х годах самое деятельное участие в республиканских тайных обществах, выдвигавших все более определенные социальные требования, а в 40-х годах начали создавать собственные революционные коммунистические ячейки. Наконец, и в сравнительно отсталой Германии произошло восстание силезских ткачей.

Все эти проявления растущей боевой активности пролетариата вызывали серьезную тревогу в среде правящих классов. Факты свидетельствовали о том, что на историческую арену выходит новая сила. Но они свидетельствовали также и о том, что эта сила еще далеко не осознала, каковы ее конечные цели и какие средства должны быть применены для их достижения. В среде английских рабочих пользовались значительным, хотя и кратковременным, успехом такие мелкобуржуазные проекты, как план национализации земли О'Брайена или план наделения рабочих индивидуальными земельными участками О'Коннора, как оуэновский утопический проект мирного преобразования общества путем превращения профессиональных организаций рабочих в производительные товарищества. Во Франции продолжала жить бабувистская традиция и наиболее передовые рабочие называли себя «коммунистами». Но это был «коммунизм» примитивный, заговорщический, не имевший прочной связи с широкими рабочими массами, с повседневными нуждами этих масс. Наряду с идеями бабувистского «революционного коммунизма» среди рабочих находили распространение идеи «мирного коммунизма» Кабе, упорно отказывавшегося от революционных методов борьбы.

Дальнейшее развитие классовой борьбы пролетариата требовало новой теории. Эта теория должна была научно осмыслить место пролетариата в истории человечества и историческое значение его борьбы. Этого не могли дать старые утопические системы, исходившие из «вечных» принципов, из «естественных прав» человека, разума или справедливости, вслед за которыми большинство утопистов вводило в свои системы и устанавливающее эти принципы «божество». Но этого не могла дать, этого не давала и буржуазная историческая «наука», хотя отдельным ее представителям (например, французским историкам периода Реставрации) и не было чуждо понимание роли, которую играет в историческом процессе классовая борьба. Чтобы научно обосновать классовую борьбу пролетариата, нужно было отбросить старые эклектические или идеалистические схемы, которые в угоду классовым интересам дворянства и буржуазии показывали исторический процесс в искаженном виде. Надо было построить материалистическую, подлинно объективную историческую науку. А это можно было сделать, лишь став на точку зрения пролетариата — класса, интересы которого не требуют, в силу его положения, никаких искажений исторической истины.

Для этого нужно было критически переоценить все, что дали для понимания общественных явлений буржуазная научная мысль и системы социалистов-утопистов. Для этого нужно было изучить весь исторический опыт реальной борьбы трудящихся масс. Но эта работа, громадная сама по себе, могла дать лишь некоторый подготовительный материал для создания новой теории. Чтобы ее действительно создать, необходимо было совершить революцию в философии, открыть подлинно научный метод, применение которого было способно обеспечить полное соответствие теоретического построения реальной исторической действительности,— метод диалектического материализма. Необходим был гений Маркса и Энгельса.

Работы Маркса и Энгельса, предшествовавшие появлению «Манифеста»

Поистине колоссальны объем и историческое значение того предварительного труда, который должны были затратить и действительно затратили Маркс и Энгельс, прежде чем они дали сжатую и изумительную по яркости формулировку его результатов в «Манифесте Коммунистической партии».

Вехи пути, пройденного от первых статей Маркса в «Рейнской газете» до «Манифеста» — от революционного демократизма к коммунизму и диалектическому материализму, отмечены рядом таких замечательных произведений Маркса и Энгельса, как «К критике гегелевской философии права», «Святое семейство», «Положение рабочего класса в Англии», «Немецкая идеология», «Нищета философии».

Уже в 1843 г., в «Критике философии государственного права Гегеля» Маркс выдвинул мысль о происхождении правовых отношений и форм государства из материальных жизненных отношений «гражданского общества». Но в этой работе, как говорил Ленин, Маркс «...только еще становился Марксом, т. е. основателем социализма, как науки, основателем *современного материализма*»[1]. В 1844 г., во второй статье, посвященной гегелевской философии права и напечатанной в «Немецко-французских ежегодниках», Маркс дал первую формулировку идеи всемирно-исторической роли пролетариата. «Подобно тому, как философия находит в пролетариате свое *материальное* оружие,— писал Маркс,— так и пролетариат находит в философии свое *духовное* оружие»[2]. В этой замечательной статье Маркс открыл, таким образом, материальную силу для революционного преобразования действительности в самой действительности.

«Святое семейство» (1844) было первой работой, написанной Марксом и Энгельсом совместно. В «Святом семействе», в форме полемики с левыми гегельянцами Бруно Бауэром и К°, Маркс и Энгельс изложили основы своего революционного мировоззрения, выступив решительно на защиту идей социализма и материализма. В противовес идеалистам Маркс и Энгельс показали, что ключ к пониманию истории лежит в процессе производства. Основой современного общества служит буржуазная частная собственность. «Частная собственность в своем экономическом движении сама... толкает себя к собственной гибели...»[3] Решающая роль в уничтожении частной собственности принадлежит пролетариату. Рост пролетариата, его сознательности, его организованности, подготовление пролетариата к исполнению его всемирно-исторической задачи были ярко показаны на примере Англии в работе Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» (1845).

В «Немецкой идеологии», написанной Марксом и Энгельсом в 1845—1846 гг., даны уже все основные положения исторического материализма. Не сознание людей определяет их бытие, доказывают Маркс и Энгельс, а общественное бытие определяет сознание. Основа исторического процесса — в производстве материальных благ. Мы находим в «Немецкой идеологии» и набросок учения об общественно-экономических формациях, и первые формулировки учения о классовой борьбе и социалистической революции. В своей истории, указывают Маркс и Энгельс, человеческое общество пережило ряд сменявших одна другую форм собственности. Переход от одной формы собственности к другой, от одного строя производства к другому происходит вследствие того, что производительные силы общества вступают в противоречие с существующими «формами

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 322.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. I, стр. 412.
[3] Там же, т. III, стр. 55.

общения». Это противоречие, выражающееся в форме борьбы классов, приводит в конце концов к революции, в результате которой отжившая форма общения сменяется новой, соответствующей новым производительным силам. Этот закон развития присущ и капиталистическому обществу. Капитализму присущи противоречия, которые неизбежно приведут к его гибели и к торжеству коммунистической революции, которую совершит пролетариат. В отличие от всех предыдущих революций революция пролетариата уничтожит «...господство каких бы то ни было классов вместе с самими классами»[1].

«Нищета философии» — произведение Маркса, вышедшее в том же, 1847 г., в конце которого был написан «Манифест Коммунистической партии», развивает и дополняет положения науки об обществе, которые были даны Марксом и Энгельсом в «Немецкой идеологии». Учение о закономерностях общественного развития, о его движущих силах, об общественно-экономических формациях изложено здесь с большой яркостью и четкостью. «Общественные отношения, —говорит Маркс в «Нищете философии», — тесно связаны с производительными силами. Приобретая новые производительные силы, люди изменяют свой способ производства, а с изменением способа производства, способа обеспечения своей жизни,— они изменяют все свои общественные отношения. Ручная мельница дает нам общество с сюзереном во главе, паровая мельница — общество с промышленным капиталистом»[2].

«Манифест Коммунистической партии» как бы подводит итоги всей работе, проделанной Марксом и Энгельсом в предшествовавшем пятилетии, и передает ее результаты через «Союз коммунистов» рабочему классу как надежное оружие в предстоящей ему длительной и тяжелой борьбе.

Основные идеи «Манифеста»

«Манифест Коммунистической партии» — произведение, представляющее собой сокровищницу новых идей. В нем по-новому ставятся и разрешаются основные проблемы социализма и рабочего движения, основные проблемы науки о человеческом обществе. Но все это многогранное целое освещено единой центральной мыслью, которая, по словам Энгельса (предисловие к немецкому изданию «Манифеста» 1883 г.), красной нитью проходит через весь «Манифест». Эта мысль состоит в том, что «...экономическое производство и неизбежно вытекающее из него строение общества любой исторической эпохи образуют основу ее политической и умственной истории; что в соответствии с этим (со времени разложения первобытного общинного землевладения) вся история была историей классовой борьбы, борьбы между эксплуатируемыми и эксплуатирующими, подчиненными и господствующими классами на различных ступенях общественного развития, и что теперь эта борьба достигла ступени, на которой эксплуатируемый и угнетенный класс (пролетариат) не может уже освободиться от эксплуатирующего и угнетающего его класса (буржуазии), не освобождая в то же время всего общества навсегда от эксплуатации, угнетения и классовой борьбы...»[3]

Первая глава «Манифеста» начинается с общей характеристики истории всех существовавших до сих пор обществ как истории борьбы классов. «Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче — угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 59—60.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 364.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. 1948, стр. 16.

Manifest

der

Kommunistischen Partei.

Veröffentlicht im Februar 1848.

Proletarier aller Länder vereinigt euch.

London.

Gedruckt in der Office der „Bildungs-Gesellschaft für Arbeiter"

von J. E. Burghard.

46, Liverpool Street, Bishopsgate.

МАНИФЕСТ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

Первое издание. Лондон. Февраль 1848 г.

борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов»[1].

Но «Манифест» — документ политический, боевой. Мы не должны поэтому искать в нем детального анализа общественных отношений и классовой борьбы на всех предшествовавших ступенях общественного развития. Маркс и Энгельс сосредоточивают свое внимание преимущественно на капиталистическом обществе. Они показывают, как росли средства производства и обмена в феодальном обществе, как цеховое ремесло сменялось мануфактурой, а затем мануфактура — современной крупной машинной промышленностью. Они показывают, как с ростом промышленности и торговли росла и развивалась буржуазия, как она оттесняла старые классы, унаследованные от средневековья. Они описывают политические успехи буржуазии, все более значительные по мере ее экономического укрепления, пока она не завоевывает себе исключительного политического господства, пока она не превращает государственную власть в «комитет, управляющий общими делами всего класса буржуазии». Борьба буржуазии со старыми классами заканчивается «полным переустройством общественного здания». Основная причина этой победы буржуазии состоит в том, что на известной ступени развития средств производства и обмена, созданных в феодальном обществе, феодальные отношения собственности «перестали соответствовать развившимся производительным силам. Они тормозили производство, вместо того чтобы его развивать. Они превратились в его оковы. Их необходимо было разбить, и они были разбиты»[2].

«Коммунистический манифест» резкими штрихами рисует отрицательное влияние буржуазного порядка на умственную и нравственную жизнь общества — господство «чистогана», продажность, открытый и бесстыдный характер буржуазной эксплуатации. С другой стороны, он ярко изображает колоссальный рост производительных сил при буржуазном порядке, непрерывные перевороты в производстве, распространение цивилизации, а вместе с тем и власти буржуазии по всему земному шару. «Буржуазия менее чем за сто лет своего классового господства создала более многочисленные и более грандиозные производительные силы, чем все предшествовавшие поколения, вместе взятые. Покорение сил природы, машинное производство, применение химии в промышленности и земледелии, пароходство, железные дороги, электрический телеграф, освоение для земледелия целых частей света, приспособление рек для судоходства, целые, словно вызванные из-под земли, массы населения,— какое из прежних столетий могло подозревать, что такие производительные силы дремлют в недрах общественного труда!»[3]

Однако именно в этом росте производительных сил таится гибель буржуазного порядка. «Современное буржуазное общество,— говорится в «Манифесте»,— с его буржуазными отношениями производства и обмена, буржуазными отношениями собственности, создавшее как бы по волшебству столь могущественные средства производства и обмена, походит на волшебника, который не в состоянии более справиться с подземными силами, вызванными его заклинаниями»[4]. Современные производительные силы возмущаются против буржуазных отношений собственности. Ярким показателем этого возмущения являются периодически потрясающие буржуазное общество кризисы, отбрасывающие общество назад,

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. 1948, стр. 38.
[2] Там же, стр. 40—44.
[3] Там же, стр. 43—44.
[4] Там же, стр. 44.

ведущие к уничтожению не только созданных продуктов, но и самих производительных сил. Буржуазные отношения задерживают развитие производительных сил, как некогда развитие их задерживали отношения феодальные. Это несоответствие между производительными силами и буржуазными отношениями собственности угрожает самому существованию последних. «Оружие, которым буржуазия ниспровергла феодализм, направляется теперь против самой буржуазии»[1].

«Но буржуазия не только выковала оружие, несущее ей смерть;— продолжает «Манифест»,— она породила и людей, которые направят против нее это оружие,— современных рабочих, *пролетариев*»[2]. Буржуазное общество не уничтожило классового антагонизма; оно лишь создало новые формы эксплуатации и новые формы классовой борьбы. Пролетариат рекрутируется из различных классов населения и растет вместе с ростом производительных сил. Борьба пролетариата против буржуазии начинается вместе с его существованием. Рост крупной промышленности ведет к скоплению рабочих в больших массах и осознанию ими своих сил. Рабочие объединяются для борьбы во имя своих экономических интересов, и эти объединения принимают все более широкий характер. В конце концов местные движения сливаются в движение национальное, классовое. «А всякая классовая борьба есть борьба политическая»[3]. Так происходит формирование пролетариата как класса и тем самым организация его в политическую партию.

Из всех классов, противостоящих буржуазии, только пролетариат есть последовательно революционный класс. Он существенно отличается от всех других классов, боровшихся за свое господство. Другие классы, захватив господство, стремились упрочить приобретенное ими положение в жизни. У пролетариев нет ничего, что им надо было бы охранять и упрочивать, они должны разрушить все, что было раньше создано для охраны частной собственности. Движение пролетариата — движение огромного большинства в интересах огромного большинства. Оно завершается неизбежно открытой революцией, в которой пролетариат ниспровергает власть буржуазии и закладывает основы своего господства. Создавая крупную промышленность, буржуазия содействует революционному объединению рабочих. Она производит, таким образом, своих собственных могильщиков. Ее гибель и победа пролетариата одинаково неизбежны.

В этой великой борьбе рабочего класса коммунисты выдвигают, указывают авторы «Манифеста», теоретические положения, являющиеся выражением действительно происходящей на наших глазах классовой борьбы, а не чем-то надуманным. Коммунисты отличаются от остальной массы пролетариата тем, что они понимают условия, ход и неизбежные результаты пролетарского движения. Они представляют интересы движения в целом. Их цель — формирование пролетариата в класс, ниспровержение буржуазии, завоевание пролетариатом политической власти. «Коммунисты борются во имя ближайших целей и интересов рабочего класса, но в то же время в движении сегодняшнего дня они отстаивают и будущность движения»[4].

Для чего же использует пролетариат завоеванное им политическое господство? Коммунистическая революция решительно порвет со старыми отношениями собственности. Пролетариат, опираясь на свое политическое господство, вырвет из рук буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизует все орудия производства в руках государства, т. е. пролета-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии, стр. 46.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 49.
[4] Там же, стр. 79.

риата, организованного как господствующий класс. Революция должна, таким образом, привести к экспроприации побежденной буржуазии и к построению нового, коммунистического общества. Отношения собственности подвержены постоянным изменениям,— утверждает «Манифест». Так, французская революция отменила феодальную собственность, заменив ее собственностью буржуазной. Коммунисты видят свою задачу не в отмене собственности вообще, а в отмене буржуазной собственности. «Но современная буржуазная частная собственность есть последнее и самое полное выражение такого производства и присвоения продуктов, которое держится на классовых антагонизмах, на эксплуатации одних другими»[1]. В этом смысле коммунисты могут сказать, что их цель — уничтожение частной собственности.

В дальнейшем, с исчезновением классовых различий, политическая власть как организованное насилие одного класса над другим станет ненужной. Упраздняя старые производственные отношения, пролетариат уничтожит условия существования классов, а тем самым и свое собственное господство как класса. Уничтожение эксплуатации одного индивидуума другим приведет с неизбежностью к уничтожению эксплуатации одной нации другой. «Вместе с антагонизмом классов внутри наций падут и враждебные отношения наций между собой»[2].

Так намечает «Манифест» черты светлого будущего человечества, бесклассового коммунистического общества.

Для истории событий 1848 г. огромное значение имеют два раздела «Манифеста», характеризующие отношение коммунистов к различным течениям социалистической и коммунистической литературы и к различным оппозиционным политическим партиям. «Манифест» дает четкий классовый анализ и четкую оценку носящим «социалистическое» обличие разновидностям феодальной, мелкобуржуазной и буржуазной социально-политической мысли. «Манифест» проводит резкую грань между социализмом научным и социализмом утопическим, показывая, как утопические системы теряют свое историческое оправдание с развитием классовой борьбы, как они вырождаются в реакционные секты. С другой стороны, «Манифест» заявляет, что коммунисты поддерживают во всех странах всякое революционное движение, направленное против существующего общественного и политического строя. Без учета этих указаний «Манифеста» невозможно правильное понимание борьбы социальных идей в революции 1848 г., их значения в последующей борьбе классов и их дальнейших судеб.

«Манифест Коммунистической партии» — замечательный образец применения материалистической диалектики к исследованию общественных явлений. «Манифест» исходит в своем построении не из «вечных истин», не из принципов морали или естественного права. Он исходит из научного анализа общественного «бытия», из экономической жизни буржуазного общества, рассматривая это общество в его развитии. На прочной основе материалистического анализа строит «Манифест» учение о классовой борьбе пролетариата, о неизбежности пролетарской революции и о том, что эта революция будет неизбежно коммунистической. Тем самым он разрешает проблему, которую не мог решить утопический социализм,— проблему соединения социализма с рабочим движением. Тем самым он незыблемо устанавливает ту истину, что коммунизм — исторически необходимый результат всего предшествующего исторического развития. «В этом произведении,— писал о «Коммунистическом манифесте» В. И. Ленин,— с гениальной ясностью и яркостью обрисовано новое

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии, стр. 55.
[2] Там же, стр. 61.

мировоззрение, последовательный материализм, охватывающий и область социальной жизни, диалектика, как наиболее всестороннее и глубокое учение о развитии, теория классовой борьбы и всемирно-исторической революционной роли пролетариата, творца нового, коммунистического общества»[1].

Прекрасно охарактеризовал теоретическую основу «Коммунистического манифеста» И. В. Сталин. «С точки зрения этой теории,— писал И. В. Сталин в своей работе «Анархизм или социализм?»,— развитие общественной жизни полностью определяется развитием производительных сил. Если за помещичье-крепостническим строем последовал буржуазный строй, то «виной» этому было то, что развитие производительных сил сделало неизбежным возникновение буржуазного строя. Или еще: если за современным буржуазным строем неизбежно последует социалистический строй, то это потому, что этого требует развитие современных производительных сил. Отсюда проистекает историческая необходимость разрушения капитализма и установления социализма»[2].

Дальнейшее развитие идей «Манифеста»

Развитие научного коммунизма, конечно, не закончилось на «Манифесте коммунистической партии». Маркс и Энгельс в своей последующей работе внесли в коммунистическую теорию ряд дополнений и уточнений. Так, понятие «пролетариат, организованный как господствующий класс» было заменено ими более четким понятием «диктатура пролетариата»; учение о завоевании пролетариатом государственной власти было дополнено на основании опыта революции 1848 г. и Парижской Коммуны 1871 г. указанием на необходимость для пролетариата сломать старую буржуазную государственную машину. Экономическая теория марксизма получила исчерпывающее для своего времени обоснование в «Капитале». Для обоснования философии научного коммунизма — диалектического и исторического материализма — много сделал Энгельс в «Анти-Дюринге» и в «Диалектике природы».

Дальнейшее развитие положений научного коммунизма в применении к условиям новой эпохи — эпохи империализма и пролетарских революций дано в работах Ленина и Сталина. Лениным была создана теория империализма, Лениным и Сталиным было разработано учение о руководящей роли партии в пролетарской революции, об отношениях между пролетариатом и крестьянством на разных этапах революционной борьбы и социалистического строительства, о возможности победы социализма в одной стране. Сталин обогатил марксистско-ленинскую теорию замечательными, глубокими работами о национальном вопросе, гениальным учением об общем кризисе капитализма, о путях строительства коммунизма, о государственной власти в социалистической стране, находящейся в капиталистическом окружении, подлинно материалистическим учением о языке, новой постановкой и решением проблемы базиса и надстройки.

Но все новое, что было внесено Марксом, Энгельсом, Лениным и Сталиным в теорию научного коммунизма, не стоит ни в каком противоречии с основными положениями «Коммунистического манифеста». Эти положения и сейчас остаются незыблемыми, и сейчас освещают миллионам пролетариев путь их исторической борьбы. «Эта небольшая книжечка стоит целых томов: духом ее живет и движется до сих пор весь организованный и борющийся пролетариат цивилизованного мира»[3]. Эти слова, написанные Лениным более 50 лет назад, и в наше время сохраняют полную силу.

Судьбы «Коммунистического манифеста» теснейшим образом связаны

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 32.
[2] И. В. Сталин. Соч., т. 1, стр. 352—353.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 10.

с судьбами революционного движения пролетариата. «Манифест» вышел в свет накануне революции 1848 г. Наряду с научным коммунизмом, нашедшим в нем свое выражение, на внимание рабочего класса и передовой интеллигенции претендовало в то время немало разнообразных течений «социалистической» и «коммунистической» мысли, отражавших пройденную ступень в развитии социализма. Революция 1848 года, нанесла смертельный удар «...всем этим шумным, пестрым, крикливым формам *до*марксовского социализма»[1]. Тем не менее в годы реакции, наступившей после революции 1848 г., идеи «Коммунистического манифеста» не находили широкого распространения. Они начинают овладевать массами и приобретать значение крупной общественной силы в эпоху I Интернационала. Начиная с 70-х годов XIX в. идеи Маркса и Энгельса одерживают с каждым десятилетием новые и все более значительные победы в рабочем движении европейских стран. «Учение Маркса... *идет вширь*»,— писал об этом периоде Ленин[2]. Оппортунисты II Интернационала предают принципы «Коммунистического манифеста», отказываясь от классовой борьбы, от идей пролетарской революции и диктатуры пролетариата. Борьба революционного крыла во II Интернационале против оппортунистов есть борьба за идеи «Коммунистического манифеста».

Под знаменем, поднятым в «Коммунистическом манифесте» Марксом и Энгельсом, идет с самого своего возникновения наша славная коммунистическая партия. Под этим знаменем собирали Ленин и Сталин силы рабочего класса бывшей царской империи, под этим знаменем вели они рабочие массы на штурм самодержавия в 1905 г., под этим знаменем проходила историческая борьба трудящихся масс России во главе с партией большевиков в 1917 г., приведшая к Великой Октябрьской социалистической революции.

При всем колоссальном отличии современных экономических и политических отношений от экономических и политических отношений 1848 г. не только широкие обобщения, но и многие частные положения «Манифеста» кажутся отражающими современную нам действительность капиталистических стран. Разве внутренняя и внешняя политика современных империалистических государств не делает для нас особенно убедительной характеристику буржуазного государства как комитета, управляющего общими делами всего класса буржуазии? Разве подавление империалистическими государствами колониальных и полуколониальных народов не напоминает характеристику буржуазии как силы, которая под страхом гибели заставляет все нации принять буржуазный способ производства, которая стремится создать себе мир по своему образу и подобию? Разве пропаганда культа доллара не является яркой иллюстрацией к той странице «Манифеста», где идет речь о «чистогане», о превращении личного достоинства человека в меновую стоимость, о замене всех свобод одной бессовестной свободой торговли?

В наши дни, когда на путь строительства социализма вступили страны народной демократии, когда реакционеры империалистических стран, от спекулянтов Уолл-стрита до правых «социалистов», этих лакеев империализма, беззастенчиво предающих социализм, провозглашают лозунг борьбы с коммунизмом и грозят войной Советскому Союзу,— в эти дни отнюдь не менее современно, чем в канун революции 1848 г., звучит великий призыв, которым заканчивается «Манифест Коммунистической партии»:

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 545.
[2] Там же, стр. 545—546.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВОССТАНИЕ

Масло. Домье

Глава девятая

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ВО ФРАНЦИИ

БУРЖУАЗНАЯ ОППОЗИЦИЯ И РЕВОЛЮЦИОННЫЕ БОИ 22 и 23 ФЕВРАЛЯ 1848 г.

Глубокий экономический кризис, поразивший Францию в 1847 г., привел к тому, что общественное недовольство стало принимать угрожающие для правительства Июльской монархии размеры. Оппозиционные настроения широких кругов буржуазии, недовольной исключительным господством финансовой аристократии, усиливались с каждым днем. Революционное брожение в рабочих предместьях Парижа и других городов, трудящиеся массы которых жестоко страдали от безработицы и дороговизны, непрерывно росло. «Низы» не хотели больше жить по-старому, а «верхи» не могли больше управлять по-старому. В стране складывалась революционная ситуация.

Обострение классовых противоречий во Франции к началу 1848 г.

«Кризис верхов» ясно обнаружился во время законодательной сессии, начавшейся 28 декабря 1847 г. Открывая ее, Луи-Филипп произнес речь, в которой резко осудил выступления сторонников парламентской реформы и дал понять, что правительство не пойдет на уступки.

Оппозиция приняла брошенный ей вызов. Обсуждение тронной речи, начавшееся 21 января 1848 г. и закончившееся 12 февраля, протекало очень бурно. Политика правительства подверглась резкой критике. Даже некоторые консерваторы критиковали правительственную систему. Речь, в которой Тьер обрисовал катастрофическое состояние государственных финансов, произвела огромное впечатление в буржуазных кругах: оппозиционная печать заговорила о неизбежности государственного банкротства. Резким нападкам подверглась и дипломатическая деятельность главы кабинета — Гизо. Тьер и Ламартин упрекали его в том, что, вопреки интересам Франции, он поддерживает во всех странах Европы силы аристократической и клерикальной реакции, действует заодно с меттерниховской Австрией (в итальянских и швейцарских делах) и царской Россией (в польском вопросе).

Горячие прения развернулись в палате по поводу запрещения префектом полиции банкета сторонников реформы в 12-м парижском округе, назначенного на 19 января 1848 г. Депутаты оппозиции резко осуждали правительство за это решение. «Для меня тяжело, скажу даже — унизительно,— говорил Одилон Барро,— защищать в настоящее время, в 1848 г., 17 лет спустя после июльской революции, и притом от покушений

правительства, вышедшего из этой революции,— защищать те права, которыми я пользовался в дни реставрации, накануне июльской революции, когда политический горизонт был особенно грозным, когда, наконец, мы приняли вызов, брошенный нам короной, и объявили, что французская нация не позволит остановить себя на пути к свободе». Ламартин напомнил об уроках первой французской революции. «Помните ли вы,— спрашивал он,— версальский «Зал для игры в мяч» в 1789 г.? Знаете ли вы, чем был этот зал? Он был не чем иным, как местом публичных собраний: неосторожный министр закрыл эти собрания, но нация вновь открыла их для раздраженных представителей народа». Дювержье де Горанн упрекал правительство в том, что в результате его политики между властью и населением образовалась «непроходимая пропасть» и что под ногами у правящих кругов происходят «вспышки гибельных, анархических, антиобщественных страстей». В этих словах явно чувствовался страх буржуазных либералов перед народными волнениями.

ГОСПОДИН ГИЗО

Раскрашенная литография Травиеса

Собрание Института Маркса — Энгельса — Ленина. Москва

Огромное большинство депутатов пока еще отгоняло от себя мысль о возможности нового революционного переворота. Именно поэтому так недоверчиво встретила палата предостережение, прозвучавшее в речи известного историка-монархиста графа Токвиля на заседании 27 января. «Говорят,—сказал он,—что нет опасности, так как нет мятежа; говорят, что так как на поверхности общественной жизни нет материального беспорядка, то революция далека от нас. Господа, позвольте мне сказать вам: я думаю, что вы ошибаетесь... Посмотрите, что происходит среди этих рабочих классов, которые сегодня, я признаю это, держатся спокойно... Разве вы не видите, что в этой среде постепенно распространяются мнения, идеи, направленные к тому... чтобы низвергнуть само общество, чтобы потрясти основы, на которых оно ныне покоится? Таково, господа, мое глубокое убеждение: я думаю, что в настоящий момент мы засыпаем на вулкане, я глубоко убежден в этом...»

Все же, несмотря на резкую критику политики министерства, огромным большинством голосов (241 против 3) палата депутатов приняла резолюцию, одобрявшую действия правительства.

Это было 12 февраля 1848 г. В тот же день хорошо осведомленный очевидец событий А. Н. Карамзин, сын знаменитого русского историка,

писал на родину: «...В Париже принялись танцовать; я нахожу, что это плохой знак после пляски на вулкане в 1830 г. Политический барометр указывает на бурю. Все те, которые были на последних дебатах в палате депутатов, согласно говорят о том, что не запомнят подобного ожесточения».

Подготовка банкета сторонников реформы в Париже

13 февраля депутаты оппозиции собрались, чтобы обсудить создавшееся положение и договориться о дальнейших действиях. Предложение о коллективной отставке, внесенное публицистом Эмилем де Жирарденом, редактором-издателем либеральной газеты «Пресса», было отвергнуто (он оказался единственным, кто сложил свои депутатские полномочия). Собравшиеся решили принять участие в банкете 12-го округа и создали для его проведения комиссию из депутатов, журналистов и других политических деятелей. Комиссия собралась на следующий день в доме Одилона Барро. Депутаты выставили свои условия: повышение подписной цены для участников банкета с 3 до 10 фр., допущение на банкет одних только избирателей, устройство банкета за пределами 12-го округа. Все эти условия свидетельствовали о стремлении либеральной оппозиции оградить банкет от притока демократических элементов, о ее страхе перед трудящимися массами. После долгих споров подписная цена была установлена в размере 6 фр. Благодаря посредничеству влиятельного пэра, графа д'Альтон-Шэ, удалось избежать полного разрыва между более умеренными и более радикальными членами комиссии по организации банкета.

Банкет, не состоявшийся 19 января 1848 г. ввиду запрета властей, был назначен на 22 февраля. Он должен был происходить в специально нанятом для этого помещении в Шайо, на западной окраине Парижа, вдали от густо населенных народных кварталов. На тот же день назначена была манифестация в защиту свободы собраний. Во избежание столкновений, которые могли бы нарушить «общественный порядок», правительство уполномочило двух деятелей консервативного лагеря — Вите и Морни — вступить в переговоры с представителями умеренного крыла парламентской оппозиции — Дювержье де Горанном, маркизом де Мальвилль и Берже. В результате переговоров между этими пятью лицами 19 февраля было выработано соглашение, оформленное особым протоколом и одобренное правительством. Депутаты оппозиции обязались сделать «всё человечески возможное, чтобы порядок не был нарушен». Они должны были мирно войти в зал банкета и занять места, после чего полицейский комиссар должен был указать им, что они нарушили постановление префекта полиции, и предложить им разойтись под угрозой применения силы. На это предложение Барро должен был ответить краткой речью в защиту свободы собраний, а затем пригласить всех собравшихся мирно разойтись. Уходя, депутаты оппозиции должны были заявить, что они добились своей цели, состоявшей единственно в том, чтобы вызвать судебное решение по данному вопросу.

Комедия сопротивления, предусмотренная соглашением 19 февраля, вызвала резкие нападки со стороны некоторых радикально настроенных членов комитета 12-го округа, которые справедливо обвиняли депутатов в капитуляции перед правительством.

Тактические разногласия в оппозиционных кругах

Однако 21 февраля положение изменилось. В этот день была опубликована программа «реформистской манифестации», принятая редакционной подкомиссией и одобренная Одилоном Барро. Автором программы был главный редактор умеренно-республиканской газеты «Насиональ» Арман Марраст. Он приглашал участников банкета собраться

22 февраля в 11 часов утра на площади Мадлен. Отсюда шествие должно было двинуться через площадь Согласия и Елисейские поля к месту банкета. Особо оговаривалось участие в шествии национальных гвардейцев, во главе со своими офицерами, и студентов со своими выборными комиссарами. Подчеркивая, что дело идет о легальном и мирном протесте, организаторы манифестации призывали ее участников «не издавать никаких криков, не носить ни знамен, ни внешних значков»; национальные гвардейцы приглашались явиться без оружия.

Правительство решило не допустить ни банкета, ни манифестации. Префект полиции Делессер выпустил обращение, в котором доказывал жителям Парижа противозаконность действий оппозиции. Командующий парижской национальной гвардией генерал Жакмино в обращении к своим подчиненным напоминал о существующем запрете собираться без приказа высшего командования.

Между тем вечером этого дня оппозиционные депутаты и журналисты собрались в доме Одилона Барро. После долгих прений приступили к голосованию: 80 человек высказались против участия в банкете; из 17 человек, голосовавших за участие, 9 заявили, что они подчинятся решению большинства.

Известие об этом решении вызвало в демократических кругах столицы резкие нападки на депутатов оппозиции, которых справедливо обвиняли в трусости, в измене своему долгу. На собрании в редакции леворреспубликанской газеты «Реформа», происходившем под председательством ее главного редактора Фердинанда Флокона, видного деятеля июльской революции, мнения по вопросу об участии в манифестации разделились. Бон, Коссидьер, Лагранж и некоторые другие активные участники революционных восстаний 30-х годов высказывались за то, чтобы использовать ситуацию, поддержать движение и превратить его в революцию. Ледрю-Роллен, пользовавшийся наибольшим авторитетом среди приверженцев партии «Реформа», решительно возражал против этого, ссылаясь на неподготовленность демократов и на отсутствие у них оружия. Ледрю-Роллена поддержал Луи Блан. Эта капитулянтская точка зрения взяла верх. В конце концов было решено обратиться к «людям из народа» с призывом сохранить спокойствие и остаться дома.

Позиция, занятая в этом вопросе Луи Бланом, совпадала с позицией многих других мелкобуржуазных социалистов. Пьер Леру утверждал, что социалисты, как «люди идеи», должны якобы ограничиваться пропагандой. «Предоставьте буржуа самим улаживать свои споры,— говорил он,— применение силы настолько противоречит нашим принципам, что мы должны прибегать к ней лишь в самом крайнем случае». Журналист Филипп Фор решительно возражал. «Воздерживаться, оставаться в бездействии, уступать произволу в такой критический момент значило бы оказаться сообщниками неправого дела,— говорил Фор.— Примем участие в сопротивлении и избавим Францию от этого гнусного режима». Мнение Фора восторжествовало: решено было в случае народного восстания присоединиться к нему.

Политическая атмосфера накалялась с каждым днем. 15 февраля префект полиции доносил правительству: «В Париже царит чувство живого беспокойства». 17 февраля: «Население Парижа попрежнему сильно взволновано и возбуждено... Деловая жизнь прекратилась, и торговцы ничего не продают». 18 февраля: «В Париже попрежнему наблюдается большое беспокойство». «Беспокойство стало всеобщим, царит сильное брожение»,— отмечал в своем дневнике капитан Бро.

Подъем революционных настроений наблюдался не только в столице, но и в провинции. В Лионе в первых числах февраля были расклеены листовки, призывавшие рабочих к вооруженному восстанию против монар-

хии. «Рабочие Круа-Русс,— сообщал 23 февраля лионский прокурор,— находятся в состоянии такого крайнего возбуждения, что оно, несомненно, выльется в беспорядки, если из Парижа придут известия о столкновении и о том, что оно подавлено не сразу».

Начало революции. Народное выступление 22 февраля

С утра 22 февраля, несмотря на проливной дождь, на улицах Парижа царило большое оживление. В районе площади Мадлен, где был назначен сбор участников манифестации, толпилось много людей, горячо обсуждавших последние политические новости — запрещение банкета и отступление буржуазной оппозиции.

В 11 часов на площадь Мадлен с пением «Марсельезы» прибыла колонна демонстрантов в 200 человек — частью студентов, частью рабочих, собравшихся рано утром у Пантеона. Число демонстрантов быстро увеличивалось. «Около 10 часов,— сообщал комиссар квартала Маре,— группа из 200 рабочих Сент-Антуанского предместья обошла июльскую колонну с пением «Марсельезы» и с возгласами: «Да здравствует реформа! Долой Гизо!», после чего двинулась дальше, по бульварам. В половине второго другое сборище, столь же многолюдное, со знаменем, насчитывавшее в своих рядах несколько человек, вооруженных палками, также прошло по бульварам, направляясь к площади Мадлен с теми же криками».

Колонна, прибывшая с площади Пантеона, направилась к Бурбонскому дворцу — месту заседаний палаты депутатов. Отряд муниципальных гвардейцев, охранявший мост Согласия, пытался остановить колонну, но был смят демонстрантами, быстро прорвавшимися к дворцу. Войска, присланные для его охраны, оттеснили народ, запрудивший площадь Согласия. Демонстранты рассыпались по соседним улицам, где стали разбирать мостовую, опрокидывать омнибусы и воздвигать баррикады. Войска были встречены градом камней. Затем народ захватил оружие в магазине Лепажа и в лавках других оружейников.

В тот же день в палате депутатов либеральная оппозиция сделала новую попытку свергнуть кабинет Гизо. Одилон Барро внес в президиум палаты письменное предложение о привлечении министерства Гизо к судебной ответственности за преступления против чести и интересов страны. Гизо и другие министры обвинялись в оскорблении национального достоинства и нарушении жизненных интересов Франции на международной арене, в искажении принципов конституционной хартии, в покушении на права и свободы граждан, в насаждении «системы коррупции», в подрыве государственных финансов, наконец, в том, что «своей открыто контрреволюционной политикой» министерство «поставило под удар» все завоевания двух революций и «ввергло страну в глубокую смуту».

Председатель палаты депутатов Созе, ярый гизотист, даже не нашел нужным огласить этот обвинительный акт. Снова обнаружилось бессилие либеральной оппозиции и невозможность свергнуть министерство одними парламентскими средствами.

Борьба на улицах Парижа

Тем временем народное восстание продолжало разрастаться. Инсургенты захватили городские заставы, подожгли конторы, взимавшие «октруа»,— ненавистную народу пошлину на ввозимые в город продукты питания. Центром сопротивления стал квартал Маре, узкие улички которого были особенно пригодны для постройки баррикад. Движение распространилось и на пригороды столицы.

Поведение национальной гвардии свидетельствовало о том, что правительство не может рассчитывать на ее поддержку. Приказ генерала Жакмино о сборе батальонов остался невыполненным: из большинства легионов явились к месту сбора только по нескольку десятков человек. В 12-м

округе собралось человек 50—60; они сошлись на площади Пантеона с возгласами: «Да здравствует реформа! Долой Гизо! Долой Луи-Филиппа!». Возгласы: «Да здравствует реформа!» раздавались и среди национальных гвардейцев 2-го округа.

Потеряв надежду на поддержку национальной гвардии, правительство приказало войскам занять стратегические пункты и разослать по улицам патрули. Из окрестностей Парижа были вызваны подкрепления. Доставленные из Венсенна пушки были расставлены близ королевского дворца, на площади Согласия и в некоторых других местах. В префектуре полиции был заготовлен список лиц, которых предполагалось немедленно арестовать.

К вечеру восстание казалось подавленным. Улицы опустели. Инсургенты разошлись по домам. В правительственных кругах появилась уверенность, что «мятеж» усмирен. «Все идет хорошо»,— отвечал министр внутренних дел граф Дюшатель австрийскому послу графу Аппони на его вопрос о положении в городе. В полночь генерал Себастиани отменил приказ об ограничении уличного движения и других полицейских мерах, отданный в 6 часов вечера. Войска были возвращены в казармы.

Враждебные выступления национальной гвардии против правительства

Ранним утром 23 февраля вооруженная борьба на улицах Парижа возобновилась. В 7 часов войска были выведены из казарм. Снова был отдан приказ бить сбор батальонов национальной гвардии. Но, как и накануне, национальные гвардейцы в своем подавляющем большинстве открыто проявляли враждебное отношение к правительству.

Литератор Максим Дюкан в своих воспоминаниях описывает характерную сцену, свидетелем которой он оказался: капитан, командовавший драгунским отрядом, приказал своим солдатам атаковать толпу, из рядов которой сыпались оскорбительные возгласы по адресу драгун. Но присутствовавший при этом командир батальона национальной гвардии отдал приказ своим людям занять место между толпой и драгунами. Раздались бурные рукоплескания, и драгуны удалились.

Подобные сцены разыгрывались повсеместно.

Даже в рядах консервативных легионов слышались иногда враждебные возгласы по адресу правительства. Когда полковник Лемерсье, командир 10-го легиона, состоявшего из жителей аристократического Сен-Жерменского предместья, сделал попытку арестовать человека, кричавшего: «да здравствует реформа!», национальные гвардейцы заступились за него, и он был отпущен. В 4-м округе офицеры национальной гвардии составили петицию, в которой заявляли, что отказываются «быть защитниками развращенного и развращающего министерства», осуждают его политику, требуют «его немедленной отставки и привлечения к судебной ответственности». После того как эта петиция была подписана, колонна из 400 гвардейцев взялась доставить ее в палату депутатов. Во главе колонны шли офицеры; один из них нес знамя, на котором было написано слово «Реформа». Толпа народа последовала за колонной. Навстречу ей к мосту Согласия был выслан отряд 10-го легиона, верный правительству. Во избежание столкновения депутаты оппозиции вышли к колонне 4-го легиона. Один из них произнес речь, в которой обещал передать петицию на рассмотрение палаты и призвал гвардейцев к защите порядка и спокойствия. «Министерство обречено на смерть: национальная гвардия вынесла ему свой приговор»,— добавил депутат.

Действительно, поведение национальной гвардии вызвало смятение среди солдат гарнизона и муниципальных гвардейцев. Позиция, занятая буржуазной милицией, чрезвычайно затруднила борьбу правительства с народным восстанием, которое разрасталось с каждым часом.

Отставка Гизо

Сообщения, поступавшие в главный штаб от начальников легионов национальной гвардии, вызвали резкую перемену в настроениях высшего командования и членов правительства.

Члены королевской семьи (особенно королева и герцог Монпансье) настаивали на отставке кабинета. После некоторых колебаний Луи-Филипп решился пожертвовать министерством, рассчитывая этим удовлетворить общественное мнение и укрепить свое пошатнувшееся положение. Гизо был тотчас же вызван в Тюильрийский дворец. Король заявил, что обстоятельства вынуждают его расстаться с Гизо. В качестве преемника Гизо на посту главы кабинета Луи-Филипп назвал графа Моле, неоднократно бывшего министром и при Наполеоне, и в первые годы Реставрации, и во время Июльской монархии; с 1839 г. он был не у дел. Выбор Моле — крупного землевладельца, консервативного чиновника — свидетельствовал о том, что король не намеревался существенно менять свою политику, хотя, в отличие от Гизо, Моле считался сторонником реформы.

Моле согласился сформировать новый кабинет и вступил в переговоры по этому вопросу с Тьером, Дюфором, Пасси и некоторыми другими политическими деятелями умеренно-консервативного направления. Тьер отказался войти в кабинет, возглавляемый не им самим, но обещал Моле поддержку своих друзей.

Весть о падении министра, в течение долгих лет олицетворявшего режим беззастенчивой реакции, была встречена в Париже с живейшей радостью. Во многих районах города была зажжена иллюминация. Жители буржуазных кварталов, считая, что борьба окончена, не скрывали своего удовлетворения. Но совсем иные настроения царили в народных кварталах. «Слишком поздно»,— говорили рабочие по поводу назначения Моле и добавляли, что это назначение не может удовлетворить их, что они требуют «всеобщей реформы» и предания суду бывших министров. «Все кончено»,— заявляли офицеры национальной гвардии населению пролетарского предместья Сен-Мартен. «Нет, господа,— отвечали им революционеры,— народ баррикад держит в руках оружие и не сложит его до тех пор, пока Луи-Филипп не будет свергнут со своего трона. Долой Луи-Филиппа!»

С 5 часов вечера, после короткого затишья, наступившего вслед за отставкой Гизо, вооруженная борьба возобновилась, во многих местах даже с бо́льшим ожесточением, чем раньше. Вооруженные инсургенты овладели многими караульными постами и казармами, вытеснив оттуда муниципальных гвардейцев. Раздражение против муниципальных гвардейцев было так велико, что «Избирательный комитет демократов» в выпущенном им воззвании потребовал роспуска этого жандармского корпуса; то же воззвание настаивало на включении всех жителей в состав национальной гвардии.

Манифестации на улицах Парижа продолжались и с наступлением темноты. Здание министерства юстиции на Вандомской площади подверглось нападению народа, стекла в окнах министерского особняка были разбиты. Только прибытие отряда кирасир спасло этот дом от поджога.

Расстрел демонстрантов на бульваре Капуцинов

Около 10 часов вечера большая колонна демонстрантов, состоявшая преимущественно из людей в рабочих блузах, со знаменами и факелами в руках подошла к зданию министерства иностранных дел на бульваре Капуцинов, охранявшемуся тремя ротами 14-го линейного полка и другими воинскими частями под общим командованием подполковника Курана. Куран отказался пропустить демонстрантов и приказал своим подчиненным скрестить штыки. Ружья были заряжены.

Кто-то из солдат выстрелил. За этим выстрелом последовала беспорядочная стрельба. Демонстранты рассеялись по соседним улицам. На мостовой лежали 52 трупа; число раненых достигало 74.

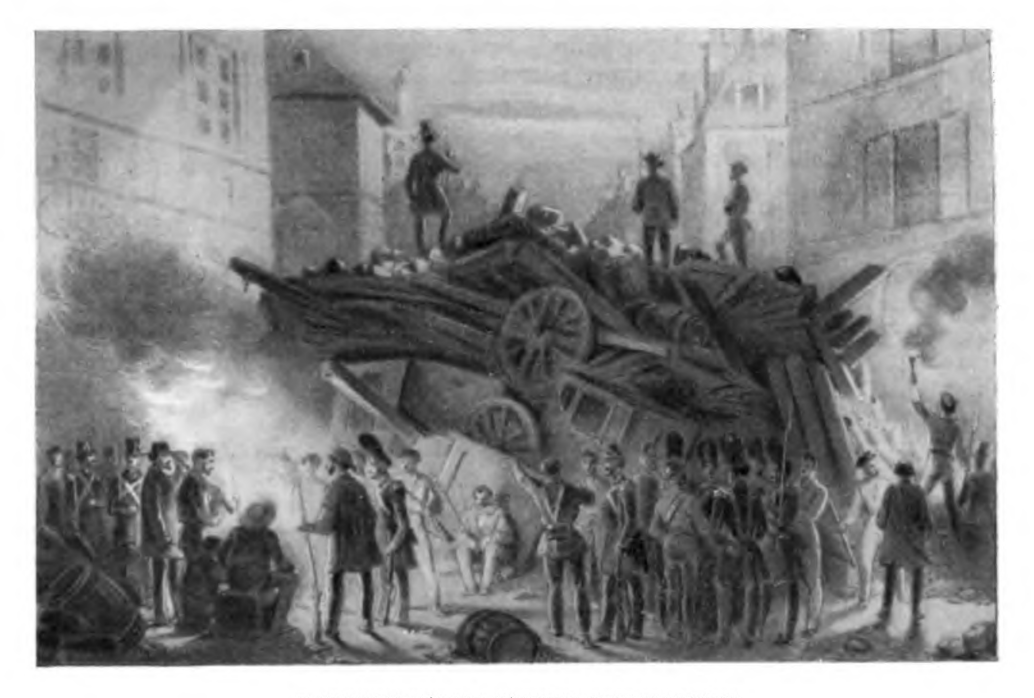
Весть о расстреле безоружных демонстрантов на бульваре Капуцинов быстро облетела весь город и вызвала огромное возмущение: в этом происшествии многие видели злой умысел правительства, ловушку, подстроенную властями. Всюду раздавались крики: «Месть! Месть! Нас расстреливают! К оружию!». Трупы убитых были сложены на телегу, которая при свете факелов объехала народные кварталы, еще более усиливая царившее в них возбуждение. Всюду, где провозили трупы погибших, раздавались проклятия правительству и призывы к борьбе.

На каждом шагу вырастали всё новые баррикады. Общее число их достигло 1512. Над ними развевались частью трехцветные, частью красные флаги. В редакции газеты «Авангард» группа студентов всю ночь изготовляла патроны. Все рабочее население Сент-Антуанского предместья поднялось на вооруженную борьбу. Во главе восстания стали члены тайных обществ («Общества времен года», «Общества новых времен года», «Общества диссидентов», «Общества рабочих-эгалитариев»), студенты Политехнической школы, радикальные журналисты, отставные военные. Особенно выделялись своей боевой активностью рабочий Альбер (псевдоним Александра Мартена), участник лионского восстания 1834 г. Лагранж, видный деятель «Общества прав человека» Коссидьер и некоторые другие революционные деятели.

Ночь с 23 на 24 февраля. Образование министерства во главе с Тьером и О. Барро

«Всю ночь с среды на четверг слышен был в Париже стук топоров и заступов по мостовой, взрываемой на баррикады, и отдаленный гул голосов,— писал очевидец событий, русский литератор П. В. Анненков.— Утром явился ко мне старый мой привратник и умолял не выходить на улицу, предостерегая меня, что народ заставляет строить баррикады всех встречных и проходящих. Я ко многому приготовился, но, признаюсь, зрелище, представленное мне бульварами, когда я вышел на них около 10 часов, поразило меня невольным образом: на далекое пространство лежали теперь срубленные великолепные деревья их, пощаженные топором 1830 года; эшелонами высились заставы, образованные из деревьев, отхожих колонн, каменьев и будок; полосами была взрыта и обнажена земля, фонари разбиты, и газовые проводники поломаны и свернуты в веревку. Я даже застал ночных работников, доканчивающих свое дело разрушения: при мне повалена была терраса улицы «Басс дю Рампар», и тут я имел случай видеть превосходный тип парижского мальчика, красавца собой, который яростно работал ломом своим, между тем как ветер разносил по воздуху его длинные черные волосы».

События развивались с такой быстротой, что Моле оказался не в состоянии образовать новый кабинет. Это дело было поручено Тьеру, который в 2 часа ночи был вызван во дворец. Глава «левого центра» согласился взять на себя составление нового министерства, но потребовал проведения парламентской реформы, роспуска палаты депутатов, включения в правительство Одилона Барро и некоторых других представителей либеральной оппозиции. Луи-Филипп заявил, что не хочет расставаться с палатой, но не высказал никаких возражений против Барро. Тут же была составлена заметка для газет, в которой говорилось, что «король поручил Тьеру и Одилону Барро составить новый кабинет». Одновременно было принято решение назначить маршала Бюжо главнокомандующим всеми вооруженными силами столицы. Демократический Париж хорошо знал Бюжо, этого ярого реакционера, навсегда связавшего свое имя с жесто-

БАРРИКАДА НА УЛИЦЕ СЕН-МАРТЕН

Литография Жане-Ланж

Собрание Института Маркса — Энгельса — Ленина. Москва

ким усмирением восстания республиканцев в апреле 1834 г., с беспощадной резней мирных жителей на улице Транснонен. Назначение Бюжо — «трансноненского палача» — свидетельствовало о намерении правительства подавить всеми имеющимися в его распоряжении средствами начавшуюся революцию.

Действительно, Бюжо тотчас же приступил к выработке мер, направленных к разгрому народного движения. Маршал решил атаковать инсургентов рано утром, прежде чем они успеют укрыться за баррикадами. С этой целью было сформировано пять наступательных колонн; каждая должна была следовать в определенном направлении. Но восставший народ не дал застигнуть себя врасплох и сам перешел в наступление. С раннего утра вооруженные группы инсургентов стали нападать на караульные посты, захватывать казармы и обезоруживать солдат (некоторые казармы сдались без сопротивления). Национальная гвардия не только не препятствовала этим действиям, но нередко и сама принимала в них участие.

ПОБЕДА НАРОДНОГО ВОССТАНИЯ 24 ФЕВРАЛЯ. СВЕРЖЕНИЕ МОНАРХИИ

Переход национальной гвардии на сторону народа. Восстание в окрестностях Парижа

Утром 24 февраля 8-й легион национальной гвардии открыто перешел на сторону восставшего народа. Командир легиона, полковник Боден, пытавшийся воспротивиться этому, был смещен. Его место занял капитан Журдан, по профессии литограф; несколько офицеров и студентов Политехнической школы составили его штаб.

Капитан национальной гвардии 10-го округа Шарль Дюнойе, либеральный публицист и экономист, возглавил большую колонну инсургентов, которая овладела тюрьмой Аббатства, казармой пожарников на улице Вьё-Коломбьё и тюрьмой Шерш-Миди.

В 11-м и 12-м округах особенно видную роль сыграли студенты, группировавшиеся вокруг газет «Авангард» и «Фонарь Латинского квартала». Местами в этой части города расстояние между баррикадами составляло не более десяти шагов. Баррикада, сооруженная на перекрестке Бюсси, представляла собой, по описанию современников, «настоящую крепость». Ее защищали 400 студентов, хорошо вооруженных, дисциплинированных и обеспеченных всем необходимым.

Не только Париж, но и его пригороды были охвачены восстанием. Войска, вызванные правительством из окрестностей столицы, не были пропущены в нее. Когда в Жантильи узнали о предстоящем прибытии туда драгунского полка из Фонтенбло, национальная гвардия собралась и заняла стратегические пункты. На дорогах, ведущих в Жантильи, были спешно сооружены баррикады. Мэр Жантильи и командующий национальной гвардией вышли навстречу драгунам и предложили им повернуть обратно. Драгуны удалились.

Не был пропущен в Париж и 57-й полк, вызванный из Амьена. В местечке Ля Шапелль, куда прибыл этот эшелон, направляясь в столицу, восставшее население разобрало железнодорожный путь в трех местах. Около 1500 повстанцев, часть которых была вооружена, собралось на вокзале, чтобы помешать отправке поезда с солдатами в Париж.

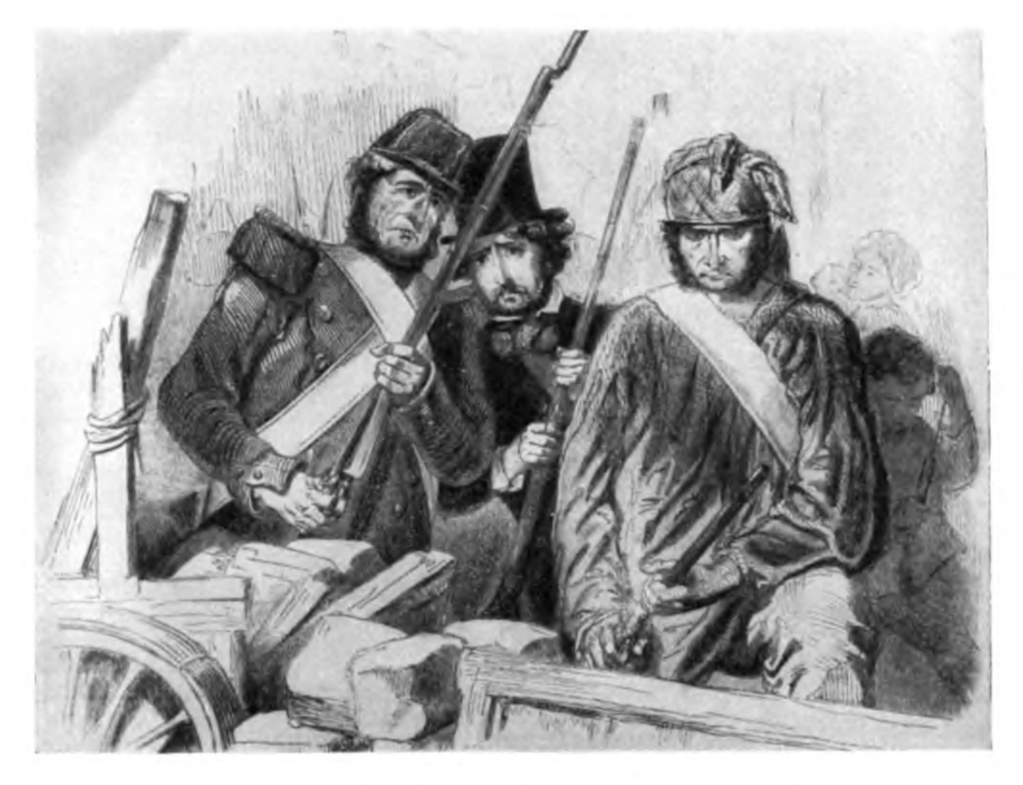
В Париже правительство с каждым часом всё больше теряло почву под ногами. Утром 24 февраля Бюжо послал генералу Бедо, командиру одной из войсковых колонн, записку, гласившую: «Мои намерения изменились. Объявите повсюду, что огонь прекращается и что национальная гвардия берет на себя охрану порядка... Отступайте к площади Карусель».

Один эпизод хорошо характеризует боевой дух восставшего народа и его уверенность в победе. Дело происходило на бульваре Монмартр. Группа рабочих, защищавших огромную баррикаду, преграждавшую путь отступающим солдатам, решительно отказалась разрушить ее. Начальник баррикады Жозеф Этте, рабочий типографского производства, потребовал, чтобы солдаты подняли ружья прикладами вверх — в знак примирения враждующих сторон. Лишь после этого в баррикаде была сделана брешь, через которую и прошла колонна генерала Бедо. Но пушки пришлось оставить на месте, так как брешь оказалась для них слишком узка, а расширить ее инсургенты отказались.

Колонна во главе с генералом Себастиани, выступившая одновременно с колонной генерала Бедо, добралась к 7 часам утра до места своего назначения — здания Ратуши. В пути она была встречена стрельбой из окон и с баррикад. Сначала Себастиани готовился действовать решительно — атаковать и разрушить все баррикады. Но вскоре был получен приказ Бюжо о прекращении военных действий. Части, составлявшие колонну Себастиани, очистили площадь. Ратуша перешла в руки восставшего народа.

План наступательных действий, выработанный маршалом Бюжо, потерпел полную неудачу. Многие солдаты самовольно покидали свои части и без сопротивления сдавали оружие революционерам.

Убедившись в невозможности подавить восстание, правительство попыталось остановить его мирным путем. С этой целью Одилон Барро

ЗАЩИТНИКИ БАРРИКАДЫ

Ксилография по рис. Гаварни 1848 г.

и генерал Ламорисьер, назначенный главнокомандующим национальной гвардией, стали обходить запруженные народом улицы, распространяя известия о создании нового министерства и предстоящей парламентской реформе. В буржуазных кварталах это сообщение было встречено одобрительными возгласами и приветствиями в честь главы «династической левой». Совершенно иной прием был оказан Одилону Барро в рабочих кварталах. Здесь ему заявили, что реформа уже не может удовлетворить народ, что он требует отречения короля и провозглашения республики. Ничего не добился и генерал Ламорисьер.

Прокламации демократических групп

Массы с жадностью читали короткую, но выразительную афишу, расклеенную по всему городу: «Граждане! Луи-Филипп велит убивать нас, как Карл X. Пусть же он отправляется за Карлом X!».

Рядом с этой афишей были расклеены другие. Одна прокламация, исходившая от редакции мелкобуржуазной газеты «Мирная демократия» («La Démocratie pacifique») (ее редактировал фурьерист Виктор Консидеран), требовала всеобщей амнистии, предания суду министров, свободы собраний, слова, петиций, парламентской реформы (оплаты депутатов и запрещения им состоять на государственной службе), реформы палаты пэров (отмены назначения пэров королем). Имелось в этом документе и требование гарантии «права на труд», но оно было соединено с требованием «уважения собственности». Прокламация провозглашала далее «братское единение и союз между руководителями промышленности и трудящимися», «мир и священный союз между всеми народами», «отказ от

«ВОТ ЗНАМЯ ФРАНЦИИ... СТРЕЛЯЙТЕ ЖЕ!»
Литография Муане
Собрание Института Маркса — Энгельса — Ленина. Москва

войн, в которых народ служит пушечным мясом». Воззвание заканчивалось девизом: «Порядок, основанный на свободе! Всемирное братство!»

Черты утопического социализма отчетливо выступают в этой программе. Бросается в глаза и то, что в ней отсутствовал лозунг республики.

Отсутствовал он и в воззвании, опубликованном буржуазно-демократической газетой «Французский курьер» («Courrier français»). Воззвание это призывало парижский народ не складывать оружия и не оставлять баррикад, пока он не получит полного удовлетворения. «24 февраля,— говорилось в этом документе,— будет великим днем для свободы Франции, для свободы всего мира! Вам предлагают Тьера, Моле, Одилона Барро для управления страной. Не принимайте этих людей; они не сумели вести борьбу с реакцией... Народ — властитель Парижа... Не дадим провести себя лживыми обещаниями. Баррикады — не признак вражды, а мера предосторожности. Они предназначены не для нападения, а для обороны». Воззвание заканчивалось призывами: «Да здравствует реформа! Да здравствует свобода!»

Такой же призыв к бдительности, такое же напоминание об уроках прошлого были и в воззвании, распространявшемся одновременно с двумя предыдущими на бульварах, в районе улицы Ришелье. Но в этом воззвании был и призыв к действиям, которые должны были завершить трехдневную борьбу на улицах Парижа,— призыв к захвату королевского дворца. Вот текст этого документа:

«Граждане!

Вы еще раз своим героизмом одолели деспотизм в его последних твердынях. Но вы уже победили его 14 июля 1789 г., 10 августа 1792 г., 29 июля 1830 г., и каждый раз у вас похищали плоды вашей победы...

ПОСЛЕДНИЙ СОВЕТ МИНИСТРОВ

Литография Домье

Собрание Института Маркса — Энгельса — Ленина. Москва

Пусть эти примеры послужат, наконец, для вас уроком!.. Примите же немедленно последнее решение. Бегите в Тюильри, завладейте им!.. Позаботьтесь далее о том, чтобы не доверяться шарлатанам, людям, показавшим лишь свою трусость или политическую бездарность...

К оружию! В Тюильри!»

Последние попытки правительства спасти монархию

«В Тюильри!»... Этот призыв, брошенный утром 24 февраля в охваченный восстанием Париж, нашел отклик в народных массах и был дружно поддержан ими. Мэры округов и командиры частей национальной гвардии, принадлежавшие к зажиточным слоям населения, оказались бессильными помешать революционному народу в его стремлении двинуться к королевскому дворцу, чтобы покончить с монархией. Попытки успокоить возбужденные массы, теснившиеся вокруг мэрий, потерпели полную неудачу. «Долой Луи-Филиппа!»,— кричала толпа в ответ на слова командира 6-го легиона об уступках, сделанных правительством, о создании нового министерства. «Торопись, а не то мы сожжем и тебя и твою мэрию!»,— заявляли инсургенты мэру 5-го округа. Подобные угрозы слышались и в других местах. В некоторых округах мэры, чтобы удержать вооруженных людей из народа от похода на Тюильри, безуспешно пытались направить их энергию в другое русло. Около 12 часов дня отряды национальной гвардии вместе с вооруженными инсургентами направились ко дворцу.

Там уже с утра царило смятение. Известия об успехах народного восстания заставили короля согласиться на предложения Тьера. В 10 часов было составлено правительственное сообщение о том, что войска получили приказ «повсюду прекратить огонь», что палата депутатов будет распущена, что генерал Ламорисьер назначен главнокомандующим

национальной гвардией, что в состав нового кабинета включены, наряду с Тьером и Ламорисьером, Одилон Барро и Дювержье де Горанн. Сообщение заканчивалось лозунгами: «Свобода! Порядок! Реформа!»

Луи-Филипп и его приближенные рассчитывали, что эта прокламация успокоит умы и спасет монархию. Решено было устроить королевский смотр расположенным на площади Карусель войскам (они насчитывали 4 тыс. человек), чтобы поднять их дух. Король верхом выехал на площадь и стал объезжать выстроенные на ней части войск и национальной гвардии. Национальные гвардейцы 1-го легиона, одного из самых буржуазных в Париже, встретили его громкими приветственными возгласами.

Иначе был встречен король национальными гвардейцами 10-го легиона. Они хранили молчание, изредка прерывавшееся возгласами: «Да здравствует реформа!» Возгласов: «Да здравствует король!» почти не было слышно. Еще более враждебную манифестацию устроили королю национальные гвардейцы 4-го легиона, одного из самых демократических по составу. Многие из них вышли из рядов, обступили короля и угрожающе подняли над его головой штыки. Крики: «Да здравствует реформа!» не утихали. «Она дарована, она дарована», — бормотал испуганный король. Растерявшись, не закончив смотра, он спешно вернулся во дворец.

Чтобы остановить дальнейшее развитие революции, решено было сделать новые уступки. С этой целью ненавистный народу Бюжо был заменен маршалом Жераром, участником войн первой республики, пользовавшимся известной популярностью в народе. Охваченный паникой Тьер отказался возглавить кабинет и укрылся в своем доме. Во главе нового министерства был поставлен Одилон Барро.

Отречение и бегство Луи-Филиппа

Однако эти уступки не произвели на массы того впечатления, на какое рассчитывали во дворце. Генерал Ламорисьер и другие лица, посланные для оглашения решений короля, возвратились с известием, что народ требует большего, что он добивается республики. Эмиль де Жирарден доказывал королю, что единственное средство спасти монархию,— это его отречение от престола и назначение герцогини Орлеанской (вдовы герцога Орлеанского, старшего сына Луи-Филиппа) регентшей. Толпа депутатов и чиновников, проникшая вместе с Жирарденом в покои короля, поддержала редактора «Прессы». После недолгих колебаний Луи-Филипп заявил, что готов отречься от престола. Король взял лист бумаги и стал писать текст отречения от престола в пользу своего малолетнего внука графа Парижского. «Быстрей! быстрей!»,— торопили короля окружавшие его люди, со страхом прислушиваясь к приближавшемуся шуму боя.

Было около половины первого. Ружейная стрельба, доносившаяся с площади Пале-Рояль, где уже с утра кипел ожесточенный бой между восставшим народом и отрядом солдат, засевшим в помещении караульного поста Шато д'О, все более усиливалась. Борьба за овладение этим пунктом, преграждавшим путь к Тюильри, на время отвлекла революционные колонны, направлявшиеся ко дворцу, и задержала его взятие. Однако некоторые группы инсургентов уже подходили к Тюильри.

Здесь царила настоящая паника. Она особенно усилилась, когда раздались выстрелы по приготовленным для короля и его семьи экипажам. Под охраной эскадрона гусар король и его семья выехали из Парижа и помчались в Сен-Клу. «Как Карл X! Как Карл X!»,— бормотал Луи-Филипп, покидая свою резиденцию.

Спасаясь от победоносной революции, свергнутый король в тот же день оставил окрестности Парижа и направился к побережью Нормандии. Однако покинуть французскую территорию Луи-Филиппу удалось лишь 2 марта, когда английский консул предоставил в его распоряжение ко-

рабль «Экспресс». На нем бывший король и его жена достигли побережья Англии. Вслед за Луи-Филиппом и его семьей бежал в Англию Гизо, переодетый в женское платье.

Взятие Тюильрийского дворца

Отречение короля не остановило развития революции. Маршал Жерар и офицеры главного штаба, разосланные в различные пункты города, чтобы огласить акт отречения, повсеместно были встречены протестующими криками: «Долой монархию! Да здравствует республика!».

Уличные бои продолжались. Префект полиции бежал, и префектура перешла в руки восставших. Еще раньше они завладели многими казармами и караульными постами в разных частях города и обезоружили солдат, находившихся в этих зданиях.

ЖАН СМЕЕТСЯ (1830) — ЖАН ПЛАЧЕТ (1848)
Литография неизв. художника
Собрание Института Маркса — Энгельса — Ленина. Москва

Растерянность среди высшего командного состава армии была так велика, что лейтенант 5-го легиона национальной гвардии Обер-Рош без труда добился от герцога Немурского (второго сына короля) приказа об эвакуации войск, размещенных во дворце и перед дворцом.

Первыми проникли во дворец инсургенты из отряда капитана Дюнойе. В тронном зале Дюнойе обратился к товарищам по оружию с горячей речью, а затем начертал на королевском троне слова: «Парижский народ—всей Европе: свобода, равенство, братство. 24 февраля 1848 г.» Восторженный крик: «Да здравствует республика!» вырвался из толпы. В это время в зале маршалов Лагранж читал вслух отречение короля.

Всё новые массы людей, одетых по большей части в рабочие блузы, врываются во дворец. Ненависть и презрение к павшей монархии заставляют их уничтожать все, что напоминает о свергнутом режиме. Бронзовый бюст Луи-Филиппа выбрасывают за окно. Портрет Бюжо пробивают штыками и разрывают в клочья; портрет маршала Сульта простреливают из ружья; имена, подписанные под портретами, зачеркиваются и заменяются словами: «Изменники отечеству». Разбивают зеркала, люстры, вазы, жгут книги, бумаги, письма. Но никто ничего не берет. «Смерть ворам!» — гласят рукописные плакаты, развешанные по стенам дворца. Около трех часов дня королевский трон выносят из дворца. Организуется торжественное шествие, символизирующее похороны монархии.

Очевидец этой знаменательной сцены Даниель Стерн (литературный псевдоним графини д'Агу) так описывает ее: «Два молодых человека, сидящих на великолепных лошадях из королевских конюшен, становятся во главе кортежа; кресло несут на плечах четверо рабочих, за которыми следует многочисленная толпа... У каждой баррикады она делает остановку,

трон устанавливается на камнях разобранной мостовой и служит трибуной для какого-нибудь народного оратора. Наконец, достигнув площади Бастилии, трон устанавливают у подножия Июльской колонны. Раздается продолжительная дробь барабанов. Приносят несколько пучков хворосту и складывают их под креслом. Их зажигают, яркое потрескивающее пламя вспыхивает и поднимается, и вокруг него тотчас же начинает кружиться веселая толпа. Хоровод расширяется, подхватывая близ стоящих; он учащает свой ритм, ускоряет бег,... и длится до тех пор, пока последние остатки трона не превращаются в кучку пепла».

ОБРАЗОВАНИЕ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Позиция буржуазных либералов. Образование «Руководящего комитета» республиканцев

В то время как народные массы фактически уже провозгласили республику, верхи буржуазии продолжали отстаивать монархию. Не только консервативные политические деятели, но и умеренные либералы боялись слова «республика». Оно напоминало им грозные времена якобинской диктатуры, революционного террора, максимума и реквизиций. Одилон Барро в качестве главы кабинета поспешил в министерство внутренних дел и оттуда стал рассылать по всей стране телеграфные депеши, извещавшие об отречении короля и переходе власти к герцогине Орлеанской. Узнав, что герцогиня отправилась в палату депутатов, он устремился туда же — отстаивать власть регентши.

Тем временем республиканские группы, ободренные успехами народного восстания, открыто выступили на сцену. Утром в помещении редакции газеты «Насиональ» было решено создать «Руководящий комитет», который должен был направлять действия восставшего народа. Мысль о таком комитете, который играл бы роль Временного правительства, была выдвинута еще 21 февраля на совещании в доме банкира Гудшо; здесь обсуждены были и кандидаты в члены этого органа, который предполагалось создать в случае падения монархии. Этот факт показывает, что некоторая часть буржуазных политических деятелей предвидела свержение Луи-Филиппа и готовилась занять его место. Победа народного восстания не застигла врасплох этих людей.

После долгих споров в состав «Руководящего комитета» были включены Ламартин, известный ученый (математик и астроном) Франсуа Араго, богатый адвокат Александр Мари, крупный финансист Гарнье-Пажес (брат видного республиканца, участника июльской революции), философ и публицист Арман Марраст. К этим пяти буржуазным республиканцам присоединили лидера «династической левой», монархиста Одилона Барро. Сторонники другой республиканской группировки, возглавлявшейся редакцией газеты «Реформа», настаивали на замене Одилона Барро Ледрю-Ролленом и на включении Флокона, редактора этой газеты. Под конец многие из повстанцев, стоявших на улице, проникли в помещение редакции «Насиональ» и приняли участие в составлении новых списков. После того как совещание закончилось, делегаты республиканских групп направились в палату, чтобы заручиться поддержкой Ламартина и других влиятельных депутатов оппозиции.

Борьба в палате депутатов

Заседание палаты депутатов открылось в половине первого. Председательствовал Созе. Он предоставил слово орлеанисту Дюпену, который сообщил присутствующим об отречении Луи-Филиппа и переходе власти к герцогине Орлеанской. Появление регентши и ее детей, старшего сына —

графа Парижского и младшего — герцога Шартрского, было встречено приветственными возгласами большинства депутатов. Но одновременно в зал проникло много людей, не принадлежавших к составу палаты; среди них были и вооруженные национальные гвардейцы. Под громкие возгласы одобрения, доносившиеся с трибун для публики, депутат Мари предложил немедленно создать Временное правительство. Это предложение поддержал Адольф Кремье, известный парижский адвокат. «В 1830 г.,— заявил он,—мы поторопились, и вот теперь, в 1848 г., нам приходится начинать сызнова. Ныне, в 1848 г., мы не хотим торопиться; мы хотим действовать правильно, согласно законам, и строить прочно... Я предлагаю организовать Временное правительство из пяти членов». Эти слова были покрыты одобрительными возгласами на скамьях левой и на трибунах. Но вслед за Кремье слово взял аббат де Женуд, видный легитимист, выступивший с резким протестом против предложения, сделанного Кремье. Прерываемый негодующими криками, этот сторонник свергнутого в 1830 г. режима оспаривал право палаты учреждать новое правительство и требовал проведения всенародного голосования. Демагогическое предложение Женуда не получило поддержки.

24 ФЕВРАЛЯ. ЛУИ-ФИЛИПП БЕЖИТ

Литография неизв. художника

Собрание Института Маркса—Энгельса — Ленина. Москва

Женуда сменил Одилон Барро. Запугивая палату «ужасами гражданской войны», Барро утверждал, что избежать их можно, лишь сохранив монархический строй и династию Орлеанов.

Появление в зале заседаний баррикадных бойцов

Одилон Барро продолжал разглагольствовать на трибуне, пока его не сменил вожак легитимистов маркиз Ларошжакелен: он заявил, что палата неправомочна решать что-либо, и потребовал «обращения к народу». В этот момент произошло событие, сразу изменившее всю обстановку: в зал ворвался большой отряд вооруженных людей — рабочих, студентов, национальных гвардейцев со знаменами, захваченными при взятии Тюильри. Попытка генерала Гурго воспрепятствовать вторжению инсургентов потерпела неудачу. «Наши отцы десятки раз врывались в Национальное собрание,— заявил один национальный гвардеец,— и мы тоже можем хотя бы один раз войти в палату продажных предателей». Тщетно пытался остановить этот поток возбужденных людей депутат Мари, выбежавший им навстречу. Оттесняя охрану, отталкивая дежурных приставов, выбивая двери, инсургенты заполнили зал и взобрались на скамьи. Крики: «Да здравствует свобода! Долой регентство!»

потрясали своды дворца. Капитан Дюнойе вскочил на трибуну. Размахивая саблей над головой, он воскликнул громовым голосом: «Здесь нет больше никакой другой власти, кроме власти национальной гвардии, представленной в моем лице, и власти народа, представленного 40 тысячами людей, окружающих это здание!».

В зале поднялась паника. Многие депутаты оставили свои места, взобрались на верхние скамьи, разбежались по домам. Крики: «Долой Бурбонов! Долой изменников!» усилились. Бурными аплодисментами встретили присутствующие речь Ледрю-Роллена, потребовавшего от имени народа избрать Временное правительство и созвать Конвент.

Ледрю-Роллена сменил Ламартин. Его появление на трибуне вызвало сильное волнение в зале. Все ждали, что скажет знаменитый писатель, бывший некогда убежденным монархистом, но во время банкетной кампании проявивший враждебное отношение к правительству Луи-Филиппа.

Свою речь Ламартин начал с выражения сочувствия герцогине Орлеанской, но кончил словами уважения «к славному народу, который сражается уже три дня, чтобы свергнуть вероломное правительство и установить на непоколебимой основе царство порядка и свободы». Оратор потребовал создания Временного правительства, которое должно было выполнить две задачи: добиться прекращения гражданской междоусобицы и провести выборы в Учредительное собрание на основе всеобщего голосования. Он выразил надежду, что Временное правительство «положит конец страшному недоразумению, существующему уже несколько лет между различными классами граждан». Эти слова, посредством которых Ламартин пытался сыграть на иллюзиях, владевших массами в первые дни февральской революции, были встречены громкими одобрительными возгласами.

Не успел Ламартин закончить свою речь, как новый поток вооруженных баррикадных бойцов ворвался в зал заседаний. Из рядов повстанцев раздавались яростные крики: «Долой палату! Долой депутатов!» Один инсургент навел ружье на ораторскую трибуну и отвел его лишь тогда, когда узнал, что стоящий на ней человек — Ламартин. Охваченное смертельным страхом большинство депутатов бросилось к дверям. «В мгновение ока разбежалось более трехсот депутатов»,— рассказывает очевидец. Только два-три десятка депутатов левой остались на своих местах. Рабочие, студенты, национальные гвардейцы расположились на опустевших скамьях. «Председатель предателей, убирайся вон!»,— воскликнул один инсургент, срывая шляпу с головы Созе, который немедленно оставил свое кресло. Бегущие из зала депутаты увлекли за собой герцогиню Орлеанскую и ее детей.

Провозглашение Временного правительства

Заседание в Бурбонском дворце возобновилось, но это было уже не заседание палаты депутатов (она разогнана), а заседание представителей восставшего народа — «народное заседание», как называют его некоторые историки. Председательское кресло занял Дюпон (из департамента Эр), один из виднейших деятелей революции 1830 г. и старейших руководителей республиканской партии (в 1799 г. он был членом Совета пятисот, разогнанного Наполеоном 18 брюмера). Он огласил имена кандидатов в члены Временного правительства — Араго, Ламартина, Мари, Дюпона. Толпа приветствовала список; только имя Мари вызвало некоторые протесты. Крики: «Да здравствует республика!» все усиливались. Один из присутствовавших потребовал, чтобы члены Временного правительства до своего утверждения заявили, что они стоят за республику. Актер Бокаж крикнул: «В Ратушу, с Ламартином во главе!» Это предложение нашло живой отклик: большая толпа

народа во главе с Ламартином тотчас же оставила дворец и направилась к Ратуше. Оставшийся в зале Ледрю-Роллен предложил присутствующим снова утвердить членов Временного правительства. Он последовательно назвал Дюпона, Араго, Ламартина, Ледрю-Роллена, Гарнье-Пажеса, Мари, Кремье. Эти имена были встречены одобрительными возгласами: «Да». Только по поводу имен Гарнье-Пажеса и Мари раздалось несколько голосов: «Нет!» Снова прозвучали возгласы: «Да здравствует республика!», «В Ратушу!» Ледрю-Роллен, сопровождаемый шумной толпой, покинул дворец и также отправился в Ратушу. Зал понемногу опустел.

Вмешательство вооруженного народа расстроило маневры либерально-монархической буржуазии, ее попытки спасти монархию и династию. Но сторонники регентства еще не хотели отказываться от борьбы. Около 4 часов дня маршал Бюжо, генерал Удино и депутат Андриан во главе небольшого отряда национальных гвардейцев подошли к зданию Бурбонского дворца. Узнав, что дворец занят народом и что герцогиня Орлеанская бежала, отряд разошелся.

Рушилась и запоздалая попытка организовать сопротивление, предпринятая Одилоном Барро. Обосновавшись в министерстве внутренних дел, он стал рассылать по окружным мэриям своих уполномоченных, чтобы побудить мэров созвать национальную гвардию. Однако никакой поддержки приверженцы регентства не встретили. Герцогине Орлеанской пришлось последовать примеру других членов королевской семьи и бежать из Франции. Гарнье-Пажес и некоторые другие умеренные республиканцы предлагали Одилону Барро вступить в состав нового правительства, но он отказался, заявив, что события зашли слишком далеко и что он должен временно отойти от дел.

Совещание левых республиканцев в редакции «Реформы»

Пока в Бурбонском дворце вооруженные инсургенты и левые депутаты провозглашали Временное правительство, в отеле Бюльон на улице Руссо, где помещалась редакция «Реформы», передовые республиканцы выдвинули другой состав Временного правительства. Народ, собравшийся под окнами здания, громко требовал составления более радикального списка членов правительства, чем тот, который был перед этим выработан в редакции газеты «Насиональ».

Председательствовал Флокон. Редактор «Реформы» огласил список членов Временного правительства, принятый на совещании в редакции «Насиональ». Имена Барро и Кремье вызвали протесты. В конце концов решено было остановиться на следующем списке: Араго, Луи Блан, Гарнье-Пажес, Ламартин, Ледрю-Роллен, Мари, Марраст и Флокон.

Список был уже составлен, когда один из присутствующих, мелкобуржуазный демократ Бон, предложил добавить одного рабочего. Флокон согласился и назвал Альбера. Это имя было одобрительно встречено инсургентами, среди которых было немало рабочих, хорошо знавших этого механика пуговичной мануфактуры, видного участника тайных революционных обществ 40-х годов.

Прежде чем разойтись, совещание демократов в редакции «Реформы» предложило избрать Коссидьера на пост руководителя префектуры полиции; Этьену Араго поручалось управление почтовым ведомством.

Брат Франсуа Араго, члена Временного правительства, Этьен Араго был давно известен в передовых кругах буржуазной интеллигенции как участник движения карбонариев и июльской революции. Явившись в управление почт, он немедленно отстранил его директора графа Дежана и быстро восстановил связь Парижа с провинцией, прерванную в дни баррикадных

боев. Вскоре вся страна получила официальные известия о происшедшем в Париже революционном перевороте.

Действия Коссидьера и других демократических деятелей

Решительно действовал и Марк Коссидьер. Придя в префектуру полиции в сопровождении другого видного мелкобуржуазного демократа Собрие, он вошел в опустевший кабинет префекта, поставил в угол ружье, сел за стол и начал отдавать приказы. На вопросы служащих, кто его назначил, он отвечал: народ. Одним из первых шагов Коссидьера и Собрие как «делегатов по ведомству полиции» была организация особого военного отряда для охраны префектуры. Отряд был сформирован из бывших членов тайных обществ: они получили особую форму — рабочую блузу с красным поясом и стали именоваться «монтаньярами».

Не дожидаясь окончательной организации новой власти, Коссидьер и Собрие составили и опубликовали прокламацию, в которой извещали жителей Парижа о создании Временного правительства и о некоторых мерах, проведенных его представителями: освобождении из тюрем всех политических заключенных, бесперебойном снабжении населения продуктами питания, организации помощи семьям лиц, раненых или убитых в боях с королевскими войсками. «Особо рекомендуется народу,— гласил этот документ,— не складывать своего оружия, не оставлять своих позиций, не отказываться от своей революционной тактики. Слишком уж часто бывал он обманут изменниками. Надо сделать невозможным повторение подобных преступных покушений».

Подобный же призыв к бдительности содержало «обращение к народу», выпущенное от имени защитников баррикады у здания Коллеж де Франс. «В течение трех дней,— читаем в этом документе,— власть недостойным образом жертвовала народом. Он победил, как и в 1830 г. Но на этот раз он не сложит оружия: иначе он снова будет обманут. Только народ суверенен! Он один только может создать правительство, достойное себя. Коммуна Парижа обязана созвать весь французский народ, чтобы он мог основать царство свободы... Впредь до этого момента, пусть знают, мы останемся под ружьем».

Окончательное оформление Временного правительства в Ратуше

Развязка событий 24 февраля наступила не сразу. Было уже около 8 часов вечера, когда в Ратуше окончательно сформировалось Временное правительство. Этому предшествовала многочасовая борьба между представителями различных политических групп, оспаривавших руководство движением и управление городом.

Сначала на роль руководителя претендовал активный и честолюбивый капитан 8-го легиона национальной гвардии Журдан. Воспользовавшись паникой, охватившей представителей старой власти, он без особого труда заставил префекта департамента Сены графа Рамбюто отказаться от исполнения своих обязанностей и удалиться из здания. После этого Журдан решил, что он — полный и единственный хозяин Ратуши. Однако его притязания натолкнулись на противодействие со стороны деятелей старого муниципального совета. Около 2 часов дня группа членов совета собралась в зале заседаний. Председательствовал доктор Тьерри, умеренный либерал; секретарем был выбран Флотар, также умеренный либерал. Член совета от 12-го округа художник Делестр, мелкобуржуазный демократ, заявил, что муниципальный совет должен взять на себя управление городом на правах временной революционной власти. Это предложение не получило поддержки собравшихся, нашедших его «незаконным».

В этот момент в зал заседаний ворвались инсургенты, сопровождавшие Гарнье-Пажеса и двух других депутатов. Гарнье-Пажес объявил об отречении короля. Но едва он успел сказать, что власть перешла

PROCLAMATION

DU

GOUVERNEMENT PROVISOIRE.

Au Peuple Français!

Un gouvernement rétrograde et oligarchique vient d'être renversé par l'héroïsme du Peuple de Paris.

Ce gouvernement s'est enfui en laissant derrière lui une trace de sang qui lui défend de revenir jamais sur ses pas.

Le sang du Peuple a coulé comme en juillet; mais, cette fois, ce généreux sang ne sera pas trompé: il a conquis un gouvernement national et populaire en rapport avec les droits, les progrès et la volonté de ce grand et généreux Peuple.

Un gouvernement provisoire sorti, d'acclamation et d'urgence, de la voix du Peuple et des Députés des Départemens dans la séance du **24** février, est investi momentanément du soin d'organiser et d'assurer la victoire nationale.

Il est composé de MM.

DUPONT (de l'Eure). - **LAMARTINE.** - **CRÉMIEUX.** - **ARAGO** (de l'Institut). - **LEDRU-ROLLIN.** - **GARNIER-PAGÈS.** - **MARIE.**

Ce gouvernement a pour Secrétaires:

MM. ARMAND MARRAST. - **LOUIS BLANC.** - **FERDINAND FLOCON.** - **ALBERT**, Ouvrier.

Ces citoyens n'ont pas hésité un instant à accepter la mission patriotique qui leur était imposée par l'urgence.

Quand le sang coule, quand la capitale de la France est en feu, le mandat du gouvernement provisoire est dans le péril et le salut public. La France entière l'entendra et lui prêtera le concours de son patriotisme. Sous le gouvernement populaire que proclame le gouvernement provisoire, tout citoyen est magistrat.

Français, donnez au monde l'exemple que Paris a donné à la France; préparez-vous, par l'ordre et la confiance en vous-mêmes, aux institutions fortes que vous êtes appelés à vous donner.

Le gouvernement provisoire veut la **RÉPUBLIQUE**, sauf ratification du Peuple français, qui va être immédiatement consulté.

Ni le Peuple de Paris, ni le gouvernement provisoire ne prétendent substituer leur opinion à l'opinion des citoyens sur la forme définitive du gouvernement que proclamera la souveraineté nationale.

L'union de la nation formée désormais de toutes les classes de la nation qui la composent;

Le gouvernement de la nation par elle-même;

La liberté, l'égalité et la fraternité pour principes;

Le peuple pour devise et pour mot d'ordre;

Voilà le gouvernement démocratique que la France se doit à elle-même, et que nos efforts sauront lui assurer.

Voici les premiers actes du gouvernement provisoire:

DUPONT-(de l'Eure) a été nommé président du conseil des ministres, sans portefeuille;

LAMARTINE, ministre des affaires étrangères;

François **ARAGO**, ministre de la marine;

LEDRU-ROLLIN, ministre de l'intérieur;

GOUDCHAUX, ministre des finances;

CRÉMIEUX, ministre de la justice;

MARIE, ministre des travaux publics;

CARNOT, ministre de l'instruction publique;

BETHMONT, ministre du commerce;

BEDEAU, ministre de la guerre.

Le général **CAVAIGNAC** est nommé gouverneur général de l'Algérie.

GARNIER-PAGÈS est nommé maire de **Paris** et **GUINARD** et **RECURT** sont nommés adjoints aux maires.

DE COURTAIS est nommé commandant supérieur de la garde nationale de Paris et de la Seine.

Les autres maires sont maintenus provisoirement, ainsi que les adjoints, sous le nom de maires-adjoints d'arrondissement.

La préfecture de police est sous les ordres du maire de Paris. Elle sera constituée sous un autre titre.

La garde municipale est licenciée.

La garde de la ville de Paris est confiée à la garde nationale, sous les ordres de **M. COURTAIS**, commandant supérieur de la garde nationale de Paris.

Imprimerie de Vinchon, rue J.-J. Rousseau, 8.

ОБРАЩЕНИЕ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА «К ФРАНЦУЗСКОМУ НАРОДУ» ОТ 24 ФЕВРАЛЯ 1848 г.

Афиша

Собрание Института Маркса — Энгельса — Ленина. Москва

к регентше герцогине Орлеанской и главе нового министерства Одилону Барро, как загремели негодующие крики: «Долой регентство! Долой монархию! Долой продажных депутатов! Долой усыпителей! Не надо Одилона Барро!»

Гарнье-Пажес понял, наконец, что попытка отстоять регентство обречена на провал и решил примкнуть к республиканцам. Он согласился принять пост мэра Парижа, т. е. стать во главе революционной центральной мэрии города, которая должна была заменить прежний муниципальный совет, распущенный народом.

Тем временем в Ратушу стали прибывать члены Временного правительства, созданного в Бурбонском дворце. С трудом пробившись сквозь толпу, заполнявшую здание, они сошлись в приемной префекта. Здесь был составлен и принят текст воззвания «К французскому народу». Оно объявляло о победе народного восстания и образовании нового правительства в составе семи членов: Дюпона, Ламартина, Кремье, Араго, Ледрю-Роллена, Гарнье-Пажеса и Мари. Воззвание выдвигало следующие принципы и задачи нового режима: «единство нации», «управление нацией посредством самой нации», «свобода, равенство, братство». По вопросу о форме правления в воззвании говорилось: «Временное правительство объявляет, что республика временно признана парижским народом и правительством, но что ни парижский народ, ни правительство не претендуют навязывать свое мнение гражданам, которые на первичных собраниях сами выскажутся по вопросу об окончательной форме государственного устройства». Не дожидаясь опубликования этого воззвания, члены правительства приступили к распределению министерских портфелей. Бóльшая часть их досталась умеренным буржуазным республиканцам из партии «Насиональ» и близких к ней политических групп.

Пост председателя был предложен Дюпону. Ламартин, бывший в свое время на дипломатической службе, взял министерство иностранных дел. Министерство внутренних дел получил Ледрю-Роллен. Кремье стал министром юстиции, адвокат Мари — министром общественных работ, Араго — морским министром, левый публицист Ипполит Карно (сын известного деятеля первой революции Лазаря Карно) — министром народного просвещения, адвокат Бетмон—министром торговли, банкир Гудшо—министром финансов, Гарнье-Пажес был утвержден в должности мэра Парижа, но через несколько дней заменил Гудшо, ушедшего в отставку с поста министра финансов. Секретарем правительства стал известный парижский издатель и либеральный публицист Паньер. Генерал де Курте был назначен главнокомандующим национальной гвардией. Пост военного министра был предложен сначала генералу Ламорисьеру, потом генералу Бедо. Оба отказались принять его, после чего (уже 25 февраля) на этот пост был назначен генерал Сюберви, участник войн конца XVIII в. и начала XIX в.

Между тем всё новые толпы вооруженных и невооруженных людей прибывали на Гревскую площадь и наводняли залы Ратуши. Это историческое здание, являвшееся традиционным центром всех парижских революций, видевшее в своих стенах и Коммуну 1792—1794 гг. и «муниципальную комиссию» 1830 г., превратилось в штаб-квартиру февральского переворота 1848 г.

Уже стемнело, когда в Ратуше появились три человека, дополнительно выделенные на собрании в редакции «Реформы» в состав Временного правительства. Это были Луи Блан, Флокон и Марраст. Лагранж, ставший революционным комендантом Ратуши, провел их в зал Сен-Жан, где собрались многие бывшие члены тайных революционных обществ — демократы, социалисты, коммунисты. Луи Блан произнес речь, в которой высказался за республику, и заявил, что новое правительство должно

ЧЛЕНЫ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА
(стоят слева направо: Луи Блан, Флокон, Кремье, Марраст, Альбер, Гарнье-Пажес; сидят: Араго, Ледрю-Роллен Дюпон Мари, Ламартин)

Литография Деверна

Собрание Института Маркса — Энгельса — Ленина. Москва

позаботиться не только о политических свободах, но и о социальных реформах —об «организации труда». То же сказал Флокон. Обе речи были одобрительно встречены присутствующими.

Из зала Сен-Жан новоприбывшие направились в отдаленный кабинет, где под охраной студентов Политехнической школы заседало Временное правительство. Появление Луи Блана, Флокона и Марраста в качестве кандидатов в члены правительства вызвало удивление и недовольство со стороны представителей новой власти. Араго раздраженным тоном заявил, что правительство уже организовано и что достаточно семи членов, выбранных в палате депутатов. Луи Блан отвечал, что он и его спутники были выделены в состав правительства на собрании в редакции «Реформа» и утверждены затем народом в зале Сен-Жан. Спор разрешился компромиссом: по предложению Гарнье-Пажеса, Флокон, Марраст и Луи Блан были включены в состав Временного правительства в качестве секретарей с правом совещательного голоса. В качестве секретаря был включен в правительство и рабочий Альбер. Лишь через несколько дней все эти четыре секретаря были приравнены в правах к семи остальным членам правительства.

Политический и социальный состав Временного правительства

По своему составу Временное правительство представляло коалицию трех политических групп: буржуазных республиканцев, мелкобуржуазных демократов, мелкобуржуазных социалистов. Из 11 членов правительства семь принадлежали к первой группе, два — ко второй, два — к третьей. По выражению Маркса, новое правительство являлось «...*компромиссом между различными классами*, которые

совместными усилиями низвергли июльскую монархию, но интересы которых были друг другу враждебны»[1]. За исключением Луи Блана и Альбера, в которых большинство рабочих видело тогда своих представителей, все остальные члены правительства были представителями различных слоев буржуазии. Иначе, впрочем, и не могло быть при тогдашнем соотношении классовых сил во Франции и при тогдашнем уровне развития французского пролетариата, который в большей своей части еще состоял из ремесленных и мануфактурных рабочих и не имел ни массовых профессиональных организаций, ни самостоятельной политической партии.

Впервые в истории Франции в составе ее правительства оказался рабочий, но его участие не представляло никакой опасности для господствующего класса. Буржуазное большинство Временного правительства примирилось с этим небывалым фактом и использовало его для поднятия своего престижа в народных массах: на всех декретах и прокламациях, под которыми ставились фамилии членов правительства, рядом с фамилией Альбера ставилось слово «рабочий».

Участие социалистов в правительстве буржуазной республики 1848 г., вышедшей из революции, которая свергла монархию, могло бы способствовать упрочению республиканских свобод и укреплению позиций рабочего класса лишь при условии влиятельного, достаточно многочисленного и действительно самостоятельного, представительства социалистов внутри правительства. Но Луи Блан и Альбер, несмотря на отсутствие этих условий, все же вошли в состав правительства и тем самым совершили крупную политическую ошибку. «Как при таких обстоятельствах, оказавшись в меньшинстве, *не следует* действовать,— писал впоследствии Энгельс,— показало социал-демократическое меньшинство в парижском февральском правительстве 1848 г.»[2]

Разногласия среди членов правительства по вопросу о республике. «Народные делегаты»

Ожесточенные споры вызвал среди членов правительства вопрос о республике. Ледрю-Роллен, Флокон и другие демократы требовали немедленного и безоговорочного провозглашения республики. Араго, Мари и прочие представители правого крыла правительства возражали против этого. По их настоянию текст прокламации, уже принятой и отправленной в набор, был возвращен из типографии и подвергнут новому обсуждению. Ламартин, бывший автором прокламации, внес в нее ряд изменений.

Обсуждение затягивалось... Отголоски этих споров доходили до групп инсургентов, до народа, заполнявшего зал Сен-Жан. Крики: «Да здравствует республика!», казалось, потрясали здание. В Ратушу ворвалась колонна демонстрантов во главе со студентом Лаварен. Проникнув в кабинет, где заседало Временное правительство, Лаварен потребовал немедленного провозглашения республики. Чтобы успокоить нетерпение масс и отвратить приближавшуюся бурю, Ламартин отправился в зал Сен-Жан говорить с народом. Он был встречен возгласами: «По какому праву вы становитесь во главе правительства? Провозгласите вы республику или нет?». Ламартин пустил в ход все свое напыщенное красноречие, все свое умение заговаривать и усыплять слушателей, чтобы убедить присутствующих в том, что Временное правительство стоит за республику и готово временно провозгласить ее, но что окончательно этот вопрос может быть решен лишь народным собранием, созванным на основе всеобщих выборов.

---

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв., 1949, т. I, стр. 116.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, стр. 437.

Однако недоверие к правительству не улеглось. Прибытие новой колонны демонстрантов, состоявшей из рабочих Сент-Антуанского предместья, еще более увеличило возбуждение, царившее в Ратуше. Ораторы, выступавшие в зале Сен-Жан, резко критиковали состав Временного правительства. Они с возмущением отмечали отсутствие в нем тех, кто принимал непосредственное участие в руководстве народным восстанием, в борьбе на баррикадах. Указывалось и на медлительность, проявляемую правительством в вопросе о провозглашении республики. Решено было выбрать 14 «народных делегатов» (по одному от каждого округа и двух от пригородов), которые должны были заседать непрерывно, осуществляя контроль над действиями правительства. Председателем «народных делегатов» стал торговец Древе; среди «народных делегатов» оказались и ремесленники и люди интеллигентного труда. «Мы должны были,— писал впоследствии Древе,— присутствовать на всех заседаниях нового правительства, немедленно сообщать народу их результаты, следить за тем, чтобы республика была безоговорочно провозглашена». Большой роли эти «народные делегаты» не сыграли.

Двое рабочих уже протянули над окнами широкое полотно, на котором были выведены углем слова: «Республика, единая и нераздельная, провозглашена во Франции». Тем временем среди членов правительства еще продолжались споры, которые закончились принятием следующей половинчатой формулировки, предложенной Кремье: «Временное правительство желает республики при условии утверждения ее народом, который немедленно будет призван высказаться».

Так закончился день 24 февраля 1848 г.— последний день существования Июльской монархии и первый день Второй республики, которая, однако, официально еще не была провозглашена.

Глава десятая

ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО. КЛАССОВАЯ БОРЬБА ВО ФРАНЦИИ ОТ 25 ФЕВРАЛЯ ДО 4 МАЯ 1848 Г.

ПЕРВЫЕ ДНИ НОВОЙ ВЛАСТИ

Рабочий класс, который являлся главной движущей силой буржуазно-демократической революции 1848 г., казался в первые ее дни настоящим хозяином положения в Париже. «Этот огромный город,— писал очевидец событий М. А. Бакунин, — центр европейского просвещения, обратился вдруг в дикий Кавказ: на каждой улице, почти на каждом месте баррикады, взгроможденные, как горы, и досягавшие крыш, а на них между каменьями и сложенной мебелью, как лезгины в ущельях, работники в своих живописных блузах, почерневшие от пороху и вооруженные с ног до головы; из окон выглядывали боязливо толстые лавочники (épiciers), с поглупевшими от ужаса лицами; на улицах, на бульварах ни одного экипажа; исчезли все молодые и старые франты, все ненавистные львы с тросточками и лорнетами, а на месте их мои благородные уврИеры торжествующими, ликующими толпами, с красными знаменами, с патриотическими песнями, упивающиеся своей победой».

Париж после февральского переворота. Первые мероприятия нового правительства

Огромное политическое влияние, которое завоевали парижские рабочие в результате своего решающего участия в февральском перевороте, засвидетельствовано всеми современниками. Это влияние отразилось и на законодательных актах Временного правительства. Тайной целью этой политики было подавление пролетариата, упрочение господства буржуазии. Но некоторые декреты представляли вынужденные уступки рабочему классу. Первыми мероприятиями новой власти были: решение о привлечении к судебной ответственности бывших министров (оно не было выполнено), роспуск палаты депутатов и палаты пэров, освобождение всех политических заключенных, отмена смертной казни за политические преступления, роспуск муниципальной гвардии, отмена дворянских титулов, смещение некоторых наиболее скомпрометированных чиновников и судей. Однако полицейско-бюрократический аппарат свергнутой монархии не был сломан, а лишь перешел в другие руки. Остались в силе и законы, запрещавшие организацию стачек.

Борьба за провозглашение республики

25 февраля под давлением парижских рабочих республика была, наконец, провозглашена. Рабочие решили не допустить повторения того обмана, какой был совершен в июльские дни 1830 г., когда крупная буржуазия присвоила плоды народной победы над монархией Бурбонов и, вместо про-

возглашения республики, навязала стране монархию Орлеанов. Депутация, во главе которой находился старый деятель французского революционного движения Франсуа Распайль, видный ученый (химик и медик), популярный в предместьях и как врач, бесплатно лечивший бедноту, явилась в Ратушу и потребовала немедленного провозглашения республики. Распайль заявил, что если это требование не будет выполнено в течение двух часов, он вернется во главе 200-тысячной демонстрации. Угроза нового восстания заставила Ламартина и других членов умеренного большинства правительства отбросить все колебания. Еще до истечения двухчасового срока на всех общественных зданиях Парижа красовались написанные огромными буквами слова: «Французская республика! Свобода, Равенство, Братство!»

Провозглашение республики было с энтузиазмом встречено огромным большинством населения Франции. Особенно велико было ликование в городах. «Республика, наша мечта, наша радость, провозглашена»,— сообщал 25 февраля типографский рабочий Никола́ Давид из Парижа своему другу Пьеру Дюбуа, типографскому рабочему в. Реймсе; письмо заканчивалось подписью Давида и характерной для того момента припиской: «восторженный республиканец».

Падение ненавистной монархии банкиров и биржевиков породило среди широких масс французского народа надежды на коренное улучшение их материального и правового положения. Эти надежды не сбылись.

Конфликт из-за цвета государственного знамени

25 февраля, т. е. в первый же день существования нового правительства, между его буржуазным большинством и революционными рабочими Парижа возник острый конфликт по вопросу о цвете государственного знамени. Временное правительство выпустило прокламацию, в которой высказывалось за сохранение старого, трехцветного знамени, с 1789 г. являвшегося символом буржуазного государства. Министр финансов банкир Гудшо заявил, что немедленно выйдет в отставку, если правительство откажется от трехцветного знамени. Демонстранты у здания Ратуши требовали красного знамени, которое было впервые поднято в рабочих предместьях Парижа в дни июньского восстания 1832 г. Красного знамени требовала и прокламация, составленная Бланки, который подчеркивал, что трехцветное знамя было опозорено Луи-Филиппом, а красное знамя украшало февральские баррикады. «Оно развевается и сверкает над Парижем; оно должно быть сохранено; победоносный народ не опустит своего флага»,— такими словами заканчивалась эта прокламация.

Требование рабочих не было уважено правительством: трехцветное знамя было сохранено в качестве государственного знамени Франции, только к его древку прикреплялась красная розетка (впоследствии она была снята).

Планы свержения правительства. Позиция Бланки

Вечером 25 февраля в зале Прадо состоялось собрание, на котором присутствовало около 500 человек, в большинстве бывших политических заключенных — бланкистов и бабувистов. Большинство присутствовавших явно склонялось к мысли о подготовке вооруженного выступления с целью создания нового, более демократического правительства. Ждали Бланки, пользовавшегося большим авторитетом у собравшихся революционеров. Однако его речь оказалась совершенно неожиданной для них: Бланки высказался против немедленного восстания. Трезво учитывая сложившееся в тот момент соотношение классовых сил в стране, Бланки считал свержение Временного правительства и создание более революционного правительства преждевременным.

Вот как излагал свою позицию Бланки на собрании в зале Прадо: «Франция не является республиканской; совершившаяся революция является не чем иным, как счастливым сюрпризом. Если мы захотим сегодня поставить у власти людей, скомпрометированных в глазах буржуазии политическими процессами, провинция будет испытывать страх; она вспомнит о терроре и Конвенте и призовет, быть может, бежавшего короля. Сама национальная гвардия была только нашим невольным сообщником; она состоит из испуганных лавочников, которые завтра будут разрушать то, что они сделали вчера при крике: да здравствует Республика!.. Предоставьте людей из Ратуши своему бессилию: это бессилие является верным признаком их падения. Они держат в своих руках эфемерную власть; у нас же народ и клубы, где мы должны организовать его по-революционному, как некогда его организовали якобинцы. Найдем в себе благоразумие подождать еще несколько дней, и революция будет принадлежать нам! Если мы овладеем властью путем внезапного нападения, подобно ворам среди ночной темноты, кто нам гарантирует продолжительность нашей власти?.. То, что нам нужно, это — широкие народные массы, восставшие предместья, новое 10 августа».

Речь Бланки, предостерегавшая против преждевременного восстания, которое могло привести к разгрому революционных сил, изменила настроение собравшихся, и они отказались от первоначальной мысли о немедленном выступлении.

Роль Ламартина

Следующие дни прошли в менее бурной обстановке. Этому сильно способствовали срочные меры, принятые Мари и Ламартином: им удалось сосредоточить к утру 26 февраля у здания Ратуши несколько тысяч студентов, буржуа, национальных гвардейцев, частью безоружных, частью вооруженных. Ламартин проявил в эти дни лихорадочную активность. Если верить его словам, он произнес 60 речей и подписал 200 приказов. Он использовал свою популярность, которая тогда была действительно велика, чтобы умерить требования народных масс, усыпить недоверие людей в рабочих блузах, выиграть время, удержаться у власти, спасти «порядок».

Предостережение старого революционера, издателя сочинений Марата, Констана Гильбэ, который, выйдя из тюрьмы, опубликовал обращение «К французскому народу», разоблачавшее антинародную сущность политики Ламартина и происки «аристократии богачей», ее стремления отнять у трудящихся плоды февральского переворота,— оказалось в тот момент гласом вопиющего в пустыне. Потребовалось немало времени, прежде чем широкие слои населения разглядели подлинное лицо Ламартина.

Для буржуазных кругов имя Ламартина служило гарантией того, что вторая республика не будет похожа на первую, что политика якобинцев 1793 г. не возродится в 1848 г. Успокаивало имущие классы и наличие среди членов Временного правительства таких политических деятелей, в прошлом близко стоявших к «династической оппозиции», как Мари, Кремье, Араго, Гарнье-Пажес.

Духовенство первое выразило свое сочувствие новой власти. Уже 25 февраля вечером парижский архиепископ Аффр объявил, что он присоединяется к республике. Газета католической партии «Юниверс» писала, что «революция 1848 года есть знамение провидения». Органы орлеанистской и легитимистской печати лицемерно одобряли события. Офицерский корпус в лице большой группы маршалов и генералов (среди них Сульт, Себастиани, Бюжо, Удино, Жерар, Груши, Бараге д'Илье) заявлял о готовности армии служить новому режиму. О том же заявляли многие столпы высшей бюрократии и судебного ведомства. Глава легитимистской пар-

тии маркиз де Ларошжакелен утверждал, что с монархией покончено навсегда. Даже члены бывшей династии Бонапартов уверяли Временное правительство в своей преданности республиканскому строю (принц Луи-Наполеон примчался из Лондона, с целью использовать события в своих интересах, но по предложению новых властей вынужден был тотчас же покинуть Париж).

Конечно, заверения, исходившие от таких лиц, были лишь лицемерной попыткой приспособиться к новому режиму и обеспечить себе влияние в стране. Борьба за восстановление монархии не имела в тот момент никаких шансов на успех. Монархисты шли на признание республики тем более, что она не затрагивала основ буржуазного строя.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Народные волнения в провинции

Февральская революция разразилась в момент острого экономического кризиса, сопровождавшегося массовым закрытием предприятий, разорением широких слоев мелкой буржуазии, ростом безработицы и нужды среди трудового люда города и деревни.

Особенно велика была нищета в Париже, куда в поисках работы стекались из провинции многие тысячи безработных. Положение трудящихся масс французской столицы в начале 1848 г. было чрезвычайно бедственным. Рабочие сапожного производства, например, работая по 17 часов в сутки, зарабатывали не более 2 фр. в день, жили в убогих каморках по 10—15 человек, имели лишь по одной паре обуви и по одной куртке на четырех человек и все же не могли свести концы с концами. Безработных в одном только Сент-Антуанском предместье насчитывалось до 60 тыс. Потребление продовольствия уменьшалось из месяца в месяц. Резко сокращалось и поступление взносов в сберегательные кассы: 4 млн. фр.— за январь, 2 млн. фр.— за февраль, 392 тыс. фр.— за март.

Народные волнения, вызванные отчаянным положением трудящихся масс, охватили почти всю страну. Со всех концов Франции поступали сообщения о рабочих демонстрациях, стачках, разрушениях машин, нападениях на хлебные склады и дома ростовщиков, поджогах монастырей, где имелись промышленные мастерские, применявшие дешевый труд детей-сирот. Особенно бурный характер носили волнения в Лионе, Сент-Этьене, Реймсе, Сен-Кантене и некоторых других городах. Близ Парижа и Руана лодочники, работники речных каналов, извозчики пытались разрушить железнодорожный транспорт, существование которого вытесняло их промыслы.

Волнения охватили и некоторые сельские районы. В департаменте Верхняя Гаронна крестьянская беднота разгромила замок помещика. Недалеко от Парижа была сожжена вилла богатейшего банкира Ротшильда. В Эльзасе, в департаментах Арьеж и Вар толпы крестьян рубили казенные леса на топливо. В некоторых селах совершались нападения на торговцев-евреев, занимавшихся ростовщичеством. В ряде городов крестьяне совместно с горожанами разрушали конторы по сбору пошлины с продуктов питания («октруа»).

В такой обстановке Временное правительство вынуждено было принять некоторые меры для облегчения бедственного положения народных «низов». Буржуазное большинство правительства рассчитывало путем частичных уступок ослабить недовольство трудящихся масс и тем упрочить свое положение в стране. 25 февраля было принято решение о безвозмездном

возврате закладчикам предметов первой необходимости (белье, одежда и пр.), заложенных в парижском ломбарде за время с 1 февраля 1848 г., впрочем, лишь на сумму не свыше 10 фр. Одновременно был принят ряд мер по снабжению булочников мукой и топливом для регулярной выпечки хлеба. Тогда же было постановлено, что Тюильрийский дворец будет превращен в убежище для инвалидов труда.

Декрет о праве на труд

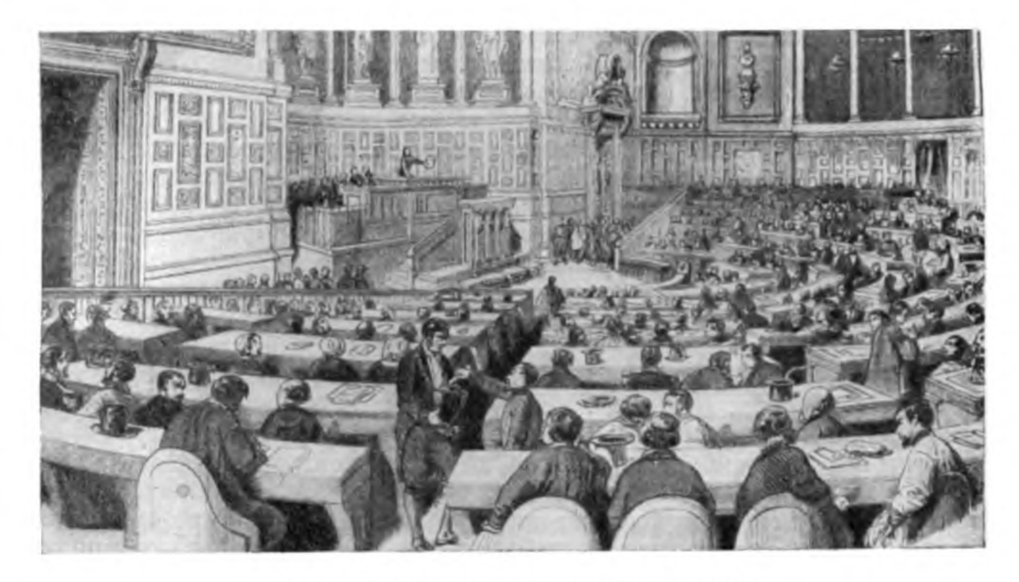
25 февраля депутация от рабочих явилась в Ратушу и вручила петицию, составленную в редакции фурьеристской газеты «Мирная демократия»; петиция требовала немедленного издания декрета о праве на труд. Особая популярность, которою пользовался в тот момент этот лозунг среди рабочего населения Парижа, станет понятной, если учесть наличие в городе огромной массы безработных. Ламартин пытался убедить депутатов в том, что Временное правительство и без того заботится о положении трудящихся, но был прерван суровыми словами рабочего-коммуниста Марша: «Довольно фраз, довольно поэзии! Народ не хочет больше ждать. Он хозяин положения и приказывает вам немедленно провозгласить право на труд». В спор вмешался Луи Блан. По его предложению был принят декрет, гласивший, что Временное правительство обязуется «гарантировать рабочему его существование трудом» и «обеспечить работу для всех граждан»; тот же декрет признавал за рабочими право «объединяться в ассоциации, чтобы пользоваться законными плодами своего труда», и передавал в распоряжение рабочих ассоциаций 1 млн. фр. из цивильного листа бывшего короля.

Декрет о праве на труд не получил в 1848 г. практического осуществления: право на труд неосуществимо в рамках капиталистического строя, в условиях буржуазной революции. Впервые в истории право на труд введено в жизнь Великой Октябрьской социалистической революцией и записано в Конституции СССР как одно из важнейших завоеваний трудящихся нашей страны.

Люксембургская комиссия

28 февраля новая массовая демонстрация парижских рабочих явилась к Ратуше со знаменами и плакатами, с лозунгами: «Организация труда!», «Министерство труда и прогресса!», «Уничтожение эксплуатации человека человеком!» Ламартин, Араго и некоторые другие члены правительства решительно выступили против требований, выдвинутых демонстрантами. После долгих споров было принято компромиссное предложение Гарнье-Пажеса: создать «Правительственную комиссию по рабочему вопросу» со специальной задачей заняться изучением положения рабочих. Комиссия должна была заседать в Люксембургском дворце; ее председателем был назначен Луи Блан, заместителем председателя — Альбер. В вводной части декрета, составленного Луи Бланом, говорилось, что «революция, совершенная народом, должна быть завершена для него», что «пора положить конец долгим и несправедливым страданиям рабочих», что «вопросы труда имеют чрезвычайную важность», что «нет более важного вопроса, более достойного для республиканского правительства», что «Франция в особенности обязана заботливо изучить и разрешить проблему, стоящую в настоящее время перед всеми промышленными нациями Европы», что «необходимо без всякого промедления обеспечить народу законные плоды его труда».

Эти громкие фразы и торжественные обещания не могли скрыть того бесспорного факта, что принятый декрет в действительности не отвечал стремлениям передовых рабочих Парижа, которые, добиваясь учреждения «министерства труда и прогресса», надеялись с его помощью подготовить и осуществить коренное преобразование капиталистического строя. Впоследствии это признал и сам Луи Блан. «Итак,— писал он в своей книге

ОТКРЫТИЕ ЛЮКСЕМБУРГСКОЙ КОМИССИИ

Ксилография 1848 г.

„История революции 1848 года",—вместо министерства, имеющего в своем распоряжении канцелярию, агентов, бюджет, административный аппарат, действительную власть, средства осуществления, возможность действовать, предлагали — что? Создание бурной школы, в которой я призван был бы читать голодному народу курс лекций о голоде!» Свое согласие участвовать в обмане рабочих Луи Блан объяснял желанием избежать гражданской войны, которую он считал неизбежной в случае его выхода в отставку и разоблачения антирабочей политики Временного правительства. К этому присоединялось стремление Луи Блана иметь в своем распоряжении трибуну, с которой он мог бы широко пропагандировать свои идеи. Предательское поведение Луи Блана в этом деле вызвало осуждение со стороны передовых рабочих. Один из них заявил потом Луи Блану, когда выяснился половинчатый характер решения, принятого 28 февраля Временным правительством: «Я знаю и мои товарищи это знают... Парижские рабочие были горестно изумлены, видя, что вы уступили в то время, когда вы могли быть уверены, что вас будут поддерживать, не щадя своей жизни».

По образному выражению Маркса, Луи Блан и Альбер в качестве руководителей Люксембургской комиссии, которая не получила ни исполнительного аппарата, ни денежных средств, попали в такое положение, что «...должны были своим собственным лбом разбить устои буржуазного строя»[1].

Заседания Люксембургской комиссии начались 1 марта. На первое заседание собралось около 200 делегатов от рабочих корпораций. Состав собравшихся был более или менее случайным. Случайный характер имел и состав следующего собрания, которое происходило 2 марта с участием представителей от предпринимателей. 6 марта Луи Блан обратился к рабочим с призывом выбрать по три делегата от каждой профессии. К 10 марта было выбрано 242 делегата от 87 профессий. 23 марта был опубликован новый список 442 делегатов от 131 профессии. Число делегатов дошло, таким образом, до 684. Но и после этого еще не все профессии были представлены

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв., 1949, т. I, стр. 119.

в комиссии, и выборы делегатов продолжались. К 20 марта в ней насчитывалось 230 делегатов от предпринимателей, представлявших 77 отраслей производства (главным образом различные отрасли мелкой и средней промышленности); этот список также не был окончательным, и выборы продолжались до конца существования комиссии. Из общего состава делегатов была выделена постоянная комиссия, в которую вошло 10 рабочих, 10 предпринимателей, а также несколько публицистов и экономистов, приглашенных Луи Бланом. Среди них были мелкобуржуазные социалисты Видаль, Пеккёр, Консидеран, Корбон, буржуазные либералы Ле Пле, Дюпон-Уайт, Воловский и некоторые другие. Секретарем комиссии стал Видаль.

Одновременно с Люксембургской комиссией были созданы подобные комиссии в Лионе, Марселе, Лилле, Крезо и некоторых других промышленных городах. Но никакой связи между провинциальными комиссиями и парижской комиссией не существовало.

Заседания Люксембургской комиссии были двоякого рода: закрытые, в составе 20 делегатов, избранных для участия в ее постоянной работе, а также приглашенных публицистов и экономистов, и открытые, на которые собирались все делегаты от рабочих или все делегаты от предпринимателей (в м е с т е они не собирались ни разу). На закрытых заседаниях происходило предварительное обсуждение намеченных реформ; на открытых — Луи Блан произносил речи, в которых развивал свои идеи «организации труда».

Деятельность Люксембургской комиссии продолжалась до 13 мая, но состоявший при ней Центральный комитет рабочих (иначе — Комитет делегатов Люксембургского дворца) продолжал действовать и после этого.

Тактика Луи Блана. Ленин о луиблановщине

В качестве председателя Люксембургской комиссии Луи Блан не переставал призывать рабочих к терпению и умеренности. «Все вопросы, касающиеся организации труда,— писал он 5 марта в обращении к рабочим,— сложны по самой своей сущности. Эти вопросы нужно обсуждать спокойно, обдумывать зрело. Слишком большое нетерпение с вашей стороны, слишком большая поспешность с нашей могут лишь все испортить. Национальное собрание будет созвано в скором времени. Мы представим на его обсуждение законопроекты, которые мы теперь вырабатываем, с твердой решимостью улучшить ваше положение в духовном и материальном отношении».

1 марта, приветствуя рабочих делегатов, собравшихся на открытие Люксембургской комиссии, Луи Блан говорил: «Принцип, торжество которого мы должны подготовить, это — принцип солидарности интересов... Да, защищать дело бедных, значит — я не устану повторять это — защищать и дело богатых, значит защищать общие интересы. Поэтому мы не защищаем здесь интересов какой-нибудь отдельной группы. Мы любим отечество, мы обожаем его, мы решили служить всем его детям. Вот под влиянием каких чувств была учреждена правительственная комиссия о рабочих... Речь идет об уничтожении рабства: рабства в форме бедности, невежества, зла... Но еще раз повторяю, что эта задача крайне трудна, требует самых глубоких размышлений, самой большой осторожности. Поспешность могла бы здесь быть гибельной, и чтобы приступить к такой задаче, необходимо объединение усилий всех просвещенных и доброжелательных людей».

Так говорил и действовал Луи Блан, озабоченный стремлением спасти не бедняков от богачей, а богачей от бедняков и предотвратить, как он выражался (в своей книге «Организация труда»), «новую Жакерию», грозящую сокрушить капитал — этот элемент, необходимый, по мнению

RÉPUBLIQUE FRANÇAISE.

LIBERTÉ, ÉGALITÉ, FRATERNITÉ.

CITOYENS TRAVAILLEURS.

La Commission de Gouvernement, instituée pour préparer la solution des grands problèmes qui vous intéressent, s'étudie à remplir sa mission avec une infatigable ardeur. Mais, quelque légitime que soit votre impatience, la Commission vous conjure de ne pas faire aller vos exigences plus vite que ses recherches.

Toutes les questions qui touchent à l'organisation du travail sont complexes de leur nature. Elles embrassent une foule d'intérêts qui sont opposés l'un à l'autre, sinon en réalité, du moins en apparence. Elles veulent donc être abordées avec calme, et approfondies avec maturité.

Trop d'impatience de votre part, trop de précipitation de la nôtre, n'aboutiraient qu'à tout compromettre.

L'Assemblée nationale va être incessamment convoquée. Nous présenterons à ses délibérations les projets de lois que nous élaborons en ce moment, avec la ferme volonté d'améliorer moralement et matériellement votre sort, projets de lois d'ailleurs sur lesquels vos délégués vont être appelés à donner leur avis.

Or, cette Assemblée nationale ne sera plus une chambre de privilégiés; elle sera, grâce au suffrage universel, un vivant résumé de la société tout entière.

Donc, ayez bon courage et bon espoir, mais dans votre intérêt même, ne mettez pas obstacle à l'action de ceux qui sont bien décidés à faire triompher la cause de la justice ou à mourir pour elle.

Les Président et Vice-Président de la Commission de Gouvernement pour les Travailleurs, *membres du Gouvernement provisoire.*

Signé Louis BLANC, ALBERT (ouvrier).

Imprimerie Nationale — Mai 1848

ОБРАЩЕНИЕ ЛЮКСЕМБУРГСКОЙ КОМИССИИ К РАБОЧИМ

Афиша

Собрание Института Маркса — Энгельса — Ленина. Москва

Луи Блана, не в меньшей мере, чем труд, для создания общественного богатства. Будучи противником пролетарской революции, Луи Блан следовал своей в корне ошибочной, порочной идее «сотрудничества классов», затушевывал противоречия классовых интересов, обманывал рабочих и тем самым служил интересам буржуазии.

«Луи Блан,— писал Ленин,— мнил себя *вождем* «трудовой демократии» или «социалистической демократии» , ...а на деле Луи Блан был *хвостом* буржуазии, игрушкой в ее руках»[1].

Своей соглашательской тактикой Луи Блан помогал буржуазным членам правительства сдерживать требования рабочей массы, отвлекать ее внимание и усыплять ее бдительность. Мари, один из самых консервативных членов правительства, признавался, что поскольку совсем отвергнуть требования рабочих было невозможно, оставалось одно — создать такую комиссию, «в которой Луи Блан мог бы дезорганизовать труд лишь в своих речах, а не на деле». Тот же Мари выражал надежду на то, что, когда выяснится неосуществимость теорий Луи Блана, разочарованные рабочие «откажутся от своего преклонения перед Луи Бланом, он потеряет весь свой престиж и перестанет быть опасным». Ламартин в своих воспоминаниях утверждал, что Луи Блан, будучи вне правительства, приобрел бы еще большую популярность среди рабочих и был бы гораздо более опасен, «чем Луи Блан, проповедующий в Люксембургском дворце, сдерживаемый своей солидарностью с правительством и сдерживающий рабочие массы в фантастическом кругу, из которого он не давал им выбраться». Эти слова верно передают сокровенные расчеты, которыми руководствовались деятели правого крыла Временного правительства, создавая «Правительственную комиссию по рабочему вопросу» и ставя во главе ее Луи Блана.

Анализируя тактику социалистических членов этого правительства, Энгельс писал, что Луи Блан и Альбер, вступив в его состав, «...добровольно разделили ответственность за все подлости и предательство по отношению к рабочему классу, совершенные большинством, состоявшим из чистых республиканцев»; к этому Энгельс добавлял, что присутствие Луи Блана и Альбера в правительстве «...совершенно парализовало революционную активность рабочего класса, на роль представителей которого они претендовали»[2].

Ленин, говоря о тормозящей роли мелкобуржуазных социалистов в революционном движении 1848 г., оказавшихся игрушкой в руках буржуазных реакционеров, писал о Луи Блане как о типичном представителе социал-соглашателей, как о родоначальнике социал-реформизма позднейшей эпохи. Словом «луиблановщина» Ленин обозначал не только тактику Луи Блана, но и тактику позднейших социал-оппортунистов как Франции, так и других стран (в том числе русских меньшевиков и эсеров 1917 г.). «Задача мелкобуржуазных Луи Бланов,— писал Ленин,— затушевывать различия классовых интересов и убеждать известные слои буржуазии (преимущественно интеллигентов и парламентариев) «соглашаться» с рабочими, убеждать рабочих «соглашаться» с капиталистами, убеждать крестьян «соглашаться» с помещиками»[3].

То обстоятельство, что тактика Луи Блана долгое время находила поддержку среди довольно значительной части рабочего класса, объясняется и недостаточной зрелостью последнего, и особенностями политической обстановки, сложившейся в результате февральской революции.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 44—45.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 382.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. 24, стр. 295.

Революция эта была совершена рабочими против финансовой аристократии, которая одна только политически господствовала в период Июльской монархии; бо́льшая часть буржуазии находилась тогда в оппозиции к правящей клике. Общая борьба против гнета финансовой аристократии мешала пролетариату осознать противоречие своих интересов с интересами всего капиталистического класса в целом. Рабочие ошибочно «отождествляли финансовую аристократию с буржуазией вообще», они ошибочно полагали, что «*господство буржуазии*... отменено вместе с введением республики»[1]. В действительности, как указывал Маркс, французский пролетариат в феврале 1848 г. «завоевал только почву для борьбы за свое революционное освобождение, а отнюдь не само это освобождение»[2]. Большинство французских рабочих не сознавало этого и старалось «...отстаивать свои интересы *бок о бок* с буржуазными интересами»[3]. Вот почему враждебные интересам пролетариата «идеи» Луи Блана о сотрудничестве антагонистических классов и о возможности мирного перехода от капитализма к социализму находили сочувственный отклик среди значительных слоев рабочего класса. Живучесть этих иллюзий была одной из основных причин поражения пролетариата в революционной борьбе того времени. Освободиться от этих иллюзий рабочий класс мог только в жестокой борьбе со своими классовыми врагами, только пройдя через ряд неудач и поражений.

Политика Временного правительства в рабочем вопросе

Одним из немногих завоеваний рабочего класса в февральской революции было сокращение рабочего дня. 2 марта Временное правительство издало декрет о сокращении рабочего дня на один час: в Париже — с 11 до 10 часов, в провинции — с 12 до 11 часов.

Декрет этот не удовлетворил рабочих, требовавших введения 9-часового рабочего дня. С другой стороны, многие предприниматели отказывались подчиняться правительственному распоряжению и либо заставляли рабочих работать более продолжительное время, либо закрывали свои предприятия. Рабочие отвечали на саботаж хозяев стачками, требовали повышения заработной платы. 21 марта и 4 апреля правительство издало два постановления, в которых грозило денежными штрафами и тюремным заключением за нарушение декрета от 2 марта. Однако и после этого он соблюдался плохо.

8 марта по инициативе Люксембургской комиссии Временное правительство учредило в мэриях всех парижских округов государственные конторы по приисканию работы, куда могли обращаться и безработные и предприниматели. В отличие от ранее существовавших частных контор государственные конторы не взимали никакой платы за предоставление работы. 24 марта был издан декрет, запрещавший создание промышленных мастерских в тюрьмах, казармах и монастырях, где оплата труда рабочих была значительно ниже, чем в частных предприятиях, что приводило к повсеместному снижению заработной платы.

Большое место в деятельности Люксембургской комиссии занимало посредничество в конфликтах между предпринимателями и рабочими. Уже 8 марта к Луи Блану явились делегаты от владельцев омнибусов и наемных экипажей и делегаты от кучеров и кондукторов. После долгих споров было достигнуто соглашение, которое предусматривало некоторое повышение заработной платы и уменьшение штрафов. 25 марта при

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 13.
[2] См. там же, стр. 10.
[3] Там же, стр. 13.

содействии Луи Блана было заключено соглашение между рабочими и хозяевами в механических мастерских Дерон и Кайль в Париже и Фарко в Сент-Уане. 29 марта комиссия добилась примирения между хозяевами пекарен и рабочими-булочниками, грозившими забастовкой, если их тяжелое положение не будет улучшено; хозяевам пришлось пойти на некоторые уступки. Люксембургской комиссии удалось привести к соглашению рабочих и предпринимателей и в ряде других отраслей промышленности (в кровельном деле, в производстве обоев, в свинцовых и цинковых мастерских, в каменоломнях). Условия этих соглашений были в большинстве случаев более выгодны для предпринимателей, чем для рабочих. Авторитет, которым пользовался тогда Луи Блан среди рабочих, облегчал ему ликвидацию конфликтов в промышленности.

Бывали случаи, когда на вызывающее поведение капиталистов, отказывавшихся удовлетворить требования рабочих, Временное правительство отвечало действиями, направленными на то, чтобы сломить предпринимательский саботаж и обеспечить работу предприятия. 4 апреля Временное правительство объявило под секвестром железные дороги Париж — Орлеан и Центральную и передало их министерству общественных работ: это постановление мотивировалось тем, что «компании обеих дорог не имеют больше возможности обеспечить работу транспорта». Впрочем, подобные случаи были единичными.

В конце марта Люксембургская комиссия организовала три производственные ассоциации: портных, седельщиков и прядильщиков, которые выполняли правительственные заказы. В основу работы этих ассоциаций были положены ложные принципы, развитые Луи Бланом в его книге «Организация труда». Заработная плата была установлена по 2 фр. в день для всех без исключения рабочих и для всех видов работы (такая «уравниловка» не содействовала, разумеется, повышению производительности труда). Прибыль ассоциаций делилась на две части: одна часть распределялась (опять-таки поровну) между всеми участниками, другая превращалась в резервный фонд. Выборное жюри следило за порядком в мастерской, управление ею поручалось выборной административной комиссии, контроль осуществляла выборная исполнительная комиссия, общее наблюдение принадлежало уполномоченному Люксембургской комиссии.

Все подобные ассоциации были, разумеется, не жизнеспособны: условия капиталистического производства не позволили бы им окрепнуть. После того как восторжествовала контрреволюция, все три ассоциации были распущены правительством.

Проект социальных реформ, составленный Люксембургской комиссией

Перед своим роспуском Люксембургская комиссия составила и опубликовала обширный проект социальных реформ. Проект этот (авторами его были Видаль и Пеккёр) начинался с критики существующего общественного строя, основанного на принципе невмешательства государства в экономическую жизнь и подверженного периодическим кризисам, влекущим за собой безработицу, голод и нищету трудящихся, разорение предпринимателей. Спасти общество, заявляли авторы проекта, может только новая система, базирующаяся на государственном вмешательстве и на развитии ассоциаций. Первым шагом будет создание рабочей ассоциации на отдельном предприятии. За вычетом заработной платы, процентов на капитал и издержек производства, весь остальной доход ассоциации делится на четыре части: одна часть предназначается для погашения капитала прежнего владельца предприятия, другая — на пособия старикам и больным; третья распределяется поровну между рабочими, четвертая образует резервный фонд. Следующий шаг будет состоять в применении принципа ассоциации ко всем предприя-

RÉPUBLIQUE FRANÇAISE.

A TOUS LES

TRAVAILLEURS.

Nous, DÉLÉGUÉS des Ouvriers au LUXEMBOURG, nous, DÉLÉGUÉS des ATELIERS NATIONAUX, nous, voués corps et âme à la RÉPUBLIQUE pour laquelle, comme vous tous, nous avons combattu, nous vous prions, au nom de cette Liberté si chèrement achetée, au nom de la PATRIE régénérée par vous, au nom de la FRATERNITÉ, de l'ÉGALITÉ, de ne pas joindre vos voix et votre appui à des voix anarchiques, de ne pas prêter vos bras et votre cœur pour encourager les partisans du TRONE que vous avez BRULÉ. Ces hommes sans âme, sans conviction, amèneraient inévitablement l'anarchie au milieu du pays, qui n'a besoin que de LIBERTE et de TRAVAIL.

Nul ne doit prétendre désormais qu'au plus beau de tous les titres: celui de CITOYEN. Nul ne doit essayer de lutter contre le véritable souverain: LE PEUPLE.

Le tenter serait un exécrable crime, et quiconque l'oserait serait traître à l'HONNEUR et à la PATRIE.

La réaction travaille, elle s'agite: ses nombreux émissaires feront luire à vos yeux, frères, un rêve irréalisable, un bonheur insensé: elle sème l'or, *défiez-vous*, amis, *défiez-vous!* Attendez, attendez encore quelques jours, avec ce calme dont vous avez fait preuve, et qui est la véritable force.

Espérez, car les temps sont venus, l'avenir nous appartient: n'encouragez pas par votre présence les manifestations qui n'ont de populaire que le titre: ne vous mêlez pas à ces folies d'un autre âge.

Croyez-nous! Ecoutez-nous! rien maintenant n'est possible en France que la RÉPUBLIQUE DÉMOCRATIQUE et SOCIALE.

L'histoire du dernier règne est terrible: ne la continuons pas. Pas plus d'Empereur que de Rois! Rien autre chose que la LIBERTÉ, l'ÉGALITÉ et la FRATERNITÉ,

Tel est notre vœu, tel doit être le vôtre, celui du PEUPLE.

VIVE LA REPUBLIQUE.

PIERRE VINCARD, *Président des Délégués au Luxembourg*:
AUG. BLUM, *Vice-Président*;
JULLIEN, *Trésorier*:
LEFAURE, *Secrétaire*:

BACON, *Président des Délégués des Ateliers nationaux*:
EUGÈNE GARLIN, *Secrétaire*:
PETIT-BONNARD, *Lieut.*
ARDILLON, *Lieut.*

ВОЗЗВАНИЕ РАБОЧИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ МАСТЕРСКИХ КО ВСЕМ РАБОЧИМ. МАРТ 1848 г.

Афиша

Собрание Института Маркса — Энгельса — Ленина. Москва

тиям одной и той же отрасли производства. Окончательная цель — распространение того же принципа на всю промышленность — будет достигнута «постепенно и без применения насильственных мер».

Устройство земледельческих колоний проект изображает в следующем виде. Каждые 100 рабочих семей должны составить одну колонию: одна треть колонистов будет состоять из земледельцев, другая треть — из ремесленников, связанных с сельским хозяйством, третья — из бывших фабричных рабочих. Общее руководство производством и потреблением будет принадлежать государству. Государство организует товарные склады, куда каждый производитель будет иметь право помещать свои продукты, получая в обмен расписку с обозначением количества, качества и цены их. Государство организует базары. Частные магазины и лавки остаются, но скупка товаров и спекуляция ими исчезнут. Государство берет в свои руки, путем выкупа у капиталистов, железные дороги, каналы и рудники. Частные страховые компании остаются, но наряду с ними создаются государственные. Французский банк должен быть преобразован в национальный. Банки будут заниматься учетом векселей, выдавая взамен свои билеты и удерживая в свою пользу лишь 2—4%; они будут также выдавать ссуды под залог рабочим ассоциациям. Новая организация кредита, по мнению авторов проекта, сделает государство «банкиром бедных». Наряду с коммерческим банком, в каждом департаменте будет существовать земельный банк для широкого кредита земледельцам. Организация дешевого земельного кредита облегчит крестьянам приобретение земли в собственность и позволит государству поощрять земледельческие ассоциации, которые должны подготовить переход к новому общественному строю и в деревне.

Таковы были основные пункты проекта социальных реформ, выработанного Люксембургской комиссией. Некоторые из них вполне укладывались в рамки экономической программы мелкобуржуазных демократов и даже буржуазных республиканцев 1848 г. (национализация кредита, выкуп железных дорог и т. п.). Однако проект в целом отражал в себе планы мелкобуржуазных социалистов. Утопическая сущность этого проекта, осуществления которого Луи Блан и его единомышленники ждали от государственной власти, заключалась прежде всего в непонимании классовой сущности революции 1848 г., закрепившей господство буржуазии. Проект Люксембургской комиссии оказался мертворожденным. Буржуазная печать замолчала его. Учредительное собрание не нашло нужным заняться его рассмотрением.

Развитие рабочих кооперативных ассоциаций

Февральская революция дала сильный толчок развитию производственных товариществ и потребительских обществ. Идея ассоциации, пропагандировавшаяся в различных вариантах представителями всех направлений и течений французского утопического социализма, получила огромную популярность среди рабочей массы не только Парижа, но и других городов. Стремление использовать демократические свободы, завоеванные в результате свержения монархии, для создания разного рода объединений и ассоциаций стало всеобщим. «Трудящиеся, новая эра открывается перед нами,— писали организаторы одной ассоциации,— февральская победа увенчает, наконец, успехом усилия социалистов. С помощью права на ассоциацию мы осуществим среди нас принцип солидарности».

Общее количество рабочих ассоциаций достигало нескольких сот. Наблюдение за ними принадлежало в первое время Комитету делегатов Люксембургской комиссии или, вернее, его бюро во главе с публи-

цистом Пьером Венсаром. До июньских дней в ассоциациях преобладало влияние Луи Блана.

Национальные мастерские

Для борьбы с безработицей Временное правительство прибегло к уже испытанному в 1789 г. и в 1830 г. средству — организации общественных работ под названием национальных мастерских. Инициатива в этом деле принадлежала мэру Парижа Гарнье-Пажесу и министру общественных работ Мари. Эти два члена правительства, принадлежавшие к его правому крылу, были сильно озабочены волнениями безработных. Декрет о национальных мастерских был издан еще 25 февраля, но прием рабочих в центральном бюро начался только 2 марта. Приток безработных увеличивался с каждым днем. К 15 марта в национальных мастерских насчитывалось 14 тыс. человек, к 31 марта — 28 350, к 15 апреля — 64 870, к 30 апреля — 99 400, к 15 мая — 113 010, к 31 мая — 116 110, к 15 июня — 117 300. Среди них были рабочие и ремесленники едва ли не всех специальностей, торговые служащие и приказчики, учителя, конторщики, счетоводы и другие представители интеллигентного труда, а также некоторое число мелких и средних предпринимателей, разоренных кризисом.

Национальным мастерским была придана полувоенная организация. Каждые 10 человек составляли «взвод», во главе которого стоял выборный командир; каждые пять взводов составляли «бригаду» (56 человек), которой командовал выборный бригадир; каждые четыре «бригады» составляли «отделение» (225 человек), находившееся под начальством лейтенанта; каждые четыре «отделения» составляли «роту» (901 человек), которой командовал капитан; каждые три «роты» составляли «службу» (2704 человека), во главе которой стоял «начальник округа». Лейтенанты, капитаны и начальники округов назначались правительством (преимущественно из числа студентов-техников «Центральной школы»). Правительство назначало и директора национальных мастерских: этот пост в течение трех месяцев (с конца февраля до конца мая) занимал инженер Эмиль Тома, принадлежавший к лагерю буржуазных республиканцев правого крыла.

Оплата труда рабочих в национальных мастерских составляла в рабочие дни 2 фр., в нерабочие дни — 1 фр.; командиры взводов получали соответственно 2,5 и 1,5 фр., бригадиры — 3 фр. Работы производились под открытым небом, были однообразны и непроизводительны. Они состояли главным образом в посадке деревьев, уборке площадей, мощении улиц, исправлении дорог и тому подобных занятиях; кроме этих земляных работ внутри Парижа, некоторые работы велись на железных дорогах. Расходы на содержание национальных мастерских составили в общей сложности более 14 млн. фр. По тому же образцу были организованы «коммунальные мастерские» в Лионе, Руане, Марселе, Нанте и некоторых других городах.

Тайной целью организаторов национальных мастерских было расколоть рабочий класс и противопоставить той его части, которая шла за революционными клубами и поддерживала Люксембургскую комиссию, другую, которая находилась бы в полном подчинении у буржуазного большинства Временного правительства. Как рассказывает в своих воспоминаниях Эмиль Тома, Мари откровенно говорил ему, что именно таковы были намерения правительства. В одном из своих разговоров с директором (дело происходило во второй половине марта) министр отвел его в сторону и тихо спросил, может ли он рассчитывать на своих рабочих. «Думаю, что да,— отвечал Тома.— Однако численность их так разрастается, что мне становится крайне трудно оказывать на них то определенное влияние, какое я считал бы желательным».— «Пусть вас не беспокоит их численность,— заявил на это Мари.— Если вы их держите в руках, то чем больше их будет, тем лучше. Но старайтесь искренно привязать

их к себе. Не жалейте денег,— в случае надобности вам будет открыт даже секретный фонд». В другой беседе с Тома, состоявшейся 28 марта, Мари сказал, что нужно позаботиться о вооружении рабочих национальных мастерских, и пообещал со своей стороны сделать для этого все необходимое.

Однако провокационный план правого крыла Временного правительства не удался: национальные мастерские не раскололи рабочего класса. Все же одна цель была достигнута. Хотя национальные мастерские были созданы по плану, прямо противоположному социальным мастерским Луи Блана, но из-за почти одинакового названия происходило смешение тех и других, их отожествление. «Временное правительство,— указывал Маркс,— само тайком распустило слух, что эти Национальные мастерские — изобретение Луи Блана, и это казалось тем более правдоподобным, что Луи Блан, апостол Национальных мастерских, был членом временного правительства. Для парижской буржуазии, полунаивно и полунамеренно смешивавшей обе вещи, для искусственно обрабатываемого общественного мнения Франции и Европы эти работные дома были первым шагом к осуществлению социализма, который был выставлен таким образом у позорного столба»[1].

Создание мобильной гвардии

В то время как социалисты-соглашатели типа Луи Блана усыпляли бдительность масс лживыми фразами о «братстве» и «примирении» всех классов, происшедшем якобы в результате свержения монархии, буржуазное большинство Временного правительства готовилось к решительной борьбе с революционными рабочими. Изолировать их, выбить их из занятых ими позиций, отнять все их демократические завоевания, разоружить их и обезвредить — таков был стратегический план буржуазных контрреволюционеров. В своих частных беседах с английским послом лордом Норменби и царским послом Н. Д. Киселевым Ламартин признавался, что борьба против «клубных фанатиков» составляет главную задачу правительства. Именно с этой целью Ламартин тайно посылал эмиссаров к генералу Негрие, командовавшему в Лилле 29-тысячной армией, и вел с ним переговоры об использовании его войск для борьбы с революционными рабочими столицы.

Чтобы создать себе надежную военную опору, Временное правительство образовало 24 батальона мобильной (подвижной) гвардии из молодых людей в возрасте от 15 до 20 лет. Декрет об организации мобильной гвардии, одно из первых мероприятий Временного правительства, был принят (25 февраля) по инициативе его правого крыла. В состав каждого батальона вошло по тысяче человек, принадлежавших большей частью к люмпен-пролетариату. Бездельники, зачисленные в мобильную гвардию (кратко их называли «мобили»), были поставлены в привилегированное положение, носили особый мундир, получали по 1,5 франка в день. Командиры батальонов назначались правительством большей частью из офицеров регулярной армии. В дальнейшем мобильная гвардия своим поведением оправдала надежды буржуазных контрреволюционеров.

ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Состояние государственных финансов

Финансовая политика Временного правительства всецело отвечала интересам крупной буржуазии. Февральская революция застала государственные финансы Франции в полном расстройстве. Государственный долг достигал 5 млрд. фр.; наличность казначейства составляла всего 192 млн. (из них 57 млн.— в ценных бумагах и 135 млн.— в звон-

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв., 1949, т. I, стр. 127.

кой монете); при таких ограниченных средствах приходилось ежемесячно расходовать 125 млн. фр. на самые неотложные нужды.

Положение ухудшалось из-за паники, которая охватила буржуазные круги населения под влиянием экономической неурядицы и политического кризиса. Курс 5%-й ренты, равнявшийся 23 февраля 116 фр., непрерывно падал; 7 марта, когда парижская биржа возобновила свои операции, он упал до 97,5 фр., а к концу дня — даже до 89 фр. Вкладчики осаждали банки, стремясь обменять банковые билеты на наличные деньги. Некоторые частные банки прекратили платежи. Французскому банку угрожало банкротство.

Сохранение прежних налогов

29 февраля под давлением министра финансов Гудшо, принадлежавшего к самой консервативной группе буржуазных республиканцев, Временное правительство постановило, что «все без исключения налоги будут взиматься на прежних основаниях», но одновременно объявило, что оно обязуется представить Учредительному собранию проект отмены некоторых косвенных налогов.

Только два отступления были допущены от этого решения: 2 марта был отменен штемпельный сбор с газет, затруднявший издание демократических органов печати, а 3 марта — налог на соль, один из самых ненавистных народу косвенных налогов. 5 марта Гудшо в знак протеста подал в отставку. Но он успел добиться от правительства издания декрета (3 марта) о досрочной выплате держателям государственной ренты причитающихся им процентов: решено было, что они будут выплачены вместо 22 марта — 6 марта в Париже и 15 марта — в провинции. Это было сделано, как писал Маркс, для того, чтобы «...устранить даже *подозрение*, будто республика не хочет или не может выполнить обязательства, полученные ею в наследство от монархии, чтобы вселить доверие к буржуазной честности и платежеспособности республики»[1]. Результатом «этой театральной выходки» (выражение Маркса) было то, что денежные затруднения правительства возросли еще больше.

Саботаж подписки на «Национальный заем» капиталистами. Патриотизм рабочих

«Национальный заем», объявленный декретом 9 марта на 100 млн. фр., провалился: по прошествии месяца подписка дала только ничтожную сумму в 400 тыс. фр. Богатые люди прятали свои капиталы, переводили их за границу. Многие капиталисты, делая вид, что они окончательно разорены, отпускали своих слуг, продавали лошадей и экипажи, одевались возможно проще.

В противоположность предательскому поведению капиталистов рабочие и мелкие ремесленники проявляли горячий патриотизм. Они отдавали последние сбережения, единственные часы, обручальные кольца.

Целые группы рабочих отчисляли в пользу государства свой однодневный заработок. Рабочие типографии Мартине призывали всех трудящихся поступать таким же образом и выражали надежду, что их примеру последуют предприниматели; то же заявляли рабочие ювелирной мастерской Ламбера. 13 апреля 23 тысячи рабочих-булочников направились к Ратуше, чтобы вручить правительству собранные ими пожертвования.

Рабочие обувного производства Лиона писали, что они не хотят осложнять затруднительное положение республики и потому откладывают до созыва Учредительного собрания всякие требования повышения заработной платы и сокращения рабочего дня.

---

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв., 1949, т. I, стр. 123.

Совершенно иной была позиция капиталистов. «Нам неизвестно,— писала 21 апреля газета «Реформа»,— чтобы паломничали в Ратушу банкиры, владеющие миллионами, магнаты промышленности, крупные собственники, крезы биржи и финансов, подобно тому, как это уже сделали самые скромные, самые бедные корпорации Парижа. Нам очень прискорбно сигнализировать о такой забывчивости, которая является позорной. Вы боитесь, по вашим словам, рисковать вашими деньгами. Но разве народ в течение двух месяцев не предоставил вам кредита?»

Но все жертвы со стороны рабочего класса не могли существенно улучшить финансовое положение страны (добровольные пожертвования составили в общей сложности всего 1 млн. фр.). Предложение взыскать в пользу государства с бывших дворян-эмигрантов (или их наследников) 1 млрд. фр., выплаченный им во время Реставрации, было отвергнуто Временным правительством. Отвергнуты были и предложения ввести прогрессивно-подоходный налог или принудительный заём у богачей.

Декреты о Французском банке и о сберегательных кассах

Временное правительство пошло по другому пути. Характерна его политика по отношению к Французскому банку, которому угрожало банкротство (15 марта вся его наличность составляла 59 млн. фр. в Париже и 63 млн. фр. в провинциальных отделениях). «Временное правительство,— указывает Маркс,— могло бы совершенно законно, без насильственного вмешательства, принудить банк к *банкротству*; ему нужно было только оставаться пассивным и предоставить банк своей судьбе. *Банкротство банка* было бы потопом, который в один миг очистил бы французскую почву от финансовой аристократии, этого золотого пьедестала июльской монархии, самого могучего и опасного врага республики»[1].

Вместо этого Временное правительство приняло ряд мер, которые спасли Французский банк от гибели. Во-первых, оно установило принудительный курс для билетов Французского банка; во-вторых, оно превратило все провинциальные банки в отделения Французского банка; в-третьих, оно заложило в нем государственные леса. «Таким образом, февральская революция непосредственно укрепила и расширила ту самую банкократию, которую она должна была свергнуть»[2]. Успокоенные политикой правительства, заправилы банка согласились оказать ему поддержку и ссудили 230 млн. фр. Этого было совершенно недостаточно для покрытия текущих расходов, а постановления о продаже бриллиантов короны и о переливке в монету золотых слитков и серебряной посуды из бывших королевских дворцов, принятые 9 марта, не могли дать быстрых результатов. Положение продолжало оставаться напряженным; надо было срочно искать выхода.

Отказавшись от обложения крупных капиталистов, Временное правительство решило возложить новые финансовые тяготы на мелкую и среднюю буржуазию и крестьянство. 9 марта был принят декрет о порядке выплаты вкладов в сберегательных кассах; отныне сберегательные кассы должны были выдавать вкладчикам наличными не более 100 фр., а суммы, превышающие 100 фр., оплачивать бонами казначейства или купонами государственной ренты, т. е. сильно обесцененными бумагами. Так как богатые люди имели обыкновение держать свои деньги в банках, а не в сберегательных кассах, этот декрет затрагивал больше всего интересы мелкой и средней буржуазии.

Ударом по интересам мелкой и средней буржуазии был также отказ правительства удовлетворить настойчивые требования парижских ком-

---

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв., 1949, т. I, стр. 124.

[2] Там же.

СБОР 45-САНТИМНОГО НАЛОГА В ПРОВИНЦИИ

Ксилография по рис. Фотена «Памфлет» 1848 г.

мерсантов и промышленников, которые в количестве 3 тыс. явились 10 марта в Ратушу, чтобы добиться отсрочки на три месяца уплаты по всем коммерческим векселям. «Бунт черных сюртуков», как называли эту демонстрацию современники, окончился полной неудачей.

7 марта Временное правительство приняло декрет о создании во всех торговых и индустриальных городах «национальных учетных контор», предназначенных для кредитования торговли и промышленности. Однако правительство взяло на себя в этом деле лишь малую часть расходов; основные средства для осуществления этого мероприятия должны были изыскивать сами торгово-промышленные круги.

45-сантимный дополнительный налог на земельных собственников

16 марта Временное правительство, по предложению нового министра финансов Гарнье-Пажеса, постановило ввести на 1848 г. дополнительный налог в 45 сантимов на каждый франк четырех прямых налогов, падающих на земельных собственников. Так как по французским законам уплата налогов в тех случаях, когда крупные землевладельцы не вели собственного хозяйства, ложилась на съемщиков, то главное бремя этого нового налога легло на крестьян — собственников своей и арендаторов чужой земли.

Введение 45-сантимного налога породило глубокое недовольство в деревне, где жила надежда на то, что Вторая республика осуществит, наконец, ту мечту о «дещевом правительстве», которую французское крестьянство лелеяло еще в 1830 г. Февральская революция, как и июльская, обманула ожидания крестьянских масс. Взимание нового налога встретило серьезное противодействие с их стороны. Чтобы несколько ослабить недовольство, которое этот налог вызвал среди сельского населения, Гарнье-Пажес предписал 5 апреля мэрам и чиновникам министерства финансов совершенно освобождать от налогов неимущие и малоимущие слои крестьянства. Однако это распоряжение, подтвержденное циркуляром

от 25 апреля, соблюдалось плохо. Правительственные комиссары и другие представители власти получали бесчисленные петиции-протесты от жителей деревень. Характерна петиция одного деревенского мэра, который писал: «Ввиду того, что наше село — самое бедное во всей Франции, ибо оно не собирает и одного мешка ржи, ввиду того, что мы девять месяцев находимся под снегом, мы заявили г-ну сборщику, что мы не в состоянии платить даже обычные налоги, не влезая в долги, и что, при всем нашем расположении к республике, мы не можем все же убивать прохожих, чтобы раздобыть себе денег».

Во многих департаментах крестьяне брались за оружие, прогоняли сборщиков податей, угрожали расправой властям, осыпали проклятиями правительство, ругали и революцию, из которой это правительство вышло. Иногда дело доходило даже до кровопролитных схваток между местной национальной гвардией, составленной из крестьян, и отрядами правительственных войск.

Наиболее крупное столкновение произошло в одной деревне департамента Крёз, жители которой угрожали повесить на «дереве свободы» всякого, кто будет платить 45-сантимный налог. Четверо крестьян было арестовано. 500 крестьян, вооруженных вилами и косами, двинулись на город Герэ, чтобы потребовать их освобождения. Войска преградили дорогу крестьянскому отряду. После длительных переговоров солдаты открыли стрельбу по крестьянам. Человек двадцать из них были убиты и ранены; остальные разошлись по домам.

По подсчетам министерства финансов, 45-сантимный налог должен был дать государству 160 млн. фр., но к началу мая удалось собрать только половину этой суммы. Дело затянулось до 1849 г. Полностью взыскать этот налог так и не удалось.

45-сантимный налог сыграл большую роль в судьбах Второй республики. Крупные землевладельцы и католические священники использовали введение этого налога для контрреволюционной агитации среди крестьянства. Они клеветнически утверждали, что виновниками новых финансовых тягот являются рабочие и демократы Парижа, что это они переложили на сельское население издержки февральской революции Следствием этого были рознь между трудящимися города и деревни и превращение крестьянства в резерв буржуазной контрреволюции. Рабочие и демократы Парижа и провинциальных городов не сумели противопоставить контрреволюционной агитации свою разъяснительную пропаганду среди крестьянства. Немалую роль сыграло и то, что Луи Блан, которому рабочие еще верили, не выступал против налоговой политики правительства. Такая позиция Луи Блана парализовала инициативу даже самых передовых деятелей рабочего класса.

ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПЕРВЫЕ НЕДЕЛИ ПОСЛЕ ФЕВРАЛЬСКОГО ПЕРЕВОРОТА

Лозунг «всеобщего братства»

В первые недели после февральской революции не было недостатка в вынужденных признаниях буржуазией решающей роли рабочего класса в свержении Июльской монархии. Не было недостатка в лживых утверждениях, заявлениях, что провозглашение республики положило конец классовым противоречиям и классовой борьбе. Не было недостатка и в призывах к «всеобщему братству».

По выражению одного современника, «рабочий стал героем дня, с ним обращались как с новоиспеченным властелином». Знатная англичанка

баронесса Бод писала в это время из Парижа: «Мы все надеваем грубые башмаки, ходим без зонтиков и стараемся насколько возможно походить на наших пролетариев». Это лицемерное раболепство имущих классов перед победоносным блузником,— раболепство, за которым скрывался страх,— нашло свое выражение в популярном тогда двустишии: «Долой шляпу перед картузом! На колени перед рабочим!»

По образному выражению Маркса, «парижский пролетариат упивался этим великодушным порывом всеобщего братства»[1]. Для буржуазных кругов лозунг «всеобщего братства» был только маневром, рассчитанным на то, чтобы усыпить бдительность трудящихся масс и выиграть время для подготовки к решительному наступлению на демократические свободы, завоеванные в результате февральского переворота. Впоследствии один из бывших членов Временного правительства Араго говорил: «Нас спрашивали: почему вы не кусаетесь? Мы могли бы ответить: потому что у нас не было зубов».

Политическая активность народных масс. Рост демократической печати

Падение монархии вызвало большой подъем политической активности в широких слоях населения, которые более полувека были почти совершенно устранены от участия в общественной жизни. Эта активность проявлялась и в широком развитии демократической печати, и в массовых выступлениях рабочего класса, и в агитации многочисленных революционных клубов.

По подсчетам одного современника, с 24 февраля по 20 августа 1848 г. только в Париже появилось 283 новых газет и журналов, значительная часть которых отличалась демократическим направлением. В названиях многих из них чувствуется сильное влияние традиций буржуазной революции конца XVIII в.: «Друг народа в 1848 году» («L'Ami du peuple en 1848»), «Старый кордельер в 1848 году» («Le vieux Cordelier en 1848»), «Трибун народа» («Le tribun du peuple»), «Журнал якобинцев» («Le journal des jacobins»), «Журнал санкюлотов» («Le journal des sansculottes»), «Парижская Коммуна» («La Commune de Paris»), «Робеспьер» («Robespierre»).

Наибольшим влиянием в демократическом лагере пользовалась газета «Реформа», близко стоявшая к левому крылу Временного правительства. К этому старому органу мелкобуржуазной демократии присоединились новые. Среди них особенно широкое распространение получили газеты: «Истинная республика» («La vraie République»), которая выходила под редакцией Теофиля Торе, «Отец Дюшен» («Le père Duchêne»), редактировавшийся Кольфаврю, «Коммуна Парижа» («La Commune de Paris»), редактором которой был Собрие.

Социалистические группы реформистского направления располагали несколькими органами: «Газета трудящихся» («Journal des travailleurs»), орган делегатов Люксембургской комиссии, «Мирная демократия» (редактор — фурьерист Консидеран), «Представитель народа» («Le Représentant du peuple») (редактор — Прудон), «Освобожденный труд» («Le Travail affranchi») (редактор — Видаль), «Мастерская» (редактор — Корбон) и ряд других. Коммунистических газет было немного; самыми значительными из них были «Попюлер 1841 года» («Populaire de 1841»), выходивший под редакцией Кабе, «Друг народа в 1848 году» («L'Ami du peuple en 1848»), редактором которого был Распайль, «Права человека» («Les Droits de l'homme»), — газета, редактировавшаяся Дезами.

Многие демократические газеты 1848 г. выходили в виде небольших листовок и просуществовали всего несколько недель или даже дней. Они

---

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв., 1949, т. I, стр. 121.

либо закрылись по недостатку средств, либо были закрыты восторжествовавшей контрреволюцией.

Позиция большинства органов мелкобуржуазной демократии 1848 г. свидетельствовала о том, что ее сторонники были лишь эпигонами революционеров 1793 г., неспособными к решительной борьбе с реакцией. Прославляя Первую республику, якобинцы 1848 г. не призывали, однако, следовать по пути якобинцев 1793 г. «Более счастливые, чем наши отцы, мы призваны к тому, чтобы созидать, а не уничтожать»,— заявлял Филипп Леба, сын члена Конвента, соратника Робеспьера. Такую же позицию занимали мелкобуржуазные социалисты, проповедовавшие мирное сотрудничество классов. Консидеран, утверждавший 25 февраля, что «все социалисты стали республиканцами, а все республиканцы — социалистами», устанавливал следующее различие между революцией конца XVIII в. и революцией 1848 г.: «92-й год должен был уничтожать; 92-й год должен был вести беспощадную борьбу как внутри страны, так и вовне. 1792 год был годом страшной бури. Задача 48-го года — стремиться к единству, оплодотворять, соединять, организовывать». Последние слова означали прямой призыв к сотрудничеству классов.

Позиция Прудона, Кабе, Дезами

Прудон, стоявший на самом правом крыле французского утопического социализма, встретил февральскую революцию весьма неприязненно. «Может быть,— писал он 25 февраля,— я буду служить новому порядку, может быть, я буду в оппозиции к нему. Кто знает?» Эти колебания Прудона были результатом того, что он не придавал большого значения форме политического строя и считал возможным осуществление своих экономических проектов даже в условиях Июльской монархии. Однако колебания Прудона длились недолго: уже 26 февраля он заявил, что окончательно перешел на сторону революции. Заявление это было вызвано, видимо, тем, что и Прудон поддался энтузиазму, охватившему широкие слои французского общества в первый момент после провозглашения республики.

В начале апреля Прудон выдвигает проект создания «Менового банка» и пропагандирует его в своей газете «Представитель народа». В ряде статей Прудон предлагает рабочим и предпринимателям согласиться на взаимные уступки: с одной стороны, упразднить все дивиденды и проценты, а с другой — отменить декрет о сокращении рабочего дня и провести некоторое снижение заработной платы. Обращаясь к «братьям-рабочим», он уверяет их, что эти жертвы с их стороны будут возмещены с избытком. В действительности это предложение Прудона лишь частично задевало интересы верхушки буржуазии; рабочему классу оно грозило ликвидацией даже тех скромных завоеваний, которые были достигнуты им в результате февральской революции. Намеченные Прудоном мероприятия должны были, по его расчетам, привести к общему снижению себестоимости производства на 25%. После этого предусматривалось издание декрета, согласно которому разница между средней себестоимостью и максимальными ценами не должна была превышать 25%; в рамках этих 25%, заявлял Прудон, будет происходить конкуренция, они же будут источником и для предпринимательской прибыли.

Прудон считал, что осуществление всех этих мероприятий приведет к восстановлению деловой жизни, нарушенной экономическим кризисом. Вторая часть программы Прудона, содержавшая план Менового банка, была выработана и опубликована им позже (летом и осенью 1848 г.). Она была еще более утопической, чем первая.

Кабе использовал свою большую популярность среди рабочих, чтобы призывать их к поддержке Временного правительства, к «единению,

порядку, дисциплине». В воззвании «К коммунистам-икарийцам», опубликованном 25 февраля в газете «Попюлер», Кабе подчеркивал, что икарийцы — «прежде всего, французы, патриоты, демократы, не менее бесстрашные, чем человечные и гуманные». «Никаких покушений на собственность!»,— призывал в том же воззвании Кабе. «Откажемся требовать немедленного проведения наших коммунистических доктрин. Мы всегда говорили, что мы желаем их победы посредством дискуссии, убеждения, могущества общественного мнения, индивидуального сочувствия и общенациональной воли. Останемся верны нашим словам».

Иной была позиция революционного крыла коммунистов-утопистов. Дезами в своей газете «Права человека» заявлял, что будет пропагандировать «три принципа», которые должны быть положены в основу человеческого общества: политическую свободу, свободу ассоциаций, свободу образования, обмена и промышленности, и вместе с тем «с силой и настойчивостью бороться с привилегиями и монополиями». «Цель наших усилий,— писал он,— проведение в нравы и общественные законы принципа равенства».

Дезами также высказывался против немедленного осуществления коммунистических идей, но в отличие от Кабе, проповедовавшего соглашение между трудом и капиталом, утверждал, что «рабочие должны отвергнуть всякую систему организации, которая мешает им свободно располагать собой или держит их под влиянием хозяев». Для Дезами характерно отчетливое понимание необходимости международной солидарности народов в борьбе против объединенных сил монархических государств.

Наряду с газетами и журналами выпускалось большое количество листовок и брошюр, содержавших разнообразные проекты экономических и политических реформ. Стены домов пестрели воззваниями и декларациями, исходившими как от отдельных лиц, так и от целых организаций.

Политические клубы

Крупную роль в общественном движении 1848 г. играли политические и профессиональные клубы, в огромном количестве возникавшие в Париже и провинции. История клубов 1848 г. до сих пор не выяснена во всех подробностях. Автор брошюры, содержащей наиболее полный перечень клубов 1848 г., Альфонс Люка приводит названия около 300 таких организаций, возникших в Париже после февральской революции.

Тяга к созданию собственной организации охватила людей самых различных профессий. Свои клубы имели рабочие и ремесленники, учителя и врачи, литераторы и артисты, конторщики и приказчики, коммерсанты и квартиронаниматели. Был особый клуб домашних слуг. Женщины имели отдельные клубы («Женский клуб» под преседательством Эжени Нибуайе, «Клуб эмансипации женщин» под председательством Дезире Гэ), боровшиеся за женское равноправие как в гражданской, так и в политической области.

Организовались в особые клубы и проживавшие в Париже политические эмигранты — бельгийцы, поляки, немцы, испанцы, итальянцы, добивавшиеся у французского правительства помощи освободительному движению в своих странах. Активную пропаганду вооруженной помощи народам, боровшимся за свободу и независимость, вел «Клуб освобождения народов». Существовало и особое «Общество борьбы за эмансипацию славянских народов»; его председателем был Сиприен Робер, профессор славянских литератур в Коллеж де Франс и секретарь «Славянского общества» в Париже. В составе обоих клубов преобладали представители либеральной интеллигенции.

В некоторых клубах велась агитация за отмену рабства во французских колониях. Особенно настойчиво действовал в этом отношении

видный республиканский деятель буржуазно-радикального направления Виктор Шельшер, которого называли «другом негров». Его усилия увенчались известным успехом. 27 апреля Временное правительство издало декрет об отмене рабства во французских колониях. Однако этот декрет не уничтожил политического бесправия негров.

Подавляющее большинство парижских клубов 1848 г. возникло в марте и апреле. Основная масса их представляла собой демократические организации, объединявшие передовую часть рабочего класса, прогрессивные слои мелкой буржуазии и радикальную интеллигенцию. Роль и задачи этих организаций хорошо определил «Республиканский клуб свободных трудящихся» в своем воззвании к рабочим, опубликованном в начале марта. «Клубы,— читаем в этом воззвании,— это живые баррикады демократии. С помощью материальных баррикад 24 февраля мы опрокинули прогнившее здание конституционной монархии с его коррупцией, привилегиями и злоупотреблениями. С помощью моральных баррикад, которые называются клубами, мы создадим, надо надеяться, такие учреждения, без которых республика была бы пустым звуком. С помощью клубов, этого второго Национального собрания, перманентного, всегда действующего, должен быть построен новый социальный порядок».

Об организационной структуре парижских клубов 1848 г. можно судить по подробно разработанному уставу одного из них — «Клуба братства». Устав его гласил, что во главе организации стоит центральный комитет, состоящий из председателя, двух его заместителей, двух секретарей и казначея. Центральный комитет переизбирается каждые три месяца. Каждые 10—20 членов клуба составляют секцию, избирающую своего председателя, заместителя председателя и секретаря. Прием новых членов производится общим собранием по представлению двух секционеров после проверки морального облика и политических убеждений кандидатов и при условии признания последними устава и принципов организации; чтобы дать возможность тщательно обсудить каждую кандидатуру, прием новых членов производится не на том собрании, на котором они были представлены, а на следующем. Члены клуба платят ежемесячные взносы. Пропуск заседания без уважительной причины карается денежным штрафом; неявка на четыре заседания в течение месяца влечет исключение из клуба по решению центрального комитета. Заседания клуба начинаются с чтения протокола предыдущего собрания; затем происходит обсуждение «прав человека и гражданина», оглашаются выдержки из «патриотических брошюр», обсуждаются действия правительства и другие политические вопросы; в конце заседания председатели секций представляют новых кандидатов в члены клуба. Посторонние лица на заседания секций не допускаются. Клуб издает свой печатный орган. Центральный комитет поддерживает письменную связь с примыкающими клубами (в Париже, провинции, за границей), которые ежемесячно отчитываются перед ним в своей деятельности.

«Общество прав человека и гражданина»

Самой разветвленной и влиятельной организацией среди демократических клубов 1848 г. было «Общество прав человека и гражданина»; многие парижские клубы являлись его отделениями. Общество имело секции во всех округах Парижа и поддерживало через своих делегатов связь со многими провинциальными клубами. Центральный комитет общества, помещавшийся в здании Консерватории ремесл и искусств, состоял из пяти видных деятелей левого крыла мелкобуржуазной демократии: Виллена (председатель центрального клуба), Наполеона Лебона, Юбера, Шипрона, Барбеса. В декларации, опубликованной в начале мая, руководство «Общества прав человека и гражданина» заявляло, что оно ставит

целью: «1) защищать права народа, восстановленные февральской революцией, и 2) извлечь из этой революции все ее социальные последствия». Исходя из якобинской декларации прав 1793 г., общество высказывалось за «единую и нераздельную республику», за «неотчуждаемость прав суверенного народа», за создание нового строя, основанного на принципах «равенства, солидарности и братства».

Мелкобуржуазная сущность этой организации ясно видна из заявления ее руководителей, что «в той социальной революции, которая начинается, Общество становится уже теперь между обездоленными и привилегированными старого строя», призывая их к соглашению и сотрудничеству. Однако в отличие от многих других мелкобуржуазных организаций «Общество прав человека и гражданина» не отказывалось от вооруженной борьбы с контрреволюцией. Инструкция по приему новых членов гласила, что «Общество имеет чисто военную организацию», обязывает своих членов запасаться оружием и быть всегда наготове по первому требованию руководства. В составе общества имелся специальный «комитет действия», во главе которого стоял отставной офицер Керсози, бывший председатель «комитета действия» в «Обществе прав человека» 30-х годов, стойкий революционер, пользовавшийся большой популярностью среди демократической общественности Парижа.

На той же политической платформе стоял «Клуб революции». Его председателем был Арман Барбес, самый популярный из руководящих деятелей революционного крыла мелкобуржуазной демократии 30-х и 40-х годов. Близко к «Клубу революции» стоял «Клуб народа», руководимый демократическим публицистом Альфонсом Эскиросом; одним из заместителей председателя этого клуба был видный революционер, бывший морской офицер Поль Дефлотт (он же был членом бюро «Клуба революции»).

Социалистические и коммунистические клубы

Социалисты и коммунисты различных направлений имели свои, особые клубы. Фурьеристы пропагандировали свои взгляды в «Центральном клубе организации труда», председателем которого был Жюль Лёшевалье, в «Клубе улицы Бон» (председатель — Виктор Эннекен) и в некоторых других клубах. Сторонники Луи Блана организовали, под председательством Лагарда, «Клуб делегатов рабочих корпораций, заседающих в Люксембургской комиссии»; почетным председателем этого клуба, а также «Клуба трудящихся-социалистов» был Луи Блан. «Клуб друзей народа», основанный Распайлем, благодаря огромной популярности последнего среди трудящихся Парижа, всегда был переполнен посетителями, среди которых преобладали рабочие. Однако социальные воззрения Распайля не отличались определенностью и четкостью: его речи и статьи характеризуются попыткой сочетать коммунистический идеал с религиозным мистицизмом. Много слушателей, преимущественно рабочих, собирал клуб, основанный Кабе под названием «Центральное братское общество». Позиция, которую занимал Кабе в качестве председателя клуба, полностью совпадала с его позицией как редактора газеты «Попюлер», о которой говорилось выше.

Программу радикальных политических и социальных реформ, направленных к улучшению положения рабочего класса и всех трудящихся, выдвигало «Общество братства», заседавшее под председательством рабочего-сапожника Савари, бывшего до революции одним из главных сотрудников коммунистического журнала «Братство» («La Fraternité»). Программа эта, опубликованная 25 февраля, предусматривала упразднение налогов на продукты питания, отмену законов против стачек, обеспечение права на труд, открытие национальных мастерских, учреждение государственных пособий старикам, детям, больным, введение бесплатного

образования, предоставление неограниченной свободы печати, собраний, ассоциаций и клубов, обновление судебного ведомства и административного аппарата, введение ответственности чиновников, выборности мэров и муниципальных советников, пересмотр и смягчение уголовного законодательства, отмену заместительства при наборе в армию, включение в состав национальной гвардии всех здоровых граждан, отмену рабства негров и т. д. В области внешней политики выдвигался лозунг «мира и братства народов».

Клуб Бланки, клуб Дезами и другие революционно-пролетарские клубы

Самым значительным из революционно-пролетарских клубов 1848 г. было «Центральное республиканское общество», организатором и председателем которого был Огюст Бланки, заместителем — доктор Лакамбр, казначеем — повар Бенжамен Флотт. В состав бюро входили, кроме того, публицисты Луи Пюжоль и Гюстав Робер, поэт Лашамбоди и некоторые другие революционные деятели; одно время большую роль играл в этом клубе Ксавье Дюррье, редактор газеты «Французский курьер», в которой печатались отчеты о заседаниях этого клуба.

Политическая дифференциация среди демократической общественности Парижа в начальный период революции 1848 г. была еще настолько неглубокой, что состав клуба Бланки не отличался однородностью. Наряду с коммунистами в нем было и немало буржуазных демократов. Репутация Бланки, стойкого революционера и выдающегося оратора, привлекала на заседания его клуба не только коммунистов, но и людей, далеких от коммунистических взглядов. Бланки покорял слушателей большой убедительностью и безупречной формой своих речей и пользовался большим авторитетом не только среди своих ближайших единомышленников, но и среди более широких кругов рабочих и демократов Парижа.

Отказавшись, как мы видели, от мысли о немедленном свержении Временного правительства, Бланки поставил ближайшей задачей расширение и укрепление республиканских свобод и использование всех легальных возможностей для подготовки новой, более демократической революции.

Однако коренные пороки бланкизма (нигилизм в вопросах революционной теории, слабая связь с массами), отмеченные в трудах классиков марксизма-ленинизма, сделали невозможным превращение клуба Бланки в подлинную массово-пролетарскую революционную организацию.

6 марта клуб Бланки представил Временному правительству адрес, в котором требовал неограниченной свободы собраний, организаций, отставки всех старых судей, отмены всех законов против стачек, поголовного вооружения и немедленного включения в национальную гвардию всех рабочих и безработных.

Тесный контакт с «Центральным республиканским обществом» поддерживал «Клуб гобеленов», председателем которого был Дезами. Обе группы революционных коммунистов 1848 г.— бланкисты и бабувисты — во всех важнейших тактических вопросах действовали солидарно (Дезами сам являлся членом клуба Бланки).

В народных кварталах, в рабочих предместьях Парижа имелось множество местных клубов революционно-социалистического или коммунистического направления. Среди них одним из самых влиятельных был «Клуб антуанцев», работавший в Сент-Антуанском предместье под председательством редактора газеты «Организация труда» («L'Organisation du travail») Лаколонжа (иначе — Делаколонжа). Значительным влиянием в отдельных округах Парижа пользовались также «Клуб кенз-вен», «Клуб равенства и братства», «Республиканский клуб Батиньоля», «Клуб мон-

таньяров Бельвилля» и некоторые другие. К той же группе примыкал «Клуб баррикад 24 февраля», заседавший под председательством рабочего-механика Бартелеми, бывшего члена тайного «Общества времен года», существовавшего в конце 30-х годов.

Буржуазно-республиканские клубы

Среди рабочих клубов 1848 г. были и умеренные в политическом отношении организации, которые служили проводниками буржуазного влияния на рабочий класс. Типичным примером такой организации служит «Патриотический клуб» газеты «Ателье», основанный еще в 1845 г. группой ремесленников — Корбоном, Паскалем, Данги и несколькими другими приверженцами идеолога «католического социализма», буржуазного историка и публициста Бюше. Клуб, основанный бюшетистами в 1848 г., заседал под председательством Корбона, редактора «Ателье». «Заслуги» этого ренегата, всячески стремившегося отвлечь рабочих от революционной борьбы и поддержки социалистов, были высоко оценены буржуазией: впоследствии он стал одним из заместителей председателя Учредительного собрания. Зато превратить «Клуб национальных мастерских» в средство раскола рабочего класса Временному правительству не удалось.

Не ограничиваясь созданием псевдорабочих клубов, буржуазные республиканцы создали собственные клубы в противовес революционно-демократическим, социалистическим и коммунистическим. Одним из самых влиятельных буржуазно-республиканских клубов было «Центральное демократическое общество», председателем которого был начальник штаба национальной гвардии полковник Гинар, видный деятель партии «трехцветных республиканцев», группировавшихся вокруг газеты «Насиональ». Тесную связь с этой организацией, имевшей отделения и в провинции, поддерживал Центральный комитет высших учебных заведений, созданный в марте 1848 г. группой студентов во главе с Буржоном, Манженом, Дозоном (председателем «Клуба 2 марта») и некоторыми другими.

К тому же лагерю принадлежал «Клуб новой республики», основанный в апреле 1848 г. под председательством поэта Огюста Барбье; заместителем председателя был либеральный экономист Воловский. Заседания клуба происходили во дворце Пале-Насиональ.

ПОДГОТОВКА К ВЫБОРАМ В УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ. ДЕМОНСТРАЦИЯ 16 МАРТА И КОНТРДЕМОНСТРАЦИЯ 17 МАРТА

Разногласия по вопросу о сроке созыва Учредительного собрания

Вопрос о подготовке к выборам в Учредительное собрание, о сроке и возможном исходе сильно волновал общественное мнение различных кругов французского народа. Уже с начала марта в Париже и провинции создавались специальные организации для агитационной работы среди будущих избирателей. Особенно большую активность развивали буржуазные республиканцы правого крыла, организовавшие Центральный комитет по общим выборам во главе с помощником парижского мэра Рекюром. Монархисты образовали свой избирательный комитет под названием «Национальная ассоциация для защиты свободы выборов» (для обмана избирателей его называли также «Республиканским клубом»). «Национальная ассоциация» была организована маркизом де Лавалетт, редактором газеты «Национальное собрание». Среди членов ассоциации были многие видные деятели легитимистской и орлеанистской партий: генерал Фавье, банкир Фульд, либеральный экономист Мишель Шевалье, публицисты Лабуле и Сен-Марк-Жирарден, бывшие пэры граф Беньо, герцог де Крильон, герцог де Ноайль и некоторые другие.

Словом «национальная» эти реакционеры стремились прикрыть антинародную сущность своей организации.

По решению Временного правительства выборы должны были происходить 9 апреля.

Правые республиканцы и скрытые монархисты высказывались за скорейший созыв Учредительного собрания, которое, по их расчетам, должно было оказаться более консервативным (и по составу и по характеру деятельности), чем Временное правительство.

Революционные круги стояли, наоборот, за отсрочку выборов, чтобы лучше подготовиться к ним и обеспечить победу подлинно демократическим кандидатам. Опасаясь, что выборы дадут перевес политически умеренным и даже контрреволюционным элементам, наиболее решительные революционеры предпочитали, чтобы Временное правительство подольше оставалось у власти и провело побольше прогрессивных реформ. В этом отношении положение во Франции весной 1848 г. было прямо противоположно положению в России весной 1917 г.

Сравнивая эти две исторические ситуации и подчеркивая коренное различие между ними, И. В. Сталин писал в марте 1917 г. в статье «Об условиях победы русской революции: «Характерную черту революционных движений, например, во Франции, представлял тот несомненный факт, что там временные правительства обыкновенно возникали на баррикадах и, ввиду этого, являлись революционными, во всяком случае, более революционными, чем созываемые ими впоследствии учредительные собрания, собиравшиеся обыкновенно после „успокоения“ страны. Этим, собственно, и объясняется, что наиболее опытные революционеры тех времён старались осуществить свою программу ещё до созыва учредительного собрания при помощи революционного правительства, оттягивая этот созыв. Этим они хотели поставить учредительное собрание перед фактом уже осуществлённых реформ»[1].

Революционные клубы — за отсрочку выборов

6 марта клуб Бланки поднял вопрос об отсрочке выборов и 7 марта представил Временному правительству соответствующую петицию. Необходимость отсрочки мотивировалась огромным влиянием, которым все еще пользовались в стране (особенно в деревне) монархисты; чтобы положить конец этому влиянию, необходимо, говорилось в петиции, время, которое позволит «просветить сельское население .

Петиция была отклонена правительством под лживым предлогом, что оно не хочет продления своей власти, не стремится к диктатуре.

Несколько дней спустя «Центральное республиканское общество» представило Временному правительству новую петицию, в которой указывалось, что в городах только небольшое число рабочих внесено в избирательные списки, а в деревнях все влияние находится в руках духовенства и аристократии. «Народ не знает ничего; надо, чтобы он узнал,— писал Бланки.— Это не может быть сделано в течение одного дня или даже целого месяца. Нужно, чтобы свет проник в последнюю деревушку республики; нужно, чтобы трудящиеся выпрямили свои головы, согбенные под ярмом рабства, и поднялись из того состояния прострации и оцепенения, в котором их держит правящая каста, положив им ноги на голову». С большой прозорливостью Бланки заявлял, что если выборы не будут отложены, они принесут торжество контрреволюции. «Это торжество,— предсказывал он,— будет означать гражданскую войну, ибо Париж, сердце и мозг Франции, Париж не отступит перед угрозой возврата к

---

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 3, стр. 13—14.

прошлому. Подумайте о зловещих последствиях конфликта между парижским населением и Собранием, которое будет считать, что оно представляет всю нацию, хотя в действительности оно не будет ее представлять». Петиция заканчивалась словами: «Отсрочка выборов — таково требование парижского народа».

Эту петицию постигла та же участь, что и предыдущую: она также была отклонена правительством.

К кампании, начатой клубом Бланки в пользу отсрочки выборов, вскоре присоединились некоторые другие клубы. 13 марта Кабе, ранее одобрявший сроки, установленные правительством, доказывал в «Центральном братском обществе» необходимость отсрочки выборов как в национальную гвардию (они были назначены на 18 марта), так и в Учредительное собрание. 14 марта была создана комиссия из представителей 15 революционных клубов, которая на следующий день обратилась к Временному правительству с просьбой принять их и выслушать по одному важному вопросу. Среди 12 подписей, стоявших под этим документом, были подписи Кабе, Дезами, Виллена и четырех членов «Центрального республиканского общества» — Бланки, Лакамбра, Флотта и Мишело.

Ответа на это обращение не последовало. 16 марта комиссия, включив в свой состав 15 представителей рабочих корпораций, постановила провести 17 марта народную демонстрацию, чтобы добиться от правительства отсрочки выборов в национальную гвардию до 5 апреля и в Учредительное собрание — до 31 мая, а также потребовать вывода войск из Парижа. Такие сроки были приняты по предложению Кабе (Бланки считал их недостаточными и требовал отсрочки без указания срока).

Демонстрации 16 и 17 марта

Демонстрация 17 марта была задумана также в ответ на демонстрацию некоторых частей национальной гвардии, состоявшуюся 16 марта и направленную против политики министра внутренних дел Ледрю-Роллена.

Ледрю-Роллен в качестве представителя левого крыла правительства пытался обновить административный аппарат. В своих циркулярах от 8 и 11 марта он предлагал правительственным комиссарам в департаментах действовать решительно, распускать муниципальные советы, не пользующиеся доверием населения, опираться на испытанных республиканцев.

Эти циркуляры вызвали резкие протесты со стороны реакционных кругов, лицемерно заявлявших, что министр внутренних дел нарушает свободу выборов. Протесты в этих кругах вызвало и распоряжение Ледрю-Роллена от 14 марта о реорганизации национальной гвардии и ликвидации привилегированных рот «стрелков» и «гренадеров», имевших особую форму и отдельное командование; в силу этого распоряжения они должны были быть влиты в общую массу национальных гвардейцев (так называемых «егерей») и подчинены новым, выборным командирам, подлежавшим утверждению министра.

16 марта роты «стрелков» и «гренадеров», состоявшие в большинстве из богатых буржуа и знатных дворян, направились к Ратуше, чтобы потребовать у правительства отмены приказа министра внутренних дел. На поддержку «медвежьих шапок», как называли гвардейцев этих рот за их головной убор (высокие меховые шапки), выступили два легиона национальной гвардии буржуазных округов (1-й и 10-й). Однако огромная толпа, среди которой преобладали люди в рабочих блузах, преградила этим отрядам путь к Ратуше. Ледрю-Роллен подвергся оскорблениям со стороны контрреволюционных демонстрантов, из рядов которых раздавались угрозы расправиться с ним. До столкновения дело не дошло. Под напором народных масс взбунтовавшиеся гвардейцы вынуждены были разойтись, не добившись своей цели.

На следующий день огромная демонстрация, насчитывавшая до 100 тыс. человек (по некоторым данным, даже до 200 тыс.), двинулась по направлению к Ратуше. Впереди шли со своими знаменами члены революционных клубов, за ними — делегаты Люксембургской комиссии и рабочих корпораций, затем — массы мужчин и женщин, среди которых преобладали рабочие и работницы. Когда площадь перед Ратушей заполнилась народом, шествие остановилось. 40 делегатов от клубов и корпораций были допущены в зал заседаний правительства и передали ему петицию, которая резко осуждала демонстрацию 16 марта и требовала вывода войск из Парижа, отсрочки выборов в национальную гвардию до 5 апреля и в Учредительное собрание — до 31 мая.

Правое крыло правительства не хотело принять эти требования, но вместе с тем боялось и отвергнуть их. Среди делегатов были руководители клубов, в том числе Бланки и его сторонники, которых подозревали в намерении добиться изменения состава правительства и исключения из него всех консервативных членов (такие планы действительно существовали). В дело вмешался Луи Блан и использовал всю свою популярность, чтобы успокоить делегатов и оградить правительство от покушений слева. Он заверил депутатов, что правительство внимательно обсудит петицию, и просил их убедить собравшихся разойтись.

Эти слова были одобрительно встречены делегатами рабочих корпораций, среди которых Луи Блан все еще пользовался полным доверием. Иначе отнеслись к его речи делегаты революционных клубов. «Мы не уйдем отсюда, пока не получим определенного ответа, который мы могли бы передать народу!», — воскликнул один из членов депутации. Но его голос был тотчас же заглушен громкими криками: «Да здравствует Временное правительство! Да здравствует Луи Блан! Да здравствует республика!»

Соглашательская позиция Луи Блана спасла консервативных членов правительства и отвела бурю, собиравшуюся над их головами. Действия председателя Люксембургской комиссии ясно обнаружили чувства страха и неприязни, которые он, вместе со всеми мелкобуржуазными демократами и мелкобуржуазными социалистами, питал к Бланки и другим революционным коммунистам. Под влиянием тех же мотивов действовал в этот день и Ледрю-Роллен, произнесший речь, рассчитанную на успокоение демонстрантов. На помощь ему пришел Собрие, который по своим политическим взглядам стоял несравненно ближе к Ледрю-Роллену, чем к Бланки. «Делегаты народа, — заявил Собрие, — не имеют намерения насиловать волю членов Временного правительства; они питают к ним полное доверие». «Не ко всем, не ко всем!», — прервал Собрие один из бланкистов. При этом многие делегаты посмотрели на Ламартина. Чтобы спасти свое положение, Ламартин пустил в ход напыщенное красноречие и стал уверять, что правительство не думает использовать войско против народа.

Эта речь привела большинство делегатов в такой восторг, что они выразили желание, чтобы члены правительства в полном составе вышли на площадь, к народу. Когда Луи Блан вместе с другими членами правительства сходил с лестницы, бланкист Флотт схватил его за руку и крикнул: «Значит, и ты, Луи Блан, изменник!» Однако демонстранты встретили появление членов правительства бурной овацией.

В результате народной демонстрации 17 марта войска регулярной армии были выведены из Парижа. Выборы в национальную гвардию были отсрочены до 5 апреля, а в Учредительное собрание — до 23 апреля. Такая отсрочка была, разумеется, совершенно недостаточной. Однако Кабе заявил в тот же вечер членам своего клуба: «Мы одержали победу

без сражения, и эта победа кажется мне по своим последствиям неоценимым благом».

Народное выступление 17 марта создало новую политическую ситуацию в Париже и отчасти в остальной Франции. Обострявшаяся обстановка побуждала различные политические группы сплачивать свои силы в предвидении дальнейшей, еще более острой борьбы. Уже вечером 17 марта открылись заседания новой буржуазной политической организации, получившей название «Клуба-кружка национальной гвардии» (председателем его стал адвокат Шамбо). О его составе и направлении можно судить по тому, что организаторы клуба в своем обращении к национальным гвардейцам призывали их к борьбе с «эксцессами», к защите «порядка» и неприкосновенности Учредительного собрания. «Порядок» — так называлась газета, которую стал издавать этот клуб.

Сплочение сил революционной демократии. «Клуб клубов»

Одновременно с консолидацией буржуазно-республиканского лагеря происходила консолидация сил в рядах мелкобуржуазной демократии и в рядах революционных коммунистов. 21 марта приступил к работе новый демократический клуб — «Клуб революции», во главе которого стал Барбес. По инициативе Барбеса, Собрие, Торе, Мартена Бернара и некоторых других видных деятелей революционно-демократической интеллигенции 18 марта был основан «Клуб клубов», иначе — «Революционный комитет по выборам в Национальное учредительное собрание». Уже на первом общем собрании этой организации (26 марта) к ней примкнул 71 клуб. Председателем «Клуба клубов» стал Юбер; в состав бюро вошли Барбес и представители шести других клубов и комитетов. Свою главную задачу «Революционный комитет» видел в том, чтобы добиться «избрания в народные представители республиканцев, полных решимости обеспечить торжество делу равенства». «Мы имеем пока только слово Республика, нам нужна ее суть,— заявляли организаторы «Клуба клубов».— Политическая реформа — только орудие социальной реформы. Республика должна удовлетворить требования трудящихся».

Приведенное воззвание свидетельствует о том, что в основе программы «Революционного комитета» лежали принципы мелкобуржуазного, уравнительного «социализма».

Новая организация, объединившая вокруг себя до 200 клубов, развила большую деятельность. Она установила связь с рабочими корпорациями, обратилась к солдатам и офицерам регулярной армии с призывом выделить делегатов для участия в работах «Революционного комитета», разослала во все концы страны несколько сот агитаторов и уполномоченных, снабженных детальными инструкциями. Министерство внутренних дел финансировало «Революционный комитет».

Бланки и создание «Центрального избирательного комитета»

В противовес мелкобуржуазному «Клубу клубов» революционные коммунисты пытались организовать собственный политический центр под названием «Центрального избирательного комитета». 25 марта в печати появилось воззвание «К демократическим клубам Парижа», составленное Бланки и приглашавшее их прислать своих делегатов на общее собрание, которое должно было состояться 26 марта.

Воззвание гласило:

«Республика будет ложью, если она станет только заменой одной формы правительства другою. Недостаточно изменить слова, необходимо изменить положение вещей! Республика — это освобождение рабочих, это — конец царства эксплуатации, это — наступление нового порядка, который освободит труд от тирании капитала. Свобода! Равенство! Братство! Этот девиз,

который горит на фронтоне наших зданий, не должен стать пустой оперной декорацией. Довольно побрякушек! Мы больше не дети! Нет свободы, если нет хлеба. Нет равенства, если изобилие выставляется напоказ наряду с нищетой. Нет братства, если работница валяется со своими умирающими с голода детьми у дверей дворцов. Работы и хлеба! Существование народа не может отдаваться на милость махинаций и злой воли капиталистов».

Под этим замечательным документом, в яркой форме вскрывавшим буржуазную ограниченность февральской республики и резко критиковавшим социально-экономическую политику Временного правительства, стояли подписи руководителей девяти революционно-пролетарских клубов: Бланки и Ксавье Дюррье — от «Центрального республиканского общества», Мишело — от «Клуба Сорбонны» (иначе «Клуба молодой Горы»), Фейяттра — от «Клуба трудящихся-республиканцев», Мутона — от «Клуба единства трудящихся», Сегена — от «Политического общества рабочих», Дезами — от «Клуба гобеленов», Виллена — от центрального клуба «Общества прав человека», Шипрона — от «Клуба Попенкур» и Бодена — от «Клуба будущего».

Двадцать клубов откликнулись на это воззвание и заявили о своем присоединении к «Центральному избирательному комитету».

ПЕРЕХОД КОНТРРЕВОЛЮЦИИ В НАСТУПЛЕНИЕ. СОБЫТИЯ 16 АПРЕЛЯ

Травля Бланки в реакционной печати. «Документ Ташеро»

Чтобы не допустить дальнейшего углубления революции, буржуазные реакционеры не останавливались ни перед чем. 31 марта, через шесть дней после опубликования приведенного выше воззвания, в печати появилась фальшивка, посредством которой контрреволюционеры пытались дискредитировать столь ненавистного им Бланки и опорочить его революционное прошлое, представив его предателем, выдавшим в 1839 г. организацию тайного «Общества времен года» королевским властям. Фальшивка эта известна под именем «документа Ташеро» — по фамилии редактора журнала «Ревю ретроспектив» («Revue rétrospective»), в котором она была напечатана. Бланки ответил на клевету негодующим протестом в газетах. Члены бывших тайных обществ «Семей» и «Времен года» опубликовали заявление, в котором протестовали против того, что «документ неизвестного происхождения использован для нанесения удара гражданину, которого мы видели в течение 17 лет на боевом посту, чьи долгие страдания, покорность судьбе, мужество, проявленное в тюрьмах, моральная безупречность, строгий и суровый образ жизни всегда служили лучшим опровержением гнусных обвинений, выдвигавшихся против него беззастенчивыми политическими врагами». В комиссии, созданной клубами для расследования этого дела, Дезами, Кабе и Распайль решительно выступили в защиту Бланки. Но многие мелкобуржуазные демократы, в том числе Барбес, давний политический противник Бланки, как пролетарского революционера-коммуниста, поверили клевете. Таким образом, эта клевета нанесла несомненный вред делу демократии и усилила раскол в лагере революции.

Травля революционных деятелей составляла одно из средств, к которым прибегали контрреволюционеры. Другим средством были попытки отнять у рабочих оружие и исключить их из национальной гвардии. Характерен в этом отношении циркуляр правительственного комиссара округа Сен-Дени (одного из рабочих пригородов Парижа) де Ланглара, разосланный во второй половине марта представителям местной администрации. Циркуляр предписывал «впредь выдавать оружие только тем

гражданам, которые тотчас же смогут обзавестись мундиром и экипироваться и для которых служба не будет слишком обременительной» (т. е. только зажиточным элементам); «прочие национальные гвардейцы,— добавлял комиссар,— будут по прибытии на караульный пост получать ружья, которые они должны там оставлять по окончании дежурства».

Обострение классовых противоречий в провинции

Начало и середина апреля характеризовались дальнейшим обострением классовых противоречий как в Париже, так и в провинции. Контрреволюционные элементы, ободренные попустительством властей, вели себя все более вызывающим образом. В Бордо толпа биржевиков ворвалась в префектуру и заставила нового правительственного комиссара отказаться от своего поста и покинуть город. Враждебные выступления против комиссаров Временного правительства имели место и в некоторых других городах. В деревнях монархисты вели активную антиреспубликанскую пропаганду. Усиливались полицейские и судебные репрессии против передовых рабочих, против демократически настроенных солдат.

Провокационные действия контрреволюционных элементов вызывали отпор со стороны трудящихся масс. Сопротивление крестьян сбору 45-сантимного налога принимало все более решительный характер. Множились факты, свидетельствовавшие о росте классового самосознания пролетариата. В Сент-Этьенне произошел следующий характерный эпизод: на угольных шахтах бассейна Луары рабочие прогнали администрацию и избрали из своей среды комитеты для управления шахтами. Шахтеры называли эти комитеты «временным правительством», а их председателей — «президентами шахт».

Демонстрация 16 апреля

О новом обострении классовой борьбы между буржуазией и пролетариатом наглядно свидетельствовали события 16 апреля.

В этот день на Марсовом поле и на Ипподроме собралось около 100 тыс. рабочих, созванных по инициативе «Центрального комитета рабочих корпораций», делегатов «Клуба рабочих национальных мастерских» и некоторых других клубов. Рабочие собрались, чтобы выделить 14 кандидатов в состав главного штаба национальной гвардии, а затем двинуться к Ратуше для вручения правительству петиции об «организации труда» и «уничтожении эксплуатации человека человеком». Когда безоружные рабочие подошли к Ратуше, чтобы вручить правительству эту петицию и передать ему собранные ими денежные пожертвования, демонстрантов встретил лес штыков. Известие о том, что рабочая демонстрация направляется к Ратуше, было использовано контрреволюцией для распространения провокационных слухов о «коммунистическом заговоре», о подготовке свержения Временного правительства. «Если бы мы, действительно, хотели свергнуть Временное правительство или изменить его состав,— писали на следующий день делегаты рабочих корпораций и делегаты национальных мастерских в заявлении-протесте на имя членов правительства,— мы не собрались бы безоружными на Марсовом поле; мы бы приняли меры к тому, чтобы собраться там в количестве не 100 тысяч, а 200 тысяч человек, что́ нам было легко сделать. Наконец, мы не собрали бы тот денежный дар, который мы принесли вчера в Ратушу, и мы не закончили бы нашу петицию словами: „Да здравствует Временное правительство!“».

Однако буржуазные провокаторы добились своего. Под лживым предлогом «заговора Бланки» к зданию Ратуши и на прилегающие к ней улицы были спешно стянуты 100 тыс. национальных гвардейцев. Приказ о сборе батальонов был отдан Ледрю-Ролленом, который в качестве министра

внутренних дел один только имел право отдавать подобные приказы. После некоторых колебаний он сдался на уговоры Ламартина и генерала Шангарнье, сыгравших на страхе мелкой буржуазии перед коммунистами. Этот страх побудил ее объединиться с крупной буржуазией для совместной борьбы против революционного пролетариата. Характерно, что даже Барбес привел на помощь правительству 12-й легион, командиром которого он незадолго до того был избран.

Улицы Парижа огласились дикими криками: «Долой Бланки! Долой Распайля! Долой Кабе! В воду коммунистов!» Мимо дома, где жил автор «Путешествия в Икарию», группа национальных гвардейцев буржуазных батальонов пронесла пустой гроб с надписью «Смерть Кабе». Другая группа национальных гвардейцев пыталась проникнуть в помещение клуба Бланки, но была отогнана вооруженной охраной.

До вооруженного столкновения дело не дошло. Но искусственно вызванная паника среди буржуазного населения столицы была использована контрреволюционными элементами для дальнейшего наступления на силы демократии.

Вечером 16 апреля «Центральное республиканское общество» оживленно обсуждало события дня. Выступивший с речью Бланки верно определил их смысл, подчеркнув, что они знаменуют переход контрреволюции в открытое наступление против демократии. «Дело тут не в коммунизме,— говорил он,— дело в контрреволюции, организованной на площади перед Ратушей... До сих пор Париж был спокоен. Никогда еще революция не была более сдержанной, более внушительной. Реакция, наоборот, показала себя вызывающей и торжествующей». «Он добавил,— говорится в отчете об этом заседании,— что этот триумф, этот энтузиазм штыков был слишком труслив, чтобы длиться долго; что посреди этой толпы ему было невозможно встретить взгляд, который смотрел бы прямо в глаза; наконец, он заявил, что необходимо доверие, мужество и терпение в ожидании великого реванша». В предвидении дальнейшего наступления контрреволюции «Центральное республиканское общество» решило перестроить свои ряды для нелегальной работы. На секретном заседании 17 апреля было принято решение организоваться «на основе прежних тайных обществ», и были назначены начальники секций.

Иначе оценивал события 16 апреля и дальнейшие политические перспективы Кабе. В речи, произнесенной им 24 апреля на заседании «Центрального братского общества», он, с одной стороны, стремился доказать, что коммунисты-икарийцы не принимали участия в этих событиях и были заняты своими внутренними делами, подготовкой к отъезду в Северную Америку, где в это время создавалась «икарийская община», а с другой — выражал надежду, что во Франции всё уладится и успокоится.

Барбес, выступая на заседании «Клуба революции» вечером 16 апреля, должен был признать, что своим поведением в этот день он невольно сыграл наруку контрреволюции; он добавил, что сожалеет об этом и возмущен провокационными возгласами: «Долой коммунистов!» Один из членов клуба предложил ответить на происки контрреволюции массовой народной демонстрацией. Собрание одобрило это предложение, но постановило отложить его осуществление до получения ответа правительства на адрес, который решено было представить ему на следующий день. Мелкобуржуазные демократы все еще не отрешились от веры во Временное правительство.

«Праздник братства»

20 апреля Временное правительство с большой торжественностью — парадом и иллюминацией — отметило «Праздник братства», праздник братания населения с армией. В речах членов правительства, произнесенных во время этого праздне-

ства, не было недостатка в напыщенных фразах на тему о «братском» сотрудничестве всех классов общества. Однако политическая обстановка, складывавшаяся к этому времени во Франции, делала этот лозунг февральских дней все более призрачным.

Организация «Праздника братства» была только маневром со стороны Временного правительства, рассчитанным на то, чтобы замаскировать свои подлинные намерения. Характерно, что уже на следующий день (21 апреля), вопреки возражениям Альбера, правительство поручило военному министру ввести в Париж три пехотных и два кавалерийских полка.

Клуб Бланки представил правительству петицию с протестом против «введения в Париж армии, место которой на границах». Петиция заканчивалась призывом: «Остановите реакцию! Удержите войска вдали от столицы, уничтожьте эту угрозу вооруженных репрессий, направленных против народной победы!» С протестом против контрреволюционных действий правительства выступил и клуб Барбеса.

Эти протесты были оставлены без внимания.

ВЫБОРЫ В УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ

Предвыборная кампания

23 апреля состоялись выборы в Учредительное собрание. Выборам предшествовала агитационная кампания, принявшая весьма широкий размах. Париж и вся страна были наводнены брошюрами, листовками, плакатами, содержавшими характеристику выставленных кандидатов, их обращения к избирателям с изложением своих политических взглядов. Таким же материалом были заполнены газеты.

Характерной чертой предвыборной литературы было большое однообразие лозунгов и выражений, к которым прибегали в своих декларациях кандидаты. Все они объявляют себя убежденными республиканцами, клянутся в верности принципам свободы, равенства, братства, все они обещают заботиться о нуждах трудящихся, о счастье народных масс, выдвигают планы широких реформ, все они пользуются достаточно неопределенными, иногда даже совершенно туманными формулировками. В одних случаях эта неопределенность была вызвана тем, что кандидаты еще не успели выработать отчетливую программу, в других — тем, что они рассчитывали таким путем привлечь к себе внимание возможно большего числа избирателей, обеспечить себе поддержку в различных слоях населения.

Во время избирательной кампании оформились четыре политических лагеря: скрытые монархисты, буржуазные республиканцы правого крыла, мелкобуржуазные демократы и мелкобуржуазные социалисты, революционные коммунисты. Монархисты опирались главным образом на крупных землевладельцев и католическое духовенство и вели усиленную агитацию в деревнях. В городах перевес явно склонялся в пользу умеренных республиканцев, опиравшихся на широкие слои торгово-промышленной буржуазии и занимавших влиятельное положение в органах центральной и местной администрации.

В демократическом лагере не было необходимого единства, хотя некоторые рабочие организации и революционные группы все же выступали сообща. Социалисты реформистского направления (Луи Блан, Консидеран и др.) уверяли, что Учредительное собрание разрешит все социальные проблемы, осуществит «организацию труда», обеспечит «единение классов» и социальный мир.

Революционные коммунисты и некоторые группы революционных демократов не разделяли подобных иллюзий и с тревогой ожидали исхода выборов. Во многих революционных клубах, в секциях «Общества прав человека» высказывались опасения по поводу состава будущего Учредительного собрания и обсуждались меры на случай, если оно окажется реакционным (некоторые ораторы заявляли, что, может быть, придется оказать на него давление или даже насильственно распустить его). Настойчиво пропагандировалась мысль о необходимости избрания возможно большего числа депутатов из рабочей среды. «Долой фразеров и болтунов с пустой головой!.. Место народу!»,— восклицал секретарь одного из лионских клубов. «Место народу, настоящему народу, тому, который во все времена проливает свою кровь, тратит силы ради всеобщего благополучия,— заявляли делегаты типографских рабочих Лиона.— Выберем таких представителей, которые происходят из нашей среды, привыкли переносить те же страдания и потому одни лишь могут указать лекарства от всех наших зол».

Рабочие г. Пуатье писали рабочим департамента Вьенны: «Братья! Денежная аристократия пытается использовать республику 1848 года, подобно тому как она уже использовала монархию 1830 года... Будем единодушны, и новая конституция избавит нас от ига капитала, подобно тому как февральские баррикады избавили нас от избирательного ценза в 200 франков».

Один из парижских клубов — «Клуб предусмотрительных» — поставил своей целью добиться того, чтобы все без исключения рабочие, достигшие 21 года, были своевременно внесены в избирательные списки, и чтобы в Учредительное собрание было выбрано не менее 20 рабочих.

Выборы в Учредительное собрание

Выборы состоялись 23 апреля и прошли при довольно высокой активности избирателей: к урнам явилось 84% всех внесенных в списки. Голосование происходило на основе правил, установленных декретом от 4 марта; оно было всеобщим, прямым, тайным. Правом участвовать в выборах пользовались все французы мужского пола, достигшие 21 года, право быть избранным получили лица не моложе 25 лет. Женщины не пользовались избирательными правами. Но это было далеко не единственное отступление от принципов последовательного демократизма. При составлении списков избирателей и выдаче избирательных бюллетеней были допущены злоупотребления, в результате которых многие рабочие и вообще беднейшие жители не смогли принять участие в голосовании. И в то же время имели место случаи, когда отдельные избиратели получали (за деньги) по нескольку бюллетеней. Предприниматели оказывали давление на рабочих, грозили уволить тех рабочих, которые не будут голосовать за буржуазных кандидатов.

Выборы принесли победу буржуазным республиканцам правого крыла: в общем количестве 880 депутатов они составляли подавляющее большинство (около 550). Ламартин был избран одновременно в 10 департаментах. Орлеанисты и легитимисты, перекрасившиеся в республиканцев, получили около 250 мест. Мелкобуржуазных демократов было избрано около 100. Из мелкобуржуазных социалистов были выбраны Луи Блан, Альбер, Консидеран и некоторые другие; но ни Бланки, ни Дезами, ни Кабе, вообще ни один коммунист не был выбран. Не были выбраны и многие видные революционные демократы; Барбес провалился в Париже и прошел лишь от своего родного департамента Од.

В Сенском департаменте социалистическим клубам и рабочим организациям удалось выставить отдельный рабочий список (во всех других городах рабочие кандидаты вынуждены были довольствоваться местами

в списках мелкобуржуазных демократов или буржуазных республиканцев). Парижская мэрия и администрация национальных мастерских приняли чрезвычайные меры, чтобы помешать рабочим собраться в день выборов на Марсовом поле и отдать свои голоса кандидатам списка, составленного «Центральным комитетом делегатов Люксембургской комиссии» и «Клубом клубов». Этому списку был противопоставлен другой, в котором не было ни одного социалиста и ни одного из членов левого крыла правительства. Весь аппарат был пущен в ход, чтобы распространить этот список, а также афишу, направленную против передовых рабочих. В циркуляре к учащимся высших учебных заведений Эмиль Тома клеветнически утверждал, что рабочие, идущие за социалистами, ставят целью «насиловать голосование» и хотят использовать его «в интересах некоторых зловредных честолюбцев». Рано утром 23 апреля несколько десятков реакционно настроенных студентов и сотрудников центральной администрации национальных мастерских собралось на Марсовом поле и в некоторых других пунктах города. «Всюду, где собирались группы рабочих,— рассказывает Эмиль Тома,— появлялись студенты, начинали борьбу с ними и заставляли их расходиться».

В результате такой контрреволюционной агитации и грубого давления на избирателей из 34 кандидатов списка, составленного «Центральным комитетом делегатов Люксембургской комиссии» и «Клубом клубов», прошли только четыре.

По социальному положению громадное большинство депутатов принадлежало к буржуазной интеллигенции — адвокатам, журналистам, врачам, инженерам, чиновникам, судьям, нотариусам. Среди депутатов были и генералы, и католические священники, и богатые мануфактуристы, и крупные землевладельцы-аристократы. Рабочих оказалось всего 18. Такой исход выборов объясняется, с одной стороны, злоупотреблениями властей и давлением на избирателей, с другой — слабой организованностью рабочего класса, а также тем, что мелкая буржуазия и крестьянство, недовольные финансовой политикой Временного правительства и одурманенные антикоммунистической пропагандой контрреволюционеров, отдали свои голоса защитникам интересов капиталистов и помещиков. В некоторых медвежьих углах сельское население имело столь смутное представление о политических событиях, что, как рассказывает Жорж Санд, было убеждено в существовании в Париже кровожадного человека по имени «Отец коммунизм», грозящего будто бы вконец разорить всех крестьян и истребить их малолетних детей. Контрреволюционная агитация, широким потоком проникавшая в деревню через газеты, дешевые брошюры, церковные проповеди, делала свое дело: она запугивала крестьян тем, что социалисты и коммунисты — сторонники «всеобщей дележки» и покушаются не только на собственность богатеев, но хотят отнять и у бедняков их жалкие клочки земли. Рабочий класс не сумел и не успел противопоставить клеветнической кампании контрреволюционеров широкую разъяснительную пропаганду и завоевать на свою сторону крестьянские массы.

Народные волнения во время выборов

Выборы протекали в напряженной обстановке и сопровождались острыми столкновениями в ряде городов. В рабочем предместье Лиона Круа-Русс вечером 29 апреля после подсчета голосов и оглашения имен избранных группы рабочих с факелами в руках прошли по городу, громко выражая свое недовольство избранием ряда консервативных кандидатов и настойчиво требуя их отставки. Одна из групп направилась к расположенному близ города замку депутата маркиза Мортемара с намерением поджечь его; вдогонку ей был послан эскадрон кавалерии. 30 апреля утром

несколько тысяч человек из отрядов рабочей гвардии (они назывались Voraces и Vautours) и членов революционных клубов собрались на площади Белькур, чтобы помешать национальным гвардейцам Круа-Русс принять участие в назначенном по случаю выборов смотре войск.

Народные волнения происходили в эти дни и в некоторых других городах.

В Лиможе, Эльбефе и Руане дело дошло до восстания местных рабочих и двухдневной вооруженной борьбы с войсками. В этих городах волнения начались после того, как стало известно о провале демократических кандидатов.

В Амьене 29 апреля рабочие коммунальных мастерских собрались на городской площади с тележками, полными камней. Из этих камней они соорудили баррикады. Для подавления восстания в Амьене Ледрю-Роллен послал туда отряд в 600 мобильных гвардейцев. В Лиможе движением руководили «Клуб якобинцев» и «Народное общество». Утром 27 апреля в помещение избирательного участка ворвалась толпа рабочих и изорвала часть имевшихся там протоколов выборов. В течение дня все оружейные лавки были разгромлены; национальные гвардейцы сложили оружие; все караульные посты были заняты инсургентами; власть в городе перешла в руки «повстанческого комитета». Впрочем, уже 29 апреля он был распущен. 17 мая войска, сконцентрированные вокруг Лиможа, вступили в город и восстановили «порядок». По этому делу было предано суду 36 человек (среди них преобладали рабочие, мелкие ремесленники и мелкие лавочники, но было и несколько адвокатов и журналистов). Большинству из них были вынесены обвинительные приговоры.

В Эльбефе волнения начались с того, что утром 28 апреля толпа рабочих помешала двум ротам линейных войск отправиться в Руан, куда они были вызваны генералом Орденером для борьбы против вспыхнувшего восстания. Вскоре после этого на площади перед ратушей произошло первое кровопролитное столкновение. Окружающие улицы покрылись баррикадами. Волнения распространились и на окрестные деревни. Восставшие рабочие требовали разоружения национальной гвардии и аннулирования результатов выборов. На следующий день две роты 52-го полка, прибывшие из Руана, были двинуты, вместе с частями местного гарнизона, против инсургентов и после короткого боя овладели всеми баррикадами. 47 человек были привлечены по делу о восстании к судебной ответственности (20 из них были осуждены). Обвинительный акт подчеркивал, что движение в Эльбефе носило «гораздо более социальный, чем политический характер». «Нас сто бедняков против одного богача,— говорили рабочие,— довольно нам подчиняться фабрикантам, пора нам стать господами положения».

События в Руане и их значение

Еще более грозный оборот приняли события в Руане, где антагонизм между рабочими и предпринимателями всегда был особенно острым и еще более обострился под влиянием экономического кризиса и отказа фабрикантов повысить заработную плату. Прокурор Сенар провоцировал рабочих своими клеветническими речами. Накануне выборов в революционных клубах Руана, состоявших преимущественно из рабочих и мелких ремесленников, раздавались угрозы по адресу контрреволюционеров. 18 апреля на одном демократическом собрании председатель заявил, что «если большинство получит какой-либо другой список, а не список Центрального демократического клуба, избранные таким образом представители не прозаседают в Собрании и 24 часов».

27 апреля стало известно, что революционные кандидаты потерпели поражение, что среди выбранных от департамента Нижней Сены депута-

тов имеются такие заклятые враги трудящихся, как фабриканты-миллионеры Гранден и Левавассер. Это известие вызвало столь сильное возмущение в Руане, что в тот же день рабочие сделали попытку ворваться в ратушу, где заканчивался подсчет голосов. Отброшенные от ратуши инсургенты рассыпались по соседним улицам и принялись за постройку баррикад. Чтобы помешать действиям войск, фонари были разбиты, улицы посыпаны битым стеклом. Вооруженная борьба продолжалась всю ночь и весь следующий день. Только с помощью артиллерии генералу Жерару удалось разрушить баррикады в квартале Мартенвилль. Еще более упорное сопротивление оказали восставшие рабочие в квартале Сен-Север. Огромная баррикада у заставы Сен-Жюльен, преграждавшая путь войскам и национальной гвардии, была взята лишь после артиллерийского обстрела.

Рабочее восстание в Руане было подавлено; подавлены были и восстания, вспыхнувшие в пригородных деревнях, трудящееся население которых пыталось поддержать рабочих Руана. О классовом характере руанского восстания свидетельствует уже один тот факт, что из 81 обвиняемого по этому делу 60 были рабочими и мелкими ремесленниками; 48 человек были осуждены на каторжные работы и длительное заключение.

Руанские события произвели сильнейшее впечатление во всей стране. Жестокая расправа буржуазной национальной гвардии и правительственных войск с восставшими рабочими вызвала бурю негодования в демократических кругах. Даже мелкобуржуазные радикалы не могли больше отрицать резкого обострения классовых противоречий. «Реакция добилась своей цели,— с горечью писала 30 апреля газета «Реформа».— Она разделила нацию на два лагеря, она восстановила между двумя классами граждан разграничительную линию, которую февральская революция стерла. Борьба между буржуазией и пролетариатом начинается сызнова».

В действительности борьба эта не прекращалась, конечно, и после 24 февраля, но с конца апреля она вступила в новую, более острую стадию.

Глава одиннадцатая

МАРТОВСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1848 Г. В ИТАЛИИ. НАЧАЛО НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ

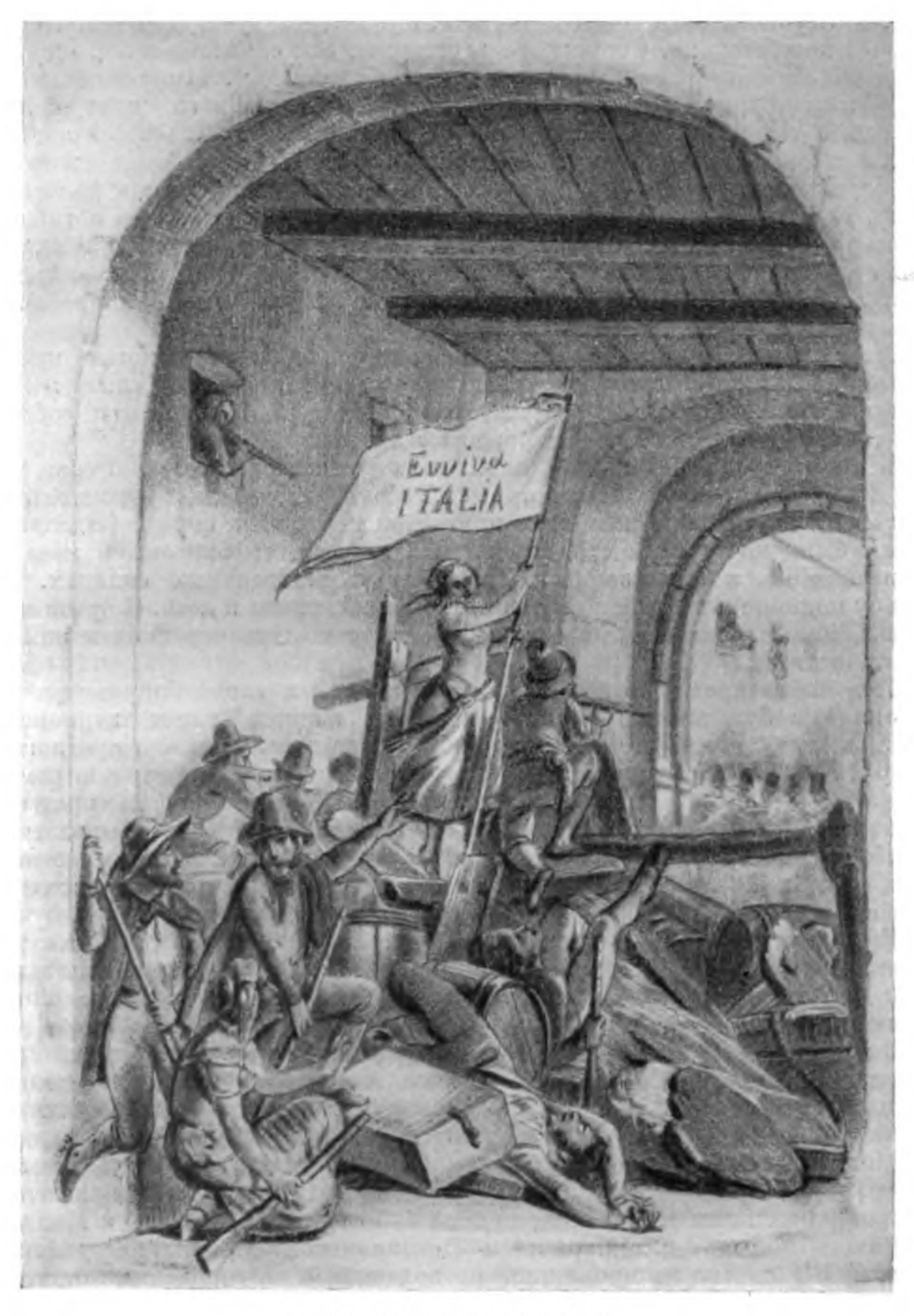
МАРТОВСКИЕ ДНИ

В Милане о революции в Вене узнали 17 марта. Официального сообщения еще не было, но слухи уже распространились по городу, и прохожие на улицах целовали и поздравляли друг друга. Миланских республиканцев события застали врасплох. Они собрались на экстренное совещание и чуть не до утра проспорили о том, наступил ли момент призвать народ к оружию. В конце концов было решено организовать 18 марта в 3 часа дня демонстрацию с требованием уничтожения полиции, организации национальной гвардии и создания нового, временного управления краем, составленного в основном из членов городского муниципалитета.

Восстание 18—22 марта в Милане

18-го утром в Милане было опубликовано составленное в осторожных выражениях сообщение австрийского правительства об отмене цензуры и скором созыве общеимперского представительного собрания. Слухи о революции в Вене подтвердились, и многолетняя ненависть итальянцев к своим угнетателям сразу вырвалась наружу. Народ срывал со стен австрийское сообщение, топтал его ногами, писал на нем: «Слишком поздно». В городе раздавались крики: «К оружию!», закрывались мастерские и лавки. На площадях и на улицах скоплялись толпы возбужденных людей. Глава миланского муниципалитета граф Казати в тревоге умолял австрийского вице-губернатора О'Доннеля не выводить войска из казарм, уверяя, что в противном случае «беспорядки неизбежны».

Было около полудня, когда Казати, надеясь успокоить народ, отправился к О'Доннелю просить о проведении реформ. Улицы, ведущие к правительственному дворцу, были загромождены баррикадами, и на одном из перекрестков уже завязалась перестрелка. Ремесленники и рабочие ворвались во дворец, перебили часовых и, рассеявшись по залам, разбивали статуи, топтали ногами портреты императора, рвали на мелкие клочки бумаги австрийских архивов. Дрожавший от страха О'Доннель встретил Казати в своем кабинете как спасителя. Сообща они составили текст правительственных указов, дававших удовлетворение многим требованиям республиканцев. Но народ перед дворцом кричал: «Смерть австрийцам!» Баррикады возникали с невероятной быстротой, и в 3 часа дня — в час, назначенный для демонстрации, — бой на улицах Милана был в полном разгаре.

УЛИЧНЫЙ БОЙ В МИЛАНЕ

Литография Тиск и Сира

Собрание Института Маркса — Энгельса — Ленина. Москва

Вопреки утверждениям буржуазной историографии, пытающейся представить миланское восстание делом «всех классов», оно было в основном восстанием трудящихся — рабочих, ремесленников, мелкой буржуазии. Число купцов и промышленников, принявших участие в боях, было очень незначительно. Сочувствуя восстанию, эти слои общества, однако, предпочитали не рисковать жизнью на баррикадах. Миланская знать и крупная буржуазия и раньше боялись вооруженного выступления народа, а теперь, когда обещанная австрийским правительством конституция сулила им реформы, восстание казалось им особенно опасным. На баррикадах бились и умирали преимущественно рабочие и ремесленники. В содержащем 300 с лишним имен официальном списке погибших на мартовских баррикадах значатся два или три купца, один владелец типографии, 26 мелких торговцев, несколько инженеров, служащих, учителей. Но подавляющее большинство погибших — это рабочие: печатники, слесари, ткачи.

Австрийцы занимали все окружавшие город средневековые крепостные стены, а внутри города препятствовали установлению связи между восставшими районами. Взобравшись на выступы Миланского собора, австрийские стрелки сверху поражали восставших.

У повстанцев было мало оружия; им противостояла хорошо оснащенная 15-тысячная австрийская армия. Рабочие вырывали булыжники из мостовой, выламывали железные прутья из церковных оград. Отдельные бойцы были вооружены средневековыми пиками, алебардами и мечами, захваченными в антикварных магазинах и театральных складах. На борьбу поднялись не только мужчины, но и женщины и дети. С крыш и из окон домов на австрийских солдат градом сыпались черепица и камни, лился кипяток.

Под огнем противника возникали всё новые и новые баррикады. Их строили из булыжника, из винных бочек, ящиков, карет, церковных скамеек, матрацев. В одном месте фабрикант фортепиано сам предложил строителям баррикад свои инструменты, в другом — рабочие и ремесленники, ворвавшись в трактир и не обращая внимания на протесты хозяина, вытащили оттуда столы и стулья. Неподалеку от управления по сбору налогов рабочие притащили на баррикаду сотни томов конторских книг, в которые австрийские чиновники годами записывали взимаемые с населения поборы.

Баррикад было более полутора тысяч. Некоторые из них были так прочны, что их не могли пробить даже пушечные ядра. Баррикады запирали все улицы, переулки, обрекали на бездействие австрийскую кавалерию.

На второй день борьбы восставшие миланцы стали осаждать здания, занятые австрийскими воинскими частями. Австрийские солдаты, ошеломленные натиском смелых, хотя и плохо вооруженных миланцев, начали отступать. «Этот народ превратился в фанатиков», — писал в этот день о жителях Милана главнокомандующий австрийской армией в Ломбардо-Венецианском королевстве фельдмаршал граф Радецкий. 19-го утром он разослал по провинциальным гарнизонам приказ — немедленно стянуть к Милану все находившиеся в Ломбардии и Венецианской области австрийские войска. Но войска из провинции не подошли, а за городскими стенами уже к концу второго дня восстания начали сходиться спешившие на помощь восставшей столице отряды крестьян и жителей соседних местечек.

В ночь на 20-е Радецкий приказал своим войскам оставить центр города, отступить к городским стенам и блокировать весь очаг восстания. Отступать австрийцам пришлось с боями; в спешке они оставляли большие запасы пороха и оружия.

ВОССТАНИЕ В МИЛАНЕ. СТЫЧКА У ВОРОТ ТОЗА
Ксилография 1848 г.

В течение двух дней народ сражался без всякого руководства. В вилле графа Таверна, где собирались либералы и руководители подпольных кружков, шли бесконечные споры. Представители республиканских групп тщетно уговаривали Казати организовать временное правительство. Казати не решался рвать с австрийским правительством. «Я — мэр, только мэр,— отвечал он на все уговоры возглавить правительство,— я никогда не пойду на незаконный захват власти».

К концу второго дня, видя бездействие муниципалитета, республиканцы решили создать Военный совет, позднее превращенный в Военный комитет, для руководства уличной борьбой. На рассвете 20 марта Военный совет был создан. Его возглавил сын миланского часовщика Карло Каттанео, крупный ломбардский экономист, буржуазный республиканец. В годы, предшествовавшие восстанию, он держался в стороне от подпольной работы мадзинистов.

17 марта вечером и даже 18-го утром Каттанео высказывался против восстания, считая. что у республиканцев нет реальных сил для победы. Но когда восстание вспыхнуло, когда, по заявлению Каттанео, «игральная кость была брошена», он пришел на виллу графа Таверна и взял на себя руководство борьбой. После создания Военного совета восстание начало приобретать более организованный характер. В каждом районе восставшего города выделялась главная баррикада, начальник которой объединял действия соседних баррикад и руководил боем. Члены Военного совета налаживали медицинскую помощь раненым, организовывали производство пороха, распределяли оружие, захваченное у австрийцев. Им удалось наладить связь между отдельными районами восстания. Каждые 3—4 часа выходили прокламации Совета, сообщавшие об одержанных победах, о поставленных задачах. Воспитанники сиротских приютов, пробираясь между баррикадами, разносили по поручению Совета эти прокламации в самые отдаленные уголки Милана. Непрерывно гудел набат, сзывавший окрестных жителей на помощь Милану. Воздушные шары с воззваниями,

обращенными к жителям отдаленных провинций, поднимались над восставшим городом.

Вскоре восстание охватило всю территорию Ломбардо-Венеции. Поднимались провинциальные города, местечки, деревни. Борьба против австрийского ига захватывала всё более широкие слои населения, превращалась в подлинно национальную войну за освобождение страны от чужеземного господства.

Восстания в провинции сыграли большую роль в общем ходе событий, связав силы австрийских гарнизонов и помешав им придти на помощь Радецкому. А на помощь Милану спешили студенческие батальоны из Павии и Падуи, колонны добровольцев из Брешии, Комо, Бергамо, отряды ломбардских крестьян. Дозорным, расставленным Военным советом на миланских колокольнях, было видно, как стекались к городу, заполняя все дороги и тропинки, потоки добровольцев.

20 марта Радецкий, встревоженный успехами восстания, предложил двухнедельное перемирие (ему нужно было время, чтобы стянуть резервы, и он надеялся, что длительный перерыв в борьбе ослабит восставших). Казати был в восторге от «гуманности австрийцев» и готов был принять предложение австрийского командования, но Военный совет энергично запротестовал, а бойцы баррикад, узнав о переговорах по поводу перемирия, стали кричать: «Смерть австрийцам!». Предложение Радецкого было отвергнуто.

Обеспокоенный противодействием республиканцев, Казати опубликовал декрет о переходе всей власти в восставшем городе к муниципалитету и о преобразовании Военного совета в Военный комитет при муниципалитете. В этот день он организовал еще ряд комитетов и управлений, создавая административно-управленческий аппарат, который должен был помочь ему удержать в своих руках власть после окончательной победы народа над австрийской военщиной.

21 марта Радецкий снова обратился к муниципалитету с просьбой о перемирии, на этот раз — всего на три дня. «Трехдневное перемирие необходимо, чтобы дать отдых войскам после сверхчеловеческих усилий и эффективнее окружить город»,— сообщал он в Вену.

Казати снова заявил о своей готовности принять предложение Радецкого о перемирии, и снова члены Комитета, поддержанные баррикадными бойцами, ответили на него категорическим отказом.

Так рушилась надежда Казати и других миланских умеренных либералов найти путь к компромиссу с Австрией. В страхе перед собственным народом они с большим нетерпением ждали теперь известия от сардинского короля, к которому еще 18 марта отправился с сообщением о начавшемся восстании один из миланских «альбертистов».

Гонец Карла-Альберта, прорвавшись сквозь расположение австрийцев, прибыл в Милан 21 марта. Он привез предложение военной помощи одновременно с требованием присоединения Ломбардии к Пьемонту. Споры, разгоревшиеся в вилле Таверна, стали еще более горячими. Казати настаивал на немедленном согласии. Каттанео выступал против принятия предложения Карла-Альберта. Пока не закончены бои, не время для политических дискуссий, говорил он. Народ сам решит свою судьбу, когда победа будет одержана. Пусть Карл-Альберт поможет Ломбардии освободиться от австрийцев, не ставя никаких условий!

Казати и Каттанео не удалось договориться, и Каттанео ушел на баррикады, так и не зная, что ответил Казати королю. Казати ответил Карлу-Альберту, что политические судьбы страны будут решены после изгнания австрийцев. Но в неофициальном письме, приложенном к этому официальному ответу, Казати просил короля скорее оккупировать Ломбардию.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ИЗ ТЮРЬМЫ МАНИНА И ТОММАЗЕО

Литография неизв. художника

Собрание Института Маркса — Энгельса — Ленина. Москва

Заставив умеренных отклонить предложения Радецкого о перемирии и отказаться, по крайней мере официально, от немедленного слияния с Пьемонтом, члены Военного комитета не решились, однако, на открытый разрыв с крупными собственниками. Как и большинство миланских республиканцев, Каттанео и его единомышленники считали, что комитет должен стоять «в стороне от политики», т. е. не пытаться захватить власть. Некоторые более решительные республиканцы 21 марта советовали Каттанео взять власть в свои руки, указывая, что народ верит Военному комитету и поддержит его. «Сейчас не время для политики»,— упорно твердил Каттанео.

Умеренные немедленно воспользовались этой ошибкой республиканцев. 22 марта, готовясь к передаче власти Карлу-Альберту, Казати сформировал Временное правительство, включив в него Джулини, Барромео, Дурини, т. е. всю руководящую группу умеренных либералов. «Я взял власть исключительно для того, чтобы предупредить анархию»,— писал позднее Казати личному секретарю и другу Карла-Альберта графу Кастаньето.

Казати боялся, что Военный комитет воспротивится захвату власти Временным правительством, но Каттанео, по его собственному заявлению, был первый, кто признал новое правительство. 22 марта утром он заявил Казати, что власть, врученную ему «самим восстанием», он передает Временному правительству. Так «отказ от политики» фактически привел Каттанео и его единомышленников к пагубной политике соглашения с умеренно-либеральной верхушкой миланской буржуазии и к передаче ей власти.

Положение австрийских войск тем временем все более ухудшалось. В австрийском штабе царила растерянность. Радецкий уже не ждал больше подкреплений из провинций — он знал, что восстание стало всеобщим.

22 марта Военный комитет начал общий штурм городских ворот, для чего были сооружены «подвижные баррикады» — укрытия на колесах. К месту штурма были подтянуты все людские резервы, а также несколько пушек, отобранных у австрийцев. Военное руководство принял сам Каттанео. Ворота были взяты, и отряды волонтеров, скопившиеся по ту сторону городских стен, с восторженными криками хлынули в город. Австрийцам удалось к концу дня взять ворота обратно, но все, в том числе и Радецкий, прекрасно понимали, что этот частичный успех не спасет австрийцев от конечного поражения.

К концу дня 22 марта до Радецкого дошли слухи о готовящемся выступлении пьемонтской армии. В ночь на 23 марта австрийское командование, чувствуя себя не в силах подавить восстание, отдало приказ об отступлении из Милана. Уходя, австрийцы убивали женщин и детей, выжигали целые кварталы.

Так почти безоружный народ изгнал из своей столицы 15-тысячную австрийскую армию. Милан совершил «...самую славную революцию из всех революций 1848 г.»[1].

Мартовские дни в Венеции

В Венеции известия о революции в Вене произвели такое же глубокое впечатление, как и в Милане. Утром 17 марта множество жителей Венеции кинулось к зданию венецианской городской тюрьмы и освободило Манина и Томмазео. Вечером того же дня на площади перед губернаторским дворцом начались кровавые стычки населения с полицией. На следующий день стычки возобновились. В городе начали строить баррикады; народ, как и в Милане, выламывал булыжник из мостовой и железные прутья из оград. Мастерские и лавки были закрыты.

Австрийские власти держались в Венеции значительно менее уверенно, чем в Милане. Их положение здесь было особенно шатким, так как австрийский гарнизон в Венеции состоял наполовину из призванных в австрийскую армию итальянцев. Поэтому 18 марта австрийское командование, чтобы не дать борьбе разгореться, спешно отвело войска в казармы. Венецианский муниципалитет, боявшийся вооруженного выступления народа, выпустил обращение, сообщавшее, что австрийские власти разрешили организацию национальной гвардии; обращение призывало народ «быть достойным одержанной победы» и сохранять спокойствие. Даже Манин, популярность которого в те дни была особенно велика, старался ослабить начавшееся народное движение. По словам современника, подкрепленным собственным признанием Манина, он «отсылал рабочих в их мастерские и уговаривал купцов открывать лавки».

Вечером в порт прибыл австрийский пароход, доставивший подробные известия о победе революции в Вене, и венецианский губернатор Палфи, выйдя на балкон, поздравил собравшихся на площади горожан с введением самоуправления. Венецианские дворяне, банкиры и оптовики, с нескрываемым испугом следившие за ростом народного движения, ответили ему возгласом: «Да здравствует Австрия!». На следующий вечер богатые кварталы города были иллюминованы и в театре публика первых рядов устроила Палфи овацию. Но на площади перед дворцом продолжались бурные народные сходки и демонстрации; в разных концах Венеции трудящиеся массы и мелкая буржуазия открыто заявляли о своей нена-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 259.

висти к австрийцам. В городе ходили мрачные слухи, что австрийцы собираются бомбардировать Венецию.

На квартире у Манина шли в эти дни почти непрерывные совещания. Взгляды будущего диктатора во многом изменились со времен его легальной оппозиции. Теперь, когда революция охватила многие государства Европы и можно было рассчитывать на помощь ряда европейских стран, и прежде всего Франции, Манин стал склоняться к мысли, что полное освобождение Италии возможно и близко. Лучшей для Венеции формой государственного строя он считал «Республику св. Марка». Венеция была республикой в течение 14 столетий и перестала быть ею только в последние 50 лет. Самое слово «республика» было здесь связано с веками минувшей славы. Святой Марк считался покровителем Венеции. Народ в него верил и ему молился. Манин был твердо убежден, что только республика встретит полное и единодушное одобрение венецианцев. Он не мог не учитывать также, что в Венеции республика именно в силу консервативного смысла, какой вкладывался здесь в это понятие, не должна встретить особого сопротивления и у местной буржуазии. Однако он не хотел, чтобы эта новая республика была простым повторением старой. Он думал о республике, которая соединит старое наименование с буржуазно-демократическими реформами. Манин не хотел, чтобы Венеция, после изгнания австрийцев, оказалась в руках простого народа, и стремился оттянуть изгнание австрийских войск, пока у местной буржуазии не окажется своя вооруженная сила. 18—20 марта была создана и вооружена национальная гвардия. В нее влилось до 2 тыс. молодых людей из буржуазных и отчасти дворянских семей. И только после этого Манин счел восстание против австрийцев своевременным и возможным.

ДАНИЭЛЬ МАНИН

Литография неизв. художника

Собрание Института Маркса — Энгельса — Ленина. Москва

Манин предполагал начать восстание с захвата арсенала. Арсеналом в Венеции называлась отгороженная от города часть бухты с доками и верфями, где ремонтировались и строились австрийские корабли. Там было много рабочих и матросов; там были и австрийские склады боеприпасов. Захват их был бы решающей победой революции. Но Манин и теперь не обращался к народу. В его квартире собирались в те дни адвокаты, писатели, представители состоятельной буржуазии. Планы Манина казались им не выполнимыми. Даже Томмазео, с которым он в предреволюционные годы вместе боролся и сидел в тюрьме, называл их утопией.

В ночь на 22 марта (день, назначенный для захвата арсенала) Манин созвал виднейших умеренных либералов Венеции. Последние не хотели ни республики, ни восстания. Они готовы были удовлетвориться обещанным австрийцами самоуправлением. Манин проспорил с либералами всю ночь, но ни до чего не договорился. Он был в отчаянии, когда утром 22 марта запыхавшийся гонец принес ему весть о событиях в арсенале.

Арсенал жил в те дни общей жизнью с городом и в то же время там происходили свои внутренние события. Находившиеся в арсенале итальянские матросы и офицеры тяготились своей принадлежностью к австрийскому флоту; рабочие стремились вступить в национальную гвардию. Они ненавидели своего жестокого начальника, австрийского полковника Мариновича, и 21 марта вечером, узнав о восстании в Милане, толпой отправились к его дому. Мариновичу удалось бежать, но на следующий день он снова появился в арсенале. На этот раз рабочие настигли и убили его в старинной башне, куда Маринович взобрался в поисках спасения. Это убийство не было простым актом мести: молодой рабочий, прибежавший сообщить о нем муниципалитету, кричал, что теперь, когда пес убит, они не хотят больше австрийцев в арсенале!

Узнав о случившемся, Манин немедленно направился в арсенал в сопровождении нескольких республиканцев и своего 16-летнего сына. В пути к нему присоединялись отдельные добровольцы, и его отряд возрос до 100 человек.

Появление Манина в арсенале послужило сигналом к немедленному восстанию. Рабочие, сбегаясь со всех концов верфи, отдавали себя в распоряжение Манина. Итальянцы-матросы и итальянцы-офицеры приветствовали его появление, а присланные губернатором итальянские солдаты срывали с себя австрийские нашивки. Перепуганный начальник арсенала без сопротивления передал Манину ключи от складов.

Было 3 часа дня, когда Манин с группой своих соратников появился в арсенале. Около 5 часов он, во главе целой колонны рабочих арсенала и перешедших на сторону народа матросов и солдат, появился на площади перед дворцом. К этому времени весть о событиях в арсенале уже распространилась по городу, и площадь была заполнена народом. Манин торжественно провозгласил восстановление Республики св. Марка. Народ ответил восторженными приветственными криками. Итальянцы — солдаты австрийской армии — перешли на сторону народа, Палфи подписал акт о капитуляции. Австрийские власти оставляли в городе боеприпасы и вооружение; австрийские солдаты должны были немедленно отплыть в Триест.

Вечером того же дня умеренные либералы сделали попытку захватить власть в свои руки. Венецианский муниципалитет, раньше стремившийся договориться с австрийцами, выпустил прокламацию, которая извещала население о создании Временной правительственной комиссии, но ничего не говорила о республике, и не упоминала о Манине среди членов комиссии. Прокламация муниципалитета вызвала в городе взрыв возмущения. Правительственной комиссии пришлось этой же ночью отказаться от власти. Утром следующего дня, т. е. 23 марта, Манин, явившись в здание муниципалитета, сам составил список членов Временного правительства Республики св. Марка. Список этот был зачитан собравшемуся народу с балкона дворца, где еще недавно хозяйничали австрийцы. Новое правительство возглавлялось президентом Маниным и состояло из его единомышленников и друзей — представителей средних слоев буржуазии и буржуазной интеллигенции. На правах министра без портфеля вошел в правительство и один ремесленник, беззаветно преданный Манину портной Тоффолли.

Победоносное восстание охватило в те же дни и все провинции Венеции, а также герцогства Модену и Парму, где власть, как и в Ломбардии, перешла в руки умеренных либералов.

Мартовские дни в Пьемонте. Объявление войны Австрии

Весть о восстании в Ломбардо-Венеции с чрезвычайной быстротой распространилась по всей Италии и вызвала во всех городах бурный восторг ремесленников, рабочих, прогрессивной буржуазии, мелкопоместного дворянства. Крупные буржуа и богатые помещики стремились использовать начавшееся освобождение Италии от австрийцев в своих интересах и добиться ее объединения сверху.

Население Турина, узнав о восстании в Ломбардии, пришло в необычайное волнение. Левые газеты призывали оказать немедленную помощь Ломбардии. Студенты требовали прекращения занятий в университете и добивались отправки в Милан. Торговцы и промышленники, адвокаты и учителя, владельцы мелочных лавок и небольших мастерских, ремесленники и рабочие, столпившись у здания почты, куда прибывали дилижансы из Милана, с волнением ждали новых известий. В разных концах Турина собирались толпы народа. Ораторы требовали оружия и немедленного объявления войны Австрии. Началась запись добровольцев.

На следующий день, 20 марта, в городском саду состоялся огромный митинг желающих сражаться в Ломбардии против австрийцев. Волонтеры в поисках оружия двинулись к городскому арсеналу, но двери арсенала были заперты. Тогда делегация во главе с вожаком левых Брофферио отправилась к председателю совета министров Бальбо с требованием немедленно выдать оружие добровольцам, отправляющимся в Ломбардию. Вечером в городе гудел набат; в пунктах, где правительство открыло предварительную запись волонтеров, стояли длинные очереди.

Русский посланник в Пьемонте Кокошкин в этот вечер доносил в Петербург, что население лихорадочно рвется в бой против австрийцев и что он сомневается, чтобы правительству удалось сдержать массы.

Правительство растерялось. В королевском дворце под председательством Карла-Альберта почти непрерывно заседал кабинет министров.

Правительство смущала враждебная позиция, занятая по отношению к восстанию в Ломбардии посланниками Англии и России; но больше всего и министров и всех пьемонтских крупных собственников тревожил народный характер ломбардского восстания. Карл-Альберт особенно боялся, что ломбардцы, изгнав с его помощью австрийцев, установят у себя республиканский строй.

Поэтому король направил в Милан своего представителя, чтобы получить согласие на немедленное слияние Ломбардии с Пьемонтом. В ожидании ответа он старался избегать малейших столкновений с Австрией. Все действия правительства в эти дни были рассчитаны и на случай войны и на случай мира. Король двинул к границе Ломбардии несколько батальонов, чтобы предотвращать пограничные столкновения пьемонтского населения с австрийскими войсками. В королевстве было объявлено о формировании добровольческих батальонов, но губернаторам пограничных провинций было строго приказано не пропускать эти батальоны в Ломбардию. «Народный энтузиазм несвоевременен и неуместен», — писал губернаторам этих провинций 19 марта министр внутренних дел Риччи. Министр иностранных дел Парето 22 марта, за день до объявления войны, заверял австрийского посланника в стремлении туринского правительства обеспечить дружеские и добрососедские отношения с Австрией.

Но возбуждение в королевстве все возрастало. В Турине демонстрация следовала за демонстрацией. В пунктах, где происходила запись волонтеров, стояли длинные очереди, хотя правительство, чтобы уменьшить

число желающих записаться, объявило, что срок пребывания в отрядах волонтеров будет не меньше года. «Если государи не отдадут своих шпаг на службу свободе... народы будут биться за свободу без них»,— грозили левые газеты Турина.

В Генуе и пограничных с Ломбардией провинциях общее возбуждение было еще сильнее, чем в столице. Там, по выражению Карла-Альберта, сказывались явные «признаки революционных страстей», самочинно организовывались военные комитеты, создавались отряды волонтеров, жители отливали пули и заготовляли оружие. Правительство опасалось, что революционное брожение возрастет еще больше в случае утверждения республики в Ломбардии. «Положение в Пьемонте таково, что при получении известия об объявлении республики в Ломбардии подобное же движение вспыхнет и здесь»,— сообщал Парето представителям иностранных дворов.

23 марта утром вышел номер газеты «Рисорджименто» («Risorgimento») с нашумевшей в те дни статьей Кавура.

«Пробил великий час савойской династии,— писал Кавур.— Час смелых решений... Один только путь открыт для нации, для правительства, для народа: война! Война немедленная и без отлагательств... Фактически нация уже вступила в войну с Австрией... Она уже бросилась на помощь Ломбардии... Не от нас зависит решать, возьмем ли мы на себя инициативу военных действий... Мы находимся в условиях, когда смелость становится истинным благоразумием, когда дерзость более мудра, чем осторожность... Перед лицом миланских событий, когда нетерпеливые народы вооружаются и идут против иностранца, остановиться было бы жалкой политикой..., которая заставила бы, возможно, древний трон савойской монархии рухнуть под ударами возмущенных народов».

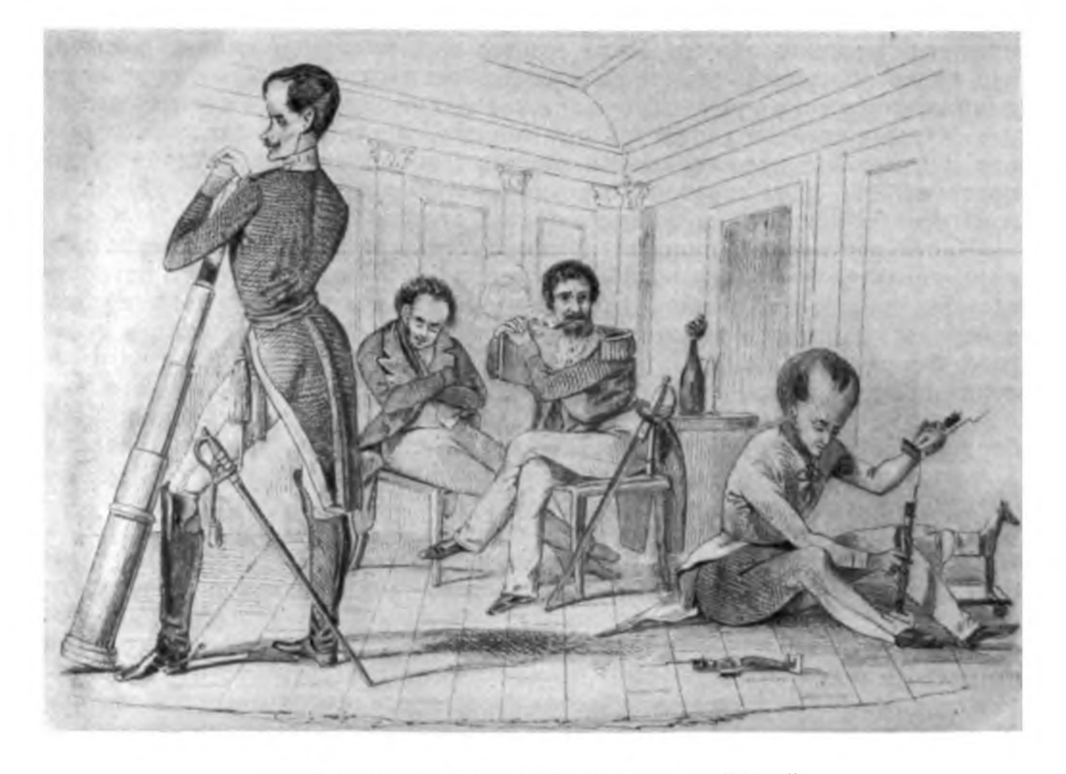
23 марта днем, когда в Турине уже стало известно об отступлении австрийцев из Милана, в окруженном густой толпой королевском дворце собрался кабинет министров. Среди министров отсутствовало единство мнений. Большинство во главе с Бальбо растерянно твердило о неподготовленности армии к войне. При первом голосовании за войну высказались лишь два министра. Тогда один из них, министр внутренних дел Риччи, прямо заявил, что если война не будет немедленно объявлена, он не ручается за целость монархии, не ручается даже за жизнь короля. Только после этого вторичным голосованием было, наконец, принято единогласное решение.

Был уже поздний вечер, и народ, собравшийся на площади перед дворцом, в суровом молчании ждал решений. Наконец, Карл-Альберт с трехцветным национальным знаменем в руках вышел на балкон в сопровождении своих министров. Война Австрии была объявлена. Слова, подготовленные королем для этого торжественного случая, тонули в восторженных криках собравшихся: «Да здравствует свободная Италия! Да здравствует Карл-Альберт, король Италии!».

В официальной прокламации к населению Ломбардо-Венеции Карл-Альберт обещал ему свою помощь на этот раз без всяких условий.

Мартовские дни в Риме

«Впечатление, произведенное революцией в Вене на Рим, невозможно описать»,— доносил царскому правительству русский представитель при папском престоле Бутенев. После получения известий о событиях в австрийской столице, в Риме зазвонили колокола, народ вышел на улицы. Студенты бросились к зданию австрийского посольства, требуя снятия с него императорских гербов и черно-желтых флагов. Послу, который попытался оказать сопротивление, студенты иронически посоветовали пойти потолковать о политике с изгнанным из Парижа министром Луи-Филиппа Гизо. В конце концов императорские регалии были изрублены в куски

КАРЛ-АЛЬБЕРТ И ФЕРДИНАНД АВСТРИЙСКИЙ
Карикатура из журн. «Il Don Pirlone». Рим. 1848 г.

и под звуки траурного марша торжественно сожжены на одной из площадей Рима. На здании австрийского посольства народ поднял трехцветный флаг, а на стене посольства чья-то рука написала: «Дворец итальянского Учредительного собрания».

23 марта население Рима узнало о восстании в Милане. Деятелями «Народного клуба» были немедленно организованы демонстрации с требованием оружия. Днем в древнем Колизее состоялся грандиозный митинг. Тысячи людей, затаив дыхание, слушали монаха Алессандро Гавацци, призывавшего объявить крестовый поход против Австрии. «Я окутаю этот крест черной вуалью,— сказал Гавацци, подняв белое распятие,— и я не сниму с него траурного крепа, пока последний австриец не будет изгнан из Италии». Многие из присутствующих восторженно аплодировали Стербини, требовавшему от богачей, чтобы они взяли на себя финансирование войны. «Люди из народа будут приносить жертвы кровью,— говорил адвокат,— привилегированные — жертвовать деньгами».

На следующий же день римская знать вынуждена была открыть подписку на военные нужды. Кружки для сбора пожертвований были демонстративно установлены у самого здания австрийского посольства. Римские богачи — князья Боргезе, Дориа, банкир Торлония и другие — жертвовали тысячи скуди, отдавали военному ведомству своих лошадей, коляски, стараясь посредством этих небольших затрат разрядить царившее в городе напряжение.

Приказ об отправке войск и волонтеров против австрийцев римское правительство отдало 23 марта, уже после первых демонстраций. «Было невозможно избежать этого,— писал в этот день в частном письме один из папских министров, умеренный либерал Мингетти.— Не было другого

средства усмирить массы. Папа сдался под влиянием наших доводов, что иначе поступить невозможно и что, если правительство не возьмет инициативы в свои руки, народ заставит его это сделать, и кто еще знает, как». О вынужденном характере мероприятий папского правительства говорит и донесение русского посланника в Риме Бутенева: «Я думаю, что правительство идет навстречу народным требованиям с тем, чтобы избежать еще большего возмущения в случае отказа».

Части регулярной папской армии выступили из Рима 24 марта под командованием умеренного либерала генерала Дурандо. С ним в качестве адъютанта выехал д'Адзелио. В последующие два-три дня из Рима двинулись и отряды волонтеров и национальной гвардии под командованием генерала Феррари. И солдаты, и волонтеры, и широкие слои римского населения были уверены, что папским правительством уже объявлена война Австрии или будет объявлена в ближайшие дни, и что войско идет в Ломбардию. Но тайный приказ папского правительства требовал от генерала Дурандо «остановиться на границах Ломбардо-Венеции».

23 марта находившиеся в Риме умеренные либералы из различных итальянских государств обратились к папе с просьбой о созыве итальянского Национального собрания. Собрание, не лишая итальянских государей самостоятельности, должно было выработать единую для всех государств политическую линию. «Не будем строить себе иллюзий,—говорилось в этом обращении.—Необходимость Собрания очевидна... Необходимо всеми силами стремиться предотвратить раздоры, конфликты, гражданскую войну, которые, когда исчезнет внушаемый Австрией страх, станут более чем возможны».

Мартовские дни в Тоскане

21 марта во Флоренции, столице Тосканы, площадь перед дворцом Леопольда II заполнилась шумной толпой, приведенной туда адвокатом Моранди. В своей речи он резко критиковал политику умеренных и доказывал, что они недостойны доверия народа и неспособны руководить начавшейся в Италии освободительной войной. Он требовал образования кабинета левых и обещал собравшейся на площади бедноте, что этот кабинет снизит цены на хлеб, соль и табак.

Выступление левых вызвало во дворце переполох. Министры немедленно отправились на площадь и стали убеждать народ, что приказ об отправке войск уже отдан. Им удалось представить Моранди смутьяном, разжигающим раздоры в великие для родины дни, и даже натравить легковерную толпу на адвоката. Последнему едва удалось спастись.

«Наступил час полного возрождения Италии,— гласила спешно отпечатанная правительством прокламация Леопольда II.— Мы не можем отказать общей родине в помощи... Я отдал войскам приказ без замедления идти к границе».

Неудачная попытка левых взять в свои руки власть внушила Леопольду II и его министрам некоторую уверенность в своих силах. Утром 22 марта во Флоренции были устроены торжественные проводы отправлявшихся против Австрии войск и волонтеров, но днем в городе стало известно, что дальнейшая отправка войск на север прекращена. Между тем во Флоренцию, Пизу и Ливорно продолжали прибывать из соседних городков и селений всё новые отряды добровольцев. Задержка с их отправкой вызывала всеобщее возмущение; первые волнения на этой почве возникли уже в конце дня. Тогда правительство пустило слух, что окончательная победа над австрийцами уже одержана, и что помощь добровольцев уже не нужна. «Дело, которое мы защищаем, победило. Нет более необходимости идти навстречу опасностям и трудностям войны»,— гласила изданная в Пизе официальная прокламация. Но приток добровольцев не ослабевал, и скоро во Флоренции дело чуть не дошло до кровавых столкновений

ДЕМОНСТРАЦИЯ ВО ФЛОРЕНЦИИ

Ксилография 1848 г.

между волонтерами и национальными гвардейцами. Волнения усиливались. 24 марта народ и здесь устремился к австрийскому посольству, чтобы сорвать со здания императорские эмблемы. Демонстранты распевали воинственные песни, ругали министров и заставляли домовладельцев устраивать иллюминации в честь независимости Италии.

Правительство все еще надеялось избежать войны с Австрией. Леопольд II, не прекращавший все эти дни тайной переписки с Радецким, удерживал австрийского посланника во Флоренции и упорно приглашал его во дворец. «Я глубоко возмущен нападением, совершенным вчера на австрийское посольство»,— писал 25 марта австрийскому посланнику тосканский министр иностранных дел Нери Корсини.

Войска, вышедшие 22 марта из Флоренции, Ливорно и Пизы, узнали в пути, что их отправляют вовсе не в Ломбардию, а в пограничные с Тосканой округа Модены. Волонтеры, потрясая оружием, кричали, что пойдут в Ломбардию сами. 29 марта Леопольду II пришлось приказать своим войскам сконцентрироваться на границах Модены и Ломбардии с тем, чтобы, дождавшись подхода римских отрядов, вместе с ними влиться в пьемонтскую армию. В ноте, переданной Нери Корсини австрийскому послу в Тоскане, говорилось, что события в Ломбардии «вызвали

в столице великого герцогства настолько сильное возбуждение, что есть полное основание ожидать с минуты на минуту чрезвычайно серьезных потрясений»; министр добавлял, что народ хочет придти на помощь Ломбардии, и что великий герцог счел себя обязанным в интересах сохранения трона удовлетворить это желание. Это было, конечно, объявлением войны Австрии, но каким робким и унизительным!

Мартовские дни в Королевстве Обеих Сицилий

В Неаполе, как и повсеместно в Италии, формировались добровольческие отряды. Буржуа, либеральные дворяне, интеллигенция, ремесленники настойчиво требовали объявления войны Австрии. Необходимость уступок общественному мнению была очевидна. Даже австрийский посланник передал Фердинанду II, что «его величество император не будет оскорблен посылкой волонтеров».

Правительство надеялось ограничиться отправкой на север отрядов добровольцев, но демонстранты настойчиво требовали отправки регулярных войск. Был случай, когда военный министр, выйдя на балкон дворца, попробовал было поторговаться с собравшимся на площади народом. «Я пошлю одного солдата на каждого волонтера»,— заявил министр. Но возмущенный народ ответил на это предложение криками «мало» и возгласами: «Долой министров!», «Двух солдат на одного волонтера, трех!...» и т. п.

В этих условиях противиться отправке регулярных войск против Австрии было бы для правительства равносильно самоубийству. Поэтому 27 марта было торжественно объявлено, что неаполитанский корпус отправится в Тоскану, чтобы действовать на границах Ломбардии «сообразно обстоятельствам».

Волнения в Неаполе все же продолжались. Город не верил заявлениям правительства, чувствуя, что в королевском дворце, в посольствах Австрии и России плетутся сети интриг в пользу ненавистной монархии Габсбургов. «Мой дом становится каждый вечер настоящей крепостью,— писал в Петербург царский посланник в Неаполе Крептович,— его окружают войсками из страха, чтобы с него не сорвали флаги империи».

Общие итоги мартовских дней

Первая итальянская война за независимость началась в марте 1848 г. при благоприятных для Италии обстоятельствах. В Европе бушевала революционная гроза. Силы Австрийской империи были подорваны внутренней борьбой, в итальянских городах наблюдался бурный подъем национально-освободительного движения. В мартовские дни простой народ и наиболее революционные слои буржуазии фактически оказались на короткий срок почти полными хозяевами в стране. Феодальные слои населения, издавна связанные с Австрией, испуганно притаились; государи, большинству которых объединение Италии грозило потерей трона, и их умеренно-либеральные министры, боявшиеся массовых движений, не смели и думать о том, чтобы открыто противопоставить народу свою волю. Они понимали, что народный поток снесет их, если они попытаются открыто преградить ему путь.

Всё это, однако, длилось недолго. Народ поверил в искренность вынужденных мероприятий правительств; левые либералы, монархически настроенные, пошли за правительствами, и даже республиканцы, верные своей тактике сотрудничества с либералами, не противопоставили им своей особой программы.

Когда схлынула мартовская волна, в городах, из которых только что ушли на фронт отряды волонтеров, наступило некоторое затишье; государи и их министры снова почувствовали твердую почву под ногами. Пере-

хватив у революционно-демократических групп инициативу и руководство военными действиями, умеренные поставили своей целью победить Австрию, но при этом превратить народную национально-освободительную войну в «королевскую войну» за воссоединение Италии. А эта тактика приводила их к компромиссу с дворянско-феодальными кругами и государями. Пий IX, еще в 1847 г. втайне призывавший австрийские войска на итальянскую землю, был провозглашен умеренными духовным вождем «священной борьбы» за освобождение, а Карл-Альберт, боявшийся угрозы республиканского переворота больше, чем австрийцев, был объявлен «военным вождем» восставшей за свою независимость Италии.

Конечно, ни итальянские государи, ни их министры (из умеренных либералов) и не думали о наделении крестьян землей, а это одно могло укрепить национально-освободительное движение в деревне. Все усилия правящих группировок были, наоборот, направлены на «успокоение» народа. Между тем национальное воссоединение и победа начавшейся в Италии революции целиком зависели от силы и активности народного движения.

«Народ, который хочет завоевать себе независимость,— писал позднее, говоря об итальянской революции 1848—1849 гг., Маркс,— не может ограничиться *обычными* способами ведения войны. Массовое восстание, революционная война, партизанские отряды — вот способы, при помощи которых маленький народ может одолеть большой...»[1].

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В СЕВЕРНОЙ ИТАЛИИ

Отступление Радецкого из Милана

Армия Радецкого в беспорядке отступала из Милана. Идти было трудно. Местность была изрезана каналами искусственного орошения, а крестьяне и жители соседних деревень на пути отступления австрийцев рыли ямы, разрушали мосты, валили деревья. Они прятали от австрийских солдат продовольствие, стреляли в них из-за угла. Армия, потрепанная пятидневными боями, деморализованная поражением, голодная и усталая, передвигалась с трудом. Дисциплина быстро падала, росло дезертирство.

Милан ликовал. Над каждым домом развевались трехцветные национальные флаги. На улицах, где еще сохранились остатки неразобранных баррикад, шумели толпы народа. Город был полон пришельцев из окрестных городов и селений. Крестьяне с косами и серпами, рабочие, ремесленники, промышленники, студенты, журналисты, адвокаты бурно праздновали победу. Изгнание Радецкого укрепило веру народа в свои силы. Победа над австрийцами казалась ему окончательной, а военная помощь Пьемонта — ненужной. Республиканские настроения быстро росли; возгласы: «Да здравствует республика!» раздавались в Милане все чаще.

Крупные буржуа и помещики боялись республиканского переворота. Быстрое занятие Ломбардии войсками Карла-Альберта казалось им в эти дни единственным средством избежать перехода власти в руки республиканцев. Казати торопил Карла-Альберта с оккупацией Милана. «Не теряйте ни минуты,— писал он 23 марта графу Кастаньето.— Пример Франции может стать роковым... опоздание может быть фатальным... Скажите королю, что только быстротой решений можно предотвратить бурю».

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VII, стр. 337.

26 марта в Милан вступил спешно отправленный Карлом-Альбертом пятитысячный отряд пьемонтских войск. Умеренные восторженно приветствовали пьемонтцев, но в массах их прибытие вызвало волнения, мощные демонстрации протеста. Временное правительство тщетно пыталось уверить миланцев, что «пьемонтцы явились как друзья». Отряд пришлось вывести из Милана уже на следующий день.

Умеренные чувствовали, что почва колеблется у них под ногами. Убедившись, что попытка военной оккупации неизбежно вызовет народное возмущение, они направили все усилия на то, чтобы подготовить передачу власти Карлу-Альберту. Для этого нужно было убить веру народа в свои силы и убедить его, что окончательная победа над австрийцами невозможна без помощи короля. Поэтому возглавляемое Казати Временное правительство ничего не делало для организации преследования отступающей и ослабленной австрийской армии. Под различными предлогами оно задерживало отряды волонтеров в Милане и на все лады повторяло в своих прокламациях, что изгнание Радецкого из Милана было чудом, а дважды рассчитывать на чудо нельзя, что для окончательной победы над австрийцами нужны пушки, выучка, регулярная армия, т. е. то, чего нет в Ломбардии и что есть в Пьемонте.

Члены Военного комитета пытались противопоставить этой дезорганизаторской политике Временного правительства свою волю к победе. Однако все их попытки наталкивались на скрытое, но упорное сопротивление правительства. Собранные ими отряды добровольцев задерживались в дороге, заключенные ими договоры на покупку оружия расторгались. Членам Военного комитета следовало взять власть в свои руки, что в этот момент было вполне возможно, так как руководство военной борьбой в дни восстания сделало Каттанео едва ли не самым популярным человеком в Ломбардии, а изгнание австрийцев из Милана привело к резкому усилению республиканских настроений. Но, боясь разжечь классовую борьбу, Каттанео и его товарищи попрежнему воздерживались от решительных действий. Больше того, 31 марта, когда Временное правительство отклонило предложенный Военным комитетом план партизанской борьбы, комитет подал в отставку.

Временное правительство расчищало дорогу Карлу-Альберту, но тот не торопился. 24-тысячная пьемонтская армия, (не считая первого спешно отправленного в Милан отряда), перешла ломбардскую границу только 26 марта. Карл-Альберт и его окружение, со страхом ожидая республиканского переворота в Ломбардии, боялись и за Пьемонт; это заставляло их по возможности избегать столкновений с австрийской армией. Правящие круги Турина опасались, что в противном случае окажется невозможной быстрая переброска войск в Пьемонт для подавления революции. Боялись они и роста республиканских настроений в Ломбардии после окончательного изгнания оттуда австрийцев.

«Чего хотят эти господа, знаем ли мы это? — писал в те дни о ломбардцах близкий к королю граф Кастаньето,— на другой день после победы они могут объявить республику и выставить нас за дверь». «Король не хочет сражаться за республику»,— повторял он в письме к Казати.

Пьемонтская армия легко настигла ослабленные и деморализованные войска фельдмаршала Радецкого. Она следовала за австрийцами по пятам, но сражения им не давала. Дни шли, а военные действия сводились, по меткому выражению русского посланника в Риме, к одним только «маршам и контрмаршам».

Тем временем войска Радецкого стали оправляться от первых поражений. Австрийская армия увеличилась: в нее влились под общим командованием гарнизоны отдельных городов. Дисциплина в армии начала восста-

навливаться, и ее отступление уже не походило на беспорядочное бегство. После жестоких карательных мероприятий окрестные жители уже не осмеливались оказывать войскам сопротивление.

В начале апреля австрийская армия подошла к четырехугольнику крепостей на границе Ломбардии и Венеции. Это был небольшой плацдарм, образованный течением трех рек Минчио, Адиже и По, где на расстоянии 15—20 миль одна от другой высились крепости Верона, Мантуя, Пескьера и Леньяно.

Гражданское население крепостей горячо сочувствовало национальному движению, и если бы Карл-Альберт во-время послал туда свои батальоны, крепости очутились бы в его руках. Но Карл-Альберт этого не сделал, и 5 апреля Радецкий беспрепятственно ввел свою армию в главную крепость — Верону, а затем и в остальные крепости. Здесь австрийская армия могла собраться с силами, подготовиться к переходу в наступление. Борьба, после изгнания австрийцев из Милана, казалось, почти уже законченная, приобретала затяжной характер.

В итальянском лагере это поняли далеко не сразу. «В Милане, как и в Турине,— писал 7 апреля французский посол в Пьемонте,— царит сумасшедшая и наиболее опасная уверенность. В министерствах, в обществе, на улицах только и видишь и слышишь людей, для которых вопрос о независимости кажется вопросом решённым... Австрия кажется призраком, а Радецкий — тенью».

Вопрос о слиянии Ломбардии и Венеции с Пьемонтом

В полном согласии со своим кабинетом Карл-Альберт уже с первых дней войны стремился к немедленному созданию королевства Северной Италии, т. е. к присоединению Ломбардо-Венецианской области, Модены и Пармы к Пьемонту. В Модене и Парме дело обстояло с его точки зрения сравнительно благополучно. Здесь, правда, происходили время от времени республиканские демонстрации, но все же государства эти были слишком слабы, чтобы оказать сопротивление планам пьемонтского правительства. Но республиканская Венеция упорно не хотела понять настойчивые намеки Карла-Альберта, и даже в Ломбардии объединительные попытки Пьемонта в апреле 1848 г. неожиданно натолкнулись на сопротивление.

Пьемонт, промышленно менее развитый, чем Ломбардия, оставался и после введения конституции государством по своему правовому и административному укладу в значительной мере полуфеодальным, тогда как в Ломбардии действовали введенные еще при французском господстве буржуазные по духу законы. Да и конституция Карла-Альберта была чрезвычайно консервативной, давала перевес дворянству. Поэтому ломбардская буржуазия боялась, что при существующих в Пьемонте порядках ее интересы будут ущемлены дворянством. Ее пугало также то, что столицей объединенного королевства Северной Италии станет Турин и что в этом случае Милан неизбежно превратится в обычный провинциальный город.

В мартовские дни, когда страх богатых миланских собственников перед народом был особенно силен, ломбардские умеренные готовы были пренебречь этими соображениями и без оглядки кинуться в объятия Пьемонта. Но успокоившись и убедившись, что республиканцы не делают попыток к захвату власти, они поняли, что со слиянием им нечего торопиться.

На упорные настояния Пьемонта Казати отвечал теперь пространными рассуждениями о том, как опасно бывает «опередить общественное мнение». Отношение Временного правительства Милана к вопросу о слиянии вызывало в Пьемонте в апреле 1848 г. сильное раздражение. Военный министр Пьемонта Франчини открыто грозил Казати и Временному правительству, что пьемонтская армия в случае отказа от слияния уйдет

за реку По. Альбертистская печать кричала, что король либеральничает с республиканцами, а в середине апреля группа офицеров пьемонтского генерального штаба даже обратилась к Карлу-Альберту с требованием очистить Ломбардию и, прикрыв от австрийцев Модену и Парму, увести свои войска обратно в Пьемонт.

Военные действия в апреле 1848 г.

Тем временем положение на фронте требовало от итальянцев решительных и быстрых действий. Запасы продовольствия в четырехугольнике крепостей были невелики, и это выдвигало на первый план проблему коммуникаций, так как без подкреплений продовольствием, людьми и боеприпасами из Австрии Радецкий не мог перейти в наступление. Основной путь из Австрии к четырехугольнику крепостей вел через венецианские земли. От того, в чьих руках будет этот путь, зависел исход войны. Некоторые офицеры пьемонтского генерального штаба настаивали на переброске значительной части армии в Венецию, но Карл-Альберт отклонил этот проект. Подойдя к крепостям почти вслед за Радецким, король остановился в бездействии.

Между тем во второй половине апреля австрийский генерал Нугент двинулся из Триеста со сформированной там 13-тысячной армией и большим запасом продовольствия и боеприпасов через Венецианскую область на соединение с Радецким. Правительство Венецианской республики немедленно обратилось к Карлу-Альберту с просьбой о помощи. Жители венецианских городов, которым угрожало новое нашествие австрийцев, посылали к королю делегацию за делегацией. Король встречал их любезно, но давал неопределенные ответы, а его военный министр открыто говорил, что даром ничего не делается и что не королю защищать Венецианскую республику.

«Мы ждем, чтобы Ломбардия, наконец, решила, стоит ли она за нас или за республику»,— писал 18 апреля из ставки сын Карла-Альберта герцог Фердинанд. «Если она выскажется за нас... мы приложим все усилия; если она нас не пожелает, мы уйдем на правый берег реки По... и подождем, пока австрийские подкрепления спустятся в Ломбардию. Тогда-то ломбардцы будут вынуждены нас позвать!»

Венецианская республика не располагала еще регулярными войсками, а войска других итальянских государств к середине апреля все еще не перешли границы. Нугент, легко сломив сопротивление добровольческих отрядов, пытавшихся его задержать, двигался вперед на соединение с Радецким, предавая огню и мечу всё встречавшееся на пути.

21 апреля Нугент подошел к Удине. Этот маленький венецианский городок осмелился оказать австрийцам сопротивление, и Нугент обрушил на него всю мощь своей артиллерии. Трехчасовой бомбардировки оказалось достаточно, чтобы местные богачи, тяготившиеся республикой, заговорили о сдаче. Составленный из умеренных либералов Военный комитет города постановил начать с Нугентом переговоры. Весть об этом вызвала в городе взрыв возмущения. Местный епископ, отправившийся к австрийцам для переговоров, подвергся оскорблениям. Когда стало известно, что на другой день австрийцы войдут в Удине, в городе начались кровавые стычки между волонтерами и сторонниками капитуляции. Военный комитет объявил себя распущенным, народ сделал попытку создать новое правительство, но до занятия Удине австрийскими войсками оно успело лишь выпустить несколько прокламаций.

Удине был первым итальянским городом, захваченным австрийцами с начала революции и войны. Весть о его падении произвела в стране удручающее впечатление. Все взоры обратились к Карлу-Альберту. Венецианское правительство — в который раз! — послало к нему депутацию

с мольбой о поддержке. Но пьемонтская армия продолжала топтаться у четырехугольника крепостей, «изучать местность» и «производить рекогносцировки».

К прежним мотивам предательского бездействия Карла-Альберта прибавился новый: король ожидал исхода переговоров с представителем австрийского правительства князем Гертигом в Турине.

Неудача переговоров с Австрией. Миссия Гертига

Князь Гертиг был послан из Вены в Италию почти одновременно с вторжением генерала Нугента в Венецианскую область. Задача его состояла в том, чтобы, опираясь на успехи Нугента, склонить Пьемонт и Ломбардию к заключению мира. Ослабленное внутренней борьбой, австрийское правительство дало своему представителю широкие полномочия. Он мог даже в крайнем случае согласиться на независимость Ломбардии, но Венецианскую область, прикрывавшую подступы к австрийскому Тиролю, императорское правительство упорно оставляло за собой.

Оставить Венецию Австрии значило предать национальное дело. Карл-Альберт, ненавидевший Венецианскую республику и считавший Ломбардию неплохим приобретением, готов был согласиться на австрийское предложение. Он ожидал решения пьемонтского кабинета, но общее настроение в Италии было таково, что идти на подобное соглашение с Австрией значило вызвать новый революционный взрыв. Пьемонтское и ломбардское правительства ответили Гертигу отказом, и Карл-Альберт не стал оспаривать их решений. Однако мысль, зароненная австрийским дипломатом, не пропала даром.

Карл-Альберт все больше привыкал смотреть на непокорную республику как на отрезанный и брошенный австрийцам ломоть. Надеясь на скорое возобновление мирных переговоров, он попрежнему не спешил с активными военными действиями, но ему нужна была хоть какая-нибудь видимость военного успеха, чтобы парализовать усиливавшиеся в самом Пьемонте и в Ломбардии нападки на его бездействие. Поэтому вскоре после неудачных переговоров с австрийским правительством Военный совет пьемонтской армии принял решение об осаде Пескьеры, самой маленькой из крепостей четырехугольника. Крепость эта не имела стратегического значения, и ее гарнизон состоял всего из полутора тысяч хорватов.

В последних числах апреля пьемонтская армия начала сосредоточиваться у стен Пескьеры.

Глава двенадцатая

МАРТОВСКИЕ РЕВОЛЮЦИИ В ГОСУДАРСТВАХ ЮГО-ЗАПАДНОЙ, ЗАПАДНОЙ И СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ГЕРМАНИИ

К началу 1848 г. революционная ситуация в Германии полностью сложилась.

Выступления крестьян и рабочих, а также беднейших ремесленников, направленные против помещиков и капиталистов, участились. Одновременно заметно усилилась и растерянность, царившая среди властей.

Среди многочисленных политических требований, которые к началу 1848 г. выдвигались оппозицией на местах, одно, бесспорно, носило общий характер и было теснейшим образом связано с основным вопросом приближавшейся революции — с вопросом национального объединения Германии. Это было требование созыва всегерманского парламента, выдвигавшееся повсеместно не только буржуазией, но и широкими массами народа. Громадный успех имело предложение Бассермана, сделанное 12 февраля во второй баденской палате: создать «с помощью представительства сословных палат при Союзном сейме... надежное средство для распространения единого законодательства и общих национальных учреждений».

Не только в Бадене, но и в других частях Германии предложение Бассермана встретило горячее одобрение. Еще более горячий и сочувственный отклик встретили в Германии, и прежде всего в Бадене, известия о революции в Париже.

МАРТОВСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В БАДЕНЕ

Первые революционные выступления в Маннгейме и Карлсруэ

В Маннгейме лидеры оппозиционного движения вечером 26 февраля приступили к выработке текста массовой политической петиции с целью добиться, наконец, «осуществления справедливых требований народа».

Невиданный подъем охватил в последние дни февраля население Бадена. Геккер, принимавший непосредственное участие в составлении петиции, позднее вспоминал, что у него в ушах еще много времени спустя продолжали звучать повторяемые на разные лады слова: «В Париже идет борьба против короля-лавочника и лавочника-короля...

Теперь скорее за дело освобождения Германии! Теперь скорее за дело, чтобы провести, наконец, в жизнь все то, о чем раньше так много говорили и к чему так страстно стремились!»

В маннгеймской петиции, прочитанной на другой день Струве с трибуны палаты, были четко сформулированы четыре основных политических требования, которые затем под названием «мартовских» в немногие дни обошли все города Юго-Западной Германии: 1) вооружение народа с правом избрания офицеров, 2) неограниченная свобода печати, 3) суд присяжных, 4) немедленный созыв германского парламента. Заканчивалась петиция словами: «Представители народа! Мы требуем, чтобы вы приняли эти предложения к неуклонному исполнению. Мы готовы отдать за них жизнь и имущество, а вместе с нами, мы в этом уверены, готов это сделать весь немецкий народ!..»

Правительство в лице министра Бекка стремилось выиграть время, чтобы организовать отпор начинающейся революции. Положиться на собственные войска оно уже не могло, так как баденские солдаты — об этом сообщал в Петербург русский посол Озеров — тоже «находились под впечатлением парижских событий», а из соседнего Вюртемберга, куда немедленно был послан адъютант великого герцога Леопольда, помощь не приходила. Только 29 февраля, после получения известий о провозглашении республики во Франции, Бекк на заседании палаты объявил о своем намерении в ближайшем будущем издать новый закон о печати и ввести суд присяжных. Власти разрешили, правда, со многими оговорками, вооружение бюргеров, но вопрос о созыве германского парламента предпочли обойти молчанием. Не спешил Бекк и с отстранением реакционных министров Трефурта и Регенауэра.

Петиции, подобные маннгеймской, принимались и в других городах Бадена. В столице этого герцогства, Карлсруэ, положение также было напряженным. В ночь на 29 февраля здесь был арестован журналист Карл Блинд, подготовлявший с несколькими своими единомышленниками-рабочими провозглашение республики. Арестованы были также два унтерофицера, обещавшие открыть республиканцам цейхгауз и снабдить их оружием.

К 1 марта в Карлсруэ со всех концов Бадена начали прибывать депутации от различных городов, чтобы своим участием в массовой народной демонстрации поддержать политические требования народа, окончательно сформулированные Геккером и до известной степени повторявшие требования, выдвинутые ранее демократами на Оффенбургском собрании 12 сентября 1847 г. Среди этих требований, наряду со всеобщим избирательным правом, ответственным министерством и различными политическими свободами, фигурировали такие расплывчатые и неопределенные социальные требования, как «охрана и гарантия труда» и «уничтожение несогласий между трудом и капиталом».

Министерство Бекка и либеральное бюргерство

Умеренное буржуазное большинство баденской второй палаты было не менее самого правительства испугано размахом народного движения и оказывало противодействие радикальным депутатам. По предложению либерала Мати, палата постановила передать народные требования на рассмотрение специальной комиссии, рассчитывая таким путем оттянуть принятие радикальных решений.

Однако в ночь на 2 марта в Карлсруэ запылало подожженное с трех концов здание министерства иностранных дел. Из Оденвальда и Шварцвальда стали приходить сведения о начавшихся крестьянских выступлениях. В этой обстановке даже умеренные бюргеры почувствовали необходимость пойти навстречу требованиям народа, которые и были на

следующий день утверждены громадным большинством палаты. К указанным четырем основным требованиям прибавлены были теперь, под давлением народных масс, требования равномерного распределения налогов, ответственного министерства, несменяемости судей, чистки государственного аппарата от реакционеров.

Великому герцогу баденскому Леопольду и его первому министру не оставалось ничего другого, как пойти на дальнейшие уступки, хотя посланники русского и прусского дворов всячески отговаривали их от этого. 4 марта герцог обещал депутатам палаты удовлетворить их требования, а 9 марта Бекк сообщил палате об отставке Трефурта и Регенауэра и замене их либеральными чиновниками Бруннером и Гофманом. Старый реакционер Блиттерсдорф, представитель Бадена при Союзном сейме, был отозван из Франкфурта-на-Майне, а на его место назначен либерал Велькер. Через несколько дней за ним во Франкфурт последовал другой лидер либералов — Бассерман, назначенный членом особой комиссии 17 доверенных лиц, созданной по инициативе Союзного сейма. Одновременно Бекк возвестил о подготовке указа о всеобщей амнистии и закона об отмене феодальных повинностей.

К середине марта власть в Бадене фактически перешла в руки местных либеральных бюргеров. «Силы правительства с каждым днем идут на убыль», — доносил 15 марта Озеров, сообщая, что дисциплина в баденских войсках резко падает. Даже младшие офицеры организовали собрание в местной гостинице и выдвинули собственные требования. Во Фрейбурге волнения среди солдат приняли угрожающие для правительства размеры.

Усиление республиканской пропаганды в Бадене

Наблюдавшийся в первые недели революции подъем массового движения в городе и деревне способствовал усилению республиканской пропаганды. Струве в своем «Немецком наблюдателе» («Deutscher Beobachter») и особенно Фиклер в своих издававшихся в Констанце «Озерных листах» («Seeblätter») фактически уже с первых дней марта открыто пропагандировали идею создания немецкой федеративной буржуазно-демократической республики, подчеркивая, что «время абсолютизма прошло, и наступило время верховенства народа». Фиклер уже 9 марта на народном собрании в Штокахе самолично провозгласил республику. Испуганным баденским буржуа она представлялась прелюдией к грабежу и насильственному имущественному уравнению.

В условиях возраставшей активности народных «низов» республиканская пропаганда должна была очень скоро навсегда разбить даже то кажущееся единство в рядах антиправительственной оппозиции, которое наблюдалось в первые дни революции. Среди имущих классов росла тревога, усиливалось стремление возможно скорее восстановить нарушенный «порядок». «В случае необходимости бюргеры охотно выступят совместно с войсками, чтобы воспрепятствовать выступлению пролетариев и коммунистов»,— писал в Петербург 12 марта Озеров, сообщая о создании в Бадене национальной гвардии.

Народное собрание в Оффенбурге

Особенно большое волнение в кругах либеральной буржуазии вызвали резолюции, принятые 19 марта на организованном республиканцами массовом народном собрании в том самом Оффенбурге, где уже в сентябре 1847 г. состоялся съезд радикалов. Республика там не была провозглашена, но собрание заявило о своем желании «подготовить почву для установления республики», притом не только в одном Бадене, но и во всей Германии. В резолюциях, принятых после горячих речей Геккера, Струве, Брентано, говорилось, что народ не доверяет новому, хотя и пополненному

либералами, министерству, равно как и большинству членов баденской второй палаты. Далее перечислялись новые требования народа: слияние постоянной армии с гражданской милицией, введение прогрессивно-подоходного налога, уничтожение всех привилегий и отделение школы от церкви.

Особенно большое значение имело то, что в резолюциях Оффенбургского собрания предусматривалось укрепление демократической партии путем организации разветвленной сети союзов-комитетов, охватывающих всю баденскую территорию, от самого маленького села до столицы. Подобную организацию предполагалось в дальнейшем распространить на всю Германию. Демократический Центральный комитет, избранный на самом собрании и возглавленный Геккером, должен был обеспечить связь баденских республиканцев с республиканцами других германских государств.

Обострение политической борьбы после Оффенбургского собрания

Огромное большинство либеральных депутатов палаты, приглашенных принять участие в Оффенбургском собрании, бойкотировало его. «Половинчатые» с явным недоверием отнеслись к инициативе Геккера и Струве: уже за несколько дней до 19 марта группа фрейбургских профессоров в особом воззвании призывала народ не идти за республиканцами. После опубликования Оффенбургских решений поворот либеральных буржуа вправо, в сторону компромисса с контрреволюционными кругами становился столь явным и очевидным, что 25 марта в своем очередном донесении Озеров отмечал выступление «нынешних консерваторов» с Велькером во главе против республиканцев. Орган либеральной оппозиции, гейдельбергская «Немецкая газета» («Deutsche Zeitung») из номера в номер выступала против Геккера и Струве, стремясь дискредитировать их, как сторонников республики, в глазах немецкого мещанства.

Уже к 19 марта вюртембергский король по просьбе великого герцога сконцентрировал целый корпус, чтобы придти на помощь баденскому правительству против группы, возглавляемой Геккером и Струве, и против возможного вторжения легиона немецких рабочих и эмигрантов из Франции, собиравшихся в Эльзасе. 21 марта в палате состоялось секретное заседание, чтобы «обсудить ответные меры на этот случай». При этом большинство палаты почти единодушно выразило полное доверие правительству Бекка, а выступление присутствовавшего на заседании Геккера не получило на этот раз никакого отклика в палате. «Те, кто еще недавно находились в самой решительной оппозиции, теперь выступают, как консерваторы»,— доносил Озеров. Палата, по предложению Бассермана, единодушно просила правительство «действовать самым энергичным образом» — арестовывать и судить без промедления виновных в нарушении «порядка» или в покушении на собственность.

Известия о событиях в Вене и Берлине усилили республиканское движение на юго-западе Германии. Уже 26 марта на массовых народных собраниях во Фрейбурге и Гейдельберге раздавались открытые призывы к провозглашению республики. Геккер, Струве и другие руководители баденской мелкобуржуазной демократии укрепляли ряды своей партии и готовились к открытой борьбе за торжество республиканской идеи во всей Германии.

МАРТОВСКИЕ РЕВОЛЮЦИИ В ДРУГИХ ГОСУДАРСТВАХ ГЕРМАНИИ

Мартовская революция в Гессен-Дармштадте и Вюртемберге

В соседних с Баденом Гессен-Дармштадте и Вюртемберге мартовские события развертывались хотя и не так бурно, но все же достаточно стремительно, чтобы насмерть испугать представителей местной дворянской знати.

При первых же известиях из Парижа вожаки либеральной оппозиции в Дармштадте во главе с Генрихом фон Гагерном заявили о своем согласии с предложением Бассермана о немедленном созыве всегерманского парламента. К 1 марта в Майнце под непосредственным руководством радикального адвоката Цица была разработана массовая петиция. 2 марта в местной сословной палате была принята резолюция, требовавшая свободы печати, суда присяжных, вооружения народа.

Колебания перепуганного гессенского герцога Людвига II длились недолго. Подчиняясь силе обстоятельств, он должен был пойти на уступки — отменить цензуру и призвать к власти Гагерна, вместо непопулярного министра внутренних дел, реакционера Тиля. В качестве соправителя престарелому герцогу пришлось, под давлением общественного мнения, призвать к власти собственного сына, что до известной степени походило на отречение от престола. Буржуазное большинство дармштадтской сословной палаты встретило все эти вынужденные уступки взрывом восторга и даже криками: «Да здравствует герцог!»

Республиканцы и демократы в герцогстве Гессенском были не столь активны, как в Бадене, но и здесь, в связи с широко разлившейся волной крестьянских выступлений, стал громче звучать голос Цица, поддерживавшего связи с Геккером и с немецкими эмигрантами в Швейцарии и во Франции.

В Вюртемберге король Вильгельм I сразу после получения известий из Парижа предпринял ряд шагов для организации отпора революции. Он запросил правящие круги Австрии и Пруссии об их намерениях и завязал переговоры с правительствами Бадена и Гессена относительно мобилизации VIII союзного корпуса против возможного французского нашествия. Близкие родственные связи с русским царствующим домом внушали Вильгельму I уверенность в своих силах. В беседах с князем Горчаковым он неизменно подчеркивал свои надежды на помощь Николая I, и это позволяло русскому посланнику с удовлетворением писать в Петербург: «Взоры всех обращены к императору. Судьбы Европы бесспорно в его руках». В Штутгарте, писал Горчаков, «видят спасение в соглашении всех консервативных государей между собой».

Нессельроде, в свою очередь, при посредстве Горчакова стремился не только поднять дух начавшего трусить вюртембергского короля, но и уверить его в безусловной поддержке со стороны русского императора. «Положение делается день ото дня все более серьезным,— писал канцлер Горчакову еще 16 (28) февраля, до получения известий о революции в Париже,— важно, чтобы правительства, в руках которых находится еще власть и имеются средства для успешной защиты принципов порядка и консерватизма в Европе, сомкнули свои ряды и организовали с общего согласия оборону против революционного потока...»

29 февраля в Штутгарте начались первые уличные демонстрации, причем и здесь получил широкое распространение текст маннгеймской петиции. К началу марта возбуждение в Штутгарте зашло так далеко, что Вильгельм I вынужден был пойти по стопам двух соседних правителей. 2 марта он объявил свободу печати в Вюртемберге, 9 марта призвал к власти лидеров буржуазной оппозиции — Рёмера, Пфицера и Дювернуа.

О своих подлинных чувствах и намерениях Вильгельм I откровенно заявлял Горчакову. «Нет возможности верхом отправляться в поход против идей», — говорил он ему, прося передать Николаю I, что он стремится «выиграть время до того момента, когда великие державы захотят и смогут придти ему на помощь». Горчаков освещал в своих донесениях и позицию бюргерства: «Буржуазия, кажется, начинает понимать, что в ее же собственных интересах в настоящий момент поддерживать правительство», — писал Горчаков в первые же дни мартовской революции. «Крестьянские выступления внесли страшную тревогу в среду богатых бюргеров; здесь говорят, что вслед за помещичьими замками очередь дойдет и до магазинов», — писал он несколько позднее. О том, что вюртембергские конституционалисты не меньше Бассермана и Мати боялись распространения республиканизма, можно судить по рассказу графа Берольдингена, уступившего свое министерское место либералу Рёмеру. Последний, принимая из рук Берольдингена министерский портфель, казался «проникнутым пониманием опасности положения» и «горячо заявлял о своей готовности приложить все старания для защиты трона».

Мартовская революция в Баварии

В Баварии напряжение продолжало нарастать всю вторую половину февраля и ко времени первых уличных выступлений в Маннгейме и Карлсруэ достигло высшей точки.

26 февраля радикально настроенные бюргеры Мюнхена начали подготовлять подачу массовой петиции, но Нюрнберг успел предупредить столицу: он первый из баварских городов предъявил королю требования народа. Мюнхенцы предъявили свои требования несколько позднее, когда в городе уже начались уличные волнения.

Подобно баденцам, баварцы требовали прежде всего полного уничтожения цензуры, введения суда присяжных, ответственного министерства, принесения войсками присяги на верность конституции. Они настаивали, кроме того, на незамедлительном созыве палаты представителей для обсуждения и немедленного проведения в жизнь выдвинутых народом требований.

Почти одновременно с адресами и петициями городов к королю обратился председатель палаты имперских советников, либерально настроенный сановник князь Лейнинген, направивший во дворец одно за другим три послания. В первом из них, датированном 1 марта, он предлагал Людвигу I отказаться от услуг министра внутренних дел Беркса, ставленника и любимца Лолы Монтес; в других посланиях Лейнинген заклинал короля отказаться от полумер, пойти навстречу народным требованиям и милостиво принять депутации бюргеров.

Только народные демонстрации сломили упрямство своенравного баварского монарха. С утра 2 марта на стенах мюнхенских зданий появились плакаты с требованиями немедленной отставки Беркса. Вечером состоялись первые массовые демонстрации, во время которых были совершены нападения на оружейные лавки. Дом Беркса, успевшего бежать из Мюнхена, подвергся разгрому. Кое-где в Мюнхене в этот первый день народного движения, по примеру Парижа, возводили баррикады с целью затруднить продвижение вызванных из казарм войск. На крышах, на столбах появились трехцветные флаги и знамена, а наряду с ними и первые красные флаги. Крики против «короля-распутника» перемешивались с возгласами в честь всегерманской республики. Движение не утихало и в следующие дни. 3 марта королю был вручен составленный бюргерами и покрытый тысячами подписей адрес. Одновременно к королю обратились студенты, просившие о разрешении организовать собственный вооруженный отряд. Крики: «Долой министерство Лолы!» продолжали оглашать баварскую столицу.

Людвиг I попытался опереться на силу штыков и сабель. Днем 4 марта он облек генерала князя Вреде диктаторскими полномочиями. Однако мюнхенцы штурмом овладели цейхгаузом города и, вооружившись не только ружьями, но и старинными мечами и алебардами, завладели улицами. Людвиг вынужден был согласиться на более быстрый созыв палаты; ее сессия была перенесена с 31 на 16 марта. Народ, однако, требовал гарантий. В Мюнхен продолжали прибывать петиции с требованиями политических свобод; на улицах столицы собирались огромные массы ремесленников и рабочих.

В войсках, потерявших доверие к королю, царило уныние и замечались признаки раздражения. Кое-где солдаты начинали брататься с народом. Это в конце концов заставило короля пойти на удовлетворение почти всех основных народных требований. Днем 6 марта был обнародован королевский указ, возвещавший о незамедлительной передаче на рассмотрение палаты законопроектов об уничтожении цензуры, установлении ответственности министров, расширении избирательного права, введении суда присяжных и т. д.

Насмерть перепуганный монарх готов был теперь обещать вышедшему из повиновения народу решительно все, но это не мешало ему на другой же день после сделанных народу уступок в конфиденциальной беседе говорить прусскому посланнику о том, что «германский парламент — нелепость!»

Созданное Лолой Монтес министерство во главе с князем Валлерштейном было смещено. 7 марта министром внутренних дел был назначен бургомистр Регенсбурга либерал Тон-Дитмар. 11 марта получил отставку и министр иностранных дел Валлерштейн, замененный графом Вальдкирхом.

Тем временем неожиданное самовольное возвращение в столицу Лолы Монтес ускорило свержение короля. Авантюристка имела наглость в ночь на 9 марта появиться в Мюнхене, где и была в конце концов арестована на улице. Вскоре стало известно, что король посетил Лолу Монтес в полицейском участке.

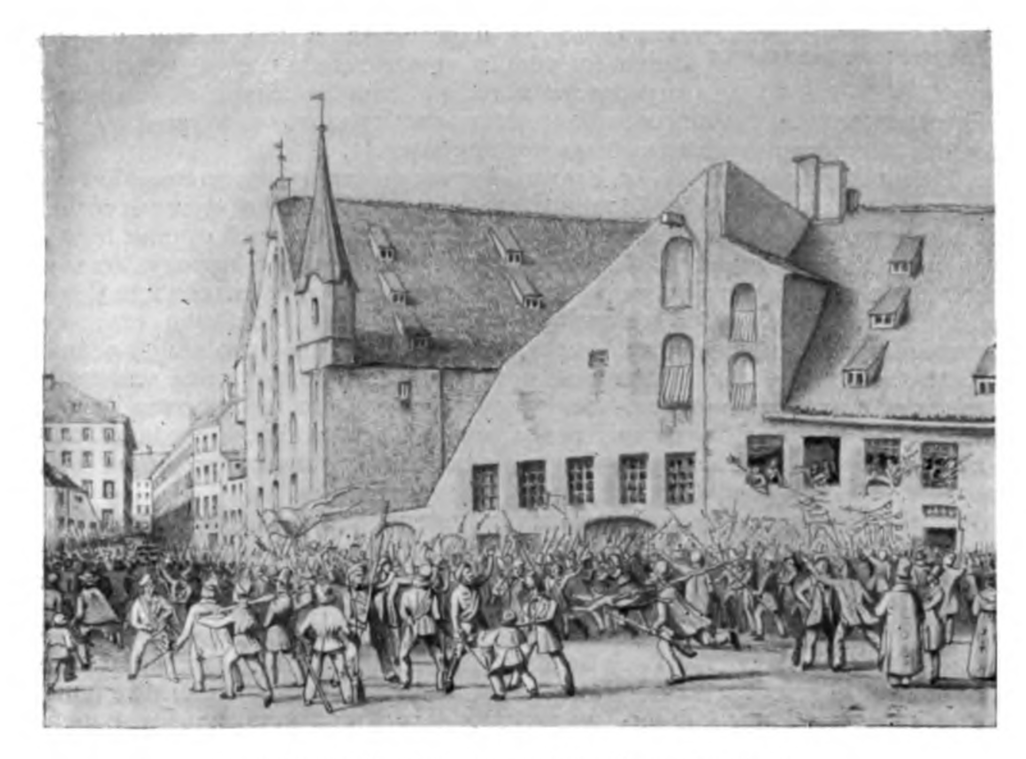
17 и 18 марта на улицах Мюнхена появились толпы возмущенного народа, требовавшего «повесить распутного короля».

«Я являюсь теперь королем только по видимости»,— горестно повторял Людвиг I. В ночь на 21 марта он отрекся от престола в пользу своего сына принца Максимилиана.

Мартовская революция в Кургессене

Так же как и в юго-западном углу Германии, события развертывались в других мелких и средних государствах между Рейном и Эльбой. Уже в первые дни марта революционное движение, начавшееся в Бадене и Вюртемберге, перешагнуло линию реки Майн и с огромной быстротой распространилось дальше в северном и восточном направлениях. И всюду, как в Карлсруэ и Штутгарте, в первые мартовские дни подписывались и подавались многочисленные петиции, содержавшие обычно одни и те же политические требования. Всюду под давлением вооружившихся народных масс государи вынуждены были идти на уступки, смещать министров-реакционеров и заменять их лидерами местного либерально-оппозиционного движения.

Так складывались, например, события в соседнем с Дармштадтом Кургессене, где с 29 февраля в ряде городов начались первые уличные демонстрации, направленные против курфюрста Фридриха-Вильгельма и его первого министра Шеффера. И в столице этого маленького герцогства Касселе, и в университетском городе Марбурге, и в особенности в пограничном городе Ганау в первые дни марта царило большое возбуждение. В Ганау

ЗАХВАТ ЦЕЙХГАУЗА В МЮНХЕНЕ 4 МАРТА 1848 Г.

Литография В. П.

Собрание Института Маркса — Энгельса — Ленина. Москва

вскоре после получения первых известий из Парижа выбрана была «комиссия из доверенных лиц от всех слоев народа» и было создано бюро для связи с рейнскими городами. Жители Ганау, успевшие раньше других организовать отряды гражданской гвардии, вскоре предъявили курфюрсту свои требования, грозя, в случае их отклонения, или провозгласить республику, или присоединиться к соседнему Гессен-Дармштадту. Туда для переговоров с регентом был направлен представитель гражданской гвардии Пфлюгер.

Увлеченные примером Ганау, кассельцы и марбуржцы выделили из среды местного бюргерства депутации для ведения переговоров с курфюрстом. Последний встретил эти депутации весьма недружелюбно и заявил им, что не собирается выпускать власть из своих рук.

Ободренные известиями из Бадена, жители Ганау на эти надменные слова курфюрста ответили ультиматумом, который заканчивался так: «Пришел час, ваше высочество, когда вы должны показать свое отношение к народу. Не мешкайте ни одного мгновения и даруйте целиком все, чего требуют от вас... Волнения приняли грозный характер. Из соседних городов подходят вооруженные отряды. Ваше высочество! Пойдите навстречу требованиям!»

11 марта курфюрст Фридрих-Вильгельм вынужден был уступить (огромные толпы вооруженного народа окружили к этому времени его дворец) и «даровать» все, чего от него требовали: всеобщую амнистию, свободу печати, замену реакционных министров людьми, пользующимися доверием народа.

Мартовская революция в Ганновере

В Ганновере царствовал в это время король Эрнст-Август, ознаменовавший свое вступление на престол в 1837 г. уничтожением конституции и преследованием геттингенской «семерки» либералов, осмелившейся протестовать против правительственного произвола.

В первые дни марта 1848 г. Эрнсту-Августу были предъявлены обычные в те дни политические требования, среди которых созыв всегерманского парламента занимал, как и всюду, первое место. Упрямый старик первоначально наотрез отказался пойти навстречу бюргерам и народу, заявив, что он сам достаточно хорошо представляет ганноверский народ при Союзном сейме. Но сторонники либеральной оппозиции, особенно студенты геттингенского университета, немедленно ответили на это новой волной политических адресов и петиций, которые были поддержаны уличными демонстрациями вооружившегося народа. «Здесь та же тактика, что и повсюду,— петиции бюргеров, поддержанные мятежами,— сообщал русский посланник Мансуров,— и мы еще здесь далеки от конца всей драмы».

Лишь 22 марта последовала капитуляция короля, оказавшегося вынужденным, по примеру всех других немецких государей, удовлетворить политические требования оппозиционных слоев населения.

Мартовская революция в Саксонии

В Саксонском королевстве мартовские события развертывались примерно так же.

Вскоре после получения известий из Парижа либеральный профессор К. Бидерман, по поручению собрания лейпцигских городских советников, приступил к составлению адреса королю Фридриху-Августу II. Адрес этот был составлен в столь умеренных и робких выражениях, что вызвал протесты со стороны более радикальных элементов, во главе которых стоял популярный в Саксонии журналист Роберт Блюм. Под давлением Блюма текст адреса был переработан, ему был придан более решительный тон. После единогласного одобрения адрес был 2 марта отправлен в Дрезден. Король не спешил с удовлетворением народных требований. Он принял депутацию, но отпустил ее фактически ни с чем, заявив, что представителям городского управления вообще незачем заниматься политическими вопросами.

Поведение саксонского короля вызвало волну протестов. Особенно волновалась огромная толпа людей, собравшаяся в ожидании королевского ответа перед лейпцигской ратушей. Через несколько дней в Дрезден был отправлен новый адрес, составленный в более решительных выражениях и до известной степени похожий на принятую 19 марта в Оффенбурге программу баденских демократов.

Выступления лейпцигцев были горячо поддержаны другими саксонскими городами, в частности Хемницем и Цвиккау. Особенно большое возбуждение царило в промышленных округах Саксонии — в Рудных горах и Фогтланде с их голодающим крестьянским и рабочим населением.

Позднее, чем в других саксонских городах, втянулось в начавшееся движение население мещанского и чиновного Дрездена. Только в десятых числах марта начались здесь народные волнения и демонстрации, вынудившие реакционное министерство Кеннерица 13 марта подать в отставку. Оно было в ближайшие дни заменено новым, полулиберальным министерством, главной фигурой которого явился весьма умеренный лейпцигский профессор фон-дер Пфордтен. Он объединил в своих руках два портфеля — иностранных дел и религиозных культов. Новое министерство включило в свою программу ряд обычных «мартовских» требований и, стремясь выиграть время, пошло на уступки общественному мнению оппозиционных кругов.

ПОХОД ВОССТАВШИХ НА НЕЙЕНБУРГ 1 МАРТА 1848 Г.

Ксилография 1848 г.

В Саксонии, как и в других частях Германии, пришли в движение широкие массы населения. Даже такой тихий, верноподданнический город, каким всегда был столичный Дрезден, по словам русского посланника Шредера, «после пяти-шести дней нового порядка вещей больше невозможно было узнать... Никто не может больше спокойно пойти по своим делам. Налицо всеобщее и все возрастающее возбуждение».

КЛАССОВАЯ БОРЬБА В ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ПОСЛЕ МАРТОВСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Поворот либеральной буржуазии вправо

В первые недели мартовской революции либеральной буржуазии Западной и Юго-Западной Германии без большого труда удалось использовать в своих узко-классовых интересах небывалый революционный подъем, который охватил широкие слои немецкого народа. На плечах вышедших на улицы рабочих и ремесленников больших городов буржуазным либералам удалось придти к власти.

Захватив все важнейшие министерские портфели, они принялись в интересах крупных собственников, купцов и фабрикантов уничтожать стоявшие на пути капиталистического развития препятствия, но делали это нерешительно, робко, боясь слишком сильно расшатать старый аппарат власти. О тех, кто своей борьбой помог им захватить политическую власть, они, конечно, не помышляли. Наоборот, во всех германских государствах либералы не только отвернулись от своих союзников из рядов народа, но и обнаружили открытую враждебность по отношению к ним:

буржуазию уже пугал размах народного движения, пугали вышедшие на улицу толпы безработных, голодающих рабочих и ремесленников, пугали выступления крестьянских масс, направленные не только против помещиков, но и против городских капиталистов-ростовщиков, безжалостно эксплуатировавших сельскую бедноту.

«Ты не можешь себе представить, как сильно напуганы здесь некоторые люди,— писал своей жене из Маннгейма уже 3 марта один из лидеров баденских либералов, Мати,— они сами не знают, кого им следует больше бояться — французов или же собственных соотечественников».

О том, как круто изменились под влиянием первых массовых выступлений народных «низов» взгляды и настроения даже передовой буржуазной интеллигенции того времени, можно судить по письмам автора «Жизни Иисуса», Давида Штрауса. «Какие времена наступили! — писал он 29 февраля из Гейльбронна своему близкому другу,— ведь это осуществляются наши юношеские мечты, наши затаенные помыслы!» А через несколько недель тот же Штраус в письме к другому товарищу мрачно твердил о том, что такому человеку, как он, «жилось куда привольнее в старом полицейском государстве, чем теперь... Тогда на улицах царило спокойствие и не было видно ни возбужденных людей, ни шляп с отвислыми полями, ни бород...» «К этому сошествию духа на батраков и служанок, к этой нынешней уличной мудрости,— добавлял Штраус,— я могу относиться только сугубо иронически и презрительно».

Роль рабочих и беднейших ремесленников в мартовской революции

Рабочие и беднейшие ремесленники составляли основную силу начавшегося революционного движения. Вначале они еще не выдвигали собственных социальных требований и послушно шли за левым крылом буржуазной демократии, приветствуя те общие и туманные пожелания — «благосостояния для всех» или «уничтожения недоразумений между трудом и капиталом», которые расточались в речах Геккера, Струве, Фиклера и других баденских республиканцев. Только в редких случаях рабочие уже в первые дни революции выдвигали собственные социальные требования. Лишь позднее, к концу первого месяца революции, обострение классовых противоречий стало толкать пролетариев больших немецких городов, а также беднейших ремесленников к оформлению собственных классовых требований — той программы социальных реформ, с которой в первые же дни февральской революции выступили французские рабочие. Только тогда на страницах левой немецкой печати стали появляться первые воззвания, в которых только что образовавшиеся в Западной и Юго-Западной Германии «рабочие союзы» требовали от новых властей ответа на вопрос: «Что будет сделано для улучшения положения низших классов?» Но и тогда в этих рабочих союзах наряду с голодающими пролетариями, выступали мелкие мастера-хозяйчики. Поэтому в воззваниях рабочих союзов не было недостатка в призывах к классовому единению и миру.

Незрелость рабочего движения и отсутствие классово-пролетарских организаций не мешали, однако, либеральному буржуа видеть именно в рабочих больших городов главную угрозу своему господству. И хотя о коммунистической пропаганде в первые недели мартовской революции нигде в Германии ничего не было слышно, именно страх перед «красным призраком» повсеместно загонял имущие классы в объятия крайних реакционеров. Этот страх предопределял ту подлую линию политического компромисса с монархией, дворянством и военщиной, которую стали проводить все без исключения «мартовские министерства».

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЮЖНОЙ И ЮГО-ЗАПАДНОЙ ГЕРМАНИИ

Выступления крестьян в Бадене

Крестьянские волнения вспыхнули на юге и юго-западе Германии вскоре же после начала мартовской революции. Восставшие крестьяне Бадена, Вюртемберга и других немецких государств уничтожали феодальные документы, а местами жгли помещичьи замки.

Первые выступления крестьян начались 4 марта в северных округах Бадена — Крайхгау и Оденвальде. В маленьком городке Оденвальда — Неккарбишофсхейме — собравшиеся в этот день из окрестных сел крестьяне разрушили ряд домов богатых евреев-спекулянтов и вынудили их к поспешному бегству. Погромы эти не носили характера расовых гонений: крестьяне Оденвальда, при царившем во всем юго-западном углу Германии аграрном перенаселении, видели в евреях-ростовщиках своих безжалостных эксплуататоров и стремились освободиться от них. Их подстрекали к этому конкуренты еврейской буржуазии — немецкие лавочники и сельские богатеи.

В ближайшие дни погромы повторились в соседних городках и местечках, и скоро движение, направленное против еврейских капиталистов, широко разлилось на севере Бадена, а оттуда распространилось по соседним пограничным округам Вюртемберга, Гессена, Баварии.

Но все это было только началом. Вскоре движение обратилось против главных врагов крестьянства — помещиков-феодалов. 6 марта крестьяне Неккарбишофсхейма силой заставили графа Гельмштадта в письменной форме отказаться от всех своих феодальных прав и привилегий. К 10 марта движение, распространяясь за Неккар, во владения князя Лейнингена, охватило весь край, лежащий между Майном, Таубером и Неккаром, где не осталось ни одного помещичьего замка, не подвергшегося нападению.

Всюду движение принимало почти одни и те же формы. Вооруженные косами, вилами и топорами крестьяне, как это уже было в 1525 г., осаждали помещичьи замки и устраивали большие костры из феодальных книг и документов. Затем крестьяне насильно требовали от господ или их управляющих подписания специальной грамоты с отказом от всех феодальных прав и привилегий.

Крестьяне упорно добивались подробного перечня всех упраздняемых феодальных прав, как это имело место, например, во владении барона Адельсгейма 7—8 марта. В подписанной бароном грамоте говорилось:

1. Владение будет, наравне с прочими бюргерами, нести расходы по общине.

2. Владение отказывается от всякого рода рыночных сборов, от сборов при розничной продаже и продаже скота.

3. Оно отказывается от пошлин, связанных с приемом (в общину) новых граждан.

4. Охотничьи угодья, рыбные ловли должны быть сданы в аренду, а деньги за аренду вноситься в кассу общины.

5. Владение отказывается от права участия в выборах бургомистров.

6. Оно отказывается от взимания пошлин с выселяющихся.

7. Оно отказывается от всех так называемых старых платежей всякого рода.

Во многих помещичьих владениях крестьяне не только уничтожали феодальные документы и добивались письменного отказа дворян от своих привилегий: во многих местах крестьяне сжигали замки и конторы помещиков.

К 10 марта стихийно начавшееся движение стало постепенно принимать более организованные формы. В местечке Мудау, лежащем в центре владений князя Лейнингена, у восставших крестьян возник план похода на баварский город Аморбах, расположенный недалеко от баденской границы: в Аморбахе находилась общая канцелярия княжеского домена. Восставшие потребовали у князя отказа от всех его феодальных прав. Грозя полным уничтожением зáмков в Эрнстале и Вальдлейнингене, крестьяне предъявили княжескому управляющему в Аморбахе 12 требований, явно подражая знаменитой крестьянской программе 1525 г.

Крестьянское движение в Озерном крае

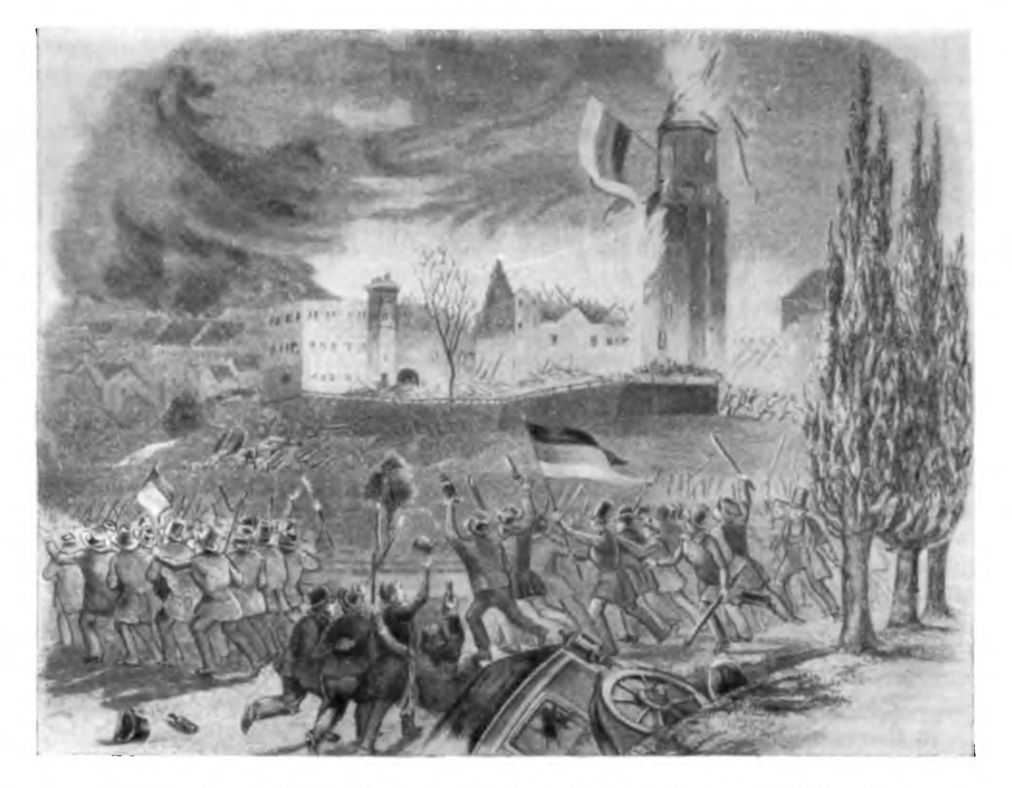
Почти одновременно с движением в Крайхгау и Оденвальде вспыхнули аграрные волнения и на юге Бадена — в Озерном крае. Хотя в селениях южного Шварцвальда и вокруг Констанца не было столь сильного перенаселения, как в Оденвальде, но и здесь, в огромных владениях князя Фюрстенберга и других представителей крупного дворянства положение крестьянства, обремененного феодальными поборами, было весьма тяжелым. Известия о событиях во Франции послужили сигналом к выступлению крестьянских масс и в Озерном крае, тем более, что местные республиканцы вели здесь неустанную пропаганду, а близость Швейцарии благоприятствовала распространению революционной литературы.

Крестьяне Озерного края с первых дней марта начали отказываться от выполнения феодальных повинностей, стали совершать порубки в помещичьих лесах и охотиться в княжеских заповедниках. В Донауэшингене уже 8 марта состоялось многолюдное собрание крестьян из окрестных горных селений. Такие же собрания состоялись в Штокахе, Энгене и других местечках. Крестьяне требовали от дворян немедленного отказа от своих прав и привилегий, грозя в противном случае по примеру оденвальдцев разгромить и сжечь зáмки. Всюду в Озерном крае крестьяне брались за оружие. «Они точат косы и закупают порох. Они кричат: «Теперь пора приняться за господ!», — в тревоге сообщал своему начальству один из местных чиновников.

С первых же дней крестьянское движение в Озерном крае приняло открыто республиканский характер. В то время как крестьяне Оденвальда не выдвигали никаких политических требований и, выступая против господ, зачастую кричали: «Да здравствует герцог!», в деревнях Озерного края получила большое распространение республиканская пропаганда,— недаром позднее, в дни апрельского восстания, именно южные районы Бадена оказались основной базой движения Геккера и Струве. До поджогов зáмков, насильственного уничтожения феодальных документов и долговых книг дело на юге, однако, не дошло вследствие поспешного отказа князя Фюрстенберга и других дворян от своих прав. К тому же местные республиканцы не выработали никакой собственной аграрной программы и все время удерживали крестьян от насильственных действий.

Правительство сразу оценило всю опасность крестьянских выступлений. Оно немедленно бросило в северные округа все наличные воинские силы, распределив отдельные роты и батальоны по всем сколько-нибудь значительным селениям Крайхгау и Оденвальда. В то же время к границам Бадена спешно стягивались войска из соседних государств. Баварская пехота, например, уже к вечеру 10 марта заняла Аморбах, вюртембергская пехота была подтянута к баденской границе. Из Штутгарта непосредственно в Баден готовились двинуться по просьбе герцога несколько батальонов.

До открытых столкновений с восставшими крестьянами дело, однако, не дошло. Одновременно с карательными мероприятиями 10 марта

ЗАХВАТ КРЕСТЬЯНАМИ ВАЛЬДЕНБУРГСКОГО ЗАМКА 5 АПРЕЛЯ 1848 Г.
Ксилография 1848 г.

правительство Бадена поспешно провело через палату закон об отмене феодальных платежей и повинностей — первый по времени закон подобного рода с начала революции 1848 г. Вместе с тем правительство обещало в ближайшем будущем издать закон о возмещении помещикам убытков и потерь.

По предложению Бекка, 13 марта в Озерный край отправились два видных деятеля либерального лагеря, Мати и Штрауб, чтобы организовать противодействие все усиливавшейся республиканской пропаганде и внести успокоение в деревню. Из их отчетов видно, что значительная часть деревенского населения Озерного края удовлетворилась правительственными уступками и отказалась следовать за республиканцами.

Отношение либералов и республиканцев к крестьянскому движению

Либеральная буржуазия не только не поддержала восставшего крестьянства, но, наоборот, с самого начала заняла по отношению к нему враждебную позицию. Стремясь сохранить за собой руководящую роль в революции, буржуазные либералы толкали крестьянина в сторону политического компромисса с контрреволюционными элементами.

В то время как Мати и Штрауб совместно с оберамтманом Бейшем наводили «порядок» в Озерном крае, либеральная «Немецкая газета» открыто призывала «всех тех, кому близки к сердцу благополучие, спокойствие и свобода родины», объединиться вокруг правительства; газета заявляла, что «при данных обстоятельствах» необходимо ограничить действие только что принятого закона о вооружении народа и разрешить носить оружие только одним бюргерам.

Республиканцы не оказали достаточно активной поддержки крестьянскому движению, не придали стихийным крестьянским выступлениям организованности и сознательности. Правда, в речах Геккера, Струве, Фиклера и других баденских республиканцев не было недостатка в угрозах по адресу помещиков и требованиях уничтожения всех феодальных платежей, но в то же время все резолюции республиканцев неизменно обходили важнейший для значительной части деревенского населения вопрос о судьбе феодального землевладения. Эти мелкобуржуазные демократы не шли навстречу крестьянской бедноте, страдавшей от аграрного перенаселения и стремившейся к разделу крупных земельных владений. Вместо того чтобы возглавить массовое движение крестьян против помещиков, республиканцы и их газеты обходили молчанием все, что творилось в деревне, или, подобно Фиклеру и его «Озерным листам», называли поджог замков и уничтожение феодальных документов «грубыми насилиями» и «гнусностями».

Неудивительно, что крестьянское движение в Бадене, столь широко распространившееся от Оденвальда до Шварцвальда, не смогло долго продолжаться. Лишенное политического руководства и необходимой поддержки со стороны городского населения, распыленное и плохо вооруженное, баденское крестьянство отказалось от борьбы с карательными отрядами и удовлетворилось сделанными ему уступками. К началу апреля в баденских деревнях — и в Оденвальде и в Озерном крае — постепенно наступило «успокоение».

Крестьянское движение в Вюртемберге, Гессен-Дармштадте и Нассау

Почти так же, как и в Бадене, протекали крестьянские волнения в соседних государствах — Вюртемберге, Гессен-Дармштадте и Нассау.

В пограничных с Баденом вюртембергских округах крестьянское движение сразу же после первых известий из Оденвальда приняло почти те же формы. Уже в начале марта здесь был сожжен замок Нидерштеттен, принадлежавший князю Гогенлоэ-Бартенштейну. В замке Вейлар около Вейнсберга восставшие крестьяне, не добившись добровольной выдачи долговых книг с записями о платежах и десятинах, обыскали весь замок и силой овладели ими. Из феодальных документов был затем сложен огромный костер, подожженный при ликующих криках присутствующих. «Мы пришли сюда не для того, чтобы пить и есть,— заявили крестьяне княжескому управляющему, в страхе предлагавшему им ключи от погребов. — Мы ничего не хотим, хотим только сжечь те бумаги, которые доводят нас до нищенской сумы». В Штейнхевене крестьяне заставили князя Гогенцоллерн-Гехингена письменно отречься от своих прав и даже посадили «дерево свободы». Здесь поговаривали о провозглашении республики, о «разделе собственности».

В Гессен-Дармштадте разгромлены были Ридезельские замки, расположенные в Лаутербахе, у Фогельсберга. Чтобы владельцы не могли воспользоваться страховкой, замки эти не были сожжены, но вся обстановка их и все архивы были преданы огню. В поместьях графов Эрбах крестьяне удовлетворились письменным отказом владельцев от феодальных прав. В верхнегессенских округах среди восставших был широко распространен лозунг захвата всех дворянских владений и раздела их между неимущими. В городке Фюрт окрестные крестьяне угрозами заставили местного богача-ростовщика выдать расписки в получении невозвращенных фактически ссуд. Однако оказанное властями сопротивление, а также обещания улучшить положение крестьянства способствовали и в Гессене быстрому затуханию движения. Местные власти могли рассчитывать и на поддержку со стороны городской

буржуазии, как об этом сообщал в Петербург русский поверенный в делах во Франкфурте Будберг.

В баварской Франконии, где было много бедного деревенского люда, также имели место многочисленные случаи нарушения помещичьего права охоты, лесных порубок, разрушения за́мков, расправы с лесничими и другими служащими местных помещиков. Отмечались и случаи нападения крестьян на ростовщиков.

Несколько иные формы приняло крестьянское движение в герцогстве Нассауском, где уже задолго до 1848 г. оппозиционные круги буржуазии требовали превращения богатейших владений (доменов) герцогского дома в государственную собственность. С первых дней марта страдавшее от малоземелья крестьянство подхватило это требование и сделало его главным лозунгом движения. К главному городу Нассау, Висбадену, начали стягиваться со всех концов герцогства огромные массы крестьян. Скоро их собралось до 30 тыс. Вооруженные косами и вилами крестьяне были настроены весьма воинственно и открыто грозили сжечь герцогский замок, если не будут удовлетворены их требования. «Выкурить этих барсуков!»,— кричали крестьяне, среди которых ходили по рукам листовки, призывавшие к «разделу имущества» и в первую очередь земли. Движение скоро охватило все герцогство. Повсюду крестьяне изгоняли лесничих и назначенных помещиками сельских старост, не вносили налогов и феодальных платежей, рубили господские леса, охотились в барских заповедниках.

Среди замков, которым угрожали восставшие крестьяне, был и замок Иоханнисберг (князя Меттерниха). Он был спасен от разрушения местным комитетом безопасности. Меттерниховские гербы на за́мке пришлось все же прикрыть германскими и нассаускими флагами.

Как и в других местах, в Нассау движение крестьян скоро пошло на убыль. Этому способствовали, с одной стороны, правительственные обещания, а с другой — репрессии местных властей. К апрелю и здесь все было внешне спокойно.

СОЮЗНЫЙ СЕЙМ И ПОЗИЦИЯ ЛИБЕРАЛОВ

Союзный сейм и мартовская революция

В то время как во всей Западной и Юго-Западной Германии высоко вздымались волны народного движения, выдвигались «мартовские требования» и создавались «мартовские министерства», верховный орган Германского союза — Союзный сейм, заседавший во Франкфурте-на-Майне, находился в состоянии полной растерянности.

В виду отсутствия во Франкфурте австрийского уполномоченного графа Мюнх-Беллингхаузена, обязанности председателя сейма в конце февраля нес представитель Пруссии граф Денгоф. В связи с развертывавшимися событиями уже 29 февраля он собрал членов сейма на экстренное заседание. Поскольку в Германии в это время повсеместно выдвигались требования безотлагательного созыва германского парламента, Союзный сейм счел необходимым принять меры, чтобы вырвать инициативу из рук либеральной оппозиции.

В качестве «законного органа национального и политического единства Германии» (так он величал себя) Союзный сейм обратился 1 марта к немецким правительствам и немецкому народу, призывая их к совместной деятельности в интересах «сохранения внешней безопасности, а также законного порядка, спокойствия, безопасности и собственности внутри страны».

3 марта, стремясь поспеть за быстро развивающимися событиями, сейм разрешил немецким правительствам отменить цензурные ограничения. 9 марта, когда по всей Западной и Юго-Западной Германии уже несколько дней победно развевались национальные черно-красно-золотые знамена, сейм возвестил о своем решении признать цвета «бывшего германского имперского знамени» государственными цветами, а старого имперского орла — гербом Германского союза. На следующий день (10 марта) сейм предложил немецким правительствам направить во Франкфурт для участия в работе по «пересмотру союзной конституции на подлинно современных и национальных основаниях» пользующихся доверием населения лиц (всего 17 человек — по числу голосов в Совете сейма).

Ни немецкая буржуазия, ни немецкий народ не могли, однако, доверять этим запоздалым обещаниям и уступкам со стороны учреждения, созданного Меттернихом, тем более, что одновременно с указанными обещаниями и уступками сейм принимал и охранительные меры, выражавшиеся в частичной мобилизации 7 и 8-го корпусов союзных войск и 7 и 8-го корпусов прусской армии.

Совещание в Гейдельберге 5 марта 1848 г.

Еще до указанных решений Союзного сейма вожаки немецкого буржуазного либерализма предприняли некоторые шаги с целью добиться национального единства Германии и обеспечить созыв всегерманского парламента.

5 марта, по инициативе баденских и вюртембергских либералов (участников Геппенгеймского съезда в октябре 1847 г.), в Гейдельберге состоялось совещание, на котором присутствовали все сколько-нибудь видные представители немецкого либерализма (всего 51 человек), съехавшиеся сюда со всех концов Германского союза. Среди участников совещания обращали на себя внимание известные деятели либеральной оппозиции на юго-западе Германии: Бассерман, Мати, Гервинус, Гейссер, Велькер, Рёмер и в особенности Генрих фон Гагерн. Австрия была представлена одним делегатом — Виснером, а Пруссия — четырьмя, среди которых был Ганземан (он еще 1 марта получил приглашение приехать в Гейдельберг).

Отправляясь в Гейдельберг, Ганземан заранее решил оказать упорное сопротивление попыткам углубления революции и провозглашения республики. Действительно, на этом совещании он поддержал своим авторитетом тех умеренных южногерманских конституционалистов, которые уже открыли тогда свой поход против Геккера и Струве.

«Куда все это приведет?», — с тревогой спрашивал в письме к Ганземану другой видный деятель рейнского либерализма, Мефиссен. «Я считаю совершенно необходимым, чтобы один из нас отправился в Гейдельберг проповедовать этим господам умеренность и осторожность, о которых они, кажется, совсем позабыли, — писал Мефиссен. — Я надеюсь, что вы, уважаемый друг, будете считать именно это важнейшей задачей момента».

Ганземану и другим либералам удалось совершенно оттеснить немногих республиканцев, присутствовавших на совещании в Гейдельберге и с самого начала требовавших немедленного провозглашения республиканской формы правления. Горячие слова Геккера о «свободе, полной свободе для всех, а не для одних только привилегированных и богатых», были встречены присутствовавшими на совещании фабрикантами, либеральными профессорами и чиновниками с нескрываемой враждебностью. В результате совещание выработало манифест к немецкому народу, в котором ничего не говорилось о демократии и республике, но зато фактически поддерживались монархические правительства Германии.

Манифест к немецкому народу. Комитет 7-ми

В этом манифесте с насмешкой говорилось о запоздалой инициативе Союзного сейма, который раньше никогда не прислушивался к голосу общественного мнения, а теперь вдруг вознамерился возглавить объединительное движение. Манифест осуждал антинародные проекты войны против революционной Франции в союзе с царской Россией, выдвигал требование безотлагательного созыва «собрания представителей нации от всех частей Германии, избранных в соответствии с численностью населения, в интересах устранения ближайших внутренних и внешних опасностей, а также в интересах развития сильной и цветущей национальной жизни в Германии».

Собрание это должно было способствовать созданию «защитного вала» не только вокруг «всего немецкого отечества», но и вокруг «престолов» немецких государей.

Участники совещания вынесли решение в возможно короткий срок созвать новое, более широкое, собрание представителей немецкой общественности, которое и должно было подготовить созыв во Франкфурте всегерманского учредительного собрания. Выбранному на совещании Комитету 7-ми, в который вошли Рёмер, Велькер, Гагерн, Биндинг, Штедтман, Виллих и Ицштейн, было поручено разослать приглашения и подготовить созыв этого первого, более широкого собрания, получившего позднее название Предпарламента.

Победа осталась за умеренными, из которых (за исключением близкого к республиканцам Ицштейна) и составлен был Комитет 7-ми. Никто больше не считался с Союзным сеймом: либералы шли куда дальше сделанного накануне мартовских событий предложения Бассермана о созыве национального представительства именно при этом старом органе германской верховной власти. Они стремились теперь как можно скорее созвать суверенное Национальное собрание, а при нем в качестве временной исполнительной власти создать всегерманское правительство во главе с выборным имперским наместником и с ответственным перед ним и Собранием министерством.

Надежды немецких либералов на Пруссию. Миссия Макса фон Гагерна

Не только Ганземан и другие прусские либералы, но и многие южногерманские конституционалисты во главе с Гагерном надеялись в первые дни революции на Фридриха-Вильгельма IV, которому они давно уже прочили германскую корону.

По мере того как революционное движение принимало все более серьезный характер, взоры всех имущих классов Германии обращались в сторону Пруссии. «Влияние, которое Пруссия может получить в германских делах,— подчеркивал в своем донесении из Франкфурта-на-Майне русский посланник барон Будберг,— кажется им [немецким бюргерам] единственным средством выпутаться из настоящего затруднительного положения».

Немецкие либералы ждали от прусского короля решительных шагов к превращению Пруссии в конституционно-буржуазное государство. Именно в этом смысле и писал Ганземан прусскому министру Бодельшвингу еще 1 марта; о том же говорил он, возвращаясь с совещания во Франкфурте, графу Денгофу.

После окончания Гейдельбергского совещания созрела мысль о создании сильной центральной власти, опирающейся на прусское правительство и способной противодействовать начавшемуся распаду Союза. Эта мысль нашла свое выражение в посылке Макса фон Гагерна, близкого к либеральным кругам нассауского чиновника, ко дворам отдельных южногерманских государей с целью склонить их к признанию верховной власти

Фридриха-Вильгельма IV и к согласию на созыв общегерманского Национального собрания.

Отправляясь из Висбадена в столицы южногерманских государей, Макс фон Гагерн в разработанной им самим инструкции подробно осветил задачи, стоявшие тогда перед немецкими государями, и указал на необходимость установления контакта между отдельными заинтересованными в сохранении существующего порядка правительствами и созданной Гейдельбергским совещанием «семеркой».

В связи с этим Гагерн 8 марта вел в Гейдельберге конфиденциальные переговоры с редактором «Немецкой газеты» Гервинусом и посвятил его в свои планы. Как и следовало ожидать, планы эти нашли сочувственный отклик у баденских либералов. 11 марта «Немецкая газета» оповестила своих читателей о миссии Гагерна. По вполне понятным причинам орган баденских либералов умолчал о том, что в задачи нассауского чиновника прежде всего входили организация отпора демократическому движению и создание «в случае выступления республиканцев и пролетариев», как гласил 6-й пункт тайной инструкции, «военной диктатуры какого-нибудь немецкого государя».

И в Дармштадте, и в Карлсруэ, и в Штутгарте миссия Макса Гагерна встретила сочувственный прием, и только в Мюнхене она натолкнулась на сопротивление. Людвиг I ничего не хотел слышать о Национальном собрании и в ответ на предложение дать свое согласие на реформу Союза заявил: «Только не без Австрии!» Это восклицание свидетельствовало о том, что баварский король является противником планов прусской гегемонии.

Из Мюнхена Гагерн отправился в Дрезден, а оттуда в Берлин с целью склонить прусского короля вступить на конституционный путь и возглавить начавшееся на юге Германии движение.

Трудно было заранее сказать, как ответит на все эти призывы перепуганных бюргеров король, с тревогой следивший в своем берлинском дворце за развитием событий и со своей стороны принимавший все меры для борьбы с надвигающейся революцией.

Именно в этих целях в Вену в первые дни марта был направлен из Берлина друг короля генерал фон Радовиц. Он должен был договориться с Меттернихом о совместных с Австрией действиях против революции и одновременно предложить созвать на 25 марта в Дрездене конференцию министров для обсуждения проектов назревшей реформы Германского союза. О всегерманском парламенте и прочих народных требованиях Фридрих-Вильгельм IV не хотел ничего слышать. По крайней мере еще 10 марта он писал вдогонку своему другу о том, что намерен собрать войска, «чтобы вскоре заговорить с немецкой революцией решительным тоном».

Глава тринадцатая

МАРТОВСКИЕ РЕВОЛЮЦИИ В АВСТРИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИИ В АВСТРИИ

Двадцать девятого февраля в Вену пришли первые известия о свержении монархии Луи-Филиппа и установлении во Франции республики. Эти известия нашли живой отклик в различных классах общества, недовольных правительством Меттерниха. Французские события воспринимались в Вене как предвестник политических перемен и в Австрии. Негодование против меттерниховского режима объединяло в этот момент большинство населения — мелкую и среднюю буржуазию, крестьянство, ремесленников и рабочих. Только землевладельческая аристократия и верхушка буржуазии продолжали поддерживать правительство.

Отклики в Вене на события во Франции и Юго-Западной Германии

Известия о революционных событиях в Юго-Западной Германии еще больше взволновали население Вены.

Непосредственное влияние этих событий на Австрию сказалось в падении курса государственных ценных бумаг и потере доверия к бумажным деньгам. Заговорили о неизбежности государственного банкротства Австрии. Население Вены осаждало кассы Национального банка, требуя звонкой монеты. Все стремились избавиться от бумажных денег. Волнения около банкирских контор и других кредитных учреждений продолжались вплоть до 13 марта.

Революционные события в различных частях Австрийской империи

На развитие революционного движения в Вене большое влияние оказали и события, происходившие в других частях Австрийской империи. Ломбардо-Венецианская область уже с января 1848 г. переживала революционный подъем [1].

В Галиции после подавления Краковского восстания 1846 г. не прекращалось брожение, и только жестокий террор, проводившийся наместником провинции графом Стадионом, сдерживал открытое выступление местного населения против австрийского абсолютизма [2].

В столице Чехии — Праге — 8 марта на улицах было расклеено воззвание, требовавшее немедленного созыва сейма, уничтожения цензуры и вооружения народа. Воззвание приглашало граждан собраться

[1] Подробнее об этом см. в главе одиннадцатой.
[2] Подробнее об этом см. в главе двадцатой.

11 марта для обсуждения политического положения. Состоявшееся в этот день народное собрание приняло петицию, в которой выдвигались требования политических свобод, отмены барщины и других феодальных привилегий, равноправия чешского языка с немецким, создания единого законодательного сейма и т. п. Собрание выделило из своей среды особый комитет, получивший название Святовацлавского, для выработки окончательного текста петиции и представления ее императору Фердинанду. В этот комитет вошли представители либеральной буржуазии и буржуазной интеллигенции Праги [1].

За несколько дней до того Вена узнала о событиях в Братиславе — центре политической жизни Венгрии. На заседании венгерского сейма 3 марта вождь радикальной оппозиции Кошут подверг резкой критике правительство Меттерниха и всю систему австрийского абсолютизма. «Над нами — тяжелый гнет правительственной системы, тормозящий наше свободное развитие, лишающий нас мужества»,— говорил Кошут. Под влиянием этой речи сейм принял «Обращение к императору и королю», в котором требовал создания в Венгрии самостоятельного министерства [2].

Политические требования австрийской либерально-буржуазной оппозиции

Оппозиционное движение в Вене нарастало со дня на день. В мастерских, в кабачках, на рынках собирались рабочие, ремесленники, студенты, обсуждая текущие события. Небольшие собрания стихийно возникали у дома, где помещался «Политико-юридический союз читателей». На заседании этого союза, объединявшего либерально настроенную буржуазию и буржуазную интеллигенцию Вены, читались газеты, которые требовали конституции.

Вскоре буржуазная оппозиция Вены выступила более организованно. 3 марта 33 депутата левой Нижнеавстрийского сейма составили докладную записку, в которой, наряду с критикой общего положения империи, были выдвинуты требования реформ с целью «спасти монархию от разложения».

Затем опубликованы были «Воззвание и программа прогрессивной партии Австрии». Там говорилось: «Старая Австрия идет к своей гибели. Слабое, распадающееся здание тирании постепенно рушится, и на его развалинах неизбежно должна родиться новая Австрия — страна свободы, права, просвещения». Программа выдвигала требования конституционных преобразований, реформы всей правительственной системы, реорганизации министерства и созыва объединенного сейма, свободы промышленной деятельности, реорганизации суда, отмены цензуры.

С подобными же требованиями выступала политическая организация, носившая название «Нижнеавстрийского промышленного союза» и бывшая оплотом умеренного крыла буржуазной оппозиции. Некоторые члены этого союза были тесно связаны с высшей бюрократией и «Политико-юридическим союзом». Среди членов промышленного союза были братья Горнбостель, владельцы крупных шелкопрядильных предприятий. Союз составил петицию на имя императора, получившую одобрение широких торгово-промышленных кругов Вены. Петиция была написана в самом осторожном тоне (в ее обсуждении принимал участие эрцгерцог Франц-Карл). 9 марта группа представителей либерально-буржуазной интеллигенции, при участии поэта Бауэрнфельда и адвоката Александра Баха, направила сейму обращение, в котором указывала на необходимость политических преобразований «с целью избежать революционных потрясений».

---

[1] Подробнее об этом см. в главе девятнадцатой.

[2] Подробнее об этом см. в главе двадцатьвторой.

МАРТОВСКИЕ ДНИ. АВСТРИЙСКИЙ КЛУБ

Литография Фей

Собрание Института Маркса — Энгельса — Ленина. Москва

Однако правительство Меттерниха упорно отказывалось идти на какие-либо уступки.

В официальном сообщении, опубликованном 10 марта в «Венской газете», говорилось, что император будет «пресекать всякие стремления к свержению законного порядка в стране». Лишь 12 марта был опубликован правительственный указ о созыве Нижнеавстрийского сейма для «обсуждения необходимых вопросов» и представления императору своих пожеланий.

Движение среди рабочих и студентов Вены

Однако революционное движение как в центре, так и на периферии не могло удовлетвориться незначительными уступками правительства и продолжало быстро развиваться. 11 и 12 марта в Вене состоялись выступления рабочих и студентов. Рабочие Глогницкого машиностроительного завода организовали собрание, на котором ораторы призывали к выступлению против абсолютистско-феодального гнета. «Лозунг наших парижских братьев — свобода, равенство и братство,— говорил один из ораторов,— должен стать лозунгом и венских рабочих».

Венские студенты в начале марта образовали «Союз для борьбы за свободу». В этот Союз входили студенты различных национальностей: немцы, итальянцы, венгры, поляки, чехи; все они были объединены одним стремлением — свергнуть режим Меттерниха. Основная масса студенчества принадлежала к малоимущим слоям населения. Студенты влачили полуголодное существование, жили в темных, сырых, не отапливаемых помещениях; они не могли рассчитывать на обеспеченное существование и после окончания университета, так как правительство, не доверявшее

интеллигенции, стремилось не допускать ее к участию в политической жизни. 9 марта в одном из отдаленных предместий Вены, на квартире студентов Фрича и Шпенглера, тайно собралось до сорока студентов — юристов, медиков и техников. Они составили текст петиции, требовавшей народного представительства, свободы печати и слова, равноправия религиозных вероисповеданий. Петиция была утверждена 12 марта на широком собрании в университете. Более двух тысяч студентов подписали ее и поручили профессорам Гиэ и Эндлихеру передать этот документ императору. В тот же день в пригороды и ближайшие села были посланы представители от университета, которые обращались к рабочим и крестьянам с призывом явиться на следующий день в Вену, к зданию Нижнеавстрийского сейма и поддержать требования студентов. В университетские города были посланы обращения последовать примеру венских студентов и потребовать от императора либеральных реформ.

Фердинанд I принял профессоров Гиэ и Эндлихера довольно любезно, обещал «взвесить все обстоятельства дела», но не дал никакого движения петиции.

Отношение Меттерниха и членов императорской семьи к событиям в Вене

События застали правительство врасплох. Члены императорской семьи относились к Меттерниху различно: многие из них были недовольны его неограниченной властью, а также вмешательством в их семейные дела. Особенно враждебна Меттерниху была эрцгерцогиня Софья, невестка императора, мать наследника престола, молодого эрцгерцога Франца-Иосифа. Она страстно желала отречения больного и слабоумного Фердинанда I в пользу своего сына, но Меттерних упорно противился этому, опасаясь лишиться своего могущественного положения в государстве. Эрцгерцогиню Софью поддерживали брат императора эрцгерцог Франц-Карл и его престарелый дядя эрцгерцог Иоганн, связанные с умеренными кругами либеральной буржуазии и либерального дворянства.

Единственным союзником Меттерниха в императорской семье был брат императора эрцгерцог Людвиг, решительный противник даже половинчатых реформ.

Разногласиями и интригами внутри императорской семьи можно до известной степени объяснить нерешительность правительственных кругов, проявленную ими перед лицом нараставшего революционного движения.

Вплоть до 13 марта правительство еще надеялось на мирное разрешение конфликта. Оно рассчитывало, что сейм внесет успокоение в оппозиционные круги.

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СОБЫТИЯ 13—15 МАРТА В ВЕНЕ

Народные волнения в день открытия Нижнеавстрийского сейма

13 марта открылись заседания Нижнеавстрийского сейма. Большинство членов сейма полагало, что его основной задачей является выработка петиции императору с требованием расширения круга избирателей и увеличения состава сейма. Народные массы ждали от сейма коренного преобразования существующего строя.

13 марта площадь, прилегающая к зданию сейма, уже с 9 часов утра была заполнена народом. Толпа, состоявшая главным образом из рабочих, ремесленников и студентов, пыталась проникнуть внутрь здания. С речами выступили доктор Фишгоф и доктор Гольдмарк, видные деятели либеральной оппозиции. Фишгоф требовал введения суда присяж-

13 МАРТА 1848 Г. В ВЕНЕ. РАССТРЕЛ НАРОДНОЙ ДЕМОНСТРАЦИИ

Литография Вурда

Собрание Института Маркса — Энгельса — Ленина. Москва

ных, ответственного министерства, свободы печати и совести. Народные массы с энтузиазмом приветствовали ораторов. В здание сейма направилась делегация во главе с Фишгофом. Председатель сейма граф Монтекукколи разрешил пропустить в зал только 12 человек, но прорвалось, несмотря на сопротивление служителей, значительно большее количество.

Между тем на улицах Вены события начали принимать угрожающий для властей характер. Перед собравшимся народом выступил оратор, который прочитал речь Кошута, произнесенную 3 марта. В ответ послышались возгласы: «Долой Меттерниха! Долой эрцгерцога Людвига! Да здравствует народное представительство и вооружение граждан!»

У дворца канцлера студент поляк Буриан, стоя на плечах товарищей, призывал к свержению Меттерниха, к борьбе за свободу печати и вероисповеданий. Студент Войтех Фингерут, чех по национальности, выдвинул требование свободы печати и обратился со страстным призывом ко всем народам объединить свои силы в борьбе против системы Меттерниха.

Правительство решило принять меры для подавления начавшегося движения. Воинские части, с 9 часов утра стоявшие наготове, начали сосредоточиваться в заранее намеченных пунктах; дворцовый гарнизон был усилен артиллерийской батареей. К часу дня войска появились на центральных улицах Вены. К зданию сейма был направлен крупный отряд пехоты. Императорский дворец охранялся двумя большими отрядами: один из них прикрывал дворец со стороны центра, другой, более сильный, со стороны рабочих пригородов.

Такая предусмотрительность правительства имела свои основания. По свидетельству участника мартовских событий радикального публициста

Эрнста Виолапа, уже с самого утра рабочие принимали активное участие в движении. «На Герренгассе,— рассказывает Виолан,— я заметил гигантского роста человека в заплатанном сюртуке, повидимому, с чужого плеча,... он шел посреди улицы, направляясь к зданию сословного сейма. Карманы этого рабочего были набиты камнями,... рядом с ним, стараясь не отставать, семенил маленький, приземистый, грязный, уже довольно пожилой человек, также нагруженный до отказа камнями... Когда я увидел людей в таком виде, я тотчас же подумал, что выступят и пригороды». Так оно и случилось.

Выступления рабочих

Известия о событиях у здания сейма проникли на фабрики и заводы. Население пригородов Вены двинулось к центру города. Но по приказу властей городские ворота были закрыты, а на городских укреплениях выставлены пушки. Не обращая на них никакого внимания, рабочие пытались разбить ворота. У Шоттенских ворот им это удалось, однако солдаты загородили им дорогу.

То, что случилось у Шоттенских ворот, повторилось у ворот Бурга, около Мариагильфа. Рабочие разбивали уличные фонари, поджигали газ, пытались поджечь ворота. Полиция и войска атаковали этих почти безоружных, но решительных и мужественных повстанцев.

Виолан рассказывает об одном рабочем, получившем три штыковых раны. Истекая кровью, он неустанно призывал к продолжению борьбы и воодушевлял своих товарищей. Другой рабочий заявил Виолану: «Пусть я погибну, но дальше так продолжаться не может».

С большим мужеством дрались и студенты. Появляясь в самых опасных местах, они воодушевляли сражавшихся. «Рота реформы», возглавлявшаяся студентом-юристом Вучелем, была в первых рядах восставших.

Первые крупные столкновения произошли в центре города, на Герренгассе. Здесь около здания сейма раздались первые выстрелы в безоружную толпу. Народ ответил войскам градом камней. Демонстранты сбрасывали с седел кавалеристов, сажали на коней раненых и, как живых свидетелей кровавой расправы, возили их по улицам столицы.

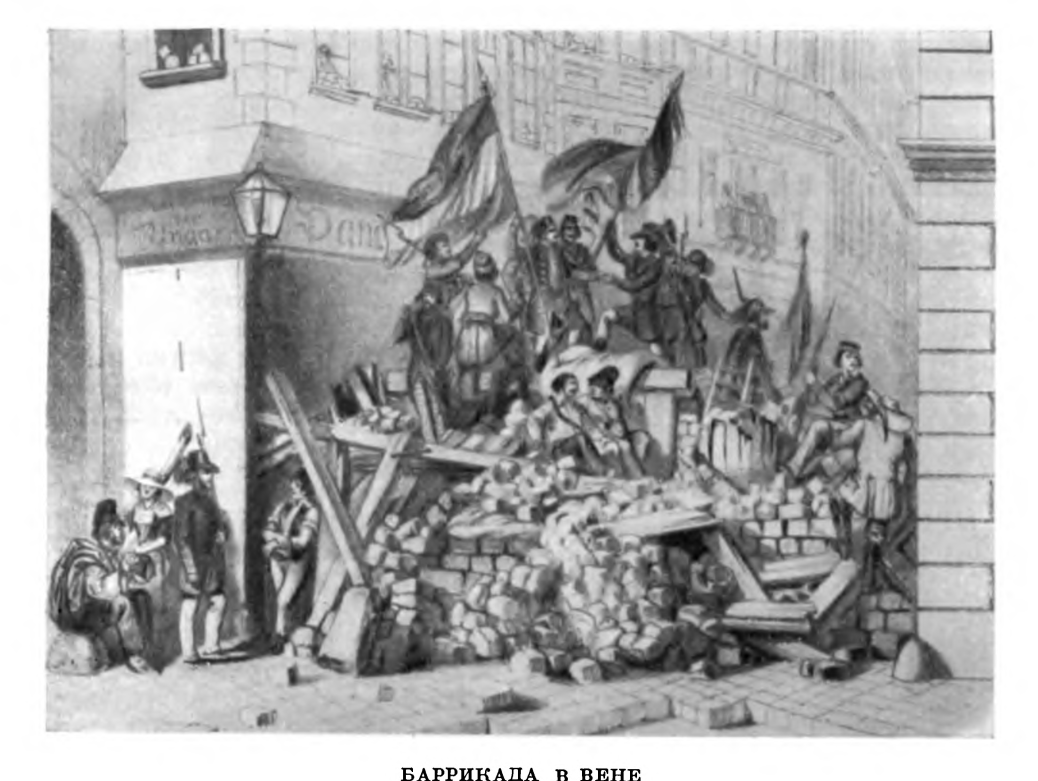
Возбуждение нарастало. «К цейхгаузу! К цейхгаузу!»,— раздавались крики. Однако цейхгауз был окружен плотным кольцом войск, и пробиться к нему не удавалось.

Тем временем на улицах столицы стали вырастать баррикады. Больше всего их было в районе императорского дворца, в западной и юго-западной части города. Постройка баррикад велась под обстрелом войск и стоила восставшим множества человеческих жизней.

Среди рабочих разнесся слух, что в районе Мариагильфа, в здании императорских конюшен, сосредоточены войска, препятствующие продвижению рабочих в центр города. Рабочие стали стекаться к Мариагильфу на помощь товарищам. Между тем власти приняли меры, чтобы очистить центр от рабочих и оттеснить их к пригородам. Вечером районы Фюнфгауз и Зексгауз сделались ареной серьезных волнений.

Отставка Меттерниха. Организация Академического легиона

К 5 часам вечера вооруженная борьба на улицах Вены временно прекратилась. Студенты, приветствуемые народом, направились в университет, где ораторы призывали не удовлетворяться полууступками, продолжать борьбу и добиться полного свержения ненавистной «системы» и ее главных представителей — Меттерниха и Седльницкого. Некоторые ораторы предлагали напасть на Кертнерские ворота, обезоружить охрану и открыть ворота. «Тогда,— говорили они,— не тысячи, а по крайней мере 100 тысяч бойцов придут на помощь революции и слабый гарнизон будет сметен». Раздавались призывы: «К оружию!»

БАРРИКАДА В ВЕНЕ

Литография Колларц

Собрание Института Маркса — Энгельса — Ленина. Москва

Однако большинство студентов не решалось возобновить борьбу. В этой обстановке одному из присутствовавших на собрании, доктору Кеку, пришла мысль склонить студентов законным путем получить оружие. По предложению Кека, было решено поручить ректору университета Енуллу, имевшему доступ ко двору, передать императору требования студентов о выдаче им оружия. Вечером того же дня во дворец явился Енулл и предложил в целях охраны порядка в городе вооружить студентов. Эрцгерцог Людвиг вынужден был дать на это согласие. По свидетельству одного из участников движения 13 марта — Кудлиха, эта уступка была вызвана «столбом огня, подымавшимся над пригородами», с одной стороны, и обнаружившейся ненадежностью правительственных войск — с другой.

Позднее во дворце появилась депутация, потребовавшая от имени гражданской гвардии отставки Меттерниха. В половине седьмого вечера во дворце появился Меттерних. Он потребовал от депутатов немедленного прекращения «беспорядков». «Это не беспорядки, а революция, в которой принимают участие все сословия!», — отвечал руководитель депутации Шерцер. Между тем во дворец являлись все новые и новые депутации. Они заявляли, что массы настойчиво требуют отставки Меттерниха и будут ждать до 9 часов вечера; если к этому времени правительство не примет определенного решения, начнется всеобщее восстание. Двор вынужден был «пожертвовать» Меттернихом. Сильнее всех настаивал на его отставке эрцгерцог Иоганн.

Известие об отставке Меттерниха вызвало ликование на улицах Вены. Андреас Шерцер, взобравшись на газовый фонарь на Михаелерплатц,

сообщил народу, что правительство разрешило вооружить студентов. Немедленно было приступлено к вооружению студентов: соответственно числу факультетов было организовано четыре отряда для охраны университета. При свете факелов происходило вооружение 4 тыс. студентов. Так создалась студенческая вооруженная организация под названием «Академический легион» со штаб-квартирой в актовом зале университета.

Бойцы Академического легиона были преимущественно выходцами из мелкой буржуазии. По политическим взглядам они были близки к радикально-демократическому крылу либеральной оппозиции. Сыновей крупной буржуазии в легионе было немного. Выходцев из крестьянства и пролетариата в этом отряде было всего несколько человек. К легиону примкнула группа журналистов, поэтов, врачей.

МЕТТЕРНИХ 14 МАРТА 1848 Г.
Литография неизв. художника
Собрание Института Маркса — Энгельса — Ленина. Москва

Рабочие волнения в пригородах

Сделанные правительством частичные уступки не удовлетворили трудящихся. Рабочее население пригородов продолжало волноваться. Ночь с 13 на 14 марта прошла в Вене чрезвычайно тревожно. В предместьях гнев народа обратился в первую очередь против сборщиков налогов и агентов полиции. Несколько полицейских участков и контор по сбору налогов на продукты питания было сожжено. Затем начался разгром продовольственных магазинов и домов крупных торговцев. Рабочие начали разрушать машины, в которых видели причину безработицы и нищеты. Несколько промышленных предприятий было подожжено. Одновременно была сделана попытка поджечь загородную виллу Меттерниха.

Грозные выступления трудящихся масс вызвали панику среди крупной буржуазии. Власти использовали это обстоятельство, чтобы натравить бюргеров на рабочих. В ночь на 14 марта отряды гражданской гвардии и Академического легиона были направлены в пригороды, чтобы положить конец происходившим там волнениям. Буржуазные гвардейцы ретиво восстанавливали «порядок», задерживали рабочих, пускали в ход оружие. Иначе вели себя студенты: они действовали уговором, а не силой.

Утром 14 марта борьба на улицах Вены продолжалась. «Венская газета» опубликовала сообщение об отставке Меттерниха. Меттерних ушел, но его «система» сохранилась, его помощники остались у власти. Восставший народ попрежнему требовал выдачи оружия и отмены цензуры. В пригородах продолжались разрушения машин и поджоги фабрик.

«Правительство оказалось перед лицом двух опасностей: перед требованиями буржуазии, стремившейся вместе с тем сохранить порядок, и перед бурным выступлением рабочих масс пригородов и безработных. Не имея возможности противостоять этим опасностям, правительство

идет на уступки буржуазии и использует ее вооруженную силу для восстановления порядка в пригородах». Так характеризовал в донесении графу Нессельроде советник русского посольства Фонтон создавшееся в Вене положение.

Создавая 14 марта национальную (иначе — гражданскую) гвардию, правительство приняло все меры, чтобы не допустить в ее ряды пролетарских элементов; в основу ее организации лег принцип имущественного и образовательного ценза (так было не только в Вене, но и во всей Австрии).

Одновременно с указом о национальной гвардии был издан указ о свободе печати. Часть требований буржуазной оппозиции была, таким образом, удовлетворена.

Попытка введения осадного положения в Вене. Бегство Меттерниха

Идя на частичные уступки, правительство в то же время принимало решительные меры для подавления народного движения. В 3 часа дня был подписан указ о передаче всей полноты власти в Вене фельдмаршалу князю Виндишгрецу. Крупный помещик, надменный аристократ Виндишгрец был известен как злобный реакционер, как враг каких бы то ни было уступок и реформ. И этот человек оказывался теперь диктатором Вены!

Призывы к борьбе зазвучали с новой силой. Тысячи рабочих направились к арсеналу и захватили находившееся там оружие. Правительство вынуждено было отменить указ о введении осадного положения.

В ночь с 14 на 15 марта в пригородах Вены продолжались волнения. Фонтон доносил в Петербург, что в эту ночь предместье Фюнфгауз было охвачено пожаром и что опасность угрожала императорскому дворцу в Шенбрунне. В эту же ночь Меттерних бежал из столицы. Ярость народных масс преследовала некогда всемогущего канцлера на всем его пути в изгнание. Во Франкфурте-на-Майне толпа демонстрантов собралась около дома графа Нобили, как только разнесся слух (он оказался ложным), что Меттерних скрывается там. Подобные демонстрации происходили во многих других городах.

Борьба за конституцию

Утром 15 марта было опубликовано правительственное сообщение о созыве не позднее 3 июля сословных собраний во всех немецких, славянских и итальянских областях Австрии. Это распоряжение вызвало резкое недовольство в Вене. «Меттерниха уже нет, но его система осталась, — с возмущением говорили жители.— Мы требуем созыва народных представителей, а не созыва сословий». Недовольство усилилось еще более, когда распространилось известие, что во главе национальной гвардии поставлен граф Гойос, представитель старой, реакционной бюрократии.

15 марта население Вены снова поднялось на борьбу. С лозунгом: «Да здравствует конституция!» вечером 15 марта сотни рабочих, ремесленников и студентов осадили императорский дворец и грозили взять его штурмом. Угроза нового восстания подействовала на правительство, и оно в тот же день обнародовало постановление о созыве собрания для выработки «конституции отечества». Современники описывают, с каким торжеством встретили народные массы это постановление. Не только Вена,— вся Австрия ликовала.

В этот же день было реорганизовано городское управление Вены. Власть бургомистра была заменена временным комитетом, в состав которого вошли крупные промышленники, торговцы, представители буржуазной интеллигенции. Среди них были барон Добльгоф, крупный торговец Артхабер, фабрикант Шперлин, адвокат Александр Бах. Комитет ставил своей целью обеспечить порядок и возобновить деловую жизнь города.

Бурные дни 13—15 марта заставили правительство отступить перед революционными массами. Попытка установить военную диктатуру провалилась. Путь для создания конституционного строя был расчищен. Это было достигнуто совместной борьбой рабочего класса, мелкой и средней буржуазии, радикальной интеллигенции. Решающую роль сыграли рабочие.

Прочность революционных завоеваний зависела, однако, не только от положения в самой столице, но и от того, как отзовутся на венские события другие города и области империи.

МАРТОВСКИЕ СОБЫТИЯ В ДРУГИХ ЧАСТЯХ АВСТРИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Революционные события в Верхней Австрии

Чем ближе к Вене находились тот или иной город или село, тем сильнее сказывалось там влияние событий, происходивших в столице. В Линц — главный город Верхней Австрии — весть о революции дошла только 15 марта. Узнав о том, что правительство согласилось дать конституцию, жители Линца организовали уличные демонстрации. Демонстранты требовали организации городского самоуправления и создания национальной гвардии. Через три дня национальная гвардия в Линце была сформирована; в нее вошли, как и в Вене, богатые горожане. 27 марта рабочие и ремесленники Линца снова вышли на улицу, требуя отмены налогов на товары широкого потребления. Против этой демонстрации губернатор фон Скребенский направил национальную гвардию, которая рассеяла шествие и арестовала несколько человек. Вместо действительного городского самоуправления был создан комитет при городском магистрате, пользовавшийся только совещательным голосом.

При всей незначительности ближайших результатов событий в Линце они все же имели серьезное значение, так как показали, что провинция настроена против режима Меттерниха так же враждебно, как и Вена.

Революционные события в Штирии

Мартовские события в Вене оказали большое влияние и на Штирию, в особенности на ее столицу Грац, — резиденцию эрцгерцога Иоганна. Грац и до этого был центром либеральной оппозиции; ее поощрял отчасти сам эрцгерцог, жаждавший популярности, которую тогда можно было без труда приобрести, отрекшись от Меттерниха. Демократы Граца находились в тесном контакте с революционерами Вены.

13 марта студенты Граца получили от венских студентов предложение составить петиции о свободе печати, о гласном судопроизводстве, об отделении школы от церкви и т. д. 14 марта в Граце произошли демонстрации против монахов; в окнах одного из иезуитских монастырей демонстранты выбили стекла. В тот же день бюргерство Граца составило петицию на имя императора, в которой требовало политических свобод, изгнания иезуитов, а также разрыва союза с царской Россией.

Как только стало известно, что в Вене отменена цензура и учреждена национальная гвардия, тотчас же и в Граце была организована национальная гвардия. Из кругов мелкобуржуазной демократии появилось и стало распространяться воззвание в стихах к жителям Штирии, в котором излагались идеи, вдохновлявшие национальную гвардию Граца и которое призывало к борьбе за национальное единство Германии.

Однако местные власти всячески старались парализовать влияние национальной гвардии и чинили всевозможные препятствия к пополнению ее демократическими элементами. Губернатор провинции пожелал,

ФЕОДАЛЬНО-АБСОЛЮТИСТСКИЙ РЕЖИМ И 13 МАРТА 1848 Г.

Литография неизв. художника

Собрание Института Маркса — Энгельса — Ленина. Москва

чтобы в гвардию вошли чиновники в качестве самостоятельной части, отдельного легиона. И хотя руководство гвардии отказалось включить в свои ряды этот легион, все же довольно значительное количество чиновников вошло в состав национальной гвардии. Несколько сотен ржавых пик и сабель из городского арсенала — этим и ограничилось вооружение национальной гвардии.

Тем не менее движение в Граце не было безрезультатным. Университет получил автономию, студенты — право организации союзов. Было установлено равенство вероисповеданий при занятии учительских должностей.

Революционное движение в Ломбардии, Венеции, Чехии, Галиции и Тироле

Мартовские события в Вене нашли живой отклик и в отдаленных областях империи, в частности и среди итальянского населения Ломбардии и Венеции, где еще в январе 1848 г. положение было чрезвычайно напряженным.

18 марта вспыхнула революция в Милане, заставившая австрийский гарнизон покинуть город. Изгнала австрийцев из своих стен и Венеция.

В конце марта началась освободительная война Италии против Австрии[1].

События 13—15 марта в Вене способствовали усилению освободительного движения и в Чехии, особенно в Праге. Горожане и студенты установили тесный контакт с революционной Веной. В Праге была организована национальная гвардия, создан Академический легион. Попытки наместника графа Стадиона подавить движение вызвали бурные

[1] Подробнее об этом см. в главе одиннадцатой.

демонстрации протеста, закончившиеся в начале апреля образованием «Национального комитета», фактически превратившегося в правительство Чехии [1].

Под влиянием мартовских событий в Вене усилилось революционное движение и в Галиции. 19 марта во Львове произошла демонстрация с требованием конституции, отмены цензуры, полной амнистии и создания национальной гвардии. В движение пришло как польское, так и украинское население края. 21 марта власти согласились на вооружение студентов. Во Львове была создана национальная гвардия. Все это было началом последующей упорной борьбы Галиции за освобождение от австрийского гнета. Не остался пассивным и город Краков. И здесь создан был национальный комитет, поставивший своей целью борьбу за независимость Кракова от австрийской монархии. Большую активность проявляли краковские студенты, установившие тесный контакт с Академическим легионом Вены [2].

Революционным движением был охвачен также Тироль. 21 марта на народном собрании в Инсбруке были выдвинуты такие требования: независимость областного сейма, снижение косвенных налогов, сокращение срока военной службы, реформа школьного преподавания. Однако Тироль под влиянием католического духовенства не присоединился к общедемократическому движению страны и в дальнейшем стал одним из центров контрреволюции.

События 15 марта в Будапеште

Мартовские события в Вене дали сильный толчок подъему освободительного движения в Венгрии. 15 марта народ вышел на улицы Будапешта. Движением руководил революционный демократ Шандор Петефи, талантливый поэт, «Национальная песнь» которого послужила сигналом к восстанию против Австрии. Под руководством Петефи рабочие и студенты захватили типографии и начали печатать революционные газеты и листовки. Программа либеральной оппозиции Венгрии, опубликованная в тот же день, содержала следующие требования: самостоятельное народное представительство, ответственное перед ним министерство, свобода совести и собраний, равенство всех граждан перед законом.

Революционное движение охватило не только города, но и села Венгрии. Крестьяне требовали отмены всех феодальных повинностей без выкупа и возвращения земель, которые были отняты у них помещиками. Страх перед ростом крестьянского движения побудил венгерское правительство частично отменить феодальные повинности. Наряду с этим венгерский сейм, большинство членов которого состояло из землевладельцев, провел закон о вознаграждении помещиков за отмену их привилегий. Помещики не хотели подчиняться постановлению сейма. Они добивались восстановления барщины и оброка. Крестьяне поднимали восстания против помещиков [3].

Начало освободительного движения в славянских областях Венгрии

События в Будапеште получили отклик в районах Венгрии, населенных славянами: в Закарпатье, Воеводине, Хорватии и др. Уже через три-четыре дня после событий 15 марта в Будапеште, в городах Закарпатья — Ужгороде и Мукачеве — были расклеены прокламации с изложением требований, выдвинутых в Будапеште.

В Панчеве, одном из центров Баната, восставшие прогнали главу местной администрации; в Земуне были смещены городские власти и заме-

---

[1] Подробнее об этом см. в главе девятнадцатой.
[2] Подробнее об этом см. в главе двадцатой.
[3] Подробнее об этом см. в главе двадцать третьей.

нены выборными людьми. Войска венгерского правительства оказались не в состоянии справиться с движением.

В конце марта в Загребе собрался сейм, принявший программу национальной автономии для Хорватии, Славонии и Далмации. В Вену была послана делегация с требованием национальной автономии и ответственного министерства.

Большую активность в славянских землях проявляли крестьяне. Крупные землевладельцы организовали против крестьян контрнаступление. Первыми против них выступили помещики-венгры.

Союз между венгерскими феодалами и помещиками Хорватии, Воеводины и других славянских областей составил главную опору контрреволюции в Австрийской империи[1].

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В АВСТРИИ В ПЕРВЫЕ НЕДЕЛИ ПОСЛЕ МАРТОВСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Политическая борьба в Вене

В конституционной монархии австрийская буржуазия видела венец своих политических стремлений, и как только была обещана конституция, в буржуазных кругах наступило успокоение.

Очевидец революционных событий Фонтон так характеризовал обстановку, сложившуюся в Вене после правительственного извещения о будущей конституции: «В городе водворен порядок. Волнения исчезли. Национальная гвардия [это название приняла буржуазная милиция], а также студенты охраняют порядок в городе со всей ответственностью и строгостью».

По улицам столицы расклеивались воззвания, выражавшие настроение различных классов и групп,— одни, написанные на народном венском диалекте, другие — литературным немецким языком. В этих листках выдвигался вопрос о содержании будущей конституции.

Буржуазно-радикальный журналист Понграц выдвинул программу конституционных преобразований. Он считал, что конституция должна обеспечить полную свободу национальностей и привести к созданию федеративной монархии с однопалатной системой.

Конституция заранее подверглась критике со стороны верхов буржуазии, которые опасались новых революционных волнений. Умеренно-либеральный публицист Эллингер писал: «Император дал нам свободу прессы... но свободой можно и злоупотребить, разжигая в малопросвещенных людях такие инстинкты, которые трудно будет подавить». Обращаясь к писателям, Эллингер призывал их больше доверять правительству и терпеливо выжидать последствий его политики. Этот «друг отечества и друг прогресса», как он сам себя величал, больше всего боялся политических перемен и утверждал, что конституцию можно будет приветствовать только в том случае, если она «водворит порядок».

Отношение различных национальностей Австрии к вопросу о конституции

Венгерская депутация, приехавшая в Вену, была встречена населением с исключительным радушием. Кошут обратился к жителям Вены с приветственной речью. «Мы были убеждены,— сказал он,— что наступит час, когда в Австрии будет обнародована конституция... Это будет началом серьезной работы по государственному переустройству на основе принципов свободы печати, вооружения наций, отмены феодальных повинностей, установления народного представительства, равного распределения налогов».

[1] Подробнее об этом см. в главах двадцать четвертой и двадцать пятой.

Мартовская революция была совершена объединенными усилиями многонационального населения Вены: наряду с немцами в ней приняли участие поляки, венгры, чехи, хорваты, итальянцы, люди различных религиозных верований — католики, протестанты, евреи. Борьба различных национальных групп Австрии за автономию была вместе с тем и борьбой за уничтожение национальных и религиозных ограничений. После обнародования указа о конституции видный чешский публицист Гавелка напечатал листовку «Что такое конституция?». «Каждый закон,— доказывал он,— должен объявляться всем чехам на понятном им всем чешском языке». В чешских районах, писал он, должны быть чешские чиновники, хорошо знающие свой язык; чешские дела должны вестись по-чешски, «чтобы не оказывался чех в таком положении, когда в учреждении решается на чужом языке дело об его имуществе, чести и жизни, а он должен стоять, как болван, даже не понимая, о чем идет речь»[1].

В некоторых прокламациях выдвигалось требование гражданского равноправия евреев. Так, например, публицист Адольф Бухгейм выпустил воззвание, в котором протестовал против клеветнических нападок реакционеров на евреев и указывал на активное участие многих из них в мартовском восстании.

Мартовская революция поставила и вопрос об уничтожении религиозной дискриминации австрийских протестантов. «Мы, протестанты, в Австрийской империи только терпимы; мы же добиваемся полного равенства»,— писал, например, протестант Лебенштейн, протестуя против привилегированного положения католиков.

Министерство Коловрата и его состав

Правительство выполняло свои обещания крайне неохотно и весьма медленно. Издав указ о конституции, оно не конкретизировало содержания ее основных положений и даже не назначило срока ее введения.

17 марта было организовано новое министерство; список новых министров был опубликован 21 марта. В нем значились следующие имена: граф Коловрат — временный министр-президент, граф Фикельмон — министр иностранных дел, граф Таафе — министр юстиции, барон Кюбек министр финансов, барон Пиллерсдорф — министр внутренних дел. Почти все новые министры были выходцами из дворянства. Многие из них (Кюбек, Таафе, Фикельмон) были в прошлом деятелями меттерниховского реакционного режима.

Классовая сущность и отличительные черты мартовской революции в Вене

Характеризуя отличительные черты буржуазной революции в Вене в марте 1848 г., Энгельс писал: «Революция в Вене была совершена, можно сказать, почти совершенно единодушным населением. Буржуазия, за исключением банкиров и биржевых спекулянтов, мелкая буржуазия, рабочий класс — все сразу, как один человек, восстали против правительства, которое все они ненавидели и которое возбуждало такое всеобщее негодование, что небольшая кучка поддерживавших его дворян и финансистов постаралась стушеваться при первом же нападении на него»[2].

Действительно, в марте 1848 г. единение всех антифеодальных сил было в Вене несравненно бóльшим, чем, например, в Берлине. Такая полнота временного объединения против меттерниховского режима была возможна не потому, что венская буржуазия была более демократичной, чем берлинская. Это оказалось возможно потому, что капиталистические отношения и классовые противоречия в Австрии были развиты меньше,

---

[1] Подробнее об этом см. в главе девятнадцатой.
[2] К. Маркс. Избр. произв., 1940, т. II, стр. 59.

чем в Пруссии. В своей оппозиции феодально-абсолютистской монархии политические представители австрийской буржуазии охотно пользовались движением трудящихся масс, заставлявшим правительство быть уступчивее, хотя интересы этих масс были ей глубоко чужды. С другой стороны, рабочие фабрик и мануфактур, самая активная движущая сила революционного движения, еще не сложились в самостоятельный класс. Поднимавшиеся из рабочей среды руководители еще не выдвигали самостоятельных политических требований. Республиканские группы были малочисленны и маловлиятельны.

И все же австрийская буржуазия, как и буржуазия прусская, страшилась революционного движения народных масс. Вот почему монархии Габсбургов удалось сохранить в марте свои главные позиции. После мартовских событий императорский двор, правительство и аристократия продолжали свою политику маневрирования.

Между тем уже в мартовские дни начали сказываться разногласия и противоречия внутри первоначально единого антиправительственного лагеря.

Глава четырнадцатая

МАРТОВСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ПРУССИИ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС В ПРУССИИ В КОНЦЕ ФЕВРАЛЯ И НАЧАЛЕ МАРТА 1848 Г.

Последней из немецких столиц, до которой докатились волны мартовской революции, оказался Берлин. Однако волнения в Пруссии начались после получения первых же известий из Парижа. Впрочем, уже задолго до падения монархии во Франции растерянность, охватившая прусские правящие круги, рост активности буржуазной оппозиции и резкое усиление недовольства народных масс указывали на приближение революционной бури и в Прусской монархии.

Заседания Соединенного ландтага не прошли для Пруссии бесследно. Наоборот, «...общественное мнение в Пруссии за 11 недель его сессии сделало такие успехи, на которые без ландтага потребовались бы многие годы»[1]. В результате политических схваток, закончившихся в июне 1847 г. роспуском ландтага, вожаки либеральной буржуазии разъехались из Берлина, уверенные, что им удастся в конце концов добиться у правительства согласия на введение конституции.

Но прусское правительство стало на путь усиления репрессий. К концу 1847 г. цензура свирепствовала сильнее, чем раньше. В области внешней политики был взят открыто реакционный курс: наряду с Австрийской империей и царской Россией Прусская монархия оказала поддержку реакционно-католическому «Зондербунду» в Швейцарии.

Положение народных масс тем временем ухудшалось все больше и больше. В связи с дороговизной — следствием неурожайных лет — индекс реальной заработной платы упал в 1847 г. по сравнению с 1845 г. с 74 до 54; в восточных провинциях зимой 1847/48 г. множество людей питалось травой и отрубями. Голодный тиф уносил здесь каждый месяц тысячи жертв.

Соединенные комиссии. Известия о революционных событиях за пределами Пруссии

К январю 1848 г., когда в Берлине собрались созванные правительством для обсуждения проекта нового уголовного законодательства так называемые Соединенные комиссии провинциальных ландтагов, недовольство в стране стало всеобщим. Многие видные буржуазные либералы — среди них Ганземан и Мефиссен — отказались участвовать в работах этого жалкого

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 564.

суррогата сословного представительства; они требовали скорейшего созыва Соединенного ландтага. Только немногие либералы — и среди них Кампгаузен — приняли участие в работе Соединенных комиссий.

Однако предложенный правительством проект уголовного законодательства возмутил даже самых умеренных деятелей оппозиции. Проект ни в чем не отвечал потребностям капиталистического развития. В частности, он сохранял от феодального прошлого не только телесные наказания, но и варварские средневековые формы смертной казни: отсечение правой руки и головы.

Соединенные комиссии еще продолжали заседать, когда в Берлин пришли первые известия о событиях во Франции. На правительственные круги Пруссии эти известия произвели ошеломляющее впечатление, хотя Берлин внешне хранил еще полное спокойствие. О тревоге, царившей в верхах общества, можно судить по переписке Фридриха-Вильгельма IV с Николаем I.

В письме от 29 февраля сильно перепуганный, но еще храбрившийся прусский король сообщал своему шурину о посылке в Вену генерала Радовица для переговоров с Меттернихом. Он писал и о своем намерении созвать съезд немецких государей, чтобы обсудить назревший вопрос о реформе Германского союза и тем самым, как он выражался, «вырвать из рук демагогов опасное и фатальное оружие германской национальности». «Спасение всего мира,— взывал король в письме к царю,— в руках великих держав,— необходимо, чтобы они по отношению к революции представляли как бы единую стальную стену».

Известия о событиях в Южной и Юго-Западной Германии еще более усилили тревогу правительственных кругов. Хотя связанная с этими кругами печать продолжала твердить, что Пруссия избегнет революционных потрясений, военные власти уже с первых дней марта стали понемногу, под предлогом защиты западных границ от французов, призывать запасных и подтягивать воинские части к Берлину. Назначение 2 марта генерала Пфуля губернатором столицы и последовавший затем приказ по гарнизону города «на случай возникновения беспорядков» указывали на то, что военные круги серьезно считаются с возможностью народных выступлений и готовятся к борьбе против революции.

Народная демонстрация 3 марта в Кельне и позиция рейнских либералов

Народные выступления, действительно, не заставили себя долго ждать. 3 марта в Кельне состоялась массовая демонстрация рабочих, подготовленная местной общиной «Союза коммунистов». Рабочие представили городскому совету петицию, содержавшую, кроме требований всеобщего избирательного права и политических свобод, еще и требование уничтожения постоянной армии, введения «охраны труда» и воспитания всех детей на общественный счет. Передавая городскому совету эту петицию, Готшальк, член «Союза коммунистов», организатор демонстрации, решительно заявил, что выступает от имени «четвертого сословия», не имеющего «чем прикрыть свою наготу и чем утолить свой голод». Два других члена «Союза коммунистов», бывшие офицеры А. Виллих и Ф. Аннеке, обращались к народу с горячими речами.

Испуганный городской совет просил о присылке войск. Рабочие, успевшие к этому времени проникнуть в зал заседаний совета, скоро были разогнаны солдатами. Все три организатора демонстрации были арестованы и преданы суду по обвинению в подстрекательстве к мятежу.

Открытое проявление политической активности кельнских рабочих произвело огромное впечатление на правительственные круги: принц Прусский, командовавший гвардией, тотчас же передал свою должность генералу Приттвицу с тем, чтобы самому отправиться на Рейн.

Активность рабочих сильно встревожила и рейнских либералов. В Кельнском городском совете Ф. Раво, один из самых левых членов буржуазной оппозиции, высказывался о требованиях рабочих с явной враждебностью; другой видный либерал Мефиссен с тревогой писал, что в Кельне «открыто выявились следы коммунистического движения». Узнав о провозглашении республики в Париже и о введении в состав Временного правительства двух представителей от рабочих, рейнские либералы явно растерялись. Они были готовы любой ценой избежать революционных потрясений. Глава рейнской либеральной оппозиции Ганземан 1 марта писал министру внутренних дел барону Бодельшвингу: «Ваше превосходительство! Когда отечеству грозит опасность, люди, любящие его, должны, как бы ни были различны их политические убеждения, сблизиться друг с другом». Ганземан советовал министру снова созвать Соединенный ландтаг и смело пойти навстречу пожеланиям оппозиционной буржуазии. «Задача заключается в том, чтобы быстро, верно и энергично наметить средства спасения»,— доказывал Ганземан. «Остаюсь в этот критический момент готовым к услугам вашего превосходительства»,— подчеркивал он в конце своего письма.

Но события 3 марта были только началом борьбы. В ближайшие дни все бюргерство Пруссии громко заговорило о своих политических требованиях (уничтожение цензуры, введение представительного строя и пр.). За спиной буржуазной оппозиции глухо волновались массы полуголодного городского и деревенского люда. Трудящиеся были сильно взволнованы известиями из Парижа и уже готовились выступить с собственными социальными и политическими требованиями. На бирже курсы всех ценных бумаг резко упали. Безработица росла, так как предприниматели с конца февраля стали свертывать производство.

Все эти события заставили Фридриха-Вильгельма IV 6 марта пойти на некоторые уступки буржуазии. Распуская в этот день Соединенные комиссии, он объявил о своем решении в дальнейшем периодически созывать Соединенный ландтаг, а через два дня подписал новый указ о цензуре, значительно смягчавший ее строгости.

11 марта в Бонне состоялось совещание руководителей рейнской либеральной оппозиции. В нем принял участие только что возвратившийся из Берлина Кампгаузен.

Скромные политические постановления Гейдельбергского совещания[1], решившего созвать во Франкфурте-на-Майне общегерманское Национальное собрание для обсуждения вопроса о политическом строе Германии, казались Кампгаузену и многим другим либералам «чуть ли не республиканскими». Поэтому Кампгаузен употребил все свое влияние, чтобы добиться в Бонне решения просить короля о скорейшем созыве Соединенного ландтага и предоставлении ему законодательных прав. В принятом в Бонне адресе весьма глухо говорилось, кроме того, о желательности создания народного представительства при Союзном сейме, но зато много было сказано об опасности «внутренних, ведущих к распаду, столкновений».

Через четыре дня, когда события стали принимать все более грозный для правительства оборот, Кампгаузен снова обратился к королю от имени Кельнского городского совета. Он умолял короля скорее согласиться на введение конституции, предлагая ему взять дело национального воссоединения Германии в свои руки и с этой целью ускорить созыв немецких государей во Франкфурте. В адресе, отправленном в Берлин с депутацией рейнских либералов, ничего не говорилось ни о созыве

---

[1] См. главу двенадцатую.

«народного представительства при Союзном сейме», ни тем более о созыве Национального собрания.

Народное движение в Берлине

Первые признаки надвигающейся бури стали заметны в Берлине только 6 марта. Вечером этого дня по инициативе нескольких молодых демократов, близко стоявших к прогрессивной газете «Берлинская читальня» («Berliner Lesehalle») было созвано собрание передовой молодежи столицы. Оно состоялось в Тиргартене в помещении так называемых «Палаток» и приняло решение составить особую петицию молодежи Берлина.

На следующий день, 7 марта, текст петиции был обсужден на более многолюдном собрании. Несколько сот студентов, художников, молодых ремесленников и торговцев после длительного обсуждения приняли петицию, но уже не от имени молодежи, как предполагалось раньше, а от всего берлинского населения. Политические свободы, амнистия, равенство всех граждан перед законом, народное представительство и скорейший созыв Соединенного ландтага — таковы были требования, выдвинутые в петиции.

Полицейские власти Берлина всполошились, и полицей-президент Минутоли официально заявил членам депутации, избранной для передачи петиции королю, что депутация не будет допущена к королю и все попытки уличных демонстраций будут подавляться.

Стремясь избежать уличных столкновений, члены депутации пытались уговорить полицей-президента лично передать королю их петицию, но получили иронический совет переслать петицию по почте.

Поскольку передать петицию королю оказалось невозможно, 9 марта в «Палатках» состоялось третье, еще более многолюдное собрание. Больше 3 тыс. человек до поздней ночи горячо обсуждали создавшееся положение. Под давлением умеренных бюргеров было решено вручить петицию городским советникам, чтобы они представили ее затем королю.

Собрание городских советников Берлина почти целиком состояло из умеренных бюргеров. Внесенное отдельными гласными предложение просить короля о скорейшем созыве Соединенного ландтага было 7 марта отклонено большинством 18 голосов против 9. Однако рост общественного возбуждения заставил членов городского совета изменить свое решение. 9 марта они постановили обратиться к королю с петицией о даровании некоторых политических свобод и о скорейшем созыве Соединенного ландтага. О передаче королю принятой в «Палатках» петиции собрание советников не хотело и слышать.

Положение берлинского пролетариата в связи с кризисом и дороговизной день ото дня становилось все более невыносимым. На многих предприятиях Берлина, в частности на паровозостроительном заводе Борзига, начали увольнять рабочих. Городские власти в начале марта открыли трудовую посредническую контору, «с тем чтобы установить действенную связь между предложением труда и спросом на него». Этим ровно ничего не было достигнуто; была получена только одна заявка от предпринимателей, а безработных, явившихся в контору, насчитывалось 7 тыс. человек.

Известия о завоеваниях парижских пролетариев усиливали возбуждение в рабочих массах Берлина. Многие рабочие принимали участие в народных собраниях в Тиргартене, а некоторые из них даже выступали с речами с импровизированной трибуны. «Кто знаком с настроениями рабочих,— писала в начале марта буржуазно-радикальная «Маннгеймская вечерняя газета» («Mannheimer Abendblatt») в корреспонденции из Берлина,— тот знает, что надвигается ураган, по сравнению с которым французская буря только дуновение ветра!»

Между 10 и 13 марта в Берлине широко распространялись литографированные экземпляры составленного рабочими адреса, в котором они говорили о тяжелом положении трудового народа и просили короля положить конец угнетению трудящихся ростовщиками и капиталистами. «Существующие законы не в состоянии защитить нас от них»,— писали рабочие, прося короля ускорить создание особого министерства труда с целью «улучшить судьбу рабочих».

В кругах состоятельного бюргерства это первое самостоятельное политическое выступление берлинских рабочих вызвало большую тревогу. Отражая настроения этих кругов, русский посланник барон Мейендорф в своем донесении, к которому была приложена копия этого адреса рабочих, называл их скромные требования «коммунистическими». О растущей тревоге среди имущих классов свидетельствовали и страницы берлинской прессы. «Фоссова газета» («Vossische Zeitung») или «Тетка Фосс» (как называли в Берлине этот наиболее распространенный орган умеренной буржуазии) 7 марта призывала берлинских рабочих не следовать примеру пролетариев Парижа. «Наше счастье в том, что это они, а не мы вступили на путь опасного эксперимента,— заявляла газета.— Нужду посылает бог. Он посылает ее всем, а не только одним рабочим... То, к чему вы стремитесь, менее всего достижимо при помощи волнений... Только порядок и мир принесут работу».

Тактика правительственных кругов

Растерянность, царившая в правительственных кругах со времени февральской революции, все более усиливалась. Фридрих-Вильгельм IV беспомощно метался между политикой кнута и политикой пряника, склоняясь, однако, все больше и больше к отказу от дальнейших уступок. В своем письме в Петербург от 8 марта он сообщал царю о том, какой «ужасный момент» он переживает, и объяснял причины, побудившие его сделать ландтаг периодичным. «Обнародование этого указа стоило мне чрезвычайно дорого»,— подчеркивал он, умоляя русского императора быстрее сосредоточить свои войска на прусской границе. В беседе с Мейендорфом, происходившей в тот же день, король шел еще дальше: «Введите только ваши войска в Германию, не обращая внимания на кривотолки»,— говорил он.

Военные круги открыто негодовали, по поводу уступок либералам, и со своей стороны активно готовились к борьбе. С 7 марта части берлинского гарнизона держались в казармах под ружьем. Охрана дворца была усилена, солдатам выданы патроны. По словам Мейендорфа, имевшего большие связи в военных кругах, войска уже с первых дней марта были приведены в боевую готовность. Принц Прусский, прощаясь 12 марта с берлинскими войсками, открыто говорил о «предстоящих схватках» и призывал солдат и офицеров дать отпор революции.

Накануне принц долго беседовал во дворце с генералом Герлахом, вручившим наследнику престола докладную записку о задачах, стоящих перед правительством. По словам Герлаха, он застал короля в совершенно подавленном состоянии: прибывший из Парижа барон Арним так напугал его, что он уже готов был дать согласие на созыв Соединенного ландтага. Герлах решительно возражал против этого, указывая на возможность превращения прусского сословного собрания в Учредительное собрание, и предлагал обратиться за поддержкой к армии.

За спиной Герлаха стояли влиятельные военные круги; его планам сочувствовал и принц Прусский. По совету Герлаха принц уже готовился отправиться на Рейн, чтоб там встать во главе 8-го и 10-го корпусов Союзной армии для подавления начинавшейся революции!

Военное командование явно провоцировало конфликт, надеясь легко подавить народное движение, восстановить «порядок» и укрепить устои феодально-абсолютистского строя.

ПЕРЕД РЕВОЛЮЦИОННЫМ ВЗРЫВОМ

Уличные столкновения в Берлине

13 марта к вечеру огромная толпа народа, насчитывавшая около 20 тыс. человек, заполнила Тиргартен. Собравшиеся ремесленники и рабочие жадно расхватывали листовки с адресом королю. Как и в предыдущие дни, это собрание прошло относительно спокойно, но слухи о передвижениях войск и предстоящем запрещении собраний усиливали возбуждение.

Действительно, к центру города, ко дворцу, проследовала кавалерия и прогромыхали пушки. Столкновения народных масс с войсками и полицией начались вскоре после окончания собрания. Расходившийся из Тиргартена народ был внезапно атакован отрядом кирасир, получившим задание не допустить демонстрантов к королевскому дворцу. Один человек был при этом зарублен саблями, многие ранены или затоптаны конницей. Двинута была и пехота, которая со штыками наперевес быстро очистила прилегающие ко дворцу улицы.

Сопротивления войскам оказано почти не было. Только на Грюнштрассе рабочие попытались воздвигнуть баррикады, а на другой улице — разгромить лавку оружейника.

На следующий день (14 марта) был опубликован приказ военного губернатора и полицей-президента, запрещавший уличные сходки. Вечером войска снова разгоняли собиравшийся на Дворцовой площади народ, и снова на мостовой остались лежать раненые и изувеченные. Народ ответил на выступление войск постройкой двух баррикад и встретил наступающую пехоту градом камней.

15 и 16 марта войска пустили в ход огнестрельное оружие. Число жертв сильно возросло: 16 марта было убито 20 и ранено 150 жителей города. В эти дни войска стреляли в народ не только в Берлине, но и в Трире и Магдебурге.

Провокационные действия военного командования

Озлобление против военных в эти дни достигло небывалых размеров. Даже в кругах буржуазии открыто выражалось возмущение поведением военного командования, которое сознательно провоцировало кровопролитные столкновения. «Возможно, что, наконец, сегодня вечером войска откроют огонь»,— доносил утром 15 марта Мейендорф, хорошо осведомленный о намерениях и планах военного командования.

«Все столкновение протекало великолепно, все шло хорошо»,— записывал в своем дневнике Герлах, встретившийся поздно вечером с наследником престола. «Стрельба... должна была произвести впечатление»,— подчеркивал в разговоре с ним принц.

«Придется пролить еще много крови,— с циничной откровенностью писал утром 16 марта весьма довольный развитием событий Мейендорф.— Войска в прекрасном состоянии. Подкрепления, ожидающиеся сегодня, дадут правительству возможность приступить к обыскам в рабочих кварталах..., но придется много расстреливать».

Бодельшвинг убедил Фридриха-Вильгельма IV издать 14 марта указ о созыве на 27 апреля сессии Соединенного ландтага. Однако вызывающую тактику военных кругов одобряли не все сторонники правительства.

Бодельшвинг и барон Арним убеждали короля пойти на дальнейшие уступки. Уроки событий во Франции и во многих частях Германии действовали отрезвляюще.

Утром 15 марта в Берлине распространились слухи о революционном выступлении в австрийской столице. На следующий день стало известно о падении и бегстве Меттерниха, о волнениях рабочих в предместьях Вены.

Народные собрания 17 марта

Революция уже стучалась в дверь. Утром 17 марта на Кемперштрассе состоялось новое собрание берлинских горожан, на котором председательствовал доктор Венигер. Его предложение сделать «еще одно серьезнейшее представление» королю, чтобы заставить его удовлетворить народные требования, было с шумным одобрением принято присутствующими.

В тот же день после полудня в пивной на Кепеникерштрассе состоялось новое собрание, на котором присутствовали представители 13 городских районов. Большинство собравшихся высказывалось за представление королю новой петиции. Собрание приняло предложенный Венигером текст петиции, содержавшей следующие требования: 1) вывод войск из Берлина, 2) организация вооруженных отрядов бюргеров, 3) свобода печати, 4) скорейший созыв ландтага. После долгих прений было решено на следующий день организовать на площади дворца массовую демонстрацию с целью добиться приема королем народной депутации. На этом собрании и позднее вечером на собрании в ратуше Кельнского городского района умеренные бюргеры возражали против организации демонстраций, но большинство решительно поддержало Венигера. «Если вы откажетесь от демонстрации, то произойдет революция!», — заявил он.

Королевский указ 18 марта

Вечером 17 марта в Берлин прибыла с Рейна депутация для представления петиции королю. Одновременно с ней прибыл и обер-президент Рейнской провинции Эйхман. Последний предупредил о возможности отпадения Рейнской провинции от Пруссии в случае запоздания с обнародованием конституции и отказа от борьбы за осуществление германского единства.

Новые уступки, на которые согласился король, были вызваны прежде всего страхом перед растущим народным движением и стремлением отколоть имущие классы от антиправительственного фронта.

В ночь на 18 марта на совещании высших сановников во дворце сторонники новых уступок оппозиционным кругам взяли верх и в результате долгих споров добились согласия короля на ускорение созыва Соединенного ландтага и издание нового закона о печати. Королевским указом созыв ландтага был перенесен с 27-го на 2 апреля. Указ подтверждал, что предстоящее преобразование Германского союза повлечет за собой и конституционное переустройство Пруссии. О новой конституции Германского союза в указе говорилось, что она должна быть принята по соглашению между князьями и народом; указ объявлял о скором созыве представителей от всего населения, о предстоящем создании общегерманской армии, об уничтожении внутренних таможенных перегородок и т. п.

Другой указ отменял цензуру, вводил вместо нее судебную ответственность и денежный залог для издателей газет.

Министр внутренних дел барон Бодельшвинг вручил королю прошение об отставке. На его место Фридрих-Вильгельм IV назначил графа Арнима-Бойтценбурга.

Отклики на королевские указы

Утром 18 марта король принял депутацию, прибывшую накануне из Кельна, и депутацию от берлинского городского совета. Он сообщил им о предстоящем обнародовании только что подписанных указов и сделал ряд успокоительных заверений.

Между 1 и 2 часами дня оба указа были опубликованы. Хотя уступки были невелики, либеральная буржуазия встретила указы бурным ликованием. Ее страх перед возможностью восстания рабочих был так велик, что она охотно согласилась признать «...революцию завершенной и поспешила принести благодарность его величеству за исполнение всех желаний его народа»[1].

Однако основные требования рабочих и ремесленников остались неудовлетворенными, и сделанные королем уступки не внесли успокоения в массы берлинского народа. Особенно возмущало их то, что войска продолжали оставаться в городе. Правительство и городской совет с тревогой ожидали демонстрации и с самого утра принимали меры к тому, чтобы не допустить передачи королю новых требований народа.

С другой стороны, военные круги открыто осуждали Бодельшвинга и других сторонников компромисса с либеральной буржуазией. Герлах прямо говорил, что скорее дал бы отрубить себе руку, чем подписал бы королевские указы от 18 марта.

Таким образом, эти указы отнюдь не разрядили атмосферы. «Уступки, сделанные в настоящий момент, не заставят партии сложить оружие»,— говорил французскому посланнику графу Сиркуру около полудня Александр фон Гумбольдт, известный ученый, примыкавший к либеральной оппозиции: «Столкновение неизбежно, и невозможно сказать, останется ли король победителем».

С утра на площадь перед дворцом стали стекаться толпы благонамеренных бюргеров, спешивших выразить благодарность королю. Тем временем на площади появилось множество рабочих и ремесленников. К половине третьего перед дворцом стояла уже густая толпа народа. Крики: «Долой военных!» заглушали приветственные возгласы бюргеров. Во дворце решено было разогнать народ. Генерал Приттвиц получил приказ очистить площадь и немедленно двинул против демонстрантов гвардейские части, заранее стянутые ко дворцу.

Начало столкновения. Баррикадные бои

Эскадрон драгун и пехота со штыками наперевес атаковали демонстрантов и очистили площадь. При невыясненных обстоятельствах раздались два выстрела из солдатских ружей. Демонстранты, озлобленные провокацией со стороны военного командования, бросились в соседние улицы, призывая население к борьбе.

Началась постройка баррикад. Первые баррикады были возведены под руководством механика Зигриста, одного из героев уличных боев, южнее Дворцовой площади — на Брейтштрассе и у ратуши Кельнского городского района. На Кенигштрассе возведением баррикад руководил ветеринарный врач Урбан. Как только в городе ударили в набат, из городских предместий к центру Берлина двинулись тысячи вооруженных чем попало рабочих; один только завод Борзига дал к вечеру около 900 бойцов.

В уличных боях с королевскими войсками, кроме рабочих и ремесленников, приняли участие студенты, служащие и другие группы интеллигенции. «Никогда не приходилось мне видеть большее мужество и большее

---

[1] К. Маркс. Избр. произв., 1940, т. II, стр. 62.

презрение к смерти,— писал вскоре после событий 18 марта очевидец, либеральный публицист Фарнгаген фон Энзе.— Ночью все дома должны были стоять открытыми, но ничего, кроме оружия и того, что необходимо было для постройки баррикад, не брали. Студенты в чистой одежде, конюхи, подмастерья, старики-рабочие — все, охваченные единым порывом, соревновались в храбрости и стойкости».

Корреспондент «Фоссовой газеты» насчитал в районе так называемого Фойгтланда — квартала, населенного почти исключительно беднотой, — до 17 больших баррикад, за которыми, кроме мужчин, можно было видеть женщин и детей. «Здесь ощущался острый недостаток в огнестрельном оружии, даже сабель не было в достаточном количестве,— писал корреспондент,— поэтому народ врывался в склады железных изделий и вооружался прутьями, ломами, топорами. Кузнецы и слесари изготовляли пики; владелец одного машиностроительного предприятия в несколько минут роздал восставшим до 6 центнеров железных изделий».

Почти все население Берлина в дни мартовской революции было единодушно в своем гневе по отношению к высшему командованию, к принцу Прусскому, к реакционному окружению Фридриха-Вильгельма IV.

Негодование, охватившее жителей Берлина после провокационного выступления королевских войск, было так велико, что в баррикадной борьбе приняли участие даже отдельные группы состоятельных бюргеров из гильдии стрелков, из отряда самообороны. Но в своем огромном большинстве буржуазия непосредственного участия в уличной борьбе не принимала. Ее верхние слои, запершись в домах, ожидали исхода схватки.

Восстание началось и протекало стихийно. Никто не руководил сколько-нибудь планомерно уличной борьбой. Лишь некоторые молодые и энергичные бойцы, преимущественно студенты, пытались внести в начавшуюся схватку элемент организованности. Для этого, по словам одной газеты, они «время от времени... появлялись на баррикадах, чтобы давать бойцам указания... Группы повстанцев охотно следовали этим указаниям и с воодушевлением выполняли распоряжения вожаков».

Силы сторон

Непосредственно в уличных схватках принимало участие только несколько тысяч человек. И тем не менее королевским войскам не удалось к ночи сломить сопротивление восставших берлинцев. Несмотря на то, что многие баррикады были разрушены, восстание продолжало разгораться. Больше трех пятых Берлина оставалось в руках революционного народа, исполненного мужества и воли к борьбе.

Находившиеся под командой Приттвица войска к началу схватки насчитывали приблизительно до 14 тыс. штыков и сабель при 36 орудиях. Ожидалось, кроме того, прибытие подкреплений из Потсдама, Шпандау и других ближайших городов, куда заранее были разосланы соответствующие приказания. План Приттвица с самого начала состоял в том, чтобы вытеснить повстанцев из центра города, прорваться к окраинам и тем обеспечить связь с подходящими из окрестностей частями. Для осуществления этого плана сильные атакующие колонны были двинуты Приттвицем в четырех главных направлениях: 1) на северо-запад, в сторону Ораниенбургских ворот, где расположены были крупные промышленные предприятия Берлина, в частности завод Борзига; 2) на юго-запад, в сторону сильно укрепленного повстанцами района Фридрихштадта; 3) на северо-восток, в сторону Кенигштрассе и Александерплаца; 4) наконец, на юго-восток, в сторону Кельнского городского района, где на ратуше развевалось с самого начала восстания республиканское трехцветное знамя.

НАПАДЕНИЕ ВОЙСК НА ДЕМОНСТРАЦИЮ ПЕРЕД КОРОЛЕВСКИМ ДВОРЦОМ В БЕРЛИНЕ 18 МАРТА 1848 Г.

Ксилография по рис. Кирхгофа 1848 г.

Наступление ночи не прекратило ожесточенных уличных схваток. В городе начались многочисленные пожары, их зарево освещало баррикады и стоявших за ними бойцов. Набат не прекращался ни на одну минуту. К треску ружейной перестрелки присоединялись глухие удары артиллерийских орудий, действовавших с обеих сторон: защитники баррикад у Александерплаца захватили три небольших мортиры и, зарядив их ружейными пулями и гвоздями, отвечали на картечь и гранаты королевских войск.

Затруднительное положение правительственных войск

Положение зажатых в центре города полков становилось с каждым часом все затруднительнее. Во дворце с самого начала борьбы царило страшное смятение. Огромное впечатление произвели на Фридриха-Вильгельма IV слова Георга фон Финке, одного из руководителей либеральной оппозиции в Соединенном ландтаге, прибывшего в Берлин вечером в самый разгар сражения и сразу же поспешившего во дворец. «Корона готова упасть с вашей головы»,— заявил он дрожавшему от страха монарху, сообщая ему о росте революционного движения в стране и настоятельно советуя, пока не поздно, прекратить кровопролитие.

Не более утешительны для короля были и сообщения Приттвица, явившегося около полуночи во дворец, чтобы доложить о ходе уличных боев и имеющихся в наличии воинских силах, которых, по его словам, было далеко не достаточно, чтобы подавить восстание. Баррикадные бойцы, указывал генерал, начинают постепенно привыкать к огню и терять страх перед войсками. Ссылаясь на опыт июльской революции 1830 г., Приттвиц настойчиво советовал королю, в случае невозможности быстро подавить восстание, покинуть столицу, вывести гарнизон, а затем начать планомерную осаду города. То же еще раньше, в письме из Вены от 16 марта, советовал королю Радовиц, указывавший на необходимость «очистить

ОБСТРЕЛ БАРРИКАДЫ НА АЛЕКСАНДЕРПЛАЦ 18 МАРТА 1848 Г.

Ксилография по рис. Кирхгофа 1848 г.

Берлин от войск еще до того момента, когда их сопротивление... будет сломлено».

Позднее официальная прусская историография всячески затушевывала факт поражения королевской гвардии в бою с взявшимся за оружие народом. Она возлагала ответственность за отступление войск из Берлина исключительно на потерявшего мужество, сломленного морально и физически короля.

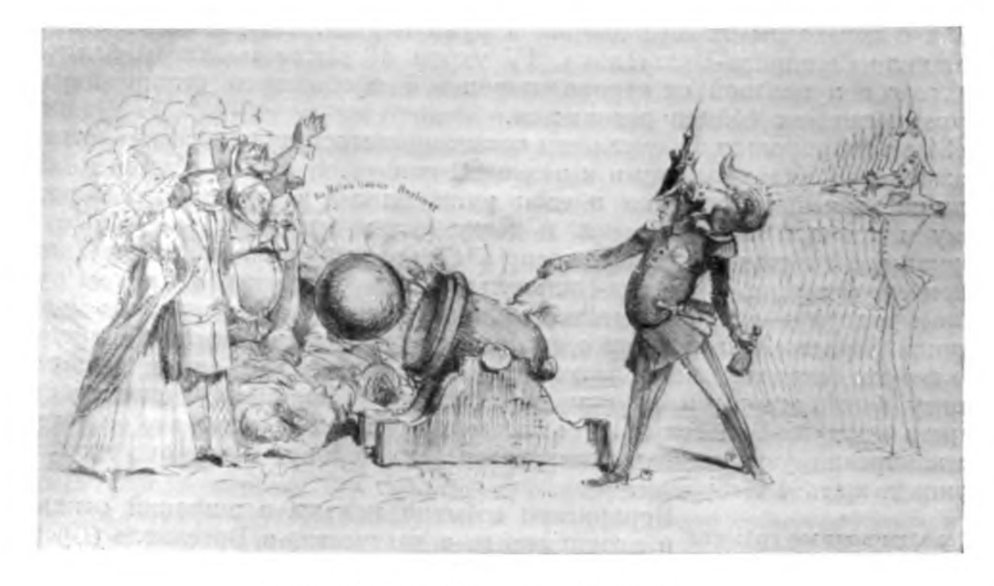
Между тем нельзя сомневаться в том, что именно стремление командования предохранить армию от «революционной заразы» вызвало поспешный, похожий на бегство, вывод гвардии из Берлина. Приттвиц приказал ее вывести, после того, как были прекращены, на рассвете 19 марта, по распоряжению Фридриха-Вильгельма IV, военные действия на улицах столицы.

О падении дисциплины и колебаниях в рядах прусской гвардии после начала уличных боев, об отказе солдат стрелять в народ, об их братании с народом рассказывают различные источники. Об этом определенно говорят и иностранные наблюдатели, и представители военных кругов, и деятели либерального лагеря, и журналисты демократического направления.

Сам Приттвиц позднее, в ответ на запоздалые упреки со стороны короля, говорил: «Ваше величество, можете приказать снять голову с моих плеч, но войска определенно уплывали из моих рук».

Фарнгаген фон Энзе рассказывает в своих «Дневниках» о братании солдат с народом. По его словам, солдаты «пили кофе с бюргерами, давали обещание не стрелять, смеялись над офицерами». Именно вследствие этого их и вывели из города. «Боялись, что войска будут брататься с народом... Серьезные признаки этого были заметны уже во время боя...»

Дело зашло так далеко, что восставшие берлинцы начали заключать соглашения с отдельными воинскими частями.

«МОИМ ВОЗЛЮБЛЕННЫМ БЕРЛИНЦАМ...»
ФРИДРИХ-ВИЛЬГЕЛЬМ IV И ЕГО ВОЗЗВАНИЕ 19 МАРТА 1848 Г.

Карикатура. Литография неизв. художника

Собрание Института Маркса—Энгельса—Ленина. Москва

СОБЫТИЯ 19—22 МАРТА И ИХ РЕЗУЛЬТАТЫ

Воззвание короля и его новые уступки

Утром 19 марта было обнародовано новое, написанное ночью, воззвание короля к народу, в котором говорилось о выводе войск из столицы. Гвардейские полки, действительно, в течение дня были выведены из города в Потсдам и другие близлежащие местности. 20 марта принц Прусский тайно бежал в Англию, переодевшись в штатское платье. Его дворец был объявлен «национальной собственностью»— иначе его нельзя было бы спасти от гнева народа. Прусские офицеры и генералы в страхе спешили покинуть восставшую столицу. По словам Вальдерзее, в самом дворце адъютанты короля брили себе бороды, чтобы их не могли узнать. «Мы все тогда лежали на животе»,— говорил позднее Фридрих-Вильгельм IV, вспоминая дни мартовской революции в Берлине.

Утром 19 марта было сформировано новое министерство, в состав которого были введены либерально-настроенные чиновники фон Ауэрсвальд и фон Шверин. 21 марта портфель министра иностранных дел получил барон Арним, один из наиболее решительных сторонников сближения с буржуазией, а днем раньше смещен был ненавистный народу министр юстиции профессор-мракобес Савиньи.

Король дал согласие на вооружение народа, после чего бюргерство поспешило создать гражданскую гвардию и взять на себя поддержание порядка в городе. Была объявлена амнистия всем политическим заключенным, в том числе и полякам Мерославскому и Либельту, сидевшим в тюрьме Моабит после событий 1846 г.

Народ победил в борьбе, но эта победа далась ему нелегко: одних только убитых насчитывалось больше 400 человек, а раненых — больше 1000.

Королю не удалось покинуть Берлин вместе с войсками. Отъезд сперва был задержан болезнью королевы, а затем стал невозможен в

связи с переходом охраны дворца в руки народа. Баррикадные бойцы заставили Фридриха-Вильгельма IV утром 19 марта выйти на балкон вместе с полумертвой от страха королевой и обнажить голову перед трупами павших бойцов революции.

21 марта королю под давлением новых министров пришлось выпустить воззвание «К моему народу и к немецкой нации». В нем он обещал взять дело объединения Германии в свои руки, клялся в верности трехцветному национальному знамени и даже сулил «растворить Пруссию в Германии». Утром того же дня, который он позднее называл «ужаснейшим днем» своей жизни, Фридрих-Вильгельм IV с трехцветной лентой на рукаве мундира в сопровождении своих министров показался верхом на улицах Берлина. Он говорил о свободе и единстве германского народа. Но все это было сплошным лицемерием. Прибывшему в Берлин 23 марта Максу фон Гагерну и другим представителям южногерманских государств Фридрих-Вильгельм IV со слезами на глазах твердил, что он далек от намерения «узурпировать» императорскую корону, и что она должна принадлежать Габсбургам.

Революционные события в провинции. Обещания короля

Берлинские события получили широкий отклик в провинции и, в частности, в Бреславле (Вроцлаве). Здесь 19 марта состоялось многолюдное народное собрание и была разработана программа политических требований, среди которых созыв прусского Учредительного собрания занимал первое место.

Неспокойно было и в деревнях. Крестьяне, подобно тому как это было в Оденвальде и Шварцвальде, отказывались нести феодальные повинности, а в некоторых местах громили помещичьи замки и имения. Местные власти были совершенно терроризированы событиями и фактически выпустили из своих рук управление. Обер-президент и высшие полицейские чины бежали из Силезии.

В Познани после 18 марта начались кровавые столкновения прусских войск с польским населением. Польские патриоты формировали национальные воинские части и поднимали национальные бело-малиновые флаги. В Берлин из Познани была отправлена депутация с требованием полной национальной автономии.

Стремительное развитие революционного движения толкало Фридриха-Вильгельма IV и его новых министров к дальнейшим уступкам буржуазии и народу. 22 марта, после прибытия в Берлин депутаций силезских городов, был обнародован королевский указ, обещавший передать на рассмотрение Соединенного ландтага проект нового, более демократического избирательного закона. Будущее представительное собрание, говорилось в указе, установит свободу личности, свободу союзов и собраний, введет всеобщее вооружение народа с правом избрания командиров, ответственность министров, суд присяжных, установит независимость судей, уничтожит вотчинную юстицию, полицейскую власть помещиков и судебные изъятия для дворянства. «Кроме того, я приведу постоянную армию к присяге новой конституции»,— говорилось в заключительной части королевского указа.

Позиция буржуазии и юнкерства

После победоносного народного восстания в Берлине момент полного торжества начавшейся в Пруссии буржуазно-демократической революции казался недалеким. Однако измена либеральной буржуазии делу революции дала возможность деморализованным и терроризированным юнкерам перевести дух и подготовиться к наступлению против завоеваний мартовских дней.

Страх перед «красным призраком коммунизма» был в кругах прус-

ской буржуазии так велик, что уже в первые дни мартовской революции представители либерального бюргерства стали просить правительство о возвращении хотя бы части выведенных из Берлина войск. Одновременно с этим состоятельные буржуа лихорадочно спешили с организацией гражданской гвардии. «Вооружение бюргеров проводится с большим рвением и в большом масштабе,— писал 20 марта брат Людольфа Кампгаузена, Отто,— бог даст, оно будет закончено раньше, чем массу охватит, в свою очередь, стремление обзавестись оружием».

Мейендорф уже 21 марта писал в Петербург об изменениях в настроениях буржуазии, о ее боязни остаться с глазу на глаз с пролетариатом. 25 марта в письме к фельдмаршалу Паскевичу он утверждал, что наступает второй акт прусской революции: «Если здесь узнают, что в Париже имело место столкновение между рабочими и национальной гвардией и что рабочие там вышли победителями, трудно предположить, что борьба не вспыхнет также и здесь».

Поворот вправо в настроениях буржуазии наметился, следовательно, уже в самые первые дни мартовской революции. Энгельс, характеризуя обстановку, сложившуюся в Пруссии после событий 18 марта, писал: «Грозила опасность повторения парижских сцен «анархии». Перед лицом этой опасности прекратились все прежние распри. Против победоносного рабочего... объединились старинные друзья и враги, и еще на баррикадах Берлина был заключен этот союз между буржуазией и приверженцами низвергнутой системы»[1].

Эта перемена в настроениях либеральной буржуазии была немедленно учтена контрреволюционным юнкерством.

25 марта Фридрих-Вильгельм IV произнес в Потсдаме речь к генералам и офицерам выведенной из Берлина гвардии, которые были возмущены сделанными уступками и, дерзко стуча саблями, требовали возвращения гарнизона в столицу. Король успокаивал столпившихся вокруг него военных. «Лично я никогда не был в большей безопасности, я и сам не думал, что берлинцы так ко мне привязаны,— говорил он.— Я собрал достаточное количество войск. Они готовы по моему кивку выступить в том случае, если восстанет чернь против бюргеров и они не сумеют с нею справиться. Если только бюргеры пожелают, я введу войска обратно в Берлин».

Тем временем активность трудящихся масс возрастала. 26 марта на окраине Берлина, у Шенгаузенских ворот состоялось большое собрание, на котором рабочие и беднейшие ремесленники произносили горячие речи против эксплуатации и капиталистов. Многие берлинские рабочие при этом высказывали весьма отсталые взгляды, восхваляя цеховой строй и осуждая промышленную свободу. В то же время некоторые рабочие настойчиво требовали права на труд и создания министерства труда.

Король и некоторые его более дальновидные советники поняли необходимость принять протянутую им руку либералов и пошли на временный компромисс с ними.

МИНИСТЕРСТВО КАМПГАУЗЕНА—ГАНЗЕМАНА

Контрреволюционные происки Бисмарка

Действительно, попытки крайних реакционеров организовать отпор революции и, опираясь на армию, раздавить начавшееся народное движение потерпели полную неудачу. Характерен провал авантюристского плана, задуманного Бисмарком, который со времени своего выступления

[1] К. Маркс. Избр. произв., 1940, т. II, стр. 62—63.

в Соединенном ландтаге имел прочно установившуюся репутацию ярого реакционера.

Получив в своем поместье первые сведения о начавшейся революции, Бисмарк сделал попытку поднять окрестных крестьян на защиту абсолютизма, но эта затея провалилась. После этого он поспешил в Потсдам. Здесь он повидался 21 марта с генералами Приттвицем и Моллендорфом и попытался склонить их к походу на Берлин. Однако генералы отказались выступать без приказания Фридриха-Вильгельма IV. Бисмарк отправился в восставшую столицу, предварительно сбрив себе бороду и надев широкополую шляпу с трехцветной кокардой, чтобы не быть узнанным. Но в Берлине он также ничего не добился и в тот же вечер возвратился в Потсдам.

В Потсдаме он снова пытался склонить обоих генералов к самостоятельным действиям. Но и Моллендорф и Приттвиц попрежнему отказывались выступать, не сговорившись предварительно с генералами Врангелем и Гедеманом, которые командовали войсками в Штеттине и Магдебурге. Чтобы склонить их к совместному выступлению, Бисмарк направился в Магдебург, но и здесь натолкнулся на отказ. Гедеман просил его поскорее покинуть город, чтобы не ставить себя в неприятное, а его в смешное положение. В противном случае он даже грозил арестовать Бисмарка как «государственного изменника».

Злоключения Бисмарка лучше, чем что-либо другое, показывают растерянность, которая охватила после мартовской революции феодально-помещичьи круги, и объясняют, почему ненавидевший либералов король вынужден был 29 марта обратиться к Кампгаузену и Ганземану с просьбой возглавить новое министерство.

Даже на армию в те дни невозможно было положиться. Солдаты кельнского гарнизона, например, обращались к командованию с требованием отменить старые прусские военные уставы, запретить обращаться к нижним чинам на «ты» и т. п. В самом Потсдаме также наблюдались явно нежелательные для командования явления. Характерно, что 29 марта принц Фридрих, сын наследника престола, будущий германский император, был переведен на ночь из хорошо охраняемого дворца на частную квартиру одного из офицеров: даже гвардейские части казались тогда недостаточно надежными!

Создание министерства Кампгаузена—Ганземана

Итак, 29 марта Фридрих-Вильгельм IV назначил Кампгаузена министром-президентом вместо графа Арнима-Бойценбурга, а Ганземана — министром финансов. 2 апреля Кампгаузен в качестве главы нового кабинета открыл заседания Соединенного ландтага. Премьер предложил съехавшимся в Берлин депутатам разработать «Основания будущей прусской конституции» и принять закон о выборах в Прусское собрание.

Под влиянием происшедших событий позиция Соединенного ландтага совершенно изменилась: даже представители крайней правой и те послушно приняли предложенный Беккератом адрес, в котором от имени депутатов выражалась благодарность Фридриху-Вильгельму IV за его обещания и уступки.

Только два депутата — Бисмарк и померанский помещик Тадден-Триглаф — открыто протестовали против указанного адреса. Но даже эти явные сторонники абсолютизма, выступавшие в ландтаге подобно членам французской «бесподобной палаты» 1815—1816 гг. в качестве «бóльших роялистов, чем сам король», подчеркивали в своих речах, что министерство Кампгаузена — Ганземана «может привести к порядку и законности».

Соединенный ландтаг и новое министерство

Соединенный ландтаг почти единогласно одобрил благодарственный адрес королю, а затем утвердил предложенный министерством «избирательный закон для Собрания, созываемого в целях соглашения относительно конституции прусского государства». Закон этот предусматривал двухстепенные выборы в Учредительное собрание и устанавливал возрастной ценз в 24 года для первичных избирателей и в 30 лет для выборщиков и депутатов.

Соединенный ландтаг ассигновал правительству 15 млн. талеров на армию и 25 млн. на оказание поддержки пострадавшему от кризиса народному хозяйству. В качестве «Оснований» для будущей конституции был принят ряд постановлений о свободе печати, союзов, собраний и совести. о независимости судей, о суде присяжных, о равенстве всех граждан перед законом, о правах будущего народного представительства в области законодательства, бюджета и налогов.

Стремясь остановить поступательный ход революции, министерство Кампгаузена предложило трем куриям Соединенного ландтага приступить к выборам представителей в созываемое по инициативе Союзного сейма общегерманское собрание. Члены этого собрания должны были избираться не народом, а ландтагами отдельных государств. И этой-то пародии на национальное представительство Союзный сейм предполагал передать дело разработки будущей конституции Германского союза!

Негодование, охватившее широкие массы всей Пруссии после принятия новым министерством решения пойти навстречу Союзному сейму в его потугах фальсифицировать национальное представительство страны, было так велико, что Кампгаузен оказался вынужденным взять обратно свое предложение. 11 апреля, на другой же день после закрытия Соединенного ландтага, королевским указом было объявлено, что в выборах в общегерманское Учредительное собрание будут принимать участие все граждане мужского пола, достигшие 24 лет; однако тот же указ устанавливал, что выборы будут не прямыми, а двухстепенными.

С первых же дней своей работы новые министры стремились перекинуть мост от старой, феодально-абсолютистской Пруссии к новой, буржуазно-конституционной. По меткому определению Энгельса, «страх новых министров перед возбужденными массами был настолько велик, что всякое средство казалось им хорошим, если только оно вело к тому, чтобы укрепить расшатанные устои власти». С приходом к власти деятелей либеральной буржуазии, подчеркивает Энгельс, в старой «...бюрократической системе государственного управления не было произведено ни малейшей перемены»[1].

---

[1] К. Маркс. Избр. произв., 1940, т. II, стр. 63.

Глава пятнадцатая

ГЕРМАНСКИЙ ПРЕДПАРЛАМЕНТ И ПЕРВОЕ РЕСПУБЛИКАНСКОЕ ВОССТАНИЕ В БАДЕНЕ

ПРЕДПАРЛАМЕНТ

Во второй половине марта гейдельбергская «семерка» разослала отдельным общественным деятелям Германии приглашения принять участие в заседаниях Предпарламента, созываемого 31 марта во Франкфурте-на-Майне. Программа заседаний этого собрания предусматривала обсуждение вопросов, связанных с коренной реорганизацией Германского союза. Главнейшими из них были вопросы о главе центральной исполнительной власти, об ответственном министерстве, о новых законодательных органах, их компетенции и т. п. Характерно, однако, что, выдвигая план коренной реорганизации Союза, гейдельбергские либералы всячески стремились сохранить связи со старым Франкфуртским сеймом, едва подававшим признаки жизни: в специальном (пятом) параграфе своей программы они указывали, что «вопрос о созыве Национального собрания будет согласован с членами Союзного сейма, пополненного делегированными в его состав доверенными лицами».

Созыв Предпарламента

31 марта заседания Предпарламента были открыты в весьма торжественной обстановке. Они происходили во франкфуртском соборе св. Павла. Колокольный звон, свисающие с окон и балконов трехцветные черно-красно-золотые флаги, потоки приветственных речей встречали съезжавшихся со всех концов Германии делегатов. Обстановка, при которой начал свою работу Предпарламент, была весьма напряженной. Из юго-западного угла Германии республиканская пропаганда все шире распространялась по стране. Во Франции и Швейцарии накапливались отряды немецких эмигрантов, по преимуществу рабочих и ремесленников, грозившие перебраться через Рейн и, соединившись с демократами Бадена и Пфальца, насильственно свергнуть немецких государей. Генрих фон Гагерн 27 марта призывал в дармштадтской палате всех сторонников «порядка» оказать содействие властям в организации отпора двигающимся из-за границы отрядам.

С другой стороны, стремясь вызвать патриотический подъем и отвлечь внимание общественности от вопросов внутренней жизни, правительственные круги Бадена и Вюртемберга распространяли слухи о предстоящем враждебном выступлении Франции. В ночь на 26 марта эти слухи вызвали в прирейнских городах настоящую панику.

Во Франкфурте были приняты соответствующие меры против возможных республиканских выступлений. Городские власти тщательно следили за тем, чтобы в город не просачивались вооруженные люди и отряды. Они поручили зажиточным ремесленникам и торговцам нести охрану вокруг собора св. Павла и вообще наблюдать за порядком на улицах и площадях города.

Съезжавшиеся во Франкфурт делегаты принадлежали в своем огромном большинстве к либеральной оппозиции южногерманских государств. Всего собралось немногим больше 500 делегатов, из которых 141 прибыл из Пруссии и только два из Австрии. Вожаки предмартовской прусской оппозиции, игравшие такую большую роль в движении, не могли воспользоваться приглашением, так как должны были присутствовать на заседаниях Соединенного ландтага. Вместо них во Франкфурт прибыли из Пруссии мало кому известные представители городских советов, охотно предоставившие более опытным южногерманским парламентариям политическое руководство работой Предпарламента.

Острые столкновения между либерально-монархическим большинством и республиканско-демократическим меньшинством начались еще до формального открытия заседаний Собрания.

Вечером 30 марта в большом зале ресторана «Вейденбуш» состоялась первая встреча делегатов, прошедшая в весьма напряженной обстановке. Ораторы один за другим взбирались на столы и произносили горячие речи. Геккер и Струве выдвинули вопрос о немедленном провозглашении всегерманской республики; они отвергали всякую мысль о переговорах или соглашении с союзным сеймом. Их горячо поддерживали многие делегаты Саксонии, среди которых особенно выделялся популярный в Германии журналист Роберт Блюм.

Однако огромное большинство собравшихся, во главе с Гагерном, Бассерманом, Мати и другими южногерманскими либералами, оказало республиканцам яростное сопротивление и добилось победы. «Монархия торжествует, республика же осталась в слабом меньшинстве»,— писал после собрания Мэти. «Все хорошо. Революция терпит поражение за поражением»,— сообщал о том же Бассерман своей жене.

Первое заседание Предпарламента

На первом заседании Предпарламент, после избрания председателем весьма умеренного гейдельбергского профессора Миттермайера, приступил к обсуждению врученной делегатами политической программы гейдельбергской «семерки».

Струве от имени республиканцев выступил против этой программы либералов и потребовал немедленного уничтожения наследственной монархической власти, замены ее парламентами и президентами и объединения отдельных немецких государств по образцу Северо-Американских штатов в федерацию на основе союзной конституции. Таким образом, вместо единой и неделимой республики Струве выдвигал федеративный принцип. «Нет ничего путанее, чем странная идея... заимствовать у северо-американского федеративного государства образец для германской конституции», — писал в июне 1848 г. Маркс в «Новой Рейнской газете»[1]. «В Германии борьба централизации с федеративным началом есть борьба между современной культурой и феодализмом», — указывал он далее в той же статье[2].

Струве требовал также уничтожения постоянной армии и чиновничества, уничтожения всех сословных привилегий, равенства всех граждан

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 125.
[2] Там же.

перед законом, упразднения монастырей, введения подоходно-прогрессивного налога, отделения церкви от государства, гарантий свободы печати, личности, собраний и союзов. Программа республиканцев выдвигала также некоторые социальные требования, правда, весьма расплывчатые и неопределенные: декларировалась необходимость улучшить положение трудящихся и средних классов и выдвигалась задача «сглаживания противоречий между трудом и капиталом путем создания особого министерства труда, имеющего целью положить предел ростовщичеству и защитить трудящихся, предоставив им долю в прибылях предприятий». Бросается в глаза, что республиканцы в своей программе обходили важнейший вопрос о земле — они не требовали национализации помещичьих имений.

Выдвигая все эти требования, Струве предлагал Собранию не разъезжаться из Франкфурта до тех пор, «пока свободно избранный парламент не возьмет в свои руки судьбы Германии».

Понятно, что выступление республиканцев, нашедшее сочувственный отклик за стенами собора св. Павла, встревожило либеральных бюргеров и вызвало замешательство в их среде. Однако они скоро оправились от первого испуга и перешли в наступление, обрушив на своих противников поток речей в защиту монархической программы «семерки». Особенно решительно выступал против Струве фон Гагерн, успевший в короткий срок завоевать большое доверие в буржуазных кругах. В дальнейшем вопрос о будущем государственном устройстве Германии был снят с обсуждения.

Уже на первом заседании делегат Эйзенман поднял вопрос о компетенции Предпарламента и предложил ограничить его деятельность подготовкой созыва всегерманского Национального собрания. Огромное большинство делегатов высказалось за это предложение, отвергнув, таким образом, предложение Струве о немедленном провозглашении республики. Вместе с либералами против предложения Струве голосовали и отдельные сторонники республиканской формы правления, в частности Блюм и Фогт. Раскол республиканского меньшинства на более умеренных и более решительных обнаружился уже на первом заседании, а это, конечно, значительно ослабляло и без того не слишком сильные позиции республиканцев.

Вопрос о Познани

Отказавшись от обсуждения выдвинутых политических программ, Предпарламент перешел к вопросу о порядке избрания будущего Национального собрания. Было решено провести выборы не только на всей территории Союза, но и в Шлезвиге, Западной и Восточной Пруссии, исходя из нормы один депутат от каждых 50 тыс. жителей. Вопрос о проведении выборов в Познани с ее преимущественно польским населением был оставлен открытым.

Предпарламент все же признал необходимым, по предложению Блюма, протестовать против раздела Польши и объявил «священным долгом немецкого народа» восстановление ее независимости. При этом многие делегаты без всякого стеснения подымали свой голос против этого решения и открыто требовали насильственного присоединения к единой Германии населенной поляками территории. Даже Струве настаивал на включении всех немцев, проживающих на территории Познани, в состав населения объединенной Германии с предоставлением им права посылать своих представителей в Национальное собрание. Высказываясь за восстановление Польши как самостоятельного государства, он заявлял, что это должно быть осуществлено, «поскольку это будет возможно, не совершая несправедливости по отношению к немцам», проживающим на польской территории. Характерно, что это заявление вожака республиканского мень-

шинства поддержали все делегаты, даже постоянно возражавший ему фон Гагерн.

Немецкие шовинисты 1848 г. нагло требовали аннексии польских земель. При этом они ссылались на необходимость укрепить германские границы против России. «Если бы мы не владели Познанью, нам следовало бы ее завоевать», — цинично заявил один из делегатов, представитель немецкого меньшинства этой польской провинции. А другой делегат, представитель Восточной Пруссии, указывая на опасность, грозящую немецкой революции со стороны царской России, предлагал не устанавливать вовсе восточной границы Германии. Если начнется война и немцы окажутся победителями, заявил он, «можно надеяться, что через несколько недель наши войска будут находиться у берегов Чудского озера и Черного моря». «Вопрос относительно нашей границы в прошлом решался мечом, — добавил этот оратор, — предоставим же мечу решать вопрос относительно нашей будущей границы».

Второе заседание, состоявшееся 1 апреля, прошло внешне спокойнее, но оно еще более углубило пропасть между конституционалистами и республиканцами и подготовило полный и окончательный разрыв между обеими группами.

Только вопрос об отмене избирательного ценза не вызвал серьезных разногласий. Вопрос же о порядке проведения выборов возбудил горячие прения. Умеренное большинство добилось предоставления отдельным правительствам права решать, проводить ли прямые или косвенные выборы.

Предстояло еще решить, когда и где будет собран всегерманский парламент, а также, кто будет следить за проведением в жизнь всех принятых решений и за открытием парламента в назначенный срок.

По первым двум вопросам не возникло серьезных споров, так как все одинаково стремились к возможно скорейшему созыву Национального собрания. Было постановлено созвать его во Франкфурте в четырехнедельный срок, считая с ближайшего понедельника, т. е. с 3 апреля.

Третий вопрос, напротив, резко разделил Предпарламент на две неравные части. Уже в программе Струве говорилось, что делегаты не должны оставлять Франкфурт до тех пор, «пока свободно избранный парламент не возьмет в свои руки судьбы Германии». Теперь, в ответ на предложение либералов избрать специальную комиссию из 50 членов для наблюдения за проведением в жизнь принятых решений, Геккер предложил депутатам не разъезжаться из Франкфурта, т. е. объявить заседания перманентными, чтобы Предпарламент мог фактически сосредоточить власть в своих руках вплоть до созыва Национального собрания.

Предложение Геккера, имевшее целью толкнуть Предпарламент к решительным действиям против притаившейся контрреволюции, привело в ярость либералов. Они потребовали, чтобы избранная Предпарламентом комиссия связалась с Союзным сеймом и совместно с ним провела выборы в Национальное собрание.

«Мы живем в трудное время, всему обществу грозит распад», — заявил Велькер. «В подобное время необходимо свято хранить последнюю существующую связь». А Гагерн в ответ на брошенное с места замечание Струве, что Союзный сейм — труп, с большим пафосом указывал: «Именно поэтому его и необходимо снова оживить путем включения в его состав лиц, пользующихся доверием нации». Большинством 368 голосов против 148 предложение Геккера было отвергнуто.

По предложению фон Гагерна было постановлено образовать Комиссию 50-ти и поручить ей проведение в жизнь всех принятых Предпарламентом решений относительно созыва в строго назначенный срок всегерманского

Национального собрания. Для этого Комиссия 50-ти должна была вступить в соглашение с Союзным сеймом и передать в его руки, впредь до созыва Национального собрания, дело защиты интересов немецкого народа и управление всеми делами Германского союза.

Уход республиканского меньшинства и закрытие Предпарламента

На третьем заседании, которое состоялось 2 апреля, была сделана еще одна, последняя попытка убедить большинство Предпарламента порвать с Союзным сеймом.

В начале этого заседания демократ Циц, поддержанный Блюмом, Фогтом, Ицштейном и другими представителями республиканского меньшинства, внес новую резолюцию, предлагавшую Предпарламенту потребовать, чтобы Союзный сейм, «прежде, чем взять в свои руки созыв Национального собрания, отменил все ранее принятые им противозаконные исключительные постановления и удалил из своей среды лиц, способствовавших принятию или проведению в жизнь этих постановлений».

Стремясь смягчить предложенную Цицем резолюцию, Бассерман внес следующую «редакционную» поправку: заменить слова «прежде чем» словами «в то время как». Тем самым резолюция республиканцев сразу же принимала безобидный смысл: в редакции Бассермана Комиссия 50-ти могла свободно вступить в сношения с Союзным сеймом еще до его очищения от контрреволюционных элементов, а самое это очищение из категорического требования превращалось в необязательное для сейма благое пожелание Предпарламента.

Поправка Бассермана была утверждена либеральным большинством, вступившим тем самым на путь явной сделки с контрреволюционерами. Республиканское меньшинство решило покинуть Предпарламент. Но не все республиканцы последовали за Геккером и Струве: Блюм, Якоби, Раво, Везендонк и другие республиканцы более умеренного толка остались после некоторых колебаний спокойно сидеть на своих скамьях. «Мы хотим действовать лишь при помощи моральной силы,— заявил от имени оставшихся Блюм,— именно вследствие этого я подчинюсь воле большинства в том случае, если оно выскажется за более умеренную редакцию».

Всего за Геккером и Струве последовало немногим больше 40 республиканцев. Более 60 их сторонников, не покинувших заседания, приняло в дальнейшем участие в обсуждении внесенного майнцским республиканцем Глаубрехтом предложения поручить Комиссии 50-ти немедленно приступить к организации всегерманского вооруженного ополчения для борьбы с контрреволюцией.

Но либеральное большинство и на этот раз осталось верно себе и после короткого обсуждения отвергло предложение Глаубрехта, согласившись только рекомендовать Комиссии 50-ти позаботиться, «чтобы во всех германских землях как можно скорее было создано народное ополчение». Никаких твердых постановлений по этому вопросу принято не было.

Школьный учитель из Брауншвейга Ассман объяснил на собрании причины нерешительности либералов: «Если комиссия, которую мы изберем, без долгих рассуждений введет народное вооружение, она на деле станет временным правительством и вырвет из рук государей важнейшее право...— именно право собственными силами поддерживать в Германии порядок».

Последнее, четвертое, заседание (3 апреля) было в основном посвящено выборам членов Комиссии 50-ти. Члены Союзного сейма, еще более либералов напуганные слухами о готовящихся народных выступлениях, вечером 2 апреля сами отменили прежние исключительные постановления. Граф Коллоредо, председатель сейма, известил Миттермайера о добровольной отставке тех членов сейма, которые в свое время принимали эти поста-

новления. Узнав о решении сейма, группа республиканцев с Геккером и Струве во главе решила возвратиться в Предпарламент.

Не все республиканцы, покинувшие 2 апреля Предпарламент, одобрили решение своих вожаков отказаться от немедленного обращения к народу. Колебания Геккера и Струве резко осуждались в демократических кругах. По возвращении в Предпарламент Геккер и Струве потерпели полное поражение. Победившее парламентское большинство провело в Комиссию 50-ти 38 своих представителей— фабрикантов и купцов, адвокатов и журналистов. Только 12 мест в ней получили республиканцы, но одни лишь умеренные: ни Геккер, ни Струве, ни кто-либо другой из покинувших 2 апреля Предпарламент не был избран в Комиссию 50-ти.

ФРИДРИХ-КАРЛ-ФРАНЦ ГЕККЕР

Литография Шертле

Собрание Института Маркса — Энгельса — Ленина. Москва

Более решительные республиканцы были, таким образом, отстранены от какого-либо участия в организации выборов в Национальное собрание. Это облегчало конституционалистам проведение выборов в Национальное собрание по соглашению с князьями и Союзным сеймом. Поспешно принятая в последний день резолюция о том, что выработка будущей германской конституции должна быть поручена «единственно и исключительно» Национальному собранию, только плохо прикрывала факт капитуляции германского либерализма перед еще не оправившейся от первого испуга феодально-помещичьей контрреволюцией.

РЕСПУБЛИКАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В БАДЕНЕ. ПРОВОКАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА БАДЕНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Классовая борьба после закрытия Предпарламента

Острая политическая борьба, развернувшаяся на заседаниях Предпарламента, способствовала дальнейшему размежеванию позиций умеренно-либеральной буржуазии и мелкобуржуазной демократии. Эта борьба привела к серьезным расхождениям и в рядах республиканской партии. Расхождения эти становились неизбежными, поскольку

Струве и Геккер в решающий момент схватки с либералами не получили достаточной поддержки со стороны Блюма и многих других демократов. Последние, исходя из принципов формального демократизма, готовы были послушно признать волю конституционно-монархического большинства и придерживались тактики морального воздействия на либералов.

Нежелание либералов обсудить выдвинутые Струве демократические требования и стремление либералов найти пути к соглашению с князьями и Союзным сеймом способствовали росту политической активности народных масс, а также значительному успеху республиканской пропаганды. Несмотря на колебания и разногласия в собственных рядах, несмотря даже на понесенное в Предпарламенте поражение, республиканская партия к началу апреля была безусловно сильнее, чем в первые дни мартовской революции. При умелой тактике она могла рассчитывать на поддержку широких народных масс, начинавших терять доверие к старым, именитым вожакам либерально-оппозиционного движения.

В дни заседаний Предпарламента наблюдался подъем революционных настроений во всей Юго-Западной и Западной Германии. В самом Франкфурте-на-Майне горячие речи Геккера и Струве, а также их демонстративный разрыв с либеральным большинством встречали полное одобрение в народных массах. На созываемых республиканцами собраниях раздавались призывы к вооруженному восстанию, а на улицах дело доходило до открытых столкновений между монархистами и республиканцами.

26 марта на многолюдных собраниях в Гейдельберге и Фрейбурге были приняты чисто республиканские резолюции. В Мюнхене и Штутгарте народные массы организовали демонстрации против прусской монархии и жгли портреты Фридриха-Вильгельма IV.

В соседнем с Франкфуртом городе Ганау, где мартовские события протекали особенно бурно, республиканская программа Струве была уже 2 апреля восторженно принята слетом немецких гимнастических обществ и поддержана значительной частью вооруженных бюргеров.

Сильное брожение наблюдалось и в Саксонии, пославшей в Предпарламент почти исключительно одних республиканцев. С первых дней апреля в Лейпциге открыл свою деятельность республиканский «Патриотический союз»; через несколько дней он насчитывал до 5 тыс. членов и около 30—40 отделений в провинции. Политическое положение в Саксонии продолжало оставаться весьма напряженным. 8 апреля русский посланник Шредер с ужасом сообщал Нессельроде о разгроме двух гвоздильных заводов и сожжении крестьянами замка князя Шенберга в Вальденбурге.

В юго-западном углу Германии также не было недостатка в признаках нарастания революционного подъема. В Карлсруэ, например, рабочие еще 30 марта потребовали выдачи им оружия, чтобы создать свой отдельный легион, грозя в противном случае силой отобрать ружья у городских бюргеров. «Уже два дня,—писал в Петербург Озеров,—как вся буржуазия города находится под ружьем, чтобы отразить эту атаку».

С первых дней апреля во многих городах Бадена начали проводиться, по инициативе местных патриотических обществ, массовые народные собрания для поддержки требований, выдвинутых демократами в Предпарламенте. В Энгене еще 30 марта на городской площади собралось до 5 тыс. человек. 2—3 апреля состоялись сразу четыре массовых народных собрания — в Ахерне, Гренцнахе, Мерсбурге и Эммендингене. На собрании в Ахерне выступил редактор «Озерных листов» Фиклер, прибывший из Страсбурга в сопровождении двух эмиссаров немецкого легиона, создававшегося во Франции Георгом Гервегом. Фиклер открыто призывал собравшихся к вооруженному восстанию и утверждал, что 5 тысяч хорошо вооруженных немецких эмигрантов готовятся к переходу через Рейн.

Республиканцы и вопрос о вооруженном восстании

Приходившие во Франкфурт со всех концов Германии известия о растущих республиканских настроениях народных масс, а также надежда на поддержку немецких эмигрантов ободряюще действовали на руководителей республиканско-демократического движения. Успех вооруженного восстания казался многим из них совершенно обеспеченным.

Как рассказывал один из активных участников баденского восстания, вюртембергский демократ Меглинг, многие республиканцы пришли тогда к выводу, что «так называемые мартовские завоевания разлетятся как мыльные пузыри, если народ не будет иметь достаточных гарантий их сохранения», и что поэтому необходимо немедленно «призвать народ к оружию».

На тайном совещании был уже намечен и район первоначального выступления. Выбор пал на Озерный край Бадена, граничащий с Швейцарией, где, по словам приехавших оттуда делегатов, давно царило такое сильное возбуждение, что народ готов был выступить стихийно, даже не дожидаясь сигнала со стороны вожаков.

Однако Геккер и Струве далеко не сразу решились пойти на полный разрыв с либералами. 3 апреля на совещании в гостинице «Голландский двор» они все еще отказывались призвать народ к оружию и только предлагали усилить республиканскую пропаганду и ускорить подготовку к массовому выступлению. По словам Струве, он и Геккер еще не потеряли тогда надежды на возвращение вождей оппозиционного движения под «старое знамя» и полагали, что они «откажутся от враждебных выступлений против народа» или, по крайней мере, «согласятся выступить в качестве посредников при согласовании требований народа с пожеланиями князей».

Именно эти необоснованные надежды побудили Геккера и Струве 5 апреля передать баденскому правительству своеобразный ультиматум. В нем они предлагали главе министерства Бекку немедленно разрешить проведение в герцогстве народных собраний, чтобы всеобщим голосованием мирно разрешить вопрос о монархии или республике. Республиканцы обещали подчиниться воле большинства и отказаться от вооруженного выступления, но при этом требовали и от баденских министров обещания немедленно упразднить монархию в случае победы республиканцев на народных собраниях.

Провокационная политика баденского правительства. Блок реакционеров и либералов против республиканцев

Однако провокационная политика властей и переход в наступление реакционных элементов, поддержанных на этот раз всем либеральным бюргерством, заставили республиканцев и их вождей уже в самые ближайшие дни призвать народные массы к оружию для защиты завоеваний мартовской революции.

Испуганное ростом республиканской пропаганды и фактически почти утратившее власть во многих округах баденское правительство провело через палату законопроект об увеличении контингентов армии и внесло в сейм предложение ускорить мобилизацию VII корпуса союзной армии.

«Движение войск наконец началось», — с удовлетворением сообщал 3 апреля в Петербург Озеров, подчеркивая, что в ближайшие дни вдоль французской и швейцарской границ будут сконцентрированы крупные воинские силы — до 20 тысяч штыков и сабель. Действительно, 5 апреля два гессенских батальона вступили в Раштадт, в то время как вюртембергские и баварские войска постепенно подтягивались к баденской границе,

грозя обрушиться прежде всего на города и селения революционного Озерного края.

На мероприятия правительства народные массы Бадена ответили новой волной протестов и собраний. Бургомистр Донауэшингена, демократ Раус, уже в конце марта призывал население оказать сопротивление рекрутскому набору. Взволнованные известиями о подходе вюртембергских войск жители Донауэшингена 6 апреля провели массовое собрание и приняли резолюцию, требовавшую немедленного прекращения продвижения чужих войск в пределы Бадена и отставки вызвавшего это продвижение министерства Бекка.

Правительство, уверенное в поддержке либеральной буржуазии, и не думало уступать народу. Возвратившиеся из Франкфурта Геккер и Брентано 7 апреля уличили Бекка во лжи: союзные войска, говорили они, подтягиваются вовсе не для защиты баденских границ от несуществующего внешнего врага, а с целью подавления революционного движения. Но Бекк без большого труда добился от либерального большинства палаты полного одобрения своих действий. Бассерман и Мати открыто выступили против республиканцев: если вюртембергские и гессенские солдаты помогут восстановить порядок, говорили они, все «благонамеренные граждане» только поблагодарят их за это.

Либералы подстрекали представителей власти к решительным действиям против республиканцев. Утром 8 апреля не кто иной, как Мати, до революции придерживавшийся республиканских убеждений, на вокзале в Карлсруэ указал полицейским на Фиклера. «Под мою ответственность, как депутата, арестуйте этого человека, он — изменник!» — заявил Мати.

Предательство Мати встретило сочувственный отклик в рядах баденской буржуазии. «Мати своим решительным поступком дал сигнал»,— писал из Маннгейма Бассерман Гагерну, передавая последнему просьбу баденского правительства ускорить приезд в Баден его старшего брата генерала Фридриха фон Гагерна, намеченного на пост командующего войсками, действующими против республиканцев. Дисциплина среди баденских солдат была к этому времени совершенно расшатана, а командующий армией маркграф Вильгельм пользовался среди солдат заслуженной ненавистью. Замена этого реакционера видным представителем семьи дармштадтских либералов была проведена под непосредственным давлением либерального большинства палаты. «Принцы царствующего дома не способны вести войска в бой для подавления восстания,— указывалось в представленной Бассерманом Бекку докладной записке,— для этого требуется имя, пользующееся популярностью, требуется имя, по отношению к которому не так-то легко внушить населению подозрения в реакционных помыслах».

БАДЕНСКОЕ РЕСПУБЛИКАНСКОЕ ВОССТАНИЕ

Начало вооруженного восстания в Озерном крае

Удар со стороны поддержанных либералами правительственных кругов застал врасплох большинство вождей республиканской партии, наивно веривших в возможность мирного исхода столкновения. «Тогда надо было действовать»,— писал позднее Геккер, вспоминая о днях, предшествовавших восстанию, и о гибельных иллюзиях, которые были распространены в рядах республиканцев. Они были убеждены, что армия в решительный момент перейдет на сторону народа, и надеялись добиться победы «быть может даже без удара меча». Именно вслед-

ствие этого они мало сделали для действительной организации вооруженного восстания. «Никаких определенных решений не было принято. Так же мало думали и об едином плане политическом и военном»,— рассказывал позднее Струве.

Сам он покинул Маннгейм сразу же после ареста Фиклера и направился в Донауэшинген, чтобы поднять в Шварцвальде народное восстание. Вечером 9 апреля здесь произошли первые тайные совещания республиканцев и были сделаны первые шаги с целью поднять на ноги население Озерного края.

Геккер, опасаясь ареста, тоже покинул Маннгейм ранним утром 9 апреля и кружным путем через Пфальц, французскую и швейцарскую границы 11 апреля к вечеру прибыл в Констанц. Здесь его с нетерпением поджидали приехавшие из Донауэшингена Струве, Меглинг, Долль и другие республиканцы, среди которых особое место занимали бывшие офицеры Виллих и Зигель: их прочили в военные руководители восстания.

Только теперь спешно приступили к разработке плана вооруженного восстания. Решено было немедленно призвать население Озерного края к оружию и четырьмя колоннами из Констанца, Донауэшингена, Иештеттена и Лерраха направиться во Фрейбург и Оффенбург, а оттуда двумя потоками двинуться к баденской столице.

Но план этот с самого начала обрекал восстание на неудачу, так как без всякой необходимости распылял силы повстанцев и тем давал правительственным войскам возможность наносить им удары по частям.

12 апреля Геккер и Струве обратились к населению Озерного края с воззванием и организовали массовое собрание констанцских граждан. «Решительный момент наступил,— говорили они народу,— словами нельзя отстоять наше право и нашу свободу. Поэтому мы призываем всех способных носить оружие мужчин явиться 14 апреля, захватив оружие и продовольствие на 6 дней, на рыночную площадь Донауэшингена». В этом городке, лежащем неподалеку от вюртембергской границы, намечен был сборный пункт двух первых колонн повстанцев.

Утром 13 апреля отряд Геккера под барабанный бой, с развевающимися трехцветными знаменами покинул Констанц и направился к Донауэшингену, куда уже накануне выехал Струве.

Поход Геккера и его неудача

Только совсем ничтожное число жителей Констанца — всего около 60 человек, преимущественно местных рабочих, — приняло участие в походе. Состоятельные бюргеры Констанца, во главе с приятелем Мати, бургомистром Хюэлином, всячески противодействовали республиканской пропаганде, грозили участникам правительственными репрессиями и открыто выражали сомнение в успехе затеянного Геккером и Струве предприятия. Кроме того, даже менее состоятельные бюргеры, даже многие мелкие ремесленники не утратили еще веры в будущее Национальное собрание, и это удерживало их от участия в походе. Крестьяне, на которых так надеялись республиканцы, также не спешили примкнуть к повстанцам. Они только что получили из рук Бекка освобождение от наиболее тяжелых повинностей и заняты были на своих полях.

Но несмотря на все это Геккер продолжал продвигаться к Донауэшингену. Он надеялся на приток добровольцев из окрестных селений, и действительно, его маленький отряд вырос по пути до 800 человек и даже обзавелся двумя небольшими пушками. 14 апреля в Штокахе Геккер особым декретом распустил управление Озерного края и назначил республиканца Петера штатгальтером республики в Констанце. В Энгене утром 15 апреля Геккер встретился с прибывшей сюда из Страсбурга Эммой Гервег, женой поэта, организатора парижского легиона немецких эмигрантов. Легион

этот насчитывал уже до 700 человек и к этому времени находился на левом берегу Рейна, с нетерпением ожидая сигнала к вторжению в Баден.

Однако Геккер опасался, что вступление в Баден вооруженного отряда из-за границы вредно отразится на ходе восстания. Поэтому он просил Гервега временно воздержаться от перехода баденской границы, что опять распыляло силы республиканцев.

15 апреля отряд Геккера достиг Донауэшингена и соединился с повстанцами, собранными в окрестностях этого городка Струве и другими республиканцами. Но к этому времени к Донауэшингену уже подходил 5-тысячный отряд вюртембергской армии, перешедший баденскую границу и сразу же отрезавший повстанцам путь в сторону Оффенбурга.

Стремясь избежать столкновения с превосходящими силами противника, Геккер и Струве двинулись не в северном, как предполагалось раньше, а в западном направлении, в сторону Фрейбурга, по трудным горным дорогам через Хеллленталь. Местом соединения всех четырех отрядов был назначен теперь городок Троднау.

Следующие два дня повстанцы продолжали двигаться через селение Бонндорф к Ленцкирху. В пути они узнали, что Хеллленталь — кратчайший путь к Фрейбургу — отрезан войсками. Стремясь все же любой ценой пробиться к Фрейбургу с его революционно настроенным населением, Геккер принужден был еще больше уклониться в сторону от первоначального направления. Путь его лежал теперь через Визенталь совсем близко от швейцарской границы.

В Бернау, небольшом селении недалеко от Троднау, Геккера встретили два представителя Комиссии 50-ти—Шпац и Венедей. Они предложили повстанцам сложить оружие, обещая в этом случае амнистию. Возмущенный Геккер со смехом предложил амнистировать всех немецких государей, если они в 14-дневный срок сложат свои короны. Движение колонны продолжалось дальше через горные перевалы, и 18 апреля повстанцы уже спускались в Визенталь к селению Шенау. Здесь снова пришлось изменить намеченное направление движения: уклоняясь от преследовавших его правительственных войск, Геккер принужден был двигаться к югу, почти прижимаясь к швейцарской границе. Через Целль, Шопфхейм и Штейнен, спустившись почти к самому Лерраху, он через Кандерн рассчитывал выйти к долине среднего Рейна.

Битва у Кандерна

Измученный и почти потерявший веру в успех отряд добрался в Кандерн 19 апреля и впервые не встретил у местных жителей приветливого приема. Пассивность республиканцев, неудача их первых шагов и решительные действия правительства сделали свое дело: приток новых добровольцев, наблюдавшийся по пути, совершенно прекратился; крестьяне держались выжидательно и без большой охоты давали приют повстанцам. Кое-кто пытался уже оставить революционные знамена.

На беду и другие повстанческие отряды не приходили к Геккеру на помощь. Троднау, намеченного ранее в качестве сборного пункта, достигла только одна колонна, вышедшая под командованием Зигеля из района Констанца 15 апреля. Колонна эта насчитывала до 4 тыс. человек, гораздо лучше организованных, чем в других отрядах. Что же касается отряда, двинувшегося из Иештеттена под начальством старого республиканца Вейсхаара, то, достигнув 18 апреля Вальдсхута на верхнем Рейне, он продолжал дальше совершенно бессмысленное движение в сторону Лерраха. Отряд этот так и не соединился с отрядом Геккера и, после разгрома последнего у Кандерна, был без всякого труда рассеян баденскими войсками у Штейнена.

ФРАНЦ ЗИГЕЛЬ

Литография неизв. художника

Собрание Института Маркса—Энгельса — Ленина. Москва

Заночевавший в Кандерне отряд Геккера был утром 20 апреля разбужен барабанным боем подходивших к селению трех батальонов баденской и гессенской пехоты, эскадрона кавалерии и артиллерийской батареи под командованием генерала Ф. фон Гагерна.

Повстанцы поспешно оставили Кандерн и заняли оборонительную позицию на горе недалеко от него. Здесь и произошло решающее столкновение.

Не слишком доверявший своему войску, генерал Гагерн пытался завязать переговоры с Геккером, но последний попрежнему верил в конечный успех движения, надеясь склонить солдат к неповиновению. Он наотрез отказался сложить оружие, а его отряд встретил наступавших пехотинцев криками: «Братья! Переходите к нам! Не стреляйте!»

Призывы к братанию вызвали в солдатских рядах замешательство и колебания. Подоспевший генерал Гагерн, стремясь положить конец соприкосновению с повстанцами, немедленно вызвал из рядов своего

войска добровольцев и сам повел их против республиканцев. Он первый открыл огонь, выстрелив в сторону повстанцев из пистолета. Повстанцы ответили залпом, уложившим на месте генерала Гагерна и нескольких следовавших за ним солдат. Завязалась перестрелка, закончившаяся атакой пехотинцев, в рядах которых офицеры восстановили дисциплину. Плохо обученные обращению с оружием республиканцы были легко сбиты с занятой ими вершины и начали беспорядочное отступление в сторону близкой швейцарской границы. Отряд Геккера распался, а сам он вместе с некоторыми из своих товарищей после многочасового блуждания по лесам на другой день перешел границу.

Разгром отрядов Зигеля и Гервега

После разгрома отрядов Геккера и Вейсхаара только одна колонна Зигеля продолжала наступление в сторону Фрейбурга, где 22 апреля местные республиканцы подняли восстание.

Потеряв два драгоценных дня в ожидании отдельных бойцов из отрядов Геккера и Вейсхаара, Зигель медленно продвигался через Троднау и Гербен к Фрейбургу. Вместе с ним шли Струве, Меглинг и прибывший со своими стрелками из Швейцарии старый революционный эмигрант рабочий Иоганн Филипп Беккер. Генерал Гофман, заменивший генерала Гагерна на посту командующего, успел стянуть в район Фрейбурга крупные воинские силы.

23 апреля авангард революционной колонны, возглавляемый Струве, достиг лежащего в окрестностях Фрейбурга селения Гюнтерсталь и, не дожидаясь подхода главных сил колонны, двинулся на штурм города. Вооруженные сплошь и рядом только косами и плохо обученные повстанцы не выдержали картечного огня, которым их встретило войско генерала Гофмана, и в большом беспорядке отхлынули назад, внося панику в ряды подходившей колонны Зигеля. В результате ему не удалось оказать поддержку восставшим республиканцам Фрейбурга, хотя он на другой день и сделал с горстью храбрецов безнадежную попытку прорваться к воротам города.

К вечеру 24 апреля генерал Гофман овладел Фрейбургом и совершенно рассеял отряд Зигеля. Оставшимся в живых и не попавшим в плен республиканцам удалось у Брейзаха переправиться через Рейн и уйти во Францию.

Столь же плачевная судьба постигла созданный в Париже немецкий эмигрантский легион, который с середины апреля находился в Страсбурге, ожидая сигнала к переходу через Рейн. Сигнала этого, однако, не последовало; только накануне столкновения у Кандерна Геккер передал через Эмму Гервег, снова прибывшую к нему для переговоров, о необходимости подтянуть легион к Бенценхейму и там вблизи переправы ждать его дальнейших указаний. Только вечером 23 апреля Гервег получил сообщение,— но не от Геккера, а от Зигеля,—в котором последний предлагал легиону спешно переправиться через Рейн и идти на соединение с его отрядом. В ночь на 24 апреля около 750 республиканцев благополучно переправились на баденскую территорию и, не зная ничего о событиях у Кандерна и Фрейбурга, двинулись в юго-восточном направлении. Узнав вскоре о постигшей Геккера катастрофе, Гервег через горы поспешил на соединение с Зигелем, но уже 25 апреля узнал о полном разгроме его колонны.

27 апреля у Доссенбаха легион натолкнулся на большой отряд вюртембержцев. Целых полтора часа отбивались республиканцы от превосходящих сил противника, но в конце концов вынуждены были отступить, оставив много раненых и несколько человек убитых. 375 человек, около половины всего состава легиона, были захвачены в плен преследовавшими их кавалеристами.

БАРРИКАДА В МАННГЕЙМЕ 26 АПРЕЛЯ 1848 Г.

Ксилография 1848 г.

С большим трудом удалось Гервегу спасти свою жизнь. Только мужество местного крестьянина, выдавшего Гервега за своего батрака, позволило поэту благополучно возвратиться во Францию.

С разгромом немецкого легиона у Доссенбаха по существу закончилось столь неудачно начатое и столь плохо организованное восстание баденских республиканцев. Оно не распространилось дальше южных районов и нашло лишь слабый отклик вне Озерного края и Шварцвальда. Из более крупных баденских городов только Оффенбург и Маннгейм сделали попытку поддержать повстанческое движение, но в первом войскам удалось в самом начале рассеять строивших баррикады республиканцев, а во втором народ поднялся на борьбу слишком поздно, когда движение в южных районах уже потерпело поражение. В Маннгейме уличная борьба, начавшаяся в связи с попыткой разоружить революционный отряд, продолжалась с 26 апреля по 1 мая. Только 1 мая баварские войска целиком овладели городом и смогли приступить к планомерному разоружению населения. Начались аресты и другие карательные мероприятия.

Победа контрреволюционных сил объясняется прежде всего слабостью самой республиканской партии, недостаточно подготовившейся к вооруженному восстанию, допустившей ряд грубых тактических ошибок и, главное, не сумевшей привлечь на свою сторону народные массы, которые в первые недели революции явно шли навстречу призывам республиканцев. Республиканцы не приняли во внимание отсутствие у народных масс достаточного политического опыта и не учли многочисленных, еще неизжитых иллюзий, в частности веры в могущество всеобщего избирательного права и всесилие будущего германского парламента.

В то время как создавшаяся обстановка позволяла выдвинуть ниспровержение монархии только как лозунг агитации, республиканцы поспешили превратить этот призыв в лозунг действия, а в день 12 апреля и

в директиву партии. Неспособные к выдержке и дисциплине мелкобуржуазные революционеры-демократы 1848 г., опрометчиво выступив против правительственных войск, сразу же превратились в авангард, безнадежно опередивший главные силы своей армии и вследствие этого обреченный на поражение.

Вместе с тем к середине апреля и крестьянское движение в Бадене, уже находилось в стадии затухания. Республиканцы ничего не говорили в своей программе о земле, а в своих газетах даже осуждали поджоги помещичьих замков и уничтожение феодальных документов, называя подобные действия крестьян «грубыми насилиями» и «преступлениями». Рабочих на юго-западе Германии было немного, а беднейшие ремесленники вряд ли хорошо понимали туманное содержание выдвинутых в программе Струве социальных требований.

Огромное значение имела также невозможность для руководителей восстания наладить правильную информацию населения Бадена и всей остальной Германии о событиях в Озерном крае и Шварцвальде: и железные дороги, и почта, и телеграф с самого начала находились в руках правительства, которое стремилось отрезать район восстания от остальной Германии и лишить повстанцев возможности широко разъяснять немецкому народу цели и задачи своего выступления. Даже республиканские газеты, выходившие в Маннгейме, давали самую скудную информацию о походе Геккера и Струве и оказали им лишь запоздалую и явно недостаточную поддержку.

Но быстрое поражение баденского восстания объясняется не только слабостью республиканской партии, ее неумением организовать связь и осуществлять руководство, расхождениями внутри ее собственных рядов. Не меньшее, если не большее значение имела быстрая мобилизация всех сил господствующих классов, фактический союз феодально-помещичьих кругов с контрреволюционной частью буржуазии.

Бассерман и Мати сделали все от них зависящее, чтобы мобилизовать против повстанцев общественное мнение всей Юго-Западной Германии. Именно Бассерман горячо поддерживал 17 апреля Бекка, потребовавшего от палаты разрешения на арест Геккера, который в качестве депутата пользовался неприкосновенностью. В результате состоявшихся прений палата, по предложению Суарона, единодушно приняла особое обращение к населению, в котором называла восстание «преступным предприятием» и призывала оказывать ему сопротивление.

Ничто, пожалуй, не характеризует так сильно деморализацию и растерянность, царившие в рядах республиканской партии, как тот факт, что указанное обращение палаты было принято голосами всех депутатов, в том числе и левых — Ицштейна, Брентано и других.

Многие либералы не остановились даже и на этом — они предложили Бекку организовать особые отряды из бюргеров для участия совместно с войсками в борьбе против республиканцев. Понятно, что подобное рвение способно было только укрепить пошатнувшиеся устои баденского трона. «Великий герцог значительно осмелел. До сих пор он сидел взаперти в своем дворце, а теперь начинает чувствовать необходимость показываться публике»,— писал 14 апреля в Петербург русский посланник Озеров.

Франкфуртская Комиссия 50-ти со своей стороны призывала всех немцев к борьбе против республиканцев.

Таким образом, все силы феодально-помещичьей и буржуазной контрреволюции были брошены на борьбу против кучки республиканцев. Все, даже самые низкие, средства были хороши в глазах бассерманов и мати, чтобы очернить смелых, хотя и опрометчивых, участников республикан-

ского восстания. После разгрома немецкого легиона у Доссенбаха правая печать не жалела трудов для того, чтобы представить в смешном виде и опозорить Георга Гервега. Но народные массы всей Юго-Западной Германии долго хранили в памяти имена борцов за народное дело.

ГЕРМАНИЯ ПОСЛЕ ПОРАЖЕНИЯ БАДЕНСКИХ РЕСПУБЛИКАНЦЕВ

По мере возрастания активности рабочих масс и осознания ими своих классовых интересов, по мере усиления демократического движения крупная буржуазия Германии все дальше отходила от своих недавних союзников по борьбе против абсолютизма вправо — в сторону соглашения с контрреволюционной аристократией.

Ко времени восстания Геккера и Струве этот отход либеральной буржуазии вправо можно было наблюдать повсеместно. Изменение в политических настроениях бюргерства нашло отражение прежде всего в деятельности Комиссии 50-ти, созданной Предпарламентом для наблюдения за проведением выборов в Национальное собрание.

Деятельность Комиссии 50-ти

С самого начала своей деятельности Комиссия 50-ти явно недоброжелательно и даже враждебно встречала любые выступления народных «низов».

В столице Кургессена Касселе уже 9—10 апреля имели место столкновения между гражданами и гвардейцами, которые с саблями наголо врезались в толпу мирных демонстрантов и тяжело ранили 12 человек. Вопреки возражениям отдельных членов Комиссии 50-ти, ее председатель Суарон настоял на посылке в Кассель трех представителей для расследования обстоятельств этого дела. Однако направленные в Кассель члены Комиссии, избранные из рядов ее умеренного «большинства», ограничились переговорами с местными властями и, не пытаясь выявить виновных, удовлетворились полученными объяснениями и вскоре ни с чем возвратились во Франкфурт. Комиссия 50-ти приняла представленный ей бесцветный доклад и, оставив без последствий действия кассельских контрреволюционеров, поспешила перейти к очередным делам.

Совершенно по-иному относилось либеральное большинство Комиссии к выступлениям республиканцев-демократов. 28 апреля Комиссия 50-ти обратилась к баденскому населению с призывом оказать вооруженное сопротивление «преступному предприятию Геккера и Струве» и поддержать посланные в Баден карательные войска Германского союза.

Положение в Юго-Западной Германии

Выборы в Национальное собрание начались в Бадене еще в последние дни восстания. Несмотря на отчаянное сопротивление либералов, демократическая партия одержала крупную победу: она послала во Франкфурт 12 своих членов из общего числа 19 представителей от Бадена.

После подавления республиканского восстания ни демократическая печать, ни демократические клубы и союзы в Бадене не прекращали своей деятельности, несмотря на правительственные репрессии. Хотя правительство и распустило многие демократические союзы и комитеты, последние возрождались под другими названиями и продолжали вести пропаганду в народных массах.

В Вюртемберге к середине апреля демократические элементы также окончательно порвали всякие связи с либералами. Наряду с Народным союзом, втянувшим в свои ряды всех местных республиканцев, здесь образовался особый Отечественный союз, среди членов которого — конституционных монархистов — можно было видеть многих лишь слегка замаскировавшихся сторонников абсолютистско-феодальных порядков.

Весной 1848 г. волнения в Штутгарте и в других крупных городах королевства не прекращались. Наряду с рабочими и мелкими ремесленниками, жестоко страдавшими от кризиса, в движение постепенно втягивались и солдаты. Арест одного унтер-офицера, участвовавшего в составлении солдатской петиции, вызвал в столице Вюртемберга такую мощную демонстрацию протеста, что в королевском дворце уже стали укладывать в ящики драгоценности и готовиться к бегству.

В герцогстве Нассау и великом герцогстве Гессен-Дармштадте также долго не прекращалось общественное возбуждение. В Висбадене уже в начале апреля образовалось республиканское общество, против которого резко выступали местные либералы. В Майнце созданы были демократические комитеты, требовавшие прямых выборов в Учредительное собрание. Популярный на Рейне республиканец, адвокат Циц, был избран командующим гражданской гвардией Майнца. Левая «Майнцская газета» в короткий срок приобрела широкий круг читателей и большой вес.

Такое же напряженное положение наблюдалось в весенние месяцы 1848 г. и в других государствах Западной Германии. Классовые противоречия после мартовских событий повсеместно обострялись, авторитет «законных» властей, поколебленный в результате революции, неуклонно падал. Во всем юго-западном углу Германии создавались демократические организации, настороженно следившие за деятельностью отдельных государей и их министров-либералов.

Развитие демократического движения в Саксонии

Такие же союзы и комитеты создавались в других государствах Германского союза. В Саксонии демократы одержали на выборах в Национальное собрание блестящую победу. Умеренные либералы организовали в Лейпциге «Конституционный союз», от которого вскоре отделился еще более умеренный «Саксонский союз». В противовес этим двум союзам благонамеренных бюргеров-монархистов, демократические элементы, руководимые Робертом Блюмом, создали «Отечественный союз», нашедший опору в провинциальных городах и принявший вскоре республиканскую окраску. Уже к концу апреля он насчитывал до 40 отделений с 12 тыс. членов.

Саксонская демократическая партия располагала рядом печатных органов («Отечественные листы», «Оппозиционные листы», «Дрезденская газета» и т. п.). С ее комитетами были связаны первые в Саксонии социалистические и рабочие организации — созданный Веллером и Земмигом Демократический союз, требовавший проведения социальных реформ, но в то же время выступавший против коммунистических идей, и Ассоциация печатников, основанная еще до мартовской революции, но тогда распущенная властями; теперь она возродилась и охватила рабочих ряда профессий. В Лейпциге стала выходить «Рабочая газета», требовавшая создания министерства труда и организации рабочих ассоциаций.

Во всей Западной Германии рабочие, игравшие столь большую роль во время мартовских дней, продолжали борьбу за улучшение своего положения, хотя попрежнему не выдвигали никаких определенных социальных требований и зачастую выступали против эксплуататоров-капиталистов чисто стихийно. Тем не менее первые самостоятельные выступления рабочих вносили тревогу в круги состоятельного бюргерства, не без основания усматривавшего в них предвестник будущего мощного развития рабочего движения.

Майнц в весенние месяцы 1848 г.

В первые дни апреля в районе Майнца голодающие и озлобленные пролетарии, подстрекаемые местными владельцами лошадей и кучерами, разрушили около города Кассель полотно строившейся железной дороги. Несколько позднее начались волнения среди рейнских лодоч-

ников и бурлаков, пытавшихся силой воспрепятствовать движению по Рейну буксирных пароходов. Волнения быстро распространились по всему среднему Рейну и вскоре привели к фактическому прекращению пароходства на всем участке от Майнца до Кельна. Ущерб, нанесенный торговле этими волнениями, был так велик, что Комиссия 50-ти командировала в Кельн Блюма и двух других видных своих членов с целью «предотвратить возможные в дальнейшем покушения на собственников» и «восстановить общественный порядок». В Майнце портовые грузчики со своей стороны потребовали прекращения перевозки грузов в город на купеческих подводах и после отказа купцов удовлетворить их требования перешли к насильственным действиям, которым положило конец только прибытие отряда гражданской гвардии.

Поскольку Майнц являлся имперской крепостью и в нем были расквартированы прусские войска, столкновения горожан с солдатами были здесь частым явлением. К отряду майнцской гражданской гвардии, которая находилась под командой республиканца Цица, присоединились вооруженные косами крестьяне. Отношения между военными властями и новым городским управлением были также напряженными. Комендант крепости стремился ограничить вооружение граждан; прусского полковника особенно возмущало то, что в отряд Цица входили крестьяне.

В конце мая дело здесь дошло до открытого столкновения демократических элементов с представителями наглеющей прусской военщины.

Глава шестнадцатая

КЛАССОВАЯ БОРЬБА В ПРУССИИ В АПРЕЛЕ—ИЮНЕ 1848 Г.

В апреле—мае 1848 г. в Пруссии продолжался революционный подъем. Во всех значительных городах происходили частые народные собрания, создавались различные политические союзы и комитеты, выходили в свет многочисленные демократические газеты и журналы, брошюры и листовки. Рабочие и ремесленники спешили использовать завоеванные в бою демократические свободы, чтобы улучшить свое тяжелое материальное и правовое положение. Народные движения, широко развернувшиеся в Пруссии после мартовских событий, придавали революции буржуазно-демократический характер.

Крестьянское движение в Пруссии

Несмотря на политическую отсталость основной массы крестьянства в прусских деревнях, несмотря на его косность, неграмотность и монархические иллюзии, сельское население восточных провинций Пруссии с самых первых дней революции втягивалось в общее народное движение и явно готовилось пойти по пути своих оденвальдских и шварцвальдских братьев.

При первых же известиях о событиях в Берлине — в Силезии заволновались прежде всего крестьяне Хиршбергской долины; вслед за ними против местных юнкеров поднялись и крестьяне других округов — Шенау, Ландсхута, Левенберга, Болкенхайна, Мюнстерберга, где был особенно силен гнет крепостничества и население деревень голодало. Скоро движение распространилось по обоим берегам Одера, охватив постепенно округа Нейссе, Гроткау, Волау, Ольса, Вартенбурга, Олау и некоторые другие.

«Крестьянские волнения с каждым днем принимают все более грозный оборот,— сообщала 4 апреля Силезская хроника.— Долго накипавший гнев против угнетателей проявляется теперь в таких формах, что оправдывает самые мрачные опасения!»

Цели и формы крестьянских выступлений в силезских округах действительно мало чем отличались от того, что наблюдалось в начале апреля в Юго-Западной Германии. Крестьяне силезских деревень, подступив к помещичьим замкам с вилами, косами и топорами, также требовали немедленного отказа от дальнейшего взимания феодальных платежей, чиншей и оброков, уничтожения вотчинной юстиции, помещичьего права охоты, возвращения всех выжатых у крестьян со времени «освобождения» выкупных платежей. В случае несогласия с их требованиями крестьяне грозили разгромить и сжечь помещичьи зáмки и во многих местах, действи-

тельно, переходили от слов к делу; так, в округе Олау были разгромлены за́мок и пивоваренный завод помещика графа Заурм-Ласковица, за́мок графа Заурм-Иелша, а также многие другие помещичьи имения. Понятно, что силезские крестьяне прежде всего уничтожали феодальные грамоты и другие документы и подвергали особенно ожесточенному разрушению те помещичьи за́мки, где они наталкивались на сопротивление. Многие помещики Силезии в смертельном страхе покидали насиженные места или умоляли власти о присылке из городов военной подмоги.

В то же время и все крупные собственники в силезских городах явно стремились к скорейшему подавлению крестьянских волнений. Вновь назначенный обер-президент провинции, бывший бреславльский обер-бургомистр Пиндер не только обратился к восставшим крестьянам со словами увещания, но и прямо грозил им репрессиями в случае продолжения разгрома за́мков.

Наряду с социально-экономическими требованиями крестьяне выдвигали и политические. Так, уже 31 марта в селении Махвиц многолюдное собрание крестьян бреславльского и неймарктского округов приняло наказ депутатам будущего Учредительного собрания. Кроме требований уничтожения всех феодальных порядков, наказ этот говорил о равных избирательных правах, о равенстве при налоговом обложении и об отмене ряда обременительных государственных налогов.

Таким образом, к середине апреля крестьянское движение в Силезии успело принять опасные не для одних только помещиков формы: массовые выступления крестьян легко могли толкнуть и городских полуголодных ремесленников и рабочих к выступлениям против купцов и фабрикантов. Крупные волнения действительно имели место в Бреславле (Вроцлаве) уже 17 апреля: вечером народ разгромил здесь ряд лавок и пекарен и не без труда был рассеян подоспевшими отрядами вооруженных бюргеров и вызванной из казарм кавалерии[1].

Рост демократического движения в Берлине и других городах Пруссии

Весьма тревожно не только для помещиков-юнкеров, но и для либеральных бюргеров протекали первые недели апреля в самой прусской столице. После мартовской победы народа, пользуясь фактически ничем не ограниченной свободой, в Берлине стали выходить многочисленные демократические газеты и листки, получившие очень широкое распространение в массах.

Среди этих газет наибольшим влиянием в кругах мелкобуржуазной интеллигенции бесспорно пользовалась «Берлинская читальня» («Berliner Zeitungshalle»), начавшая выходить еще в 1846 г., но только после революции превратившаяся в печатный орган демократии. Издавал эту газету хорошо известный берлинцам доктор Г. Юлиус, принимавший в предмартовские дни непосредственное участие в составлении петиций королю.

С 1 апреля начал выходить в свет и другой печатный орган прусской мелкобуржуазной демократии — газета «Реформа», печатавшаяся в Лейпциге, но распространявшаяся главным образом в прусских городах. Эта ежедневная газета двух видных демократов-республиканцев А. Руге и Оппенгейма в дальнейшем превратилась в почти официозный орган «демократической левой» Прусского собрания и с успехом распространяла среди берлинских служащих и ремесленников те самые политические идеи, которые защищались Ледрю-Ролленом и Луи Бланом на страницах парижской «Реформы». В Берлине с начала апреля выходили еще газеты «Локомотив» и «Друг народа» («L'Ami du peuple»), которые пользовались особым успехом в рабочих кварталах города.

[1] О польском крестьянском движении в Силезии см. главу семнадцатую, стр. 350.

«Локомотив» еще до революции издавался в Лейпциге отставным прусским офицером, мелкобуржуазным демократом Гельдом, но был закрыт по распоряжению саксонских властей. Газету «Друг народа», выходившую нерегулярно и бесплатно раздававшуюся на народных собраниях, выпускал студент-демократ Шлеффель, приехавший в Берлин после мартовской революции и сразу завоевавший большую популярность. В своих речах и статьях он следовал якобинским образцам и назвал свою газету «Другом народа» в память Марата.

В провинциальных городах Пруссии демократическая печать также стала приобретать большое влияние. Это относится прежде всего к бреславльским газетам «Силезская хроника» и «Всеобщая Одерская газета», позднее переименованная в «Новую Одерскую газету». В этой газете Маркс в 1850 г. поместил несколько статей. На Рейне заметную роль играли «Трирская газета» и «Страж на Рейне». Свое, совсем особое место занимала среди всех этих газет редактировавшаяся Марксом «Новая Рейнская газета».

Народные массы Пруссии широко использовали не только свободу печати, но и свободу слова, собраний и союзов. Уже 23 марта в Берлине был основан демократический «Политический клуб». В числе его членов можно было найти, наряду с представителями прогрессивной берлинской интеллигенции, ремесленников и рабочих. Председателем клуба был избран журналист Георг Юнг, который до революции был одним из основателей оппозиционной «Рейнской газеты» и проявил очень большую энергию в мартовские дни.

Подобные же демократические общества и клубы создавались в первые дни апреля почти во всех крупных прусских городах, охватывая все большее число членов. В Бреславле, например, «Демократический клуб» был основан сразу после получения известий о берлинских баррикадах. Во главе его стоял один из деятелей силезского оппозиционного движения граф О. Рейхенбах, позднее ставший активным членом «демократической левой» Прусского собрания.

В Кельне также было создано вскоре после революции «Демократическое общество», которое вело ожесточенную борьбу как с либеральным «Союзом бюргеров», так и с католическими «Союзами благочестия», основанными в политических целях местным духовенством. В Бонне был основан двумя демократами Г. Кинкелем и К. Шурцем «Демократический клуб»; он издавал собственную газету.

Все эти многочисленные, стихийно возникавшие и пока еще не связанные друг с другом демократические организации вели активную агитационную работу в массах и стремились втянуть в борьбу за демократическую республику не только горожан, но и крестьян. Члены «Демократического клуба» в Бонне по нескольку раз в неделю направлялись в окрестные селения для политической пропаганды среди крестьян и для создания в деревнях демократических союзов.

Хотя политические требования большинства прусских демократов не носили сколько-нибудь решительного характера и были достаточно умеренными, открытая пропаганда народного суверенитета, полного политического равенства и уничтожения всех феодальных привилегий представляла серьезную угрозу не только для прусских помещиков-юнкеров, но и для большинства крупных собственников в Пруссии.

Ни «Читальня», ни «Реформа», ни даже шумливый «Локомотив» не выступали за республику: политические стремления этих газет были куда скромнее и не могли сравниться даже с достаточно умеренными требованиями южногерманских демократов. «Читальня», например, призывала лишь к созданию «Демократической империи», более радикальная «Ре-

форма» заявляла, что ведет борьбу лишь за создание Германских соединенных штатов во главе с президентом, избираемым из числа немецких государей. А Гельд в «Локомотиве» соглашался на установление в Пруссии конституционной монархии и выражал надежду на превращение Фридриха-Вильгельма IV в подлинно конституционного монарха.

Столь же скромны и умеренны были политические требования большинства других демократических газет, за исключением только «Друга народа» Шлеффеля. Шлеффель в первые же недели революции выступал с требованием насильственного подавления угнетателей и призывал народ к восстанию. Говоря о баденском восстании, о крестьянах, поднявшихся против своих господ с вилами и косами, он утверждал, что в Пруссии тоже скоро «придется делать косы».

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В ПРУССИИ ПОСЛЕ МАРТОВСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Рост рабочего движения после мартовских дней

С начала 40-х годов и в особенности после восстания силезских ткачей классовое сознание немецких рабочих неуклонно повышалось. И все же в революцию 1848 г. они вступили неорганизованными. Рабочий класс Германии накануне мартовских событий лишь смутно чувствовал глубокую противоположность своих интересов интересам буржуазии и пока оставался ее политическим придатком.

Активным участием в баррикадных боях рабочий класс Германии выдвинулся на первый план, рабочие «пришли к сознанию своей силы»[1]. Рост классового сознания рабочих привел к созданию в Берлине, Кельне и других крупных городах первых пролетарских организаций в Германии.

Усилилась экономическая борьба рабочих разных профессий, жестоко страдавших от последствий кризиса. В конце марта и в начале апреля рабочие многих прусских городов предъявили требования об увеличении заработной платы и уменьшении рабочего дня, а кое-где подкрепили эти требования демонстрациями и стачками. Предпринимателям пришлось удовлетворить многие требования рабочих. В качестве примера вынужденной уступчивости немецких фабрикантов можно привести решение владельцев машиностроительных заводов Борзига и других предпринимателей, установивших 11 апреля для своих мастеров минимальную заработную плату в 4 талера в неделю при 10-часовом рабочем дне.

Но успокоить квалифицированных рабочих, дороживших своим местом и еще насквозь проникнутых цеховыми традициями, было, конечно, гораздо легче, чем удовлетворить многотысячную массу чернорабочих и безработных, скопившихся в больших городах и в особенности в Берлине.

Благонамеренных бюргеров прусской столицы крайне беспокоили рабочие-землекопы, занятые в северном предместье Берлина, на так называемых «Козулиных горах», и получавшие нищенскую заработную плату в 10—15 зильбергрошей. Городское управление, организовавшее эти работы, рассчитывало таким путем устранить из города беспокойные элементы, но достигло только обратных результатов: безработные и чернорабочие сблизились между собой, образовали своеобразное содружество и стали предъявлять свои требования «отцам города». Горячая пропаганда Шлеффеля находила массу сочувствующих среди этой группы рабочих. С красными знаменами они часто двигались к центру Берлина, пугая состоятельных бюргеров столицы.

До двух тысяч землекопов занято было и на строительстве канала Берлин — Шпандау. Они вместе с рабочими Плетцензее и Копеникерфельд

[1] К. Маркс. Избр. произв., 1940, т. II, стр. 62.

доставляли городским властям много хлопот, неизменно поддерживая на народных собраниях крайние требования и неоднократно демонстрируя на улицах.

Таким образом, несмотря на частичные уступки предпринимателей группам квалифицированных рабочих, классовые противоречия после мартовской революции быстро обострялись. Уже 23 марта Г. Юлиус в «Читальне» заявил: «Правда заключается в том, что и у нас, как во Франции и в Англии, уже совершился разрыв между буржуазией и рабочим классом... Не между монархией и республикой идет в настоящее время война, а между собственниками и теми, кто со всей своей силой тянется к собственности». «Наши бюргеры чувствуют это достаточно хорошо,— подчеркивал далее Юлиус,— и поэтому уже сейчас, сразу после первого дня нашей победоносной революции они начинают изо всех сил ей противодействовать». Демократическая провинциальная печать также отмечала это растущее с каждым днем напряжение. «Конституционные порядки очень хороши, но они не утоляют голода,— писала в первые недели революции одна силезская газета,— началась война против либерального буржуа, насаждающего белое рабство».

Либеральное бюргерство и рабочее движение

Пришедшая к власти в Пруссии крупная буржуазия была сильно встревожена растущей требовательностью социальных «низов», тем более что газеты приносили в это время сведения о новых выступлениях чартистов в Англии и о массовых демонстрациях парижских рабочих.

Специальная комиссия, созданная в конце марта при берлинском городском управлении, пытаясь ослабить напряжение, приняла ряд мер для сокращения безработицы. Было решено выслать из Берлина всех прибывших туда «чужих» рабочих. Этим «чужим», в первую очередь евреям и полякам, как помещики, так и буржуа приписывали роль «зачинщиков» беспорядков и «сеятелей смуты».

Буржуазия стремилась идейно воздействовать на рабочих, внушая им ложную мысль об общности их интересов с интересами предпринимателей, и явно пыталась, опираясь на лучше оплачиваемых мастеров, внести раскол в ряды пролетариата. Различные печатные органы либеральной буржуазии во главе с «Фоссовой газетой» на все лады, подобно французским буржуазным газетам того времени, твердили о «братстве» и «примирении» классов, призывая вышедших из привычного повиновения рабочих к «порядку» и «мирному труду».

Отмеченная выше передовая статья «Читальни», указавшая на совершившийся и в Германии разрыв между пролетариатом и буржуазией и призвавшая народ не успокаиваться на достигнутом, прозвучала резким диссонансом в хоре других газет и вызвала в кругах берлинской буржуазии сильное беспокойство. На следующий день фабриканты и купцы организовали враждебную демонстрацию под окнами «Читальни».

Собрание рабочих у Шенхаузенских ворот 26 марта

26 марта у Шенхаузенских ворот состоялось массовое собрание рабочих и ремесленников. Оно было организовано одним из видных деятелей баррикадных боев, ветеринарным врачом Урбаном, стремившимся использовать свою популярность в народе для восстановления «спокойствия и порядка».

Только немногие рабочие высказывались на этом собрании против капиталистов,— большинство выступало в совершенно цеховом духе против применения машин и женского труда, за запрещение рабочим менять профессию. В результате Урбану и председательствовавшему на собрании доктору Венигеру удалось провести резолюцию, которая требовала от правительства: 1) создания министерства труда, составленного

из рабочих и работодателей, 2) уменьшения постоянной армии, 3) всеобщего народного образования, 4) призрения инвалидов труда, 5) дешевого правительства. Шестое требование — о созыве Соединенного ландтага — раскололо собрание. Урбан и другие организаторы собрания стремились протащить резолюцию, одобряющую созыв именно Соединенного ландтага, в то время как многие присутствующие требовали созыва Учредительного собрания. После длительных и бесплодных пререканий по этому пункту собрание было закрыто председателем; правильного голосования по спорному вопросу не было проведено. Это дало возможность Урбану представить через несколько дней королю верноподданнический адрес о созыве Соединенного ландтага, как желательного якобы большинству пруссаков.

Многие рабочие, участвовавшие в этом собрании, приняли решение протестовать против созыва Соединенного ландтага и избрали для этого особый комитет, представивший королю отдельный адрес с требованием созыва Учредительного собрания. 29 марта Фридрих-Вильгельм IV, возвратившись из Потсдама, принял одну за другой обе депутации с двумя различными адресами от имени одного и того же народного собрания. Король обласкал Урбана и его спутников, но весьма холодно и надменно обошелся с представителями революционной части рабочих.

Милостивый прием Урбана и его спутников в королевском дворце объясняется еще и тем, что накануне, т. е. 28 марта, они опубликовали воззвание, оповещавшее берлинцев о намерении Урбана просить Фридриха-Вильгельма IV возвратить в столицу выведенные оттуда воинские части. Аналогичные просьбы представлялись тогда королю от имени городского совета, гражданской гвардии и других организаций берлинского бюргерства.

Несмотря на протесты демократической печати, 30—31 марта отдельные части берлинского гарнизона, не принимавшие непосредственного участия в уличных боях, были возвращены в столицу. Урбан, верхом на коне, возглавлял отряд вооруженных бюргеров, маршировавший впереди возвращавшихся в столицу полков.

С 8 апреля в Берлине стала выходить «Немецкая рабочая газета», ставившая своей задачей борьбу против революционно-демократической пропаганды среди рабочих. Издавали эту газету два учителя — Любарш и Битков, тесно связанные с Урбаном, Эккертом и другими проводниками буржуазного влияния в рабочих массах. Газета вела борьбу не только против коммунистов и социалистов, но и против весьма умеренных мелкобуржуазных демократов.

Демократическая печать и рабочее движение в Берлине

На страницах всех демократических газет, за исключением «Друга народа» Шлеффеля, в апреле — мае 1848 г. можно было найти призывы к классовому миру. Большинство демократических деятелей мыслило разрешение социального вопроса в форме того неопределенного «уничтожения трений между трудом и капиталом», осуществимого якобы в демократическом государстве, которого требовала избирательная программа Геккера и Струве. «Государство должно взять на себя проведение бескровной социальной революции», — заявлял, например, в своем «Локомотиве» Гельд, пользовавшийся в первые недели революции исключительной популярностью среди широких слоев берлинского населения.

«Читальня» и «Реформа», подобно «Локомотиву», выражали уверенность в возможности мирного социального переворота. После бурного протеста, вызванного статьей о противоречиях между трудом и капиталом, Г. Юлиус уже в следующем номере с виноватым видом сообщал своим

читателям, что в его намерения входило только указать пути к «длительному миру» и «благосостоянию всех классов».

Газета А. Руге «Реформа» повторяла вредные луиблановские взгляды. «Давно пора положить энергичное начало разрешению социального вопроса, а для этого прежде всего необходимо добиться скорейшего создания министерства труда. Остальное определится вслед за этим»,— писал в этой газете А. Руге.

«Локомотив» и «Читальня» также не отказывались от столь широко распространенных в конце 40-х годов социальных лозунгов, но вкладывали в них несколько иное, чем «Реформа», содержание: под «организацией труда» эти газеты понимали прежде всего реформы в области кредитной системы и денежного обращения и преподносили народным массам лишь плоские рассуждения в духе мелкобуржуазных утопистов типа Прудона.

Не приходится много говорить и о том, что буржуазно-демократические газеты всячески отмежевывались от коммунизма и коммунистов.

Рабочие организации в Берлине весной 1848 г.

Недостойное поведение организаторов собрания у Шенхаузенских ворот, их попытка навязать рабочим поддержку сословного ландтага и петицию о возвращении королевских войск открыли глаза многим берлинским пролетариям и заставили их искать своих собственных классовых путей. Петиция королю о возвращении в Берлин войск вызвала 29 марта решительный протест демократов из «Политического клуба». Народные массы, собравшиеся у Потсдамского вокзала и в Тиргартене, под «Палатками», горячо обсуждали создавшееся к 30 марта положение. Собраниями руководили энергичные деятели демократической партии — журналист Макс Шаслер и Шлеффель. По их предложению был создан тогда «Народный союз» для всех классов общества, но преимущественно для неимущих рабочих. В опубликованном на следующий день воззвании были четко намечены основные задачи новой организации: подлинное представительство народа, вооружение народа, политическое и моральное воспитание народа.

«Народный союз» имел собственную газету — «Голос народа». Газета эта, выходившая под редакцией Шаслера, в дальнейшем не оказалась на высоте положения, но в первые недели апреля она способствовала объединению берлинских рабочих: на ее страницах появлялись отчеты о собраниях «Народного союза», резолюции и требования профессиональных союзов и т. д.

Возмущение деятельностью урбанов и эккертов дало толчок к созданию еще одной пролетарской организации в Берлине — временного «Центрального рабочего клуба». Клуб этот был создан почти одновременно с «Народным союзом» вечером 29 марта на совещании 150 представителей различных профессий, на котором, по предложению члена «Союза коммунистов» сапожника Гетцеля, было решено отказаться от массовых народных собраний и создать ряд небольших местных клубов под общим руководством «Центрального рабочего клуба». Гетцель имел в виду, пользуясь новыми легальными возможностями, восстановить берлинскую общину «Союза коммунистов», которая ко времени мартовской революции почти распалась и насчитывала не более 20 членов. Он предложил принять так называемую цепную систему, лежавшую, как известно, в основе организационной структуры «Союза коммунистов».

Среди организаторов «Центрального рабочего клуба», кроме Гетцеля, выделялся другой член «Союза коммунистов», молодой наборщик Стефан Борн, прибывший из Парижа вскоре после мартовской революции. До своего отъезда за границу (в конце 1846 г.) Борн был уже хорошо известен

печатникам Берлина, которые и выбрали его теперь председателем своего профессионального объединения. Борн председательствовал на следующем общем собрании членов «Рабочего клуба» 6 апреля. Он поддержал предложение Шлеффеля объединить комитет «Народного союза» с Центральным комитетом «Рабочего клуба», составленным из представителей от отдельных профессий.

На следующем заседании предстояло избрать Центральный комитет клуба. Оно состоялось 11 апреля под председательством Борна и имело для истории берлинского рабочего движения очень большое значение. Наряду с представителями рабочих (позолотчиком Биским, портными Михаэлисом и Люховым и др.) на собрании присутствовали представители бюргерства: председатель буржуазного «Конституционного клуба» чиновник Летте, сотрудник «Фоссовой газеты» Венигер, руководители «Ремесленного союза» Рисс и Берендс и некоторые другие. В ответ на предложение Борна немедленно создать «самостоятельную партию» рабочих противники рабочего движения выдвинули мысль о привлечении в Центральный комитет и работодателей. Против этого выступили многие рабочие, но особенно решительно прозвучал на собрании голос Шлеффеля, потребовавшего от имени берлинских поденщиков немедленного избрания в Центральный комитет одних только подлинных представителей рабочих. «Порабощенный труд подымается против тунеядцев капитала,— заявил он.— Хозяева — естественные враги нашей партии и не могут в нее вступать».

«Организация рабочих»

В результате длительного обсуждения был избран Центральный комитет в составе 28 человек (по одному члену от каждой профессии рабочих) и была выделена комиссия для выработки устава «Организации рабочих». Председателем последней был избран Борн.

19 апреля состоялось новое делегатское собрание, которое одобрило разработанный комиссией устав. Последний предусматривал создание берлинских и провинциальных рабочих комитетов и намечал задачи «Организации рабочих». Задачи эти должны были состоять «в исследовании бедствий, от которых страдают рабочие на местах», и «в содействии их устранению». Печатным органом новой рабочей организации стала «Немецкая рабочая газета» — газета берлинского «Ремесленного союза». Она выходила под редакцией Шмидта и Берендса, которые включили в редакционный комитет Биского и Борна.

В отличие от одноименной газеты Любарша и Битткова, эта газета защищала не интересы предпринимателей, а пыталась защищать интересы трудящихся, но все же она не пошла по правильному пути. Сам Борн в начале мая писал Марксу о том, что «Немецкая рабочая газета» представляет собой «трубу, в которую может дуть всякий желающий». Действительно, газета Шмидта и Берендса отдавала дань старым цеховым иллюзиям и оставалась прежде всего органом «Ремесленного», а не «Рабочего союза». В связи с этим Борн и другие рабочие покинули газету и 25 мая выпустили пробный номер собственной «социально-политической газеты» — «Народ», которая и стала в дальнейшем органом Центрального комитета «Организации рабочих».

Таким образом, несмотря на препятствия со стороны буржуазии, передовая часть берлинских рабочих уже вскоре после мартовской революции отделилась от мелкобуржуазных демократов и при активном участии членов «Союза коммунистов» создала свою независимую организацию. В провинции также наблюдался рост самостоятельных, отделившихся от мелкобуржуазных демократов, рабочих клубов и союзов.

Организация рабочих в провинциальных промышленных центрах Пруссии

Особенно успешно развертывалось самостоятельное рабочее движение в главном городе Рейнской провинции Кельне. Здесь, как известно, уже накануне мартовских событий членам «Союза коммунистов» Готшальку, Аннеке и Виллиху удалось организовать массовую демонстрацию рабочих. После 18 марта вышедший из тюрьмы Готшальк возобновил агитационную деятельность. 13 апреля под его руководством был создан действительно независимый от местного «Демократического общества» «Рабочий союз», в котором члены кельнской общины «Союза коммунистов» (Аннеке, Молль, Шаппер, Гесс, Виллих и др.) играли руководящую роль.

Уже к концу апреля «Рабочий союз» насчитывал до 4 тыс. членов; с 23 апреля он выпускал «Газету Кельнского рабочего союза». В первом номере этой газеты Готшальк обратился к рабочим с призывом «крепко держаться друг за друга» и выделить для работы в комитете Союза своих представителей. В том же номере было опубликовано составленное в интересах рабочих обращение к новому министру-президенту Кампгаузену с требованием освобождения неимущих пролетариев от квартирной платы и возвращения из ломбардов их мелких закладов. В обращении указывалось, что недоверие рабочих к Кампгаузену оправдалось, поскольку новое правительство, выделив целый миллион талеров на поддержку купцов и фабрикантов, еще ничего не сделало для неимущих рабочих.

Кроме Кельна, и в ряде других городов Пруссии после мартовской революции широко развернулось массовое рабочее движение и были созданы самостоятельные рабочие организации. В Кенигсберге, например, из местного «Демократического клуба» в начале апреля выделился особый «Рабочий союз» и в дальнейшем под руководством журналиста Дулка совершенно оттеснил местную буржуазно-демократическую организацию. В Бреславле вскоре после 18 марта также был создан «Рабочий союз», выдвинувший в качестве своего руководящего принципа право на труд. После приезда в Бреславль члена «Союза коммунистов», Вильгельма Вольфа, деятельность местного «Рабочего союза» заметно оживилась.

ПОДГОТОВКА ДЕМОНСТРАЦИИ 20 АПРЕЛЯ И ЕЕ НЕУДАЧНЫЙ ИСХОД

Обострение классовых противоречий в первые недели апреля

Подъем народного и, в частности, рабочего движения в Пруссии, совпавший с началом восстания баденских республиканцев, вселил большую тревогу не только в ряды реакционных помещиков, но и в ряды либеральных бюргеров, тем более что хозяйственное положение страны весной 1848 г. продолжало заметно ухудшаться.

«Торговый кризис продолжается... Здесь так же, как и в Силезии и на Рейне, притязания рабочих возрастают по мере того, как фабриканты сокращают производство из-за недостатка кредита и спроса», — писал в середине апреля из Берлина в Петербург русский посланник Мейендорф. «Нет просвета и нет надежды, что рассеется туман», — писал в те же дни Леопольд фон Герлах, оценивая создавшуюся в Пруссии обстановку.

В начале апреля тревожное настроение бюргеров сменилось настоящей паникой. Крики о грозящей стране «анархии» не сходили теперь со страниц буржуазных газет, в частности со страниц новой, созданной в послемартовские дни, «Национальной газеты». С трибун конституционных клубов непрерывно раздавались вопли о грозящих собствен-

ности и порядку опасностях, о «подрывной» деятельности коммунистов. «Повсеместно царит ужас и смятение,—писала либерально-буржуазная «Кельнская газета».— Если это беспомощное состояние — грозила она — будет продолжаться, спокойному, любящему порядок гражданину не останется ничего другого, как искать пристанища по ту сторону океана».

Народный комитет для борьбы за демократические выборы

Основным политическим вопросом, волновавшим в начале апреля общественные круги Пруссии, был вопрос о выборах в Учредительное собрание. После опубликования Соединенным ландтагом закона о двустепенных выборах повсеместно поднялась буря протестов. Особенное значение имело проведенное 10 апреля под берлинскими «Палатками» массовое народное собрание, избравшее особый комитет для борьбы за подлинно демократические выборы. В комитет вошли все сколько-нибудь видные деятели демократического лагеря, многие руководители рабочего движения (среди них Борн и Биски).

13 апреля Кампгаузен принял депутацию, потребовавшую от имени Народного избирательного комитета немедленного изменения избирательного закона. Министр-президент наотрез отказался от проведения прямых выборов, в которых он видел путь к республике. После этого Избирательный комитет решил апеллировать к народным массам и организовать 20 апреля мирную народную демонстрацию протеста перед королевским дворцом, как это имело место накануне 18 марта, с целью склонить короля и правительство к уступкам.

Но вопрос об организации массовой демонстрации расколол Избирательный комитет. Умеренное меньшинство его (Шаслер, Борн, Биски и др.), опасаясь, что демонстрация может привести к вооруженному столкновению, высказалось против демонстрации и вышло из состава Комитета. Организация демонстрации целиком перешла в руки большинства, не желавшего отказаться от этого способа давления на правительство.

Республиканская пропаганда Шлеффеля

Особенно энергично боролся за проведение демонстрации редактор «Друга народа» Шлеффель, успевший в короткий срок приобрести исключительную популярность в берлинских народных массах. Он смело звал народ к продолжению борьбы и отрицал возможность примирения с буржуазией.

17 апреля в Тиргартене состоялось массовое народное собрание. Выступавшие на этом собрании ораторы всячески подчеркивали мирный характер предстоящего народного шествия. Один только Шлеффель решительно указывал собравшимся, что добиться своих прав они смогут только путем борьбы. «Мы не должны тешить себя иллюзиями, что сможем добиться чего-нибудь мирным путем»,— говорил он. Призывы Шлеффеля находили отклики у наиболее сознательных рабочих и способствовали выделению подлинно революционного ядра из общей массы берлинских рабочих. Это заставляло озлобленных бюргеров столицы видеть именно в Шлеффеле настоящее воплощение «духа народного движения» 1848 г. По словам одного современника и очевидца событий, редактор «Друга народа» поспевал всюду: «Он то посещал землекопов на местах их работы и проводил там собрания..., то председательствовал на городских народных собраниях. Его можно было видеть на улицах, окруженным толпой рабочих..., на заседаниях рабочих союзов, где он защищал интересы рабочих и произносил самые радикальные речи».

В отличие от многих других деятелей демократического лагеря Шлеффель знал истинную цену капиталистического «братства». «Нам не поможет никакое примирение, никакое соглашение,— говорил он берлинским

рабочим в своей газете.— Здесь может помочь только одно,— чтобы победил Труд, и самая возможность увольнения [рабочих] наконец исчезла... Здесь партия выступает против партии, право — против бесправия, общая польза — против привилегий отдельных лиц, идея — против эгоизма».

Шлеффель ясно сознавал необходимость полного переворота в общественных отношениях и решительно нападал на частную собственность. 19 апреля в № 5 «Друга народа», — последнем, вышедшем под его редакцией,— Шлеффель называл право частной собственности «кумиром, порабощающим в течение тысячелетий народные массы». «Это — пережившая себя бессмыслица, подобная монархии или самодержавию»,—писал он.

Подобно некоторым другим демократам 1848 г. Шлеффель призывал к «организации рабочих». Но при этом он требовал создания «замкнутой партии» и стремился, опираясь на нее, добиться действительно осуществления «организации труда», т. е., согласно его собственным словам, «уничтожения власти денег и капитала».

Бюргерство и подготовка народной демонстрации 20 апреля 1848 г.

Как буржуазия, так и правительственные круги с нескрываемой тревогой ожидали 20 апреля: мирная демонстрация многих тысяч голодных берлинских рабочих легко могла перерасти, даже против воли своих организаторов, в вооруженное восстание, направленное на этот раз не только против монархии, но и против буржуазных порядков.

4—7 апреля в Берлине имели место разрозненные выступления безработных, собиравшихся толпами на главных улицах и угрожавших владельцам магазинов и лавок. 7 апреля по Кенигштрассе прошла шумная толпа рабочих и подмастерьев с плакатом: «Лишенные куска хлеба сигарщики Преториуса». В последующие дни напряжение все нарастало; это заставило городской совет обратиться к рабочим с успокоительным воззванием.

Страх перед подымающимся на борьбу пролетариатом охватил и гражданскую гвардию, составленную почти исключительно из одних состоятельных бюргеров. 6 апреля последние избрали своим командиром, вместо отказавшегося полицей-президента фон Минутоли, отставного генерала фон Ашоффа, который 8 апреля в торжественной обстановке принял командование.

Накануне демонстрации министерство Кампгаузена — Ганземана опубликовало два приказа: один — полицей-президенту, другой — командующему гражданской гвардией. Обоим приказывалось силой разогнать демонстрантов. Одновременно приняты были все меры к тому, чтобы, по примеру лондонских властей в их борьбе с чартистами, противопоставить народу контрдемонстрацию верных «порядку» бюргеров. Члены «Конституционного клуба» объезжали заводы и фабрики Берлина, уговаривая рабочих не принимать участия в демонстрации. В том же духе действовали и студенты, назначившие на 20 апреля парад своих вооруженных сил.

В результате всей этой пропаганды значительная часть рабочих, в частности машиностроители Борзига, решили не принимать участия в демонстрации. К ним после этого присоединилась часть землекопов, а также многие подмастерья.

Неудача народной демонстрации 20 апреля

С утра 20 апреля берлинские улицы, пишет один современник событий, напоминали мартовские дни, с той только разницей, что вооруженная сила находилась в руках у бюргеров. По городу разъезжали кавалерийские патрули; гражданская гвардия и студенческие отряды еще с предыдущего дня находились под ружьем. Александерплатц,

назначенный в качестве сборного пункта демонстрантов, был заранее оцеплен отрядами вооруженных бюргеров.

Между тем в Избирательном комитете — организаторе народного шествия — наметились новые расхождения. Из его состава дезертировали еще два видных демократа — Юнг и Гельд. В конце концов в назначенный час в районе площади собралось не более 1500 рабочих. Во второй половине дня Комитет вынужден был отказаться от проведения демонстрации.

Один из ее организаторов, журналист-демократ Эйхлер, был арестован еще 19 апреля. 21 апреля 1848 г. по распоряжению прокурора был схвачен и редактор «Друга народа» Шлеффель. В июле он был присужден к тюремному заключению, но вскоре бежал из крепости. Он продолжал борьбу с правительством и 21 июня 1849 г. сложил свою голову в борьбе за лучшее будущее немецкого народа в сражении при Ваггейзеле.

Вся буржуазная печать с нескрываемым удовлетворением приветствовала торжество «спокойствия и порядка» в Берлине. Газета «Реформа» всячески оттеняла мирный характер предполагавшегося шествия ко дворцу и осуждала действия правительства, двинувшего на улицы против безоружного народа не только войска, но и «добровольную полицию» — студенческую молодежь, членов «Конституционного клуба» и вооруженных бюргеров. «Если теперь народная масса пойдет навстречу коммунистическим проискам отдельных безумных голов, мы, как невиновные в этом, умоем руки», — пугал берлинских собственников Арнольд Руге.

Неудача назначенной на 20 апреля демонстрации имела бесспорно серьезные последствия для дела революции. Уже в ходе ее подготовки в рабочих массах обнаружились две различные тенденции — соглашательская и революционная. День 20 апреля показал наличие среди руководителей берлинских рабочих многочисленных сторонников тактики одной лишь «моральной силы» и обнаружил слабость политически малоопытных сторонников «физической силы».

Большое значение имело почти полное совпадение во времени неудачи массовой демонстрации в Берлине с поражением чартистов в Лондоне (10 апреля) и рабочих в Париже (16 апреля). Еще большее значение для судеб германской революции имело совпадение победы прусских буржуазных контрреволюционеров с торжеством баденских либералов над Геккером и Струве: именно 20 апреля рассеяны были отряды баденских республиканцев.

Итак, во второй половине апреля крупная монархическая буржуазия восторжествовала над своими противниками слева как на западе, так и на востоке Германского союза и, вледствие этого, она могла направлять предстоящую избирательную кампанию в своих интересах. Полная победа буржуазных конституционалистов на выборах в германское и прусское собрания была, следовательно, во многом предопределена плачевным для революционно-демократических кругов исходом событий 20 апреля 1848 г. в Берлине.

НАЧАЛО КОНТРРЕВОЛЮЦИИ В ПРУССИИ

Прусское юнкерство после мартовской революции

Неудача народной демонстрации 20 апреля укрепила положение юнкерства. Ко времени сессии Соединенного ландтага юнкерство далеко еще не оправилось от испуга и наперебой заявляло о своих симпатиях к конституции. Многие помещики вступали в члены либеральных клубов, отказывались от своих сословных привилегий, объявляли себя горячими сторонниками германского единства. Даже такой

заядлый реакционер, как Клейст-Ретцов, ландрат Белгарда в Померании, друг Бисмарка, и тот в послемартовские дни отказывался поддерживать какие-либо преждевременные выступления юнкеров-монархистов и в данных обстоятельствах считал благоразумным придерживаться «твердой, но осторожной политики», т. е. выжидать столкновения в революционном лагере.

Необходимость лавировать и уступать либеральной буржуазии была тогда ясна не только одному Фридриху-Вильгельму IV. После образования нового, либерального министерства король старался держаться в тени, редко, всего на несколько часов, появлялся в Берлине и внешне разыгрывал роль конституционного монарха. Только во второй половине апреля он и окружавшие его сановники стали постепенно поднимать головы и разговаривать с новыми министрами в ином, более дерзком тоне. И если еще в начале апреля король обращался к своему «милейшему Кампгаузену» с довольно почтительными просьбами, то в 20-х числах он уже прямо указывал ему, что «имеется известная граница уступчивости, которую не может переступить ни один прусский король, являющийся прежде всего прирожденным солдатом».

Не подлежит сомнению, что в усилении феодально-помещичьей контрреволюции большую роль сыграли ближайшие советники и друзья короля — генерал Леопольд фон Герлах, генерал фон Раух, гофмаршал Келлер, фон Массов и другие. Все эти юнкеры плотным кольцом окружали трон и уговаривали короля продолжать борьбу. По словам фон Герлаха, эти безответственные советники короля уже в самый день образования «ответственного» министерства создали в покоях дворца другое, «тайное министерство», которое стало контролировать и направлять каждый шаг конституционного монарха. В дальнейшем дворцовая камарилья превратилась в подлинный политический центр прусской контрреволюции. От этого центра тянулись нити к офицерству, к бюрократии, к провинциальному дворянству.

Идейным руководителем камарильи и всего юнкерства после мартовской революции, бесспорно, являлся генерал-адъютант Фридриха-Вильгельма IV фон Герлах. Цель Герлаха состояла в восстановлении абсолютизма в Пруссии с помощью прусской армии и при поддержке царской России и монархии Габсбургов. И сам он и другие юнкеры яростно выступали против германского единства, считали излишним и опасным созыв представительного собрания для выработки конституции.

Реакционно-монархическая пропаганда

Уже в самые первые дни после народной победы 18 марта наиболее махровые представители юнкерства, подобно Бисмарку, пытались организовать отпор революционному движению и подбить провинциальных мещан и зажиточных крестьян к выступлению против восставшего Берлина. Начиная с 27 марта, газеты сообщали об отдельных вылазках провинциальных юнкеров, обращавшихся с контрреволюционными воззваниями к местному населению.

В первые недели революции подобные выступления могли носить только единичный характер. Но позднее, когда в революционном лагере успели обнаружиться глубокие расхождения, дворянство стало думать о переходе в контрнаступление. Следует, кроме того, отметить, что народное движение в апреле и мае не утихало, и крестьянство, как об этом писал 12 апреля Клейст-Ретцов историку Ранке, продолжало «требовать от помещиков земли и знать ничего не хотело о повинностях».

Поскольку министерство Кампгаузена — Ганземана ничего не изменило в старой системе управления и оставило на своих местах большинство чиновников и ландратов, не говоря уже о командовании армией, орга-

низация контрреволюционных сил не встречала сколько-нибудь серьезных затруднений.

Не случайно первые деловые переговоры об издании большой ежедневной газеты консерваторов — будущей «Крестовой газеты» — начаты были, как об этом рассказывает сам Герлах, уже на следующий день после неудачи народной демонстрации 20 апреля. И не случайно именно в конце апреля началась кампания за возвращение принца Прусского в Берлин.

МИНИСТЕРСТВО КАМПГАУЗЕНА—ГАНЗЕМАНА И ВОССТАНИЕ В ПОЗНАНИ

Поворот либеральной буржуазии вправо

Министерство Кампгаузена — Ганземана ничего не делало для того, чтобы положить конец всем контрреволюционным проискам. В связи с первыми массовыми выступлениями рабочих и крестьян политическое поведение прусских либералов вполне определялось их стремлением как можно скорее восстановить нарушенный «порядок». «Здесь в политических настроениях произошли весьма разительные перемены,— с нескрываемой радостью писал будущий военный министр и ближайший соратник Бисмарка фон Роон.— Все эти либералы в лайковых перчатках, вся эта милая компания, которая 19 марта потирала себе от удовольствия руки, так как полагала, что пришел час ее господства, теперь находится в полном отчаянии и ругательски ругает прежнее правительство за то, что оно не осмелилось 19 марта расстрелять каналий и глупую чернь, за то, что она дала обморочить себя радикалам». «Здесь даже поговаривают о желательности реакции и контрреволюции»,— не без злорадства прибавлял будущий прусский генерал.

Министерство Кампгаузена — Ганземана сохранило весь старый аппарат прусской государственности. В провинции в особенности все осталось без изменений. Вместо того чтобы немедленно разрушить гнезда контрреволюции и провести чистку командного состава армии, министры сами играли на-руку дворянской контрреволюции, стремясь поскорее восстановить в войсках расшатанную событиями дисциплину.

По личному настоянию Фридриха-Вильгельма IV 30 апреля портфель военного министра был отнят у непопулярного в юнкерских кругах генерала Рейера и передан близкому к кругам дворцовой камарильи генералу Каницу. За этим последовали распоряжения и приказы, восстанавливавшие в армии прежние, домартовские порядки. Из рядов армии безжалостно изгонялись заподозренные в либеральных взглядах офицеры; всему личному составу категорически запрещалось принимать участие в политической жизни.

С начала мая и сам король заговорил с армией иным языком. В специальной прокламации он призывал солдат и офицеров «приложить руки» к делу восстановления «спокойствия, законности и послушания».

Укреплению позиций дворянской контрреволюции весьма способствовало и усиление шовинистических настроений среди прусских либералов.

Министерство Кампгаузена—Ганземана и национально-освободительное движение в Познани

Польское население Познани, неудовлетворенное данными в мартовские дни неопределенными обещаниями короля о проведении в этой провинции «национальной реорганизации», с первых же дней революции приступило к созданию собственных воинских частей. Вскоре в Познани вспыхнуло восстание[1].

Во всей Познанской провинции были сбиты черные прусские орлы

[1] Подробнее о польском восстании в Познани см. главу семнадцатую.

и подняты бело-малиновые польские национальные знамена. Началась борьба между польским большинством населения и немецким меньшинством, опиравшимся на силу штыков расквартированных в Познани прусских гарнизонов. Войсками этими командовал к моменту революции лютый враг польского населения генерал Коломб, который 3 апреля объявил Познань на осадном положении, а еще через несколько дней начал против польских повстанцев военные действия.

Кампгаузен направил в Познань в качестве королевского комиссара генерала Виллизена, слывшего за друга поляков. Ему поручалось провести обещанную «реорганизацию».

Прибыв в Познань 5 апреля, Виллизен повел переговоры с польским «Национальным комитетом». В результате сделанных им от имени правительства обещаний 11 апреля в селении Ярославце было подписано соглашение, предусматривавшее, с одной стороны, постепенное разоружение польских повстанческих отрядов, а с другой—реорганизацию управления провинции на началах национальной автономии польского населения.

Коломб и другие представители прусской военщины не признали этого соглашения. В день его подписания прусские войска начали наступление против польских войск.

Несмотря на героическое сопротивление поляков, восстание было подавлено. Кампгаузен проводил по отношению к полякам явно предательскую политику. По его распоряжению с поляками сначала велись переговоры, а затем с ними расправились при помощи штыков. Предательство Кампгаузена встретило в кругах прусской буржуазии полное одобрение. Уже 1 апреля на заседании берлинского «Политического клуба» по адресу поляков раздавались враждебные речи. «Нации должны быть эгоистичными»,— цинично заявлял с клубной трибуны противник абсолютизма либерал Иордан. «Должны ли мы позволить ампутировать Познань?» — спрашивал он и отвечал на этот вопрос отрицательно. «Конституционный клуб» и все газеты либеральной буржуазии Берлина дружно выступили против требований поляков. Даже «Немецкая газета» Гервинуса, еще недавно поддерживавшая предложение Предпарламента о восстановлении независимой Польши, с середины апреля также требовала защиты интересов «немецких братьев» (так называла эта газета немецкое меньшинство Познани).

Планы военного командования в связи с подавлением Познанского восстания

Военные круги уже с первых дней революции связывали свои далеко идущие планы с возможной концентрацией войск против поляков. Уже 22 марта командующий одной из расквартированных в Познани дивизий генерал фон Брандт делился в конфиденциальной беседе с военным министром генералом Рейером следующими соображениями: «Восстание в Познани дает повод для концентрации войск... Никто не сможет контролировать количество собранных там войск, а когда мы будем достаточно сильны, можно будет сбросить маску... Одним ударом будет покончено с поляками, а затем можно будет сконцентрировать все, чем мы располагаем, между Берлином, Франкфуртом-на-Одере и Саганом и стать хозяином и Берлина, и Франкфурта, и Познани». «Предложение слишком заманчиво, чтобы его не обсудить»,— ответил на это генерал Рейер.

Хотя после подавления Познанского восстания прусской военщине и не удалось немедленно осуществить эти планы, победа над польскими повстанцами, безусловно, подняла дух королевских войск и тем способствовала укреплению сил прусской дворянской контрреволюции.

ПРУССКОЕ СОБРАНИЕ. ОТСТАВКА МИНИСТЕРСТВА КАМПГАУЗЕНА — ГАНЗЕМАНА

Социальный и партийный состав Прусского собрания

Выборы в Прусское собрание состоялись 1 и 8 мая 1848 г. в обстановке, которая заранее не предвещала полной победы либеральной партии. Проведение двустепенных выборов отразилось на социальном и партийном составе избранных депутатов.

Подлинных представителей народных «низов» избрано было в Собрание весьма немного. Среди 400 избранных депутатов не было ни одного рабочего и было всего лишь 28 ремесленников и 68 крестьян (последних избрали главным образом в Силезии). Помещики потерпели полное поражение и провели в Собрание лишь трех представителей. Почти половину депутатов составляли чиновники, служащие, учители.

Такой социальный состав Прусского собрания не предвещал революции ничего хорошего. Соответственно весьма пестрым оказался и партийный состав избранных депутатов. В Собрании оказалось довольно внушительное правое крыло, значительно большее, чем во Франкфуртском собрании, — до 150 депутатов сторонников укрепления устоев пошатнувшегося трона Гогенцоллернов. Вне Собрания влиятельнейшими идейными руководителями правого крыла являлись Леопольд фон Герлах, Бисмарк, а в самом Собрании — пастор Сидов и профессор Баумштарк.

Правым противостояло относительно сильное левое крыло, насчитывавшее около 100 депутатов. Среди них были А. Юнг, Д'Эстер, Шрамм и др. И. Якоби, автор известного памфлета «Четыре вопроса», Б. Вальдек, берлинский чиновник-юрист, и силезский помещик-демократ граф Рейхенбах стояли во главе демократической фракции Собрания.

Либерально-буржуазный центр оказался зажатым между этими двумя противоположными группировками. Он насчитывал до 150 депутатов, но был ослаблен разделением на две фракции: левый центр, стремившийся к установлению в Пруссии парламентарной монархии и возглавлявшийся экономистом Родбертусом-Ягетцовым, и правый центр, стремившийся лишь к некоторым реформам и возглавлявшийся юристом фон Унру, который стал позднее председателем Собрания. Хотя правый центр насчитывал всего 30—40 депутатов, он приобрел в дальнейшем большое значение, так как при данной расстановке партийных сил именно его голосами зачастую решалась судьба того или другого законопроекта.

Открытие Прусского собрания

Открытие Прусского собрания назначено было на 22 мая и должно было по времени почти совпасть с открытием во Франкфурте-на-Майне Всегерманского парламента. Демократическая печать всей Германии резко критиковала принятое министерством Кампгаузена — Ганземана решение, не без основания усматривая в созыве Прусского собрания одновременно с Всегерманским парламентом отказ от обещанного в мартовские дни королем «растворения» Пруссии в воссоединенной Германии, явную уступку контрреволюции и партикуляризму.

Такой уступкой явилось и обращение к королю министерства с просьбой о скорейшем возвращении принца Прусского в Берлин.

Народные массы столицы встретили этот шаг правительства с негодованием. Вечером 12 мая в Тиргартене состоялось огромное собрание, которое приняло решение немедленно направить к министру-президенту особую депутацию с требованием не допускать возвращения принца в Берлин.

Уклончивый ответ Кампгаузена на требования народа вызвал бурю протестов и привел 14 мая к новому, организованному демократической партией, многотысячному собранию. Под прямым давлением народных масс правительству пришлось на этот раз пойти на уступки и объявить 15 мая, что возвращение наследника престола из-за границы последует только после созыва Собрания и только после признания принцем новых конституционных порядков.

Учредительное собрание было открыто 22 мая тронной речью короля, коротко и сухо предложившего депутатам приступить к выработке конституции по соглашению с короной.

Конституционный проект Кампгаузена—Ганземана

После избрания председателем силезского купца Мильде Собрание перешло к обсуждению составленного Ганземаном проекта конституции.

Проект этот, разработанный по образцу бельгийской конституции 1831 г. и французской хартии 1830 г., предусматривал создание в Пруссии конституционной монархии с ответственным министерством и двумя палатами: верхней, состоящей из принцев крови, из лиц, назначаемых королем, и избираемых депутатов, обладающих очень высоким имущественным цензом (от 2500 до 8000 талеров дохода), и нижней, избираемой населением на основании принятого Соединенным ландтагом закона от 8 апреля 1848 г.

Хотя проект и отличался исключительной умеренностью, он далеко не сразу был одобрен королем, который впоследствии говорил Герлаху, что одобрение «было вырвано из его тела железными щипцами».

Проект вызвал жестокую критику в обоих крайних лагерях Собрания, и вопрос о конституции повис в воздухе. В народных массах проект был встречен выражением бурного негодования. Уже вечером 21 мая, т. е. в самый день его опубликования, на улицах Берлина стали собираться группы возмущенных граждан. Ночью экземпляр конституционного проекта был даже демонстративно сожжен на Унтер-ден-Линден вместе с пачками «Фоссовой газеты».

Волнения в Берлине в конце мая — начале июня

Негодование, охватившее народные массы в связи с опубликованием правительственного проекта конституции, разумеется, не способствовало успокоению прусской столицы. К тому же и слухи о готовящемся контрреволюционном перевороте также волновали народные массы и заставляли их выходить на улицы с требованием всеобщего вооружения народа. Занятие цейхгауза усиленным воинским отрядом и обнаружение двух барок с грузом оружия еще больше способствовали увеличению тревоги и привели в последние дни мая к новым демонстрациям. От имени демократических союзов была послана депутация к министру-президенту с требованием немедленной выдачи оружия рабочим.

Правительство не спешило удовлетворить это требование и только 2 июня дало разрешение на выдачу рабочим 500 ружей, и то под условием вступления всех вновь вооруженных в монархически настроенный 17-й батальон гражданской гвардии, которым командовал сам Борзиг.

Новые увольнения рабочих в течение мая также не раз вызывали уличные выступления. 30 мая они завершились бурной демонстрацией нескольких тысяч голодающих рабочих около дома министра общественных работ фон Патова. Хотя все эти выступления носили стихийный характер, они, бесспорно, свидетельствовали о возросшей требовательности народных масс и нежелании рабочих удовлетвориться одними лишь скромными политическими завоеваниями мартовской революции.

Рабочие явно ожидали от революции коренного изменения своего социального положения. Это стремление хорошо выразил один из современных поэтов:

О «черно-красно-золотом»
Поют, а смерть у изголовья...
Мы не стихов, а хлеба ждем
От почвы, удобренной кровью!

Возвращение принца Прусского и его выступление в Собрании

Углубление противоречий между трудом и капиталом и связанное с этим поправение буржуазии позволили юнкерской контрреволюции снова поднять голову.

4 июня из Англии возвратился принц Прусский, встреченный в Берлине приветственными демонстрациями контрреволюционных элементов.

Городок Вирзиц избрал принца своим представителем в Собрании, и это дало ему повод 8 июня произнести в Собрании вызывающую речь. Заняв место на скамьях правого крыла, наследник престола в полной генеральской форме с остроконечной каской в руке, гремя саблей, направился к трибуне. В короткой и надменной речи он прежде всего подчеркнул обязанность Собрания разработать новую конституцию «по соглашению» с короной, а затем попросил освободить его, ввиду его занятости, от обязанностей депутата. Заявив далее, что он является «первым подданным» своего государя, принц с возгласом «С богом, за короля и отечество!» покинул зал заседаний.

Дебаты о революции и отклики на них в Берлине

Под непосредственным впечатлением этого вызывающего выступления берлинский депутат Берендс на том же заседании предложил Собранию принять следующую резолюцию: «Признав революцию, Собрание объявляет, что борцы 18 и 19 марта хорошо послужили отечеству».

Можно было ожидать, что Собрание, в котором только 150 депутатов из 400 принадлежало к монархической правой, немедленно примет предложенную резолюцию и тем напомнит зазнавшемуся принцу, а вместе с ним и всему юнкерству, о воле суверенного народа. Однако трусость и колебания конституционно-монархического центра, связанного с Кампгаузеном и Ганземаном и стремившегося только к мирному соглашению с королевской властью, привели к тому, что предложенная Берендсом резолюция была отвергнута. Вместо нее, под давлением угрожавших отставкой министров, была принята на следующий день большинством 196 голосов против 177 путаная и бессодержательная резолюция депутата Захариэ:

«Принимая во внимание, что высокое значение великих мартовских событий, которым мы, благодаря королевскому согласию, обязаны нынешним государственно-правовым положением, бесспорно является также заслугой борцов за него, и, сверх того, принимая во внимание, что Собрание усматривает свою задачу не в том, чтобы высказывать суждения, а в том, чтобы выработать по соглашению с короной конституцию,— Собрание переходит к очередным делам».

Бросается в глаза, что в принятой резолюции ни разу не упоминается слово «революция», хотя заслуги мартовских борцов, из страха перед народными массами, прямо и не отрицаются. Задачи же Собрания ограничивались в этой резолюции, как того и требовал принц Прусский, исключительно выработкой конституции «по соглашению с короной».

«Новая Рейнская газета», начавшая выходить в Кельне накануне берлинских дебатов о революции, осмеивала прусскую «палату соглашения».

Боевой орган Маркса и Энгельса не без основания указывал, что Учредительное собрание, приняв резолюцию Захариэ, «само осудило себя, показав, что не имеет собственного суждения»[1].

Утром 9 июня на площади около Оперного театра, где происходили заседания Собрания, начали собираться толпы народа. Известия о принятии резолюции Захариэ и об отказе отдать должное заслугам мартовских баррикадных бойцов вызвали в народе взрыв возмущения. Отдельных депутатов-реакционеров, выходивших из здания, народ встречал гневными возгласами. Министр иностранных дел Арним и пастор Сидов при этом чуть не были избиты. С трудом удалось подоспевшим студентам вырвать их из рук разгневанного народа и увести в университет.

События 8—9 июня еще более раскалили и без того уже накаленную атмосферу прусской столицы. Рабочие все настоятельнее требовали выдачи оружия, в кругах состоятельного бюргерства все сильнее распространялся страх перед перспективой новой, более глубокой революции. Этот страх усиливал стремление имущих классов к союзу с царизмом как оплотом контрреволюции в Европе.

Штурм цейхгауза

Нараставшее возмущение привело, наконец, 14 июня к открытым уличным столкновениям берлинских рабочих и присоединившихся к ним беднейших ремесленников с отрядами гражданской гвардии и полицией. Одно такое столкновение имело место днем на площади перед королевским дворцом, другое — у Бранденбургских ворот. К вечеру огромная толпа окружила здание цейхгауза, требуя выдачи оружия. Отдельные отряды вооруженных бюргеров безуспешно пытались разогнать собравшихся, и около 8 часов вечера по распоряжению нового командующего гражданской гвардией Блесона барабаны подняли на ноги всех вооруженных бюргеров Берлина.

Первые одиночные выстрелы были сделаны из рядов осаждавших цейхгауз рабочих. Бюргеры ответили ружейными залпами; двое рабочих было убито на месте, двое тяжело ранено. Возмущенные рабочие начали строить баррикады. В окна цейхгауза полетели камни, бревнами были разбиты двери, и масса рабочих хлынула внутрь огромного хранилища оружия. Небольшой воинский отряд, охранявший цейхгауз, был оттеснен на второй этаж. Командир отряда капитан Нацмер был введен в заблуждение криками, что правительство покинуло Берлин и что победа революции обеспечена. Стремясь избежать кровопролития, он скоро вывел свой отряд из цейхгауза, который перешел теперь целиком в руки народа.

Рабочие жадно набросились на оружие. Однако никаких мер для обеспечения столь легко давшейся народу победы не было принято. Власти двинули к цейхгаузу отряды гражданской гвардии и батальон регулярных войск. Солдаты быстро справились с почти безоружными, неорганизованными рабочими. Они очистили от толпы нижний этаж цейхгауза; вооруженные бюргеры вплоть до утра отбирали у рабочих и ремесленников захваченные ими ружья.

Стихийно начавшееся выступление рабочих закончилось, таким образом, полной неудачей. «14 июня народ, возмущенный отрицанием революции соглашателями, ворвался в цейхгауз. Он хотел получить какую-нибудь гарантию против собрания»[2],—писала через несколько дней после этого «Новая Рейнская газета». «Штурм цейхгауза — событие без непосредственных результатов, на полдороге остановившаяся революция»,—указывала далее газета [2].

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 177.
[2] Там же, стр. 179.

ЗАХВАТ БЕРЛИНСКОГО АРСЕНАЛА ВОССТАВШИМ НАРОДОМ

Ксилография 1848 г.

Падение министерства Кампгаузена— Ганземана

Несмотря на полную неудачу, штурм цейхгауза оказал все же определенное влияние на последующее развитие событий: он ускорил падение министерства Кампгаузена — Ганземана, которое в борьбе с демократией давно стало орудием контрреволюционных стремлений аристократической партии, но к середине июня уже перестало быть необходимо ей. С другой стороны, своими мероприятиями оно восстановило против себя не только демократическую левую, но и левый центр Учредительного собрания.

Король и окружавшие его юнкеры связывали со стихийными выступлениями берлинских народных масс свои далеко идущие планы. Еще накануне открытия Собрания, в связи с происходившими тогда демонстрациями против возвращения принца Прусского, Фридрих-Вильгельм IV настойчиво требовал от Кампгаузена выступить «с оружием в руках» против революции. А 13 июня король прямо признавался в письме к Радовицу, что «открытый мятеж» в Берлине «был бы, в конце концов, ему всего милее».

Известие о штурме цейхгауза было встречено в дворцовых кругах с почти нескрываемым восторгом. В Потсдаме, как об этом рассказывал позднее Герлах, давно уже ждали повода для возвращения в Берлин выведенных оттуда ранее воинских частей. В ночь на 15 июня военное командование отдало распоряжение о продвижении к столице кавалерийских частей из Магдебурга и Бранденбурга. Угроза отставки со стороны Кампгаузена и Ганземана заставила короля и камарилью на время отказаться от использования столкновения между рабочими и бюргерами для подчинения демократического Берлина.

Не сумев использовать события 14—15 июня в своих целях, контрреволюционные круги все же добились от либеральных министров проведения в жизнь ряда охранительных мероприятий, в частности призыва под

ружье в берлинском округе трех батальонов ландвера и организации новых полицейских охранительных отрядов («шуцманшафт»). Мероприятия эти вызвали острое недовольство не только среди демократической левой Собрания, но также и среди умеренных депутатов центра. Собрание приняло 16 июня закон о неприкосновенности депутатов и, по предложению вожака левых Вальдека, передало представленный раньше правительством конституционный проект на рассмотрение специальной комиссии, т. е. попросту отвергло его.

Король и контрреволюционная камарилья уже не нуждались больше в услугах Кампгаузена: враги революции в июне 1848 г. повсеместно в Европе готовились к наступлению и в Пруссии могли обойтись без «щита династии» Гогенцоллернов, каким, по словам самого Кампгаузена, на деле являлось его «либеральное», так называемое мартовское министерство. «Не забывайте, дражайший Кампгаузен, что я после этого министерства пойду направо, а не налево»,— писал через два дня после штурма цейхгауза король, прозрачно намекая на то, что он готовится отделаться от созданного в послемартовские дни кабинета.

20 июня Кампгаузен вынужден был подать Фридриху-Вильгельму IV прошение об отставке.

«Министерство Кампгаузена облачило контр-революцию в свой буржуазно-либеральный наряд,—писала «Новая Рейнская газета».—Контр-революция чувствует себя достаточно сильной, чтобы сбросить с себя эту стеснительную маску. Любое нежизнеспособное министерство левого центра может, пожалуй, на несколько дней сменить министерство 30 марта. Но подлинным его преемником является министерство принца Прусского». «Аристократическая партия достаточно окрепла, чтобы иметь возможность выбросить за борт своего покровителя,— указывала далее газета Маркса и Энгельса.— Г-н Кампгаузен посеял реакцию в духе крупной буржуазии, а пожал ее в духе феодальной партии» [1].

После падения мартовского министерства его место, действительно, было занято «нежизнеспособным министерством левого центра», которое возглавил близкий к Фридриху-Вильгельму IV чиновник полулиберал Ауэрсвальд, ставший министром-президентом и одновременно министром иностранных дел. Ганземан остался на посту министра финансов и в новом кабинете, в состав которого вошел также и лидер левого центра Родбертус.

Но новое правительство стало лишь мостом к «министерству принца Прусского». Маркс и Энгельс предсказывали падение кабинета Ганземана: «...чувство жалости охватывает нас, когда мы подумаем, как скоро г. Ганземан слетит с головокружительной высоты»,—иронизировали они в своей газете. «...Кабинет Ганземана падет, несмотря на Родбертуса и не взирая на левый центр» [2].

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 193—194.
[2] Там же, стр. 268.

Глава семнадцатая

ПОЛЬСКОЕ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ И АНТИФЕОДАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПОЗНАНИ И СИЛЕЗИИ В 1848 Г.

После 1846 г. классовый антагонизм среди широких слоев населения Познани и их враждебность к Пруссии усилились: неурожай 1846 г. и голодная зима 1846/47 г. толкнули крестьян и городскую бедноту к активным выступлениям. Весной 1847 г. рабочие Познани, крестьяне в селениях Витково, Тшемешно и в г. Гнезно громили пекарни и магазины, вступая в столкновения с полицией и войсками. Участились и случаи нападения крестьян на помещичьи усадьбы. Агент аристократической парижской эмиграции в Познани Больмин (Чаплицкий) писал в июне 1847 г.: «Крестьяне... жгут, где могут; И. Мицельский уверял меня, что в последнее время не проходит ночи, чтобы он не видел из своего дома 2 — 3 пожаров. Он добавил, что среди крестьян силен дух версальщиков [т. е. «Польского демократического общества»], о чем он имеет достоверные сведения».

Осенью и зимой 1847 г. волнения несколько утихли, но это не внесло существенных изменений в общую напряженную обстановку.

МАРТОВСКИЕ СОБЫТИЯ В ПОЗНАНИ

Начало движения

В первых числах марта 1848 г. в герцогстве Познанском распространились известия о февральской революции во Франции, о возможной войне Пруссии против Франции или России, о готовящемся восстании. 3 марта правительство объявило частичную мобилизацию запасных. В г. Познани ожидали в этот день демонстраций. В деревнях распространялись рукописные и печатные прокламации, призывавшие к восстанию. Одна из таких прокламаций (в стихотворной форме), ставшая весьма популярной, заканчивалась призывом: «Ура, ура, на пруссака! В г. Плешево 16 марта был раскрыт план нападения на местный прусский гарнизон.

Ожидая войны между Пруссией и ее западными или восточными соседями, познанская знать рассчитывала на уступчивость со стороны прусского правительства, считая, что оно будет заинтересовано в этом случае в поддержке поляков. Она мечтала о преобразовании герцогства Познанского в автономное государство, связанное с Пруссией личной и таможенной унией. В эти же дни родилась мысль о посылке адреса Фридриху-Вильгельму IV. Составители адреса в весьма неопределенных выражениях и в униженном тоне сообщали прусскому королю о стремлении польского

народа к независимости. Намеренная неопределенность выражений в адресе позволяла подвести под понятие «независимость» даже ограниченную автономию.

Инициатива посылки адреса принадлежала представителям немногочисленной в Познани либерально-буржуазной интеллигенции — Стефанскому, поэту Бервинскому и адвокату Кротовскому (из полонизированной немецкой семьи Краутгоферов). Их политическая позиция не отличалась определенностью. В решительную минуту они шли навстречу пожеланиям умеренной шляхты или оставались в стороне. После 15 марта проект адреса был разослан в поветы для сбора подписей, но в это время разразились революционные события в Берлине и Познани.

В понедельник 20 марта по городу Познани разнеслись известия о берлинской революции и королевском указе — «патенте» от 18 марта. Патент содержал обещание конституции и объединения Германии, причем включение в Германскую империю герцогства Познанского подразумевалось постольку, поскольку его «выборные представители будут разделять это желание». Под впечатлением этих известий толпы жителей запрудили рыночную площадь. Многие участники этой импровизированной демонстрации надели бело-красные кокарды (национальные цвета Польши). Власти привели в боевую готовность гарнизон и расставили на улицах отряды и заградительные посты. Возбуждение демонстрантов росло с каждой минутой; солдаты начали срывать кокарды и разгонять народ.

В критический момент, когда кровавое столкновение между населением и войсками казалось неизбежным, влиятельные деятели консервативного направления поспешили стать во главе движения, чтобы предотвратить революцию. Бродовский и Матвей Мельжинский, крупнейшие землевладельцы в герцогстве Познанском, вместе со Стефанским и еще несколькими лицами направились к президенту провинции Бойрману. Они убедили его разрешить избрание польской депутации к королю и приказать полиции соблюдать сдержанность. Прусские власти в Познани в первые дни были в замешательстве: ни Бойрман, ни командующий войсками генерал Коломб, не получая никаких инструкций из Берлина, не знали, как им поступить. Напуганные размахом движения, они вынуждены были уступить.

Через несколько часов Стефанский, выступая на митинге в «Базаре» (торговые ряды), предложил избрать Национальный комитет и тут же огласил список кандидатов. В Комитет вошли представители городской буржуазии Стефанский, Бервинский и Кротовский, землевладельцы Матвей Мельжинский и Потворовский, историк Морачевский, ремесленник Андреевский, крестьянин Ян Паляч, три священника, директор земского кредитного общества Яроховский. На следующий день Познанский национальный комитет опубликовал воззвание, которое объясняло образование Комитета желанием «предотвратить напрасное пролитие крови» и призывало население «избегать всяких споров, могущих повлечь за собой кровопролитие».

Освобождение Мерославского

Революция в Берлине освободила польских узников «Моабита». Многотысячная колонна демонстрантов сопровождала Мерославского и Либельта по улицам Берлина. Мерославский выступил с речью, в которой потребовал восстановления самостоятельности Польши и высказался за союз объединенной Германии со свободной Польшей против царской России.

Вечером 20 марта Мерославский беседовал с прусским министром-президентом графом Арнимом относительно возможности войны с Россией и прусско-польском сотрудничестве в этой войне. Мерославский убедился, что рассчитывать на реальную помощь и сотрудничество Пруссии в разрешении польского вопроса нет оснований и что поляки должны готовиться

ЛЮДВИК МЕРОСЛАВСКИЙ

Литография Бекк

Собрание Института Маркса — Энгельса — Ленина. Москва

к самостоятельному выступлению. 21 марта, по инициативе Мерославского, в Берлине был создан Польский революционный комитет (Мерославский, Либельт и представители демократической части польской колонии в Берлине) для подготовки польского восстания.

Однако намерения этого Берлинского комитета были тотчас же нарушены соглашательской тактикой Познанского комитета, в котором взяли верх консервативные элементы в лице помещиков Мельжинского и Потворовского.

Деятельность Познанского комитета

Познанский комитет поставил перед собой две задачи: во-первых, заранее возглавить начинающееся движение в провинции, чтобы повести его в желательном для себя направлении — лойяльном по отношению к Пруссии; во-вторых, убедить прусское правительство дать согласие на предоставление герцогству Познанскому автономии.

Познанский комитет направил во все концы герцогства уполномоченных для оповещения о создании Комитета и для организации подобных же комитетов на местах. Он должен был торопиться: известия о событиях

в Берлине и в г. Познани быстро распространились по всей провинции и вызвали почти повсеместно выступления против прусских властей. Так, например, в городках Курник и Бнин вечером 20 марта народ начал уничтожать прусские государственные гербы во всех правительственных учреждениях. В Милославе толпа ворвалась в магистрат и уничтожила все документы, причем в стычке с войсками было ранено двое жителей. Под Гостынем поляки разоружили отряд резервистов-пруссаков. Крестьяне, вооруженные косами и вилами, захватили 21 марта г. Тшемешно и на следующий день вошли в г. Могильно. Повстанцы разоружили в Могильно жандармов, оружие отдали гражданской гвардии, а сами двинулись дальше. Тогда в город прибыл драгунский эскадрон, но крестьяне соседних деревень окружили город и потребовали вывода кавалеристов, что и было немедленно исполнено.

Восставшие польские крестьяне и ремесленники перехватывали почту, конфисковывали денежные суммы административных учреждений, формировали отряды для похода на г. Познань для борьбы с прусскими войсками.

Познанский комитет через своих уполномоченных, опираясь на умеренные элементы, делал все, чтобы не дать разгореться всеобщему восстанию. В Курнике, в Вжесне, в Рогозне уполномоченные Комитета задерживали крестьянские отряды, направлявшиеся в г. Познань, предупреждали столкновения на местах, уговаривали восставших вернуть властям захваченные деньги.

В поветовых (уездных) городах и крупных селениях по инструкции Познанского комитета создавались местные национальные комитеты, во главе которых поставлены были представители более умеренных элементов. Таких комитетов было создано около 70. Ими руководил Познанский комитет, получивший наименование Центрального; комитеты на местах формировали вооруженную гражданскую гвардию. В некоторых пунктах изгонялись ландраты и другие административные лица, и власть фактически переходила к польским комитетам; в других — ландраты оставались при исполнении своих обязанностей и имели, таким образом, возможность исподволь подготовиться к борьбе с польским движением.

Усилиями Познанского комитета и землевладельческой шляхты польское движение было почти с самого начала втиснуто в легальные рамки.

Познанская депутация в Берлине

22 марта в Берлин прибыла депутация из Познани для представления королю польских требований. Депутация состояла из нескольких человек,— в том числе Мельжинского, Бродовского, графа Рачинского, Кротовского, Паляча (в качестве представителя познанского крестьянства) и др. Главой делегации был архиепископ Пшилуский. В Берлине депутация встретилась с представителями Польского революционного комитета и сразу же потребовала его роспуска, чтобы стать единственным представительным органом польского населения Познани. Польский революционный комитет, оторванный от Познани, плохо разбиравшийся в происходящих там событиях и к тому же верный традициям, присущим даже радикальным шляхетским кругам, именно традициям «национального единства»,— уступил. Таким образом, Познанский комитет в лице своей прибывшей в Берлин депутации остался единственным политическим руководителем польского национально-освободительного движения.

У депутации были развязаны руки. Пшилуский, Мельжинский, Бродовский отказались от подачи королю первоначального адреса, в котором, хотя и в весьма неопределенном смысле, все же говорилось о независимости Польши. Королю подана была петиция, содержавшая только

Составил А. Левандовский

ПОЗНАНЬ В 1848 Г.

просьбу о «национальной организации великого герцогства Познанского». Практически дело свелось к двум требованиям: к организации польского военного корпуса в Познани и к назначению поляков на административные и другие должности в герцогстве. Уступчивость депутации вызвала всеобщее недовольство в Познани, и даже внутри самого Комитета она встретила оппозицию, быстро, впрочем, преодоленную. В ходе переговоров правительство приняло все пожелания депутации. Указ 24 марта и письмо министра внутренних дел от 26 марта содержали обещание создать комиссию для проведения соответствующих преобразований в великом герцогстве Познанском.

Политическая линия Познанского комитета

Познанский комитет одобрил образ действий депутации. Незначительные уступки со стороны прусского правительства он готов был считать первыми шагами к восстановлению польской государственности. Это вызывалось двумя мотивами: во-первых, желанием поскорее положить конец народному движению, во-вторых, совпадением политических требований депутации с политической платформой самого Комитета. Последний исходил из убеждения в неизбежности войны между Пруссией и Россией и, надеясь на восстановление независимости после войны, считал, что полякам не следует обострять отношений с прусским правительством.

В первые дни восстания Познанский комитет мог бы без труда взять власть в свои руки, если бы только он этого пожелал.

Ежедневно 20—30 тыс. крестьян и ремесленников, вооруженных косами и топорами, стекались в город Познань и ждали лишь сигнала от Комитета. Демократические элементы убеждали Комитет захватить познанскую крепость, гарнизон которой был малочислен, а солдаты-поляки обещали поддержать повстанцев внутри крепости. Но Комитет отмалчивался или отклонял подобные предложения. Он отказался удовлетворить просьбы вооружить народ, ссылаясь на недостаток оружия. Захват крепости, по мнению членов Комитета, был несвоевремен, так как мог скомпрометировать депутацию, направленную к королю из Познани.

Познанский комитет, получив от депутации уведомление о принципиальном согласии прусского правительства на организацию польского корпуса, тотчас же приступил к вооружению отдельных отрядов. При Комитете был создан особый военный отдел. Одновременно было отдано распоряжение объявить о наборе добровольцев в польский корпус, что было встречено шляхтой благожелательно. Практически это решение означало передачу шляхте руководящей роли в деле формирования отрядов, их обучения, собирания среди населения денежных средств на их содержание. Шляхта в связи с этим получала возможность подчинить себе до 25 тыс. крестьян и ремесленников, которые при других обстоятельствах могли бы причинить ей немало беспокойства. Создание национального корпуса открывало дворянской молодежи доступ к офицерским должностям и обещало улучшить ее материальное положение.

Аграрная программа Познанского комитета

Но чтобы привлечь крестьян в польские воинские части, необходимо было выступить с определенной аграрной программой. 25 марта Познанский комитет опубликовал соответствующее воззвание: все вступающие в ряды войск крестьяне-собственники будут освобождены от всех повинностей; крестьяне Царства Польского освобождаются от барщины и получат землю в собственность; безземельным крестьянам будет оказано содействие в приобретении земли; кроме того, все они освобождаются в течение всего времени службы от податей.

Широковещательность этих обещаний, очевидно, смутила Познанский комитет, и через несколько дней, 1 апреля, появилось второе воззвание,

конкретизирующее и вместе с тем ограничивающее первое. В нем устанавливалось, что крестьяне-собственники, вступившие в ряды войска, освобождаются лишь от денежного чинша (в первом варианте — от всех повинностей); семьи батраков, коморников и других категорий безземельных крестьян, служащих в помещичьей усадьбе, в случае ухода главы семьи в войско, получат продовольствие и $^1/_3$ денежного вознаграждения; «после окончания войны [за освобождение Польши]... семьи погибших, равно как и оставшиеся в живых, получат вознаграждение от народа путем раздачи крестьянам земельных владений из государственных имуществ...»

Оба документа, особенно второй, свидетельствовали об отрицании Познанским комитетом требований «Демократического общества» — безоговорочной отмены всех повинностей и немедленного наделения крестьян землей.

Тем не менее крестьянство, преимущественно безземельное и малоземельное, по численности занимало первое место в формируемых отрядах. Крестьяне вступали в войско отнюдь не потому, что их удовлетворяла программа Познанского комитета, но потому, что они уверены были в неизбежности вооруженной борьбы с прусским правительством и рассчитывали с оружием в руках добиться осуществления своих требований.

Формирование польских повстанческих отрядов

В первые дни восстания городские «низы», преимущественно ремесленники и мелкие лавочники, также приняли активное участие в развернувшихся событиях. 20 и 21 марта они, совместно с крестьянами, подняли восстание в Курнике, Милославе, Гродзиске и других местах; таким образом, народные массы выступили еще до того, как Познанский комитет и местная шляхта возглавили движение. Один из уполномоченных Познанского комитета, В. Косинский, писал из Вжесни: «И здесь, как обычно, мещане отличаются глубочайшим патриотизмом».

Землевладельческая шляхта, как уже говорилось выше, заняла в движении руководящее положение. Из 52 поветовых комиссаров и организаторов отрядов только несколько человек не были помещиками. В обстановке всеобщего подъема и возбуждения помещики не могли уклониться от оказания материальной поддержки тем отрядам, которые они возглавляли, но они делали это зачастую весьма неохотно. Комиссар Плешевского повета Жихлинский, например, жаловался Познанскому комитету, что «имеется чересчур много таких помещиков, которые до сих пор не могут понять истинного положения и своих святых обязанностей...». Познанский комитет обратился по этому поводу со специальным посланием к плешевской шляхте. Текст этого послания не оставляет сомнений, что оно предназначалось не только для плешевского повета, но имело в виду привлечь внимание всей познанской шляхты к происходившим событиям. Послание указывало на опасность «равнодушия, холодности, а быть может, и недоброжелательности тех именно граждан, которым... следовало бы руководить остальной частью народа». «Ибо для кого же родина была более заботливой и щедрой матерью, если не для вас, граждане помещики, и для кого же открывается широкое, светлое будущее, если не для вас, граждане помещики? И вот смотрите! Наш бедный люд, почти всегда угнетенный и униженный, по первому призыву массами вступает в войско. Ради любви к отчизне.... ради ваших собственных интересов... мы взываем к вам: становитесь сами во главе этого люда... для того, чтобы обманутый в своих ожиданиях народ не обрушил меча возмездия на ваши головы».

Среди поветовых комиссаров и военных организаторов имелись и такие люди, которые непрочь были сдерживать приток крестьян в воинские

лагери, в особенности приток поляков — участников прусского ландвера. Значительное число призванных в ландвер поляков отказалось выполнить приказ о мобилизации, и многие из них готовы были вступить в польские отряды. Казалось бы, что военные организаторы могут только выиграть, приобретая в лице призывников ландвера людей, прошедших военную службу. Однако на деле начальники и организаторы отрядов часто уклонялись от приема призывников под национальные польские знамена. Владислав Косинский из Вжесненского повета писал Познанскому комитету, что призывники могут быть полезны только в том случае, «если их немедленно повести против неприятеля»; но, указывал он, «мобилизация массы людей без достаточной необходимости в период важнейших полевых работ только деморализует крестьянство».

ВОССТАНИЕ В ПОЗНАНИ

Возвращение Мерославского в Познань

28 марта в герцогство Познанское прибыл из Берлина Людвик Мерославский, с энтузиазмом встреченный городским населением Познани. Мерославский был включен в состав военного отдела при Познанском комитете и сразу же взялся за организацию военного обучения, за вооружение собранных отрядов, их размещение и т. д.

С приездом Мерославского политическая обстановка в Познани усложнилась. Разногласия между Познанским комитетом и Мерославским рано или поздно должны были привести к открытому конфликту между двумя лагерями в польском национально-освободительном движении.

Как и в 1846 году, шляхта относилась к Мерославскому с недоверием. Вместе с ним в Познань возвращался ненавистный познанским помещикам дух шляхетской демократии с ее программой социальных преобразований. Поведение Мерославского в берлинском суде создало ему среди шляхты многочисленных врагов, и если Мерославский по приезде занял видное положение в военном отделе Познанского комитета, то это объяснялось отнюдь не личными симпатиями к нему познанской верхушки, а вынужденной уступкой шляхты народным массам, у которых Мерославский снискал широкую популярность.

Мерославский скептически расценивал готовность познанской шляхты принять активное участие в восстании. Но наряду с этим он выражал необоснованнное сомнение в национально-патриотических убеждениях крестьянства, полагая, что крестьяне, поглощенные исключительно мыслью о земле, о борьбе с помещиками, не доросли еще до «национальной революции». Оставалась, по мнению Мерославского, еще «третья сила» — демократическая эмиграция, которая, как он полагал, должна была возглавить движение и повести за собой народ.

Концепция Мерославского была явно ошибочна. Он перенес в познанские условия основные идеи демократической эмиграции и тем оттолкнул от себя большинство шляхты; рассчитывая только на очень небольшую группу преданных ему эмигрантов, он был далек от верившего в него народа.

Мерославский приехал в Познань с планом, воспроизводившим в основных чертах военно-политическую программу демократической эмиграции. Ситуация, сложившаяся в Пруссии и Познани после мартовской революции, побудила его внести в этот план некоторые изменения. Первоочередной задачей Мерославский считал формирование и обучение польской армии, предназначенной не только для вступления в Царство Польское, но и на случай борьбы против Пруссии.

BULLETIN DE POSEN.

AU PEUPLE FRANÇAIS.

Depuis les nouvelles de Cracovie publiées par les journaux, voici ce que nous recevons de Posen, en date du 2 mai 1848.

La loyauté du gouvernement prussien se dévoile dans toute sa hideuse nudité. Après un piége infâme tendu à la bonne foi des Polonais de Posen, il livre aujourd'hui toute la province à une affreuse boucherie. Presque entièrement dépourvus d'armes, cernés de toute part par des forces écrasantes, les Polonais sont réduits à une lutte sans espoir. Peut-être même succomberont-ils dans cette lutte inégale, si la France républicaine les abandonne comme les abandonna la France royaliste. Mais ils n'en vendront pas moins cher leur vie; ils y sont résolus, et déjà ils l'ont prouvé à Odolanôw, à Raszkow, tout récemment à Xionz. La petite ville de Xionz est, comme on le sait, un des points désignés par la convention passée entre le général Willisen et le comité national de Posen, où devaient se réunir des volontaires de la future armée polonaise. Il s'y était donc formé un petit camp de sept cents hommes, dont à peine le tiers avait des armes à feu. Samedi, 29 avril, le camp de Xionz fut attaqué par un corps de 6,000 soldats prussiens. Ils étaient dix contre un! La lutte s'engagea, terrible et sanglante; elle dura quatre heures! Trois fois les hussards et les cuirassiers furent repoussés avec perte; les Prussiens démasquèrent alors leur artillerie, et un affreux carnage commença. Trois cents Polonais sont morts en héros; la ville de Xionz n'est plus qu'un monceau de cendres; les débris du camp polonais se sont retirés sur Nowé-Miasto.

Dans tous ces engagements, les quelques émigrés qui ont pu parvenir jusqu'au camp se distinguèrent par leur héroïsme. Ainsi, à Xionz, le major Dombrowski, commandant du camp, atteint d'un premier coup de feu qui lui fracassa la mâchoire, et d'un second qui lui creva un œil, ne cessa de combattre jusqu'au moment où une troisième balle lui traversa la poitrine.

La plume ne suffirait pas d'ailleurs à retracer les meurtres et les excès sans nombre commis sur des gens isolés dans les campagnes. Pour n'en citer qu'un seul exemple, un sous-officier prussien, accompagné de dix hussards, entra dans la demeure d'un patriote éprouvé, Félix Sadowski, condamné à mort, il y a deux ans, puis délivré pendant la révolution de Berlin: «Êtes-vous Sadowski, le condamné à mort?» lui demanda-t-il. «Oui,» lui répondit Sadowski; et, à ce mot, le sous-officier prussien lui lâcha un coup de pistolet à bout portant, et l'étendit roide mort à ses pieds. Ces atroces violences se répètent chaque jour sur des gens désarmés, des femmes, des vieillards. La soldatesque prussienne semble vouloir surpasser la barbarie moscovite, et les autorités civiles se font un jeu de l'y provoquer. Que le gouvernement prussien s'en réponse s'il le veut, qu'il se mette lui-même au pilori, l'Europe saura le juger!

Les émigrés polonais qui se trouvent en Prusse, sont saisis par la police, et forcément conduits aux forteresses de Magdebourg et de Minden; déjà même une colonne de ceux qui ont quitté Cracovie vient d'y être envoyée.

P. S. «Nous apprenons à l'instant que le général Colomb a fait attaquer le camp de Miloslaw, commandé par Mierosławski; la lutte a été terrible; les Prussiens ont été repoussés trois fois; 1,200 hommes sont tombés des deux côtés. Mais la victoire, dit-on, est restée aux Polonais; ils sont restés maîtres de Miloslaw, et se sont avancés jusqu'à Szroda. On dit même que 800 soldats polonais, au service de la Prusse, sont passés du côté des Polonais.»

D'après les dernières nouvelles que nous avons reçues, l'insurrection ou plutôt la croisade, est proclamée dans le grand duché de Posen. Qu'en dites-vous, Peuple français? Est-ce enfin, oui ou non, le moment de secourir la Pologne?

Les Membres de la Commission exécutive de la Société démocratique polonaise,

STANISLAS WORCELL, TECLAW, WROBLEWSKI, STACHERSKI, E. KORABIEWICZ.

Paris. — Imprimerie de L. Martinet, rue Jacob, 30.

ОБРАЩЕНИЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ ПОЛЬСКОГО ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА К ФРАНЦУЗСКОМУ НАРОДУ 10 МАЯ 1848 Г. АФИША

Собрание Института Маркса — Энгельса — Ленина. Москва.

Познанский комитет и прусское правительство

В противоположность Мерославскому Познанский комитет не видел необходимости в образовании крупной польской армии, воодушевленной к тому же демократическими и патриотическими лозунгами. Наличие такой армии могло бы вызвать новый подъем движения и столкновение с Пруссией, что вовсе не входило в намерения Познанского комитета. Познанская шляхта рассматривала польские отряды только как внешнеполитический фактор на случай войны с Россией, в лучшем же случае — как средство давления на прусское правительство при проведении обещанной национальной реорганизации. Уже в первые дни восстания Познанский комитет нетерпеливо ожидал войны между Пруссией и Россией, чтобы направить революционное возбуждение польских масс против России. Чтобы ускорить прусско-русскую войну, Познанский комитет еще 25 марта отдал приказ начальникам двух отрядов — Гарчинскому и Бялоскурскому — подготовиться к переходу русской границы и вторжению в Царство Польское. Задача отрядов состояла не столько в том, чтобы поднять восстание в Царстве Польском, сколько в том, чтобы войти в соприкосновение с русскими войсками, а затем отступить в Познань, завлекая русские войска на прусскую территорию. В этом случае желанный вооруженный конфликт между Пруссией и Россией казался Комитету неизбежным.

Сколь ни заманчивой представлялась Мерославскому мысль о войне с Россией, он, по приезде в Познань, тотчас же настоял на отклонении этого абсурдного плана. В познанских отрядах едва насчитывалось в те дни 6—7 тыс. необученных и плохо вооруженных людей, а между тем в герцогстве находился корпус прусской армии под командованием генерала Коломба, и прусское правительство, понятно, немедленно воспользовалось бы этой авантюрой, чтобы начисто смести завоевания познанских поляков, которых они добились в мартовские дни. Таковы были аргументы Мерославского, с которым Познанский комитет не мог не согласиться.

До поры до времени взаимоотношения Познанского комитета с Мерославским с внешней стороны представлялись нормальными, но внутренне они были совершенно чужды друг другу. Познанский комитет формировал польский корпус герцогства Познанского, Мерославский — польскую повстанческую армию. Познанский комитет основывался на официальных действиях прусского правительства, Мерославский — на бездействии прусских властей в Познани. Иными словами, Комитет интересовался только разрешением познанского вопроса, а Мерославский имел в виду разрешить польский вопрос в целом. Но ошибкой Мерославского было то, что он не разоблачал истинных намерений Пруссии и даже убеждал своих сторонников не обострять отношений с прусскими властями, а главное — не заботился о вовлечении в борьбу широких слоев населения.

Прусское правительство воспользовалось передышкой лучше, чем Познанский комитет и Мерославский. Когда оно убедилось, что члены Познанского комитета и Мерославский со своими сторонниками с недоверием относятся друг к другу и не помышляют вовсе — каждый по своим мотивам — о возобновлении борьбы против Пруссии, оно взяло инициативу в свои руки, чтобы уничтожить все труды Мерославского с помощью Познанского комитета, а затем развязаться со всеми обещаниями Комитету и с ним самим. 3 апреля правительство объявило герцогство на осадном положении. Через несколько дней туда направлены были дополнительные воинские части. Генерал Коломб получил в свое распоряжение армию в 30 тыс. человек, из которых 10 тыс. были оставлены в самом г. Познани, а остальные были крупными отрядами размещены по всей территории

герцогства. Становилось все более очевидным, что прусские войска ищут столкновения и готовятся к разгрому познанского национально-освободительного движения.

Мерославский в течение нескольких дней, с 3 по 9 апреля, постарался сосредоточить рассеянные в провинции мелкие повстанческие отряды в четырех лагерях: во Вжесне, Ксенже, Плешеве и в Месцисках, расположенных в восточной части герцогства. Вжесненский лагерь под командованием Гарчинского насчитывал более 2500 человек; Ксенжским лагерем командовал полковник Будзишевский, в распоряжении которого находилось около тысячи человек. Столько же людей находилось в Плешевском лагере под командованием Бялоскурского и в Месцисках под начальством эмигранта Флориана Домбровского. Вразрез с распоряжениями Мерославского, при скрытом попустительстве со стороны Познанского комитета, полковник Бжежанский организовал еще один — пятый — лагерь в Сьроде, самый многочисленный, насчитывавший до 4—5 тыс. человек. Следует заметить, что некоторое количество местных отрядов все же осталось за пределами лагерей, так что общая численность польских отрядов превышала 9—10 тыс. человек.

Офицерский состав набирался преимущественно из рядов местных польских помещиков. Мерославский старался влить в ряды офицерства эмигрантов, на которых он мог полагаться с большей уверенностью. В первых числах апреля в Познани насчитывалось уже несколько десятков эмигрантов, прибывших из Франции и других мест. Но все высшие и большинство средних офицерских должностей были заняты сторонниками Познанского комитета. Из пяти комендантов лагерей двое — Гарчинский и Бжежанский — были враждебно настроены по отношению к Мерославскому, Бялоскурский держался неопределенно, Будзишевский как начальник был ничтожеством; только Домбровский безусловно поддерживал Мерославского. Офицерство в большинстве относилось неблагожелательно к Мерославскому и саботировало его распоряжения.

Зато моральный дух рядовых повстанцев всех лагерей — крестьян и ремесленников — был превосходен. Повстанцы восприняли сосредоточение их в лагерях как предвестие скорой встречи с прусскими войсками. При каждой тревоге люди бросались вперед, готовые «идти на немца».

В то время как прусские власти самым недвусмысленным образом готовились разгромить польское движение, Познанский комитет ждал приезда королевского комиссара для завершения переговоров о «национальной реорганизации Познани». Еще 28 марта Комитет назначил особую Реорганизационную комиссию в составе восьми поляков и двух немцев. От поляков в Комиссию вошли Либельт, Мельжинский, Бродовский, Потворовский, судья Грегор, депутат прусского ландтага от Познани А. Крашевский и другие. В Комиссии, таким образом, преобладали консерваторы. Она немедленно отправила в Берлин через Бойрмана проект реорганизации Познани. Проект содержал примерно те же пункты, на которых во время переговоров с королем настаивала познанская депутация в Берлине: формирование особого польского корпуса, перевыборы ландратов и окружных комиссаров, назначение гражданским комиссаром поляка, признание польского языка официальным языком в герцогстве Познанском.

Не получив ответа на свой проект, Познанский комитет направил 2 апреля в Берлин новую депутацию. В Берлине депутация застала князя Адама Чарторыйского, прибывшего в прусскую столицу со специальной целью — выяснить позицию прусского правительства по отношению к России. Встречи Чарторыйского с членами познанской депутации обнаружили

полное совпадение их взглядов на познанское восстание. Вождь аристократического крыла эмиграции считал, что познанское движение имеет смысл только в союзе с Пруссией, что в противном случае оно неизбежно развяжет крестьянские восстания. В одном существенном пункте Чарторыйский шел дальше самого Познанского комитета: он требовал от прусского правительства предоставления автономии Познани по типу Царства Польского (в 1815—1830 гг.), тогда как Комитет готов был удовольствоваться одним только правом самоуправления.

Депутации нечего было делать в Берлине, так как король уже назначил особого комиссара генерала Виллизена, которому и надлежало в Познани вести переговоры о предстоящей реорганизации герцогства. Виллизен считался сторонником войны с Россией, и его назначение нашло сочувственный отклик среди познанских поляков. 5 апреля он прибыл в Познань в самый разгар военных приготовлений генерала Коломба против поляков. С формальной стороны Виллизен располагал широкими полномочиями, но военные власти не были ему подчинены и действовали согласно инструкциям правительства.

Переговоры с Виллизеном

Немедленно по приезде Виллизен обратился к польскому населению с воззванием, в котором подтвердил данные ранее обещания о введении в Познани польской администрации; одновременно он потребовал роспуска местных польских комитетов и польских «нерегулярных» воинских отрядов. В этом случае он гарантировал повстанцам амнистию.

Воззвание возбудило всеобщее недовольство поляков. Шляхта была оскорблена и встревожена тем, что под сомнение ставилась ее, так сказать, лойяльность; народные массы были возмущены требованием разоружения. Познанский комитет, застигнутый воззванием врасплох, решил теперь опереться на польские отряды. Комитет полагал, что самый факт существования польской вооруженной силы укрепит позиции познанских поляков в предстоящих переговорах с Виллизеном, и поэтому спешно разослал в провинциальные комитеты и военным организаторам в поветах распоряжения о сосредоточении в лагерях возможно большего числа людей. Комитет, разумеется, не преминул объяснить местным властям действительные цели этой демонстрации. Но польские крестьяне, не зная об истинных намерениях Комитета и будучи убеждены, что их собирают для борьбы с прусскими войсками, охотно откликнулись на призывы Комитета. В течение двух-трех дней численность повстанцев в лагерях возросла с 9—10 тыс. до 15—20 тыс. человек.

Для ведения переговоров Комитет выделил комиссию из пяти человек: Потворовского, Мельжинского, Либельта, Стефанского и каноника Бжезинского. Совещания с Виллизеном начались 6 апреля. Виллизен настаивал на роспуске польских отрядов как предварительном условии обсуждения вопросов, связанных с реорганизацией Познани. Познанский комитет был готов пойти на уступки. Со всех сторон он получал донесения, что прусские войска занимают города и селения, разгоняют местные польские комитеты и окружают лагери. Никто не сомневался, что пришло время решить: воевать или капитулировать.

Единодушия по этому вопросу в Познанском комитете не было. Потворовский, Мельжинский и другие, располагая, как всегда, большинством, склонялись к принятию условий Виллизена. Мерославский был за сопротивление. Его поддерживал, хотя и очень нерешительно, Либельт. Мерославский требовал, чтобы ему было вручено командование над всеми лагерями. Комитет противился этому. Тогда 8 апреля Мерославский покинул Познань и отправился в лагери. Своей штаб-квартирой он сделал г. Милослав.

В следующие 48 часов произошли три события, заставившие Комитет покончить с колебаниями.

Во-первых, 9 апреля был получен ответ прусского правительства на представления Виллизена. Правительство решительно требовало разоружения отрядов польских повстанцев. Виллизен, поставив об этом в известность Комитет, опубликовал воззвание, в котором говорилось, что лица, негодные к военной службе или числящиеся в ландвере, должны покинуть лагери; остальные получат право вступить в польскую познанскую дивизию, которая будет сформирована. Такая постановка вопроса дала Комитету «благовидный» предлог для принятия требований Виллизена.

Во-вторых, 10 апреля Мерославский явился во Вжесненский лагерь и потребовал от Гарчинского признания его, Мерославского, главнокомандующим всеми польскими отрядами. Пока Гарчинский тянул с ответом, рядовой состав лагеря единодушно провозгласил Мерославского вождем восстания.

В-третьих, в тот же день, 10 апреля, имело место нападение прусских войск на г. Тшемешно, где находился польский отряд под начальством майора Слубицкого. Это была первая крупная стычка прусских войск с польскими повстанцами. Она означала формальное открытие военных действий со стороны прусских властей.

Ярославецкая конвенция и ее последствия

При таких обстоятельствах Познанский комитет выразил свое формальное согласие на условия, предложенные Виллизеном, и поручил Либельту, Стефанскому и Радонскому (поветовому комиссару в Сьроде) заключить с ним соглашение. Оно было составлено и подписано в Ярославце 11 апреля и известно под названием Ярославецкой конвенции. При ее обсуждении присутствовали, кроме упомянутых трех делегатов, также Мерославский и два-три представителя от лагерей.

Согласно конвенции, все польские отряды должны были быть разоружены и распущены. Сохранялись лишь 4 лагеря: во Вжесне, Ксенже, Плешеве и Милославе. Лагерь в Тшемешно упразднялся, в Месцисках лагерь был упразднен еще до заключения конвенции. В каждом лагере разрешалось оставить не более 600—700 человек. Таким образом, численность польских отрядов сокращалась до 2400—2800 человек. Эти люди считались как бы ядром будущей польской дивизии.

В последующие дни делегаты Познанского комитета должны были посетить лагери, чтобы осведомить повстанцев о принятых решениях и провести «демобилизацию». Задача эта была нелегкой, так как повстанцы приняли известие о конвенции с огромным возмущением, как предательство национально-польских интересов и позорную капитуляцию перед многовековым врагом.

В Сьродском лагере возмущенные крестьяне (так называемые «косиньеры») едва не убили Либельта, выступившего с объяснениями по поводу конвенции. Во Вжесненском лагере бо́льшая часть повстанцев отказала Гарчинскому в повиновении и намеревалась двинуться в Милослав к Мерославскому. На все увещания Гарчинского повстанцы отвечали: «С самого начала, как только наши предводители стали вести переговоры с пруссаками, мы были убеждены, что готовится измена, и теперь мы видим ее последствия».

В Плешевском лагере опасались прямого выступления рядовых повстанцев против своих офицеров; дело дошло здесь даже до того, что введено было патрулирование для наблюдения за косиньерами.

Когда приступили к роспуску людей, руководство лагерей встретилось с новыми затруднениями: многие повстанцы не хотели покидать лагери.

«Демобилизованным» выплачивалось денежное пособие, но и это не способствовало увеличению числа желающих покинуть отряды. Нередко уходящие из лагеря крестьяне подвергались в дороге нападению со стороны прусских войск, и часть их возвращалась обратно. Упорное желание сражаться с пруссаками побуждало многих «демобилизованных» вступать в другие лагери или формировать самостоятельные отряды. Для борьбы с такими «рецидивистами» прусские власти в отдельных случаях прибегали даже к клеймению пойманных повстанцев.

Познанский комитет делал все, чтобы ускорить роспуск лагерей. 16 апреля он опубликовал воззвание, в котором обещал бесплатно наделить землей в размере 3 моргов ($1^1/_2$ га) всех безземельных крестьян, добровольно покинувших лагери.

Совершенно иную позицию занял офицерский состав лагерей. Большинство офицеров-шляхтичей высказывалось в пользу конвенции. Некоторые офицеры торопились покинуть лагерь и отправиться по домам. Ими руководил и страх перед крестьянами и нежелание воевать с пруссаками. Впрочем, и оставшиеся на своих постах были ненадежны; впоследствии они создали много затруднений Мерославскому.

В эти критические дни Мерославский допустил две ошибки, органически связанные одна с другой и вытекавшие из его своеобразного положения в политических кругах Познани.

Первая ошибка состояла в том, что он согласился с Ярославецкой конвенцией. Правда, он сделал из нее свои выводы. 11 апреля уполномоченные Познанского комитета, подписавшие Ярославецкую конвенцию, назначили Мерославского начальником штаба польских отрядов, т. е. фактически главнокомандующим. В тот же день Мерославский направил начальникам лагерей секретное предписание организовать в окрестностях лагерей из «демобилизованных» нелегальные резервные отряды той же численности, что и в лагерях, и постепенно заменять ими оставшийся в лагерях состав. Таким способом он предполагал удвоить или даже утроить число отрядов, внешне не нарушая подписанной в Ярославце конвенции.

Но Мерославский не решился прямо призвать к борьбе с Пруссией, хотя и располагал почти 20-тысячным отрядом повстанцев и безусловно мог рассчитывать на всеобщее восстание. В первые недели апреля волнением была охвачена вся провинция. Во многих деревнях население поголовно вооружалось косами и уходило в леса, ожидая набатного призыва. В Косцянском повете крестьяне массами ковали косы. Когда в деревне Келчево жандарм отобрал у одного крестьянина оружие, в окрестные деревни полетели посланцы, и вскоре же в Келчево сошлись сотни крестьян. «Мы жизнью не дорожим, лишь бы немцы над нами не пановали», — говорили они.

Но Мерославский, органически не связанный с познанским крестьянством, попрежнему сомневался в силе его патриотического подъема. Офицерство покидало его. К тому же он сам был скорее кабинетным политиком и стратегом, чем народным вождем. Он недооценивал партизанского движения.

Вторая ошибка Мерославского состояла в том, что он занял пассивно-оборонительную позицию. Решив соблюдать Ярославецкую конвенцию, Мерославский наивно полагал, что тем самым он надолго лишил прусские власти возможности спровоцировать столкновение. Он ждал изменений в международной обстановке и рассчитывал использовать передышку, чтобы подготовить небольшую, но хорошо обученную польскую армию. Его политическая деятельность ограничилась лишь одной борьбой с Познанским комитетом.

С заключением Ярославецкой конвенции начался второй период в истории познанского восстания.

Бесчинства прусских войск, ободренных Ярославецкой конвенцией и ослаблением польских сил, с одной стороны, и возросшее недоверие к шляхте и ее политике — с другой, еще больше усилили антипрусские настроения среди крестьянства. Усилился не только социальный, но и политический антагонизм между крестьянством и шляхтой. Местная польская шляхта и ее орган — Познанский комитет — открыто отказались от национально-освободительной борьбы за независимость Польши, т. е. от разрешения польского вопроса в целом, и ограничились одним лишь познанским вопросом.

После заключения Ярославецкой конвенции единственным смыслом существования Познанского комитета было скорейшее введение в герцогстве самоуправления. Но, вступив в сговор с прусским правительством, Комитет неизбежно попадал в зависимость от милостей прусского правительства и его представителей в Познани. Познанская шляхта и, в частности, старшие офицеры в польских лагерях целиком разделяли желание Комитета быстрее покончить с создавшимся положением. В такой атмосфере Виллизен мог надеяться на роспуск оставшихся в лагерях людей.

13 апреля Гарчинский получил от Виллизена приказ оставить Вжесню и готовился выполнить его. 14 апреля к Вжесне подошли прусские войска. Однако Мерославский приказал Гарчинскому оказать сопротивление пруссакам и сам поспешил к Вжесне, но прежде чем он успел подойти, Гарчинский оставил Вжесню и перешел в г. Нове Място. Между тем Стефанский в качестве уполномоченного Познанского комитета договорился с высшими офицерами — начальниками лагерей — относительно роспуска последних. Бжежанский, Будзишевский и Бялоскурский охотно дали свое согласие на это. 16 апреля Стефанский направился в Ксенжский лагерь, чтобы предложить солдатам разойтись по домам. Но попытка Стефанского была предупреждена Мерославским.

17 апреля в деревне Виташицы Виллизен и Стефанский собрали высших польских офицеров, чтобы принять официальное решение о роспуске лагерей. Но приход на это собрание Мерославского расстроил планы Комитета и связанных с ним капитулянтов. Тем не менее Гарчинский, Бжежанский, Бялоскурский остались на своих постах; лишь вместо Будзишевского комендантом Ксенжского лагеря был назначен Домбровский.

Одновременно с капитулянтскими действиями Познанского комитета в самом герцогстве представители комитета (Потворовский, Мельжинский, Крашевский) вели в Берлине переговоры с прусским правительством. В первую очередь берлинские представители Комитета потребовали назначения президентом провинции поляка и отзыва из герцогства генерала Коломба и других представителей прусской военщины. 16 апреля Потворовский просил прусское правительство о предоставлении Виллизену более широких полномочий. Ярославецкая конвенция была утверждена королем. Но одновременно с этим был издан королевский указ, согласно которому из «реорганизации» исключались четыре западных повета герцогства и так называемый Нотецкий округ (шесть поветов в северной части провинции), ввиду якобы преобладания здесь немецкого населения. Так была впервые установлена демаркационная линия между «немецкой» и польской частями герцогства.

Таким образом, все старания Познанского комитета оказались напрасными. Виллизен выполнил возложенную на него задачу разоружения польских повстанцев и был отозван в Берлин. Комитет остался у разбитого корыта, покинутый своим прусским «покровителем».

В самом герцогстве дела складывались для поляков все хуже и хуже. Немецкие бюргеры и богатые крестьяне, подстрекаемые прусскими властями, открыто выступали против «реорганизации». Они формировали отряды, нападавшие на польское население. Прусские власти теснили и преследовали поляков. Прусские войска, пренебрегая Ярославецкой конвенцией, собирались покончить с официально разрешенными польскими лагерями.

Возвращение прусских властей и воинских частей в местности, откуда они были изгнаны польским населением в конце марта, послужило толчком к открытым столкновениям. В Сьреме произошло столкновение войск с населением, в Кроби прусские чиновники были встречены так враждебно, что поспешили оставить селение. В Гродзиске, куда вступили два прусских батальона, немедленно ударили в набат, и толпы крестьян стали прибывать в местечко, — пруссакам пришлось ретироваться. В Гостыне и Козьмине население дало бой прусским отрядам. В Острове вспыхнуло восстание, и в течение недели (с 14 по 21 апреля) местечко находилось в руках восставшего крестьянства. Такие же события происходили в Кротошинском, Больштынском, Оборницком поветах.

Познанский комитет решил воспользоваться подъемом народного движения, чтобы легальными средствами помешать прусским планам раздела герцогства на две части — «немецкую» и польскую. Дело в том, что между 1 и 8 мая должны были происходить выборы в Прусское собрание. Комитет развернул предвыборную агитацию среди крестьян, чтобы отвлечь их от вооруженной борьбы. Католическое духовенство всячески поддерживало действия Комитета. «Теперь пойдем на немцев не с косами, а с голосами», — стало крылатым выражением в Познани в первые дни мая.

Собранные в лагерях крестьяне, ремесленники, мелкие шляхтичи горячо реагировали на политические события в Познани. Все настойчивее звучали среди них требования «ударить на пруссаков». Но Мерославский отмалчивался, загипнотизированный пресловутой «передышкой», и не хотел первым начинать борьбу с Пруссией.

Для Познанского комитета, который формально сохранил политическое руководство над польскими вооруженными силами, лагери являлись настоящим бельмом на глазу: их существование затрудняло соглашательскую тактику Комитета. Вот почему 25 апреля Комитет принял решение разоружить лагери и распустить повстанцев по домам. С этим решением делегаты Комитета прибыли к Мерославскому. Но последний решительно отказался выполнить постановление Комитета. 28 апреля состоялся съезд делегатов от всех лагерей. На этом съезде решено было считать Комитет низложенным, провозгласить Польскую республику и выбрать временное правительство. Мерославский был утвержден главнокомандующим. Однако все эти решения не вытекали из определенной, заранее продуманной программы действий; они были приняты молодыми офицерами, поддавшимися настроениям минуты. Во всяком случае они никакого влияния на последующие события не имели.

Сражения при Ксенже, Милославе и Соколове. Разгром восстания

В течение последней недели апреля участились нападения прусских войск на поляков. Коломб объявил, что Ярославецкая конвенция нарушена самими поляками, и что он поэтому не считает себя больше ею связанным. 25 апреля в Ксенже Домбровский, начальник лагеря, сместил прусского жандарма и арестовал трех жителей, заподозренных в шпионаже. Коломб отдал распоряжение ударить на Ксенж. Мерославский приказал Домбровскому защищать местечко, а Гарчинскому притти к нему на помощь. Столкновение около Ксенжа

произошло 29 апреля — 4500 прусских солдат при 7 пушках сражались против 1000 поляков. Бой продолжался целый день. Поляки потеряли 600 человек убитыми и ранеными. Сам Домбровский был смертельно ранен. Ворвавшиеся в местечко прусские солдаты грабили, убивали раненых, а затем сожгли селение.

Сражением при Ксенже начался третий период восстания: повстанцы в лагерях и крестьянство в деревнях возобновили вооруженную борьбу против прусской власти.

Огромная вина за поражение Домбровского лежит на Гарчинском. Несколько раз во время боя Домбровский посылал к нему гонцов с просьбой поспешить на помощь, но Гарчинский медлил; только к вечеру он, наконец, подошел к Ксенжу и, видя, что победа склоняется на сторону пруссаков, повернул обратно. Это было зловещим предзнаменованием саботажа, который проявило шляхетское офицерство в следующих боях.

После сражения при Ксенже Мерославский, ожидая нападения на Милослав, стягивал туда силы из других лагерей. Гарчинский из Нове Място и Бялоскурский из Плешева двинули в Милослав подкрепления. 30 апреля 9000 пруссаков начали наступление. Против них сражались 1100—1200 поляков, а с приходом подкреплений — 3000 человек. Тем не менее упорная битва закончилась победой поляков. Пруссаки отступали в беспорядке, и Мерославский отдал приказ коннице их преследовать. Однако командир плешевского кавалерийского эскадрона, а затем и полковник Бжежанский отказались выполнить это приказание. Тотчас после боя Бялоскурский подал в отставку; его примеру последовало несколько десятков офицеров.

Одержанная победа необычайно подняла энтузиазм повстанцев. Но она испугала шляхетское офицерство перспективой дальнейших боев и роста движения, враждебного классовым интересам шляхты.

В то время как известие о сражении в Милославе привлекало в польские отряды новые толпы крестьян-косиньеров, готовых биться с пруссаками, офицерство жаждало прекращения борьбы, полагая, что победа облегчит полякам капитуляцию на почетных условиях. Но поскольку борьба продолжалась, продолжалось и дезертирство офицеров. На места ушедших офицеров назначались другие, но и они были не лучше. Командир вжесненского отряда (из бывшего Вжесненского лагеря) майор Берлье и командир плешевского отряда Кушель были готовы распустить свои отряды.

Мерославский намеревался пробиться в Куявию (на севере герцогства) и там продолжать борьбу. Офицерская верхушка всячески возражала против этого, но Мерославский двинулся на север и остановился на ночлег в деревне Соколово (около Вжесни). Здесь 2 мая на него напал прусский отряд в 3000 человек под командой генерала Гиршфельда. Упорный бой и на этот раз закончился отступлением пруссаков. Необыкновенную стойкость и неустрашимость в бою проявили крестьяне-косиньеры. С косами в руках они бросались на прусские пушки.

После битвы под Соколовом Мерославский продолжал движение в северном направлении. Крестьянское население встречало его с воодушевлением. Весть о движении Мерославского обгоняла его колонну, и по пути к его отряду присоединялись вооруженные крестьяне. Во многих местах (в центре герцогства) возникли независимо от Мерославского отдельные партизанские отряды. Одни из этих отрядов хотели соединиться с отрядом Мерославского, другие намеревались действовать самостоятельно. Это лишний раз свидетельствует об отсутствии органической связи Мерославского с народом. Действуя разрозненно, партизанские отряды

не смогли оказать существенного влияния ни на положение Мерославского, ни на общий ход борьбы.

В то же время в штабе Мерославского царил разлад. Офицеры требовали открытия мирных переговоров с пруссаками и отказывались повиноваться Мерославскому. Скоро майор Берлье со своими людьми покинул колонну. Главой оппозиции Мерославскому стал Бжежанский, но Мерославский не решался вступить в конфликт с ним и его группой и не знал, что предпринять. В конце концов он отказался от продолжения похода на север и на совещании офицеров предложил двинуться в южные поветы. Офицеры отвергли и этот план.

В начале мая в Познань прибыл преемник Виллизена генерал Пфуль с официальными полномочиями закончить «реорганизацию» Познани на основе раздела герцогства и неофициальными — подавить здесь «беспорядки». Капитулянтски настроенные элементы из состава Познанского комитета и офицерства повстанческих отрядов вступили в переговоры с Пфулем. С польской стороны переговоры вели одновременно две делегации: одна — от имени Бжежанского, другая — от Комитета. Пфуль принял только одного Тачановского, представлявшего Комитет. Не зная действительной численности отряда Мерославского, Пфуль обещал сохранить после капитуляции двухтысячное польское войско. Но уполномоченные Бжежанского, встретившись позднее с Пфулем, совершили прямое предательство, сообщив ему, что у Мерославского едва насчитывается тысяча человек. Тогда Пфуль взял обратно свои обещания и приказал генералу Веделю разоружить отряд Мерославского, который стоял в это время у Милослава. Среди всеобщей неразберихи и взаимных упреков Бжежанский со своими людьми дезертировал из отряда. На следующий день Мерославский поручил оставшихся бойцов полковнику Оборскому и также покинул Милослав.

9 мая Бжежанский в селении Мужиново подписал акт о капитуляции. На этом закончилась вооруженная борьба.

* * *

Польское восстание 1848 г. в Познани— пример национального движения эпохи «сложения буржуазно-демократического общества», для которой «...типично пробуждение национальных движений, вовлечение в них крестьянства, как наиболее многочисленного и наиболее „тяжелого на подъем“ слоя населения...»[1] Значение аграрного вопроса в борьбе за национальное освобождение Польши отмечалось Марксом и Энгельсом: «...Со времени краковского восстания 1846 г.,—писали они,—борьба за независимость Польши одновременно является борьбой *аграрной демократии...*»[2]

Именно в силу этих причин судьбы польских национальных движений оказывались в прямой зависимости от позиции и поведения польской землевладельческой шляхты по отношению к крестьянству. Так было в восстании 1830—1831 гг., в неудавшейся попытке восстания в Галиции в 1846 г. и, наконец, в Познанском восстании 1848 г. Польское дворянство в этот период продолжало оставаться носителем идеалов восстановления независимой Речи Посполитой. Но когда борьба за осуществление этих идеалов неминуемо сплеталась с аграрно-крестьянским вопросом, как это имело место в 1848 г., шляхта, боявшаяся крестьянского движения, останавливалась перед этой проблемой и искала выхода в соглашении с чужеземными угнетателями. В этом заключались характерная черта Познанского восстания и основная причина его неудачи.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 373.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 383.

Второй момент, обусловивший слабость восстания, — это ошибочные политические устремления польской шляхетской демократии. Загипнотизированная идеей общепольского восстания против царской России, польская демократия расценивала Познанское восстание как побочное звено в своих планах. Таким образом, познанские помещики, с одной стороны, и шляхетские демократы — с другой, исходя из совершенно различных соображений, пагубным образом влияли на ход и судьбы восстания. Первые искали соглашения с Пруссией, вторые избегали «ссориться» с ней. Предательство одних и пассивность других дезориентировали восставшее крестьянство, подрывали поступательный ход восстания и суживали его размах. Шляхетские демократы сначала не хотели, а затем не сумели организовать всеобщее восстание в Познани против Пруссии.

За разгромом восстания немедленно последовали репрессии. Все повстанцы, взятые в плен и задержанные во время облав в лесах, были заключены в концентрационные лагери. Прусское правительство намеревалось привлечь к суду более 2000 человек, но, опасаясь, что судебный процесс возбудит среди поляков волнения и вскроет многочисленные случаи жестокой расправы прусских офицеров и солдат, чиновников и немецких колонистов над польским населением, объявило 9 октября амнистию всем участникам восстания.

Провал планов «реорганизации» Познани

Еще до окончания вооруженной борьбы в Познани прусское правительство стало отказываться от всех ранее сделанных им уступок полякам. 26 апреля правительство исключило из «реорганизации», кроме десяти названных поветов, еще шесть поветов (полностью или частично) вместе с г. Познанью. Правда, Берлин хотел позолотить пилюлю и предложил Потворовскому пост президента «реорганизованной» в таком виде «польской» провинции, но на такую профанацию идеи познанской автономии не согласился даже этот верноподданнейший человек. Познанский комитет, более напоминавший в этот период жалкий клуб, потерявший остатки своего влияния, вздумал было протестовать. Комитетчики угрожали даже народным восстанием, но, разумеется, это никого не могло ввести в заблуждение. Пять человек, в том числе Либельт, вышли из Комитета. 30 апреля Комитет (вернее, его остатки) опубликовал воззвание, в котором заявлял о своем роспуске.

Решение о роспуске, принятое Комитетом в момент возобновления вооруженной борьбы польских народных масс Познани против прусского господства, лишь подчеркивало тот факт, что Комитет не имел и не хотел иметь никакого отношения к этой борьбе.

Самороспуск Познанского комитета был свидетельством полной несостоятельности и гибельности всей политики Комитета. Его программа «национальной реорганизации» Познани, а с ней вместе и Комитет потерпели крах.

В июне 1848 г., по инициативе польских депутатов в Прусской палате, в Берлине основана была Польская лига, продолжавшая ратовать за «национальную реорганизацию» Познани. В деятельности Лиги приняли участие Либельт и Морачевский. Лига просуществовала до апреля 1850 г., когда была закрыта согласно новому прусскому закону об обществах.

Что касается пресловутой «национальной реорганизации» и самоуправления Познани, то ни первое, ни второе не было осуществлено. В период управления Познанью генералом Пфулем демаркационная комиссия передвигала демаркационную линию между «немецкой» и польской частью герцогства в ущерб полякам. Правда, при обсуждении конституции в Прусском собрании большинством голосов была принята резолюция

(так назыв. поправка Филипса), отвергавшая предложенный правительством проект раздела герцогства Познанского, но решение Собрания не имело никакого значения: через две недели оно было разогнано королем. В декабре 1848 г. направленный в Познань в качестве комиссара Франкфуртского правительства генерал Шеффер-Бернштейн перенес (в пятый раз) «границу» еще восточнее, так что на долю проектированной польской провинции (так называемого герцогства Гнезненского) приходилось только 25% территории и 20% населения герцогства Познанского.

В конце 1849 г. вопрос о разделе Познани и о введении там самоуправления был официально снят прусским правительством.

СОБЫТИЯ В СИЛЕЗИИ

Начало революции в Силезии

Известия о революции во Франции немедленно вызвали в Силезии бурный отклик. 6 марта 1848 г., значительно раньше, чем в других провинциях Пруссии, в Бреславле (Вроцлаве) возникло стихийное народное движение: в городе состоялась большая демонстрация. Против народа были двинуты войска, произошла кровопролитная схватка — первый революционный бой на территории Пруссии в 1848 г. 10 и 11 марта бурные демонстрации происходили и в промышленном центре Верхней Силезии—Бейтене (Бытоме); в них приняли активное участие польские рабочие-горняки.

Демонстрации, вновь сопровождавшиеся столкновениями с войсками, возобновились во Вроцлаве 16 марта. Движение усилилось при получении первых известий о революции в Берлине. На многотысячном митинге народ потребовал отставки обер-президента провинции фон Веделя. 20 марта в Берлин была послана депутация, чтобы добиваться созыва парламента.

Во вроцлавском революционном движении принимали деятельное участие поляки. В гражданской милиции Вроцлава был отдельный польский легион, носивший кокарды национальных польских цветов. Поляки участвовали в организовавшихся во Вроцлаве многочисленных обществах и клубах. Особенной популярностью пользовался «Демократический клуб» и связанный с ним «Рабочий союз», провозглашавшие программу радикальных демократических преобразований и лозунг польско-немецкой дружбы. В октябре 1848 г. в Бытоме был основан польский «Национальный клуб»; там же существовал и совместный польско-немецкий «Демократический клуб».

Антифеодальное крестьянское движение. Выступления рабочих

Массовое крестьянское движение началось в Силезии с первых дней революции. С особенной силой оно развернулось в окрестностях Гиршберга (Еленей Гуры), Явора, Больковиц. Вооруженные косами, вилами, топорами отряды крестьян громили помещичьи усадьбы, требуя немедленной отмены феодальных повинностей, возврата общинных пастбищ и лесов. Среди крестьян распространялись слухи, что королем уже издан декрет об отмене повинностей, но помещики скрывают его. В апреле антифеодальное движение распространилось на район Бжега, Оппельна (Ополья), самого Вроцлава.

Одновременно выступали и рабочие Силезии. Вновь возникло движение среди немецких ткачей в присудетской полосе, а также среди польских горняков и металлургов в промышленном районе Верхней Силезии. 1 и 2 мая в Глейвице (Гливицах) и Бытоме стихийно возникли массовые волнения безработных.

Польское национальное движение в Силезии

Революция 1848 г. резко усилила польское национальное движение в Силезии. Это движение развивалось под лозунгом защиты национальных прав польского населения Силезии, введения польского языка в государственных учреждениях, судах, школе. 1848 год явился важным этапом в истории польского национального возрождения в Силезии. Впервые появилась польская пресса. Наибольшей популярностью пользовался либеральный «Дзенник Гурносленский», издававшийся с июня 1848 г. Юзефом Лепковским в Пекарах, а позднее в Бытоме. 5 мая во Вроцлаве, по инициативе одного из деятелей консервативной польской эмиграции генерала Дембинского, был созван общепольский политический съезд. Эта единственная в 1848 г. попытка созыва представителей различных польских земель (в съезде приняли участие деятели из провинций, принадлежавших Пруссии и Австрии) и создания общепольской политической программы и руководящего органа окончилась безрезультатно. Съезд выявил непримиримые противоречия между буржуазно-демократическими кругами и консерваторами: первые рассчитывали использовать съезд для расширения национально-освободительного движения, вторые же стремились создать общепольский руководящий орган для «обуздания» этого движения. Значение этого съезда заключалось лишь в том, что избранием Вроцлава в качестве места для совещания по вопросу об общепольском (так и не созданном тогда) представительном органе были подчеркнуты неразрывные связи Силезии со всей Польшей.

Поляки в берлинском Учредительном собрании

В мае широкая политическая кампания развернулась в связи с выборами в берлинское Учредительное собрание. Силезия послала в него наибольшее из всех провинций Пруссии число крестьян — 29 крестьянских депутатов из общего числа 45. Более половины депутатских мандатов в Верхней Силезии получили поляки; среди избранных были крестьяне Гожолка, Дзядек, Мроз и др. 13 июня в Бытоме состоялся первый в Верхней Силезии польский политический митинг, на котором была принята программа для польских депутатов. Она ограничивалась только национальными требованиями. Организовавшие митинг польские либералы не затронули ни одного из столь острых в Силезии социальных вопросов.

В берлинском Учредительном собрании большинство польских депутатов заняло места на скамьях оппозиции. В июле 1848 г. наиболее деятельный из польских депутатов либеральный священник Юзеф Шафранек внес интерпелляцию о положении поляков в Силезии. Шафранек требовал обеспечения полного национального равенства и применения польского языка в суде, школе, администрации, а также проведения крестьянской реформы. Обсуждение интерпелляции Шафранека, откладывавшееся несколько раз, так и не состоялось.

Выступление Шафранека завоевало ему большую популярность среди польского населения Силезии и навлекло на него опалу церковных властей. Вроцлавский епископ запретил Шафранеку сидеть в парламенте на левых скамьях. Шафранек подчинился распоряжению епископа, но демонстративно отказался занять место на правой стороне парламента и с этого времени на всех заседаниях Собрания стоял перед депутатскими скамьями. На долгие годы запечатлелась в памяти депутатов прусского Собрания могучая фигура Шафранека, стоявшего в парламенте «на вытяжку» по многу часов. Бисмарк, говоря о национальном духе поляков Силезии, вспоминал о Шафранеке и рассказал о его поведении в Собрании в своих мемуарах, написанных почти через 50 лет после революции 1848 г.

Глава восемнадцатая

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПОДЪЕМ В АВСТРИИ В МАЕ 1848 Г.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В АВСТРИИ НАКАНУНЕ МАЙСКИХ СОБЫТИЙ 1848 Г.

Мартовская революция оставила неразрешенными почти все социальные вопросы. Основные требования крестьянства не были удовлетворены. Рабочие и ремесленники, активные участники мартовского движения, были также недовольны итогами революции. Продолжали борьбу и многочисленные угнетенные народы Австрии и Венгрии, стремившиеся к освобождению от ига немецких и мадьярских поработителей. В этой обстановке продолжающегося революционного подъема императорский двор, вынужденный под давлением событий создать новое министерство, стремился направить его деятельность в своих интересах.

В начале апреля граф Коловрат был заменен на посту главы кабинета графом Фикельмоном. Фикельмон, ученик Меттерниха, бывший посол в России, был подходящей фигурой для проведения контрреволюционной политики двора. Однако положение этого премьера оказалось непрочно: 5 мая он вынужден был подать в отставку после неоднократных обструкций и кошачьих концертов у окон его квартиры. Во главе министерства стал барон Пиллерсдорф, в домартовское время бывший близким помощником Коловрата. При выработке конституции Пиллерсдорф главным образом считался с интересами двора.

За спиной министерства стояли высшая аристократия и финансовая знать, служившие в недалеком прошлом опорой меттерниховского режима. Их поддерживала торговая и промышленная буржуазия, напуганная выступлениями рабочих и ремесленников в мартовские дни.

Политическая обстановка обострялась экономическим кризисом и ростом безработицы. Состояние австрийских финансов было катастрофично. Дефицит непрерывно возрастал, ценность бумажных денег быстро падала. Часть предприятий приостановила работу, в Вену начали прибывать толпы безработных. Правительство было поставлено перед необходимостью принять спешные меры против растущей безработицы; были организованы общественные работы — строительные и земляные работы в трех районах Вены. На этих работах к 15 мая было занято до 7 тыс. безработных. Нарушение торговых связей и обесценение бумажных денег вызвали серьезный продовольственный кризис. Это способствовало новому подъему движения рабочих и ремесленников. Право на труд, 10-часовой рабочий день, повышение заработной платы, создание касс взаимопомощи — таковы были требования рабочих.

В конце марта на совещании хозяев предприятий с представителями мастеров и рабочих были разработаны некоторые частичные меры для улучшения условий труда; решено было оплачивать рабочим время вынужденного простоя предприятий, но заработная плата не была повышена.

17 апреля многолюдное собрание ремесленников потребовало снижения косвенных налогов на 25%, но министерство ответило на это отказом.

Во всех частях империи наблюдалось нарастание революционного движения. В Венгрии, начиная с мартовских дней, революционная борьба все усиливалась. Австрийское правительство вынуждено было пойти на некоторые уступки. 10 апреля император Фердинанд прибыл в Пресбург (Братиславу) и утвердил конституцию, которая учреждала особый венгерский парламент и самостоятельное венгерское министерство. Страна должна была получить свободу печати, суд присяжных и равенство всех граждан перед законом. Венгерский язык был провозглашен государственным языком[1].

В Чехии революционное движение в апреле — мае также продолжало нарастать[2].

Важным следствием венских событий было пробуждение к борьбе крестьян. В Нижней Австрии и Верхней Штирии дело дошло до восстаний. В ответ на эти восстания правительству пришлось издать 27 марта особый указ — «патент», которым предоставлялись некоторые льготы зажиточной части крестьянства. Патент разрешал крестьянам продавать или передавать свои наделы в целях выкупа феодальных повинностей и барщины, но оставлял в силе крепостную зависимость крестьянства. Крестьянство продолжало выражать свое недовольство, протестовало, отказывалось уплачивать десятины, нести барщину. Некоторые из провинциальных сеймов требовали замены крестьянских натуральных повинностей денежными платежами, но правительство медлило с ответом на эти требования. Раньше всего начало действовать правительство в Галиции. Здесь, боясь нового подъема крестьянского движения и стремясь опередить польских буржуазных демократов, развернувших агитацию за отмену барщины, правительство поспешило отменить (18 апреля) крепостную зависимость крестьян (за выкуп)[3].

Конституция 25 апреля

В результате мартовских событий австрийская монархия оказалась под угрозой распада. Одна за другой угнетенные национальности поднимались на борьбу за свою независимость. Революционные настроения усиливались и в самой столице. Чтобы подавить рост революционного движения, власти принимали ряд репрессивных мероприятий. 1 апреля были опубликованы временные правила о печати, которые фактически восстанавливали старую цензуру и давали правительственным чиновникам возможность задерживать выход любого печатного произведения.

20 апреля создан был при магистрате особый Комитет безопасности, составленный из представителей умеренных слоев бюргерства. Он наделен был большими полномочиями и должен был, по замыслу правительства, «неуклонно поддерживать существующие законы общественной безопасности и порядка».

21 апреля — за четыре дня до выборов в общегерманское Национальное собрание — была обнародована в «Венской газете» («Wiener Zeitung»)

---

[1] Подробнее о революционном движении в Венгрии см. главу двадцать вторую.
[2] Подробнее о революционном движении в Чехии см. главу девятнадцатую.
[3] Подробнее о революционном движении в Галиции см. главу двадцатую.

декларация правительства по вопросу о политическом устройстве Австрии. Правительство оставляло за собой право иметь особое мнение о любом решении общегерманского парламента; в случае расхождения позиции этого парламента с устройством Союза государств или Союзного государства Австрия оставляла за собой право выхода из Союза.

25 апреля была опубликована новая конституция, распространявшаяся на всю территорию Австрийской империи, кроме Венгрии и Ломбардо-Венецианского королевства. Конституция передавала исполнительную власть и руководство всеми вооруженными силами императору, предоставляла ему право абсолютного вето. При выборах в рейхстаг устанавливался имущественный ценз и ценз оседлости. Рейхстаг должен был состоять из двух палат — сената и нижней палаты. Конституция оставляла нетронутыми старые феодальные отношения; отмена крестьянских повинностей допускалась лишь путем денежного возмещения землевладельцам.

Избирательный закон 11 мая

Избирательный закон, опубликованный 11 мая, определял порядок выборов и состав обеих палат. Сенат должен был состоять из 200 человек, из которых 50 назначались императором, а 150 избирались на основе двухстепенных выборов из лиц, уплачивающих наивысшую сумму налогов. Это была уступка, сделанная крупной буржуазии: не принадлежность к привилегированному сословию, а исключительно имущественное положение давало право быть избранным в верхнюю палату. Сенаторами могли быть лишь лица не моложе 30 лет.

Палата депутатов должна была состоять из 383 членов. Выборы их были также двухстепенными. Избирательные права предоставлялись лишь лицам мужского пола, достигшим 24-летнего возраста. Норма представительства в нижнюю палату — один депутат на 50 тыс. жителей. Рабочие, поденщики, прислуга, а также лица, пользующиеся вспомоществованием общественных благотворительных учреждений, не могли ни выбирать, ни быть избранными. Лишены были избирательных прав и инвалиды, потерявшие работоспособность на войне и жившие на государственный счет.

Конституция 25 апреля и избирательный закон 15 мая вызвали негодование самых широких слоев населения Австрии. Крестьяне не нашли в ней отмены своих повинностей; рабочие были возмущены тем, что конституция лишала их избирательных прав; всеми демократическими кругами Австрии конституция была воспринята как стремление правительства вернуть страну к абсолютизму. Борьба народных масс против антидемократической конституции стала в порядок дня. Началась деятельная подготовка к новым революционным выступлениям.

Отношение австрийской буржуазии к проблеме германского единства и к вопросу о переустройстве монархии Габсбургов

В ходе революции австрийская буржуазия выдвинула собственную программу по всем вопросам внутренней и внешней политики Австрии. Основным требованием этой программы было установление тесной связи с Германией. Однако на объединение с Германией австрийская буржуазия соглашалась лишь при условии сохранения экономической самостоятельности Австрии и резко отрицательно относилась к вхождению ее в Таможенный союз, боясь конкуренции Пруссии и потери рынков для своих товаров.

Объединение Австрии и Германии могло бы иметь революционное значение только при условии свержения династий Габсбургов и Гогенцоллернов, ликвидации Прусской монархии и Австрийской империи и образования единой великогерманской демократической республики. Но австрийская буржуазия стремилась к сохранению целостности монар-

хии Габсбургов и добивалась лишь превращения ее из феодально-абсолютистского государства в буржуазно-конституционное.

Буржуазная печать разных направлений обсуждала вопрос о том, должна ли Австрия стать союзным государством или союзом государств, т. е. стать единым централизованным государством или федерацией полусамостоятельных государств. Более популярным был план создания централизованного государства.

Одновременно обсуждался вопрос о венгерских, итальянских и польских владениях Габсбургов. По мнению «Всеобщей австрийской газеты», польские земли надлежало объединить под скипетром короля из Габсбургов, т. е. оставить их фактически под владычеством Австрии. Австрийская буржуазия не хотела также создания самостоятельного в экономическом отношении венгерского государства. По отношению к Италии она стояла на той же позиции, что и Меттерних, считавший, что «Италия — это только географическое понятие».

Мартовская революция не внесла никаких изменений в политику Австрии по отношению к Италии. В Вене велась бешеная шовинистическая агитация, направленная против независимости Италии. «Неужели мы откажемся от Ломбардии, от Венеции — царицы Адриатики?» — восклицали авторы листовок, разжигая шовинистические настроения среди жителей Вены и призывая их записываться в добровольческие отряды для участия в войне против итальянского народа. Эта агитация приносила свои плоды: немало добровольцев записывалось в отряды, отправлявшиеся на помощь Радецкому.

Позиция мелкобуржуазных демократов в вопросе о будущем устройстве Австрии и ее внешней политике мало отличалась от позиции буржуазных либералов. Демократическая газета «Откровенный», возглавляемая радикалом Малером, в вопросе о единстве Австрии с Германией целиком поддерживала либералов. Зато газета решительно выступала против угнетения Польши; в итальянском вопросе она занимала колеблющуюся позицию.

Как либералы, так и радикалы Австрии приняли участие в выборах в германский Предпарламент. В числе избранных оказались такие видные деятели австрийского либерализма, как Гискра и Шузелька; впрочем, когда они появились во Франкфурте, Предпарламент уже разошелся. Для выборов в общегерманский парламент в Вене был создан Центральный избирательный комитет из 60 членов, представлявших различные организации: «Юридически-политический союз читателей», «Промышленный союз» и др. Комитет разработал избирательную платформу, которая предусматривала сохранение нераздельности Австрийской империи и одновременно провозглашала (впрочем, лишь на словах) равноправие всех ее ненемецких национальностей.

29 апреля проведены были выборы выборщиков, а 3 мая состоялось избрание депутатов в общегерманский парламент. Избраны были многие видные деятели австрийской либеральной буржуазии (например, Бергер, Андриан).

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СОБЫТИЯ 15 – 16 МАЯ

С конца апреля, а особенно с начала мая, в Вене ширилось движение, направленное против конституции 25 апреля, против двухпалатной системы, против привилегий крупного землевладения, за раскрепощение крестьянства, за снижение налогов, лежавших тяжелым бременем на плечах трудящихся. Демократические газеты «Конституция» и «Откровенный» требовали введения прогрессивного налога и улучшения положения рабочих масс, борьбы с безработицей.

Деятельность Комитета национальной гвардии

Инициативу протеста против конституции и избирательного закона взял на себя Комитет национальной гвардии, образованный 14 апреля из представителей отдельных отрядов. Вначале он не играл значительной политической роли и не представлял никакой опасности для правительства. Правящие круги стремились сделать Комитет своим послушным орудием, противопоставить его Академическому легиону.

Эти намерения правительства не осуществились. Комитет вскоре стал видным органом либерального движения и в борьбе против реакционной конституции объединился в начале мая с Академическим легионом и Студенческим комитетом. 5 мая Студенческий комитет обратился к министерству с петицией, в которой содержалась критика правительственного избирательного закона, правда, весьма скромная: петиция требовала снижения имущественного ценза при выборах в обе палаты рейхстага, но сохраняла верхнюю палату и тем самым все преимущества крупных земельных собственников и крупной буржуазии.

Комитет национальной гвардии составил собственную, еще более умеренную петицию, не только сохранявшую двухпалатную систему, но и оставлявшую за императором право назначать четвертую часть членов верхней палаты.

Несмотря на эти расхождения, общее недовольство реакционной конституцией делало возможными совместные выступления Студенческого комитета и Комитета национальной гвардии.

10 мая последний был реорганизован: он принял новое название — Политический центральный комитет национальной гвардии; его состав был расширен с 72 до 200 членов. В обновленный Комитет вошли люди различных социальных группировок и политических убеждений: среди них были либерал Фишгоф, радикал Гольдмарк, популярный в массах член Академического легиона студент Вильнер. В Политическом центральном комитете с самого начала сложились два направления: правые стояли за сохранение конституции 25 апреля, левые требовали ее демократизации. Отсутствие единства в Политическом комитете национальной гвардии и незначительное число входивших в его состав радикальных элементов определили его политическую вялость и полную неспособность возглавить народный протест против замыслов контрреволюции. Радикально настроенная часть студенчества была явно не удовлетворена политикой этой организации.

Центром радикальной оппозиции с этого времени стал Венский университет. Здесь велись политические дискуссии, сюда обращались за советом и помощью рабочие в надежде получить работу и даже крестьяне из отдаленных мест. Такая позиция масс оказывала решающее влияние на судьбу студенческих общественных организаций: с одной стороны, в самих этих организациях под давлением снизу происходили сдвиги влево, с другой стороны, становясь, хотя бы и невольно, центром народного движения, студенческие организации вызывали к себе острую вражду правительства.

14 мая был издан указ о роспуске Политического центрального комитета национальной гвардии, вызвавший протест не только самого Комитета, но и широких масс.

Народное выступление 15 мая

15 мая в 8 час. утра в университете состоялось многолюдное собрание студентов и национальных гвардейцев, на котором обсуждался указ о ликвидации Политического комитета. Собрание проходило очень бурно. Одновременно происходило заседание Политического комитета. В министерство было направлено несколько депутаций с требованием отменить

указ о роспуске Политического комитета, удалить из города правительственные войска и привлечь национальную гвардию к охране общественного порядка. Министерство ответило приведением войск в боевую готовность.

Известия о мерах правительства послужили сигналом для выступлений студентов, национальных гвардейцев и рабочих. Рабочие с молниеносной быстротой узнали о событиях в центре города, о собрании в университете, о контрреволюционных планах правительства и двинулись к центру Вены. Перед университетом собралось множество рабочих. Выступили также ученики политехнической школы и женщины.

Передовым отрядом в движении 15 мая были рабочие. Газета «Конституция» писала о настроениях рабочих: «Они пришли, вооруженные своими инструментами, готовые на всякую помощь студентам в их борьбе с правительством. Настроение рабочих боевое, они готовы строить баррикады».

Вечером началась грандиозная демонстрация. Манифестанты шли с лозунгами: «Долой аристократическую конституцию! Да здравствует Учредительный рейхстаг!» Народные массы направились к императорскому дворцу, заполнили центральные улицы, заняли городские ворота. Правительственные войска расположились в районах, примыкающих к дворцовой площади, чтобы не допустить туда рабочих из пригородов. Однако до 2 тыс. рабочих, вооруженных топорами, лопатами, кирками, находились уже в центре города. В отдельных пунктах города вырастали баррикады. Солдаты братались с народом, отдавали восставшим свои патроны.

К 10 часам вечера правительство сочло положение угрожающим. Было созвано совещание министров, и так как волнения все усиливались, правительство пошло на уступки. Ночью были изданы указы об отмене роспуска Политического комитета национальной гвардии, об изменении избирательного закона, о демократизации избирательной системы и установлении однопалатной системы.

Но указ был подписан одним Пиллерсдорфом. В ночь с 15 на 16 мая народные массы вновь появились у его дома, требуя, чтобы указ был подтвержден подписью императора и всех министров. В этой демонстрации участвовали трудящиеся различных национальностей: немцы, поляки, чехи, венгры. Под давлением масс правительство вынуждено было 16 мая подтвердить изданный ранее указ.

Результаты событий 15—16 мая

События 15—16 мая закончились победой демократов. Министерство подало в отставку, но по настоянию двора временно осталось у власти (вплоть до созыва рейхстага). Однако размеры движения, активное участие в нем народных масс до такой степени испугали руководителей Политического комитета национальной гвардии, что они выступили на защиту Пиллерсдорфа и, когда последний подал в отставку, стали упрашивать его не покидать своего поста. Позицию Комитета резко критиковала газета «Конституция». «Мы,—указывала эта газета,—не нуждаемся в таком комитете. Нам не нужен орган, который приходится тащить за собой. Нам нужна организация, которая шла бы впереди или по крайней мере не отставала бы от масс».

На одном из ближайших заседаний после заявления Пиллерсдорфа о намерении уйти в отставку Политический комитет вынес решение о самороспуске. 18 мая была создана новая организация — Комитет общественной безопасности, к которому перешли все функции старого магистратского дворянско-буржуазного комитета. Он взял на себя заботу о восстановлении в Вене «спокойствия и порядка». Комитет состоял из 12 представителей крупной буржуазии и возглавлялся видным чиновником графом Монтекукколи.

15 и 16 мая в реакционном лагере царила растерянность, народные массы были готовы к решительным революционным выступлениям, к свержению монархии. Но руководящие деятели демократического движения не оказались на высоте положения, не сумели довести борьбу до конца, до полной победы над силами реакции, не сумели увлечь за собой провинцию. Это обстоятельство было использовано дворцовой камарильей, которая стала собирать свои силы для контрнаступления.

Бегство императора в Инсбрук

17 мая император Фердинанд и вся императорская семья тайно выехали из Вены. Император так объяснял свой отъезд в особом манифесте: «Происшествия в Вене 15 мая привели меня к печальному убеждению, что анархистская фракция, опираясь на совращенный преимущественно инородцами Академический легион, на уклонившихся от исконной верности граждан и национальных гвардейцев, вознамерилась лишить меня свободы действий, чтобы поработить как провинции... так и благонамеренных жителей моей резиденции». Ссылка на происки «инородцев» была явно рассчитана на то, чтобы разжечь среди венской буржуазии шовинистические страсти.

В пути императорскую семью население встречало недружелюбно, а местами даже открыто враждебно. Особенно враждебно она была принята в г. Вельсе. 19 мая беглецы достигли Инсбрука, где оказались под надежной охраной войск. Дипломатический корпус последовал за императором в Инсбрук. Министерство осталось в Вене.

Из Вены за императором потянулись многие представители крупных аристократических фамилий.

Императорский двор в Инсбруке стал центром всех контрреволюционных заговоров. Здесь разработан был план созыва объединенного сейма из представителей всех провинций Австрии. Провинциальное дворянство спешило заверить императора в своих верноподданнических чувствах. Чешское дворянство настойчиво приглашало императора в Прагу. Дворянство Крайны и австрийской Силезии поступало так же.

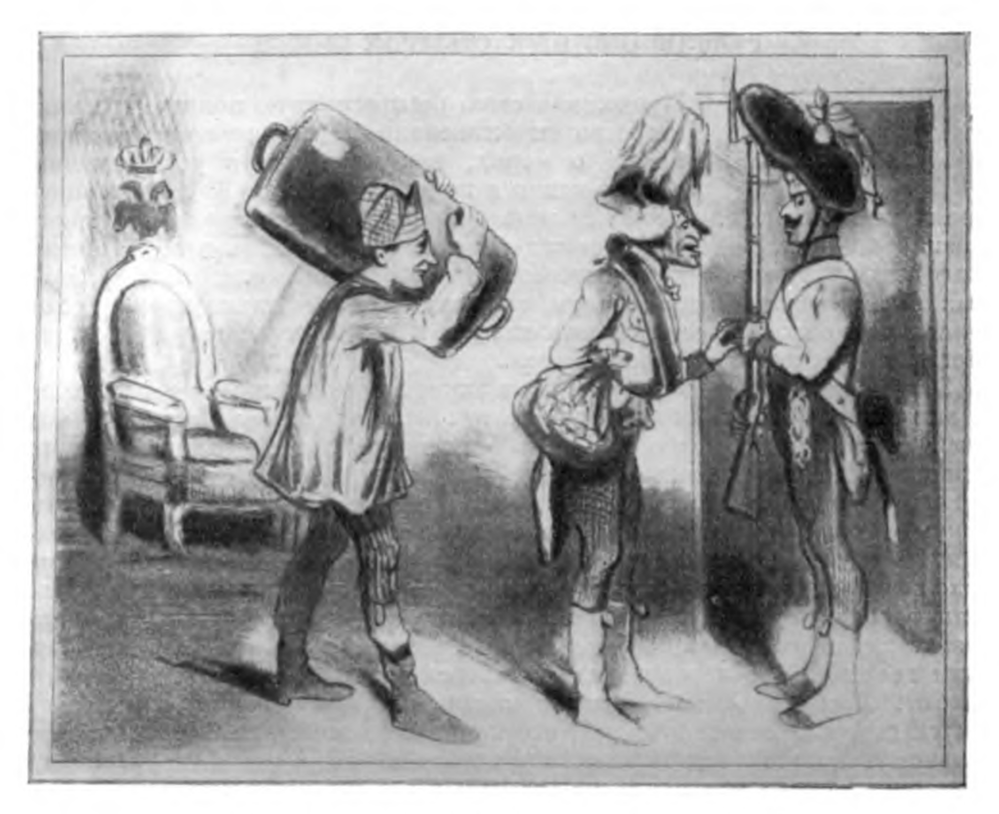
Попытка республиканского переворота в Вене

Буржуазия Вены восприняла бегство императора как катастрофу для себя. Потеряв защиту в его лице, она оказалась наедине с народом и трепетала перед призраком «республики, анархии, коммунизма». Кроме того, бегство императора и знати привело к резкому сокращению доходов крупных предпринимателей и торговцев — поставщиков двора и аристократии. Паника среди буржуазии еще более усилилась, когда министерство специальным указом 18 мая ограничило выдачи вкладов из сберегательных касс.

В тот же день министерством была направлена в Инсбрук делегация во главе с графом Гойосом с целью добиться возвращения Фердинанда в Вену, но император отказался удовлетворить просьбу делегации.

Контрреволюция верно рассчитала свой ход. В среде буржуазии бегство императора вызвало прилив монархических чувств. Первыми подняли голос члены «Политико-юридического» и «Промышленного» союзов. «Отъезд императора,— писала «Венская газета»,— может сыграть ту же роль, что и бегство Людовика XVI, т. е. стать сигналом к установлению республики. Этого нельзя допустить».

В этот момент выступили демократические деятели Гефнер и Тувора. Убежденные, что со дня на день можно ждать перехода контрреволюции в наступление, они решили предупредить врага и сделали попытку свергнуть министерство. Гефнер, редактор газеты «Конституция», «Марат австрийской революции», как его называли современники, был ярым врагом аристократии и духовенства, пламенным пропагандистом идеи

БЕГСТВО ИМПЕРАТОРА ФЕРДИНАНДА ИЗ ВЕНЫ

Карикатура. Литография Кан

Собрание Института Маркса — Энгельса — Ленина. Москва

народного суверенитета. Он решил, что в связи с бегством императора и растерянностью в правительственных кругах создались условия, благоприятные для республиканского переворота. Утром 18 мая он, вместе со своим соратником литератором Тувора, направился в западные предместья Вены и стал призывать рабочих к восстанию, свержению министерства и созданию временного правительства. Во главе нового правительства должны были стать видные деятели демократического лагеря: Тувора — в качестве министра иностранных дел, Гефнер — министра внутренних дел, журналист Киш — министра торговли и т. д. Призыв Гефнера и Тувора встретил сочувствие и поддержку рабочих, но мелкая буржуазия и студенчество не поддержали их. Министерство приказало немедленно арестовать обоих революционеров. Из рядов сопровождавших их национальных гвардейцев раздавались крики: «На фонарь их, на фонарь!» Подоспевшие члены Комитета общественной безопасности Гольдмарк и Винше взяли арестованных под свою защиту, но в пути они снова подверглись оскорблениям со стороны национальных гвардейцев; только выдержка и спокойствие Гефнера спасли им жизнь.

Попытка создания демократического временного правительства потерпела неудачу. Причиной этой неудачи был поворот буржуазии вправо. Этот поворот был вызван страхом имущих классов перед народом, перед республиканским движением. Немалое значение имели и материальные интересы тех венских купцов и промышленников, которые были поставщиками двора и аристократии.

Провокационные действия министерства

Продолжая свою репрессивную политику, министерство опубликовало 18 мая вечером распоряжение о мерах, направленных к установлению «спокойствия и порядка» в Вене. Во главе вооруженных сил Вены был поставлен заядлый реакционер генерал Ауэршперг, а национальную гвардию и Комитет общественной безопасности возглавил граф Монтекукколи. Одно репрессивное мероприятие следовало за другим. Были изданы распоряжения, запрещающие печатание прокламаций и листовок, созыв собраний, была сделана попытка ограничить роль университета как политического центра.

24 мая министерство просвещения закрыло университет до 1 октября и запретило на это время военные занятия Академического легиона. 26 мая совет министров опубликовал указ о роспуске легиона и слиянии его с национальной гвардией. Студенты, не желавшие вступать в национальную гвардию, обязаны были в 24 часа сдать оружие. Университет, политехникум, Академия изящных искусств закрывались до особого распоряжения. Указ предупреждал, что в случае сопротивления в Вене будет объявлено военное положение. Это не было пустой угрозой, так как в Вену было стянуто большое количество войск. 26 мая на рассвете колонны войск разместились на площадях; кавалерия расположилась перед императорским дворцом; в 6 часов утра к университету был направлен батальон пехоты. Роспуск Академического легиона и концентрация воинских частей свидетельствовали о том, что контрреволюция готовилась к решительному удару. Перед бюргерством встала перспектива восстановления меттерниховского режима. Ожил и Комитет общественной безопасности, состоявший из весьма умеренных, монархически настроенных бюргеров. 26 мая он направил к Пиллерсдорфу делегацию с указанием на незаконность действий министерства, но этот протест не имел никаких последствий: правительство считало, что время уступок уже прошло.

Поведение министерства вызвало возмущение в широких народных массах. На призыв студентов о помощи их легиону откликнулись рабочие и революционно настроенные национальные гвардейцы пригородов.

Участие рабочих в народном выступлении 26 мая

26 мая массы рабочих и национальных гвардейцев заполнили улицы и площади столицы. Вена превратилась в вооруженный лагерь. Повсюду воздвигались баррикады. Грандиозная баррикада была воздвигнута на Стефанплатце. Она должна была олицетворять единство всех национальностей. На ней развевались немецкие, венгерские, чешские знамена, мелькали мундиры гвардейцев, национальные костюмы, звучала разноязычная речь. Такая же мощная баррикада была возведена и на одной из центральных площадей — Михаелерплатц. Как и многие другие, площадь эта была украшена плакатами, лозунгами, карикатурами на аристократов. Университет был окружен десятью каменными валами. Баррикады в этом районе служили хорошей защитой для бойцов. Некоторые здания были превращены в крепости, а окна в бойницы.

У каждых ворот, соединявших пригороды с центром города, происходили непрерывные стычки рабочих с правительственными войсками; у Краснобашенных ворот колоннам национальных гвардейцев удалось оттеснить войска. По свидетельству современников, свыше 5 тыс. рабочих прорвалось из пригородов в центр Вены.

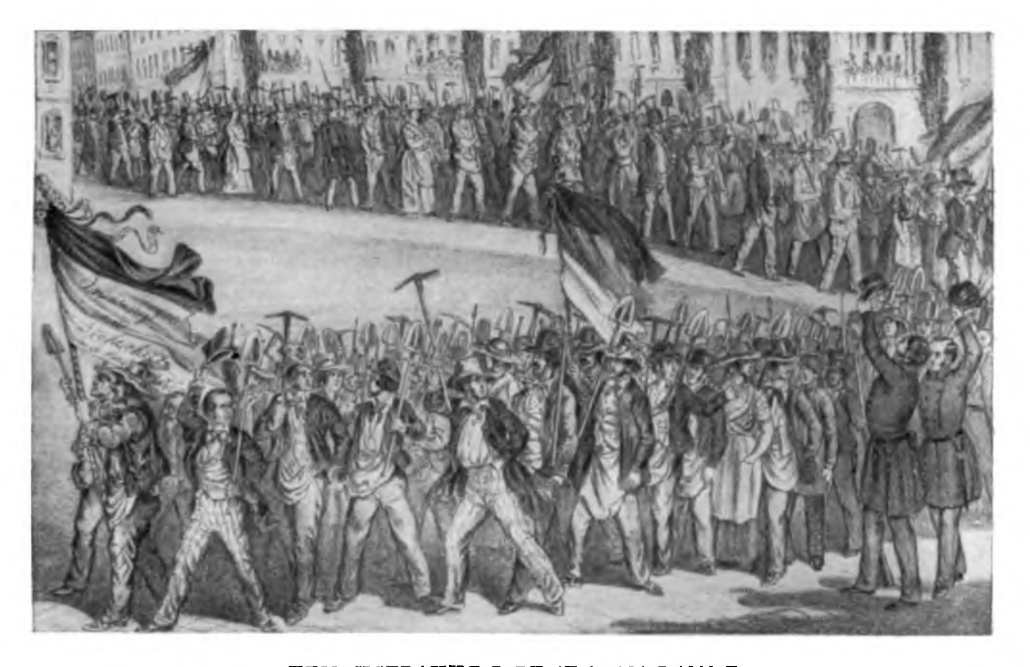
Правительство имело в Вене не более 10 тыс. солдат. В местностях, прилежащих к Вене, также назревали волнения, и правительство не считало возможным вывести оттуда войска.

БАРРИКАДА В ВЕНЕ 26 МАЯ 1848 Г.

Литография Гейгера

Собрание Института Маркса — Энгельса — Ленина. Москва

ДЕМОНСТРАЦИЯ В ВЕНЕ 26 МАЯ 1848 Г.

Литография Д. и В.

Собрание Института Маркса — Энгельса — Ленина. Москва

Министерству пришлось пойти на уступки и отменить указ о роспуске Академического легиона. Но одно это мероприятие не могло уже остановить народное движение. И после отмены указа рабочие оставались на баррикадах, зорко следя за каждым движением правительственных войск. Достаточно было пронестись слуху, что в Вену направлены новые воинские отряды, как рабочие начинали разбирать железнодорожные пути.

В ходе борьбы восставшие пошли дальше своих первоначальных требований. Цели движения изложены были в плакате, вывешенном в здании университета и озаглавленном: «Чего мы требуем?» Они заключались в следующем: 1) удаление войск из Вены в течение 24 часов, 2) подтверждение правительством всех результатов восстания 15 мая, 3) арест некоторых аристократов в качестве заложников, пока правительство не выполнит своих обещаний, 4) возвращение императора в Вену в 14-дневный срок и назначение его «заместителя».

В прокламациях, изданных в этот день, содержались такие требования: созыв Учредительного собрания на основе всеобщего избирательного права, реорганизация государственного аппарата на основе демократической конституции, уничтожение монастырей.

Вечером 26 мая по требованию восставших были арестованы наиболее ненавистные народу деятели контрреволюции: граф Гойос, обвиненный в стремлении насильственно разоружить Академический легион, граф Дитрихштейн и др. Арестованных сопровождали гневные возгласы: «Долой аристократию!», «Долой камарилью!» Широко был распространен плакат, призывавший к казни графов Монтекукколи и Коллоредо.

Гефнер и Тувора были освобождены из тюрьмы.

27 мая положение в Вене продолжало оставаться очень напряженным. Под влиянием слухов (они оказались ложными) о приближении к Вене

войск генерала Виндишгреца рабочие пытались разгромить арсенал, однако студенты этому помешали.

К этому времени наметились уже разногласия между участниками движения — рабочими и студентами. Рабочие настаивали на продолжении борьбы, студенты же считали уступки правительства достаточными. 27 мая капеллан Академического легиона Фюстер выступил перед рабочими с призывом ради сохранения и закрепления достигнутого прекратить борьбу и разобрать баррикады. Одновременно рабочим было обещано уплатить за два баррикадных дня шестидневную заработную плату.

На следующий день. 28 мая, бо́льшая часть баррикад была разобрана.

Реорганизация Комитета общественной безопасности

Между тем министерство приняло меры к реорганизации Комитета общественной безопасности. По требованию восставших в состав Комитета были введены представители Академического легиона и национальной гвардии. Комитету, во главе которого стал теперь Фишгоф, придан был характер совещательного органа государственной власти. Он состоял из 234 человек и являлся своеобразным парламентом, обсуждавшим и разрешавшим самые разнообразные вопросы. На его обязанности лежал контроль за деятельностью всех общественных организаций; он обсуждал конституционные вопросы, занимался подготовкой выборов в рейхстаг. От Комитета исходили разнообразные правительственные мероприятия: организация суда присяжных, народной милиции, проведение мероприятий по борьбе с уголовными преступлениями. Демократические круги видели в Комитете общественной безопасности революционную власть, но на деле это было далеко не так; он придерживался соглашательской тактики.

Избирательный закон 1 июня 1848 г.

1 июня 1848 г. правительство опубликовало новый избирательный закон, устанавливавший пропорциональность представительства (один депутат на 500 тыс. жителей), двухстепенные выборы, активное избирательное право всех австрийских граждан мужского пола без различия вероисповедания, проживших в данном избирательном округе не менее шести месяцев. Помимо этого ценза оседлости закон предусматривал и некоторые другие ограничения избирательных прав: их лишались отдельные категории рабочих — поденщики, прислуга, а также лица, пользующиеся общественной благотворительностью. Новый избирательный закон вызвал такой решительный протест демократической прессы и всех демократических организаций, что правительство вынуждено было пойти на некоторые его изменения и в конце концов предоставить избирательные права всем рабочим (10 июня).

Глава девятнадцатая

НАЦИОНАЛЬНАЯ И РЕВОЛЮЦИОННАЯ БОРЬБА В ЧЕХИИ В 1848 Г.

В начале XIX в. земли чешского королевства —Чехия, Моравия и часть Силезии — входили в состав Австрийской империи, а вместе с немецкими и славянскими землями Цислейтанской ее части (без Галиции и Истрии) — в состав созданного Венским конгрессом Германского союза.

Единство земель чешской короны было уничтожено; каждая из них имела свой сейм, в котором были представлены дворянство, духовенство и несколько привилегированных городов (для Чехии — 4, для Моравии — 7), причем все представители городов, вместе взятые, имели один голос. Юридически чешские земли пользовались в империи известной административной автономией (сословные сеймы, право пользоваться чешским языком), практически же никакой автономии давно не существовало, и всюду господствовал немецкий язык.

Положение крестьянства

Основную массу населения Чехии составляло крестьянство, находившееся в полной зависимости от дворян-землевладельцев.

В руках отдельных землевладельцев были сосредоточены огромные пространства земли, обрабатываемой зависимыми крестьянами. С каждым годом возрастало количество крестьян, лишившихся земли и не имевших собственного хозяйства. Это были прежде всего так называемые домовники, получавшие от помещика хату и маленький клочок земли под огород, затем инсты, не имевшие даже постоянного жилья, но получавшие иногда некоторую помощь от помещика топливом или продовольствием, и, наконец, поденщики, превращавшиеся в дворовых людей помещика. Труд этих зависимых крестьян обходился помещику особенно дешево и приносил ему большие доходы.

Но и крестьяне — собственники земли, ведущие свое хозяйство, находились в весьма тяжёлых условиях. Австрийская система обложения крестьянского хозяйства давила его таким количеством разных повинностей (существовало свыше 240 видов налогов), что выполнение их становилось совершенно невозможным. Налогами облагались, например, даже места погребения, охотничьи собаки, грибы, ягоды и пр. Значительны были также расходы крестьян на содержание множества сельских чиновников. Сверх того, многочисленные подати взимались в пользу государства (военная, земельная, на постройки) и общины (содержание священников, учителей, пастухов). Но главным бременем была барщина, широко распространенная, почти всеобщая крестьянская повинность.

Более зажиточная часть крестьянства, несшая обычно конную барщину, еще могла поддерживать собственное хозяйство, но широкие, беднейшие слои крестьянства, выполнявшие пешую барщину, разорялись и превращались в домовников и поденщиков. Часть крестьянства платила оброк как в денежном, так и в натуральном виде. На крестьян распространялась также судебная власть помещика.

Чрезвычайно сильным был гнет национальный, соединявшийся с классовым угнетением; крупные землевладельцы были в большинстве своем немцами. Не удивительно поэтому, что волнения и восстания чешских крестьян были очень многочисленны как в конце XVIII в., так и в начале XIX в. Одним из наиболее сильных движений этого периода был так называемый моравский заговор 1796—1797 гг.

Крупнейшее восстание крестьян произошло в Моравии весной 1821 г. Оно началось в Зноемском крае и выразилось первоначально в повсеместном отказе от выполнения барщины. Власти, опираясь на войска, попытались принудить крестьян к повиновению, но тщетно. Не помогли и массовые истязания крестьян. Последние ответили разгромом и поджогом помещичьих имений. Восстание продолжалось около четырех месяцев. Лишь в июле правительству удалось подавить его и восстановить барщину.

Положение пролетариата

Чешский пролетариат был довольно многочисленен. Возникновение в Чехии первых промышленных предприятий капиталистического типа относится ко второй половине XVIII в.

Наиболее велик был в Чехии удельный вес текстильной промышленности. Чехия занимала первое место в Австрии по количеству ситценабивных, прядильных и других фабрик, а также по количеству занятых на них рабочих. Из 900 тыс. веретен, работавших в 40-х годах XIX в. во всех прядильнях Австрии, 336 тыс. падало на Чехию. Особенно сильно была развита ткацкая промышленность, в которой было занято 150 тыс. рабочих в Чехии и около 50 тыс. — в Моравии.

Ситценабивных фабрик в Чехии насчитывалось в этот период 70 с 20 тыс. рабочих. Несколько десятков тысяч рабочих были заняты в производстве сукна. Центром суконного производства был Либерецкий край, где были предприятия, насчитывавшие до 8 тыс. рабочих.

Развивались и другие отрасли промышленности: химическая, машиностроительная, металлургическая и угольная. В начале 40-х годов XIX в. общее число промышленных предприятий в Чехии достигло 1389. Рост этих предприятий вызвал приток рабочей силы из деревень, в которых, как уже сказано, все более и более увеличивалось количество обезземеленных крестьян. Применение машин в промышленности удешевляло труд рабочего и умножало количество безработных. Тяжелые условия труда (14—16-часовой рабочий день), растущая безработица и голод вызвали уже в начале 40-х годов волнения рабочих. В 1844 г. произошли крупные голодные бунты в Праге, Литомержицком, Кралевоградецком и других округах; озлобление рабочих в первую очередь направлялось против машин. Волнения и стачки, сопровождавшиеся уничтожением машин, вспыхнули в Праге (в июне), Либерце (3 июля), Смихове (15 июля), Чешской Липе (22 июля) и многих других городах. Австрийское правительство ожесточенно боролось против выступлений рабочих, не останавливаясь перед расстрелом безоружных рабочих демонстраций. Но, несмотря на репрессии, волнения продолжались.

Буржуазия в Чехии

Одной из особенностей развития капитализма в Чехии в середине XIX в. явилось сосредоточение крупной промышленности главным образом в руках немцев, а средней и мелкой — в руках чехов. В связи с этим чешская национальная

буржуазия стремилась к завоеванию политических прав, чтобы вытеснить своих немецких конкурентов, пользовавшихся поддержкой австрийского государственного аппарата.

Выразительницей интересов чешской буржуазии явилась чешская интеллигенция, которая своими трудами, сначала литературными и лингвистическими, позже историческими и политическими, в значительной степени содействовала пробуждению национального самосознания чешского народа.

Чешская и немецкая буржуазия имели, конечно, и общие цели — уничтожение абсолютизма и феодальных порядков, установление конституционных свобод. Но вместе с тем у чешской буржуазии были специфические задачи, обусловленные ее подчиненным, по сравнению с немецкой буржуазией, положением. Борьба за национальное равноправие, за равенство чешского и немецкого языков в школах и учреждениях была в то же время борьбой чешской буржуазии против немецкого господства в экономической и политической жизни страны.

Дворянская оппозиция

Известное недовольство существующим положением было и среди чешского дворянства. Одна его часть, почти совершенно онемечившаяся, уже давно была тесно связана с венским двором, экономически, политически и лично; другая часть выступала в защиту «исторических прав» чешского королевства, за автономию чешского сословного сейма и превращение его в центральный орган для всех земель чешской короны с некоторой законодательной властью. Права и привилегии чешского дворянства воплощались прежде всего в сословном сейме, в котором оно полностью господствовало. Этот сословный сейм, имевший некогда важные права (например, утверждение налогов), с течением времени утратил всякое значение.

За сеймом сохранилось единственное «право» — соглашаться с решениями центрального правительства и способствовать их практическому осуществлению.

В целях исторического обоснования утраченных привилегий чешские аристократы стали оказывать покровительство историкам, доказывавшим незыблемость прав чешской короны и ее дворянства. Историкам был открыт доступ к фамильным архивам чешских дворян. Чешские ученые использовали эти материалы для создания истории не только чешского дворянства, но и чешского народа.

Подъем национальной культуры в конце XVIII — начале XIX в.

Развитие в конце XVIII — начале XIX в. капиталистических отношений в Чехии сопровождалось подъемом национального движения, проявившегося прежде всего в области культуры. Наступивший в этот период расцвет чешской науки, литературы и искусства, известный под названием «чешского возрождения», связан с именами историков и философов К. Унгара, Ф. Пельцеля, И. Добровского, Ф. Палацкого, П. Шафарика, В. Дуриха, писателя и издателя В. Крамериуса, поэтов Я. Коллара, И. Юнгмана, Ф. Челяковского и др. Произведения этих авторов способствовали возрождению и совершенствованию чешского литературного языка, пропаганде национально-освободительных традиций чешской истории. Они рисовали перед чешским народом героические картины его прошлого, победоносную борьбу его гуситских предков с полчищами европейского рыцарства, расцвет и могущество чешского королевства в XIV в.

Важную роль в возрождении национальной культуры сыграли «История чешского народа» Ф. Палацкого, начавшая выходить в 1836 г., «Славянские древности» и «Славянская этнография» П. И. Шафарика, поэма

«Дочь славы» Я. Коллара, переводы Вацлава Ганки на чешский язык многих русских и сербских произведений. Благотворное влияние на развитие чешской национальной культуры имели всё расширявшиеся в этот период чешско-русские научные и культурные связи. Важную роль в укреплении национального самосознания чешского народа сыграло непосредственное общение чехов с русскими людьми в период пребывания на территории Чехии суворовских и кутузовских войск.

С конца XVIII в. развиваются тесные чешско-русские культурные связи. Появляются первые переводы русских народных песен, а затем произведений Пушкина, Лермонтова, Жуковского, Батюшкова, Кольцова, Гоголя и других русских поэтов и писателей. В 20 — 40-х годах чешские и русские ученые завязывают близкие научные связи, устанавливают личный контакт. Все это сыграло важную роль в развитии чешской культуры, опиравшейся на огромные достижения культуры братского русского народа.

Публицистика и политические общества в Чехии в 40-х гг.

В предмартовские дни 1848 г. широкое распространение в Чехии получили политические брошюры, исходившие не только из оппозиционных, но и из правительственных кругов. Обе стороны пропагандировали свою точку зрения. Эти брошюры, в изобилии проникавшие в широкие народные массы, знакомили их с актуальными политическими вопросами. Авторы брошюр принадлежали к различным национальностям, к различным классам и политическим направлениям. Оппозиционные правительству немецкие публицисты в подавляющем большинстве стояли на либеральных позициях и выступали лишь за ограничение абсолютизма и разделение власти между государем и представителями народа, за освобождение государства от влияния церкви, за политические свободы, но ни один из них не высказывался за полное национальное равноправие. Чешские же буржуазные общественные деятели, заинтересованные прежде всего в разрешении национальных проблем, боролись за равноправие чешского и немецкого языков, за самоуправление Чехии (в составе Австрии), за восстановление «исторических прав» чешского королевства.

Первые попытки создания политических организаций в Чехии были сделаны задолго до 1848 г. Их зародышем были читательские клубы — «беседы». Именно к таким «беседам» принадлежала основанная в 1840 г. Ф. Л. Ригером и его друзьями частная читальня, членами которой стали 19 молодых представителей чешской интеллигенции; на членские взносы выписывались журналы и газеты — немецкие, русские, польские и другие, а их содержание сообща обсуждалось. В 1843 г. возникло много подобных обществ. В том же году чешской интеллигенции был открыт доступ в «Промышленное общество», основанное пражским бургграфом Хотеком еще в 1833 г. и бывшее до 1843 г. чисто немецким обществом. В него вошли тогда историк Ф. Палацкий, доктор Ф. Браунер, писатель П. Троян, адвокат Ф. Ригер и ряд других чешских либерально-буржуазных политиков, в связи с чем общество стало уже чешско-немецким. В 1846 г. в Праге возник новый политический центр — «Мещанская беседа». Чешская буржуазная интеллигенция все более и более активно принимала участие в политической жизни страны. Общим лозунгом чешской буржуазии было национальное равноправие во всех областях экономической, политической и культурной жизни.

Однако уже в этот период среди чешской буржуазии наметились два основных направления. Одно из них возглавлялось Ф. Палацким, Браунером и их сторонниками, участвовавшими в покровительствуемых властями «Промышленном обществе» и «Мещанской беседе».

Чешский «Рипил»

Во главе другого направления, ставшего позднее ядром радикально-демократической партии, стояли Карел Сабина, Винценц Вавра, Эмануель Арнольд и другие лица, создавшие в 1846 г. тайное общество «Рипил». Это общество, принявшее имя ирландской национальной организации, насчитывало до 30 членов. Общество не было чисто чешским; в нем участвовали также и немцы, выступавшие против абсолютизма. Наиболее видными членами общества были, кроме упомянутых, чехи — доктор медицины И. В. Подлипский, писатель Я. Кнедльганс-Либлинский, адвокат Ф. Гавличек, В. Гауч, владелец гостиницы П. Фастер, немцы — доктор прав Клиберт, чиновник магистрата Л. Рупперт и другие. Некоторые из членов общества (К. Сабина, Э. Арнольд) находились уже тогда под сильным влиянием идей французского мелкобуржуазного социализма. «Рипил» при своем возникновении не имел определенной программы и ясных целей. Один из его участников, Э. Трмаль-Тоушицкий, в своих «Воспоминаниях о Чешском Рипиле» указывает, что первоначальной целью их собраний было обсуждение перспектив общественного устройства на тот случай, если бы чехам удалось добиться политических свобод и возможности самостоятельного национального развития.

На своих совещаниях члены «Рипила» выработали ряд пунктов программы, не дошедшей до нас: программа исчезла вместе со всеми протоколами общества, которые велись Ф. Гавличком.

Однако известно, что рипилисты главной своей задачей ставили борьбу против габсбургского абсолютизма и привилегий дворянства, за создание демократической республики, за уничтожение барщины и других феодальных повинностей, за улучшение положения рабочих, за полный разрыв с католицизмом. Рипилисты вели среди населения пропаганду демократических идей и лозунгов борьбы против абсолютизма. «Рипил» являлся фактически негласным центром целой сети кружков и обществ, главным образом в Праге. Среди членов этих кружков были ремесленники и рабочие.

МАРТОВСКИЕ ДНИ И ПОДЪЕМ НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В ЧЕХИИ

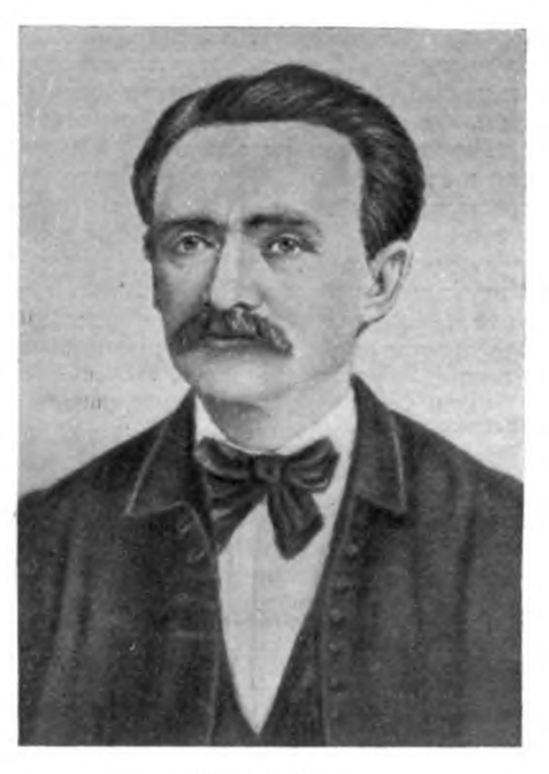
Святоваплавское собрание и первая петиция

Инициатива первого политического митинга в Праге в 1848 г. исходила от общества «Рипил». В. Гауч и Л. Рупперт, в согласии с другими рипилистами, составили и 8 марта расклеили на улицах Праги воззвание к населению на чешском и немецком языках. Воззвание сообщало о революционных событиях в Западной Европе, призывало пражское население «выйти из состояния пассивности» и потребовать принадлежащих народу прав. В этом первом чешском политическом документе 1848 г. выдвигались требования созыва сейма с представительством от всех городов королевства и от крестьянства, вооружения народа, уничтожения цензуры и реорганизации общественных учреждений. Для обсуждения этих требований воззвание приглашало граждан столицы собраться 11 марта в 6 часов вечера в «Святоваплавских купальнях» на общий совет.

По распоряжению властей полиция срывала воззвания, а 9 марта был опубликован правительственный циркуляр, предлагавший населению не обращать внимания на воззвания и не принимать участия в собрании. Однако в назначенное время собралось огромное количество народа — чехов и немцев. Митинг состоялся, положив таким образом начало политическому движению 1848 г. в Чехии.

На этом митинге, в результате длительных прений, был принят текст петиции к императору с требованиями: введения для земель чешской короны единого законодательного сейма, в котором наряду с дворянством и духовенством, было бы действительно представлено городское и сельское население; отмены барщины и других феодальных повинностей; сокращения постоянного войска и организации гражданской национальной гвардии с выборными офицерами; равенства чешского и немецкого языков во всех областях государственной, политической и культурной жизни; свободы слова, печати, собраний и вероисповедания; публичного отчета о государственных доходах, подлежащих расходованию на нужды чешских коронных земель; гласности судопроизводства; свободного самоуправления общин без государственной опеки; гарантии личной безопасности и т. д.

Присутствовавшие на митинге пражские немцы присоединились к этим требованиям чехов.

КАРЕЛ САБИНА

Святовацлавский комитет

Для окончательной редакции петиции и представления ее императору собрание образовало комитет, получивший название Святовацлавского. В него единогласно были избраны П. Фастер, П. Троян, В. Гауч, Ф. Браунер, И. Фрич, А. М. Пинкас, Л. Рупперт, представлявшие пражскую интеллигенцию, банкир Лемель, мельники Вавра и Вискочил, пивовары Вишин и Ванка, кожевник Пштросс, торговцы Батка, Веземан и Брабец и ряд других представителей городской буржуазии, а также барон Виллани и графы В. Дейм, Букуа, А. Вейт, Ф. Тун. Последний отказался войти в Комитет. 13 марта в состав Комитета были дополнительно введены 19 членов: 2 помещика, 2 фабриканта, 7 торговцев и 8 человек, принадлежавших к мелкобуржуазной интеллигенции Праги.

Таким образом, в состав Святовацлавского комитета вошли представители как чешской, так и немецкой буржуазии, буржуазной интеллигенции, а также отдельные представители чешского дворянства.

Комитет вскоре подготовил текст петиции императору, причем некоторыми его членами, во главе с А. М. Пинкасом, была сделана попытка выбросить из принятого 11 марта проекта ряд наиболее радикальных пунктов, а требование отмены барщины, помещичьих судов и т. д. изложить как пожелание «о соответствующей времени реформе крестьянских отношений». Пинкас пытался выкинуть также и требование расширения представительства от народа в сейме, но радикально настроенные члены Святовацлавского комитета, руководимые рипилистами, возражали про-

тив этого. Между тем события в Вене, а также во Франции и Германии все более революционизировали чешское общество. 17 марта пражский пролетариат и мелкая буржуазия потребовали от Святовацлавского комитета восстановления первоначального текста петиции. Комитету пришлось уступить, и 19 марта петиция была отправлена с депутацией ко двору. Одновременно в Вену была послана петиция пражских студентов, требовавших свободы студенческих организаций, свободы преподавания и возможности получать образование на любом из двух языков страны.

В Праге была образована национальная гвардия, в состав которой вошел и Академический легион, состоявший из радикально настроенного студенчества. Но вскоре этот легион выделился из национальной гвардии, находившейся под командованием князя Иосифа Лобковица; все офицерские посты в национальной гвардии были заняты почти исключительно дворянами.

Революционизировалась все более и провинция. Усилились волнения пролетариата в городах (Прага, Брно, Моравска Острава). Чешское крестьянство местами прекратило выполнение феодальных повинностей. В это время возвратилась из Вены пражская депутация: она привезла ответ императора, обходивший молчанием требование самостоятельного центрального правительства для чешских земель. Вопрос же о соединении Чехии, Моравии и Силезии и обновлении их политической и государственной организаций было обещано передать в дальнейшем на рассмотрение сословий этих трех земель.

Вторая петиция и образование Национального комитета

Такой ответ не мог удовлетворить чешское население; оно потребовало составления новой петиции. Вторая петиция Святовацлавского комитета, от 28 марта, подчеркивала, что передача чешских требований на рассмотрение сословных сеймов не может удовлетворить чешское общество, так как эти сеймы, даже при условии расширения их состава путем включения представителей от городов, не могут выражать действительные интересы чешского народа. Петиция снова выдвигала требование образования для Чехии, Моравии и Силезии общего Законодательного сейма с собственным ответственным министерством внутренних дел, пребывающим в Праге.

Между тем с развитием событий в Святовацлавском комитете стал назревать раскол, и к концу марта уже определились две основные группировки: одна — умеренная, проводившая закрытые заседания в «Святовацлавских купальнях», а другая — радикальная, проводившая свои собрания публично на Софийском острове, где руководящую роль снова стали играть рипилисты. Земский президент Чехии, граф Стадион, обеспокоенный ростом влияния левого крыла, предпринял попытку ослабить значение Святовацлавского комитета противопоставлением ему другого органа, который находился бы под его влиянием. Он назначил на 29 марта выборы в Большой гражданский комитет из 100 членов, заявив, что с момента избрания этого органа Святовацлавский комитет должен будет прекратить свою деятельность. В ответ на это в Праге произошли демонстрации и митинги с требованием сохранения Святовацлавского комитета и чистки его от аристократов. Демонстранты требовали также, чтобы граф Стадион скрепил своей подписью вторую петицию. Стадиону пришлось удовлетворить оба требования; он предпринял, однако, новую попытку в том же направлении. 1 апреля он учредил Комиссию для подготовки проектов государственных реформ и пригласил в эту комиссию ряд представителей Святовацлавского комитета из числа его более умеренных членов. Но, по требованию пражских оппозиционеров, вскоре же совершилось слияние Святовацлавского комитета с Комиссией и образовался Национальный комитет.

Obgasněnj konstituce.

Národ má negen powinosti, ale také práwa.

Gakož powinosti geho zákonem gsau potwrzeny, takž se slussj, by i práwa geho potwrzené a pogisstěné byly.

Takowé pogisstěnj práw národu náležj k powinostem wlády.

Protož zákon obsahowati má negen práwa a powinosti poddaných ale i powinosti wlády.

Národ má weden býti ku poznánj swých práw, gakož se wodj ku poznánj swých powinostj.

Národu má zákonem se pogistiti mocnost ku hágenj swých práw kýmkoliw mu zužowaných.

Wláda nemá mjti mocnost zákony wydáwati bez wědomosti a swolenj národu, protože tjm způsobem národu gest odňatá mocnost proti zákonům, genž práwu geho na ugmu gsau, dřjwe se ohraditi, nežli mocnost zákonnj obdrželi.

Musj tedy wláda i národ obapolně se o zákony raditi a ge potwrditi.

Národ neylépe znage swé wlastnj potřeby, má mjti práwo předložiti ge wládě, by zákony dle nich se zřjzowaly.

Národu přináležj práwo, obor práw swých rozssiřowati, gakž pokrok času a potřeby geho toho požadugj.

Národ má mjti rukogemstwj že ani wláda ani plnomocnjci gegj kteréhokoliw zákonu russiwě se netknau.

Gakož národ tak i wláda gest powinna zákon zachowáwat.

Wůle národu a wůle wlády musj býti sgednocena při zákonodárstwj.

Wláda tedy nenj samostatná, a gednati může pauze we sgednocenj s národem.

Národ wolj ze swého středu muže w něž důwěru swau zkládá, a kteřj we gménu geho nad udrženjm a neporussenjm tohoto zřjzenj bdjti magj.

Tito mužowé gsau zákonnjmi zástupnjky národu, gsau strážnjky národnjch práw a zákonů wssechněch.

Kde zřjzenj takowé se uskutečnj, tam národ má swau konstitucj.

Karel Sabina.

ОБЪЯСНЕНИЕ КОНСТИТУЦИИ

Афиша, подписанная Карелом Сабиной

Собрание Института Маркса — Энгельса — Ленина. Москва

«Кабинетный лист» от 8 апреля 1848 г.

На следующий день депутация, ездившая в Вену со второй петицией, возвратилась с так называемым «Кабинетным листом» от 8 апреля. Этот «Лист» не удовлетворил многих требований чехов, хотя на некоторые уступки правительство вынуждено было пойти (было обещано ответственное центральное министерство для чешского королевства, получал признание принцип равноправия чешского и немецкого языков и т. д.). Но вопрос об объединении чешских исторических земель в единую автономную единицу передавался на разрешение рейхстага (а не земских сеймов, как это предусматривалось в ответе на первую петицию). Тем не менее представительство от городов значительно увеличивалось, сельское население также получало право быть представленным в сейме. Наместником Чехии назначался племянник императора Фердинанда I — Франц-Иосиф, а земским президентом — граф Лев Тун.

18 апреля начал свою работу Национальный комитет, в составе которого первое место занимала буржуазная интеллигенция, имевшая около 70 мест из 140. Остальные места делились между дворянством и духовенством (20) и буржуазией — как чешской, так и немецкой (около 50). Официальной задачей Национального комитета являлась подготовка материалов и проектов к предстоящему Земскому сейму, для чего он был разделен на 12 секций (конституционных вопросов, крепостных отношений, общественного управления, школьного дела и т. д.). Фактически Национальный комитет превращался в правительство Чехии. Но уже в самом начале в Комитете возникли серьезные разногласия, в первую очередь между немецкими и чешскими его членами.

Взаимоотношения чехов и немцев в Праге. «Письмо во Франкфурт»

В первое время пражские немцы, не имея собственной программы, выступали вместе с чехами. Ряд немецких буржуазных лидеров, как Уффо Горн, Рупперт и другие, в публичных выступлениях подчеркивали свою солидарность с чехами. По соглашению с немецким поэтом К. Эбертом, Палацким было составлено «Заявление пражских писателей», единогласно принятое 18 марта на собрании чешских и немецких писателей и подчеркивавшее единство обеих национальностей в борьбе за автономию земель чешской короны в составе Австрийской империи. В начале апреля было опубликовано второе заявление в таком же духе. Но через несколько дней после этого начались расхождения между немцами и чехами, первые признаки которого появились уже после издания «Кабинетного листа» от 8 апреля. Многие немцы расценили содержащееся в этом документе признание равноправия чешского и немецкого языков как враждебный по отношению к немцам акт и стали выступать против равноправия обоих языков. Возникли разногласия между чехами и немцами в Национальном комитете, в национальной гвардии, в студенческих организациях. Эти разногласия резко обострились в связи с проникновением в среду пражских немцев пангерманских настроений, особенно же в связи с требованием, выдвинутым Франкфуртским комитетом, о включении всех входящих в Германский союз австрийских земель, в том числе и Чехии, в состав Германской империи. Это требование, мотивированное тем, что Чехия, как часть Цислейтании, входила с 1815 г. в Германский союз, занявший место уничтоженной в 1806 г. Германской империи, встретило решительный отпор во всех слоях чешского общества.

Точка зрения руководящих политических деятелей из лагеря чешской либеральной буржуазии была выражена Ф. Палацким в «Письме во Франкфурт» от 11 апреля 1848 г., явившемся ответом на приглашение принять участие в работе Франкфуртского предпарламента.

Указав, что целью собрания во Франкфурте является создание мощной Германской империи, Палацкий заявил в своем письме, что он не может согласиться работать для осуществления этой цели, так как он не немец, а славянин, и поэтому отвергает приглашение. Палацкий доказывал, что объединение германских земель не должно затрагивать Чехию, исторически всегда пользовавшуюся самостоятельностью во внутренних делах. Далее Палацкий сформулировал свою австро-славистскую точку зрения: должна существовать сильная Австрийская империя как союз населяющих ее народов, пользующихся одинаковыми правами и равной защитой закона. «Если бы Австрии не существовало уже с давних пор, мы должны были бы в интересах Европы, в интересах человечества постараться немедленно ее создать», — писал Палацкий.

Эта австро-славистская точка зрения стала затем господствующей среди чешской буржуазии. Сохранение Австрийской империи, хотя и в измененном виде, противоречило интересам европейской революции; на деле идея Палацкого превращалась в орудие контрреволюции и была использована чешскими реакционерами для отвлечения народных масс от классовой борьбы (под предлогом «чисто национальной борьбы»).

Окончательное расхождение чешской и немецкой буржуазии

Вопрос об участии в выборах во Франкфуртский парламент, иначе говоря, вопрос о включении Чехии в состав Германии, привел к окончательному разрыву между чешской и немецкой буржуазией в Чехии.

Чешские политические деятели резко выступили против участия в этих выборах, немцы же в своем большинстве высказались за участие в них. Когда министр Пиллерсдорф все же объявил выборы во Франкфуртский парламент по всем землям империи, в том числе и в землях Чешского королевства, в Национальном комитете произошел раскол. Немецкие депутаты вышли из состава Комитета и 19 апреля образовали самостоятельный Конституционный союз во главе с Гартманом, Гроссом и Риттером. Этот Союз, созданный в качестве противовеса Национальному комитету, ставил своей задачей агитацию за участие во Франкфуртском парламенте и за объединение с Германией.

Таким образом, Национальный комитет превратился в чисто чешский орган. 30 апреля было основано чешское национальное общество «Славянская липа», первоначальной целью которого было противопоставить немецкой агитации за участие в выборах в общегерманское Национальное собрание — чешскую агитацию за отказ от участия в них.

В задачи «Славянской липы» входили защита и развитие конституционного принципа, борьба за полное равенство чешского и немецкого языков, охрана самостоятельности земель чешской короны от притязаний франкфуртских парламентариев. Общество основало газету—«Славянская липа». Старостой общества был избран П. И. Шафарик, секретарем — рипилист В. Гауч. «Славянская липа» развернула энергичную деятельность в чешской провинции, создавая там свои филиалы, библиотеки и т. д. Позже Центральный комитет «Липы» превратился в орган, в котором господствовали либералы и консерваторы, в то время как провинциальные филиалы ее использовались радикалами для агитации среди населения.

Интересным документом, характеризующим «антифранкфуртскую» агитацию, является «Краткий катехизис чешского крестьянина», составленный Прокопом Хохолоушком. «Катехизис» заканчивается так:

«В о п р о с: чего мы можем ожидать, если подчинимся немцам, приняв участие в выборах во Франкфуртский сейм?— О т в е т: великого угнетения от немцев и изменников. Чех снова стал бы презираемым, как до сих пор, не имел бы никакой защиты в учреждениях и права говорить

на своем родном языке. Немцы толпами стекались бы в чешские земли, и чешские крестьяне были бы вытеснены из своих владений; ремесленники в городах не имели бы работы, потому что немецкие фабрики заполнили бы всю страну хотя и более дешевыми, но негодными товарами; чешские фабрики, в которых тысячи людей добывают себе средства к существованию, погибли бы, поскольку они не могли при меттерниховском режиме стать столь же современными и усовершенствованными, как немецкие, и вскоре весь народ, горожане и крестьяне, обнищал бы и вся страна погрузилась бы в крайнюю нужду. Вопрос: что мы должны теперь делать? — Ответ: ...ни при каких условиях не принимать участия в выборах во Франкфуртский сейм».

Результатом этой агитации явился отказ от участия в выборах в 47 избирательных округах из 68, при этом из числа избранных трое депутатов отказались от мандатов. Таким образом, несмотря на немецкую пропаганду и правительственные распоряжения, по всей Чехии избрано было всего 18 депутатов, да и то в большинстве это были немцы.

Борьба, связанная с выборами во Франкфуртский парламент, обострила антагонизм между чехами и немцами. Одной из важнейших причин этого антагонизма было невнимание немецких буржуазных революционеров к чешским национальным интересам, непонимание ими необходимости поддержки чешского национально-освободительного движения.

Ошибочная и вредная политика немецких буржуазных революционеров в национальном вопросе была использована венским двором, искушенным в политике стравливания национальностей, для противопоставления немцев чехам, для раздувания вражды и борьбы между ними.

С другой стороны, эта политика дала возможность чешским либеральным буржуа провозгласить лозунг борьбы «целого» народа, без различия сословий и классов, против немецкого национализма. Этот лозунг был выдвинут для того, чтобы отвлечь трудящихся чехов от классовой борьбы.

Разрыв с немецкой буржуазией поставил чешских буржуа перед необходимостью искать себе новых союзников. Небольшая часть чешской буржуазии, стоявшая на радикально-демократических позициях, пыталась найти себе союзника в чешском пролетариате; большинство же буржуазии стремилось использовать для достижения своих классовых целей буржуазно-национальные движения славянских народов Австрии с тем, чтобы объединить эти движения и встать во главе их. Эта тенденция нашла свое выражение в славянском съезде в Праге в июне 1848 г.

СЛАВЯНСКИЙ СЪЕЗД В ПРАГЕ

Подготовка съезда

Мысль о созыве славянского съезда возникла примерно одновременно во всех славянских землях Австрии к апрелю 1848 г. Уже в середине апреля проект созыва славянского съезда обсуждался чехами, южными славянами и познанскими поляками. Впервые в печати этот проект появился 20 апреля, в статье хорвата Ивана Кукулевича в иллирийских «Национальных известиях». Кукулевич писал, что все славянские национальности имеют не меньшее право, чем немцы, объединиться, созвать общий сейм для обсуждения и решения вопроса о защите и развитии своей народности.

30 апреля в Праге, в доме чешского писателя, издателя «Временника чешского музея» Я. Воцеля, собралось до 20 чехов и поляков. Присутствовал и словак Л. Штур. Среди участников собрания были писатель К. Зап, филолог И. Иордан, барон Нейберг. Собрание приняло предложенный Штуром проект обращения ко всем славянам, составленный в духе

статьи Кукулевича. Было решено привлечь к организации съезда и подписанию обращения видных чешских политических деятелей и представителей дворянства. В тот же день на собрании в «Мещанской беседе» был избран Подготовительный комитет в составе 12 человек: 11 чехов (историк Ф. Палацкий, адвокат Ф. Ригер, библиотекарь и историк В. Ганка, писатель К. Зап, барон Д. Виллани, священник и писатель В. Штульц, барон Я. Нейберг, граф В. Дейм, писатель Я. Воцель, К. Эрбен, филолог И. Иордан) и один поляк (В. Гжыбовский). Кроме того дополнительно были избраны пять человек из горожан для организации хозяйственных мероприятий (торговец Брабец, Кашпар, юрист Ярош, пивовар П. Мноучек и архитектор Рыпота). Председателем Комитета был избран граф И. М. Тун. Уже на следующий день, при обсуждении текста приглашения на съезд, в Комитете обнаружились разногласия, в первую очередь между поляками и чехами. Польский представитель настаивал на том, чтобы обращение было адресовано всем славянам и чтобы одной из задач съезда явилось содействие восстановлению Польши. Палацкий же, возглавлявший чешскую группировку, подчеркивал необходимость сохранения Австрии и возражал против участия в съезде неавстрийских славян.

После длительных прений восторжествовала точка зрения Палацкого. Приглашение было обращено к австрийским славянам, но в конце его указывалось, что если и другие славяне выразят желание принять участие в съезде, то будут сердечно приняты в качестве гостей. Славянский съезд должен был собраться в Праге 31 мая.

5 мая было опубликовано обращение к неславянским народам Австрии, указывавшее, что предстоящий съезд не имеет враждебных намерений по отношению к этим народам. Обращение подчеркивало твердое намерение организаторов съезда оставаться верными Габсбургско-Лотарингскому дому и единству Австрийской империи.

Вызывающая позиция, занятая членами Франкфуртского комитета, возмутила чехов. Выступая во Франкфурте с сообщением об отношении чехов к Франкфуртскому парламенту, член этого комитета Шиллинг заявил: «Поскольку не удается сохранить Чехию в составе Германского союза путем убеждения, она должна быть прикована к Германии мечом».

Отвечая на это заявление в собрании Национального комитета 11 мая, Ф. Л. Ригер сказал: «Я спрашиваю вас, не является ли это нарушением национальных прав: — они утверждают, что союз князей [Германский союз] уничтожен и что на его месте они хотят иметь свободный союз народов,— нам же говорят: если не пожелаете этого, мы принудим вас мечом. На такие аргументы мы окажемся в конце концов вынужденными отвечать цепом!».

Некоторые члены Подготовительного комитета попытались найти новых союзников против Франкфуртского парламента. 11 мая доктор К. Гаспар предложил пригласить для участия в съезде итальянцев и румын, а Ригер — чешских немцев, чтобы отколоть их от Франкфуртского парламента. Однако оба предложения были отвергнуты большинством членов комитета.

Программа съезда

Важнейшим результатом деятельности Подготовительного комитета было составление «Программы вопросов, подлежащих обсуждению на Славянском съезде». Программа ставила четыре основных вопроса. Первый касался союза славянских народов империи для взаимной защиты и поддержки «на тот случай, если бы конституционные свободы или национальная самостоятельность одного из членов союза подверглась опасности, грозящей извне или изнутри страны». Программа предлагала обсудить форму и способы заключения такого союза.

Второй вопрос затрагивал отношения славянских народов к остальным народам Австрийской империи и условия создания союзного австрийского государства. Программа предлагала созыв в Вене национального сейма всех народов империи, представленных одинаковым количеством депутатов, для образования такого государства. Вместе с тем программа осуждала угнетение венграми славянских народов, призывала венгров к справедливому отношению к этим народам и предупреждала, что если дело дойдет до кровавой борьбы венгров против славян, то представленные на съезде народы «присоединятся к своим единоплеменникам не только потому, что они являются братскими народами, но и потому, что справедливость на их стороне».

Третьим вопросом было отношение славян австрийских к остальным славянам. Программа ограничивалась здесь некоторыми общими предложениями об укреплении связи между славянами (главным образом, культурной), пожеланиями прекращения польско-русских споров и освобождения турецких славян и выражением надежды, что прусское и саксонское правительства откажутся от политики онемечивания славянских народов.

Наконец, в четвертом вопросе речь шла о необходимости определить отношение австрийских славян к неславянским народам Европы. Здесь программа решительно высказывалась против всяких попыток включения австрийских земель, полностью или частично, в состав Германии и предлагала съезду протестовать против претензий Франкфуртского парламента.

Деятельность съезда

К концу мая большинство участников съезда прибыло в Прагу. Население устраивало им торжественные встречи. Делегаты разделились на три секции — чехословацкую, польско-русинскую и южнославянскую.

В чехословацкую секцию входило 237 человек. Председателем ее был избран П. И. Шафарик, заместителем мораванин Я. Дворжачек. Во главе польско-русинской секции, состоявшей из 61 человека, стал участник революционного движения в Познани Карл Либельт; его заместителем был Г. Гинилевич. Южнославянская секция, имевшая в своем составе 42 серба, хорвата, словенца и далматинца, избрала своим председателем священника Павла Стаматовича, а его заместителем Франтишка Заха, мораванина из Сербии. Каждая секция делегировала по 16 человек в Большой комитет. Старостой съезда был избран Франтишек Палацкий, его помощниками — словенец Станко Враз из Загреба и Юрий Любомирский из Галиции.

2 июня произошло торжественное открытие съезда. Необходимо отметить, что руководители съезда сочли нужным подчеркнуть свою лойяльность по отношению к Австрийской империи.

На следующий день, 3 июня, в секциях началось обсуждение первого пункта предложенной программы. Все секции были согласны с необходимостью союза славянских народов для взаимной защиты. Однако при обсуждении способов образования союза обнаружились разногласия как между секциями, так и внутри самих секций.

В чехословацкой секции был прежде всего поднят вопрос: является ли съезд лишь совещательным органом или же он должен обеспечить также и осуществление своих решений. Доктор Фрич предлагал съезду ограничиться подготовкой проектов для представления их на решение земских сеймов. Противоположную точку зрения защищал Л. Штур, требовавший, чтобы съезд сам осуществлял свои решения. Он предлагал решительно выступить за реорганизацию Австрии в союз совершенно равноправных государств, в котором каждый славянский народ пользовался бы полной

самостоятельностью и имел бы свой сейм. Эта точка зрения была поддержана К. Гавличком.

После продолжительных прений секция приняла предложенный П. Шафариком проект решения по первому пункту программы в следующей весьма общей редакции: «Собравшиеся представители славянских общин и народов всего Австрийского государства, в том числе и земель Венгерской короны, вступают на основе принципа конституционных свобод в союз для защиты своей национальности в полном смысле этого слова там, где они уже пользуются национальными правами, и для достижения этих прав там, где они еще лишены их. Они намерены для этой цели употребить все средства, которые в справедливо устроенном обществе возможны и действенны для защиты естественных прав против угнетателей».

Южнославянская секция в своем большинстве присоединилась к австрославистской точке зрения чехословацкой секции.

Проект Либельта

Присутствовавшие на съезде представители демократических кругов славянской буржуазии, участвовавшие во всех трех секциях, не были удовлетворены столь общими заявлениями. Не были они удовлетворены также и австрофильским характером предложенной Подготовительным комитетом съезда программы, сосредоточенной на одном лишь национальном вопросе. 4 июня на частных совещаниях демократических участников съезда было принято решение о необходимости выступить против этой программы и предложить съезду новую. В выработке новой программы приняли участие К. Либельт, Ю. Любомирский, Б. Клацель, Ф. Зах, Л. Штур, Ф. Теребельский и др. Проект новой программы был представлен съезду К. Либельтом, председателем польско-русинской секции. Проект не содержит специфически польских требований, как это утверждается обычно в литературе. Напротив, в нем содержится ряд общедемократических требований буржуазных свобод, реформы избирательной системы в сторону ее демократизации, а также требование улучшения положения рабочих.

Проект предусматривал подготовку «Манифеста к европейским народам», излагающего принципы и цели Славянского съезда, составление петиций к императору с изложением требований славянских народов Австрии, заключение союза славянских народов, а также определение средств осуществления принципов и целей съезда.

«Манифест к европейским народам» должен был содержать, кроме «общих» принципов справедливости, равенства и свободы для всех народов, также и ряд конкретных требований: законодательные сеймы для каждого славянского народа; свобода определения формы своего правительства; возможно меньшее ограничение пассивного и активного избирательного права; двухпалатная система; вооружение народа; свобода печати, публичных выступлений, союзов, личности, вероисповедания, торговли и промыслов; улучшение положения рабочих; суды присяжных и ряд других подобных же требований.

В петицию императору проект предлагал включить статьи о принципах союза славянских народов под скипетром царствующей династии, о нуждах каждого славянского народа Австрии в отдельности, а также просьбу об открытии австрийских границ для славянских эмигрантов.

Проект Либельта предлагал и средства для осуществления провозглашаемых принципов, например ежегодный двукратный созыв Славянского съезда и создание постоянного комитета для ведения общих дел.

Представители южнославянской секции обратились к съезду с просьбой поддержать требования сербов об объединении Бачки, Баната и Бараньи

в единую административно-политическую область во главе с воеводой. Для обсуждения этих вопросов все секции собрались 5 июня на объединенное заседание.

Просьбу сербов было решено поддержать в форме обращения к императору специальной депутации, которую предположено было командировать ко двору по окончании съезда.

Для подготовки проекта манифеста, предложенного Либельтом, съезд создал Дипломатический комитет, председателем которого был избран Палацкий. В число 10 членов этого комитета вошли Карл Либельт и Франтишек Зах. Комитет подготовил манифест, провозгласивший полное равноправие национальностей и принцип федеративности Австрии; манифест осудил политику разделения Польши и угнетения славян в Венгрии, выразил надежду на освобождение турецких славян и на прекращение политики онемечивания славян в Пруссии и Саксонии и выдвинул проект созыва всеобщего европейского конгресса народов для разрешения всех международных вопросов. Основой этого манифеста был проект Либельта, однако его наиболее радикальные пункты были Палацким опущены. Либельту удалось настоять лишь на включении в манифест некоторых положений, касающихся вопроса о разделах Польши, угнетения венгерских и турецких славян, онемечивания славян в Пруссии и Саксонии.

Основные разногласия

При обсуждении вопросов программы на пленарных заседаниях, в секциях и комитетах имели место серьезные разногласия, главным образом по двум линиям — национальной и партийной. Термин «партийные разногласия» здесь может быть употреблен лишь условно: оформление партий произошло значительно позже. Среди участников съезда была, однако, сложившаяся небольшая группа радикалов, представленная чехами И. Фричем, П. Фастером, В. Гаучем, Ф. Гавличком, К. Сабиной, И. Подлипским, К. Сладковским, поляком К. Либельтом и некоторыми другими.

Ведущая же роль принадлежала большинству чехословацкой секции, возглавляемой буржуазными либералами Палацким и Шафариком — решительными противниками революционных решений.

Большое значение имело различие в национальных стремлениях: чехи ставили главной своей задачей достижение национально-политической автономии земель чешской короны в рамках федеративной Австрийской империи; поляки стремились к восстановлению самостоятельности Польши; южные славяне требовали для своих земель самостоятельной политической организации; словаки — лишь предоставления им равных прав с мадьярами в Венгерском сейме. Эти разногласия тормозили принятие решений по основным вопросам.

Съезд был одним из проявлений славянского национального движения, буржуазного по своему классовому существу и тесно связанного с дворянством. Съезд этот, как и другие национальные выступления, отражал борьбу молодой славянской буржуазии против господства немецкой и венгерской буржуазии в экономической и политической жизни империи. Вместе с тем съезд происходил в обстановке роста недовольства славянских «низов» — пролетариата и крестьянства — шовинистической политикой господствующих в империи наций. Это недовольство создало благоприятные условия для пропаганды идеи созыва славянского съезда. Возглавляя подготовку съезда, чешская буржуазия рассчитывала использовать национальное движение славянских народов для осуществления своих классовых целей.

Господствующей идеей во всех опубликованных и подготовленных съездом документах являлось сохранение и укрепление Австрийской империи, преобразованной в федерацию равноправных национальностей,

пользующихся полным самоуправлением во внутренних делах. Во всех этих документах, как и в деятельности съезда, нет никаких следов намерения сколько-нибудь значительной группы делегатов съезда отстаивать идею государственного объединения славянских народов в единое государство во главе с царской Россией. Необходимо, однако, подчеркнуть, что большинство участников съезда, поскольку оно защищало австрославистскую теорию, заняло, таким образом, враждебную европейскому революционному движению позицию, так как одной из главнейших задач этого движения была борьба за уничтожение реакционной империи Габсбургов. Поддержка же этой империи означала на деле укрепление сил европейской контрреволюции, а тем самым косвенно и поддержку русского царизма, что неоднократно отмечалось Марксом и Энгельсом, призывавшими европейских революционеров к революционной войне против царизма. Именно с этой точки зрения основоположники марксизма осуждали восторжествовавшую на съезде политику славянской, прежде всего чешской, буржуазии, которая пошла на открытый союз и сотрудничество с дворянством и Габсбургами против революционного движения.

Прекращение деятельности съезда

12 июня состоялось заседание съезда, на котором был принят «Манифест к европейским народам». Было решено в последующие два дня обсудить предложения комитетов по второму и третьему пунктам программы и 14 июня собраться на заключительное заседание. Однако разыгравшиеся в Праге 12 июня события сделали дальнейшую деятельность съезда невозможной. По распоряжению начальника национальной гвардии князя Лобковица поляки, сербы, хорваты и другие делегаты, не принадлежавшие к местному населению, должны были 13 июня покинуть Прагу.

Оставшиеся в Праге делегаты, главным образом чехи, собравшись 16 июня, объявили съезд отложенным на неопределенное время.

Прекращение деятельности славянского съезда совпало с началом пражского восстания, явившегося кульминационным пунктом революционного движения в Чехии в 1848 г.

ПРАЖСКОЕ ВОССТАНИЕ

Подъем революционного движения в Чехии

Революционная борьба в Вене в майские дни, заставившая императора бежать в Инсбрук, усилила симпатии чешской демократии к венским революционерам, но, с другой стороны, сплотила силы контрреволюции. Граф Лев Тун, отказавшись подчиниться возникшему в Вене правительству, 30 мая создал Временный правительственный совет (известный более под названием Временного правительства), в состав которого вошли Ф. Палацкий, Ф. Ригер, Ф. Браунер, Боррош, адвокат Штробах, графы А. Ностиц и В. Вурмбранд, охарактеризованные Туном в письме к императору как люди «благонамеренные». Вхождение руководителей Национального комитета во Временное правительство на деле означало игнорирование ими возникшего в результате майской борьбы в Вене правительства, фактическую ликвидацию Национального комитета и сосредоточение всей власти в руках земского президента графа Туна. Революционно настроенная часть чешской буржуазии и интеллигенции была возмущена поступком «благонамеренных» и образовала свой Комитет. Этот Комитет имел связи с венскими революционерами и польскими эмигрантами и опирался на чешский пролетариат.

Чешский пролетариат вышел на политическую арену уже в самом начале мартовских событий. Именно по его требованию на состоявшемся

11 марта первом Святовацлавском собрании обсуждался пункт об организации труда и упорядочении заработной платы. 17 марта рабочие подали Святовацлавскому комитету скрепленное 1200 подписями требование о снижении цен на хлеб, и Комитет создал специальную комиссию по этому вопросу. В конце марта вышел первый номер организованной Ф. Кампеликом рабочей газеты «Гласник». Рабочие текстильной промышленности организовали много стачек. В конце мая началась забастовка типографских рабочих, требовавших повышения заработной платы. Серьезные волнения происходили среди ситцепечатников, особенно страдавших от безработицы. Рабочие требовали хлеба и ограничения применения машин. 3 июня произошли крупные волнения на императорских мельницах в Бубенчи, подавленные при помощи войск.

Усилившееся революционное движение оказывало влияние и на сельское население, повсеместно прекратившее выполнение феодальных повинностей. Волнения в деревне создавали угрозу всеобщего крестьянского восстания и ставили чешское дворянство перед необходимостью пойти на уступки. Представители крупных землевладельцев Чехии князь Гуго Сальм и другие подали 20 марта на имя императора петицию с предложением издать закон о выкупе барщинных повинностей. Ответом правительства был императорский патент от 28 марта, предписывавший выкуп барщинных повинностей в чешских землях с 31 марта 1849 г. Размеры выкупа предполагалось определить позже.

Собравшийся 31 мая Моравский сейм, в котором около $^2/_5$ депутатов были представителями от сельских местностей, принял решение о прекращении барщины в Моравии не с 31 марта 1849 г., а с 1 июля 1848 г. В страхе перед крестьянским восстанием император согласился с этим решением.

В Чехии же сословный сейм не собрался, и единственным результатом выступлений за отмену барщины явились обещания отмены крепостной зависимости, содержавшиеся в «Кабинетном листе» от 8 апреля.

Провокационные действия австрийской военщины

20 мая в Прагу прибыл командующий расположенными в Чехии войсками фельдмаршал князь Виндишгрец. Надменный аристократ, приверженец габсбургского абсолютизма, Виндишгрец был известен как руководитель кровавого подавления рабочих волнений в 1844 г. Усмотрев в Чехии опасность для Австрийской монархии, Виндишгрец немедленно начал стягивать к Праге войска.

С начала июня в Праге начались беспрерывные военные смотры и учения, город был наводнен войсками.

Пражские студенты, поддерживавшие связи со студентами Вены, выступили инициаторами требований о прекращении военных приготовлений и послали к заместителю командующего эрцгерцогу Карлу-Фердинанду депутацию, но тот сослался на свою некомпетентность в решении этих вопросов. Тогда студенты обратились к населению Праги с воззванием:

«Жители и сограждане пражские!

Уже в течение долгого времени производятся в нашем главном городе тайно, по ночам военные приготовления, которые не могут не вызвать у нас величайшего беспокойства. Целые батареи привозятся ночью на позиции и устанавливаются явно против города, т. е. на Вышеграде, Петржине, у казарм на площади Иосифа.

Гарнизоны наши и польские посылают открытые письма такого содержания, что, дескать, нынешнее возбуждение гражданского населения более не может быть терпимо. Все это налагает на студенческий легион священную обязанность всеми силами и со всей решительностью сопротивляться каждому

1848. d. 12 Juni

Prohlášení

prwního sjezdu slowanského w Praze k národům ewropejským.

Sjezd slowanský w Praze jest příběh nowý jak w Ewropě, tak i mezi Slowany samými. Ponejprw co nás jmenuje dějepis, sjeli jsme se rozptýlení audowé welikého kmene národů w hojném počtu z dalekých krajin, abychom poznajíc se mezi sebau zase co bratři, wzali w pokojnau poradu společné swé záležitosti. I dorozuměli jsme sobě netoliko krásným swým od osmdesáti millionůw mluweným jazykem, ale i sauzwučným tlukotem srdcí swých i stejnosti duševních swých prospěchů. Prawda i přímost, kteréž wedly weškerá naše jednání, ustanowily nás na tom, abychom také před bohem i před swětem wyřkli, co sme chtěli a jakými zásadami sme w jednání tom se řídili.

Národowé romanští a germanští, druhdy slawní w Ewropě co mocní podmanitelé, pojistili od tisíciletí sílau meče swého netoliko státní swau neodwislost, ale uměli také wyhowěti wšelijak swé chtiwosti po panstwí. Státní umění jejich, zakládajíc se hlawně na práwu wětší síly, osobowalo swobodu toliko wyšším stawům, wládlo prostředkem privilegií, lidu pak neukládalo než same powinnosti; teprw za nejnowější doby podařilo se moci weřejného mínění, rozléhající se co dech boží náhle po wšech krajinách, zrušiti wšecka pauta feudalismu a nawrátiti jednotliwci zase wšude nepromlčitelná wěčná práwa člowěka i člowěčenstwa. Tomu naproti u Slowanů, kdežto swoboda od jakžiwa milowána byla tím wraucněji, čím méně jewila se u nich chtiwost po panowání a podmaňowání, kdež tauha po neodwislosti wždy překážela utwoření jakékoli wyšší austřední moci, upadal během wěků kmen po kmenu w odwislost; politikau, která před očima swěta dáwno již jak sluší jest odsauzena, zbawen jest posléze i hrdinský národ Polanůw, našich ušlechtilých bratří, swé státní bytosti; celý weliký swět slowanský zdálo se že octnul se na wždy w porobě, jejížto pak ochotní slauhowé neopomíjeli upírati jemu až i schopnost ke swobodě samu. A wšak i toto pošetilé domnění hyne konečně před slowem božím, mluwícím ohlasně k srdci každému w ohromných přewratech doby této; duch dosáhl konečně wítězstwí; kauzlo staré kletby zrušeno jest; stawba tisíciletá, kterauž stawěla i hájila síla surowá we spolku se lstí a potměšilostí, boří se před očima našima w sutiny; čerstwý duch žiwota, wanaucí po širých niwách, twoří nowé swěty; slowo swobodné, skutek swobodný staly se konečně prawdau. Tu powztýčiw i dlauho utištěný Slowan opět hlawy swé, plaší násilí od sebe a hlásí se mocným důrazem o staré swé dědictwí, o swobodu. Silný počtem, ještě silnější wůlí swau a nowě nabytau bratrskau jednomyslností swých kmenů, zůstáwá nicméně wěren swé přirozené powaze i zásadám otců swých: nežádá panstwí ani wýboje, ale žádá swobodu, jak pro sebe tak i pro každého, žádá aby wšeobecně bez wýminky uznána byla co nejswětější práwo člowěka. Protož my Slowané zawrhujeme a w ošklíwosti máme každé panstwí pauhé síly, stawící se zákonům w bok; zawrhujeme wšecka privilegia i nadpráwí, jakož i wšecky politické rozdíly stawůw; žádáme bez wýminky rownost před zákonem i stejnau míru práw a powinností pro každého; kdežkoli mezi milliony i jeden porobek se rodí, tamť ještě prawé swobody neznají. Ano, **swoboda, rownost a bratrstwí** wšech we státu žijících jest, jako před tisíciletím, tak i dnes zase heslem našim.

A wšak my netoliko pro jednotliwé osoby we státu pozdwihujeme hlasů swých a předkládáme žádosti swé. Neméně swatý, nežli člowěk we přirozeném swém práwu, jest nám i *národ* s auhrnkem duševních jeho prospěchůw. Byť i dějepis přiřknul dokonalejší lidské wywinutí některým národům před jinými, wždy přece ukazuje, že schopnost k wywinowání se těchto jiných národů nikoli obmezena není. Příroda, neznajíc ani ušlechtilých ani neušlechtilých národů sama w sobě, nepowolala nižádného z nich ku panowání nad druhým, aniž určila kterého k tomu, aby slaužil druhému za prostředek k jeho zwláštním aučelům; stejné práwo wšech k nejušlechtilejší lidskosti jest zákon boží, jehožto žádný z nich bez trestu přestaupiti nesmí. Pohříchu wšak zdá se, že zákon takowý za našich dnů ještě ani u nejwzdělanějších národů není uznán a zachowáwán, jakby náleželo; čeho naproti jednotliwým osobám již dobrowolně se odřekli, wrchnosti totiž a poručnictwí, to ještě wždy osobují sobě naproti jednotliwým národům; přiřkají sobě panstwí we jménu swobody, neumějíce tuším děliti

ВОЗЗВАНИЕ СЛАВЯНСКОГО СЪЕЗДА К НАРОДАМ ЕВРОПЫ

Афиша

Собрание Института Маркса — Энгельса — Ленина. Москва

покушению реакционеров. Поэтому руководство легиона сегодня посылает депутацию к здешнему главнокомандующему, чтобы добиться одобрения следующих пунктов:

1) Выдачи студенческому легиону 2 тысяч ружей и 80 тысяч боевых патронов.

2) Выдачи студенческому легиону одной вполне снаряженной батареи.

3) Удаления с Вышеграда, Петржина и других угрожающих городу мест тайно установленных на них ночью батарей».

По приказу начальника пражского гарнизона князя Лобковица это воззвание было сорвано, что вызвало в Старом городе возмущение, для усмирения которого была созвана национальная гвардия.

ИОЗЕФ ФРИЧ

Виндишгрец отверг требования студентов, отказавшись вообще их обсуждать и заявив при этом: «Я поставлен на это место императором и только перед ним обязан отвечать за свои поступки».

Восстание 12 — 17 июня

В ответ на это в тот же день в «Святовацлавских купальнях» состоялось собрание пражан, на котором Карел Сладковский призвал население требовать удаления Виндишгреца и отвода войск из Праги. Оратор приглашал народ принять участие на следующий день в демонстративном торжественном богослужении во имя братства.

Утром 12 июня на Конской площади, где должно было состояться богослужение, собралась огромная толпа народа, в том числе свыше 2 тыс. рабочих. После церковной службы вся эта масса людей пошла по улицам Праги. Часть демонстрантов направилась ко дворцу Виндишгреца для выражения протеста против его действий, но была встречена выстрелами. Это послужило сигналом к восстанию. На улицах города немедленно возникли сотни баррикад.

Восстание вспыхнуло стихийно, без определенного плана и не имело руководящего центра. Напротив, войска уже давно готовились к выступлению против народа и в полдень начали наступление на восставших.

Разрозненные группы повстанцев оказывали войскам ожесточенное сопротивление. Вместе с чехами на баррикадах сражались и немцы, но главную роль играли чехи. Во главе отдельных групп были К. Сладковский, И. Фрич, К. Сабина и другие представители революционной буржуазии и интеллигенции, возглавлявшие радикально-демократическое крыло чешского движения 1848 г.

Весть о событиях в Праге привела в волнение и провинцию, где немедленно стали формироваться отряды для помощи пражанам. Главари

повстанцев понимали важность и необходимость поддержки со стороны провинции и пытались распространить восстание на все чешские земли. С утра 13 июня в окрестные города и деревни были отправлены делегаты, среди которых были П. Фастер, братья Шульц и другие радикалы. Деревня откликнулась на призыв восставших. Многочисленные крестьянские отряды направились к Праге. Одним из таких отрядов была занята железная дорога Прага — Пардубице. Восстание грозило распространиться на всю Чехию.

БЛАГОДЕЯНИЯ КОНСТИТУЦИИ

В Праге повстанцами был взят в плен земский президент граф Лев Тун. Рабочие и ремесленники района Праги Подскалья превратили свой район в крепость и построили понтонный мост через Влтаву, соединивший Подскалье с остальной частью города. Продолжали укрепляться и другие районы.

Напуганные перспективой общечешской революции, чешские либералы и консерваторы уже 13 июня предприняли попытку выступить посредниками между восставшими и Виндишгрецем, чтобы добиться прекращения борьбы. Палацкий, Шафарик и барон Нейберг, поддержанные бургомистром и членами магистрата, взяли на себя посредничество и получили от Виндишгреца обещание прекратить военные действия, если восставшие освободят графа Туна и уничтожат баррикады. Однако, когда Тун был выпущен и в одном из районов города — Малой стороне — баррикады были разобраны, ружейный обстрел города не прекратился. Жители Праги возобновили борьбу. Тем временем Тун опубликовал два воззвания. Первое призывало граждан Праги прекратить сопротивление, второе было обращено к крестьянам, отряды которых уже приблизились к городу.

«Я должен вас строго предостеречь от всякой попытки проникнуть в город,—грозил крестьянам Тун в этом воззвании,—если же вы осмелитесь

АВСТРИЙСКАЯ «СВОБОДА ПЕЧАТИ»

войти в город силой, против вас будут применены, к вашему большому вреду, законные силы».

Однако борьба продолжалась. 14 июня Виндишгрец начал бомбардировать Прагу.

Одновременно в Прагу прибыли из Вены правительственные комиссары — генерал Менсдорф и надворный советник Клецанский, посланные Пиллерсдорфом для содействия подавлению восстания. Многочисленные депутации обратились к комиссарам с просьбой о немедленном отстранении от командования Виндишгреца и о выводе войск из Праги.

15 июня комиссары опубликовали заявление, в котором говорилось, что «...генерал-от-кавалерии граф Менсдорф принимает на себя временно главное командование в Чехии. Войска будут выводиться из Праги по мере того, как будут убраны стоящие до сих пор баррикады. О немедленном уничтожении этих баррикад город позаботится сам. Патрульную службу отныне должны будут нести совместно войска и национальная гвардия...»

Однако Виндишгрец вовсе не был намерен действительно отказаться от командования; при помощи офицерства он организовал демонстрацию солдат, недовольных якобы вмешательством комиссаров. Немедленно была возобновлена бомбардировка города, причем от имени войск было заявлено, что в случае отстранения Виндишгреца от командования Прага будет сметена с лица земли.

Тем временем некоторые наиболее радикально настроенные делегаты Славянского съезда попытались объединить усилия восставших, создать единый руководящий центр. Однако из этой попытки, предпринятой 15 июня, ничего не вышло, время было упущено.

БАРРИКАДА В СТАРОМ ГОРОДЕ В ПРАГЕ 16 ИЮНЯ 1848 Г.

Ксилография 1848 г.

Собрание Института Маркса — Энгельса — Ленина. Москва

На следующий день Фрич покинул Прагу и отправился в провинцию, чтобы привести на помощь восставшим крестьянские отряды. Однако было уже поздно. Виндишгрец принял все меры, чтобы не допустить к городу эти отряды, численность которых превышала уже несколько десятков тысяч человек. Необученные, плохо вооруженные отряды крестьян не могли противостоять регулярным войскам и 17 июня были разбиты у Беховиц.

16 июня Виндишгрец, вместе с президентом Туном, предъявили восставшим ультиматум: «безоговорочно капитулировать, уничтожить все баррикады, разрушить вновь сооруженный на Подскалье понтонный мост и сдать все оружие. Для этого устанавливается срок до 12 часов дня... Если же восставшие не исполнят этого, земскому правительству не останется ничего другого, как обстрелом принудить город к сдаче».

В тот же день, 16 июня 1848 г., началась последняя ожесточенная бомбардировка города, окончательно сломившая силы восставших.

17 июня город капитулировал.

Начались повальные аресты участников восстания. Репрессиям подверглись не только радикалы и демократы, но также некоторые либералы и консерваторы. Распущен был Национальный комитет, а вслед за ним и Временный правительственный совет. Арестованы были даже граф Дейм, барон Виллани, доктор Браунер и Фрич (отец одного из вождей пражского восстания, принадлежавший к либеральному лагерю чешской буржуазии). Все отряды гражданского ополчения были распущены, все ранее данные императором и правительством обещания были забыты.

Подавив восстание в Праге, власти направили свои главные усилия на подавление крестьянского движения. Освободившиеся войска были немедленно рассредоточены по всей стране. Специальные правительственные судебные комиссии начали расследование всех случаев выступлений крестьян и преследование их участников. В разосланном Туном 23 июня распоряжении всем краевым гетманам предписывалось арестовать зачинщиков и главных участников крестьянских волнений и представить сведения о них уголовным судам.

Июньское восстание в Праге, представлявшее собой крупнейшее событие в истории революционного движения в Чехии в 1848 г., было подавлено, но тем не менее оно имело весьма существенное значение для всей дальнейшей политической жизни Чехии.

Пражское восстание явилось результатом подъема революционной антифеодальной борьбы народных масс чешских земель и имело определенно выраженный социальный характер, а не было националистическим антинемецким выступлением, как это утверждала немецкая буржуазная историография. В восстании наряду с чехами приняли участие и немецкие рабочие, ремесленники и представители мелкобуржуазной интеллигенции. Пражское восстание нашло широкий отклик в провинции. Это поставило австрийскую реакцию перед конкретной угрозой демократической революции в чешских землях, вынудив императорский двор сосредоточить в Чехии сорокатысячную армию Виндишгреца, в связи с чем эта армия не могла быть использована в этот период для подавления революционного движения в других частях империи. Все это способствовало ослаблению сил австрийской реакции и укреплению сил демократии.

Чешская буржуазия в своем подавляющем большинстве выступила против восстания, открыто поддержав императорский двор и Виндишгреца. Против восстания выступила и немецкая буржуазия.

Ни немецкие, ни венгерские буржуазные революционеры и демократы не проявили в 1848 г. в национальном вопросе революционной последо-

вательности. Только «Новая Рейнская газета», руководимая Марксом и Энгельсом, «...с первого же момента выступила в защиту поляков в Познани, итальянцев в Италии, чехов в Богемии» [1].

Когда разразилось пражское восстание, Маркс писал: «Новая познанская кровавая баня готовится в Богемии. Австрийская военщина утопила в чешской крови возможность мирного сожительства чехов и немцев» [2]. И далее: «Нация, позволившая превратить себя на протяжении всей своей истории в орудие угнетения всех других наций,— такая нация должна раньше доказать на деле свою действительную революционность...

Революционная Германия должна была, особенно в отношении соседних народов, отречься от всего своего прошлого. Вместе со своей собственной свободой она должна была провозгласить свободу тех народов, которые доселе ею угнетались. А что *сделала* революционная Германия? Она совершенно подтвердила и освятила старое угнетение Италии, Польши, а затем и Богемии при помощи немецкой военщины...

И после этого немцы требуют, чтобы чехи им доверяли! И после этого осуждают чехов за то, что они не желают присоединиться к нации, которая, освобождаясь сама, в то же время угнетает и оскорбляет другие нации» [3].

Маркс и Энгельс поддерживали революционную борьбу чешских народных масс против феодального гнета, поскольку она совпадала с интересами австрийской революции, укрепляла и усиливала лагерь революции. Вместе с тем Маркс и Энгельс резко осуждали немецкую буржуазию, не пожелавшую в ходе революции учитывать национальные интересы славянских и других не немецких народов империи и пытавшуюся сохранить и впредь их подчиненное и угнетенное положение в государстве. Точно так же осуждали они национализм и контрреволюционность чешской буржуазии, стремившейся раздуванием чешско-немецкой национальной вражды отвлечь чешских крестьян и рабочих от социальной, классовой борьбы и направить их на борьбу против австрийской революции.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 242.
[2] Там же, стр. 184.
[3] Там же, стр. 185.

Глава двадцатая

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ И НАЦИОНАЛЬНАЯ БОРЬБА В ГАЛИЦИИ В 1848 Г.

НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИИ

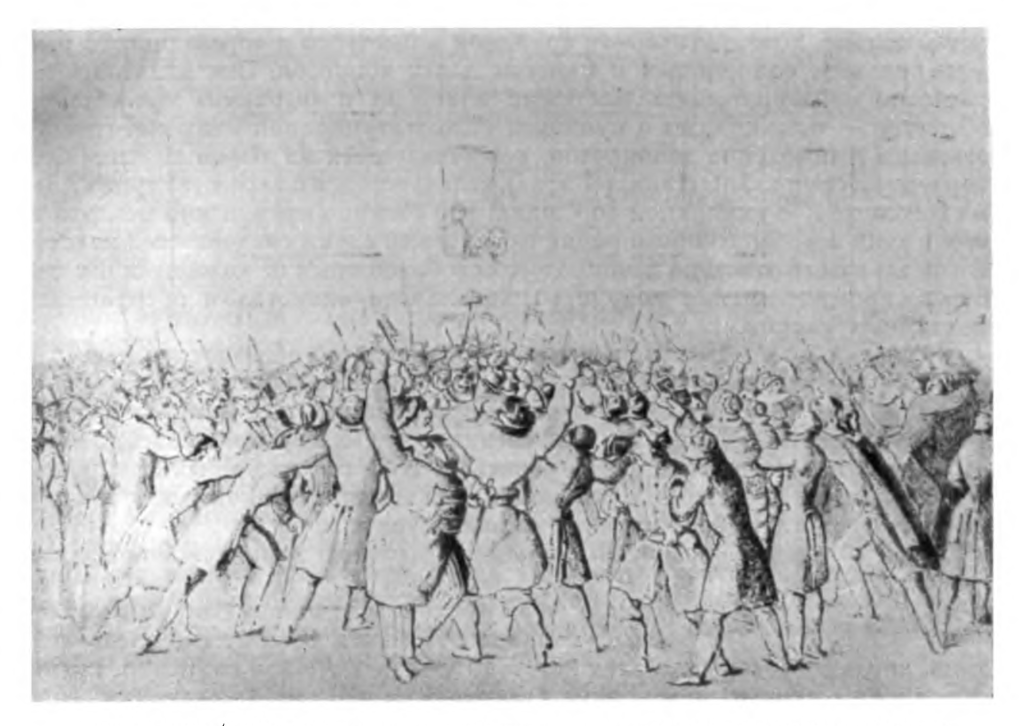
В 1847 г. Галиция, истощенная непрерывными (с 1844 г.) неурожаями полевых культур и распространившейся в эти годы по всей Европе болезнью картофеля, находилась в катастрофическом положении. Цены на сельскохозяйственные продукты были в 1847 г. в три — шесть раз выше, чем в 1843 г. Наибольшие размеры бедствие приняло в горных карпатских селах. Крестьяне тысячами умирали от голода.

Задача ликвидации самодержавно-крепостнических порядков в Галиции продолжала сохранять всю свою остроту. Крестьянское восстание, подавленное в 1846 г., не возобновлялось, но сопротивление барщинному режиму ширилось по всей Галиции.

Галиция и Краков в 1847 г.

Краков, захваченный в 1846 г. Австрией, переживал тяжелый хозяйственный кризис. Ликвидация вольного города и включение Кракова в австрийскую таможенную зону подорвали его посредническую торговлю, пресекли экономические связи Кракова с прилегающими районами Царства Польского и тем самым лишили краковских ремесленников основного рынка сбыта. Продовольственные цены в Кракове, отрезанном в 1846 г. от своего постоянного района снабжения сельскохозяйственными продуктами и объединенном с голодающей Галицией, необычайно выросли. В то же время австрийские власти вводили все новые налоги. В течение одного года налоговое обложение в Кракове повысилось в четыре раза. Недовольство в городе быстро возрастало. На полицейский террор и преследования участников восстания 1846 г. краковские демократы ответили убийством ненавистного австрийского судьи Зайончковского.

Назревал новый революционный взрыв, но во всем крае не было партии, которая могла бы возглавить и повести за собой революционные народные массы — крестьянство и городскую бедноту. Польские тайные демократические организации в Галиции были почти полностью разгромлены в 1846 г. Десятки демократических деятелей находились в заключении. Лишь весной 1847 г. «Централизация» «Польского демократического общества» сумела восстановить связи с краем и возродить в Кракове тайную повстанческую организацию. Однако силы демократической

КРАКОВЯНЕ ТРЕБУЮТ ОСВОБОЖДЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЗАКЛЮЧЕННЫХ
17 МАРТА 1848 Г.

организации были еще крайне незначительны. Революция 1848 г. застала польских демократов в Галиции неорганизованными, не имеющими программы действий.

Первые дни революции в Кракове

Известия о революции в Вене достигли Кракова 15 марта. Под влиянием этих сообщений в Кракове немедленно же началось движение народных масс, выдвинувших 17 марта требование освобождения повстанцев 1846 г., заключенных в краковских тюрьмах. Напуганные этим движением краковские помещики и купцы обратились к управлявшему городом гофкомиссару Дейму с просьбой удовлетворить требования народа, пока движение не приняло еще большего масштаба. Дейм попытался затянуть решение вопроса о заключенных, сославшись на необходимость согласовать этот вопрос с австрийским правительством. Ответ Дейма вызвал яростное возмущение народа. Раздались крики: «Освободим их сами!» Решительность народных масс заставила Дейма капитулировать: в тот же день заключенные были освобождены на поруки. Трудящееся население Кракова восторженно приветствовало освобожденных патриотов. Начался сбор средств в их пользу. Вечером город был иллюминован, улицы были переполнены празднично одетыми жителями. Так прошел первый день революции в Кракове — 17 марта 1848 г.

Народные массы Кракова одержали победу, но она осталась неиспользованной. Отсутствие руководства и программы действий привело к тому, что ни 17 марта, ни в следующие дни не было выдвинуто требований, отражавших жизненные интересы широких трудящихся масс.

Тот факт, что в Вене началась революция и оттуда непрерывно приходили радостные известия о введении конституции, отмене цензуры, амнистии политических заключенных, породил в Кракове иллюзию мирного

установления демократических порядков и быстрого и справедливого разрешения всех социальных и национальных вопросов. Эти иллюзии старательно поддерживались местными властями и «верхами» краковского общества — помещиками и купцами. «Конституционной идиллии» способствовало и поведение демократов, освобожденных из тюрем. Первая бесцензурная газета «Jutrzenka» («Заря»), издававшаяся на средства графа Адама Потоцкого, с умилением сообщала, что бывшие краковские заключенные в знак всеобщего примирения пригласили своих следователей на обед. В той же газете от имени демократов, освобожденных из казематов Шпильберга, провозглашался лозунг национального единства и прекращения партийных споров.

Помещичье-купеческая верхушка стремилась обезопасить себя на случай развертывания революционных событий созданием национальной гвардии. Уже 18 марта был учрежден организационный комитет во главе с графом Петром Мошинским. В последних числах марта краковская национальная гвардия начала формироваться. В ее состав не были допущены ни рабочие, ни крестьяне: национальная гвардия в Кракове, как и в других городах, стала вооруженной силой имущих классов.

Новый толчок развитию событий в Кракове дало прибытие львовской депутации.

События во Львове

Первые известия о революции в Вене были получены во Львове 17 марта 1848 г. На следующий день, когда достоверность этих известий уже не внушала сомнения, группа львовских горожан, руководимая журналистом Яном Добжанским, обратилась к деятелю тайных обществ 30-х годов Роберту Хеферну с предложением выработать адрес-петицию австрийскому императору. Вечером 18 марта адрес был составлен Хеферном совместно с двумя другими участниками «Объединения польского народа» — Францишком Смолкой и Флорианом Землялковским. Этот адрес стал первой политической программой, выдвинутой в Галиции в 1848 г.

Вступительная часть адреса рисовала тягостное положение Галиции; здесь отмечалось, например, отсутствие элементарных свобод, произвол чиновников, «противоестественные препятствия развитию и употреблению национального языка», недостаточность представительства населения в сейме. Адрес указывал далее, что «...после полного насильственного разрыва в феврале 1846 г. патриархальных уз, связывавших помещиков и подданных, полная отмена всех крестьянских повинностей и зависимого положения, так же как и урегулирование владений, является неизбежной необходимостью».

Адрес требовал отмены всех ограничений, мешавших свободе развития польской народности, введения польского языка в школах и государственных учреждениях, удаления чиновников-негалицийцев и замещения их уроженцами Галиции и т. д. Ряд пунктов этого адреса формулировал программу конституционных преобразований: отмену сословного представительства, созыв реорганизованного провинциального сейма, равенство граждан перед законом независимо от сословной принадлежности и вероисповедания.

Адрес в целом представлял собой буржуазно-национальную, либеральную программу, притом проводимую непоследовательно. Авторы его не решались провозгласить лозунг восстановления польского государства. Составители адреса явно избегали резкого подчеркивания национального оттенка своих требований, придавая им по внешности земский характер (говорилось не о поляках, а о галицийцах, уроженцах Галиции и т. п.). Чем бы ни объяснялась сдержанность этого мартовского адреса, она в тот момент сделала его приемлемым и для украинского населения Львова,

поддержавшего его с энтузиазмом. Лишь в апреле 1848 г., когда выступления польских политических деятелей отчетливо обнаружили их упорное нежелание учитывать и поддерживать украинские национальные требования, национальные противоречия в Восточной Галиции обострились с новой, небывалой до того силой.

Вся сформулированная в адресе программа не выходила за рамки умеренного буржуазного либерализма, но она встретила одобрение и трудящихся масс. Это объясняется, конечно, политической незрелостью трудового населения Галиции, долго томившегося в оковах феодально-абсолютистского, меттерниховского режима.

Адрес от 18 марта был не только программой торгово-промышленной буржуазии, он был в то же время выражением союза между польской либеральной буржуазией и либеральными помещиками. 18 марта у графа Александра Фредро собралась группа помещиков для выработки своей, дворянской петиции императору. Узнав о составлении адреса Смолкой, либеральные помещики установили с ним контакт. Результатом совещания группы помещиков со Смолкой явился текст того общего адреса, который был предложен 19 марта для подписания его жителями Львова.

Постановка крестьянского вопроса в мартовском адресе отражала страх либеральных помещиков перед народными массами. Руководители либеральной буржуазии, составляя адрес, менее всего стремились поднять массовое революционное движение. Движение это поднялось независимо от желаний польских либералов. Ранним утром в воскресенье 19 марта Львов представлял собой совершенно необычное зрелище. Вся городская беднота вышла на улицы, повсюду оживленно обсуждались известия о революции в Вене. Так как трудящиеся массы не имели своих вождей, либеральной буржуазии было нетрудно захватить руководство движением. На центральной площади, с балкона дома, где помещалась редакция единственного в то время польского литературного журнала, Добжанский читал адрес собравшемуся около дома народу. В помещении редакции и на площади на особых листах собирались подписи под адресом.

В короткое время было собрано более 12 тыс. подписей (громадная цифра для города, все население которого не превышало 70 тыс.).

В 6 часов вечера к дому губернатора двинулась мощная демонстрация, во главе которой в качестве депутации для вручения адреса шли лидеры либеральной буржуазии и помещиков. Губернатор заверил депутацию, что он немедленно перешлет адрес в Вену. Кроме того, он разрешил формировать национальную гвардию и освободил политических заключенных на поруки. Известие об этом было принято демонстрацией с удовлетворением.

На следующий день, 20 марта, в центре внимания жителей было освобождение политических заключенных и формирование национальной гвардии студентами Академического легиона. Однако обещанного губернатором оружия национальные гвардейцы в этот день еще не получили: Стадион, не имея указаний из Вены, не решался ни удовлетворить предъявлявшиеся ему требования, ни ответить на них определенным отказом. Стремлением помешать каким бы то ни было новшествам отмечено все поведение губернатора и подчиненных ему властей.

20 марта Стадион удалил из Львова нескольких наиболее ненавистных народу чиновников, были произведены и некоторые перемещения в окружных управлениях (старостввах). Стадион боялся, что польская шляхта возглавит национально-освободительное антиавстрийское движение, и стремился отвратить ее от этого, пугая грозящими социальными потрясениями. Но в действительности польская «национальная партия», партия либеральных помещиков и буржуазии, менее всего хотела развития массового движения. Она стремилась лишь использовать обстановку в своих

интересах. В данный момент, когда выявилась беспомощность австрийской государственной машины в самой Вене, союз с австрийскими властями не был привлекателен для польских либералов. У австрийских властей не было никаких оснований их бояться, но не было еще и возможности на них рассчитывать.

Утром 21 марта на улицах Львова было расклеено объявление губернатора, полностью разрушившее «конституционную идиллию». Запрещались собрания, сходки и ношение оружия лицам, не имевшим на то разрешения. Возмущенные массы немедленно собрались перед арсеналом. Возгласы: «Оружия!» напугали не только правителей города, но и либералов. Чтобы отвлечь внимание народа, в ратуше был образован Гражданский комитет для создания национальной гвардии. Комитет занялся переговорами со Стадионом, который отправился в университет для раздачи студентам старых карабинов.

Трудящиеся настойчиво требовали организации национальной гвардии и раздачи оружия народу. Настроение войск было таково, что они не оказали бы сопротивления. Массы надеялись, что Гражданский комитет возглавит революционное движение. Но Комитет был больше всего озабочен «умиротворением» народа. Вечером в ратуше появился Стадион. Он призвал комитет самораспуститься, что и было выполнено без малейшего протеста.

Голуховский, новый бургомистр Львова, приступил к организации национальной гвардии. Ее командный состав был сформирован из магнатов, из крупнопоместной шляхты. Здесь пестрели графские и княжеские титулы. В состав гвардии вошли лишь имущие слои. Помещики и буржуазия не менее, чем сами австрийские власти, боялись дать народу в руки оружие.

Из кругов, образовавших Гражданский комитет вышел новый проект — посылки в Вену депутации, которая должна была добиваться удовлетворения требований адреса от 19 марта. Во главе депутации стал князь Юрий Любомирский. Среди 46 депутатов, выехавших из Львова 26 марта, было только четыре ремесленника.

По дороге в Вену депутаты в различных городах произносили речи, раздавали текст львовского адреса. Состав депутации пополнялся по пути. В Тарнове была составлена особая депутация, в которую в целях «объединения крестьян и шляхты» было включено несколько крестьян, но и тарновскую депутацию возглавил помещик, крупнейший местный землевладелец князь Сангушко.

28—30 марта депутация была в Кракове. Здесь ее приезд дал толчок образованию Гражданского комитета, в состав которого было избрано два помещика, два ксендза, раввин, семь представителей буржуазной интеллигенции, один купец и один ремесленник. Единственным актом Комитета была посылка депутации в Вену. По распоряжению старосты Крига Комитет прекратил свою деятельность впредь до получения санкций из Вены. 30 марта объединенная депутация выехала из Кракова и на следующий день прибыла в Вену.

В первые недели революционных событий в Галиции основные массы крестьянства еще только приходили в движение. Не развернулось еще и национальное движение большинства населения края — украинцев. Движение охватило лишь горожан, прежде всего, жителей Львова и Кракова. Руководство им было захвачено польскими шляхетско-буржуазными либералами, еще не имевшими, однако, определенной программы. Лишь под влиянием начавшихся вскоре выступлений крестьянства и украинского национального движения обстановка изменилась, и политические программы кристаллизовались.

Польская депутация в Вене

Обстановка, в которой оказались польские депутаты по прибытии в Вену, позволяла выдвинуть вместо адреса, подписанного 19 марта, более широкую национальную программу. Приветствия студентов, статьи венских газет, провозглашавших близкую войну революционной Австрии с царизмом, войну, которая, казалось, должна была привести к восстановлению независимой Польши, известия об организации польских вооруженных сил в Познанском герцогстве,— все это порождало радужные надежды. Однако польские либералы, возглавлявшие депутацию, ограничились незначительными поправками к программе 19 марта. Новый текст адреса, представленного австрийскому императору 6 апреля, отличался по существу от программы 19 марта лишь тем, что осуществление польских требований возлагалось уже не на австрийские власти, а на польский Национальный комитет, но этот Комитет предполагалось создать... под покровительством австрийских же властей, при условии их согласия.

Если польские либералы в Познанском герцогстве собирались решить вопрос о реорганизации края при посредстве созданного ими Национального комитета, то у галицийских либералов нехватило решимости даже создать такой комитет без соизволения властей. Деятельность депутации превратилась в фарс. Депутаты являлись на аудиенции к министру внутренних дел барону Пиллерсдорфу, вели с ним дискуссии по вопросу о достоинствах и недостатках австрийских чиновников в Галиции и уходили ни с чем: Пиллерсдорф оттягивал ответ на адрес. Между тем события, происходившие в Галиции, вскоре сделали беспредметной «деятельность» польской депутации в Вене.

Краковский Национальный комитет и львовская Рада народова

В первых числах апреля в Краков прибыло около 800 эмигрантов во главе с членами «Централизации» «Демократического общества» Виктором Хельтманом и Леоном Зенковичем. Прибытие эмигрантов оживило деятельность местных демократических элементов. 5 апреля на собрании в университетском зале было решено возобновить работу Гражданского комитета, тогда же переименованного в Национальный комитет.

В состав Национального комитета вошло несколько демократов — эмигрантов и участников восстания 1846 г. К 25 апреля 1848 г. в Национальном комитете было более сорока членов.

13 апреля был организован Комитет и во Львове. Боясь репрессий со стороны Стадиона, львовский Комитет, принявший название Рада народова (Национальный совет), первоначально изображал себя лишь редакционным комитетом вновь основанной газеты «Рада народова». 19 апреля, действительно, вышел первый номер этой газеты, впоследствии переименованной в «Газету народову».

Как в краковском Национальном комитете, так и в Раде народовой были представлены помещики, духовенство, буржуазия. Большинство членов обоих комитетов составляла шляхетско-буржуазная интеллигенция. Крестьян в Раде народовой не было ни одного; в краковском Комитете было только два крестьянина (их имена остались неизвестны).

Вокруг этих шляхетско-буржуазных органов и внутри них самих завязалась оживленная политическая борьба.

Польские буржуазные демократы и либералы

В 1848 г. в польской общественности Галиции явственно обозначились три основных политических направления: буржуазно-демократическое, либеральное и контрреволюционное.

В политической борьбе, разгоравшейся тогда в Галиции, национальный вопрос имел первостепенное значение. Однако правильно оценить расстановку сил в революции 1848 г. невозможно только на основе национальных программ. Применение такого принципа приводило буржуазных историков к искаженному представлению о всем ходе событий, к ошибочному распространению понятия «демократия» на галицийских либералов. Главную линию политического размежевания определял тогда не национальный, а социальный, крестьянский вопрос. В Галиции перспектива аграрной революции была вполне реальной. Свое стремление к революционному упразднению крепостничества крестьянство показало в восстании 1846 г., но восстание обнаружило неспособность крестьянства осуществить эту революцию собственными силами. Его руководителем в ту эпоху могло стать только революционно-демократическое крыло буржуазии.

Что же представляло собой буржуазно-демократическое направление в польском обществе Галиции в 1848 г.? Было ли оно способно возглавить аграрную революцию?

Передовые представители польской демократии, подлинные революционные демократы более всего пострадали после неудачи восстания 1846 г. Они лишились своего главного руководителя и вдохновителя — Эдварда Дембовского. В 1848 г. на первый план выступили буржуазные демократы — лидеры «Демократического общества» Хельтман, Зенкович и др.

Буржуазные демократы в Галиции в 1848 г. были, как и либералы, преимущественно выходцами из шляхетской среды. Программа буржуазных демократов выражала интересы нарождающейся польской буржуазии, но сама эта буржуазия в значительно большей мере примыкала к либералам, выступая единым фронтом с либеральными помещиками.

Близость происхождения, общность социальной базы создавала условия для блока между демократами и либералами. Этому особенно способствовало внешнее сходство их национальных программ. Что же разделяло эти два направления?

Типичным для польских буржуазных демократов 30—40-х годов было то, что стремление к восстановлению независимости Польши нередко оттесняло у них на второй план программу социального преобразования общества. Однако буржуазно-демократическая программа отнюдь не была у них демагогическим маневром. Даже ограничивая, по ложным тактическим соображениям, свою программу, буржуазные демократы оставались верны ее принципам. В отличие от них либералы сознательно стремились ограничить решение социальных вопросов лишь минимальными преобразованиями, понижая тем самым политическую активность народных масс. Если буржуазные демократы рассматривали крестьянство как важнейшую силу в борьбе за создание польского демократического государства, то либералы больше всего боялись крестьянства и о крестьянской реформе думали, прежде всего, как о средстве его «умиротворения». Конституционные идеалы либералов имели весьма ограниченный характер. Наконец, совершенно различны были тактические принципы обоих направлений: у одних — стремление к революционному действию, у других — одни только легальные методы достижения своих целей.

Буржуазно-помещичья программа крестьянской реформы

Либералы использовали ошибки и слабые стороны тактики буржуазных демократов. Спекулируя на лозунге национального единства, они требовали осуждения агитации среди крестьянства, чтобы не вызвать повторения «ужасов 1846 г.», изображали крестьянство враждебным революции, всецело поддерживающим будто бы австрийские

власти. Под их влиянием среди демократов получила широкое распространение идея «примирения» помещиков и крестьян путем отмены барщины в виде «добровольного» дара помещиков.

Принцип безвозмездного освобождения крестьян от феодальных повинностей и отказа помещиков от своих феодальных «прав» на крестьянскую землю был выдвинут в львовском мартовском адресе. «Дарование» стало лозунгом, настойчиво повторяемым всей либеральной печатью. Приняв этот лозунг, демократы полностью выпустили из своих рук инициативу в решении крестьянского вопроса и оказались в зависимости от либеральных помещиков.

Таким образом, в 1848 г. польские буржуазные демократы полностью порвали с революционно-демократической традицией 1846 г., с традицией Дембовского.

Отдавая и самую реформу в руки помещиков, буржуазные демократы заранее обрекали на провал всю свою социальную программу. Признание за помещиком права «даровать» барщину было равносильно косвенному признанию законности прав помещика на самую барщину, на эксплуатацию крестьянского труда. Это было широко использовано помещичьей публицистикой различных толков и направлений. Страх перед крестьянским восстанием подталкивал либералов, убеждал их в необходимости и срочности реформы.

В адресе от 6 апреля вопрос о крестьянской реформе формулировался следующим образом:

«Освобождение до настоящего времени зависимых крестьян от барщины и повинностей, превращение их в собственников земли, которой они владеют, является жизненным вопросом и даже историческим фактом [так!], подтвержденным, с одной стороны. волей и горячим желанием нынешних владельцев барщины, с другой — всеобщим голосом нынешних зависимых [крестьян]. Предполагаемый комитет [т. е. Национальный комитет, о разрешении которого просила депутация] провозгласит отмену барщины, превращение в крестьянскую собственность рустикальных [крестьянских] земель во всем крае, а сейм, который должен быть созван [подразумевался не сословный сейм, а новое представительство, принцип которого должен был определить будущий Национальный комитет], будет обсуждать только вопрос о сервитутах, урбариальных податях[1], урегулировании владения, а особо—те условия, на которых освобождение от барщины и повинностей должно превратиться в обязательный для всех закон».

Как можно скорее успокоить крестьянство, провозгласив отмену барщины, а затем вернуться к обсуждению условий, на каких эта отмена будет производиться, т. е. к вопросу о вознаграждении помещиков,— таков был смысл политики либералов.

В то же время демократы, которые не могли примириться с возможностью передачи инициативы в этом вопросе в руки контрреволюционных властей, развили оживленную деятельность, побуждая помещиков «даровать» барщину от своего имени. Именно в том, что польский помещик по собственному почину облагодетельствует крестьянина, шляхетско-буржуазные демократы видели вернейшее средство достижения вожделенного «единства» всех классов нации.

Краковский Национальный комитет и львовская Рада народова призывали помещиков приурочить свой отказ от барщины к 23 апреля — дню св. Войцеха и одновременно первому дню пасхи, что должно было придать торжественность этому акту и усилить его впечатление среди крестьян.

---

[1] т. е. налогах, взимаемых государством с помещиков в соответствии с оценкой их имений, занесенной в поземельную опись (урбарий).

Но вся эта агитация давала весьма неутешительные результаты. «Эти голоса прозвучали, как эхо в пустыне»,— признает Хельтман.

Борьба крестьянства против барщинного режима. Тактика австрийских властей

Тем временем граф Стадион, напуганный широкой агитацией за добровольный отказ от барщины, издал 5 апреля распоряжение, требовавшее от помещиков, отказывающихся от барщины, представления свидетельства о том, что имение полностью свободно от долгов, причем отказ от барщины, чтобы считаться «дарованием», не должен был ограничиваться никакими условиями.

В поисках опоры против польского национального движения Стадион стремился сплотить вокруг правительства польские контрреволюционные элементы. 5 апреля он сделал попытку воскресить сословный сейм. Все наличные члены сейма были собраны под предлогом обсуждения обращения президента Нижнеавстрийского ландтага Монтекукколи о созыве центрального представительства всех провинций для совещания о расширении сословных учреждений и о перестройке гминных (общинных) и муниципальных органов. На этом совещании Стадион впервые огласил вышеизложенное распоряжение. Собравшимся было предложено избрать депутацию в Вену. Несмотря на заявление либералов, что сословный сейм уже не вправе считать себя представительством всей провинции, выборы состоялись.

Удача первого совещания поощрила губернатора к дальнейшим действиям: 11 апреля им было опубликовано распоряжение о созыве на 26 апреля сословного сейма. Это был еще один шаг на пути сплочения контрреволюционных сил. Однако еще до того, как определилась неудача попытки созыва сословного сейма, в решение крестьянского вопроса вмешалось само крестьянство, и австрийские власти были вынуждены срочно провести крестьянскую реформу.

В апреле 1848 г. в галицийской деревне стихийно развивался «мирный» процесс ликвидации барщины, ликвидации явочным порядком. Пользуясь почти полным параличом всего государственного аппарата и растерянностью помещиков, крестьяне прекращали отбывание барщины.

12 апреля 1848 г. Стадион доносил в Вену об «эмиссарах», возбуждающих крестьян против шляхты и правительства. Число революционных демократов, проводивших такую агитацию, было в это время очень невелико. Однако их деятельность напугала губернатора до такой степени, что он решительно заявил правительству о невозможности сохранения барщины и потребовал ее отмены с вознаграждением помещиков.

Отмена барщины

Отмена барщины была произведена с чрезвычайной поспешностью. Официальные извещения об этом были опубликованы 22 апреля во Львове и 25 апреля в Кракове. В них в очень краткой форме объявлялось об отмене с 15 мая всех барщинных и иных повинностей крестьян с последующим вознаграждением помещиков за счет государства (в польском переводе документа — «за счет правительства»), т. е. за счет налогоплательщиков, в основном — самих же крестьян.

Указ об отмене барщины был оформлен позднее. Он предусматривал также освобождение помещиков от урбариального налога, от налога на жандармерию и на рекрутский набор, от сбора налогов и от содержания специальных судебно-административных чиновников. Определение убытков помещиков и размеров возмещения этих убытков поручалось особой комиссии под председательством губернатора с участием чиновников и представителей земского сейма. Сервитуты временно сохранялись, но крестьяне должны были платить за них помещику на основе «полюбовного» соглашения или в соответствии с оценкой, произведенной властями.

Это была, конечно, половинчатая крестьянская реформа. Она оставляла нерушимым помещичье землевладение, сохраняла и закрепляла результаты длительного процесса экспроприации крестьянских земель помещиками, обрекала крестьян на ужасающее малоземелье и безземелье, подготовляла дальнейшее ограбление крестьянства при ликвидации сервитутов, взваливала на его плечи громадный выкуп, выплата которого растянулась до 90-х годов. Крестьянская реформа, сохранив на длительное время ряд пережитков феодально-крепостнических отношений, предопределила развитие капитализма в сельском хозяйстве Галиции по «прусскому пути».

Однако вряд ли можно переоценить значение того факта, что правительство вынуждено было пойти на отмену барщины в Галиции, хотя оно не могло не сознавать, что этот локальный акт неизбежно предопределял крушение барщинного режима во всей Австрийской империи. Отмена барщины в Галиции более чем на четыре месяца опередила крестьянскую реформу во всей Австрии.

Несомненным завоеванием революции было и то, что крестьянская реформа в Галиции в силу того, что она проводилась в разгар революционной борьбы, не была связана, как это было ранее в Пруссии, а позднее в России, с дополнительным обезземеливанием крестьянства.

Декрет об отмене барщины был встречен на первых порах яростным возмущением польских помещиков. В этот момент с наибольшей отчетливостью проявилась вся неискренность их болтовни о добровольном отказе от барщины. Как и в 1846 г., начали раздаваться прямые призывы искать «справедливости» у русского царя. Статьи в этом духе публиковала либеральная «Ютшенка». Но это была лишь первая реакция озлобившихся крепостников. Вскоре значительная часть помещиков, оценив политику австрийского правительства, осуществившего в условиях революционного подъема «умиротворяющую» крестьянскую реформу с максимальным обеспечением выгод помещикам, оказала поддержку контрреволюционным австрийским властям.

Отмена барщины правительством была тяжелым ударом для польских буржуазных демократов. «Временно вся политическая ее ценность погибла для нас,— писал Хельтман.— Народ поверил, что не шляхта, а правительство освободило его от наиболее чувствительно гнетущей его тяготы». Но вместо того чтобы пересмотреть свою в корне порочную тактику, буржуазные демократы предприняли новые попытки «примирить» крестьян с помещиками, изображая (разумеется, безуспешно) отмену барщины заслугой помещиков.

Краковский Национальный комитет, в состав которого входили руководящие деятели «Демократического общества» — Зенкович, Высоцкий, Шнайде — в своем манифесте стал на путь реабилитации и восхваления польских крепостников. Польские буржуазные демократы, отравленные ядом национализма, не выступили против помещиков, не выдвинули программы аграрной революции, не пытались повести за собой крестьянство на борьбу за независимую и демократическую польскую республику.

ВОССТАНИЕ В КРАКОВЕ

Рост антиавстрийских настроений

Издавая декрет об отмене барщины, австрийское правительство стремилось не только к предотвращению аграрной революции, но и к обеспечению себе выгодных позиций для перехода в контрнаступление. Последняя неделя апреля была ознаменована в Галиции рядом острых столкновений, среди которых центральное место занимает Краковское восстание.

В конце апреля в Кракове уже не осталось и следа от той «конституционной идиллии», которая царила там месяцем ранее. Австрийские власти, чинившие препятствия деятельности Национального комитета, вызывали все большее недовольство. Особенное беспокойство внушала концентрация войск, проводившаяся под предлогом защиты города от якобы грозившего нападения русских войск. Ни этому объяснению, ни намекам австрийских властей на возможность «революционной» войны Австрии против России жители Кракова уже не верили. Войска были настроены враждебно к польскому населению, краковский замок Вавель непрерывно укреплялся.

Городские массы относились с доверием к Национальному комитету, видя в нем руководителя предстоявшей борьбы с ненавистным австрийским господством. Но, оставаясь на почве легальности, Комитет за 20 дней своего существования ничего не изменил в существовавшем положении. Входившие в состав Комитета демократы видели в национальной гвардии зародыш польских вооруженных сил для борьбы за независимость. Но для помещичье-купеческого большинства Комитета эта гвардия должна была стать охранительницей интересов имущих классов от «посягательств» трудящихся. По различным соображениям, но единодушно Комитет поставил в центре своей деятельности вопрос о вооружении гвардии. Однако австрийские власти не давали оружия, а попытки заказать оружие за границей были безрезультатны; организовать изготовление простейшего оружия — пик и кос — не разрешал краковский староста Криг. Поэтому гвардейцы вооружались чем попало — охотничьими ружьями, старинными палашами и даже палками.

Массы городской бедноты, не принятой в гвардию, вооружались сами, но против этого боролись и австрийские власти и командование национальной гвардии. Напряжение в городе все более нарастало.

События 25 и 26 апреля

25 апреля по приказу Крига на границе была задержана группа возвращавшихся на родину эмигрантов. Это вызвало возмущение в городе. На стихийно возникшем митинге либералам удалось убедить массы поручить переговоры со старостой Комитету. Комитет выделил депутацию, в состав которой вошли председатель Комитета бывший судья Кшижановский, граф Адам Потоцкий, граф Юзеф Водзицкий, банкир Леон Бохенек. Эти «представители народа», боясь народной демонстрации, отправились к Кригу, по их собственному выражению, «тишком и молчком». В течение двух часов депутация убеждала Крига отменить приказ о задержании эмигрантов. ссылаясь на то, что это может вызвать возмущение «толпы».

Между тем, несмотря на старания либералов, городская беднота собралась перед зданием старостава, а затем ворвалась в него. Народ решительно потребовал от Крига не только пропуска эмигрантов в город, но и выдачи хранившегося в Вавеле оружия, отобранного в 1846 г. у милиции Краковской республики. Окружив плотным кольцом старосту, народ повел его к замку. Членам Комитета все же удалось уговорить народ отвести старосту сначала в здание Комитета, где он был взят под охрану национальной гвардии, а в 12 часов ночи — под охрану войск. Но еще до этого он был вынужден объявить народу об отмене приказа в отношении эмигрантов и о разрешении изготовить для гвардии холодное оружие. Таким образом, этот бурный день окончился победой народа.

Утром 26 апреля стало известно, что Криг скрылся из города, передав всю власть фельдмаршал-лейтенанту Кастильоне. По улицам патрулировали войска. Комитет составил воззвание, осуждавшее применение всяких насильственных мер и призывавшее к спокойствию. А между тем действительные насилия со стороны властей уже начались по всему городу.

КРАКОВСКИЙ СТАРОСТА КРИГ ПОПАЛ В БЕДУ

(Современная карикатура)

Шедший на подкрепление краковскому гарнизону отряд войск разогнал в предместье Кракова — Подгорье — ярмарку, а в другом предместье — Казимеже — ранил нескольких жителей. В то же время другой отряд в предместье Страдом набросился на группу рабочих и избил их. В 3 часа дня большой отряд войск окружил кузницу, в которой готовилось оружие для национальной гвардии. Оружие было конфисковано и сложено на повозку. У кузницы тем временем собрался народ, начались пререкания с солдатами. Солдаты дали два залпа по безоружным жителям. Этот расстрел входил, очевидно, в планы австрийского командования: вслед за началом стрельбы прогремели три сигнальных пушечных выстрела в крепости, и весь гарнизон был тотчас же брошен на главные улицы и в центр города.

Расстрел у кузницы послужил толчком к стихийному народному восстанию. На улицах возводились баррикады, в постройке их принимали участие и женщины и дети. Краковская беднота нападала на отдельные патрули и разоружала солдат. «Отцы города» — купечество и шляхта — попрятались в домах, а национальная гвардия, руководимая графом Потоцким, пыталась разогнать защитников баррикад. Лишь часть прибывших в Краков эмигрантов примкнула к восставшему народу.

Австрийские войска, руководимые самим Кастильоне, достигли центра города — Рынка. На прилегающих улицах уже были возведены баррикады. Двукратная атака роты солдат на одну из них кончилась безуспешно: солдаты были встречены редким, но прицельным огнем и градом камней с крыш. Эта неудача произвела большое впечатление на австрийское

командование. Кастильоне, двинувшийся из замка во главе войск, чтобы оккупировать беззащитный город, неожиданно увидел себя в полукольце баррикад и, решив избрать себе более безопасное место, поскакал со своей свитой к Вавелю. За ним кинулись и солдаты. Среди австрийцев началась паника. Восставшие перешли в наступление. По длинной Гродской улице, ведущей от центра города к замку, удирали австрийские генералы, за ними бежали солдаты, осыпаемые камнями, обливаемые кипятком с крыш и из окон, преследуемые почти безоружными повстанцами. Во время бегства Кастильоне был ранен выстрелом в лицо (вместо пули была использована типографская литера). Оскандалившийся фельдмаршал передал командование своему заместителю генералу Карлу Мольтке.

По освободившемуся от войск городу был открыт из замка пушечный огонь. На город сыпались ядра и зажигательные ракеты. По счастью, прошедший в середине дня дождь помешал возникновению пожаров. Бомбардировка продолжалась более двух часов. Тем временем Национальный комитет и командование национальной гвардии вели за спиной восставшего народа переговоры с австрийцами. Переговоры завершились тем, что князь Яблоновский и граф Потоцкий от имени города подписали капитуляцию, по условиям которой все эмигранты в трехдневный срок должны были выехать за границу, Национальный комитет распускался, национальная гвардия должна была подвергнуться «чистке» и реорганизации, все оружие жители города обязаны были сдать, австрийским чиновникам и военнослужащим должен был быть возмещен ущерб, нанесенный их имуществу во время восстания. Для разборки баррикад давался срок до 8 часов утра 27 апреля.

Не имевшие руководства, почти безоружные, стихийно поднявшиеся на борьбу массы не могли, разумеется, одолеть засевший в крепостном замке прекрасно вооруженный австрийский гарнизон. Тем не менее известие о подписании капитуляции было встречено с возмущением. Краковским повстанцам не было еще известно, что Комитет (о чем он впоследствии с гордостью заявлял) помешал примкнуть к восстанию крестьянам близлежащих деревень, готовившихся придти на помощь жителям Кракова.

Занимая город, австрийские войска бесчинствовали и грабили; в предместьях солдатами было убито несколько женщин и детей. Фельдмаршал Шлик, принявший через несколько дней власть в городе, установил режим, равный осадному положению. «Реорганизация» национальной гвардии свелась к ее роспуску. В последующие месяцы оккупированный австрийской военщиной Краков уже не принимал активного участия в развертывавшихся революционных событиях.

Краковский Национальный комитет в знак протеста выехал во Вроцлав и опубликовал там обращение к народам Европы и отчет о своей деятельности. Но уже через две-три недели краковские либералы тайком начали возвращаться домой. Австрийские власти не обращали на них внимания. Комитет распался, никакой иной организации в Кракове не было создано.

Краковское восстание 25—26 апреля 1848 г. было стихийным выступлением народных масс, но его возникновение было связано с сознательной провокацией австрийской контрреволюции, действовавшей по единому, широко задуманному плану. В эти же дни выступления контрреволюции имели место и в ряде других городов Галиции — Львове, Тарнове, Бохне, Станиславе.

В Станиславе 27 апреля солдаты напали на группу гимназистов, устроивших «кошачий концерт» одному ненавистному австрийскому чиновнику, и избили их прикладами. 15-летний гимназист Хошовский был убит на месте. Похороны его вылились в внушительную антиправи-

тельственную демонстрацию, в которой приняло участие польское и украинское население.

Не исключено, что действия австрийских властей были согласованы с прусской военщиной, почти одновременно перешедшей в наступление против польских отрядов в Познанском герцогстве.

Бомбардировка Кракова и «победа» над безоружным городом была одним из первых успехов контрреволюции в Европе в 1848 г. В самой Австрии она была прообразом тактики контрреволюционной военщины в Праге и Львове.

Политический кризис. Сословный сейм и Рада народова

Бурно развивались в это время события и во Львове. 25 апреля были созваны на предварительное заседание члены сословного сейма, который должен был открыться на следующий день. На заседание явились представители Рады народовой. Они убеждали членов сейма разойтись и не допускать открытия этого крайне непопулярного шляхетского учреждения. Еще энергичнее настаивали на этом ворвавшиеся в зал студенты. В здание доносились возгласы народа: «Долой сейм!» Напуганные члены сейма разошлись, но многие из них кинулись к губернатору жаловаться на «насилие».

Ночью по приказу Стадиона помещение Рады народовой было опечатано, и вокруг него был выставлен отряд войск. На улицах было расклеено оповещение губернатора о роспуске Рады народовой.

Но Рада народова не подчинилась приказу и собралась тайно в доме одного из ее членов. На ее защиту поднялись городские «низы». Когда вооруженное столкновение, спровоцировать которое, возможно, и стремился Стадион, готово было разразиться, австрийские власти оказались дезориентированы позицией шляхты.

Часть депутатов помещичьего сейма в страхе перед революционным подъемом городских масс решила овладеть движением и, явившись на заседание Рады народовой, заявила о своем присоединении к ней. В состав Рады была кооптирована большая группа членов сейма, в том числе перемышльский католический епископ. Развал сейма и неожиданный «переход шляхты на сторону революции» заставил Стадиона отказаться от попыток разогнать Раду. Ее существование окончательно было закреплено полученным через два дня известием об издании конституции 25 апреля, декларировавшей свободу собраний и организаций.

Австрийские власти потерпели, на первый взгляд, поражение. В действительности же события 26 апреля укрепили позиции контрреволюции. Шляхта, захватив большинство в Раде народовой, получила возможность сковывать через нее массовое движение, направлять его в рамки легальности. Если в львовской Раде народовой, принявшей название Центральной, была широко представлена буржуазия, частью — умеренно демократическая интеллигенция, то создававшиеся по призыву Центральной Рады окружные рады были уже чисто помещичьими, консервативными органами.

Наиболее враждебная народу, откровенно контрреволюционная часть шляхты сплотилась вокруг графа Стадиона. В первых числах мая Стадиону удалось организовать давно задуманный им совет (Beirat), в котором, рядом с высшими чиновниками, заседали крупные помещики и князья церкви. По замыслу Стадиона, этот совет должен был укреплять авторитет губернатора и способствовать сплочению сил контрреволюции.

Одновременно один из членов совета при губернаторе помещик Павликовский, основал «Помещичье общество», имевшее целью «охрану интересов всех собственников и прав собственности». «Помещичье общество» развернуло яростную борьбу против революционных сил. Газета «Polska»

(«Польша»), издававшаяся Обществом, своими контрреволюционными пасквилями вызвала первую в истории Галиции политическую забастовку: львовские печатники в сентябре 1848 г. отказались выпускать эту газету и не отступили, несмотря на угрозы властей.

2 мая австрийская контрреволюция получила новую, существенную опору в лице Головной руськой рады.

УКРАИНСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ГАЛИЦИИ В 1848 Г.

Украинское национальное возрождение в Галиции

1848 год был важным этапом в развитии украинского национального движения в Галиции.

Украинский народ, составлявший основное население Восточной Галиции, жил в условиях тяжелого национального порабощения. Социальный гнет в Восточной Галиции издавна переплетался с гнетом национальным: крестьянина-украинца угнетал помещик-поляк. С переходом Галицкой Руси под власть Австрии положение украинцев еще более ухудшилось: они были лишены культурного общения с основной массой населения украинских земель и с братским русским народом. В проведении этой денационализаторской политики австрийскому правительству помогали польские помещики и униатское духовенство.

В начале XIX в., в то время как в Надднепровской Украине выступали выдающиеся деятели украинской культуры И. Котляревский, Г. Квитка-Основьяненко и П. Гулак-Артемовский, в угнетенной Галиции украинская культура переживала время полного упадка. Ничтожное количество народных школ, полное отсутствие средних и высших учебных заведений, за исключением униатской духовной семинарии, полное отсутствие светских литературных изданий, отсутствие национальной интеллигенции — таково было положение в Галиции в начале XIX в. Исторический центр западных украинских земель — Львов — имел облик немецко-польского города: немецкий язык господствовал в администрации, суде, университете, польский язык — в литературе и частной жизни. Польским языком пользовалась обычно и украинская по происхождению интеллигенция.

В 30-х годах в Галиции началось украинское национальное возрождение. Оно проявилось прежде всего в области культуры, в форме борьбы за родной язык, за родную литературу.

В 1837 г. украинский поэт, выдающийся деятель возрождения Маркиан Шашкевич вместе с двумя другими молодыми поэтами Яковом Головацким и Иваном Вагилевичем издал литературный сборник «Русалка днестровая». История этого сборника характеризует условия жизни украинского народа в Галиции. Зная, что львовская цензура не пропустит художественных произведений, написанных на народном украинском языке, авторы издали «Русалку» в Будапеште. Сборник не проводил никаких «бунтарских» тенденций, и придирчивая меттерниховская цензура не могла помешать его изданию. Он распространялся свободно повсюду... кроме Галиции. Здесь до 1848 г. этот сборник был под запретом исключительно потому, что это был у к р а и н с к и й сборник. Авторы сборника, бывшие в те годы еще семинаристами, подверглись гонениям со стороны высшего униатского клира за «возмутительное» стремление писать на своем родном языке.

Борясь против национального гнета, за свободное развитие национальной культуры, деятели украинского национального возрождения отнюдь не отождествляли польских помещиков с польским народом. Многие передовые представители украинского народа в 30—40-х годах

РУСАЛКА
ДНѢСТРОВАЯ.

Ruthenische Volks-Lieder.

У БУДИМѢ
Письмом Корол. Всеучилища Пештанского.
1837.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ЛИТЕРАТУРНОГО СБОРНИКА «РУСАЛКА ДНЕСТРОВАЯ»

принимали участие в деятельности польских тайных демократических организаций, чтобы совместной борьбой против угнетавшего оба народа австрийского феодально-абсолютистского государства добиться социального и национального освобождения.

Великопольский шовинизм и обострение национальных противоречий

Революцию 1848 г. украинское население встретило с огромным энтузиазмом. Во Львове украинские ремесленники и рабочие 19 марта подписывали адрес вместе с поляками. Как уже сказано, адрес 19 марта казался им выражением всех справедливых народных требований. Лишь немногие украинцы понимали тогда, что национальные требования этого адреса, составленные в нарочито туманных выражениях, игнорируют национальные интересы украинцев. Так, доктор Кирилл Винковский, призывая униатов-семинаристов подписывать адрес, советовал им настаивать на том, чтобы в адресе было упомянуто также требование полного равенства прав для украинцев. Выступление Винковского не произвело впечатления на украинскую молодежь: ей казалось, что это требование уже подразумевается в адресе. Польская буржуазная интеллигенция отнеслась к выступлению Винковского враждебно, хотя никакого антипольского оттенка в его выступлении не было. Винковский подписал адрес, вошел в состав депутации, направившейся в Вену, а затем вступил и в польскую Раду народовую. Попытки Винковского повлиять на депутацию успеха не имели. Соответствующий пункт адреса в его окончательной редакции, принятой уже по прибытии в Вену, гласил: «Введение польского языка в школах, в судах, во всех учреждениях и во всех публичных делах, а в народных школах того наречия, которое является господствующим в данной местности».

Уже из этого пункта видно, что шляхта и буржуазия, оказавшиеся у руководства польским национальным движением, игнорировали национальные интересы украинцев: украинский язык, пренебрежительно называемый в адресе «наречием», допускался только в народные школы.

Вскоре обнаружилось, что не только польские либералы, но и буржуазные демократы отрицают право украинского народа на равноправное национальное существование и даже не признают существования украинской национальности. Русины[1], по их мнению, были лишь ветвью единого польского народа.

Эта великодержавная шовинистическая позиция вызывала глубокое возмущение украинского народа. Национальные противоречия в Галиции резко обострились.

Националистические тенденции руководства польского национального движения были немедленно использованы контрреволюционными силами. Австрийские власти почувствовали возможность расколоть польское и украинское национально-освободительное движение и тем самым возобновить свою излюбленную политику — «разделяй и властвуй». Неоценимым помощником для них явился высший униатский клир.

Униатское духовенство, холопски послушное Ватикану и Габсбургам, встретило революцию 1848 г. со страхом и ненавистью. Престарелый львовский митрополит Левицкий и перемышльский епископ Яхимович в первые недели революции держались выжидательной тактики, но в середине апреля, когда отчетливо выявились националистические устремле-

---

[1] «Русинами» обычно называли себя галицийские украинцы в XIX в. Наименование «украинец» стало распространяться в Галиции только с 80-х годов XIX в. При этом необходимо иметь в виду, что у галицких «русинов» всегда было ясное сознание своего национального единства со всем украинским народом, жившим за пределами Галиции. Прилагательное, образуемое от слова «русин», — «руський».

ния польской шляхты и буржуазии, униатская верхушка решила проявить инициативу.

Петиция униатского клира и создание Головной рады

Результатом ее была петиция, представленная губернатору Галиции 19 апреля 1848 г. В петиции от имени галицких русинов выдвигались следующие просьбы: введение преподавания на украинском языке в народных школах в украинских сельских общинах, допущение украинского языка в высших учебных заведениях Восточной Галиции, обнародование официальных распоряжений на украинском языке, предоставление униатскому духовенству возможности проповедовать на украинском языке, уравнение положения униатского, католического и армянского духовенства, предоставление украинцам доступа к государственной службе. Петиция заканчивалась верноподданническими заверениями.

Требования, изложенные в петиции 19 апреля, отнюдь не могли удовлетворить украинские народные массы. Петиция обходила молчанием важнейшие социальные вопросы, игнорировала жизненные интересы подавляющего большинства украинского населения — крепостного крестьянства; она даже не упоминала о барщине, хотя была составлена до ее отмены. Тайная и главная цель петиции состояла в том, чтобы навязать народным массам в качестве руководящего принципа украинского национального движения покорность, подчинение русинов Габсбургской династии.

Эта петиция была, разумеется, с удовлетворением принята австрийским правительством. Благосклонный, хотя ни к чему не обязывающий, ответ правительства еще более воодушевил униатскую консисторию. Следующим и более важным актом совместной контрреволюционной деятельности Стадиона и высшего униатского духовенства было основание Головної руської ради.

Само по себе создание высшего руководящего органа украинского национального движения было в условиях революции не только оправдано, но и необходимо. Однако оценивая значение Головной руськой рады, следует учесть, кто и с какими целями принимал в ней участие.

На этот вопрос вполне определенно ответил митрополит Левицкий, писавший 1 мая 1848 г. Яхимовичу: «На создание Комитета, который занимался бы охраной наших интересов, я тем более согласен, что предложение это исходит от его превосходительства губернатора и что этот Комитет не предпримет ничего такого, что было бы нежелательно существующему правительству».

Председателем Рады стал епископ Яхимович, его наиболее деятельными помощниками — члены консистории Куземский и Малиновский. Тон в Головной раде задавал контрреволюционный униатский клир. Тактика униатских руководителей Головной рады была продолжением линии, намеченной в петиции 19 апреля. Выдвижение национальных требований было для «святоюрцев»[1] лишь средством овладения массовым украинским национальным движением, для подчинения его интересам австрийской контрреволюции. Головная рада всемерно разжигала польско-украинские национальные противоречия, сеяла рознь между братскими народами.

Политика Головной рады резко осуждалась передовыми представителями украинского общества. «Если бы всю «Зорю галицкую» [газету

---

[1] «Святоюрцами», по имени собора св. Юрия во Львове, где помещалась греко-католическая (униатская) консистория, называли контрреволюционную униатскую верхушку, захватившую руководство в Головной руськой раде.

Головной рады] отжать под прессом, вытекла ли бы из нее хоть капля здравой логики, политической грамотности, понимания духа времени и действительных нужд нашего народа?» — с возмущением спрашивал поэт и общественный деятель Антон Могильницкий в своем письме Якову Головацкому.

Руський собор

Закреплению успехов контрреволюции в овладении руководством украинским национальным движением помогли ошибки группы демократических украинских деятелей. Стремясь парализовать деятельность «святоюрцев» и Головной рады, Каспер Ценглевич, Михаил Попель и некоторые другие участники польских тайных демократических организаций 30—40-х годов, с одной стороны, Иван Вагилевич и некоторые другие украинские писатели — с другой, стали на путь пренебрежения национальными интересами украинского народа. На петицию 19 апреля они ответили контрпетицией, на образование Головной руськой рады — созданием так называемого Руського собора, на издание «Зори галицкой» — выпуском «Дневника руського». Обособившись от широкого национального движения украинцев, они не замечали, что их демократические призывы находятся в вопиющем противоречии с фактом участия в Руськом соборе группы польских помещиков вроде графа Дзедушицкого, Яблоновского и прочих псевдо-«русинов», стремившихся к подавлению украинского национального движения. Демократические деятели Руського собора не замечали национализма польской Рады народовой и, осуждая Головную руськую раду, отвергали и справедливые национальные требования украинского народа, смыкаясь тем самым с польскими националистами и объективно способствуя укреплению авторитета Головной рады. Их «Дневник руський», первые номера которого были напечатаны латинским шрифтом, был даже по внешнему своему облику чужд украинскому народу.

Организаторы Руського собора нанесли лишь вред украинскому народу, который отвернулся от них и своим истинным представителем признал Головную раду. Антинациональная и сектантская деятельность Руського собора подорвала возможность организации революционного руководящего органа украинского национального движения, который, защищая подлинно национальные интересы украинского народа, парализовал бы контрреволюционную деятельность Головной рады.

Местные украинские рады. Вопрос о разделении Галиции

Как и польская Рада народова, Головная рада обратилась с призывом организовать местные рады, которые летом 1848 г. возникли по всей Восточной Галиции. Характерно, что в то время как окружные польские рады, особенно в Восточной Галиции, превратились в бастион консервативных помещиков, противопоставлявших себя либеральной Центральной раде народовой, украинские местные («поменьшие») рады были демократичнее Головной руськой рады.

В состав украинских местных рад входили крестьяне, ремесленники, приходские священники. В отличие от высшего украинского духовенства, значительная часть сельских священников, живших бедно, бок о бок с крестьянством, не были враждебны народу; из этой среды вышел ряд демократически настроенных деятелей. Окружные украинские рады не замыкались в рамках национального вопроса. Через них в Головную раду шел поток крестьянских жалоб и петиций.

Но Головная рада полностью игнорировала крестьянские требования. Летом 1849 г., когда в Восточной Галиции прокатилась первая волна аграрных стачек, Головная рада осудила это крестьянское движение. Головная рада поддерживала крепостнические распоряжения губернатора Голуховского, приказывавшего насильно сгонять крестьян для уборки помещичьих полей.

ЗОРА ГАЛИЦКА.

Число 1.

Дня 15 Мая 1848.

Письмо тое часове выходитъ що тыждень разъ во Второкъ. — Цѣна пôврочна въ Львовѣ в Ринѣ 1 зр. Ср., въ оурядахъ почтовыхъ в Ринѣ 45 кр. срібромъ.

ОДОЗВА ДО РꙊСКОГО НАРОДꙊ.

БРАТЯ!

Вѣдомо вамъ, що Найяснѣйшій Цѣсарь Австрійскій й Король нашъ надали ласкаво всѣмъ народамъ своей державы, й намъ Русинамъ земли Галицкои, патентомъ зъ дня 15 Березня 1848 Конститꙋцію, то значитъ: такꙋю фꙋндаментальнꙋю оуставꙋ, котра цѣломꙋ народови нашомꙋ презъ выбраныхъ й завѣрены мающихъ мꙋжевъ оудѣлъ въ праводавствѣ своемъ дозваляє, й тымъ способомъ свободи й добрый бытъ намъ забезпечає.

Межи тыми свободами надані намъ тоі особливі й великои ваги право, що можемо сбиратися на нарады надъ спôльнымъ добромъ нашимъ, розпôзнавати потребы народа й краю нашого й такови Найяснѣйшомꙋ Панови предкладати.

Въ таковъ намѣреню завязало ся тꙋ въ столичномъ мѣстѣ Львовѣ товариство Русинôвъ пôдъ назвою „Рада народна руска", котра, порозꙋмѣвлючися съ народомъ, его заступати, надъ его потребами промышляти й надъ его свободами чꙋвати бꙋде.

Конечна потреба такого для насъ Русинôвъ зворꙋ тымъ явнѣйше ся оказꙋє, скоро ся застановимо, чимъ нашъ народъ колись былъ, въ якомъ станѣ доси зоставалъ, й якимъ при наданой теперь конститꙋціи быти може й повиненъ.

Мы Русини Галицки належимо до великого рꙋского народꙋ, котрый однимъ говоритъ языкомъ й 15 міліонôвъ выноситъ, зъ котрого пôлтретя міліона землю Галицкꙋ замешкꙋе. Той народъ былъ колись самодѣльный, ровнался въ славѣ наймогꙋтнѣйшимъ народамъ Европы, малъ свой письменный языкъ, свои власніи оуставы, своихъ властныхъ князѣвъ; однимъ словомъ: былъ въ добромъ бытью, заможнымъ й сильнымъ. Черезъ неприязни сꙋдьбы й розни политични нещастя розпался поволи той великій народъ, стратилъ свою самодѣльность, своихъ князѣвъ й прейшолъ пôдъ чꙋжи панованя.

Таки нещастя склонили съ часомъ много можныхъ пановъ одстꙋпити ôдъ рꙋского обрядꙋ отецъ своихъ, а съ нимъ вырѣчися мовы рꙋскои й опꙋстити свой народъ; хоть тая змѣна обрядꙋ народности перемѣнити не могла, й кровь рꙋска въ жилахъ ихъ

Оувага. — Читайте завше ô въ середнѣ слов якъ і, на початкꙋ слова якъ ві; а ѣ завше якъ ѣ: н. п. кôнь, ôдъ, лѣдъ читайте кінь, відъ, лѣдъ.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ГАЗЕТЫ «ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ».

Холопство Головной рады перед австрийской контрреволюцией проявилось и в отвратительных демонстрациях радости по поводу побед австрийских войск в Италии и Венгрии. В конце 1848 и в начале 1849 г. Головная рада сама приступила к организации контрреволюционной гвардии из крестьян карпатской пограничной зоны для борьбы против революционной Венгрии.

Честь украинского народа отстаивали в 1848 г. немногочисленные, но стойкие революционные крестьяне — Лукиан Кобылица и другие деятели, боровшиеся с австрийской контрреволюцией не только в венском парламенте, но и на поле битвы, во главе крестьянского антифеодального движения, в союзе с революционной Венгрией.

Одним из наиболее острых вопросов национальной политики в Галиции в 1848 г. был вопрос о разделении Галиции. Программа разделения края на две провинции — польскую и украинскую — была выдвинута украинским национальным движением. Принятие этой справедливой программы польским национальным движением могло бы обеспечить союз обоих народов в борьбе против австрийского гнета, но она была встречена польскими националистами крайне враждебно. В своей борьбе против разделения Галиции польские националисты не брезговали обращаться за поддержкой к австрийской контрреволюции.

С вопросом о разделении Галиции была тесно связана и программа объединения всех украинских земель Австрии — Восточной Галиции, Буковины, Угорской (Закарпатской) Руси — в единый край с общим сеймом и общей администрацией.

Австрийское правительство искусно использовало в своих интересах вопрос о разделении Галиции: запугивая и привязывая к себе польских националистов, оно одновременно поддерживало надежды украинцев на положительное решение этого вопроса. После поражения революции 1848 г. вопрос о разделении Галиции был похоронен. Австрийское правительство не только не допустило образования единого украинского края, но в 1849 г. отделило Буковину, связанную до этого административно с Галицией, превратив ее в особую провинцию, чем еще более усилило расчленение украинских земель в составе Австрии.

Славянский съезд

Вопрос о разделении Галиции ставился и на Славянском съезде в Праге. Польская Рада народова, в отличие от поляков из герцогства Познанского, отнеслась к идее созыва Славянского съезда весьма сдержанно. Польское национальное движение в Галиции видело своих союзников в венграх и немцах, отношения с которыми участие в Славянском съезде могло лишь испортить. Но в конце концов возобладало стремление участвовать в съезде, чтобы повлиять на его ход и не допустить нежелательных решений. Первым же актом «польско-галицийской политики» на Пражском съезде было скандальное происшествие: появление в противовес депутации, посланной Головной радой, контрдепутации, возглавленной такими «истинными представителями» украинского народа, как князь Леон Сапега, князь Юрий Любомирский, граф Юлиан Дзедушицкий! Разумеется, ничего, кроме конфуза, из этой затеи не вышло. Правда, при обсуждении вопроса о национальных отношениях в Галиции польская сторона учла отрицательное отношение представителей других славянских народов к антиукраинскому великодержавному польскому шовинизму. 7 июня было подписано соглашение, в котором содержалось признание полного равенства прав украинцев и поляков в Галиции. Но это соглашение было лишь маневром для воздействия на общественное мнение. Никакого практического значения оно не получило, и вожаки польского национального движения полностью его игнорировали.

Для польского национального движения в рамках Австрийской империи Славянский съезд имел немаловажное значение в том отношении, что тогда, в 1848 г., впервые проявилось польское национальное возрождение в Цешинской Силезии. Вступление двух представителей Цешинской Силезии — Павла Стальмаха и Анджея Котули — в состав польско-русинской секции съезда, издание ими меморналов, выдвигающих требование объединения Цешинской Силезии с восстановленной Польшей или с автономной польской Галицией, так же как издание Стальмахом и Людвиком Клюцким польской газеты «Тыгодник Цешинский», положили начало польскому национальному движению на этой территории, уже пять столетий назад оторванной от основных польских земель.

ЗАТИШЬЕ В ГАЛИЦИИ И ПАРЛАМЕНТСКАЯ БОРЬБА В ВЕНЕ

Выборы в австрийский рейхстаг

После отмены барщины в Галиции установилось относительное затишье. Временами происходили демонстрации и даже стычки между войсками и горожанами, но это не нарушало общей картины наступившего «мирного», «конституционного» периода. Ни австрийская военщина, ни основные политические группировки в польском и украинском обществе не располагали достаточными силами, чтобы нарушить создавшееся равновесие в свою пользу. Крестьянство, присматриваясь к новому порядку, сложившемуся после реформы, и не доверяя ни властям, ни панам, сохраняло выжидательную позицию.

Поверкой соотношения политических сил летом 1848 г. явились июньские выборы в австрийский рейхстаг. В этих первых в Галиции парламентских выборах, проходивших на основе завоеванного в майских боях в Вене демократического закона о всеобщем избирательном праве, голоса крестьян оказывались решающими, так как 90% избирательных округов в Галиции представляли сельские местности. Но выборы были двухстепенными, и это давало простор для различных антидемократических комбинаций. На путь таких комбинаций стала Польская рада народова. В выборной борьбе ясно обнаружилось, что Рада народова боится избрания в парламент крестьянских депутатов. В числе средств, которыми не брезговали представители местных польских рад, входило запугивание крестьян различными вздорными слухами с целью помешать их участию в голосовании. Галиция впервые знакомилась тогда с «культурой» буржуазного парламентаризма.

Однако галицийское крестьянство старалось отстаивать свои классовые интересы. Крестьяне-выборщики голосовали за кандидатов-крестьян; в некоторых округах они голосовали и за сельских священников, но только за тех, кому доверяли. Всего был избран 31 крестьянин (в том числе 19 в Восточной Галиции и 12 — в Западной), 15 ксендзов (9 униатских и 6 католических), 26 помещиков и 25 представителей буржуазии, главным образом буржуазной интеллигенции, 2 раввина и губернатор Галиции Франц Стадион. Ни одна из провинций Австрийской империи не послала в парламент такого многочисленного крестьянского представительства, как Галиция.

Крестьянский вопрос в венском рейхстаге

В Вене крестьянские депутаты держались особняком от остальных галицийских депутатов. Несмотря на трудности, испытываемые ими из-за незнания немецкого языка и непривычки к парламентской обстановке, крестьянские депутаты не полагались на чужое мнение, не верили советам «земляков»-помещиков». Недостаток политического развития крестьянских депутатов сыграл, однако, свою пагубную роль. Занимая

демократическую позицию в аграрном вопросе, крестьянские депутаты не преодолели своих «царистских» настроений. Они голосовали вместе с правыми членами рейхстага по вопросу об отношении к главному противнику буржуазно-демократической революции и национально-освободительного движения в Австрийской империи — к монархии Габсбургов; большинство крестьянских депутатов голосовало против революционной Венгрии.

Осью дискуссии о крестьянской реформе был вопрос о вознаграждении помещиков за отменяемые феодальные повинности. Против возмещения выступало все демократическое крыло собрания. Наиболее яркую речь в этом смысле произнес 17 августа 1848 г. украинский крестьянин из села Ляховцы Иван Капущак, депутат Солотвинского округа.

«Если мы вместо 100 дней принуждены были работать 300,— говорил Капущак,— ...работать три, четыре, а то и все дни в неделю, а помещик считал нам все только за один день, то ответьте, господа, кто же должен платить возмещение — крестьянин или помещик»? «Ба, говорят нам,— помещик обходился с крестьянином ласково». Правда. Но вот какая была эта ласка: с крестьянином, истомившимся за всю неделю работы,... помещик обходился так: крестьянина заковывали, запирали в конюшне, чтобы на следующую неделю скорее выходил на барщину. И за это помещики должны получить вознаграждение? Далее, говорят: «Шляхтич гуманен»! И это правда, ибо он поднимал дух измученного барщинника батогами. Если кто жаловался на то, что имеет слабое тягло и не может отработать барщину,— что он слышал в ответ? «Запрягай жену и сам запрягись». Или: «Чиновник, заставь его! Я помещик, у меня есть деньги, я заплачу за все». Еще говорят: «Помещики охраняют крестьян, их права и их собственность». И это, конечно, такая же правда! Однако у одного крестьянина помещики отобрали кусок пашни, у другого — кусок пастбища. И за это они еще должны получить возмещение? О, нет!»

Свою речь под громкие аплодисменты Капущак закончил словами: «Батоги и плети, которые обвивали наши головы и наши измученные тела, вот что им причитается от нас, вот что пускай они возьмут себе в вознаграждение!»

Пренебрегая интересами польских и украинских крестьян, большинство польских шляхетско-буржуазных депутатов и председатель Головной руськой рады епископ Яхимович голосовали за возмещение. Итог парламентских дебатов по этому вопросу был таков: за возмещение голосовало 174 депутата, против — 144.

Большинство польских депутатов-либералов во главе со Смолькой, избранным вице-президентом, а затем президентом рейхстага, заняло в палате левые скамьи. Выступая с речами, они подчеркивали свое сочувствие освободительной борьбе венгров и итальянцев. Но практически деятельность их ограничивалась рамками парламентского либерализма. В октябре 1848 г., будучи президентом рейхстага в восставшей Вене, Смолка занял позицию «строгого нейтралитета», оказав этим немалую помощь контрреволюции. Перенесенный в Кромержиж рейхстаг превратился при деятельном участии польских либералов в конституционную говорильню, служившую удобной ширмой для подготовки абсолютистского переворота.

Польская национальная гвардия в Галиции

Между тем в Галиции, как и во всей Австрийской империи, осенью 1848 г. назревали решающие события. Ход событий в Галиции зависел в значительной мере от соотношения сил за ее пределами. Обострение кризиса в рамках всей Австрии, приближение решительной схватки революционных и контрреволюционных сил в Вене и на территории Венгрии определили положение в Галиции.

К осени 1848 г. польские буржуазные демократы осознали ошибочность своего подчинения либералам и оформились как самостоятельное направление, приступив к изданию «Станиславской газеты» («Dziennik Stanisławowski»), редактировавшейся Хельтманом и Подолецким, и «Обозрения» (Przegląd), основанного в Кракове Зенковичем. Польские буржуазные демократы считали необходимым приступить к подготовке национального восстания, ориентируясь на союз с Венгрией. Основную силу этого восстания они видели в национальной гвардии.

За летние месяцы 1848 г. отряды национальной гвардии были созданы в большинстве галицийских городов и местечек. Общая численность национальных гвардейцев достигала 20 тыс. человек, из которых около 5 тыс. было во Львове. Это была немалая, хорошо вооруженная сила. Но что собой представляла эта сила и каково было ее назначение?

Национальная гвардия полностью сохранила свой шляхетско-буржуазный, а в провинциальных городах — почти чисто шляхетский характер. Национальные гвардейцы носили конфедератки и кокарды с польскими орлами. Они были не прочь поговорить о независимой Польше, но о вооруженной борьбе за независимость и не думали. Возглавлявший национальную гвардию полковник Выбрановский настолько пленил австрийские власти своей лойяльностью, что ему был дан даже чин австрийского генерала. О борьбе за независимость думали лишь немногочисленные в национальной гвардии демократические элементы — политические эмигранты, в том числе так называемая «молодая эмиграция», польская молодежь, бежавшая из России для участия в революции, а также студенческий Академический легион, в состав которого, особенно в летние месяцы, полулегально вступило некоторое количество ремесленных подмастерьев и рабочих.

В августе во Львов с широкими повстанческими планами прибыл генерал Юзеф Бем. Вскоре, однако, он убедился в нереальности расчетов на галицийскую национальную гвардию и уехал из Галиции служить делу борьбы за освобождение Польши на баррикадах восставшей Вены и в войсках революционной Венгрии.

Городские «низы» Львова, проявившие большую революционную активность в марте-апреле, были неорганизованы. Буржуазные демократы, долго заигрывавшие со шляхтой, слишком поздно обратили внимание на трудящиеся массы. Ноябрьские события во Львове показали, что попытки буржуазных демократов установить связи с городской беднотой и организовать ее не успели еще дать сколько-нибудь заметных результатов.

Между тем силы контрреволюции за летние месяцы заметно окрепли. Командующий австрийскими войсками в Галиции генерал Гаммерштейн, доверенное лицо Виндишгреца, чувствовал себя уверенно и ждал лишь сигнала для перехода в наступление. Таким сигналом явилось известие об успехах Виндишгреца под Веной.

ЛЬВОВСКОЕ ВОССТАНИЕ. ПОБЕДА КОНТРРЕВОЛЮЦИИ В ГАЛИЦИИ

Восстание во Львове 1—2 ноября 1848 г.

Напряжение во Львове было так велико, что генерал Гаммерштейн имел возможность в любой момент найти повод, чтобы «водворить порядок» в городе по краковскому образцу.

Вечером 1 ноября по Львову разнеслось известие о том, что солдаты-артиллеристы тяжело ранили национального гвардейца, портновского подмастерья Навроцкого. В городе началось волнение, быстро распространившееся и на национальную гвардию. Стремясь предотвратить выступление масс, Выбрановский выслал по городу патрули национальной

гвардии, а сам вместе с представителями городского Комитета безопасности поспешил к Гаммерштейну. Командующий использовал усердие руководства гвардии в своих целях. Он приказал дать гарнизону сигнал тревоги. Войска начали занимать улицы, ведущие к центру города, оскорбляя население и провоцируя гвардейцев. На Галицкой площади войска открыли огонь по народу.

Это послужило толчком к восстанию. Раздались крики: «Войска нападают! Защищаться! На баррикады!» Стихийно началась постройка баррикад на улицах, прилегающих к Рынку — центральной площади города. Баррикады, по свидетельству источников, строил «пролетариат»: грузчики, дворники, ремесленники, подмастерья, «ободранные, подозрительные люди».

Гвардейцы по приказу Выбрановского противодействовали сооружению баррикад, разрушали их, брали под охрану оружейные магазины. Выбрановский добился от Гаммерштейна обещания не открывать огня при условии, что к 6 часам утра баррикады будут разобраны и национальная гвардия разойдется. На некоторое время сооружение баррикад действительно прекратилось. Однако, когда на рассвете национальные гвардейцы начали проходить через оцепивший центр города солдатский кордон, они подверглись нападению и избиению прикладами. Национальные гвардейцы отступили к ратуше и ударили в набат. Вновь началось лихорадочное строительство баррикад. На этот раз к городским «низам» примкнули студенты из Академического легиона и часть национальных гвардейцев. Но большинство национальных гвардейцев разбежалось или продолжало «хранить нейтралитет». Восставшие трудящиеся массы вооружались добытыми на складах косами. На одной из баррикад было водружено красное знамя.

В 10 часов утра артиллерия открыла огонь по городу. На ратуше, которую занимала национальная гвардия, вскоре же появился белый флаг. Трудящиеся массы, однако, не думали о капитуляции и заставили убрать флаг. Два с половиной часа город подвергался обстрелу, в ряде мест вспыхнули пожары. Сгорели ратуша, университет, ценнейшая библиотека, технологическая академия, театр.

В то время как городская беднота Львова — поляки, украинцы, евреи — вела героический неравный бой с контрреволюцией, руководство национальной гвардией и «отцы города» — буржуазный магистрат — выпрашивали у Гаммерштейна капитуляцию.

По условиям продиктованной австрийским генералом капитуляции Академический легион распускался, гвардия подлежала «чистке», эмигранты в трехдневный срок должны были покинуть Галицию. Уже на следующий день — 3 ноября — Гаммерштейн под предлогом того, что войска подверглись обстрелу уже после заключения капитуляции, объявил в городе осадное положение. Гвардия была полностью распущена, все союзы и общества (в том числе и Рада народова) запрещены, газеты закрыты. 10 января 1849 г. осадное положение было распространено на всю Галицию.

Львовское восстание 1—2 ноября 1848 г., так же, как и столь сходное с ним Краковское восстание 25—26 апреля, было стихийным выступлением городских демократических масс, выступлением оборонительного характера, без руководства и организации. Эти героические выступления, являющиеся наиболее яркими страницами революционной борьбы в Галиции в 1848 г., с особенной отчетливостью вскрыли трусость и предательство либеральной буржуазии, слабость буржуазных демократов и их неумение организовать борьбу.

Городские демократические массы здоровым революционным чутьем правильно определяли главного врага, против которого надо вести борьбу.

Поднимаясь на восстание, они были далеки от господствовавшего среди имущих классов и насаждавшегося ими национализма: в борьбе против общего угнетателя объединялись и поляки и украинцы.

Но эта городская беднота не имела ни союзников, ни своей политической партии, ни руководства.

Торжество контрреволюции

Генерал Гаммерштейн удостоился благодарности за расправу над Львовом не только от своего командования. Убедившись в том, что бравый генерал не на шутку взялся за «восстановление порядка», крупная львовская буржуазия поднесла ему в конце ноября благодарственный адрес.

Господствующие классы торжествовали. «Осадное положение,— с горечью писал один демократ,— словно по мановению волшебной палочки вызвало на свет великолепные выезды, коляски и кареты, пуговицы с гербами и галуны, в салонах вновь царит старый дух тщеславия и жеманства...»

Весна 1849 г. была ознаменована в Галиции брожением в связи с возобновившимися слухами о предстоящем вторжении из-за Карпат революционной венгерской армии и польского легиона. Многие молодые польские демократы тайно направлялись из Галиции в Венгрию для службы в польском легионе. В апреле 1849 г. из Хжанова (под Краковом) бежала большая группа рекрутов-крестьян, стремясь перебраться в Венгрию. Часть из них была захвачена австрийскими властями. Четверо из участников движения было расстреляно в Кракове.

Поражение венгерской революции окончательно закрепило торжество контрреволюции в Галиции.

По мере укрепления контрреволюции в Австрии одна за другой ликвидировались и те уступки, которые правительство было вынуждено дать в 1848 г. Был похоронен проект разделения Галиции, отменены обещания в отношении введения национальных языков в суде и администрации, конституционные свободы сошли нанет задолго до официальной отмены конституции. Не было уже, разумеется, и речи о созыве провинциального сейма.

Революция 1848 г. закончилась поражением. Однако она оставила и существенные изменения, устранить которые уже не могла абсолютистская контрреволюция.

Итоги революции 1848 г. в Галиции

Важнейшим результатом революции 1848 г. в Галиции было превращение крепостного крестьянства в свободное, отмена феодальных прав помещиков на крестьянские наделы, отмена феодальных повинностей. Революция 1848 г. открыла путь широкому развитию капиталистических отношений в деревне. Но это был мучительный для масс трудового крестьянства «прусский путь».

Помещичье землевладение оказалось ненарушенным. В руках помещиков после реформы осталось 42,4% всех земель. Число крестьянских хозяйств, получивших в 1848 г. право собственности на свои наделы, равнялось, по официальным данным, 546 тыс. За пределами этой группы остались многочисленные безземельные крестьяне — коморники, составлявшие кадры сельскохозяйственного пролетариата, батрачества. Громадные массы малоземельного крестьянства, не имея возможности прокормиться на своих ничтожных наделах и в то же время привязанные к ним, были принуждены арендовать на кабальных условиях землю у помещиков и кулаков или наниматься к ним за ничтожную плату.

Дополнительные возможности для закабаления крестьянства помещики получили в результате проведенной в 50-х годах отмены сервитутов. Эта

реформа, осуществленная в условиях абсолютистской реакции, завершила процесс экспроприации помещиками общинных земель. Крестьяне почти совершенно были лишены леса и задыхались от недостатка пастбищ.

До 90-х годов XIX в. галицийские крестьяне несли на себе бремя индемнизации — возмещения за отмену барщины. Размеры возмещения в Галиции были чудовищны. За свое «освобождение» пауперизованный галицийский крестьянин был вынужден платить выкуп, в пять раз более тяжелый, чем крестьянин в Чехии.

Голод и нищета, полукрепостной труд за бесценок на помещика и кулака, темнота и бесправие, массовая эмиграция — такова была картина жизни галицийского крестьянина после реформы 1848 г.

Наметившийся уже в ходе революции 1848 г. союз австрийской контрреволюции и польских помещиков заложил фундамент австро-польского соглашения 60-х годов, закрепившего режим жестокого национального угнетения украинского народа в Галиции.

«Австрийцы приблизили к себе поляков, давали им привилегии, чтобы поляки помогли укрепить австрийцам свои позиции в Польше, и за это давали полякам возможность душить Галицию.

Это особая, чисто австрийская система — выделить некоторые национальности и давать им привилегии, чтобы затем справиться с остальными»[1].

Национальные противоречия в Галиции, обострившиеся в условиях революции 1848 г., не были разрешены, они все более углублялись, тесно сплетаясь с основными классовыми антагонизмами. Вопросы, поставленные революцией 1848 г., оставались в Галиции неразрешенными вплоть до того времени, когда Советская Армия принесла раскрепощение трудящимся Западной Украины (в том числе бывшей Восточной Галиции), вплоть до того времени, когда созданное польскими трудящимися массами во главе с рабочим классом, благодаря братской помощи Советского Союза, народно-демократическое государство не положило конца помещичьей эксплуатации в Польше.

Только Советское социалистическое государство смогло разрешить национальный вопрос, как и разрешить попутно, в ходе борьбы за социалистическое переустройство общества, те задачи буржуазно-демократической революции, которые оставила неразрешенными революция 1848 г.

---

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 5, стр. 255.

Глава двадцать первая

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В БУКОВИНЕ В 1848 Г.

БУКОВИНА ПОД ГНЕТОМ АВСТРИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

С середины XIV в. Буковина, древняя славянская земля, входила в состав Молдавии. В 1774 г. она подпала под власть Австрии, проводившей политику насильственной централизации и германизации всех областей империи. Под гнетом этой политики изнемогала и Буковина. В национальном отношении население Буковины не представляло единого целого. Северная часть страны была заселена преимущественно украинцами (русинами), южная — румынами. Те и другие подвергались жестокому национальному угнетению.

Экономическое развитие Буковины в первой половине XIX в.

С конца XVIII и особенно в первой половине XIX в. в Австрии развивались капиталистические отношения. Ранее оторванный от внешнего мира уголок, каким была Буковина в составе Молдавии, после присоединения к Австрии связывалась, через Галицию и Трансильванию, с экономически более развитыми областями. Росла и численность населения края. В 1774 г. население Буковины составляло около 75 тыс. человек, в 1779 г.— свыше 116 тыс., в 1786 г.— свыше 135 тыс., в 1800 г.— 190 тыс., в 1848 г.— свыше 200 тыс. Рост населения происходил преимущественно вследствие увеличения числа переселенцев — в основном беглых крепостных крестьян — из соседней Галиции.

К середине XIX в. Буковина все еще оставалась аграрной, отсталой провинцией. Крупных промышленных городов в ней не было. Как административные и торговые центры выделялись Черновцы, Радауцы, Сучава и Серет. Самым крупным в Буковине был город Черновцы, насчитывавший 20 тыс. жителей. Состав городских жителей был многонационален. Многонациональной была и торговая буржуазия (армяне, греки, евреи, отчасти румыны и украинцы). Промышленная буржуазия существовала лишь в зародыше. В городах господствовало цеховое ремесло, обслуживавшее главным образом местный рынок. Интеллигенция, как украинская, так и румынская, была крайне немногочисленна. Административный и судебный аппарат находился в руках австрийских чиновников.

Рост населения и расширение торговых связей увеличивали спрос на продукты сельского хозяйства, на лес, который по рекам сплавлялся в другие части Австрийской империи и за границу. Буковинские помещики, ранее пребывавшие обычно при дворе молдавского господаря

в Яссах и лишь наезжавшие в Буковину для сбора податей со своих крестьян, начали обзаводиться собственным хозяйством, расширять его или сдавать землю в аренду, торговать зерном, скотом и лесом.

Положение крестьянства. В погоне за доходами помещики отбирали лучшую землю у крестьян, увеличивали барщину, денежные и натуральные повинности крепостных. В XIX в. барщинная повинность, и без того очень тяжелая, увеличилась на «один день».

Об аналогичном явлении в Молдавии и Валахии Маркс писал, что рабочий день был взят тут «...не в его обыкновенном смысле, а как рабочий день, необходимый для производства среднего дневного продукта; средний же дневной продукт хитроумно определен таким образом, что ни один циклоп не справился бы с ним в сутки»[1].

Правительство издавало постановления, в которых требовало, чтобы крепостные после выполнения положенной барщины работали у помещика «за плату». Крестьяне жаловались, что никакой платы они не получают; тех, кто отказывался выполнять работу «за плату» или кто подбивал к этому других, власти объявляли бунтовщиками и карали.

Кроме барщины, крестьяне выполняли ряд других феодальных повинностей — вносили десятину с урожая, строили хозяйственные постройки на помещичьей земле и т. п. Они находились в полной зависимости от помещиков, их управляющих, гайдуков (стражников). Определенное количество дней барщины крестьяне должны были отрабатывать священнику.

Борьба крестьян против помещиков Крестьянство Буковины не мирилось со своим подневольным положением и боролось с ним всеми доступными способами. Крестьяне бежали от помещичьего гнета в Карпатские горы, в Бессарабию, в Молдавию; они писали жалобы на панов во все правительственные инстанции Австрии. Но правительство оставалось глухо к требованиям крестьян, а если и посылало комиссии для разбора жалоб, то решения этих комиссий всегда были в пользу помещиков.

В первой половине XIX в. на Буковине не прекращалось движение опришков, выражавшееся в том, что отряды восставших крестьян, главным образом в горных местностях, громили помещиков и арендаторов. Крестьяне села Веренчанка в 1808 г. убили арендатора имения Иона Зотту. Крупное крестьянское волнение произошло в 1826 г. в селе Луки. В 1827 г. в селе Товтры дело дошло до столкновения восставших крестьян с высланными против них войсками. В 1838—1839 гг. массовый отказ крестьян от барщины охватил бо́льшую часть Буковины.

Крупным крестьянским восстанием был охвачен в 1843—1844 гг. горный Русско-Кимполунгский округ. Здесь во главе крестьянского движения стал крестьянин Лукиан Кобылица. Восстание было жестоко подавлено войсками.

С новой силой крестьянское движение в Буковине развернулось в 1848—1849 гг., заняв здесь центральное место в событиях этих лет. В украинских землях Австрийской империи — Галиции, Буковине и Закарпатье, где бо́льшая часть населения страдала под гнетом феодально-крепостнических отношений, революция 1848 г. пробудила у закрепощенных крестьян надежду на освобождение и усилила рост крестьянского движения.

Крестьянскому движению 1848—1849 гг. в исторической литературе уделялось очень мало внимания. Украинская буржуазно-националисти-

---

[1] К. Маркс. Капитал, т. I, кн. 1. 1949, стр. 243.

ческая историография отрицала его значение в революции 1848 г. и приписывала основную роль в ней «кружкам украинской интеллигенции». В этой историографии утвердилось мнение, что в славянских землях Австрии крестьяне примкнули к революционному движению только под влиянием ненависти к барщине и другим феодальным повинностям и что как только цель эта была достигнута, крестьяне отвернулись от революции.

Это утверждение далеко от истины. Отмена феодальных повинностей в Австрии в 1848 г. была проведена сверху и не принесла радикального разрешения аграрного вопроса. В результате реформы 1848 г. крестьянство было ограблено, попало в новую кабалу к помещикам и ростовщикам. Это не могло не вызвать ответного движения крестьян, которое развернулось с особой силой после издания закона от 7 сентября 1848 г.

Но в исторических условиях того времени не было такой силы, которая могла бы организовать и возглавить борьбу крестьян против помещичьего гнета. Буржуазия уже тогда проявила свою политическую трусость и дряблость, а пролетариат еще только выступал на политическую арену.

Революционное движение в городах

18 марта известия о революционных событиях в Вене и других городах Австрии дошли до Буковины. Они получили тут живой отклик. Учащийся Петр Головацкий писал 14 апреля своему брату Якову Головацкому, что вечером 22 марта жители города Черновцы приняли участие в большом шествии с музыкой по улицам города. Это шествие было организовано в связи с полученным из Вены известием, что 15 марта император объявил о предстоящем введении конституции в Австрии.

В конце марта в Черновцах, Радауцах и других городах Буковины была создана национальная гвардия из горожан, учащихся семинарии и гимназии. В Черновцах во главе национальной гвардии стал старший лесничий Праш; его заместителем был аптекарь Вильгельм Альт; брат последнего, профессор Альт, стал командиром Академического легиона. Все они были представителями либерально-буржуазной интеллигенции, действовавшей крайне нерешительно и осторожно. «Знали они, что стыдно молчать, когда говорит весь мир, но и боялись вырваться вперед»,— писал о них П. Головацкий.

Революционно настроенная молодежь открыто выступала против реакции. Летом 1848 г. перед домами контрреволюционеров происходили демонстрации, сопровождавшиеся битьем окон. Вмешательство войск дало возможность контрреволюционерам бежать из города. Особенную ненависть в демократических кругах вызывали комиссар черновицкой полиции Каменобродский, бургомистр Суканек, преподаватель лицея Бонне, католический священник Кунце. Недовольство абсолютистско-феодальными порядками росло в городе изо дня в день. Даже те, кто в начале революции оставался верным династии Габсбургов, так называемые «черножелтые», переходили в лагерь «неспокойных», состоявший из «либералов» и «радикалов».

Выступления революционных элементов обеспокоили представителей власти. В июне из Львова было дано указание о запрещении ношения оружия национальными гвардейцами во внеслужебное время.

Осенью 1848 г. австрийские войска были отправлены из Черновиц в Трансильванию для борьбы против революционной Венгрии, и национальная гвардия сделалась единственной вооруженной силой в городе.

В октябре 1848 г. черновицкие демократы послали группы добровольцев (так называемых фрейкуров буковинских) на помощь восставшей Вене.

После подавления октябрьского восстания в Вене и бомбардировки Львова в начале ноября началось наступление контрреволюции и в Буковине. Власть в Черновцах была отдана в руки военного коменданта барона де-Барро. В городе производились аресты. Зажиточные слои городского населения отошли от революции. Национальная гвардия, хотя и продолжала существовать еще некоторое время, после ареста левых элементов сделалась послушным орудием в руках властей. В начале января 1849 г. буржуазная, состоятельная часть национальной гвардии Буковины оказывала даже денежную помощь австрийским войскам, изгнанным из Трансильвании венгерскими революционными войсками.

Украинское население города Черновцы не выступило с отдельной программой, как это было во Львове. Черновицкая окружная руська рада, являясь филиалом Головной русской рады, не развернула революционной деятельности.

Подъем крестьянского движения в 1848 г.

При первых же известиях о революционных событиях во Франции и Италии из Буковины посыпались донесения о том, что среди крестьян появились агитаторы. В письме губернской администрации к старосте Буковины от 29 февраля 1848 г. сообщалось, что в связи с событиями в Италии большое количество агитаторов старается привить народу «коммунистическое учение», «завоевывает доверие» крестьян и разжигает «их ненависть к помещикам». В начале апреля среди крестьян Русско-Кимполунгского округа распространялись листовки, в которых говорилось, что леса, захваченные помещиками, должны принадлежать крестьянам, что барщина и другие повинности должны быть ликвидированы. В листовках говорилось также о том, что горные местности Буковины и Галиции будут объединены в один военный округ и присоединены к Венгрии, ибо лишь таким путем можно будет освободиться от гнета помещиков.

Весной и летом 1848 г. крестьянские волнения охватили всю Буковину. Росту волнений сильно способствовало то, что в соседней Галиции под давлением крестьянского движения 17 апреля были отменены феодальные повинности. Хотя Буковина числилась в административном отношении в составе Галиции, закон 17 апреля не был распространен на Буковину вплоть до августа 1848 г.

В июне 1848 г. помещики Буковины подали министерству внутренних дел коллективное заявление, в котором с тревогой сообщали, что крестьяне пытаются завладеть помещичьей собственностью.

Деятельность депутатов от буковинского крестьянства в австрийском рейхстаге

Большую роль в крестьянском движении на Буковине играли депутаты рейхстага, выбранные от сельских округов. В городе Черновцы депутатом был избран директор гимназии немец Антон Краль. Но в сельских округах депутатами были избраны исключительно крестьяне, а именно: по Сторожинецкому округу — украинец Юрий Тимош, по Садагурскому — украинец Василий Кирсте, по Сучавскому — украинец Иван Долинчук, по Вижницкому — украинец Лукиан Кобылица, по Кицманскому — украинец Василий Моргош, по Рэдауцкому — румын Михаил Бондарь, по Гурагуморскому — румын Мирон Чуперкович.

Между депутатами, находившимися в Вене, и их избирателями велась постоянная переписка. Депутаты организовали подачу в рейхстаг и другие государственные учреждения крестьянских петиций, содержавших жалобы на помещиков и ходатайства о том, чтобы земли, пастбища и леса, забранные помещиками, были возвращены крестьянам. За неграмотных

крестьян жалобы составляли на немецком языке сельские писцы, тесно связанные с деревней.

В документах упоминаются следующие писцы: Иван Дашкевич, Иоаким Кропивницкий, Антон Герман, Эдуард Флюгнер, Карл Фивек. Этих писцов, вместе с депутатами, можно считать выразителями стремлений буковинского крестьянства.

В прениях и при голосовании законопроекта об отмене феодальных повинностей без выкупа крестьянские депутаты Буковины выступали в рейхстаге совместно с крестьянскими депутатами от Галиции и совместно с другими подлинными демократами.

Лукиан Кобылица и его роль в крестьянском движении

Среди буковинских депутатов в рейхстаге своей революционной активностью выделялся украинский крестьянин-гуцул Лукиан Кобылица. Родился он около 1812 г., проживал в горном Русско-Кимполунгском округе, в селе Сторонец-Путилов. Уже в 1842—1843 гг. Кобылица возглавлял крестьянское движение, за что был присужден к тюремному заключению; он был два раза бит палками. Уверенностью в правоте своего дела дышали слова, с которыми он обратился в 1844 г. к собравшимся крестьянам: «Общины должны считать себя крепкими, как скала, а дворяне, доминикальные и государственные служащие — это вода, которая протекает в ручейке возле скалы. Они, вместе со своими подручными, исчезнут, как протекающая вода, а скала останется нерушимой».

В качестве депутата рейхстага Кобылица неизменно голосовал вместе с радикалами и, по определению писателя Ивана Франко, «принадлежал к так называемой левице, т. е. к демократическо-радикальной части рейхстага». Он был почти единственным среди крестьянских депутатов, который голосовал в сентябре 1848 г. за то, чтобы допустить на заседание и выслушать в рейхстаге делегацию революционной Венгрии.

Среди конфискованных властями бумаг Кобылицы, кроме его многочисленных собственноручных расписок в подаче крестьянских петиций, были найдены списки депутатов и стенограммы заседаний рейхстага, политические листовки и воззвания, номера радикальных газет.

Документы свидетельствуют о том, что Кобылица находился под влиянием идей польских революционеров, проживавших на Буковине. Через Буковину многие польские революционеры переходили в Молдавию, а во время революции и в Венгрию. Иногда они оседали в Буковине и вели пропаганду среди местного населения. В Буковине была организована сеть явочных квартир, агентов по переправе через границу.

Переехав в Вену, Кобылица установил тесные связи с видными польскими демократами. Он жил в одной квартире с депутатом рейхстага Иваном Федоровичем, участником польского восстания 1830—1831 гг., деятелем польского революционного подполья в Галиции, сторонником ликвидации крепостничества. Через Федоровича Кобылица познакомился с другими польскими демократическими деятелями, в частности с депутатом рейхстага Сераковским. Встречался Кобылица и с вождем немецких демократов Гансом Кудлихом, который первым выступил в рейхстаге с проектом отмены феодальных повинностей.

В начале ноября 1848 г. работа австрийского рейхстага была прервана правительством. Депутаты разъехались. Вернувшись в Буковину, депутаты начали отчитываться перед избирателями в своей деятельности. Отчетные собрания устраивались по требованию крестьян, которые заявляли, что по неграмотности они не читают газет, но хотят знать, что делает рейхстаг и как работают их депутаты.

Среди возвратившихся в Буковину депутатов выделялись своей активностью Лукиан Кобылица и Юрий Тимош. Они говорили крестьянам, что отныне действительными являются только распоряжения императора и депутатов рейхстага, призывали крестьян не реизбрать не угодных им сельских старост, убеждали в необходимости передела лесов.

16 ноября Кобылица созвал в Вижнице собрание, на котором присутствовало несколько тысяч крестьян. На этом собрании Кобылица призывал крестьян пользоваться лесами, не платить налогов, не выполнять распоряжений местной власти, избрать новых сельских старост — «таких, которые не шли бы вместе с помещиками».

Второе собрание крестьян было созвано Кобылицей 21 ноября. К этому времени влияние Кобылицы возросло настолько, что даже государственная стража в горах (так называемые «пушкари») временно перешла на его сторону. Местные власти жаловались, что «все призывы областного правления к сохранению спокойствия, порядка и существующих законов были сведены на-нет поведением Лукиана Кобылицы».

Крестьянское движение охватило большую территорию. Крестьяне захватывали помещичьи земли и леса, выступали против местных властей. Охваченные паникой помещики требовали, чтобы Кобылица и Тимош были немедленно привлечены к ответственности и строго наказаны, чтобы об их действиях было сообщено министерству внутренних дел и рейхстагу, чтобы они были лишены депутатского звания и чтобы правительство освободило дворян от «страха, в котором они пребывают уже несколько месяцев». Духовенство также выступило против крестьян; оно с возмущением указывало, что Кобылица призывает народ к насилию против светских и духовных властей.

Областной староста Буковины рассчитывал, что для успокоения крестьян достаточно будет послать комиссаров в Сторожинецкий и Вижницкий избирательные округа. Комиссарам было поручено ознакомиться с положением дел на местах, разъяснить крестьянам, что порядок выборов сельских старост остается неизменным, что крестьяне обязаны выполнять все распоряжения властей.

Комиссар, посланный в Сторожинецкий округ, добился некоторого успеха: крестьяне дали обещание подчиняться властям. Юрию Тимошу было сделано предупреждение, чтобы он воздержался от каких бы то ни было выступлений, ибо в противном случае он будет нести ответственность за спокойствие в округе.

Некоторое затишье, наступившее в Сторожинецком избирательном округе, можно объяснить тем, что в середине ноября Юрий Тимош уехал в Кромержиж на заседания рейхстага.

Иначе проходили события в Вижницком округе. Лукиан Кобылица не поехал в Кромержиж. Повидимому, он успел разочароваться в деятельности рейхстага и убедился в том, что от него нельзя ждать удовлетворения крестьянских требований.

Во всех селах Вижницкого округа крестьяне заявляли комиссару, что будут выполнять распоряжения одного только Кобылицы. Не обращая внимания на неоднократные предупреждения со стороны властей, Кобылица продолжал разъезжать по селам в сопровождении вооруженных крестьян, созывал собрания и выступал на них. Собрания сопровождались колокольным звоном и салютом из пистолетов. Казалось, что движение может перекинуться в Галицию.

Сведения о крестьянском движении в Буковине дошли до Вены. Министр внутренних дел граф Стадион вынужден был заявить, что крестьяне Буковины «не хотят признавать никаких господ, никаких представителей власти и вообще никому не хотят подчиняться».

Австрийские карательные отряды в селах Буковины

Карательные отряды, возглавляемые контрреволюционными комиссарами и офицерами, были направлены в Вижницкий округ. В ночь на 29 ноября в Селятин прибыл карательный отряд во главе с комиссаром бароном Канне. Солдаты врывались в дома крестьян, выбивали окна, ломали двери, приводили в негодность хозяйственные постройки, забирали у крестьян имущество и скот. Группа солдат во главе с капитаном ворвалась в дом Кобылицы. Всех, кто находился в доме, солдаты избили и ограбили, привели в негодность жилище, а жену и детей Кобылицы выгнали вон, заявив им, что Кобылица приговорен к смерти и будет повешен.

Карательные отряды прошли и по другим селам округа. Кроме побоев, грабежа, издевательств, дело нередко доходило и до применения оружия против крестьян. Один из соратников Кобылицы, Иван Дашкевич, был арестован, избит прикладами, закован в цепи и отправлен в Черновцы. Многие участники движения, в том числе и сам Кобылица, вынуждены были бежать, чтобы спасти свою жизнь. Депутатское звание не спасло бы Кобылицу в случае ареста. 4 декабря буковинскому старосте писали из Львова: «Что касается отношения к депутату рейхстага Кобылице, то вашему благородию должно быть известно, что о неприкосновенности депутатов не существует еще ни одного действующего закона».

Карательные отряды водворили в селах видимое спокойствие. Но в донесениях властей указывалось на возможность новых крестьянских волнений, на то, что полного успокоения в Вижницком округе «можно будет достигнуть лишь тогда, когда депутат Кобылица сам решительно откажется от того, что он натворил». Власти надеялись, что с отъездом Кобылицы на заседания рейхстага крестьянское движение само собой прекратится, но он не поехал в рейхстаг.

Связь Кобылицы с венгерскими революционерами

В документах имеется несколько версий о местопребывании в это время Кобылицы. Согласно первой версии, Кобылица отправился в Вену с жалобой на буковинские власти; согласно второй — он уехал в Кромержиж на заседания рейхстага; согласно третьей — он отправился за военной помощью в Венгрию. В действительности Кобылица не был в это время ни в Вене, ни в Кромержиже.

Новые данные позволяют утверждать, что Кобылица действительно поддерживал связи с венгерскими революционерами. Выше упоминалось, что среди крестьян Русско-Кимполунгского округа Буковины, граничащего с Трансильванией, еще в апреле 1848 г. обнаружилось стремление присоединиться к Венгрии, чтобы таким путем избавиться от гнета румынских помещиков. Это стремление усилилось еще более, когда трансильванские помещики выступили против венгерских революционеров. Таким образом, мы имеем здесь дело не с личной ориентацией Кобылицы на революционную Венгрию, а со стремлением крестьянства Буковины. Кобылица был лично знаком с членами венгерской делегации, прибывшей в Вену (они бывали на квартире Федоровича).

Современники отмечали, что в начале 1849 г. Кобылица, возвратившись в Буковину, стал призывать крестьян заготовлять для венгерских революционеров пищу и фураж. Этот призыв нашел сочувствие и поддержку среди крестьян Вижницкого округа. Только сочувствием буковинских крестьян венгерским революционерам можно объяснить то, что австрийское правительство не решилось организовать из гуцулов Буковины ополчение, хотя в других пограничных с Венгрией землях такое ополчение создавалось.

10 февраля 1849 г. староста Буковины Бах в обращении к светским и духовным властям отмечал связи Кобылицы с венгерскими револю-

ционерами и с секлерами Трансильвании. И несколько месяцев спустя крестьяне села Бергомет, поднявшиеся на борьбу против помещиков, ждали венгерских революционеров как избавителей.

В свою очередь деятели венгерской революции не могли не обратить внимания на Буковину, особенно на Вижницкий округ, через который шел самый удобный и сравнительно короткий путь из Венгрии в Галицию, вдоль реки Белый Черемош. Как известно, на Галицию возлагали большие надежды Дембинский, Бем и другие польские революционеры, служившие в венгерской революционной армии. Они были, несомненно, заинтересованы в сочувствии населения Буковины революционной Венгрии. Есть сведения, что в этом отношении с венгерской стороны предпринимались некоторые шаги. Документы говорят о том, что крестьянское движение в селах Путилове, Ростоках, Долгополье весной 1849 г. происходило при участии венгерских эмиссаров. С одним из этих эмиссаров, Саулом Шандором, содержателем корчмы в селе Плоска, Кобылица был лично связан.

Вступление Бема с отрядом венгерских войск 5 января 1849 г. на территорию Южной Буковины можно считать операцией разведывательного характера. И хотя поход венгров в глубь Буковины и в Галицию по многим причинам не был осуществлен, появление отряда Бема вызвало панику среди дворян и чиновников Буковины, нашло резонанс и в русских правительственных кругах, которые внимательно следили за ходом событий в Галиции и Буковине.

Крестьянское движение весной и летом 1849 г.

На протяжении целых полутора лет власти прилагали все усилия, чтобы арестовать Кобылицу. Власти надеялись, что лишение Кобылицы депутатских полномочий уменьшит его авторитет в народе. 6 февраля 1849 г. рейхстаг исключил Кобылицу из числа депутатов.

Начиная с марта 1849 г., после роспуска австрийского рейхстага и возвращения Юрия Тимоша в Буковину, крестьянское движение в ней снова усилилось. Кобылица и его соратник Бирла Миронюк призывали крестьян вооружаться и присоединяться к венгерским революционерам. Венгры, говорил крестьянам Кобылица, выгонят из Буковины австрийских чиновников и солдат.

В мае 1849 г. крестьянское движение в Буковине, особенно в горных районах, приняло еще более широкий размах. Крестьяне отказывались платить помещикам за пользование пастбищами и лесами, объявляли их своей собственностью, рубили помещичьи леса, пасли скот на помещичьих пастбищах. Для подавления крестьянских волнений были направлены войска. Начались аресты, массовая порка крестьян, конфискация скота. Но, несмотря на жестокие репрессии, крестьяне не отступали от своих требований. Виновниками движения власти считали Кобылицу и эмиссаров революционной Венгрии.

С конца лета 1849 г. крестьянское движение в Буковине стало спадать. Оно снова приняло форму подачи петиций в различные правительственные инстанции. Крестьяне Буковины, выступая против помещиков и чиновников, еще верили в «доброго императора». В этом ярко проявлялась политическая незрелость крестьянства.

Крестьянское движение в Буковине зависело, разумеется, от общего революционного подъема в стране во время революции 1848 г. Спад крестьянского движения в Буковине не случайно совпал с подавлением венгерской революции. Весной 1850 г. Кобылица и некоторые его соратники были арестованы. Кобылица был заключен в тюрьму и после тяжелых пыток умер 24 октября 1851 г.

НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В БУКОВИНЕ В 1848—1849 ГГ.

Национальное движение во время революции 1848 г. в каждой из трех украинских провинций Австрии — Галиции, Буковине и Закарпатье — в силу исторически сложившихся условий имело свои особенности. «Содержание национального движения,— указывает И. В. Сталин,— конечно, не может быть везде одинаковым...»[1]

Украинская буржуазно-националистическая историография все национальное движение в Буковине в 1848 г. сводила к «противоречию интересов украинской и румынской народностей». Такая ошибочная установка, игнорирующая значение центрального вопроса,— быть ли Буковине в составе Галиции или выделиться в отдельную провинцию Австрии,— приводит к прямому искажению сущности исторических событий.

Позиции господствующих классов

В июне 1848 г. дворянство и духовенство Буковины подали императору Фердинанду I петицию, требовавшую отделения Буковины от Галиции, провозглашения ее австрийским коронным краем, введения во все учреждения Буковины румынского языка и т. д.

В начале 1849 г. в рейхстаг была представлена «Промемория», которую также подписали представители буковинского дворянства и духовенства. И петиция и «Промемория» свидетельствовали о стремлении румынского дворянства стать полным хозяином в Буковине и не делить власти с польской шляхтой Галиции.

Во всех документах, представленных в рейхстаг дворянством и духовенством Буковины, полностью игнорировались политические и культурные требования украинского населения, т. е. основной массы населения края, стремившейся к объединению с украинским населением Галиции. Экономические и политические выгоды, которые сулило отделение Буковины от Галиции господствующим классам Буковины, толкнули украинское дворянство и православное духовенство Буковины на путь предательства национальных интересов своего народа. Характерно, что епископ Евгений Гакман, по происхождению буковинец, неоднократно подчеркивавший, что он русин (т. е. украинец), играл ведущую роль в борьбе за отделение Буковины от Галиции. То же относится к профессорам духовной семинарии и даже к сельским священникам, в большинстве — украинцам. Известное значение имели при этом вероисповедные различия между православным духовенством Буковины и католическим и униатским духовенством Галиции.

Позиция крестьянства

Противоположную дворянству и духовенству позицию заняло крестьянство Буковины. Украинские крестьяне — депутаты рейхстага развернули широкую кампанию за подачу петиций об оставлении Буковины в составе Галиции.

Депутаты Моргош, Кирсте и Долинчук подали в рейхстаг требование оставить Буковину объединенной с Галицией. Кобылица от имени своих избирателей требовал того же.

1 ноября 1848 г., по инициативе украинских депутатов рейхстага, в Черновцах собрались представители сел всей Буковины и приняли решение остаться в составе Галиции. Представители крестьянства высказались против создания отдельного краевого сейма, состоящего из дворян, священников и чиновников. Крестьяне заявили, что в таком небольшом крае, как Буковина, им будет не под силу содержать этот сейм и чиновников краевой администрации. Решено было аннулировать подписи,

---

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 2, стр. 307.

данные перед этим отдельными сельскими общинами в пользу отделения Буковины от Галиции, так как эти подписи были вырваны у крестьян обманным путем.

15 декабря украинские депутаты рейхстага представили новую петицию, в которой от имени буковинского крестьянства ходатайствовали о том, чтобы в административном устройстве Буковины не производилось никаких изменений.

В одной из многочисленных петиций, поданных в 1848 г. крестьянами Буковины, говорилось: «Несмотря на то, что духовенство, крупные землевладельцы, интеллигенция и горожане требуют в своем меморандуме образования провинциального сейма, мы требуем, чтобы Буковина и в дальнейшем являлась округом Галиции». Крестьяне считали, что они ничего не потеряют от того, что Буковина останется в составе Галиции, ибо, как писал своим избирателям депутат Василий Моргош, «галичане не заберут и не унесут на своих спинах жилищ буковинцев».

Ходатайство депутатов было поддержано десятками сел Буковины, притом не только украинских, но и румынских (в Южной Буковине). В петиции от Сучавского округа, подписанной и румынскими селами, говорилось, что дворяне не представляют интересов народа и должны говорить только от своего имени. Румынские крестьяне Гурагуморского округа протестовали против позиции, занятой в этом вопросе их депутатом Чуперковичем. Следует, впрочем, отметить, что в некоторых селах Южной Буковины имели место и противоположные выступления румынского крестьянства, организованные Чуперковичем.

Об участии крестьянства в национальном движении И. В. Сталин писал: «Что касается крестьян, то их участие в национальном движении зависит прежде всего от характера репрессий. Если репрессии затрагивают интересы «земли», как это имело место в Ирландии, то широкие массы крестьян немедленно становятся под знамя национального движения»[1].

Это положение подтверждается участием крестьянства Буковины в национальном движении 1848—1849 гг.

То, что украинское крестьянство Буковины выступало за соединение с Галицией, было продиктовано в первую очередь его классовыми интересами. Немалую роль при этом сыграло то обстоятельство, что крестьянство Галиции было освобождено от феодальных повинностей еще в апреле 1848 г., т. е. на несколько месяцев раньше, чем в Буковине. Буковинские крестьяне считали, что то же было бы и в Буковине, если бы она была в полном единении с Галицией.

После того как 7 сентября 1848 г. был издан общеавстрийский закон об отмене феодальных повинностей за выкуп, на крестьян Буковины, в случае ее отделения от Галиции, пала бы бóльшая тяжесть выкупных платежей. Выкупные платежи производились из выкупного фонда. Чем беднее и меньше был край, тем более тяжелыми делались платежи и тем дольше затягивалась их выплата крестьянами. Это в полной мере касалось Буковины, и об этом хорошо знали буковинские крестьяне. Крестьянам было известно также, что с отделением Буковины от Галиции вся тяжесть содержания краевого сейма и административного аппарата ляжет в основном на них — крестьян. В связи с этим крестьяне писали в одном из своих заявлений: «На содержание отдельного краевого сейма требуются средства, духовенство же ничего не платит, так пусть же оно не вмешивается в государственные дела, ибо оно этим самым лишь вызывает раздоры в народе».

---

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 2, стр. 307.

Что касается действий двух крестьянских депутатов румынской национальности, Михаила Бондаря и Михаила Чуперковича, то они в национальном вопросе с самого начала пошли на поводу у румынских дворян и румынского духовенства, но не нашли в этом полной поддержки со стороны румынского крестьянства.

Австрийская контрреволюция в 1849 г. провозгласила Буковину отдельным коронным краем с отдельным сеймом и особой администрацией. Разорванные на части украинские земли Австрийской империи были отданы правительством Габсбургов под власть господствующих классов других наций. Такая политика австрийского правительства объясняется его стремлением обеспечить себе поддержку господствующих классов этих наций и тем укрепить свое собственное положение. Буковина была отдана Австрией под власть румынских бояр.

* * *

Стремление западноукраинских земель объединиться в единое целое впервые проявившееся в 1848 г., осуществилось лишь в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции и благодаря победе Советской армии в Великой Отечественной войне.

Прошло 100 лет после революции 1848 г., но народ Буковины в многочисленных песнях и рассказах сохранил память о днях борьбы за лучшую, свободную жизнь, сохранил память о народном герое Лукиане Кобылице.

Глава двадцать вторая

РЕВОЛЮЦИЯ 1848 Г. В ВЕНГРИИ

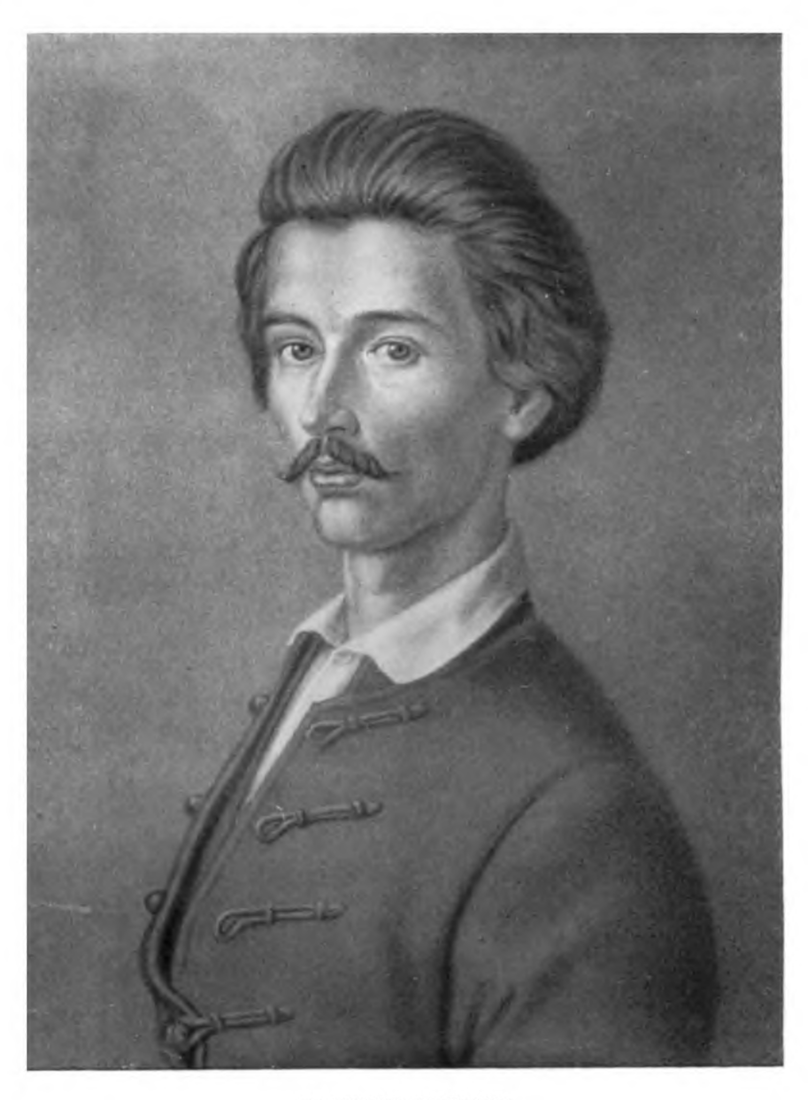
Положение Венгрии накануне революции

Венгрия 40-х годов XIX в. была аграрной страной, в которой полностью господствовали феодально-крепостнические порядки. В этой стране крупного помещичьего землевладения развитие капитализма еще только начиналось. Тяжелое положение Венгрии усугублялось еще тем, что она находилась в колониальной зависимости от Австрии. В этой обстановке кризис разлагающегося феодализма отражался чрезвычайно тяжело на положении низших слоев общества. Среди закабаленного крестьянства, городской бедноты и обнищавшего деклассированного мелкого дворянства росло озлобление против помещичьей аристократии, против феодальных и колониальных уз габсбургского абсолютизма, сковывавших экономическое, политическое и культурное развитие страны.

Среднее, обуржуазивавшееся дворянство, втянутое в товарное производство, было заинтересовано в индустриализации страны, в ее самостоятельном капиталистическом развитии. Оно стремилось реформировать систему крепостного права и покончить с зависимостью Венгрии от Австрии. Эти стремления встречали резкое сопротивление Габсбургского двора и тесно с ним связанной венгерской аристократии. Однако страх либерального дворянства перед начавшимися крестьянскими волнениями сдерживал его весьма скромные реформаторские начинания.

Феодальные условия землевладения препятствовали интенсификации сельского хозяйства. Сохранение барщины, десятины и множества других повинностей не только приводило к упадку крестьянское хозяйство, к разорению мелкого дворянства, но и тормозило экономическое развитие хозяйств среднего дворянства. Помещики искали выхода в увеличении числа рабочих дней своих крепостных и, пользуясь своими судебно-административными правами, безжалостно усиливали эксплуатацию крестьян. В процессе перехода на товарное хозяйство и развития с этой целью животноводства помещики отнимали у крестьян их выгоны. Крепостные убегали в леса и болота, скрываясь там от невыносимого бремени и произвола своих помещиков. В связи с неурожаем 1847 г. зимой 1847/48 г. число обнищавших крестьян еще более увеличилось. Они мстили помещикам за все несправедливости, угоняли помещичьи стада, поджигали усадьбы.

Опустившиеся, в значительной части безземельные, мелкие дворяне по экономическому положению мало чем отличались от крестьянства.

ШАНДОР ПЕТЕФИ

Литография неизв. художника

Собрание Института Маркса — Энгельса — Ленина. Москва.

Они кое-как перебивались на своих мелких земельных участках или арендовали земли у крупных помещиков. Но в отличие от крестьян мелкое дворянство обладало политическими правами: оно выбирало депутатов в комитатские (областные) собрания. Однако выборы эти полностью контролировались средним дворянством, державшим управление комитатами в своих руках.

К середине XIX в. численность мелкопоместной дворянской интеллигенции возросла. Дворянская молодежь пыталась устраиваться на службу, стремилась к свободным профессиям (к адвокатуре, медицине, литературе), но в условиях замедленного капиталистического развития и в обстановке, когда центральная администрация страны, в отличие от местной (комитатской), находилась в руках венской дворцовой канцелярии и немецкой бюрократии, это мало кому удавалось. Бóльшая часть венгерской интеллигенции жила случайными заработками. Неудивительно, что очень многие из этой молодежи, зачитывавшиеся произведениями глашатая революционно-демократических идей, народного поэта Шандора Петефи, становились в ряды борцов против феодального гнета и австрийского господства.

К лагерю буржуазно-дворянской интеллигенции примыкали и образованные выходцы из крестьянства. Во второй половине 40-х годов наиболее передовые представители оппозиционной интеллигенции отделились от либерального движения среднего дворянства и потребовали для Венгрии, говоря словами Петефи, «не заплаток на старую одежду, а совершенно новой одежды». Основанная Петефи в 1847 г. «Молодая Венгрия» высказалась за отмену всех феодальных привилегий в Венгрии и за ее национальную независимость. К «Молодой Венгрии» присоединились передовые писатели, и под их влиянием в городах возникли политические клубы. Наиболее влиятельным клубом был в первое время «Союз оппозиции».

Либералы не скрывали своей враждебности к растущему влиянию группы Петефи в массах городской бедноты; особенно боялись они ее влияния на крестьянство. Неутомимый борец за освобождение крестьян, писатель Танчич, сам выходец из крепостных, был в 1847 г. посажен в тюрьму якобы за нарушение цензурных правил. Тогда же началась клеветническая кампания против Петефи. Песни Петефи не издавались, но они все же распространялись в народе и возбуждали массы против феодального гнета и австрийского деспотизма. Петефи связывал вопрос об освобождении венгерского народа от социального и национального гнета с вопросом о «мировой свободе», под «красные знамена» которой он призывал венгерский народ. Он боролся за «осуществление свободы, равенства и братства всех народов» и призывал вести борьбу до тех пор, пока каждый человек не «получит своей доли из рога изобилия». Весьма вероятно, что Петефи был знаком с идеями утопического социализма.

Беднота Пешта, для которой имя Петефи стало знаменем, состояла из мелких ремесленников, подмастерьев, мелких торговцев, строительных и сезонных рабочих. Фабричных рабочих в Пеште, по официальным данным, было в 1847 г. лишь около 800 человек (и это в городе с населением в 100 тыс. жителей!). Вся эта беднота, как и близкие к ней по материальному положению группы интеллигенции (студенчество, служащие) группировались вокруг оппозиционных политических клубов. Именно эти слои в 1848 г. явились главной движущей силой буржуазной революции.

Слабо развитая буржуазия Венгрии не могла играть и не играла существенной роли. Немалое значение имело и то, что буржуазия в Венгрии была большей частью либо немецкой, либо еврейской. Место буржуазии в борьбе за самостоятельное капиталистическое развитие Венгрии заняло среднее дворянство.

Обуржуазившееся среднее дворянство Венгрии, борясь за общенациональные интересы, не смогло привлечь на свою сторону крестьянство, так как не шло в своей программе далее частичного освобождения крестьян от крепостной зависимости на условиях сохранения феодальных привилегий в измененном виде. Это обстоятельство ослабляло политическое влияние среднего дворянства. Тем не менее большой политический опыт, приобретенный в управлении комитатами, которые были в то же время центрами национального сопротивления габсбургскому абсолютизму, дал вождям среднего дворянства, и прежде всего Лайошу Кошуту, возможность возглавить буржуазную революцию. Они вынуждены были в конце концов порвать с политикой умеренных реформ под давлением широких масс плебейского лагеря, возглавлявшегося Петефи.

Начало революции в Венгрии. Петиция Пожонского сейма

К началу 1848 г. почва для революции в Венгрии была подготовлена всеми условиями феодально-колониального гнета, экономическим кризисом 1847 г., народными волнениями. Известия о революциях в Италии, Франции, Германии и Австрии ускорили взрыв революции в Венгрии.

3 марта 1848 г. нижняя палата венгерского сейма, где было представлено среднее дворянство, приняла предложение Кошута послать императору Фердинанду петицию о введении конституции в Венгрии и самоуправления во всех частях Габсбургской монархии. Аристократическая верхняя палата, перепуганная революцией в Вене, приняла адрес, который был в тот же день вручен императору делегацией сейма[1]. По инициативе Кошута в петицию были дополнительно внесены пункты о свободе печати, о суде присяжных, о народном образовании. В петиции глухо упоминалось о том, что «необходимо найти разрешение вопроса о крепостном праве» и что «конституционная жизнь требует развития в направлении народного представительства».

Венская придворная камарилья, управлявшая страной от имени слабоумного Фердинанда, сначала намеревалась затянуть переговоры с венграми, но, получив известия о революции в Пеште, приняла венгерскую петицию. 17 марта состоялось назначение первого «независимого и ответственного венгерского правительства» во главе с графом Баттиани. Правительство Баттиани представляло собой компромисс между средним дворянством и феодальной аристократией. Большинство мест в кабинете получили представители среднего дворянства. В состав правительства вошел Кошут и его бывший главный противник, лидер консерваторов граф Сечени. Перед лицом венской революции среднее дворянство и феодальная аристократия Венгрии объединились на основе лояльности дому Габсбургов: лояльность аристократии была безоговорочной, лояльность среднего дворянства обусловливалась признанием австрийским правительством автономии Венгрии.

Революция 15 марта в Пеште

Еще до этого, 12 марта, «Союз оппозиции» организовал в Будапеште народное собрание, которое приветствовало революцию во Франции и приняло состоявшую из 12 пунктов программу буржуазного переустройства Венгрии и ее национальной независимости. В выработке этих пунктов участвовала, наряду с Петефи, группа либерально настроенных писателей и публицистов, выражавших интересы мелкопоместного дворянства. В «12 пунктах» фигурировало требование отмены барщины, но крестьянский вопрос дальнейшего развития не получил. Требование наделения безземельных крестьян зем-

[1] Венгерский дворянский сейм заседал не в Пеште, а в Пожони (нынешняя Братислава), у границы с Австрией.

лей из крупных земельных владений отстаивалось одним Петефи; остальные члены «Союза оппозиции» решительно восставали против этого. Под влиянием либералов был уклончиво сформулирован и пункт о правах парламента. Вопрос об избирательном праве был вовсе обойден.

Вот полный текст этих 12 пунктов:

«Чего требует венгерская нация? Да будет мир, свобода и согласие.

1. Мы требуем свободы печати и уничтожения цензуры.

2. Ответственного венгерского министерства.

3. Ежегодных сессий парламента в Пеште.

4. Гражданского и религиозного равенства перед законом.

5. Организации национальной гвардии.

6. Всеобщего налогового обложения.

7. Уничтожения барщины.

8. Суда присяжных по принципу представительства и равенства.

9. Национального банка.

10. Армия должна приносить присягу конституции, наши венгерские солдаты не должны отправляться за границу, иностранные солдаты должны быть выведены из нашей страны.

11. Освобождения политических заключенных.

12. Мы желаем соединения с Трансильванией».

ЛАЙОШ КОШУТ

Литография Прицгофера

Собрание Института Маркса — Энгельса — Ленина. Москва

Еще собирались подписи под этой петицией, еще спорили о том, подавать ли ее в самый сейм или только оппозиционной группе, как вдруг вечером 14 марта в городе распространилось известие о революции в Вене. Это известие всколыхнуло революционно-демократическую интеллигенцию и толкнуло ее к самостоятельным действиям.

Ранним утром 15 марта по городу двинулась во главе с Петефи и Ираньи демонстрация с требованием гражданских свобод. Демонстранты заняли самую большую типографию в городе, чтобы немедленно же осуществить первое требование «12 пунктов» — свободу печати. Они заставили отпечатать без цензуры «12 пунктов» и только что написанную Петефи «Национальную песнь», в которой поэт призывал народ вступить в революционную борьбу и стряхнуть с себя цепи рабства. В середине дня восставший народ — подмастерья, рабочие, студенты, к которым присоединились приехавшие в город на ярмарку крестьяне,— завладел столицей и двинулся через Дунайский мост в Буду. Австрийский гарнизон был совершенно парализован. Солдаты не смогли заставить народ подчиниться закону, воспрещающему собрания, и не посмели преградить демонстрантам путь через Дунайский мост. Массы народа собрались

перед ратушей и заставили муниципальный совет принять «12 пунктов». В Буде народ освободил Танчича из тюрьмы. Органы габсбургского центрального управления были вынуждены прекратить свою деятельность. Демонстранты сорвали с правительственных зданий австрийских двуглавых орлов и водрузили вместо них портреты Петефи.

После полудня 15 марта на площади перед музеем состоялась массовая сходка для торжественного утверждения «12 пунктов». Петефи прочел свою «Национальную песнь», подхваченную голосами тысячной толпы, повторявшей за ним припев: «Клянемся, что никогда больше не будем рабами!»

В тот же день из представителей различных политических организаций — «Союза оппозиции», «Союза радикалов» и других вновь возникших клубов революционно-демократического направления — был составлен Комитет общественной безопасности. Он приступил к формированию национальной гвардии и ее вооружению. В руки Комитета общественной безопасности фактически перешла вся власть в венгерской столице. По его примеру подобные комитеты образовались и в некоторых провинциальных городах Венгрии.

Решения сейма от 18 марта и императорский указ от 27 марта

В Пожони (Братислава), где заседал сейм, известие о революции в Пеште нагнало страх как на консерваторов, так и на либералов. Они поверили слуху, будто Петефи хочет двинуться на Пожонь во главе 40 тыс. крестьян. Под впечатлением этого слуха обе палаты поспешили принять в течение одного дня — 18 марта — все основные законы о буржуазном преобразовании Венгрии, указанные в общих чертах в адресе сейма от 14 марта, а именно: законы об отмене крепостного права, о народном представительстве, об ответственности правительства перед сеймом, о введении суда присяжных, об упразднении налоговых привилегий дворянства, о самостоятельности Венгрии в военном и финансовом отношении.

По закону 18 марта от крепостной зависимости освобождалось далеко не все крестьянство. Крепостные, не имевшие земли (а число их составляло 3—4 млн. человек, т. е. более трети всех крестьян),— батраки, издольщики и так называемые «контрактовые» крестьяне, которых помещики поселяли на своей земле,— могли откупаться от барщины только по индивидуальному соглашению с помещиком и путем уплаты ему определенной суммы. Поскольку же подавляющее большинство таких беднейших крестьян не могло откупаться по назначавшейся помещиком цене, они фактически оставались в крепостной зависимости. Крепостные, имевшие земельные наделы, должны были платить за отмену барщины государству, которое в свою очередь обязалось компенсировать помещиков.

Решения сейма вводили в Венгрии парламентскую систему. Сейм должен был состоять из верхней палаты и палаты депутатов. Верхняя палата сохранялась в основном в прежней форме как представительство родовой аристократии и высшего духовенства. Палата депутатов формально основывалась на принципе народного представительства, но избирательное право было ограничено имущественным цензом. Избирательным правом пользовались все дворяне, достигшие 24 лет, духовные лица, люди с высшим образованием и учителя; остальные жители получали избирательное право только в том случае, если обладали земельным участком площадью больше 20 хольдов, годовым доходом с капитала свыше 100 форинтов[1]

[1] Хольд равен 0,57 га; форинт — около 60 коп.

или домом, ценностью более 300 форинтов, а также ремесленники и торговцы, имеющие не менее одного подручного. Таким образом, широкие массы населения оказались лишенными права выбора народных представителей. Пассивное избирательное право имели лишь лица, владевшие венгерским языком, т. е. фактически его были лишены трудящиеся слои не венгерских национальностей.

Вся исполнительная власть в Венгрии (в том числе распоряжение армией и финансами) передавалась в руки венгерского правительства. К нему переходила вся компетенция придворной венгерской канцелярии и ее наместничества в Пеште. Королевские указы могли издаваться теперь не иначе, как за подписью венгерских министров. Новые законы, регулировавшие отношения Венгрии к Австрии и династии Габсбургов, делали Венгрию почти независимым государством: оно оставалось впредь лишь в личной унии с Австрией, с общим монархом, права которого при этом значительно ограничивались конституцией.

Центральная исполнительная власть в Венгрии перешла к либеральному среднепоместному дворянству. Оно тотчас же сделало попытку покончить с массовым движением. Характерный эпизод имел место 19 марта. В этот день в Пожонь явилась делегация от демократической интеллигенции Пешта для передачи сейму «12 пунктов». Кошут грозно заявил делегации от имени сейма, что «нация не потерпит, чтобы один город или одна каста диктовали ей свою волю». «Нация,— добавил он,— достаточно сильна, чтобы растоптать всякого, кто вздумает противиться ее воле».

Как только венский двор оправился немного от испуга, он попытался взять назад сделанную 17 марта уступку в вопросе о государственной самостоятельности Венгрии. Согласно новому указу от 27 марта, распоряжение вооруженными силами и финансами изымалось из рук венгерского правительства и передавалось в венскую дворцовую канцелярию. Венгерский сейм протестовал, а министерство заявило, что подаст в отставку, если указ не будет взят обратно. 31 марта двор, под влиянием народных выступлений в Вене, взял свой указ обратно. 11 апреля Фердинанд лично передал сейму утвержденные законы, намекнув при этом, однако, на обязательства Венгрии по отношению к Австрии и царствующей династии в вопросах финансов и обороны. Императорский наместник в Венгрии, эрцгерцог Стефан, подчеркнул, что отныне «священные узы, соединяющие эту страну с его величеством и с династией, скреплены на новой прочной основе».

Революционно-демократическое движение в Пеште

Революционные массы Пешта под руководством Комитета общественной безопасности ответили на указ от 27 марта собраниями и демонстрациями, которые не прекращались до отмены указа. Солдаты австрийского гарнизона прятались от возмущенных масс. Петефи воодушевлял революционеров речами и стихами, в которых призывал к созданию народной армии и провозглашению республики. «Оковы рабства,— говорил он, — лишь ослаблены, но не сломлены».

Значительную роль в событиях последних дней марта сыграли демократические клубы, особенно «Зал революции» и «Союз равенства», находившиеся под идейным руководством Петефи и Танчича. Они пропагандировали, в противоположность «Союзу оппозиции», уже не только идеи французской буржуазной революции, но и идеи французского утопического социализма в газетах «15-е марта» и «Газета рабочих». Те же идеи пропагандировались в листовках и брошюрах, как, например, «Больше нет ни рабов, ни господ» или «Чего стоит свобода без земли?» Агитация, которую вели революционные демократы, укрепляла их влияние

среди подмастерьев, рабочих, мелких ремесленников и студентов, а также и среди крестьян.

Борьба крестьян за свободу и землю

Революционно-демократические идеи вдохновляли и безземельное крестьянство в борьбе, которую оно вело за свое освобождение от крепостной зависимости и за землю, вдохновляли и тех малоземельных крестьян, которые были недовольны половинчатыми реформами и продолжавшимся произволом комитатских властей. Во многих местах крестьяне изгоняли из деревень местное начальство, завладевали отнятыми у них в свое время общинными лугами и требовали земли у крупных помещиков. В выходившей под редакцией Танчича «Газете рабочих» печатались письма крестьян, которые требовали справедливого распределения земли. В одном письме говорилось: «Разве это не вопиющее к небу безобразие, что 600 тысяч дворян владеют 25 миллионами хольдов, а 14 миллионов крестьян всего только 5 миллионами хольдов?» В начале апреля крестьяне в комитатах Бекеш, Бихар и Чонград принялись за раздел помещичьих земель. Дело дошло до местных восстаний; они были жестоко подавлены вооруженной силой комитатов.

Антинародная политика правительства графа Баттяни

Граф Сечени еще в конце марта требовал на заседании правительства в Пожони создания «гвардии порядка» для борьбы против революционных выступлений масс. Но министерство не решилось на такой шаг, опасаясь народного протеста. Оно не смогло и воспрепятствовать распоряжению Комитета безопасности о допущении в ряды национальной гвардии рабочих и ремесленных подмастерьев.

Пока министерство оставалось в Пожони, оно не могло взяться за организацию нового центрального управления Венгрией, которое должно было заменить старую габсбургскую администрацию, руководимую венской дворцовой канцелярией. В местной администрации можно было, конечно, с самого начала опереться на сохранившийся прежний аппарат комитатов, бывший в руках среднего дворянства, но в больших городах, и особенно в столице, правительство пока не могло помешать деятельности комитетов общественной безопасности, т. е. тому фактическому двоевластию, при котором эти органы плебейского лагеря революции вначале пользовались властью в ряде городов. Положение изменилось, когда правительство переселилось (14 апреля) в Пешт. Здесь был образован аппарат министерств из чиновников наместничества и управлений комитатов. Правительство постепенно парализовало деятельность комитетов общественной безопасности, а потом ликвидировало их. В конце апреля Пештский комитет безопасности, во главе с Петефи, выступил с протестом против антидемократических действий правительства. Последнее вынуждено было отступить. Впоследствии с помощью своих агентов внутри Комитета правительство добилось его самороспуска.

Плебейский революционно-демократический лагерь являлся движущей силой буржуазной революции и национально-освободительного движения в Венгрии. Под его напором большинство среднего дворянства начало отходить от политики лояльности династии и решилось дать оружие в руки крестьянства, чтобы отстоять независимость Венгрии.

Венский двор и хорватское национальное движение

Не располагая в первой половине 1848 г. из-за войны в Италии достаточными вооруженными силами для ликвидации венгерской революции, венский двор стремился использовать в своих целях национальные движения, направленные против венгерского господства. Глава австрийского правительства граф Коловрат уже 20 марта представил двору меморандум, подписанный, кроме него, начальником трансильван-

ской дворцовой канцелярии бароном Йошика. Авторы меморандума предлагали в качестве наиболее подходящего средства «для предотвращения венгерской опасности назначить в Хорватию достойного доверия бана» (наместника) в лице барона Елачича, а в Трансильванию — императорского комиссара «для поддержки кругов, выступающих там против унии с Венгрией». Аналогичные меры предлагалось провести в пограничной с Сербией области, в Воеводине и в Словакии.

Предложения Коловрата и Йошика были приняты. 22 марта барон Елачич был назначен баном и командующим войсками, расположенными в Хорватии.

Двор возлагал большие надежды на Елачича, своего главного агента в хорватском национальном движении. В Загребе Елачич издал манифест, в котором объявил, что «мартовская революция совершенно изменяет союзные отношения Хорватии-Славонии с Венгрией», и что впредь до подведения нового базиса под эти отношения он «разрывает всякую связь с венгерским правительством»[1].

Венскому двору скоро удалось при помощи Елачича раздуть в своих целях венгерско-хорватский конфликт, начавшийся еще в 30-х годах. Когда в апреле Баттиани обратился к венскому двору с просьбой урегулировать хорватский вопрос и отозвать Елачича, дворцовая камарилья воспользовалась этим для нажима на венгерское правительство. Давая формальные обещания, двор оттягивал переговоры в целях подготовки выступления против Венгрии расквартированных в Хорватии австрийских гарнизонов и для вооружения созданной Елачичем хорватской армии. Елачич от имени Фердинанда обещал крестьянам разделить между ними имения хорватских помещиков — сторонников Венгрии.

Правительство Баттиани цепко держалось за данные ему двором явно фальшивые обещания мирно уладить хорватский вопрос, если Венгрия не приступит к созданию собственной армии.

Габсбургский двор добился таким образом того, что правительство Баттиани отложило создание собственной армии, на что оно имело право на основании санкционированных Фердинандом мартовских законов и чего требовал плебейский лагерь в Венгрии в целях защиты революции и национальной независимости страны.

* * *

В результате мартовской революции, начатой народными массами в Пеште, Венгрия под руководством присоединившегося к революции среднего дворянства вступила на путь буржуазных преобразований и государственной самостоятельности. Но в то же время венгерский народ оказался вскоре после мартовской революции изолированным от своих соседей — славян и румын вследствие стремления венгерского среднего дворянства сохранить свое господство над этими национальностями. Правительство Баттиани не предоставило равноправия и автономии угнетенным национальностям (сербам, словакам, украинцам и румынам) и тем самым толкнуло их в объятия габсбургской реакции. Восстания против венгерского господства начались еще до того, как Габсбурги смогли послать собственные вооруженные силы против венгерской революции.

Противоречивость национальной политики венгерского среднего дворянства вытекала из его классовой природы. Правительство Баттиани

---

[1] Более подробно о венгерско-хорватских отношениях см. главу двадцать четвертую.

рассчитывало, с одной стороны, сохранить господство венгров над не венгерскими народами, а с другой — помешать полной ликвидации феодальных порядков в венгерской деревне. В расчете на поддержку австрийской контрреволюции против демократического движения венгерское среднее дворянство готово было пожертвовать национальными интересами страны.

Лишь с лета 1848 г. Кошут, бывший ранее противником плебейского лагеря, сумел, опираясь на него, преодолеть капитулянтские элементы внутри своего класса. Временный союз среднего дворянства с плебейским лагерем вызвал новый подъем венгерской революции и сделал возможной национально-освободительную войну Венгрии против габсбургского гнета.

Глава двадцать третья

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА УКРАИНЦЕВ В ЗАКАРПАТСКОЙ РУСИ В 1848 Г.

Закарпатская, или Угорская, Русь объединяла северные комитаты Венгрии с населением около 500 тыс. человек. Большинство населения составляли украинцы, коренные жители этой области. С давних времен заселенная восточными славянами, Закарпатская Русь в конце IX в. подверглась вторжению кочевых племен — угров (мадьяр), ринувшихся сюда с Востока, через Карпаты. Восточнославянское население упорно сопротивлялось установлению мадьярского господства. Было время (при киевском князе Владимире), когда Закарпатская Русь входила в состав Киевского государства. Но ослабление Киевской Руси в XI в. было использовано Венгрией для захвата Закарпатья. С тех пор над этой областью тяготел жестокий, чужеземный гнет, задерживая ее экономическое, политическое и культурное развитие.

Положение Закарпатской Руси накануне революции

В середине XIX в. Угорская Русь была чрезвычайно отсталой в экономическом отношении областью. Господствующее положение здесь принадлежало крупнейшим немецким и венгерским феодалам. Владения только одного из них, графа Шенборна, простирались от Тиссы до Верečанского перевала. Наряду с земельными владениями магнатов в Закарпатье было много поместий, принадлежавших мелкой шляхте.

В Закарпатской Руси было немало украинских помещиков, но они в значительной своей части мадьяризировались, получив права и привилегии венгерского дворянства. Экономически и политически они были связаны с австро-венгерскими феодалами и по своей политической ориентации тяготели к венгерским господствующим кругам.

Украинское крестьянство Закарпатской Руси разделяло горькую долю венгерского закрепощенного крестьянства, но положение украинцев, отягощенное национально-религиозным гнетом, было еще тяжелее. Введение в Закарпатье в 1649 г. церковной унии венгерские феодалы использовали как средство окончательного порабощения славянского населения Закарпатья. Среди крестьянства Закарпатья усиливался процесс социальной дифференциации: формировалась прослойка зажиточных крестьян, так называемых шолтысов, и в то же время происходило массовое обезземеливание крестьян. Подавляющая часть закарпатских крестьян владела только частью надела. Бедность крестьян особенно резко бросалась в глаза в горно-лесистых районах. Скотоводство не могло прокормить жителей этих

неплодородных районов, и они спускались вниз, в долину, шли на заработки в имения венгерских помещиков, за Тиссу.

Уже на рубеже XVIII—XIX вв. крупное землевладение в Закарпатской Руси, несмотря на преграды, создававшиеся тогда феодальными порядками, включилось в общеевропейский процесс товарного производства. В Мукачевской и Ужгородской доминиях перерабатывались продукты сельского хозяйства, использовались природные богатства Карпат, развивались издавна существовавшие в Закарпатье соляные промыслы, росла добыча селитры, поташа, руды и т. д. Намечался переход от ремесла к капиталистической мануфактуре и крупным предприятиям с применением некоторого количества машин. В Кобылецкой Поляне, на Белом Потоке и у Требушан были построены доменные печи для выплавки чугуна. Сюда, в район металлургического производства, были привезены наемные рабочие — немцы. В конце XVIII в. в Мукачевской доминии была основана полотняная мануфактура, получившая известность своими изделиями даже в Гданске; в 1832 г. в имении Риттера при Загоне, над Тиссой, был выстроен сахарный завод, второй в Венгрии; в Ужгороде в 1840—1848 гг. были выстроены суконная фабрика, спичечная фабрика и фабрика для очистки каолиновой глины. Росли доходы имений от продажи скота и сплава леса. В рыночные отношения втягивались также среднее и мелкопоместное дворянство, зажиточные слои крестьянства.

Шенборны, владельцы Мукачевской доминии, имели более 2500 семей крепостных. Количество обязанных крепостным трудом крестьян достигало таких размеров, что продуктивно использовать их становилось все труднее, и уже в середине XVIII в. в Мукачевской доминии наблюдались случаи выкупа панщины. В имениях стал применяться наемный труд крестьян, чрезвычайно дешевый, вследствие возраставшего разорения закарпато-украинского крестьянства. В 1839 г. у помещиков-крепостников возник план замены панщины денежным чиншем с целью перехода к более выгодному методу эксплуатации крестьян.

Крепостнический гнет и начавшаяся капиталистическая эксплуатация делали невыносимым положение народных масс Закарпатской Руси. В начале XIX в. прибавились еще и другие бедствия: наполеоновские войны, страшная засуха в 1812 г., неурожай в 1813, 1816—1817 гг., холера в 1827—1841 гг.

Начались массовые волнения крестьян. За крестьянскими выступлениями против панщины в 1828 г. последовал «холерный бунт» 1831 г. Восстание 1831 г., охватившее бо́льшую часть Закарпатья, было мощным протестом угнетенного крестьянства против крепостнической эксплуатации. Оно вылилось в массовое неповиновение помещикам и местной администрации; крестьяне расправлялись с помещиками и чиновниками, громили помещичьи усадьбы. В движении, охватившем украинские, венгерские и словацкие села Закарпатья, стерлись национальные и религиозные разграничения: все крестьяне были объединены ненавистью к феодалам-угнетателям. Восстание продолжалось два с половиной месяца. Подавить его смогли лишь регулярные воинские части австрийской армии. Вплоть до 1848 г. крестьянские волнения, большей или меньшей силы, не утихали. Крестьянство все решительнее выступало против ненавистных феодальных (урбариальных) порядков.

О том, что феодальные отношения препятствовали дальнейшему социально-экономическому развитию, свидетельствует и характер городской жизни в XVIII и начале XIX в. Борьба городских жителей против феодальных порядков была особенно острой в двух наиболее значительных городских центрах Закарпатья — Ужгороде и Мукачеве.

Начало революционного подъема

Известия о пештских событиях 13—15 марта, знаменовавших собой начало революции в Венгрии, быстро распространились по всей стране. Дошли они и до Закарпатской Руси, вызвав здесь революционный подъем.

Уже 18—19 марта на стенах Ужгорода и Мукачева были расклеены прокламации, извещавшие о принятии венгерской революционной молодежью в Пеште буржуазно-демократической программы. 12 пунктов этой программы[1] оживленно обсуждались на городских собраниях и дополнялись новыми пожеланиями. Жители Мукачева одобрили решение магистрата венгерского города Надь-Канижа о дополнении этой программы нижеследующими требованиями: создание национального банка, установление всеобщего равенства, отмена имущественных привилегий дворянства и использование этих фондов для помощи беднякам и развития культуры, сооружение в Пеште памятника «Свободы, Равенства и Братства».

Возбужденные народные массы (мукачевская городская беднота и крестьяне из окрестных деревень) с ненавистью и гневом взирали на Мукачевскую крепость, пользовавшуюся печальной известностью страшной политической тюрьмы. Многие революционеры Вены, Венгрии, Польши, Италии, выдающиеся писатели и ученые были знакомы с ее мрачными казематами. Грянула революция, повсюду звучали лозунги свободы, а в крепости все еще томились борцы за свободу, попрежнему оставался австрийский гарнизон, и над крепостной башней продолжал развеваться зловещий желто-черный флаг.

Мукачевская буржуазия и ее политические руководители не решились использовать революционную энергию трудящихся масс для немедленного и насильственного освобождения польских революционеров, находившихся в крепости. Лишь после того как в конце апреля 1848 г. венгерское правительство издало декрет об освобождении из тюрем политических заключенных, жители Мукачева послали в крепость депутацию, потребовавшую от австрийского коменданта майора Лауба подчинения революционному закону. Комендант сообщил в Вену, что он «вынужден подчиниться воле разъяренного народа». 2 мая 1848 г. освобожденные от кандалов 11 польских революционеров вышли из ворот Мукачевского замка. Они были встречены ликующей массой мукачевских ремесленников, рабочих и крестьян из окрестных украинских сел. Городской совет снабдил их продовольствием, одеждой и помог в отправке на родину. Освобожденные польские революционеры обратились к жителям Мукачева с воззванием, в котором после слов благодарности следовали призывы: «Да здравствует взаимное счастье и мадьярско-польское братство! Да здравствуют верные наши братья!.. Смелость и отвага все побеждают!» По требованию революционно настроенных граждан Мукачева австрийский гарнизон вскоре оставил крепость. Характерно, однако, что даже и в эти дни мукачевские граждане не сумели освободить оставшегося в тюрьме польского революционера Дмитрашкевича, осужденного «за тягчайшие политические преступления» на 20 лет (приказ о его освобождении был подписан лишь в декабре 1848 г., но к этому времени Дмитрашкевич сошел с ума).

В ответ на разосланные в апреле по всей Венгрии правительственные декреты, призывавшие граждан «встать на защиту отечества», в Ужгороде, Мукачеве и других административных центрах Закарпатья были созданы

---

[1] Подробнее об этом см. главу двадцать вторую.

комиссии по вербовке в национальную гвардию. В первую же неделю в гвардию записалось много крестьян, ремесленников, наемных рабочих, мелких торговцев, учащихся и даже священников. Отряд национальной гвардии сформировали рабочие металлургического завода в Фридешеве. Завод был спешно переоборудован для изготовления оружия. Один из первых отрядов национальной гвардии был организован в Мукачеве. Во главе его был поставлен сотник Ружак. Гвардейцы заняли оставленный австрийцами Мукачевский замок и водрузили на его башне революционный венгерский флаг.

Городские власти Мукачева спешили использовать национальную гвардию для поддержания «порядка», т. е. для предотвращения выступлений народных масс. Буржуазия опасалась революционных выступлений городского плебса, численность которого сильно увеличилась за счет нахлынувших в голодный 1847 год из Верховины поденщиков и крепостных. 7 апреля в Мукачеве начала действовать специальная комиссия для разработки «Правил общего порядка». Первым ее мероприятием было помещение в башне греко-католической мукачевской церкви вооруженного отряда «народной сторожи», которому был отдан приказ применять оружие в случае народных волнений. Тот факт, что с первых же дней революции городские власти Мукачева пытались использовать национальную гвардию против народных масс, свидетельствует о наличии острых классовых противоречий между буржуазией и городскими «низами». Противоречия эти сыграли громадную роль в национальном движении 1848—1849 гг. в Закарпатье.

Несколько отрядов национальной гвардии было сформировано в Ужанской жупе (области), центром которой был Ужгород. Среди гонведов-добровольцев было много ужгородских ремесленников, учащейся молодежи, крестьян. В списках гонведов[1] значились имена семинаристов Далоша, Ивана Чипле, Андрея Чельского, Георгия Неребецкого, студента Альберта Ласлова, ремесленного подмастерья Грабаря, каменщика Чеснока, сапожника Андрея Угольского, седельщика Поливки и многих других.

Для записи в национальную гвардию в Ужгород прибывали крестьяне-добровольцы из сел Доманинцы, Буковец, Черноголовова, Турья Ремета, Семере, Великая Березна, Турья Быстра и многих других.

После составления списков добровольцев начался общий призыв в национальную гвардию по норме — два рекрута на 127 жителей. В Ужгороде призывом руководила комиссия, возглавлявшаяся поджупаном Габором. Комиссия посылала в села своих уполномоченных для вербовки гонведов. В донесениях, поступавших от уполномоченных в областное управление, сообщалось, что во многих селах крестьяне, воодушевленные новыми, революционными законами, охотно вступали в ряды войска — «народну сторожу» (так, например, из 94 гонведов села Порошково добровольцев было 89, в Турье Быстрой — 37 из 39, в Вульшинке — 24 из 29, в Черноголовове — 51 из 60 и т. д.). При этом они не скрывали своей ненависти к панам и требовали, чтобы правительство, осуществляя мартовские законы, дало крестьянам вместе со свободой и землю. К началу лета 1848 г. Ужгород и девять округов Ужанской жупы выставили в национальную гвардию 1833 человека. Приблизительно такое же число дала и Бережская жупа, центром которой был город Мукачево. 14 июня 1848 г. в Мукачеве состоялось торжественное собрание, на котором был освящен флаг национальной гвардии. В его древко городской староста вбил 12 гвоздей, что символически напоминало о 12 пунктах революционной программы, принятой в Пеште в марте 1848 г.

---

[1] Венгерская революционная армия. «Гонвед» в переводе: «Защитник родины».

Выборы в Национальное собрание

Весной 1848 г. в Венгрии началась подготовка к выборам в Национальное собрание. Выборы в Собрание были назначены на май. Во многих местах Закарпатья они происходили в весьма напряженной обстановке и повлекли за собой обострение классовой и национальной борьбы. Действия нового венгерского правительства уже тогда достаточно ясно свидетельствовали о том, что национальная политика венгерских буржуазных революционеров не считается с интересами других народов, живущих в Венгрии.

Из 378 депутатов в Национальном собрании 16 должны были представлять комитаты Закарпатья (Ужгород — 4, Берег — 4, Угоча — 2, Мармарош — 6). Избранные депутаты представляли главным образом венгерское дворянство, имевшее в Закарпатье большие земельные владения. В городе Мукачеве избранию Ференца Романа — венгерского дворянина, служившего в поместье графа Шенборна и занимавшего в течение долгого времени должность судьи в Бережской жупе,— предшествовала острая избирательная борьба. Большую тревогу у администрации Угочанской жупы вызвали события, происходившие во время выборов в селе Бекень Севлюшского округа. Избиратели из Бекеня присутствовали на собрании в местечке Гауме, где была выдвинута кандидатура в «послы» венгерского помещика Терека Валикта. Но украинские крестьяне Бекеня выступили против этого кандидата. На сельском сходе крестьяне-русины, вооруженные кольями, собрались у дома старосты и с гневом заявили, что они не желают избрания пана-мадьяра, а хотят от 4000 избирателей послать в Национальное собрание своего депутата — сельского судью Ирокню. Споры со сторонниками Терека Валикта закончились открытым столкновением: крестьяне кольями избивали своих противников и грозили разорить имения. На другой день многие из жителей Бекеня были арестованы и вызваны в суд. 27 украинских крестьян на допросе показали, что они добиваются избрания Ирокни потому, что он обещал бедным крестьянам-русинам землю и материальную помощь, а также национальные права. «Паны не дадут нам хлеба, а Ирокня нашей крови, из нас»,— заявили крестьяне.

Случай этот не был единичным. Сведения о волнениях крестьян поступали из многих округов Закарпатья. Все усилия правительства провести выборы в Национальное собрание в обстановке «мира и порядка» и подавить политическую активность народных масс оказались тщетными.

Поступавшие из Закарпатья вести вызывали сильную тревогу в Пеште. В июле 1848 г. министр культа Иосиф Этвеш обратился к закарпатскому униатскому духовенству с призывом разъяснять прихожанам «законы и приказы мадьярской власти» и «учить народ братской любви, порядку и миру».

Крестьянское движение

Между тем крестьянское движение, широкой волной разлившееся по всей Венгрии, охватило и Закарпатье. Крестьянство стремилось осуществить свои вековые чаяния и получить землю.

Известия об отмене феодальных повинностей всколыхнули крестьянские массы Закарпатской Руси. По получении в Ужгороде распоряжения министра Баттиани о том, как именно следует объявлять народу об упразднении феодальных (урбариальных) порядков, мукачевский епископ Василий Попович, сторонник венгерского революционного правительства, обратился к духовенству Закарпатья с циркуляром, в котором обязал его «внушать народу мысль о недопустимости нарушения границ данной ему свободы». Епископ приказывал духовенству всемерно препятствовать возникновению крестьянских волнений и там, где они ожидаются, «публичные молебны» с объявлением новых законов «перенести на более

позднее время или совсем их не совершать». Попович понимал, что трудно будет удержать «в спокойствии» исстрадавшийся народ, жаждавший воспользоваться завоеванием революции — свободой. Эта свобода была для угнетенного закарпатско-украинского крестьянства пока лишь только мечтой. Отовсюду поступали жалобы крестьян на помещиков, сопротивлявшихся проведению новых законов и попрежнему требовавших от крестьян барщины и оброков. Комитатские чиновники содействовали этим врагам революции, помогали им взыскивать подати и нередко даже задерживали публикацию новых законов.

Крестьяне села Хомцы жаловались поджупану на то, что их пан Стефан Корлат не считается с законами 1848 г. об уничтожении урбариальных порядков и грозит прогнать их с земли, если они перестанут работать на него. Крестьяне просили помочь им получить то, что было записано в новых законах. На противозаконное нарушение крестьянских имущественных и личных прав паном Миклошем жаловались жители села Великое Солотвино.

Дворяне шли на всякие ухищрения, чтобы сохранить свои прежние феодальные преимущества и не лишиться тех доходов, которые приносил им труд крепостных. Так, например, граф Балинт, владелец большого поместья в лесистой части Карпат, под предлогом заботы об обороне страны пытался спасти свои лесные владения.

Закон об отмене крепостничества вызвал в Закарпатской Руси ожесточенное сопротивление дворян. В Земплинском, Шаришском и Спишском комитатах помещики готовили петиции правительству с требованием восстановления старых порядков и вооружались, чтобы показать свою решимость силою противиться проведению в жизнь аграрной реформы.

Новый аграрный закон во многом не удовлетворял и крестьянство: революция принесла ему свободу, но какое значение имела эта свобода, если она не давала земли? Крестьяне понимали новые законы по-своему: они видели в них освобождение от всех феодальных тягот, полную волю. Между тем мартовские законы совершенно не коснулись многих повинностей, при сохранении которых крестьянство не могло выпутаться из своего прежнего феодально зависимого положения. Так, например, этими законами уничтожалась церковная десятина, но в них ничего не говорилось о другой, весьма обременительной для сельского населения Закарпатской Руси обязанности по отношению к церкви,— «роковине», состоявшей из натуральной дани и крестьянских отработков, т. е. той же барщины. На сельских сходах при объявлении закона об отмене панщины крестьяне прежде всего задавали вопрос: «А как с роковиной? Будут ли уничтожены повинности и попам?»

«Газета рабочих» Танчича. Ее агитационная роль

Венгерское правительство очень опасалось, что безземельное крестьянство, не удовлетворенное отменой барщины и десятины, станет на путь «безрассудного бунта». Сам Кошут выступал с резкими речами против расширения аграрной реформы, которого требовали крестьяне. Правительство сделало попытку использовать в своих интересах популярность в крестьянских массах революционного демократа Михаила Танчича, освобожденного из тюрьмы мартовской революцией. Ему было предложено издавать газету, чтобы «умиротворить через нее народ». Так начала в 1848 г. выходить «Газета рабочих» Танчича. Однако, вопреки ожиданиям правительства, эта газета стала не органом «умиротворения», а рупором недовольных крестьянских масс.

«Газета рабочих», распространявшаяся во всей Венгрии, пользовалась широкой популярностью среди народных масс Закарпатской Руси. Это вызывало сильное беспокойство помещиков и городской верхушки Закар-

патской Руси. На заседании Земплинской жупы 4 сентября 1848 г. было принято специальное постановление, объявлявшее газету Танчича «опасной», «возбуждающей беспокойство», наносящей «вред частной собственности» и требовавшее ее запрещения. 13 сентября это постановление было поддержано на заседании Бережской жупы, и министру внутренних дел было отправлено требование о закрытии газеты.

Агитация, проводимая Танчичем, нашла широкий отклик среди крестьянства Закарпатской Руси и усилила возбуждение, охватившее крестьянские массы Закарпатья под влиянием мартовских революционных законов. Из всех комитатов поступали сообщения, что крестьяне обсуждают новые законы, волнуются и требуют полной свободы. Члены комиссии по вербовке в национальную гвардию, посетившие в мае 1848 г. многие села Ужанской области, доносили своему начальству, что всюду крестьяне выражают недовольство тем, что до сих пор владельцами земли остаются паны и что простой народ мало выиграл от провозглашения свободы. Жители села Енковцы на своем сходе требовали, чтобы паны возвратили незаконно отнятые у них земли и имущество, и на все доводы членов комиссии твердили одно,— что они не видят для себя пользы от новых порядков. В селе Карчава крестьяне, узнав об уничтожении панщины, собирались разгромить поместья своих панов, принуждавших их к прежним барщинным работам. В ответ на сопротивление помещиков и духовенства проведению реформы крестьянские массы сами стали решительно защищать свои права. Сильные волнения произошли летом 1848 г. в Севлюшском округе во время выборов в Национальное собрание. В селе Бекень дело дошло до вооруженной борьбы. «Знаете ли вы, что произошло в Польше [имеются в виду крестьянские волнения в Галиции]? Там всех панов перебили, и тут надо так сделать»,— говорили в селах Закарпатья.

Присланный в Мармарош венгерский комиссар Габриэл Мигали разослал в окрестности циркуляр с предписанием ловить и привлекать к ответственности «бунтовщиков», ведущих в селах «злонамеренную» агитацию. Имея специальное предписание министерства внутренних дел «наблюдать за настроениями русинского населения», Габриэл Мигали, посетив Мукачево и Берегово, должен был констатировать, что «народ разъярен против управителей доминии и урядников жупы».

Положение в Закарпатской Руси вызвало сильное беспокойство в Будапеште. Неспособность и нежелание венгерских буржуазных революционеров найти удовлетворяющее крестьян решение крестьянского и национального вопросов, поднятых национально-освободительным движением в Закарпатье, создавали для венгерского правительства серьезные затруднения в решении других важных проблем, в частности военного вопроса. Не меньше вреда нанесла делу революции и политика руководителей национально-освободительной борьбы в Закарпатье.

Национально-освободительное движение в Закарпатье

Борясь вместе с венгерским народом против общего угнетателя — Габсбургов, украинское население Закарпатья стремилось освободиться и от национального гнета со стороны венгерских господствующих классов. Однако национально-освободительное движение в Закарпатье, как и в других частях Австрийской империи, возглавила группа дворянско-буржуазной интеллигенции, стоявшая на реакционных позициях австро-славизма, гибельных для революции и всей национально-освободительной борьбы в Закарпатье. Наиболее видную роль в этой руководящей группе играли А. Духнович и А. Добрянский.

Еще до революции 1848 г., в те годы, когда волна мадьяризации стала уже серьезной угрозой национальному существованию украинцев Закарпатья, Духнович, пользуясь своим духовным званием, вел просветительную

работу среди украинцев Закарпатья. Он основывал русские школы, литературные общества, издавал русские книги. Им самим был написан первый букварь на народном языке — «Книжица читальная для начинающих». Девизом Духновича были слова сочиненных им стихов: «Я был, есмь и буду русином». Именно к 1848 г. относится начало той кипучей деятельности Духновича, которая потом создала ему известность просветителя и педагога, поэта и драматурга, публициста и историка.

В истории мало таких случаев, чтобы небольшая ветвь народа, оказавшаяся в иноплеменном окружении и претерпевшая почти тысячелетнее жестокое национальное и социальное иго чужеземных завоевателей, не только выжила, но и сохранила свою народность, свой язык и культуру. Через многие исторические испытания пронес украинский народ, живущий за Карпатами, сознание единства и родства с народами восточных славян — украинским и русским народом.

Труды Духновича, несомненно, способствовали развитию в Закарпатье этого сознания единства и родства закарпатских славян с украинским и русским народом. Однако заслуги Духновича как выдающегося просветителя Закарпатья нисколько не ослабляли громадного политического вреда, причиненного делу национального освобождения закарпатских украинцев политической ориентацией Духновича — сторонника австрославизма.

Другой крупный деятель Закарпатья, политический руководитель национального движения в Закарпатской Руси в 1848—1849 гг. А. Добрянский, уже тогда известный за пределами родного края (среди чехов, словаков, галицийских украинцев), тоже придерживался прогабсбургской программы и еще более укрепился в своем австрославизме во время подготовки Славянского съезда, открывшегося в Праге 2 июня 1848 г. В разработанную Славянским съездом петицию были включены требования предоставления национальных прав словакам и русинам. Содержание петиции свидетельствует о том, что словаки и украинцы Венгрии, протестовавшие против мадьярского гнета, не шли дальше требования равноправия с венграми в политической и культурной области. Убедившись в том, что правительство Кошута не намерено удовлетворять национальные требования, выдвигаемые славянскими народами, буржуазная интеллигенция Угорской Руси, во главе с Добрянским и Духновичем, выдвинула идею автономии Угорской Руси и объединения ее с русской (украинской) частью Галиции, предполагая, что план этот может быть осуществлен с помощью Габсбургов! В самом начале 1849 г. Добрянский возглавил депутацию, вручившую в Вене императору Францу-Иосифу петицию «о соединении русских коронных областей в одно политическое и административное целое». Венская контрреволюционная камарилья тогда еще нуждалась в использовании в своих интересах национальных стремлений славянских народов, и поэтому она дала соответствующее (конечно, лживое) обещание депутатам Угорской Руси.

После издания мартовской конституции 1849 г. Добрянский развил широкую деятельность по воссоединению двух частей Карпатской Руси — украинской части Галиции и Угорской Руси. Он составил меморандум и, собрав под ним подписи, отправился в Галицию. Там меморандум был одобрен Головной руськой радой и вручен 20 апреля 1849 г. губернатору Галиции графу Голуховскому для передачи его австрийскому императору.

Связи с Галицкой Русью могли бы оказать значительное влияние на развитие национального движения среди закарпатских украинцев. Идея объединения двух частей украинского народа, живущих по обоим склонам Карпат, была очень популярна в народе. Но движение это возглавила в Закарпатье дворянская и буржуазная интеллигенция, которая все свои надежды на объединение прикарпатских украинцев возлагала на Габсбургов,

представлявших значительно бо́льшую преграду к установлению единства двух ветвей одного и того же украинского народа, живущего в южных и северных Карпатах, чем самые высокие хребты Карпатских гор.

Только революционно-демократическим путем, путем уничтожения реакционной Австрийской монархии могли быть решены задачи национально-освободительного движения в Закарпатской Руси и в Галиции. Добрянский и Духнович враждебно относились к революции и не желали стать на этот путь. Тем самым они предали интересы своего народа, толкнули его на реакционный, гибельный путь.

Немалая доля вины падает и на вождей венгерской революции, не понимавших, что подлинная национальная свобода и независимость Венгрии, за создание которой они боролись, несовместима с угнетением других национальностей; отказываясь удовлетворить национальные стремления славянских народов, они тем самым лишали себя поддержки со стороны национальных окраин государства и укрепляли силы контрреволюции.

Лишь теперь, почти через 100 лет, в результате великой победы СССР над германским фашизмом, народ Закарпатской Украины, освобожденной Советской Армией из фашистской неволи, осуществил свои вековые чаяния: сбросил иго национального порабощения и воссоединился со свободной Советской Украиной. Договор между СССР и Чехословакией о выходе Закарпатской Украины из состава Чехословакии и воссоединении ее с Советской Украиной был подписан в Москве 29 июня 1945 г.

Великое историческое значение этого акта было выразительно определено В. М. Молотовым:

«Впервые в своей истории весь украинский народ оказывается объединённым в рамках своего единого государства»[1].

---

[1] В. М. Молотов. Вопросы внешней политики. М., 1948, стр. 20.

Глава двадцать четвертая

НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ И КЛАССОВАЯ БОРЬБА В ХОРВАТИИ В 1848 Г.

Основным массивом южнославянских областей империи Габсбургов было Триединое королевство, состоявшее из Хорватии, Славонии и Далмации. Далмация в административном отношении была отделена от Хорватии и Славонии и составляла особую австрийскую провинцию.

Хорватия и Славония были разделены на несколько областей (жупаний). Территория Хорватии и Славонии достигала приблизительно 22 тыс. кв. км, население — свыше 880 тыс. человек. В Славонии наряду с хорватами жили сербы.

Положение Хорватии в первой половине XIX в.

До 70-х годов XVIII в. Хорватия (как мы для краткости впредь будем называть Триединое королевство) пользовалась некоторой самостоятельностью: она управлялась хорватским баном и хорватским собранием — са́бором. Однако власть бана и са́бора систематически урезывалась. В 1779 г. австрийское правительство передало управление Хорватией венгерскому наместническому совету. Зависимость Хорватии от Венгрии значительно увеличилась.

В Хорватии господствовало дворянство. Оберегая свои классовые интересы, оно объединялось с венгерским дворянством в борьбе против растущего возмущения широких крестьянских масс. Напуганное крестьянскими восстаниями и французской буржуазной революцией XVIII в., хорватское дворянство в 1790 г. с готовностью отказалось от важных автономных прав Хорватии, впервые признав за венгерским сеймом право вотировать налоги и для Хорватии.

В 1809—1813 гг. Наполеон I объединил часть хорватских и словенских земель в одну административную единицу, назвав ее «Иллирийскими провинциями». Чтобы склонить широкие слои хорватского и словенского населения на свою сторону, Наполеон декретировал отмену барщины без возмещения. В стране было введено французское, наполеоновское законодательство, содействовавшее развитию в Хорватии буржуазных отношений. После Венского конгресса феодальный строй в Хорватии был восстановлен.

Крестьянство, хотя и получило право передвижения, оставалось под властью своих господ и церкви. Кроме барщины, оно несло всякого рода повинности и поборы. Промышленность Хорватии была представлена лишь немногими мануфактурами на побережье Адриатического моря, где

были корабельные верфи. В континентальной части страны господствовало цеховое ремесло. Крепостничество задерживало рост городов. Значительную часть городского населения Хорватии составляли итальянцы и немцы.

В начале XIX в., после длительного застоя, в экономике Хорватии началось некоторое оживление. Стала развиваться мукомольная промышленность, производство кожи и шелка. Росло судоходство по Дунаю, Драве и Саве. На торговых путях расширялись перевалочные и складские пункты. Но торговля была сосредоточена преимущественно в руках немцев и итальянцев. С ростом внутренней и внешней торговли хорватские помещики, стремясь увеличить свои доходы, усилили эксплуатацию крестьян. Особенно тяжелым было положение зависимого населения в Славонии, где хозяйничали владельцы латифундий — великаши. Усиление феодальной эксплуатации привело к крестьянским волнениям и восстаниям в Славонии в 1808, 1814 и 1824 гг.

В соседней с королевством области — Военной Границе— господствовал австрийский военно-феодальный режим, сильно задерживавший экономическое развитие страны. Однако и здесь в первой половине XIX в. развивались товарно-денежные отношения. Крестьянство Военной Границы стремилось стать полным земельным собственником, получить свободу занятий промыслами, избавиться от солдатчины. Среди населения Военной Границы популярным было требование присоединения к Хорватии.

Национальное возрождение хорватов — «иллиризм»

С конца XVIII в. венгерское дворянство приступило к мадьяризации народов, населявших «земли короны св. Стефана». Стремления венгерских националистов выражались в лозунге: «Один бог, один король, один язык и одно государство от Карпат до Адриатического моря».

Националистическая политика мадьяр, усилившаяся в 20—30-х годах XIX в., встретила содействие со стороны реакционных слоев хорватского дворянства. В 1830 г. сáбор обратился к венгерскому сейму с просьбой ввести венгерский язык в хорватские гимназии в качестве обязательного предмета, а учителей, не знающих венгерского языка, не принимать на службу. В 40-х годах представители хорватских реакционеров требовали введения венгерского языка в качестве официального языка, во все учреждения Хорватии. Однако большинство членов хорватского сáбора высказалось за сохранение латыни.

В этой обстановке, характеризующейся оживлением хорватской экономики, с одной стороны, и усилением мадьяризаторских стремлений венгерских правящих кругов — с другой, в Хорватии возникло национальное движение, известное под названием «иллиризма» или хорватского возрождения. Иллиризм по существу был движением буржуазным, вызванным развитием товарно-денежных отношений в Хорватии. Но вследствие экономической отсталости Хорватии, слабости и бесправия буржуазии национальное движение 30—40-х годов проходило под руководством хорватского дворянства. Тем самым предопределялась крайняя узость социальной программы руководящих деятелей иллиризма, их резкая враждебность к движениям и требованиям народных масс.

Во второй четверти XIX в. активнейшим деятелем хорватского возрождения был Людевит Гай. Гай родился в 1809 г. в Загорье, в дворянской семье. Он учился в Вараждине и Крижевцах, а затем в Граце и Пеште. Большое влияние на усиление его интереса к своему народу и любви к народному языку оказало «Собрание сербских народных песен» Вука Караджича, на которое в 1827 г. обратил его внимание Мойо Балтич — серб из Военной Границы, научивший Гая кириллице и штокавскому произношению.

В 1830 г. вышел «Краткий набросок хорвато-славянского правописания», автором которого был Гай. Гай и его сторонники считали, что, лишь приняв в качестве литературного языка язык подавляющего большинства сербо-хорватского населения (штокавский диалект), они обеспечат возможность развития хорватской литературы. С января 1835 г. в Загребе стала выходить газета «Хорватские новины» с приложением «Даница хорватская». В 1836 г. «Хорватские новины» были переименованы в «Народные иллирские новины», а «Даница хорватская» стала называться «Даницей иллирской». Деятели хорватского возрождения считали, что южные славяне имеют общего предка — древних иллиров. Поэтому штокавское наречие они именовали иллирским языком (в знак языковой и племенной общности южных славян), а южнославянские народы — иллирами. «Новины» и «Даница» Гая выходили на штокавском наречии.

В 1838 г. примкнувший к иллиризму граф Янко Драшкович основал в Загребе «Народную читальню». В 1842 г. при «Читальне» возникло издательство «Матица иллирийская».

Характерно, что одним из ранних начинаний «Читальни» было создание «Хозяйственного общества», поставившего своей задачей «хозяйственное возрождение» Хорватии (1841). Уже в 1839 г. «Читальня» объявила премии авторам книг, разрабатывавших вопросы развития экспорта хорватского вина, а также вопросы выработки кожи, сукна и бумаги.

Иллирийское движение возродило народный язык и литературу. Политическая программа иллиров предусматривала объединение в будущем Хорватии, Славонии, Штирии, Каринтии, Крайны, Горицы, Истрии, Бачки, Баната, Бараньи, Сербии, Черногории, Далмации, Дубровника, Боснии, Герцеговины и Болгарии в одно политическое целое — Иллирию, государственным языком которой был бы язык славянский. Деятели иллиризма пропагандировали культурное и политическое сближение южных славян.

Представитель хорватского дворянства Иван Кукулевич-Сакцинский в 1842 г. выдвинул программу, требовавшую создания хорватского национального правительства под скипетром Габсбургов, введения хорватского языка во все государственные учреждения страны. В условиях 40-х годов XIX в. программа Кукулевича отражала реакционную австрофильскую ориентацию иллирийского дворянства, его стремление сохранить и даже расширить империю Габсбургов и, действуя в союзе с династией, объединить вокруг Хорватии южнославянские земли. Программа Кукулевича не содержала каких-либо требований социального преобразования Хорватии. Другие руководящие деятели иллиризма, представители буржуазно-либеральной интеллигенции, сочувствуя буржуазному преобразованию страны, больше всего боялись движения народных масс и на практике поддерживали политику дворянства.

Левое, буржуазно-демократическое крыло иллиров было очень слабым; никакой четкой программы у него не было.

Между тем наиболее реакционные силы хорватского дворянства объединились для борьбы с иллиризмом. В 1841 г. они сплотились в хорватско-венгерскую партию, прозванную мадьяронской. В 40-х годах мадьяроны старались продолжать свою старую дворянскую политику теснейшего государственного единства между Хорватией и Венгрией как средства сохранения феодализма. Они боялись введения хорватского языка в государственные учреждения, видя в этом шаг к ликвидации привилегий феодалов. Мадьяроны требовали фактической ликвидации хорватского сáбора и полной мадьяризации Хорватии.

Вражда между мадьяронами и иллирами привела к ряду кровавых столкновений, а в 1845 г. войска, вызванные мадьяроном — баном Францем Галлером, стреляли в собравшихся на площади Марка в Загребе сторон-

ников хорватского возрождения (дворян, горожан, студентов загребской академии). Были убиты и ранены десятки патриотов.

Австрийское правительство сначала допускало деятельность иллиров, стремясь использовать ее в своих интересах — для противодействия национальным устремлениям венгров и для усиления своего влияния на славянские народы Балканского полуострова. Но в начале 40-х годов культурно-политическое сближение южных славян встревожило венскую камарилью. В 1843 г. употребление слова «иллиры» было запрещено. Была введена строгая цензура хорватской печати.

Пожонский сейм и крестьянские волнения 1847—1848 гг.

Событиям 1848 г. непосредственно предшествовали сильные крестьянские волнения и борьба на Пожонском сейме 1847—1848 гг.[1]

Напуганные размахом крестьянского движения, в особенности выступлением галицийских крестьян против помещиков, венгерские и хорватские дворяне убедились в неизбежности ликвидации феодального строя. Передовая часть дворянства, все шире связывавшаяся с рынком, видела экономическую выгодность освобождения крестьян. В декабре 1847 г. и январе 1848 г. крестьянское движение против феодального строя вспыхнуло в Хорватии с новой силой. Повсеместно происходили столкновения между крестьянами и помещичьей администрацией. Крестьяне Загребского капитула, известного жестокой эксплуатацией своих крепостных, восстали и во главе с Голешом двинулись к Загребу, но были отбиты войсками.

Крестьянский вопрос одинаково волновал мадьяронских и иллирийских помещиков. В инструкции представителям Хорватии на венгерском сейме говорилось о необходимости, в случае освобождения крестьян, полностью обеспечить интересы их господ.

Другим важным для Хорватии вопросом Пожонского сейма был вопрос о взаимоотношениях Хорватии и Венгрии. В законе, принятом на сейме, говорилось, что вся официальная корреспонденция между венгерской и хорватской администрацией должна вестись на венгерском языке, а в трех славонских областях, отделяемых таким образом от Хорватии, венгерский язык должен был быть введен через определенный срок в качестве официального во все местные учреждения; то же самое, но уже немедленно, должно было произойти и в Приморье. Кроме того, автономные права Хорватии окончательно ликвидировались.

В начале революции, когда сейм спешно принял решение по крестьянскому вопросу, хорватские делегаты голосовали — вместе с венгерскими — за освобождение крестьян при условии вознаграждения помещиков. Вместе с тем они отказались признать решения сейма (о языке, ликвидации автономных прав и пр.), означавшие установление в Хорватии режима национального порабощения.

Уже на этом сейме реакционность позиции хорватских националистов сказалась в том, что они отстаивали неприкосновенность «прав короля»,— т. е. Габсбургов и венской камарильи,— при разрешении споров между Хорватией и Венгрией.

Известия о начале в других частях Европы революции пришли в момент острого конфликта между этими странами.

Хорватия в марте — июне 1848 г.

Сообщения о революциях во Франции, Германии, Австрии, Италии были встречены в Загребе с большим подъемом. Горожане создали национальную гвардию, в которую вошел студенческий Академический легион. Но с самого начала руководство движением в Хорватии оказа-

---

[1] Подробнее о венгерском Пожонском сейме см. главу двадцать вторую.

лось в руках дворянско-либеральных элементов, стремившихся получить уступки путем соглашения с двором.

17 марта 1848 г. Иван Кукулевич поднял вопрос о созыве са́бора и посылке к императору депутации с изложением требований хорватского народа. Во главе комитета, созданного для выработки требований («народного одбора»), стали Людевит Гай, Иван Кукулевич, Амброз Враницани.

25 марта открылся са́бор. По предварительной договоренности с влиятельными членами Людевит Гай предложил избрать Иосифа Елачича баном Хорватии, Славонии и Далмации.

Елачич происходил из дворянской семьи; с 1819 г. он служил в австрийской армии, в 1841 г. получил чин полковника и до 1848 г. служил на Военной Границе, в Глине.

Са́бор избрал депутацию в Вену для передачи императору пожеланий хорватов. В основу «пожеланий народа» были положены требования либерально-буржуазного характера, выработанные иллирийской партией: объединение всех частей Хорватии, создание ответственного перед са́бором национального правительства, создание для Хорватии постоянного са́бора, уничтожение Военной Границы (и присоединение ее территории к Хорватии), введение хорватского языка в управление, суд и церковные дела, освобождение крестьян от феодальных повинностей, создание хорватской армии под начальством выборного командующего. Осуществление этих требований означало бы конец габсбургского абсолютизма в Хорватии. Однако эта программа предполагала оставление Хорватии в составе Австрийской империи.

31 марта 1848 г. депутация изложила «пожелания народа» императору. В Вену прибыл и Елачич, получивший звание подмаршала, командующего Военной Границей и бана Хорватии. 18 апреля Елачич вернулся в Загреб и, сохраняя свою холопскую преданность Габсбургам, встал во главе управления Хорватией.

Отношения между Хорватией и Венгрией еще более обострились. Правительство бана запретило (19 апреля) местным властям принимать приказы из Пешта. Венгерский наместник Стефан и венгерское правительство 11 мая объявили об отделении славонских областей от Хорватии и назначении королевского комиссара для управления Хорватией. Но Елачич отказался признать эти постановления. К этому времени Хорватия фактически становилась независимой как от Венгрии, так и от Австрии. Широкие слои южнославянских народов сочувствовали быстрому сближению между Хорватией, Воеводиной, княжеством Сербией и другими южнославянскими землями. В апреле — июне 1848 г. политические связи между этими странами усилились. Агент сербского правительства Матия Бан объехал южнославянские области Австрии и энергично способствовал сколачиванию их союза с Сербией.

Несмотря на то, что шовинистические планы правящих классов южнославянских народов препятствовали сближению этих народов — стремление освободиться от иностранного ига все же объединяло их. Стремление к южнославянскому объединению проявилось и в Боснии, и в Черногории. В период тяжелых военных поражений Австрии в Италии казалось, что распад монархии Габсбургов близок. Поэтому хотя деятели иллиризма и были согласны с реакционной австро-славистской программой Палацкого, в тайне они содействовали подготовке южнославянского объединения на случай распада Австрии.

Австрийский двор был серьезно встревожен развитием национального движения среди южных славян и враждебно отнесся к движению сербов Воеводины. Император запретил созыв хорватского са́бора без его разрешения и вызвал Елачича в Инсбрук для объяснений.

Елачич со свитой отправился в Инсбрук, а 5 июня 1848 г., несмотря на запрещение, собрался хорватский сáбор. Подавляющее большинство членов сáбора составляли дворяне; широко были представлены и города. Депутаты от крестьянских масс Хорватии и населения Военной Границы составляли незначительное меньшинство. Сáбор отказался признать приказы венгерского правительства. Он объявил, что будет бороться «за единство хорватских земель и федерацию австрийских народов». В ответ на это император, соглашаясь с требованием венгерских магнатов, 10 июня 1848 г. лишил Елачича звания бана и воинских чинов.

В Загребе наступил критический момент. С быстротой молнии пронеслась весть о разжаловании Елачича и даже распространился слух о заключении его в тюрьму. Это было сочтено за начало наступления императора против всех прав, уже полученных Хорватией. На всех колокольнях били в набат. Славолюб Врбанчич, член сáбора, возбуждал народ революционными речами. Он потребовал, чтобы «немецкий государь был объявлен предателем». Население Загреба и окрестностей вышло на улицы. По предложению демократов, сáбор принял решение — объявить Габсбургскую династию низложенной; крестьян, при условии их выступления против Австрии, наделить землей; отправить эмиссаров в Италию для организации возвращения на родину служащих в войсках Радецкого хорватских солдат; послать эмиссаров также в Боснию, чтобы поднять там народное восстание; обратиться ко всем славянским народам с призывом поддержать движение хорватов.

Однако эти революционные решения не были осуществлены. Обнаружилась слабость демократических элементов, их неспособность к решительным действиям. Во главе Комитета общественной безопасности, образованного для руководства движением, оказались близкие Елачичу дворянские деятели — барон Мирко Лентулай, Иван Кукулевич и др. Они договорились с австрийским генералом — начальником загребского гарнизона о том, что декрет о разжаловании Елачича не будет опубликован. Протоколы с вышеперечисленными решениями сáбора были уничтожены. Сáбор наделил Елачича диктаторской властью. Контрреволюционное хорватское дворянство создавало «твердую власть» для подавления крестьянских волнений и борьбы против революционной Венгрии.

Борьба вокруг вопроса об отмене крепостной зависимости крестьян

Среди вопросов, рассмотренных сáбором, важнейшим был вопрос о крестьянской реформе. Необходимость серьезных уступок крестьянству диктовалась интересами хорватского господствующего класса и его националистической политики. Венгерское и хорватское дворянство стремилось «предотвратить возникновение волнений», «помириться» со своим народом и подчинить массы своей политике.

После того как 13 марта в Вене вспыхнула революция, медлить с решением крестьянского вопроса было невозможно. Пожонский сейм провозгласил отмену крестьянских повинностей при вознаграждении дворян со стороны государства. Было ликвидировано и помещичье судопроизводство. Эти законы были санкционированы императором, но чтобы они были действительны и для Хорватии, их должен был принять хорватский сáбор. Однако хорватское дворянство, ссылаясь на свое нежелание принимать венгерские законы, обещало крестьянам самостоятельно освободить хорватский народ. В действительности же хорватские дворяне умышленно медлили с провозглашением крестьянской реформы, стремясь выработать закон, максимально выгодный для феодалов.

Крестьянство Хорватии повсеместно прекращало несение феодальных повинностей и выступало против помещиков. Для подавления крестьянских волнений Елачич посылал войска, терроризировавшие сельское

население. Дальше медлить с реформой было невозможно: крестьяне могли присоединиться к венгерской революции.

27 апреля 1848 г. Елачич опубликовал декрет об отмене феодальных повинностей и крепостной зависимости крестьян. Однако этот декрет освобождал лишь от так называемых «урбариальных» (т. е. вписанных в специальные книги) повинностей (барщины, подворной подати и церковной десятины). Отменялось и помещичье судопроизводство. Была сохранена тяжелая повинность, натуральная и денежная (горница), не вписанная в «Урбарии». Сохранились и так называемые «малые регалии»: монопольные доходы помещиков от продажи вина и пива в корчмах, денежные сборы с рынков, продажи мяса, рыболовства, паромов, кузниц, лавок и т. п. Остались церковные подати, не перечисленные в «Урбариях». Крестьяне были обязаны поставлять местному духовенству лен, муку, масло, сыр, косить и сушить сено, обрабатывать огород, ремонтировать хозяйственные постройки.

Одновременно с этим декретом, т. е. 27 апреля 1848 г., Елачич объявил осадное положение в Хорватии и учредил чрезвычайные суды, жестоко каравшие как за выступление на стороне Венгрии, так и за «бунтарство» против помещиков, захват их имущества, поджог имений и т. д.

Дискуссия в сáборе и печати по крестьянскому вопросу показала наличие двух лагерей в хорватском движении 1848 г.

В сáборе многие дворяне (Иван Кукулевич, Казимир Елачич и др.) отстаивали принцип «вознаграждения» дворян за отмену крестьянских повинностей. Кукулевич пытался снять с хорватского дворянства вину за тяжелое положение народа и отстаивал необходимость предоставления дворянам руководящей роли в будущем хорватском государстве. Некоторые представители помещичьего лагеря советовали дворянам отказаться безвозмездно от менее важных привилегий (например, права рыболовства, птицеловства и т. п.); они говорили: «...придется идти за Драву [т. е. воевать с Венгрией], и если тыл будет ненадежен... мы потеряем больше».

Загребская буржуазия, в целом поддерживая политику дворянства и составляя с ним в революции 1848 г. единый лагерь, критиковала «опасную для отечества» жестокость властей по отношению к крестьянам, опасаясь крестьянских и солдатских восстаний. По этой же причине загребские горожане требовали через Комитет безопасности отказа помещиков от горницы.

Подавляющее большинство представителей иллирийской буржуазной интеллигенции придерживалось либерально-националистических взглядов. Так, писатель Вукотинович, призывая (в отличие от Кукулевича) создать чисто буржуазное государство, «заложить основание более крепкое, чем было до сих пор» и «опираться на народ», а не на «аристократию», боялся, однако, самостоятельного движения масс и настаивал на необходимости «руководства» крестьянством. Проведение реформ он рекомендовал из страха перед крестьянской революцией.

Однако в сáборе и печати раздавались и другие голоса. Представители демократического лагеря требовали полного освобождения крестьян без всякого выкупа, без вознаграждения дворянства. Анонимный автор статьи в «Сáборских новинах», стоявший на радикальных позициях, считал, что не дворяне, а крестьяне имеют право на вознаграждение за вековые мучения. Выкуп приведет крестьянина к «ирландской нищете», писал он, доказывая, что крепостничество и дворянская собственность — результат средневековых разбоев и насилий помещиков над народом. Право собственности на землю должно основываться на ее обработке.

Здесь, хотя и недостаточно ясно, высказана мысль о праве крестьян на помещичьи земли, о необходимости раздела помещичьих имений.

С гневными речами против дворянских аграрных проектов выступал, прерываемый криками помещиков, крижевацкий депутат Павлеч. Дворяне лицемерно твердят о «славе народа», уделом которого в прошлом было лишь рабство, говорил он. Законодательствовавшая сотни лет «фракция с ужасным именем аристократов» получала от народа огромные ценности и делала все для угнетения народа... Павлеч высказался против выкупа.

Са́бор подтвердил декрет 27 апреля и после долгих дебатов отменил ту часть «малых регалий», которая имела наименьшее значение для помещиков.

От имени государства са́бор гарантировал возмещение помещикам за утраченные ими привилегии и права. Однако порядок выкупа крестьянами своих повинностей и земельных участков был определен самим австрийским правительством, после того как его власть была восстановлена.

Таким образом, ликвидация феодальной зависимости крестьян в Хорватии была осуществлена «сверху», путем законов, изданных классом помещиков. При этом огромные дворянские латифундии были сохранены. Масса феодальных пережитков попрежнему тяжким грузом ложилась на плечи крестьянства. Это предопределило медленный и мучительный путь развития капитализма в Хорватии. Вынужденные пойти на уступки помещики стремились вознаградить себя новыми мерами эксплуатации крестьян. Загребская область создала драконовские правила о порядке работы батраков и рабочих в барских поместьях: батрак или рабочий должен был выполнять всякую работу, которую поручал ему помещик, причем время работы ничем не ограничивалось; работнику запрещалось покидать своего хозяина без предупреждения, а срок предупреждения был установлен в городах в три, а в провинции — в шесть месяцев; договор заключался не меньше чем на один год; работник принимался на новую службу только по удостоверению об оставлении прежнего места с разрешения хозяина; забастовки категорически воспрещались.

Своими «правилами» Загребская область создала каторжный режим для батраков и рабочих. Кроме того, помещики отказывались признавать старые права хорватских крестьян: они запрещали общинам и отдельным крестьянам выгонять скот на общие пастбища и свиней в леса, собирать листья и сучья в лесах.

Крестьянские волнения в Хорватии в 1848 г.

Аграрный декрет 27 апреля и «правила о батраках в барских поместьях» сильно взволновали крестьянские массы Хорватии и Славонии. В деревне все шире развертывалась ожесточенная классовая борьба. В ответ на насилия помещиков, поддержанных государственной властью, крестьяне рубили помещичий лес, вывозили дрова и строительный лес на рынок, убивали помещичьих сторожей и чиновников, разгоняли и избивали чиновников, посылавшихся на защиту помещиков, отказывались платить налоги и перевозить бесплатно военные грузы (крестьяне были обязаны бесплатно транспортировать военные материалы и офицеров), строить и исправлять дороги.

Во многих местах крестьяне защищали свои права с оружием в руках. Особенно значительны были революционные выступления крестьян в лесных массивах Хорватии, севернее города Риеки, на границе словенских земель, а также в Славонии. Феодалы требовали посылки военных команд для подавления крестьянских волнений, но Елачич, боясь бунта в своей армии, неохотно удовлетворял эти требования.

Летом 1848 г. в Хорватии и Славонии произошло несколько новых, весьма серьезных выступлений крестьян. Крупные события имели место

в Гробнике. Все пять общин, входивших в состав Гробника, объединились, прогнали государственных чиновников, организовали свое управление, во главе которого стал Иосиф Дурбешич, по некоторым данным — не крестьянин. Помещичьи леса были конфискованы. Была установлена свобода торговли (вином и т. п.). Гробницкие повстанцы рассылали послания по соседним общинам с предложением вступить с ними в союз, ввести у себя крестьянское управление и «скинуть господские вериги». Для защиты своих интересов крестьяне создали народную стражу. В движении участвовали отдельные представители сельского духовенства.

На подавление гробницкого восстания был послан отряд солдат из Риеки. Когда от крестьян потребовали выдачи «зачинщиков», они ответили, что действовали «сообща», в полном согласии. Установленный крестьянами порядок управления был отменен, народная стража распущена. Участники восстания после истязаний были заключены в тюрьму.

В некоторых местах крестьяне приветствовали революционную Венгрию. Часто крестьяне говорили: «Вот придут мадьяры — освободят от всяких податей!»; или: «Придут мадьяры — все поднимемся на господ». В Рибнике они кричали: «Бог, помоги мадьярам!»

Изгоняя чиновников, пытавшихся собирать феодальную дорожную подать, загребские крестьяне говорили: «Не знаете разве, что в Италии революция? Вот сделаем то же самое, тогда будем свободны!»

Одним из проявлений крестьянского недовольства было дезертирство хорватских солдат из австрийской армии в Италии. Солдаты, возвращавшиеся на родину, принимали участие в крестьянских выступлениях. Иногда в крестьянских выступлениях участвовали демократы-интеллигенты; повидимому, они и составили крестьянскую петицию сáбору, требовавшую «нанести смертельный удар обскурантизму и феодализму». Недовольство крестьян аграрной политикой хорватского сáбора и правительства бана Елачича усугублялось набором рекрутов, взиманием чрезвычайного военного налога для подготовки войны против венгерской революции.

Предательство хорватского дворянства

Хорватское дворянство и бан Елачич делали все, чтобы показать свою преданность Габсбургам. Социальную и политическую позицию либерально-дворянского большинства сáбора характеризует, в частности, его отношение к поступившей в сáбор петиции граничар, требовавших ликвидации Военной Границы, предоставления крестьянам права собственности на землю и присоединения к Хорватии. Мартовский сáбор поддержал эти требования в своей петиции, но двор не давал на них ответа, и в июне 1848 г. сáбору пришлось снова заняться этим вопросом. Боясь затронуть прерогативы императорской власти и этим ухудшить отношения с двором, сáбор решил провести в Границе частичные реформы для некоторого «успокоения» населения. В действительности ничего существенного сделано не было. Были сохранены ограничения, стеснявшие свободу личности, препятствовавшие свободному передвижению граничар, сохранена вся военная организация Границы. Хорватские дворяне боялись осуществить собственные предложения из опасения, что их сочтут революционерами.

Еще в июне 1848 г. Елачич обратился к воюющим в Италии граничарам с призывом «не допускать, чтобы мысли о родине отвлекали... от трудного дела защиты трона в Италии».

Во время предпринятых в Вене, при посредничестве эрцгерцога Иоганна, переговоров между Елачичем и Баттиани, в июле 1848 г., Елачич, представляя контрреволюционное хорватское дворянство, потребовал — в качестве условий «примирения» — сохранения нераздельности габсбургской

ЕЛАЧИЧ

Карикатура. Литография Д. и В.

Собрание Института Маркса — Энгельса — Ленина. Москва

монархии и создания в Вене трех центральных министерств (военного, иностранных дел и финансов). Наряду с этим он требовал признания хорватского языка официальным во всех учреждениях и делах Хорватии и удовлетворения пожеланий сербов Воеводины.

Таким образом, национальные требования хорватов ставились в связь с контрреволюционным стремлением к сохранению Австрийской империи. Венгерское правительство отказалось принять эти условия.

Между тем положение в империи быстро изменялось. В июле — августе 1848 г. в Венгрии бурно развивалось революционное движение, и венгерские магнаты были не в силах его остановить. В Италии Радецкий перешел в наступление. Либеральная буржуазия славянских областей поддержала контрреволюцию. Хорватский са́бор потребовал подчинения командования военными силами в Хорватии не венгерскому, а австрийскому правительству. Возможность использования хорватских националистов для разгрома революции становилась для двора все более ясной.

4 августа Елачич вернулся из Вены в Загреб. К этому времени он уже полностью договорился с двором о совместном выступлении против Венгрии и усилил подготовку к войне. Все должностные лица, симпатизировавшие революционной Венгрии (как, например, члены Осиекского городского магистрата в Славонии), смещались и заменялись сторонниками Елачича. Подавляя движение народных масс террором и обманывая их своей демагогией, хорватский господствующий класс предал дело национального освобождения Хорватии и окончательно привел свою страну в лагерь контрреволюции.

4 сентября Елачич был восстановлен в должности бана Хорватии и вскоре после этого назначен главнокомандующим всеми императорскими войсками, расположенными в Венгрии.

Собрав армию, Елачич 11 сентября перешел Драву и двинулся против венгров. Неспособность венгерских буржуазных революционеров разрешить национальный вопрос позволила Елачичу повести солдат под демагогически провозглашенными лозунгами свободы и равенства народов.

Овладевая венгерскими городами, хорватская армия двигалась к Пешту. Однако, встретив отпор недалеко от венгерской столицы и получив приказ идти для подавления революционной Вены, хорватская армия отошла за Лейту. 12 октября 1848 г. Елачич соединился с императорскими войсками и под командой Виндишгреца овладел Веной.

Вывод правительством Елачича национальных войск из Хорватии (которая, лишившись своих вооруженных сил, не в состоянии была воспрепятствовать восстановлению господства абсолютизма) и предоставление хорватских солдат в полное распоряжение австрийской контрреволюции явились кульминационным пунктом предательства хорватским дворянством национальных интересов Хорватии. Усиление лагеря австрийской контрреволюции Елачичем, роль палачей революции, сыгранная хорватскими помещиками, сделали невозможным осуществление даже самой умеренной национальной программы.

Усиление крестьянского движения осенью 1848 г.

Крестьянские волнения вновь вспыхнули в Хорватии осенью 1848 г. в связи со сбором податей. Крестьяне отказывались платить подати и долги помещикам и нести повинности. Особенно остро стоял вопрос о горнице.

Крестьяне считали, что земля, обрабатываемая ими столетиями, является их собственностью. Местные власти требовали присылки войск. То и дело возникали кровавые столкновения. В Гранешинской общине Загребской области крестьяне разоружили полицию и освободили своих арестованных товарищей.

Посланные из Загреба войска встретили вооруженное сопротивление. Лишь после ожесточенного боя крестьяне, понесшие большие потери, были рассеяны. Хорватские крестьяне очень неохотно шли в армию Елачича. В деревне Стубица (Загорье), где хранились традиции восстания Матия Губеца в XVI в., крестьяне не только отказались платить арендную плату помещикам, но и не захотели идти воевать с Венгрией. Руководители движения призвали крестьян ответить на требование уплаты горницы постройкой виселиц для дворян — помещиков. Однако сопротивление крестьян здесь было подавлено, и четверо крестьян, руководителей движения, были приговорены чрезвычайным судом к смертной казни. Паническое настроение среди помещиков держалось всю осень 1848 г. Во всей стране власти истязали крестьян, применяя телесные наказания.

20 ноября 1848 г. Елачич обратился с воззванием «К крестьянам народа хорвато-славонского», в котором он подтверждал отмену лишь урбариальных повинностей и призывал крестьян платить горницу, арендную плату, подати помещикам за пользование лесом и т. п. Тут же бан напоминал, что захват чужой собственности будет караться военным судом.

Несмотря на жестокость репрессий, столкновения между крестьянами и помещиками продолжались и в 1849 г.

* * *

В 1848 г. господствующий класс Хорватии был настроен оппозиционно по отношению к австрийскому абсолютизму, но он более всего боялся освободительного движения народных масс и стремился достигнуть автономии страны путем соглашения с монархией и сохранения целости Австрийской империи в конституционной форме.

Эта позиция превратила хорватское дворянство в жалкого и отвратительного прислужника австрийского абсолютизма и международной контрреволюции. Способствуя подавлению революции в Венгрии, дворянство оказалось бессильным сохранить ту национальную независимость Хорватии, которая была практически достигнута к лету 1848 г. в результате европейской революции.

Показательно, что банское вече (хорватское национальное правительство в 1848—1849 гг.) не признавало октроированной в момент успешного венгерского наступления (март 1849 г.) имперской конституции, ввиду того что она ущемляла права хорватов, и отказывалось опубликовать ее. Однако банское вече могло сопротивляться австрийскому нажиму лишь до тех пор, пока воевали мадьяры. Когда венгерская революция была разбита, а Габсбурги стали хозяевами положения, конституция была опубликована (в сентябре 1849 г.). Оторванная от народа иллирийская интеллигенция ограничилась лишь протестами в печати.

События 1848—1849 гг. знаменовали крах политики «иллиров» и привели к распаду иллиризма.

Для отсталой в экономическом и культурном отношении Хорватии была характерна слабость и малочисленность демократических деятелей, отстаивавших интересы своего народа.

Представители демократической интеллигенции кое-где участвовали в крестьянских движениях (например, в Гробнике). Однако в большинстве случаев они были оторваны от масс, не создали революционной организации и не смогли сыграть значительной роли в событиях 1848 г.

Антифеодальные, революционные выступления крестьянства, напряженное положение в тылу хорватских войск и недовольство в армии затрудняли проведение в жизнь контрреволюционных планов Елачича, но не смогли сорвать их.

Несмотря на поражение революции, Хорватия вступила в 1848 г. в новый период своей истории. Важнейшим результатом революционных событий в Хорватии явилась ликвидация феодально-крепостнических порядков.

Память о подъеме национального движения в 1848 г. усиливала сопротивление хорватского народа политическому и экономическому порабощению его буржуазно-помещичьей Австро Венгрией.

Позорные и пагубные результаты контрреволюционной националистической политики хорватского дворянства в 1848 г. были и остаются поныне, в условиях фашистской диктатуры югославских агентов англо-американского империализма, серьезным уроком для хорватского народа в его борьбе против контрреволюционного национализма, в борьбе за независимость и свободу Югославии.

Глава двадцать пятая

НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ СЕРБОВ ВОЕВОДИНЫ В 1848 Г.

Территория, известная под названием Воеводины, не представляла в рассматриваемое нами время единства ни в административном ни в социально-экономическом отношении. Политическая борьба в 1848 г. охватила территорию сербских комитатов Венгрии с примыкающей к ним частью Военной Границы. Движение распространилось в районах Баната (Велика Кикинда, Велики Бечкерек, Потисский дистрикт), в Панчовском округе Военной Границы. Оно коснулось Бачки, которую затронуло слабее, чем Банат, и где центр борьбы пришелся на юго-восточную ее часть, захватив, таким образом, оба берега Тиссы. Оно распространилось на правом берегу Дуная, в Среме, т. е. в Петроварадинском округе Военной Границы и в Сремской жупании (области) Хорватии и Славонии.

Экономическое и политическое положение Военной Границы в первой половине XIX в.

Положение местного населения на всей этой территории и его участие в движении не были одинаковыми.

Военная Граница, созданная в начале XV в. в качестве меры военно-оборонительного порядка, представляла собой систему военных поселений, разделенных в XVIII в. на ряд полков, численность которых определялась количеством населения данной территории. Каждый способный к военной службе граничар должен был нести военную службу, получая от казны участок земли, военную амуницию и пару сапог в год. Граничары были обязаны уплачивать денежные налоги на землю в зависимости от ее качества и приносимых ею доходов, отбывать натуральные повинности по нарядам граничарского командования — 1 или $^1/_2$ дня работы одного человека с упряжкой за каждый иох (от 0,3 до 0,5 га). Служба в армии давала налоговые льготы: с каждого военнослужащего с суммы денежных налогов в мирное время скидывалось 12 флоринов, в военное — 18 флоринов.

На территории Военной Границы существовали две формы земельного владения: владение, налагающее обязанность военной службы, и свободное владение, основанное на праве полной собственности.

Поставленная государством цель — обеспечение военной службы — привязывала владельцев земли и их семьи к земле и службе. Сын, получая от отца землю, брал на себя тем самым обязательство отбывать военную службу. Если после умершего не оставалось наследника — мужчины, земля

могла перейти к его дочери, на которую возлагалось обязательство в двухлетний срок выйти замуж за человека, способного к военной службе. Если это условие не выполнялось, семья лишалась земли.

«Полная ферма» (24—34 иоха) являлась обычно владением целой семейной задруги, т. е. большой семьи, включавшей взрослых детей с их детьми и насчитывавшей в среднем 7—11 человек. Эта средняя цифра и единая номенклатура скрывают значительные различия, существовавшие между семьями, среди которых были и задруги, в точном смысле этого слова, и обычные семьи.

Сельское хозяйство велось по трехпольной системе. Хлебные культуры составляли его основу; возделывались также виноградники, огороды, существовало и скотоводческое хозяйство. Кроме членов задруги, в сельскохозяйственных работах участвовали наемные рабочие. В хозяйстве граничар были распространены домашние ремесла, в частности изготовление разных тканей. Но хозяйство не было чисто натуральным: многие его потребности и бытовые нужды удовлетворялись покупкой товаров на рынке. В пределах Военной Границы росли города, рыночные пункты. Торговцы и ремесленники проникали в сельские местности. Граничары в свою очередь вывозили на рынок продукты сельского хозяйства и домашнего ремесла.

На территории Военной Границы были расположены важные по своему значению торговые города: Земун, Панчево, Карловцы, Бела Црква, Петроварадин. По данным, относящимся к 1815 г., в Земуне было 8313 человек, Панчеве — 7682, Карловцах — 5797, Бела Цркви — 4360, Петроварадине — 3847.

В каждом городе мы встречаемся с сотнями ремесленников, подмастерьев и учеников. Земун, Карловцы, Сланкамен, Панчево, Бела Црква были центрами металлообрабатывающего производства. Городское цеховое ремесло носило еще феодальный характер, но наряду с этим развивались и ремесла, свободные от феодальных пут цеховой организации.

Развитию капиталистических отношений препятствовала военно-феодальная организация Границы, но оно все же имело место и до 1848 г.

Интересующая нас часть Военной Границы была населена преимущественно сербами. Численность населения, по данным 1813 г., составляла около 200 тыс. человек. Управление находилось в руках военных властей. На высшие посты назначались чаще всего немцы; низшие офицерские должности обычно занимали сербы, имевшие при этом мало надежд на дальнейшее служебное продвижение. Офицер не мог служить там, где его родственники владели землей; он не мог жить в одном доме с родными. Размер казенных земельных владений офицеров, как находящихся на службе, так и отставных, был ограничен. Поэтому лишь владельцы собственной земли, дававшей достаточные средства, могли успешно продвигаться по служебной лестнице.

Городские общины имели право самоуправления: они выбирали на три года двух бургомистров. Городской судья, писарь, юрисконсульт (синдик), начальник полиции и 12 членов магистрата также были выборными. Магистрат был судом первой инстанции; право утверждения приговоров принадлежало генералу, командующему данным округом. Вмешательство военной администрации в дела городских общин на практике совершалось шире и чаще, чем это предусматривал закон.

Городское население делилось на два совершенно неравноправных сословия: бюргерство и податное сословие. Право принадлежать к бюргерству устанавливалось на основании специального документа. Поэтому

сыновья бюргеров получали бюргерские права не автоматически, по наследству, а должны были документально доказать свое право на принадлежность к этому сословию и, кроме того, обладать соответствующим имуществом. В состав податного сословия входили работавшие по найму ремесленники и другие лица, по бедности не получившие бюргерских прав; члены этого сословия не принимали участия в городских выборах и других городских делах.

Военно-феодальный режим сковывал жизнь Военной Границы, препятствовал ее экономическому развитию, нес с собой национальные ограничения для сербов, связывал их военной дисциплиной.

Экономическое и политическое положение в сербских районах Южной Венгрии в первой половине XIX в.

Иным было положение в сербских районах Южной Венгрии. Численно сербское население там было невелико: на территории собственно Венгрии (без Хорватии и Ердельи — Семиградья) в 1840 г. насчитывалось 391,9 тыс. сербов, т. е. 3% всего населения. Оно неравномерно концентрировалось на территории Баната, Бачки и прилегавших местностей: в одних районах сербы составляли подавляющее большинство населения, в других — численность их не достигала и 50%.

Основную массу сербского населения составляло крестьянство. Оно делилось на две группы. Одна группа владела лишь домом с усадьбой, на которой обычно был разбит фруктовый сад; за это крестьяне платили феодалу денежную ренту и должны были отбывать 18 дней барщины в год. Другая группа состояла из держателей земельных участков (сессий): они платили денежную ренту помещику, десятину духовенству, девятину помещику и несли личные повинности, размер которых определялся размером участка земли, находившегося в их руках.

Участки земли были нормированы. Размер их устанавливался в соответствии с указом 1836 г.: от 16 до 40 иохов пахотной земли, от 6 до 22 иохов луга и от 4 до 22 иохов пастбища. Владелец полного участка должен был отбывать 52 дня барщины с упряжкой или 104 дня без нее. В период уборки урожая помещик имел право удваивать количество дней барщины.

Крестьянин не имел права владеть мельницами, трактирами, мясными лавками, быть сборщиком на переправах и мостах, заниматься охотой и рыбной ловлей.

Помимо повинностей в пользу помещика, крестьянин был обязан нести военную службу, платить военный налог, шедший в государственную казну, и гражданский — на расходы венгерской комитатской администрации. Кроме того, крестьянин отбывал государственную барщину (12 дней с упряжкой) в порядке трудовой повинности. Крестьянин мог быть подвергнут телесному наказанию по приговору суда, состоящего из помещиков.

В крестьянской среде совершалась классовая дифференциация: громадной массе малоземельных и безземельных крестьян противостоял немногочисленный слой крестьян, сосредоточивавших в своих руках крупные земельные участки.

Сербское дворянство было немногочисленно: помещичий класс Южной Венгрии был преимущественно венгерским. Сербы, получившие образование, сближались с венграми и приобретали дворянские права. Сербское дворянство (племичество) принадлежало преимущественно к нетитулованному дворянству, но пользовалось дворянскими привилегиями наравне с титулованной знатью (магнатами). Дворяне были освобождены от уплаты личного налога и поземельных налогов; судить их могли люди, равные им по положению. В военное время дворянство должно

было за свой счет вооружаться и служить под командой палатина, (титул командующего армией), но если армия покидала пределы страны, жалованье платилось и дворянам.

Венгрия, не исключая и ее южной части, была страной преимущественно аграрной. Города Велики Бечкерек, Велика Кикинда, Стари Бечей представляли административные центры земледельческих районов: торговля и ремесла здесь были мало развиты. Самым крупным городом Южной Венгрии был Нови Сад, населенный почти исключительно сербами. К середине XIX в. Нови Сад стал большим городом с развитой торговлей, ремеслами и промыслами. Население его занималось также сельским хозяйством и скотоводством, откармливая на пустошах, принадлежавших городу, значительные стада крупного скота и овец на продажу. Часть городского населения была занята постройкой и ремонтом судов.

Нови Сад был средоточием сербской светской интеллигенции, равнодушно относившейся к вероисповедным различиям. Даже секретарями новосадского епископа бывали иногда протестанты, а евангелик П. Шафарик стоял во главе православной гимназии. Наличие учебных заведений, оживленная торговая жизнь привлекали в Нови Сад представителей сербской буржуазной интеллигенции. В Нови Саде жили Досифей Обрадович, Раич; здесь работали позже такие выдающиеся политические и культурные деятели австрийских сербов, как С. Милетич, И. Суботич, М. Полит. Среди жителей города были драматурги, поэты, актеры. К этой буржуазной интеллигенции тяготели цеховые мастера и местные торговцы, деловые разъезды которых способствовали развитию культурных связей города.

Высшее управление было целиком в руках венгерского дворянства. Сербское население было представлено в венгерском сейме лишь высшим духовенством.

Местное управление осуществлялось в комитатах, где все должности были выборными. Выборы происходили каждые три года на собраниях (конгрегациях), в которых участвовало все венгерское дворянство и католическое духовенство; сюда имели доступ сербские митрополиты и настоятели монастырей, а также немногочисленные представители сербского дворянства. Эти же собрания посылали представителей в сейм. Вторым важнейшим органом местного управления были магистраты свободных городов, имевших свои административные советы. Советы избирались собраниями, состоявшими из дворян и отчасти городской буржуазии. Хотя все городские должности были выборными, кандидатуры выдвигались правительством при посредстве специально назначаемых для этой цели комиссаров. Таким образом, основная масса жителей никакого участия в городском самоуправлении не принимала.

В органах власти господствовало венгерское дворянство; редким представителям сербского дворянства, не считавшимся в политическом отношении особой группой, отводилась в сейме и в других органах управления ничтожно малая роль.

Национальные права сербов в Венгрии не признавались. Венгерское дворянство проводило политику мадьяризации, которая особенно отчетливо дала себя знать в предшествующий 1848 г. период. Решения Пожонского сейма 1847—1848 гг. усилили натиск венгров на славян. Сейм заменил латинский язык венгерским, который, кроме того, стали вводить и в такие области жизни, где ранее он вовсе не применялся. Требовали, например, перевода церковных (метрических) книг на венгерский язык. Обязательным языком во всех школах был признан венгерский; в судебных органах также вводился венгерский язык. Короче говоря, венгерский язык становился государственным языком, а сербский подвергался

ограничениям. Известны случаи запрещения сербских календарей; крестьян подвергали даже телесным наказаниям за обнаружение у них этого запрещенного издания. Все это еще до начала революции в Австрии создавало весьма напряженные отношения между венграми и сербами Воеводины.

В истории национально-буржуазного движения сербского народа 40-е годы XIX в. были очень важным периодом. В 1844 г. государственный деятель сербского княжества и идеолог великосербских кругов И. Гарашанин составил «Начертание», изложив в нем идею южнославянского объединения. В 1845 г. он приступил к рассылке пропагандистов в разные сербские области для подготовки создания будущей руководящей организации. К 1846 г. был установлен ряд организационных связей.

Были и другие признаки национального подъема сербов: выход в 1847 г. такого популярного в среде сербов литературного памятника, как «Горный венок» П. Негоша, а в самой Воеводине — стихотворений Бранка Радичевича, альманаха «Славянка» и некоторых других литературных произведений, опубликование труда «Борьба за сербский язык и правописание» Джуре Даничича и перевода Нового завета Караджича. «Сербские народные песни в сборнике Караджича можно было найти в каждом доме, в каждом самом маленьком поселке», — говорит современник. Все эти произведения находили широкое распространение и сочувственный отклик в сербских землях Австрии. Иллирийское движение находило себе отклик не только в Хорватии, но и в смежных областях Военной Границы, куда проникали загребские издания.

Революционные выступления в Воеводине в 1848 г.

Движение в Воеводине возникло после получения первых же сведений о революции в Вене и в Будапеште. Горожане Земуна и Панчева, крестьяне Кикиндского и Потисского дистриктов восстали против местных властей, сменили их и создали новую власть.

В Панчеве движение началось уже 10 (22) марта. Жители собрались в городском управлении и после краткого обмена мнений прогнали чиновников; у штайгера (градоначальника) при этом вырвали бороду, и он едва спасся. На следующий день было решено послать к палатину в Пожонь депутатов с петицией от города.

В тот же день (22 марта) произошло выступление в Земуне, где также были смещены представители местной власти. Вместо смещенного штайгера (градоначальника) был выбран другой.

Подобные же выступления горожан имели место в Стари Бечее, Велика Кикинде, Бечее. В последнем выступление было особенно бурным: были разрушены дома магистрата, а некоторые из особенно ненавистных должностных лиц убиты. Создана была национальная гвардия, в которую охотно шли не только сербы, но и венгры и немцы. Выступление горожан содержало в себе и зародыш неповиновения центральной государственной власти. В Земун был направлен военный отряд. Но так как его появление вызвало стечение в город множества сельских жителей (до 5 тыс. человек), правительство оказалось вынужденным отозвать отряд.

Та же картина повторилась в Панчеве. Сюда был прислан отряд граничарской пехоты с пушками, расположившийся против штаб-квартиры национальной гвардии. Переговоры о соглашении не увенчались успехом, так как национальная гвардия категорически требовала вывода войск из города; граничарский отряд не рискнул вступить в борьбу с восставшими и отступил.

Все эти события происходили в то время, когда в Венгрии уже было создано новое правительство.

Руководители движения в Воеводине хотели использовать создавшееся положение — расширение прав Венгрии, в состав которой входила Воеводина, и обратились со своими петициями в Пожонь.

В Нови Саде и Темешваре требования, выдвинутые 15 марта в Будапеште, были встречены с большой радостью. В первом из названных городов их приветствовали артиллерийским салютом: у четырех алтарей духовенство — православное, католическое, протестантское и еврейское — совершало богослужение в честь победы революции.

Новосадская петиция заявляла о желательности «братского согласия и теснейшего союза с милыми соотечественниками» венграми и выражала готовность признать венгерский язык официальным языком королевства; вместе с тем петиция настаивала на признании прав сербского языка в местной политической и церковной жизни, требовала свободы православной веры, организации школ, права создания церковного синода и народных скупштин, признания за сербами права занимать административные должности, отмены феодальных прав на Военной Границе и установления неограниченного права земельной собственности, свободной купли и продажи земли, отмены принудительных общинных работ и т. п.

Панчевская петиция требовала введения новой налоговой системы, т. е. отмены освобождения отдельных лиц от прямых налогов, отмены трудовых повинностей (кулученья) и чрезвычайных налогов на местные нужды, а также свободного выбора чиновников из среды горожан, свободы печати и собраний, введения суда присяжных, организации национальной гвардии, установления контроля горожан над городским бюджетом.

Земунская петиция требовала отмены трудовых повинностей, всех косвенных налогов, предоставления права выбора городских чиновников, права самоуправления, права собирать комитатские доходы и распоряжаться ими, замены регулярной армии национальной гвардией и т. д.

Другой силой, выступившей в Воеводине в начале революционного движения 1848 г., было крестьянство. В одном из важнейших центров крестьянского движения, в Кикиндском районе, волнения начались в конце апреля. Дождавшись выхода народа из церкви, один из вождей местного движения студент Джордже Радак, держа в руках сербское знамя, полученное от митрополита Раячича, произнес горячую речь. Он призывал народ верить только ему как представителю митрополита, а не начальникам, показавшим, что они против народного дела; только при этом условии, говорил он, возможно осуществить передел земли. Увлеченный его словами народ двинулся к магистрату и заменил на нем венгерское знамя сербским. Попытка окружного совета восстановить венгерское знамя и арестовать Радака не увенчалась успехом. Крестьяне ворвались в комнату совещаний и потребовали передела земли; магистрат обещал рассмотреть этот вопрос в отношении каждого землевладельца в отдельности. Это не успокоило народ. Тогда магистрат сделал попытку разогнать собравшихся силой. Это лишь разъярило крестьян. Вооружившись чем попало, они ринулись на войска, разгромили окружной магистрат, а потом стали громить дворянские дома. «Перебить господ венгров и немцев!» — раздавалось со всех сторон. Были разгромлены и дома сербских дворян.

Дворянство (как венгерское, так и сербское) ополчилось против крестьянского движения. Одним из первых выступил против крестьян крупный землевладелец Баната мадьяр Э. Киш. Активное участие в подавлении крестьянского движения принимал и граф Петр Черноевич, крупный сербский помещик, облеченный полномочиями королевского комиссара.

В отличие от крестьянского движения, которое было стихийным, мало организованным, локальным, городское движение имело свою программу и настойчиво пыталось ее осуществить. Конечно, городское движение не было единым. В нем участвовали массы, добивавшиеся уничтожения феодального гнета и отставки старых чиновников, боровшиеся с представителями австрийского правительства и венгерских властей. В нем принимали участие и представители городской буржуазии и либеральной интеллигенции, направлявшие в сейм петиции, т. е. предпочитавшие мирное соглашение революционной борьбе. Многие деятели этого крыла уже тогда смотрели на митрополита как на вождя и главу сербского национального движения. В момент революционного взрыва сербские либеральные круги были оттеснены демократическими массами, но когда началась петиционная кампания, либералы опять выступили на передний план.

Раньше всех собралась новосадская депутация, отправившаяся в Будапешт, а затем в Пожонь 22 марта (3 апреля) и прибывшая туда 27 марта (8 апреля). В нее входили Д. Стратимирович, адвокат А. Костич, М. Полит. Александр Костич произнес в сейме речь, в которой от имени 12 тыс. сербов Нови Сада, ожидающих удовлетворения своих требований, заявлял о готовности сербского населения жертвовать за Венгрию своим имуществом и жизнью. Члены сейма встретили депутацию приветственными возгласами, но когда начались переговоры с Кошутом, выяснилось, что венгры не желают признать сербский язык официальным языком, так как не соглашаются на предоставление сербам политической самостоятельности в пределах Венгрии. Объяснение носило острый характер. Сербы заявили, что будут добиваться признания сербских требований в другом месте и иными способами. В ответ на это Кошут вызывающе заявил: «В таком случае решит меч».

Неудачной оказалась и попытка сербов сговориться с венграми при приеме венгерским премьер-министром Баттиани депутации из Панчева, требовавшей, между прочим, отмены Военной Границы, т. е. освобождения граничар от обязательной военной службы за пользование землей, а также от других обязанностей и стеснений, с нею связанных. Министр отклонил панчевскую петицию, заявив, что Венгрия получила Военную Границу и пока сохранит ее; сербы должны оставаться под венгерскими знаменами.

Попытка сербов добиться удовлетворения своих требований путем переговоров с деятелями венгерской революции окончилась неудачей. Добиваясь от Австрии прав для себя, венгерские буржуазные революционеры стремились сохранить угнетенное положение сербов и хорватов в Венгрии. Одновременно с новосадской депутацией в Пожони находилась группа сербских студентов: С. Милетич, Д. Радак и др. Милетич в студенческие годы был близок к тогда еще молодому словацкому деятелю Л. Штуру, воспринял его идеи всеславянского освобождения и просвещения. Милетич и члены его кружка поддерживали связь с сербской учащейся молодежью в Вене и Пожони. Были у него связи и с Сербским княжеством. В 1847 г., в момент создания «Дружины младежи српске», первой литературной организации в Сербии, объединившей либеральные элементы, он находился в Белграде. После окончившихся неудачей переговоров между представителями воеводинских сербов и венгерским правительством Милетич и его товарищи отправились в Вену, чтобы узнать о настроениях тамошней сербской молодежи. Они решили созвать 8 (20) апреля в Нови Саде народную скупштину, воспользовавшись тем, что здесь должно было состояться народное собрание для заслушания отчета делегации, ведшей переговоры в Пожони.

Пропаганда Милетича и его друзей имела определенные результаты. 7 (19) апреля в Нови Сад стал стекаться народ из разных пунктов Баната,

Бачки и Срема. Побывавшая в Пожони депутация доложила об исходе своей поездки. Негодование собравшихся выразилось в антивенгерской демонстрации — были сожжены церковные записи, которые велись на венгерском языке. Затем демонстранты двинулись в Карловцы.

По дороге число демонстрантов заметно росло. Они шли со знаменами и песнями. Слепцы-сказители вспоминали древних сербских героев. Во время остановок новосадский протопоп Стаматович произносил речи. Придя в Карловцы, демонстранты явились на митрополичий двор и потребовали созыва народной скупштины. Однако митрополит Раячич не сразу уступил народным требованиям: вместо скупштины он предлагал созвать церковный собор. Участники новосадской делегации в Пожонь настаивали на созыве скупштины; была определена дата созыва — 1 (13) мая.

Майская скупштина

Митрополиту пришлось подчиниться требованиям буржуазно-демократических кругов городского населения. Представители буржуазно-демократической молодежи были посланы в разные пункты Воеводины в качестве пропагандистов и организаторов движения. В Бачку отправился Богобой Атанацкович, в Чайкистский дистрикт — С. Милетич, в Срем — Иован Живанович, в Буковар — Готтард Профф, в Нови Сад и Тител — Урош Боришев, в Земун — Павел Чавлович. Эти агитаторы провозглашали лозунг освобождения страны от власти Венгрии и объединения с Сербией; они призывали сербов по ту сторону Савы сбросить турецкое иго.

Скупштина не успела еще собраться, когда начались столкновения между венграми и сербами. 12 (24) апреля около Кикинды, куда венгерское военное министерство двинуло войска, произошла вооруженная схватка между сербской национальной гвардией, с одной стороны, и венгерскими войсками — с другой.

Скупштина собралась в назначенный срок. На нее были приглашены по два депутата от крупных и по одному от мелких сербских общин в Среме, Банате, Бaранье, Военной Границе, Славонии и Хорватии. Народ стал собираться уже за несколько дней до 1 мая. Но так как правительственный комиссар Черноевич объявил Нови Сад на осадном положении, то скупштина собралась в Карловцах, столице сербской митрополии. Состав участников скупштины был пестрый: крестьяне, горожане, интеллигенция, учащаяся молодежь. Большинство составляли, повидимому, крестьяне. Дворяне, крупные земельные собственники, представители высшего духовенства отсутствовали.

После торжественной службы в кафедральном соборе митрополит произнес речь, в которой заявил, что пришел час освобождения сербов. Но в то же время он показал присутствующим императорские дипломы 1690 и 1691 гг., которыми сербам были пожалованы (впоследствии отобранные) права; дипломы были прочитаны. Этим Раячич ясно выразил свое верноподданническое отношение к Австрии.

Вслед за тем 15-тысячная масса народа, в которой, кроме делегатов от сербских областей Австрии, была делегация от княжества Сербии, провозгласила Раячича патриархом. Воеводой был избран (из числа шести предложенных кандидатов) Стефан Шупликац, полковник огулинского граничарского полка, находившийся тогда в армии Радецкого в Италии.

15 (27) мая состоялось последнее собрание скупштины, которое приняло следующие решения:

1. Сербский народ является политически свободным и самостоятельным, но находится под властью австрийского правящего дома и входит в состав Венгерского королевства.

2. Срем с Военной Границей, Баранья, Бачка с Бечейским и Шайкашским дистриктами, Банат с Кикиндским дистриктом должны составить территорию Воеводины.

3. Воеводина состоит в политическом союзе с королевством Хорватии, Славонии и Далмации.

4. Скупштина избирает одбор (комитет) и поручает ему улаживать возникающие вопросы и передавать их на окончательное решение скупштины. Одбор имеет право созывать народную скупштину и выделять из своей среды для ведения текущих дел «постоянную депутацию» с пребыванием в Карловце.

5. Назначенный венгерским правительством на 15 мая народно-церковный собор отменяется.

6. Одбор имеет право, по соглашению с патриархом и остальными хранителями народного фонда, пользоваться из него необходимыми средствами, отчитываясь в расходах перед скупштиной.

7. Одбор совместно с патриархом должен избрать депутацию для переговоров с королем и хорватской земской конгрегацией и выделить особую делегацию на славянский конгресс в Праге.

Решения майской скупштины были приняты в результате борьбы различных течений. По вопросу о будущем положении Воеводины существовали три точки зрения. Представители более радикального направления стремились к максимальной самостоятельности Воеводины. Другие — их было большинство, — тяготели к тесному сближению с хорватами и образованию общего хорвато-сербского министерства. Третье, самое слабое течение стремилось к союзу с венграми, на основе признания постановлений майской скупштины. Точка зрения третьей группы не нашла отражения в принятых решениях; влияние же первой группы на вторую, несомненно, имело место, и постановление скупштины носило несколько компромиссный характер. Помимо этого программного компромисса, можно говорить и об организационном компромиссе. Скупштина избрала Главный одбор (Центральный комитет), постоянный и исполнительный комитет (впоследствии он был распущен). Главный одбор составился преимущественно из горожан, председателем его был избран Джордже Стратимирович.

Стратимирович происходил из состоятельной семьи и получил высшее образование (окончил инженерную академию в Вене). Во время военной службы он был послан в Италию, где познакомился с деятельностью тайного общества «Молодая Италия». Вернувшись на родину, Стратимирович оставил военную службу и, поселившись в своем имении, занялся сельским хозяйством.

Программа Стратимировича

В письме к Костичу от 17 сентября 1848 г. Стратимирович писал, что Австрия имеет будущее лишь в качестве славянского государства, что она должна освободиться от германизма и принять «славянский вид на основе конституционных свобод». Ополчаясь против «швабского бюрократизма», Стратимирович не выступал, однако, против монархического строя. В обращении к населению, разосланном в июне по Банату, он обещал уважать права каждой национальной группы и ввести такой порядок, при котором официальным языком каждого села будет язык большинства его населения. В области социальных отношений Стратимирович был сторонником уничтожения феодальных порядков.

Программа Стратимировича была весьма близка к австро-славистской программе чешских либералов.

Несколько позднее, в момент схватки с реакционными элементами, возглавляемыми Раячичем, обнаружилось, что Стратимирович призывал к

отказу от уплаты налогов австрийскому правительству и упрекал патриарха в том, что он «продался Австрии». Стратимирович понимал, что австрийское правительство не может сочувствовать автономистским стремлениям сербов, и отделял свою позицию от позиции патриарха. Программа Стратимировича была выражением взглядов, свойственных не только ему. Об этом свидетельствует большое их сходство со взглядами представителя сербской буржуазной интеллигенции С. Милетича, который говорил о необходимости реорганизации Австрии на федеративных началах. Реформированная Австрия должна была объединить отдельные национальные государства, пользующиеся широкой автономией, но имеющие ряд общих органов (общие министерства — иностранных дел, военное, финансов, торговли и строительства, общий верховный суд). Воеводина должна была возглавляться воеводой и иметь народное «попечительство» для ведения внутренних дел.

В этой программе нашли свое выражение интересы сербских буржуазных кругов, стремившихся к реорганизации Австрийской империи на основе некоторого изменения ее социального и политического строя и уравнения сербов в правах с другими народами, но отнюдь не ставивших своей задачей разрушить империю или революционным путем перестроить ее, преобразовать ее социальный строй. Среди мелкобуржуазной демократии городов Воеводины существовало стремление к глубокому преобразованию социального строя Австрии; подобные стремления были и у сербских крестьян, громивших помещичьи усадьбы и пытавшихся провести передел земли. Но ни демократические элементы городского населения, ни крестьяне не выработали собственной программы. Те и другие были отодвинуты на задний план буржуазно-либеральными группами, вождем которых стал Стратимирович.

Руководимый Стратимировичем одбор включал его сторонников и деятелей из кружка Милетича. К ним принадлежал, в частности, секретарь одбора Йован Станкович; «пламенный патриот и мой верный единомышленник» — так характеризовал его Стратимирович. Были в одборе и сторонники патриарха. Точно установить соотношение сил между сторонниками различных групп трудно, но отчетливо видно, что в первый период Стратимирович со своей группой занимал руководящее положение. Опираясь на решение скупштины, одбор выделил депутацию в Загреб и в Вену; во главе ее был поставлен Раячич. Депутации пришлось отправиться в Инсбрук, где находился в это время двор; переговоры окончились неудачно.

В это время фактическое руководство делами находилось в руках одбора. По его образцу в городах Нови Сад, Земун, Панчево, Бечкерек и некоторых других образовались местные одборы, распространившие свое влияние на весь округ. В их руках сосредоточилась и гражданская и военная власть. Создавались одборы и в селах. Главный одбор принял следующее наименование, в котором выразилась мысль о его назначении: «Главный комитет по временному управлению сербским воеводством». Это была новая власть, возникшая в результате народного восстания.

Последствия майской скупштины

Одним из важнейших последствий майской скупштины было установление союза сербов с хорватами. 23 мая (5 июня) хорватский бан Елачич, после переговоров с сербской депутацией, заявил о согласии хорватского народа на союз с сербами Воеводины на основе равноправия обоих народов и признания всех пожеланий сербов. Елачич обещал все дела вести совместно и в сношениях с Австрией и Венгрией действовать с общего согласия. Есть сведения, что в подготовке сербско-хорватского союза принимал участие эмиссар Сербского княжества Матия Бан, который в самом

начале движения объехал Земун, Карловцы, Нови Сад и имел поручение от белградского правительства к патриарху Раячичу подготовить союз с хорватами. В разговоре с Елачичем Бан, излагая взгляды сербского правительства, указал, что разгром венграми Триединого королевства (Хорватии, Славонии и Далмации) повлек бы за собою серьезную опасность для Сербии и для ее позиций на Балканах. Сербия, добавил Бан, поддержит борьбу южных славян Австрии против венгров. Елачич заявил о своем намерении опереться на австрийский императорский дом с тем, чтобы «узаконить» борьбу против венгров и добиться австрийской поддержки.

10 (22) мая одбор обратился к немецкому населению Воеводины с прокламацией, где говорил о намерении сербов защитить свои права, не нарушая чужих прав. «Будьте спокойны,— говорилось в прокламации,— сербы не совершат никакого беззакония... поэтому, немецкие братья, живущие с нами, не бойтесь за вашу национальность... Сербский народ признает новую национальную политику, которая, кроме равенства граждан и религии, утверждает также равенство народов и национальностей».

Сербско-венгерская война

Все это неизбежно должно было привести к осложнению отношений с Венгрией. Недаром Вук Караджич, прекрасно знавший положение дел, писал 12 (24) мая своему русскому корреспонденту Н. И. Надеждину: «По всей вероятности, сербы и хорваты подерутся с мадьярами». Действительно, как раз в это время варадинский комендант генерал Храбовский получил приказ подавить сербское движение силой оружия. П. Черноевич был заменен темешским поджупаном Саввой Вуковичем, сербом по национальности, помещиком по социальному положению, мадьярофилом по политической ориентации.

Венгерская национальная гвардия была двинута на разоружение сербского населения. Были учреждены чрезвычайные суды, призванные судить участников и сторонников сербского движения. Из Ярковца, Халаша, Сента, Меликута, Кикинды, Врбаса и других мест венгры, вооруженные ружьями, вилами, косами, двинулись в сербские местности. Округам Арадскому, Чанадскому, Темешварскому, Бачскому, Сегединскому, Самборскому и Кикиндскому было предписано отправить на подавление сербского движения не только национальную гвардию, но и добровольцев. Были установлены кордоны для пресечения связей сербов с другими районами.

Одбор мог рассчитывать на поддержку граничар, но они были подчинены Храбовскому. Нужно было разорвать эту связь. 29 мая (10 июня) в Варадин была послана депутация просить защиты от венгерских отрядов, двинутых против сербов будапештским правительством. Депутация получила отказ. Храбовский считал себя подчиненным в равной мере и Вене и Будапешту и на жалобы о насилиях, жертвой которых является сербский народ, отвечал, что в австрийских пределах такого насилия нет и сербский народ на карте Австрии не показан. Сербия, добавлял он, находится по ту сторону Дравы; кто хочет быть сербом, пусть идет туда.

Исход переговоров возбудил негодование в Карловцах. Одбор решил обжаловать действия Храбовского в Вене и обратился с воззванием к населению Воеводины. Указывая на военные заслуги сербов перед Австрией, воззвание призывало население к оружию. Всем пододборам (местным комитетам) было предписано готовить порох и свинец, избирать старейшин отрядов и сосредоточивать силы под Карловцами, Перлезом и у Римского шанца.

На следующее утро, 30 мая (11 июня), Храбовский предложил одбору прислать новую депутацию, чтобы продолжать переговоры. Была ли это

военная хитрость или боязнь последствий,— неизвестно. Однако, что бы это ни было, попытка продолжать переговоры была сделана слишком поздно. Одбор ответил, что после подачи жалобы на Храбовского он продолжать переговоры с ним не может. Разрыв совершился.

Что же столкнуло сербов и венгров? Мы видели, что стремление к отделению от Венгрии не было изначальным. Оно возникло в процессе развития отношений между сербами и венграми, под влиянием великодержавной позиции последних. Различные круги сербской общественности были далеко не единодушны в своем отношении к Австрии. У Стратимировича безусловной верности австрийскому правительству не было; еще меньше помышляли о ней крестьянские массы, стремившиеся к разделу имений помещиков — и немецких, и мадьярских, и сербских; не было ее и у городских «низов». Буржуазная революция в сербских областях, которая по мысли либералов должна была привести к установлению господства буржуазии в форме конституционной монархии, протекала в сложных условиях тяжелого национального гнета и напряженной классовой борьбы.

Чтобы понять особенности момента, о котором идет речь, следует учесть своеобразие местных отношений. Мы говорили о выступлениях помещиков против крестьян в самом начале движения; то же имело место и в мае — июне, причем в числе врагов сербского движения в Воеводине были как помещики-венгры, так и помещики-сербы. П. Черноевич арестовывал и вешал крестьян, громивших помещичьи имения, но действия его были сочтены недостаточно энергичными, и он был заменен С. Вуковичем — опять-таки сербом и помещиком. Бок о бок с ним действовали венгерские помещики: великий жупан торонтальской жупании Карачони Ласло, получивший в свое распоряжение военный отряд от темешварского коменданта, и некоторые другие.

Среди сербов либерально-буржуазные элементы скоро уступили руководящее место представителям реакционно-феодальных кругов. Это изменение повело к тому, что антифеодальные нотки стали ослабевать, а затем и окончательно исчезать, растворяясь в националистических лозунгах, в лозунгах легальности и верности Австрии, которые раньше всего были сформулированы в Хорватии Елачичем, а в Воеводине — Раячичем.

Сербско-венгерская война 1848 г.—продукт сложного комплекса классовых и национальных противоречий. В возникновении ее сыграло немалую роль стремление венгерских и сербских помещиков подавить массовое движение сербского крестьянства. Вопрос о сербском сепаратизме для венгерских помещиков был, прежде всего, вопросом о сохранности их помещичьих латифундий в Воеводине — области, которая претендовала на самостоятельность.

Сербские буржуазные либералы и сербские помещики-феодалы стремились к обеспечению автономии Воеводины, но понимали они эту автономию по-разному. Первые хотели создания славянской федерации и осуществления ряда прогрессивных реформ; вторые стремились к местной церковно-государственной автономии и думали лишь о мелких, частичных реформах.

Городские демократические элементы внесли в движение социальные требования, отражавшие и крестьянские стремления. Но характер движения изменился, после того как эти элементы были отодвинуты на задний план ставшими у руководства либералами, а затем, в силу конфликта с венграми, оно превратилось в столкновение главным образом национального характера. Прикрываясь национальными мотивами, сербские реакционеры стремились покончить с требованиями широких социальных реформ и крупных политических преобразований. Внутренний конфликт

в сербской среде стал неизбежным. Он и явился главным содержанием событий ближайших месяцев.

Вооружение сербского населения

Одбор обратился к сербскому населению с призывом вооружаться. Началось формирование отрядов, состоявших из крестьян Срема и Бачки и некоторых граничарских частей. Крестьян Баната мы не видим в этих отрядах. Расправа сербских и венгерских помещиков с крестьянским восстанием в Банате позволила венграм усилить свои позиции в Банате и оторвать тут от общей борьбы не только крестьян, но и горожан. Сербские крестьянские отряды были плохо вооружены; многие из них имели лишь дубины, хотя действовали в первых же столкновениях очень отважно. Граничарские отряды были лучше вооружены, но представляли первоначально мелкие разрозненные соединения — роты, батальоны, во главе которых стояли отчасти кадровые офицеры-граничары, отчасти отставные офицеры. Некоторое количество сербов-офицеров, находившихся в других частях австрийской армии, приняло участие в вооруженной борьбе, с разрешения австрийского военного министра. Но в общем офицеров было недостаточно; часть командиров отрядов вышла из среды рядовых бойцов. Во главе вооруженной борьбы стал Стратимирович.

31 мая (12 июня) Храбовский совершил нападение на Карловцы; оно было отбито. Но столкновение это обнаружило слабость восставших в самом центре движения. Чтобы обезопасить его, было решено начать активные действия в Среме. 3 (15) июня Стратимирович во главе отряда в 500 человек захватил Тител, где нашлось значительное количество оружия. В результате этого успеха Шайкашский батальон и Петроварадинский полк, ранее колебавшиеся, присоединились к повстанцам. На сторону восставших сербов приходили все новые и новые подкрепления. В течение двух недель в распоряжении одбора оказалось до 15 тыс. человек и 40 пушек. Войско было расположено в Каменице, Сентомаше (Србобран), Перлезе, Алибунаре. Оно было плохо организовано и, чтобы спаять его в единую силу, нужна была передышка. С этой целью начаты были переговоры о перемирии. Венгры охотно шли навстречу желаниям сербов, чтобы тем временем сконцентрировать против них свои войска. 12 (24) июня было подписано перемирие на 12 дней. Военные действия прекратились, хотя кое-где столкновения продолжались.

События в Нови Саде

Характерны события, которые разыгрались в Нови Саде спустя два дня после заключения перемирия. Они важны во многих отношениях. П. Черноевич хотел провести здесь выборы представителя в венгерский сейм. Сербская буржуазия Нови Сада не решалась принять участие в «мятежном» венгерском сейме и хотела получить на это согласие австрийского правительства. Не следует забывать, что это происходило после поражения пражского восстания. Сербская буржуазия боялась поднимавшей голову контрреволюции, но еще более — революционной борьбы масс. Боязнь оказаться между двумя противниками толкала сербскую буржуазию к сближению с Габсбургами. Венгерские власти Нови Сада настаивали на немедленном проведении выборов; они рассматривали их как способ проверки лояльности сербов. Уклончивость сербской буржуазии, ее нежелание связать свою судьбу с судьбой революционной Венгрии послужили причиной столкновения, которое перешло в борьбу на улицах города. Венгерские войска подвергли его обстрелу. Сербы в Нови Саде были разоружены; в городе было введено военное положение. Режим, созданный в Нови Саде, оторвал город от общего движения сербов и сохранил в нем венгерское господство.

Эти события ослабили либерально-буржуазное крыло движения в Вое-

водине. В то же время в лагерь повстанцев прибывали все новые отряды граничар, политические настроения которых отличались большей умеренностью. Факт этот имел тем большее значение, что Нови Сад был не единственным городом, оторвавшимся от хода событий. Подавление крестьянского движения в Ба́нате повело к тому, что и города Баната оказались в сфере венгерского влияния. Таково было, например, положение чисто сербского города Велики Бечкерек.

В то же время начинающаяся борьба выдвигала на первое место консервативные элементы, так как либеральные элементы были частью в Карловцах, частью в войске. Это видно по ориентации на Габсбургов, обнаружившейся среди верхов новосадской буржуазии, участвовавшей в выборах. Городское движение под напором растущей австрийской контрреволюции и венгерского наступления на Воеводину явно ослабевало. Верхи городской буржуазии становились на путь предательства национального движения и стремились к союзу с австрийской контрреволюцией. Демократические элементы городов готовы были продолжать борьбу и с венгерскими войсками и с предателями из сербской буржуазии, но были слабы, неорганизованны и мало влиятельны.

В июле военные действия возобновились. Срем и Бачка твердо держались против венгров. Но в Банате, где имелось значительное количество немцев, венгров, румын, национальные расхождения обнаружились с полной ясностью. Не сербское население оказалось в большинстве враждебным сербам; оно ориентировалось на венгров, помогало им. Многие населенные пункты приходилось отвоевывать; нередко оказывалось необходимым посылать для этого специальные экспедиции; постоянно надо было вести наблюдение.

Особенно значительной была экспедиция в Панчево. Здесь был штабной центр немецко-банатского полкового округа, подчинявшегося венгерским властям и препятствовавшего всякому проявлению сочувствия сербскому движению. Сказывалось и соседство сильно омадьяренной Белой Цркви, где командовал банатский землевладелец майор Мадерспак, опиравшийся на венгерские и немецкие элементы. Привлечь такой крупный центр, как Панчево, было очень важно, и туда был двинут сербский отряд. Слабость венгерских сил позволила ему войти в город; венгры и немцы были обезоружены. Было опубликовано воззвание, обещавшее населению Баната всех национальностей безопасность и защиту против всякого неприятельского вторжения; воззвание требовало прекращения всяких связей с венграми. Были созданы местные одборы. Однако добиться поддержки со стороны не сербского населения не удалось.

Венгерские войска концентрировались около Сегедина и Кикинды. 1 (13) июля они начали наступление на Сентомаш, но овладеть им не смогли и отошли. Военный успех способствовал подъему настроения сербов и обезопасил южную часть Бачки с Тителом. Вслед за тем начались столкновения в Банате. Около Перлеза был крупный сербский лагерь (5 тыс. человек с 12 орудиями). Задача наступавших венгерских частей заключалась в овладении Перлезом, чтобы тем самым поставить под удар и Тител. Командование над сербами в этом столкновении принял Стратимирович, который 3 (15) июля нанес венграм поражение, заставив их отступить к Бечкереку.

Борьба требовала денег, снаряжения, людей. Денег у сербов Воеводины было мало. Они обратились к сербам княжества с просьбой о помощи. В конце июля из Сербии прибыл отряд добровольцев во главе с членом Совета, воеводой Кничанином. Это была военная помощь, но это была также сила, влияние которой в дальнейшем дало себя знать и во внутренних отношениях в Воеводине.

Недовольство в народе вызывал союз с Елачичем. Толки о том, что бан — реакционер, что он хочет сохранения старой системы, были широко распространены и вызывали беспокойство у Раячича, такого же контрреволюционера, как и Елачич. Скоро возникли разногласия у Стратимировича с Раячичем и с поддерживавшей последнего контрреволюционной частью офицерства. Это было только началом конфликта между буржуазными и феодальными элементами внутри сербского национального движения. Оппозиционная к Стратимировичу офицерская группа поддерживала Раячича, ориентация которого на Австрию вполне совпадала с позицией Елачича. Консервативная часть одбора (Петрович, К. Богданович, секретарь Раячича Станкович) поддерживала Раячича. Когда вопрос перешел на рассмотрение Главного одбора, Раячич попытался пойти на компромисс: сохранить Стратимировича в подчиненном себе положении и поставить его действия под контроль двух членов одбора.

Рассчитывая на поддержку Кничанина, Стратимирович прервал переговоры с Раячичем и одбором и в ночь на 28 августа (8 сентября) бежал в лагерь Кничанина. Но последний, не имея указаний от своего правительства, не решился оказать ему помощь. Стратимирович покинул Кничанина и направился в Тител, где получил поддержку расположенных здесь сербских отрядов.

Вслед за Стратимировичем в Тител прибыл патриарх. Он пытался лишить Стратимировича опоры в войске, скомпрометировать его в глазах подчиненных ему граничар, но ничего не добился. Солдаты кричали: «Живио Стратимирович!» и стреляли в воздух.

Успех был принят Стратимировичем за победу. В одном частном письме он писал: «Начинается новый период нашей революции, необходимо способное правительство. Поспешите, чтобы посоветоваться и подыскать соответствующих и достойных людей для политического управления...» Но радость Стратимировича была преждевременной. В обращении к сербскому правительству патриарх обвинял Стратимировича во вражде к Австрии и династии Габсбургов, в стремлении взбунтовать народ, угрожал отставкой, если Стратимирович не будет обуздан, и просил заманить его в Сербию и там удержать. В ответ на это сербское правительство приказало Кничанину оказать помощь патриарху и сообщило ему, что никогда не поддержит тех, кто ополчается против Австрии.

Было решено оказать давление и на Стратимировича. Специальный агент сербского правительства Гойя Перишич был послан, чтобы добиться от Стратимировича покорности. Он побывал сначала в Карловцах, затем встретился со Стратимировичем и вынудил его капитулировать перед патриархом. Повидимому, Стратимировичу было обещано не выдавать его бывшему австрийскому консулу в Сербии Майергоферу, которому было поручено командование австрийскими войсками Земунского округа. Майергофер принимал участие в военных действиях против венгров и был в близких отношениях с Раячичем. Он обещал за голову Стратимировича 100 дукатов.

Вопрос об организации управления Воеводиной на скупштине 9 октября

Для окончательного решения вопроса об организации управления Воеводиной была снова созвана скупштина. Она собралась 28 сентября (9 октября), двумя днями позже намеченного срока. Из Италии, из армии Радецкого, прибыл выбранный на майской скупштине воевода Шупликац. Это меняло положение. Теперь Стратимирович не мог уже претендовать на место и титул «верховного вождя», поскольку налицо был избранный воевода. Обнаружившееся уже раньше усиление проавстрийских тенденций в одборе и войске заставляло сербские либеральные элементы отхо-

дить от национального движения. Так, например, поэт Бранко Радичевич, первоначально примкнувший к одбору, затем отошел от него.

Скупштина приняла решение о передаче всей политической власти патриарху, которому предоставлялось право организовать одбор главным образом из числа лиц, избранных в Главный одбор на майской скупштине. Военная власть отходила к воеводе Шупликацу, который составил из всех наличных военных сил корпус под названием «Австрийско-сербская армада», уже одним этим названием подчеркивая свое единомыслие с патриархом.

21 сентября (3 октября) был издан императорский манифест, объявлявший войну Венгрии. Елачич был назначен королевским комиссаром, и ему были подчинены войска, действовавшие против Венгрии. Австрийские и сербские знамена отныне вывешивались рядом. Раячич и Елачич вступили в связь с Виндишгрецом. Последний прислал деньги на содержание сербского войска. Опального командира, Стратимировича, отправили в Вену — хлопотать об утверждении постановлений майской скупштины. 14 (26) ноября патриарх получил личное письмо от императора с текстом его последних манифестов. В декабре Шупликац получил орден Железной Короны I степени. Это было оформлением союза сербских и австрийских контрреволюционеров.

Стратимирович во время пребывания в Вене проявил стремление к сближению с двором. Он вручил приветственный адрес новому императору Францу-Иосифу. 3 (15) декабря император подтвердил избрание Раячича патриархом и Шупликаца воеводой. Смерть Шупликаца 15 (27) декабря вызвала новую попытку Стратимировича взять дело в свои руки, что привело к новому столкновению его с патриархом. Не удалось Стратимировичу заручиться содействием и сербского правительства. В письмах Гарашанина Кничанину, написанных после переговоров со Стратимировичем, содержалось предупреждение не оказывать поддержки претенденту на пост воеводы: «Я боюсь его, как венгров,— писал Гарашанин,— не за то, что желает зла сербству, но за то, что он хочет такого добра, какого теперь не может быть». Утопизм Стратимировича заключался, по мнению Гарашанина, в попытке освобождения сербов от власти Венгрии и от власти Австрии путем ее перестройки на федеративной основе. Одновременная борьба сербов против двух врагов казалась Гарашанину нереальной.

Попытка Стратимировича добиться власти, предпринятая вслед за его переговорами в Вене, свидетельствует о беспринципности честолюбивого вождя сербских либералов. Но и на этот раз Стратимировича постигла неудача. Группировка, на которую он опирался раньше, рассыпалась. Многие из его соратников заняли далекую от прежней позицию. Так, Иован Субботич, председатель «Славянской липы» в Митровице, предлагал избрать воеводой австрийского императора, а вице-воеводу — из сербской среды. Стратимирович продолжал добиваться поста воеводы, но не имел необходимой для этого поддержки. Прибывший в начале января 1849 г. в Земун представитель сербского правительства Тенка советовал патриарху не давать Стратимировичу никакого назначения, но и не выпускать его из рук, чтобы он не наделал «глупостей». У патриарха возникли расхождения и с Главным одбором. Последний оставался в Карловцах, звал к себе Раячича, но тот отсиживался в Земуне и опасался ехать в Карловцы. Стратимировича он держал при себе. Однако тот нашел способ бежать из Земуна и прибыл в Карловцы. Ему удалось воздействовать на Главный одбор, который высказался за него. Провозгласив себя центральной властью, Главный одбор отменил приказ патриарха об аресте Стратимировича, а самого патриарха вызвал в Карловцы. Не ограничившись этим, одбор обратился в Вену с письмом, в котором

оправдывал действия Стратимировича и уверял, что его позиция соответствует интересам династии.

Значение этого выступления было невелико. Раячич поставил во главе войска генерала Теодоровича, пользовавшегося поддержкой офицерства. Стратимирович был фактически изолирован.

На заседании одбора 28 и 29 января (9 и 10 февраля) 1849 г. патриарх выступил против Стратимировича, обвиняя его в революционных планах. Хотя вопрос об аресте Стратимировича отпал, но патриарх был признан теперь единственным главой Воеводины с титулом «управителя Воеводины». Все нити управления сосредоточились теперь в его руках. Раячич и поддерживавшие его проавстрийские контрреволюционные группы полностью овладели положением. Стратимирович был окончательно отодвинут на задний план; в дальнейшем он полностью перешел в лагерь контрреволюции. Сотрудничество сербских националистов с Елачичем и австрийским правительством против венгерской революции стало еще более тесным.

После того как сербские добровольцы и отряд Кничанина были отозваны в Сербию, венгры решили перейти в наступление и в середине марта 1849 г. нанесли сербам поражение. Однако уже тогда, еще до полной победы австрийской контрреволюции над революционной Венгрией, выяснилось, что императорское правительство не намерено выполнить обещаний, содержавшихся в указе Франца-Иосифа от 3 (15) декабря 1848 г. о самоуправлении Воеводины. Обещания эти были даны с явно демагогической целью — обмануть сербов и использовать их для борьбы против Венгрии.

24 февраля (7 марта) 1849 г. был распущен австрийский рейхстаг и провозглашена новая конституция, которая обещала гарантировать сербскому населению церковную и политическую свободу, но ни об автономии Воеводины, ни о правах, которых требовала майская скупштина, речи больше не было.

Конституционный проект Стефана Радичевича

Но и после окончательной победы контрреволюции в Австрии руководители движения в Воеводине не сразу поняли роковые последствия своей антинародной тактики. На протяжении 1849 г. было опубликовано несколько политических трактатов, обсуждавших перспективы образования Воеводины и доказывавших права сербов на автономию в пределах Австрийской империи. Они различаются по своему характеру, но сходны в главном: в надежде добиться желаемого самоуправления путем сговора с австрийским правительством.

Раньше других появился конституционный проект Стефана Радичевича, бывшего руководителя ведомства правосудия и просвещения Сербского княжества. Сторонник конституционной монархии, построенной на основе внутренней автономии национальных областей, Радичевич считал, что важнейшие общегосударственные вопросы должны разрешаться центральным имперским правительством. К ним он относил вопросы войны и мира, торговую политику, горную промышленность, монетное дело и общегосударственные финансы, почту, телеграф, пути сообщения, юстицию, назначение высших чиновников. Все остальные вопросы должны были, по мнению Радичевича, составить сферу деятельности провинциальных правительств.

Конституционный проект Радичевича требовал личной и имущественной свободы для всех жителей Воеводины, отмены барщины и феодальных повинностей без выкупа, равноправия всех граждан, отмены смертной казни, свободы печати.

Итоги движения сербов Воеводины в 1848 г.

Политическое движение сербов Воеводины в 1848 г. началось с выступлений демократических масс города и деревни. Вскоре оно было возглавлено либерально-буржуазными деятелями, сделавшими попытку договориться с венгерским революционным правительством. Неудача этой попытки побудила руководителей сербского национального движения провозгласить автономию Воеводины, что повело к дальнейшему обострению отношений с Венгрией.

Но в сербской среде не было единства. Немногочисленное сербское дворянство раскололось с самого начала и в большей своей части перешло на сторону венгерских помещиков, стремившихся подавить крестьянское движение. Возникшие при начале военных столкновений с венграми сербские отряды состояли из добровольцев — крестьян и горожан, а также из разрозненных граничарских частей. Поражение пражского восстания вызвало колебания в среде сербской буржуазии и частичный отход ее от борьбы. Измена буржуазии совпала с увеличением в составе вооруженных сил сербов числа граничарских отрядов, явившихся в дальнейшем опорой контрреволюционной группы Раячича. Между Раячичем и Стратимировичем началась борьба, проходившая в условиях дальнейшего разброда в рядах буржуазно-либерального лагеря. Раячич нашел себе опору и в Сербском княжестве.

Укрепление союза Елачича с австрийской монархией и объявление ею войны революционной Венгрии еще более усилили позицию Раячича. Стратимирович повел беспринципную борьбу за власть, ища поддержки то в Вене, то в Белграде; потерпев неудачу, он сам превратился в прислужника контрреволюции.

Малочисленная сербская буржуазия проявила большую трусость и предала национальное движение, как только контрреволюция начала поднимать голову. Измена сербских либералов развязала руки контрреволюционным кругам, возглавлявшимся Раячичем; в союзе с Елачичем и Виндишгрецом они повели войну против Венгрии, против революции. Действуя таким образом, Раячич и его партия не теряли надежды получить автономию из рук императора. Австрийское правительство продолжало расточать сербам обещания, стремясь использовать сербов в борьбе против венгров. Но когда с помощью войск Елачича победа осталась за монархией Габсбургов, последняя обнаружила свои подлинные стремления: ни о какой автономии Воеводины речи уже не было.

Глава двадцать шестая

НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ СЛОВАКОВ В 1848—1849 ГГ.

Словакия, в качестве «земли венгерской короны» Габсбургов, находилась, как и Венгрия, на положении колонии Австрии. Из стран бывшего Венгерского королевства только одна Словакия не подвергалась турецкому нашествию, приводившему все земли, захватываемые турками, к экономическому упадку. Поэтому в Словакии, в отличие от Венгрии, имелись торгово-промышленные города, горные и металлургические промыслы. Однако внутриимперская таможенная и вообще вся финансовая политика австрийского правительства тормозила самостоятельное экономическое развитие страны.

Положение Словакии в первой половине XIX в.

Торговля, как и зарождавшаяся промышленность Словакии, находилась в руках немецких и еврейских купцов, зависевших от австрийского капитала.

Двойной национальный гнет — венгерских феодалов и правящего класса господствовавшей в Австрии немецкой нации, возглавлявшейся Габсбургской династией,—придавал, таким образом, своеобразные особенности словацкому национально-освободительному движению, развивавшемуся с начала XIX в., но протекавшему при отсутствии национальной словацкой крупной буржуазии.

Австрийское правительство, сосредоточив в своих руках всю центральную административную власть, финансы и армию, предоставило местную власть в Словакии венгерским феодалам. В результате двойного национального гнета — венгерского и австрийского — словаки лишились даже элементарных национальных прав. К началу XIX в. словацкое дворянство, сблизившееся в борьбе против турок и Габсбургов с более сильным венгерским дворянством, все больше переходило на венгерский язык, сохраняя словацкий язык только в быту.

Основные массы словацкого крестьянства, томившиеся в полном бесправии под игом венгерских и мадьяризированных словацких помещиков, жили в духовной кабале у католической церкви, которая препятствовала развитию их классового и национального сознания и настраивала их против словаков-протестантов, составлявших большинство среди трудовых слоев городского населения[1]. Экономическое положение крестьянства,

[1] После распада Венгерского королевства в начале XVI в. большинство словаков перешло к протестантизму. Контрреформация вернула основную часть словацкого крестьянства к католицизму, но не смогла уничтожить протестантизм в городах, где были очень сильны гуситские традиции. Протестанты составляли в начале XIX в. примерно пятую часть населения Словакии.

за исключением небольшой зажиточной верхушки, выделившейся к началу XIX в. в Западной Словакии, непрерывно ухудшалось. Все больше крестьян бежало от непосильной барщины в соседние страны в поисках сезонной работы и иных случайных заработков. В годы неурожаев и эпидемий происходили крестьянские волнения. Восстание словацких крестьян в 1831 г., охватившее почти всю восточную часть Словакии, было подавлено венгерскими комитатскими властями только с помощью австрийских войск.

Национальное движение словаков

В 20-х годах среди трудящихся масс словацких городов началось сильное брожение, вызванное австрийским экономическим и политическим гнетом. Народное движение было направлено и против попыток местных венгерских властей насильственно мадьяризировать словацкие города, словацкую протестантскую (евангелическую) церковь. В ее культурно-просветительных организациях словаки-протестанты имели единственную возможность хранить и развивать родной язык и свою национальную культуру. Словацкие литературные кружки при евангелических лицеях были запрещены графом Заи, словацким помещиком, главным пресвитером (инспектором) словацкой евангелической церкви. Тем не менее они продолжали существовать нелегально. Полную неудачу потерпела и попытка Заи, близко стоявшего к Кошуту, мадьяризировать словацкую церковь путем слияния ее с венгерской протестантской (кальвинистской) церковью и сделать церковным языком Словакии венгерский язык. «Лучшим защитником свободы и протестантизма в нашей стране является венгерский язык», — лицемерно заявлял Заи. Преследование словацкого языка усилилось с 1830 г., когда в местных административных и судебных учреждениях Словакии официальным языком был признан венгерский (вместо латинского, рядом с которым еще допускалось полуофициальное употребление словацкого языка).

Венгерские власти в Словакии действовали не только в интересах венгерского дворянства, но и в интересах австрийской казны и немецко-австрийских предпринимателей. В угоду этим последним принимались суровые меры против словацких горняков. Их протест против невыносимо тяжелых условий труда и крайне низкой заработной платы стихийно перерастал в 30—40-х годах XIX в. в национально-освободительное движение плебейского характера, направленное против габсбургского колониального режима и венгерского национального гнета. Борьба словацких горняков дала первый толчок словацкому национальному движению, охватившему впоследствии все трудящиеся слои городского населения — мелких ремесленников, подмастерьев, рабочих.

Но долгое время словацкое национальное движение было изолировано от крестьянства, которое находилось под сильным влиянием католического духовенства, стремившегося восстановить католиков-крестьян против протестантов-горожан. Отрицательную роль играла и группа словацких пасторов, противопоставлявших антифеодальному и плебейскому характеру движения свою прогабсбургскую, реакционную политику.

Эта группа состояла исключительно из людей, получивших высшее образование в немецких и чешских университетах, а политическое воспитание — в масонских организациях чешской и немецко-австрийской буржуазии.

Во главе группы словацких пасторов стояли профессор евангелического теологического лицея в Пожони, поэт и публицист, издатель первой словацкой газеты «Словенски народни новини» Slovenskje (Národňje Novini) Людевит Штур и его ближайшие помощники — пасторы Иосиф Гурбан и Михаил Годжа. Все трое были литераторами, книги и статьи которых по

словацкому национальному вопросу печатались в 30—40-х годах на немецком языке за границей. В этих работах Штур, Гурбан и Годжа резко выступали против политики мадьяризации, которая разными способами — либо законодательным путем, то есть официально австрийским правительством, либо самовольно, местными венгерскими властями — проводилась с начала XIX в.

Убедившись, что большинство сторонников словацкого национального движения верно своему родному языку, Штур и его группа приняли среднесловацкий диалект за основу самостоятельного литературного языка словаков. В связи с этим возникло немало споров между Штуром и Палацким; но эти споры не нарушили их политических связей и построенного на них тесного сотрудничества. На базе словацкого литературного языка расцвела словацкая литература, что содействовало подъему словацкого национального движения. Словаки решительно потребовали введения родного языка в школах и административных учреждениях, свободы слова, печати и организаций, национального равноправия и автономии для Словакии.

В 40-х годах Штур, Гурбан и Годжа, вслед за Палацким, стали на позиции австрославизма. Венгерские власти изображали Штура «габсбургским агентом»; объективно, вследствие своей пагубной политической ориентации, он действительно служил врагам словацкого народа — Габсбургам[1]. Вместо Штура, вынужденного, вследствие преследований со стороны венгерских властей, переехать в Вену, непосредственным руководителем национального движения в Словакии стал Гурбан.

Влияние революции 1848 г. в Венгрии на Словакию

Большая часть трудящихся масс Словакии сочувствовала борьбе передовых слоев венгерского народа против гнета монархии Габсбургов. Революционно-демократические идеи Петефи — «свержение тиранов и господ», «равенство и свобода», «братство народов» — широко проникали в Словакию; их распространяли среди трудящихся масс словацких городов возвращавшиеся из Будапешта словаки — сезонные рабочие и студенты. Влияли на словацкое национальное движение и чешские рабочие и подмастерья, которые в своих странствиях по Западной Европе знакомились с идеями утопического социализма. Чешский рабочий Мелинг, работавший в Банской Штиявнице, создал в этом центре горной промышленности Словакии конспиративную группу из рабочих и подмастерьев, руководившую в начале 1848 г. борьбой горняков этого района. Мелинг и его соратники придали национальному движению в Банской Штиявнице революционно-демократический характер, свободный от буржуазного национализма и цеховых традиций.

Руководимые Мелингом словацкие горняки стремились к союзу с плебейским лагерем венгерского национального движения, во главе которого стоял Петефи.

Параллельно с этим, под общим руководством Кошута, складывался блок словацкого и венгерского дворянства Словакии и обуржуазившегося среднего дворянства Венгрии. Этот блок выступал против монархии Габсбургов под лозунгами свободы и прогресса, за самостоятельное капиталистическое развитие Венгрии, включая Словакию. Однако и словацкое и венгерское дворянство стремилось к сохранению в новом виде своих феодальных привилегий, а страх перед выступлениями крестьянства толкал

[1] Необходимо все же отметить, что впоследствии, после поражения революции 1848 г., Штур был арестован австрийскими властями за протест против усилившегося угнетения словаков. В начале 50-х годов он превратился в панслависта.

помещиков Словакии и Венгрии к компромиссу с Габсбургами на новой, более выгодной для себя основе.

Народные массы Словакии горячо приветствовали венгерскую революцию 15 марта 1848 г., принесшую отмену крепостного права и освобождение Словакии от австрийского колониального гнета. Антивенгерское и антифеодальное движение словацкого городского населения превратилось в движение солидарности с венгерской революцией. Словацкие пасторы выступали с церковной кафедры за братство словацкого и венгерского народов на основе их равноправия, провозглашенного первым самостоятельным правительством Венгрии.

Крестьянское движение в Словакии в 1848 г.

Чтобы предотвратить дальнейшие волнения в деревне, венгерские власти в Словакии поспешили провести (раньше, чем в самой Венгрии) освобождение крестьян от барщины. Помещики, напуганные начавшимися еще зимой, в связи с неурожаем 1847 г., волнениями среди крестьян, пошли на некоторые (впрочем, незначительные) уступки в деле ликвидации крепостничества. В Словакии, как и в Венгрии, особенно остро стоял вопрос о безнадельных крестьянах, получавших по закону только право выкупа феодальных повинностей и притом лишь на основе индивидуальных соглашений с помещиками. Большое число крепостных безнадельных крестьян было сосредоточено в Западной Словакии, в крупных лесных хозяйствах. Эти крестьяне требовали земли и освобождения на тех же основаниях, что и крестьяне с наделом, т. е. без выкупа. В начале апреля 1848 г. безнадельные крестьяне Западной Словакии восстали и захватили земельные участки. Восстание было подавлено отрядами венгерской национальной гвардии, действовавшими под руководством венгерского чрезвычайного комиссара — словацкого помещика Беницкого.

В конце апреля безнадельные крестьяне пришли в движение и в других районах Словакии. Но они скоро разочаровались в своих надеждах на освобождение от помещичьего гнета, потеряли веру в обещанные гражданские свободы и национальное равноправие. Неограниченная власть венгерских помещиков и венгерской комитатской администрации не изменилась со времени мартовской революции. Непосредственной причиной крестьянских волнений в Словакии был отказ помещиков возвратить крестьянским общинам пастбища, захваченные помещиками в последние годы перед революцией. Восставшие в комитатах Гемер, Зволен и Тренчин крестьяне изгоняли помещиков из деревень, захватывали зерновые амбары и скот, делили помещичьи земли. Венгерское правительство ввело осадное положение во всей Словакии и наводнило ее отрядами национальной гвардии, которые крайне жестоко расправлялись с восставшими.

Движение словацких рабочих в 1848 г.

Одновременно с крестьянским движением развивалось движение среди рабочих.

В конце марта в Банской Штиявнице горняки создали комитет во главе с Мелингом. Комитет горняков повел энергичную борьбу за улучшение условий труда, за немедленное устранение австрийских чиновников от управления шахтами и за передачу управления ими в руки Комитета. От имени Комитета Мелинг дал Кошуту обязательство удвоить добычу руды, если требования горняков будут удовлетворены. Мелинг разоблачил сотрудничество Беницкого с австрийскими чиновниками горного ведомства, а также провокационную тактику этих чиновников, выразившуюся в том, что они ухудшили условия труда рабочих, сославшись при этом на распоряжения, полученные будто бы от венгерского правительства. Беницкий в своих мемуарах злобно чернит Мелинга, называет его «человеком, не желавшим работать и подстрекавшим

словацких рабочих против законов». Тот же Беницкий, однако, признает, что Мелинг пользовался исключительным влиянием среди трудящихся масс Средней Словакии. После некоторых колебаний Беницкий начал переговоры с Мелингом. Венгерский комиссар Словакии принял экономические требования горняков и дал согласие на признание словацкого языка вторым официальным языком в местных учреждениях.

Австрийское правительство не сумело использовать в своих контрреволюционных целях национальное движение в Словакии в такой степени, как оно использовало национальное движение в других областях, где находились сильные гарнизоны австрийских пограничных войск. Объяснялось это двумя причинами. Во-первых, тем, что Штур и его соратники были в то время уже скомпрометированы как сторонники Габсбургов, и, во-вторых, тем, что с начала 1848 г. почти все австрийские гарнизоны были выведены из Словакии в Северную Италию.

Организация и деятельность Словацкого национального комитета

В конце апреля 1848 г. Гурбан и Годжа, совместно с вернувшимся из Вены Штуром, основали Словацкий национальный комитет. Таким образом, словацкое национальное движение впервые получило легальную организационную форму. Однако Словацкий комитет мог свободно развивать свою агитацию за автономию Словакии только в северных районах страны, где венгерские власти старались не раздражать словаков, а католические священники, венгерские чиновники (в большинстве мадьяризированные словаки) и помещики выступали перед крестьянами в качестве «истинных словаков».

10 мая Словацкий национальный комитет созвал в центре Северной Словакии, в г. Липтовском Святом Микулаше, Национальное собрание Словакии. В нем участвовали главным образом евангелические пасторы и учителя, оставшиеся верными Штуру. Собрание приняло составленный Штуром и Гурбаном манифест, в котором требовало территориальной автономии Словакии с собственным сеймом в рамках венгерского государства, создания особых национальных групп в общевенгерском сейме и установления делегатами отдельных наций, специально избранными с этой целью, этнографических границ между отдельными национально-автономными областями Венгрии. Кроме того, собрание выдвинуло требование признания родного языка населения официальным языком, создания словацких школ и словацкого университета.

Венгерское правительство отклонило требования словацкого Национального собрания. Газета Кошута «Пешти Хирлап» («Pesti Hirlap») изобразила эти требования как «интриги австрийского правительства». Продолжавшиеся в мае выступления беднейших крестьян Средней Словакии, требовавших земли, встречали резкое сопротивление со стороны венгерских властей. Особенно характерны в этом отношении события, имевшие место в Тисовацком округе комитата Гемер и, частично, в комитате Зволен. Восставшие здесь крестьяне прогнали помещиков, заняли их замки и взялись за раздел поместий. Посланные комитатскими властями карательные отряды национальной гвардии были вынуждены отступить. Восстание словацкой сельской бедноты было подавлено лишь по прибытии регулярных воинских частей.

Преследуемые венгерским правительством Гурбан, Годжа и другие руководители Словацкого национального комитета в конце мая бежали в Прагу. Вместе со Штуром они участвовали в открывшемся в Праге 2 июня 1848 г. Славянском съезде. При обсуждении словацкой проблемы на съезде обнаружились разногласия между делегатами Словакии. Годжа настаивал на том, что Словакия должна оставаться в составе Венгрии и находиться в подчинении у Австрии. Гурбан высказывался как против

оставления Словакии в составе Венгрии, так и против присоединения Словакии к чешским землям; он предлагал создать Национальный словацкий сейм. Штур требовал образования в Словакии Национального совета. В дальнейшем Гурбан видоизменил свои требования и, совместно с представителями русинов, потребовал равноправия словаков и русинов в административной и общественной жизни Венгрии, создания постоянного Словацко-русинского комитета для защиты прав интересов обоих народов, ведения преподавания в словацких и русинских учебных заведениях на родном языке, освобождения арестованных деятелей словацкого национального движения. Никакого окончательного решения по этому вопросу принято не было. Гурбан и большинство словацких делегатов Славянского съезда приняли участие в пражском восстании 12—17 июня, после подавления которого они уехали в Вену, сдавшись там на милость австрийского правительства.

Словацкий легион и его действия

Открыто перейдя на сторону Габсбургской монархии, Штур и Гурбан обратились к австрийскому правительству с ходатайством о разрешении организовать словацкий легион для борьбы против Венгрии. Получив на это согласие венского двора, Гурбан сформировал под контролем австрийских офицеров словацкий легион (первоначально один полк) из словацких и отчасти чешских студентов. Безземельные крестьяне и горняки Средней Словакии отказались поддержать контрреволюционные планы Гурбана и продолжали идти за Мелингом, по пути национально-революционной борьбы. Безрезультатной оказалась и антисемитская агитация, посредством которой агитаторы Гурбана пытались привлечь на свою сторону трудящихся Словакии и использовать их враждебное отношение к еврейским купцам и ростовщикам.

В сентябре 1848 г., когда начались военные действия Австрии против Венгрии, словацкий легион Гурбана вступил в Западную Словакию. Католическое население этого прилегающего к Моравии района Словакии слабо откликнулось на воззвание евангелического пастора Гурбана. Не встретив серьезной поддержки со стороны местного населения, словацкий легион вынужден был вскоре отступить в Моравию.

В декабре 1848 г. словацкий легион, доведенный до двух полков, под командованием австрийского полковника Фришейзена и под руководством Гурбана, получившего чин австрийского полковника, перешел для поддержки Виндишгреца через Яблонский перевал, пересек границу Словакии и углубился в ее северные районы. В своих листовках Гурбан призывал словаков к вооруженной борьбе, к национальному восстанию против венгерского гнета. Легион раздавал оружие словацким крестьянам, но только незначительное число их последовало за Гурбаном. То обстоятельство, что легион открыто выступал в качестве союзника австрийской контрреволюции, отталкивало от Гурбана широкие слои населения Словакии.

После того как венгерские войска разбили словацкий легион у Будетина, австрийское командование уже не восстановило этот отряд. К этому времени правительство Габсбургов окончательно убедилось в том, что оно не может особенно полагаться на словацкий народ. Особенно наглядно это обнаружилось в Восточной Словакии в декабре 1848 г., когда при вторжении австрийской армии генерала Шлика венгерская революционная армия пополнилась словаками. Большую помощь венграм оказали отряды словацких горняков, которые перед вступлением Виндишгреца в Среднюю Словакию эвакуировали на Восток значительное количество ценного металла. Среди этих горняков был и Мелинг, который, повидимому, погиб в боях в Восточной Словакии. В этих боях с австрийской интервенцией

словацкие добровольцы отличились в ряде сражений, особенно при взятии перевала Браниско словацкой дивизией Гуйона (5 февраля 1849 г.), что позволило очистить всю Восточную Словакию от австрийских войск.

* * *

В общественном движении Словакии в 1848—1849 гг. ясно различаются два направления. Одно из них — левое, революционно-демократическое направление, не успевшее, однако, оформиться и стать достаточно сильным течением, способным повлиять на национальное движение словаков. Представителями этого направления, сумевшими возглавить борьбу лишь в отдельных, немногочисленных местностях Словакии, были рабочий Мелинг и поэт Янко Краль. Другим, сыгравшим решающую роль в событиях 1848—1849 гг., было правое, буржуазно-либеральное направление, опорой которого являлись буржуазная интеллигенция и часть дворянства, стремившиеся к соглашению с Австрией (во главе их стоял Штур и Гурбан). Австрийскому правительству удалось, используя острые, складывавшиеся еще задолго до революции, словацко-венгерские противоречия и шовинистические пороки венгерского правительства в национальном вопросе, натравить часть словаков на венгров. Но в рядах венгерской революционной армии сражалось немало словаков: борясь за свободу Венгрии, они боролись вместе с тем и за свободу Словакии.

После подавления венгерской революции Словакия снова подверглась жестокому национальному гнету австрийской монархии. Режим полицейского террора, массовых арестов и казней свирепствовал во второй половине 1849 г. в Словакии так же, как и в Венгрии. Габсбургская реакция делала все, чтобы онемечить и мадьяризовать (особенно после 1867 г.) словаков. Она надолго задержала национальное освобождение словацкого народа.

Только в 1945 г., под руководством рабочего класса и коммунистической партии Словакии, при решающей поддержке Советского Союза, словацкий народ, вместе с братским чешским народом и другими народами Европы, порабощенными гитлеровской Германией, добился национального освобождения. Он получил полное равноправие в Чехословацкой народно-демократической республике. Ныне трудящиеся Словакии, рука об руку с трудящимися Чехии, успешно строят социализм.

Глава двадцать седьмая

НАЦИОНАЛЬНАЯ БОРЬБА В ТРАНСИЛЬВАНИИ В 1848—1849 ГГ.

По данным переписи 1840 г., население Трансильвании равнялось 1513 тыс. человек, из которых румыны составляли приблизительно 60% (916 тыс.), венгры — 24% (368 тыс.), немцы — 16% (222 тыс.).

Румынское большинство населения Трансильвании, в основной массе крестьянское, подвергалось, так же как и словацкое крестьянство, двойному национальному гнету — венгерских помещиков и австрийского абсолютизма. В прошлом Трансильвания входила как автономное княжество в состав венгерского феодального государства, а в XVI и XVII вв. находилась в вассальной зависимости от Турции. С конца XVII в. Трансильвания подпала под власть Австрии. В Австрийской империи формально автономная Трансильвания управлялась венской дворцовой канцелярией как колония и подвергалась систематическому разграблению. Переход к капиталистическому хозяйству в конце XVIII и начале XIX в. сопровождался быстрым обнищанием крестьянства и городских трудящихся. Венгерские помещики переложили главные тяготы колониальной эксплуатации страны на плечи своих закрепощенных крестьян и усилили феодальный гнет в деревнях. После восстания румынских крестьян в 1784—1785 гг., жестоко подавленного австрийскими войсками, помещики-венгры стали нещадно расправляться с крестьянами-румынами, при малейшем неповиновении облагая их добавочными податями и подвергая телесным наказаниям. Измученные и разоренные крестьяне массами уходили в леса.

Трансильвания накануне революции 1848 г.

В начале XIX в. стихийное сопротивление румынских крестьян возглавила и придала ему характер национального движения сложившаяся к тому времени румынская интеллигенция. Она происходила из духовенства и из крестьян, служивших в австрийских пограничных войсках, получавших материальные и правовые льготы и фактически раскрепощенных в районах военной администрации, изъятых из-под компетенции венгерских местных властей.

Крупной и средней румынской буржуазии в Трансильвании еще не было, а малочисленное румынское дворянство частично ассимилировалось с венгерским — мадьяризировалось.

Испуганное восстанием 1784—1785 гг. австрийское правительство пыталось путем частичных уступок «разрешить» румынский национальный

вопрос. Первой такой уступкой было признание в 1791 г. равноправия румынской православной церкви. До этого только румынская униатская церковь, созданная в 1699 г., пользовалась равными правами с католической и протестантской церквами венгров и немцев. Проведенное в 1791 г. уравнение православной церкви привело к превращению православного духовенства Трансильвании, охватывавшего тогда своим влиянием до половины всех трансильванских румын, в опору австрийского правительства. При обеих церквах — униатской и православной — действовали присланные из Вены иезуитские «советники». Руководителем румынского национального движения в Трансильвании, направленного против Венгрии, стал в 30-х годах XIX в. патриарх православной церкви Сагуна, находившийся под контролем иезуитских «советников».

«Теория» дакороманизма

Румынские священники, чиновники, офицеры создавали в Трансильвании литературные кружки, вовлекали в национальное движение не только горожан, но и крестьян. Венский кабинет оказывал этому движению материальную поддержку и защиту против местных венгерских властей, взаимоотношения которых с австрийской центральной властью все более ухудшались. Реакционное влияние австрийской бюрократии и военщины и материальная зависимость от них привело к тому, что националистически настроенные круги румынской интеллигенции в Трансильвании использовались монархией Габсбургов для натравливания румын и венгров друг на друга. Австрийское правительство пользовалось этой интеллигенцией и во внешнеполитических целях — в своих притязаниях на Молдавию и Валахию, находившихся под турецким вассалитетом. Некоторые идеологи румынской интеллигенции, в первую очередь профессор униатского лицея в Блаже — Барнутиу, создали псевдонаучную, шовинистическую «теорию» дакороманизма, объявлявшую румын Трансильвании «высшей расой», потомками древних римлян, завоевавших провинцию Дакию (нынешнюю Трансильванию). На этом основании Барнутиу и его сторонники требовали изгнания венгров из Трансильвании и объединения всех румын в одно национальное государство под эгидой Австрии.

Накануне революции 1848 г. группа революционных демократов Валахии во главе с Балческу, призывавшая венгров и румын к совместной борьбе с австрийской реакцией, и кружок мелкобуржуазной венгерской интеллигенции Будапешта, возглавляемый Петефи, добились того, что передовая часть румынской интеллигенции в Трансильвании начала осознавать реакционную сущность австрофильской, прогабсбургской политики руководства трансильванским национальным движением.

Первое румынское Национальное собрание и его деятельность

Большинство румынской интеллигенции Трансильвании с энтузиазмом приветствовало революцию 15 марта в Будапеште. Собравшиеся 20 марта в Таргу-Муреше передовые представители венгерской и румынской интеллигенции выразили свою солидарность с буржуазно-демократическими идеями венгерской революции. Виднейшие последователи Балческу, молодые юристы плебейского происхождения Аврам Янку и Папиу Иларион, вместе с некоторыми другими прогрессивно настроенными представителями румынской интеллигенции, подписали петицию, требовавшую осуществления унии между Трансильванией и Венгрией, и выразили надежду на то, что «крепостное право будет отменено без всякой компенсации, национальный язык будет уважаться и личная, гражданская и политическая свобода будет признана полностью».

22 марта руководство униатской церкви созвало в Блаже первое

румынское Национальное собрание. На это Собрание явились не только румынские, но и венгерские крестьяне. Вопреки воле его руководителей, тайных сторонников австрофильской политики, Собрание превратилось в демонстрацию братства румынского и венгерского народов в борьбе против феодального гнета и габсбургского режима. Основным требованием Собрания было немедленное освобождение крестьян Трансильвании от крепостной зависимости по примеру Венгрии. Кроме того, Собрание приняло решение потребовать создания в Трансильвании румынских школ и назначения румын на административные посты во всех населенных румынами районах страны. Вопрос об унии с Венгрией остался открытым. Принятое на Собрании воззвание к румынам (автором его был профессор богословия Арон Пумнул), касаясь других национальностей Трансильвании, гласило: «Мы, живя с ними в одном отечестве, любим их, как братьев, но справедливость требует, чтобы и они нас любили. В этом случае мы можем поздравить друг друга: да здравствует братство!»

Однако одновременно с этим воззванием, распространявшимся румынскими студентами-демократами, появились листовки, натравливавшие румын на венгров и расхваливавшие Габсбургов как «ниспосланных богом защитников румын». Эти листовки распространялись церковным руководством, которое официально высказывалось за румыно-венгерское братство, чтобы сохранить свое влияние среди молодой прогрессивной интеллигенции Трансильвании.

В апреле и мае 1848 г. образовались местные румынские национальные комитеты с Центральным национальным комитетом в Сибиу, который возглавлялся профессором Барнутиу и православным патриархом Сагуна. Сагуна, присматриваясь к развитию австро-русских отношений, вел переговоры и с австрийским генералом Пухнером и с представителями венгерского дворянства, чтобы выяснить перспективы осуществления унии между Венгрией и Трансильванией. Австро-русские отношения грозили обостриться в связи с концентрацией русских войск в придунайских княжествах (после подавления в конце марта революционного восстания в Бухаресте под руководством Балческу).

Закон об унии с Венгрией подлежал одобрению трансильванского сословного сейма, т. е. фактически представителей венгерского дворянства, которые имели там абсолютное большинство по сравнению с представителями саксонцев (немцев) и секлеров[1]. Однако венгерские помещики в Трансильвании отнюдь не спешили с созывом сейма, стремясь оттянуть распространение на Трансильванию мартовских законов. Они продолжали требовать отбывания барщины и взыскивать десятину с крестьян, возмущение которых возрастало изо дня в день.

Австрофильски настроенные венгерские и румынские помещики Трансильвании, во главе с венгерским бароном Самуэлом Йошика, начальником трансильванской дворцовой канцелярии в Вене, активно готовились к борьбе против венгерской революции. Еще в последних числах марта дворцовая камарилья на тайном совещании приняла план Йошика, который доказывал, что «на случай войны с Венгрией должны быть во-время и основательно использованы все верные государю трансильванские элементы».

---

[1] Секлеры — венгерские свободные крестьяне, переселенные в XII и XIII вв. в восточную Трансильванию и служившие венгерским королям в качестве пограничных войск. Позже их привилегии фактически были ликвидированы трансильванскими князьями (за исключением представительства в сейме, не имевшего, впрочем, практического значения).

Крестьянские восстания в апреле и мае 1848 г.

В апреле и мае румынские и венгерские крестьяне в ряде районов подняли восстания и захватили помещичьи земли. Императорское наместничество в Клуже уполномочило комитатские власти ввести в этих районах осадное положение. Венгерские комитатские власти с помощью созданной ими национальной гвардии и предоставленных им секлерских пограничных войск жестоко подавили восстание. Начальник комитата Алба граф Банфи приказал присланным в его распоряжение двум ротам секлерских пограничников расстрелять румынских крестьян, занявших хутор и прилегавшие к нему земли графа Эстергази. Эта кровавая расправа вызвала взрыв возмущения среди румын. Командующий австрийскими войсками в Трансильвании генерал-лейтенант барон Пухнер роздал оружие из австрийских военных арсеналов отрядам румынской и саксонской национальной гвардии.

Все эти отряды находились под руководством контрреволюционных и шовинистических элементов. В разжигании национальной розни Пухнеру особенно помогла контрреволюционная позиция венгерского дворянства в Трансильвании, сопротивлявшегося как освобождению крестьян, так и предоставлению национального равноправия румынам. Усилия немногочисленных демократических элементов среди румын и венгров Трансильвании не могли воспрепятствовать столкновениям, спровоцированным контрреволюционными элементами и прежде всего австрийскими властями.

Второе румынское Национальное собрание. Вопрос об унии с Венгрией

В этой обстановке 15 мая 1848 г. в Блаже, под председательством глав обеих румынских церквей Сагуна и Лемени, открылось второе румынское Национальное собрание. В качестве представителя австрийских военных властей на Собрание явился генерал Шульцер в сопровождении военного отряда; в качестве доверенного лица венского двора — барон Напча, начальник комитата Хунедоара, мадьяризированный румынский дворянин. Оба они — и Шульцер и Напча — прибыли в Блаж с целью противодействовать униатскому епископу Лемени и некоторым другим участникам Собрания, склонявшимся к признанию унии с Венгрией. Исход собрания был, однако, предрешен появлением австрийских войск, присланных для роспуска Собрания в случае одобрения унии и превратившихся в почетный караул Собрания, после того как оно высказалось против унии. Саксонский комитет обратился к румынам Трансильвании с призывом создать союз против венгров. Воззвание гласило: «Венгры и секлеры пусть исчезнут из нашего общего отечества... Вы сильны своей численностью, мы присоединимся к вам, а солдаты императора будут сражаться на нашей стороне за общее дело». По предложению Барнутиу, Собрание в Блаже выразило верность императору и отклонило унию с Венгрией. В числе 16 пунктов, формулировавших требования трансильванских румын, были следующие: признание постоянного Румынского национального комитета, ежегодный созыв императором Румынского национального собрания, введение румынского языка в качестве официального в административных и судебных учреждениях, установление государственных субсидий румынским школам и румынской церкви, избрание учителей румынской национальности, ликвидация зависимости румынской православной церкви от сербского православного митрополита в Карловце, слияние румынской православной и румынской униатской церквей, свобода слова, печати, собраний, безвозмездное упразднение барщины и десятины.

Собрание послало к императору делегацию во главе с Сагуна с целью воспрепятствовать санкционированию им унии и представить на его утвер-

ждение «16 пунктов». Делегация прибыла в Инсбрук, где находился двор, уже после того как Фердинанд санкционировал унию между Венгрией и Трансильванией, и получила от императора лишь неопределенное обещание соблюдать «свободу и равноправие румын».

Императорский двор продолжал свою двуличную политику, чтобы выиграть время для организации интервенции против венгерской революции. С этой целью он, с одной стороны, санкционировал мартовские законы венгерского сейма, а с другой — неофициально подстрекал на местах отдельные национальности против венгров. 30 мая трансильванский сословный сейм в Клуже вынес свое решение об унии без участия представителей «непризнанных нацией» румын. Принятый сеймом закон одной лишь пустой фразой касался вопроса о «равноправии всех жителей страны, как это осуществлялось в братской Венгрии, без различия языка и вероисповедания». Сейм объявил венгерский язык единственным официальным языком Трансильвании и отказался предоставить румынам равноправие в области местной администрации и школьного дела. Приняв закон венгерского сейма об освобождении крестьян, сейм вынес ряд постановлений, которые еще ухудшили этот закон в применении его к Трансильвании. Здесь процент безнадельных крестьян был более высок, чем в Венгрии, а закон, принятый в Венгрии, освобождал фактически лишь крестьян с наделом. Из-за юридических проволочек при проведении закона даже не все крестьяне с наделом были безоговорочно и немедленно освобождены в Трансильвании.

Трансильванский сейм об унии между Трансильванией и Венгрией

В конце июня, на основе венгерского избирательного закона, состоялись в Трансильвании выборы в венгерское Национальное собрание. В силу высокого имущественного избирательного ценза большинство румын не имело права голоса. Право быть избранным имели лишь лица, знающие венгерский язык. Все это, а также террор комитатских властей, использовавших против румын осадное положение, привело к тому, что от Трансильвании в венгерский парламент вошло всего пять румынских депутатов (это были мадьяризированные дворяне).

Восстание трансильванских румын против Венгрии

Враждебная румынам политика венгерского дворянства облегчила габсбургским агентам их антивенгерскую агитацию. Когда в августе 1848 г. венгерское правительство приступило к созданию самостоятельной венгерской армии, габсбургские агенты стали подстрекать румын к сопротивлению венграм. В своих листовках агенты двора клеветнически утверждали, что «венгры хотят войной заставить императора отменить освобождение румынских крестьян». Австрийские военные власти вооружали румынских крестьян для борьбы против Венгрии.

Восстание румын в Трансильвании было приурочено австрийскими властями к моменту вторжения армии Елачича в Венгрию, с чего и началась 6 сентября 1848 г. вооруженная борьба Австрии против венгерской революции. В середине сентября Пухнер имел в своем распоряжении, кроме австрийских войск численностью в 17 тыс. человек, несколько тысяч румынских повстанцев, вооруженных преимущественно саблями и косами. Вместе с Румынским национальным комитетом он организовал 4 лагеря и 15 легионов румын. Сбросив маску «нейтральности», Пухнер порвал отношения с венгерским правительственным комиссаром Трансильвании бароном Ваи, требовавшим от него прекращения антивенгерской агитации австрийских офицеров среди румын.

14 сентября 1848 г. командующий пограничным полком округа Насод полковник Урбан подал сигнал к восстанию, выступив против венгерских

комитатских властей, разоружив их национальную гвардию и призвав «всех румын Трансильвании восстать против векового гнета венгров на стороне императора». Для этой роли Пухнер избрал Урбана ввиду его румынского происхождения и его давних связей с руководством румынского национального движения. Еще в августе Пухнер посылал Урбана в Вену за подробными политическими инструкциями для командиров румынских пограничных частей. Вслед за северотрансильванским насодским полком сигнал к восстанию подали австрийские пограничные войска, расположенные в южной Трансильвании.

Третье Румынское национальное собрание

Во второй половине сентября для организации политического руководства восстанием Румынский национальный комитет созвал третье Национальное собрание в Блаже. В нем приняли участие 4 тыс. делегатов; председательствовал Барнутиу. По желанию австрийских военных властей Собрание высказалось против унии с Венгрией и объявило о «непосредственной принадлежности Трансильвании к Австрийской империи при административной и культурной автономии румын». Собрание объявило также, что румыны не признают «восставшего против императора венгерского правительства законным» и «подчиняются только императору».

После закрытия Собрания Румынский национальный комитет назначил своих уполномоченных в отдельные легионы и своих префектов и трибунов в гражданскую администрацию Трансильвании.

Румынские пограничные полки и регулярные войска австрийской армии скоро вытеснили из Трансильвании находившиеся там незначительные части венгерской армии и при помощи румынских повстанцев разоружили местные отряды венгерской национальной гвардии.

Восстание румынской крестьянской бедноты

В среднетрансильванских горах (с центром в Абруде) вспыхнуло восстание румынской крестьянской бедноты. Восстанием руководил Аврам Янку, который вел крестьян на борьбу против помещичьего гнета и был свободен от националистических предрассудков. Янку сочувствовал венгерской революции и ненавидел монархию Габсбургов. Выступая против австрийских офицеров и их постоянного вмешательства в дела повстанцев, Янку так объяснял румынским крестьянам причины своего нежелания подчиняться военным властям: «Не верю немцу, потому что он хочет только воспользоваться мною как своим орудием». Восставшие крестьяне захватывали имения венгерских помещиков, жгли их замки, убивали их владельцев.

К концу октября 1848 г. Трансильвания, за исключением секлерской области, сплошь населенной венграми, находилась в руках австрийских войск и румынских повстанцев. Уцелевшие венгерские части отступили на запад, к венгерской границе, и заняли на перевале Чуча оборонительные позиции. Пухнер направил свои главные силы на восток, против секлеров, ополчение которых угрожало военным коммуникациям австрийской армии. 4 ноября австрийские войска разгромили у Таргу-Муреш ополчение секлеров и заняли их область, за исключением комитата Харомсек, где секлеры организовали сопротивление. Пухнер объявил Трансильванию на военном положении.

Ход вооруженной борьбы в Трансильвании

В начале декабря 1848 г., одновременно со вторжением Виндишгреца в Венгрию с запада, Пухнер готовился ко вторжению в нее с востока. Командующим венгерской армией в Трансильвании был назначен Иосиф Бем, польский революционер, отличившийся своими военными способностями еще во время восстания 1830—1831 гг. Бем сосредоточил свои силы, не

превышавшие вначале 3500 человек, на северо-западной границе Трансильвании, у Бая-Маре.

Обходными маневрами и внезапными атаками Бем остановил наступление австрийских войск и вспомогательных отрядов румынских повстанцев. 19 декабря южнее Бая-Маре он одержал победу над основными силами северной группировки армии Пухнера, открыв себе путь по широкой долине реки Сомеш в глубь Трансильвании. Преследуя разбитого противника, Бем занял 25 декабря главный город Трансильвании — Клуж. Здесь Бем объявил амнистию румынским повстанцам и обратился с воззванием ко всем народам Трансильвании, призывая их объединиться против тирании Габсбургов. Воззвание заканчивалось обращением к румынам и венграм: «Подайте друг другу руку, положите конец национальной розни, и перед нами откроется счастливое будущее!» Из руководителей румынских повстанцев один только Аврам Янку согласился на переговоры с Бемом. Но этому воспрепятствовал венгерский правительственный комиссар граф Чани, который в занятых венгерскими войсками местах создавал чрезвычайные суды и, вопреки амнистии, производил массовые казни.

Из Клужа Бем повернул на северо-восток и 5 января 1849 г. нанес у Дорна-Ватра (в Буковине) сильный удар вытесненной из Трансильвании северной группе австрийских войск; остатки этой группы отступили к Черновцам. Заняв 13 января Таргу-Муреш, Бем укрепил секлерское ополчение, которое стало угрожать австрийским позициям на юге у Брашова. Сам Бем наступал на юго-запад, на главную квартиру Пухнера — Сибиу. 2 февраля у Окна-Сибиулуи он встретился с вдвое превосходящими силами Пухнера, понес большие потери и вынужден был отступить на запад по долине Муреш, где получил первые подкрепления из Венгрии. Доведя численность своих войск до 7500 человек, Бем снова перешел в наступление и 15 февраля одержал у Пишки победу над войсками Пухнера.

Пухнер обратился за помощью к русскому командованию и вывел австрийские гарнизоны из саксонских городов Сибиу и Брашова. Командующий русским оккупационным корпусом в Валахии генерал Лидерс оказал немедленную помощь Пухнеру. Занятие Сибиу и Брашова русскими войсками позволило Пухнеру вновь выступить против Бема с вдвое превосходящими силами южной группировки австрийских войск в Трансильвании. Бем, отступая на восток, стремился соединить свои силы с секлерским ополчением. Пухнер настиг Бема у Медиаша; лишь смелым маневром Бем избежал поражения и отошел в горы. Здесь он неожиданно для Пухнера повернул на запад и 11 марта появился у Сибиу. После небольшого сражения малочисленный русский отряд, занимавший город, вынужден был оставить его и уйти в Валахию. Пополнив свое снаряжение и боеприпасы из арсенала Сибиу, Бем кратчайшим путем направился к Брашову и занял его 20 марта, нанеся Пухнеру удар с фланга. Пухнер со всей своей армией отступил в Валахию. Трансильвания была, таким образом, очищена от австрийских войск. Только в среднетрансильванских горах продолжали оказывать сопротивление отряды румынских крестьян под руководством Янку, обращая в бегство карательные отряды, которые высылались против них венгерским правительством, вопреки протестам Бема, настаивавшего на установлении мира и сотрудничества между румынами и венграми.

Бежавшие в Австрию консервативные руководители румынского национального движения во главе с епископом Сагуна были приняты в Оломоуце 25 февраля 1849 г. императором Францем-Иосифом. Он обещал им осуществление национальной автономии. Это было заведомо лживое обещание. Конституция, подписанная императором 4 марта 1849 г., носила

централистский характер и не давала никаких гарантий национальной автономии ни румынам, ни венграм, ни другим народам Австрийской империи.

Деятельность румынских революционных демократов Балческу и Болиака

Между тем Балческу и его соратник Болиак, прибыв в занятый Бемом Сибиу, прилагали настойчивые усилия к тому, чтобы придать румынскому национальному движению в Трансильвании демократическую, антигабсбургскую направленность. В своей выходившей в Сибиу газете Болиак неустанно разоблачал антинародную сущность монархии Габсбургов и политику натравливания румын на венгров, которую проводило австрийское правительство. В своем первом воззвании к румынам Болиак писал: «Братья румыны! По всей Европе идет теперь единственная борьба, борьба между свободой и тиранией. Тиранам осталась только одна надежда: недоразумения и вражда народов между собой. Если народы осознают свои подлинные интересы, то этой вражды больше не будет». В составленной Балческу и одобренной Янку декларации о мире между румынами и венграми говорилось: «Венгерская и румынская нации должны взаимно помогать друг другу, в силу их географического положения и тождества их интересов, борясь под одним и тем же знаменем для защиты свободы».

Балческу отправился в Дебрецен для переговоров с Кошутом. Последний направил к Янку депутата венгерского Национального собрания румына Драгоша, который был уполномочен объявить, что венгерское правительство согласно признать полную культурную, а также ограниченную административную автономию румын в случае сдачи оружия румынскими повстанцами. 25 апреля Янку созвал собрание руководителей повстанцев, которое потребовало установления перемирия и приняло в основном предложение Кошута. По настоянию оставшегося в Дебрецене Балческу, Кошут согласился на перемирие, которое Драгош и заключил 5 мая в Абруде с Янку и другими собравшимися там румынскими руководителями.

Однако в тот же день так называемый «свободный отряд» венгров в количестве 1500 человек, под руководством авантюриста Хатвани, совершил провокационный налет на Абруд и, невзирая на перемирие, захватил в плен ряд румынских руководителей. Янку и весь лагерь повстанцев усмотрели в этом налете предательство Драгоша и венгерского правительства и снова взялись за оружие (впоследствии они уничтожили этот венгерский отряд и казнили Драгоша). Только в июле, когда развернулась царская интервенция против Венгрии и Трансильвании, Балческу и Болиак смогли добиться румыно-венгерского перемирия. 15 июля 1849 г. Янку обратился с письмом к Кошуту, Семере и другим руководящим деятелям венгерского правительства. «Венгерские братья,— писал он,— верьте нам, что в этой стране ни сегодня, ни в будущем нельзя управлять друг без друга. Наше восстание было вызвано непризнанием нашей национальности, варварством и таким произволом венгерских консерваторов и аристократов в Трансильвании, которого народ не мог больше терпеть!.. Вы должны говорить с нами другим языком и убедиться, что никогда наши споры не могут быть разрешены оружием».

Царская интервенция в Трансильвании

В конце июня 1849 г., одновременно со вторжением армии Паскевича в Венгрию со стороны Буковины, Молдавии и Валахии, в Трансильванию вступила другая группа русских войск, численностью в 38 500 человек, в сопровождении отряда австрийских войск, в котором насчитывалось 14 000 человек. Бем располагал в это время разбросанными по всей Трансильвании силами общей численностью в 38 000 человек. Он совершал группами в 2000—3000 человек нападения на противника. Однако эти группы боль-

шей частью не могли устоять перед превосходящими силами русских и австрийских войск и были одна за другой разгромлены. 31 июля Бем, не ожидая подкрепления, с 7000 человек напал у Сигишора на главные силы генерала Лидерса и потерпел полное поражение. Собрав новую армию, Бем 6 августа совершил под Сибиу новое нападение на русские войска, но снова был разбит и отступил с остатками своих войск в Венгрию.

Национальное угнетение румын в Трансильвании после поражения революции 1848 г.

Одержав победу над Венгрией, австрийская контрреволюция перестала заигрывать с румынами. Восстановленный в 1851 г. габсбургский абсолютизм лишил Трансильванию всякой автономии, отнял у румын их национально-культурные права. Страна была разделена на пять военных округов; вся власть в них была сосредоточена в руках австрийских генералов. Первым их шагом было разоружение остававшихся еще в горах румынских крестьян. Попытка австрийских властей привлечь на свою сторону Аврама Янку потерпела полную неудачу. Коварная тактика императорского правительства, стремившегося использовать румынское национальное движение против идеалов свободы и братства народов, за которые боролся Янку, так глубоко потрясла вождя румынских революционных демократов, что он психически заболел (впоследствии он ушел в горы к пастухам).

Единственной уступкой венского двора румынским национальным требованиям было признание независимости румынской православной церкви от воеводинского сербского митрополита и назначение Сагуна митрополитом Трансильвании.

Официальным языком в Трансильвании стал немецкий язык. Началось насильственное онемечение школ и других культурных учреждений Трансильвании. В качестве второго официального языка в Трансильвании остался венгерский язык.

Австрийская контрреволюция не смогла восстановить крепостную зависимость крестьян, упраздненную во время революции 1848 г. Но румынская сельская беднота, став формально свободной, не получила земли. И после революции крестьянство Трансильвании осталось на своих мелких участках или в арендованных у помещиков карликовых хозяйствах, в полной зависимости от венгерских земельных магнатов (частью в качестве их батраков).

Румынское национальное движение в Трансильвании под гнетом австрийского абсолютизма, систематически подавлявшего развитие национального самосознания угнетавшихся им народов, надолго пришло в упадок. Руководившая ранее этим движением церковная и чиновничья интеллигенция продолжала служить габсбургским властям, игнорируя и предавая национальные интересы своего народа. Демократические элементы румынской интеллигенции надолго оказались лишенными возможности принимать участие в политической жизни страны. Опыт румынского восстания в Трансильвании в 1848 г. осознал Балческу, писавший: «Свободу нельзя получить из рук императоров и тиранов, а только единством и сплоченностью рядов всех угнетенных народов».

В дальнейшем, в течение долгих десятилетий, Трансильвания служила яблоком раздора между господствующими классами Венгрии и Румынии. Империалистические хищники всячески разжигали венгерско-румынские противоречия в трансильванском вопросе, чтобы обеспечить себе господство на Балканах.

Такова была политика Австро-Венгрии в 1867—1918 гг. Гитлеровские разбойники, передав Северную Трансильванию в 1940 г. Венгрии (вопреки воле румынского большинства населения Трансильвании), поработили с помощью венгерских и румынских фашистов и Венгрию

и Румынию. Только разгром гитлеровской Германии Советской Армией и братская помощь Советского Союза освободили румынский и венгерский народы от гнета немецких захватчиков и фашистских реакционеров и привели к утверждению народно-демократического строя в обеих странах. В том же 1945 г. получил свое разрешение трансильванский вопрос: Трансильвания была включена в состав Румынии, но без всякого ущерба для других населяющих ее народов, уравненных в правах с румынским большинством ее населения. Решающую роль в этом деле сыграл великий пример сталинской национальной политики в Советском Союзе.

Глава двадцать восьмая

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ ВОЙНА В ИТАЛИИ В 1848 Г.

ВНУТРЕННЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В ИТАЛИИ В АПРЕЛЕ 1848 Г.

Экономические бедствия, порожденные кризисом 1847 г., в Италии, как и во многих других странах Европы, не были еще изжиты в первой половине 1848 г. Война еще больше способствовала экономическому упадку. «Торговля шелком, которая занимает у нас бо́льшую часть капитала, парализована политическими потрясениями... Промышленные компании, начавшие свою деятельность с самыми лучшими надеждами, закрываются, потерпев неудачу», — отмечала газета «Рисорджименто».

В условиях экономической депрессии особенно велики были страдания трудящихся масс. Итальянские рабочие предъявляли свои требования.

Экономическое положение и рабочее движение в Италии весной 1848 г.

В конце марта миланские рабочие собирались и обсуждали способы борьбы за сокращение рабочего дня и повышение заработной платы. 4 апреля до 300 портняжных подмастерьев прошли демонстрацией через весь город и устроили на площади свое собрание. Временное правительство немедленно послало к подмастерьям двух представителей, священника и адвоката, чтобы уговорить рабочих отложить свои требования до окончания войны. Призыв к терпению подхватила вся печать Милана. «Народ, сумевший изгнать австрийцев, сумеет и ждать», — патетически восклицала республиканская газета «Ломбардо».

В первых числах апреля началась забастовка грузчиков и возчиков в Генуе, сопровождавшаяся порчей принадлежащих хозяевам повозок. 5 апреля потребовали повышения заработной платы типографские рабочие трех главных генуэзских газет. Владельцы типографий отказались удовлетворить это требование; наборщики и печатники немедленно прекратили работу. Газеты не выходили два дня. На третий день владельцы сами принялись за работу и вместе с штрейкбрехерами начали выпускать один общий для трех газет листок. «Первый пример наступательно-оборонительного союза рабочих против капиталистов, который так потряс французскую промышленность, был дан в Генуе наборщиками типографии», — говорилось в этом листке. В Италии это была первая большая забастовка. Она вызвала сильную тревогу итальянской буржуазии, о ней

говорила печать многих итальянских городов. «Зачем объединяться против тех, кто дает вам работу и хлеб? — взывала к рабочим либеральная флорентийская газета «Родина» («Patria») — Если бедные поднимутся против богатых, то богатые поднимутся против бедных!.. Не допустим же раскола в торжественные времена, когда все мы можем добиться национальной независимости и процветания».

11 апреля начались волнения в Риме. Рабочие в течение двух дней собирались массами, ходили по городу, требовали «хлеба и работы», кричали: «Смерть богачам!» Движение было подавлено национальной гвардией. Было арестовано около 150 человек. Многие из них при аресте отстреливались и пускали в ход ножи.

Такие же сцены происходили и в других городах Италии. В Турине, где депрессия и война совершенно прекратили всякое строительство, безработные каменщики и плотники обратились к правительству с петицией о предоставлении работы, устраивали демонстрации и шумные сходки на городских улицах. Как и во многих других городах Италии, бастовали типографы. Во Флоренции бедняки потребовали от городских властей денег, чтобы уплатить домохозяевам, и власти принуждены были спешно открыть приюты для выселяемых за невзнос квартирной платы.

Волнения были и в Неаполе. Ремесленные подмастерья устраивали уличные демонстрации, требуя сокращения рабочего дня и повышения заработной платы. 20 апреля на городской площади состоялось общее собрание неаполитанских типографских рабочих. Они жаловались на дурное обращение хозяев и требовали запрещения машин. Правительство направило против них эскадрон кавалерии и двухтысячный отряд национальных гвардейцев. Командир отряда уговорил было рабочих разойтись по домам, когда случайным, может быть, провокационным выстрелом убит был один национальный гвардеец. Отряд тотчас же открыл стрельбу по собравшимся на площади рабочим.

Обострились классовые противоречия и в деревне, где крестьяне поняли введение конституции как освобождение от налогов и переход к ним помещичьих земель.

В Ломбардии они действительно выгоняли из своих домов сборщиков налогов, а в Южной Италии, образовав вооруженные отряды, отбирали захваченные у них помещиками общинные земли.

Политическая борьба в Италии в апреле 1848 г.

Как только сардинская армия отправилась на фронт, произошло вторжение в Савойю республиканцев из Франции. Это была уже третья «савойская экспедиция»; две другие, неудачные, были в 1831 и 1834 гг.

Савойя, отделенная от основных пьемонтских земель Альпами, была экономически и исторически тесно связана с Францией; население Савойи говорило по-французски и в годы французской буржуазной революции с энтузиазмом присоединилось к Франции; многие савойцы издавна уходили работать на шелковые предприятия Лиона. Весной 1848 г. экономическая депрессия лишила их работы. Префект департамента Роны приказал выдать им паспорта и отправить на родину. Около 2 тыс. безработных итальянских рабочих составили ядро республиканского легиона, который, имея во главе французских, а отчасти и итальянских республиканцев, двинулся — как это бывало уже и раньше, в 1831 и 1834 гг.—из Лиона в Савойю. В Савойе не было в это время никаких правительственных войск. Легион республиканцев беспрепятственно занял город Шамбери и, опираясь на местных демократов и городскую бедноту, провозгласил демократическую и социальную республику.

Республика эта просуществовала, однако, только 17 часов. Католические священники из Шамбери направились в близлежащие альпийские селения и восстановили невежественных крестьян-горцев против легиона. Вооруженные крестьяне спустились с гор, соединились с отрядами буржуазной гвардии и отогнали пришельцев.

Турин в это время еще не успел успокоиться после мартовских волнений. В городе ходили слухи о предстоящих бунтах, говорили о появляющихся на стенах дворцов надписях: «Смерть знатным!» Регулярное войско ушло на фронт. Национальная гвардия, на которую была возложена охрана собственности и «порядка» в Турине, еще не была укомплектована. Савойские события сильно напугали богачей и правительство. Войска, отправленные из Савойи в Ломбардию, были с полдороги возвращены обратно. Правительство объявило спешный набор трех возрастов для охраны внутреннего «порядка».

Во Флоренции в апреле 1848 г. происходили республиканские демонстрации. В Ливорно положение было наиболее напряженным. Кризис особенно сильно задел этот портовый город, и, по свидетельству освобожденного еще в мартовские дни Гуэррацци, люди буквально умирали здесь от голода. В апреле трудящиеся Ливорно с оружием в руках захватили крепость, принудили руководящих чиновников к бегству и не признавали никакой другой власти, кроме муниципалитета, возглавленного Гуэррацци. Все эти события толкали умеренных либералов к более тесному союзу с феодальным дворянством и итальянскими государями, что не замедлило повлиять и на военную политику итальянских правительств в апреле 1848 г.

Военная политика итальянских правительств в апреле 1848 г.

В Ломбардии Временное правительство напрягало все усилия, чтобы сдержать национально-освободительный порыв народа. Особенно тревожили его настроения добровольцев, бо́льшая часть которых состояла из республиканских элементов, представителей трудящихся масс и буржуазной интеллигенции. Поэтому Временное правительство всячески стремилось сократить приток волонтеров в Ломбардию. Даже Гарибальди, приехавший со своим легионом из Южной Америки, едва только услыхал о начале революции в Италии, встретил у Временного правительства весьма холодный прием. Оно не решилось, правда, отказать ему в возможности сражаться с австрийцами на полях Ломбардии, но всячески стесняло и сковывало его действия. Однако, несмотря на все чинимые им препятствия, оставленные правительством без продовольствия, обмундирования и вооружения 7 тыс. добровольцев храбро сражались в апреле против австрийцев.

С организацией регулярной ломбардской армии дело обстояло не лучше. Пьемонтские генералы, которым Временное правительство поручило руководство военным делом, выполняли волю Карла-Альберта, боявшегося, что организация собственной армии сделает Ломбардию слишком независимой от Пьемонта. Поэтому формирование регулярных частей, как и организация волонтерских отрядов, задерживалось.

В Риме, Неаполе и Флоренции государи вместе со своими буржуазными министрами под разными предлогами отсрочивали обещанную народу переброску войск на фронт.

Леопольд II продержал свои отряды в Модене более двух недель. Когда в середине апреля они перешли, наконец, границу Ломбардо-Венеции, войска Неаполя и Рима еще находились вне зоны военных действий.

Папа Пий IX, объявив в мартовские дни об отправке войска на фронт, отдал генералу Дурандо тайное приказание не переходить границы. Бездействие войск вызывало в Риме, Болонье и других городах все большее

возмущение. Революционные клубы устраивали бурные демонстрации протеста, а войско волновалось, подозревая, что у генералов имеется тайный приказ помешать его борьбе за свободу. Отдельные отряды начали самовольно переходить границу уже в начале апреля. В середине апреля это приняло массовый характер. Дальнейшее промедление создавало политическую опасность, и 22 апреля — через месяц после начала войны — генерал Дурандо перешел, наконец, со своим корпусом через границу.

Второй римский корпус (генерала Феррари) по выходе из Рима состоял из 3 тыс. национальных гвардейцев и волонтеров. В пути к нему присоединялись все новые группы добровольцев, и скоро общее число бойцов дошло до 9 тыс. Это были ремесленники, студенты, артисты, учителя.

Республиканский энтузиазм генерала Феррари и его молодых добровольцев определял отношение к ним римского кабинета и монархиста Дурандо, которому Феррари был непосредственно подчинен. Все регулярные войска и технические части были включены в корпус Дурандо. Волонтеры Феррари были оставлены без обмундирования, без боеприпасов, кавалерии и артиллерии.

Фердинанд II, объявив об отправке войск на север, запросил Рим о разрешении провести войска через Папское государство в Ломбардию. Папское правительство, боясь вызвать неудовольствие Австрии, стало чинить препятствия. Переговоры затянулись. Левые неаполитанские клубы и левая печать требовали, чтобы войска были отправлены морем, но Фердинанд II упорно отказывался это сделать. Задержка с отправкой войск была ему наруку. Он принял, однако, активное участие в предпринятых по инициативе Пия IX переговорах о создании лиги итальянских государей. Переговоры должны были выяснить, на какие территориальные приращения может рассчитывать после изгнания австрийцев каждый из них. Переговоры окончились неудачей, так как Карл-Альберт, не желавший связывать себе руки предварительным разделом территорий, отказался вступить в лигу. Полагая, что победа только усилит Пьемонт, неаполитанский король тяготился навязанной ему войной. Он очень охотно отказался бы от посылки войск на север, но в конце апреля римское правительство под давлением уличных демонстраций разрешило неаполитанским войскам проход через свою территорию в Ломбардию, и у Фердинанда II не осталось больше предлога задерживать войска в Неаполе. Он отправил свои батальоны в путь.

ПЕРЕХОД КОНТРРЕВОЛЮЦИИ В НАСТУПЛЕНИЕ

«Обращение» Пия IX от 29 апреля 1848 г.

В конце апреля итальянские контрреволюционные силы, оправившись от испуга и чувствуя поддержку умеренных, начали переходить в открытое наступление. Сигнал к нему подал папа Пий IX, человек, в котором многие деятели национально-освободительного движения видели своего духовного «вождя» и которого по сей день пытаются представить таковым буржуазные историки. Но Пий IX был главой небольшого государства, которому объединение страны грозило потерей трона, и более того, он был главой католической церкви, издавна видевшей в Австрийской империи важнейшую свою опору. Война с Австрией грозила Пию IX разрывом со значительной частью его духовной паствы. Поэтому он и задерживал Дурандо, задерживал приход неаполитанских войск в Ломбардию.

Между тем население папской области настойчиво требовало от папы объявления войны Австрии. Вопрос о войне не сходил со страниц печати и резолюций клубов. Умеренные, видя неизбежность объявления

войны, старались взять инициативу в свои руки. В 20-х числах апреля объединенный комитет римских клубов принял составленную конституционным монархистом Мамиани «программу». Публицист и поэт, чьи книги еще недавно числились в списке запрещенных, Мамиани был мастером либеральной демагогии. Его программа требовала реформы кодексов, муниципалитетов, содержала чисто декларативный и туманный пункт об улучшении положения рабочей бедноты, говорила о «всемерной помощи священной борьбе за свободу». Буржуазно-демократический лагерь встретил программу восторженным одобрением, но Пий IX молчал. 25 апреля его министры были вынуждены обратиться к папе с «почтительной просьбой» объявить, наконец, войну во избежание серьезных народных волнений. 26 апреля «Народный клуб» по инициативе Чичероваккио обратился к «Римскому клубу» с предложением создать Военный комитет для содействия успеху военных операций. 28 апреля Комитет был создан.

Пий IX должен был, наконец, принять решение. 29 апреля он спешно созвал совет кардиналов и зачитал им свое пресловутое «Обращение» («Аллокуцию»).

«Некоторые высказывают желание,— говорилось в «Обращении»,— чтобы мы, совместно с другими народами и государями Италии, начали войну против Австрии. Долг наш повелевает нам заявить, что это противоречит нашим намерениям, ибо в высшем нашем служении мы с одинаковым чувством отеческой любви взираем на все народы и нации».

Небывалая буря разразилась вслед за обнародованием папского «Обращения». Самое существование светской власти папы было впервые поставлено под угрозу. Народные массы, заполнившие 30 апреля утром улицы Вечного города, кричали: «Долой попов!». Либеральные министры, спасая свой авторитет, подали в отставку. На экстренном заседании в «Народном клубе» Стербини и его товарищи выдвинули требование образования Временного правительства и передачи ему всей полноты власти.

Умеренные либералы, для которых папа приобретал в обстановке войны и революции особо важное значение духовного «руководителя» и «усмирителя» масс, встали на его защиту. Мамиани доказывал, что это «Обращение» — ошибка, что папа возьмет его назад. На спешно созванном совместном собрании всех римских клубов умеренным удалось добиться большинства. По их настоянию собрание несколько раз в течение дня отправляло к Пию IX делегации с просьбой отказаться от «Обращения» и примириться с народом.

Возбуждение в городе нарастало. 30 апреля вечером, после провала очередной попытки умеренных добиться отказа папы от «Обращения», наиболее демократические отряды национальной гвардии соединились с народом. Они заняли форт св. Ангела и городские ворота, чтобы помешать сношениям между внутренними и внешними врагами родины.

С этого момента въезд и в особенности выезд из Рима был затруднен. Национальные гвардейцы проверяли документы, среди выходивших переодетых кардиналов искали самого папу. На следующий день они заняли ряд важных пунктов в городе: пороховой склад, арсенал, монетный двор, набережные Тибра, площадь перед Квириналом. Дворцы наиболее реакционных кардиналов были взяты под наблюдение. Национальные гвардейцы задерживали папских курьеров и производили обыски и аресты, захватывали адресованную членам правительства почту.

Умеренные всячески старались поддержать пошатнувшийся трон Пия IX. Во дворце Теодоли, где шло непрерывное заседание клубов, вожаки умеренных либералов изощрялись в красноречии, доказывая, что заявления папы как главы церкви еще не определяют его поступков как главы государства. Мамиани грозил отойти от государственной деятельности,

если события перестанут носить «законный и мирный» характер. Стербини и его сторонники колебались. Уговоры Мамиани оказали на них свое действие. Между тем народ, ожидавший у дворца Теодоли, требовал быстрых решений и один раз даже ворвался под руководством Чичероваккио внутрь дворца. Мамиани выходил к народу, успокаивал его, обещал создание министерства из одних только светских лиц, а также, конечно, и объявление войны австрийцам.

1 мая клубы отправили к папе делегацию с просьбой поручить формирование нового кабинета Мамиани, но Пий IX отказал. Крики «Долой попов!» стали еще сильнее. Умеренные, так же как и папа, начинали все более опасаться нападения толпы на Квиринал. Небольшие отряды регулярных войск, остававшиеся в Риме, отказались выступить против народа, и папа уже отправил к Фердинанду II запрос, сможет ли он в случае нужды бежать в Неаполь.

2 мая в Риме ударили в набат. Отряды национальной гвардии стали выстраиваться в своих кварталах, точно готовясь к решительному штурму. Пий IX не посмел дольше сопротивляться. Он спешно послал за Мамиани и поручил ему формирование кабинета. Во главе нового умеренно-либерального кабинета попрежнему должен был стоять кардинал. Мамиани получил пост министра внутренних дел.

Левые поддержали новый кабинет, лицемерно написавший на своем знамени: «Торжество национального дела». Народ поверил Мамиани. Волнения начали затихать, и 5 мая национальная гвардия очистила занятые ею в городе пункты. Представитель римского правительства спешно отправился к Карлу-Альберту просить его официально принять римские войска под свою команду. Но война Австрии так и не была объявлена.

Умеренные спасли пошатнувшийся трон папы, но былая популярность Пия IX, вопреки всем их стараниям, уже не вернулась к нему. Имя папы начало исчезать со знамен и плакатов, и никто уже не кричал на улицах итальянских городов: «Да здравствует Пий IX!».

Феодальные слои итальянского общества увидели в папском «Обращении» сигнал к наступлению на завоевания революции. Среди итальянского духовенства наметился резкий поворот вправо. Деревенские церкви стали центрами контрреволюционной пропаганды. За священниками последовали феодальная знать и бюрократия.

Контрреволюционный переворот в Неаполе

После мартовских дней Фердинанд II находился в постоянном страхе. В королевском дворце строились даже планы бегства в Бразилию. В начале апреля русский посланник в Неаполе Крептович предложил королю свою помощь; было решено, что Фердинанд II в случае нового наступления революции убежит из Неаполя в Одессу.

Но неаполитанская буржуазия не пошла на штурм королевской власти, которого так боялся трусливый король. Даже радикалы, возглавившие борьбу за отправку войск в Ломбардию, не шли далее требования некоторой демократизации конституции. Либералы же, представители неаполитанского дворянства и землевладельческой буржуазии, по мере того как со всех концов королевства стали поступать сведения о захватах земли крестьянами, все более забывали о своем былом либерализме. Они искали у короля защиты от нарастающей активности народных масс. Феодальные круги после овладевшего ими в мартовские дни оцепенения начали приходить в себя. Фердинанд II уже не чувствовал себя изолированным, а после папской «Аллокуции» 29 апреля уж и вовсе не думал о бегстве.

«Король решил защищать свою корону,— доносил в начале мая в Петербург Крептович.— Кажется, что король, в связи с неодобрением, с которым святой отец отнесся к демагогическим тенденциям, получит

теперь возможность поступать, следуя своим внутренним побуждениям»,— прибавлял осведомленный русский посланник.

Подготовку контрреволюционного переворота неаполитанская камарилья начала сразу после папского «Обращения» 29 апреля. В домах знати происходили тайные совещания оставшихся в Неаполе членов австрийского посольства с приближенными Фердинанда II. Во дворце был создан тайный комитет, и он был связан с провинцией. С помощью приходских священников этот контрреволюционный комитет сеял в народе смуту, недоверие, недовольство войной.

В столице главной силой контрреволюции была 40-тысячная армия неаполитанских «лаццарони», люмпен-пролетариев, готовых за пригоршню медяков идти за кем угодно.

15 мая должен был открыться неаполитанский парламент. Выборы в него прошли под лозунгом борьбы за реформу конституции. Радикалы добивались уничтожения верхней палаты и снижения избирательного ценза.

Во вновь избранной палате депутатов большинство принадлежало умеренным; демократическое меньшинство завоевало на выборах 90 мандатов; вне палаты оно пользовалось поддержкой прогрессивной буржуазии и народных масс.

Депутаты начали съезжаться в Неаполь к 12 мая. 13 мая, собравшись на предварительное совещание в помещении городского муниципалитета, они узнали, что король требует от палаты присяги на верность той конституции, которую многие депутаты стремились изменить. Это вызвало среди радикального меньшинства палаты бурное возмущение.

Демократические слои населения восприняли требование короля как попытку возвращения к старому строю. Жители Неаполя, как и съехавшиеся на открытие парламента провинциалы, собравшись на площади перед муниципалитетом, с нетерпением ждали решения палаты депутатов. Время от времени они криками подбадривали радикалов и как-то даже ворвались в палату.

Напряжение нарастало. В королевском дворце готовились к военным действиям. По приказу короля войска весь день находились в состоянии боевой готовности. В полночь последовал королевский приказ двинуться в город. Когда народ, еще не разошедшийся с площади, увидел солдат, в толпе, до этого сравнительно спокойной, раздались крики: «К оружию!». Начали строить баррикады. Ночью, однако, вооруженных столкновений еще не было, и либералы продолжали заседать, придумывая формулы примирения. А поутру над дворцом был поднят красный флаг — сигнал войскам для перехода в наступление.

На майских баррикадах в Неаполе сражались коренные неаполитанцы и жители разных провинций. Судя по спискам павших на баррикадах, среди сражавшихся на стороне народа находились владельцы небольших предприятий, служащие, адвокаты. Много было также студентов и национальных гвардейцев, много каменщиков, плотников, сапожников, портных и рабочих других профессий. Это были все те же представители мелкой, а отчасти и средней буржуазии, демократической интеллигенции, ремесленной и рабочей бедноты, которые выступали против контрреволюции и в других городах Италии. Но на юге число их было сравнительно невелико. Восстание началось в такой момент, когда народ был к нему совершенно не подготовлен: у восставших не было ни оружия, ни руководства. Радикальные депутаты, отказ которых от принесения присяги дал толчок к восстанию, не возглавили его. Весь день 15 мая они провели в муниципалитете в спорах и пререканиях с умеренными, стремившимися добиться соглашения с королем.

Фердинанд II двинул против восставших регулярную пехоту и вооруженные до зубов наемные полки швейцарской гвардии. К концу дня баррикады были взяты войсками и восстание было жестоко подавлено. Король, весь день лично руководивший действиями своих войск, отдал восставшие кварталы на разграбление босякам-лаццарони. Их пьяные толпы с криками: «Да здравствует король!» врывались в дома, грабили и убивали жителей, насиловали женщин. Фердинанд II приказал Боццелли сформировать новый кабинет, распустил палату, объявил Неаполь на военном положении и отдал приказ о немедленном возвращении отправленной в Ломбардию армии.

Отозвание неаполитанских войск с театра военных действий

Командующий неаполитанским корпусом генерал Пепе получил королевский приказ, находясь в Болонье на пути в Ломбардию. Это был старый борец за независимость Италии, один из главных деятелей неаполитанской революции 1820 г. Получив приказ о возвращении, он заколебался. Будучи монархистом, он не решался открыто нарушить королевское распоряжение и послал к Фердинанду II гонца с просьбой отменить приказ. Между тем его офицеры, происходившие из старинных дворянских семей, вели в войсках неустанную агитацию за подчинение королевскому приказу. Солдаты, набранные из рядов темного неаполитанского крестьянства и в большинстве монархически настроенные, прислушивались к их словам. Через несколько дней офицерам удалось взбунтовать и двинуть в Неаполь одну из двух дивизий генерала Пепе. Генерал продолжал ожидать, а солдаты оставшейся у него дивизии тем временем все более поддавались влиянию офицеров и целыми группами уходили по домам. Когда в середине июня Пепе, так и не дождавшись королевского ответа, решился, наконец, отдать приказ о переходе ломбардской границы, с ним из 16-тысячного корпуса перешло реку По лишь 2—3 тыс. волонтеров.

Вопрос о слиянии Ломбардии с Пьемонтом

В Ломбардии размах национально-освободительного движения в мартовские дни был особенно велик. Весной 1848 г. феодальные проавстрийские круги еще не решались на открытое выступление. Но поворот вправо произошел в мае 1848 г. и в Ломбардии. Борьба контрреволюционных и прогрессивных сил сосредоточилась здесь преимущественно вокруг вопроса о слиянии с Пьемонтом.

Классовые противоречия во всей Ломбардии весной 1848 г. были чрезвычайно обострены. В деревнях местами происходили очень сильные крестьянские волнения. В горных районах, где еще существовали остатки крестьянских общин, беднота силой захватывала отданные помещикам еще при австрийцах общинные земли.

В городах, где среди ремесленников и рабочих не прекращались волнения на экономической почве, была особенно высока и политическая активность масс. В Милане то и дело вспыхивали бурные демонстрации. Толпы ремесленников и рабочих собирались по вечерам перед зданием Временного правительства, критикуя его мероприятия, настаивая на более активном ведении военных действий, требуя и угрожая.

Ломбардской буржуазии нужна была сильная власть, которая, победив Австрию, оградила бы имущие классы от покушений со стороны народа, и эту сильную власть она думала найти в пьемонтской монархии.

Уже со второй половины апреля в Ломбардии, сначала в провинциях, расположенных в непосредственной близости к фронту, а затем и в самом Милане, началось движение за немедленное слияние с Пьемонтом. Кое-где помещикам удавалось собрать под обращенными к Временному

правительству петициями о слиянии подписи крестьян, а промышленникам — привлечь на свою сторону рабочих. После выступления Пия IX против войны с Австрией монархическая пресса начала изображать Карла-Альберта единственным защитником национального дела. Монархистские настроения в Ломбардии усилились.

В начале мая в провинции Бергамо состоялось самочинное голосование населения, высказавшегося за слияние. Через несколько дней примеру Бергамо последовала Пьяченца. В Милане альбертистская печать выступала все более настойчиво. Миланская торговая палата обратилась к правительству с петицией о слиянии, в которой подчеркивалось плохое влияние «всеобщего возбуждения умов» на коммерческие сделки, особенно на торговлю шелком.

Карл-Альберт также не переставал настаивать на слиянии, и 12 мая Временное правительство Ломбардии единогласно приняло закон о проведении всенародного голосования по вопросу о немедленном слиянии с Пьемонтом. Согласно этому закону, население Ломбардии должно было в ближайшие дни ответить, считает ли оно необходимым немедленное слияние Ломбардии с Пьемонтом, или же попрежнему полагает, что вопрос о государственном устройстве Ломбардии должен быть решен после победы над Австрией. Закон устанавливал фактически открытое голосование, так как предлагал голосующим вслед за ответом на поставленный вопрос вписывать в особые регистры свои имена и фамилии.

Позиция республиканцев Для исхода голосования первостепенную важность представляла позиция республиканцев. После изгнания австрийцев Милан переживал радость освобождения. Осуществлена была свобода слова, печати, собраний, выходили многочисленные газеты, открывались политические клубы. Из Англии, Франции, Испании съезжались в Милан изгнанные при абсолютизме революционеры-итальянцы. Ряды республиканцев росли, но большинство их попрежнему боялось разжечь разногласия с Временным правительством и, по мере того как затягивалась война, все больше склонялось к мысли о Карле-Альберте как о единственном защитнике итальянского народа от притязаний Австрии. Республиканцы устраивали митинги и демонстрации с требованием лучшего ведения войны, но их критика Временного правительства не шла далее указаний на отдельные недочеты. Они попрежнему отказывались от политики, а многие из них и само слово «республика» произносили с большой опаской.

Когда 4 апреля в газете «Ломбардо» появилась статья республиканца Романьи, обвинявшая правительство в тайных махинациях с альбертистами, другие республиканские газеты встретили эту статью враждебно. Республиканцы шли на поводу у умеренных. Временное правительство с демагогической целью включило в свой состав двух (конечно, наиболее «благоразумных») республиканцев — Гуэрриери и Корренти.

8 апреля в Милан приехал Мадзини. Народ встретил старого борца за воссоединение и демократию восторженной демонстрацией. Но и Мадзини считал необходимым союз с умеренными. Он не знал истории мартовских дней и видел в Казати человека, который «отверг перемирие с Радецким». Поэтому он в Милане прежде всего отправился во дворец правительства заверить Казати в своих дружеских чувствах.

Когда Мадзини ближе ознакомился с деятельностью Казати и его друзей, его отношения с правительством стали, конечно, холоднее, но он продолжал воздерживаться от республиканской пропаганды и препятствовал всем подобным попыткам. Он осудил возникший в Милане клуб — «Общество пропаганды республиканских взглядов». Авторитет этого республиканского клуба сразу упал, и он почти прекратил свое

существование. В конце апреля, после ряда крупных военных неудач в Венеции и Тироле, когда положение на фронтах вызывало уже серьезное беспокойство, Каттанео понял, наконец, необходимость разрыва с умеренными для победы над Австрией. Он обратился к Мадзини с предложением свергнуть Временное правительство. Но Мадзини отказался участвовать в этих планах, а действовать помимо него Каттанео не стал.

Закон о голосовании по вопросу о слиянии с Пьемонтом республиканцы встретили враждебно. В день его опубликования они организовали на площади перед дворцом демонстрацию, в которой приняли участие ткачи и прядильщики рабочих окраин. На другой день мадзинисты выступили с протестом против закона. Они указывали, что невозможно решать вопрос о слиянии, когда враг находится на территории страны, и что предложенный правительством способ голосования по регистрам «не достоин свободных граждан». Но мадзинисты и на этот раз не пытались призвать народ к активному выступлению против слияния.

Лишь после 12 мая деятельность мадзинистов несколько оживилась. Мадзини начал посещать заседания ранее осуждавшегося им «Республиканского клуба» и приступил к изданию своей газеты «Народная Италия» («Italia del Popolo»), на страницах которой, обходя вопрос о слиянии, писал все же, что республика — это высшая форма демократии и что он и его единомышленники носят ее в своем сердце «как идеал». Но он по-прежнему не считал возможным полный разрыв с верхушкой итальянского общества и не делал попытки активно противодействовать слиянию.

Между тем только подлинно революционная, народная война могла спасти Италию. Монархия же, как это указывал Маркс, «никогда не отважится... на всеобщее восстание и на революционный террор. Она скорее пойдет на мир со своим злейшим, но равным по происхождению врагом, нежели на союз с народом.

Изменник ли Карл-Альберт или нет, — одной его *короны*, *одной лишь монархии* достаточно, чтобы привести Италию к гибели.

Но Карл-Альберт изменник»[1].

Маркс писал это в 1849 г., в связи со второй итальянской войной, но его слова могут быть целиком отнесены и к первой. Мадзинисты, не понимая этого и отдавая Ломбардию Карлу-Альберту, тем самым фактически отказывались от организации народной войны против австрийцев, о которой они столько лет мечтали.

Итоги плебисцита. Попытка республиканского переворота

Пользуясь нерешительной и половинчатой позицией республиканцев, монархисты активно готовились к голосованию. На всех городских стенах, на всех домах пестрели их предвыборные лозунги, их плакаты с призывами голосовать за слияние Ломбардии с Пьемонтом, с уверениями, что слияние это приведет к немедленной победе над австрийцами, к быстрому оживлению промышленности и торговли, к провозглашению Милана столицей нового королевства, к улучшению материального положения народных масс.

Примиренческая тактика республиканцев, а также активная пропаганда альбертистов — все это давало достаточные основания предвидеть благоприятный для монархистов исход голосования. И все же его результаты многих поразили: за немедленное слияние с Ломбардией было подано 581 тыс. голосов, а против—около 700 голосов. Столь ничтожное число голосов противников слияния, конечно, не отражало действительного соотношения сил монархистов и республиканцев в Ломбардии. Но

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VII, стр. 339.

объяснить исход голосования только одной фальсификацией избирательных регистров, как это делал Каттанео, было бы неверно. Эти выборы отразили монархические иллюзии народа, отданного республиканцами в руки альбертистам и не утратившего еще доверия ни к Временному правительству, ни к Карлу-Альберту. Последнее ясно обнаружилось 29 мая, когда в Милане была сделана неумелая и запоздалая попытка свергнуть Временное правительство и провозгласить республику.

Республиканец Урбино, сделавший эту попытку, был новым человеком в городе. Он возвратился в Италию из десятилетней эмиграции во Франции только после мартовских дней и находился под влиянием идей более решительных французских республиканцев. Прочных связей в народных массах у него, однако, не было, и социально-экономических требований в интересах народа он не выдвигал.

К свержению Временного правительства Урбино и его товарищи готовились несколько дней. В Милане в дни голосования было очень неспокойно. На площади перед дворцом шумно демонстрировали национальные гвардейцы, требовавшие сохранения в Ломбардии и после слияния завоеванных народом политических свобод. Из рук в руки передавалась составленная группой Урбино прокламация с призывом свергнуть правительство, объявить в Ломбардии республику и уничтожить списки, поданные за присоединение к Пьемонту. Говорилось в прокламации и о 20-миллионном налоге на богатых для ведения войны против австрийцев. Ничего не говорилось в ней только об улучшении материального положения голодающих народных масс.

29 мая, в день окончания голосования, в Милане уже с утра было особенно тревожно. На фабриках и в мастерских раздавались отдельные призывы к выступлению. В некоторых районах были даже сделаны попытки сжечь поданные за слияние списки. На площади перед дворцом народ требовал появления главы Временного правительства Казати, но тот не решался выйти.

Был час дня, когда Урбино с группой студентов, национальных гвардейцев и рабочих ворвался во дворец и проник в кабинет Казати. В это время в городе гудел набат, закрывались мастерские и лавки. Толпы народа бежали ко дворцу. Скоро в районе дворца скопилось множество возбужденных людей, не знавших толком, что, собственно, происходит. Когда Урбино, подталкивая упиравшегося Казати, появился вслед за ним на балконе и объявил Временное правительство низложенным, многие недоуменно спрашивали друг у друга, кто этот незнакомец. Урбино сделал было попытку огласить список членов нового правительства, но Казати вырвал листок из рук Урбино и разорвал его на мелкие куски (впоследствии такие списки были найдены на площади, в них были имена Каттанео, самого Урбино, его единомышленника Романьи).

К 3 часам дня правительству с помощью буржуазных отрядов национальной гвардии удалось удалить Урбино и его сообщников из дворца, а затем и очистить площадь от народа. Вечером Урбино, Романья и другие участники заговора, всего 11 человек, были арестованы. На другой день от Урбино и Романьи торжественно отреклись все вожди миланских республиканцев. Каттанео назвал плохо подготовленную попытку установить республику «смешным и нелепым фарсом». Мадзини выступил со статьей, выражающей радость по поводу победы «законного правительства» над «анархией».

Через несколько дней делегация Временного правительства отвезла Карлу-Альберту акт о присоединении Ломбардии к Пьемонту. Такие же, как в Ломбардии, результаты дало голосование по вопросу о слиянии в Модене и Парме.

Положение Венеции Политика возглавляемого Манином Временного правительства Венецианской республики заметно отличалась от политики Временного правительства Ломбардии. Стремясь к независимости Италии, Манин приветствовал освободительную борьбу народа, и Венеция оказалась пристанищем для всех более последовательных и решительных борцов за свободу и независимость Италии, оказавшихся «лишними» и «ненужными» в Пьемонте и Ломбардии. В Венецию отправились и не допущенный в Ломбардию легион Антонини, и отряд польских волонтеров под командой знаменитого поэта Мицкевича, и многие другие отряды.

Но в самой Венеции организация добровольческих отрядов, так же как и регулярных воинских частей, задерживалась из-за отсутствия средств. Правительство Венецианской республики отменило некоторые австрийские налоги, но заменить их прогрессивно-подоходным налогом на капитал оно не решилось.

Правительство Венецианской республики не дало земли крестьянам и тем оттолкнуло их от себя. Поэтому в Венеции не разгорелась народная партизанская война против австрийцев, на которую так рассчитывали республиканцы; венецианская деревня не поднялась при подходе армии Нугента.

В городах венецианских провинций, по которым пролегал путь австрийской армии, наступление австрийцев привело к резкому усилению монархических настроений. Даже городские «низы» по мере продвижения Нугента, начинали видеть в пьемонтской армии главную защиту от австрийцев. Понимая, что бездействие пьемонтцев вызвано нежеланием командования сражаться за республику, они надеялись добиться помощи Карла-Альберта путем присоединения Венеции к Пьемонту. Пропагандистская деятельность агентов Карла-Альберта в Венеции еще больше усиливала эти настроения, а буржуазия и помещики Венеции, втайне мечтавшие об избавлении от республики, особенно охотно их поддерживали.

Агитация за присоединение к Пьемонту развернулась в венецианских провинциях со второй половины апреля еще шире, чем в Ломбардии. Но Манин, опираясь на поддержку трудового населения — рабочих, ремесленников, гондольеров, рыбаков, а также мелкой и отчасти средней буржуазии,— упорно сопротивлялся слиянию. Делегатам провинций он отвечал то же, что и представителям Карла-Альберта: установленная в Венеции республика носит временный характер, вопрос о будущей форме правления должен решить сам народ через своих представителей в Учредительном собрании, которое может быть созвано лишь после победы. Отношения республиканского правительства с провинциями становились все более напряженными. Когда в мае в Ломбардии началось голосование по вопросу о слиянии, ряд венецианских провинций самовольно последовал ломбардскому примеру, и в июне 1848 г. делегация Временного правительства Ломбардии отвезла в Турин, одновременно с актом о слиянии Ломбардии с Пьемонтом, аналогичные акты четырех венецианских провинций — Виченцы, Падуи, Тревизо и Ровиго.

Спор в Пьемонте об Учредительном собрании и слиянии с Ломбардией В акте о слиянии Ломбардии с Пьемонтом имелся пункт о созыве Учредительного собрания. Пункт этот вызвал скрытое недовольство Карла-Альберта, но, стремясь поскорее увеличить свои владения, он с ним примирился. 13 июня правительства Пьемонта и Ломбардии заключили предварительную конвенцию о слиянии, предусматривавшую, между прочим, созыв 1 ноября 1848 г. Учредительного собрания. Но в пьемонтском парламенте акт о слиянии вызвал острые прения.

С присоединением Ломбардии Турин должен был оказаться на окраине нового государства Северной, или Верхней, Италии. Он был меньше и беднее Милана. У туринцев были все основания опасаться, что Учредительное собрание перенесет столицу в Милан. Поэтому против слияния выступили как туринская знать, так и купечество, промышленники и домовладельцы Турина. Их поддержали и верхушка пьемонтского обуржуазившегося дворянства и крупная пьемонтская буржуазия, боявшиеся, что Учредительное собрание установит в Северной Италии республиканский строй. Поддержали их также и феодальное дворянство и духовенство и вообще все те, кто был готов воспользоваться любым предлогом для выступления против нового порядка. В ходе дальнейших споров к противникам созыва Учредительного собрания стали присоединяться средней руки промышленники, успевшие к лету 1848 г. «устать» и от революции и от войны. Таким образом, борьба против созыва Учредительного собрания, а значит, и против слияния, стала в Пьемонте знаменем, вокруг которого группировались все контрреволюционно настроенные слои общества.

Но слияние имело в Пьемонте и своих сторонников. В Генуе, которая экспортировала на своих кораблях ломбардские товары и которой слияние с Ломбардией сулило громадные барыши, за слияние выступали все: дворянство, буржуазия, народ. В других частях Пьемонта сторонниками слияния были демократические слои населения, давно уже недовольные сугубо консервативным характером пьемонтской конституции и видевшие в созыве Учредительного собрания возможность ее пересмотра. В Турине закон о слиянии поддерживала левая печать и левая парламентская оппозиция во главе с Валерио и Брофферио, которые резко критиковали Карла-Альберта и его методы ведения войны. В провинции, не заинтересованной в том, чтобы столицей был именно Турин, за слияние выступали широкие слои буржуазии, не отказавшиеся от своих национальных стремлений и усматривавшие в слиянии реальный шаг на пути объединения Италии.

Скоро борьба за слияние и созыв Учредительного собрания объединила в Пьемонте все прогрессивные силы, желавшие победы над Австрией и объединения Италии. С середины июня борьба эта приняла исключительно напряженный характер и вызвала даже раскол в кабинете министров. Кабинет подал в отставку, но сформировать новый в обстановке напряженной политической борьбы долго не удавалось. В Пьемонте начался затяжной министерский кризис. Нижняя палата также раскололась на две почти равные части.

Пьемонтский парламент, собравшийся еще в начале мая, был, по выражению современника, парламентом «золотой середины». В нем было много провинциальных нотариусов, адвокатов, деревенских врачей, несколько редакторов передовых газет. Крупных землевладельцев и вообще представителей высших слоев пьемонтского общества в палате было немного. В первые недели после созыва палата искренне ратовала за войну, но в вопросе о слиянии и Учредительном собрании значительная часть ее оказалась на стороне контрреволюционных сил: так велика была к этому времени в широких кругах пьемонтской буржуазии и дворянства боязнь республиканского переворота.

Весь июнь население королевства было занято спорами о слиянии, и даже армия — генералы, офицеры, солдаты — спорили о будущей столице, о слиянии, об Учредительном собрании.

К концу июня споры достигли высшего напряжения, но ни одна из сторон не имела достаточно смелости, чтобы перейти в решительное наступление. Когда правительство предложило парламенту внести в закон

поправку, согласно которой вопрос о будущей столице государства не должен был входить в компетенцию Учредительного собрания, обе стороны увидели здесь возможность компромисса. 28 июня закон о слиянии был принят, наконец, нижней палатой, а еще через две недели его принял и сенат.

Вскоре после этого в Турине было сформировано «министерство слияния», в которое вошли представители пьемонтских и ломбардских умеренных; во главе министерства был поставлен вызванный из Милана Казати.

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В СЕВЕРНОЙ ИТАЛИИ В МАЕ — ИЮНЕ 1848 Г.

Сражение у р. Пиаве

Сложная борьба реакционных и прогрессивных сил в стране отражалась и на ходе военных действий в Северной Италии в мае — июне 1848 г.

Еще 29 апреля корпус генерала Дурандо подошел к Пиаве и, ожидая Нугента, укрепился на берегу реки, которая была последним естественным рубежом на пути Нугента к Вероне. Здесь солдаты узнали о выступлении папы. Его отрицательное отношение к войне вызвало среди солдат величайшее смятение. Их боевой дух резко упал.

Монархист Дурандо не был способен поднять настроение своей армии и мало подходил для роли защитника Венецианской республики. Не случайны поэтому те военные неудачи, которые начались с подходом корпуса Дурандо к Пиаве. Дурандо разместил свои войска и подходившие отряды Феррари вдоль нижнего течения Пиаве. Верхнее течение реки он оставил незащищенным, и австрийцы, поднявшись несколько выше выставленных им заслонов, в первых числах мая беспрепятственно перешли Пиаве. Тогда Дурандо решил встретить Нугента на подступах к Вероне, но тот обошел главные силы итальянцев и 8 мая около деревни Корнуда, недалеко от Пиаве, столкнулся с 3-тысячным отрядом волонтеров Феррари.

Нугент бросил против них 6—7 тыс. своих хорошо обученных солдат. Феррари долго, но безуспешно просивший у Дурандо подкреплений, напряженно ожидал теперь подхода его войск. Дурандо в течение дня несколько раз присылал ему гонцов с обещанием поддержки; последняя записка содержала всего два слова: «Иду бегом». Действительно, Дурандо пошел было с частью своих солдат по направлению к Корнуде, но в нескольких милях от нее он услышал гром пушек в направлении, где находился один из его батальонов, и этого оказалось достаточным, чтобы свернуть туда. Помощь, которой ждали Феррари и его добровольцы, так и не пришла.

К 5 часам вечера войска Феррари не могли более держаться и начали отступление. Феррари удалось в относительном порядке вывести своих солдат из боя. Австрийцы не преследовали их, но поражение расшатало и без того уже ослабленную длительным стоянием у границы дисциплину волонтеров. Смятение, вызванное папским «Обращением», вспыхнуло с новой силой. Солдаты не верили больше ни Дурандо, который не оказал обещанной помощи, ни Феррари, который подбадривал солдат обещаниями этой помощи в течение всего сражения. «Кто предал?»— спрашивали они друг друга. Скоро они начали целыми группами расходиться по домам. Корпус распался. С этого момента путь к Вероне был для Нугента открыт: Дурандо не чинил ему препятствий, он только шел следом за ним.

Нугент торопился в Верону. Курьеры привозили ему известия, что запасы продовольствия у Радецкого подошли к концу, что его армия голо-

дает. 25 мая армия Нугента с боеприпасами и продовольствием беспрепятственно вошла в Верону.

Осада Пескьеры

Пьемонтская армия в это время осаждала Пескьеру. Положение в Италии вызывало у Карла-Альберта большие опасения. Его не меньше, чем умеренных, тревожило после 29 апреля падение авторитета папы Пия IX. Тревожил и открывшийся 8 мая в Турине парламент, в котором оппозиция резко критиковала правительство и настаивала на призыве новых контингентов и изыскании новых средств для продолжения борьбы. Все это заставляло Карла-Альберта стремиться скорее покончить с разжигавшей революционные страсти войной.

В мае события в Ломбардии приняли благоприятный для короля оборот, и английские дипломаты стали все чаще нашептывать Карлу-Альберту о согласии Австрии на присоединение Ломбардии, а также Модены и Пармы к Пьемонту. Мысль о том, чтобы заключить мир, оставив непокорную Венецианскую республику Австрии, привлекала короля все больше. Нетерпеливо ожидая начала мирных переговоров, он старался как можно меньше раздражать Австрию.

К осаде Пескьеры Карл-Альберт приступил фактически лишь 15 мая, когда начало голосования по вопросу о слиянии в Ломбардии сделало политически чрезвычайно желательным достижение хотя бы небольшого успеха. Просьбы же венецианского правительства о помощи продолжали оставаться без ответа. Между тем, с приходом Нугента в Верону, Радецкий получил возможность приступить к активным действиям.

Сражение при Куртатоне. Взятие Пескьеры

Радецкий решил начать с помощи Пескьере. В ночь на 28 мая главные силы австрийской армии вышли из Вероны и на следующий день подошли к Куртатоне, деревушке, расположенной в нескольких милях от Мантуи. Здесь, на крайнем правом фланге пьемонтской армии, находились тосканские регулярные войска, тосканские волонтеры и национальная гвардия.

Радецкий двинул против 7-тысячного корпуса тосканцев основной массив своих войск. Тосканцам пришлось выдержать натиск австрийской кавалерии, огонь австрийских пушек. Университетский батальон, командиром которого был Монтанелли, должен был один отражать натиск целой дивизии. Тосканцы сражались героически и, надеясь на помощь расположенных неподалеку главных сил пьемонтской армии, продержались около 12 часов. Помощь не пришла, и к вечеру тосканцам пришлось отступить. Корпусом, потерявшим за день почти треть своего состава, овладели те же настроения, что месяц назад волонтерами генерала Феррари. Тосканские солдаты твердили о предательстве, измене. Их пришлось увести в тыл. Там в течение всего июня предпринимались безуспешные попытки восстановить среди них «дисциплину».

Сопротивление тосканцев у Куртатоне оказало, однако, пьемонтской армии неоценимую услугу. Задержав австрийцев на целый день, тосканцы дали пьемонтскому штабу время перегруппировать свои силы и подготовиться к обороне. К утру 30 мая у селения Гоито, в 9 милях от Куртатоне, находилось до 20 тыс. пьемонтских войск. Не зная об этом, Радецкий бросил против них значительно меньшие силы, и к вечеру нападение австрийцев на Гоито было отбито.

Но Карл-Альберт отказался преследовать отступавшего неприятеля, и возможность разгрома австрийского корпуса была упущена.

Следующий день принес королю известия о сдаче австрийцами сломленной голодом Пескьеры, об отходе Радецкого к Мантуе и его отказе от вторичного нападения на Гоито.

Победа при Гоито и взятие Пескьеры вызвали в Италии ликование. По улицам итальянских городов проходили бесчисленные процессии, служили благодарственные молебны. Но в общем радостном хоре явственно слышались отдельные проавстрийские нотки. Пьемонтские офицеры устроили сдавшимся австрийским офицерам Пескьеры банкет. В Генуе, куда доставили пленников, местные богачи раздавали им на улицах деньги, сигары.

Карл-Альберт и его окружение считали достигнутый успех основанием для заключения «разумного» и «выгодного» мира с Австрией. «Я не знаю, что мы будем дальше делать,— писал через несколько дней после взятия Пескьеры Фердинанд Савойский,— но мне кажется, что теперь, когда мы славно бились в течение трех месяцев и когда Милан высказался за нас, настало время, чтобы эта война закончилась хорошим договором».

В правительственных кругах рассчитывали на готовившийся в Лондоне дипломатический демарш в пользу заключения мира. Когда 2 июня в туринском парламенте один депутат, поздравляя правительство с победой, потребовал призыва новых возрастов, Бальбо ответил, что это излишне, так как война близится к концу. Через несколько дней после этого заявления пьемонтского премьер-министра Радецкий повел свои войска из четырехугольника крепостей к Виченце.

Занятие Виченцы и венецианских земель

Виченца уже не одну неделю ждала решительного штурма. Ее гарнизон состоял из нескольких тысяч волонтеров и 10-тысячного корпуса Дурандо. Этого было мало, чтобы бороться с основными силами австрийцев. И все же Виченца могла оказать длительное сопротивление. В городе имелись боеприпасы, артиллерия, его жители готовы были защищать каждый дом. Именно длительного сопротивления Виченцы и опасался Радецкий, спеша к Виченце и боясь, как бы Карл-Альберт в его отсутствие не атаковал Верону.

Штурм Виченцы начался утром 10 июня. Волонтеры героически отражали натиск врага, но к вечеру австрийцы заняли высоты на подступах к городу и начали артиллерийский обстрел. Это сделало положение Виченцы крайне тяжелым. Волонтеры попрежнему хотели оборонять город, но генерал Дурандо еще до занятия подступов к городу австрийцами решил его сдать. Еще утром один из его офицеров, встретив представителя венецианского правительства в Виченце, полковника Белуцци, сказал ему, что город предполагают сдать. Военный комитет Виченцы, узнав о планах Дурандо, заявил, что никогда не даст своей подписи под капитуляцией. Но Дурандо собрал в своем штабе «наиболее благоразумных» (т. е. наиболее богатых) жителей города и легко нашел с ними общий язык. В 7 часов вечера над зданием городского муниципалитета взвился белый флаг. «Невозможно описать, — рассказывает Белуцци,— ярость населения и солдат при виде белого флага. В мгновение ока площадь наполнилась людьми. Вопли, свист, проклятия раздавались по адресу белого флага. Тысячи выстрелов разорвали этот флаг в клочки».

Генерал Дурандо, однако, не отказался от капитуляции. Поздно вечером посланные им парламентеры, пользуясь темнотой, выбрались из города и направились к австрийцам. Им легко удалось договориться с ними об условиях сдачи: австрийское командование торопилось занять город. Оно гарантировало населению Виченцы сохранение жизни и собственности и согласилось выпустить армию Дурандо из города при условии, что она три месяца не будет участвовать в войне.

Виченца тем временем готовилась к дальнейшему сопротивлению.

Город был опоясан кольцом баррикад. Национальные гвардейцы, волонтеры, папские солдаты были одинаково уверены, что бой на утро возобновится. «11 июня на рассвете, — вспоминает один из защитников Виченцы, — мы проснулись, разбуженные каким-то смутным гулом. Австрийские пушки молчали, но в центре города раздавались выстрелы и слышались крики: „Измена!“ Мы вскочили на ноги. Белый флаг сдачи снова висел над муниципалитетом!» Утром 11 июня Виченца пережила тревожные минуты. Обманутый народ в бессильной ярости разгромил здание муниципалитета. В городе начались пожары. В полдень австрийская армия вступила в город, а папская армия его покинула.

В тот же день, оставив часть своей армии в Виченце, Радецкий двинулся назад к Вероне. Он торопился, не понимая, что друзей можно найти и во вражеском стане. Карл-Альберт не воспользовался его отсутствием, чтобы атаковать Верону. Он только «собирался» это сделать: спрашивал мнение своих генералов, даже отслужил молебен. Тем временем армия Радецкого, идя форсированным маршем, беспрепятственно вступила в Верону.

Положение на фронте к середине июня коренным образом изменилось в пользу австрийцев. Папская армия вышла из войны, тосканская была разбита, неаполитанская отозвана. Карл-Альберт оставался один. Испуганный революционным брожением в итальянских городах, раздраженный осложнениями, связанными с вопросом о слиянии Пьемонта с Ломбардией, все более жаждущий мира, он и после взятия Пескьеры продолжал топтаться у крепостей четырехугольника. В венецианских же провинциях помещики и другие собственники все решительнее стремились к миру на любых условиях, а волонтеры были деморализованы быстрой сдачей хорошо укрепленной Виченцы. Все это позволило подходившим к Радецкому из Австрии новым подкреплениям без труда продолжать завоевание венецианских земель.

14 июня без единого выстрела сдалась австрийцам Падуя. Здесь разыгрались сцены еще более печальные, нежели в Виченце. Народ и здесь хотел оказать сопротивление захватчикам и, узнав о предполагаемой сдаче города, возмутился. Буржуазная национальная гвардия вступила с ним в бой в то время, когда враг стоял под стенами города. Падуанские богачи открыли городские ворота австрийцам.

15 июня после трехчасового сопротивления пал Тревизо, 25-го — Пальмануово.

В руках австрийцев оказалась почти вся венецианская территория, за исключением самой Венеции и небольшого форта Озоппо, где еще держалась группа смельчаков.

Падение Виченцы и захват австрийцами венецианских земель имели для истории первой итальянской войны за независимость решающее значение. С этого момента не только пути из четырехугольника крепостей в Австрию оказались в руках Радецкого, но и необходимость в подвозе продовольствия из Австрии для него фактически отпала, так как плодородные венецианские провинции с избытком могли дать австрийцам все, в чем они испытывали потребность.

Это означало, что к этому времени война была Австрией фактически выиграна, и окончательная развязка зависела теперь исключительно от самого Радецкого, от его готовности сразиться с армией Карла-Альберта. Но король еще надеялся на «выгодный» и «благоразумный» мир, а у итальянских патриотов еще оставалась смутная надежда на то, что им удастся уговорить, наконец, Карла-Альберта двинуться в Венецию и отвоевать все, что было так бесславно потеряно за последние недели.

Положение страны после утраты венецианских земель

После захвата австрийцами венецианских земель на фронтах наступило затишье. Пьемонтская армия продолжала бездействовать, австрийская — готовилась к решительному наступлению. После понесенных поражений Италия жила во власти мрачных предчувствий, гневного разочарования. Продолжалась экономическая депрессия, падал курс ценных бумаг.

Верхние слои буржуазно-помещичьего общества стремились к миру. Значительная часть средней буржуазии и среднепоместного дворянства, отходя от левых, примыкала к умеренным, вожди которых старались скорее закончить затянувшуюся войну и отложить объединение Италии «до лучших времен».

«Объединение, столь желаемое нами, в настоящий момент недостижимо, — заявлял, отрекаясь от национальных задач, один из идеологов итальянского либерализма, Джоберти. — Удовлетворимся достигнутым. Оставим чего-либо добиваться и нашим потомкам. Италия и при нескольких государях будет счастливой и сильной».

Национально-демократический лагерь попрежнему возглавляли радикалы. В нижних палатах открывшихся в мае — июне итальянских парламентов, в клубах, в печати они все настойчивее требовали демократизации конституций, снижения, а иногда и отмены избирательного ценза, введения прогрессивно-подоходного налога, все резче критиковали королевские методы ведения войны. Но и радикалы не отдавали себе отчета в истинных причинах военных неудач и растерянно обвиняли отдельных генералов в нераспорядительности и измене.

Рабочие и ремесленники, мелкие торговцы и промышленники, часть средней буржуазии и городская интеллигенция еще сохраняли верность своим революционным идеалам. Однако и в их рядах все больше распространялись усталость, разочарование, неверие в победу. Обманутый верхами итальянский народ недоуменно спрашивал себя: как могло случиться, что столь близкая победа выскользнула из его рук?

Революционное движение в итальянских государствах уже не поднималось на высоту того единого общенационального порыва, каким оно было в марте, и теряло силу в бесплодных выступлениях и вспышках.

В Неаполе после событий 15 мая царила мертвая тишина. Только в Калабрии радикалы, бежавшие из столицы после майских событий, попытались поднять восстание, но оно было легко подавлено правительством.

Во Флоренции волновались безработные, требуя от городского муниципалитета работы, а в тосканских деревнях и местечках голодающая беднота заставляла помещиков и торговцев продавать зерно по установленным ею низким ценам. Классовые противоречия в герцогстве углублялись. В одном из городков на стенах домов была расклеена афиша с изображением окровавленного ножа и надписью: «Смерть синьорам!». Газеты умеренных писали о «кошмаре коммунизма», а правительство торопилось выйти из войны и «восстановить порядок».

Но народ хотел борьбы. Узнав о контрреволюционном перевороте в Неаполе, он сорвал знамена со здания неаполитанского посольства во Флоренции, сжег карету генерала, проезжавшего через Флоренцию с адресованным Пепе приказом о возвращении и чуть было не убил его самого. Левые клубы и печать непрестанно нападали на правительство, а Гуэррацци выступил с вызвавшим многочисленные отклики «запросом министрам о ходе военных действий», в котором говорил об оставленных без оружия волонтерах, о не отправленных на фронт и зарастающих тра-

вой в старинных тосканских крепостях пушках. «Если бы у войска была артиллерия — Куртатоне кончилось бы иначе!» — восклицал Гуэррацци.

На выступления демократов правительство отвечало арестами, закрытием левых клубов. Вскоре после Куртатоне радикалы организовали шумную народную демонстрацию, требовавшую отправки на фронт новых контингентов, и правительству пришлось обратиться к народу с торжественным призывом «пополнить ряды волонтеров». А когда добровольцы начали прибывать, военные власти заявили, что для них нет ни экипировки, ни денег, ни оружия. Правительство добилось того, что после Куртатоне Тоскана фактически вышла из войны, но справиться с радикальной оппозицией и народными волнениями ему не удалось. В деревнях и местечках вспыхивали голодные волнения, по улицам городов проходили народные демонстрации.

Нарастание революционного кризиса в Риме

В Риме Пий IX поддерживал тайные сношения с австрийским правительством, стараясь добиться соглашения между Пьемонтом и империей Габсбургов. Народ не верил больше Пию IX. По любому предлогу радикальные клубы и печать начинали бить тревогу, улицы наполнялись взволнованной толпой, оглашались криками: «Смерть попам!». Папа, засев со своими кардиналами в Квиринале, не решался даже на обычные поездки по городу.

Кабинет Мамиани, составленный из наиболее богатых и враждебных народу политических деятелей Рима, сдерживал массы. Мамиани появлялся на народных сборищах, на заседаниях демократических клубов. Он произносил нескончаемые речи о национальном возрождении, о свободе и родине, помещал патриотические статьи в газетах и всячески стремился смягчить впечатление от выступлений папы.

В обстановке все более возраставшего обнищания народных масс Мамиани чаще и чаще прибегал к социальной демагогии. Он составил проект организации особого «министерства благотворительности» и обещал удовлетворить «справедливые желания трудолюбивых ремесленников и уважаемых землепашцев». Но под прикрытием демагогических фраз он ничего не делал ни для народа, ни для победы. Интриги и переговоры Пия IX с Австрией не встречали в кабинете никакого противодействия. Дурандо, которого демократический лагерь, узнав о Корнуде, называл предателем, нашел в кабинете Мамиани поддержку и защиту. Новая армия, о которой много говорили в палате, так и не была создана, и Мамиани, торопясь прекратить участие Рима в военных действиях, начал принимать меры к отзыву из Венеции еще остававшихся там папских батальонов. Политика Мамиани и его кабинета сводилась на деле к тому же фактическому саботажу войны, который проводился в Тоскане и к которому стремился папа.

Но авторитет Мамиани в народе, еще недавно столь высокий, был теперь подорван. Его демагогия не могла уже сдерживать массы; требование организации Временного правительства все чаще и настойчивее повторялось на народных митингах и демонстрациях.

В середине июля в Риме стало известно, что австрийское войско, как и год назад, заняло город Феррару. Улицы Рима заполнились взволнованным народом. В палате депутатов лидеры левых либералов Стербини и Канино требовали общей мобилизации и отправки к папе делегации с «настоятельной просьбой» объявить, наконец, войну Австрии. Эти требования были поддержаны организованными «Народным клубом» демонстрациями. Многотысячная толпа окружила здание палаты, ворвалась внутрь, настаивая на немедленной реализации этих требований

а руководимые Чичероваккио отряды национальной гвардии уже собирались занять городской форт и ворота.

Австрийцы оставили Феррару (позднее выяснилось, что они заняли ее во время передвижений войск, связанных с подготовкой к решающему сражению), и город успокоился до следующего взрыва.

Русский посланник в Риме Бутенев уже в июле указывал царскому правительству на возможность республиканского переворота в Римском государстве. «Смятение в умах и симптомы беспорядков, — писал он 28 июля, — нарастают в Риме и в его провинциях с каждым днем. Революция и анархия, усиливаясь, внушают тревожные опасения о состоянии Римского государства».

Положение в Ломбардии

В Ломбардии в летние месяцы все сильнее разгоралась классовая борьба в деревне. Война ложилась тяжелым бременем на плечи ломбардских крестьян. Она разоряла их поля, уничтожала посевы. Временное правительство с первых дней войны взвалило на крестьян снабжение пьемонтской армии, поставку ей зерна, лошадей. Пьемонтские помещики-офицеры, приходя со своими отрядами в ломбардские деревни, нередко забывали, что они находятся на свободной и дружественной земле. Были случаи, когда они грозили повесить старосту за непредоставление продуктов, поджечь крестьянские лачуги за отказ в ночлеге и т. д. Не удивительно, что уже очень рано начался отход крестьян от национального дела. В разоренной войной и обманутой в своих надеждах на землю деревне росло недовольство. Крестьяне обвиняли во всем «синьоров и их войну», требовали от правительства возмещения убытков от войны. Ломбардские помещики с возрастающей тревогой думали о недалеком сроке годовых расчетов по аренде. Они знали, что на этот раз испольщики добровольно не отдадут им половины своего урожая. В некоторых районах уже загорались помещичьи сыроварни, амбары.

Власти были бессильны помочь землевладельцам. Фактического слияния с Пьемонтом еще не произошло. Королевский комиссар, который должен был править Ломбардией до созыва Учредительного собрания, еще не прибыл. Политическое напряжение, так тревожившее ломбардских собственников, все усиливалось. Каждый раз, когда в Милан приходили известия об очередном поражении на фронтах, на площади перед правительственным дворцом собиралась громадная толпа возбужденных и разгневанных людей. Толпа кричала, свистела, угрожала. Членам правительства приходилось выходить на балкон, оправдываться, объясняться, выслушивать насмешки и брань.

Неспособность короля выиграть войну была очевидна, и нападки республиканской печати на правительство становились все сильнее. Мадзини в газете «Народная Италия» убеждал правительство передать власть Комитету 3-х — комитету решительных людей, который организует действительно народную войну против Австрии. Предложение Мадзини подхватили республиканские газеты и клубы.

К политическим и военным трудностям присоединились финансовые. Война требовала средств, но от прогрессивного налога на капитал Временное правительство решительно отказывалось. В июне оно ввело налог на заработную плату служащих, на доходы крестьян, ремесленников и лиц свободных профессий. Это еще больше усилило недовольство населения, но финансовых затруднений не устранило.

У Временного правительства не было ни авторитета, ни армии, ни денег. Оно было бессильно водворить «порядок». Надежда собственников на «успокоение» страны после слияния с Пьемонтом оказалась тщетной. В ломбардских городах и деревнях многие помещики и буржуа стали все

чаще вздыхать о Радецком. «Если сказать вам откровенно,— говорил начальнику пьемонтского отряда зажиточный буржуа из Вольта,— то не всё ли мне равно, кто будет править: император или Карл-Альберт. Я хочу только одного — жить в мире и быть хозяином у себя дома».

Положение в Венеции

В Венеции, блокированной австрийцами с моря, обострение экономического кризиса и военные неудачи вызывали у местной знати и богачей всё большее стремление покончить с республикой и найти покой и защиту под властью Карла-Альберта. Но городские «низы» и представители мелкой буржуазии продолжали, несмотря на усиливавшийся голод и угрозу австрийского вторжения, стоять за «Республику св. Марка».

В течение всего июня в Венеции шла ожесточенная внутренняя борьба. Рыбаки, гондольеры, рабочие арсенала демонстрировали на улицах города с криками: «Да здравствует Республика св. Марка!» Наоборот, национальная гвардия, состоявшая из наиболее активной части местной буржуазии, принимала на своих митингах и парадах резолюции с требованием слияния с Пьемонтом.

Манин, мечтавший о том, что республика примирит противоречивые интересы различных классов венецианского общества, убедился, что в Венеции разгорается внутренняя борьба. 3 июля венецианское правительство, уступая давлению городских «верхов», созвало на основе всеобщего избирательного права Учредительное собрание и поставило перед ним вопрос о слиянии с Пьемонтом. Уже первые выступления показали, что на заседаниях Учредительного собрания развернется острая борьба. Тогда выступил Манин.

«Враг стоит у наших ворот,— сказал он.— Он надеется на разногласия в нашем городе, непобедимом, пока в нем царит единение... Я пришел просить большой жертвы, и этой жертвы я прошу у моей партии — великодушной партии республиканцев...» Под «жертвой» Манин подразумевал слияние с Пьемонтом, за которое он теперь высказался, готовый, ради достижения единства с умеренными, передать им власть. Отношение Манина к слиянию предопределило решение Собрания. Оно 127 голосами против 6 приняло решение о присоединении к Пьемонту. Манин подал в отставку. Было создано новое правительство во главе с лидером сторонников слияния Кастелли. Особая делегация немедленно отправилась в ставку известить Карла-Альберта о принятом Собранием решении.

Тревога в Пьемонте

В Пьемонте, как и всюду в Италии, состоятельные слои населения хотели мира с Австрией, а обманутый демагогией умеренных народ плохо понимал, что происходит. С каждым днем здесь нарастала тревога. В провинциальных городах вспыхивали легко подавляемые правительством восстания. В Турине, Генуе, усиливая общее смятение, рождались всё новые слухи — о готовящемся вторжении австрийцев в Модену, о новом заговоре в Риме, о попытках республиканского переворота в Савойе. На площадях и на улицах спорили о причинах бездействия пьемонтской армии. В палате оппозиция требовала мобилизации резервов, нового набора, выступала с запросами о причинах военных неудач. Она спрашивала, почему пропустили Нугента в Верону и почему не помогли Виченце, почему в Куртатоне не поддержали тосканцев и почему дали возможность австрийской армии после мартовского поражения собраться с силами.

В июле левая печать стала требовать, чтобы король перебросил армию в Венецию и вновь завоевал потерянные там позиции. Весь демократический лагерь подхватил это требование. Карл-Альберт не посмел открыто ответить отказом. Лицемерно соглашаясь двинуться в Венецию, он

придумывал предлоги для задержки. Еще в июне он получил через английских дипломатов новые австрийские мирные предложения. Австрия, ослабленная внутренней борьбой, вновь предлагала присоединить Ломбардию и герцогства к Пьемонту; Карлу-Альберту очень хотелось согласиться.

«Я тороплюсь, мой дорогой Францини, — писал Карл-Альберт 7 июля своему военному министру, — ответить на письмо, которое вы написали мне о ваших переговорах с английским послом. Вы прекрасно знаете, что я думаю о желательных для нас территориальных приращениях. Я считаю, что если мы сможем с помощью Англии присоединить Ломбардию и герцогства, мы сделаем славное дело. Я рад, что вы и Аберкромби [английский посол в Турине] одобряете мой образ мыслей». «Я думаю, — цинично добавлял он, — что то, что я заставил в Милане и Турине говорить об опасностях, которые встанут, если я уйду в Венецию, — уже породило там достаточно предчувствий и страхов».

В середине июля Карл-Альберт объявил о своем намерении блокировать Мантую. Блокада имела единственной целью успокоить общественное мнение.

ОКОНЧАНИЕ ВОЙНЫ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ

Сражение при Кустоцце и отступление пьемонтской армии

Между тем положение в Австрии резко изменилось. После того как Виндишгрец подавил в июне народное восстание в Праге, у австрийского правительства были освобождены руки для борьбы в Италии. Радецкий, все время протестовавший против мирных переговоров и уверявший, что вернет Габсбургам и Ломбардию и Венецию, получил теперь возможность действовать по своему усмотрению. Скоро его армия, реорганизованная и пополненная, была готова к решительным боям. 22 июля он вывел свои войска из Вероны и ударил по ослабленному переброской войск в Мантую левому флангу пьемонтской армии. Так началось сражение при Кустоцце, местности, расположенной недалеко от Вероны.

Это решающее сражение застало пьемонтскую армию неподготовленной. Значительная часть армии оставалась в Пьемонте и была расквартирована по городам на случай подавления восстаний. Переброшенное в Ломбардо-Венецию 60-тысячное войско было растянуто длинной и узкой лентой вдоль всей линии фронта. Непосредственное участие в сражении приняли только 40 тыс., да и эти войска были плохо обмундированы, страдали от недостатка продовольствия, были деморализованы месяцами бездействия; в армию все глубже проникало недоверие к генералам. Австрийцы бросили в бой 70-тысячную, хорошо обмундированную и оснащенную техникой армию. Организационное и численное превосходство австрийских войск особенно ясно сказалось в решающий день трехдневного сражения — 25 июля 1848 г.

Это был страшный для пьемонтской армии день. Жара стояла невыносимая. Пьемонтцы и австрийцы одинаково страдали от нее, но австрийцы имели возможность заменять усталые части свежими, в то время как пьемонтцы должны были сражаться без отдыха и смены. Пьемонтские солдаты задыхались от жажды. Некоторые пьемонтские полки по два дня не получали продовольствия. К концу дня оборонительные линии пьемонтцев были прорваны, и их командование дало приказ об отступлении.

По свидетельству очевидцев, пьемонтская армия под Кустоццей сражалась хорошо, и отступление с поля сражения было начато ею в относительном порядке, но затем дисциплина стала разваливаться, резко усилилось дезертирство.

Ломбардия, по территории которой двигались отступавшие и преследуемые австрийцами пьемонтские войска, встречала их настороженным молчанием. В поведении населения сказывались накопившиеся за месяцы «королевской войны» разочарование и усталость. Города, еще недавно готовые, казалось, драться до последнего человека, сдавались теперь Радецкому без боя. В качестве инициаторов сдачи всюду выступали крупные собственники и помещики. В Кремоне они, проводив отступавшую пьемонтскую армию, выслали тотчас после ее ухода делегацию — встречать подходившие австрийские войска. С открытой враждебностью относились к отступавшей пьемонтской армии ломбардские крестьяне. Уже давно не ожидая от революции и войны ничего, кроме новых реквизиций и налогов, они видели в Радецком и его армии силу, способную остановить войну и защитить их хозяйства. При приближении пьемонтцев они нередко убегали, как от врагов, унося с собой все свое имущество. Деморализованные поражением, голодные и измученные пьемонтские солдаты шли по Ломбардии, как по чужой и вражеской земле, грабили пригородные поля и огороды.

Отклики в итальянских государствах на поражение при Кустоцце

Для демократических кругов Италии поражение под Кустоццей явилось сигналом к новым боям и новому напряжению. Во Флоренции местный «Народный клуб» организовал грандиозную демонстрацию городской бедноты. Демонстранты, обтянув трехцветное знамя траурным крепом, с криками «Долой министерство Ридольфи, да здравствует война до победы!» обошли город. Они ворвались в здание палаты, требуя от депутатов немедленной отправки войска на фронт, и, собравшись на площади перед правительственным дворцом, приветствовали оратора, объявившего о низложении Леопольда II и о сформировании Временного правительства во главе с Гуэррацци. Попытка радикалов произвести государственный переворот окончилась неудачей. Леопольд II, стянув на площадь до полутора тысяч солдат, легко разогнал толпу, после чего умеренные кое-как успокоили народ обещанием энергичных и быстрых мер. На следующий день палата, действительно, постановила мобилизовать дополнительно 10 батальонов волонтеров и послать в лагерь Карла-Альберта все наличные силы. Леопольд II вынужден был беспрекословно утвердить эти решения.

В Риме Стербини, поддержанный гневными криками собравшейся на улице толпы, потребовал от палаты депутатов немедленного объявления австрийцам войны и отправки новых отрядов на помощь Карлу-Альберту. Вечером 1 августа делегация палаты отправилась с этим требованием к папе. 500—600 человек, сопровождавших делегацию, долго ждали у ворот Квиринала ответа Пия IX. Папа отказался утвердить решение палаты, и народ двинулся по улицам с криками: «Да здравствует Временное правительство! Смерть попам и кардиналам!» Ночная демонстрация длилась несколько часов. На следующий день кабинет Мамиани подал в отставку, и обе палаты, опасаясь еще бо́льших волнений, опубликовали, не дожидаясь утверждения Пия IX, декрет о новом призыве волонтеров.

Сражаться за свободу и независимость своей родины хотел народ и в Пьемонте. В Турине возглавляемый Брофферио «Народный клуб» потребовал всеобщего набора в армию. По улицам города прошли демонстрации с требованием «войны до последней капли крови». Народ ворвался в здание палаты и выразил свое возмущение тем, что депутаты занимаются пустыми разговорами в то время как родине грозит враг. Народные массы бушевали у домов министров и, разгромив дворец графа Кастаньето, едва не убили его самого. Ударили в набат.

Политические заключенные были освобождены из тюрем, национальная гвардия не успевала рассеивать скоплявшиеся на улицах толпы. Палата, как и в остальных итальянских столицах, приняла под напором народа ряд спешных мер. Были призваны последние пять классов резервистов, мобилизованы 56 батальонов национальной гвардии (всего до 33 тыс. человек). И так как враг угрожал теперь территории Пьемонта, было решено обратиться за помощью к республиканской Франции и спешно укрепить Геную, Александрию, Казале и Турин.

Эти меры несколько успокоили население, а политическая незрелость масс и их не изжитая еще до конца вера в короля как защитника национального дела позволили умеренным укрепить свои позиции. В обстановке военного поражения и народных волнений им начинали казаться опасными даже конституционные свободы. Они мечтали о твердой власти, и нижняя палата, составленная в основном из умеренных либералов, в начале августа приняла решение о самороспуске и вручении на время войны диктаторских полномочий Карлу-Альберту. Вслед за этим в Турине немедленно были объявлены незаконными публичные собрания, запрещено расклеивать на стенах домов политические афиши и продавать на улицах газеты.

Образование в Милане Комитета общественной обороны

Милан, которому поражение пьемонтских войск грозило непосредственным вторжением австрийцев, узнал о битве при Кустоцце уже 26 июля. Из центральных районов города начался отъезд богатых семей, скомпрометированных связями с Временным правительством. С площади перед дворцом до поздней ночи не расходились ремесленники и рабочие, требовавшие всеобщего набора.

27 июля утром растерявшиеся члены Временного правительства созвали на экстренное совещание лидеров республиканских групп: республиканцы становились теперь в глазах правительства единственной партией, способной организовать оборону и, главное, удержать народ от революционных выступлений.

В совещании приняли участие Мадзини, Каттанео, а также Гарибальди, незадолго до того приехавший в Милан. Республиканцы потребовали создания Комитета трех. Временное правительство медлило, боясь выпустить власть из своих рук. Согласившись, наконец, на создание Комитета, оно стало стремиться включить в его состав своих людей. Республиканцы протестовали, время шло. Организованные республиканскими клубами и обществами народные демонстрации требовали немедленного создания Комитета. Народ на площади шумно выражал свое нетерпение. «Торопитесь, нето за вас проголосует улица»,— убеждал своих коллег граф Дурини. 28 июля Мадзини пригрозил правительству, что если оно будет медлить, Комитет будет создан самим народом. «Во имя бога — будьте благоразумны,— писал он, обращаясь к членам Временного правительства.— Разве не встает перед вами призрак 1814 года?» (В 1814 г., в дни падения королевства Италии, в Милане происходили большие волнения городских «низов»).

28 июля к концу дня Временное правительство согласилось передать власть, но лишь частично и временно, сформированному из республиканцев Комитету общественной обороны. Сам Мадзини в этот Комитет войти отказался, не желая «придавать партийный характер «правительству, которое, по его мнению, должно было быть «только итальянским». Но из трех членов Комитета — Маэстри, Фанти и Рестелли — два первых были республиканцами. Комитет был в значительной мере орудием в руках Мадзини.

«Я в постоянном контакте с комитетом,— писал он 1 августа своей матери.— Мы не занимаемся ничем, кроме обороны. Комитет, его гене-

ралы, советники — все республиканцы. Мы не произносим слово республика, но сделали для обороны в три дня больше, чем правительство в три месяца». «Правительство здесь в наших руках»,— констатировал он в другом письме.

Комитет, действительно, многое сделал для обороны Милана. Он объявил всеобщий набор, направил Гарибальди в провинцию для организации волонтерских отрядов, послал специалистов-инженеров и техников строить укрепления на берегах Адды, где Карл-Альберт одно время предполагал задержаться и дать сражение австрийцам. Когда король, вопреки своим обещаниям, оставил Адду, на созванном Комитетом военном совещании было решено организовать оборону Милана, был разработан план обороны. При этом Комитету приходилось преодолевать сопротивление части миланской буржуазии, проникнутой пораженческими настроениями и отнюдь не желавшей жертвовать своими доходами ради обороны. Пришлось, в частности, издать специальное постановление, направленное против торговцев и промышленников, препятствовавших своим рабочим принимать участие в оборонительных работах. Побуждаемый настоятельной необходимостью спешно организовать оборону, Комитет решился прибегнуть к реквизициям у местных богачей. Он реквизировал здания для новобранцев, белье для госпиталей, муку и рис для армии, подводы и лошадей. Введенный для нужд обороны чрезвычайный 14-миллионный налог был прогрессивно-подоходным, и взыскан он был в первую очередь с наиболее богатых людей.

Но помещичьих земель Комитет все же не национализировал и крестьянам их не отдал. А без этой меры нечего было и думать привлечь на свою сторону разоренное войной ломбардское крестьянство и вновь поднять ту «войну народа против захватчиков», которая изгнала австрийцев в марте и к которой призывал теперь Мадзини. Земли остались у помещиков. Поэтому армия Радецкого, продвигаясь вслед за отступавшими пьемонтцами, попрежнему не встречала сопротивления. Были даже деревни, где крестьяне выходили навстречу солдатам Радецкого с зелеными ветвями в руках и с криками: «Да здравствует Радецкий! Смерть синьорам!»

Не сумел Комитет по-революционному разрешить также и важнейший вопрос о власти. Часть республиканской печати Милана с первого дня создания Комитета требовала, чтобы он окончательно отстранил Временное правительство и установил в Ломбардии революционную диктатуру. Мадзинисты, боясь окончательно порвать с либералами, на это не решались. Между тем 31 июля в Милан прибыл королевский комиссар Оливьери. Народ встретил Оливьери демонстрацией протеста и криками: «Власть Комитету!» Но Маэстри, Рестелли и Фанти, проникнутые почтением к буржуазной законности, послушно заявили комиссару, что, поскольку они получили свою власть от Временного правительства, а последнее с приездом королевского комиссара превращается в совещательный орган, они готовы сложить свои полномочия.

Оливьери, однако, понял, что в данных обстоятельствах для него разумнее сохранить Комитет. Он только потребовал, чтобы члены Комитета согласовывали с ним все свои действия и представляли ему на подпись свои бумаги. Понятно, что с этого момента все действия Комитета были в значительной мере стеснены.

Милан переживал тяжелые дни. В город прибывали беженцы из захваченных австрийцами городов, а также раненые солдаты. Дворцы аристократов пустели. Богатых собственников почти не было видно. Целыми днями народ не расходился с переполненных улиц. Настроение толпы быстро менялось, но преобладающим было стремление во что бы то ни

стало оказать сопротивление врагу. Еще слишком свежа была память о героических «пяти днях», об австрийских зверствах при отступлении, еще сохранялось захваченное у врага оружие.

Милан хотел сопротивляться, и его сопротивление было бы успешным, если бы Радецкому и на этот раз не пришел на помощь Карл-Альберт.

Планы Карла-Альберта

Оставив последний водный рубеж на пути к Милану — реку Адду, пьемонтские войска могли идти дальше по разным направлениям. Они могли двинуться к Милану и привести к его стенам следовавших за ними по пятам австрийцев, но могли, перейдя реку По и, отойдя к Пьяченце, отвлечь Радецкого от Милана. Генералы пьемонтской армии и часть работников пьемонтского генерального штаба, как и командование австрийской армии, были уверены, что отступающая пьемонтская армия движется именно в этом направлении. Карл-Альберт тоже, казалось, собирался идти к Пьяченце и даже отправил туда свою артиллерию. Но в Лоди король неожиданно заявил, что направляется защищать Милан.

Решение короля вызвало у членов Комитета общественной обороны серьезную тревогу. Весь разработанный Комитетом план обороны Милана был рассчитан на то, что Карл-Альберт оттянет австрийцев в сторону Пьяченцы и позволит городу выиграть несколько дней. За это время должны были подойти подкрепления из Тосканы и Пьемонта и закончить свое элементарное военное обучение ломбардские новобранцы. Комитет должен был довести до конца фортификационные работы и, открыв шлюзы искусственного орошения, сделать непроходимыми для врага ведущие к Милану дороги. Планы короля были настолько опасны, что Фанти и Рестелли немедленно направились в ставку Карла-Альберта уговаривать его не идти к Милану. Бава, начальник генерального штаба пьемонтской армии, был с ними согласен, но король заявил о неизменности принятого им решения.

Карл-Альберт направлялся к Милану, чтобы сдать его австрийцам. Волнения, вспыхнувшие в итальянских городах при получении известий о Кустоцце, наглядно показали королю, как много революционных сил таится еще в Италии. Он боялся, что героическая оборона, к которой готовился Милан, заставит эти силы разгореться таким же пожаром, как в марте.

3 августа пьемонтские войска, ведя за собой австрийскую армию, подошли к Милану. 4 августа начался бой, в котором приняло участие не более половины пьемонтских войск. Уже через несколько часов они отступили и вошли в Милан. Карл-Альберт немедленно отправил Радецкому депутацию с предложением сдать город.

Милан готовился к обороне. Снова, как и в мартовские дни, были возведены баррикады, снова за ними стояли рабочие, ремесленники, мелкие буржуа. Женщины и дети готовились помогать бойцам. Всю ночь защитники города дежурили у баррикад. Но австрийские пушки молчали.

Сдача Милана

5 августа утром Карл-Альберт пригласил к себе членов Комитета и заявил им, что акт о капитуляции будет подписан в тот же день, и утром следующего дня Милан будет сдан.

Первых, кто принес известие о капитуляции, народ принял за австрийских шпионов и убил их на месте. Как только это известие подтвердилось, на улицах послышались крики: «Смерть Карлу-Альберту австрийскому!» Разъяренная толпа кинулась к дворцу, где остановился король, и, опрокинув часовых, ворвалась внутрь. Королевские карабинеры с трудом задержали ее на лестнице. Все же часть народа проникла в кабинет к королю.

Спасая свою жизнь Карл-Альберт стал уверять ворвавшихся в его кабинет людей, что если жители Милана этого требуют, он будет продолжать борьбу. После этого дворец удалось очистить от народа.

Между тем миланские буржуа, узнав, что Карл-Алберт обещал народу продолжать сопротивление, заволновались. Бо́льшая часть миланской буржуазии уже давно мечтала о мире. К королю была спешно отправлена делегация во главе с Паоло Басси, чтобы «объяснить ему всю опасность сопротивления». Басси принадлежал к группе Казати. Это был новый глава миланского муниципалитета, «мэр капитуляции», незадолго перед тем избранный. Король успокоил делегацию, заявив, что сражаться он и не предполагает. Из дворца делегация немедленно отправилась в ставку Радецкого, чтобы объяснить ему создавшееся в городе положение и просить не аннулировать договор о капитуляции, если король не сможет его во-время подписать.

Город в этот день был лишен всякой власти. Члены Временного правительства бежали. Комитет общественной обороны даже и не пытался возглавить народное сопротивление и объявил себя распущенным. Мадзини, не желая защищать город вместе с королем, еще 3 августа выехал из Милана, чтобы поступить добровольцем в один из организованных Гарибальди отрядов. Через несколько дней он вместе с этим отрядом перешел швейцарскую границу.

Народ был предоставлен самому себе. Он не верил королевскому слову, его обещанию сражаться. Весь день народ бушевал на улицах и площадях и пытался взять дворец штурмом. Взломать массивные ворота дворца народу не удавалось; отдельные стрелки, взобравшись на деревья, стреляли в окна. Во второй половине дня одному из пьемонтских генералов все же удалось выбраться из окруженного народом дворца. Он направился в казармы, чтобы привести ко дворцу пьемонтские войска. Первые отряды подошли к дворцу как раз тогда, когда толпа, намереваясь взорвать дворец, подтаскивала к нему порох. После нескольких залпов народ разбежался. Но Карла-Альберта уже не было во дворце. С наступлением темноты он бежал через заднюю калитку. Ночью он добрался до своих войск и отдал приказ немедленно оставить Милан.

По условиям капитуляции, австрийская армия должна была занять Милан 6 августа в 12 часов дня. Но всю ночь, пока войска уходили из города, народ в Милане продолжал волноваться. Рабочие и ремесленники кричали, что теперь, когда пьемонтская армия ушла, они сами будут защищать Милан. Они вооружились и завладели даже арсеналом. Потом они кинулись громить продовольственные лавки, дома богачей. На рассвете миланские буржуа отправили к Радецкому депутацию с просьбой немедленно занять город и защитить их от народа. Когда через час или два австрийцы вошли в Милан, Басси встретил Радецкого на соборной площади и торжественно вручил ему ключи от Милана.

Перемирие Саласко. Умеренные

Прошло еще несколько дней, и Италия узнала, что Карл-Альберт заключил с австрийцами перемирие. Это было так называемое перемирие Саласко, названное так по имени подписавшего его с пьемонтской стороны генерала. По условиям перемирия, пьемонтская армия оставила Ломбардию, Модену, Парму, Венецию, куда было послано после решения о слиянии 2—3 тысячи пьемонтских солдат, оставила австрийцам и Пескьеру. Перемирие было заключено на шесть недель. Впоследствии оно было продлено. Этим перемирием фактически завершилась первая война за независимость Италии.

«Королевская война» была закончена. Она была проиграна королем и умеренными, которые боялись народа больше, чем австрийцев, и

видели в капитуляции перед Австрией гарантию от дальнейшего углубления революции. «Если бы победа избавила нас от австрийцев,—писал, одобряя заключенное королем перемирие д'Адзелио, — кто знает, куда привела бы нас ярость политических страстей и дерзость партий...»

Чувство облегчения, охватившее с окончанием войны д'Адзелио и других умеренных, было, однако, преждевременным. Революционная энергия народа еще не иссякла, и окончание войны не означало еще окончания итальянской революции.

Глава двадцать девятая

ИЮНЬСКОЕ ВОССТАНИЕ В ПАРИЖЕ—«ПЕРВАЯ ВЕЛИКАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА МЕЖДУ ПРОЛЕТАРИАТОМ И БУРЖУАЗИЕЙ»

ОТ ОТКРЫТИЯ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ ДО СОБЫТИЙ 15 МАЯ

Четвертого мая 1848 г. в Париже открылось Учредительное собрание. 880 депутатов заняли места в зале Бурбонского дворца, где до февральской революции заседала палата депутатов. Заседание открыл старейший депутат Одри де Пюираво, видный участник июльской революции. Вступительную речь произнес председатель Временного правительства Дюпон. Собрание встретило его возгласами: «Да здравствует республика!»

Открытие Учредительного собрания

На следующий день состоялись выборы президиума. Председательское кресло занял Бюше, известный публицист и историк, буржуазный демократ, сторонник так называемого «католического социализма». Вице-председателями были избраны доктор Рекюр, генерал Кавеньяк, публицисты Корбон и Корменен, адвокат Сенар и полковник национальной гвардии Гинар. За исключением Корбона, все они примыкали к партии буржуазных республиканцев правого крыла. Занимая председательское место, Бюше заявил, что собрание должно с особым вниманием отнестись к интересам «того класса, той бедной, нуждающейся части населения, о которой никто никогда не заботился». Но тут же он добавил, что разрешение социального вопроса требует осторожного, зрелого, неторопливого обсуждения.

6, 7 и 8 мая Учредительное собрание слушало отчеты Временного правительства о его деятельности начиная с 25 февраля. Огромным большинством голосов собрание приняло резолюцию: «Временное правительство заслужило признательность родины». Против этой резолюции выступило только 4—5 человек. Барбес, председатель «Клуба революции», указал, что прежде чем выразить благодарность Временному правительству, надо потребовать у него объяснений по поводу резни в Руане и забвения интересов немецких, польских, итальянских и бельгийских революционеров.

Выступление Барбеса отражало настроения всей демократической общественности Парижа. Уже 1 мая «Клуб революции» принял решение «обратиться к Временному правительству с требованием немедленно вооружить рабочих промышленных городов, чтобы они могли отстоять себя, если будет сделана новая попытка убивать их, как это было в Руане».

2 мая «Центральное республиканское общество» в написанном Бланки гневном воззвании клеймило руанских контрреволюционеров, требовало роспуска и разоружения буржуазной гвардии Руана, ареста и предания суду генералов и офицеров национальной гвардии и регулярной армии, организовавших резню руанских рабочих, немедленного вывода войск из Парижа. Воззвание предсказывало, что контрреволюционеры готовят парижским рабочим «Варфоломеевскую ночь». В тот же день «Клуб равенства и братства» решил отправиться в полном составе к министру внутренних дел и потребовать тщательного расследования руанских событий. Один из членов клуба предложил двинуть 12-й легион национальной гвардии в Руан, чтобы отомстить за убийства рабочих.

С протестом против руанской бойни выступала и пресса демократического направления.

С другой стороны, правая печать требовала решительной борьбы против радикальных клубов и социалистических групп. Газета «Конституционалист» («Constitutionnel») возмущалась тем, что Учредительное собрание допустило делегатов от клубов присутствовать на своих заседаниях. «Журналь де Деба» подчеркивал, что «ни один клуб, ни несколько клубов, ни даже все клубы не олицетворяют собой народа», и утверждал, что «единственным органом всего населения, всего народа является собрание, избранное всеобщим голосованием». Газета «Общественное благо» («Salut public») убеждала депутатов поскорее «разделаться со всеми этими утопиями о социализме, об организации труда, об уничтожении конкуренции» и избавить «собственников, промышленников, капиталистов, добропорядочных рабочих» от всякой тревоги за будущее.

Создание Исполнительной комиссии

Действия Учредительного собрания оправдывали недоверие, которое оно с самого начала вызывало в широких массах. 10 мая Временное правительство было заменено Исполнительной комиссией (точнее — Комиссией исполнительной власти), в состав которой вошли только пять бывших членов правительства — Араго, Гарнье-Пажес, Мари, Ламартин и Ледрю-Роллен; ни Луи Блан, ни Альбер не были избраны. Преобладание в новом правительстве получили представители правого крыла Временного правительства; единственный представитель левых, Ледрю-Роллен, прошел последним, получив наименьшее количество голосов (458 из общего количества 784). Из десяти министров, назначенных 12 мая, только трое принадлежали к левым республиканцам: Карно — министр народного просвещения, Трела́ — министр общественных работ и Флокон — министр земледелия и торговли. Важнейшие посты заняли правые республиканцы: Кремье — министерство юстиции, Бастид — министерство иностранных дел, Шаррас — временное управление военным министерством, Рекюр — министерство внутренних дел.

Эти назначения показывали, что соотношение сил во Франции резко изменилось по сравнению с первым периодом революции 1848 г.

Передовые слои рабочего класса, мелкой буржуазии и радикальной интеллигенции Парижа с растущим недовольством следили за тем, что говорилось и делалось в Бурбонском дворце. Недовольство усилилось еще больше, когда 10 мая Учредительное собрание отвергло предложение Луи Блана о создании «министерства труда и прогресса». Тщетно ссылался бывший председатель Люксембургской комиссии на бедственное положение трудящихся, тщетно предупреждал, что безработица и голод могут толкнуть массы на восстание, которого он страшился и сам. Собрание ограничилось решением организовать комиссию по обследованию положения промышленных и сельскохозяйственных рабочих.

12 мая Учредительное собрание бросило новый вызов демократическим кругам. Оно приняло декрет, ограничивший право подачи петиций; отныне петиции могли представляться только в письменном виде; приносить их в Собрание, как это делалось в годы первой революции, запрещалось. Таким путем Учредительное собрание рассчитывало предотвратить народную демонстрацию, которая подготовлялась в этот момент с целью оказать давление на депутатов и предъявить им ряд требований.

Вопрос о помощи польским революционерам

Эти требования касались не только внутренней, но и внешней политики Франции, прежде всего вопроса об отношении к полякам и к их борьбе за восстановление независимости своей родины. Революционная борьба польского народа живо волновала широкие слои французской демократии. Во Франции с глубоким сочувствием следили за событиями в Познани и Кракове. Однако Временное правительство ничего не сделало, чтобы помочь восставшим полякам. К моменту открытия Учредительного собрания восстание в Кракове уже было подавлено (26 апреля), восстание в Познани доживало свои последние дни. 10 мая депутат Воловский огласил обращение «К французскому народу», подписанное членами национальных комитетов Познани, Кракова и Галиции и доставленное в Париж специальной делегацией, состоявшей из очевидцев событий. Обращение клеймило жестокую расправу прусских и австрийских войск с польскими повстанцами и призывало Францию оказать помощь Польше. О том же просил собрание и сам Воловский. Обсуждение этого вопроса было отложено на 15 мая.

НАРОДНОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ 15 МАЯ

Подготовка народной демонстрации

Решения, принятые 10 и 12 мая Учредительным собранием, вызвали глубокое негодование в демократических кругах Парижа. Орган радикальных клубов, газета «Парижская Коммуна» («Commune de Paris»), выходившая под редакцией Собрие, с горечью заявляла, что «время пустых надежд прошло, и настал день разочарований». В эти дни среди некоторых клубов возник проект организации постоянного «Собрания делегатов от клубов», на которое была бы возложена задача охранять республиканский строй, вырабатывать и осуществлять социальные реформы в интересах широких слоев населения. Но этот проект не был осуществлен.

Идея народной демонстрации в знак сочувствия восставшим полякам становилась в Париже с каждым днем все более популярной. 6 мая «Клуб друзей народа» принял соответствующую петицию на имя Учредительного собрания. «Клуб демократического единства» обратился ко всем клубам и рабочим корпорациям Парижа с призывом прислать 13 мая своих делегатов на собрание, чтобы разработать план демонстрации.

Организацию дела взял на себя «Централизаторский комитет», который заменил в начале мая «Клуб клубов». На собрании, в котором участвовало 600 делегатов от различных клубов, было решено, что демонстрация состоится 15 мая и что она будет мирной. Руководил этим собранием Юбер, председатель «Централизаторского комитета», человек, личность которого остается не вполне ясной до сих пор. Старый деятель демократического движения, видный участник тайных обществ, Юбер пользовался значительной популярностью в революционных кругах Парижа в 1848 г.; однако впоследствии (на Буржском процессе 1849 г.) выяснилось, что он был связан с полицией Июльской монархии. Есть основание полагать, что он оставался тайным агентом-провокатором и после февральской

революции, поддерживал связь с министрами Мари и Маррастом (характерно, что, несмотря на активное участие в демонстрации 15 мая, Юбер не был арестован или, точнее, был немедленно освобожден из-под ареста). Впоследствии он был, правда, осужден, но очень скоро помилован, возвращен из ссылки, после чего поселился в Париже и жил на широкую ногу.

Среди руководителей клубов не было полного единодушия по вопросу об участии в демонстрации. Барбес считал демонстрацию несвоевременной и предлагал отложить ее, пока Учредительное собрание не выскажется по поводу обращения поляков, оглашенного Воловским. Известную роль играл при этом и страх перед влиянием Бланки, который, как опасался Барбес и некоторые другие мелкобуржуазные демократы, мог придать демонстрации открыто революционный характер. «Клуб революции» на заседании 14 мая высказался против демонстрации. В «Центральном республиканском обществе» мнения разделились. Бланки сначала предлагал воздержаться от всякого участия в демонстрации. Верный тактике, принятой им после февральской революции, он считал, что предварительным условием захвата власти коммунистами и революционными демократами должно быть завоевание поддержки широких масс населения. Результаты выборов в Учредительное собрание показали, что этой широкой опоры в массах, особенно в деревне, коммунисты тогда еще не имели. Однако под конец Бланки согласился с мнением большинства членов «Центрального республиканского общества». Решено было, что клуб примет участие в демонстрации, но что она будет безоружной.

Начало демонстрации

15 мая с утра улицы Парижа заполнились народом. К десяти часам площадь Бастилии была запружена членами рабочих корпораций, делегатами Люксембургской комиссии и национальных мастерских, представителями клубов «Освобождения народов», «Вооруженного человека», «Монтаньяров», «Якобинцев», «Общества прав человека» и многих других. Раздавались крики: «Да здравствует Польша! Да здравствует республика!»

В 11 часов шествие двинулось вдоль бульваров по направлению к Бурбонскому дворцу. Юбер и Собрие вели колонну, среди которой, между 70 флагами национальных мастерских, развевались флаги иностранных наций (польский, итальянский, ирландский и другие), украшенные лентами, цветами и зеленью. Численность демонстрантов достигала 150 тыс. человек. Недалеко от моста Согласия их встретил главнокомандующий национальной гвардией генерал де Курте. Толпа приветствовала его криками: «Да здравствует народный генерал!» Старый генерал, обожавший популярность, кланялся, улыбался, говорил о своих симпатиях к Польше. Во избежание столкновений он обещал, что депутация из 25 человек будет допущена в Бурбонский дворец для представления петиции и что народной колонне будет разрешено продефилировать перед дворцом. Войска, охранявшие мост Согласия, получили приказ пропустить демонстрантов, которые устремились к дворцу и проникли в здание.

Демонстранты в зале заседаний Учредительного собрания

В этот момент на трибуне находился Воловский, который горячо доказывал, что «восстановление независимой Польши есть единственная гарантия прочного мира и полного освобождения народов». Громкие крики: «Да здравствует Польша!», доносившиеся снаружи, покрыли слова оратора. Демонстранты, ворвавшиеся в зал заседаний, расположились на трибунах для публики, заполнили и депутатские места. Распайль огласил петицию «Клуба друзей

народа», в которой говорилось, что свобода Франции не будет обеспечена до тех пор, «пока в Европе останется хоть один угнетенный народ». Петиция предлагала Учредительному собранию немедленно декретировать, что Франция считает дело поляков своим собственным делом, что она будет добиваться восстановления польской независимости и что в случае отказа держав удовлетворить это требование части французской армии будут отправлены на помощь восставшей Польше.

Демонстранты приветствовали петицию возгласами: «Да здравствует Польша!» Барбес, обращаясь к ним, заявил, что отныне право петиций не будет отнято у народа, и выразил уверенность, что Учредительное собрание примет во внимание народные требования. После этого он предложил демонстрантам удалиться, чтобы не нарушать свободы заседаний. Это предложение было встречено протестующими возгласами толпы. По требованию демонстрантов слово взял Бланки. Он заявил, что народ требует восстановления независимого польского государства в границах 1772 г. и что достаточно будет появления одной французской армии на Рейне, чтобы преодолеть все препятствия со стороны реакционных правительств Европы. Переходя к вопросам внутренней политики, оратор потребовал наказания виновников руанской бойни, борьбы с безработицей и нищетой масс.

Бланки сменил на трибуне Ледрю-Роллен. Он выразил лицемерное сочувствие требованиям народа, а затем потребовал, чтобы демонстранты покинули зал и дали Собранию возможность обсудить и принять необходимые меры. Толпа не расходилась. Раздавались крики: «Мы ждем немедленного ответа! Мы требуем министерства труда!» Под гром аплодисментов Барбес потребовал, чтобы Учредительное собрание немедленно приняло постановления об отправке армии на помощь восставшим полякам, об установлении налога на богачей и о выводе войск из Парижа.

Возбуждение среди демонстрантов усиливалось. «Мы требуем,— заявляли народные ораторы,— исполнения обещаний Временного правительства. Нам обещали организовать труд, но он все еще не организован. Мы хотим, чтобы этим занялись немедленно!» Другие ораторы требовали организации «общественного комитета» для наблюдения за действиями Исполнительной комиссии, отставки большинства министров. Группа рабочих подняла на руки Луи Блана и, несмотря на протесты с его стороны, пронесла его по залу. Возбуждение усилилось еще больше, когда снаружи донеслась дробь барабана. Чтобы успокоить народ и выиграть время, председатель и секретари отдали письменные распоряжения, запрещающие бить сбор, но эти приказы, написанные на клочках бумаги, без даты и без печати, не были выполнены. Волнение и шум в зале достигли апогея.

Попытка роспуска Учредительного собрания и создания нового правительства

В этот момент Юбер устремился к трибуне. «Граждане! — воскликнул он,— именем народа, обманутого своими представителями, я объявляю Учредительное собрание распущенным!» Группа участников демонстрации завладела столом президиума и согнала Бюше с председательского места. Многие депутаты покинули зал. За столом председателя было установлено трехцветное знамя, увенчанное красным колпаком. Раздавались крики: «К оружию! К оружию! В ратушу!» Характер демонстрации изменился. Были составлены списки членов нового Временного правительства. Назывались имена Барбеса, Луи Блана, Ледрю-Роллена, Бланки, Юбера, Распайля, Коссидьера, Этьенна Араго, Альбера, Лагранжа. Был предложен и другой список, более однородный, состоящий почти сплошь из социалистов и коммунистов: Кабе, Луи Блан, Пьер Леру, Распайль, Консидеран,

Барбес, Бланки, Прудон. С криками «К оружию!» народ покинул Бурбонский дворец и направился к ратуше.

Был момент, когда казалось, что Учредительное собрание разделит судьбу палаты депутатов и что правительство буржуазной республики будет свергнуто так же, как было свергнуто правительство буржуазной монархии. Но этого не случилось. Перевес сил был явно на стороне Собрания. Не успели демонстранты покинуть Бурбонский дворец, как в нем появились отряды национальной гвардии буржуазных кварталов и батальоны мобилей. Большинство разбежавшихся депутатов вновь заняло свои места. Министр финансов Дюклер объявил, что Учредительное собрание возобновляет свою работу. Решено было двинуть к ратуше войска, чтобы покончить с «мятежниками». Во главе колонны стали Ламартин, Ледрю-Роллен и некоторые другие члены Исполнительной комиссии.

Действия нового правительства в ратуше

Из членов нового правительства в ратуше присутствовали только двое — Альбер и Барбес. Барбес вначале держался того мнения, что народное выступление должно ограничиться предъявлением некоторых требований депутатам, как бывало не раз в годы первой революции. Однако, убедившись, что Учредительное собрание не расположено удовлетворить народные требования, и переоценив силы революционеров, Барбес присоединился к тем, кто решил создать новое правительство. Иным было поведение Бланки. Не веря в успех восстания, которое он справедливо считал неподготовленным и преждевременным, Бланки не явился в ратушу. «Я знал,— говорил он позднее,— что большинство населения Парижа не хотело разгона Собрания. Национальная гвардия, бо̀льшая часть рабочих, провинция с негодованием поднялись бы против этого, и импровизированное правительство не продержалось бы и восьми дней».

Не дожидаясь прихода других членов нового правительства, Барбес и Альбер приступили к работе. Их первым шагом было принятие декрета о роспуске Учредительного собрания и о создании нового правительства в составе Луи Блана, Ледрю-Роллена, Альбера, Распайля, Барбеса, Пьера Леру и Торе. В этом списке не было ни Бланки, ни Кабе, зато был мелкобуржуазный демократ Торэ, близкий к Барбесу член бюро его клуба. Включение в список Ледрю-Роллена, который как раз в это время направлялся к ратуше для разгона демонстрантов, свидетельствовало о том, что Барбес и другие руководители движения имели совершенно превратное представление о политическом лице этого человека. Ошибочными были и расчеты на Коссидьера, утвержденного декретом Барбеса и Альбера на посту префекта полиции (тактика Коссидьера в день 15 мая была выжидательной и пассивной). Тот же декрет предлагал национальным гвардейцам разойтись по домам. Другой декрет ставил вне закона всякого гражданина, появляющегося в мундире национальной гвардии. Третий декрет, подписанный одним Барбесом, гласил, что правительствам России и Германии будет предложено восстановить независимую Польшу, а в случае их отказа правительство Французской республики «немедленно объявит им войну». Копии со всех этих декретов выбрасывались из окон ратуши на площадь, где толпился народ.

Чтобы закрепить результаты начавшегося переворота, были сделаны неудачные попытки захватить почтовое ведомство, Люксембургский дворец и некоторые другие правительственные здания. Собрие явился в министерство внутренних дел, чтобы заставить министра Рекюра передать по телеграфу во все концы Франции официальное сообщение о роспуске Учредительного собрания и о создании нового правительства. Рекюр отказался это сделать, после чего Собрие покинул министерство, захватив с собой его печати.

ОГЮСТ БЛАНКИ В ВЕНСЕННСКОМ ЗАМКЕ

Литография Алоф

Собрание Института Маркса — Энгельса — Ленина. Москва.

Неудачный исход выступления 15 мая

Недолго продолжалась деятельность нового правительства в ратуше. Даже не все здание ратуши было в руках революционеров: в то время как в одном его крыле заседали Барбес и Альбер, в другом попрежнему распоряжался в качестве мэра Марраст. Оставленный на свободе Марраст успел связаться с командирами национальной гвардии буржуазных кварталов и отдать приказ генералу Фуше окружить здание. Вскоре отряд национальной гвардии ворвался в ратушу. Барбес и Альбер были арестованы. Через час на площади появились войска. Ратуша была оцеплена и очищена от революционеров, оказавших лишь слабое сопротивление. В тот же вечер полиция арестовала Распайля, Собрие и некоторых других революционных деятелей. 26 мая был разыскан и арестован Бланки.

Народное выступление 15 мая потерпело полную неудачу. Реакционеры могли быть довольны: рабочие и демократы Парижа лишились своих лучших вождей. И это произошло накануне решающего столкновения. «Пятнадцатое мая,— писал А. И. Герцен,— сняло с моих глаз повязку. Сомнений больше не осталось. Революция побеждена, скоро будет побеждена и республика».

НАКАНУНЕ РЕШАЮЩЕЙ БИТВЫ

Усиление буржуазной контрреволюции

«Февральские иллюзии более невозможны: за три месяца мы ушли на десять лет назад»,— с горечью писала 23 мая газета «Парижская Коммуна».

Действительно, контрреволюция усиливалась теперь с каждым днем. Характерны уже первые постановления, принятые Учредительным собранием и Исполнительной комиссией после демонстрации 15 мая. 16 мая были распущены отряды монтаньяров и другие революционные формирования, уже давно мозолившие глаза властям. В тот же день было объявлено о создании корпуса «республиканской гвардии» (из 2600 человек), который должен был находиться в распоряжении префекта полиции. Коссидьер, занимавший эту должность с 24 февраля, был смещен, и на его место 18 мая был назначен Труве-Шовель, буржуазный республиканец из партии «Насиональ». Днем раньше на пост военного министра был назначен генерал Кавеньяк, бывший губернатор Алжира, человек, близкий к той же партии, типичный представитель колониальной военщины, известный своим жестоким обращением с арабами. 22 мая были закрыты клуб Бланки и клуб Распайля. В Париж стягивались войска из окрестностей. Убеждение в неизбежности вооруженного столкновения было так велико, что 21 мая, отправляясь на «праздник Согласия», многие члены Учредительного собрания тайком запасались оружием.

Классовые противоречия обострялись. Наступление буржуазии на рабочих принимало все более открытый характер. Торговые палаты настойчиво добивались отмены декрета 2 марта о сокращении рабочего дня, лживо утверждая, что этот декрет причинил серьезный ущерб хозяйственной жизни. Отдельные предприниматели явочным порядком переходили к 12—14-часовому рабочему дню.

Поход против национальных мастерских

Контрреволюционная пресса вела ожесточенный поход против национальных мастерских. «Нам угрожает постоянная опасность, — писала 17 мая монархическая газета «Национальное собрание»,— да и как в самом деле не опасаться беспорядков, когда государство содержит на свой счет армию в 100 тысяч человек единственно для того, чтобы учить их бунтовать? Кто не знает, что национальные мастерские служат

лучшей опорой для тех, которые хотят анархии и грабежей? Нужно уничтожить причины беспорядков..., время полумер прошло». «Национальная гвардия,—писала та же газета,— хочет доказать свою преданность делу порядка; перед ней стоит дилемма: или силой принудить мятежников к спокойствию, или молча присутствовать при гибели общества. Национальная гвардия знает свои обязанности и в такой момент не станет колебаться: мы предпочитаем битву, отчаянную битву, неизвестности и постоянному страху за завтрашний день». Эти слова звучали явно провокационно.

24 мая министр общественных работ Трела́ принял решение, направленное к ликвидации национальных мастерских. Всем холостым рабочим в возрасте от 18 до 25 лет предлагалось, под угрозой исключения из списков, «записываться в армии республики»; все иногородние рабочие подлежали безусловному исключению из списков, все остальные переводились с поденной оплаты на сдельную, что означало резкое снижение заработной платы. Это решение было проведено в жизнь не сразу.

Одним из главных вдохновителей похода против национальных мастерских был граф Фаллу, крупный помещик, монархист и клерикал, избранный председателем подкомиссии в Комитете труда Учредительного собрания (ему усердно помогал в этом деле председатель Комитета Корбон, ренегат социализма). 28 мая, выступая с докладом в Учредительном собрании, Фаллу заявлял, что по соображениям как экономическим, так и политическим национальные мастерские должны быть ликвидированы. Докладчик утверждал, что в связи с улучшением экономической конъюнктуры частные предприниматели предъявляют и будут предъявлять все больший спрос на рабочую силу, но рабочие предпочитают оставаться в национальных мастерских, а это затрудняет восстановление деловой жизни. Замалчивая значение национальных мастерских как фактора, ограничивающего возможность снижения заработной платы в частных предприятиях, Фаллу говорил: «Национальные мастерские представляют собой в настоящий момент с промышленной точки зрения не что иное, как перманентную стачку, организованную и оплачиваемую по 170 тыс. фр. в день, т. е. по 45 млн. фр. в год. С политической точки зрения — это активный очаг угрожающего нам брожения, с точки зрения финансовой — это ежедневное открытое расхищение государственных средств, с точки зрения моральной — это достойное сожаления извращение столь доблестного и чистого характера рабочего...»

Фаллу предвидел возможность сопротивления со стороны рабочих, но это его не смущало. «Допустим, что будет оказано сопротивление, — откровенно говорил он 25 мая на заседании Комитета труда, — но разве у вас нет национальной гвардии, нет добропорядочных рабочих, нет промышленников, которые только и требуют развертывания известной энергии?»

Кампания против национальных мастерских была тесно связана с кампанией против огосударствления железных дорог. Еще в конце апреля Временное правительство приняло законопроект о принудительном выкупе государством железных дорог у частных компаний. В конце мая этот законопроект обсуждался Учредительным собранием.

Представители правых партий, защищая своекорыстные интересы финансовой аристократии, яростно нападали на этот законопроект. Переход железных дорог в руки государства позволил бы развернуть железнодорожное строительство, которое в связи с кризисом почти вовсе прекратилось, и мог бы дать работу многим тысячам безработных. Так, например, директор неоконченной железной дороги Париж — Лион 29 мая предложил правительству принять на работу 15 тыс. рабочих национальных мастерских при условии предоставления субсидии на строительство

этой дороги. Защитники финансово-промышленной олигархии, выступая против законопроекта об огосударствлении железных дорог, выступали одновременно и против сохранения национальных мастерских. Характерна в этом отношении позиция Леона Фоше. Этот буржуазный экономист и одновременно директор одной из железнодорожных компаний резко нападал на законопроект о железных дорогах и в то же время настойчиво добивался немедленной ликвидации национальных мастерских, полностью поддерживая в этом вопросе Фаллу.

30 мая Учредительное собрание приняло по докладу Фаллу декрет о реорганизации национальных мастерских, означавший подготовку к их закрытию. Декрет предусматривал замену поденной оплаты труда сдельной (в условиях национальных мастерских это вело к снижению заработной платы), намечал предоставление специальных кредитов для возобновления работы частных предприятий, а также предприятий департаментских и коммунальных, и высылку в провинцию всех рабочих, проживающих в департаменте Сены менее трех месяцев.

Декрет этот был опубликован 3 июня и вызвал огромное недовольство в рабочих массах Парижа.

Дополнительные выборы 4 июня. Интриги бонапартистов

4 июня состоялись дополнительные выборы в Учредительное собрание. Среди 11 вновь избранных депутатов были мелкобуржуазные социалисты Пьер Леру и Прудон, левые республиканцы Коссидьер и Лагранж, республиканец правого крыла банкир Гудшо, писатель Виктор Гюго, орлеанисты Тьер и генерал Шангарнье. Результаты выборов свидетельствовали о росте классовых противоречий.

Положение осложнилось неожиданным избранием принца Луи-Наполеона Бонапарта, получившего 84 420 голосов. Этот первый в 1848 г. успех бонапартистов объясняется прежде всего широкой агитацией, которую они вели в различных слоях населения в пользу племянника Наполеона I. Агитацию возглавлял Фиален (будущий герцог Персиньи), не жалевший средств на издание и распространение газет, брошюр, листовок, а также портретов, флажков, медальонов соответствующего характера. Сторонники претендента всячески рекламировали своего кандидата и не скупились на демагогические обещания. Газетки «Серый сюртук» («Redingote grise») и «Маленький капрал» («Petit caporal») расписывали былые победы Наполеона и подыгрывались под настроения армии, в рядах которой было немало людей, желавших взять реванш за поражение, понесенное ею в февральские дни.

Спекуляция на популярности в армии имени Наполеона дополнялась демагогическим заигрыванием с трудящимися массами. «Уничтожение нищеты» — таков был девиз газеты «Наполеон-республиканец». Следует заметить, что этот девиз в точности воспроизводил название брошюры, опубликованной незадолго до революции (в 1844 г.) Луи Бонапартом. Бонапартистская пресса приводила в 1848 г. выдержки из этой книжонки. Принц Луи Бонапарт лживо изображался бонапартистскими газетами как «верный республиканец», «друг трудящихся», «социалист». Крестьян, озлобленных дополнительным 45-сантимным налогом, агенты бонапартистской клики убеждали, что Луи Бонапарт, став у власти, отменит этот налог или переложит его на богачей. Не брезгали бонапартисты и антисемитской пропагандой, которая велась под видом борьбы против спекулянтов и ростовщиков, виновников экономического кризиса и нищеты масс.

Вопрос об утверждении Луи Бонапарта депутатом вызвал в Учредительном собрании бурные прения, но, несмотря на резкие протесты многих

республиканцев, был решен положительно. Однако сам Луи Бонапарт, считая преждевременным свое появление на политической сцене, отказался от депутатского звания и остался пока в Лондоне.

Бонапартистская агитация продолжалась, еще более усиливая возбуждение, царившее в Париже. Полицейские донесения с тревогой отмечали, что толпы народа, среди которых преобладали люди в рабочих блузах, собирались каждый вечер у застав Сен-Дени и Сен-Мартен, в районе Бурбонского дворца и в некоторых других пунктах столицы. Разгоняемые национальной гвардией, эти импровизированные уличные клубы переходили с места на место, но не расходились. Здесь резко критиковалась реакционная политика правительства; возгласы: «Долой Учредительное собрание!» перемежались с возгласами в честь Барбеса, Бланки, Распайля и с угрозами по адресу их тюремщиков. Иногда слышались и крики: «Да здравствует Луи-Наполеон!» Но эти крики тонули в приветствиях в честь арестованных революционеров. Сознательные рабочие не скрывали своего отрицательного отношения к бонапартистским интригам, своей преданности республиканскому строю, своей готовности защищать демократические свободы.

Закон против уличных сходок. Провокационные действия правительства

Чтобы положить конец уличным манифестациям, Учредительное собрание 7 июня приняло суровый закон против них. Сходка, по закону 7 июня, считалась вооруженной, если в толпе оказывался хоть один человек с оружием в руках. Участникам сходок, особенно ночных, грозили строгие кары: тюремное заключение от 2 недель до 10 лет.

При обсуждении этого законопроекта в Учредительном собрании один депутат назвал его драконовским и объявил, что «он достоин Карла IX, а не республиканского правительства». Подавляющим большинством голосов закон был все же принят.

Однако и после этого большие группы рабочих продолжали собираться на улицах и обсуждать события дня. Политическая атмосфера с каждым днем накалялась все сильнее.

Подготовка правительства к вооруженному столкновению шла полным ходом. Из провинции в столицу стягивались войска. Между тем, как явствует из имеющихся у нас документов, в противоположном, в революционном лагере сознательной подготовки к вооруженному восстанию в эти дни не велось. Но тон революционных газет («Карманьолы», «Набата трудящихся» и др.) повышался с каждым днем.

Некоторые из этих газет предупреждали правительство, что терпение народа иссякает, и напоминали о грозных днях первой революции, о провозглашенном ею «праве на сопротивление угнетению».

Возмущение рабочих масс росло. Оно поддерживалось тяжелыми лишениями, являвшимися следствием экономического кризиса. «Я наталкиваюсь на страдания, которые меня пугают и приводят в отчаяние»,— писал в докладе от 13 июня директор национальных мастерских Лаланн. «Один из помощников мэра 8 округа,— продолжал он,— только что сообщил мне, что более 5—6 тысяч рабочих этого округа уже давно сидят без работы; они просят хлеба, которого у них нет. Несколько тысяч граждан 12 округа находятся точно в таком же положении. Я только что принял 60 безработных этого округа... Эти 60 человек с утра ничего не имели во рту и не знают, удастся ли им поесть вечером; при этом многие из них — люди семейные... Нищета усиливается с каждым днем и грозит все затопить. Необходимо воздвигнуть какую-нибудь плотину и сделать это, не теряя ни минуты, если вы не хотите, чтобы общество очутилось на краю гибели...»

Политическая обстановка становилась все более напряжённой не только в столице, но и в некоторых провинциальных городах. Рабочие волнения, стачки, демонстрации, вызванные провокационными действиями властей и предпринимателей, происходили в это время и в Лионе, и в Лилле, и в Туре, и в Рив-де-Жье, и в некоторых других промышленных центрах. В Марселе 21 июня дело дошло до вооруженного выступления местных рабочих, которым руководили деятели революционных клубов. Одной из главных причин выступления была попытка предпринимателей восстановить 12-часовой рабочий день. Положение осложнилось походом властей против рабочих добровольческих отрядов. 22 июня, после двух дней уличных боев, марсельское восстание было подавлено.

Решающая схватка приближалась...

«Надо с этим покончить!» — эти слова становились лозунгом всей буржуазной контрреволюции. Уверенная в превосходстве своих сил, она намеренно провоцировала восстание, с тем чтобы разгромить и разоружить рабочий класс Парижа, главный оплот революции и республики.

ИЮНЬСКОЕ ВОССТАНИЕ ПАРИЖСКИХ РАБОЧИХ

Роспуск национальных мастерских

22 июня в официальной газете «Монитёр» появилось правительственное распоряжение, предписывавшее всем холостым рабочим в возрасте от 18 до 25 лет, внесенным в списки национальных мастерских, немедленно вступить в армию; всем остальным предлагалось приготовиться к немедленной отправке на работу в провинцию Солонь.

Распоряжение это вызвало страшное возмущение среди рабочих. «Лучше погибнуть от пули в Париже, чем ехать умирать от лихорадки в Солони вдали от семьи»,— говорили они. В Солонь, болотистую местность, еще раньше были отправлены небольшие группы парижских рабочих. Некоторые из них вернулись обратно в Париж и рассказали своим товарищам о тяжелых условиях труда в этой провинции. Возмущение усилилось еще более, когда стал известен ответ правительства рабочей делегации, явившейся в Люксембургский дворец, чтобы выразить протест против решения о национальных мастерских. Делегаты были приняты членом Исполнительной комиссии Мари, который грубо прервал их и заявил, что, если рабочие откажутся подчиниться декрету, их принудят к этому силой.

Протестуя против правительственного распоряжения, парижские рабочие отстаивали не только свои экономические интересы, но и политические права, защищали демократические завоевания февральской революции. Члены Центрального бюро бригадиров национальных мастерских обратились к министру общественных работ с письмом, в котором говорилось: «От имени рабочих, которых мы представляем, мы заявляем, что ни один из нас не оставит Парижа до тех пор, пока не будет выработана и принята народом демократическая, социальная и народная конституция, которая обеспечит неприкосновенность священной для нас республики. После того как это будет сделано, мы подчинимся законам, которые будут приняты в интересах всех. Да здравствует демократическая и социальная республика!»

Демонстрации 22 июня

Весь день 22 июня большие колонны рабочих национальных мастерских во главе со своими выборными «бригадирами» и «делегатами» демонстрировали по улицам Парижа со знаменами, революционными песнями и возгласами: «Мы не уйдем!» Раздавались крики: «Долой Ламартина!

Долой Мари! Долой Национальное собрание! Да здравствует Барбес! Да здравствует республика!»

В 6 часов вечера на площади Пантеона собралось от четырех до пяти тысяч рабочих. Собравшиеся выстроились в колонну, перешли Сену и направились в Сент-Антуанское предместье, откуда около 9 часов вечера возвратились в еще большем количестве на левый берег. Площадь Пантеона вновь наполнилась народом. Выступил Пюжоль, лейтенант национальных мастерских, член бюро клуба Бланки, революционный публицист, автор написанной в мистическом духе брошюры «Предсказание кровавых дней». Он заявил, что рабочие, проливавшие свою кровь в июле 1830 г. и в феврале 1848 г., сумеют отстоять свои права, и призвал демонстрантов к оружию. Рабочие поклялись не отступать. Сбор назначен был на утро следующего дня. Факелы погасли, демонстранты разошлись, площадь погрузилась в безмолвие. Наступила ночь, но подготовка к вооруженному выступлению продолжалась.

Начало восстания

23 июня в 6 часов утра несколько тысяч рабочих вновь заполнили площадь Пантеона. Оратор, все тот же Пюжоль, предложил двинуться в Сент-Антуанское предместье, а оттуда, запасшись оружием, к зданию Учредительного собрания, чтобы разогнать его. Возглас: «Да здравствует республика!» покрыл эту речь. Колонна, возрастая в пути, перешла Сену и остановилась на площади Бастилии. Пюжоль поднялся на пьедестал памятника, воздвигнутого в честь июльской революции 1830 г. «Граждане,— сказал он,— вы здесь на могиле первых мучеников свободы». Перед лицом коленопреклоненного народа Пюжоль, взывая к героям Бастилии, заявил, что «революцию приходится начинать сначала». «Свобода или смерть!» — повторяла возглас Пюжоля охваченная боевым энтузиазмом тысячная толпа рабочих.

Колонна снова пришла в движение, пересекла предместья Сент-Антуан и Тампль и вышла на бульвар Сен-Дени. Раздались крики: «К оружию! На баррикады!» С невероятной быстротой выросли сотни баррикад (их было не менее 500). Они охватили огромный полукруг, составлявший половину Парижа, его пролетарские кварталы и рабочие пригороды Бельвилль, Монмартр, Менильмонтан, Ля-Виллет, Ля-Шапелль, Иври.

Яркое описание того, как начиналось июньское восстание, дал его очевидец — великий русский революционный демократ А. И. Герцен.

«Двадцать третьего числа, часа в четыре перед обедом,— рассказывает он,— шел я берегом Сены к Hôtel de Ville [городская ратуша]; лавки запирались, колонны национальной гвардии с зловещими лицами шли по разным направлениям; небо было покрыто тучами; шел дождик... Я остановился на Pont Neuf [Новый мост]. Сильная молния сверкнула из-за тучи, удары грома следовали друг за другом, и середь всего этого раздался мерный, протяжный звук набата с колокольни св. Сульпиция, которым еще раз обманутый пролетарий звал своих братий к оружию. Собор и все здания по берегу были необыкновенно освещены несколькими лучами солнца, ярко выходившими из-под тучи; барабан раздавался с разных сторон; артиллерия тянулась со стороны Карузельской площади.

Я слушал гром, набат и не мог насмотреться на панораму Парижа,— будто я с ним прощался. Я страстно любил Париж в эту минуту; это была последняя дань великому городу: после июньских дней он мне опротивел.

С другой стороны реки на всех переулках и улицах строились баррикады. Я, как теперь, вижу эти сумрачные лица, таскавшие камни; дети, женщины помогали им. На одну баррикаду, повидимому, оконченную, взошел молодой политехник, водрузил знамя и запел тихим, печально торжественным голосом марсельезу; все работавшие запели, и хор этой великой песни, раздававшийся из-за камней баррикад, захватывал душу...

Набат все раздавался... Между тем, по мосту простучала артиллерия, и генерал Бедо осматривал с моста в трубу *неприятельскую* позицию»[1].

Полувековой опыт вооруженных восстаний и уличных боев не пропал даром для парижских рабочих. Баррикады, сооруженные в июньские дни, отличались исключительной прочностью. Вот как описывает одну из самых мощных баррикад великий французский писатель и патриот Виктор Гюго, очевидец событий, в своем романе «Отверженные»:

«Сооруженная из булыжника мостовой стена стояла отвесно, можно было подумать, что ее строители пользовались угломером. О ее крепости можно было судить уже по ее высоте. На сером фоне, едва заметно для глаза, были правильно расставлены бойницы. Улица была совершенно безлюдна, все окна и двери заколочены. Кругом ни души, ни крика, ни шума, ни вздоха — могильная тишина. Если по временам на пустынной улице отваживался показаться солдат, офицер или депутат,— в воздухе слышался свист пули, и смельчак падал раненый или мертвый на землю... Порох не тратился напрасно, каждая пуля попадала в цель... Целых три дня держалась эта баррикада с 80 защитниками против 10 тысяч солдат. На четвертый день путь к ней был проложен с помощью топоров через стены домов; солдаты лезли по крышам, окружили баррикаду со всех сторон, и она была взята».

Драматизм происходивших событий ярко отобразил в своих воспоминаниях и великий русский писатель И. С. Тургенев, также бывший очевидцем июньского восстания, но, в отличие от Герцена, смотревший на события глазами стороннего наблюдателя. В очерке «Наши послали» Тургенев писал:

«Наступило страшное, мучительное время; кто его не пережил, тот не может составить себе о нем точного понятия.— Французам, конечно, было жутко: они могли думать, что их родина, что все общество разрушается и падает в прах; но тоска иностранца, осужденного на невольное бездействие, была если не ужаснее, то уже наверно томительнее их негодования, их отчаяния.— Жара знойная, выйти нельзя; в раскрытые окна беспрепятственно льется жгучая струя; солнце слепит; всякое занятие, чтение, писание немыслимо... Пять раз, десять раз в минуту раздаются пушечные выстрелы; иногда доносится ружейный треск, смутный гам битвы... По улицам хоть шар покати; раскаленные камни мостовой желтеют, раскаленный воздух струится под лучами солнца; вдоль тротуаров тянутся смущенные лица, неподвижные фигуры национальных гвардейцев — и ни одного обычного жизненного звука! Просторно вокруг, пусто — а чувствуешь себя стесненным как в могиле или в тюрьме. — С двенадцати часов новые зрелища: появляются носилки с ранеными, с убитыми... Пленные идут, не поднимая глаз и прижимаясь друг к другу, как овцы: нестройная толпа, мрачные лица, многие в лохмотьях, без шапок; у них руки связаны. А канонада не умолкает. Тяжелое, однообразное бухание так и стоит в вышине; оно повисло над городом вместе с чадом и гарью зноя... Под вечер, из моей комнаты, в четвертом этаже, слышится нечто новое: к этому буханию присоединяются другие, резкие, гораздо более близкие, непродолжительные и как бы веерообразные залпы... Это, сказывают, расстреливают инсургентов по мэриям (mairies).

И так часы за часами, часы за часами... Невозможно спать, даже ночью. Попытаешься выйти на бульвар, пройти хоть до первой улицы, чтобы узнать что-нибудь, или так — чтобы освежиться немного... Сейчас тебя останавливают, спрашивают: кто ты, откуда, где живешь, зачем не

---

[1] А. И. Герцен. После грозы. Полн. собр. соч. и писем, т. V. Пг., 1919, стр. 412.

в мундире? И узнав, что ты иностранец, подозрительно тебя оглядывают, повелительно отсылают домой...

Повторяю: страшное, томительное было время!»

В том же очерке Тургенев отдал дань уважения благородству и мужеству восставших рабочих.

Основную массу повстанцев составляли рабочие национальных мастерских. Разбитые на взводы, бригады, отделения, они сражались теми же группами, какими работали. К ним присоединились рабочие частных предприятий, железнодорожники, безработные. Общая численность инсургентов достигала 40—45 тыс. человек.

Руководители восстания Восстание вспыхнуло в значительной мере стихийно и не имело общего руководства. Руководство вооруженной борьбой осуществляли отдельные начальники баррикад и летучие штабы в том или ином квартале, действовавшие почти без связи друг с другом. Среди руководителей восстания преобладали рабочие, мелкие ремесленники, представители радикальной интеллигенции. То были большей частью «бригадиры» и «делегаты» национальных мастерских, деятели революционных клубов и рабочих корпораций, командиры частей национальной гвардии народных кварталов. Большая часть руководителей восстания принадлежала к социалистическим и коммунистическим группам.

Обороной площади Вогезов руководил механик Ракари, революционный коммунист, видный участник тайного «Общества рабочих-эгалитариев»; он проявил большую энергию, которую не ослабило и ранение. Другой коммунист, бывший член тайного бланкистского «Общества времен года», молодой механик Бартелеми руководил баррикадами на улице Гранж-о-Белль. Коммунист Вуазамбер, 60-летний сапожник, командовал на улице Планш-Мибрэ. В 8-м округе главной руководящей фигурой был Лаколонж (или Делаколонж), редактор социалистической газеты «Организация труда», председатель одного из крупнейших клубов Сент-Антуанского предместья («Клуба антуанцев»); когда восставшие завладели мэрией этого округа, Лаколонж был назначен его мэром. В том же округе большую роль играл мастер-оптик Дефер, заместитель председателя рабочего Клуба Кенз-Вен, лейтенант 8-го легиона национальной гвардии; там же действовали бывшие офицеры Курне и Пеллье (секретарь «Клуба антуанцев»). В 9-м округе главным руководителем восстания являлся шляпный мастер Ибрюи, в предместье Сен-Дени — гравер по металлу Лежениссель.

Среди руководителей движения в районе Пантеона, одном из главных опорных пунктов восстания, были офицеры 12-го легиона национальной гвардии, активные участники выступления 15 мая — жестяник Шодавуан, печатник Приер, портной Левек, пекарь Ожье. Капитан того же легиона Брюйер, служащий газовой администрации, бывший 15 мая вместе с Барбесом в ратуше, командовал баррикадами в квартале Муффтар. Коммунист Колле, член клуба Бланки, был одним из руководителей восстания в квартале Сен-Марсо. Весьма активно действовал и член бюро клуба Бланки инженер Дювивье. В предместье Тампль общее руководство принадлежало капитану 8-го легиона, владельцу столярной мастерской Дестеракту. В пригороде Бельвилль руководящую роль играли деятели местных клубов: мастер-обойщик Фанферно, приказчик Потье и др.

Многие из руководителей июньского восстания принадлежали к «Обществу прав человека и гражданина», широко разветвленной революционной организации, которая поддерживала тесную связь с демократическими клубами и рабочими корпорациями. В ночь с 23 на 24 июня эта организация выделила из своей среды два «перманентных комитета» для общего

руководства движением. Однако создать единый руководящий центр не удалось. Этому помешало прежде всего то обстоятельство, что у восставших рабочих не было единой политической организации, не было самостоятельной революционной партии.

Большинство руководящих деятелей мелкобуржуазной демократии 1848 г. выступило против восстания, пролетарский характер которого был очевиден. Так поступил Коссидьер, на которого инсургенты возлагали большие надежды. Так же поступили Лагранж и Гинар, Виллен и Лебон.

Предательское поведение Луи Блана

Отказался присоединиться к восстанию и Луи Блан. «Утром 23 июня,— рассказывает он,— я сел в карету с одним из моих земляков, как вдруг у дверец появилось несколько рабочих со словами: «Товарищ, в Париже восстает народ. Что делать?» Можно себе представить, как ужасно было мое положение. «Существует ли,—спросил я,—какая-нибудь общая сходка, куда бы я мог пойти, чтобы высказать то, что я думаю?» Они торопливо и с живостью возразили: «Ради бога, не ходите! Да и куда вы пойдете? Почти весь Париж на ногах, начиная от заставы Рошешуар на правом берегу Сены до Пантеона на ее левом берегу. Скажите только, что́ мы должны передать тем товарищам, которых мы встретим?» — «Скажите им, что если они возьмутся теперь за оружие, то республика погибнет; скажите им, что против народа давно уже стягиваются в Париж громадные военные силы, что контрреволюция ни о чем другом не мечтает, как об удобном случае раздавить его, что поражение народа почти несомненно, что для его успеха ничто не готово, что если даже допустить, что народ одержит победу, то не окажется недостатка в честолюбцах, которые постараются завладеть ее плодами».

Так оправдывал Луи Блан свою капитулянтскую тактику, свое отвращение к революционным методам борьбы, свой фактический переход на сторону врагов рабочего класса.

Лозунги и требования восставших рабочих

Июньское восстание носило ярко выраженный пролетарский характер. «Это была,— писал Маркс,— первая великая битва между обоими классами, на которые распадается современное общество. Это была борьба за сохранение или уничтожение *буржуазного* строя» [1].

Над баррикадами развевались красные флаги, украшенные боевыми призывами: «Хлеба или свинца! Свинца или работы! Жить, работая, или умереть в борьбе! Долой эксплуатацию человека человеком! Да здравствует организация труда через ассоциацию! Да здравствует демократическая и социальная республика!»

На вопрос, что понимают они под словами «демократическая и социальная республика», пленные инсургенты отвечали: «Правительство рабочих». «Демократическую и социальную республику» революционные рабочие противопоставляли «республике капитала и привилегий», против которой они поднялись на борьбу.

По баррикадам распространялись списки членов «Правительства демократической и социальной республики», которое должно было быть провозглашено в случае победы восстания. Списки эти дошли до нас в нескольких вариантах. Наиболее полный список заключал в себе имена семи социалистов и коммунистов: Бланки, Распайля, Кабе, Луи Блана, Альбера, Пьера Леру, Прудона и четырех мелкобуржуазных демократов: Барбеса, Коссидьера, Собрие и Торе. Пестрота этого списка отражала незрелость рабочего класса, отсутствие у него собственной политической партии, влияние на него мелкобуржуазных деятелей.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 23.

В одном из списков нового правительства значилось имя Луи Бонапарта. Выдвижение этого имени, несомненно, было делом рук бонапартистских агентов, которые старались затесаться в ряды инсургентов, чтобы использовать движение в своих целях. Тайным агентом бонапартистов был, повидимому, каменщик Лар, руководивший инсургентами у заставы Фонтенебло. С другой стороны, граф Фушекур, командовавший баррикадами на острове Сен-Луи, был, повидимому, агентом легитимистов. Впрочем, агитация врагов республики не имела никакого успеха среди восставших рабочих.

Среди требований, выдвинутых июньскими повстанцами, было и сохранение национальных мастерских, и издание декрета о праве на труд, и «выработка конституции самим народом», и освобождение заключенных в Венсенне революционеров (Бланки, Барбеса, Распайля и др.).

24 июня, заняв мэрию 8-го округа, восставшие рабочие опубликовали прокламацию (за подписью некоего Ж.-Ж Гилле), в которой с горечью заявляли, что правительство, созданное на февральских баррикадах, обмануло ожидания трудящихся, и излагали требования народа. Провозглашение «демократической и социальной республики», «свободная ассоциация труда при поддержке государства», предание суду депутатов Учредительного собрания и министров, немедленный арест членов Исполнительной комиссии, вывод войск из Парижа — таковы были важнейшие пункты этой программы.

В тот же день в Сент-Антуанском предместье была расклеена и другая прокламация, написанная старым участником революционного движения, членом «Общества прав человека» 1833—1834 гг. Милоном (по профессии извозчиком). «Дело, которое мы защищаем,— говорилось в этой прокламации,— это дело всего мира. Если Париж будем закован в цепи, то будет порабощена и вся Европа. К оружию! К оружию! Победить или пасть за демократическую и социальную республику, братья,— таков наш девиз. Привет и братство!»

Обе прокламации убедительно доказывают, что буржуазные историки, изображающие июньское восстание «голодным бунтом», лишенным всякой политической программы, грубо искажают его подлинный характер и явно принижают его действительное значение. Это доказывает и лозунг «Да здравствует всемирная республика!», украшавший одну из медалей, выбитых в честь июньского восстания.

История сохранила нам и другие документы восстания. Не все они носят социалистический характер. Воззвание, расклеенное в Сент-Антуанском предместье 26 июня, содержало такую фразу: «Защищая республику, мы защищаем собственность». С другой стороны, в том же округе на пропусках, выдававшихся местным штабом восстания, стоял девиз: «Собственность — это кража, все должно быть возвращено народу». В одном из документов встречается формулировка —«обобществление всех предприятий».

Оценивая совокупность требований, выдвинутых июньскими повстанцами, следует сказать, что наряду с пролетарско-социалистическими лозунгами и положениями инсургенты выдвигали лозунги и положения, взятые из идейного арсенала мелкобуржуазной демократии. Иначе и не могло быть при тогдашнем уровне сознательности и организованности рабочего класса.

План Керсози

Июньское восстание имело свой военный план, автором которого был Иоахим Рене Теофиль Гийяр де Керсози, председатель Комитета действия в «Обществе прав человека». Выходец из старого дворянского рода, бывший гусарский офицер, капитан Керсози еще в 20-х годах примкнул к карбонариям, участвовал в июльской революции и в республиканском движении 30-х годов,

ИОАХИМ РЕНЕ ТЕОФИЛЬ ГИЙЯР ДЕ КЕРСОЗИ

Литография неизв. художника

Собрание Института Маркса — Энгельса — Ленина. Москва

был видным деятелем тайных обществ. Друг Распайля, пламенный революционер, неоднократно подвергавшийся судебным преследованиям и много раз сидевший в тюрьме, Керсози пользовался большой популярностью в демократических кругах Парижа 1848 г., был членом бюро клуба Барбеса и клуба Распайля (впоследствии он принимал участие в выступлении 13 июня 1849 г., в обороне Римской республики, сражался под знаменами Гарибальди).

План, составленный Керсози, предусматривал концентрическое наступление на ратушу, на Бурбонский дворец и на Тюильри четырьмя колоннами, операционными базами которых должны были служить рабочие предместья Монмартр, Ля-Шапелль и Ля-Виллет (для первой), Тампль и Сент-Антуан (для второй), Сен-Марсо (для третьей) и Сен-Жак (для четвертой). Связь между колоннами должна была поддерживаться летучими отрядами, на которые возлагалась, кроме того, задача воздвигать баррикады и занимать малые улицы. Единственная ошибка этого, в общем хорошо продуманного, плана состояла в том, что он оставлял в стороне центральную часть города, населенные преимущественно рабочими и удобные для баррикадной борьбы узкие и кривые переулки в районе улицы Сент-Оноре и Палэ-Насионаля (бывший Палэ-Руайаль). «Было чрезвычайно важно,— замечает Энгельс,— заложить там пятый очаг восстания и этим, с одной стороны, отрезать ратушу, а с другой — связать с этим выдающимся аванпостом значительные боевые силы. Успех восстания зависел от того, удастся ли с возможной быстротой продвинуться в центр Парижа и обеспечить захват ратуши».

Оценивая план Керсози в целом, Энгельс предсказывал, что, несмотря на отдельные недостатки этого плана, его автор войдет в историю как «*первый баррикадный полководец*», как человек, который «*впервые организовал уличные бои*» [1].

Однако слабая организованность июньских повстанцев и огромный перевес сил правительства привели к тому, что план Керсози не получил своего осуществления. Военные действия восставших парижских рабочих не приняли достаточно наступательного характера, а в дальнейшем свелись почти исключительно к пассивной обороне.

Четыре дня вооруженной борьбы

В первый день восстания и до вечера второго дня положение восставших было довольно прочным. Первый серьезный бой разыгрался на бульваре Сен-Дени, баррикады которого и прилегающие дома были превращены в настоящие крепости. Повстанцы оказали упорное сопротивление. Баррикада на улице Клери пала только после того, как почти все ее защитники были перебиты. Среди них были две молодые девушки, павшие со знаменем в руках, которое они держали над головами сражающихся.

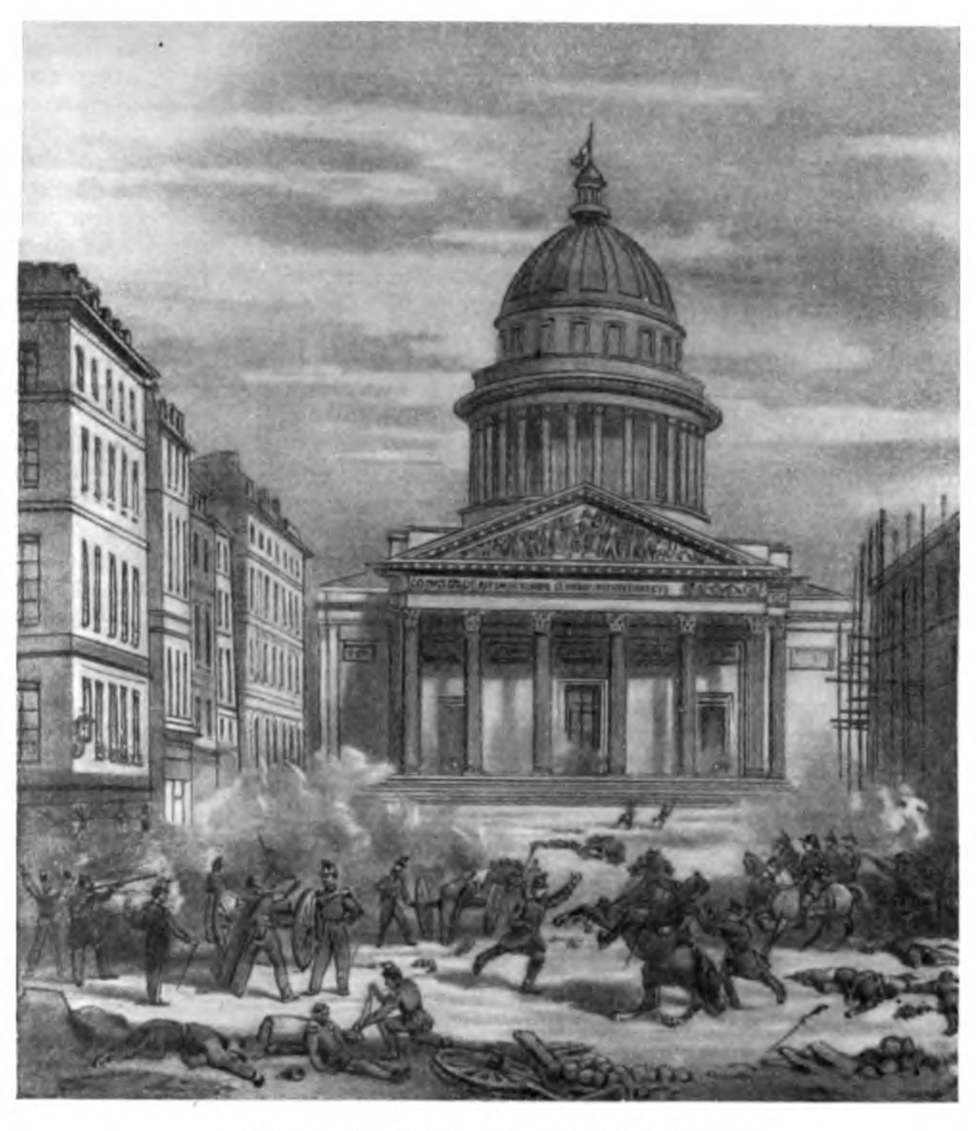
Баррикада на улице Сен-Мор выдержала настоящую осаду. На место действия была вызвана артиллерия. Ответными выстрелами одно орудие было выведено из строя и вся прислуга была перебита. Повторные штыковые атаки были отбиты. Баррикада была взята лишь после прибытия новых подкреплений и новых пушек.

Стойкое сопротивление было оказано и пятью баррикадами предместья Тампль, которые защищали 600—700 человек. Здесь также была пущена в ход артиллерия. Таким же образом были взяты баррикады, воздвигнутые на левом берегу Сены, в районе Пантеона и в предместье Сен-Жак.

К вечеру правительственным войскам удалось очистить главные улицы. К утру следующего дня инсургенты вернули бóльшую часть потерянной

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 210.

ОБСТРЕЛ ПАНТЕОНА В ИЮНЬСКИЕ ДНИ 1848 г.

Литография Прово 1848 г.

Собрание Института Маркса—Энгельса—Ленина. Москва

территории и значительно продвинулись вперед. Бой возобновился в четвертом часу утра. К полудню перевес оказался на стороне инсургентов. С разных сторон они успешно наступали на здание ратуши и почти отрезали этот важный в стратегическом и политическом отношении пункт.

Наиболее сильное сражение произошло в этот день на набережной Цветов, у магазина готового платья, в котором засели 600 повстанцев. Войска окружили магазин и при поддержке артиллерии пытались захватить его. Оборонявшиеся мужественно отстаивали дом. На предложение сдаться инсургенты ответили отказом. После этого орудийный обстрел возобновился. В ход были пущены зажигательные ракеты и гранаты. Дом был разрушен до основания, и 80 его защитников перебиты.

В предместье Сен-Жак рабочие забаррикадировались со всех сторон. Они с боем защищали каждый дом, каждую пядь земли. Из окон домов женщины и дети стреляли в проходивших солдат, обливали их кипятком. И здесь также потребовалась артиллерия, чтобы сломить сопротивление восставших рабочих.

Вот как описывал бои 23 и 24 июня один из участников сражения — офицер правительственных войск: «Я пишу вам под трескотню мушкетов и гром пушек. В два часа мы заняли три баррикады в конце моста у Собора Парижской богоматери, затем мы двинулись по улице Сен-Мартен и прошли ее во всю длину. Выйдя на бульвар, мы увидели, что он оставлен и пуст, как в два часа утра. Мы прошли вверх по предместью до Тампля. Не доходя до казармы, мы остановились. В 200 шагах возвышалась внушительная баррикада, окруженная несколькими другими и защищаемая 2000 человек. В течение двух часов мы вели с ними переговоры, но безуспешно. К 6 часам прибыла, наконец, артиллерия. Тогда инсургенты открыли огонь.

Пушки стали отвечать, и до 9 часов рассыпались кирпичи и трескались окна от грохота снарядов. Огонь был ужасающий. Кровь лилась рекой... Всюду, куда ни взглянешь, мостовая красна от крови. Мои люди падали, сраженные пулями инсургентов. Последние защищались, как львы. Мы двадцать раз шли в наступление, двадцать раз нас отбивали. Число убитых громадно, число раненых еще больше. В 9 часов мы взяли баррикады в штыки. Сегодня (24 июня) мы все еще на ногах. Непрерывно раздаются выстрелы... Мы охраняем пленных, которых приводят каждую минуту. Среди них много раненых. Некоторых тут же пристреливают. Из моих 112 человек я потерял 53».

Был момент, когда победа инсургентов казалась их врагам вероятной, даже несомненной. Тьер настаивал на эвакуации Учредительного собрания и выводе войск из столицы. Париж был объявлен на осадном положении. Во все концы Франции полетели правительственные телеграммы, требовавшие присылки подкреплений. Первые телеграммы были посланы Ледрю-Ролленом. Из Венсеннской крепости было доставлено полмиллиона патронов и 12 ящиков со снарядами. Исполнительная комиссия, которую депутаты Учредительного собрания обвиняли в недостатке энергии, была вынуждена выйти в отставку и уступить место генералу Кавеньяку, провозглашенному «главой исполнительной власти».

Получив в свои руки диктаторские полномочия, Кавеньяк пустил в ход артиллерию не только против баррикад, но и против домов. Его тактика состояла в том, чтобы не распылять войска в мелких схватках, а сконцентрировать их и, двинувшись вперед большими массами, потопить восстание в море крови. К вечеру 24 июня Кавеньяку удалось сломить упорное сопротивление повстанцев в предместье Сен-Жак и на площади Пантеона и очистить от баррикад весь левый берег Сены. В руках инсургентов

БОЙ В СЕНТ-АНТУАНСКОМ ПРЕДМЕСТЬЕ В ИЮНЬСКИЕ ДНИ 1848 г.

Литография Дешана

Собрание Института Маркса — Энгельса — Ленина. Москва

оставалась теперь только половина территории, занятой ими утром 23 июня. Вся остальная часть Парижа находилась в руках правительства: Восстание было локализовано; группы инсургентов в разных районах столицы были почти совершенно отрезаны одна от другой.

25 июня войска Кавеньяка двинулись вперед тремя колоннами, под командой генералов Ламорисьера, Дювивье и Дамема, с еще более крупными силами, чем накануне. Восставшие рабочие продолжали оказывать стойкое сопротивление. Кло-Сен-Лазар (изолированная, но хорошо укрепленная позиция инсургентов на правом берегу Сены) был взят только после 12-часовой стрельбы из орудий и метания гранат, только после двухдневного обстрела баррикад прилегающих улиц Рошешуар и Пуассоньер.

На следующий день, 26 июня, в руках инсургентов оставались предместье Сент-Антуан, часть предместья Тампль и некоторые второстепенные участки борьбы.

Прославленное в летописях всех французских революций предместье Сент-Антуан было превращено в настоящую крепость. Защитники этого квартала, где каждый камень был свидетелем славных битв за свободу, создали мощную систему обороны. «Главные укрепления были сооружены у площади Бастилии и на важнейшей улице всего квартала — на улице Фобур-Сент-Антуан. Там воздвигнуты были баррикады изумительной мощи, одни — из каменных плит мостовой, другие — из бревен. Они образовали угол, обращенный внутрь, частью для того, чтобы ослабить действие артиллерийских ядер, частью чтобы удлинить оборонительный фронт и сделать возможным перекрестный огонь. Брандмауеры в домах были проломлены, и таким образом целые ряды домов были между собой связаны, и инсургенты могли, смотря по обстоятельствам, то открывать сверху ружейный огонь по войскам, то снова укрываться за баррикадами. Мосты и набережные канала, так же как и параллельные с ним улицы, были сильно укреплены»[1]. Многие баррикады были, сверх того, обведены рвами.

Виктор Гюго следующим образом описывает огромную баррикаду, заграждавшую доступ в предместье:

«Сент-Антуанская баррикада была громадных размеров, вершина ее доходила до четвертого этажа домов, а в длину она простиралась на 700 футов. Протянувшись от одного угла до другого, она загораживала путь в предместье... Зубчатая наверху и снабженная бойницами, она опиралась на земляные валы, служившие бастионами; местами от нее вперед отходили выступы, а по бокам она прочно примыкала к громадам домов предместья, вырисовываясь как некая циклопическая постройка на заднем плане грозной площади, видавшей четырнадцатое июля. Девятнадцать баррикад одна за другой уступами шли за этой главной баррикадой...

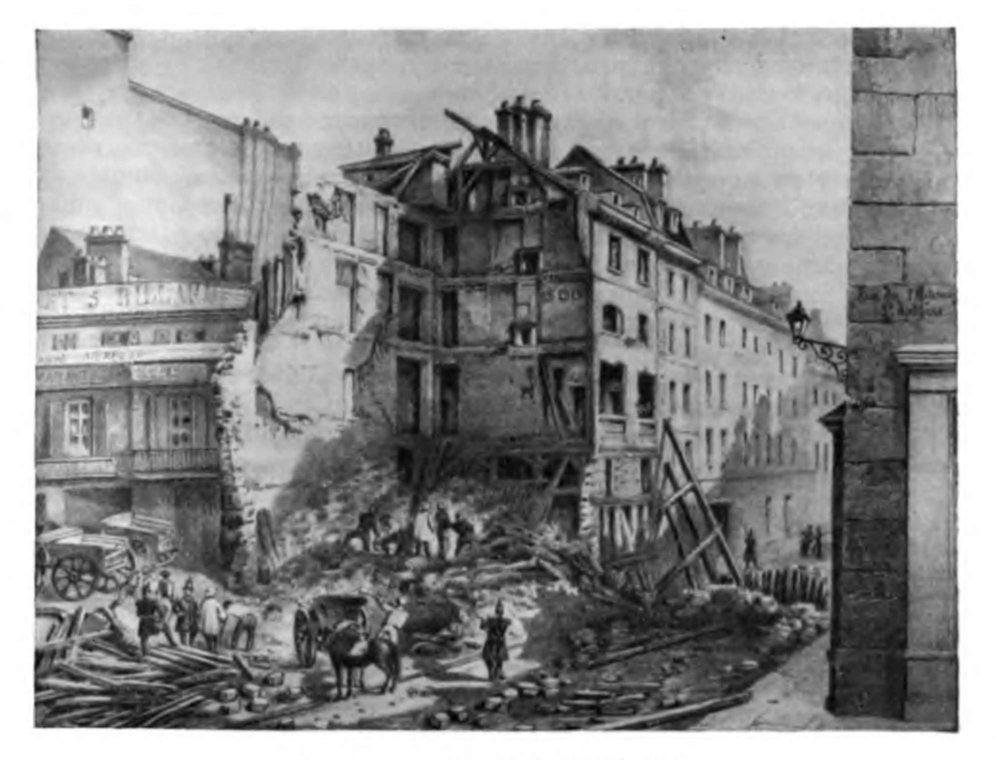
Чтобы вызвать на борьбу солдат, на гребне баррикады время от времени показывался ряд голов, и воздух оглашался грозным кличем инсургентов; над этим рядом голов виднелся лес ружейных дул, сабель, копий, пик, штыков и орудий мирного труда; в воздухе развевалось громадное красное знамя; из-за баррикады слышалась команда, доносились воинственные напевы, бой барабана, плач женщин...

Гигантская баррикада была подобна скалистому рифу, о который должна была разбиться вся стратегия генералов африканской школы... Картечь была здесь бесполезна, так как от нее оставались только небольшие дыры».

Кавеньяк остерегался бросать свои войска в эту сеть баррикад, которая

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 209.

ПЛОЩАДЬ БАСТИЛИИ 26 ИЮНЯ 1848 г.

Литография Эрсона по Ферагю

Собрание Института Маркса — Энгельса — Ленина. Москва

казалась неприступной. Угрожая бомбардировкой, он потребовал капитуляции. Завязались переговоры, но в то же время был отдан приказ начать подкоп под ближайшие дома. Условия, выдвинутые восставшими, были отвергнуты, и переговоры прерваны. Генерал Перро из предместья Тампль и генерал Ламорисьер с площади Бастилии одновременно открыли огонь по баррикадам. Доступ в предместье был пробит. Пять орудий тяжелой артиллерии проникли на его территорию. Убедившись в бесполезности дальнейшего сопротивления, часть инсургентов согласилась капитулировать без всяких условий. Другая часть, после короткого боя, отступила за пределы города.

Подавление восстания

Кавеньяк торжествовал победу. Уже днем 26 июня на улицах города было расклеено официальное сообщение, в котором говорилось, что «инсургенты побеждены, борьба окончена, порядок восторжествовал над анархией».

В действительности борьба еще продолжалась в восточных пригородах Парижа. Последние позиции июньских повстанцев — в Менильмонтане, в Бельвилле, в Ля-Виллет — были заняты только во второй половине дня, а частью вечером.

Прекращению сопротивления способствовали и прокламации Кавеньяка. Призывая восставших рабочих сложить оружие, он торжественно уверял их, что им нечего бояться мести, и лицемерно утверждал, что «объятия республики» открыты для всех, кто раскается и покорится «законной» власти. Некоторые инсургенты поверили лживым обещаниям главы правительства. Этому способствовало отчасти и принятое Учредительным собранием постановление об ассигновании 3 млн. фр. для

выдачи пособий на дому нуждающимся жителям столицы. С помощью такой подачки победители рассчитывали прикрыть физическое уничтожение цвета рабочего класса.

Поражение июньского восстания парижских рабочих объясняется многими причинами. Восстание не было заранее подготовлено, а вспыхнуло в ответ на провокационные действия контрреволюции. Оно разразилось в такой момент, когда рабочий класс не имел самостоятельной политической партии, когда его виднейшие революционные вожди сидели в тюрьме, когда соотношение классовых сил в стране было крайне неблагоприятно для пролетариата, который был изолирован и не пользовался поддержкой крестьянства, обманутого контрреволюционной пропагандой.

«Победительницей осталась буржуазная республика. На ее стороне стояли финансовая аристократия, промышленная буржуазия, мелкие буржуа, армия, организованный в летучую гвардию (garde mobile) люмпенпролетариат, интеллигенция, представители либеральных профессий, попы и сельское население. Парижский пролетариат имел на своей стороне только самого себя»[1].

Отклики на июньское восстание в провинции

В некоторых провинциальных городах передовые рабочие выражали свое сочувствие июньским инсургентам и пытались поддержать их революционными выступлениями. В Лионе рабочие открыто говорили, что готовы начать борьбу, если только парижские инсургенты продержатся еще некоторое время. В Мюлузе рабочие многих фабрик, узнав о восстании в Париже, потребовали увеличения заработной платы, угрожая всеобщей забастовкой. В Лувье ткачи организовали демонстрацию солидарности с парижскими инсургентами. В Амьене рабочие заявляли, что происходящая в Париже борьба есть «война между хозяевами и рабочими», и не скрывали своего намерения «отправиться в Париж на поддержку рабочих против хозяев». В Дижоне происходили крупные демонстрации и слышались боевые призывы: «Жить, работая, или умереть в борьбе!» В Бордо среди толпы, окружавшей здание префектуры, раздавались возгласы: «Вперед, рабочие! Да здравствует красная республика!» У одного рабочего было обнаружено обращение к инсургентам Парижа, прославлявшее их героизм и предававшее проклятию Учредительное собрание. В Нанте, Боне, Люре и некоторых других местах шла запись добровольцев для похода в Париж на помощь восстанию. В Эссоне была сделана попытка не пропустить в Париж войска, расквартированные в Фонтенбло. Железнодорожные рабочие в окрестностях столицы разводили рельсы, чтобы воспрепятствовать прохождению поездов с войсками, вызванными из провинции. В Нанте среди добровольцев, рвавшихся в Париж на помощь восставшим, был молодой Жюль Валлес, впоследствии видный писатель и публицист, член Парижской Коммуны. Он и его товарищи явились в казарму и потребовали оружия, чтобы идти в Париж защищать республику; на вопрос офицера, какую республику они намереваются защищать, они отвечали: «Настоящую, республику трудящихся».

Однако все эти сочувственные отклики на восстание в Париже носили разрозненный характер и были слишком слабы, чтобы сколько-нибудь повлиять на ход событий. К тому же мелкая буржуазия и крестьянская масса, составлявшие большинство населения, оказались на стороне буржуазной контрреволюции. Только кое где в деревнях слышались голоса, выражавшие сочувствие парижским революционным рабочим, которых

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 329—330.

отдельные представители сельской бедноты называли «партией честных людей».

Имущие классы провинции оказали большую помощь правительству Кавеньяка. Один только департамент Сены-и-Уазы выделил 10 тыс. человек для похода на Париж. Префект департамента Сены-и-Марны явился в Париж во главе 4 тыс. добровольных защитников «порядка». Отряды национальной гвардии, состоявшие преимущественно из зажиточных крестьян, торговцев, чиновников, прибыли в столицу даже из самых отдаленных пунктов страны.

БЕЛЫЙ ТЕРРОР

Кровавая расправа с побежденными

Разгром июньского восстания сопровождался жестокой расправой с побежденными.

Вооруженная борьба окончилась, — расстрелы продолжались. Победители приканчивали раненых, забавлялись стрельбой в женщин и детей, охотились чуть ли не за каждым одетым в рабочую блузу прохожим. «Только во фраке или в сюртуке можно было передвигаться без помехи»,— отмечал один очевидец, корреспондент аугсбургской «Всеобщей газеты» («Augsburger Allgemeine Zeitung»). Пленных бросали в Сену с завязанными руками и ногами, посылали им вдогонку град пуль. В казарме Пуассоньер пленных расстреливали, в казарме Сен-Мартен их рубили саблями и закалывали штыками. На форте Бисетр резня продолжалась восемь дней.

На баррикадах погибло свыше 500 инсургентов. Не менее 11 тыс. человек было перебито после боя.

«Охота за людьми идет полным ходом,— писал 27 июня парижский корреспондент «Новой Рейнской газеты»,— пощады не дается никому. Всюду, на улицах и в кафе, в семейном кругу и в караульном помещении слышатся самые „братские" речи. Буржуазные дамы „наивно" предлагают расстрелять всех этих разбойников (т. е. рабочих национальных мастерских). Изящно одетый господин заявляет в кафе де Франс, что следует предать смерти поголовно всех рабочих. Когда ему вежливо возразили, что рабочие все-таки в известной мере необходимы, он был очень огорчен этим». «В Кло-Сен-Лазар,— сообщал тот же корреспондент,— герои банка и принцы биржи ставили к стенке каждого пленного рабочего и расстреливали его,— подвиги, которыми они еще долго потом будут хвалиться». Особенно свирепствовали солдаты мобильной гвардии: 17-летние подростки, записавшиеся в нее ради высокой платы, грабили, насиловали, убивали, не щадили ни стариков, ни детей.

Обыски и аресты носили массовый характер. Общее количество арестованных вскоре составило 25 тыс.; из них половину пришлось потом освободить за отсутствием всяких улик.

Условия тюремного заключения были кошмарными. В тюрьме Консьержери, в Тюильрийском дворце и в других местах заключения арестованных содержали в темных и душных подвалах, в страшной грязи, почти без пищи и питья. Гангрена, тиф, лихорадка уносили массу жертв. Задыхаясь от недостатка воздуха, пленные отбивали друг у друга места, находившиеся вблизи отдушин. Часовые расстреливали их в упор. Такая же участь ждала каждого, кто заявлял малейшую жалобу. Трупы не убирались по нескольку дней. Многие сходили с ума, у многих волосы побелели за одну ночь. Немало было и случаев самоубийства. Даже в госпиталях раненые инсургенты не были ограждены от насилий. Смертность среди них была огромной.

«После бойни, продолжавшейся четверо суток,— писал А. И. Герцен,— наступила тишина и мир осадного положения; улицы были еще оцеплены, редко, редко где-нибудь встречался экипаж; надменная

национальная гвардия, с свирепой и тупой злобой на лице, берегла свои лавки, грозя штыком и прикладом; ликующие толпы пьяной мобили ходили по бульварам, распевая «Mourir pour la patrie» [«Умереть за отечество»], мальчишки 16—17 лет хвастались кровью своих братий, запекшейся на их руках; на них бросали цветы мещанки, выбегавшие из-за прилавка, чтобы приветствовать победителей. Кавеньяк возил с собою в коляске какого-то изверга, убившего десятки французов. Буржуазия торжествовала. А дома предместья св. Антония еще дымились; стены, разбитые ядрами, обваливались; раскрытая внутренность комнат представляла каменные рамы; сломанная мебель тлела; куски разбитых зеркал мерцали... А где же хозяева, жильцы? Об них никто и не думал... местами посыпали песком, но кровь все-таки выступала... К Пантеону, разбитому ядрами, не подпускали, по бульварам стояли палатки, лошади глодали береженые деревья Елисейских полей; на Place de la Concorde (площадь Согласия) везде было сено, кирасирские латы, седла; в Тюльерийском саду солдаты у решетки варили суп. Париж этого не видал и в 1814 г.

Прошло еще несколько дней, и Париж снова стал принимать обычный вид; толпы праздношатающихся снова явились на бульварах; нарядные дамы ездили в колясках и кабриолетах *смотреть* развалины домов и следы отчаянного боя... Одни частые патрули и партии арестантов напоминали страшные дни»[1].

Герцен был потрясен кровавой расправой над побежденными рабочими и мучительно переживал ее. «Вечером 26 июня,— писал он,— мы услышали, после победы «Насьоналя» над Парижем, правильные залпы с небольшими расстановками... Мы все взглянули друг на друга, у всех лица были зеленые... «Ведь, это расстреливают»,— сказали мы в один голос и отвернулись друг от друга. Я прижал лоб к стеклу окна. За такие минуты ненавидят десять лет, мстят всю жизнь. *Горе тем, кто прощает такие минуты*!» «Я не умер,— добавлял Герцен,— но я состарелся, я оправляюсь после июньских дней, как после тяжкой болезни»[2].

Грановский с горечью писал 11 июля: «Последние события как раз не хороши, и я впал в уныние. Опять там восторжествовала картечь, угнетатели ликуют. Они думают вернуть рабочих и пролетариат в прежнее рабство... Вторая республика была похоронена и над ней склонились красные знамена. Верите-ли, руки у меня опустились. Надежды на все рухнули. Мне тяжело, я не нахожу себе места»[3].

27 июня Учредительное собрание приняло декрет о ссылке без суда лиц, арестованных за участие в восстании. Докладчик Меоль мотивировал издание этого декрета с циничной откровенностью. «Мы полагали,—говорил он,— что необходимы исключительные меры, которые удалили бы из столицы все эти элементы брожения, возбуждающие раздор и гражданскую войну, успокоили бы Францию и показали бы всем, что республика способна на энергичные меры, которые одни могут спасти ее».

Однако даже такая суровая расправа, как ссылка без суда, казалась многим реакционерам недостаточной. «Не надо ни пленных, ни ссыльных, содержание которых ложится на плечи государства, одно наказание — расстрел»,— вот о чем ходатайствовал перед Учредительным собранием некий Жан Демишелен. «Смертная казнь всякому, кто будет уличен в постройке баррикад,— таков единственный способ избежать повторения июньских событий»,— писал другой, столь же «гуманный», буржуа.

---

[1] А. И. Герцен. После грозы. Полное собр. соч. и писем, т. V, стр. 413—414. Пр., 1919.
[2] Там же, стр. 412—413.
[3] «Литературное наследство», т. 7—8, М.. 1933, стр. 53.

КОЛОННА ПЛЕННЫХ ИЮНЬСКИХ ИНСУРГЕНТОВ
Ксилография 1848 г.

О классовом характере этого террора можно судить по тому, что из 11,5 тыс. человек, привлеченных к ответственности по делу об июньском восстании, большинство составляли рабочие и мелкие ремесленники. Среди них были каменщики (572), поденщики (553), столяры (505), сапожники (418), слесари (301), механики (248), токари (185) и представители многих других отраслей парижской индустрии. Из общего количества 3,5 тыс. человек, сосланных без суда, подавляющее большинство составляли рабочие (среди них было немало людей, не принимавших непосредственного участия в восстании, но известных своими революционными и социалистическими взглядами).

Обращались с ними и при отправке в ссылку и на месте ссылки очень жестоко. «Транспорт № 3 отбыл,— писал 22 августа парижский корреспондент «Новой Рейнской газеты»,— среди этих 900 инсургентов есть и 70-летние и 17-летние, многие с орденами. с медалями за спасение человеческих жизней, с ранами, полученными на войне, в июльские или февральские дни. Их везут скованными по-трое вдоль французских берегов к так называемым атлантическим островам Бель-Иль, Олерон, Рэ и др., где их ждет каменный мешок. О прощании, о проводах нечего и мечтать». В каторжной тюрьме Рошфора июньских инсургентов сковывали в паре с уголовными преступниками. Этот гнусный прием практиковался и в других тюрьмах.

Наиболее активных участников восстания предавали военным судам, которые заседали в течение целого года, вынося крайне суровые приговоры.

Побежденные пролетарии поражали своей стойкостью самих палачей. Из уст в уста передавались замечательные ответы арестованных инсургентов своим мучителям. С большим достоинством держали себя инсургенты

и на суде. Один из руководителей восстания, Бартелеми, гордо заявил своим судьям: «Я — солдат демократической и социальной республики. Делайте со мной, что хотите... Даже если бы мне грозило быть истолченным в ступке, я и тогда не отказался бы от ответственности за свои поступки... Я так же мало дрожу тут, как и на баррикадах».

Разоружение рабочих предместий Парижа

Одновременно с физическим истреблением цвета парижского пролетариата шло систематическое разоружение рабочих предместий. О масштабе этого разоружения можно судить по тому, что в одном только 12-м округе было отобрано до 2 июля 1848 г. 27 тыс. ружей. По всему Парижу к 4 июля было изъято из рук населения свыше 100 тыс. одних только ружей. Поиски спрятанных ружей, сабель и пистолетов продолжались и позднее. Разоружено было и рабочее население провинциальных городов.

«Меня уверяют,— заносил 8 июля в свой дневник лорд Норменби,— что состояние умов в рабочем классе Парижа достигло такой степени возбуждения, что следует опасаться какой-нибудь отчаянной выходки. Что меня успокаивает при мысли о возможных политических опасностях, так это массовое отобрание оружия, которое должно будет произвести наилучший эффект; оно внушает мне полное доверие».

Так рассуждал посол английской королевы при правительстве Французской республики. Так расценивали значение этого факта — массового обезоружения парижского пролетариата — контрреволюционеры во всей Европе. И они не ограничивались разоружением рабочего класса. Они преследовали революционных рабочих Парижа гнусной клеветой. Реакционные газеты кричали о русском и английском золоте, о руке монархических претендентов. Одна газета распространяла легенду о «поджигателях». Другая газета уверяла, что «на многих баррикадах были водружены отрубленные головы, покрытые кепи». Подобным клеветническим выдумкам не было конца.

Особенно неистовствовали враги восставшего пролетариата по поводу гибели архиепископа Аффра и расстрела генерала Бреа. Архиепископ, умерший от ран, полученных в тот момент, когда он пытался добиться перемирия, был ранен солдатами правительственных войск. Тем не менее ответственность за его гибель была возложена на инсургентов.

Генерал Бреа, командовавший одной из колонн в армии Кавеньяка, был расстрелян вместе со своим адъютантом. Власти сделали из этого большой процесс, длившийся с 15 января по 9 февраля 1849 г. Военному суду было предано 26 человек, из которых двое были приговорены к смертной казни, шестеро — к пожизненной каторге, остальные — к каторжным работам или тюремному заключению на длительные сроки.

Биржа реагировала на торжество «порядка» в столице повышением курса государственных бумаг. Со всех концов страны в Учредительное собрание поступали приветствия и поздравления.

Но ликование буржуазии по поводу разгрома восстания омрачалось у нее беспокойством за будущее. Мысль, что июньские события могут повториться, притом с иным исходом, упорно держалась в умах многих представителей имущих классов.

Глубоким пессимизмом проникнута оценка событий, данная Токвилем. 21 июля в письме к своему другу Эжену Стоффелю он откровенно писал, что не верит в будущее: «Состояние умов пугает меня. Оно показывает, что революция не идет на убыль. Много говорят, повторяют изо дня в день, что июньские инсургенты состояли из отбросов человечества, что их воодушевляла одна грубая страсть к грабежу. Разумеется, там было немало таких людей, но неверно, что были только такие... В июньском

восстании было нечто другое, чем дурные страсти, — там были ложные идеи. Многие из этих людей, которые шли на приступ самых священных прав, руководились ошибочным представлением о праве. Они искренно полагали, что общество не основано на справедливости, и хотели дать ему другую основу. Это такого рода революционная религия, которую наши пушки и штыки не уничтожат. Она создаст нам затруднения и опасности, которым не видно конца».

Не один Токвиль, но и многие другие буржуазные политические деятели не решались отрицать серьезности проблемы, поставленной в порядок дня июньскими событиями. Маршал Бюжо, например, рекомендовал такой способ «разрешения» этой проблемы, как переселение в колонии «возможно большего числа пролетариев городов». «Мы вынуждены грабить в Африке, чтобы не быть ограбленными во Франции»,— откровенно признавался он. Другие утешали себя тем, что, как писал главный прокурор округа Тулузы, «ложные теории» и «антисоциальные доктрины» не затронули «народа в собственном смысле» — населения деревень, что оно остается послушным властям и сохраняет традиционную привязанность «к трем великим идеям цивилизации — религиозному чувству, культу семьи, любви к собственности».

Ставка на консервативное собственническое крестьянство дополнялась ставкой на военную силу. Герцог Пакье, бывший канцлер Июльской монархии, писал барону Баранту, ее бывшему послу: «Единственная гавань, в которой можно укрыться в такое бурное время,— это гавань военного деспотизма. Слава всевышнему! Мы его имеем, этот благословенный военный деспотизм, под именем осадного положения или диктатуры».

Гром июньской битвы отозвался далеко за пределами Франции. Международная контрреволюция верно оценила классовую сущность июньского восстания и восторженно приветствовала его подавление. Так было и в реакционно настроенных кругах и Англии, и Германии, и Австрии. Николай I, крайне враждебно отнесшийся к февральской революции, выразил полное одобрение палаческим действиям Кавеньяка и направил ему личное приветствие по этому поводу. Передовая общественность Европы, напротив того, выражала свое сочувствие революционным рабочим Парижа.

Оценка значения июньского восстания в «Новой Рейнской газете»

Позиция, занятая Марксом и Энгельсом по отношению к июньским событиям в Париже, была образцом последовательного пролетарского интернационализма. «Июньское восстание парижских рабочих застало нас на посту, — вспоминал об этом впоследствии Энгельс.—С первого выстрела мы решительно стали на сторону инсургентов» [1].

29 июня «Новая Рейнская газета» вышла со статьей, в которой Маркс давал анализ причин и сущности июньского восстания.

«Ни одна из бесчисленных революций французской буржуазии, начиная с 1789 г., не была покушением на *порядок*, так как все они оставляли в неприкосновенности классовое господство, рабство рабочих и *буржуазный порядок*, как бы часто ни менялась политическая форма этого господства и этого рабства. Июнь покусился на этот *порядок*»[2]. Так определял Маркс то принципиально новое, что несло с собой июньское восстание 1848 г.

«Новая Рейнская газета» до конца осталась верна своей позиции классовой солидарности с июньскими инсургентами. Из номера в номер,

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 9.
[2] Там же, стр. 199.

с документами, с неопровержимыми доказательствами в руках газета неустанно разоблачала провокационную тактику Кавеньяка, клеймила ужасы белого террора в Париже, спасала честь июньских повстанцев от грязной клеветы французской и европейской контрреволюции.

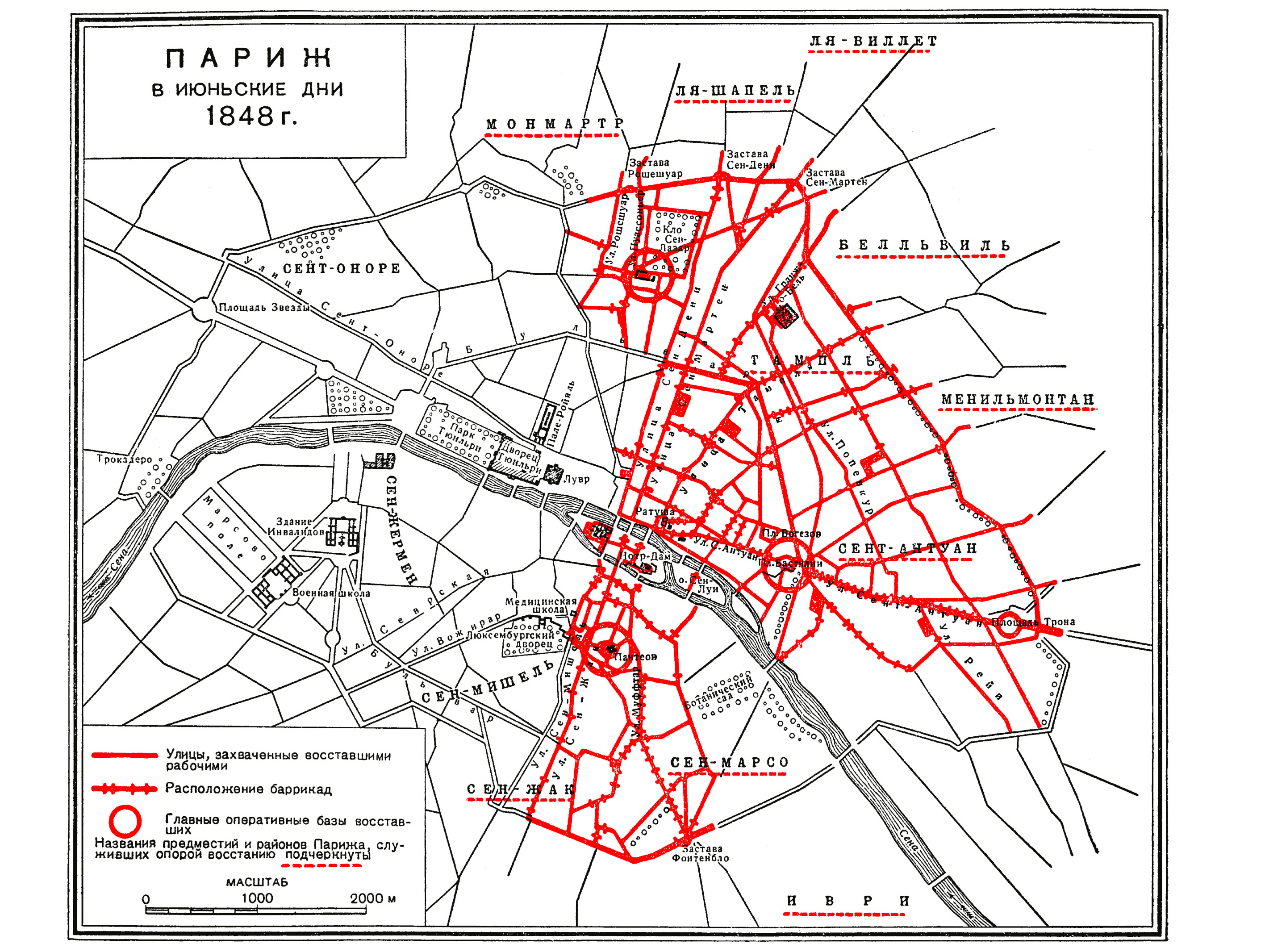
Ленин и Сталин о значении и уроках июньского восстания

В новой исторической обстановке традиции и уроки июньских дней, преданные забвению оппортунистами II Интернационала, были возрождены и проанализированы В. И. Лениным и И. В. Сталиным, гениальными продолжателями великого учения и дела Маркса и Энгельса. Один из важнейших уроков июньского восстания Ленин вслед за Марксом видел в том, что оно разоблачило ошибочность и пагубность теории и тактики представителей мелкобуржуазного утопического социализма, что оно освободило пролетариат от многих вредных иллюзий. «Расстрел рабочих республиканской буржуазией в июньские дни 1848 года в Париже,— писал в 1913 г. Ленин,— окончательно определяет социалистическую природу *одного* пролетариата... Все учения о *не*-классовом социализме и о *не*-классовой политике оказываются пустым вздором» [1]. Борясь с оппортунистами II Интернационала, Ленин резко осуждал их за то, что они сознательно отучают массы от самого слова «революция». «Забыты,— писал он в 1915 г.— чартизм, июнь 1848 г., Парижская Коммуна, октябрь и декабрь 1905 г.» [2] «...Первая великая гражданская война между пролетариатом и буржуазией»,— так определял всемирно-историческое значение июньского восстания Ленин [3].

Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России придала новую политическую актуальность урокам июньских дней 1848 г. В своих статьях о «луиблановщине» и «кавеньяках», в своем классическом труде «Государство и революция» Ленин, используя исторический опыт Франции 1848 г., призывал рабочий класс и всех трудящихся России к бдительности, к борьбе против попыток русской буржуазии выдвинуть своих «кавеньяков» — найти генеральскую саблю, чтобы с ее помощью разоружить пролетариат и разгромить революцию. К борьбе против подобных контрреволюционных замыслов призывал трудящихся нашей страны в своих статьях того же периода И. В. Сталин. Эти призывы большевистской партии и ее вождей Ленина и Сталина нашли широкий отклик в массах. Соотношение классовых сил в России в 1917 г. оказалось совершенно иным, чем во Франции в 1848 г. Выступление «русского Кавеньяка» — генерала Корнилова — провалилось. Провалились и другие претенденты на эту подлую роль. Победила Великая Октябрьская социалистическая революция.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 545.
[2] Там же, т. 21, стр. 111.
[3] Там же, т. 29, стр. 283.

ПАРИЖ
В ИЮНЬСКИЕ ДНИ
1848 г.
МОНМАРТР
ЛЯ-ШАПЕЛЬ
ЛЯ-ВИЛЛЕТ
БЕЛЛЬВИЛЬ
ТАМПЛЬ
МЕНИЛЬМОНТАН
СЕНТ-АНТУАН
СЕЙТ-ОНОРЕ
СЕН-ЖЕРМЕН
СЕН-МИШЕЛЬ
СЕН-ЖАК
СЕН-МАРСО
ИВРИ
Застава Рошешуар
Застава Сен-Дени
Застава Сен-Мартен
Застава Фонтенбло
Кло Сен-Лазар
Ул. Рошешуар
Ул. Пуассоньер
Площадь Звезды
Улица Сент-Оноре
Бул
Пале-Рояль
Парк Тюильри
Дворец Тюильри
Лувр
Трокадеро
Марсово поле
Здание Инвалидов
Военная школа
Ратуша
Нотр-Дам
о. Сен-Луи
Пл. Вогезов
Ул. С.-Антуан
Пл. Бастилии
Ул. Сент-Антуан
Площадь Трона
Ул. Рейи
Ул. Попенкур
Улица Сен-Дени
Улица Сен-Мартен
Улица Тампль
Медицинская школа
Люксембургский дворец
Пантеон
Ул. Муффтар
Ул. Сен-Жак
Ул. Сен-Мишель
Ул. Вожирар
Ул. Севрская
Бульвар
Ботанический сад
Сена
Улицы, захваченные восставшими рабочими
Расположение баррикад
Главные оперативные базы восставших
Названия предместий и районов Парижа, служивших опорой восстанию подчеркнуты
МАСШТАБ
0
1000
2000 м

Глава тридцатая

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ РЕВОЛЮЦИИ 1848 г.

Начавшаяся революция застала Маркса и Энгельса в Брюсселе. С первых же дней они приняли в ней самое деятельное участие.

28 февраля 1848 г. «Брюссельское демократическое общество» приняло подписанное Марксом обращение к Временному правительству Французской республики, содержавшее приветствия французскому народу в связи со свержением монархии во Франции. В самом Брюсселе Маркс и Энгельс поддерживали тесную связь с республиканскими группами, готовившими революционное выступление.

Переезд Маркса из Брюсселя в Париж

Об этом стало известно бельгийской полиции, и 3 марта Марксу был вручен приказ в 24 часа покинуть пределы Бельгии. К этому времени Маркс успел получить из Парижа письмо, в котором Флокон от имени Временного правительства приглашал Маркса в Париж.

4 марта Маркс был арестован, а затем под стражей препровожден на французскую границу, откуда он вместе с женой, которая также была арестована, но затем освобождена под давлением общественного мнения, направился в Париж. Вслед за Марксом из Брюсселя выехали в Париж и многие другие члены «Союза коммунистов», среди них и Энгельс. Туда же из Лондона перебрались в это время К. Шаппер, Г. Бауер и И. Молль.

По приезде в Париж Маркс тотчас же приступил к реорганизации Центрального комитета «Союза коммунистов». Председателем нового Центрального комитета был избран Маркс.

Среди рабочих-эмигрантов в Париже господствовало в это время увлечение революционными легионами. Эмигранты каждой национальности объединялись в отряды, чтобы идти освобождать свое отечество. Велась агитация и за создание вооруженного легиона немецких эмигрантов, за вторжение этого легиона в Германию, чтобы насильственно навязать ей республику извне. Агитацией этой руководило «Немецкое демократическое общество», возглавлявшееся мелкобуржуазным демократом, поэтом Георгом Гервегом.

Маркс и Энгельс решительно выступили против авантюристической игры в революцию. 8 марта на собрании парижских общин «Союза коммунистов» был учрежден во главе с Марксом «Немецкий рабочий клуб» в противовес «Немецкому демократическому обществу». На другой день Маркс выступил на объединенном заседании четырех парижских общин «Союза коммунистов» с проектом устава этого клуба. На этом заседании

Маркс внес предложение о том, чтобы члены «Союза коммунистов» носили красные ленточки. Жена Маркса по его поручению послала в Германию члену «Союза коммунистов» Вейдемейеру письмо, в котором просила поместить в журнале «Вестфальский пароход» («Westfalisches Dampfboot») сообщение об учреждении «Немецкого рабочего клуба» и о том, что он не имеет ничего общего с «Немецким демократическим обществом», занимающимся военной муштровкой своих членов под руководством отставных прусских офицеров.

На собраниях «Немецкого рабочего клуба» Маркс и другие члены Центрального комитета «Союза коммунистов» разъясняли рабочим, что нельзя «импортировать революцию и республику», что начавшееся в Германии революционное брожение в массах должно быть поддержано активным участием в событиях каждого сознательного рабочего, что, следовательно, нужно возвращаться в страну поодиночке и действовать там в интересах движения. Марксу и Энгельсу было ясно, что безоружные легионы, организованные открыто, на виду у всех, неизбежно должны будут, при переходе через границу, попасть в заранее подстроенную ловушку (так это в действительности позднее и произошло). Поэтому Маркс и Энгельс выступали против этой затеи. По настоянию Маркса, Борнштедт, один из руководителей «Немецкого демократического общества», состоявший, как выяснилось впоследствии, на тайной службе у прусского правительства, был исключен из «Союза коммунистов».

«Требования Коммунистической партии в Германии»

Каждому члену «Союза коммунистов», каждому революционно настроенному демократу, уезжавшему из Парижа в Германию, Центральный комитет вручал документ, получивший благодаря этому распространение по всей стране. Этот документ, подписанный Марксом, Энгельсом и другими членами Центрального комитета «Союза коммунистов», состоял из 17 пунктов и назывался: «Требования Коммунистической партии в Германии». Они отвечали насущным интересам немецкого народа, интересам прогрессивного развития Германии. Маркс и Энгельс выдвигали в этом документе такие требования, как создание единой демократической германской республики, всеобщее избирательное право, всеобщее вооружение народа, отмена без всякого выкупа феодальных повинностей, национализация княжеских и прочих земельных феодальных владений, а также рудников и транспорта, введение прогрессивного налога на капитал и отмену налогов на предметы потребления, создание единого государственного банка, обеспечение работой всех способных к труду и оказание помощи нетрудоспособным, бесплатность судопроизводства, всеобщее и бесплатное народное образование.

Заканчивался этот документ следующими словами: «В интересах германского пролетариата, мелкой буржуазии и крестьянства — со всей энергией добиваться проведения в жизнь указанных выше мероприятий; ибо только с их осуществлением миллионы, которые до сих пор эксплуатировались в Германии ничтожной кучкой людей и которых и впредь будут пытаться удержать под гнетом, смогут добиться своих прав и той власти, какая подобает им, как производителям всех богатств» [1].

Осуществление такой программы означало бы последовательно демократическое решение основных задач немецкой буржуазной революции — ликвидацию политической раздробленности страны и уничтожение феодальных порядков — и вместе с тем создание наиболее благоприятных условий для борьбы пролетариата за свое освобождение от капиталистической эксплуатации. «Для нас,— писал впоследствии Энгельс,— февраль и март

---

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв., т. II, 1948, стр. 332.

могли иметь значение подлинной революции только в том случае, если бы они были не завершением, а, наоборот, исходной точкой длительного революционного движения, в котором, как во время великого французского переворота, народ развивался бы в ходе своей собственной борьбы, партии все резче обособлялись бы, пока полностью не совпали бы с крупными классами: буржуазией, мелкой буржуазией, пролетариатом,— а пролетариат в ряде битв завоевывал бы одну позицию за другой»[1].

Выработанные Марксом и Энгельсом требования стали основой пропаганды для всех членов «Союза коммунистов». «Эти требования носят сугубо практический и революционный характер, они демократичны,— писал один из участников революционных событий.— На ближайшие 10—15 лет они составят богатый материал для деятельности журналистов и для выступлений народных ораторов. Они представляют достаточно полную программу для самостоятельной политики, и именно такой политики, которая сама по себе достаточно сильна, всеобъемлюща и значительна, чтобы превратить Германию в цветущую страну и притом проложить путь новым поколениям для перехода к коммунистическому общественному строю».

Основной теоретический документ, созданный Марксом и Энгельсом — «Манифест Коммунистической партии» и выработанные Центральным комитетом «Требования» определяли линию поведения членов «Союза коммунистов» в начавшейся революции. Основоположники научного социализма ясно сознавали, что для Германии в 1848 г. речь могла идти прежде всего не о социалистическом, а о демократическом перевороте, но демократический переворот они рассматривали как необходимый этап на пути к социалистической революции, успешное развитие которой определялось объективными условиями, но зависело также и от степени политической зрелости и классовой организованности самих рабочих, от степени их участия в революционной борьбе. В одной из своих статей в «Немецкой брюссельской газете» («Deutsche Brüsseler Zeitung»), фактически являвшейся перед революцией органом «Союза коммунистов», Маркс писал: рабочие «могут и должны участвовать в *буржуазной революции*, так как она является необходимым условием для начала *рабочей революции*. Но рабочие ни одного мгновения не могут смотреть на буржуазную революцию как на свою конечную цель»[2].

Деятельность Маркса и Энгельса по приезде в Германию

Закончив всю подготовительную работу и отправив в Германию несколько сот немецких рабочих, преимущественно членов «Союза коммунистов», Маркс вместе с Энгельсом покинули Париж и в начале апреля направились в Германию, куда с первых же дней революции их усиленно звали друзья и единомышленники. Последние постоянно держали их в курсе всех событий в стране. Переехав немецкую границу, Маркс и Энгельс остановились 7 апреля в Майнце. Здесь они связались с местными руководителями рабочего движения, обсудили с ними предстоящую работу по организации и объединению всех рабочих обществ. 10 апреля они прибыли в Кельн, который с этого момента стал центром деятельности Маркса и Энгельса в течение всего периода революции 1848—1849 гг.

Кельн, второй по величине город Пруссии, был центром Рейнской провинции, являвшейся тогда и в экономическом и в политическом отношении наиболее передовой частью Германии. Здесь со времен французской революции конца XVIII в. сохранились еще некоторые буржуазно-демо-

---

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв., т. II, 1949, стр. 316.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 219.

кратические порядки, благоприятствовавшие, в частности, относительной свободе печати. В 1848 г. Кельн был вместе с тем и главным очагом революционного движения в Германии. «Нам нужен был именно Кельн, а не Берлин,— писал Энгельс.— ...Мы по собственным наблюдениям слишком хорошо знали тогдашний Берлин с его едва зарождавшейся буржуазией, с его дерзким на словах, но трусливым и раболепным мещанством, с его еще совершенно неразвитыми рабочими, с его бесчисленными бюрократами, придворной и дворянской челядью, со всеми его особенностями города, представлявшего только «резиденцию» [1].

Сразу же по приезде в Германию Маркс и Энгельс развили активную деятельность. По их инициативе Центральный комитет разослал в различные пункты страны членов «Союза коммунистов» для создания местных общин Союза. Одновременно с этим Маркс и Энгельс взялись за подготовку издания большой газеты, боевого органа революционной демократии. Издавать такую газету Маркс и Энгельс решили еще до отъезда в Германию. «...Мы собираемся,— сообщал Энгельс Э. Бланку из Парижа еще 26 марта,— снова издавать «Rheinische Zeitung»[2]. 28 марта Энгельс сообщал ему же, что они с Марксом начали собирать подписку на эту газету.

До их приезда в Кельн группа местных мелкобуржуазных демократов и отдельные члены «Союза коммунистов» готовились к изданию демократической газеты, но имели в виду узко местные, кельнские интересы, а Маркса и Энгельса намеревались направить в Берлин. «Но мы,— вспоминал впоследствии Энгельс,— в 24 часа завоевали позиции главным образом благодаря Марксу». Дело основания газеты целиком перешло в руки Маркса и Энгельса.

«Союз коммунистов» был в Германии единственной революционной организацией рабочего класса. Он был еще слишком слаб, чтобы играть руководящую роль в борьбе огромных, пришедших в движение, народных масс. В течение апреля — мая Маркс и Энгельс получили благодаря собственным наблюдениям и из отчетов членов Союза, находившихся в разных частях страны, конкретное представление о состоянии общин «Союза коммунистов» в Германии и убедились, что Союз «оказался слишком слабым рычагом».

На состоявшемся в конце мая совещании руководящего ядра «Союза коммунистов» было установлено, что в создавшейся обстановке Союз в состоянии давать своим членам лишь общие указания и что лучше всего распространять их через собственную газету.

Рабочий класс Германии был тогда еще настолько слабым и незрелым, что его вожди не могли рассчитывать на немедленное создание массовой пролетарской партии. Поэтому они решили сначала выступить в качестве самого левого крыла революционно-демократического лагеря. «Когда мы вернулись в Германию весной 1848 г.,— писал впоследствии Энгельс,— мы примкнули к Демократической партии, потому что это было единственным возможным средством привлечь к себе внимание рабочего класса»[3]. «Если бы мы не пошли на это,— утверждал он,— если бы мы не захотели примкнуть к движению на его уже существовавшем, самом передовом, фактически пролетарском фланге и толкать его дальше вперед, то нам ничего другого не оставалось бы, как проповедывать коммунизм в каком-нибудь захолустном листке и вместо большой

---

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв., т. II, 1949, стр. 314.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXV, стр. 41.
[3] Там же, т. XXVII, стр. 614.

Neue Rheinische Zeitung.

Organ der Demokratie.

№ 1. Köln, Donnerstag, 1 Juni 1848.

Die „Neue Rheinische Zeitung" erscheint vom 1. Juni an täglich.

Für Köln 2 Thlr., auswärts 2 Thlr. 25 Sgr.

Hrn. W. Clouth, St. Agatha 12, Köln.

Insertionsgebühren.

Für die vierspaltige Petitzeile oder deren Raum . . . 1 Sgr. 6 Pf.

Die Expedition der „Neuen Rheinischen Zeitung."

Das Erscheinen der Neuen Rheinischen Zeitung war ursprünglich auf den ersten Juli festgesetzt. Die Arrangements mit den Correspondenten &c. waren auf diesen Termin getroffen.

Da jedoch bei dem erneuten frechen Auftreten der Reaktion deutsche Septembergesetze in naher Aussicht stehen, so haben wir jeden freien Tag benutzen wollen, und erscheinen schon mit dem ersten Juni. Unsre Leser werden es uns also nachsehen müssen, wenn wir in den ersten Tagen an Nachrichten und mannigfaltigen Correspondenzen noch nicht das reichhaltige Material liefern, wozu unsere ausgedehnten Verbindungen uns befähigen. In wenig Tagen werden wir auch hierin allen Anforderungen genügen können.

Redaktions-Comité.

Karl Marx, Redakteur en Chef.

Heinrich Bürgers,
Ernst Dronke,
Friedrich Engels,
Georg Weerth,
Ferdinand Wolff,
Wilhelm Wolff,
} Redakteure.

Uebersicht.

Amtliche Nachrichten.

Bekanntmachung.

Deutschland.

Humoristische Skizzen aus dem deutschen Handelsleben.

ПЕРВЫЙ НОМЕР «НОВОЙ РЕЙНСКОЙ ГАЗЕТЫ» КЕЛЬН, 1 ИЮНЯ 1848 Г.

партии действия основать маленькую секту. Но для роли проповедников в пустыне мы уже не годились: не для этого мы так хорошо изучили утопистов и не для этого составили свою программу»[1].

Этими соображениями объясняется и вступление Маркса в кельнское «Демократическое общество», в котором он скоро занял руководящий пост, а также участие его в работах Окружного комитета рейнской демократии, в который он был избран позднее, в июне 1848 г., на конгрессе демократических обществ во Франкфурте-на-Майне. В демократических организациях Маркс и Энгельс стремились подталкивать вперед мелкобуржуазную демократию, но вместе с тем сохраняли за собой свободу критики ее деятельности. «Мы никогда,— писал Энгельс в 1848 г.,— не притязали на честь быть органом какой-нибудь парламентской левой. Напротив, при пестроте различных элементов, из коих образовалась демократическая партия в Германии, мы считаем настоятельно необходимым никого не подвергать такой строгой критике, как именно демократов»[2].

ГЕОРГ ЛЮДВИГ ВЕЕРТ

План Маркса и Энгельса заключался в том, чтобы объединить все демократические силы (рабочий класс, крестьянство, часть городской буржуазии и интеллигенции) сначала Рейнской области, затем всей Германии для совместной борьбы против сил контрреволюции.

Основание «Новой Рейнской газеты»

Приняв решение об издании большой общегерманской революционной газеты, Маркс и Энгельс составили и опубликовали проспект нового органа, назвав его в память «Рейнской газеты» 1842—1843 гг. «Новой Рейнской газетой». Они установили личный контакт с передовыми писателями и публицистами, отобрали способных для работы в редакции людей из членов «Союза коммунистов», совершали поездки в другие города, чтобы пропагандировать газету. Был создан редакционный комитет, подобраны корреспонденты, развернувшие свою

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв., т. II, 1949, стр. 313.
[2] К. Маркс и Ф Энгельс. Соч., т. VI, стр. 398.

работу в Германии и за границей. С большими трудностями сталкивались Маркс и Энгельс при изыскании денежных средств, необходимых для издания газеты. Характерно в этом отношении письмо Энгельса Марксу от 25 апреля из Бармена, где он пытался завербовать в число акционеров газеты своего отца и некоторых радикальных буржуа. «Я затратил не мало прекрасных слов,—писал Энгельс,—пустил в ход всевозможную дипломатию и все же ответы неопределенные... по существу, даже эти радикальные буржуа видят в нас своих будущих главных врагов и не хотят давать нам в руки оружие, которое мы очень скоро обратим против них самих.

От моего старика совершенно ничего нельзя добиться,— с досадой сообщал далее Энгельс,— ...вместо тысячи талеров он охотнее послал бы нам тысячу картечных пуль»[1]. Шиккель писал Марксу из Майнца: «Если бы кто-либо выступил здесь как коммунист, то его безусловно прибили бы камнями, хотя эти скоты не имеют никакого понятия о коммунизме». «Настроение у буржуа действительно подлое»,— делает вывод Энгельс в своем письме из Бармена.

Газета должна была, по мысли Маркса и Энгельса, выступать под знаменем демократии, но «демократии, выдвигавшей повсюду, по каждому отдельному случаю, свой специфический пролетарский характер, о чем она еще не могла раз навсегда написать на своем знамени»[2].

31 мая вечером вышел первый номер «Новой Рейнской газеты» с датой 1 июня 1848 г. На первой странице газеты стояло имя Карла Маркса— ее создателя и главного редактора. В состав редакции входили, кроме Маркса и Энгельса, их ближайшие соратники, работавшие с ними еще в Брюсселе, Париже и Лондоне,— Вильгельм Вольф, Георг Веерт, Фердинанд Вольф, Эрнст Дронке, позднее Фердинанд Фрейлиграт. Ни одна газета в Германии не располагала такой блестящей по своему составу редакцией. Неудивительно, что она стала самой популярной газетой в период революции 1848—1849 гг. и оказалась для того времени «лучшим, непревзойденным органом революционного пролетариата...»[3]

Маркс обладал замечательным даром правильной политической ориентировки, умением быстро разбираться в сложной революционной обстановке. Страсть борца, преданного делу революции, сочеталась у Маркса с здравым учетом и глубоким анализом всех совершающихся событий в их общей исторической связи.

«Новая Рейнская газета» имела в лице Маркса замечательного редактора. Об этом свидетельствует ее выдержанная, революционная позиция во всех политических вопросах, боевой тон ее статей, их едкий сарказм и несравненный юмор, глубина мысли и яркость изложения.

Маркс отдавал работе все свои силы, все свое время. «Некогда даже сходить домой», — писал он находившемуся в отлучке Энгельсу. Маркс являлся не только главным редактором, но и основным работником газеты. Он составлял план номера и распределял темы, заказывал статьи — словом, выполнял всю организационную работу. Вместе с Энгельсом, своим заместителем, Маркс писал передовые статьи, вел отдел публицистики и хронику событий, редактировал весь материал газеты. Он же руководил издательской частью и заведывал финансами газеты.

Чтобы обеспечить газету ценной и регулярной информацией, Маркс использовал все свои связи, все свое влияние. Он добился того, что газета систематически получала корреспонденции не только из всех значительных

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI, стр. 100.
[2] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв., т. II, 1949, стр. 313.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 64.

центров Германии, но также и из Англии, Франции, Бельгии, Италии и других европейских стран. Эти отредактированные Марксом корреспонденции читались с интересом не только в Германии: их нередко перепечатывали французские, итальянские и английские демократические газеты.

Маркс принимал самое деятельное участие в обсуждении всех более или менее важных статей, и многие из них, написанные другими членами редакции, носят на себе черты его стиля. Он тщательно следил за тем, чтобы газета, не жертвуя разнообразием материала, не стирая индивидуальной манеры письма главных сотрудников, сохраняла, как политический орган, строго определенное лицо, ясно выраженную политическую направленность, партийную выдержанность.

ФЕРДИНАНД ФРЕЙЛИГРАТ
Фото
Собрание Института Маркса—Энгельса—Ленина. Москва

Собственные статьи Маркс писал сравнительно медленно, глубоко их продумывая, тщательно и кропотливо отделывая во всех деталях. Но Маркс никогда не отставал от стремительного хода событий: в те дни, когда нужно было немедленно откликнуться на события, он успевал написать в своей обычной блестящей манере, в ясных, точных и замечательных по силе и яркости выражениях, две, три статьи для одного номера.

При помощи газеты Маркс стремился воздействовать как на политические, так и на теоретические воззрения рабочих и интеллигенции. Весь ход политических событий в Европе освещался на столбцах «Новой Рейнской газеты» с точки зрения теории исторического материализма. При изложении всех сложных теоретических вопросов Маркс ставил перед самим собой и перед своими сотрудниками задачу: писать так, «чтобы нас понимали рабочие». Высокому идейному уровню газеты соответствовала и совершенная форма изложения всех ее важнейших материалов.

В лице 27-летнего Энгельса, неутомимого, бодрого, всегда готового к действию, Маркс имел верного советника и главного помощника во всей редакционной работе. Энгельс руководил иностранным отделом газеты и замещал Маркса, когда тот совершал агитационные поездки. Превосходное знание иностранных языков позволяло Энгельсу следить за французскими, английскими, итальянскими, испанскими, бельгийскими и датскими газетами, знать ход политической жизни во всех странах, быстро схватывать суть и взаимосвязь событий и давать в газете богатую информацию. Одновременно Энгельс писал статьи по вопросам революцион-

ного движения и в самой Германии. Энгельс был автором почти всех статей в «Новой Рейнской газете» по военным вопросам. Маркс с восторгом отзывался о своем помощнике: «Он — настоящая энциклопедия — способен работать во всякий час дня и ночи, после еды или натощак, быстро пишет и сообразителен, как чорт».

Благодаря сотрудничеству Георга Веерта «Новая Рейнская газета» была обеспечена прекрасными стихами и остроумными, живыми фельетонами на политические темы.

Большое удовлетворение доставляла Марксу как главному редактору работа в газете Вильгельма Вольфа (Лупуса). Вольф принимал активное участие в организации «Союза коммунистов». Накануне второго конгресса Энгельс писал о нем Марксу: «...Лупуса надо абсолютно отучить от преувеличенной скромности. Этот славный малый один из тех немногих, которых надо *выдвинуть* на первый план»[1]. Вольф был, после Энгельса, наиболее деятельным работником редакции. Его идейная вооруженность сочеталась с неустанным трудолюбием. «Лупус уж позаботится о том, чтобы газета была во-время готова»,— говорили о нем в редакции.

Под влиянием Маркса и Энгельса Вольф написал работу «Силезский миллиард», которая позднее была опубликована в «Новой Рейнской газете» в виде ряда статей. Автор этих статей сам отбывал в детстве барщину на господском дворе. Ему удалось создать произведение, проникнутое от начала до конца пламенной ненавистью к феодальному гнету. Бывший силезский крестьянин, ставший членом редакции «Новой Рейнской газеты», Вильгельм Вольф призывал крестьян требовать от помещиков возвращения выкупных платежей.

Чтобы обеспечить бесперебойный выход большой ежедневной газеты, руководитель ее должен был обладать изобретательностью, находчивостью, инициативой, энергией, распорядительностью и твердостью. «Конституция редакции,— вспоминал потом Энгельс,— сводилась просто к диктатуре Маркса»[2]. Маркс обладал замечательным даром руководить людьми. Его «диктатура» была для его сотрудников чем-то само собой разумеющимся, и все они охотно принимали ее. Его авторитет был для них непререкаем. Сама личность Маркса, его ум, эрудиция, отзывчивость буквально покоряли всех, кому приходилось с ним работать. Сотрудники газеты вспоминали потом о совместной работе с Марксом как о самом счастливом и плодотворном времени своей жизни. Благодаря Марксу коллектив работников «Новой Рейнской газеты» был идейно сплоченным, дружным, необычайно работоспособным коллективом.

Борьба «Новой Рейнской газеты» с контрреволюцией

Под руководством Маркса и Энгельса «Новая Рейнская газета» сыграла выдающуюся роль в революционных событиях 1848—1849 гг. На ее страницах получала яркое освещение классовая борьба этих лет не только в Германии, но и в других странах, подвергалась глубокому анализу тактика различных политических партий, деятельность различных парламентских учреждений и массовых организаций.

С первых же дней своего существования «Новая Рейнская газета» не переставала разъяснять народу, что до окончательной победы над враждебными ему силами еще далеко. «...*Бастилия еще не взята*»[3],— подчеркивал Маркс в статье, опубликованной 18 июня 1848 г.

Маркс и Энгельс настойчиво указывали, что для успешного решения задач, стоящих перед народом, нужно прежде всего добиться создания

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI, стр. 89.
[2] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв., т. II, 1949, стр. 314.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 178.

ВИЛЬГЕЛЬМ ВОЛЬФ

Литография неизв. художника

Собрание Института Маркса—Энгельса—Ленина. Москва

революционного правительства. С необычайной силой и горячей убежденностью боролись они с гогенцоллернской монархией и немецкой бюрократией, с бранденбургским и померанским юнкерством.

Со всей решительностью разоблачала «Новая Рейнская газета» предательское поведение крупной буржуазии, обнаружившееся уже в самом начале революции, когда она, сразу же после народного восстания 18 марта, заключила союз с юнкерством, с бюрократией и с военщиной против народа.

«...Тон газеты отнюдь не был торжественным, серьезным или восторженным,— писал впоследствии Энгельс.— У нас были одни только презренные противники, и мы относились ко всем им, без исключения, с крайним презрением»[1]. Бичуя реакционно-дворянские круги, газета не щадила и либеральную буржуазию. «Первый же номер газеты начинался статьей, издевавшейся над ничтожеством Франкфуртского парламента, над бесполезностью его длиннейших речей, над никчемностью его трусливых резолюций. Она стоила нам половины наших акционеров»[2],—добавлял Энгельс. Резко критиковала «Новая Рейнская газета» и депутатов-либералов Берлинского собрания. «...Мы беспощадно разоблачали,— писал Энгельс,— их нерешительность, робость и мелочную расчетливость, показывая им, как они своими компромиссами шаг за шагом все больше изменяли революции. Это, разумеется, вызывало ужас у демократических мелких буржуа, только что сфабриковавших себе этих кумиров... Но нам этот ужас показывал, что мы попадали прямо в цель»[3].

Маркс и Энгельс разоблачали парламентский кретинизм и доказывали, что пока существует старая власть, пока она имеет в своем распоряжении армию, полицию, бюрократию, весь аппарат управления, народное представительство остается бессильной говорильней, неспособной разрешить задачи революционного преобразования страны. «Национальное учредительное собрание прежде всего должно быть активным, революционно-активным собранием,— Франкфуртское же собрание занимается парламентскими школьными упражнениями и предоставляет действовать правительствам»,— писала «Новая Рейнская газета». Особо отмечала она то обстоятельство, что Франкфурт-на-Майне не является крупным городом с революционно настроенным населением, которое стояло бы за Национальным собранием, частью защищая, частью толкая его вперед. «В первый раз в мировой истории,— подчеркивала газета,— Национальное учредительное собрание великой нации заседает в маленьком городе. Это — наследие прежнего германского развития. В то время как французское и английское национальные собрания стояли на огнедышащей почве Парижа и Лондона, германское Национальное собрание должно было почитать себя счастливым, когда нашло нейтральную почву, где оно могло с полным спокойствием и невозмутимостью духа размышлять о наилучшем порядке дня и о наилучшей конституции»[4]. Последние слова звучали нескрываемой иронией.

Когда 14 июня 1848 г. берлинские рабочие, крайне обеспокоенные соглашательским поведением правительства, его уступками королю, его нежеланием проводить демократическую политику, взяли штурмом цейхгауз и разобрали находившееся там оружие, Маркс приветствовал это выступление, которое выражало хотя и стихийное, но уже достаточно определенное стремление народа к вооружению.

---

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв., т. II, стр. 315.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 316.
[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 123—124.

Маркс и Энгельс резко выступали против утверждения контрреволюционеров, будто возбужденные народные массы мешают «свободе обсуждения» в парламенте государственных вопросов. Они указывали, что право народа оказывать моральное давление на решения и действия учредительных собраний есть старое неоспоримое революционное право, которому демократия обязана своими историческими завоеваниями.

Главной опорой самодержавной власти в Германии было феодальное землевладение, основной ее силой — класс землевладельцев-помещиков. «Новая Рейнская газета» смело выступала против помещиков, в защиту крестьян. По прямому поручению Маркса и Энгельса Георг Веерт написал сатирическое произведение «Жизнь и деяния знаменитого рыцаря Шнаппганского», талантливо изображавшее заскорузлое, тупое и чванливое прусское юнкерство, жившее за счет грабежа крестьян.

Маркс в ряде статей разоблачал попытки прусского правительства сохранить привилегии дворянства и обмануть крестьянские массы, добивавшиеся полной ликвидации феодализма. Касаясь доклада министра Патова Берлинскому собранию об основных началах, на которых он мыслил провести отмену феодальных повинностей, Маркс доказывал, что Патов хочет, чтобы крестьяне заплатили выкуп за отмену большей части феодальных повинностей. «Лишь те повинности должны быть отменены без выкупа, которые вытекают из личной крепостной зависимости, из прежней системы налогов и из вотчинной юрисдикции, или же те, которые не представляют ценности для господ феодалов (как милостиво!), иначе говоря, те повинности, которые составляют самую ничтожную часть всех феодальных повинностей». «Настоящее заглавие проекта г. Патова,— доказывал Маркс:— „Доклад о сохранении на вечные времена феодальных повинностей посредством их выкупа“»[1].

В другой статье, анализируя законопроект министра земледелия Гирке об отмене лишь самых незначительных феодальных поборов и о сохранении всех остальных, Маркс писал: «Революция в деревне состояла в фактической отмене всех феодальных повинностей. Министерство дела, которое признает революцию, признает ее в деревне так, что под сурдинку ее уничтожает. Вернуть целиком старый status quo невозможно; крестьяне тогда просто перебьют своих баронов — это понимает и сам г. Гирке. Поэтому отменяется широковещательный список незначительных, лишь там и сям существующих феодальных повинностей, и восстанавливается главная феодальная повинность, которая выражается в одном слове — *барщина*»[2].

Сопоставляя аграрную политику французской буржуазии в революции конца XVIII в. с аграрной политикой немецкой буржуазии в революции 1848 г., Маркс доказывал, что германская революция 1848 г. есть лишь жалкая пародия французской революции 1789 г. «Французская буржуазия 1789 г.,— писал Маркс,— ни на один момент не покидала своих союзников — крестьян. Она знала, что основой ее господства было разрушение феодализма в деревне, восстановление свободного, владеющего землею класса крестьян.

Германская буржуазия 1848 г. немедленно предала своих естественных союзников-крестьян, которые являются плотью от плоти ее и без которых она совершенно бессильна перед лицом дворянства»[3].

«Новая Рейнская газета» обрушивала свои удары и на другую опору германских феодально-монархических порядков — прусскую бюрократию.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 270.
[2] Там же, стр. 336.
[3] Там же, стр. 340.

В статьях, содержавших большой фактический материал, Маркс разоблачал тайны прусского финансового управления и показывал, как обкрадывают народ и набивают свои карманы чиновники, генералы, правительственные советники, обер президенты, министры, ландраты и пр. Маркс и Энгельс раскрывали перед народом всю подлость и продажность, алчность и жестокость немецкого чиновничества, этой касты паразитов и грабителей народа.

Кроме юнкерства и бюрократии, монархия Гогенцоллернов имела в своем распоряжении еще одну силу — военщину. Говоря о поведении прусских войск в Познани во время вспыхнувшего там восстания поляков, Маркс клеймил бесчеловечную жестокость солдат и офицеров прусской армии. Сжигание целых деревень, разрушение домов, разбой на больших дорогах и в селах, разграбление церквей, избиение мирных граждан прикладами и саблями, расстрелы картечью крестьян, вооруженных только косами, убийства беззащитных стариков и беременных женщин — вот далеко не полный перечень зверств прусской военщины, о которых сообщала своим читателям «Новая Рейнская газета».

Бичуя на страницах своего боевого органа все реакционные силы Германии, Маркс и Энгельс призывали народ свергнуть династию Гогенцоллернов, решительно покончить с юнкерством. бюрократией и военщиной, преобразовать полуфеодальную, политически раздробленную страну в единое демократическое государство.

В главнейшем вопросе немецкой революции 1848 г., в вопросе о воссоединении Германии в единое государство, редакция «Новой Рейнской газеты» вела борьбу на два фронта: против объединения страны под главенством прусской монархии (за этот путь высказывалась бóльшая часть крупной буржуазии) и против превращения Германии в федерацию мелких республик со слабой центральной властью (за этот путь высказывались южногерманские мелкобуржуазные демократы). «Интересам пролетариата,— писал Энгельс,— одинаково противоречило как опруссачение Германии, так и увековечение ее раздробленности на множество мелких государств. Интересы пролетариата повелительно требовали окончательного воссоединения Германии в единую *нацию*, что единственно могло очистить от всяких унаследованных от прошлого препятствий то поле битвы, на котором пролетариату и буржуазии предстояло помериться силами... Разложение прусского государства, развал австрийского, действительное воссоединение Германии как республики,— только такой могла быть наша революционная программа на ближайшее время»[1].

Не только внутренняя, но также и внешняя политика господствующих классов Германии вызывала резкое осуждение на страницах «Новой Рейнской газеты». В статье, опубликованной 3 июля, Маркс отмечал, что немецкие реакционеры проявили себя как палачи свободы не только в самой Германии, но и во всей Европе. Маркс писал: «Польша, ограбленная, расчлененная при помощи немецкой военщины, Краков, предательски ею раздавленный; Ломбардия и Венеция, порабощенные и истощенные при помощи немецкого золота и крови; всякое освободительное движение, прямо или косвенно задушенное во всей Италии штыками, виселицами, тюрьмой, галерами... Перечень грехов Германии гораздо длиннее, лучше прекратим его!

Вина за эти гнусности, с помощью Германии учиненные в других странах,— доказывал Маркс,— падает не только на правительство, но в большой мере и на самый германский народ. Не будь его ослепления, его рабского духа, его пригодности и готовности играть роль ландскнех-

---

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв., 1949, т. II, стр. 315.

тов, «благодушных» палачей и послушных орудий господ «божьей милостью»,— немецкое имя не было бы так ненавистно, проклинаемо и презираемо за границей, а порабощенные Германией народы давно пришли бы к нормальному состоянию свободного развития»[1].

В письме к редактору флорентийской демократической газеты «Альба» («Alba») Маркс от имени редакции «Новой Рейнской газеты» писал: «Мы будем отстаивать дело итальянской независимости, мы будем вести самую ожесточенную борьбу против австрийского деспотизма в Италии, равно как и в Германии и в Польше. Братски протягиваем мы руку итальянскому народу и хотим ему доказать, что немецкий народ отвергает какое бы то ни было участие в деле угнетения,— угнетения, которое и у вас ведется теми же людьми, что и у нас постоянно боролись против свободы»[2].

Выступая в защиту освободительного движения угнетенных народов Европы, «Новая Рейнская газета» призывала к решительной борьбе против сил международной реакции, выдвигала лозунг войны революционной Европы против царской России — могучего оплота европейской контрреволюции в 1848—1849 гг. Если бы удалось толкнуть революционную Германию на войну с царизмом, утверждали Маркс и Энгельс, «Габсбургам и Гогенцоллернам пришел бы конец и революция победила бы по всей линии»[3].

Так связывали Маркс и Энгельс вопросы внешней политики (выступления в защиту каждого революционного народа, призыв к революционной войне с царизмом) с вопросами внутренней политики (революционное преобразование и демократическое объединение Германии).

Борьба Маркса и Энгельса за сплочение рабочего класса

Уже в первые дни после приезда в Германию Маркс и Энгельс старались объединить пробуждавшихся к сознательной политической жизни рабочих вокруг «Союза коммунистов» через его местные общины, через рабочие общества и союзы. В самом Кельне 13 апреля 1848 г., по инициативе Центрального комитета «Союза коммунистов», был организован «Кельнский рабочий союз». В то же время Маркс отправил члена Центрального комитета Шаппера и члена редакции «Новой Рейнской газеты» Дронке в качестве уполномоченных для организации общин «Союза коммунистов» и для создания рабочих союзов в других важнейших центрах страны.

Вскоре после мартовских событий в Берлине, Вене, Гамбурге, Майнце, Кобленце, Гамме, Дюссельдорфе, Бармене, Эльберфельде и некоторых других городах возникли первые рабочие организации. Маркс и Энгельс стремились сплотить их вокруг знамени, поднятого «Новой Рейнской газетой», и направить их деятельность в русло борьбы, которую она вела.

Позиция руководителя «Кельнского рабочего союза» Готшалька, редактировавшего на первых порах «Газету Кельнского рабочего союза» («Zeitung der Arbeiterverein zu Köln»), явно противоречила линии Маркса и Энгельса. Готшальк и его сторонники выступали против участия рабочих в выборах в Учредительное собрание, порицали Маркса за его вступление в «Демократическое общество», осуждали тактическую линию редакции «Новой Рейнской газеты». В одной из своих речей Готшальк утверждал, что рабочим «совершенно безразлично, останется ли Германия монархией или превратится в республику». Он предостерегал рабочих от «эксцессов», утверждая, что они достигнут своей цели —

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 238.
[2] Там же, стр. 240.
[3] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв., 1949, т. II, стр. 318.

установления царства «свободы, братства и труда»—законным и мирным путем. Как указывает Энгельс, Готшальк был демагогом, умевшим льстить массам, соглашаясь с их традиционными предрассудками.

Деятельность Готшалька наносила большой вред еще не окрепшему рабочему движению. «Социализм или коммунизм для господина Готшалька был лишь вопросом желудка,— писал В. Либкнехт,— и поскольку он отвлекал рабочих от политики и изображал перед ними насущнейший вопрос дня как пустой бессодержательный спор о форме, он положительно действовал как реакционер, так что Маркс и Энгельс были вынуждены выступать против него». «Новая Рейнская газета» и рабочие союзы,—писал впоследствии Энгельс,—«поставили перед ним вопрос ребром: либо с нами, либо против нас»[1].

11 мая на заседании «Союза коммунистов» Маркс и Энгельс решительно выступили против позиции Готшалька в связи с тем, что он провел в «Рабочем союзе» решение не принимать участия в выборах в Прусское Учредительное собрание, что резко противоречило тактике, рекомендованной Центральным комитетом «Союза коммунистов». Маркс и Энгельс доказывали вред утверждения Готшалька, будто социальное переустройство не требует участия пролетариата в политической борьбе, будто оно может быть осуществлено при любом государственном строе. Выступая против Готшалька, Маркс и Энгельс старались направить деятельность «Кельнского рабочего союза» в правильное русло. И это им в конце концов удалось.

Выступая против Готшалька, Маркс и Энгельс не уставали подчеркивать всю важность политической борьбы, всю важность участия в ней возможно более широких масс народа. Вместе с тем они выступали против всяких беспринципных союзов, против всяких сделок с сомнительными политическими элементами. Маркс и Энгельс неодобрительно отнеслись к деятельности члена «Союза коммунистов» Стефана Борна, руководившего «Центральным комитетом берлинских рабочих», а позднее созданным им «Рабочим братством». Они осуждали Борна за то, что он «братался» с самым разношерстным сбродом, лишь бы собрать вокруг себя толпу.

Стефан Борн, рабочий-наборщик, был неожиданно выдвинут революцией на поверхность политической жизни. В рабочем движении тех лет Борн представлял оппортунистическую тенденцию. В теоретическом отношении это был эклектик, путавший обрывки идей «Коммунистического манифеста» с мелкобуржуазными воззрениями Луи Блана и Прудона. Борн увлекся организацией союзов рабочих по профессиям, рабочих производительных и кредитных товариществ и отстранился от участия в революционной борьбе. Он не понимал, что, как писал Энгельс, «задача состояла прежде всего в том, чтобы посредством политической победы завоевать себе сначала такое поприще, на котором только и могли прочно, надежно осуществиться такие вещи»[2]. Деятельность руководимых Борном рабочих организаций состояла прежде всего в организации производительных товариществ в духе Луи Блана. Эти товарищества, создаваемые на средства самих рабочих и при поддержке государства, должны были, как о том мечтал Борн и его единомышленники, мирным путем вытеснить капиталистические отношения. Проводя якобы «чисто рабочую» политику, Борн и его группа в действительности не занимали отчетливой классовой позиции ни по одному из важнейших политических и социальных вопросов. Они были равнодушны к борьбе за развитие и углубление революции.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVIII, стр. 156.
[2] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв., т. II, 1949, стр. 333.

Борясь против извращений политической линии, разработанной «Союзом коммунистов», Маркс и Энгельс старались сплачивать передовых рабочих и идейно вооружать их для борьбы за дальнейшее развитие революции.

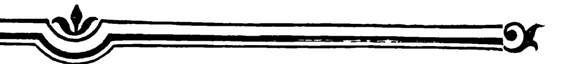
По условиям той эпохи, Маркс и Энгельс не могли опираться на какую-либо серьезную массовую организацию рабочего класса; условия для появления такой организации тогда еще не созрели. Но они прилагали все усилия к тому, чтобы заложить основы этой организации. Об этом свидетельствуют совещания членов Центрального комитета «Союза коммунистов», вся работа редакции «Новой Рейнской газеты», выступления Маркса на собраниях рабочих союзов, на празднествах рабочих просветительных организаций и т. д. На страницах «Новой Рейнской газеты» Маркс и Энгельс просвещали и воспитывали рабочих, учили их активному участию в революционной борьбе. Они следили за тем, чтобы насущные интересы рабочих обсуждались на рабочих собраниях, освещались в печатных органах рабочих союзов. Маркс, рассказывает Лесснер, «придавал огромное значение встречам и беседам с рабочими... Он считал очень важным для себя слышать мнение рабочих о движении. Он в любое время готов был обсуждать с ними важнейшие политические и экономические вопросы, причем он быстро определял, в достаточной ли степени они понимают эти вопросы, и чем лучше они их понимали, тем больше он этому радовался».

Однако рабочий класс Германии не смог еще, ввиду своей слабости, стать в 1848 г. руководящей силой революционного движения, что в свою очередь не могло не сказаться отрицательно на ходе революции 1848—1849 гг.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава тридцать первая

УСИЛЕНИЕ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ В АВСТРИИ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В АВСТРИИ ПОСЛЕ МАЙСКИХ СОБЫТИЙ 1848 г.

Подавление пражского восстания было крупной победой австрийской контрреволюции в 1848 г. Предшествовавшие этому события — неудачный исход чартистской демонстрации 10 апреля, контрреволюционный переворот в Неаполе 15 мая, разгром июньского восстания парижских рабочих — привели к усилению позиций контрреволюции во всей Европе.

Это сказалось и в Австрии. Феодально-монархические круги ее сплотились и активизировались; в буржуазно-демократическом лагере усилились колебания и разногласия. Либеральная буржуазия переходила в лагерь контрреволюции.

Этот поворот обнаружился прежде всего в деятельности Комитета общественной безопасности, во главе которого стоял Фишгоф. Комитет взял под свою охрану, а затем освободил арестованных в майские дни контрреволюционеров; он направил в Инсбрук делегацию, чтобы добиться возвращения императора в Вену. 13 июня, выступая на заседании Комитета по поводу австро-итальянской войны, Фишгоф выразил свои симпатии императорской армии, которая, как он утверждал в явном противоречии с действительностью, борется не против революции и не за овладение Италией, а за «почетный мир и за честь австрийского оружия».

Австрия после подавления пражского восстания

Однако, несмотря на все усилия Фишгофа и его группы, рабочие и другие демократические слои столицы не прекращали борьбы. Они успели приобрести некоторый политический опыт в мае 1848 г. У них были и свои органы печати. Особенно большую роль играла газета «Онехозе». («Ohnehose»). Она публиковала на своих страницах сведения о фактах, свидетельствовавших о стойкости венских демократов, призывала народ мужественно охранять свои революционные завоевания, стремилась формулировать требования масс. Газета подчеркивала свою идейную связь с французскими революционными демократами конца XVIII в. (это чувствовалось и в самом названии газеты, напоминавшем по смыслу французское слово «санкюлот», которым обозначали плебейских революционеров 1793—1794 гг.).

«Онехозе» боролась за республиканский строй, критиковала Комитет безопасности и его половинчатую политику, требовала его роспуска.

В обстановке мещанского трепета перед императорской властью, в противовес верноподданническим просьбам к императору вернуться в Вену, газета доказывала, что «только республика и еще раз республика может стать подлинным счастьем для народа».

Хозяйственная разруха и рост безработицы в Вене

Экономический кризис углублялся с каждой неделей. Этому способствовала и война в Италии, требовавшая больших расходов. Обычные государственные доходы, значительно понизившиеся после уничтожения некоторых налогов (в том числе налога на соль и на другие предметы первой необходимости), оказались недостаточными. Развитию кризиса способствовало также закрытие ряда предприятий, производящих предметы роскоши; после бегства из Вены двора и аристократии эти предприятия лишились своих главных потребителей. Государственный дефицит все возрастал. Его пытались ослабить усиленным выпуском бумажных денег: в июле — августе соотношение обращавшейся в стране звонкой монеты и бумажных денег составляло 1 : 9. Неумеренная эмиссия банкнот привела к тому, что золото и серебро исчезли из обращения и денежный рынок оказался наводненным обесцененными бумажными знаками.

Кредит сокращался. Упадок переживали все отрасли хозяйства. Разорялись мелкие и средние предприниматели. Чтобы спасти свое производство от окончательной гибели, ремесленники требовали законодательного ограничения предприятий, стоящих вне цехов и конкурирующих с ними.

Безработица усилилась настолько, что правительство было вынуждено провести ряд мероприятий для ее смягчения. Решено было организовать строительные работы. Уже к началу июня на них было занято 14 тыс. безработных.

Устройством общественных работ в Вене занимались две организации: Комитет общественной безопасности и специально для этого созданный Рабочий комитет, в котором участвовали представители правительства и Общинного совета. Комитет общественной безопасности, буржуазный по своему составу, видел в организации общественных работ только средство ослабить недовольство «низов». Работы велись поэтому без всякого плана и не были обеспечены правильным руководством. Рабочий день на общественных работах продолжался 10 часов, заработная плата составляла у мужчин 25 крейцеров в день, у женщин — 20, у подростков — от 10 до 12.

Между тем безработица возрастала. Наладить порядок на работах становилось все труднее. Хаос там был невероятный. Впрочем, если бы даже и удалось организовать общественные работы более удовлетворительно, это все равно не разрешило бы сложного вопроса о труде. Самое большее, чего можно было бы ждать от организации общественных работ,— это временного смягчения безработицы.

15 июня 1848 г. колонна рабочих, занятых на общественных работах, направилась к Комитету общественной безопасности и потребовала повышения ставок и оплаты за дождливые дни, когда работы прерывались не по вине рабочих. Ни одно из этих требований не было удовлетворено.

4 июля рабочие снова потребовали повышения заработной платы, но снова ничего не добились. Командование национальной гвардии двинуло против них два отряда. Но до вооруженного столкновения дело не дошло.

Отставка Пиллерсдорфа и создание министерства Вессенберга — Доблъгофа

В центре политической борьбы стал вопрос о смене министерства. Поведение Пиллерсдорфа в майские дни, его отказ от уступок требованиям масс и, главное, постоянные конфликты с Комитетом общественной безопасности,— все это делало председателя совета министров крайне непопулярным в глазах трудящихся масс и демократических кругов буржуазии. Комитет безопасности требовал создания комиссии по расследованию пражских событий, отозвания Виндишгреца и выяснения причин задержания членов Комитета, направленных в Прагу.

На все эти требования Пиллерсдорф отвечал категорическим отказом. Это еще более восстановило передовые круги Вены против главы кабинета. В начале июля радикальная пресса начала кампанию за отставку Пиллерсдорфа и за создание министерства, способного к коренному повороту в политике, к закреплению демократических завоеваний майских дней.

24 июня в Вену прибыл дядя императора эрцгерцог Иоганн. Формально эрцгерцог выступал в качестве заместителя императора, но в действительности он прибыл в Вену для выяснения создавшейся там ситуации. Крупная буржуазия считала Иоганна подходящим главой будущей конституционной монархии и шумно рекламировала его мнимые достоинства. Широкие слои мелкой буржуазии рассчитывали использовать авторитет Иоганна, чтобы свергнуть ненавистное министерство Пиллерсдорфа. Однако эрцгерцог, избранный Франкфуртским парламентом на должность имперского правителя, вскоре покинул Вену. Формирование нового министерства было поручено умеренному либералу, барону Доблъгофу.

18 июля новое министерство было сформировано. Во главе его стал Вессенберг. Доблъгоф взял себе пост министра внутренних дел и министра просвещения. Портфель министра торговли получил фабрикант Горнбостель, министерство труда досталось редактору «Всеобщей австрийской газеты» («Allgemeine Oesterreichische Zeitung») Эрнсту фон Шварцеру.

30 июля новое правительство опубликовало программу своей деятельности. В этом документе было сказано, что правительство стремится к утверждению конституционной монархии, что Австрия должна остаться великой, сильной и единой державой, что поэтому министерство будет добиваться тесного союза Австрии с Германией при равноправии всех народов империи. Революционные массы Вены приветствовали правительственный манифест. Однако ликование было преждевременным: в составе нового правительства, в роли военного министра остался барон Латур, ярый реакционер, близко стоявший ко двору. Латур открыто заявлял о своем несогласии с новой правительственной программой и о намерении проводить старый курс.

Состав и деятельность австрийского рейхстага

В такой обстановке происходили выборы в рейхстаг. Выборы были двухстепенными. Первый этап — избрание выборщиков — происходил с 19 по 21 июня. Подготовкой и проведением выборов руководил избирательный комитет, созданный Комитетом общественной безопасности. Согласно временному положению от 11 мая 1848 г., в рейхстаг было избрано 383 депутата, при норме выборов — один депутат от 50 тыс. избирателей. Наибольшее количество депутатских мест приходилось на Галицию, Чехию, Моравию и Нижнюю Австрию. Вене было дано 15 мест из 37, отведенных всей Нижней Австрии.

В деревнях выборы вызвали напряженную борьбу. Крестьяне отстаивали своих кандидатов, несмотря на противодействие помещиков и духовенства, и добились избрания 97 депутатов-крестьян, что составило

около $^1/_4$ общего числа депутатов. Города были представлены преимущественно буржуазной интеллигенцией — адвокатами, врачами, журналистами и т. д. Депутатов от дворянства было немного—42, но, благодаря своим связям с крупной буржуазией и поддержке могущественной земельной аристократии, эти 42 депутата имели неизмеримо большее влияние, чем им могла бы дать их численность. С другой стороны, крестьянские депутаты были мало подготовлены к парламентской деятельности, вели себя нерешительно и легко подпадали под влияние умеренно-либеральных буржуа, составлявших большинство в рейхстаге. Только в одном вопросе, аграрном, левое крыло рейхстага, состоявшее в основном из крестьян, держалось сплоченно и выступало энергично.

Рейхстаг полностью отразил многонациональный состав Австрийской империи: здесь были немцы, чехи, итальянцы, поляки, украинцы (русины) и др. Немецкая националистическая историография характеризует обычно австрийскую часть рейхстага как демократическую, противопоставляя ей славянских депутатов как реакционеров. Такая характеристика грубо извращает исторические факты: национальная принадлежность сама по себе еще не определяла политических позиций депутатов.

По своему политическому составу рейхстаг делился на три группы: правую, левую и центр. Самым видным представителем правых был историк Гельферт; наиболее влиятельными деятелями центра были Зелингер, Штрассер, чехи Ригер, Палацкий; левая группа рейхстага была представлена такими популярными деятелями, как Фюстер, Виолан, Кудлих, Шузелька, Гольдмарк.

Фюстер, капеллан Академического легиона и профессор Венского университета, был самым популярным руководителем венского студенчества. Замечательной фигурой в рейхстаге был публицист Эрнст Виолан, автор книги «Социальный строй Австрии», ярко изобразивший в ней противоречия капиталистического общества. В вопросах практической политики Виолан отличался нерешительностью. Видным политическим деятелем был демократический депутат Ганс Кудлих— силезский студент, крестьянин по происхождению, решительный борец за аграрную реформу.

Открытие рейхстага Торжественное открытие рейхстага состоялось 22 июля. Внешний вид собрания соответствовал пестроте его состава. «Шаровары, обшитые мехом колпаки, береты, остроконечные шапки и конфедератки, штирийские и тирольские куртки из грубого сукна, рясы восточных священников и католических епископов пестрели тут и там, резко выделяясь на фоне сшитых по последней революционной моде мундиров студенческого легиона и столичной и провинциальной национальной гвардии»,— так описывает внешний облик рейхстага историк Файт Валентин. На открытии с речью выступил эрцгерцог Иоганн.

Деловая работа рейхстага началась 24 июля. Первым спорным вопросом был вопрос о языке. Каждая из многочисленных национальностей, представленных в собрании, требовала либо ведения заседаний на родном ей языке, либо переводчиков. Ригер правильно подчеркнул политическую сторону этого вопроса. «Мы, славяне, представляем подавляющую силу в этом государстве,— говорил он.— Нашими деньгами, нашей кровью держится оно и будет держаться, пока мы этого захотим. Но мы не хотим этого». В итоге прений господствующим языком был все-таки признан немецкий, но была принята поправка чеха Гавличка о том, чтобы перед каждым голосованием по требованию 10 депутатов вопрос, поставленный на голосование, переводился на польский, румынский, украинский и чешский языки.

После этого перешли к обсуждению адреса императору, а затем к вопросу о возвращении императора в Вену. 29 июля Доблысгоф огласил ответ императора на посланный ему запрос. Император сообщал, что примет решение в зависимости от поведения венского населения и от позиции рейхстага. Император требовал гарантий, что «спокойствие и порядок» будут прочно восстановлены.

Произошли бурные прения. Правые и левые (за исключением одного Фюстера) сошлись на том, что возвращение императора необходимо, но в то время как правые предлагали включить в адрес императору выражения верноподданнических чувств, левые заявляли, что адрес должен быть составлен в духе требований народа.

ГАНС КУДЛИХ

Раскрашенная литография неизв. художника

Собрание Института Маркса—Энгельса—Ленина. Москва

Бурю протестов вызвала речь Фюстера, поразившая своей смелостью даже левых. «Было бы гораздо лучше,— сказал он,— если бы с самого начала наш народ заговорил более энергичным языком. Однако он проявил исключительную, не свойственную другим народам, умеренность. Стоит только напомнить историю Карла I, Якова II, Людовика XVI». Эти слова привели реакционеров в ярость.

Обсуждение вопроса закончилось тем, что рейхстаг принял адрес, составленный в лойяльных по отношению к императору выражениях. Затем была выделена депутация для вручения этого документа императору.

Возвращение двора в Вену

12 августа император и его двор возвратились в Вену. С этого момента контрреволюционные силы перешли в наступление. Радикальные газеты почувствовали на себе почти дореволюционный гнет цензуры; над ними нависла угроза запрета.

Рейхстаг принял резолюцию о предоставлении министерству кредита в 20 млн. гульденов, что дало правительству значительные средства, которые оно использовало на подавление революции в Верхней Италии, а затем и в Венгрии.

14 августа, т. е. через несколько дней после вступления армии Радецкого в Милан, депутат Зелингер предложил выразить австрийской армии

признательность за ее активные действия против итальянских революционеров. Это вызывающее предложение, встреченное негодующими протестами левых депутатов, было принято.

Обсуждение крестьянского вопроса. Закон 7 сентября 1848 г.

Обсуждение в рейхстаге вопроса о крестьянской реформе сопровождалось острой борьбой партий. Депутаты от крестьянства требовали отмены всех феодальных повинностей без выкупа. В ряде районов крестьяне отказывались от несения барщины; участилась самовольная порубка лесов; крестьяне отказывались признавать вотчинную юстицию и выбирали собственных народных судей. Рейхстагу приходилось спешить с разрешением аграрного вопроса; имущие классы сознавали, что его оттяжка могла привести к росту крестьянских волнений, к серьезным политическим осложнениям в стране.

Защитником интересов крестьянства выступил Кудлих, потребовавший полной ликвидации крепостного строя. «Крестьянин — раб,— говорил Кудлих,— он, согнувшись на работе, целует руки помещику»; крестьянина «уже с колыбели ждут продажные попы и учителя, стремящиеся подавить его умственные способности и сковать его мозг таким плотным кольцом суеверий и предрассудков, чтобы в нем крайне редко вспыхивала свободная, смелая мысль». Отныне крестьянин должен стать свободным. Крепостное право, доказывал Кудлих, является опасностью не только для спокойствия государства, но также для свободы и существования самого рейхстага. «Господа,— так закончил свою речь Кудлих,— свобода и справедливость появляются сегодня на пороге этой залы и требуют признания. Они ведут за собою миллионы подданных, которых третировали, как рабов, угнетали, притесняли веками... То, что вы должны сегодня постановить, не есть статья парламентского наказа. Это — тронная речь австрийского народа... Скажите же свое слово; это слово явится не только символом мира, но и ударом грома над дворцами господствующих классов, которые продолжают рассчитывать на нашу слабость и нашу нерешительность».

Рейхстаг посвятил крестьянскому вопросу 38 заседаний; к предложению Кудлиха было внесено 100 поправок. В ожесточенных прениях депутаты разделились на два лагеря.

Галицийский крестьянин Капущак произнес речь, проникнутую страстной ненавистью к угнетателям-помещикам. Обрисовав полную страданий и унижений жизнь галицийских крестьян, Капущак закончил призывом освободить крестьян без выкупа [1].

Министр Бах привел данные о доходах с повинностей, подлежавших уничтожению. Общая сумма доходов землевладельцев в различных австрийских провинциях составляла около 700 млн. гульденов, а крестьянские повинности составляли лишь третью часть этой суммы, примерно 230—240 млн.

Основное место в прениях занимал вопрос о вознаграждении помещиков за отменяемые повинности. Левые требовали освобождения крестьян без всякого выкупа, правые и центр (т. е. буржуазно-дворянское большинство) стояли за выкуп. Вопрос о выкупе голосовался 29 августа. Рейхстагу было предложено три вопроса: 1) подлежат ли выкупу лишь некоторые из отменяемых повинностей; 2) следует ли платить выкуп за все повинности; 3) следует ли отменить все повинности без выкупа.

Рейхстаг постановил, что без выкупа отменяются лишь повинности, вытекающие из личной зависимости крестьян и из права юрисдикции помещиков, а все остальные повинности (оброки, сервитуты, барщины)

---

[1] Подробнее об этом см. главу двадцатую.

Der Bauer ist frei.

Kein Zehent, keine Robot mehr,

beschlossen und mit allgemeine Stimmenmehrheit angenommen durch die

hohe Reichsversammlung,

am 30. und 31. August 1848.

«КРЕСТЬЯНИН СВОБОДЕН». ТЕКСТ ПОСТАНОВЛЕНИЯ АВСТРИЙСКОГО РЕЙХСТАГА ОТ 30—31 АВГУСТА 1848 г.

Афиша

Собрание Института Маркса — Энгельса — Ленина. Москва

подлежат выкупу. После этого рейхстаг приступил к голосованию предложения Кудлиха — возложить выкуп на государство. В процессе прений перевес правых становился все более очевидным. Левые, чувствуя, как слабеют их позиции, выражали свое негодование путем обструкции. В итоге проект Кудлиха был провален.

Выступивший затем Бах заявил, что принятое решение получит обязательную силу лишь после его утверждения императором и должно быть опубликовано от его имени, а не от имени рейхстага. 5 сентября 37 депутатов (среди них Виолан) протестовали против заявления Баха, а также против поведения председателя, не допустившего прений в связи с заявлением министра, но этот протест остался без последствий. Рейхстаг подчинился предложению министра. 7 сентября император санкционировал отмену личной зависимости крестьян.

Закон 7 сентября отменял феодальные повинности на основе выкупа. Выкупная сумма была определена в двадцатикратном размере ежегодных крестьянских повинностей. Две трети выкупных платежей падали на крестьян, одна треть на государство, т. е. на широкие массы налогоплательщиков. Реформа не разрешила полностью аграрного вопроса, но все же открывала путь для проникновения капиталистических отношений в сельское хозяйство Австрии.

Половинчатое решение аграрного вопроса обнаружило консолидацию союза помещичьей знати с верхними слоями буржуазии.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА И РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В АВСТРИИ В АВГУСТЕ — СЕНТЯБРЕ 1848 Г.

Выступления рабочих в Вене 21—23 августа

Поражение итальянцев в освободительной войне против австрийского господства укрепляло позиции контрреволюции Австрии. 5 августа австрийские войска вступили в Милан.

Падение Милана было тяжелым ударом для революции в Италии. «Обратное завоевание Милана Радецким,—писал Энгельс,— является, действительно, первым событием европейского значения после парижской июньской победы. Двойной орел на куполе миланского собора означал не только поражение всей Италии,— он означал также возрождение центра тяжести европейской контрреволюции, возрождение *Австрии*»[1]. Успехи австрийской военщины в Италии усиливали позиции контрреволюции в Австрии.

19 августа император был приглашен на смотр национальной гвардии. Императорская фамилия и придворная знать оказывали на параде знаки внимания национальным гвардейцам. Это была своеобразная демонстрация союза монархии Габсбургов с крупной буржуазией.

В тот же день министр труда Шварцер опубликовал приказ о снижении и без того низкой заработной платы рабочим на общественных работах: поденная плата женщинам снижалась с 20 до 15 крейцеров, а детям — до 10 крейцеров. Рабочие направили Шварцеру делегацию с просьбой отменить это решение. Однако министр отказался удовлетворить просьбу рабочих, сославшись на отсутствие у государства денежных средств, и перешел к угрозам, напомнив делегатам, чем кончились июньские дни в Париже.

Поведение Шварцера отражало старания буржуазных контрреволюционеров спровоцировать народное восстание. Правительство стало спешно готовиться к возможному выступлению рабочих. Были мобилизованы отряды национальной гвардии и приведены в боевую готовность нахо-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т., VII, стр. 92.

ИЗБИЕНИЕ РАБОЧИХ НА ПРАТЕРЕ. 23 августа 1848 г.

Литография Вексельгертнера

Собрание Института Маркса — Энгельса — Ленина. Москва

дившиеся в Вене воинские части. Общинный совет, совместно с командованием национальной гвардии, выработал чрезвычайные мероприятия по охране города.

Волнения начались 21 августа демонстрацией на Пратере. 23 августа рабочие организовали своеобразную похоронную процессию, провожавшую «к месту вечного упокоения» куклу, которая изображала министра Шварцера, подавившегося отнятой у рабочих монетой в 5 крейцеров. В демонстрации участвовало до 8 тыс. человек, в том числе много женщин и подростков. Демонстрантов встретили отряды национальной гвардии и другие вооруженные части, но все попытки остановить демонстрантов и заставить их разойтись оказались тщетными. Тогда национальная гвардия открыла огонь по безоружным рабочим и рассеяла толпу. Но вскоре демонстрации возобновились в разных частях города. В тот же день произошла новая схватка между рабочими и национальными гвардейцами. Кое-где рабочим удалось вооружиться, и они подняли красное знамя.

Налицо был новый подъем революционной волны в Вене. Однако обстановка была теперь иная, чем в майские дни. Правительство использовало страх, вызванный среди мелкобуржуазных групп решительными действиями пролетариата. Академический легион остался теперь в стороне от народного движения. Руководители легиона ограничились ролью посредников между рабочими и министерством. Студенты несли охрану города как «нейтральная» сила и этим фактически оказывали помощь властям в их расправе с рабочими.

Рабочие, почти безоружные, мужественно сопротивлялись. Точное число жертв августовской резни установить трудно. По данным «Новой Рейнской газеты», рабочие потеряли 30 человек убитыми и 300 ранеными; среди защитников «порядка» было 36 раненых и 1 убитый.

Репрессии правительства

23 августа сопротивление рабочих было сломлено. Правительство использовало такой исход событий для проведения дальнейших репрессивных мероприятий. Уже 24 августа был издан приказ, по которому национальная гвардия и все городские учреждения подчинялись исключительно министру внутренних дел. Всякое сопротивление национальной гвардии наказывалось по всей строгости уголовного законодательства. На всех предприятиях, где произошли волнения, работа прекращалась и рабочие увольнялись; желавшие вновь поступить на общественные работы должны были представить свидетельство о своем прежнем поведении, а также о том, что Вена является их постоянным местом жительства.

Комитет общественной безопасности в дни августовских волнений обнаружил полную беспомощность и ничем не помешал действиям правительства. После подавления рабочих волнений Комитет сам распустил себя в знак протеста против расстрелов 23 августа. Этим он только еще более помог контрреволюции.

Усилились гонения на передовую печать. Снова всплыло старое дело (впервые оно возникло еще в июле) по обвинению Фальке и Бухгейма, сотрудников газеты «Политический курьер студентов». Вина обоих журналистов состояла в том, что они употребили в своих статьях слово «республика»; этого оказалось достаточно, чтобы начать политический процесс и обвинить их в попытке скомпрометировать в печати конституционную монархию. Правда, оба они были судом оправданы, но самый факт этого процесса и повод к нему были показательны.

Пребывание Маркса в Вене

28 августа в Вену приехал Маркс. Он пробыл здесь до 6 сентября и провел большую работу: установил связи с вождями рабочего и демократического движения, с Еллинеком, Штифтом и другими радикальными публицистами, выступал в «Рабочем союзе» и «Демократическом обществе».

Уже 28 августа Маркс принял участие в заседании «Демократического общества», где происходило обсуждение последних событий в Вене. Вопрос шел о том, какую позицию займет «Демократическое общество» по отношению к Шварцеру и всему министерству Вессенберга — Добльгофа. Все признавали, что оно должно быть свергнуто. Но каким путем? Демократ Лебенштейн предложил направить к императору делегацию с просьбой о смещении Шварцера. К этому присоединился и Фребель, представитель левого крыла Франкфуртского парламента. Маркс решительно выступил против этого предложения. Он подчеркнул, что считает безразличным, кто будет министром, и что основным вопросом в Вене, как и в Париже, является классовая борьба между пролетариатом и буржуазией.

На заседании «Рабочего союза» 30 августа Маркс прочел доклад о социальных отношениях в Западной Европе. Вот как излагает содержание этого доклада краткая отрывочная запись в венской газете «Конституция» («Constitution»): «Доктор Маркс говорил о рабочих, о национальных мастерских и о последней рабочей революции в Париже. Он говорил о том, что немецкие рабочие должны быть горды тем, что значительное число сосланных являются рабочими немцами. Он говорил о чартистах в Англии, об их последнем выступлении, о Бельгии..., об окончательной победе рабочих...»

Выступления Маркса в Вене, полные веры в силы рабочего класса и в его конечную победу, оказали большую моральную поддержку лучшим людям венской демократии[1].

---

[1] Подробнее о деятельности Маркса в этот период — см. главу сорок вторую.

«Всеобщий рабочий союз» в Вене

Наступлению предпринимателей, особенно усилившемуся после событий 23 августа. рабочие пытались дать отпор и противопоставить собственные организации. Еще в июне в Вене был создан «Всеобщий рабочий союз», состоявший главным образом из ремесленных подмастерьев. По тем временам это была широкая организация: в ней насчитывалось до 2 тыс. человек. Союз был очень далек от революционных методов борьбы; он стремился мирным путем добиться демократизации государственного строя Австрии.

По инициативе «Всеобщего рабочего союза» была сделана попытка созвать в Вене Рабочий парламент, который должен был состоять из представителей всех отраслей производства. Программа этого «парламента» предусматривала борьбу за уравнение рабочих в политических правах с другими классами общества, за сокращение рабочего дня, за организацию государственной помощи инвалидам, за создание рабочих просветительных обществ. Однако созыву Рабочего парламента помешали бурные события, разыгравшиеся в Вене в октябре.

Банк Августа Свободы и его крах

Тем временем хозяйственное положение Австрии продолжало ухудшаться. Этому способствовал и разрыв торговых отношений с Венгрией — главным рынком сбыта австрийской промышленной продукции.

Предприниматели неоднократно обращались за помощью к Общинному совету. При министерстве торговли был создан специальный комитет для изыскания средств и возможностей снабжения предпринимателей сырьем, для содействия сбыту их товаров и т. д. Министерство финансов ассигновало 500 тыс. флоринов на те же цели. Но эта помощь была далеко не достаточной, притом воспользовались ею главным образом крупные предприниматели.

Особенно остро стояла проблема дешевого кредита. В прессе усиленно дебатировался вопрос об открытии специального банка для кредитования мелких предпринимателей; неоднократно возникали прения об этом и в рейхстаге. На заседании 23 августа силезский депутат Латцель внес предложение о создании народных банков. До сих пор, говорил Латцель, банковский кредит получали одни крупные фирмы. «Однако времена, когда богатые создавали учреждения для богатых, чтобы еще больше обогащаться, миновали навсегда»; необходим, заявлял Латцель, «общедоступный кредит для широких масс, неимущих и малоимущих».

Рейхстаг отказался от проведения этих планов.

Нежелание правительства облегчить положение мелких собственников и мелких торговцев привело к новой волне массовых выступлений.

Выступление мелких ремесленников и мелких торговцев Вены было тесно связано с деятельностью часовщика Августа Свободы. Еще в конце апреля Свобода изложил Центральному комитету национальной гвардии свой план создания особого банка для предоставления беспроцентных ссуд мелким хозяевам; он предложил выпустить акции по 50 и 100 флоринов, обеспеченные имуществом держателей.

Позже Свобода выступил с более определенным проектом создания «Частного союза для выдачи ссуд без ипотеки». По плану Свободы, этот союз должен был выпустить 200 тыс. акций, по 20 флоринов каждая, под названием «акции венских промышленников». Созданный таким образом капитал в 4 млн. флоринов предназначался для всех нуждающихся в кредите. Предполагалось, что ссуда будет погашаться путем ежемесячных взносов в размере 2% от суммы, взятой взаймы. Свобода рассчитывал, что за четыре года и два месяца можно будет выплатить всю сумму, полученную от продажи учредительных акций.

Проекты Свободы сильно напоминали прудоновские утопические проекты народного банка и дешевого кредита. Возможно даже, что венский часовщик был знаком с идеями французских социалистов-утопистов.

Банк Августа Свободы был организован. Массы разорявшихся ремесленников хлынули в эту организацию, для участия в которой требовалось только 10 крейцеров вступительного взноса. Беднота смотрела на это начинание как на средство избавиться от нищеты. Нашлись и богатые покровители; так, например, много акций приобрели министры Добльгоф и Горнбостель. Число членов Союза достигло 40 тыс. Однако вскоре наступил крах предприятия; акции стали катастрофически падать в цене. Тщетно обращался Свобода к императору и Общинному совету с просьбой обеспечить реальным капиталом его акции — все его просьбы остались без ответа.

Неудачный исход предприятия Свободы объясняется в немалой степени происками крупных финансистов и банковских дельцов. Организация дешевого кредита, задуманная предприимчивым часовщиком, была, конечно, не по душе богатым капиталистам; очень вероятно, что они оказали влияние на правящие круги, чтобы оставить это начинание без поддержки, а, может быть, даже пустили в ход темные банковские махинации, чтобы подорвать это предприятие.

Крах банка Свободы вызвал в Вене сильное возбуждение. 12 сентября залы и галлереи Общинного совета заполнились возмущенными людьми, которые требовали расследования причин краха банка и возмещения убытков. Толпа вела себя шумно, но ничего не добилась. Из Общинного совета массы хлынули к дому министра Добльгофа, требуя, чтобы он вмешался в это дело.

13 сентября было опубликовано правительственное сообщение. Правительство отказывалось нести материальную ответственность за убытки частного предприятия, но соглашалось создать комиссию для расследования этого дела.

Демонстрация 18 сентября в Вене

Правительственное сообщение не внесло никакого успокоения в массы венского населения. В тот же день многолюдная демонстрация, к которой присоединились и некоторые группы студенчества, направилась к императорскому дворцу. Участники демонстрации выдвигали политические требования: они настаивали на отставке министерства и восстановлении Комитета общественной безопасности. Власти стянули войска, мобилизовали национальную гвардию, состоявшую из богатых бюргеров. Вооруженное столкновение было предотвращено рейхстагом, который поспешил поставить на обсуждение вопрос о возмещении убытков лицам, пострадавшим от краха банка. Рейхстаг объявил свои заседания непрерывными и даже потребовал у правительства отвода войск.

Долго не прекращались в рейхстаге дебаты по вопросу о помощи мелкому производству. В конце концов все же были изысканы средства для частичного возмещения убытков лицам, пострадавшим от краха банка Свободы. Но, конечно, это не было радикальным разрешением вопроса о бедственном положении, в котором очутились многие тысячи людей. Мероприятия рейхстага лишь на время успокоили народное движение, которое вновь развернулось в октябре, но уже в гораздо большем масштабе.

Глава тридцать вторая

БОРЬБА МЕЖДУ СИЛАМИ РЕВОЛЮЦИИ И СИЛАМИ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ В ПРУССИИ в ИЮНЕ—АВГУСТЕ 1848 Г.

МИНИСТЕРСТВО АУЭРСВАЛЬДА—ГАНЗЕМАНА

После мартовского восстания в Пруссии соотношение сил постепенно изменялось в пользу буржуазной и юнкерской контрреволюции, и революция стала развиваться, как и во Франции этого времени, по нисходящей линии.

В первые недели после 18 марта демократические элементы еще оказывали заметное влияние на ход событий, но по мере подавления апрельских, майских и июньских народных выступлений, в особенности после разоружения рабочих и ремесленников, штурмовавших берлинский арсенал, это влияние становилось менее ощутительным.

Своеобразие развития революции в Пруссии

Такой процесс был связан не только с внутренним развитием Пруссии; в те самые дни, когда формировалось новое прусское министерство взамен ушедшего 20 июня в отставку министерства Кампгаузена — Ганземана, в Париже происходило великое июньское восстание рабочих, сильно напугавшее имущие классы всей Европы. Это событие отразилось и на Пруссии. Ненависть всех антидемократических элементов к народу резко усилилась; прусская либеральная буржуазия в еще большей степени, чем раньше, стала стремиться к беспощадному подавлению революционных выступлений и демократических движений. Такая политика буржуазии была всецело наруку феодально-юнкерской контрреволюции и способствовала тому, что революция пошла на убыль. Однако в июне, во время смены министерств, юнкерские контрреволюционеры не имели еще перевеса сил. В создавшихся условиях была возможна только замена одного умеренно-либерального буржуазно-помещичьего министерства другим, в основных чертах аналогичным.

Однако новое министерство более активно покровительствовало юнкерским элементам, более решительно расправлялось с демократами. Как раз в этом различии и видел Маркс основную причину смены министерства в Пруссии в конце июня 1848 г. «... Буржуазия решила,— писал он,— перейти от периода пассивного предательства народа короне к периоду активного подчинения народа совместной власти буржуазии и короны» [1].

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VII, стр. 61.

Такая политика буржуазной контрреволюции давала возможность феодальной контрреволюции усиливаться, оставаясь пока в тени или проявляя относительно слабую активность, несмотря на обуревавшее ее желание повторить на улицах Берлина парижские июньские дни, пойти по стопам Кавеньяка.

Министерство Ауэрсвальда — Ганземана и его программа

После отставки Кампгаузена король поручил формирование нового кабинета Ганземану. Как и Кампгаузен, Ганземан был типичным представителем прусской крупной буржуазии, преклонявшимся перед Гогенцоллернами и стремившимся посредничать между бюргерством и короной.

Состав нового министерства, сформированного 25 июня, сравнительно мало отличался от предыдущего. В новом кабинете Ганземан сохранил за собой пост министра финансов, а барон Рот фон Шреккенштейн — пост военного министра, Министром-президентом кабинета теперь стал не купец, а дворянин, близкий ко двору, Рудольф фон Ауэрсвальд, хотя фактическим главой кабинета был всё же Ганземан. Несколько портфелей получили бюрократы из кругов крупной буржуазии (Кюльветтер, Меркер). Министром торговли стал крупный силезский фабрикант Мильде — депутат правого крыла Собрания; министром земледелия — Гирке, депутат правого центра (по отзывам современников, «профан в сельскохозяйственных делах»); был среди министров и представитель левого центра — Родбертус фон Ягецов. Только левое крыло Собрания не было представлено в министерстве.

Министерство Ауэрсвальда — Ганземана было правительством буржуазно-помещичьего блока. Учитывая обстоятельства, оно не отказывалось от либеральной фразеологии. Наспех составленная им декларация была оглашена в Собрании 26 июня. В ней намечался ряд реформ: «освобождение собственности от оков, препятствующих ее использованию», отмена на основе выкупа феодальных повинностей, преобразование юстиции «в духе судебного устройства Рейнской провинции», пересмотр налоговой системы и т. п. Правительство обещало организовать общественные работы для безработных, но «лучшим средством» борьбы с нуждаемостью трудящихся оно объявляло «восстановление нарушенного доверия и порядка», т. е. фактически домартовского режима. В декларации говорилось о «важности» укрепления конституционно-монархического строя с целью предотвращения возврата к абсолютизму и «вырождения свободы в анархию». Новое министерство обещало вести борьбу против феодальной контрреволюции, на самом же деле готовилось обрушить удары только на народные массы.

Чтобы прикрыть свое намерение усилить полицейско-бюрократические порядки, правительство внесло в декларацию пункт о формальном признании результатов мартовской революции.

Разногласия в Прусском собрании. Полицейские меры правительства

Первое разногласие между министерством и левыми кругами Собрания возникло по вопросу о политике в общегерманских делах. Уже в первые дни своего существования министерство Ауэрсвальда — Ганземана выразило нежелание содействовать каким бы то ни было объединительным стремлениям франкфуртских парламентариев.

В связи с избранием во Франкфуртском парламенте наместника империи прусское министерство сделало в Собрании заявление об условном согласии с этим избранием, сопроводив свое заявление рядом сепаратистских оговорок. Со столь прямым отказом от политики объединения не захотел согласиться леволиберальный центр, и Родбертус 4 июля вышел из состава министерства; его место занял более реакционный деятель Ладенберг. Министерство Ганземана с самого начала своей деятельности

сползало вправо. Заявление правительства Пруссии вызвало протесты только среди части левой. Депутат Якоби внес предложение считать решение Франкфуртского собрания имеющим силу закона без санкции местных правительств и требовать ответственности главы центральной власти перед парламентом.

Предложение Якоби в буржуазных кругах Пруссии рассматривалось как слишком демократическое. Оно было встречено враждебно большинством Собрания, в том числе левым центром и частью левой, возглавляемой Вальдеком. Прения затянулись и приняли бурный характер. Депутат Дункер заявил: «две пятых» (т. е. Пруссия) никогда не подчинятся «трем пятым» (т. е. остальной Германии). Вальдек воскликнул: «Пруссия призвана к гегемонии в Германии!»

За предложение Якоби голосовала только $^1/_8$ часть Собрания (50 депутатов). Результаты голосования показали живучесть прусских партикуляристских настроений. «Вот оно, это старое прусское высокомерие, этот берлинский национальный патриотизм во всем старом блеске, с косичкой и костылями старого Фрица!» — писала «Новая Рейнская газета», резюмируя дебаты вокруг предложения Якоби.

Большие споры вызвал в Собрании вопрос об отношении к старому, полицейско-бюрократическому государственному аппарату. 4 июля депутат Рихтер отметил, что прежняя система управления осталась без изменений. «Новое вино, — заявил он, — вливают в старые заплесневелые мехи». Большинство Собрания поддержало министра Кюльветтера, выступившего в защиту старопрусского чиновничества. Собрание ограничилось мелкими административными реформами.

Воспользовавшись такой политикой Собрания, министр внутренних дел провел набор более 1600 новых жандармов. Наряду с полицией верной опорой реакции являлась бо̀льшая часть гражданского ополчения (бюргервер), насчитывавшего в одном только Берлине 25 тыс. человек. Многочисленные аресты демократических деятелей (в том числе Готшалька), судебные процессы против левых газет — такова была практическая деятельность «министерства дела» Ауэрсвальда — Ганземана.

В то время как бюрократический аппарат в Пруссии укреплялся, а полицейские по указке министров творили свои черные дела, в Берлинском собрании болтали о конституции.

«Хартия Вальдека»

26 июля Собранию был представлен новый проект конституции, получивший по имени председателя конституционной комиссии название «хартии Вальдека».

Важнейшие отличия проекта комиссии от правительственного проекта состояли в следующем. Абсолютное вето короля заменялось ограничительным: законопроект, трижды принятый в неизмененном виде обеими палатами, приобретал силу закона (§ 55). Вводились и другие ограничения прав короля, ему запрещалось «отсрочивать или отменять исполнение законов». Министры должны были являться по вызову палат и давать объяснения; они подлежали суду за нарушение конституции, за взяточничество. Смертная казнь и конфискация имущества отменялись. Узаконивались гражданские вооруженные формирования (ландвер и бюргервер). Проект включал и положение об упразднении феодальных повинностей на основе выкупа.

Несколько более либеральными, по сравнению с правительственным проектом, выглядели в проекте комиссии статьи, посвященные структуре обеих палат: в первую палату закрывался доступ принцам царствующего дома, у короля отнималось право назначения членов палаты. Проект комиссии предусматривал ряд буржуазно-демократических свобод, которые отсутствовали в правительственном проекте.

Однако и «хартия Вальдека» делала лишь весьма робкий шаг по пути буржуазного конституционализма. В вопросах войны и мира, в командовании армией власть короля ничем не ограничивалась. Он мог назначать и смещать министров по своему усмотрению, распускать по своей воле обе палаты.

Антидемократический характер проекта конституции Вальдека сказывался и в других ее статьях. Вторую палату, например, должны были избирать окружные коллегии, состоявшие под контролем местных властей; в органы местного самоуправления могли выбираться только налогоплательщики, имеющие годичный ценз оседлости. Собрания и демонстрации ставились под надзор полиции. Налоги, установленные при феодально-абсолютистском режиме, должны были взиматься на прежних основаниях. Частная собственность объявлялась «священной и неотчуждаемой».

Но даже такой робкий проект был для крупной буржуазии и дворянства нежелателен, и большинство Собрания решило передать его для доработки в подкомиссию, где он и был похоронен.

Аграрные законопроекты Патова — Гирке

Особую остроту во время революции в Пруссии приобрел аграрный вопрос, так как в прусской деревне сохранились наиболее сильные и многочисленные феодальные порядки — от самых тягостных форм барщины и до мелочных сеньериальных прав, вроде права ощипывания крестьянских гусей.

После весенних крестьянских выступлений в Пруссии и вынужденного отказа помещиков от многих феодальных прав осталось лишь юридически оформить уже совершившиеся изменения. В то время как крестьяне с нетерпением ждали этого оформления и в ряде случаев требовали раздела помещичьих владений, юнкера, опираясь на правительственный аппарат, стремились отнять у крестьянства все завоеванное им в марте. В этом юнкерство нашло полную поддержку у крупной буржуазии.

В собрании было около 60 крестьянских депутатов. Буржуазные депутаты просто третировали их. Даже некоторые члены демократической левой предложили исключить из Собрания сельского батрака Колбасу на том основании, что он будто бы не знает достаточно хорошо немецкий язык.

20 июня была оглашена «памятная записка» министра общественных работ Патова по крестьянскому вопросу. Записка предусматривала безвозмездное уничтожение только малоценных повинностей, вытекавших из личной зависимости крестьян и вотчинной юрисдикции помещиков, некоторое смягчение условий выкупа основных повинностей через земельные банки и сохранение тех отношений между помещиками и крестьянами, которые уже раньше подверглись «урегулированию».

Волнения в деревне не утихали. Особенно неспокойно было в Силезии, Вестфалии, Саксонии. Поток крестьянских петиций в Собрание нарастал. В июле Бисмарк писал из Померании: «Время от времени вспыхивают искры, тлеющие под пеплом наступившего спокойствия. У поденщиков жива необычайная жажда приобрести по нескольку моргенов земли».

Стремясь внести успокоение в крестьянские массы, Гирке представил 11 июля законопроект по аграрному вопросу. Этот проект следовало бы назвать проектом Патова — Гирке, поскольку в форму проекта облекалась та часть «памятной записки» Патова, где речь шла о безвозмездном уничтожении малоценных повинностей: ленной подати, наследственных пошлин, права помещика на лучшую голову скота, бортнического чинша и т. п.

Зато самые обременительные повинности, как, например, барщина, отработки, лаудемии (взносы при переходе крестьянских земель из рук в руки), предполагалось отменить лишь на основе выкупа.

Поскольку со времени мартовской революции крестьяне явочным порядком упразднили почти все феодальные повинности, получалось, что законопроект Патова — Гирке просто восстанавливал их в наиболее существенной части. Депутаты Собрания, — писал Энгельс, — «... подтвердили или, вернее, восстановили ненавистные привилегии феодализма и таким образом предали свободу и интересы крестьянства»[1].

Кроме того, законопроект совершенно игнорировал настойчивые требования крестьян пересмотреть ранее заключенные договоры между помещиками и крестьянами. Министерство и большинство Собрания, не дерзнувшие затронуть основные устои феодализма в деревне, не захотели нарушить и обязательства, уже превращенные из феодальных в буржуазные.

Прусская либеральная буржуазия шла по пути соглашения с юнкерством и тем самым подло изменила интересам своих союзников — крестьян. Маркс писал по поводу законопроекта Гирке в «Новой Рейнской газете»:

«11 июля 1848 г., четыре месяца спустя после мартовских баррикад, феодальные повинности покончили с германским народом... (свидетели тому — Гирке с Ганземаном).

Французская буржуазия 1789 г. ни на один момент не покидала своих союзников — крестьян...

Германская буржуазия 1848 г. немедленно предала своих естественных союзников — крестьян, которые являются плотью от плоти ее и без которых она совершенно бессильна перед лицом дворянства»[2].

Называя это заключение Маркса «очень поучительным местом», Ленин подчеркивал, что немецкая буржуазия «изменила не только демократизму вообще, но в частности и крестьянству...»[3]. Аграрную политику представителей крупной либеральной буржуазии Пруссии в 1848 г. Ленин сравнил с политикой русских кадетов в 1905 г.: «Ганземан — министр партии крупной буржуазии (по-русски: Трубецкой или Родичев и т. п.). Гирке — министр земледелия в министерстве Ганземана, выработавший проект, „смелый“ проект якобы „безвозмездного“ „уничтожения феодальных повинностей“, на деле же уничтожения мелких и неважных, но сохранения или выкупа более существенных повинностей. Г. Гирке — нечто вроде русских гг. Каблуковых, Мануиловых, Герценштейнов и тому подобных буржуазно-либеральных друзей мужика, которые хотят „расширения крестьянского землевладения“, но не хотят обидеть помещиков»[4].

Крестьянство отвечало на такую политику министерства Ауэрсвальда — Ганземана отказом от выполнения повинностей (в особенности в Силезии), уничтожением помещичьей дичи, порубками помещичьего леса. Увеличивалось число крестьянских союзов, росло стремление к их объединению. В августе, например, образовался «Крестьянский союз» в Силезии, на учредительный съезд которого съехалось до 400 делегатов от 18 округов. «Разве революция не вправе бесплатно отменить реальные повинности?» — спрашивал один из делегатов.

Брожение в крестьянской среде, не ослабевавшее в летние месяцы, переросло в новую волну крестьянских волнений. Этому во многом способствовали пламенные статьи «Новой Рейнской газеты», призывавшей крестьян усилить борьбу против угнетателей-феодалов. «Читая этот

---

[1] К. Маркс. Избр. произв., т. II, 1940, стр. 93.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 340.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 114.
[4] Там же, стр. 113—114 (примечание).

доклад, — писала газета о записке Патова, — никак не поймешь, почему в старо-прусских провинциях давно уже не вспыхнула крестьянская война» [1].

Политика министерства и Собрания в рабочем вопросе. Берлинский рабочий конгресс

Антидемократическая сущность политики министерства и большинства Собрания с наибольшей выразительностью проявилась в крестьянском и рабочем вопросах.

Политические преследования рабочих, усилившиеся после штурма арсенала, не остановили развития рабочего движения в Пруссии, так как ни правительство, ни буржуазное большинство Собрания ничем не помогли находящимся в нужде пролетариям.

Содержавшееся в правительственной декларации от 26 июня обещание расширить общественные работы не было выполнено, и в городах оставалось много безработных.

В Пруссии насчитывалось в это время несколько сот тысяч рабочих, занятых в мануфактурах, на фабриках, заводах, железных дорогах, на строительстве.

Заработная плата подавляющего большинства рабочих была очень низкой. Обычный их заработок не превышал 10—15 зильбергрошенов в день, в то время как прожиточный минимум небольшой рабочей семьи по самым скромным расчетам исчислялся в 35—40 зильбергрошенов. Недоедание было типичным явлением. Рабочий день, как правило, продолжался не меньше 14 часов. Работа протекала в антисанитарных и изнурительных условиях.

Революция, совершенная в первую очередь руками рабочих, не внесла никаких изменений в эти невыносимые условия труда. Поэтому рабочие ряда профессий еще с весны неоднократно бастовали (типографы, ситцепечатники, табачники и др.).

В конце июня в Собрании был поднят рабочий вопрос. С большой речью 30 июня выступил силезский депутат Эльснер. Он нарисовал страшную картину голода и нищеты силезских прядильщиков и ткачей, указав, что их положение со времени восстания 1844 г. еще более ухудшилось. Буржуазное большинство Собрания, выслушав жуткий перечень неопровержимых фактов, ограничилось тем, что передало вопрос о положении рабочих в комиссию на неопределенный срок.

В начале июля депутаты берлинского Собрания молча выслушали наглую речь министра торговли, фабриканта Мильде, полную ненависти к рабочим, в особенности к берлинским землекопам и строителям канала. Он сообщил план перевода их на сдельную работу с целью понижения заработной платы. Крупная буржуазия не могла простить берлинским рабочим их мартовских баррикад, их частых антиправительственных демонстраций и того, что они силой вырвали согласие властей на устройство общественных работ.

При всей слабости рабочего движения того времени и значительности влияния узко цеховых, ремесленных настроений движение это проявлялось не только в борьбе против безработицы и забастовках с экономическими требованиями. Рабочие Берлина, Кельна и других городов после подавления восстаний в день штурма арсенала неоднократно принимали участие в демократических демонстрациях против контрреволюционеров (в особенности в Берлине в июле — августе), требовали установления суверенитета народа и провозглашения республики, вступали в стычки с полицией, несмотря на настойчивое старание оппортунистических элементов, во главе со Стефаном Борном, отвлечь рабочих от участия в общеполитической борьбе. Революционный дух среди многих

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 269.

групп рабочих — их ненависть к Гогенцоллернам, юнкерству, буржуазно-либеральным изменникам типа Ганземана — не угасал.

В рабочем движении всей Германии развивалась тогда борьба двух тенденций: революционной и оппортунистической. Ленин отмечал наличие двух тенденций в рабочем движении 1848 г. в Германии — «тенденции Борна (сродни нашим экономистам) и тенденции марксистской» [1].

Деятельность рабочих организаций, возглавляемых Борном, не угрожала министерству Ауэрсвальда — Ганземана, и оно ничем не препятствовало созыву и проведению в конце августа 1848 г. конгресса этих организаций в Берлине. На конгрессе присутствовало около 50 делегатов от рабочих организаций многих районов Центральной и Восточной Германии. Вся работа конгресса прошла под флагом узко профессиональных и кооперативных задач. Принятая конгрессом программа предусматривала устройство «ассоциативных касс», сохранение некоторых цеховых правил и т. п. На конгрессе было решено организовать «Рабочее братство» с центром в Лейпциге. Конгресс никак не реагировал на самые животрепещущие вопросы борьбы с усиливавшейся контрреволюцией, не проявил интереса к коренным вопросам революции — борьбе за единую демократическую республику, за уничтожение феодальной эксплуатации крестьянства и т. д. По свидетельству берлинского левого демократа-республиканца Штрекфуса, конгресс прошел незамеченным. Он, несомненно, принес много вреда рабочему движению.

Маркс и Энгельс тогда же самым решительным образом отмежевались от конгресса. Когда туринская газета «Конкордия» («Concordia») приписала им программу конгресса, в «Новой Рейнской газете» было опубликовано следующее заявление: «Мы, со своей стороны, выступаем против „заблуждения“ „Concordia“, которое состоит в том, что она приняла программу, составленную комиссией по созыву рабочего конгресса, которую мы лишь воспроизвели, за нашу *собственную* программу» [2]. «Экономизм» Борна подвергся развернутой и бичующей критике в трудах классиков марксизма-ленинизма.

Маркс и Энгельс и их сторонники развивали политическое сознание трудящихся масс, в первую очередь, политическое сознание рабочих. Они предупреждали рабочих о кознях контрреволюционеров, о готовившихся заговорах, они призывали рабочие массы не сдавать имевшееся у них оружие и готовиться вместе со всем народом к решительной борьбе с целью доведения революции до конца. Все обращения Маркса и Энгельса к народу в период революции 1848 г., как подчеркивал Ленин, имели в виду прежде всего рабочих и крестьян. «Несомненно, что главными составными частями того „народа“, который Маркс противопоставлял в 1848 г. сопротивлявшейся реакции и предательской буржуазии, являются пролетариат и крестьянство» [3].

Контрреволюционный закон о гражданском ополчении

В середине июля Ганземан внес в Собрание новый временный закон о печати, усиливавший кары за нарушение правил, установленных правительством.

В том же месяце министерство внесло проект нового закона о гражданском ополчении. Оно должно было набираться главным образом из имущих слоев населения. Образовавшиеся явочным порядком так называемые «летучие отряды», состоявшие из студентов, рабочих, ремесленников, не признавались равноправной частью ополчения. Министерство стремилось

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 118 (примечание).
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 241.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 114.

полностью подчинить себе эту вооруженную организацию. Новые выборы командующего ополчением привели к избранию ставленника крупной буржуазии Римплера. Контрреволюционерам этого было мало: им хотелось совершенно закрыть доступ в гражданское ополчение народным «низам». Правительственный законопроект под видом реорганизации ополчения фактически упразднял его как самоуправляющуюся вооруженную организацию и подчинял его королю и министру внутренних дел. Законопроект всячески затруднял доступ в ополчение неимущим. Вооружение и обмундирование должно было впредь приобретаться за счет ополченца. Для неимущих община должна была на свой счет приобретать оружие и обмундирование, которые выдавались лишь на время службы, а затем отбирались. «Капитал обладает привилегией оружия в отношении малоимущих, как средневековый феодальный барон — в отношении своих крепостных»[1], — писал по этому поводу Маркс.

Финансовая политика министерства

Финансовый кризис развивался и после мартовской революции. Расходы на подавление восстания в Познани, на многочисленные полицейские мероприятия опустошали казну. Нужда в деньгах росла, монета исчезала, кредит падал. В поисках денежных средств правительство ввело принцип принудительного займа, задевавший интересы преимущественно демократических элементов.

Ганземан наметил также реформы, направленные к отмене некоторых привилегий дворянства: распродажу доменов мелкими участками, распространение подоходного налога на дворянство, повышение акциза на спирт и на свекловичный сахар (на 50%). За исключением последнего мероприятия, все прочие проекты остались благими пожеланиями. И тем не менее действия Ганземана вызвали резкий протест со стороны помещиков.

Финансовая политика Ганземана восстановила против него и реакционеров и демократов. «...Ганземан,— писал Маркс,— нажил ненависть одной партии, не приобревши признания другой»[2].

Внешнеполитическая ориентация министерства

Внешняя политика министерства находилась в полном соответствии с его внутренней политикой. Политика Ганземана состояла в том, чтобы не задевать интересов царской России и буржуазно-аристократической Англии. В то время как Николай I концентрировал полумиллионную армию на Немане и Буге, министерство Ганземана оставляло на востоке только такое количество войск, которое было необходимо для подавления революционного движения. Большая часть прусских войск сконцентрирована была в западных областях — для борьбы против главных очагов демократического движения.

И все же на первых порах петербургский двор опасался, что Гогенцоллерны не станут оплотом контрреволюции во всех частях Германии. Николай I злобствовал, требовал от короля усиления репрессий против левых элементов. 3 июля царь писал Фридриху-Вильгельму IV: «Повесить Мерославского!». Царский посол в Берлине барон Мейендорф активно сотрудничал с прусскими реакционерами, с партией Герлаха.

Поведение прусских министерств в Познани вскоре превзошло все ожидания царя. Внутренняя контрреволюция сомкнулась с контрреволюцией внешней. «Мог ли бы сам Николай лучше вести свои дела, скорее осуществлять свои намерения, чем это делалось до сих пор в Берлине, Потсдаме...,—язвительно спрашивала «Новая Рейнская газета».—...При

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 317.
[2] Там же, т. VII, стр. 67.

таких условиях русской дипломатии нет надобности посылать войска против Германии»[1].

Капитулянтская позиция министерства Ганземана во внешнеполитических делах сказалась также и на англо-прусских торговых отношениях: стоило только лорду Джону Росселю заявить протест против повышения прусских таможенных тарифов, как министерство Ганземана тотчас же взяло обратно свое распоряжение. Капитуляцией перед силами внутренней и международной контрреволюции было и перемирие в Мальмё, заключенное министерством Ауэрсвальда — Ганземана. Это перемирие сводило на-нет все успехи прусских войск и германских добровольцев.

УСИЛЕНИЕ ПОЗИЦИЙ ЮНКЕРСТВА В ПРУССИИ В ИЮНЕ—АВГУСТЕ 1848 г.

Состояние демократических организаций Пруссии

Со времени неудачного выступления народных масс Берлина в июне 1848 г. демократическое движение в столице Пруссии пошло на убыль. Общегерманский центральный комитет демократических организаций, избранный на конгрессе во Франкфурте-на-Майне, бездействовал. «Демократический союз» в Берлине терял влияние. Газета «Демократ» перестала выходить. Демократические силы Пруссии из-за дряблости и неустойчивости мелкобуржуазных элементов были распылены на множество мелких организаций: «Демократический ферейн», «Демократический клуб», «Республиканский клуб», «Народный клуб», «Клуб народных прав». Все эти клубы почти не были связаны между собой. Исключение составлял Кельн, где было создано на некоторое время объединение демократических организаций. Это произошло под непосредственным влиянием Маркса и Энгельса.

Демократически настроенная часть населения Пруссии возлагала некоторые надежды на группу левых в Прусском собрании. Чтобы помочь ей и толкнуть ее на путь более решительных действий, Маркс летом 1848 г. посетил заседание Собрания в Берлине и имел беседы с руководителями этой группы: Юнгом, д'Эстером, Юлиусом и др. Но мелкобуржуазная левая группа Прусского собрания оказалась неспособной решить революционные задачи. Она не добивалась создания единой всегерманской демократической республики, революционного решения аграрного вопроса в интересах крестьянства, немедленных мер для улучшения положения рабочих, предоставления независимости полякам. Она уклонялась от организации вооруженной борьбы народных масс и установления революционного правительства. Левые ограничивались парламентской обструкцией, гонялись за мелкими парламентскими победами, не понимая того, что старая власть охотно предоставит ей возможность заниматься всем этим, лишь бы сохранить за собой решающие позиции. «В одно прекрасное утро левая сможет убедиться, что ее парламентская победа и ее действительное поражение совпадают»,— пророчески писала «Новая Рейнская газета» 4 июля 1848 г.[2]

Из предшествующего изложения явствует, что большинство немецких пролетариев в 1848 г. не отличалось ни политической зрелостью. ни классовой организованностью и еще было весьма восприимчиво к мелкобуржуазным влияниям. Носителями этих влияний являлись, с одной стороны, Стефан Борн с его «экономизмом», а с другой— Готшальк с его левацко-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 256—257.
[2] Там же, стр. 278.

бунтарской тактикой. Оба течения — как Борна, так и Готшалька — представляли собой лишь разновидности ошибочной и вредной тактики, которой противостояла последовательно-революционная тактика вождей революционного пролетариата Маркса и Энгельса. Но рабочий класс еще не мог тогда возглавить все демократические силы и играть роль гегемона в буржуазно-демократической революции.

Буржуазно-монархические конституционалисты

Фабриканты, мануфактуристы, самостоятельные мастера, купцы, посредники, поставщики по-разному относились к трудностям революционного времени. Многим из них казалось, что не пережитки абсолютизма, феодализма и не экономический кризис, а демократическое движение повинно в нарушении «деловой жизни». Богатые буржуа испытывали неописуемый страх перед республиканским движением, размеры которого они притом явно преувеличивали. В Берлин из многих прусских городов поступали петиции, составленные буржуазными элементами, с настоятельными требованиями наведения «порядка». 21 августа 658 берлинских бюргеров подали петицию, в которой заявляли протест против «долготерпения правительства». В буржуазных кругах продолжало усиливаться влияние умеренных конституционалистов. 22 июля был открыт «Конституционный клуб», объединивший всех противников демократии. Хотя на словах конституционалисты объявляли войну и «реакции» и «анархии», но на деле они боролись только против демократического движения, всячески помогая министерству Ганземана.

В Прусском собрании интересы буржуазии по-разному выражали левый и правый центры и правая. Левый центр (Родбертус, Бухер и др.) порой склонялся к политике буржуазной демократии (по некоторым аграрным и конституционным вопросам), правый центр (Унру и др.) — к весьма незначительным либеральным конституционно-монархическим нововведениям, а правая (Рейхеншпергер и др.) по существу отстаивала все прусские феодально-абсолютистские устои, соглашаясь только на прикрытие их конституционными одеждами.

Юнкерские силы непосредственно почти не были представлены в Собрании, и их организующие центры с самого начала складывались вне «парламента поденщиков», как пренебрежительно окрестили король и Бисмарк летом 1848 г. прусскую палату буржуазных соглашателей.

Прусское юнкерство в 1848 г.

Успехи контрреволюции во Франции и в других странах, наряду с благоприятными для прусского юнкерства внутренними условиями, позволили ему снова поднять голову и начать добиваться восстановления феодально-абсолютистских порядков.

«Июньские дни в Париже,— писала «Новая Рейнская газета»,— снова оживили надежды не только крупной буржуазии, но и сторонников ниспровергнутого режима. Каждый захолустный дворянчик мечтает о восстановлении старой палочной власти...»[1]

Из всех групп немецкого дворянства самым реакционным было прусское юнкерство, издавна привыкшее к колониальному разбою, к монополии в военном и гражданском управлении, к применению грубой силы. Этот истинно прусский дух в середине XIX в. сочетался у юнкеров с капиталистическим предпринимательством. Прусские юнкеры устраивали в своих поместьях винокуренные, сахарные и другие предприятия. Эти господа попрежнему чувствовали себя полными хозяевами в своей округе, издевались над крестьянами, драли с них три шкуры. «Всякое предложение

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 294.

об улучшении условий жизни народа,— признавался князь Гогенлоэ-Ингельфинген,— объявлялось ими государственной изменой, изменой отечеству...».

Прусские юнкеры с озлоблением относились к либеральным нововведениям. Реакционное учение мракобеса Юлиуса Шталя о христианском сословно-монархическом строе было идеологией прусских юнкеров. Их девизом являлись слова: «С богом, за короля и отечество!» Шпильгаген в своем романе «Фон Гогенштейн» («Сорок восьмой год») создал образ такого контрреволюционера в лице помещика фон Брикмана: слова «демократ», «коммунист» приводили его в бешенство.

«Крестовая газета»

1 июля 1848 г. в Берлине стала выходить газета, давшая имя целому политическому направлению крайних прусских реакционеров. Официально она называлась «Новой прусской газетой» («Neue Preussische Zeitung»), но ее прозвали «Крестовой газетой», так как эмблемой ее являлся черно-белый крест. Газета должна была служить противовесом органам демократической и либеральной прессы, появившимся в первые месяцы революции. После мартовских событий в Пруссии стали выходить и другие правые газеты, как, например, «Немецкая военная газета» («Deutsche Kriegszeitung»), «Новая берлинская газета» («Neue Berliner Zeitung»), «Новая народная газета» («Neue Volkszeitung»), но самой значительной из них являлась именно «Крестовая газета». Во главе ее учредителей стояли фон Клейст-Ретцов и фон Бисмарк, финансировали ее видные представители прусской аристократии. Весьма характерно, что среди акционеров газеты оказался и посол Николая I в Берлине барон Мейендорф. Еще 18 июня посол просил Нессельроде оказать содействие этому, по его выражению, «святому делу». «Если окажется,— писал Мейендорф,— что консерваторы имеют в своем распоряжении людей умных и дельных, я обращусь к вам с просьбой о денежных фондах».

Руководство «Крестовой газетой» было поручено ловкому юристу и журналисту Герману Вагенеру — другу Клейст-Ретцова. Будучи связан с группой Людвига фон Герлаха, Вагенер получал от нее необходимый материал. Бисмарк, Шталь, историк Лео, барон Зенфт-Пилзах и многие другие представители консервативного лагеря принимали активное участие в издании газеты.

«Крестовая газета», учитывая обстановку, не требовала немедленного восстановления абсолютизма, писала о необходимости «конституции», подразумевая под этим ограничение власти короля дворянско-сословными учреждениями, приспособленными к новым условиям. Программа газеты предусматривала сохранение в неприкосновенном виде старой Пруссии и тесное единение прусской монархии с царской Россией. Особенно настойчиво старалась газета путем демагогической агитации привлечь под свое черно-белое знамя отсталые группы крестьянства.

Юнкерские контрреволюционные организации. Съезд юнкеров в Берлине

Съезду, заседавшему в Берлине в августе 1848 г. и получившему название «юнкерского парламента», предшествовали предварительные совещания и другие организационные меры. Еще в последних числах мая образовался «Прусский союз для защиты конституционного королевства», приступивший к объединению консервативно настроенных пруссаков, в особенности в небольших городах и селах. В этом союзе главную роль играли придворные сановники, бюрократы, крупные дельцы, банкиры.

Поездка наследника престола принца Вильгельма и его жены принцессы Августы в Померанию способствовала сплочению юнкерства и оформлению консервативной партии.

Во время встречи принца Прусского в Штеттине юнкеры договорились о том, чтобы создать особый союз и пригласить на пост его председателя 73-летнего публициста, «специалиста» по аграрным вопросам фон Бюлова-Куммерова. Во второй половине июля Бюлов-Куммеров создал «Союз для защиты собственности и обеспечения благосостояния всех классов». Название Союза маскировало его истинные, контрреволюционные цели.

24 июля в Штеттине был созван своеобразный предпарламент консервативного дворянства. Съехалось до 300 крупнейших помещиков из провинций Померании, Пруссии, Познани, Бранденбурга и Саксонии. Это было первое организованное и открытое выступление провинциального юнкерства против «парламента поденщиков».

Либерально-буржуазные круги с полным спокойствием взирали на эти контрреволюционные происки юнкеров.

Не встречая никаких препятствий, руководители Союза решили созвать общий съезд юнкеров в самом Берлине. На протяжении нескольких недель велась усиленная подготовка к этому съезду. 18 августа в одном из крупнейших берлинских помещений — «Зале Миленца» — открылось «Общее собрание защитников имущественных интересов всех классов прусского народа», которое в народе и в прессе метко прозвали «юнкерским парламентом». На съезде присутствовало 400 помещиков, а также несколько представителей крупной прусской буржуазии и небольшая группа монархически настроенных крестьян (14 человек).

«Союз для защиты собственности» выступил столь открыто в качестве защитника своекорыстных интересов юнкерства, что даже Людвиг Герлах усомнился в полезности такой откровенной политики. С трибуны съезда Герлах высокомерно поучал провинциальных дворян, советуя им объединиться вокруг потсдамской камарильи и подняться до понимания общих дворянских интересов. «Нельзя становиться лицом к навозу своего поместья и спиной к государственным интересам»,— говорил Герлах.

«Юнкерский парламент» заседал два дня. Он переименовал «Союз для защиты собственности» в «Союз для защиты землевладельцев», оставив для маскировки добавление: «...и благосостояния всех классов». Во главе исполнительного комитета Союза, наряду с Бюловым-Куммеровым, поставили Бетман-Гольвега и других крайних консерваторов.

Вслед за созданием этого Союза возникли другие контрреволюционные организации: «Союз для защиты короля и отечества», «Отечественно-прусский союз», «Союз ветеранов 1813—1815 гг.», «Евангелический церковный союз».

Так в различных формах и на виду у всех, под покровительством буржуазной контрреволюции, развивалась и укреплялась юнкерская контрреволюция.

ШВЕЙДНИЦКИЙ РАССТРЕЛ И ПАДЕНИЕ МИНИСТЕРСТВА АУЭРСВАЛЬДА—ГАНЗЕМАНА

События в Швейднице

Важную роль в упрочении позиций феодальной партии сыграло восстановление былого влияния юнкерства в армии. Проведенные летом мероприятия почти удвоили ее численность. Она достигала тогда 263 тыс. человек. 25 июня в крепости Шпандау солдаты, по наущению из Потсдама, разоружили республикански настроенных волонтеров, возвращавшихся с датской войны, а некоторых из них даже арестовали. Среди волонтеров было много участников мартовских баррикадных боев в Берлине.

Сохранение портфеля военного министра в руках Шрекенштейна поощряло контрреволюционное офицерство на провокационные выходки.

Демократические газеты жаловались на вызывающее поведение солдат и офицеров, сообщали о многочисленных столкновениях военнослужащих с гражданским населением.

31 июля в небольшом силезском городке Швейднице жители, возмущенные пренебрежительным отношением командующего гарнизоном генерала Роллю де Розей к гражданскому ополчению, решили устроить перед его домом демонстрацию. Чтобы помешать этому, командование сосредоточило перед домом генерала воинские части. Без предупреждения они открыли огонь по толпе. В результате 14 человек были убиты и 32 тяжело ранены.

События в Швейднице взволновали всю Германию. Поток протестующих петиций со всех концов страны свидетельствовал о том, что не в одной только Силезии существует напряженная обстановка. Повсеместно наблюдалось возмущение наглостью прусского офицерства.

Присяга прусской армии наместнику империи

6 августа войска присягали наместнику империи. В приказе по армии Фридрих-Вильгельм IV выражал свое притворное согласие на избрание эрцгерцога Иоганна и призывал к «укреплению единства общего отечества». Вместе с тем король не мог скрыть своих династических и пруссаческих целей. Главная задача армии, говорилось в королевском приказе, должна состоять в «заботе о славе Пруссии». Многие воинские части явились к присяге не с общегерманским знаменем, а с прусским. Во время принесения присяги несколько воинских частей сорвали со своих фуражек национальные трехцветные кокарды и нацепили прусские, черно-белые.

День 6 августа показал, что контрреволюционные элементы в борьбе против демократического лагеря могут рассчитывать на поддержку армии.

Рассмотрение петиций по вопросу о событиях в Швейднице дало Собранию повод приступить к обсуждению положения в армии. Правительство согласилось лишь устранить от должности военного коменданта Швейдница и перевести провинившийся батальон в другое место. 9 августа Собрание предложило военному министру предостеречь офицеров от «реакционных выходок», рекомендовало им также (это дополнительное предложение прошло большинством только в один голос) уйти в отставку, если они не согласятся с этим постановлением. Министерство Ганземана не стало возражать против этого постановления, так как было уверено, что депутаты не потребуют его буквального выполнения.

Августовские стычки

Между тем реакционная военщина продолжала свои антинародные действия. 12 и 14 августа между солдатами и народом происходили ожесточенные стычки в Трире. 15 августа в Дюссельдорфе при проезде короля народ устроил враждебную демонстрацию и бросал камни в его карету. Собравшиеся на площади солдаты обстреляли жителей, в результате чего были убитые и раненые. 21 августа в пригороде Берлина — Шарлоттенбурге — около 200 подкупленных юнкерами хулиганов набросились на участников собрания демократического клуба, которым руководили Бруно и Эдгар Бауэр. Многие демократы были жестоко избиты. Получили ранения и братья Бауэр.

В тот же день произошли волнения в Берлине. Возмущенная толпа подошла к дому министра внутренних дел Кюльветтера и потребовала его смещения. Многолюдная колонна двинулась к дому министерства иностранных дел, где в тот вечер происходил официальный прием. Демонстранты потребовали наказания шарлоттенбургских контрреволюционеров или отставки министерства. Начались стычки между демонстрантами и полицейскими. В окна министерства полетели булыжники. Кое-где приступили к сооружению баррикад, началась перестрелка. Стычки продолжались и на следующий день.

События 21—22 августа были типичными для того времени. Они были разрозненными и закончились поражением. Организованная контрреволюция наступала, а неорганизованная демократия растрачивала свои силы в мелких стычках.

Министерство прибегло к новым репрессиям. Один из руководителей демонстрации, Довиат, был арестован и приговорен к шести годам тюремного заключения. Ауэрсвальд внес в Собрание законопроект против уличных сходок. Контрреволюционные круги продолжали, не встречая противодействия, собирать свои силы.

Тайные приготовления к контрреволюционному перевороту

Еще в середине июля в юнкерской среде начались секретные переговоры об устранении министерства Ауэрсвальда — Ганземана и о переводе Собрания из Берлина в Бранденбург. 17 июля Людвиг фон Герлах посвятил в эти заговорщические планы принца Прусского. В конце июля король выдвинул план введения в Берлин двух армейских корпусов и роспуска Собрания.

В августе планы короля определились окончательно. «Я теперь не управляю,— писал он,— и не могу управлять, пока революция не побеждена. Все революционные законопроекты должны быть ликвидированы».

Прусское собрание оказалось между молотом и наковальней. С одной стороны, на него оказывала постоянное давление юнкерская партия, с другой — левые круги требовали от него демократических реформ.

Начало конфликта между Собранием и короной

7 сентября, после бурных прений, Собрание потребовало от военного министра немедленного исполнения постановления 9 августа. Большинством в 219 голосов против 143 было принято предложение Штейна, депутата левого центра.

Это постановление означало, что большинство Собрания по вопросу об офицерстве высказалось против министерства. «Наконец, — писал Маркс, — оно совершило суверенный акт, выступило на миг в качестве учредительного, а не согласительного собрания» [1].

Постановление 7 сентября знаменовало начало конфликта между Собранием и короной, так как король назначил «министерство дела» и на него опирался, а Собрание под давлением народа, окружавшего помещение, где оно заседало, выразило этому министерству явное недоверие.

Когда до собравшегося народа дошла весть о поражении министерства, началось неописуемое ликование; появление левых депутатов сопровождалось громкими возгласами «ура!» «Никогда еще не видели здесь проявления такой радости»,— сообщал «Новой Рейнской газете» ее берлинский корреспондент.

Берлинские демократы переоценили значение голосования 7 сентября. Левые были столь опьянены своим успехом, что им казалось, будто в их руках уже находится власть. До чего сильны были тогда парламентские иллюзии, свидетельствует заявление одного из видных деятелей демократической левой графа Рейхенбаха, сделанное им вечером 7 сентября: теперь, говорил он, «мы можем презирать те пушки, которые расставлены перед воротами Берлина». Многим мелкобуржуазным демократам казалось, что «палата соглашения» становится настоящим Учредительным собранием, начинающим борьбу с контрреволюцией. На вопрос перепугавшегося министра торговли, фабриканта Мильде, «не хочет ли Собрание овладеть всей государственной властью и стать революционным Конвентом?», «Новая Рейнская газета» отвечала: «Страх г. Мильде совершенно

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 441—442.

пзлишен». Действительно, большинство палаты, отважившееся под непосредственным давлением масс в Берлине только «на миг стать учредительным», попрежнему было неспособно к решительным действиям и не хотело опираться на вооруженный народ в борьбе против контрреволюции. Единственным реальным результатом постановления Собрания от 7 сентября была отставка ненавистного всем министерства Ауэрсвальда — Ганземана.

Причины отставки министерства Ауэрсвальда — Ганземана

Отставка Ганземана и его коллег объяснялась не нарушением со стороны Собрания конституционного принципа разделения властей, как утверждали Ганземан и его защитники, стремившиеся завуалировать более глубокие причины падения министерства. В действительности это произошло потому, что лишь антидемократическая часть правительственной программы нашла свое полное осуществление. Министерство не только не улучшило положения рабочих, ремесленников и крестьян, но решительно оттолкнуло их от себя и тем самым подготовило почву для победы контрреволюции. «Штыки, пули, тюрьмы и полицию буржуазное министерство имело только для народа...»[1],— писал Маркс.

Тем временем юнкерская партия усилилась настолько, что могла уже поставить перед собой задачу освобождения от своего буржуазного опекуна, слишком «радикального» с точки зрения юнкеров («Крестовая газета» называла Ганземана даже «вождем крайне левой»). Не имея пока возможности осуществить план государственного переворота, братья Герлах и их соратники чувствовали себя все же достаточно сильными, чтобы добиться создания другого, более подходящего для контрреволюционных юнкерских кругов, министерства.

Постановление от 7 сентября показало, что Ганземан, шедший рука об руку с Гогенцоллернами, потерял влияние не только в стране, но даже среди большинства Собрания. Большинство Собрания, опасавшееся юнкерской контрреволюции, но еще в большей степени народной революции, стремилось удержаться на позициях конституционализма.

Конституционалисты лево-либерального толка (левый центр) и частично умеренные либералы (из правого центра) считали, что Ганземан, опиравшийся на крайне правые круги буржуазии, сделал слишком большой крен в сторону короны. Поэтому только правое крыло Собрания (правая и часть правого центра), составлявшее меньшинство Собрания, поддерживало Ганземана. Министерство стало неприемлемым почти для всех партий. «Если буржуазному министерству,— писал Маркс,— удалось восстановить против себя одинаково городской пролетариат, буржуазную демократию и феодалов, то оно сумело также оттолкнуть от себя и восстановить против себя угнетаемый феодализмом крестьянский класс...»[2].

Официальное заявление об отставке «министерства дела» было сделано 9 сентября, через два дня после принятия Собранием предложения Штейна. 11 сентября Собранию было сообщено, что отставка министерства принята королем, а через несколько дней стало известно о создании нового, более реакционного министерства во главе с генералом Пфулем.

Так закончился тот период в истории прусской революции, о котором позднее Энгельс писал: «...в 1848 году, от марта до сентября, вся феодально-бюрократическая масса поддерживала либералов, чтобы подавить революционные массы, а затем, когда это будет сделано, выгнать, разумеется,

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VII, стр. 70.
[2] Там же, стр. 69.

вон и либералов»[1]. Такой момент и наступил с падением министерства виднейшего прусского буржуазного либерала того времени — Ганземана.

* * *

Сложная история борьбы революции и контрреволюции в Пруссии может быть до конца понята только в свете ее своеобразия, на которое обратил внимание И. В. Сталин. «Слабость революции 1848 года в Германии,— писал он, — Маркс объяснял, между прочим, тем, что там не было сильной контрреволюции...»[2]. Маркс касался этого вопроса в статье «Перемирие с Данией», опубликованной 19 сентября 1848 г. в «Новой Рейнской газете»: «Контрреволюции в такой же мере нехватает мужества для решительных ударов, как и революционной партии»[3].

Контрреволюция в Германии, как юнкерская, так и буржуазная, действовала с самого начала революции неуклонно, но долгое время она не выступала в качестве сильной контрреволюции по следующим причинам.

Крупная немецкая буржуазия, изменившая делу революции, стремилась достигнуть своих целей на путях соглашения с юнкерством и короной для совместной борьбы с революцией. Наличие такой буржуазии в Германии снимало до поры до времени необходимость прямых, открытых выступлений юнкерских контрреволюционеров. Почти вплоть до ноябрьского контрреволюционного переворота и в особенности до сентябрьского правительственного кризиса партия юнкеров действовала исподтишка и не отваживалась на сколько-нибудь рискованное контрнаступление; она пряталась, как указано выше, за спиной либералов.

Буржуазная же контрреволюция в Пруссии не выступала первое время как сильная контрреволюция потому, что, помимо «обычных» средств подавления трудящихся путем полицейских и судебных репрессий, она располагала и другими средствами — ей помогала деятельность левобуржуазных политиков Собрания и колеблющихся мелкобуржуазных демократов. Пользуясь известным влиянием среди населения и репутацией сторонников революции, мелкобуржуазные демократы на деле своими призывами ожидать парламентских реформ сдерживали революционный натиск трудящихся. Буржуазной контрреволюции в Пруссии не пришлось поэтому напрягать свои силы.

Вот почему и в Пруссии — главной крепости немецкой контрреволюции того времени — не было такой *сильной* контрреволюции, «... которая подстегивала бы революцию и укрепляла её в огне борьбы»[4].

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, стр. 436.
[2] И. В. Сталин. Соч., т. 3, стр. 272.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 432.
[4] И. В. Сталин. Соч., т. 3, стр. 272.

Глава тридцать третья

ФРАНКФУРТСКИЙ ПАРЛАМЕНТ (МАЙ—СЕНТЯБРЬ 1848 г.)

ОБЩЕГЕРМАНСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ И ЕГО СОСТАВ

Выборы в общегерманское Национальное собрание были проведены в отдельных германских государствах в конце апреля — начале мая, в условиях обострившихся классовых противоречий. Народные массы ждали от общегерманского парламента не только национального объединения страны, но и освобождения от феодальных тягот; буржуазия же рассчитывала, что он создаст сильное правительство, которое, обеспечив объединение страны, вместе с тем сплотит имущие классы для борьбы против народных движений.

Политическая обстановка в Германии и Австрии во время выборов

В Пруссии выборы в общегерманский парламент были проведены 10 мая, почти одновременно с выборами в прусское Учредительное собрание. Власти постарались обеспечить избрание возможно большего числа консервативных, контрреволюционных депутатов.

Особенно острые формы приняла избирательная кампания в Познани. Потопив в крови польское восстание, прусские власти добились включения большей части великого герцогства Познанского в состав Германского союза. Поляки развернули широкую кампанию протеста против этого нового раздела Польши и отказались от всякого участия в выборах как во Франкфуртский парламент, так и в прусское Учредительное собрание.

Баден, под предлогом «охраны границы от вторжения демократов из Франции», был наводнен войсками из других германских государств. Выборы происходили здесь в обстановке столкновений между возглавлявшимся мелкой буржуазией «Демократическим союзом» и умеренно-либеральными конституционалистами.

В Баварии против демократической партии активно выступали сепаратистские и клерикальные элементы. Они предостерегали избирателей от «опасности централизма», пугали их «протестантским засилием», грозившим будто бы католикам-баварцам в лоне объединенной Германии.

В Саксонии избирательная кампания проходила под знаком борьбы между радикально-демократическими «Отечественными союзами» и «Немецкими союзами», которые объединяли умеренных буржуазных либералов и примыкавшие к ним консервативные элементы. На выборах во Франк-

фуртский парламент в Саксонии одержали победу мелкобуржуазные демократы; из 24 местных депутатов 20 заняли места на левом фланге Национального собрания.

В Австрии выборы в общегерманский парламент происходили в обстановке сильного обострения классовых и национальных противоречий. Созыв общегерманского Национального собрания выдвигал жгучие политические вопросы: каковы должны быть взаимоотношения между Австрией и будущей объединенной Германией? Должна ли Австрия войти в состав объединенной Германии и будет ли Австрия принимать участие в выборах в общегерманский парламент во Франкфурте? Каковы должны быть пути развития славянских народов Австрии?

21 апреля австрийское правительство выступило с официальным заявлением: «Проникнутая стремлением к теснейшему единению с Германией, Австрия с радостью воспользуется всяким поводом, чтобы засвидетельствовать свою преданность общегерманскому делу. Однако совершенное пренебрежение особыми интересами различных частей Австрии, принадлежащих к Германскому союзу, безоговорочное подчинение их Союзному собранию и лишение самостоятельности во внутреннем управлении никак несовместимы с ее особым положением. Австрия оставляет за собой право санкционировать каждое постановление, которое должно быть принято Союзным собранием. В случае если бы это было признано несовместимым с сущностью союза государств, Австрия вынуждена была бы отказаться от присоединения к нему».

Политические стремления австрийской буржуазии нашли свое выражение в наказе австрийским депутатам, избранным во Франкфуртский парламент. В этом документе говорилось, что общегерманский парламент должен создать единую армию, единый флот и центральное правительство, объединяющее все суверенные германские государства. Однако наряду с этим австрийским депутатам вменялось в обязанность добиваться сохранения целостности и суверенности Австрии, а также самостоятельности ее представительных учреждений. В области экономической считалось обязательным сохранение запретительных пошлин, ограждающих австрийскую промышленность от иностранной конкуренции, и категорический отказ от присоединения Австрии к Германскому таможенному союзу.

Население Австрии слабо участвовало в выборах в общегерманский парламент; некоторые округа оказались вовсе непредставленными.

Бо́льшая часть населения Чехии также не принимала участия в выборах. В ответ на приглашение Комитета 50-ти Палацкий решительно отказался от участия в работе Франкфуртского парламента.

Когда в Чехии было опубликовано постановление о выборах в общегерманский парламент, чешский Национальный комитет выступил с публичным протестом. Прибывшие в Прагу представители так называемого Франкфуртского комитета, созданного в Австрии для организации выборов, немецкие шовинисты Куранда, Вехтер и Шиллинг способствовали лишь обострению борьбы. На одном из совещаний Шиллинг заявил, что «если чехи не согласятся добровольно присоединиться к Германии, придется присоединить их острием меча».

В противовес этим шовинистическим выпадам чешский политический деятель Ригер выступил с заявлением, что Австрия должна отказаться от участия в германских делах и что ядро Австрийской империи должны отныне составлять славяне. Основанный в Вене в конце апреля Комитет австрийских славян выступил 1 мая с воззванием «Ко всем славянам Австрийской империи», в котором сообщалось о намечающемся на 31 мая созыве славянского конгресса в Праге. Таким образом, выборы во Франкфуртский парламент в Чехии потерпели полный провал.

Ограничения избирательных прав

По постановлению Предпарламента выборы должны были производиться на основе всеобщего и равного избирательного права при норме представительства — один депутат на 50 тыс. населения. По настоянию Союзного сейма, выборы проводились на основании имевшей почти тридцатилетнюю давность переписи 1819 г., т. е. не от 42 млн. населения, а от 30 млн., числившихся в 1819 г. Эта уловка Союзного сейма, несомненно, давала лишний козырь в руки контрреволюции, так как рост населения за прошедшее тридцатилетие был наиболее интенсивным в промышленных районах.

Фактически не было выполнено и постановление о прямых выборах: вопрос о выборах был предоставлен на усмотрение правительств. Прямые выборы были проведены только в Вюртемберге, Кургессене, Шлезвиг-Гольштинии, Франкфурте-на-Майне, Гамбурге и Бремене.

Не везде был осуществлен и принцип всеобщности голосования. Комитет 50-ти предоставил «каждому совершеннолетнему самостоятельному гражданину» право участия в выборах в своем государстве и право быть избранным во всей Германии. Это постановление было в ряде мест использовано властями для лишения избирательных прав всех лиц, прибывших из других германских государств: каждый избиратель мог осуществлять свои избирательные права не по месту жительства, а по месту рождения. Очевидно, что специальные поездки для участия в голосовании были доступны лишь очень немногим. Это ограничение лишало возможности участвовать в выборах именно городские «низы», так как рабочие и ремесленные подмастерья чаще всего вынуждены были в поисках работы менять местожительство.

В ряде германских государств значительные группы населения лишались избирательного права под предлогом их несоответствия принципу «самостоятельности», что фактически означало неофициальное применение имущественного ценза. Так, в Баварии отстранялись от выборов все, кто не платил прямых налогов; в Саксонии — домашняя прислуга, в Вюртемберге, Ганновере и Кургессене — рабочие и прислуга, во Франкфурте — лица, получающие пособия по бедности.

Классовый состав и политические группировки Франкфуртского парламента

18 мая собравшиеся во Франкфурте-на-Майне депутаты Национального собрания, под звон колоколов и под гром пушечных салютов, направились в собор св. Павла.

Большинство Франкфуртского парламента состояло из представителей германской буржуазии, а также тесно с нею связанной буржуазной интеллигенции — профессоров, адвокатов, учителей и литераторов. Две трети депутатских мест были предоставлены Пруссии и Австрии и только одна треть — всем другим германским государствам. Но так как Австрия была представлена сравнительно слабо, то бо́льшая часть депутатских мест досталась Пруссии, что не могло не наложить определенного отпечатка на всю деятельность парламента.

Когда Национальное собрание приступило к работе, в нем еще не было оформленных политических партий. Лишь постепенно стали выделяться партийные группировки. На крайнем правом фланге Национального собрания находились реакционные элементы, сторонники домартовского режима, злобные враги революции (всего около 60 депутатов). Среди них были: вестфальский барон фон Финке (бывший уполномоченный Пруссии при Союзном сейме), прусский генерал Радовиц, верхнесилезский крупный землевладелец князь Лихновский, граф Шверин и некоторые другие представители реакционного дворянства. Из числа австрийских депутатов к крайне правому крылу принадлежал директор австрийской акционерной

компании Ллойда Брук и некоторые другие. В Собрании была значительная группа республикански настроенных депутатов — до 150 человек. Среди них были Везендонк, австрийский поэт Мориц Гартманн, естествоиспытатель Росмеслер, Карл Фогт, Ицштейн, хемницкий промышленник Эйзенштюк и др. Они принадлежали к тому «довольно неопределенному направлению, которое, однако, пользовалось большой популярностью именно в силу недостатка определенности в принципах» [1].

Политическим руководителем этой, мелкобуржуазной по преимуществу, группировки являлся саксонский депутат Роберт Блюм. В своих пылких речах, а также в выходившей под его редакцией «Газете немецкого рейхстага» («Zeitung des deutschen Reichstags») он призывал к установлению республики. Блюм пользовался популярностью в народных массах. Однако это был мелкобуржуазный демократ, склонный к фразерству и компромиссам. Противник социализма, он был неспособен к последовательно революционной тактике. Блюм и его сторонники стремились к превращению Германии в федеративную республику, но считали возможным сохранение монархического строя в отдельных немецких государствах, т. е. не были последовательными республиканцами.

«Новая Рейнская газета» резко критиковала непоследовательную и нерешительную политику мелкобуржуазных демократов, которые больше всего на свете «...боялись кого-нибудь оттолкнуть, оскорбить, отпугнуть» [2].

Постепенно на левом фланге сформировалось ядро так называемых «крайних демократов», более решительно выступавших против антинародной, предательской политики Франкфуртского парламента. К этой группировке принадлежали Ф. В. Шлеффель, майнцский адвокат Циц, Трюцшлер, Л. Симон, публицист А. Руге, видный венский журналист Визнер, историк Циммерман и др. Однако, как и сторонники Р. Блюма, «крайние демократы» являлись представителями мелкобуржуазной демократии и не шли далее благочестивого желания «уничтожить угнетение мелкого капитала крупным, мелкого буржуа крупным буржуа» [3].

Впоследствии, в 1849 г., в составе этой крайней левой группировки находился член «Союза коммунистов», сотрудник «Новой Рейнской газеты» Вильгельм Вольф. Этот верный соратник Маркса и Энгельса мужественно разоблачал трусость и несостоятельность буржуазного большинства Франкфуртского парламента и колебания мелкобуржуазных демократов.

Между крайними правыми и левыми находился многочисленный центр, являвшийся политическим представителем трусливой либеральной буржуазии, склонявшейся к соглашению с контрреволюционными силами. Представители партии центра, около 270 депутатов, занимали «...среднее положение между демократической партией и сторонниками абсолютизма, с одной стороны наступая, с другой — оттесняя назад, будучи в одно и то же время прогрессивными—против абсолютизма и реакционными—против демократии» [4].

Внутри либерально-буржуазного центра образовались две группировки: к правому центру (около 180 депутатов) принадлежали видные профессоры — историк Дальман и юрист Гекшер, лидеры южногерманских буржуазных либералов Генрих фон Гагерн и фабрикант Бассерман. Одной из виднейших фигур правого центра являлся австрийский депутат Антон Шмерлинг, впоследствии ставший главой центрального правительства и его министром иностранных дел. К правому центру принадлежал

---

[1] К. Маркс. Избр. произв., т. II, 1940, стр. 92.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 164.
[3] К. Маркс. Избр. произв., т. II, 1940, стр. 129.
[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 120.

РОБЕРТ БЛЮМ
Литография Галле

Собрание Института Маркса — Энгельса — Ленина. Москва

и автор напечатанной в 1843 г. книги «Австрия и ее будущее», сторонник сословно-аристократического строя Андриан. При обсуждении важнейших вопросов правый центр склонялся нередко к крайнему правому, феодальному крылу Собрания.

Левый центр (около 85 депутатов) вел политику лавирования, временами примыкая к левому крылу Собрания. К левому центру принадлежали политический деятель 30-х годов Яков Венедей, публицист Раво, поэт Уланд и некоторые другие депутаты.

КОНСТИТУИРОВАНИЕ ФРАНКФУРТСКОГО ПАРЛАМЕНТА И ОБРАЗОВАНИЕ ВРЕМЕННОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Перед Франкфуртским парламентом с первых дней его существования встал вопрос о его полномочиях и задачах, о взаимоотношениях с Союзным сеймом и национальными собраниями отдельных германских государств. Ему необходимо было определить будущее государственное устройство объединенной Германии, покончить с политической раздробленностью страны и, опираясь на поддержку народа, выступить в качестве единственной верховной и суверенной власти. Для этого нужно было прежде всего немедленно избавиться от опеки враждебного народу реакционного Союзного сейма, распустить его и создать временное центральное правительство.

Осуществление всех этих неотложных и важнейших задач было возможно, разумеется, лишь при условии поддержки со стороны народных масс и создания вооруженной силы против контрреволюционных элементов. Однако уже с первых дней своего существования Франкфуртское собрание показало, что оно «...больше боялось самого слабого народного движения, чем всех реакционных заговоров всех немецких правительств, вместе взятых»[1].

Особенно характерна в этом отношении была позиция либерально-буржуазного большинства парламента в связи с событиями, разыгравшимися в мае 1848 г. в Майнце. Когда во Франкфурт стали поступать сообщения о столкновении войск местного гарнизона с отрядами гражданского ополчения и о введении осадного положения в Майнце, депутат Циц предложил собранию дать отпор обнаглевшей военщине. Он внес предложение, во-первых, немедленно отменить все чрезвычайные постановления, принятые командованием майнцской крепости, и восстановить распущенное комендантом гражданское ополчение города, во-вторых, категорически запретить солдатам и унтер-офицерам ношение оружия во внеслужебное время, в-третьих, немедленно вывести из города прусский гарнизон.

Однако представитель крайних правых князь Лихновский выступил против предложения Цица, ожесточенно нападая на «майнцских якобинцев» и истерически призывая Собрание защитить «честь и права прусской армии». Предложение Цица было передано в специальную комиссию. Протесты Цица и других демократов ни к чему не привели. Председательствовавший на заседании фон Гагерн вызывающе заявил: «Вы можете протестовать сколько вам угодно! В конце концов меньшинство может зафиксировать свое мнение в протоколе!».

Вопрос о суверенитете Собрания

Избранный на другой день после открытия парламента его председателем Генрих фон Гагерн заявил: «Пред нами стоит большая задача. Мы должны создать конституцию для Германии, для всего государства. Наше призвание и наши полномочия зиждятся на суверенитете нации».

---

[1] К. Маркс. Избр. произв., т. II, 1940, стр. 67.

27 мая Собрание приняло решение объявить себя учредительным. О том, как понимал смысл этой декларации Гагерн, свидетельствовало сделанное им незадолго до этого, 21 мая, заявление в Гессенском ландтаге: «Провозглашение имперского собрания конституционным вовсе не означает, что оно одно будет заниматься выработкой конституции. Никогда не существовало конституционного собрания, рядом с которым не действовало бы правительство, оказывающее влияние на ход его прений. Так и в Германии: правительства войдут в контакт с национальным представительством для проведения работы по выработке конституции».

Подобные заявления свидетельствовали о том, что не только правые, но и буржуазно-либеральные депутаты Франкфуртского парламента отнюдь не помышляли о присвоении ему суверенных прав и об отказе от соглашения с монархическими правительствами отдельных германских государств.

Левые требовали предоставления права утверждения конституции только общегерманскому Учредительному собранию; решения собраний отдельных немецких государств должны были считаться действительными лишь постольку, поскольку они не противоречат его постановлениям.

Роберт Блюм настойчиво подчеркивал необходимость открытого провозглашения суверенитета Национального собрания. В своей речи он заявил: «Говорят, что подобная декларация была бы аналогична увертюре без оперы или предисловию без самой книги. Я утверждаю обратное — наша работа без такой декларации была бы похожа на дом без фундамента, на дерево, лишенное корней! Какая польза от того, что мы будем здесь в течение ряда месяцев создавать конституции, значение и ценность которых будут в конце концов поставлены под вопрос?».

Юнкерские контрреволюционные элементы открыто выступали против принципа народного суверенитета, заявляя, что в Германии еще существует не одна, а «тридцать восемь наций» и что провозглашение суверенитета Франкфуртского собрания означает поэтому «недопустимое ущемление прав» местных национальных собраний.

В результате многодневного обсуждения было принято предложение представителя левого центра Вернера, в котором о правах Франкфуртского собрания говорилось в завуалированной и весьма неопределенной форме и ничего не было сказано о принципе народного суверенитета.

Борьба по вопросу о создании временного центрального правительства

Первоочередной задачей Франкфуртского собрания было создание единого для всей Германии центрального правительства. Однако вопрос о путях и способах объединения Германии вызвал на первых же заседаниях ожесточенную борьбу. Сторонники «малогерманского» пути предлагали совершенно исключить Австрию из состава Германского союза и осуществить объединение Германии во главе с Пруссией. Этот план опруссачения Германии находил многочисленных сторонников не только среди правых, но и среди либерально-буржуазного большинства. Уже самое избрание Генриха фон Гагерна председателем Франкфуртского собрания свидетельствовало о значительном влиянии в нем сторонников гегемонии Пруссии.

Преобладание в парламенте сторонников объединения Германии сверху, по «малогерманскому» пути, объяснялось прежде всего стремлением германской буржуазии исключить из состава будущей Германской империи Австрию с ее многочисленным славянским населением. Наряду с этим преобладание «малогерманцев» во Франкфуртском парламенте свидетельствовало о значительном влиянии традиций реакционного пруссачества не только среди политических представителей юнкерства, но и среди буржуазии.

Сторонники «великогерманского» пути во главе с бывшим председателем Союзного сейма бароном Шмерлингом выступали против исключения Австрии из будущей объединенной Германии, считая, что отстранение Австрии от германских дел вредно отразится на экономическом и политическом положении монархии Габсбургов.

Представители некоторых государств Юго-Западной и Западной Германии, в первую очередь баденские мелкобуржуазные демократы, выдвигали планы превращения Германии в федеративную республику. В моменты, когда борьба между «малогерманцами» и «великогерманцами» становилась особенно напряженной, эти сторонники федерализма, предвидя тяжелые для мелких государств последствия опруссачения Германии, большей частью поддерживали Австрию.

В противовес всем этим планам революционная демократия и прежде всего рабочий класс выдвигали программу последовательного демократического объединения Германии. «...Прусское государство со всеми своими порядками, своими традициями и своей династией было как раз единственным серьезным внутренним врагом революции в Германии, и революция должна была его сокрушить...— писал позднее Энгельс.— Разложение прусского государства, развал австрийского, действительное воссоединение Германии как республики,— только такой могла быть наша революционная программа на ближайшее время»[1].

Народные массы надеялись, что общегерманский парламент не только провозгласит себя верховной законодательной властью всей Германии, но и распустит Союзный сейм и создаст правомочную исполнительную власть для разрешения всех назревших проблем.

По этому вопросу во Франкфуртском собрании развернулись нескончаемые прения. Контрреволюционные элементы смотрели на создание временного центрального правительства лишь как на средство усиления монархических правительств. Еще в начале мая 1848 г. правительство Гессен-Дармштадта обратилось к Союзному сейму с требованием быстрейшего создания временной центральной власти как «выразителя воли правительств в противовес Национальному собранию».

Либерально-буржуазное большинство Франкфуртского собрания находилось во власти «теории соглашения», видя главную задачу временного центрального правительства в быстрейшем осуществлении соглашения с Союзным сеймом и с правительствами отдельных германских государств.

Левые требовали создания сильной исполнительной власти, которая могла бы противодействовать всякому сопротивлению воле Национального собрания. Однако собрание медлило с разрешением этого вопроса и отложило его обсуждение.

Съезд демократических и рабочих союзов во Франкфурте-на-Майне

Политическая обстановка настоятельно требовала мобилизации всех сил демократии для борьбы против контрреволюции. В середине июня австрийская военщина подавила народное восстание в Праге. Подавление июньского восстания парижских рабочих послужило сигналом для дальнейшего наступления контрреволюции и в Австрии и по всей Германии.

В этой обстановке демократические и рабочие организации стали готовиться к съезду в целях политического и организационного укрепления демократической партии.

Обострение классовой борьбы в июне 1848 г. и подготовка к съезду демократических и рабочих союзов оказали непосредственное влияние на позиции буржуазно-либерального большинства Национального собра-

---

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв., т. II, 1949, стр. 315.

ния, которое все более открыто обнаруживало стремление к упрочению своего союза с силами контрреволюции.

Уже за несколько дней до съезда демократов в парламенте был поднят вопрос «о принятии мер предосторожности» для ограждения Франкфуртского собрания от «анархических элементов». Правые депутаты настойчиво требовали усиления полицейского надзора и применения военной силы против «нарушителей порядка». Руководители «Франкфуртского рабочего союза» и активные участники демократического движения Эсселен и Пельц были высланы из Франкфурта по настоянию франкфуртских «благонамеренных» бюргеров, требовавших от сената срочных мер против «мятежников и подстрекателей».

Представители буржуазного центра во Франкфуртском парламенте, не менее правых страшившиеся народного движения, предложили обратиться к демократическим деятелям с просьбой «в интересах дальнейшей деятельности Собрания» воздержаться от всякого рода демонстраций и даже отказаться от проведения съезда. Тревога, охватившая в этот момент франкфуртских «народных представителей», была столь велика, что они внесли в президиум ряд предложений о заблаговременном перенесении заседаний парламента в «более спокойное место».

В такой обстановке 14—17 июня состоялся во Франкфурте съезд демократических и рабочих союзов. В работе съезда приняли участие 234 делегата, представлявших около 90 демократических и рабочих союзов различных городов Германии. Среди делегатов были поэт Ф. Фрейлиграт. философ Л. Фейербах, публицист Ю. Фребель, члены «Союза коммунистов» И. Молль, К. Шаппер и доктор Готшальк. Из представителей крайней левой Франкфуртского парламента на съезде участвовали депутаты Циц и Капп.

Здесь были подвергнуты резкой критике деятельность Франкфуртского парламента и политика буржуазных либералов. Один из делегатов предложил объявить Генриха фон Гагерна предателем и отстранить его с поста председателя Национального собрания. Но председательствовавший на съезде Ю. Фребель отказался даже поставить этот вопрос на обсуждение.

Одним из важнейших постановлений съезда явилось требование установления в Германии демократической республики. «Единственно возможной в Германии государственной формой является демократическая республика, в которой общество берет на себя заботу о свободе и благосостоянии каждого своего члена»,— говорилось в резолюции съезда.

Съезд потребовал от Франкфуртского собрания признания депутатских полномочий республиканца Геккера, вновь избранного 7 июня депутатом от Бадена; наряду с этим было принято обращение к баденскому правительству с требованием амнистии для арестованных и высланных участников апрельского республиканского восстания.

Наиболее важным результатом съезда явились решения об объединении всех демократических союзов, о создании окружных комитетов и Центрального комитета демократической партии, местопребыванием которого был назначен Берлин.

17 июня Арнольд Руге вручил председателю Франкфуртского собрания от имени 170 студентов-демократов петицию «О необходимости установления республики в Германии». В петиции предлагалось установить единую германскую республику с Национальным собранием в качестве законодательной власти, исполнительную же власть передать ответственному перед Собранием президенту и назначаемым им министрам. «Передачу власти в Германии одному из ее князей мы будем квалифицировать как измену народному суверенитету»,— подчеркивалось в петиции.

Требования, выдвинутые съездом демократических и рабочих союзов, были встречены большинством Франкфуртского парламента с нескрываемой, открытой враждой.

Обсуждение вопроса о форме временного центрального правительства

День закрытия съезда демократических и рабочих союзов совпал с открытием во Франкфуртском собрании прений по вопросу об организации временного центрального правительства. Записалось до 200 ораторов. Дальман предложил до окончательной выработки имперской конституции передать власть директории из трех лиц, назначаемых существующими германскими правительствами и утверждаемых парламентом; директория эта должна образовать министерство, ответственное перед Собранием.

Правые выступили против этих предложений и потребовали вручения временной исполнительной власти имперскому правителю, назначаемому монархическими правительствами. В противовес этому предложению Роберт Блюм и Трюцшлер настаивали на избрании главы исполнительной власти из среды самого Национального собрания. Временное правительство, заявляли они, должно отвечать за свою деятельность перед парламентом, проводить в жизнь все его постановления, а также осуществлять представительство Германии вне страны. Но даже наиболее радикальные предложения левых о формах политической власти не были последовательными: они не вносили никакой ясности в вопрос о дальнейших судьбах монархического строя в отдельных германских государствах.

Обсуждение вопроса о временном центральном правительстве вызвало в парламенте ожесточенные столкновения. В зале заседаний и особенно на галлереях для публики стоял такой шум, что председатель был вынужден неоднократно объявлять заседания закрытыми.

В кулуарах также шла ожесточенная борьба, главными участниками которой являлись Гагерн, Шмерлинг, Финке и другие деятели правого крыла Собрания. Они решили «разрубить гордиев узел» при помощи ловкого политического маневра, рассчитанного на популярность Гагерна и на легковерие немецкого мещанства,— противопоставить общегерманскому Национальному собранию не ответственное перед ним центральное правительство, которое было бы на деле креатурой князей.

Для осуществления этого замысла была инсценирована парламентская комедия, завершившаяся восхваляемым немецкими буржуазными историками «смелым шагом» председателя Собрания Гагерна.

Избрание австрийского эрцгерцога Иоганна имперским правителем

События последних недель — штурм берлинского цейхгауза, чешское демократическое восстание в Праге, июньское восстание парижских рабочих — привели в ужас германскую буржуазию и усилили ее контрреволюционные настроения. Дворянско-буржуазные партии Франкфуртского парламента усматривали теперь свою задачу в быстрейшем разрешении вопроса о формах временной центральной исполнительной власти.

Сторонники «малогерманского» пути объединения Германии были твердо намерены передать центральную исполнительную власть комулибо из членов прусского царствующего дома, но ввиду крайней непопулярности прусского короля Фридриха-Вильгельма IV и резких возражений со стороны представителей «великогерманской» ориентации, подобного рода планы были заведомо обречены на неудачу. Исходя из этого, Гагерн и его сторонники решили пойти на временный компромисс с «великогерманцами», рассчитывая, что в дальнейшем им все-таки удастся обеспечить наиболее важные позиции в имперском правительстве представителям Пруссии.

24 июня Гагерн выступил с речью, содержание которой поразило своей неожиданностью многих депутатов, не посвященных в тайны закулисной политики: «Милостивые государи, я совершаю смелый шаг, заявляя, что мы сами должны организовать временную центральную власть. Я полагаю, что правительства будут нам благодарны, узнав, какой человек должен занять пост имперского правителя. Поскольку имперский правитель должен быть избран из лиц, принадлежащих к высшим сферам, нами намечен человек высокопоставленный».

Маневр Генриха фон Гагерна удался. 28 июня Собрание приняло постановление, согласно которому временная центральная власть вручалась имперскому правителю, избираемому Национальным собранием, но не ответственному перед ним. Чтобы обеспечить этому решению поддержку местных монархических правительств, подчеркивалось, что «центральная власть должна по мере возможности вступать в соглашение с уполномоченными союзных правительств».

В создавшейся ситуации наиболее приемлемой для буржуазного большинства парламента кандидатурой на пост главы временного правительства оказался австрийский эрцгерцог Иоганн. Он пользовался популярностью в широких слоях австрийского мещанства, которому импонировали и его репутация «противника меттерниховского режима», и его необычная для лиц царствующего дома женитьба на дочери почтмейстера, и его выступления в квазилиберальном духе. Ему приписывалось изречение: «Ни Пруссия, ни Австрия, а единая Германия, крепкая, как ее горы».

29 июня большинство Собрания (486 голосами при 26 воздержавшихся) избрало Иоганна имперским правителем, причем за кандидатуру эрцгерцога Иоганна отдали свои голоса и многие сторонники «малогерманского» пути объединения Германии.

Имперский правитель обусловил принятие предложенного ему поста согласием всех монархических правителей Германии; его избрание было санкционировано Союзным сеймом, который 12 июля передал ему все свои полномочия.

Образование имперского правительства

Во главе первого имперского министерства, образованного вслед за избранием эрцгерцога Иоганна, стал бывший председатель Союзного сейма Шмерлинг. Он же являлся и министром внутренних дел; министром юстиции стал Гекшер, министром торговли — Дуквиц, министром финансов — Беккерат. Важный пост военного министра был вручен представителю Пруссии генералу Пейкеру. По вопросу о министре иностранных дел велись длительные переговоры, в результате которых портфель министра иностранных дел был, наконец, передан князю Карлу фон Лейнингену.

Этот состав имперского министерства оказался, впрочем, весьма недолговечным: уже в начале августа председательствование в имперском министерстве было передано Лейнингену, Шмерлинг остался на посту министра внутренних дел, во главе министерства иностранных дел был поставлен Гекшер.

11 июля, когда имперский правитель под звон колоколов въезжал во Франкфурт, он был встречен восторженными криками буржуазии, видевшей в его избрании спасение от грозящей «анархии».

Характерным документом, рисующим настроение ведущих кругов буржуазии в этот момент, является благодарственный адрес «Немецкого фабричного, промышленного и торгового сословия» — «Высокому Национальному собранию во Франкфурте» по поводу избрания имперского правителя. «Установление центральной власти и избрание имперского правителя,— говорилось в этом документе,— является важным шагом

к излечению глубоких ран, которые могли бы оказаться смертельными для германской промышленности. Теперь общественное доверие будет восстановлено!» Адрес заканчивался словами: «Да здравствует угодное богу соглашение между князьями, властями и народом, между богатыми и бедными, между работодателями и рабочими!».

Стремление германской буржуазии к установлению «твердой власти» нашло свое выражение и в докладной записке, переданной в конце июля 1848 г. Шмерлингу членом имперского министерства, представителем правого центра Бассерманом. Последний предлагал ознаменовать создание временного центрального правительства укреплением всего административно-полицейского аппарата и беспощадным подавлением рабочего и демократического движения. Бассерман предлагал распустить по всей Германии рабочие и демократические союзы, усилить военные гарнизоны во всех больших городах, укрепить армию, издать специальный закон о карах за оскорбление имперского правителя, учредить во Франкфурте имперскую полицию и организовать специальный корпус для охраны эрцгерцога. В той же записке предлагалось учесть и использовать в Германии уроки июньских событий во Франции и установления контрреволюционной диктатуры Кавеньяка.

В народных массах избрание имперского правителя вызвало глубокое недовольство. Центральный комитет демократических союзов во Франкфурте опубликовал 28 июня воззвание, в котором протестовал против создания неответственной перед Национальным собранием и противостоящей ему диктаторской власти, которая будет действовать в согласии с местными монархическими правительствами. Воззвание требовало, чтобы левые открыто порвали с Собранием, вышли из его состава и организовали новые выборы на основе прямого голосования.

Р. Блюм и другие представители мелкобуржуазных демократов в Национальном собрании голосовали против постановления о временной центральной власти, однако из состава парламента выйти не решились.

Вновь созданное центральное правительство не пользовалось авторитетом в глазах отдельных германских правительств. Ни австрийское, ни прусское правительства не считали себя обязанными повиноваться ему.

Фридрих-Вильгельм IV изъявлял согласие на признание имперского правителя, но отказывался упомянуть о его избрании общегерманским парламентом. Король вызывающе заявил, что когда будет необходимо, прусская армия станет под начальство имперского правителя по его, королевскому, приказу. Однако ни Франкфуртский парламент, ни имперский правитель не дали отпора этим контрреволюционным заявлениям.

Вопрос об армии

Подобную же нерешительность проявило Франкфуртское собрание в вопросе о ликвидации старой армии и создании революционной военной силы, охраняющей Собрание. Жалкие попытки создать нечто вроде единой «парламентской армии» из отрядов буржуазного ополчения, созданного в мартовские дни, потерпели полную неудачу.

Левые во Франкфуртском собрании выступали за уничтожение постоянной армии и всеобщее вооружение народа, но никаких действенных мер в этом направлении не принимали.

Вместо разоружения контрреволюции Франкфуртский парламент укреплял ее силы: он постановил удвоить численность воинских контингентов в отдельных германских государствах, что означало увеличение армии, которой располагали немецкие государи, до 900 тыс. человек.

Франкфуртские либералы, писал Ленин, «...говорили хорошие слова, принимали всякие демократические „решения“, „учреждали“ всякие свободы, а на деле оставляли власть в руках короля, не организовали воору-

женной борьбы с военной силой, бывшей в распоряжении короля. И пока франкфуртские освобожденцы болтали,— король выждал время, укрепил свои военные силы, и контрреволюция, опираясь на реальную силу, разбила наголову демократов со всеми их прелестными „решениями“»[1].

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ВО ФРАНКФУРТСКОМ ПАРЛАМЕНТЕ

Вопрос о ликвидации феодальных повинностей

Наряду с главной задачей буржуазно-демократической революции — задачей национального объединения Германии — перед немецким народом настоятельно выдвигался ряд других важных задач и прежде всего задача ликвидации феодального гнета в деревне, а также уничтожения всех средневековых ограничений в области промышленности и торговли.

Вместе с тем народные массы Германии ждали от революции не только политического раскрепощения и ликвидации феодального гнета, но и других социальных мероприятий, направленных к улучшению положения трудящихся. Шлеффель, Науверк и другие демократы говорили в своих речах о тяжких условиях жизни рабочих и бедственном положении пролетаризируемых ремесленников. Депутаты левой напоминали буржуазным либералам, что растущие бедствия широких трудящихся масс, при невнимании к их нуждам со стороны парламента, могут вызвать новый революционный взрыв. «За первой революцией, революцией политической, последует вторая — революция, вызванная голодом»,— говорил Шлеффель.

Однако буржуазное большинство Франкфуртского парламента, вместо разрешения важнейших социально-экономических вопросов, выдвигавшихся революцией, стремилось прежде всего к «установлению порядка», к скорейшему «умиротворению» страны.

19 мая, на другой день после открытия парламента, была создана хозяйственная комиссия из 30 членов с семью подкомиссиями — по вопросам сельского хозяйства, промышленности, торговли, банков и кредита, по вопросу о единстве мер и монетной системы, об отмене ограничений свободы передвижения, а также по рабочему вопросу.

Уже вскоре после открытия Собрания в него стали поступать сотни петиций с настойчивыми требованиями отмены феодальных повинностей, ликвидации фидеикомиссов[2] и т. д. Из одной только Саксонии, например, поступило 18 петиций, подписанных 8 тыс. крестьян, с требованием безвозмездной отмены многочисленных феодальных повинностей.

Развернувшиеся весной 1848 г. крестьянские восстания фактически ликвидировали во многих местах феодальные повинности. Но правительства принимали меры к восстановлению этих повинностей, а если и соглашались на их отмену, то лишь путем выкупа, т. е. в соответствии с интересами дворянства. Франкфуртское собрание не удосужилось обсудить вопрос об отмене феодальных повинностей на специальном заседании и занималось этим вопросом только попутно, в связи с обсуждением так называемых «Основных прав германского народа». Принятое в октябре 1848 г. общее постановление об уничтожении всех видов феодальной зависимости не давало, однако, никаких конкретных указаний о способах и сроках этого уничтожения.

Не лучше обстояло дело и с ликвидацией фидеикомиссов. Хозяйственная комиссия предложила ограничиться постановлением о недопустимости

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 19.
[2] Неотчуждаемые крупные земельные владения дворянства.

увеличения уже существующих и образования новых фидеикомиссов. Депутат Молль выступил от имени меньшинства комиссии против этого предложения. Подчеркнув, что прусские помещики и, в частности, владельцы фидеикомиссов сконцентрировали в своих руках более половины земли, пригодной для обработки, он выдвинул требование ликвидации всех родовых фидеикомиссов.

Однако предложение об отмене фидеикомиссов было отвергнуто большинством голосов правой и правого центра.

Таким образом, Франкфуртское собрание, сохранив фактически в силе феодальные права, не сделало ничего существенного для разрешения аграрного вопроса, для освобождения крестьянства от тяготевшего над ним феодального гнета, от засилия прусских и иных земельных магнатов.

Вопросы торговой и промышленной политики

Созданием в 1834 г. Германского таможенного союза было достигнуто таможенное объединение Пруссии и большей части немецких государств. Однако часть немецких государств еще находилась за пределами этого объединения. Австрия составляла отдельную таможенную область: австрийская буржуазия, опасаясь прусской конкуренции, категорически отказывалась от вступления в Таможенный союз.

Приморские государства — Ганновер, Ольденбург, Брауншвейг и другие, получавшие большие доходы от внешней торговли (главным образом с Англией), образовали свое особое таможенное объединение, так называемый Податной союз.

Отсутствие полного таможенного единства, наличие различных «местных» денег, мер и весов, не признаваемых ни в других частях Германии, ни за границей, различные правила и цеховые ограничения в области ремесла, наконец, многочисленные стеснения свободы передвижения и свое «местное» законодательство в каждом из 38 германских государств — все это пагубно отражалось на развитии торговли и промышленности в самой Германии и задерживало развитие ее внешней торговли.

Экономические требования промышленной и торговой буржуазии Германии были довольно полно сформулированы в адресе немецких промышленников, поданном Собранию и опубликованном в виде брошюры под заглавием: «О положении среднего сословия, ремесленников и рабочих, представителей торговли и промышленности в Германии и о том, как помочь этому важному сословию германского народа». Адрес требовал ликвидации таможенных перегородок, установления полной свободы передвижения, устранения всяких препятствий развитию судоходства, а также создания национальных банков. В адресе выдвигались также требования создания значительного военного и торгового флота, «установления свободного судоходства по Дунаю вплоть до Черного моря» и «основания ряда заморских колоний». Последние, указывалось в адресе, «приобретут особую важность. когда объединенная Германия организует более мощные сухопутные и морские силы в противовес всем другим народам Старого и Нового света».

Таким образом, неспособная к последовательной борьбе за ликвидацию феодальных порядков германская буржуазия уже тогда отличалась далеко идущими экспансионистскими устремлениями.

Вопрос об устранении ограничений свободы передвижения, чрезвычайно тормозивших промышленное развитие страны, был поставлен в связи с рассмотрением «Основных прав». Предложение о свободе передвижения было санкционировано Франкфуртским собранием.

Перед Собранием стояла также задача устранения всех таможенных и прочих ограничений в области торговли на территории Германии.

Однако Ганновер и другие государства, входившие в состав Податного союза, попрежнему не проявляли никакого интереса к установлению таможенного единства. Бремен мечтал не о вступлении в Прусский таможенный союз, а о создании нового таможенного объединения в форме Союза торговли и мореплавания, который поставил бы перед собой, в качестве главной своей задачи, защиту интересов германской торговли за границей. Австрия в вопросе о таможенном объединении Германии занимала попрежнему резко отрицательную позицию.

Только в ноябре 1848 г. Франкфуртское собрание вынесло постановление об отмене внутренних таможенных пошлин и объединении всех германских государств в единый таможенный союз. По плану, выдвинутому имперским министром торговли Дуквицем, в состав этого союза должны были войти не только все германские государства, но и Австрия, включая ее славянские земли. Однако сделанное позднее австрийским правительством заявление, что Австрия является самостоятельным государством, показало неосуществимость «великогерманских» планов не только в политической, но и в экономической области.

Одной из важных задач являлась отмена архаических пошлин, затруднявших речное судоходство. После длительных дебатов в имперскую конституцию были внесены специальные параграфы, регулировавшие судоходство и устанавливавшие порядок отмены речных пошлин. Но временное центральное правительство не провело в жизнь ни одного из этих законопроектов и оставило в силе все пережитки средневековья.

Рабочий вопрос во Франкфуртском собрании

Рабочий вопрос не был предметом специального обсуждения в Собрании.

Предложения депутатов левого крыла Собрания, направленные на улучшение положения рабочего класса, встречали отпор буржуазно-юнкерского большинства или хоронились в делах хозяйственной комиссии. Предложения эти, однако, не отличались определенностью. Чаще всего они представляли лишь смягченную перефразировку тех многочисленных петиций, которые поступали тогда в Собрание от рабочих и ремесленников. Так, например, в избирательной платформе, подписанной Геккером, Струве, Цицем, Рейхенбахом и другими видными представителями мелкобуржуазных демократов, наряду с заявлением о необходимости «уничтожения неравенства между трудом и капиталом», говорилось о создании особого «министерства труда», цель которого — «облагать налогами ростовщические доходы, охранять труд и обеспечивать ему участие в прибылях».

Депутат Райзингер говорил, что забота о пролетариате должна быть «одной из важнейших задач новой государственной жизни», но конкретные его предложения не шли дальше создания в отдельных германских государствах министерств труда или особых комиссий для изучения положения рабочих и оказания им помощи. Собрание ограничилось тем, что передало эти предложения хозяйственной комиссии, которая попросту положила их под сукно.

Происходивший в конце августа 1848 г. в Берлине рабочий съезд обратился к Франкфуртскому парламенту с докладной запиской, предлагавшей включить в имперскую конституцию пункт об обязанности государства «обеспечить каждому, кто желает трудиться, работу, соответствующую его силам и его насущным потребностям». Это предложение было, однако, отвергнуто хозяйственной комиссией под тем предлогом, что во Франции попытки государственного обеспечения права на труд имели «роковые последствия».

Польский вопрос Не только представители прусского юнкерства, но также и многие буржуазные либералы уже тогда, задолго до образования объединенной Германской империи, вели под флагом «освобождения немецких братьев» или «укрепления немецких границ» пропаганду подавления национально-освободительных стремлений угнетенных народов и захвата чужих территорий, особенно на востоке и юго-востоке Европы. Ярким свидетельством этого являлось отношение большинства Франкфуртского собрания к польскому вопросу, к вопросу о судьбах славянских народов в Австрии, к вопросу о войне Австрии с Италией, к вопросу о судьбах южного Тироля и т. д.

Требование восстановления Польши являлось в 1848 г. одним из центральных вопросов национальной политики революционной демократии. «Революционная Германия должна была, особенно в отношении соседних народов, отречься от всего своего прошлого. Вместе со своей собственной свободой она должна была провозгласить свободу тех народов, которые доселе ею угнетались»[1].

Это означало, в первую очередь, что германская революция должна была провозгласить свободу отделения тех исконно польских земель, которые были ранее насильственно захвачены Пруссией. Однако уже в первые месяцы революции, вопреки торжественным декларациям Предпарламента, объявлявшим разделы Польши «позорной несправедливостью», польское восстание в Познани было подавлено, все обещания первых дней революции были отброшены. Несмотря на решительные протесты польского народа, прусские власти добились насильственного включения в Германский союз коренных польских земель, причем эти захватнические действия были немедленно санкционированы Союзным сеймом.

Невзирая на то, что польское население в Познани категорически отказалось от участия в выборах в общегерманское Национальное собрание, в этих насильственно захваченных и присоединенных к Пруссии польских землях были инсценированы выборы, в результате которых во Франкфуртский парламент было послано от Познани 12 депутатов. По указанию польского Национального комитета депутаты-поляки отказались признать эти выборы.

В начале июня президиуму Франкфуртского парламента был передан меморандум парижского Комитета польских эмигрантов, в котором выражалась надежда, что общегерманское Национальное собрание в своих решениях по польскому вопросу будет исходить из принципа восстановления независимой Польши. Авторы меморандума предлагали Франкфуртскому парламенту заявить, что польские земли, находящиеся под властью Пруссии и Австрии, не должны входить в состав Германского союза, и что германский народ поможет делу восстановления единой, свободной и независимой Польши. Однако Франкфуртский парламент не внял ни массовым протестам польского населения Познани, ни этим предложениям польских эмигрантов. Весь ход обсуждения польского вопроса во Франкфуртском парламенте и решения, принятые по этому вопросу, составляют одну из самых позорных страниц в истории этого парламента.

В докладе по польскому вопросу, представленном 24 июля от имени комиссии по международному праву, немецкий историк Штенцель восхвалял «благодеяния», которыми якобы пользовались поляки в прусском государстве. Штенцель прикрашивал прусскую политику колонизации.

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 185.

называя ограбление польских земель немцами «удачными мероприятиями». Обойдя молчанием кровавую расправу с восставшими поляками в Познани, учиненную прусской военщиной, Штенцель одобрил новый раздел польских земель и включение значительной их части в состав Германского союза.

Доклад Штенцеля, указывал Энгельс, «фальсифицирует и раннюю, и более позднюю историю Польши и историю немцев в Польше»; автор доклада «допустил не только умышленную подтасовку, но и грубое невежество» [1].

Вслед за Штенцелем выступили другие немецкие шовинисты — Зенф, Гедеп и Керст. Все они, оперируя заведомо подтасованными статистическими данными, старались доказать «исконные права» немцев на Познань и другие западные польские земли, захваченные Пруссией. В таком же духе выступали лидеры правого крыла Собрания — генерал Радовиц, князь Лихновский и др. Предлагая Собранию одобрить прусскую «демаркационную линию», Радовиц уверял, что мартовские обещания познанским полякам представляют «вопиющую несправедливость по отношению к живущим там немцам».

Депутат Вильгельм Иордан рекомендовал при решении польского вопроса исходить из интересов немецкого «здорового национального эгоизма». Под одобрительный гул на скамьях правых он нагло заявлял о «превосходстве немецкого народа над большинством славянских народов» и изображал насильственный захват исконно польских земель Пруссией и проводившуюся ею в течение десятилетий колонизацию этих земель как «неоспоримое благо» для самих поляков. Эта шовинистическая речь вызвала глубокое возмущение в демократических кругах.

С яркой критикой немецких шовинистов выступил представитель польского Национального комитета Янишевский. Он смело вскрыл подлинный, грабительский характер прусской политики в Познани.

«Вы рассчитываете,— говорил Янишевский,— умиротворить нас посредством мнимых благодеяний, которые вы обещаете Польше после ее присоединения. Нам слишком хорошо знакомы горькие плоды навязываемых нам благодеяний,— мы сыты ими по горло, они причиняют нам более мучительные страдания, чем тягчайшие удары врагов». Янишевский клеймил предательскую политику министерства Кампгаузена по отношению к полякам. Единственным результатом насильственного присоединения 500—600 тыс. поляков к Германскому союзу, говорил он, должно стать превращение их в злейших врагов Германии. «Вы проглотили Польшу, но, клянусь, переварить ее вам не удастся!» — горячо воскликнул Янишевский.

Эта речь, полная «действительной, живой страсти», являлась, по словам Энгельса, «первым образчиком действительного парламентского красноречия, которое раздавалось с трибуны церкви св. Павла» [2].

Выводы комиссии по польскому вопросу были подвергнуты критике и в речи Блюма. Однако и он не потребовал прямо и открыто восстановления независимости Польши и освобождения захваченных Пруссией польских земель.

После длительного обсуждения Франкфуртское собрание приняло 27 июля решение по польскому вопросу. Оно санкционировало, во-первых, принятые ранее Союзным сеймом постановления о включении ряда округов великого герцогства Познанского в состав Германского союза; во-вторых, утвердило полномочия 12 депутатов, избранных от

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 382.
[2] Там же, стр. 399.

этих округов; в-третьих, подтвердило установленную генералом Пфулем демаркационную линию в Познани; в-четвертых, вменило в обязанность прусскому правительству «обеспечить защиту немцев, живущих в Познани».

Так буржуазно-либеральное большинство Франкфуртского парламента, «...проявляя лицемерный энтузиазм к расширению немецкой национальности, объявило Прусскую Польшу, главный очаг польского революционного брожения, неотделимой составной частью будущей германской империи» [1].

Представители мелкобуржуазной левой фактически оказали поддержку этому позорному постановлению по польскому вопросу, не решившись голосовать против него.

Блюм, Визнер, Циммерман, Шлеффель, Трюцшлер, Ицштейн, Руге и другие при поименном голосовании резолюции по польскому вопросу выступили с неопределенной и уклончивой декларацией, заявив, что, ввиду отказа Собрания от проведения дополнительного расследования положения в Познани и ввиду отсутствия достаточных данных, «совесть заставляет их воздержаться от голосования».

Позорное решение Франкфуртского парламента, санкционировавшее расправу, произведенную над польским народом, вызвало сильное возмущение в революционно-демократических кругах Германии. 11 августа на общем собрании «Кельнского демократического общества», происходившем под председательством Маркса, была принята и направлена Франкфуртскому собранию резолюция протеста против включения части Познани в Германский союз. Подчеркивая, что свободная Германия должна не подавлять другие национальности, а способствовать их свободе и независимости, и что освобождение Польши является вопросом жизни и смерти для самой Германии, собравшиеся горячо протестовали против принятого Франкфуртским парламентом постановления по польскому вопросу.

Вопрос о судьбах славянских народов Австрии

Шовинистические устремления буржуазного большинства Франкфуртского собрания сказались и при обсуждении вопросов о судьбах славянских народов Австрии.

«Каковы мировые задачи Австрии? — Вести пропаганду немецкого духа на Востоке»,— уверял австрийский депутат Вюрт. Таких же шовинистических взглядов придерживался и австрийский депутат Гискра, сторонник тесного союза Австрии с Германией. Он усматривал главную задачу Австрии в «спасении» австрийских немцев от «славянской опасности», т. е. в политике германизации славянских народов многонациональной габсбургской монархии.

Не хотели отказываться от этого и сторонники «малогерманского» пути воссоединения Германии, требовавшие исключения Австрии из Германского союза. Гагерн прямо заявил, что после того как Австрия выйдет из Германского союза, на ней будет и в дальнейшем лежать задача колонизации юго-востока Европы и распространения там «немецкого духа». «Делом Австрии явится распространение немецкой культуры, языка и обычаев вниз по Дунаю, вплоть до Черного моря, и развитие этого богатого рынка в целях индустриализации Германии»,— заявлял Генрих фон Гагерн.

Такой же агрессивной точки зрения в отношении славянских народов придерживались и многие представители левого, мелкобуржуазного крыла парламента. Стремясь к созданию федеративной «Великой

---

[1] К. Маркс. Избр. произв., т. II, 1940, стр. 72.

Германии», они не допускали и мысли об освобождении угнетенных славянских народов Австрии.

Чешский вопрос

Великодержавный характер политики буржуазного большинства Франкфуртского собрания особенно открыто выступает в чешском вопросе.

С самого начала мартовской революции чехи протестовали против включения чешских земель в состав будущей объединенной Германии. Чехи не участвовали в выборах во Франкфуртское собрание. Лидеры чешского национального движения обратились к австрийским славянам с предложением прислать своих представителей не во Франкфурт, а в Прагу, чтобы там обсудить стоявшие перед славянскими народами задачи.

Когда до Франкфурта дошло известие о чешском демократическом восстании в Праге, многие депутаты высказались за быстрейшее его подавление. Австрийские депутаты Бергер и Шиллинг предложили даже немедленно направить на помощь Виндишгрецу прусские, баварские и саксонские войска.

Политику Виндишгреца поддержали с трибуны Франкфуртского парламента и некоторые представители мелкобуржуазных демократов. Австрийский депутат Визнер, например, потребовал, чтобы Национальное собрание «использовало свои полномочия и свои суверенные права» для защиты австрийских немцев от «славянской опасности» и не дало оторвать от Австрии «ни клочка немецкой земли».

Депутат Куранда выступил с позорным заявлением, что, хотя Виндишгрец — аристократ и враг демократии, это не может помешать выразить ему с трибуны Собрания «благодарность за мужество и выдержку, проявленные им при защите не только немецкого дела, но и дела свободы, законности и порядка».

21 июня Франкфуртский парламент принял постановление, в котором выразил «удовлетворение» по поводу подавления пражского восстания и под предлогом защиты немцев, живущих в Чехии, обещал поддержать австрийское правительство в его дальнейших мероприятиях, направленных против чешского народа.

Вопрос об австро-итальянской войне

Революция в Италии и последовавшие одно за другим восстания в Милане и Венеции поставили в порядок дня освобождение итальянского народа от австрийского гнета. Но Австрия не собиралась отказываться от своего господства в Северной Италии. Австрийские войска под командованием Радецкого огнем и мечом обрушились на восставший итальянский народ.

Вопрос об австро-итальянской войне неоднократно ставился во Франкфуртском парламенте. Представители левых требовали вывода австрийских войск из Италии. Однако буржуазное большинство Собрания стало на сторону угнетателей итальянского народа. С трибуны Франкфуртского парламента раздавались жалобы на «тяжелые последствия» отпадения итальянских провинций от Австрии, будто бы нанесшего «смертельный удар» ее торговле и промышленности.

В конце июля 1848 г. австро-итальянская война вступила в критическую стадию: сардинские войска были разбиты при Кустоцце, а 5 августа Радецкий снова вступил в Милан. Заключенное вскоре после этого перемирие снова отдало Ломбардию в руки Австрии.

8 августа вопрос об австро-итальянской войне был вновь поставлен на обсуждение во Франкфуртском парламенте.

Некоторые депутаты левого крыла (среди них Науверк и Шлеффель) внесли предложение о немедленном прекращении войны против Италии и заключении с нею справедливого мира. Однако представители либерально-буржуазного большинства выступили против этого предложения.

Австрийский депутат Райтер всерьез пытался доказать, что под эгидой Австрии итальянцам «живется вовсе неплохо» и что отделение от Австрии лишило бы итальянских шелководов рынков сбыта. Он заявлял далее, что Австрия имеет «полное право» на обладание Ломбардией и Венецией, поскольку обе эти итальянские провинции переданы ей «в качестве компенсации за потерянные ею Нидерланды». Одним из наиболее циничных «аргументов» этого австро-немецкого шовиниста являлось его утверждение, что отделение итальянских провинций окажет «пагубное влияние» на другие угнетенные национальности Австрийской империи.

Но особенно настойчиво требовал продолжения войны против Италии до полной победы австрийцев Радовиц, открыто призывавший к закреплению итальянских провинций за Австрией.

Вопрос о Южном Тироле и Истрии

Агрессивные намерения немецкой либеральной буржуазии обнаружились и в ходе прений о судьбах Южного Тироля.

Уже в первые недели после открытия Франкфуртского собрания несколько депутатов Южного Тироля предложили вынести решение об освобождении Триента и Роверето от их принадлежности к Германскому союзу. Эти депутаты напоминали, что Южный Тироль очутился под властью Австрии (и, вместе с тем, в составе Германского союза) только на основе решений Венского конгресса, что большинство населения Южного Тироля не является немецким и поэтому нет никаких оснований для дальнейшего пребывания этих земель в составе Германского союза.

Однако немецкие шовинисты из Тироля, Штирии и Зальцбурга не замедлили выступить с возражениями. Выделенная по этому вопросу комиссия высказалась против отделения Южного Тироля от Германского союза.

12 августа Франкфуртский парламент вынес постановление о сохранении южнотирольских областей Триента и Роверето в составе Германского союза.

Обсуждение вопроса о Южном Тироле лишний раз доказывало, что большинство Франкфуртского парламента исходило при решении важнейших вопросов национальной политики не из принципа независимости наций, а из стремлений к захвату чужих территорий.

«Исторической задачей немцев с древних времен являлось присоединение чужих национальностей»,— с наглой откровенностью заявлял австрийский депутат Шулер. «Мы обладаем Южным Тиролем и будем его держать в своих руках»,— вторил ему другой австрийский депутат, Франц Кольпарцер.

Депутат левой Науверк высказался за отделение Южного Тироля от Германского союза, однако и он счел возможным пойти на уступки дворянско-буржуазному большинству и ограничиться требованием предоставления итальянскому населению Южного Тироля самоуправления в рамках Германского союза.

Внесенное 12 августа предложение о присоединении Истрии к Германскому союзу нашло горячее одобрение со стороны большинства Франкфуртского парламента.

При обсуждении этого вопроса депутат Ян заявил, что «речь идет об утверждении германской морской мощи на Средиземном море». Предложение о присоединении Истрии было принято и передано на рассмотрение временного центрального правительства. Только сложность внутренней и международной обстановки вынудила имперское правительство временно отказаться от включения Истрии в состав Германского союза. В принятом 24 августа решении говорилось, что «при создавшихся условиях, когда многие европейские державы и без того настроены весьма подозрительно, центральное правительство не может взять на себя инициативу расши-

рения территории Германского союза, хотя и считает это расширение чрезвычайно желательным».

Таким образом, либерально-буржуазное большинство Франкфуртского парламента, вопреки своим заявлениям о правах угнетенных народов на национальную независимость, санкционировало новое ограбление польских земель, одобрило грабительскую войну Австрии против итальянского народа, выступило против чешского национально-освободительного движения и дошло до открытого одобрения кровавых деяний Виндишгреца в Праге.

Предавая насущные интересы народных масс Германии, проявляя полную несостоятельность в деле разрешения основных задач буржуазно-демократической революции, и прежде всего задач национального объединения страны, немецкая буржуазия и ее политические представители уже в первые месяцы революции выступили в роли душителей национально-освободительных стремлений угнетенных народов.

Антинародный характер политики дворянско-буржуазного большинства Франкфуртского парламента особенно резко проявился в шлезвиг-гольштинском вопросе.

Глава тридцать четвертая

ВОЙНА ИЗ-ЗА ШЛЕЗВИГА И ГОЛЬШТИНИИ. ВОССТАНИЕ ВО ФРАНКФУРТЕ В СЕНТЯБРЕ 1848 Г.

ВОЙНА С ДАНИЕЙ И ПЕРЕМИРИЕ В МАЛЬМЕ

К началу осени 1848 г. политическая обстановка в Германии становилась с каждым днем все более напряженной. Феодальная контрреволюция еще не сбросила покрова лицемерных фраз о «всеобщем примирении», о «соглашении всех партий», но с каждым днем все более открыто обнаруживала свои подлинные намерения. Достаточно напомнить о кровавых столкновениях между прусской военщиной и народными массами в Майнце, в Альтенбурге, в Швейднице. Несмотря на настойчивые протесты демократической печати, военщина держала себя все более вызывающе. Вокруг крупных городов концентрировались войска. Буржуазно-либеральные партии лавировали между крайними политическими флангами. Однако везде, где дело доходило до решительных столкновений между силами контрреволюции и народом, буржуазия в конечном счете выступала против трудящихся масс.

Наиболее отчетливо это сказалось в позиции, занятой буржуазно-либеральным большинством Франкфуртского парламента осенью 1848 г. Внутренняя и внешняя политика парламента и созданного им временного центрального правительства уже с первых месяцев их деятельности дискредитировала их в глазах широких народных масс. Растущее разочарование немецкого народа нашло яркое выражение в получивших широкую известность стихах Фрейлиграта «Мертвые — живым», прочитанных им в августе на народном собрании в Дюссельдорфе:

Мы думали,— не даром, нет,
Мы голову сложили,
Теперь навеки можем мы
Спокойно спать в могиле.
Вы обманули нас! Позор
Живым! Вы проиграли
В четыре месяца все то,
Что мы завоевали!

Глубокое недовольство народных масс антинародной политикой буржуазии и ее представителей во Франкфуртском собрании нашло

свое выражение в ряде народных выступлений во Франкфурте-на-Майне и в других городах Германии.

«К началу осени отношения партий стали крайне напряженными и до того критическими, что решительное сражение сделалось неизбежным, — писал Энгельс.— Первое столкновение в этой борьбе между демократическими и революционными массами и армией произошло во Франкфурте» [1].

Поводом для этих столкновений послужили события, связанные с ходом войны Германии с Данией.

Шлезвиг-гольштинский вопрос и германо-датская война

Под влиянием мартовской революции Шлезвиг и Гольштиния поднялись на вооруженную борьбу против Дании. В Германии развернулась энергичная пропаганда за освобождение Шлезвига и Гольштинии из-под датского господства.

Как только Шлезвиг и Гольштиния начали вооруженную борьбу за освобождение, со всех концов Германии устремились туда отряды добровольцев. Прусские, ганноверские и другие войска 10-го союзного армейского корпуса под командованием прусского генерала Врангеля вскоре очистили северный Шлезвиг от датских войск и 2 мая вступили в Ютландию. В этот же день пала датская крепость Фридериция.

Однако уже на этом этапе войны стало совершенно очевидно, что ведение войны правящими кругами Пруссии граничит с предательством.

«...В этой войне, единственно популярной, единственно хотя бы отчасти революционной, была принята система бесполезных маршей и контрмаршей...— писал Энгельс.— Во время этой войны немецкое правительство при каждом удобном случае предавало революционную армию Шлезвиг-Гольштинии...» [2]

Несмотря на успехи в войне против Дании, союзные немецкие войска были в конце мая отозваны из Ютландии. Этот неожиданный поворот в ходе войны был вызван не только внутриполитическими соображениями прусской реакции, но и давлением иностранных держав — России, Англии и Швеции. Николай I открыто выражал своему шурину Фридриху-Вильгельму IV негодование по поводу выступления Пруссии «в защиту бунтовщиков» Шлезвига и Гольштинии. При получении известий о продвижении прусских войск в глубь Ютландии царская дипломатия оказала давление на Пруссию, пустив в ход угрозы блокадой прусских портов и даже полным разрывом. Англия, считавшая вступление Шлезвига и Гольштинии в состав объединенной Германии крайне невыгодным для развития английской морской торговли, также сочла нужным оказать давление на Пруссию. Пальмерстон взял на себя роль «посредника» в переговорах между Пруссией и Данией.

Перемирие в Мальмё и его условия

В связи с упорными слухами о готовящемся перемирии с Данией Франкфуртское собрание 8 июня торжественно декларировало, что «шлезвиг-гольштинская война является делом всей немецкой нации», и потребовало принятия энергичных мер для доведения войны до конца. Наряду с этим было выдвинуто требование, чтобы при заключении перемирия с Данией «были обеспечены права герцогств Шлезвига и Гольштинии и соблюдена честь Германии». Несмотря на все это, Пруссия 26 августа заключила с Данией перемирие, условия которого оказались тяжелыми для Шлезвиг-Гольштинии и бесславными для Германии.

---

[1] К. Маркс. Избр. произв., т. II, 1940, стр. 79.
[2] Там же, стр. 76.

Перемирие было заключено не на три месяца, как предполагалось ранее, а на семь месяцев. Это означало, что Дания получала передышку на тяжелые зимние месяцы, когда ее флот не мог быть использован для блокады германских берегов. Немецкие и датские войска должны были быть в течение 12 дней выведены из Шлезвиг-Гольштинии.

В шлезвиг-гольштинской армии воинские части Шлезвига отделялись от гольштинских; и те и другие снова получали датское командование и должны были отныне использоваться для «охраны общественного порядка», т. е. для подавления внутренних демократических движений. Созданное в мартовские дни временное правительство Шлезвиг-Гольштинии распускалось, и все изданные им законы объявлялись недействительными; отмененные революцией датские законы вновь вводились в действие.

Для управления Шлезвигом и Гольштинией, согласно условиям перемирия, должно было быть образовано смешанное временное правительство из пяти человек. Четыре члена этого правительства назначались на паритетных началах прусским и датским королями; председателем правительства был избран глава датской контрреволюционной партии в Шлезвиг-Гольштинии граф Мольтке, всей своей деятельностью заслуживший репутацию злейшего врага народного освободительного движения. Таким образом, в составе этого смешанного правительства реакционная датская партия могла фактически рассчитывать на три голоса.

Наблюдение за точным выполнением условий перемирия возлагалось на Англию.

Следует отметить, что заключением перемирия с Данией на указанных выше условиях Пруссия явно превысила свои полномочия: принятый Франкфуртским парламентом закон о центральном правительстве установил, что «вопросы о войне и мире и о договорах с иностранными державами должно решать центральное правительство по соглашению с Национальным собранием». 7 августа центральное германское правительство разрешило Пруссии заключить перемирие при условии принятия проекта договора, выработанного этим правительством. Однако договор, подписанный Пруссией в Мальмё, вносил в указанный проект ряд дополнений, весьма существенных и чрезвычайно невыгодных для Германии (по вопросу о длительности перемирия, о роспуске шлезвиг-гольштинского революционного правительства и др.).

Посланный эрцгерцогом Иоганном в Шлезвиг для наблюдения за переговорами брат председателя Национального собрания статс-секретарь Макс Гагерн полностью игнорировался как Пруссией, так и Данией. Он не был приглашен ни в Мальмё, где происходили переговоры, ни в Любек, где происходил обмен ратификационными грамотами. Об условиях перемирия ему сообщили, когда уже все было кончено, и ему оставалось лишь проглотить это унижение и вернуться во Франкфурт.

Обсуждение вопроса о перемирии во Франкфуртском парламенте

Условия перемирия вызвали в Германии взрыв общественного негодования: на собраниях и в клубах принимались резолюции протеста и обращения к Франкфуртскому парламенту с требованиями немедленной отмены перемирия и возобновления войны с Данией. Заседавшее в Киле шлезвиг-гольштинское Национальное собрание немедленно выступило с формальным протестом против перемирия в Мальмё. Оно приняло единогласное постановление, в котором заявляло: 1) никто не может распустить Национальное собрание помимо его воли; точно так же и состав временного правительства может быть изменен только с согласия Национального собрания; 2) законы, изданные временным правительством Шлезвиг-Гольштинии, могут быть изменены, либо совсем отменены, только

с согласия Национального собрания; 3) без согласия последнего не могут издаваться новые законы и вводиться новые налоги.

Это постановление было опубликовано в печати и доведено до сведения имперского правителя и Франкфуртского парламента.

Однако Франкфуртский парламент и в этот критический момент обнаружил свою неспособность довести до конца дело объединения Германии.

Правда, имперское министерство в решении, принятом 3 сентября, вынуждено было констатировать превышение Пруссией своих полномочий при заключении договора о перемирии. Оно указало, что без ратификации центральным правительством перемирие не может войти в силу и что ратификация эта может быть произведена только на основе решения, принятого самим Национальным собранием. Однако на деле представители центрального правительства являлись сторонниками принятия условий этого перемирия: глава имперского министерства князь Лейнинген заявлял, что отказ от утверждения заключенного в Мальмё перемирия означал бы разрыв с Пруссией и поставил бы на карту все будущее Германии.

Когда на следующий день, 4 сентября, министр иностранных дел Гекшер довел до сведения Франкфуртского собрания условия перемирия с Данией, и вопрос о его ратификации был поставлен на обсуждение парламента, там развернулись бурные прения. Дальман от имени депутатов левого центра потребовал от Гекшера ответа на следующие вопросы:

1. На чем основано содержащееся в договоре о перемирии постановление о роспуске официально признанного шлезвиг-гольштинского временного правительства, а также постановление об отмене всех изданных им законов?

2. Почему во главе нового смешанного правительства в Шлезвиг-Гольштинии поставлен граф Мольтке-Нютцшау, который своим поведением вызывает столь большие нарекания со стороны жителей Шлезвиг-Гольштинии?

3. Чем вызвано постановление об отделении шлезвигских войск от гольштинских, наносящее ущерб военной организации и означающее в то же время фактическое отделение одного герцогства от другого?

4. Чем объясняется, что перемирие заключено на семь месяцев?

5. Приняты ли условия перемирия с одобрения имперского министра иностранных дел и намерен ли он отказаться от их утверждения?

5 сентября Дальман внес предложение немедленно приостановить проведение перемирия в жизнь.

Депутаты левой горячо поддержали предложение Дальмана.

Представители правого крыла Собрания не замедлили выступить против этого предложения. Явно стремясь запугать трусливый и нерешительный правый центр, пруссак Шуберт усиленно подчеркивал опасность, которая грозит Собранию в случае разрыва договора о перемирии, уже заключенного и ратифицированного Пруссией; он предлагал утвердить этот договор, не вдаваясь в обсуждение вопроса о том, имела ли Пруссия достаточные полномочия на заключение перемирия.

Генерал Радовиц говорил об угрозе европейской войны в случае возобновления войны с Данией.

Внутри большинства Франкфуртского парламента возникли острые разногласия по вопросу о перемирии. Правый центр выступал в блоке с правыми за ратификацию перемирия.

Левый центр и некоторые представители правого центра поддержали предложение Дальмана. В результате объединенных усилий левой и левого центра 5 сентября 238 голосами против 221 было принято решение об отмене договора о перемирии.

Отставка имперского министерства и борьба по вопросу о перемирии

Это решение Франкфуртского парламента послужило поводом для правительственного кризиса. От имени имперского правительства военный министр генерал Пейкер огласил на заседании парламента декларацию с протестом против отмены договора о перемирии.

В создавшейся обстановке правительство князя Лейнингена предпочло сложить с себя полномочия и вечером 5 сентября подало заявление об отставке. Формирование нового правительства было поручено эрцгерцогом Иоганном Дальману.

Решение об отмене перемирия было встречено широкими демократическими кругами Германии с большим удовлетворением.

Чтобы довести начатое дело до конца, Франкфуртский парламент должен был отбросить страх перед иностранной дипломатией и настоять на отмене позорного перемирия, не останавливаясь перед угрозой войны с царской Россией и Англией. Разумеется, это было возможно лишь при условии, если бы он был готов опереться на народные массы, вооружить народ и повести революционную войну против объединенных сил европейской контрреволюции. Но именно этого больше всего страшилось буржуазное большинство парламента.

«...Разве представители буржуазии во Франкфурте,— писал Энгельс,— не согласятся скорее проглотить любое оскорбление и отдаться в рабство Пруссии, чем осмелиться на новую европейско-революционную войну и подвергнуть себя новым бурям, которые могут угрожать их собственному классовому господству в Германии?

Мы думаем, что дело будет именно так. Слишком сильна трусость буржуазной натуры. Мы не верим, что Франкфуртское собрание спасет в Шлезвиг-Гольштинии честь Германии, уже поруганную в Польше»[1].

Прогноз Энгельса целиком оправдался. Одновременно с решением парламента об отмене договора о перемирии было постановлено поручить объединенным комиссиям по международным делам и по вопросу о центральной власти подвергнуть детальному изучению документы о перемирии, а затем представить на обсуждение парламента подробный доклад по этому вопросу.

Создалась неопределенная ситуация. Оппозиция, поддержавшая предложение об отмене перемирия, отличалась не только пестротой своего состава, но и трусостью. В этих условиях Дальман мог бы образовать новое министерство, только опираясь на представителей левого центра, демократической левой и на депутатов Шлезвига и Гольштинии, но для этого у него нехватило решимости. Его попытки привлечь к сотрудничеству представителей правого центра не увенчались успехом; все попытки образовать новое министерство оказались бесплодными.

В конце концов, 8 сентября Дальман был вынужден обратиться к эрцгерцогу Иоганну с заявлением о своем отказе возглавить новое имперское правительство. Правительственный кризис принял еще более острый и затяжной характер. После неудачных попыток создания министерства Германом из Мюнхена, имперским правителем было сформировано министерство почти в прежнем составе, за исключением Гекшера, Лейнингена и Мефиссена. Главой министерства стал Шмерлинг, сосредоточивший в своих руках также портфели министров внутренних и иностранных дел.

Между тем политическая обстановка становилась все более напряженной. И противники, и сторонники перемирия готовились к решающему обсуждению этого вопроса, назначенному на 14 сентября.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 426.

Лихорадочную кампанию развернули в эти дни сторонники ратификации перемирия. Колеблющихся запугивали перспективой разрыва с Пруссией, угрозой европейской войны, перспективой победы левых и установления демократической «красной республики». Распространялись слухи, что в случае отмены договора о перемирии имперский правитель немедленно выйдет в отставку. На совещании депутатов, созванном эрцгерцогом Иоганном вечером 12 сентября, он заявил, что эти слухи не соответствуют действительности. Многие депутаты, возражавшие против ратификации договора, были приняты имперским правителем, который сделал им в связи с их «ошибочным» голосованием «отеческое внушение».

Чтобы по возможности ослабить позиции противников перемирия, 12 сентября на заседании парламента было оглашено письмо уполномоченного Пруссии Кампгаузена министру иностранных дел имперского правительства, в котором сообщалось, что граф Мольтке не войдет в состав нового, смешанного правительства Шлезвиг-Гольштинии. Кампгаузен заверял парламент также в том, что «датский король будет готов внести изменения в условия перемирия, поскольку это необходимо в целях установления в герцогствах спокойствия». После того как принятое 5 сентября решение было отменено, последовало «разъяснение» со стороны датского министерства иностранных дел, в котором сообщалось, что «о подобных изменениях не может быть и речи» и что «датское правительство далеко от мысли дать какой-либо повод к подобного рода неясностям». Однако ложные обещания Кампгаузена уже достигли намеченной цели, побудив отдельных, наиболее склонных к колебаниям, депутатов к отказу от своих прежних позиций и голосованию за утверждение условий перемирия.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ О РАТИФИКАЦИИ ПЕРЕМИРИЯ В МАЛЬМЁ И ВОССТАНИЕ 18 СЕНТЯБРЯ ВО ФРАНКФУРТЕ-НА-МАЙНЕ

Ратификация Франкфуртским парламентом договора о перемирии с Данией

14 сентября началось обсуждение выводов парламентской комиссии по вопросу о перемирии. В самой комиссии не было достигнуто единства, и на обсуждение парламента были представлены два предложения. Большинство комиссии в составе 12 членов (Р. Блюма, Трюцшлера, Дальмана и др.), как и раньше, предлагало Собранию отказаться от ратификации перемирия и, если Дания не начнет немедленных переговоров о мире, продолжать войну; меньшинство (Дункер, М. Гагерн и др.) предлагало ратифицировать договор, внеся в него некоторые изменения.

Чтобы добиться желательных для них результатов голосования, правые приложили все силы для привлечения на свою сторону шлезвиг-гольштинских депутатов. Это удалось благодаря тому, что последние боялись опереться на демократическое движение в Шлезвиге и раболепствовали перед прусской военщиной и прусским двором. Страшась разрыва с Пруссией, эти депутаты проявили полную неспособность противостоять усиленному нажиму и всяческим угрозам со стороны правых. В результате правым удалось инсценировать внесение «компромиссного» предложения о ратификации перемирия с Данией... самими шлезвиг-гольштинскими депутатами. Франке, Дройзен, Михельсен и Неергард выступили с предложением—не препятствовать более проведению в жизнь условий перемирия и, в связи с этим, уполномочить центральное правительство заключить перемирие с Данией на основе ее заявления о готовности внести в договор от 26 августа некоторые изменения.

В течение трех дней шло обсуждение вопроса о перемирии. Наконец, 16 сентября Франкфуртское собрание большинством в 21 голос приняло внесенное шлезвиг-гольштинцами предложение и тем самым отменило свое прежнее решение.

«Национальное собрание вынесло решение: оно произнесло себе и созданной им так называемой центральной власти *смертный приговор*,— писал Энгельс по получении первых же сообщений о результатах голосования 16 сентября.— Если бы Германия имела своего Кромвеля, последний не преминул бы вбежать и крикнуть: „Вы не парламент! Именем бога, убирайтесь отсюда!"»[1]

Под свежим впечатлением этого жалкого исхода столь шумных прений в издававшейся Робертом Блюмом демократической «Газете рейхстага» были опубликованы бичующие стихи по адресу франкфуртских парламентариев:

Семьдесят пять бюрократов —
Много слов, а дела нет!
Семьдесят пять аристократов —
Родина, ты предана!
Семьдесят пять профессоров —
Родина, ты погибла!

Массовое движение протеста против ратификации перемирия

Решение Франкфуртского собрания об утверждении перемирия с Данией вызвало сильнейшее возмущение в демократических кругах Германии. 16 сентября, при первых же сообщениях о результатах голосования, в ряде городов начались массовые собрания, на которых принимались обращения к Национальному собранию с требованием немедленной отмены решения о перемирии.

Возмущение предательской политикой Национального собрания было столь велико, что в демократических кругах оживленно обсуждался вопрос о необходимости разгона Франкфуртского парламента, об упразднении временного центрального правительства и образовании нового, революционного правительства. В качестве возможных его членов назывались Трюцшлер, Симон, Брентано, Струве, Ицштейн, Ю. Фребель и другие демократы.

Особенно напряженным было положение в самом Франкфурте. Уже вечером 16 сентября перед парламентом и на близлежащих улицах собрались рабочие, члены демократических союзов Франкфурта и его окрестностей. Повсюду слышались угрозы по адресу большинства парламента, особенно депутатов центра, изменивших свою первоначальную позицию и потому более других повинных в принятии позорного решения 16 сентября. Перед клубом депутатов центра «Вестендхалле» происходили бурные демонстрации протеста: толпа устремилась в помещение клуба, где были выбиты стекла и произведены другие разрушения.

Министр иностранных дел Гекшер, который нес непосредственную ответственность за заключение перемирия с Данией, бежал из Франкфурта в Соден, но там был встречен толпой, осыпавшей его ругательствами и камнями. Из Содена, избегая железных дорог, имперский министр был вынужден пешком отправиться в Гекст, где местные власти, спасая его от народного гнева, инсценировали его «арест».

Вечером 16 сентября депутаты левой и крайней левой фракций парламента собрались в клубе левых в гостинице «Немецкий двор». Историк Циммерман рассказывает, что многие из них заявляли здесь о своем

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 432.

намерении немедленно выйти из состава парламента, опозорившего себя только что принятым решением. Но вожаки левых уговаривали депутатов не совершать никаких «поспешных» шагов и предложили поставить вопрос об организации новых выборов в парламент.

В то же самое время в гостинице «Нюрнбергский двор» происходило объединенное совещание правлений «Франкфуртского демократического союза», «Франкфуртского союза демократов-республиканцев» и основанного в мае «Франкфуртского рабочего союза». Здесь после бурных прений было решено немедленно направить депутацию к представителям левой Франкфуртского парламента в гостиницу «Немецкий двор». Депутация ограничилась, однако, изъявлением симпатий левой фракции и осуждением принятого парламентским большинством решения.

Между тем все улицы, прилегающие к клубу левых, были запружены народными массами, с нетерпением ожидавшими каких-либо решений. В помещение клуба врывались представители от рабочих, прерывая ход происходившего там совещания левых. Роберт Блюм и другие представители левых пытались успокоить взволнованную массу. Они обещали на другой день (17 сентября) созвать народное собрание на большом лугу Пфингствайде в северо-восточном предместье Франкфурта.

В течение всей ночи в помещении «Рабочего союза», в «Зале Гребера», велась работа по подготовке намеченного собрания протеста. Во все окрестные города были посланы гонцы с извещением о собрании.

На другой день в 3 часа дня в назначенном месте собрались десятки тысяч людей. Здесь присутствовали жители Франкфурта, Ганау, Майнца, Гекста и других близлежащих городов и сел. На собрании выступали представители крайних левых, члены клуба «Доннерсберг» — Циц, Шлеффель, Симон, Везендонк и другие. Они призывали к углублению революции, к выходу левых из состава Франкфуртского собрания, к его роспуску и образованию нового, подлинно революционного парламента. Когда кто-то предложил послать от имени собрания адрес Франкфуртскому парламенту, в толпе раздались крики: «Никаких адресов!» В своем выступлении Циц заявил, что «посредством адресов невозможно ничего достигнуть: адреса будут положены под сукно и над ними будут смеяться; теперь нужно действовать путем насилия». Выступавший на собрании Симон призывал народ отозвать из Франкфуртского парламента показавших свою несостоятельность депутатов и освободить в соборе св. Павла места для подлинных представителей народа. «Почему вы не организуете собраний избирателей? Почему не заявляете торжественно этим депутатам, что они обманули ваше доверие? Почему не посылаете во Франкфурт свои депутации, чтобы отозвать этих не оправдавших доверие депутатов?» — спрашивал он.

Собрание на Пфингствайде приняло резолюцию следующего содержания: «Народное собрание во Франкфурте-на-Майне, состоявшееся 17 сентября, на котором присутствовало около 20 тысяч человек, постановляет: 258 депутатов, составляющие большинство Национального собрания, утвердившие 16 сентября позорное перемирие, являются изменниками немецкого народа, его свободы и его чести». Специально избранной депутации было поручено передать эту резолюцию Франкфуртскому собранию.

В тот же день в «Зале Гребера» собрались представители «Франкфуртского союза демократов-республиканцев», «Франкфуртского рабочего союза» и других демократических организаций, а также представители гражданского ополчения. Здесь была избрана делегация для сообщения парламенту решения, принятого на народном собрании. В 7 часов вечера была снова послана депутация к представителям демократической левой, в гостиницу

«Немецкий двор», где в это время происходило совещание под председательством Карла Фогта. Депутация выдвинула перед левыми требование, чтобы они открыто солидаризировались с поднимающимися на борьбу народными массами, вышли из состава Франкфуртского собрания и образовали новый, независимый парламент, который объявил бы свои заседания перманентными. «Если левые выйдут из состава этого рабского парламента и конституируются самостоятельно, мы будем их защищать не на жизнь, а на смерть,— заявил один из членов этой депутации.— Если же левые этого не сделают, народ будет считать их столь же лишенными чести, как и большинство парламента; новая революция совершится помимо левых и уничтожит их так же, как это произошло с партией центра и с правыми».

Однако только 19 представителей крайней левой и один представитель левой (историк Циммерман) выразили готовность принять эти требования. Роберт Блюм и другие представители мелкобуржуазной демократии считали возможным оказать сопротивление реакционному большинству Франкфуртского парламента, но ...допускали только мирные, легальные средства.

Тем временем вновь назначенный главой имперского министерства Шмерлинг, в тесном контакте с военным министерством, готовился к подавлению народного движения. Контрреволюция ставила своей целью спровоцировать вооруженные столкновения, чтобы затем подавить народное восстание, обескровить демократическое движение и создать себе ореол «спасителей от грозной красной опасности». Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что уже за день до начала вооруженной борьбы имперское правительство вызвало из Майнца воинские части для расправы с народными массами. Несколько батальонов прусских и австрийских войск прибыли во Франкфурт в ночь на 18 сентября и находились в полной боевой готовности.

17 сентября на экстренном совещании министров Шмерлинг заявил: «Имейте в виду, господа, что либо восставшие перевешают нас, либо мы должны их перевешать,— выбирайте одно из двух».

Народное восстание во Франкфурте 18 сентября

Утром 18 сентября вокруг собора св. Павла были сконцентрированы значительные военные силы. Когда депутаты явились на заседание, они увидели, что все входы в собор пестрят мундирами прусских и австрийских солдат. Солдатами было заполнено и расположенное напротив парламента здание франкфуртской биржи. В тот же день, с раннего утра на площади у здания парламента появились толпы народа, бросавшие по адресу большинства, голосовавшего за утверждение перемирия, весьма нелестные эпитеты и угрозы. Вскоре на площади появилась депутация для передачи парламенту решения массового народного собрания на Пфингствайде. Члены депутации пытались пробраться в парламент через северный вход, но солдаты начали штыками оттеснять толпу. Это вызвало среди собравшихся взрыв негодования. На площади и прилегающих улицах раздавались призывы к оружию, к баррикадной борьбе, к изгнанию из города ненавистных пруссаков. Депутации так и не удалось проникнуть в здание парламента и лично вручить Собранию декларацию собрания на Пфингствайде. Только в конце утреннего заседания председатель Генрих фон Гагерн удосужился довести до сведения парламента переданное ему обращение народа; по предложению большинства было принято решение — передать этот документ на рассмотрение комиссии петиций.

Среди депутатов уже с утра господствовало большое замешательство. На депутатских скамьях, на трибунах и в кулуарах шли непрерывные

споры о происходящих событиях и о способах ликвидации «нависшей опасности». Многие депутаты считали неминуемым разгон парламента. Представитель левых Рюль выступил с декларацией, подписанной 29 депутатами и гласившей, что большинство Франкфуртского парламента не располагает более доверием народа и что поэтому не позднее 18 октября должны быть организованы новые выборы. Однако левые не решились потребовать роспуска Франкфуртского собрания: они предлагали организовать выборы таким образом, чтобы была соблюдена «преемственность» и чтобы заседания парламента ни на один день не прерывались. Избрание депутата от того или другого избирательного округа должно было сопровождаться автоматическим исключением из парламента прежнего депутата. Большинство парламента отвергло немедленное обсуждение этого заявления левых. Левые внесли также предложение о немедленном выводе из Франкфурта вызванных за последние дни воинских частей на том основании, что концентрация в городе большого количества войск ведет к ограничению свободы прений в парламенте и ослабляет доверие народа к нему; они требовали прервать заседания парламента — впредь до удаления из Франкфурта этих воинских частей. Это предложение также было отвергнуто большинством парламента. После этого, как бы желая показать свое пренебрежение к событиям, происходившим за стенами собора св. Павла, депутаты демонстративно занялись дальнейшим обсуждением «Основных прав германского народа».

По распоряжению Шмерлинга и эрцгерцога Иоганна был издан приказ о введении во Франкфурте осадного положения, о роспуске всех союзов и запрещении всех собраний. В течение дня были вызваны новые воинские части из других городов. Командование войсками, брошенными на подавление восстания, было поручено австрийскому генералу Нобили.

По приказу командования прусские и австрийские войска атаковали баррикады, которые в течение нескольких часов были воздвигнуты на их глазах. Наиболее крупные баррикады были на Фридебергергассе, Альтегассе, Денгесгассе, Аллергайлигенгассе. В восстании участвовали рабочие, подмастерья, некоторые группы мелкой буржуазии и крестьяне окрестных деревень. Постройкой баррикад руководили представители «Франкфуртского рабочего союза» Эсселен, Г. Меттерних, Рейтлинген и др. Восставшие вооружались и превращали дома в опорные пункты борьбы. В постройке баррикад принимали деятельное участие женщины и даже дети, подносившие камни и песок.

На некоторых баррикадах были водружены красные флаги. Восставшие мужественно сражались, упорно отражая натиск превосходящих прусских и австрийских войск. Они возлагали надежды на демократическую фракцию Франкфуртского парламента, но она и в этот критический момент проявила полную растерянность и неспособность возглавить движение. Только небольшая группа крайних левых — Шлеффель, Циц и другие — высказалась за присоединение к восставшим.

В разгар уличной борьбы ряд представителей левого и крайнего левого крыла — Шлеффель, Симон, Трюцшлер, Рюль, Карл Фогт и М. Гартман — выступили в качестве посредников между восставшими и представителями имперских властей. Эти депутаты обратились к эрцгерцогу Иоганну с просьбой отозвать войска, но в ответ получили лишь неопределенные обещания. После переговоров с генералом Нобили было достигнуто соглашение — заключить перемирие на полтора часа.

С большим трудом депутация пробиралась к баррикадам. «Мы находились под сильным перекрестным огнем,— рассказывает М. Гартман.— Восставшие стреляли из окон многих домов, а также с двух больших баррикад... Множество пуль ударялось перед нами о мостовую,

так как выстрелы производились сверху. Солдаты были расположены отдельными отрядами как впереди, так и позади нас. Ни белые платки, которыми мы размахивали, ни возгласы, ни уговоры не помогали».

Бойцы баррикад сначала и слышать не хотели о перемирии. «Мы решили пасть на баррикадах»,— заявил один из них в ответ на увещания Симона и Трюцшлера, напоминавших о многотысячных воинских частях, направленных против восставших, о прибывшей в город артиллерии, о неизбежности поражения.— После того как Национальное собрание предало честь Германии, мы не хотим больше жить и разделять с ним позор. Мы хотим умереть, подобно нашим братьям, с оружием в руках!»

Подавление Франкфуртского восстания

Кратковременное перемирие сыграло наруку лишь правительству, которое использовало передышку для концентрации новых воинских частей. К вечеру 18 сентября во Франкфурте находилось уже свыше 12 тыс. солдат и много артиллерийских батарей, прибывших из Дармштадта и Вюртемберга. Теперь Шмерлинг не нуждался более в «соглашении» и отказался от данного ранее обещания гарантировать амнистию повстанцам. Около 6 часов вечера перемирие было прервано. Против восставших была пущена в ход артиллерия; одновременно войска начали с тыла обходить укрепленные восставшими городские кварталы.

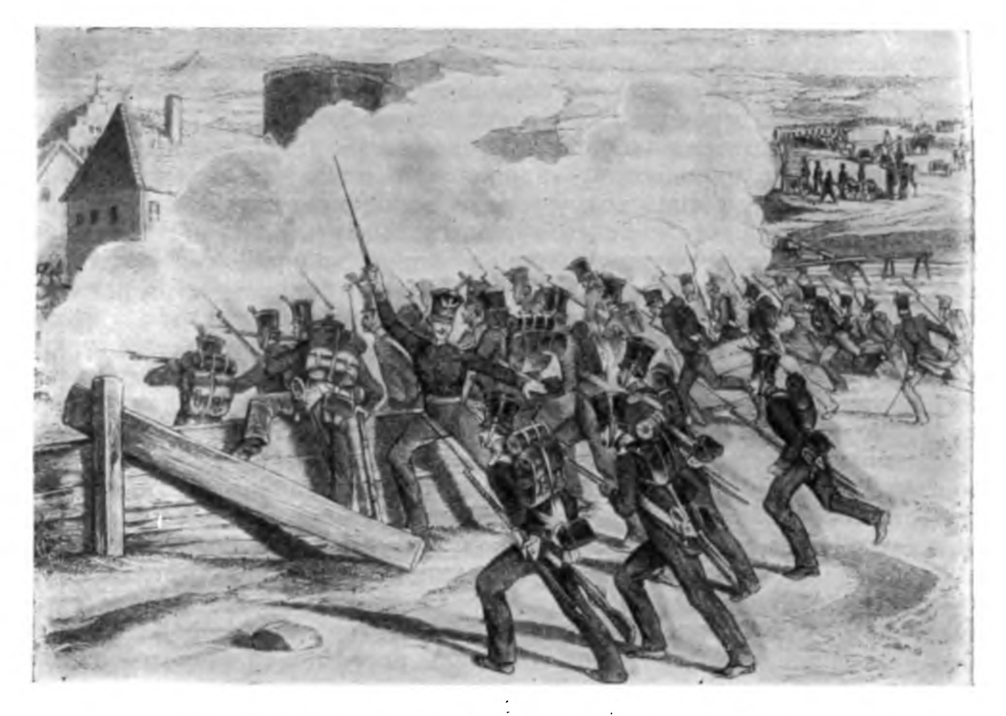
Военные силы правительства всё прибывали. У городских ворот располагались кавалерийские части, которые должны были затруднить подход подкреплений для восставших и лишить их возможности отступить из города в случае поражения. Контрреволюционные слои франкфуртского бюргерства активно содействовали подавлению восстания, предоставляя в распоряжение правительственных войск свои дома в качестве опорных пунктов для обстрела баррикад.

Восставшие сражались геройски. Число баррикадных бойцов не превышало 500 человек, а против них были брошены военные силы, превосходившие их примерно в двадцать пять раз. Особенно упорная борьба развернулась на баррикадах на Аллергайлигенгассе и на Денгесгассе. На первой из этих улиц командовал бойцами гражданского ополчения Арнольд Райнах. Защитники этой баррикады держались до позднего вечера и покинули ее лишь тогда, когда против нее был открыт сильнейший артиллерийский огонь. Ни один из сражавшихся на этой баррикаде не сдался в плен. Построенную в сквере Фогельгезанг небольшую баррикаду пять рабочих защищали в течение трех часов против 200 солдат. Стойкое сопротивление было оказано восставшими и в других частях города.

«С холодным спокойствием и презрением к смерти защищали они еще около часа последнюю и крупнейшую из баррикад, расположенную наискось через Шнургассе от Цигельгассе к Нюрнбергскому дворцу,— рассказывает Циммерман.— Здесь командовал красивый молодой рабочий из Гейдельберга в черной бархатной куртке. Направо и налево в домах засели блузники, принадлежавшие, повидимому, к самым решительным и фанатичным. Когда командир взмахивал шпагой, из 22 ружей сверкал огонь. И перед баррикадой и позади нее рабочие видели врагов, но продолжали сражаться...»

Борьба прекратилась только в 10 с половиной часов вечера, когда все патроны были израсходованы. Восстание было подавлено. Восставшие потеряли несколько десятков человек убитыми и около полутораста человек ранеными. Потери со стороны войска были более значительны.

Немедленно после подавления восстания во Франкфурте и его окрестностях начались массовые обыски и аресты. «Здесь царит порядок, 250 пленных отправлены в Майнц, по всей области происходят обыски.

ВЗЯТИЕ ШТАУФЕНА БАДЕНЦАМИ 23 СЕНТЯБРЯ 1848 г.
Ксилография 1848 г.

Город подобен военному лагерю,— с удовлетворением писал в эти дни своей жене Бассерман.— Все говорят, что без Шмерлинга Национальное собрание погибло бы».

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ВОССТАНИЯ В ДРУГИХ ЧАСТЯХ ГЕРМАНИИ В СЕНТЯБРЕ 1848 Г.

Республиканское восстание в Бадене в сентябре 1848 г.

Франкфуртское восстание нашло живой отклик в других городах и селениях Германии. Одним из таких откликов явились события, разыгравшиеся вслед за франкфуртским восстанием в Бадене, где еще были свежи воспоминания об апрельском республиканском походе Геккера и Струве. Известия о позорном решении, принятом 16 сентября большинством Франкфуртского парламента, послужили поводом к созыву массовых народных собраний в Маннгейме и других баденских городах. Баденские демократы усилили свою пропагандистскую деятельность. Сотни республиканцев — участников апрельского восстания — еще томились в тюрьмах; несмотря на настойчивые требования народных масс, Франкфуртское собрание отказывало им в амнистии.

Имя Геккера попрежнему пользовалось большим уважением в народных массах. Франкфуртский парламент вынес решение о признании депутатского мандата Геккера недействительным. Однако летом 1848 г. он был вторично избран в Тиенгене. Издававшаяся Геккером в Швейцарии газета «Друг народа» находила в Юго-Западной Германии широкое распространение. Однако в сентябрьские дни Геккер не принимал уже непосредственного участия в революционном движении. Под влиянием понесенного в апреле 1848 г. поражения он еще в августе решил эмигрировать и в конце сентября уехал из Германии.

Тесные связи с демократическим движением в Юго-Западной Германии поддерживал осенью 1848 г. другой руководитель баденского апрельского восстания Густав Струве, находившийся в Базеле. По получении известий об утверждении перемирия с Данией Струве выступил в своей газете «Немецкий наблюдатель» («Deutscher Beobachter») с разоблачением политики Франкфуртского парламента. «Германский парламент более не существует, существует лишь возмущенный народ и враждебная ему шайка негодяев!» — писал он, призывая немецкий народ к новому восстанию. 21 сентября во главе группы находившихся в Швейцарии баденских демократов Струве перешел швейцарскую границу и появился в пограничном городе Лёррахе. На следующий день, рассчитывая на победу франкфуртского восстания и разгон Франкфуртского собрания, Струве, при поддержке вооруженных отрядов баденских демократов и сочувствующего ему местного гражданского ополчения, провозгласил Германскую республику. Созданное в Лёррахе временное правительство издало ряд указов: о ликвидации феодальных повинностей и выкупных платежей, о прекращении уплаты налогов государству и церкви, о введении прогрессивно-подоходного налога, о переходе земельной собственности, принадлежавшей контрреволюционной части помещиков, а также церкви и государству, в руки общин; на представителей местной буржуазии была наложена контрибуция. В изданных Струве прокламациях выдвигались лозунги «социальной республики, благосостояния, образования и свободы для всех». Эти радикальные лозунги способствовали росту популярности организованных Струве и его сторонниками революционных отрядов и некоторому увеличению их численности; по имеющимся сведениям, количество бойцов в них достигло вскоре нескольких тысяч.

Для расширения влияния республиканцев Струве стремился овладеть Фрейбургом, куда были направлены две колонны повстанцев. Воинские части под командованием баденского генерала Гофмана двинулись наперерез этим революционным отрядам и напали на них вблизи Штауфена. Струве, Блинд и другие руководители восставших поспешили ввести свои отряды в город и 24 сентября призвали его население к обороне против наступавших правительственных войск. В городе были построены баррикады, мост через реку был разрушен. Войска генерала Гофмана осадили город и повели развернутое наступление на революционные отряды. Штауфен был взят штурмом, многие участники движения были убиты, многие взяты в плен и расстреляны. Струве, Блинд и остальные руководители демократического движения бежали к швейцарской границе, но были арестованы и преданы военному суду.

В конце сентября возникли волнения еще в некоторых городах Южной и Западной Германии. В Роттвейле, Шрамберге и других городах области Верхнего Неккара была сделана неудачная попытка поднять восстание под руководством демократа Рау. Здесь широко распространялись агитационные листовки от имени республиканского Народного комитета. На массовом народном собрании в Роттвейле Рау провозгласил республику. Он ждал поддержки от демократических организаций других городов, но его надежды не оправдались. Вскоре Рау был арестован и приговорен к 13 годам заключения в крепости.

В Вюртемберге революционное движение охватило часть армии. Находившиеся в Гейльбронне пехотные части предъявили командованию ряд требований. Вожаки восставших были арестованы, воинские части разоружены; 60 солдат были преданы военному суду.

В Дюссельдорфе республиканский клуб принял благодарственный адрес героям франкфуртских баррикад.

События в Кельне В сентябре 1848 г. резко обострилась политическая борьба и в Кельне. 13 сентября, по инициативе «Новой Рейнской газеты», в Кельне было организовано массовое народное собрание, на котором выступил Энгельс. Здесь, по предложению Вильгельма Вольфа, был избран Комитет безопасности из 30 человек. В состав Комитета входил Маркс. На собрании распространялись «Требования Коммунистической партии в Германии».

17 сентября, по инициативе редакции «Новой Рейнской газеты» и кельнского «Рабочего союза», в селении Ворринген, недалеко от Кельна, было созвано народное собрание, на котором присутствовали также делегаты из Дюссельдорфа, Крейфельда и других рейнских городов и крестьяне окружных деревень. Секретарем собрания был избран Энгельс, председательствовал Шаппер. Здесь был утвержден состав кельнского Комитета безопасности. По предложению Энгельса было принято обращение к прусскому Национальному собранию и Франкфуртскому парламенту, в котором выражался решительный протест против перемирия с Данией.

После кровавого подавления франкфуртского восстания прусские контрреволюционеры главной своей задачей считали разгром демократического и рабочего движения в Рейнской области, где находилось руководство «Союза коммунистов» и издавалась «Новая Рейнская газета».

24 сентября в Кельне должен был состояться второй рейнский съезд демократических обществ, но власти арестовали трех его организаторов — Шаппера, Беккера и Молля. «Новая Рейнская газета» призвала массы быть бдительными и не поддаваться провокационной политике властей.

На состоявшемся 25 сентября народном собрании кельнские демократы горячо протестовали против вызывающих действий реакции. Атмосфера была столь наэлектризованной, что массы, узнав о приближении прусских войск, бросились строить баррикады[1].

На другой день в Кельне было объявлено осадное положение. Рабочие организации и демократические союзы были запрещены. Одновременно было распущено сочувствовавшее народу гражданское ополчение, был приостановлен выход «Новой Рейнской газеты» и отдан приказ об аресте ее редакторов.

После подавления восстания во Франкфурте и последовавших затем республиканских восстаний в других городах имперское правительство обрушило на повстанцев град репрессий. Сотни взятых в плен баррикадных бойцов были заключены в тюрьмы и отданы под суд. Вскоре было возбуждено судебное следствие против представителей крайнего левого крыла Франкфуртского парламента — Цица, Шлеффеля, Везендонка, Симона и др.

22 сентября имперское министерство юстиции обратилось ко всем германским правительствам с предписанием об усилении полномочий местных властей для обеспечения в стране «охраны порядка и законности». Одновременно в парламент был внесен законопроект о мерах для охраны Национального собрания и представителей временного центрального правительства. Всякое нападение на парламент или отдельных его членов квалифицировалось как государственная измена и подлежало тяжелой каре. Во время заседаний Национального собрания запрещались всякие собрания под открытым небом не только в самом Франкфурте, но и в пятимильной зоне вокруг него. Наряду с этим были приняты меры для увеличения воинских гарнизонов. Франкфуртский парламент принял позорное решение — одобрить репрессивные мероприятия имперского правительства и выразить благодарность воинским частям, участвовавшим в подавлении восстания.

---

[1] Об этих событиях см. подробнее в главе 36, стр. 655.

Причины поражения революционных восстаний в сентябре 1848 г.

Франкфуртское восстание — одно из первых крупных столкновений между силами революции и силами контрреволюции в Германии, ставших неизбежными осенью 1848 г. Оно явилось выражением стихийного протеста народных масс против предательского поведения большинства Национального собрания, против контрреволюционной политики германской либеральной буржуазии, вступившей в союз с дворянством и военщиной.

«Новая Рейнская газета» открыто солидаризировалась с франкфуртскими повстанцами. В своей замечательной статье, написанной на другой день после подавления франкфуртского восстания, Энгельс указывал, что ожесточенность борьбы во Франкфурте, в Вене, Париже, Берлине, Лондоне и Милане объясняется тем, что «дело идет о *свержении политической власти буржуазии*...». «И во Франкфурте,— подчеркивал Энгельс,— борьба против парламента объединенных юнкеров и буржуа велась под красным знаменем»[1].

Главной причиной поражения франкфуртского восстания являлось отсутствие массовой пролетарской партии, способной подготовить восстание, вовлечь в него широкие слои трудящихся города и деревни.

Представители франкфуртской левой показали свою неспособность и свое нежелание стать во главе восставших масс. Это целиком вытекало из самой их оценки франкфуртского восстания. В воззвании «К немецкому народу», опубликованном в «Газете рейхстага» через несколько дней после подавления восстания, представители франкфуртской левой давали событиям отрицательную оценку. «Это восстание не может быть оправдано. Без плана, без подготовки, без руководства, без необходимых связей и без разумной оценки сил обороны и нападения — оно было бесцельным и возникло под влиянием момента, как плод отчаяния»,—писали они.

Что касается крайней левой, которая все же пыталась стать во главе восстания, то она была слишком малочисленна и не смогла обеспечить должной подготовки и должного руководства восстанием. Руководители восстания не выдвинули перед массами таких целей борьбы, в которых общеполитические лозунги сочетались бы с социальными лозунгами, с борьбой за разрешение основных задач революции, за ликвидацию феодального гнета, за улучшение положения широких слоев трудящихся.

Несмотря на наличие большого горючего материала в Юго-Западной и Западной Германии, в особенности среди крестьян, все еще отягощенных многочисленными феодальными повинностями, эти резервы не были использованы; не была установлена связь с демократическим движением в городах и не была организована поддержка франкфуртского восстания извне. Историк Циммерман указывает, что в некоторых городах Юго-Западной Германии (Ганау, Оффенбахе и др.) бойцы гражданского ополчения, члены рабочих и демократических организаций были вооружены и лишь ждали сигнала из Франкфурта, чтобы подняться на помощь восставшим; возможность переброски подкреплений во Франкфурт облегчалась тем, что железные дороги функционировали почти без перебоев.

Однако руководители франкфуртских левых, считая восстание заранее обреченным на поражение, не только не организовали прибытия подкреплений во Франкфурт-на-Майне, но сознательно удерживали их на местах. Когда в Ганау прибыли гонцы с просьбой прислать подкрепления, восставшие рабочие Ганау и бойцы гражданского ополчения заявили, что

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 456.

как только они получат письменный вызов за подписью Трюцшлера или кого-либо другого из известных им представителей левых, они немедленно отправятся во Франкфурт. Однако этот вызов получен не был, и представитель левых, бургомистр Ганау демократ Рюль, посоветовал рабочим воздержаться от поездки во Франкфурт и от участия в вооруженной борьбе.

Отсутствие сколько-нибудь значительных подкреплений извне увеличило перевес военных сил контрреволюции над боевыми силами восставших. Военные власти, бросившие на подавление восстания свыше 10 тыс. солдат, широко использовали также поддержку со стороны франкфуртской буржуазии и реакционной части мещанства.

Подавление франкфуртского восстания и других революционных выступлений в сентябре 1848 г. способствовало дальнейшему укреплению сил контрреволюции. Своей позорной ролью в подавлении сентябрьского восстания Франкфуртское собрание и созданное им центральное правительство были полностью скомпрометированы и вызвали глубокое возмущение в народных массах Германии.

Подавлением восстания во Франкфурте-на-Майне и революционных волнений в Бадене, Вюртемберге, Кельне в сентябре 1848 г. контрреволюционные силы подготовляли очередные тяжелые удары по революции.

Глава тридцать пятая

ОКТЯБРЬСКОЕ ВОССТАНИЕ В ВЕНЕ. ПОБЕДА КОНТРРЕВОЛЮЦИИ В АВСТРИИ (НОЯБРЬ 1848 г. — МАРТ 1849 г.)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В АВСТРИИ НАКАНУНЕ ОКТЯБРЬСКОГО ВОССТАНИЯ

В октябре 1848 г. в Вене вспыхнуло народное восстание, имевшее столь же решающее значение для Австрии и Германии, как и июньское восстание парижских рабочих для Франции[1]. Как уже было сказано выше, австрийскому правительству удалось в августе 1848 г. натравить буржуазную национальную гвардию на венских рабочих и тем самым сломить единство революционных сил, ослабить революционный лагерь. После августовского кровопролития контрреволюционная камарилья еще более обнаглела. Поведение крупной австрийской буржуазии укрепляло уверенность камарильи в ее победе над силами революции в предстоявших решающих боях.

Крупная буржуазия всё более правела и сближалась с дворянством. 15 сентября был создан «Конституционно-монархический союз», основной целью которого было укрепление контрреволюционного блока крупной буржуазии и земельной аристократии. Союз вел яростную агитацию против демократов. Обе стороны ожесточенно боролись между собой, что отразилось и на национальной гвардии. Из нее выделились «черно-желтые отряды», состоявшие главным образом из жителей центральных, буржуазно-аристократических районов Вены — Леопольдштрассе, Ландштрассе, Альтсерского предместья. Эти отряды действовали в полном единении с правительственными войсками.

Демократические части национальной гвардии, которые были укомплектованы жителями пригородов, особенно Видена и Нейбау, примкнули к Академическому легиону и в дальнейшем выступали против сил контрреволюции. Но внутри Академического легиона происходило размежевание умеренных и радикальных элементов: в то время как правые элементы легиона стремились удержаться на конституционных позициях, его левое крыло всё более склонялось к революционным методам борьбы.

Контрреволюционные настроения крупной буржуазии Австрии отразились и на отношении рейхстага к происходившей тогда войне Елачича против Венгрии. Рейхстаг объявил о своей солидарности не с

[1] См. К. Маркс. Избр. произв., т. II, 1940, стр. 80.

революционно-демократическими массами Венгрии, а с их заклятым врагом — хорватским баном Елачичем.

Между австрийским императором и Елачичем уже существовала прочная связь. Елачич систематически получал материальную помощь от австрийского военного министра барона Латура. Связь Елачича с императорской камарильей долго хранилась втайне.

«Венгерские дела очень скоро дали повод открыто высказать те принципы, которыми контрреволюционная камарилья собиралась руководствоваться в своих действиях»[1].

29 сентября между венграми и Елачичем произошло сражение при Шукоро, в результате которого войско Елачича было разбито. Елачич приказал отступать к австрийской границе[2]. Здесь Елачич надеялся произвести перегруппировку своих войск, получить подкрепления от австрийского правительства и начать новое наступление на Венгрию. Однако ход событий заставил хорватского бана изменить свои планы.

3 октября был опубликован императорский указ, объявлявший о роспуске венгерского сейма и назначавший Елачича императорским комиссаром в Венгрии. Военное министерство в Вене приступило к организации срочной помощи Елачичу, только что потерпевшему поражение в боях с венграми. Одновременно, в первых же числах октября, камарилья попыталась укрепить свои позиции в Вене. С 1 октября венскую национальную гвардию возглавлял генерал Бехтольд, крайний реакционер. Во главе венского гарнизона был поставлен другой ярый враг революции, генерал граф Ауэршперг.

5 октября последовал приказ об отправке в Венгрию немецкого гренадерского батальона под командованием Рихтера и частей армии Радецкого. Но гренадеры, сочувствовавшие революционной Венгрии, направили Латуру письмо с просьбой об отмене приказа. В ночь на 6 октября множество рабочих и национальных гвардейцев, которым стал известен приказ военного командования, собралось в районе расположения батальона Рихтера, в Гумпендорфе, и установило контакт с солдатами. Во всех рабочих предместьях Вены, особенно в Гумпендорфе, Мариагильфе и Нейбау, раздавались призывы к восстанию. К гумпендорфским казармам подходили вооруженные гвардейцы, студенты, рабочие. Повсюду происходило братание народа с гренадерами. Известие о том, что военный министр настаивает на проведении в жизнь своего приказа, вызвало еще большее возбуждение в массах. Военное командование решило вывести гренадер из Вены под охраной верных правительству кавалерийских частей.

НАЧАЛО ВОССТАНИЯ В ВЕНЕ

Сражение на Таборском мосту

К 6 часам утра 6 октября, в тот момент, когда поезд с гренадерами должен был отойти с Северного вокзала, массы национальных гвардейцев, рабочих и студентов Академического легиона окружили вокзал, чтобы помешать отправке батальона. В нескольких местах был разрушен железнодорожный путь. Командование отдало новый приказ — препроводить гренадер до станции Генцендорф под конвоем в пешем порядке, но и это оказалось невозможным из-за сопротивления, оказанного народом. Сами гренадеры

[1] К. Маркс. Избр. произв., т. II, 1940, стр. 83.

[2] Подробнее о военных действиях между венгерской армией и войсками Елачича см. главу сороковую.

еще по пути к вокзалу барабанным боем призывали к себе на помощь гражданское население. Отказавшись принять участие в войне против революционной Венгрии, большинство гренадер присоединилось к окружавшим их народным массам.

На Таборском мосту произошло первое кровопролитное столкновение между народом и правительственными войсками. Как только властям стало известно, что народ сопротивляется отправке войск, на место происшествия были направлены верные правительству части: Нассауский батальон пехоты, несколько эскадронов кирасир и легкой конницы, отряд сапер и три пушки. Во главе всех этих частей стоял генерал-майор Гуго фон Бреди.

Появление крупных военных частей и артиллерийских орудий не поколебало решимости народа.

В стремительной схватке с солдатами генерала Бреди почти безоружные люди, главным образом рабочие, действовавшие под руководством сотрудника газеты «Конституция» Макса Грицнера, завладели пушками. Это был момент наивысшего подъема движения. К восстанию присоединились и крестьяне из окрестных деревень, вооруженные лопатами, мотыгами, косами и серпами. Вскоре количество восставших достигло нескольких тысяч. После непродолжительной, но кровопролитной борьбы победа оказалась на стороне народа.

Около часу дня победители с триумфом вступили в центр города. Впереди шли гумпендорфские гренадеры, сопровождаемые студентами и рабочими. Победители везли две трофейные пушки, а также шляпу и саблю генерала Бреди, убитого в бою.

Сражение на Стефанплатце

События продолжали развиваться. Новое сражение произошло уже в самом центре города — на Стефанплатце.

Буржуазные части национальной гвардии пытались преградить революционным массам доступ из пригородов в центр города и оцепили собор св. Стефана, чтобы не дать возможности набатом призвать народ к общему восстанию. Когда рабочие предместий, в первую очередь Видена, не подозревая о засаде, прорвались в центр города и достигли Стефанплатца, контрреволюционные группы национальной гвардии открыли по ним огонь из собора и соседних зданий. Несмотря на значительные потери, виденцы атаковали собор и вскоре выбили буржуазных гвардейцев из их укрытий. Рабочие и студенты проявляли чудеса храбрости. Военный министр направил на площадь св. Стефана правительственные войска, но ко времени их прибытия с «черно-желтыми» было уже покончено. Повстанцы, однако, не сумели закрепить свои первоначальные военные успехи. Очистить всю Вену и даже одну только центральную часть города от правительственных войск им так и не удалось.

Поведение правительства в начале восстания

Как только правительству стало известно о событиях на Таборском мосту, срочно был созван совет министров. Правительство. начиная с 13 сентября, стремилось спровоцировать массы на восстание и объединить правительственные войска с контрреволюционной частью национальной гвардии, чтобы совместно разгромить демократические силы. Таким образом, столкновение не было неожиданным. Основным вопросом, обсуждавшимся в совете министров, было выяснение количества надежных войск. Командующий войсками, выделенными для охраны столицы, барон Дюбайне, докладывал совету министров, что национальная гвардия пригородов ненадежна. Сообщение Дюбайне произвело на министров удручающее впечатление. Воинствующий реакционер Латур решительно возражал против каких-либо уступок народу. Он готов был вывести войска из го-

рода, чтобы уберечь их от влияния народа, и, временно оставив Вену в руках повстанцев, ждать подкреплений, с которыми можно было бы начать наступление на охваченную революцией столицу (подобный план предлагал Луи Филиппу в февральские дни 1848 г. Тьер, впоследствии осуществивший его в 1871 г.).

Правительство пыталось лавировать. Оно опубликовало обращение к национальной гвардии с призывом прекратить «братоубийственную борьбу». Однако этот призыв не имел успеха. В различных районах города стихийно возникали баррикады — вблизи военного министерства, около университета, на Грабене и в некоторых других местах. Баррикад было меньше, чем в майские дни, но они окружали кольцом центральные районы города и образовали почти сплошную цепь позиций, на которых скоплялись революционно настроенные массы народа.

Поведение рейхстага в день 6 октября

Рейхстаг бездействовал. Депутаты левой требовали активного вмешательства в события, но они говорили не о поддержке восстания, а о посредничестве между сторонами для прекращения кровопролития. Депутат Кудлих грозил «страшной революцией», если рейхстаг снова, как это было 13 сентября, не встанет между враждующими силами.

Под давлением левой рейхстаг открыл, наконец, заседание. Председательствовал вице-президент Смолка. Рейхстаг попытался спасти военного министра от угрожавшей ему опасности со стороны восставшего народа. Делегация в составе Борроша, Смолки и других с белым флагом направилась к военному министерству, чтобы уговорить народ разойтись. Попытка спасти злейшего врага народа от справедливого возмездия потерпела неудачу. Рабочие и национальные гвардейцы ворвались в здание министерства. Латур был схвачен и убит, а труп его повешен на фонаре. В этот момент во дворе министерства находилась рота пехоты. Однако военный министр возбудил против себя такую жгучую ненависть не только среди рабочих, но и среди солдат, что никто из них не шевельнулся, чтобы спасти его от казни. «Новая Рейнская газета» писала: «Латур громил революцию в Италии, в Венгрии, в Богемии, в Галиции. Теперь народ отомстил ему»[1].

Народная расправа над Латуром повлияла на поведение всех общественных и государственных организаций. И рейхстаг, и Студенческий комитет были сильно напуганы этим событием. Залы рейхстага опустели; большинство депутатов правого крыла и центра вместе с председателем Штробахом бежали. Депутаты левой прилагали все усилия к примирению враждующих сторон. Рейхстаг объявил свои заседания непрерывными, а себя — правомочным принимать решения независимо от количества депутатов, участвующих в голосовании. Это решение давало возможность левым, ввиду дезертирства большей части правых и центра, занять руководящее положение в рейхстаге.

На том же заседании рейхстаг создал из левых депутатов новый Комитет общественной безопасности. В него вошли Виолан, Ленер, Фюстер и некоторые другие. По инициативе Комитета рейхстаг издал приказ управлению железных дорог, запрещавший подвоз войск в Вену, но это чрезвычайно важное мероприятие не проводилось достаточно последовательно. Вся политика Комитета общественной безопасности была двойственной, противоречивой.

Поведение самого рейхстага также было двойственным и трусливым. Он обратился к императору с предложением создать новое министерство

---

[1] «Новая Рейнская газета» от 12 октября 1848 г.

со включением в него бывших министров либералов Добльгофа и Горнбостеля, отменить указ от 3 октября о назначении Елачича императорским комиссаром в Венгрии, дать амнистию участникам восстания в Вене и т. д. Для вручения этого адреса к императору была направлена депутация в составе барона Пиллерсдорфа и князя Любомирского. Император ответил лицемерным обещанием принять все предъявленные ему требования, и рейхстаг удовлетворился этим лживым ответом. Одновременно рейхстаг решил назначить начальником национальной гвардии депутата левой Шерцера (на место реакционера Бехтольда), но Шерцер отказался от предложенного ему поста, и рейхстаг с этим примирился.

Позиция Студенческого комитета в день 6 октября

Двойственной была и позиция Студенческого комитета (руководящего органа венского студенчества и преподавательского состава столичного университета). Он принял ряд радикальных решений — о создании нового министерства с участием депутатов Борроша и Ленера, об аннулировании указа от 3 октября, о выводе правительственных войск из города, об амнистии всем военным, участникам событий 6 октября, о подчинении Радецкого ответственному министерству, об аресте эрцгерцога Людвига и эрцгерцогини Софии. Но эти смелые решения сами по себе еще не говорили о революционной позиции Комитета в эти дни. Ему недоставало твердой политической линии; он колебался то влево, то вправо. Характерен следующий эпизод. Когда один рабочий, участник расправы над Латуром, явился на заседание Комитета и, рассказав о происшедшем, воскликнул: «Разве это не было справедливо?», одобрением ему ответили лишь немногие. Большинство Комитета, подавленное этим известием, заняло по существу контрреволюционную позицию, приняв резолюцию, требовавшую «восстановления порядка» и немедленного принятия «экстренных мер». На заседании была проведена проверка делегатских полномочий членов Комитета, после чего из зала были удалены «нежелательные лица», в том числе и явившийся в Комитет рабочий-революционер. Такое поведение Комитета не могло, конечно, не изолировать его от народных масс.

Штурм цейхгауза

Во второй половине дня усилиями восставших и гренадер, освобожденных народом, внутренняя часть города была очищена от правительственных войск.

Однако повстанцы не считали свое дело законченным. Опыт прошлых месяцев не прошел для них даром; они понимали, что предстоит еще жестокая борьба. Но вооружены они были для этого явно недостаточно: ружья имелись только у Академического легиона, национальной гвардии и гренадер. Основная же по численности и исполненная революционной решительности часть восставших — рабочие — была либо совсем безоружна, либо вооружена самодельными пиками. Чтобы пополнить свое вооружение, народ решил захватить цейхгауз.

К 7 часам вечера огромные массы народа собрались у здания цейхгауза. Его гарнизон состоял из двух рот солдат и реакционных групп национальной гвардии. Весь вечер длился ожесточенный бой. Документы много говорят о героизме участников этого уличного сражения. Приведем один характерный пример. Национальный гвардеец Иоганн Флоссман активно участвовал в бою. С целью склонить гарнизон цейхгауза к переходу на сторону народа, он в полночь отправился один во вражеский лагерь, добровольно взяв на себя роль парламентера. Эта попытка не увенчалась успехом: Флоссмана встретили огнем и не допустили к гарнизону. Он едва не поплатился жизнью и, раненый, возвратился в свой отряд.

Однако мелкобуржуазные руководители движения не обладали мужеством и решительностью рядовых участников восстания. Комитет обще-

ственной безопасности и Студенческий комитет пытались прекратить борьбу и сохранить цейхгауз от разрушения. Рейхстаг был намерен силой разогнать рабочих, осадивших цейхгауз, и воздержался от этого лишь из боязни еще больше разжечь пламя революции.

Бой за цейхгауз становился всё ожесточеннее. Все окна, чердаки и крыши домов, расположенных вблизи цейхгауза, были заняты восставшими, которые вели оттуда ружейный огонь по осажденному зданию. Однако этого было недостаточно, чтобы заставить капитулировать гарнизон, укрывшийся за толстыми стенами цейхгауза. В результате энергичных настояний Студенческий комитет вынужден был предоставить в распоряжение восставших четыре пушки. После трехчасовой канонады в здании была пробита брешь и начался пожар. Тогда рейхстаг обратился к гарнизону цейхгауза с предложением сдаться. Депутатам Кудлиху и Стебницкому, прибывшим на место действия к 3 часам утра, удалось войти в переговоры с осажденными и добиться их капитуляции, которая, впрочем, была уже неизбежна ввиду явного перевеса сил у осаждающих.

По решению рейхстага, всё имущество цейхгауза должно было быть передано в ведение гражданских властей, но победители, не дожидаясь чьего бы то ни было разрешения, ворвались в здание цейхгауза и захватили там 50 тыс. винтовок и много другого оружия.

«Новая Рейнская газета» ликовала: «Победа! Цейхгауз взят! Народ вооружен великолепным оружием»[1].

Соотношение сил после 6 октября. Бегство императора

Несмотря на всю значительность победы народных масс, контрреволюция не была парализована. У нее имелись еще крупные политические резервы. Свою первую задачу контрреволюционный лагерь видел в том, чтобы выиграть время и спасти императорский двор.

7 октября в 7 часов утра император и его двор в сопровождении 6-тысячного отряда войск оставили Вену и направились в Ольмюц (Оломоуц, город в Моравии). Перед своим бегством император опубликовал манифест, которым объявлял войну революционной Вене.

В провинции императорский двор встречали по-разному. В небольшом городке Штеттине хозяин гостиницы Эйдер сделал попытку вернуть императора в Вену; он сообщил о местопребывании императора национальной гвардии города Сен-Пельтена. Но эта попытка не увенчалась успехом, так как городское управление взяло императора под защиту.

Следующим мероприятием контрреволюционной клики было образование крупной военной группировки, верной правительству. Решено было объединить войска генерала Ауэршперга с войсками Елачича.

Ярким показателем растерянности, охватившей в этот момент как господствующие классы Австрии, так и иностранных дипломатов, служат донесения русского посланника Медема из Вены. «Император и императрица,— сообщал он 8 октября Нессельроде,— покинули Шенбрунн и уехали, сопровождаемые отрядом кавалерии и артиллерии. Я уже советовался с нашим шефом, английским послом, по поводу нашего дальнейшего поведения. Мы такого мнения, что нам нет основания задерживаться в этой столице и что мы не можем общаться с министерством, созданным при таких грустных обстоятельствах... Город Вена в настоящий момент всецело во власти Академического легиона и национальной гвардии пригородов. Что же касается гвардии города, то ее не существует».

---

[1] «Новая Рейнская газета» от 12 октября 1848 г.

Однако австрийская контрреволюция и ее монархический центр далеко еще не были разбиты. Они были сильны своим влиянием в армии и среди чиновничества, поддержкой высших классов и, что особенно важно, отсутствием единства в демократическом лагере.

МОБИЛИЗАЦИЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫХ СИЛ

Военные мероприятия контрреволюции

Несмотря на то, что Вена оказалась в эти дни в руках восставшего народа, рейхстаг не стал во главе революционной Вены; наоборот, вся его энергия была направлена на примирение враждующих сторон и возвращение императора в Вену. В первые же дни после его бегства в Оломоуц направились одна за другой депутации рейхстага с выражениями верноподданнических чувств, с петициями и просьбами о возвращении двора в Вену. Депутат Боррош внес предложение о созыве конгресса народов, с которым связывались надежды на восстановление спокойствия в стране. Рейхстаг обратился к императору за разрешением созвать такой конгресс, но тот не ответил на обращение. Поведение императора и тон его манифестов говорили о том, что контрреволюционному лагерю уже удалось многого достигнуть для вооруженного подавления венского восстания.

Тотчас же по прибытии камарильи в Оломоуц началось спешное передвижение и приведение в боевую готовность правительственных войск. Их возглавляли ярые контрреволюционеры — Виндишгрец, Ауэршперг, Елачич. Так была создана 70-тысячная армия, ставшая серьезной угрозой для революционного лагеря. Ядром этой армии явился венский гарнизон, возглавляемый Ауэршпергом, командующим императорскими войсками всей Нижней Австрии. После событий 6 октября он сосредоточил свои войска в центре Вены, в Бельведере, а отчасти и на территории пригородов Мариагильфа и Видена.

Однако положение Ауэршперга и его войск в Вене было чрезвычайно неустойчивым. Он располагал 10 тыс. человек, но имел перед собой массы вооруженных венцев, полных решимости добиться окончательной победы. Положение его усложнялось еще и ненадежностью войск: среди солдат началось разложение, наблюдались мародерство, упадок дисциплины, дезертирство. Имели место и выступления солдат в защиту народа. Таким образом, обстановка в Вене складывалась, казалось бы, благоприятно для революционеров. Однако повстанцы все еще не имели своего единого, централизованного руководства, а рейхстаг вступил в переговоры с Ауэршпергом и тем самым дал ему возможность подготовиться к борьбе.

Установление связи между контрреволюционными армиями

Тем временем была установлена связь между Виндишгрецем и Елачичем. 7 октября специальный курьер привез Виндишгрецу заверение Елачича о скорой помощи. 9 октября армия Елачича появилась в Нижней Австрии. Это была многонациональная армия, состоявшая из немцев, хорватов и сербов, а также галицийских русин и итальянцев. Она была пестра и по своему внешнему виду. Особенно выделялись личные приближенные бана, одетые в разноцветные куртки, красные фески и пестрые плащи и вооруженные турецкими пистолетами. Распропагандированные в самом реакционном духе, офицеры и солдаты Елачича питали ненависть к рабочим и студентам Вены и с нетерпением ждали похода на столицу Австрии.

10 октября произошла встреча Елачича с Ауэршпергом для обсуждения плана совместных действий. Было решено спешно вывести отряды Ауэршперга на соединение с войсками Елачича. 12 октября рано утром войска

Ауэршперга поспешно оставили Вену. Население города восприняло этот уход как вынужденное отступление и открыто выражало свою радость.

В последующие дни войска Елачича и Ауэршперга заняли стратегические позиции вокруг Вены. Юго-восточную окраину Вены заняли войска Елачича, юго-западную — войска Ауэршперга. Войскам Виндишгреца поручалось завершить окружение Вены.

Свидание Виндишгреца с императором. Контрреволюционный заговор

Сам Виндишгрец направился в Оломоуц, где в это время собралось много представителей аристократических фамилий, как немецких, так и славянских, множество австрийских чиновников и представителей католического духовенства. Императорская семья жила во дворце архиепископа. Оломоуц сделался центром контрреволюционных сил. Это был, по определению Энгельса, «австрийский Кобленц». Его поддерживали и многие славянские депутаты рейхстага, лживо изображавшие борьбу с революционной Веной и революционной Венгрией как борьбу славянства с его немецко-мадьярскими угнетателями.

В этой обстановке состоялось свидание Виндишгреца с императором, во время которого были рассмотрены планы действий против революционной Вены. Один план предлагал немедленный роспуск рейхстага, объявление осадного положения во всей стране и наделение Виндишгреца чрезвычайными полномочиями. Другой, более осторожный план, выдвинутый князем Шварценбергом, предусматривал сохранение существующего министерства, но с обязательным отъездом рейхстага из революционной столицы. Принят был этот последний план, и для его осуществления Виндишгрецу, как фельдмаршалу и главнокомандующему всех войск, находящихся на территории Австрийской империи, были предоставлены неограниченные военные полномочия. 16 октября был обнародован императорский манифест, в котором Вена объявлялась «вертепом диких и презренных страстей», центром, где «зачинщикам мятежа удалось укрепить свою узурпированную власть над погруженным в дикий угар городом». Манифест предупреждал, что против Вены направлены крупные силы, возглавляемые Виндишгрецем. Резкий тон манифеста вызвал возражения даже в Оломоуце. В несколько измененной редакции новый манифест, повторявший те же угрозы, был опубликован 19 октября.

Тем временем императорские войска всё более тесным кольцом окружали Вену. Вскоре она оказалась изолированной от всей остальной Австрии. Наступил момент решающей схватки.

ОРГАНИЗАЦИЯ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СИЛ В ВЕНЕ

Попытка создания ландштурма

В ответ на мобилизацию контрреволюционных сил венская демократия предприняла шаги к организации отпора. Одной из важнейших ее союзниц могла быть революционная Венгрия. Большие надежды возлагали венские демократы и на помощь крестьянства. 12 октября депутат Кудлих предложил Комитету общественной безопасности обратиться к провинции с призывом оказать поддержку революционной столице, направить особых уполномоченных в каждую провинцию для организации ландштурма; все здоровые, способные носить оружие мужчины должны были объединиться в отряды и прибыть в Вену для защиты рейхстага и завоеваний революции. Предложение Кудлиха вызвало в рейхстаге многочисленные возражения. Вовлечение в движение крестьянства означало переход от самообороны к активным революционным действиям.

Это пугало многих членов рейхстага. Тем не менее предложение Кудлиха было подвергнуто обсуждению.

Обрисовав тяжелое положение Вены, окруженной контрреволюционными войсками Елачича и Ауэршперга, Кудлих заявил, что надо либо привлечь к защите города население провинции, либо сложить оружие. Депутаты левой голосовали за первое предложение, но они были в меньшинстве. Умеренное большинство, в том числе Фишгоф и Гольдмарк, голосовали против. Либерал Шузелька свое отрицательное отношение к ландштурму выразил в следующих словах: «Если бы я мог думать, что жители сёл действительно поднимутся грозной массой, то я был бы за то, чтобы призвать ландштурм. Однако, господа, крестьяне просто не придут».

Этот вопрос стал предметом бурных дискуссий во всех общественных организациях Вены. Кудлих не был одинок в своем стремлении привлечь крестьянство на помощь Вене. Академический легион и Комитет демократических союзов первыми высказались за привлечение крестьянства к защите Вены. По деревням распространялись революционные прокламации. «Наша свобода в опасности,— писали 7 октября студенты,— город окружен солдатами. Часть вражеских войск перешла на нашу сторону. Но против нас направляются новые войска. К оружию! Только ландштурм может нас спасти. Необходима быстрая помощь. Распространяйте это воззвание по деревням, мобилизуйтесь для помощи нам с той поспешностью, с какой вы только можете!» Через два дня Комитет демократических союзов опубликовал новое воззвание к сельскому населению Австрии: «Братья, спешите к нам на помощь! К оружию, жители деревень! Спасайте честь и свободу города Вены. Если будет свободна Вена, будете свободны и вы!»

Созыва ландштурма требовали также газеты «Радикал», «Конституция» и женское демократическое общество, организованное в эти дни под руководством Каролины Перин. В адресе этого общества рейхстагу говорилось: «Необходимо действовать как можно скорее, каждая минута промедления стоит много жизней... Долой господство солдатчины—таков наш лозунг!»

16 октября к зданию рейхстага явилось до 500 женщин. Они пришли, чтобы поддержать свой адрес. Но и это не подействовало. Предложение об организации ландштурма было отклонено. Даже Виолан, настаивавший на обсуждении адреса женщин, попросил занести в протокол свой отказ от его поддержки. В своих воспоминаниях он следующим образом оправдывал свое поведение: «Вену легко можно было бы спасти, если бы различные партии с самого начала организовали городское и сельское население для отпора реакции. С этой целью должны были быть использованы и демократические массы Венгрии. Однако этого своевременно сделано не было. Момент был упущен».

Поездка Кудлиха по районам Нижней Австрии

Итак, рейхстаг уклонился от вовлечения крестьянства в революционную борьбу. Тем не менее Кудлих с двумя своими сторонниками, студентом Шиндлером и юристом Вуншем, 13 октября по собственной инициативе предпринял поездку по районам Нижней Австрии, призывая крестьян объединиться в отряды и поспешить на помощь Вене. Первым местом выступления Кудлиха и его товарищей было село Кенигштедтен; в тот же день они посетили еще четыре села. В своих выступлениях Кудлих рисовал тяжелое положение Вены и говорил об угрозе возрождения меттерниховского режима. Всюду крестьяне внимательно слушали ораторов и заверяли их в своей готовности «сразиться не только за Вену, но и за свободу всей страны». В Линце Кудлих организовал комитет для пропаганды идеи ландштурма;

были выпущены прокламации с призывом помочь осажденной Вене. В местечке Гмунден после выступления Кудлиха была организована запись добровольцев и составлен отряд из 100 человек. Однако поездка Кудлиха совершалась в тот момент, когда силы контрреволюции уже были приведены в боевую готовность, когда Вена уже была окружена тесным кольцом вражеских войск, когда императорский двор имел несравненно более широкие возможности для агитации среди крестьянства. Все это сказалось на результатах поездки. Последний пункт, куда прибыл Кудлих,— местечко Веклабрюк, оказался, по его собственному выражению, «Ватерлоо ландштурма». Здесь выступил некий доктор Лео с резкими нападками на венских «мятежников». «Если венские мятежники не успокоятся,— заявил он,— надо направиться туда и навести там порядок».

На обратном пути Кудлих всюду сталкивался с противодействием агентов контрреволюции, распространявших манифест императора, заверявший, что все решения 7 сентября, касающиеся крестьянства, остаются в силе, а «все лица, которые утверждают противоположное, являются предателями». Манифест этот сыграл большую роль. Посещая вновь те места, которые всего за несколько дней до того так сочувственно воспринимали его речи, Кудлих встречался с резко изменившимися настроениями.

Таким образом, поездка Кудлиха не увенчалась успехом — создать ландштурм ему не удалось. Причинами этого были, конечно, не только контрреволюционная агитация двора, не только инертное отношение к этому вопросу рейхстага, но и недостаточная организованность сил демократии, а также неумение и нежелание мелкобуржуазных руководителей восстания выдвинуть лозунги глубоких социальных преобразований, радикально изменяющих условия жизни широких трудящихся масс.

Подготовка к обороне Вены

Между тем положение Вены становилось все более угрожающим. Осаждающие армии все ближе придвигались к Вене, и вооруженное столкновение становилось неизбежным.

Для вооруженного отпора врагу необходима была мобилизация всех сил восставших. Но вместо наступательных действий, единственно способных обеспечить успех дела, рейхстаг с самого начала придерживался чисто оборонительной тактики, допустил вывод Ауэршпергом войск из Вены и объединение их с войсками Елачича. В бесплодных переговорах с двором и с Елачичем рейхстаг терял драгоценное время, давая возможность контрреволюции мобилизовать свои силы.

Руководство обороной Вены по распоряжению рейхстага было возложено на начальника национальной гвардии капитана Брауна, занявшего этот пост 9 октября. Но Браун оказался неспособным организовать сопротивление. Кудлих в своих воспоминаниях запечатлел один характерный разговор с Брауном. На вопрос Кудлиха, имеет ли капитан Браун сведения о количестве вооруженных сил Вены, о ее продовольственном снабжении, о возможности наступательных действий, тот ответил: «Я знаю столько же, сколько и вы. Если я сегодня ударю тревогу, то придут только те, кто хочет, а кто не хочет, останется дома... В общей сложности я наберу, пожалуй, тысяч десять... О продовольственной части мы еще вовсе не успели позаботиться... Боевых запасов у нас было бы достаточно, если бы Ауэршперг не опустошил порохового склада... С вылазкой мы просто осрамимся... Я не считаю возможным удержать за собой Вену, это потребовало бы много крови. . Я еще надеюсь, что рейхстагу удастся добиться посредничества императора».

Таковы были настроения, царившие среди руководителей осажденной Вены. Несмотря на боевой дух и желание пролетариев Вены бороться с врагом, беспомощность руководителей и их капитулянтская позиция сыграли пагубную роль. 12 октября Браун был смещен, и на его место был назначен журналист и драматург Мессенгаузер, сын солдата, выслужившийся из рядовых в офицеры. На роль руководителя осажденного города в момент острой борьбы Мессенгаузер не годился. До последнего момента своей жизни он был поглощен литературной деятельностью и даже за день до казни вел в тюрьме переговоры с директором городского театра относительно постановки своей пьесы. Настоящим руководителем мог быть Бем. «Бем, единственный человек,— писал Энгельс,—который мог бы спасти Вену, если ее в то время вообще можно было спасти, почти никому неизвестный иностранец, славянин по происхождению, под бременем всеобщего недоверия отступился от этой задачи»[1].

Однако и на своем скромном посту, как один из военачальников, подчиненных Мессенгаузеру, этот талантливый и смелый польский офицер сыграл очень крупную роль в обороне Вены.

Боевые силы революционной Вены

Основной вооруженной силой революционной Вены была, как уже сказано, национальная гвардия. Она насчитывала 10—12 тыс. обученных и хорошо вооруженных бойцов. Социальный состав национальной гвардии был очень пестрым. В нее входили как трудящиеся, так и среднее бюргерство и крупнособственнические элементы, но после восстания 6 октября влияние последних упало. Возросло влияние мелких торговцев и ремесленников.

Большой активностью отличалась национальная гвардия пригородов Видена, Ландштрассе и некоторых других, где основную массу населения составлял трудовой люд.

Наиболее же решительной и боеспособной силой Вены была мобильная (подвижная) гвардия. Созданная 16 октября Бемом при сильном противодействии рейхстага и Комитета безопасности, она состояла из рабочих и подмастерьев. Воспоминания современников отмечают высокий боевой дух мобильной гвардии в решающие моменты борьбы, ее самоотверженность.

В дни октябрьских боев Академический легион вновь возродился как серьезная боевая сила. Он был организован по факультетам. Во время подготовки к решающим сражениям студенты жили в казармах и были всецело поглощены делом обороны города. Они возглавляли отряды мобильной гвардии, вносили в нее дух дисциплины и организованности, сами проникаясь все более и более революционными настроениями рабочей массы.

«Только Академический легион и рабочие, воодушевленные идеей свободы,— писала «Новая Рейнская газета»,— полны решимости и отважного мужества, необходимых для победы над враждебными армиями. И мир с камарильей невозможен до тех пор, пока легион и пролетариат находятся под ружьем»[2]. О настроениях трудящихся масс революционной Вены писал и Роберт Блюм (в письме от 20 октября): «Воодушевление и воинственный пыл в Вене неописуемы. Каждый час переживаешь годы, когда видишь это душевное величие. Жизнью не дорожат нисколько, спокойно расхаживают на форпостах и перебрасываются пулями точно хлебными шариками после веселого обеда... Особенно достойны удивления рабочие».

[1] К. Маркс. Избр. произв., т. II, 1940, стр. 86.
[2] «Новая Рейнская газета» от 20 октября 1848 г.

АВСТРИЙСКИЕ КРЕСТЬЯНЕ СНАБЖАЮТ ПРОДУКТАМИ РЕВОЛЮЦИОННУЮ ВЕНУ

Литография Р. Б. 1848 г.

Собрание Института Маркса — Энгельса — Ленина. Москва

Значительную роль в обороне Вены играли также добровольческие отряды. Во главе одного из таких отрядов стоял сотрудник газеты «Конституция», ветеран испанской революции 1820—1823 гг. Макс Грицнер. Другой отряд, так называемый «отборный корпус», возглавлял отставной офицер, видный политический деятель Людвиг Гаук. В этот отряд вступили прибывшие в Вену депутаты левой Франкфуртского парламента — Роберт Блюм и Юлиус Фребель. Был организован и особый польский отряд во главе с ближайшими соратниками Бема — Домбровицким и Потоцким.

Вооружение

При наличии в Вене сравнительно значительных вооруженных сил количество боеприпасов было совершенно недостаточно. После взятия цейхгауза революционеры не предпринимали никаких новых попыток обнаружить в городе боевые запасы и использовать их. Между тем в венском предместье Зимmеринг, в так называемом «Новом здании», хранились крупные запасы пороха и снарядов. Охрана «Нового здания» была слаба, и венские демократы без особого труда могли бы захватить здание и вооружиться. Однако это сделано не было.

Восставшие располагали значительной артиллерией (72 орудия), но испытывали недостаток в снарядах. Кавалерийские части были малочисленны. В них служили главным образом зажиточные бюргеры, отсиживавшиеся по домам. Организованный Бемом эскадрон польских улан не мог восполнить недостатка кавалерии.

Разумеется, судьба Вены зависела не только от состояния ее вооруженных сил, но и от внутренней организации масс, от политического руководства ими.

Центральный комитет демократических союзов. Пресса

Основной чертой, характеризующей революционные силы Вены в октябрьские дни, являлось отсутствие единого централизованного руководства. Ни рейхстаг, ни Комитет безопасности, ни Студенческий комитет не оказались в силах возглавить массы и повести их на борьбу с контрреволюцией. В начале октября значительную деятельность развернул Центральный комитет демократических союзов во главе с Таузенау, видным политическим деятелем, блестящим оратором. Это было объединение сотрудников ведущих демократических газет, тесно связанное с рабочими и студенческими организациями. Большую роль в Центральном комитете играли Юлиус Бехер, редактор газеты «Радикал», сотрудник той же газеты Герман Еллинек, полковник Феннеберг и некоторые другие лица.

Центральный комитет демократических союзов может быть назван идеологическим центром революционной Вены в октябрьские дни. Но этот Комитет не стал подлинным вождем венского восстания: он не был способен руководить вооруженной борьбой масс.

Самым значительным демократическим органом, особенно выдвинувшимся в октябрьские дни, была газета «Радикал». Издатель ее, Бехер, по профессии музыкальный критик, долго жил в Англии и проникся идеями чартизма. Его ближайшим соратником был Еллинек (родом из Моравии). Его статьи вдохновляли защитников Вены на борьбу с врагами. «Пока жив революционный дух в массах,— писал он,— до тех пор неизбежна будет борьба с реакцией». «Радикал» резко критиковал половинчатость рейхстага, нерешительность Комитета безопасности, противопоставлял им боевой дух населения рабочих пригородов, готовность рабочих сражаться до конца.

ДВИЖЕНИЕ В ЗАЩИТУ ВЕНЫ В АВСТРИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ И ЗА ПРЕДЕЛАМИ АВСТРИИ

Позиция чехов

Венские революционные демократы рассчитывали на поддержку провинции, на Франкфуртский парламент, на общественное мнение других государств. Эти ожидания не оправдались. Непосредственно после событий 6 октября большинство чешских депутатов австрийского рейхстага, представители помещичье-буржуазных групп демонстративно покинули Вену, уехали в Прагу и 12 октября опубликовали воззвание, в котором все действия рейхстага в дни 6 и 7 октября расценивались как незаконные. Чешские демократы сочувственно откликнулись на октябрьские события в Вене и вели агитацию среди рабочих, студентов и крестьян Чехии за поддержку венских революционеров. Члены делегации пражских студентов, прибыв в Вену, выпустили воззвание, в котором писали: «Прага будет стоять вместе с Веной и либо победит, либо будет побеждена вместе с ней». Однако попытка чешских демократов оказать реальную поддержку Вене потерпела неудачу.

Отклики в Венгрии, Штирии и Граце

Наиболее обоснованы были надежды революционной Вены на помощь венгерских войск. Ведь 6 октября народные массы Вены своим революционным выступлением активно воспрепятствовали отправке австрийских войск под командованием Елачича в Венгрию, выразив этим свою солидарность с венгерским революционным движением. В свою очередь революционные массы Вены ожидали помощи со стороны Венгрии. Это было жизненно необходимо и для самой Венгрии. Однако венгерское правительство долго не решалось, как говорилось тогда, «вторгнуться на германскую территорию» без разрешения австрийского рейхстага и

Aufforderung.

Das Central-Comite der demokratischen Vereine Wiens, unter Vorsitz des Unterzeichneten, wurde von dem wahrhaft patriotisch gesinnten Oberkommandanten Messenhauser beauftragt, ein

„mobiles demokratisches Freicorps"

zu bilden. Wir fordern alle freien Männer Wiens auf, sich diesem Korps anzuschließen, und bei dem Freiheitskampfe, welcher in unserer Vaterstadt für ganz Europa geschlagen wird, thätig mitzuwirken!

Der Zweck des Korps ist ein heiliger; es ficht für die Errungenschaften des März und Mai, für die Souveränität des Volkes, für die Würde seiner Vertreter im Reichstage.

Welcher Feigling bliebe bei diesem Kampfe zurück?

Die Einschreibung findet in der Adjutantur des Korps, Stadt, Schullerstraße, Gasthof zur goldenen Ente im zweiten Stocke, statt.

Die Bedingungen sind dieselben wie bei dem mobilen Universitäts-Korps, mit Vortheilen, die beim Einreihen näher bekannt gegeben werden.

Hoch das edle, souveräne Wien!

Wien am 25. Oktober 1848.

Adolf Chaisés,

ПРИЗЫВ ДОБРОВОЛЬЦЕВ В ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ВОЛЬНЫЙ КОРПУС

Афиша от 25 октября 1848 г.

Собрание Института Маркса — Энгельса — Ленина. Москва

центральной германской власти, пребывавшей во Франкфурте-на-Майне. Венгрия медлила и выжидала официальной просьбы об оказании помощи. Между тем 17 октября Виндишгрец потребовал, чтобы все венгерские войска стали под его знамена против «мятежной» Вены. Лишь тогда венгерское правительство, под сильным давлением Кошута, направило Виндишгрецу ультиматум: разоружить хорватские войска и снять осаду Вены; если это не будет выполнено, венгерские войска перейдут реку Лейту. Виндишгрец не захотел вступать в переговоры с «бунтовщиками». Только после этого, 28 октября, венгерские войска двинулись на помощь Вене, но было уже слишком поздно.

Маркс и Энгельс сурово критиковали правительство Венгрии за его пагубную политику легальности в октябре 1848 г., за его политическую недальновидность и запоздалость военной помощи венгров Вене. Энгельс писал, что венцы «...предпочли сами принять первый и самый сильный натиск австрийских войск, чем позволить им двинуться против Венгрии. И в то время как они с таким благородством напрягали все усилия, чтобы поддержать своих союзников, венгры, успешно борясь против Елачича, отогнали его к Вене и своей победой усилили войска, предназначенные для нападения на этот город. При таких обстоятельствах несомненным долгом Венгрии было без малейшего промедления и со всеми наличными силами оказать помощь — не Венскому сейму, не Комитету общественной безопасности и не какой-либо другой официальной организации, а *Венской революции*»[1]. Расширение театра военной борьбы Венгрии, содействие непрерывному развитию народного движения в Австрии такова была задача правительства революционной Венгрии.

[1] К. Маркс. Избр. произв., т. II, стр. 87.

Энгельс, глубокий знаток военного дела, указывал, что концентрация австрийской армии была бы задержана на шесть месяцев, если бы тотчас же после первой победы над Елачичем началось энергичное преследование его войск. «В войне, и особенно в революционной войне,— писал Энгельс,— быстрота действий, пока не достигнут какой-нибудь решительный успех, является основным правилом; мы не колеблясь утверждаем это на основании *чисто военных соображений*. Перцель не должен был останавливаться, пока он не соединился с венцами»[1].

Большое сочувствие революционной Вене наблюдалось в Штирии. Здесь делались попытки организовать ополчение в помощь Вене, но реакционные власти Штирии не допустили этого. Революционное возбуждение в связи с венскими событиями замечалось и в Граце. Демократические группы Граца добились разрешения на организацию ополчения. Несколько сот человек 17 октября были переправлены в Вену. Другие сформированные в Граце отряды были перехвачены войсками Виндишгреца.

Революционный подъем царил и в Линце. Этот небольшой город отправил в Вену 16 октября добровольческий отряд из 200 бойцов под руководством подмастерья Матвея Ниссля. Вместе с добровольцами из Граца они приняли участие в обороне Вены.

Позиция Франкфуртского парламента и имперского правительства

Франкфуртское имперское правительство направило в Вену комиссаров Велькера и Мосле в качестве посредников.

«Центральная власть, — иронизировал Энгельс, — должна была вмешаться. Она и отправила в Вену двух комиссаров, — бывшего либерала Велькера и Мосле. Похождения Дон-Кихота и Санчо Пансы представляют собою настоящую „Одиссею“ по сравнению с героическими подвигами и удивительными приключениями этих двух странствующих рыцарей германского единства. В Вену они отправиться не решились, Виндишгрец запугал их, в слабоумном императоре они возбудили изумление, а министр Стадион одурачил их самым бессовестным образом. Их депеши и донесения... это... вечный памятник позора Франкфуртского Национального собрания и его правительства»[2].

Левая Франкфуртского парламента послала в Вену депутатов Роберта Блюма, Юлиуса Фребеля, поэта Гартмана, Альберта Трампуша. Блюм и Фребель приняли активное участие в обороне Вены.

«Новая Рейнская газета» и восстание в Вене

«Новая Рейнская газета» помещала подробные сообщения о событиях в Вене и мобилизовала общественное мнение всей демократической Германии. Газета публиковала воззвания об организации помощи Вене. Одно из таких воззваний указывало, что добровольческие отряды уже направляются из Саксонии, что в Лейпциге организован Комитет помощи вдовам и сиротам павших бойцов, что Кельн должен последовать этому примеру. «Опомнитесь, пока не поздно»,— гласило это воззвание. Воззвание сообщало, что комиссия по организации добровольческого отряда в Кельне обратилась к экспедиции «Новой Рейнской газеты» с предложением взять на себя прием денежных пожертвований. «Экспедиция охотно принимает эти взносы»,— добавляла редакция.

Большой интерес представляет напечатанное в «Новой Рейнской газете» воззвание комитета «Народного клуба» в Дюссельдорфе. Оно говорило о необходимости создания в Вене революционной диктатуры рабочих и демократов, которая одна только может спасти город. «Венцы! — гласило это воззвание.— В ваших руках находится сейчас судьба Германии,

[1] К. Маркс. Избр. произв. т. II, 1940, стр. 88.
[2] Там же, стр. 91—92.

судьба Европы, демократии и всего человечества... Венцы! подумайте о величии вашей задачи. Подумайте о том, что борьба, потрясающая сейчас нашу часть света, есть борьба между тиранией и свободой, между монархией и республикой, между всеобщим владычеством кнута и всеобщим братством свободных народов...» Воззвание предлагало венским демократам распустить рейхстаг, выбрать временное правительство «из честных, энергичных людей, которые провозгласили бы республику и приняли бы энергичные меры против врагов республики».

ОБОРОНА И ПАДЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ВЕНЫ

Объявление Вены и ее пригородов на осадном положении

Между тем положение Вены становилось все более критическим. 21 октября Виндишгрец направил Общинному совету императорский манифест от 16 октября и прокламацию, в которой революционные власти Вены квалифицировались как «дерзкая шайка, не останавливающаяся ни перед какими позорными деяниями». Виндишгрец объявлял Вену, ее пригороды и окрестности на осадном положении.

Несколько дней спустя Виндишгрец направил в Вену новую прокламацию, в которой требовал полной капитуляции города, сдачи оружия всеми гражданами, не состоящими в национальной гвардии, роспуска Академического легиона, закрытия всех клубов, выдачи активных деятелей венской демократии и виновников гибели министра Латура.

В ответ на эти прокламации рейхстаг и Комитет безопасности объявили введение осадного положения, организацию военных судов и другие меры Виндишгреца противозаконными. Но в то же время рейхстаг непрерывно направлял к Виндишгрецу и императору депутации с целью добиться какого-нибудь компромисса. Попытка рейхстага добиться компромисса не удалась. В новом манифесте император объявлял о прекращении заседаний рейхстага в Вене и о его созыве 15 ноября в Кромержиже (Кремзире).

Штурм и падение Вены

Для обороны города венские революционеры решили опереться на водный рубеж Дуная и на цепь старинных земляных укреплений, опоясывавших Вену. В 20-х числах октября в пригородах Вены были сооружены мощные баррикады и вырыты волчьи ямы. Леопольдштадт прикрывали сильные баррикады на Таборском мосту. На главных улицах всех других венских пригородов также высились баррикады. Гордостью революционных пролетариев Вены была так называемая Звездная баррикада, построенная на Егерцейле и охранявшая пригород с разных сторон. Это был мощный вал, построенный из камня. Глубокие рвы защищали его со всех сторон. На укреплении было установлено шесть орудий. Крупную роль в обороне Вены сыграл пригород Виден: он был превращен в настоящую крепость.

23 октября Виндишгрец потребовал сдачи города, дав осажденным 48 часов на ответ. Но он предательски нарушил свое слово и приступил к военным действиям в тот же день. 24 октября начались бои на отдельных участках, 25-го—ожесточенная бомбардировка города. В 8 часов утра орудия генерала Рамберга начали обстрел города со стороны Табора. Усиленно обстреливался Леопольдштадт. Бем с полутора тысячами гвардейцев и отрядом подвижной гвардии мужественно защищал Пратер.

26 октября бои возобновились с новой силой. У Дунайского канала шла упорная борьба за обладание Софийским мостом. Его защитники в течение 5 часов упорно отражали натиск неприятеля. Однако на этом участке особенно сказалась недостаточная организованность обороны.

Тщетно обращались бойцы к Мессенгаузеру с просьбой о подкреплении. Помощь им оказана не была.

Ближайший к Дунайскому каналу район, весь перегороженный баррикадами, героически защищали отряды подвижной гвардии и национальной гвардии. В этом пункте врагам удалось прорваться. Завязалась неравная борьба с правительственными войсками. К полудню на помощь сражающимся венцам прибыл отряд отборных войск во главе с Робертом Блюмом. Это подкрепление дало возможность задержать продвижение противника.

Упорные бои шли на Мариагильфских и Лерхенфельдских линиях, где все взрослое рабочее население Фюнфгауза и Зексгауза находилось под ружьем и мужественно защищало свой район.

Однако, несмотря на упорство бойцов, 26 октября противнику удалось одержать ряд существенных побед: захвачены были часть Леопольдштадта, Пратер и Бригитенау.

Большие надежды возлагал Бем на венгров. С их помощью он рассчитывал резко изменить положение в пользу восставших. По плану Бема венгры должны были занять Мариагильфскую и Лерхенфельдскую линии, что дало бы возможность свести на нет все успехи правительственных войск и вернуть захваченные ими районы. Но помощь венгров запаздывала. Тем не менее венские революционеры не думали о сдаче и продолжали борьбу, самоотверженно отстаивая каждую пядь земли родного города.

27 октября по инициативе Виндишгреца бои были прекращены: военные действия были приостановлены на один день, чтобы произвести необходимые приготовления для взятия города штурмом. В течение всего этого дня повстанцы проявили исключительную энергию, готовясь к предстоящим решающим боям.

В приказе от 28 октября Мессенгаузер следующим образом оценивал итоги этой подготовки: «Вчера я осматривал наружные укрепления от Эрцбергской линии до Мариагильфской. В такое короткое время сделано очень многое. Гарнизоны в Мариагильфе, Гумпендорфе, Гундштурме и Видене многочисленны, стоят на хороших позициях и обнаруживают подъем духа. Глогницкий вокзал обращен в крепость. К сожалению, не могу удовлетворить в некоторых пунктах требования на тяжелые орудия. Следует защищаться мушкетами и штыками. Крепче и лучше баррикад на Видене я еще никогда не видал. Слава изобретательности этого доблестного населения!»

С утра 28 октября борьба возобновилась с новой силой. Правительственные войска добились успеха. Бои шли на улицах пригородов и во внутренних кварталах города. С большим ожесточением бились железнодорожные рабочие, легионеры и мобильные гвардейцы у Глогницкого вокзала. Жители Фюнфгауза и Зексгауза отстаивали каждый дом.

Около 2 часов дня началось наступление на Звездную баррикаду. Бем лично с исключительным хладнокровием, под градом пуль, руководил защитой этой баррикады. В этом пункте борьбы были сосредоточены главные силы повстанческих войск: Отборный корпус Гаука, Академический легион, несколько отрядов подвижной гвардии. В центре баррикады развевались германское и венгерское знамена. Венгерское знамя было поднято без согласия Бема. «Что мне в венгерском знамени,— говорил Бем,— дайте мне венгерские войска».

Этот район, укрепленный, помимо Звездной баррикады, еще целым рядом заграждений, оказывал яростное сопротивление императорским войскам. Пули восставших сыпались на врагов из каждого дома. В решающий момент была пущена в ход артиллерия. Наступающие войска трижды отбрасывались. В конце концов, несмотря на героическое сопротивление,

ВЕНА 26 ОКТЯБРЯ 1848 г. ПОЖАР НА ФРАНЦЕНСАЛЛЕЕ

Литография неизв. художника

Собрание Института Маркса — Энгельса — Ленина. Москва

Звездная баррикада была взята; захвачен был и весь район Леопольдштадта. Занятием этого решающего района участь Вены была решена.

Защитники Вены получили приказ Виндишгреца об условиях капитуляции. Условия были крайне тяжелые: полная капитуляция и выдача наиболее активных и верных защитников Вены, в частности Бема.

Вечером 28 октября состоялось совещание командиров боевых рот совместно с Общинным советом, на котором было решено направить к Виндишгрецу депутацию с требованием изменить условия капитуляции. Это решение не было выражением воли бойцов. Когда 29 октября депутация Общинного совета направлялась в ставку Виндишгреца, то, по свидетельству одного из ее членов, Кайзера, густая толпа вооруженного народа преградила ей путь. «Со всех сторон,— рассказывает Кайзер,— слышались требования, чтобы мы остановились. Когда стало известно, что это депутация магистрата и национальной гвардии, отправленная для переговоров с князем Виндишгрецом, со всех сторон раздались крики: „Убить этих собак из Общинного совета! Расстрелять их! Они хотят предать и продать нас!“».

Депутация Общинного совета действительно повела себя предательски. Виндишгрец не согласился на изменение условий капитуляции. Тогда среди членов депутации возникло предложение начать переговоры о перемирии, но оно было отклонено: буржуазное большинство депутатов опасалось, что вооруженные пролетарии Вены воспользуются временным прекращением военных действий для расправы со своими классовыми врагами внутри Вены.

Депутация возвратилась в Вену без всяких результатов. 30 октября была направлена вторая депутация; она заявила о принятии всех условий капитуляции. В тот же день Виндишгрец сообщал в Оломоуц: «Вена изъявила безусловную покорность; сегодня императорские войска занимают город».

Однако в тот же день в Вене распространился слух о приближении к городу венгерских войск. Наконец приближалась долгожданная помощь! Город вновь был охвачен революционным энтузиазмом. «Венгры здесь, Кошут идет!» — раздавалось на улицах Вены. Город снова наполнился вооруженными бойцами; опустевший актовый зал университета ожил. Защитники Вены воспрянули духом.

Действительно, 28 октября венгерский генерал Мога с 25-тысячным отрядом переправился через Лейту и 30 октября подошел к Швехату, находящемуся на расстоянии двух часов от Вены. Подкрепление близилось. Но венгерские войска не были допущены в Вену. Против них была направлена армия Елачича. Венгры были разбиты и вынуждены отступить. У венских революционеров исчезла последняя надежда.

Столица Галиции заявила о своей солидарности с революционной Веной. В эти дни во Львове произошли бурные выступления против господства Габсбургов. В этих выступлениях приняла участие национальная гвардия, численность которой достигала 10 тыс. человек, а также местный Академический легион, пытавшийся привлечь на свою сторону австрийских солдат и офицеров. 2 ноября, в ответ на выступление Львова, началась бомбардировка города, закончившаяся введением осадного положения, роспуском Академического легиона, разоружением национальной гвардии.

Белый террор в Вене

1 ноября Вена пала. Началась зверская расправа с побежденным населением. Убивали каждого, кто носил форму Академического легиона или национальной гвардии. Особенно свирепствовали солдаты в рабочих пригородах. Грабежи носили повальный характер; всякий, кто пытался противиться грабителям, расстреливался на месте. Солдаты расстреливали всех жителей, не различая пола и возраста.

После повальных грабежей начались массовые аресты. С ноября 1848 г. по апрель 1849 г. было арестовано 2375 человек; после этого было арестовано еще более 2 тыс. человек. Аресты продолжались до конца 1849 г. Большинство арестованных было осуждено.

Офицеры армии Виндишгреца всячески издевались над своими жертвами, применяли самые утонченные пытки.

Расстрел Роберта Блюма

4 ноября были арестованы Роберт Блюм и Юлиус Фребель. 9 ноября Блюм был расстрелян. Расправа с депутатом, пользовавшимся по конституции правом неприкосновенности, потрясла всех передовых людей Германии. В Кельне, на заседании «Демократического союза», Маркс прочел сообщение о расстреле Блюма. «Стало тихо в зале,— пишет рабочий Лесснер.— Мы все были потрясены и объяты ужасом. Затем прошел ураган по всему залу. Я думал, что немецкий народ должен был подняться, как один человек, чтобы довести революцию до конца. Мы глубоко ошибались. Вышло иначе, чем мы думали. Буржуазия целует руку тиранам, которые умерщвляют благороднейших мужей».

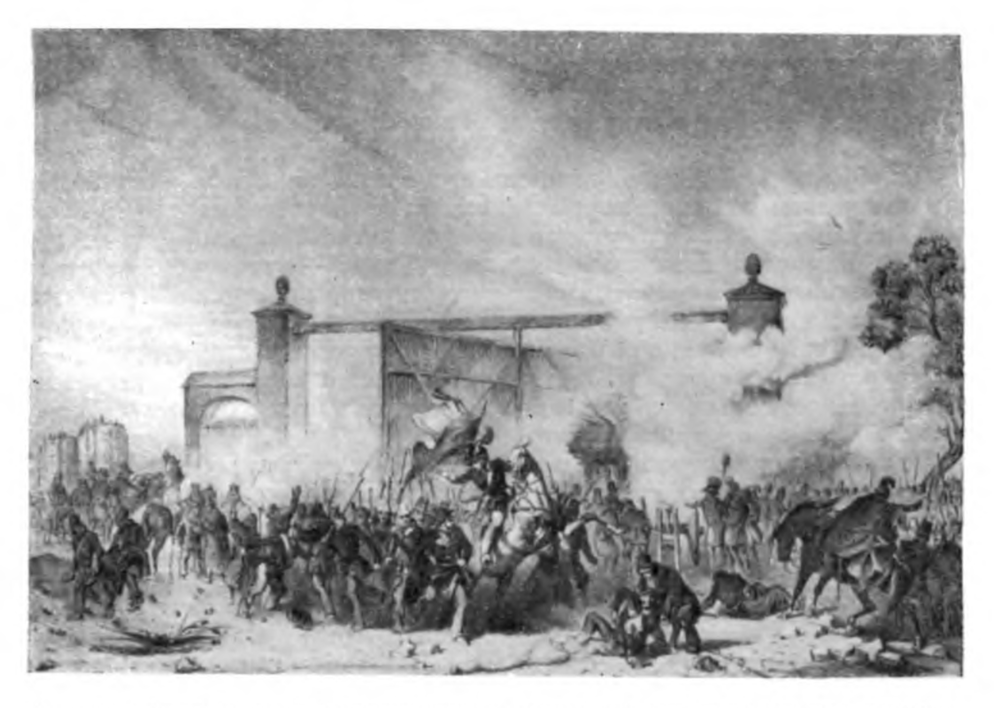
16 ноября был расстрелян Мессенгаузер, 17-го были казнены Юлиус Бехер и Герман Еллинек.

Причины и последствия поражения восстания в Вене

Основной причиной падения Вены была предательская тактика буржуазии. Бичующими, пламенными словами клеймила изменническую роль буржуазии «Новая Рейнская газета».

«Предательство всякого рода подготовило падение Вены. Вся история рейхстага и общинного совета после 6 октября есть непрерывная история предательства. Кто был представлен в рейхстаге и общинном совете?— Буржуазия...

Кто убегал толпами из Вены и предоставлял охрану покинутых бо-

ВЕНА 28 ОКТЯБРЯ 1848 Г. БАРРИКАДНАЯ БОРЬБА НА ЛИНИИ САНКТ-МАРКСЕРА

Литография Бахман и Герман

Собрание Института Маркса — Энгельса — Ленина. Москва

гатств великодушию народа, чтобы потом поносить последний за его сторожевую службу во время бегства и по возвращении смотреть, как его убивают? — Буржуазия.

Чьи глубочайшие секреты выдает термометр, который падал при всяком проявлении жизни венского народа и поднимался при всяком его предсмертном хрипении? Кто говорит на руническом языке биржевых курсов? — Буржуазия.

„Германское Национальное собрание" и ее „центральная власть" предали Вену. Кого они представляют?— Прежде всего буржуазию»[1].

Другой причиной падения Вены были слабость, непоследовательность и колебания мелкобуржуазной демократии. Несмотря на революционный подъем и самопожертвование, царившие в рядах бойцов, мелкобуржуазные демократы — руководители восставшей Вены — не сумели сплотить силы революционного лагеря и даже не создали единого централизованного руководства, способного обеспечить победу. Ни Комитет безопасности, ни Студенческий комитет, ни Центральный комитет демократических союзов не в состоянии были выполнить эту роль. Ни одна из этих организаций не сумела выдвинуть социальные лозунги, способные поднять на борьбу с контрреволюцией широкие массы сельского и городского населения Австрии.

С другой стороны, феодальная аристократия Австрии, укрепив свое влияние в армии и среди чиновничества, использовала в контрреволюционных целях помещичью верхушку славянских народов, которые, защищая свои классовые привилегии, охотно шли на службу Габсбургской династии. Австрийская контрреволюция сумела организовать разношерстную,

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 495—496.

состоявшую из всякого сброда армию и поставить во главе этой армии самых ярых контрреволюционеров.

Поражение венских революционеров привело к диктатуре Виндишгреца и созданию нового министерства. Главой кабинета и одновременно министром иностранных дел стал князь Шварценберг, бывший посол в Петербурге и Лондоне, активный участник борьбы с революционным движением в Вене; портфель министра внутренних дел получил граф Стадион, бывший губернатор Галиции, ревностный сторонник двора; адвокат Бах стал министром юстиции, Краус — министром финансов, Брук — министром торговли. Новое министерство приступило к своей деятельности 21 ноября. Объединение в одном кабинете представителей буржуазии (Бах, Брук, Краус) с реакционнейшими представителями помещичьей аристократии и придворной знати стало возможным только в результате подавления октябрьского восстания и перехода всех крупных собственников в лагерь контрреволюции.

За сменой министерства последовал перевод рейхстага из Вены в Моравию, в городок Кромержиж (Кремзир). С этого момента рейхстаг лишился опоры народных масс столицы.

Деятельность рейхстага в Кромержиже

Заседания рейхстага возобновились 22 ноября 1848 г.

Основное ядро рейхстага составляли правые депутаты, группировавшиеся вокруг «Чешского клуба» и «Союза австрийских немцев». Центр рейхстага возглавлял видный деятель «Центрального клуба» Лассер. Эта группа буржуазных политиков стремилась к обеспечению преобладающего положения немцев в империи, но вместе с тем соглашалась на предоставление некоторой самостоятельности национальным округам Чехии, Галиции и т. д.; во главе каждого из округов ставился ландтаг; во главе всей империи должен был стоять двухпалатный рейхстаг.

Правым и центру принадлежало решающее влияние в рейхстаге.

27 ноября министерство выступило в рейхстаге с программой, в которой подчеркивало свое намерение обеспечить «полное единство империи», т. е. полное подчинение всех ее отдельных областей и национальных земель власти Габсбургов.

Вступление на престол Франца-Иосифа

Через несколько дней после оглашения этой декларации император Фердинанд отрекся от престола и на престол вступил его 18-летний племянник Франц-Иосиф.

Смена императора (2 декабря 1848 г.) была результатом длительной борьбы дворцовой партии, во главе которой стояла властолюбивая мать Франца-Иосифа эрцгерцогиня София и его дядя эрцгерцог Людвиг. Эта партия добилась полного уничтожения результатов мартовской революции и, в частности, решительного подавления стремлений Венгрии к национальной независимости. Придворные круги считали, что Францу-Иосифу, который, в отличие от Фердинанда, не был связан никакими формальными обязательствами по отношению к Венгрии, легче будет возглавить военные действия против революционной Венгрии. Чтобы покончить с остатками демократических организаций, правительство расформировало национальную гвардию и Академический легион, распустило все демократические союзы и клубы.

Между тем кремзирский рейхстаг продолжал свою работу. Он утвердил заем в размере 80 млн. гульденов, оказав тем самым крупную финансовую помощь своему контрреволюционному правительству.

После того как был разрешен финансовый вопрос, возобновилась работа конституционной комиссии, которая должна была определить основные

принципы будущего государственного устройства Австрии и разработать самую конституцию. «Проект основных прав» в окончательной своей редакции был предложен рейхстагу 4 января 1849 г. Проект провозглашал принцип народного суверенитета (§ 1), равенство всех граждан перед законом, отмену всех сословных привилегий (§ 3), свободу личности (§ 4), свободу собраний (§ 11), свободу печати (§ 20), гражданский брак (§ 17), равноправие всех народностей империи (§ 21).

В то время как конституционная комиссия обсуждала проект «основных прав», ей были предложены для рассмотрения два проекта конституции. Автором одного из них был чешский депутат Палацкий. Этот проект предусматривал децентрализацию административного устройства страны, создание по национальному и языковому признакам восьми самостоятельных областей с отдельным сеймом и министерством в каждой. Проект был отклонен. Принят был проект депутата Каэтана Майера, на первый взгляд мало чем отличавшийся от первого, но в действительности достаточно «эластичный» для того, чтобы осуществление гражданских свобод можно было административным путем свести на нет. Проект был направлен на обсуждение в рейхстаг. Однако императорская камарилья уже готовилась к разгону рейхстага.

Конституция 4 марта 1849 г. и разгон рейхстага

Разгону рейхстага должно было предшествовать обнародование новой конституции. Проект ее подготовлялся с января 1849 г.

В феврале 1849 г. текст конституции был готов, но правительство выжидало удобного момента для проведения государственного переворота. Известие о победе, одержанной над венгерскими войсками при Каполне, придало смелости контрреволюционерам, и 4 марта на заседании рейхстага министерство изложило основные положения новой конституции. Депутаты встретили этот проект шумным протестом. В ночь с 6 на 7 марта в Кремзир были стянуты войска, которые окружили здание рейхстага. На улицах был расклеен манифест, объявлявший о роспуске рейхстага и введении новой конституции. Она устанавливала двухпалатную систему, обеспечивала преобладание верхней палаты, вводила высокий имущественный и возрастной ценз для избирателей. Император получал право налагать вето на решения палат и в период между сессиями издавать постановления, которые приобретали силу закона.

Под скипетром Габсбургской династии вновь насильственно объединялись Ломбардия, Венеция, Венгрия, Чехия как коронные земли Австрии. Кроме того, от Венгрии отделялись Хорватия, Трансильвания и сербская Воеводина, которые также превращались в коронные австрийские земли. Но революционная Венгрия еще продолжала отстаивать свою свободу и независимость.

Глава тридцать шестая

ПОДГОТОВКА КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРЕВОРОТА В ПРУССИИ

НАЗНАЧЕНИЕ ВРАНГЕЛЯ И МИНИСТЕРСТВО ПФУЛЯ

После отставки министерства Ауэрсвальда — Ганземана политическая обстановка в Пруссии становилась все более напряженной. Демократическая партия не сумела организовать народные массы для борьбы за углубление революции, а контрреволюционный лагерь еще не был достаточно подготовлен для совершения государственного переворота. На политической арене появились банкир Беккерат и склонный к конституционной фразе генерал Пфуль.

Беккерат был другом Ганземана, активным деятелем Франкфуртского парламента. Как представитель правого центра, он яростно выступал против демократического движения и не скрывал своих монархических убеждений. Именно такому человеку Фридрих-Вильгельм IV, не отказавшийся еще от мысли удушить революцию руками конституционалистов, и поручил составление нового министерства.

Правительственный кризис в сентябре 1848 г. Назначение генерала Врангеля

Но либералам не удалось в третий раз возглавить министерство. Придворные круги во главе с принцем Прусским, Людвигом фон Герлах и Бисмарком решительно воспротивились передаче власти слишком либеральному на их взгляд Беккерату. 17 сентября переговоры между королем и Беккератом были окончательно прерваны. При дворе решено было обойтись без нового либерального министерства и сделать определенный шаг к государственному перевороту.

Еще 13 сентября король назначил генерала Врангеля командующим Бранденбургским военным округом, в который входил Берлин. Тотчас после его назначения к Берлину стали спешно подтягиваться войска. 21 сентября генерал осмелился, впервые после мартовской революции, организовать в Берлине парад королевских войск и выступить перед берлинцами с речью, в которой неприкрытые угрозы были перемешаны с развязной демагогией. «В каком печальном состоянии нахожу я Берлин после своего возвращения? На улицах растет трава, дома стоят в запустении... Анархии необходимо положить конец, и я вам обещаю это. Я должен восстановить нарушенный порядок. Войска находятся в хорошем состоянии, мечи остры, и пули наготове».

Встречавшие генерала бюргеры не разглядели в «герое» датской войны своего будущего усмирителя. Только немногие сатирические плакаты

предупреждали, что вместе с травой Врангель собирается, очевидно, косить и головы.

Одновременно с Врангелем командующий 6-м армейским корпусом генерал Бранденбург, объявивший осадное положение в Силезии, выступил с угрозами по адресу «мятежников».

Сопротивление демократических сил планам контрреволюции

Активизация двора и камарильи, вызывающее поведение военщины наталкивались на сопротивление демократических кругов. В Берлине не прекращались антиправительственные уличные демонстрации, часто сопровождавшиеся столкновениями с полицией. Стачки табачников, типографов и рабочих других профессий продолжались, несмотря на аресты. Газета «Реформа» писала 13 сентября, что Берлин стал «якорем свободы», «немецким Парижем».

В сентябре антиправительственные демонстрации имели место и во многих провинциальных городах. 11 сентября демократическим отрядам гражданского ополчения Кельна удалось добиться смещения командующего ополчением — реакционера фон Витгенштейна, а также удаления полка прусских солдат, бесчинствовавших в городе. 13 сентября редакция «Новой Рейнской газеты» организовала на Франкенплатце многотысячное народное собрание, на котором был избран Комитет общественной безопасности. 17 сентября в Воррингене на лугу у Рейна (недалеко от Кельна) состоялось большое народное собрание, на котором присутствовало около 10 000 человек, преимущественно рабочих и крестьян, съехавшихся из различных мест Рейнской провинции. Делегация из Кельна во главе с Энгельсом, численностью более 1000 человек, прибыла сюда на нескольких больших баржах. Кельнская делегация привезла с собой красное знамя. Участники этого митинга направили берлинскому Собранию требование защищать помещение, в котором оно заседает, против покушений со стороны военной силы. Резолюция собрания в Воррингене разоблачала соглашательскую тактику буржуазных либералов и призывала к борьбе за «демократическую и социальную красную республику».

Через неделю в Кельне произошла своеобразная репетиция вооруженного восстания против прусской контрреволюции. 25 сентября, во время арестов руководителей рейнских рабочих, народ силой отбил одного из наиболее популярных своих вождей — Иосифа Молля. Вопреки запрету властей, в середине дня на площади Старого рынка состоялось многолюдное собрание, на котором с энергичной речью выступил Молль. Как только стало известно о готовящемся нападении войск на участников собрания, рабочие стали строить баррикады и заняли боевые позиции. Прусская военщина не решилась атаковать кельнские баррикады и удовлетворилась введением осадного положения. Революционные рабочие Кельна, следуя указаниям Маркса, предупреждавшего их против преждевременного, изолированного выступления, воздерживались от вооруженного восстания до наиболее подходящего момента — общенародного восстания в Пруссии.

Сентябрьские события в Кельне и в других частях Пруссии свидетельствовали об обострении политической обстановки в стране и о готовности передовых слоев народа к борьбе за демократические преобразования. Осень 1848 г. ознаменовалась заметным усилением крестьянского движения в Пруссии. Возникали новые крестьянские организации и укреплялись существовавшие. Учащались нападения на помещичьи усадьбы. Власти направляли войска против революционных крестьян. В конце сентября на втором крестьянском съезде во Вроцлаве присутствовали представители от 35 округов (на первом съезде были представлены только 18 округов). Движение разрасталось.

Некоторые признаки революционного брожения наблюдались и в армии. 12—13 сентября произошли волнения в 1-м и 2-м гвардейских полках, расквартированных в Потсдаме. Солдаты этих полков направили в Собрание петиции, в которых одобряли все намеченные против реакционного офицерства мероприятия. Несмотря на угрозы со стороны командиров, солдаты продолжали волноваться; в Потсдаме, например, были выбиты стекла в окнах комендатуры. Однако демократам все же не удалось овладеть воинскими частями. Армия попрежнему оставалась орудием в руках контрреволюционных командиров.

В отличие от мелкобуржуазных демократов, не помышлявших о том, чтобы по-серьезному готовить народные массы к вооруженной борьбе против контрреволюции, Маркс и Энгельс в серии статей «Кризис и контрреволюция» настойчиво призывали к народным выступлениям, к установлению революционной диктатуры. Только такая диктатура, доказывали они, сможет смести прусскую военщину и бюрократию во главе с Врангелем и Пфулем. «Всякое временное состояние государства, создающееся после революции,— заявляли Маркс и Энгельс,— требует диктатуры — и диктатуры энергичной»[1]. Исход борьбы, подчеркивали они, «... будет зависеть от поведения народа и, в частности, от поведения демократической партии... Конечно, нет недостатка в доброй воле, но мужество,— где мужество?»[2]

Мелкобуржуазные демократы и в дни сентябрьского кризиса не использовали возможности помешать образованию министерства Пфуля—министерства подготовки контрреволюционного государственного переворота.

Министерство Пфуля

Одновременно с назначением Врангеля начались переговоры с генералом Пфулем, которого в дворцовых кругах не без основания считали при сложившихся обстоятельствах подходящим человеком для занятия поста министра-президента. Его считали человеком, близким к либералам. На самом деле Пфуль неизменно вел себя как убежденный консерватор: так было в Познани, куда он был направлен для установления «демаркационной линии», так было и в Петербурге, куда он ездил, чтобы урегулировать с царем датские дела. После неудачи с Беккератом король намеревался руками Пфуля проводить курс «умеренной реакции», пока не придет время для открытого контрреволюционного переворота.

Состав нового министерства был подобран без согласования с Пфулем. Ему самому поручили военное министерство. Двум консерваторам, бывшим обер-президентам провинций, Эйхману и Бонину, передали министерства внутренних дел и финансов; судейский чиновник Кискер получил министерство юстиции. Таким образом, Пфуль возглавил министерство, состоявшее исключительно из сторонников домартовских порядков.

Еще 15 сентября Фридрих-Вильгельм IV советовал Пфулю подготовить, опираясь на армию, перевод Собрания в Бранденбург. Но вновь назначенный министр-президент, выслушав короля, поступил более осторожно. Выступая в Собрании с программным заявлением, он держался примирительно, старался рассеять антиправительственные настроения, заявлял, что будет строго придерживаться конституционных принципов, но вместе с тем подчеркивал свое намерение «твердо подавлять всякие вспышки анархии и беззакония».

Собрание, не исключая и демократов, охотно шло на поводу у Пфуля. Например, когда 25 сентября, в самый напряженный момент сентябрьского

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 444.
[2] Там же, стр. 442.

кризиса, некоторые члены Собрания потребовали у Пфуля объяснений по поводу угрожающих заявлений Врангеля, Пфуль быстро успокоил депутатов, указав, что главнокомандующий находится в распоряжении военного министра и что войска необходимы для поддержания «порядка». Предложение Вальдека об отмене приказа Врангеля не прошло. Собрание сочло достаточными словесные заверения министра-президента.

26 сентября Пфуль снова выступил перед Собранием. Он заявил, что «королевское правительство не питает реакционных намерений». Затем он ознакомил депутатов с инструкцией генералам армии. Последним предлагалось осведомить всех офицеров о том, что военное министерство не будет больше терпеть реакционных действий, что оно требует от них «установления добрых отношений с народом».

Заявление Пфуля вызвало одобрение не только на скамьях либералов, но и среди демократов.

Позиция левых оказала влияние на народные массы. Взволнованные толпы собрались у здания драматического театра. Они были готовы к борьбе, но, узнав о заявлении правительства и об отношении к нему левой, начали расходиться.

Тем временем правительство продолжало вести двойную игру. 27 сентября король подписал так называемую прусскую «хартию вольностей». Текст ее был тотчас же опубликован в «Правительственном вестнике». А два дня спустя в том же официальном органе появилось сообщение о введении осадного положения в Кельне.

События, связанные с назначением Врангеля и образованием министерства Пфуля, подтвердили предсказания Маркса и Энгельса, сделанные ими еще в первые дни июля относительно политики контрреволюции: «Она смело может признавать революцию в палате, если только революция вне палаты обезоруживается» [1].

БЕРЛИНСКОЕ СОБРАНИЕ В ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ

Собрание и министерство Пфуля

В истории прусской революции октябрь оказался очень напряженным месяцем. Вирхов (в будущем известный буржуазный ученый) писал тогда своим родителям из Берлина: «Жуткая тишина перед грозой... Со всех сторон надвигаются угрожающие облака и негде укрыться».

Отстоять мартовские завоевания либералы могли, только опираясь на народ. В начале октября могло показаться, что Собрание становится, наконец, на путь отказа от соглашения с короной. Левое крыло Собрания, а также его левый центр усилили давление на правительство. Пфуля прямо засыпали запросами и предложениями. С другой стороны, сам король ежедневно направлял Пфулю наставительные письма, требуя, чтобы министр-президент взялся, наконец, «за безбожную шайку, угрожающую собственности и праву» и «совращающую солдат». «Не ждите, — писал он 2 октября,— пока гражданская война вспыхнет под красными знаменами. Предупредите это! Принуждайте красных преждевременно взяться за оружие... Ради бога действуйте!»

Положение Пфуля было неустойчивым. Он получал пинки и справа и слева. «Я нахожусь между двумя жерновами»,— заявил Пфуль 5 октября. Ненавидевший демократию генерал хотел задушить революцию более гибкими способами, нежели те, на которые его толкал король. Только в этом и состояло расхождение между ними.

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 278.

Аграрная политика Собрания

Особенно остро стоял в Пруссии аграрный вопрос. Осенью 1848 г. крестьянство в Пруссии усилило сопротивление юнкерству. В Собрание поступали тысячи петиций, направленных против феодальных привилегий помещиков. С 1 сентября, когда открылся сезон охоты, случаи кровавых столкновений между крестьянами и помещиками участились, так как крестьяне были уверены, что революция вместе со всеми другими дворянскими привилегиями уничтожила и право охоты на чужой земле.

В начале октября Собрание действительно приняло подавляющим большинством голосов (285 против 41) закон об уничтожении без всякого вознаграждения ненавистного крестьянству права охоты. Крестьянство приветствовало это решение. Король затягивал его утверждение, но в конце концов все же был вынужден его утвердить. «... Печаль и злоба господствовали в высоких залах Потсдама и в замках захолустных зубров...» [1], писала по этому поводу «Новая Рейнская газета». Это был хотя и небольшой, но чувствительный удар по юнкерству.

9 октября, по решению Собрания, приостановлено было действие всех старых законов (1811, 1816, 1821 гг.), регулировавших отношения между крестьянами и помещиками. Но на этом энергия Собрания иссякла. Общий вопрос об окончательной ликвидации феодальных отношений обсуждался на бесчисленных заседаниях как специальной комиссии, так и самого Собрания. Иной раз по одному только параграфу аграрного законопроекта вносилось до 40 поправок, причем представители правого крыла всячески старались затянуть обсуждение. В результате никаких новых законов, направленных на ликвидацию существовавших еще повинностей, не было принято.

Между тем крестьяне, считая, что революция уже освободила их от всех обязательств по отношению к помещикам, почти повсеместно, в особенности же в Силезии, перестали выполнять прежние повинности.

В ответ на это 5 октября в Силезии было опубликовано правительственное распоряжение о том, что все повинности и платежи остаются в силе и что отказ от их выполнения повлечет за собой суровые наказания.

Не удивительно, что крестьянство с растущим недоверием относилось к Берлинскому собранию. Тем не менее самый факт обсуждения аграрного вопроса, а также опасения, что Собрание при известных обстоятельствах все же пойдет навстречу требованиям деревни, были использованы контрреволюционерами для ускорения подготовки государственного переворота.

Решения Собрания по конституционным вопросам

Одновременно с законопроектами о феодальных повинностях Собрание обсуждало статьи конституционного проекта. Не решаясь сразу утвердить «хартию Вальдека», оно пыталось по крохам протащить отдельные ее положения: например, снова вынесло решение об отмене смертной казни, отменило дворянские титулы и ордена.

12 октября большинством 217 голосов против 134 было принято предложение представителя левой Шнейдера вычеркнуть из конституции положение, гласившее, что король царствует «божьей милостью». При обсуждении этого предложения неоднократно делались нелестные для короны замечания: один из ораторов назвал династию Гогенцоллернов «старой фирмой», политически полностью обанкротившейся.

На деле Собрание было далеко от политического радикализма. Даже в это время республиканские настроения проявлялись в Собрании очень слабо.

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VII, стр. 112.

Министерство Пфуля не могло быть сколько-нибудь прочным. Оно не удовлетворяло ни либералов Собрания, ни дворцовую камарилью. 7 октября Пфуль решил «покончить со своим ложным положением» и подал королю прошение об отставке. В ответ на это прошение Фридрих-Вильгельм IV выразил надежду, что «генерал-от-инфантерии и кавалер ордена Черного орла не покинет своего государя».

Тем временем камарилья лихорадочно готовилась к государственному перевороту. Леопольд фон Герлах тайно выехал в Бреславль, чтобы убедить генерала графа Бранденбурга принять пост прусского премьера.

15 октября Фридрих-Вильгельм IV, принимая делегацию от Собрания по случаю дня своего рождения, недвусмысленно подчеркнул, что в Пруссии «существует божьей милостью наследственная верховная власть, обладающая еще полной мощью». Депутации, приветствовавшей его от имени гражданского ополчения, король заявил: «Не забудьте, что оружие вы получили от меня. Я вменяю вам в обязанность взять на себя охрану порядка, законности и свободы».

Не одобряя этих открытых антиконституционных заявлений короля, Пфуль и члены его кабинета вторично подали заявление об отставке.

СТОЛКНОВЕНИЕ МЕЖДУ БУРЖУАЗИЕЙ И РАБОЧИМИ В ОКТЯБРЕ 1848 Г.

Рабочие волнения в начале октября

Полугодовое пребывание крупной буржуазии у власти при двух либеральных министерствах не улучшило материального положения рабочего класса в Пруссии. Ни одного закона в пользу рабочих не провело и берлинское Собрание. Общественные работы (строительство канала в Берлине, железных дорог и т. п.) только на время сократили безработицу. Рабочий день в Пруссии оставался столь же длительным, как и до революции, а заработная плата столь же низкой. Поэтому стачки, волнения и демонстрации рабочих в осенние месяцы не прекращались. Характерны в этом отношении события в Дортмунде и Дюссельдорфе, имевшие место в первой половине октября.

Рабочие дортмундских мастерских Кельн-Минденской железной дороги работали по 14 часов в сутки, получая за это по 15 зильбергрошей, что составляло менее половины прожиточного минимума. Осенью дирекция дороги распорядилась о снижении заработной платы на 2 зильбергроша. В начале октября кузнецы мастерских потребовали соответствующего сокращения рабочего дня. Начались увольнения зачинщиков стачки. Тогда все рабочие (около 200 человек) забастовали, потребовав восстановления прежней заработной платы.

В Дюссельдорфе волнения возникли на почве безработицы. До конца сентября городские власти предоставляли работу 600 рабочим, но в начале октября общественные работы были приостановлены. Рабочие устроили демонстрацию и добились возобновления работ, но только для 80—100 человек. 12 октября состоялась вторая демонстрация, прошедшая под лозунгом «права на труд». Хотя эта демонстрация проходила мирно, городские власти привели в боевую готовность полицию и гражданское ополчение.

Подобные события происходили осенью во многих городах Пруссии.

8 октября, накануне принятия реакционного закона о гражданском ополчении, в Берлине состоялась массовая манифестация протеста, организованная демократическими клубами и демократической фракцией

Собрания. Демонстранты сожгли плакат, провезенный по городу на осле, на котором было написано: «Закон о гражданском ополчении». Вооруженным бюргерам удалось очистить улицы от демонстрантов. Противоречия между состоятельными собственниками и голодающими рабочими с каждым днем обострялись.

Сообщения из Вены вызвали новый подъем в демократических кругах Берлина. Борьба революционной столицы Австрии против войск Елачича и Виндишгреца стала в центре внимания берлинской общественности. Участились собрания под открытым небом. Клубы принимали приветственные обращения к венским революционерам.

События 16 октября

13 октября среди рабочих, занятых на Кепеникском поле, вспыхнули серьезные волнения. За день до того рабочие, которым грозило увольнение с производства, разбили паровую машину для откачки воды. Вскоре начались аресты; 100 рабочих получили расчет. Это вызвало волнения в северных кварталах Берлина.

16 октября строители берлинского канала двинулись с красными флагами в центр города, чтобы сжечь на Жандармской площади чучело генерала Врангеля. Еще до этого прилегающие улицы и площади были заняты полицией и отрядами гражданского ополчения. Первый же залп стоил жизни пятерым рабочим. Многие были ранены.

Эта расправа вызвала ярость рабочих и толкнула их на сооружение баррикад. Они были воздвигнуты на Кепеникерштрассе, Росштрассе и Якобштрассе. На одной из баррикад был убит рабочий, державший в руках красное знамя. Волнения приняли серьезный характер. Магазины закрылись. Собрание прервало свои заседания.

Попытки депутатов-либералов добиться примирения не сразу увенчались успехом. Волнения распространились и на другие кварталы Берлина. Ремесленники, студенты, художники присоединились к рабочим. Демонстрации и столкновения продолжались и ночью. Сотни рабочих с факелами в руках кричали: «Да здравствует республика!»

На следующий день рабочие обратились к Собранию с петицией, требовавшей наказания виновников кровавого столкновения, похорон всех убитых на государственный счет, помощи семьям пострадавших, освобождения арестованных и оплаты за потерянный рабочий день.

Несмотря на уговоры левых, умеренно либеральное большинство Собрания отвергло петицию рабочих. Всем своим поведением оно рыло могилу самому себе.

20 октября состоялись похороны жертв столкновения, принявшие форму политической демонстрации. У могил павших борцов выступали ораторы левой, призывавшие к единению народа перед лицом наступающей контрреволюции.

События 16 октября были ярким проявлением роста классовых противоречий между пролетариатом и буржуазией, готовности рабочих и демократов Берлина дать решительный отпор монархической реакции.

При дворе злорадствовали по поводу открытого конфликта между рабочими и бюргерами. Король решил, что настал момент привести в исполнение давно подготовленные планы контрреволюционного переворота. Вечером 16 октября он писал Пфулю: «Объявите тотчас же осадное положение, закройте красные клубы, запретите распространение плакатов, красные флаги и, если это в какой-нибудь степени возможно, объявите завтра утром о переносе заседаний Собрания в Бранденбург. Нужно действовать: теперь или никогда!»

Создавшуюся политическую обстановку газета «Берлинер Фигаро» метко характеризовала 23 октября словами заголовка статьи: «Разделен-

ный народ и объединенная реакция». Изменить обстановку в пользу демократии, создать действительное единение антифеодальных сил можно было только решительными действиями: немедленным проведением радикальной аграрной реформы, вооружением рабочих, смещением реакционного руководства гражданского ополчения. Но представители левой в берлинском Собрании ограничивались туманными декларациями и неопределенными призывами к гражданскому миру.

«Новая Рейнская газета» неустанно разоблачала примиренческую политику либеральной буржуазии по отношению к юнкерству и ее эгоистическую политику по отношению к рабочим. Вместе с тем газета горячо призывала к объединению всех антифеодальных сил, в том числе и сил демократической буржуазии, при условии, если она действительно будет оказывать сопротивление юнкерству. «Из-за недоверия буржуазии к рабочему классу,— писал 3 ноября Маркс,— этой революции грозит если не *крах*, то, по меньшей мере, *паралич*» [1].

Дворцовая камарилья, и подготовка государственного переворота

17 октября в Берлин прибыл из Бреславля генерал граф Бранденбург, и это ускорило переговоры об образовании открыто контрреволюционного кабинета. Фридрих-Вильгельм IV и некоторые его советники считали необходимым сохранить многих членов министерства Пфуля и в новом кабинете. Братья Герлах, а с ними и большинство дворцовой камарильи, наоборот, настаивали на полном обновлении кабинета.

Длительные споры о составе будущего кабинета вызывались неясностью положения (в частности, в Вене) и связанным с этим стремлением некоторых реакционных политических деятелей подольше использовать в качестве прикрытия «либерализм» Пфуля.

Совершенно иной была позиция Леопольда фон Герлах. 21 октября Герлах направил Бранденбургу письмо, в котором призывал его не «поддаваться ужасной берлинской атмосфере». «Король, наш государь, завяз в болоте, он чувствует, что тонет, он призывает на помощь, но никто не хочет подать ему руку»,— писал Герлах будущему премьеру.— «Надо доказать, что хозяином страны является король, а не Собрание». «Стоит противопоставить Собранию силу, и оно умолкнет»,— добавлял Герлах.

В тот же день (21 октября) король принял решение назначить графа Бранденбурга министром-президентом. Однако и после этого Пфуль продолжал вести дела, давая возможность двору выждать какого-нибудь нового конфликта, а Бранденбургу выступить в роли «спасителя» отечества. Пфуль даже сам давал советы своему преемнику. Роль Пфуля была особенно двуличной в те дни, когда заканчивалась подготовка к государственному перевороту: он был посвящен во все детали контрреволюционного заговора, но прикидывался «либералом», посещал левых депутатов, уверял их, что концентрация войск вокруг Берлина вызвана необходимостью охраны порядка и безопасности в период выработки конституции.

В то время как в Потсдаме с волнением выжидали исхода венских событий и готовились к государственному перевороту, Берлинское собрание явно погрязало в мелочах. В конце октября его председателем был избран Ганс фон Унру, депутат правого центра, честолюбивый краснобай, стремившийся разрешить политический кризис одними парламентскими методами.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 491.

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ СЪЕЗДЫ В БЕРЛИНЕ И ДЕМОНСТРАЦИЯ 31 ОКТЯБРЯ

«Контрпарламент» и второй демократический съезд

В конце октября в Берлине собрался съезд представителей левых фракций парламентов всех германских государств. Либералы окрестили этот съезд «контрпарламентом». «Аугсбургская всеобщая газета» называла его «Национальным конвентом» и утверждала, что его целью является разгон Франкфуртского собрания.

В действительности никакого значения съезд этот не имел. Число прибывших в Берлин иногородних депутатов ко дню открытия (27 октября) было крайне незначительно — прибыло всего-навсего семь человек. Заявив о своей солидарности с восставшей Веной, «контрпарламент» отверг, однако, предложение выпустить прокламацию с призывом о вооруженной помощи венцам.

Одновременно с «контрпарламентом» в Берлине заседал второй демократический съезд (с 26 по 30 октября). Он имел несколько большее значение, чем «контрпарламент». Число прибывших в Берлин делегатов достигало 240; они были избраны 260 союзами от 140 городов, большей частью Северной Германии. Среди делегатов был представитель «Кельнского рабочего союза», близкий к коммунистам журналист Бейст, посланный в Берлин по предложению Маркса. Состав делегатов был чрезвычайно пестрым: здесь были Вейтлинг, Вальдек, Стефан Борн, Руге, Криге. Разногласия и столкновения были неизбежны.

В докладе, сделанном Германом Криге от имени Центрального комитета демократов, указывалось, что именно в Берлине «немецкий народ должен видеть свое будущее». «Главной опорой нашей должно быть бюргерство,— заявлял Криге,— на пролетариат мы не можем опереться; он слишком груб и необразован, чтобы проникнуться нашими стремлениями». В докладе другого мелкобуржуазного демократа, Кинкеля, много и путано говорилось о «демократической и социальной республике», правительством которой должен стать съезд.

Вскоре среди делегатов начались раздоры. Принятые съездом резолюции отличались крайней неопределенностью и даже противоречивостью: съезд одобрил радикальную «Декларацию прав», но не решился выступить в пользу революционной Вены.

29 октября некоторым демократическим деятелям удалось созвать в Берлине большое народное собрание, которое потребовало от съезда принятия решения об оказании помощи революционной Вене. После бурных прений съезд принял «Воззвание к немецкому народу», в котором говорилось, что «дело Вены есть дело всей Германии», что «святой долг немецких правительств — поспешить на помощь братскому городу», что, наконец, «святой долг немецкого народа — принести в интересах своей свободы, в интересах собственного самосохранения любую жертву для спасения Вены». В чем же должны были состоять, по мнению авторов «Воззвания», действия народа? «Дело теперь только за вами! Требуйте у ваших правительств, чтобы они подчинились воле большинства и спасли как дело немецкого народа, так и дело свободы в Вене»,— говорилось в «Воззвании». Этим «Воззванием» съезд пытался создать иллюзию, будто немецкие правительства типа министерства Пфуля окажут помощь Вене.

Маркс резко критиковал решения демократического съезда. Он назвал «Воззвание к немецкому народу» плодом «девичьей мечтательности» и «ложного пафоса». Маркс выражал надежду, что «народ проснется от своей летаргии и окажет ту единственную помощь венцам, которую

еще можно оказать им в этот момент,— одержав победу над контрреволюцией в собственном доме»[1].

Демонстрация 31 октября

Второй демократический съезд лишний раз обнаружил слабость демократической партии Германии. Он прошел бы почти незамеченным, если бы Вальдек не внес 30 октября в Собрание предложения потребовать от правительства «возможно скорее придти на помощь народной свободе, которой в Вене угрожает подавление». К обсуждению этого предложения, назначенному в Собрании на 31 октября, мелкобуржуазные демократы спешно готовили большую «петицию натиска» — массовую народную демонстрацию.

Действительно, утром 31 октября к зданию драматического театра подошла масса рабочих и ремесленников. Председателю Собрания была вручена народная петиция о помощи венским революционерам. Еще до получения ответа на нее пришло известие о том, что Собрание по предложению Берендса решило отменить дворянские звания. Это сообщение было с ликованием встречено демонстрантами.

Однако скоро стало известно, что на утреннем заседании Собрание не будет рассматривать вопрос о помощи Вене. Руге призвал демонстрантов разойтись, но они продолжали осаждать здание. Во второй половине дня число собравшихся на площади значительно увеличилось, появились красные знамена, а когда стемнело — и факелы.

Давления народных масс оказалось, однако, недостаточным, чтобы толкнуть Собрание к решительным действиям. Предложение Вальдека было отклонено 229 голосами против 113. Принято было ни к чему не обязывающее предложение Родбертуса — «потребовать от правительства оказания немедленного и энергичного давления на центральное правительство, дабы пострадавшая в Австрии народная свобода и рейхстаг, существованию которого угрожает опасность, получили действительную и надежную защиту, и таким образом был бы восстановлен мир». Защита свободы в Вене поручалась эрцгерцогу Иоганну и королю Фридриху-Вильгельму IV!

К вечеру волнения на площади у театра и на прилегающих улицах заметно усилились. Начались столкновения демонстрантов с гражданским ополчением; один рабочий был убит, девять ранено.

В 10 часов вечера Собрание прекратило свое заседание. Ополченцам пришлось прокладывать перепуганным депутатам путь сквозь возбужденную толпу. По адресу правых депутатов раздавались негодующие крики. Одному депутату был брошен в лицо факел. Из-за половинчатой тактики Руге и других организаторов демонстрации день 31 октября закончился неудачно для демократического лагеря. Придворная камарилья использовала события этого дня в качестве удобного повода для контрреволюционного переворота. Как раз в ночь с 31 октября на 1 ноября в Берлин поступили радостные для юнкеров известия о падении революционной Вены.

МИНИСТЕРСТВО БРАНДЕНБУРГА—МАНТЕЙФЕЛЯ

Назначение графа Бранденбурга

Получив известие о победе контрреволюции в Вене, Фридрих-Вильгельм IV решился объявить стране о создании нового, явно контрреволюционного министерства.

2 ноября на утреннем заседании Собрание узнало, что Пфуль вышел в отставку и что образование нового министерства поручено графу Бранден-

[1] Marx—Engels Gesamtausgabe, Bd. 7, S. 412.

бургу. Граф Бранденбург был хорошо известен как ярый реакционер, как усмиритель народных волнений в Силезии. Этот генерал был внебрачным сыном Фридриха-Вильгельма II и приходился, таким образом, дядей Фридриху-Вильгельму IV.

Узнав о назначении графа Бранденбурга, Собрание направило к королю делегацию с адресом, где говорилось о «сильнейших опасениях», которые вызывает это назначение, и о «больших бедствиях», которые оно может причинить. Заканчивался адрес «почтительной и настоятельной просьбой» назначить «пользующееся народным доверием правительство» и подтвердить единство «между намерениями короля и желаниями народа».

Спачала король отказался даже разговаривать с прибывшими в Сан-Суси депутатами, но потом передумал, и делегация была все же принята. При чтении адреса король проявлял явное нетерпение. Он вел себя грубо, ударял рукой по шпаге, повернулся к делегации спиной. Приняв из рук делегатов адрес и ничего не ответив, король направился к выходу. Удивленные депутаты сперва хранили молчание, но вскоре один из них бросил Фридриху-Вильгельму IV вдогонку слова: «Мы посланы сюда не только для того, чтобы передать вашему величеству адрес, но также и для того, чтобы информировать вас об истинном положении в стране». Король, не обращая ни малейшего внимания на эти слова, продолжал направляться к выходу. Тогда Якоби решился задать вопрос королю: «Соизволит ли ваше величество выслушать нас?» На это последовало короткое: «Нет!» Якоби успел только прокричать вслед Фридриху-Вильгельму: «Несчастье всех королей состоит в том, что они не хотят слышать правды!»

3 ноября Собрание получило ответ короля с отказом отменить назначение Бранденбурга. Но этот категорический отказ был облечен в мягкую форму. Король лицемерно уверял депутатов, что им нечего опасаться назначения Бранденбурга, так как последний с радостью посвятит все свои силы «утверждению и успешному развитию конституционных свобод».

Общественное возбуждение в Берлине

На другой день Собрание заслушало сообщение своего председателя Унру о результатах посещения Сан-Суси. Вместо того, чтобы осудить наглое отношение короля к представителям народа, многие депутаты с упреками набросились на Якоби. Якоби энергично защищался. Сказанные им Фридриху-Вильгельму IV слова скоро облетели весь Берлин. В честь Якоби было устроено факельное шествие. «Демократический клуб» поднес ему благодарственный адрес.

В Берлине царило сильное возбуждение. По улицам распространялись плакаты и листовки, в которых новое министерство называли контрреволюционным, а Виндишгреца с Елачичем — «кровавыми псами», «живодерами». Некоторые листовки открыто призывали к оружию, «к последней борьбе за отечество, право и свободу».

Распоряжение министра внутренних дел Эйхмана от 2 ноября, угрожавшее двинуть войска, если гражданское ополчение не справится с «беспорядками», только подлило масла в огонь. Те отряды гражданского ополчения, которые состояли преимущественно из ремесленников, служащих и интеллигентов, выразили недоверие своему командиру Римплеру. 5 ноября у Пренцлауских ворот состоялась демонстрация 1500 радикально настроенных ополченцев, требовавших демократизации гражданского ополчения. В первые дни ноября все берлинцы ожидали новых массовых выступлений. Контрреволюционные круги пытались даже преувеличить размеры народного движения, запугивали буржуазию «красной опасностью».

В этот критический момент полностью разоблачилось предательство

либеральных деятелей Прусского собрания. 4 ноября в блоке с правыми депутатами либералы вторично отклонили большинством 247 голосов против 112 предложение левых (Вальдека) о создании Комитета безопасности. Они отклонили и предложение о немедленном и окончательном обсуждении аграрного законопроекта. (Принятые 8 ноября решения о безвозмездной отмене лишь нескольких второстепенных повинностей, разумеется, вовсе не могли удовлетворить крестьянство.)

Завершение подготовки государственного переворота

Главным организатором и вдохновителем контрреволюционного переворота являлся Леопольд фон Герлах. Одним из его наиболее активных помощников был Бисмарк. 2 ноября он направил Бранденбургу письмо, в котором знакомил нового министра-президента со своими планами. «События 31 октября,— писал Герлах,— на мой взгляд показывают, что следует делать: его величество отложит заседания Собрания на 14 дней и затем снова созовет Собрание в Бранденбурге. Таким образом, король вновь станет хозяином положения».

В начале ноября придворная камарилья была занята решением двух вопросов: о составе нового министерства и о форме ликвидации Собрания. Разрешение первого из этих вопросов затруднялось тем, что некоторые министры (Эйхман и Бонин) обусловливали свое вступление в новый кабинет соглашением с Собранием. С другой стороны, король не решался пока выпускать на сцену людей, подобных Бисмарку или Людвигу Герлаху (брату Леопольда), как слишком крайних. На предложение назначить Людвига Герлаха министром юстиции король ответил: «Слишком рано». Бисмарк сам признавался позже в своих мемуарах, что король по поводу его кандидатуры заявил в те дни: «Может быть использован лишь при неограниченном господстве штыка», или согласно другой версии: «Заядлый реакционер, пахнет кровью, использовать позднее».

Формирование нового министерства затягивалось. Но уже успели договориться о судьбе Собрания. Это произошло 5 ноября на совещании у Бранденбурга. «Мы с Лео,— писал Леопольд Герлах,— поехали... к Бранденбургу, где собралась камарилья, а именно: Раух, Массов, Людвиг, Лео и я, на этот раз под председательством министра-президента». Это тайное совещание приняло решение через два дня отсрочить заседания Собрания на две недели, а затем перевести его в город Бранденбург.

Переговоры между Бранденбургом и Унру

Государственный переворот готовился втайне. Однако председатель Собрания был осведомлен о планах правительства. Во время конфиденциальных переговоров с Бранденбургом Унру доказывал, что возможность конфликта будет устранена, если Бранденбург откажется от формирования нового кабинета, но генерал уверял, что и он «целиком придерживается конституционного образа мыслей».

8 ноября на квартире Унру состоялась вторая его встреча с Бранденбургом. Собеседники поучали друг друга и каждый по-своему толковал понятие «конституционализм». В конце концов Унру предупредил Бранденбурга, что 250 депутатов будут голосовать против отсрочки заседаний Собрания и его перевода в Бранденбург, и что сам он без согласия большинства не закроет заседания.

Вопрос сводился теперь только к тому, какую форму сопротивления изберут прусские либералы. «Спасите корону», «необходимо действовать постепенно», «революция может начаться снова»,— такими словами Унру заклинал Бранденбурга, беседуя с ним у себя на квартире. Предательское поведение председателя берлинской палаты доказывало, что правительство могло не опасаться активного противодействия со стороны буржуазных либералов.

Можно было не опасаться восстания дрожавших перед «второй революцией» собственников, но не приведет ли даже самое робкое сопротивление либерального большинства Собрания, помимо его воли, к народному восстанию в Берлине, к новым баррикадам, к новым крестьянским выступлениям, к новому поражению королевских войск,— вот чего всё же опасались контрреволюционеры.

Создание министерства Бранденбурга — Мантейфеля

В то время как Бранденбург вел переговоры с Унру, Герлах, Врангель, Бисмарк и другие близкие к королю люди спешно заканчивали приготовления к государственному перевороту.

К 9 ноября была достигнута договоренность с тремя сановниками, давшими свое согласие вступить в министерство. Это были барон Мантейфель (министр внутренних дел), Ладенберг (министр просвещения) и фон Строта (военный министр).

Барон Отто фон Мантейфель, двоюродный брат генерала, флигель-адъютанта Фридриха-Вильгельма IV, был опытным чиновником, много лет прослужившим в министерстве внутренних дел. Ловкий и гибкий бюрократ, он сохранил свой пост в министерстве при всех правительствах, сменявшихся после мартовской революции, несмотря на то, что был известен как крайний консерватор.

К этому времени были закончены и военные приготовления. Одновременно с концентрацией войск в районе Берлина проводились подготовительные мероприятия и в самой столице. Вот что рассказывает о них в своих воспоминаниях Бисмарк: «Для охраны министров были приняты некоторые меры предосторожности. Прежде всего в здании театра, кроме усиленного наряда полиции, было размещено около 30 лучших стрелков гвардейского егерского батальона; по условленному сигналу они должны были появиться в зале и на галлереях и защитить министров своими выстрелами, если бы министрам стало угрожать физическое насилие».

Утром 9 ноября Бисмарк писал жене о своих опасениях за исход событий: «Я всё еще опасаюсь и опасаюсь..., необходимы мужество и терпение».

Правительство, однако, располагало более чем достаточными воинскими силами — 80 тыс. солдат и 170 артиллерийскими орудиями. Ни мужество, ни особое терпение вовсе не требовались для того, чтобы разогнать трусливое Берлинское собрание.

Глава тридцать седьмая

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ И ПОБЕДА КОНТРРЕВОЛЮЦИИ В ПРУССИИ

НАЧАЛО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕРЕВОРОТА

К утреннему заседанию 9 ноября в Собрании появился Бранденбург в сопровождении Мантейфеля и других министров. После оглашения состава нового правительства был зачитан королевский указ, предписывавший прервать заседания Собрания до 27 ноября, а затем возобновить их в Бранденбурге, «спокойном, мирном городке», как его характеризовала тогда «Крестовая газета». Это решение мотивировалось желанием короля обеспечить Собранию «свободу действий» и защитить его от «давления извне»: Берлином, говорилось в королевском указе, овладела «анархия», приведшая к «преступной демонстрации» 31 октября. Правительство явно стремилось воспрепятствовать давлению на Собрание берлинских «низов» и, наоборот, облегчить давление на депутатов со стороны провинциального юнкерства.

Перевод Собрания в Бранденбург

Дворцовая камарилья уже давно решила покончить с политикой соглашения и разогнать Собрание, которое даже при всей своей трусости и половинчатости не отказывалось от отдельных буржуазных преобразований вроде отмены помещичьего права охоты, уничтожения дворянских титулов и других антифеодальных мероприятий.

Ни корона, ни дворянская знать, ни офицерство, ни чиновничество не хотели добровольно поступиться своими привилегиями.

«Поэтому,— писал Маркс,— королевская власть не поддается уговорам буржуазии. На половинчатую революцию последней она ответила целой контрреволюцией, она толкнула буржуазию обратно в объятия *революции и народа*, обратившись к ней с лозунгам: *Бранденбург в собрании и собрание в Бранденбурге*»[1]. Маркс переводил этот лозунг так: «Кордегардия в собрании, собрание в кордегардии!»[2] Далее он указывал: «Какой бы ни выпал жребий в Берлине, дилемма поставлена: король или народ...»[3]

Мотивы, выдвинутые в королевском указе от 8 ноября, не могли убедить большинство Собрания, и Унру вынужден был заявить, что не закроет заседания без согласия на то самого Собрания. Несмотря на эту «угрозу», Бранденбург бесцеремонно объявил «всякое продолжение

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VII, стр. 9.
[2] Там же, стр. 7.
[3] Там же, стр. 9.

заседания незаконным». Министры и часть депутатов правой стали покидать зал заседаний. Со скамей центра и левой раздались крики: «Оставаться здесь!», «Под арест!», «Государственные изменники!» Некоторые депутаты вскочили с мест и с поднятыми кулаками бросились за уходящими из зала министрами. Последние, однако, беспрепятственно ушли в сопровождении 77 депутатов правой, к которым позднее присоединились еще 19. Требуемый законом кворум всё еще сохранялся, так как оставшиеся на месте 263 депутата представляли вполне правомочное большинство.

Внешне 9 ноября Берлин казался совершенно спокойным. Однако это было далеко не так. Часть реакционеров, опасаясь нового «18 марта», поспешила убраться, кто во дворец под защиту королевской стражи, кто за пределы Берлина. Курс ценных бумаг на бирже сразу упал. Среди рабочих масс царило большое возбуждение. Волновались и многие радикально настроенные члены гражданского ополчения. Отряды ополчения уже спешили на защиту Собрания и собирались в районе драматического театра, где заседали депутаты.

Из помещения Собрания члены нового правительства направились в здание военного министерства — место, весьма подходящее для заговорщиков в дни государственного переворота. Правительство тотчас же поспешило направить Собранию письмо, полное угроз в связи с его отказом «в должном повиновении королевскому величеству». При этом Бранденбург и Мантейфель не стеснялись обвинять Собрание в «преступлении против конституции».

Со стороны правого лагеря на Собрание сыпались обвинения в том, что оно занимается «неконституционными» вопросами, вмешивается в функции исполнительной власти и т. п. Даже «Крестовая газета» назойливо твердила о необходимости конституции. Какова была настоящая цена «конституционализма» юнкеров и бюрократов, можно судить по тому, что уже вечером 9 ноября в Сан-Суси обсуждался вопрос о разгоне Собрания. Особенно настойчиво требовал этого принц Прусский. Его поддерживал Бисмарк. В своих «Воспоминаниях» Бисмарк выражал сожаление, что в Берлине всё обошлось без применения оружия: «Если бы дело дошло хотя бы до самой небольшой стычки, то Берлин был бы занят не в результате капитуляции, а силой, и тогда политическое положение правительства было бы иным».

Под маской «защиты конституции» и борьбы с «анархией» крайние реакционеры совершенно открыто призывали к уличным столкновениям, к разгрому ненавистной им демократии.

Над головой буржуазного Собрания уже 9 ноября была занесена юнкерская сабля. Какой же путь избрало оно для своего спасения?

Решение Собрания о «пассивном сопротивлении»

Казалось, Собрание решило сопротивляться. Более 250 депутатов приняли постановление о том, что король не имеет права против воли Собрания закрывать его заседания или переводить его в другой город. Собрание приняло решение не расходиться и продолжать свою работу. Президенту Унру были даны полномочия собирать депутатов в любом помещении и в любое время. Скоро, однако, выяснился подлинный характер «сопротивления» со стороны «палаты соглашения».

Перед лицом сосредоточенной под Берлином 80-тысячной армии Врангеля необходимо было быстро и энергично организовать борьбу за права парламента.

Поскольку король нарушил им самим утвержденные законы от 6 и 8 апреля 1848 г., Собрание больше не было связано с короной даже с точки зрения сторонников формальной «законности». В целях самообороны

оно должно было немедленно призвать народ к вооруженному сопротивлению.

Программу действий подсказывала Собранию демократическая пресса, в особенности «Новая Рейнская газета». Она писала: «... собрание действует неправильно, не противопоставляя себя короне в качестве абсолютного собрания. Оно должно было прежде всего арестовать министров как государственных преступников, преступников против народного суверенитета. Всякого чиновника, повинующегося другим приказам, кроме приказов собрания, оно должно было отправить в ссылку и объявить вне закона»[1]. Газета требовала от Собрания, чтобы оно призвало солдат отказаться от повиновения своему начальству.

Собрание этого не сделало, и министерство Бранденбурга продолжало осуществлять свои заранее разработанные планы. 9 ноября Мантейфель направил командующему гражданским ополчением Римплеру запрос об отношении гражданского ополчения к «незаконным» действиям Собрания. Римплер отвечал, что ополчение будет «защищать конституционную свободу», а не нарушать ее. Однако он в тот же день заявил Унру, что в случае столкновения с войсками можно рассчитывать на явку лишь четверти всего состава ополчения и еще меньшей части офицерства.

Римплер принадлежал к буржуазному большинству берлинского ополчения, не желавшему беспрекословно подчиниться феодальной контрреволюции, но опасавшемуся открытой борьбы с ней.

Вечером 9 ноября полицей-президент приказал Римплеру оцепить Собрание и предложить депутатам разойтись не позднее 6 часов утра следующего дня. Приказ этот не был выполнен. Заседание 10 ноября открылось в 5 часов утра в напряженной атмосфере. Большое число делегаций приветствовало Собрание. Демократические организации в своих адресах обещали поддержать Собрание в случае возможного столкновения с властями.

Рабочие Берлина призывали к открытому вооруженному сопротивлению. В своем «Адресе», представленном Собранию они выразили готовность «пролить свою кровь против всякого врага, который захотел бы совершить государственную измену по отношению к депутатам и народным вольностям».

«Палата соглашения» отвергла горячий призыв берлинских рабочих. «Милостивые государи,— заявил президент Собрания Унру, обращаясь к своим трусливым коллегам,— если я вас правильно понял, нам чуждо намерение требовать или даже только допустить, чтобы эти люди, сила и кровь которых принадлежат отечеству, пожертвовали ими в ненадлежащем месте и в ненадлежащее время». Утром 10 ноября Унру заявил: «Надо оказать лишь чисто пассивное сопротивление».

Собрание приветствовало это заявление, тем самым подписав себе смертный приговор.

Берлин того времени уже во всяком случае нельзя было считать «ненадлежащим местом», а ноябрь 1848 г.— «ненадлежащим временем» для восстания: налицо была большая вооруженная организация — гражданское ополчение, причем в одном Берлине она располагала 30 тыс. ружей и сабель; к этому надо добавить «летучие отряды», не включенные в ополчение, отряды рабочих-машиностроителей. На стороне Собрания был не только Берлин: против замыслов феодально-абсолютистской контрреволюции палату готова была защищать, как указывала «Новая Рейнская газета», вся страна.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VII, стр. 8

Вступление войск Врангеля в Берлин. 10 ноября в первой половине дня Римплер опубликовал заявление, в котором предлагал не сопротивляться воинским частям, которые вступят в город. Приказ полицей-президента извещал население Берлина о «вступлении войск, предназначенных для подкрепления гарнизона». Уже в 10 часов утра тысячи солдат с артиллерией двинулись в центр Берлина через Тиргартен и Бранденбургские ворота, одновременно о пяти направлениям. В 2 часа дня войска подошли к Жандармской площади, где заседало Собрание. Наступил решающий момент государственного переворота.

Население встречало солдат генерала Врангеля холодно, кое-где раздавался свист и слышались язвительные насмешки. Магазины были закрыты, дома заперты. Бюргеры, желавшие приветствовать офицеров, не осмеливались делать это открыто, боясь гнева народа. Казалось, что столкновение неизбежно. Демократический Центральный комитет, готовясь к восстанию, собирался раздать рабочим оружие гражданских ополченцев, уклонявшихся от несения службы. Вокруг помещения Собрания расположились рабочие-машиностроители, готовые любой ценой удержать войска в случае их попытки проникнуть в зал заседаний Собрания. Но соглашатели сделали всё, чтобы сковать энергию народа и сломить его боевой дух. При приближении войск Собрание единогласно приняло обращение к народу с призывом отказаться от применения силы и не покидать «ни на минуту почвы законности». Смешными казались крикливые утверждения контрреволюционных газет, что оставшиеся на месте депутаты «революционной части Национального собрания» превратились в Конвент.

Собрание решило продолжить рассмотрение законопроектов, желая этим доказать свою независимость от правительства и свое пренебрежение к политике силы. Поставлен был на обсуждение аграрный законопроект, но и в этот критический момент Собрание не нашло в себе силы смело встать на защиту крестьянских интересов. Достаточно было одному члену правой возразить против предложения об отмене без выкупа части барщинных повинностей, как предложение было отклонено. И так повторялось каждый раз.

Последняя возможность пойти навстречу исстрадавшемуся 11-миллионному крестьянству была упущена, когда предложение левых о бесплатной отмене всех барщин и повинностей было отклонено голосами правых депутатов и депутатов обоих центров Собрания.

Энгельс гневно писал по этому поводу: «В истории еще никогда ни одна партия не совершила подобного предательства по отношению к своим лучшим союзникам, к самой себе»[1].

«...Могли ли после этого крестьяне..,— спрашивал Маркс,—сражаться за это соглашательское собрание, которое отбросило их назад по сравнению с фактическим положением, завоеванным ими после марта?»[2]

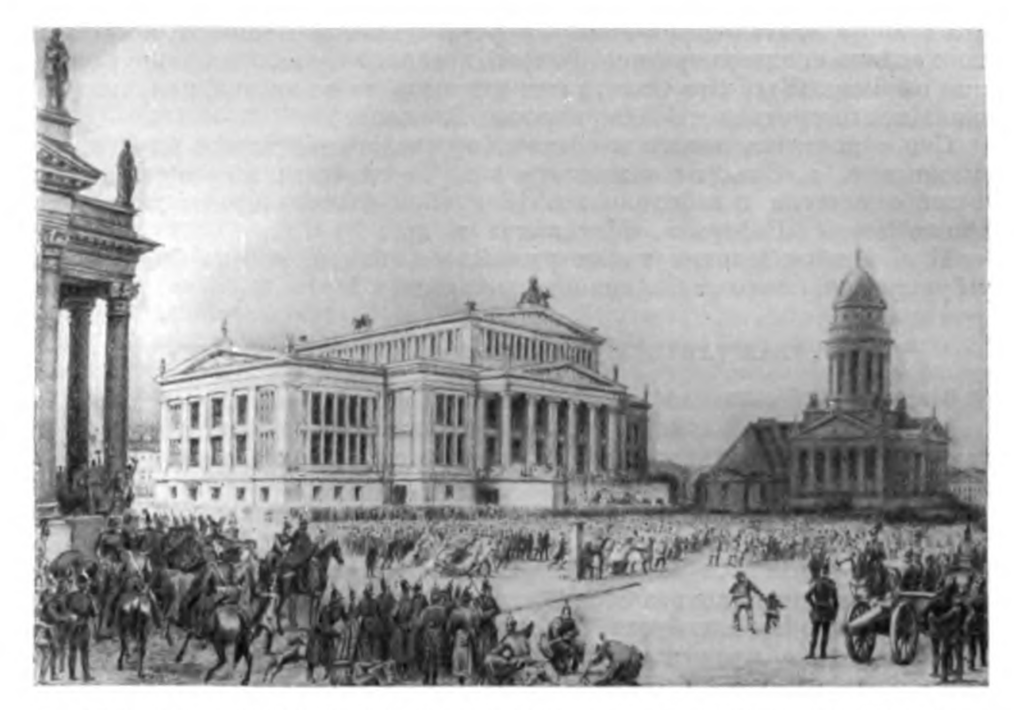
Роспуск берлинского ополчения. Осадное положение в Берлине Вторгшимся в Берлин войскам Врангеля гражданское ополчение не оказало никакого сопротивления. В районе театра, где заседало Собрание, руководители ополчения вступили в полюбовные переговоры с надменным главнокомандующим королевских войск.

Когда Римплер направился к сидевшему на коне Врангелю и спросил, сколько времени намерен генерал держать здесь своих солдат, Врангель ответил, что привыкшие к бивуачной жизни солдаты не удалятся, пока не разойдется Собрание, если даже им пришлось бы простоять здесь восемь дней и ночей. Римплер, повидимому, удовлетворился таким ответом.

---

[1] К. Маркс. Избр. произв., т. II, 1940, стр. 65.

[2] К Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VII, стр. 70.

РАЗГОН ПРУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО СОБРАНИЯ В БЕРЛИНЕ 14 НОЯБРЯ 1848 Г.

Литография неизв. художника

Собрание Института Маркса — Энгельса — Ленина. Москва

Получив сообщение об этом разговоре, Унру в 5 часов вечера объявил, что Собрание протестует против насилия и расходится лишь вследствие угрозы военной силой, перенося свое заседание на следующее утро.

Вводом войск в Берлин и занятием помещения Собрания переворот не закончился. Феодальная контрреволюция поставила перед собой задачу разоружить население и гражданскую гвардию, распустить Собрание и ликвидировать другие, еще не уничтоженные мартовские завоевания народа.

11 ноября в специальном приказе Фридрих-Вильгельм IV благодарил гражданское ополчение Берлина за верную службу, но обвинял его в том, что оно взяло под свою защиту «незаконное» Собрание, и объявлял его распущенным на полгода. 12 ноября полицейское управление объявило о порядке разоружения гражданского ополчения.

В ночь с 11 на 12 ноября некоторые командиры гражданского ополчения собрались на совещание, чтобы решить вопрос о вооруженном отпоре Врангелю. К этому призывали представители от рабочих, в то время как группа левых депутатов во главе с Вальдеком и Темме колебалась и расхолаживала собравшихся. Совещание разошлось, не приняв никакого решения. Ополчение не подчинилось приказу короля о разоружении, но и не оказало никакого сопротивления контрреволюции.

Чтобы довести до конца разоружение населения, решено было ввести осадное положение. 12 ноября появился указ о введении в Берлине и в двухмильной полосе вокруг него осадного положения под тем предлогом, что «события» сделали гражданские власти неспособными к управлению.

Вся полнота власти передавалась в руки генерала Врангеля, поспешившего издать специальную инструкцию, которая отменяла все демократические свободы. Штаб Врангеля, расположившийся во дворце, получил указание приготовиться к бомбардировке Берлина.

Скоро начались аресты и обыски, преследование членов клубов, высылки и т. д. Солдаты издевались над населением: ночью стаскивали людей с постели и избивали их. 13 ноября были закрыты демократические газеты «Реформа», «Читальня» и др.

К 27 ноября десятки тысяч ружей, карабинов, сабель были отняты у буржуазной гвардии без единого выстрела.

ПРОВАЛ ТАКТИКИ «ПАССИВНОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ»

Заседания Собрания в Стрелковом клубе

11 ноября депутаты намеревались продолжать заседания, как обычно, в помещении драматического театра. Но находившиеся там солдаты только посмеялись над ними, преградив им путь.

Тогда в сопровождении массы народа депутаты направились в гостиницу «Россия», где состоялось предварительное совещание, а в середине дня они перешли в Стрелковый клуб и открыли здесь очередное заседание. Однако и на этот раз Собрание ограничилось словесным порицанием правительства Бранденбурга. Либералы устами одного из своих вожаков, Шульце-Делича, провозгласили девиз: «Не вызывать революции, не допускать уличной борьбы!» Принятое 11 ноября постановление заключало просьбу к населению сохранять спокойствие, не сходить с почвы «законности», оказывать только пассивное сопротивление. Собрание унижали и оскорбляли, а оно, в сущности, *без сопротивления* сносило все обиды. Не удивительно, что реакционеры в насмешку прозвали его «клубом Унру», который следует закрыть, наряду с другими клубами, на основании осадного положения.

Тактика «пассивного сопротивления», проводившаяся Собранием, имела, конечно, вполне определенный социально-политический смысл. Абсурдная, в качестве средства обороны против дворянско-абсолютистской контрреволюции, эта тактика служила средством предотвращения новой народной революции. Этой тактикой, вводившей в заблуждение народные массы, Собрание дезорганизовывало те силы, которые могли бы при ином руководстве дать отпор зарвавшимся контрреволюционерам.

Первые попытки активного сопротивления народа

В дни переворота в Пруссии было далеко не спокойно. В самой столице наблюдалось большое возбуждение. 12 ноября, например, казалось, что дело дойдет до открытого столкновения — на улицах толпились вооруженные граждане; рабочие устремлялись в центр города. Тревожно было и в Потсдаме. Железная дорога была разобрана в нескольких местах.

Стрелковый клуб в Берлине был окружен вооруженными студентами, техниками, мелкими лавочниками. Они настойчиво требовали, чтобы им позволили защищать Собрание. Но Унру уговорил их разойтись и ждать результатов «пассивного сопротивления».

Берлинские рабочие вооружались. Корреспондент «Немецкой газеты» («Deutsche Zeitung») сообщал в эти дни из Берлина: «Весьма знаменательно, что много оружия из рук бюргеров перешло в руки пролетариев». Это оружие рабочие приобретали часто с применением силы. До 8 тыс. вооруженных машиностроителей собирались вблизи паровозостроительного завода Борзига, демонстрируя свою готовность к борьбе. В этой же корреспонденции сообщалось, что машиностроители никому не отдадут добытое

ими оружие. «Враг сможет это сделать, только перешагнув через наши трупы»,— заявляли рабочие. Собрание было осведомлено о том, что не только в Берлине, но и в других частях страны ширится движение протеста против контрреволюционного переворота. Чтобы побудить Собрание к активному сопротивлению, демократически настроенные жители многих провинциальных городов и сельских местностей направили в Берлин тысячи адресов и петиций, десятки депутаций.

«Окружной комитет саксонских демократов», «Всеобщий крестьянский союз Силезии», «Демократический окружной комитет Рейнской провинции» и другие демократические организации, ферейны, клубы резко осуждали действия министерства Бранденбурга — Мантейфеля. Развернулась подготовка к решительной борьбе: создавались комитеты безопасности, кое-где захватывались склады оружия, создавались вооруженные отряды, войскам преграждали путь к Берлину, отказывались отправляться в ландвер и т. д.

Крестьяне Силезии, Саксонии, Вестфалии выражали готовность, «не жалея имущества и жизни», поддержать депутатов Собрания. Крестьянские делегаты, прибывшие из Саксонии, заверяли Собрание, что они не будут платить налоги, потребуют возвращения своих сыновей, служащих в войсках. Крестьянская депутация Глогау привезла в Берлин петицию королю, в которой довольно ясно говорилось о намерениях крестьян: «Если король не уступит, крестьяне готовы защищать свои права и свободы с оружием в руках». Во многих деревнях началось вооружение крестьян, например, в деревнях Вишероде, Штейнбург, Цембиен, Лобитц, Штоссен, Гроссгестевитц, Бренк в Саксен-Ангальте, в сельских кузницах крестьяне, как и во времена великой крестьянской войны, ковали пики, косы, топоры.

«Требуется только призыв Национального собрания, чтобы брожение в крестьянской массе превратилось в открытую борьбу»,— писала в эти дни газета Маркса и Энгельса. Тем не менее Унру продолжал твердить, что страна не готова к борьбе.

На заседании 12 ноября обсуждался вопрос об осадном положении. Собрание снова объявило действия правительства незаконными, но предложения призвать к отказу от выполнения инструкции об осадном положении и оказать поддержку Собранию были отклонены. «Если Собрание не хочет само призывать народ к оружию, то пусть, по крайней мере, не удерживает его»,—заявил один из немногих решительных демократов — Юнг.

13 ноября, когда у населения отбиралось оружие, когда самое существование Собрания висело на волоске, сторонники «пассивного сопротивления» не нашли ничего лучшего, как составить «Записку» с перечнем незаконных действий министерства Бранденбурга — Мантейфеля. Они решили даже обратиться с жалобой к королевскому прокурору и потребовать от него возбуждения судебного преследования против министерства. Все это происходило тогда, когда, по словам Маркса, необходимо было не обращаться к королю, а отворачиваться от него. Когда короли спасают себя при помощи осадного положения, петиции являются не чем иным, как проявлением раболепия, и подающие их, по словам Маркса, только «заслуживают кнута»[1].

Собрание в зале «Миленц». Вопрос о налоговом бойкоте

Вечером 13 ноября в помещение Стрелкового клуба ворвались солдаты. 14 и 15 ноября продолжалась еще агония берлинского Собрания. И только в эти последние дни, когда солдаты гоняли депутатов из помещения в помещение (13 ноября оно перешло из Стрелкового клуба в зал городского управления, на следующий день — в танцевальный зал, затем снова возвратилось в зал городского управления), был, наконец, поставлен на обсуждение

[1] Marx — Engels Gesamtausgabe, B. VII, Abt. I, S. 447.

вопрос об отказе от уплаты налогов. 15 ноября заседание Собрания открылось в зале гостиницы «Миленц». Едва только начались прения, появился взвод солдат под командой майора фон Бингтейфельда. «Мы опять уступаем силе»,— воскликнул Унру, собираясь закрыть Собрание. Однако на этот раз многие депутаты запротестовали. Они стали осыпать упреками ворвавшихся в зал солдат. «Заколите нас вашими штыками!» — патетически восклицал при этом Вальдек, предлагая своим товарищам не покидать помещения. «Изменник родины тот, кто покинет зал заседания»,— кричал он. Солдаты отступили и покинули помещение. Только в последний час своего существования Собрание, под давлением народных требований, поддержанных левыми, приняло решение о неуплате налогов. Заключение комиссии Собрания по петициям гласило: «Бесчисленные петиции из Бранденбурга, Померании, Саксонии и Силезии рекомендуют Национальному собранию декретировать... отказ от уплаты налогов». Некоторые петиции подписывались на грандиозных собраниях, участники которых были порой вооружены (в окрестностях Эрфурта, Золингена, в графстве Глац). К депутатам Собрания, возражавшим против налогового бойкота, являлись вооруженные горожане, требуя немедленного присоединения к решению левой. «Министерство Бранденбурга не имеет права распоряжаться финансами и взимать налоги до тех пор, пока Национальное собрание не получит возможности свободно заседать в Берлине»,— говорилось в спешно принятом постановлении. В нем не указывалось, однако, что делать населению, если правительство прибегнет к штыкам и начнет силой выколачивать налоги. Между тем 20 ноября был опубликован циркуляр министерства Бранденбурга — Мантейфеля к местным властям с требованием «принять самые строгие принудительные меры для сбора налогов». Войскам предписывалось оказывать полное содействие местным властям, но, чтобы внести раскол в народные массы, министерство предлагало «не распространять репрессии на нуждающихся... а только на тех, кто не платит налогов с целью оказать сопротивление».

Юнкеры организовали кампанию за досрочную уплату налогов. Силезские помещики досрочно внесли 2 млн. талеров, потсдамские сахарозаводчики — 50 тыс. талеров. В кампанию вовлечена была и часть зажиточных крестьян.

В противовес петициям, осуждавшим государственный переворот, контрреволюционные круги организовали петиционную кампанию в защиту правительства.

Городская бюрократия также оказалась на стороне правительства. Берлинское городское управление в обращении от 22 ноября резко осуждало постановление Собрания как «незаконное». Особенно раболепствовали перед реакцией прусские профессора: 19 профессоров университета в Галле, а затем 80 профессоров Берлинского университета обратились к населению с воззваниями, в которых объявляли законными мероприятия правительства. «Новая Рейнская газета» с возмущением отмечала «лакейскую природу», «жадного до денег профессорского отродья» и «прирожденную собачью преданность»[1] значительной части немецкой профессуры престолу Гогенцоллернов.

Берлинская крупная буржуазия очень быстро примирилась с государственным переворотом. Многие бюргеры открыто радовались тому, что покончено с «анархией», что укрепляется кредит.

Отдельные представители демократической левой намеревались организовать Революционный комитет в составе депутатов Д'Эстера, Якоби

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VII, стр. 37.

СРАЖЕНИЕ НАРОДА С ВОЙСКАМИ В ЭРФУРТЕ 24 НОЯБРЯ 1848 Г.
Ксилография 1848 г.

и Штейна и создать вооруженную организацию, но дело не пошло дальше планов и предположений. Небольшая группа демократов продолжала всё же собираться до конца ноября.

Демократическое движение в провинциях Пруссии. Предательство буржуазии

В Берлине, наводненном войсками, общественное возбуждение улеглось значительно быстрее, чем в провинции. С самого начала переворота некоторые газеты (например, «Франкфуртер цайтунг») предсказывали, что «провинции не останутся немыми».

Больше всего правительство опасалось массового движения крестьян. 15 ноября министр внутренних дел издал циркуляр, в котором говорилось, что «злонамеренные люди стараются возбудить беспокойство и волнения, распространяя слух о том, будто бы правительство намерено отменить все дарованные сельским жителям права». Местным властям предписывалось оповестить население, что «ни одно из этих прав не будет нарушено». Вместе с тем министр обещал «сделать всё, что только возможно, чтобы облегчить положение крестьянства», и требовал «срочно оповестить каждого крестьянина, что все обещания будут честно выполнены».

Эти демагогические обещания подействовали на деревню лишь частично. Хотя крестьяне в массе не выступили на защиту буржуазного парламента, обманувшего ожидания сельского люда, однако в дни контрреволюционного переворота в Берлине в ряде мест борьба крестьянства против помещиков усилилась.

Сильнее всего развернулось крестьянское движение в Силезии. В одном из своих конспектов Ленин отмечал, что «с марта по декабрь 1848 г. Пруссия жила под впечатлением «революционного пожара» в Силезии»[1].

Здесь общедемократическое движение против феодально-абсолютистских порядков сочеталось с национально-освободительным движением,

[1] Ленинский сборник XXXI, стр. 327.

разгоревшимся в 1848 г. на польских землях, входивших в состав Пруссии[1].

В конце ноября восставшие крестьяне деревни Липтин потребовали от помещика возврата земель, награбленных им за последние 20 лет. В районе Крейцбурга крестьяне нескольких деревень напали на замок помещика, разрушили его, а самого помещика избили. Крестьяне заняли дороги, чтобы воспрепятствовать проходу войск. То же имело место в других районах Силезии. Повсеместно происходили стычки с войсками.

Аграрное движение в Силезии во второй половине ноября переплелось с движением за отказ от уплаты налогов. Правительство сместило Пиндера, занявшего пост обер-президента этой провинции после мартовской революции, и назначило на его место реакционера графа Шлейница, быстро приступившего к наведению «порядка». В сельские местности были направлены карательные отряды. На помощь правительству выступило духовенство. Бреславльский архиепископ издал пастырское послание, в котором говорил крестьянам о «долге повиновения властям, установленным от бога», и об обязанности населения платить «законные налоги».

В округе Франкфурта-на-Одере, в городке Губен жители отказались платить налоги, а местное ополчение отказалось выступить против них. В город Гальберштадт были введены два батальона пехоты, чтобы «успокоить» народ. В округе Магдебург, в небольшом городке Бибр, действовал «вольный отряд», который под командой местного врача Штокмана намеревался двинуться в Берлин на защиту Собрания. Отряд успел разоружить 20 гусар. Только через несколько дней правительственным войскам удалось восстановить «порядок» в этом городе. Руководители отряда были приговорены к 28 годам тюремного заключения. В Трире 20 ноября народ оказал активное сопротивление сборщикам налогов. Произошло столкновение, в результате которого было много раненых. 23 ноября сильные волнения имели место в Дюссельдорфе также в связи с отказом от уплаты налогов; генерал-лейтенант Дригальский ввел там осадное положение. Но самое сильное столкновение произошло в Эрфурте. Здесь 24 ноября было решено воспрепятствовать созыву ландвера, который предназначался правительством для подавления народного движения. Город был немедленно объявлен на осадном положении; власти двинули против местных рабочих и ремесленников пехоту и кавалерию. Началась постройка баррикад. В результате ожесточенной схватки были убитые и раненые.

При всей слабости и распыленности движения за отказ от уплаты налогов, неправильно считать это движение, как это делал Меринг, просто «выстрелом в воздух». Неправ был и Блос, утверждавший, что «внутренних сил у демократов было немного», и что «палата соглашения осталась без поддержки». «Палата соглашения» сама себя изолировала. Наличные «внутренние силы» демократии могли выявиться только в ходе организованной и открытой борьбы. Но «палата соглашения» не только ничего не сделала для организации этих сил, а, наоборот, тормозила их активность. Это и определило конечный провал политики «пассивного сопротивления» и бесславный конец Берлинского собрания.

Буржуазные историки упорно продолжают фальсифицировать историю революции и контрреволюции в Пруссии. Они стараются оправдать поведение прусских либералов.

Классики марксизма широко осветили сущность и значение предательства прусских буржуазных либералов и весь вред «великой коме-

[1] Подробнее об этом см. главу семнадцатую.

дии» пассивного сопротивления. «Было ли в начале ноября 1848 г. слишком поздно прибегать к вооруженному сопротивлению..?»— спрашивал Энгельс и отвечал: «Но в революции, как и на войне, всегда необходимо ... вести энергичную борьбу с врагом... в революции, как и на войне, безусловно необходимо в решительный момент все поставить на карту, каковы бы ни были шансы. ...В ноябре 1848 г. для прусской революции как раз наступил решительный момент; прусское Учредительное собрание, которое официально стояло во главе всего революционного движения, не вело энергичной борьбы с врагом, а, напротив, отступало при каждом его продвижении вперед... В революции всякий, кто, занимая решающую позицию, сдает ее, вместо того чтобы заставить врага отважиться на приступ, заслуживает того, чтобы к нему относились как к изменнику»[1].

Борьба «Новой Рейнской газеты» за активное сопротивление государственному перевороту

Считая главным препятствием на пути к созданию единого германского государства юнкерскую Пруссию, Маркс и Энгельс уделяли особое внимание борьбе за уничтожение этого главного бастиона немецкой контрреволюции. Не случайно поэтому первый призыв к активной революционной борьбе с контрреволюционным государственным переворотом в Пруссии прозвучал из Кельна со страниц «Новой Рейнской газеты».

16 ноября, анализируя создавшееся положение, Маркс писал, что «исход борьбы еще не решен». «*Кулак* — последний аргумент короны, и *кулак* будет последним аргументом народа»,—подчеркивал Маркс. «*Народ должен положить конец мартовским компромиссам,* а не то им *положит конец корона*» [2].

Газета Маркса и Энгельса выдвинула лозунг немедленной организации повсеместного действенного налогового бойкота. Этот лозунг был рассчитан на вовлечение в борьбу широких кругов населения, враждебных феодально-абсолютистским порядкам, на общенародное вооруженное восстание. В напечатанном «Обращении окружного демократического комитета Рейнской провинции» указывалось, как приступить к действиям. Боевой орган Маркса и Энгельса выходил в эти дни с большим аншлагом: «Никаких больше налогов!!!» Информируя своих читателей о постановлении Собрания, «Новая Рейнская газета» писала: «Кто будет вносить налоги — изменник отечества!» В следующем номере было опубликовано новое воззвание Рейнского окружного демократического комитета, призывавшее оказывать насильственному взиманию налогов «всевозможное сопротивление». В случае отказа властей выполнять постановления Собрания воззвание рекомендовало «избирать комитеты безопасности» и созывать отряды гражданского ополчения «для отражения врага» [3].

Газета призывала централизовать усилия всех провинций и организовать общий поход на Берлин, чтобы не допустить установления в стране «сабельного режима».

Особенно важное значение в борьбе за создание общедемократического фронта Маркс и Энгельс придавали вовлечению в движение всего крестьянства. «Новая Рейнская газета» доказывала, что «свобода будет уничтожена, если крестьяне не выступят, чтобы спасти ее». 19 ноября газета писала: «Берлин может устоять, только благодаря революционной энергии провинции; крупнейшие провинциальные города и особенно столицы провинций могут быть защищены только революционной энергией сельского населения» [4].

---

[1] К. Маркс. Избр. произв., т. II, 1940, стр. 94—95.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VII, стр. 20.
[3] Там же, стр. 22.
[4] Marx — Engels Gesamtausgabe, B. VII, Abt. I, S. 682.

С большим удовлетворением «Новая Рейнская газета» отмечала факты, свидетельствующие о ее влиянии среди крестьянства. В Вестфалии крестьяне в ряде районов перестали платить налоги, как только познакомились с призывами газеты. В деревнях Силезии номера газеты со статьями Вильгельма Вольфа, вышедшие в первые месяцы 1849 г. под общим названием «Силезский миллиард», читались нарасхват. Эти статьи в яркой форме рисовали потрясающую картину феодальной эксплуатации крестьянства и выдвигали ставшее популярным среди крестьян требование выплаты возмещения им в сумме одного миллиарда франков за грабеж крестьянской земли. В этих статьях формулировалась задача ликвидации крупной помещичьей собственности. Так как газет было мало, «Крестьянский союз» Силезии тайно перепечатал 10 тыс. экземпляров статей «Силезский миллиард» и бесплатно распространял их среди крестьян.

Борьба Маркса и Энгельса против прусской контрреволюции не прекратилась и после завершения государственного переворота.

Отношение Франкфуртского парламента и европейских держав к контрреволюционному перевороту в Пруссии

Завершение контрреволюционного переворота затянулось. Вот что писал по этому поводу Бисмарк: «Тот факт, что король не сразу распустил Национальное собрание, доказывает, что в политическом развитии, как оно, повидимому, представлялось королю, роль Национального собрания и тогда еще не была сыграна до конца... Такая роль отводилась Национальному собранию на *поприще германского вопроса*». И далее: «Король надеялся добиться для Пруссии *главенства в Германии без войны* и путем, не противоречащим его легитимистским идеям».

Надежды эти были связаны с той политической линией, которую проводило большинство либеральных деятелей Франкфуртского парламента. Последние, с Тагерном и Бассерманом во главе, попрежнему стремились к «малогерманскому» пути объединения и в связи с этим открыто поддерживали прусское правительство в его борьбе против демократического движения.

6 ноября в качестве специального комиссара «центральной власти» Бассерман направился в Берлин, чтобы попытаться уладить споры между короной и Собранием. Уже по пути туда, в Дассау, он получил сведения, что Берлинское собрание «несвободно», а когда прибыл в Берлин, сразу обратил внимание на то, что Собрание окружают «ужасные люди» и «красные знамена».

На вопрос Унру: «что делать?» Бассерман отвечал: «Ехать в Бранденбург!»

Вскоре в прусскую столицу приехали из Франкфурта новые «имперские комиссары» — Симон и Гергенхан. Они повезли с собой принятое Франкфуртским парламентом 14 ноября под давлением левых постановление относительно событий в Пруссии. В этом постановлении говорилось, что «имперское собрание в согласии с имперским министерством... признает необходимым: 1) обязать прусское королевское правительство отменить объявленный перевод Собрания в Бранденбург, как только будут приняты меры, достаточные для того, чтобы обеспечить свободу его заседаний в Берлине; 2) обязать прусскую корону создать министерство, пользующееся поддержкой страны, и устранить покушения реакции на народные свободы».

Мантейфель выслушал имперских комиссаров, а затем разъяснил им, что вопрос о составе прусского правительства, как чисто внутренний, прусский, не подлежит рассмотрению имперского правительства.

Франкфуртский парламент ограничился указанным выше, ни к чему не обязывающим постановлением от 14 ноября, а через несколько дней по

существу свел его на нет, приняв резолюцию, в которой объявлял «незаконными» решения Берлинского собрания об отказе от уплаты налогов.

«Франкфуртский парламент повинен в государственной измене... Это Собрание поставило себя вне закона»,— писала по поводу этой позорной резолюции франкфуртских либералов «Новая Рейнская газета», призывая демократов без промедления создать новое Национальное собрание, в противовес «Бранденбургскому собранию во Франкфурте»[1].

Все силы феодальной и буржуазной контрреволюции в Европе приветствовали победу контрреволюции в Пруссии.

18 ноября берлинские газеты опровергли слухи о том, что английский и французский посланники в Берлине, Вестморленд и Араго, выразили протест против государственного переворота. «Таймс» с восторгом описывал все детали государственного переворота. Ввод войск Врангеля в Берлин,— писала газета,— «вызвал радость в высших кругах общества, рукоплескавших из окон домов». 15 ноября газета поместила специальную передовицу, в которой оправдывала переворот и утверждала, что создания нового министерства и перевода Собрания в Бранденбург «требовало опасное положение Пруссии». С особым удовлетворением отмечал «Таймс» факт разоружения берлинского населения.

ЗАВЕРШЕНИЕ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРЕВОРОТА

Разгон Собрания в Бранденбурге

Мартовская революция, вырвавшая у Фридриха-Вильгельма IV либеральные уступки и породившая «палату соглашения», лишила Гогенцоллернов самодержавной власти. Осуществляя в ноябре 1848 г. государственный переворот, контрреволюция стремилась восстановить по возможности все старые порядки, но делала это скрытно и осторожно. Модным в ту пору был конституционализм, и главная уловка контрреволюционеров состояла в том, чтобы, говоря словами Меринга, с силой «семи быков» мычать о конституции.

Контрреволюционные круги не переставали обвинять Берлинское собрание в том, что оно «превышает свои полномочия» и «вмешивается в дела управления» вместо того, чтобы поскорее выработать конституцию. В то же время враги революции вели разнузданную демагогическую агитацию среди солдат и крестьян против Собрания и всех, кто его поддерживал. В контрреволюционных листовках, обращенных «к народу», сообщалось, что Собрание занимается «сущими пустяками», оскорбляет короля и тратит к тому же немало денег.

27 ноября в соборе города Бранденбурга Собрание должно было возобновить свои заседания. К этому времени в Бранденбург прибыло около 150 правых депутатов; кворума нехватало. В связи с этим правительство решило вызвать заместителей отсутствующих депутатов и завершить переворот спешным введением аристократической конституции. В случае неявки заместителей решено было под этим предлогом распустить Собрание.

Угроза вызвать заместителей подействовала на депутатов центра и части левой: они стали съезжаться в Бранденбург; часть левой, во главе с Вальдеком и Якоби, наотрез отказалась туда явиться. К 1 декабря в Бранденбург все же прибыло еще около 100 депутатов, и Собрание стало правомочным. Среди собравшихся преобладали правые.

Депутаты оппозиции предложили дождаться приезда остальных, отсрочив заседания до 4 декабря. Правые демонстративно отклонили это

---

[1] Marx—Engels Gesamtausgabe, B. VII, Abt. I, S. 450.

предложение и тем спровоцировали уход из Собрания около 100 либеральных депутатов. Собрание опять стало неправомочным. Тогда 3 декабря охвостье, палаты, состоявшее из одних правых, вторично призвало заместителей и отсрочило заседания до 7 декабря.

Однако правые вовсе не собирались продлить жизнь «палаты соглашения», так как не без основания опасались преобладания либералов и демократов в случае приезда в Бранденбург депутатов или их заместителей, избранных еще в апреле. Опасения правых разделялись королем, камарильей и министерством Бранденбурга — Мантейфеля. В конце концов разгон Собрания был решен.

5 декабря были изданы два королевских указа и октроирована конституция; на следующий день был опубликован новый избирательный закон. Указы распускали Собрание и созывали новые палаты на февраль 1849 г.

Октроированная конституция 5 декабря 1848 г.

«Дарованная» Фридрихом-Вильгельмом IV конституция 5 декабря могла удовлетворить крупную буржуазию тем, что гарантировала ей такие политические свободы, как свобода слова, собраний, союзов, представительство в палатах. Собрания вооруженных граждан запрещались; собрания под открытым небом допускались только с предварительного разрешения полиции (ст. 27); бедняки («несамостоятельные пруссаки») не получали политических прав (ст. 67). Статья 8 объявляла частную собственность неприкосновенной.

Если «хартия Вальдека» в какой-то мере ограничивала абсолютизм, то «хартия Мантейфеля», как стали называть октроированную конституцию, по существу восстанавливала его в полном объеме. Корона «божьей милостью», абсолютное вето короля, бесконтрольное распоряжение армией, неограниченное право объявлять войну, сохранение старого уголовного законодательства, старой системы налогов, старого воинского дисциплинарного устава, возврат дворянству титулов — вот некоторые, наиболее характерные статьи октроированной конституции. Статья 105 предоставляла королю право неограниченного законодательства в промежутки между сессиями палат. По статье 110 все гарантии личных свобод в случае волнений отменялись.

Конституционные обещания Гогенцоллернов оказались клочком бумаги. Действительной конституцией министерства Бранденбурга — Мантейфеля стало осадное положение.

Рейнская кассационная палата, высший трибунал Берлина, судебные палаты в Мюнстере, Бромберге и других городах организовали преследования депутатов-демократов (в частности, Вальдека, Темме, Кирхмана).

Опираясь на верную династии армию, покорных чиновников и судей, на осадное положение, король и юнкеры уже с конца 1848 г. хозяйничали, как до мартовской революции. «Горы переместились...— писал Маркс,— но верстовой столб все еще стоит... верстовой столб доброго старого домартовского времени» [1].

Созыв новых палат в Пруссии

Чтобы создать себе наиболее благоприятные условия на новых выборах, министерство провело некоторые либеральные мероприятия: был введен гласный суд присяжных, отменен штемпельный сбор с газет. Правительство не скупилось на обещания крестьянам. 12 декабря было опубликовано официальное «Разъяснение», в котором утверждалось, что вопрос «о безвозмездной отмене различных повинностей», не разрешенный Собранием, будет решен в желательном для крестьян смысле созываемыми в феврале палатами. Давая такие обещания, правительство было уверено, что пер-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VII, стр. 164.

вая палата, которая явится как бы обновленным Соединенным ландтагом, не допустит осуществления этих обещаний.

Закон от 6 декабря 1848 г. устанавливал следующий порядок выборов в палаты. На 21 января назначалось избрание выборщиков для второй палаты. Хотя для избрания этой палаты сохранялся в силе закон от 6—8 апреля о всеобщем избирательном праве, оно фактически было уничтожено, так как слова: «каждый пруссак» были заменены словами: «каждый самостоятельный пруссак»; таким образом, бедняки лишались избирательного права. 5 февраля выборщики должны были избрать депутатов во вторую палату.

На 29 января назначалось избрание выборщиков для первой палаты. Право участия в выборах предоставлялось только лицам, достигшим 30-летнего возраста, либо платившим свыше 8 талеров налога, либо имевшим свыше 500 талеров чистого дохода или недвижимую собственность стоимостью в 5 тыс. талеров. 12 февраля выборщики должны были избрать депутатов первой палаты из числа лиц, достигших 40 лет и могущих обходиться без депутатского жалования, т. е. наиболее богатых.

Хотя демократы осуждали такой антидемократический избирательный закон, как и октроированную двухпалатную систему в целом, они решили всё же принять участие в выборах в расчете на то, что вторая палата будет играть роль нового Национального собрания, и что удастся пересмотреть конституцию.

Правительственные органы всячески содействовали сторонникам октроированной конституции: они устанавливали избирательные округа так, чтобы уменьшить число округов с преобладанием демократически настроенного населения, чинили препятствия предвыборным демократическим собраниям (особенно в Берлине, где сохранялось осадное положение).

Однако и при таких неблагоприятных условиях выборы на первой стадии дали победу либералам и демократам; но на втором этапе, при выборах самих депутатов, властям удалось ослабить успехи противников абсолютизма.

Первая палата оказалась вполне бюрократической. Сюда попали все обер-президенты, вышедшие на пенсию домартовские министры и дипломаты, руководители камарильи, фон Герлах, Юлиус Шталь, а также бывшие «либеральные» министры Кампгаузен, Ганземан, Ауэрсвальд, Мильде, Гирке и др.

Вторая палата была по своему составу смешанной. Здесь встретились все видные члены распущенного Собрания.

Среди ее правых элементов оказались фон Клейст-Ретцов, Бисмарк, фон Бодельшвинг и др. Крайне правых было около 50 человек, так что без союза с другими, более умеренными группировками они ничего добиться не могли. Во главе умеренно консервативного направления стоял граф Финке, целиком поддерживавший правительство в его внутренней политике, но занимавший более либеральную позицию в общегерманских делах. Обе правые фракции располагали в палате большинством, хотя и не очень значительным.

Оппозиционное крыло второй палаты состояло главным образом из депутатов обоих центров разогнанного Собрания, из сторонников Унру и Родбертуса и частично из сторонников Вальдека. Кандидатура Унру на пост президента палаты была отклонена 171 голосом правых против 158 голосов. Избран был представитель правой — Грабов.

Палата начала свою деятельность с обсуждения ответа на тронную речь, оправдывавшую контрреволюционный переворот. Правая стояла за почтительный ответ королю и за одобрение октроированной конституции. После длительных дебатов победила правая.

Разгон второй палаты в апреле 1849 г.

28 марта 1849 г. Франкфуртский парламент закончил выработку общегерманской конституции. Известие об этом вызвало новый подъем в демократических кругах.

Палата постановила одобрить имперскую конституцию. Тогда правительство Фридриха-Вильгельма IV решило покончить со всякого рода либеральной оппозицией и 28 апреля 1849 г. издало прокламацию о роспуске второй палаты. Даже партия Финке в этом вопросе отказала в поддержке королю. Заседания первой палаты, пользовавшейся доверием министерства Бранденбурга — Мантейфеля, были только отсрочены. Вторичный разгон Собрания вызвал народные волнения в Берлине, во время которых 15 человек были убиты и многие ранены.

После апрельского роспуска второй палаты и расстрела демонстрации в Берлине была издана правительственная «Инструкция», согласно которой любой военачальник мог по собственному усмотрению вводить осадное положение. Еще уцелевшие кое-где демократические общества и радикальные газеты закрывались. В мае была запрещена «Новая Рейнская газета». Участились судебные преследования, аресты и ссылки демократов.

После государственного переворота прусская контрреволюция взяла на себя роль общенемецкого жандарма. Опираясь на свою вышколенную армию, состав которой с марта 1848 г. утроился, прусский король оказывал помощь другим немецким государям в борьбе с революционерами.

Реакционная конституция 1850 г.

Вскоре Фридрих-Вильгельм IV решил в корне изменить избирательные порядки и издал 30 мая 1849 г. так называемый «трехклассный избирательный закон».

Согласно этому закону, все прусские граждане, достигшие 30-летнего возраста, делились на три класса в зависимости от суммы уплачиваемых ими налогов. К первому классу отнесено было 153 тыс. наиболее состоятельных избирателей, ко второму — 409 тыс. менее состоятельных, наконец, к третьему — 2651 тыс. граждан, платящих незначительные налоги или вовсе от них освобожденных. Каждый класс должен был избирать по одинаковому числу выборщиков, избиравших в свою очередь путем открытого голосования депутатов ландтага. Голос состоятельного избирателя, следовательно, значил в несколько раз больше, чем голос менее состоятельного, а тем более неимущего. Новый избирательный закон вводил в Пруссии высокий имущественный ценз, вместо завоеванного народом в марте 1848 г. всеобщего избирательного права.

Еще через восемь месяцев — 31 января 1850 г.— этот закон вошел составной частью в новую, принятую после длительных обсуждений обеими палатами, конституцию, уничтожавшую в Пруссии последние остатки демократических свобод и открыто возвращавшую всю полноту власти королю и министрам, ответственным лишь перед ним.

По конституции 1850 г., заменившей конституцию 5 декабря 1848 г., в Пруссии должны были существовать две палаты, обладающие равными правами. Членами верхней палаты, получившей позднее название «палаты господ», кроме 120 выборных членов, являлись все принцы царствующего дома, представители главных дворянских родов, обер-бургомистры городов и представители университетов. Члены нижней палаты ландтага избирались на основании трехклассного закона. За обеими палатами сохранялось право вотирования законов, а также право утверждения бюджета и новых налогов.

Так, в течение 1849—1850 гг. были снова укреплены устои пошатнувшегося дворянско-помещичьего государства Гогенцоллернов. В результате незавершенной буржуазной революции прусские помещики не только

не были лишены своих политических и социальных привилегий, но и сохранили на долгие годы в своих руках власть. Они пошли лишь на самые незначительные уступки буржуазии и содрали с крестьян при освобождении их от феодальных повинностей огромные выкупные платежи. Согласно закону от 2 марта 1850 г., проведенному министром внутренних дел Мантейфелем, были уничтожены без всякого вознаграждения помещикам лишь мелкие крестьянские повинности. В результате же проведенной выкупной операции крестьяне уплатили своим бывшим господам 18-кратную стоимость своих основных феодальных рент. В руки юнкеров перешли огромные суммы денег.

Аграрная реформа 1850 г. способствовала развитию капитализма в прусском сельском хозяйстве. Но, поскольку в результате поражения революции 1848 г. в Пруссии сохранилось политическое и экономическое господство дворян-помещиков, весь процесс превращения феодально-бюрократической монархии Гогенцоллернов в юнкерски-буржуазное государство протекал очень медленно. Это был *прусский путь* развития капитализма в земледелии, путь, наиболее мучительный для крестьян.

Глава тридцать восьмая

НАСТУПЛЕНИЕ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ ВО ФРАНЦИИ. ОТ КАВЕНЬЯКА К ЛУИ БОНАПАРТУ

Разгром июньского восстания парижских рабочих явился переломным моментом в истории Второй республики, означал торжество буржуазной контрреволюции.

28 июня Кавеньяк, сложивший свои чрезвычайные полномочия, был утвержден в звании «главы исполнительной власти французской республики». Созданное им министерство было гораздо более реакционным, чем предыдущее. Подавляющее большинство новых министров принадлежало к правому крылу буржуазных республиканцев, группировавшемуся вокруг газеты «Насиональ» (к так называемым «трехцветным республиканцам»). Министром внутренних дел стал Сенар, иностранных дел — Бастид, юстиции — Бетмон (а затем Мари), финансов — Гудшо, земледелия и торговли — Антони Туре, общественных работ — Рекюр, народного просвещения — Карно (позднее — Волабелль). Пост военного министра занял генерал Ламорисьер — правая рука Кавеньяка в июньские дни. Командующим национальной гвардией был назначен орлеанист генерал Шангарнье. Председателем Учредительного собрания был выбран Марраст. Левые республиканцы и мелкобуржуазные демократы в лице Ледрю-Роллена и Флокона были отстранены от власти.

Кавеньяк — «глава исполнительной власти»

Реакционные мероприятия правительства

Одним из первых шагов Учредительного собрания после июньской бойни был роспуск национальных мастерских в Париже и провинции; соответствующее предложение, внесенное 23 июня, но тогда не принятое, снова было внесено 28 июня и уже 3 июля стало законом. Чтобы несколько ослабить недовольство, которое должен был вызвать этот декрет, 5 июля было постановлено открыть кредит в 3 млн. фр. для субсидий рабочим ассоциациям.

Репрессивные меры следовали одна за другой. Закон 11 июля фактически восстанавливал аннулированный после февральской революции денежный залог для печати. «Бедный должен молчать»,— так охарактеризовал классовый смысл этого закона Ламеннэ в своей газете «Народ-учредитель». Другой закон (11 августа) грозил суровыми преследованиями за оскорбление в печати Учредительного собрания и исполнительной власти, за «какие бы то ни было нападки на свободу вероисповеданий, на право собственности и на семейное право». 28 июля был принят декрет

о клубах, согласно которому они ставились под надзор властей, не имели права устраивать тайные заседания, допускать в свою среду вооруженных людей, сноситься между собою, обсуждать вопросы и предложения, противные «порядку» и «нравственности».

3 августа Учредительное собрание заслушало доклад следственной комиссии по делу о выступлении 15 мая и июньском восстании; комиссия состояла из 15 членов и работала под председательством Одилона Барро. Этот ярый враг демократии создал настоящий процесс против участников февральской революции, к которым он причислял участников событий 17 марта, 16 апреля, 15 мая, 23—26 июня. Следствие было направлено против левых республиканцев и социалистов. 25 августа Учредительное собрание постановило разрешить главному прокурору привлечь к судебной ответственности двух своих членов — Луи Блана и Коссидьера — по обвинению в выступлении 15 мая, хотя в действительности они были к нему совершенно непричастны. Им удалось скрыться и бежать в Англию.

Поражение рабочего класса, торжество буржуазной контрреволюции привело к ухудшению положения мелкой буржуазии и крестьянства.

2 сентября Учредительное собрание подтвердило (вторично, первый раз это было сделано 22 мая) декрет Временного правительства о дополнительном 45-сантимном налоге. Послушное воле крупных капиталистов Собрание отказалось от выкупа государством железных дорог, отвергло предложение о прогрессивном налоге, отклонило законопроект о «полюбовных сделках» между кредиторами и должниками. Вследствие этого мелкая буржуазия очутилась перед угрозой банкротства: в Париже просроченных векселей было на сумму свыше 21 млн. фр., в провинции — свыше 11 млн.; владельцы более 7 тыс. торговых заведений не платили за наем помещений с 24 февраля.

Другим ударом по интересам мелкой буржуазии было восстановление (13 декабря) тюремного заключения за долги, отмененного 9 марта.

Но наиболее тяжким правительственным преследованиям подвергался рабочий класс. Закон от 9 сентября отменил проведенное 2 марта сокращение рабочего дня на один час. Циркуляр от 6 октября отнял у рабочих свободу передвижения по стране и ввел для них систему обязательных паспортов. Циркуляр от 16 ноября предписывал местным властям и инженерам следить за тем, чтобы рабочие не занимались политикой.

Рабочие ассоциации во второй половине 1848 г.

До июньского восстания делались попытки объединения производственных ассоциаций в единое целое. В середине июня в «Газете трудящихся» («Journal des travailleurs») было опубликовано обращение организационного комитета по созданию «Общества объединенных корпораций», с целью «уничтожения эксплуатации человека человеком путем объединения производителей в ассоциации и образования мастерских объединенных рабочих». По уставу этой организации, напоминающему устав тайных обществ 30-х и 40-х годов, она должна была возглавляться Центральным комитетом и окружными комитетами; первичной ячейкой являлись «секции», которыми руководили начальники секций; каждые 10 членов составляли «декурию» во главе с «декурионом», каждые 100 членов составляли «центурию» во главе с «центурионом». Каждый рабочий, желающий вступить в общество, должен был записаться в секцию своего квартала и принимался по представлению двух членов; выходцы не из рабочей среды принимались только по докладу особой проверочной комиссии. Для членов организации устанавливался еженедельный взнос в размере 10 сантимов.

Первое общее собрание членов Общества состоялось между 15 и 25 июня. Был принят новый устав, представлявший собой, в своей «теоретической»

основе, мешанину различных утопических взглядов с заметным отпечатком влияния Луи Блана. Статья 2 устава гласила: «Общество имеет целью организовать производство и потребление на началах взаимности услуг, положить конец эксплуатации человека человеком и не допускать ущемления заработной платы кого-либо из его членов». Члены Общества должны были вносить ежемесячные авансы в размере 50 сантимов, обязывались покупать нужные им продукты и товары только в магазинах Общества и оказывать друг другу помощь в случае аварий, пожаров и т. п. Все должности в Обществе замещались на основе выборов.

Этот проект не получил практического осуществления: буржуазная контрреволюция, восторжествовавшая после июньских дней, помешала «Обществу объединенных корпораций» приступить к работе.

Некоторый успех выпал на первых порах на долю «Братской ассоциации» рабочих-столяров, созданной в Лионе в начале августа 1848 г. За первые пять месяцев существования ассоциации в нее вступило 300 членов и были открыты три мастерские. Члены этой ассоциации должны были вносить пай в размере 100 фр. (по 2 фр. в месяц) и работать своими инструментами. Прибыль должна была распределяться следующим образом: четыре пятых делились поровну между всеми членами ассоциации; одна пятая делилась на несколько частей, которые шли на уплату налога государству, на пополнение кассы инвалидов труда, на премии за трудолюбие и талант, на поддержку безработных, на создание особого банка, который должен был субсидировать все местные ассоциации. Несколько иначе распределялась прибыль в «Ассоциации каменотесов» департамента Роны, основанной в сентябре 1848 г.: 75% распределялись поровну между всеми членами ассоциации, 10% отчислялись в «братскую кассу взаимопомощи», 10% — в «кассу солидарности» (для поддержки стачечников), 5% шли на уплату государственного налога. Главный прокурор Лиона с возмущением писал по поводу этой ассоциации, что она представляет собой не благотворительное общество, а боевую классовую организацию, имеющую целью «диктовать с помощью коалиций в широком масштабе свою волю промышленным предпринимателям, хозяевам, торговцам».

Напуганное революционной активностью рабочего класса, правительство пыталось отвлечь его от политической борьбы и переключить его внимание на узко экономические задачи. С этой целью было ассигновано 3 млн. фр. на поддержку рабочих ассоциаций. Из этой суммы было истрачено несколько более 2,5 млн. фр., которые и были распределены между 30 парижскими (890 тыс. фр.) и 26 провинциальными (1,7 млн. фр.) ассоциациями. Но огромное большинство ассоциаций не получило никаких субсидий, а из 26 провинциальных ассоциаций только 11 были действительно рабочими. Крупную сумму (155 тыс. фр.) получила компания по колонизации ланд в департаменте Жиронды — чисто капиталистическое предприятие, не имевшее ничего общего с рабочей ассоциацией.

В лионских производственных ассоциациях 1848 г. большим влиянием пользовались фурьеристы. Один из них, Куанье, выдвинувший идею «свободной и добровольной ассоциации всех предпринимателей и рабочих одной и той же отрасли промышленности», видел в такой ассоциации верное средство борьбы с революционными потрясениями. Ассоциация ставилась под наблюдение государственной власти. Доходы ассоциации должны были делиться пропорционально между капиталом и трудом. Для распределения изготовленных продуктов создавались «коммунальные агентства», которые учреждали в каждой коммуне склад, банк и магазин. Куанье считал, что проектируемая им система приведет к подъему хозяйственной жизни, обеспечит «равновесие между потреблением и производ-

ОБВИНЯЕМЫЕ 15 МАЯ

В первом ряду слева стоит Луи-Блан; сидят: генерал Курте и Огюст Бланки; во втором ряду слева: Альбер, Коссидьер, Распайль, Собрие, Барбес, Кантен, Уно, Флотт; в третьем ряду, слева: Шансель, Борм, Лавиррон, Дегре, Тома, Виллен, Сеньёре, Юбер, Ларже

Литография Шарпантье

Собрание Института Маркса — Энгельса — Ленина. Москва

ством», оградит промышленность от иностранной конкуренции, покончит с безработицей и нуждой, уничтожит спекуляцию, упразднит тяжелые налоги, повысит заработки, позволит государству осуществить общественные работы и создать кассы помощи трудящимся и т. д. Проект Куанье оказался мертворожденным детищем.

Наряду с производственными ассоциациями возникали потребительские кооперативы. Самой мощной организацией этого рода была «Ассоциация трудящихся Нанта», иначе «Общественная булочная», основанная в конце 1848 г. (устав ее был принят 1 января 1849 г.) передовым общественным деятелем доктором Гепэном; она издавала даже собственный журнал. В некоторых городах возникали «Ассоциации дешевой жизни» и открывались общественные лавки, где пайщики могли приобретать продукты и товары на 7% дешевле, чем в частных магазинах.

Большую деятельность развивала потребительская ассоциация, созданная в июне 1848 г. рабочими Лилля при деятельном участии доктора Миллона, издателя демократической газеты «Народ». Целью этой ассоциации (она называлась «Человечество»), согласно ее уставу, было приискание работы для безработных, обеспечение трудящихся здоровой и обильной пищей по удешевленным ценам, одеждой, бельем, обувью, удобным жильем, оказание помощи пострадавшим от несчастных случаев, поддержка престарелых, забота о будущности детей. Ассоциация производила оптовые закупки продуктов, заключала договоры с булочниками и благодаря этому могла продавать своим членам продукты по более низким ценам, чем в частных лавках. В 1849 г. была открыта обществен-

ная кухня, в 1850 г. — общественная мясная. Члены ассоциации Миллона обязывались продавать изделия своего труда только друг другу и по себестоимости. Средства организации составлялись из ежемесячных членских взносов (по 15 сантимов). Во всем построении ее чувствовалось сильное влияние идей фурьеризма. Структура потребительской ассоциации рабочих Лилля была такова: общее собрание выделяло на один год директорию в составе председателя и двух его заместителей; вместе с «сотниками» (делегаты от каждых 100 членов) и «двадцатниками» (делегаты от каждых 20 членов) они составляли «административную комиссию», которая выделяла из своей среды шесть подкомиссий (организационную, продовольственную, трудовую и т. д.).

Бо̀льшая часть рабочих ассоциаций, образовавшихся в 1848 г. или в 1849 г., просуществовала весьма недолго. Те из них, которым удалось продержаться до конца Второй республики, были закрыты властями после бонапартистского переворота 2 декабря 1851 г.

Внешняя политика Кавеньяка

Внешняя политика Кавеньяка целиком соответствовала его внутренней политике. Партия буржуазных республиканцев, клеймившая внешнюю политику Июльской монархии как реакционную и антинациональную, став у власти, продолжала в этом отношении традиции Гизо, даже превзошла его в своей угодливости перед Англией, в своем пресмыкательстве перед европейской реакцией. Как и Ламартин, Кавеньяк искал сближения с правительством царской России и отказывал в поддержке угнетенным народам, стремившимся сбросить с себя чужеземный гнет. Когда 24 ноября революция изгнала папу Пия IX из Рима, французский посол помог ему бежать, а Кавеньяк официально предложил ему убежище во Франции[1].

Рост демократической оппозиции

Политика «трехцветных республиканцев» способствовала усилению активности более правых, антиреспубликанских групп и в то же время вызывала всё растущее недовольство среди широких слоев населения. Недовольство это дало себя знать уже на дополнительных выборах 17 сентября. Среди пятнадцати вновь избранных депутатов был и Луи Бонапарт, прибывший теперь в Париж для участия в работах Учредительного собрания, но был и Распайль, коммунист, сидевший в тюрьме за участие в выступлении 15 мая. Вскоре открылась кампания банкетов, организованных мелкобуржуазными демократами во главе с Ледрю-Ролленом под лозунгом борьбы с контрреволюцией. На банкете 22 сентября в Тулузе, по случаю годовщины провозглашения первой республики (1792), раздавались возгласы: «Да здравствует Гора! Да здравствует Робеспьер! Да здравствует Барбес!»

Чтобы укрепить свое пошатнувшееся положение, Кавеньяк в начале октября привлек в свой кабинет трех монархистов, в том числе двух бывших министров Луи-Филиппа — Дюфора и Вивьена (первый получил министерство внутренних дел, второй — министерство общественных работ). Эти назначения вызвали резкие протесты в демократической печати.

19 октября было снято осадное положение, на котором Париж находился со времени июньских дней. 4 ноября была принята новая конституция Франции, обсуждавшаяся в течение нескольких месяцев.

12 ноября на площади Согласия состоялось торжественное провозглашение конституции; оно закончилось парадом частей парижского гарнизона и национальной гвардии. Церемония прошла холодно. Ни среди официальных лиц, ни среди избранной буржуазной публики, которой были

[1] Подробнее о внешней политике Франции в 1848 г. см. в главе сорок третьей.

PARISIENS!

Donjon de Vincennes.

AUGUSTE BLANQUI.

15 Septembre 1848.

ПРЕДВЫБОРНОЕ ВОЗЗВАНИЕ БЛАНКИ 15 СЕНТЯБРЯ 1848 Г.

Афиша

Собрание Института Маркса — Энгельса — Ленина. Москва

отведены особые места, не чувствовалось никакого энтузиазма; трудящиеся Парижа отсутствовали на этом празднестве, на котором председательствовал Кавеньяк. «Народ, совершивший 24-е февраля, не был там», — отмечала газета «Реформа».

Конституция 1848 г. Конституция 4 ноября 1848 г. объявляла Францию республикой «демократической, единой и нераздельной», основанной, как лицемерно говорилось в этом документе, на принципах «свободы, равенства, братства» и базирующейся на «семье, труде, собственности, общественном порядке». Конституция декларировала, что республика не будет вести завоевательных войн, что она «никогда не употребит своих вооруженных сил против свободы какого-либо другого народа». «Свобода личности, печати, слова, союзов, собраний, преподавания, совести и т. д.— неизбежный генеральный штаб свобод 1848 г. — эти свободы были облачены, — указывал Маркс, — в конституционный мундир, делавший их неуязвимыми. Каждая из этих свобод провозглашается *безусловным* правом французского гражданина, но с неизменным примечанием, что она беспредельна постольку, поскольку она не ограничена «*одинаковыми правами других и общественной безопасностью*» или «законами», которые именно и должны опосредствовать эту гармонию индивидуальных свобод друг с другом и с общественной безопасностью... Поэтому конституция всюду ссылается на будущие *органические* законы, которые должны подробно развить эти оговорки и так урегулировать пользование всеми этими неограниченными свободами, чтобы они не сталкивались ни друг с другом, ни с общественной безопасностью. В дальнейшем эти органические законы были созданы друзьями порядка, и все эти свободы были так урегулированы, что буржуазия

может ими пользоваться, не встречая никакого препятствия в равных правах других классов»[1].

«Право на труд», фигурировавшее в первом, выработанном до июньских дней проекте конституции, было заменено «правом на общественную благотворительность». Статья 8 конституции гласила, что «Республика должна защищать гражданина, его личность, его семью, его религию, его собственность, его труд, сделать образование, необходимое каждому, доступным для всех; она должна путем братской благотворительности обеспечивать существование нуждающихся граждан, предоставляя им работу в пределах ее возможностей, оказывая помощь тем, кто не имеет семьи и не в состоянии трудиться». Поправка мелкобуржуазного демократа Феликса Пиа, предложившего изменить эту формулировку и включить в нее пункт о «праве на труд», была встречена бурными протестами консервативного крыла депутатов и отвергнута 638 голосами против 86. Особенно резко выступали против этой поправки министр внутренних дел Дюфор и богатый руанский фабрикант Гранден. Рабочие-плотники департамента Сены обратились к Феликсу Пиа через газету «Реформа» с письмом, в котором горячо благодарили его за защиту «права на труд» — «самого священного права народа перед лицом холодного эгоизма злосчастного века».

Конституция устанавливала следующую организацию государственной власти во Франции. Законодательная власть предоставлялась одной палате, избираемой на три года всеобщим (для мужчин, достигших 21 года), прямым и тайным голосованием. Исполнительная власть вручалась президенту республики, избираемому на четыре года подобным же всеобщим голосованием. Наделение президента столь большой властью объяснялось стремлением крупной буржуазии, сильно напуганной июньским восстанием, создать надежный оплот против рабочего и демократического движения. Право пересмотра конституции предоставлялось только самому Законодательному собранию. Пересмотр был обставлен такими условиями, которые делали его практически почти неосуществимым. Таким путем буржуазные республиканцы надеялись обеспечить неприкосновенность своего детища. Остается добавить, что старая организация административного аппарата, суда, полиции, армии осталась почти нетронутой; «кое-какие изменения, внесенные конституцией, касались не содержания, а оглавления, не вещей, а названий»[2]. В общем, конституция 1848 г. носила законченный буржуазно-консервативный характер и открывала лазейку для установления личного режима президента.

Президентские выборы 10 декабря 1848 г.

Первым применением новой конституции были президентские выборы 10 декабря 1848 г. Выборам предшествовала оживленная агитация, которая в широких размерах велась представителями различных политических партий. Было выставлено шесть кандидатов: 1) Распайль, выдвинутый рабочим классом, социалистическими группами, 2) Ледрю-Роллен, кандидат мелкобуржуазных демократов, 3) Ламартин, кандидат части «трехцветных республиканцев», 4) Кавеньяк, выдвинутый правящей республиканской фракцией буржуазии, 5) Луи Бонапарт, 6) генерал Шангарнье, кандидат орлеанистов.

Передовые рабочие не скрывали своего резко враждебного отношения как к генералу Кавеньяку, кровавому палачу июньских повстанцев, так и к принцу Луи Бонапарту, уже дважды пытавшемуся восстановить во Франции наполеоновскую империю. Они не верили демагоги-

---

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв., т. I, 1949, стр. 223.
[2] Там же.

ческим посулам бонапартистов, уверявших, что племянник Наполеона I намерен вести миролюбивую внешнюю и прогрессивную внутреннюю политику. За несколько дней до выборов в Париже произошел такой характерный эпизод: группа рабочих торжественно сожгла на одной из улиц два соломенных чучела: одно изображало Кавеньяка, другое — Луи Бонапарта.

Демократы города Бриуда предостерегали крестьян против кандидатур Кавеньяка и Луи Бонапарта. «Кавеньяк — это буржуазная республика, это — республика осадного положения, это — закрытие газет и клубов, это — тяжелые налоги, это — приговоры без суда, это — массовые высылки, это — произвол». «Луи Бонапарт — это монархическая республика, или, вернее, это — империя без славы, империя без императора, иначе говоря, деспотизм». «Ни Кавеньяка, ни Луи Бонапарта!» — таков должен быть девиз всех подлинных демократов и социалистов.

Кандидатом передовых рабочих являлся коммунист Распайль. Крупное политическое значение выдвижения кандидатуры Распайля было ясно указано Марксом: «Голосование за Распайля—так объявили во всеуслышанио рабочие и их социалистические вожди — носило характер лишь демонстрации; оно было массовым протестом против всякого президентства вообще, т. е. против самой конституции; вместе с тем это было голосованием против Ледрю-Роллена; это был первый акт, в котором выразилось отделение пролетариата, как самостоятельной политической партии, от демократической партии»[1].

Рабочие и демократы города Бриуда в обращении к избирателям департамента Верхней Луары характеризовали Распайля в следующих ярких выражениях: «Кандидат Парижа, кандидат народа, узник Венсеннского замка, революционер в науке и в политике, враг шарлатанства, ростовщичества, эксплуатации, друг народа, рабочих, всех угнетенных и несчастных».

За избрание Распайля высказалась и газета Прудона «Народ». По различным причинам, в значительной мере вследствие личной вражды к руководителям Горы (особенно к Делеклюзу), Прудон, сначала пытавшийся склонить социалистов к поддержке кандидатуры Луи Бонапарта, примкнул затем к сторонникам Распайля.

27 ноября газета «Народ» опубликовала обращение Центрального избирательного комитета к республиканским, демократическим, социалистическим избирателям (за подписью его председателя д'Альтон-Шэ и других его членов), излагавшее программу этой организации.

Программа эта (в общем — демократическая, но пропитанная вредными идеями Прудона, Луи Блана, Пьера Леру и других французских социалистов-утопистов) провозглашала, что «республика есть единственная форма государственного строя, в которой может осуществляться народный суверенитет», что «демократическая и социальная республика есть осуществленное равенство», и что каждый человек имеет следующие неотъемлемые права: право на жизнь, личную свободу, семью, свободу совести, собраний и ассоциаций, свободу труда, слова, печати, голосования. Далее в программе говорилось: «каждому человеку должно быть обеспечено право на труд, а тем, кто не может работать — возможность существования»; каждый человек имеет право на собственность; кредит должен быть «бесплатным и взаимным»; распределение благ должно производиться «по труду и по потребностям»; деньги заменяются обменными бонами, выражающими реальную ценность товаров. В области политической программа выдвигала всеобщее и прямое избирательное право, однопалатную

---

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв., т. I, 1949, стр. 145.

систему, выборность, ответственность и сменяемость всех должностных лиц, обязанность всех граждан защищать родную землю, всеобщее, бесплатное и обязательное образование и т. п. В области внешней политики программа провозглашала такие принципы, как солидарность и братство народов и непризнание королей.

За декларативной частью программы шел перечень практических мер: «помощь всем угнетенным нациям», «вооружение всех граждан для защиты отечества и общих прав»; «отмена всех законов, препятствующих свободе слова и печати, собраниям и ассоциациям; «отмена декретов против сходок и клубов»; упразднение должности президента; справедливая и умеренная оплата всех общественных должностей; обеспечение прав женщины; упразднение бюджета культов; бесплатность судопроизводства; «упразднение привилегий Французского банка и немедленное учреждение Общественного банка, обеспечивающего всем отраслям промышленности взаимный и бесплатный кредит»; широкое развитие ассоциаций трудящихся в сельском хозяйстве и промышленности; «выкуп государством каналов, шахт, железных дорог и т. п. и их эксплуатация рабочими ассоциациями под наблюдением государства»; организация рынков и базаров для непосредственного обмена предметами потребления, без участия ростовщиков, фальсификаторов и спекулянтов; забота государства о здоровье населения; общедоступное страхование сельских хозяев от мороза, града, наводнения, падежа скота; упорядочение и погашение государственного долга; отмена 45-сантимного налога; постепенное снижение прямых налогов на земельную собственность, сырье и готовую продукцию; упразднение октруа; «немедленная отмена косвенных налогов на соль, мясо, напитки и предметы первой необходимости»; выплата вкладов в сберегательных кассах и возмещение вкладчикам убытков, которые они понесли из-за мартовского декрета 1848 г., и т. п.

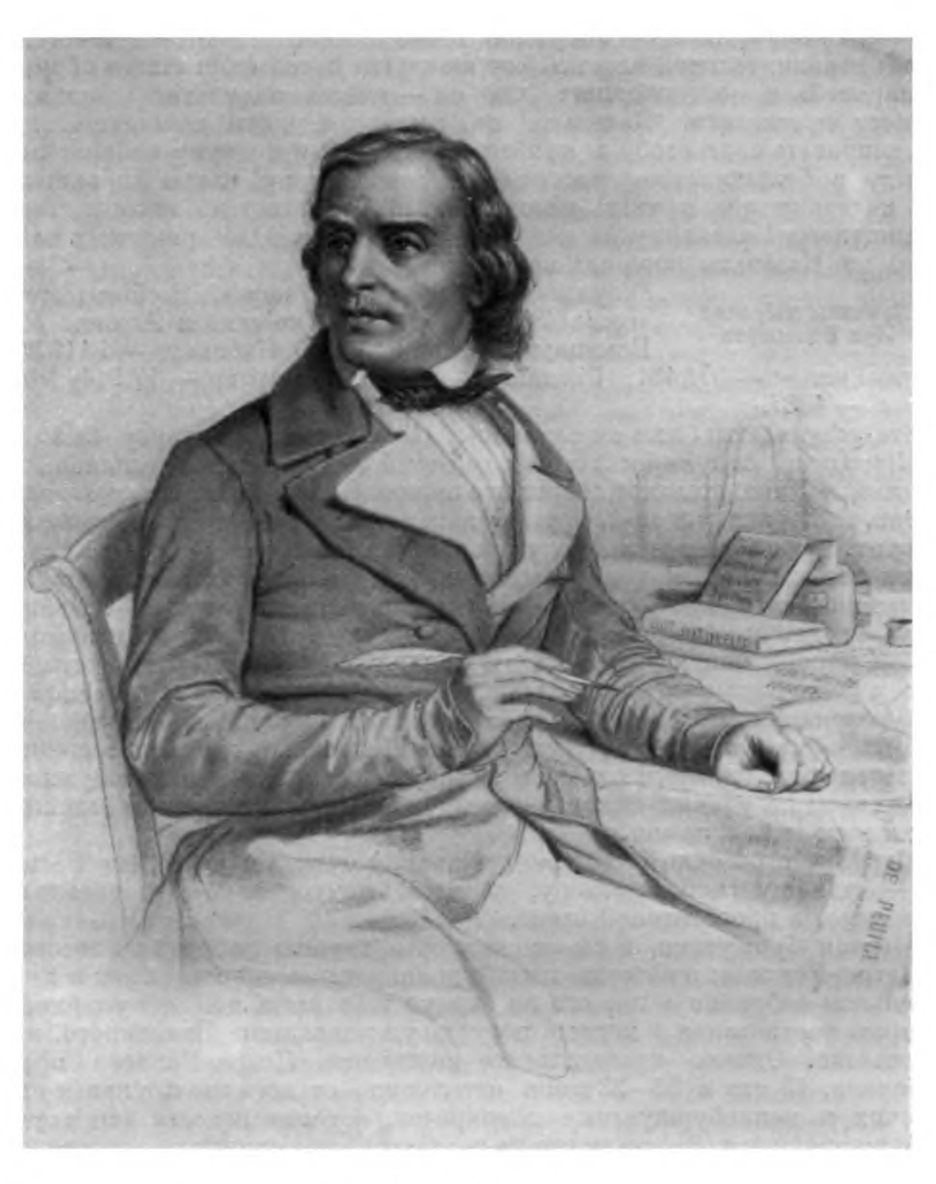
Авторы программы добавляли, что эти меры представляют собой только первые шаги к созданию нового строя, что они не могут полностью уничтожить «нищету, невежество, ростовщичество», что добиться этого можно будет лишь «путем полного осуществления права на труд, равного для всех образования и бесплатности кредита». «Только тогда революция будет завершена, только тогда мы будем иметь демократическую и социальную республику»,— заявлял Центральный избирательный комитет. Все демократы и социалисты, согласные с этой программой, приглашались в помещение Комитета, чтобы поставить под нею свои подписи.

Мы не знаем, каковы были результаты этого референдума, но само собой разумеется, что кандидатура Распайля при тогдашних обстоятельствах не имела шансов на успех.

Программа мелкобуржуазных демократов, выдвинувших бывшего министра внутренних дел, была опубликована 9 ноября в газете «Реформа». Программа эта предусматривала свободу слова, собраний и ассоциаций, преобразование административного аппарата, бесплатность обучения и судопроизводства, радикальную реформу налоговой системы, выкуп государством железных дорог, каналов, рудников, право на труд. Такая программа свидетельствовала о том, что мелкобуржуазные демократы, стремясь обеспечить себе влияние в широких массах, выставили ряд требований, отвечавших интересам рабочего класса и крестьянства.

12 ноября в печати появилась резолюция группы левых депутатов Учредительного собрания, подписанная Ламеннэ, Феликсом Пиа, Мартеном Бернаром и четырьмя другими членами этого собрания, которые высказывались за кандидатуру Ледрю-Роллена.

Наряду с «Реформой» деятельное участие в агитации за избрание Ледрю-Роллена на пост президента принимала газета «Демократическая и

ФРАНСУА-ВЕНСАН РАСПАЙЛЬ

Литография Жакотта

Собрание Института Маркса — Энгельса — Ленина. Москва.

социальная революция», выходившая под редакцией Делеклюза. Мелкобуржуазные демократы в провинции и некоторые группы рабочих, находившиеся под их влиянием, оказывали поддержку этой кандидатуре.

Кавеньяк широко использовал своё положение главы правительства, чтобы, опираясь на своих ставленников в центральном и местном административном аппарате, обеспечить себе победу. Страна была наводнена огромным количеством брошюр и листовок, расхваливавших «достоинства» «главы исполнительной власти», его «заслуги» перед «обществом» в борьбе с «анархией» и доказывавших, что он — самый подходящий кандидат на пост президента. Кавеньяк не гнушался через подставных лиц рекламировать свою особу и прибегать к тайному подкупу избирателей. Наряду с большинством чиновников кандидатуру главы правительства поддерживала и часть католического духовенства, которая была признательна Кавеньяку за поддержку, оказанную им римскому папе. И все же Кавеньяк потерпел поражение.

Причины избрания Луи Бонапарта

Результаты выборов были таковы. Из общего количества 7 449 471 голоса, не считая Алжира, Луи Бонапарт получил 5 534 520, Кавеньяк — 1 448 302, Ледрю-Роллен — 371 431, Распайль —36 964, Ламартин — 17 914, Шангарнье — 4687.

Эти результаты были не случайны. Не случайно, например, было то, что Ламартин, популярнейший из деятелей февральской революции, избранный в Учредительное собрание одновременно в нескольких департаментах, потерпел такое сокрушительное поражение на президентских выборах. Грозная схватка между пролетариатом и буржуазией, разыгравшаяся в июньские дни, развенчала звонкие, но пустые и лживые фразы ламартиновского красноречия. Перед рабочими предстал «сладкоречивый предатель» (по выражению Маркса), который своей тактикой расчистил дорогу контрреволюции. В то же время от Ламартина отвернулись и буржуазные круги, считавшие его одним из виновников февральской революции и всех дальнейших народных волнений.

Полный провал кандидатуры генерала Шангарнье, открытого ставленника орлеанистов, столь сильно скомпрометированных предшествующими событиями, не удивил никого; к тому же этот генерал не пользовался уважением даже в армии.

Передовые рабочие (особенно в Париже) отдали свои голоса Распайлю — стойкому революционеру, пользовавшемуся глубоким уважением и любовью в пролетарской среде.

Мелкая буржуазия, а также некоторые группы рабочих голосовали за Ледрю-Роллена: в качестве лидера демократической оппозиции в Учредительном собрании и вне его он вернул себе часть той популярности, которою пользовался в первый период существования Временного правительства. Однако предательское поведение Ледрю-Роллена в дни 16 апреля, 15 мая и 22—23 июня оттолкнуло от него значительные слои рабочих и мелкобуржуазных демократов, которые некогда так горячо поддерживали его. Это не могло не сказаться на количестве голосов, полученных им на выборах 10 декабря.

Избрание племянника Наполеона на пост президента Второй республики огромным большинством голосов поразило весь мир. Консервативные круги Англии, Германии, России в большей своей части были уверены в победе Кавеньяка, которого со времени июньской бойни реакционеры всех стран величали спасителем «общества» от «анархии».

Своим избранием Луи Бонапарт был обязан главным образом тому, что за него голосовало большинство крестьянства, представлявшего основную массу населения Франции. Голосуя за Луи Бонапарта, кре-

стьянство выражало свой протест против налоговой политики буржуазных республиканцев и свою надежду на то, что племянник Наполеона I будет таким же защитником крестьянских интересов, каким изображала бывшего императора, вопреки исторической правде, «наполеоновская легенда». Культ Наполеона, возродившийся после революции 1830 г., был довольно широко распространен во французской деревне отчасти и до революции 1848 г. Ухудшение положения крестьянства в результате экономического кризиса 1847—1848 гг. и политики Временного правительства, установившего дополнительный 45-сантимный налог на земельных собственников, создало благоприятную почву в деревне, особенно среди зажиточного крестьянства для роста бонапартистских настроений. Энгельс, совершивший осенью 1848 г. путешествие из Парижа в Берн, рассказывает, что не было такой крестьянской хижины, где бы он не находил портрета Наполеона I и не слышал проклятий и угроз по адресу республиканского Парижа. Бонапартистские иллюзии и предрассудки, усердно поддерживавшиеся католическим духовенством и платными агентами бонапартистской клики, побудили крестьян голосовать за того, кого они часто попросту называли «племянником своего дяди». «10 декабря 1848 г., — замечает Маркс, — было днем *крестьянского восстания*. Лишь с этого дня начался февраль для французских крестьян... Наполеон был для крестьян не личностью, а программой. Со знаменами, с музыкой шли они к избирательным урнам, восклицая: „Plus d'impôts, à bas les riches, à bas la république! Vive l'Empereur!" — „Долой налоги, долой богачей, долой республику, да здравствует император!"»[1]

Рост бонапартистских настроений наблюдался в это время и в городах: значительные слои мелкой буржуазии, недовольные финансовой политикой правительства Кавеньяка, политикой защиты интересов крупного капитала за счет интересов мелкого ремесленника и мелкого лавочника, голосовали за Луи Бонапарта, буржуазно-консервативные связи которого были скрыты от глаз широких масс. Некоторые группы рабочих, чтобы отомстить Кавеньяку — палачу июньского восстания, отдали свои голоса его сопернику — Луи Бонапарту. Среди отсталых слоев рабочего класса были люди, верившие в «рабочелюбие» Луи Бонапарта, брошюра которого «Уничтожение нищеты» распространялась по всей стране в месяцы, предшествовавшие выборам. Многих избирателей обманули демагогические речи Луи Бонапарта, не перестававшего уверять людей из народа, наивных и неискушенных в политике, что он — друг трудящихся, защитник интересов рабочего класса. Зная, например, о том, как велика всё еще популярность Луи Блана в рабочей среде, Луи Бонапарт посетил его, как только тот прибыл в Лондон, спасаясь от преследований. Пытался Луи Бонапарт привлечь на свою сторону и Прудона.

Крупные средства, полученные от Фульда и других банкиров, а также от членов своей семьи и от некоторых близких людей, позволили Луи Бонапарту и его сторонникам развернуть по всей Франции широкую политическую пропаганду, распространить огромное количество агитационных брошюр и листовок. Многие влиятельные деятели буржуазно-консервативных партий, не будучи бонапартистами (т. е. сторонниками восстановления наполеоновской империи), активно поддерживали Луи Бонапарта: среди них были и Тьер, и Монталамбер, и Фаллу.

Подавляющее большинство французской крупной буржуазии, напуганной революционной активностью пролетариата, стремилось к восстановлению монархии и потому не хотело избрания Кавеньяка, несмотря на зверскую жестокость, с которой он подавил июньское восстание. Боль-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. произв., т. I, 1949, стр. 143—144.

шинство легитимистов и орлеанистов не боялось честолюбивых планов Луи Бонапарта и считало, что его правление будет лишь кратковременным эпизодом, что оно явится переходным этапом к воцарению графа Шамбора или графа Парижского. «Наполеон вместо Кавеньяка — это означало для большинства крупной буржуазии монархию вместо республики, начало роялистской реставрации, робкий кивок в сторону герцога Орлеанского, спрятанную между фиалками лилию»[1], — подчеркивал Маркс.

Наконец, армия, в которой еще жива была память о победах Наполеона I, голосовала в большинстве за его племянника, усиленно спекулировавшего на популярности этого имени среди солдат, офицеров и генералов. Голосуя за Луи Бонапарта, армия выражала свое недовольство и внешней политикой Кавеньяка, цеплявшегося за мир во что бы то ни стало, и его внутренней политикой, особенно предпочтением, которое он отдавал мобильной гвардии перед регулярными войсками.

В результате всех этих разнообразных обстоятельств и фактов ловкий и беспринципный авантюрист, человек явно посредственный, оказался избранным на пост главы французского государства.

Анализируя конкретно-историческую ситуацию, обеспечившую победу Луи Бонапарта на президентских выборах 10 декабря 1848 г., не следует забывать основной и решающей причины его успеха — того, что именно кавеньяковская контрреволюция (разгром и разоружение парижских рабочих в июне 1848 г.) расчистила путь торжеству бонапартизма.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. произв., т. I, 1949, стр. 144.

Глава тридцать девятая

КОНЕЦ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ ВО ФРАНЦИИ. ПОРАЖЕНИЕ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ БУРЖУАЗИИ

МОНАРХИСТЫ ВО ГЛАВЕ РЕСПУБЛИКИ

Двадцатого декабря 1848 г. Учредительное собрание утвердило результаты голосования 10 декабря и избрание Луи-Наполеона Бонапарта президентом республики. Кавеньяк и его министры тут же подали в отставку. Луи-Наполеон был приглашен на трибуну и принял присягу. Он поклялся быть верным республике и выполнять все обязанности, возложенные на него конституцией.

Луи Бонапарт и министерство Одилона Барро

Но Луи-Наполеон ни на минуту не забывал о своих личных честолюбивых планах. Уроки его двух неудачных попыток совершить государственный переворот научили его терпению. Демократические силы в стране были еще крепки, в Учредительном собрании преобладали республиканцы, а у него самого не было еще самостоятельной опоры в лагере контрреволюции: бонапартистская партия находилась в зародыше, армия и бюрократия были слабо затронуты бонапартистской пропагандой. Луи-Наполеон хорошо понимал, что вожаки легитимистов и орлеанистов поддержали его кандидатуру в президенты лишь для того, чтобы проложить этим путь к трону своим претендентам. Но хотя Тьер, Моле, Брольи, Берье и другие вожаки монархистов довольно правильно расценивали умственное ничтожество своего ставленника, они все же ошибались, полагая, что он удовольствуется ролью их послушного орудия. При всей своей ограниченности Луи-Наполеон был достаточно хитер и расчетлив. Напускная маска простоватости и равнодушия помогала ему скрывать свое настоящее лицо продувного дельца, азартного авантюриста. «Он вечно молчит и всегда лжет»,— так характеризовала президента одна хорошо знавшая его англичанка. Он обладал, по выражению Энгельса, всеми чертами государственного деятеля буржуазии, был «плотью от ее плоти, костью от ее кости, выскочка, как и всякий настоящий буржуа»[1].

Желая прикрыть монархический курс своей политики и вместе с тем ослабить опеку над собой орлеанистов и легитимистов, Луи-Наполеон пригласил Ламартина на пост главы министерства. Но Ламартин отказался, и Луи-Наполеон остановился на кандидатуре, которую ему

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 459.

подсказывали Тьер и Моле. Главой министерства был назначен Одилон Барро, глава династической оппозиции во время Июльской монархии, «...единственной старой оппозиционной партии, которая, безуспешно добиваясь все время министерского портфеля, не успела еще окончательно себя скомпрометировать»[1]. Луи-Наполеон, отлично зная внутреннюю пустоту, беспринципность и ненасытное тщеславие Барро, рассчитывал на послушное служение Барро монархической контрреволюции.

В министерстве Барро преобладали орлеанисты: министр финансов — Пасси, министр внутренних дел — приятель Тьера Мальвиль, министр иностранных дел — Друэн де Люис и министр общественных работ — Леон Фоше. Легитимисты в лице графа Фаллу получили важный портфель министра народного просвещения, что обеспечивало кабинету поддержку клерикальных кругов.

Чтобы обеспечить правительству поддержку правых республиканцев, в его состав был включен друг Кавеньяка Биксио, занявший пост министра земледелия и торговли. Военное и морское министерства были поручены бесцветным и послушным реакционерам — генералу Рюльеру и Траси. Портфель министра юстиции Барро взял себе. Такой состав правительства Одилона Барро давал ему возможность выполнить свою роль — «послужить мостом от буржуазной республики к монархии»[2].

В этом направлении и развернулась деятельность министерства. На всех важнейших административных постах республиканцы заменялись заведомыми монархистами. Берже, личный друг Тьера, был назначен префектом департамента Сены. Близкий к орлеанистам адвокат Барош стал генеральным прокурором республики. Видные посты получили «африканские» генералы, связанные с легитимистами и орлеанистами. Шангарнье, слывший «человеком твердой руки», стал командующим парижским гарнизоном и одновременно, в нарушение конституции, командующим парижской национальной и мобильной гвардиями; маршал Бюжо был поставлен во главе альпийской армии, предназначенной не столько защищать юго-восточные границы Франции, сколько подавлять рабочее и демократическое движение в Лионе и соседних с ним департаментах.

Во всех звеньях государственного аппарата была предпринята «чистка». Чиновники-республиканцы заменялись монархистами, зачастую теми же лицами, которые занимали эти посты при Июльской монархии. То же происходило и с членами департаментских советов, с мэрами городов и сельских общин. Реставрация старой монархической администрации внушала финансистам, биржевикам, крупным промышленникам полное доверие к президенту и правительству. Курс государственной ренты на бирже повышался.

24 декабря президент устроил смотр войскам парижского гарнизона, на котором отдельные батальоны, под влиянием бонапартистской пропаганды, кричали: «Да здравствует Наполеон! Да здравствует император!» Но хозяевами положения бонапартисты не были, и обстановка вынуждала их к осторожности. Когда 27 декабря Луи-Наполеон попробовал выразить резкое неудовольствие министром внутренних дел, отказавшимся допустить его к архивным документам, относящимся к бонапартистским заговорам 1836 и 1840 гг., Мальвиль подал в отставку, к которой демонстративно присоединился весь кабинет. Испугавшись конфликта с орлеанистами, без поддержки которых он не мог бы удержаться у власти, Луи-Наполеон поспешил извиниться и упросил министров оставаться на своих

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. произв., т. I, 1949, стр. 146.
[2] Там же.

постах. Тем не менее Мальвиль ушел из правительства. Вместе с ним ушел и Биксио. Правительство пополнилось двумя новыми орлеанистами — Лакроссом и Бюффе, причем Фоше заменил Мальвиля на посту министра внутренних дел. Теперь правительство Барро состояло почти целиком из орлеанистов, и происшедший инцидент лишь подчеркнул зависимое положение Луи-Наполеона.

Тем настойчивее Луи-Наполеон продолжал создавать себе опору среди буржуазии, в армии, в чиновничестве. Парады и смотры, раздача подарков солдатам и наград офицерам, балы и приемы в Елисейском дворце, охотно посещавшиеся старой знатью и реакционными депутатами, встречи с биржевиками, посещение базаров и выставок, казарм и госпиталей, демагогические жесты вроде пожертвования нескольких сот франков нуждающейся рабочей семье, создание спекулятивно-филантропического «Общества рабочих городков» и показная подписка на его паи в размере 50 тыс. фр., которые никогда не были в действительности внесены,— таковы были приемы, с помощью которых Луи-Наполеон старался вербовать себе сторонников из неустойчивых и продажных элементов общества.

Водворение на посту президента республики Луи Бонапарта и образование министерства, возглавленного монархистом Барро, положило начало новому периоду в истории буржуазной Второй республики. Как указывал К. Маркс, с этого момента Франция перешла из периода учреждения республики в период учрежденной республики. Раскрывая действительное содержание начавшейся с этого момента борьбы между республиканским Учредительным собранием и президентом, Маркс показал, что в это время пришли в столкновение «...две власти, воплощавшие два совершенно различных периода в жизненном процессе республики. В одном лагере стояла небольшая фракция республиканской буржуазии, — только она могла провозгласить республику, путем уличной борьбы и террора вырвать ее из рук пролетариата и наметить в конституции идеальные черты этой республики; в другом — вся роялистская масса буржуазии,— только она могла господствовать в этой уже учрежденной буржуазной республике, сбросить с конституции ее идеологический наряд и с помощью своего законодательства и своей администрации осуществить в действительности необходимые условия для порабощения пролетариата»[1].

Скорейший роспуск Учредительного собрания — такова была поэтому ближайшая цель монархистов, стремившихся не допустить республиканцев к участию в издании так называемых органических законов, т. е. законов, дополняющих конституцию.

Предложение Рато

6 января 1849 г. малоизвестный депутат Рато, бордоский адвокат, друг орлеаниста Дюфора, действуя по наущению последнего, внес предложение назначить на начало марта выборы в Законодательное собрание, а срок окончания работы Учредительного собрания наметить на 19 марта.

Предложение Рато вызвало бурные протесты республиканцев и не менее бурное одобрение монархистов. В законодательной и юридической комиссиях Собрания оно было отклонено подавляющим большинством голосов, но обсуждение вопроса в самом Собрании дало другие результаты. Тьер, Монталамбер и другие монархические вожаки поддержали предложение Рато. С поддержкой предложения Рато выступило и правительство. В Собрании поползли слухи о государственном перевороте. Среди буржуазных республиканцев началось разложение. Большинством в четыре голоса (400 против 396) было решено направить проект Рато в комиссию для изучения.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. произв., т. I, 1949, стр. 149.

Монархисты спешили использовать трусость буржуазных республиканцев для дальнейшего нажима на Собрание. Они организовали по всей стране петиции, требовавшие от Учредительного собрания самороспуска.

На петиционную кампанию монархистов левые республиканцы ответили организацией контрпетиций, требовавших от Собрания не расходиться до упрочения республики.

И монархисты и буржуазные республиканцы ссылались на конституцию, на всеобщее избирательное право. Монархисты утверждали, что Собрание потеряло «доверие страны» и не может претендовать на власть после президентских выборов, которые принесли поражение буржуазным республиканцам. Республиканцы же ссылались на верховные права Собрания, на его решение не расходиться впредь до учреждения республики и принятия основных законов.

Оставаясь на почве конституции, ни одна сторона не могла одержать верх. Собрание не могло сбросить ни президента, ни министров; президент и министерство не могли распустить Собрания. Каждая сторона толкала другую на нарушение конституции, на уличную борьбу и в то же время опасалась ее, не будучи уверена в поддержке масс и страшась их революционной активности. Буржуазные республиканцы метались в поисках союзников: они заигрывали с республиканскими частями национальной гвардии, с мобильной гвардией, с немногими еще уцелевшими демократическими клубами, с депутатами Горы.

Репрессии против республиканцев

Монархисты стремились спровоцировать республиканцев на восстание, чтобы покончить с Собранием и расчистить путь монархии. «Законность убивает нас!»—сокрушался Барро. Чтобы лишить республиканцев поддержки масс, правительство обрушило новые репрессии на демократические организации. Первый удар был нанесен по организации «Республиканская солидарность», возглавлявшейся Делеклюзом и Мартеном Бернаром. Эта организация была создана в начале ноября 1848 г. группой депутатов Горы и принимала деятельное участие в политической кампании, предшествовавшей президентским выборам. По словам газеты «Демократическая и социальная революция», к началу 1849 г. «Республиканская солидарность» имела несколько сот местных отделений и более 20 тыс. членов.

В январе 1849 г. по приказу Фоше полиция приступила к разгрому «Республиканской солидарности». Ее помещение в Париже подверглось обыску, ее переписка была конфискована, 17 ее деятелей были арестованы. В Лилле, Руане, Лионе были разгромлены ее местные отделения.

В то же время правительство приступило к расформированию мобильной гвардии. К началу 1849 г. она была еще внушительной силой: в ее рядах насчитывалось около 13 тыс. человек. Приближение конца срока службы (она была создана на один год) волновало мобилей и их офицеров. В газетах стали появляться покаянные письма, в которых мобили просили у рабочих прощения за участие в июньской бойне и клялись защищать республику. Президент и правительство боялись, что недовольство мобилей может быть использовано республиканцами. 13 батальонов были расформированы, остальные влиты в ряды армии и выведены из Парижа, причем рядовые мобили были переведены на солдатское положение, а офицерам сохранение чинов не обеспечивалось. Среди мобилей вспыхнуло волнение, но в конце концов они покорились и дали себя разоружить.

В эти дни правительство распустило 50 муниципальных советов с республиканским большинством, сместило республикански настроенных

префектов и мэров и назначило на их места бывших орлеанистских чиновников. Циркуляром министра внутренних дел лозунг: «Да здравствует социальная республика!» был объявлен преступным.

Следующий удар правительство решило нанести клубам. 26 января Леон Фоше внес в Учредительное собрание законопроект о запрещении клубов. Законопроект вызвал возмущение среди республиканцев: дело шло об открытом нарушении конституции, провозгласившей «свободу союзов» и «свободу слова». Ледрю-Роллен от имени Горы внес проект резолюции, обвинявшей правительство в нарушении конституции. Комиссия, выделенная для изучения законопроекта Фоше, ссылалась на достаточность законов о клубах, изданных при диктатуре Кавеньяка (к январю 1849 г. в Париже оставалось лишь 11 клубов). Депутат Матье (из департамента Дромы) внес предложение о безусловном отклонении предложения Фоше. Собрание отложило обсуждение законопроекта о клубах.

События 29 января 1849 г.

На 29 января было назначено новое обсуждение предложения Рато. Монархические главари были объяты тревогой; буржуазные республиканцы запугивали монархистов борьбой, которой они сами боялись не меньше, чем их противники. Депутаты Горы совещались с клубными вожаками, произносили угрозы по адресу правительства, но в то же время удерживали массы от выступления, рассчитывая, по своей трусости, решить дело парламентской борьбой. Охваченный паническим страхом, Тьер советовал Луи-Наполеону перенести Собрание в провинцию, в Шалон или Орлеан,—«под защиту армии, за пределы воздействия клубов». Легитимисты стремились вызвать республиканцев на улицу и спровоцировать их на борьбу, рассчитывая на слабость бонапартистов и непопулярность орлеанистов. Они хотели ускорить реставрацию монархии Бурбонов. Шангарнье стягивал войска. Фоше готов был действовать заодно с Шангарнье. Луи-Наполеон колебался: конечно, он хотел произвести переворот, но боялся сыграть на-руку своим конкурентам — орлеанистам и легитимистам. Страшил его и возможный отпор масс. Политический кризис, не получая выхода в открытой борьбе, свелся к ряду заговоров и интриг. В этой обстановке и разыгрались события 29 января.

Маркс дал глубокий анализ событий 29 января. Он писал: «Французы,— например Луи Блан,—видели в 29 января проявление конституционного противоречия между суверенным, не подлежащим роспуску Национальным собранием, порожденным всеобщим избирательным правом, и президентом, который на бумаге ответственен перед Собранием, а на самом деле, точно так же как Собрание, санкционирован всеобщей подачей голосов,— даже более того: соединяет в себе одном все те голоса, которые распределены и стократно раздроблены между отдельными членами Национального собрания...

Это толкование событий 29 января смешивает словесную форму борьбы в парламенте, в печати, в клубах с ее действительным содержанием. Луи Бонапарт и Учредительное национальное собрание вовсе не были отдельными, противостоящими друг другу односторонними органами одной и той же конституционной власти. Бонапарт не был исполнительной властью, противостоящей власти законодательной. Бонапарт — это была сама уже учрежденная буржуазная республика, противостоявшая орудиям ее учреждения...»[1]

Действительное значение 29 января заключалось поэтому, как пояснял Маркс, именно в том, что в этот день столкнулись не две власти одной и той же республики, а две власти, воплощавшие, как уже сказано выше,

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. произв., т. I, 1949, стр. 148—149.

два различных периода в жизни французской республики: «период учреждения республики» и «период учрежденной республики».

29 января, с рассвета, воинские части были выведены из казарм и стянуты к центру Парижа. Они заняли важнейшие площади, улицы и здания, прилегающие к Бурбонскому дворцу, и окружили его. На площади Согласия и на Елисейских полях разместилась кавалерия. Батальоны национальной гвардии заняли районные мэрии и подступы к ним. По городу были расклеены афиши, подписанные министром внутренних дел. Они объясняли парижанам, что мероприятия правительства вызваны угрозой «новых июньских дней».

Но провокация не удавалась. Толпы народа внимательно наблюдали за движением войск. Афиши Фоше читались и затем срывались. Число собравшихся по тревоге национальных гвардейцев было невелико. Командир 6-го легиона полковник Форестье написал председателю Учредительного собрания Маррасту письмо, предлагая услуги своего легиона для защиты Собрания и указывая на «Консерваторию искусств и ремесел» как на удобное убежище для Собрания. Шангарнье распорядился немедленно арестовать Форестье, однако этот факт свидетельствовал о ненадежности национальной гвардии. Ненадежными оказались и некоторые воинские части. После 29 января из Парижа были выведены три полка, солдаты и офицеры которых выражали неодобрение действиям Шангарнье и сочувствие Собранию.

В то время как войска окружали Учредительное собрание, председатель последнего, Марраст, спал, ничего не подозревая. Узнав, что́ происходит, он послал Шангарнье записку с предложением явиться и объяснить причины передвижения войск. Шангарнье ответил письмом, написанным в вызывающем тоне и объяснявшим концентрацию войск необходимостью предупредить революционное восстание в Париже. Этот лживый аргумент оказал свое действие: когда Барро явился в Собрание и, запершись с Маррастом, представил ему в успокоительном свете действия правительства, он легко достиг цели. Буржуазные республиканцы не решились апеллировать к народу против штыков Шангарнье.

Передвижение войск продолжалось, по улицам ходили военные патрули. В полдень на улицах появился президент. В сопровождении свиты он объехал центральные кварталы и линии войск. Его встречали по-разному. В некоторых местах раздавались крики: «Да здравствует Наполеон! Да здравствует император!» Но чаще слышались совсем иные возгласы. На улице Сент-Оноре толпа кричала: «Да здравствует конституция! Да здравствует республика! Долой министров!» На площади Согласия к этим возгласам присоединялись и такие, как: «Да здравствуют мобили! Долой белых! Долой Шангарнье!». Шангарнье предложил немедленный разгон Собрания, но Луи-Наполеон отказался от этого: заговорщики встретились с молчаливо выжидательным, но явно враждебным отношением народных масс Парижа; Собрание могло найти в массах защиту и поддержку.

Тем временем Учредительное собрание, окруженное войсками Шангарнье, возобновило обсуждение предложения Рато. Отказавшись от обращения к народу, буржуазные республиканцы стали на путь капитуляции перед монархистами: большинством 416 голосов против 405 Собрание решило продолжать обсуждение предложения Рато во втором чтении. Принятие такого решения означало, что Собрание соглашалось подписать в недалеком будущем свой смертный приговор.

События 29 января представляли, по выражению Маркса, «...государственный переворот... сделанный роялистами в союзе с Бонапартом против республиканского Национального собрания»[1]. Буржуазная контрре-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. произв., т. I, 1949, стр. 230.

волюция одержала 29 января еще одну победу, а орлеанисты и легитимисты сами показали Луи-Наполеону путь борьбы против парламента, путь, которым он впоследствии и воспользовался против своих союзников.

Агония Учредительного собрания

После событий 29 января Учредительное собрание вступило в период агонии.

Капитулируя перед монархистами, оно продолжало враждебно относиться к рабочим и социалистам. 1 февраля Собрание решительно отвергло новое предложение об амнистии июньским повстанцам. 14 февраля оно решило удовлетворить требование прокурора о судебном преследовании Прудона за статьи, направленные против президента.

Между тем Собрание опять вернулось к предложению Рато. Чтобы облегчить его принятие буржуазными республиканцами, монархисты решили несколько подсластить пилюлю. Депутат Ланжюинэ внес «поправку» к предложению Рато, несколько отодвигавшую сроки выборов в Законодательное собрание. Ланжюинэ предлагал, чтобы Собрание немедленно приступило к обсуждению избирательного закона и чтобы выборы в Законодательное собрание были назначены через восемь дней после составления списков избирателей. Через несколько дней после выборов Учредительное собрание должно было разойтись, уступив место новому собранию. Маневр монархистов был очевиден. Сам Рато поспешил присоединиться к предложению Ланжюинэ, хотя последний и старался представить его как нечто совсем отличное от предложения Рато. Выступавший от имени Горы оратор раскрыл существо дела, остроумно назвав Ланжюинэ «умеренным господином Рато». Гора требовала отклонения предложения Рато — Ланжюинэ, пугая Собрание опасностью гражданской войны в случае принятия этого предложения.

Эти запугивания не подействовали: от монархистов не укрылось, что сама Гора боится обращения к народу и ее революционные потуги имеют целью лишь застращать противника. Теперь не только монархисты, но и ораторы правого крыла республиканцев уверяли Собрание, что интересы промышленности и торговли якобы требуют его роспуска. Ламартин призывал Собрание принять предложение Рато во имя спасения буржуазии. «Разве вы не видите, какое беспокойство будоражит отсюда всё государство, распространяется в Париже и в провинции? Разве вы не видите прискорбной остановки в делах», — говорил Ламартин, указывая на растущее брожение среди трудящихся масс, на угрозу нового революционного подъема в стране.

Голосование показало распад республиканского большинства и переход значительной части буржуазных республиканцев в лагерь противника. 14 февраля 1849 г. предложение Рато—Ланжюинэ было принято внушительным большинством голосов — 494 против 307. Дни Учредительного собрания отныне были сочтены.

Правительство отказалось от официального празднования годовщины февральской революции и перенесло праздник на 4 мая— день провозглашения республики Учредительным собранием. Уличные сходки и манифестации в честь годовщины революции были запрещены. Монархическая печать открыто осуждала и поносила февральскую революцию.

7 марта 1849 г. открыл свои заседания Верховный суд в Бурже, судивший Бланки, Барбеса, Альбера, Распайля и других участников событий 15 мая. В течение месяца с лишним внимание страны было приковано к этому процессу, в котором на скамье подсудимых сидела как бы сама февральская революция в лице ее наиболее видных деятелей. По решению Верховного суда Барбес и Альбер были приговорены к ссылке, Бланки —

к тюремному заключению на 10 лет, Распайль и другие обвиняемые — к тюремному заключению на длительные сроки. Луи Блан и Коссидьер, судившиеся заочно, были приговорены к ссылке.

15 марта Собрание приняло избирательный закон. Он сохранял принцип всеобщего избирательного права (для мужчин, достигших 21 года), но вводил довольно существенные ограничения: от избирателей требовалась 6-месячная оседлость, солдаты в условиях военной кампании лишались избирательного права.

Борьба вокруг законопроекта о запрещении клубов

21 марта Собрание приступило к обсуждению законопроекта Фоше о клубах. Запрещения клубов настойчиво требовал весь буржуазно-монархический лагерь. Одилон Барро напоминал о событиях 16 апреля и 15 мая, об июньском восстании. «Клубы,— говорил он,— есть не что иное, как сама революция».

Буржуазные республиканцы колебались, так как под флагом борьбы с клубами законопроект Фоше угрожал свободе союзов и собраний, фактически отдавал на произвол властей самое право собраний. В комиссии Собрания, возглавлявшейся Кремье, законопроект был отклонен. Однако при голосовании в самом Собрании первый параграф законопроекта, запрещавший клубы, был принят большинством в 378 голосов против 359: часть буржуазных республиканцев голосовала вместе с монархистами. Тогда противники законопроекта покинули зал заседаний и удалились в помещение комиссии Кремье, заявив о своем отказе участвовать в дальнейшем обсуждении законопроекта. С уходом протестовавших депутатов Собрание лишилось законного кворума, и обсуждение законопроекта сделалось невозможным. Расчеты монархистов повисли в воздухе. На следующий день демократические газеты опубликовали декларацию, одобрявшую поведение протестовавших депутатов и предлагавшую им настойчиво держаться своей позиции: «Народ с ними против врагов конституции... Сохраняя спокойствие, народ ждет».

Создавшееся положение ставило перед депутатами-республиканцами выбор — идти либо вперед, либо назад. Буржуазные республиканцы предпочли вернуться в Собрание, вернулись в него и депутаты Горы. Законопроект о клубах был принят в первом чтении большинством в 30 голосов; все поправки, требовавшие уточнения признаков клубов и более четкого разграничения между ними и обычными собраниями граждан, были отклонены правительством и отвергнуты Собранием. Буржуазная контрреволюция сделала новый решительный шаг к установлению неограниченного политического произвола. «После решения о роспуске Собрания это была вторая и самая важная победа, которую одержала партия порядка», — пишет в своих мемуарах Барро. Биржа отметила это событие новым повышением курса государственной ренты.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПОДЪЕМ ВЕСНОЙ 1849 Г. И ОБРАЗОВАНИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКО-СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО БЛОКА

Экономическое положение страны. Новый революционный подъем

Экономическое положение Франции в 1849 г., особенно в первом полугодии, продолжало оставаться тяжелым. Промышленный подъем, начавшийся в Европе во второй половине 1848 г. и достигший уже в 1849 г. значительных размеров, распространился на Францию с запозданием. Он не носил здесь устойчивого характера. В то время как хлопчатобумажные и льняные фабрики Лилля, Рубэ, Туркуэня, городов Эльзаса возобновляли прерванную кри-

зисом работу, тяжелая промышленность — угольная и металлургическая — продолжала переживать депрессию: продукция либо сокращалась (чугун, железо), либо оставалась на уровне кризисного 1848 г. (уголь). Это было связано также с тем, что резко сократилось строительство железных дорог: работы по прокладке магистральных линий Северной, Орлеанской и Париж-Лион-Марсельской железных дорог приняли заметные размеры лишь к концу 1849 г., и только линия Марсель — Авиньон была открыта в марте 1849 г. Новых железнодорожных концессий в 1849 г. не было.

Но и отрасли легкой промышленности испытывали лишь частичный подъем. Обороты внешней торговли росли за счет усиления вывоза тканей и других экспортных изделий французской промышленности. Пользуясь возможностью увеличить эксплуатацию рабочих, страдавших от безработицы и нищеты, предприниматели усиливали конкурентную борьбу с английскими, бельгийскими, западногерманскими, швейцарскими товарами на внешних рынках.

Тяжелое экономическое положение страны еще больше осложнялось продолжавшейся в 1849 г. депрессией в сельском хозяйстве. Высокий урожай 1848 г., при резком сокращении платежеспособного спроса населения, привел к образованию значительных товарных запасов сельскохозяйственных продуктов и к резкому падению цен на хлеб и вино. Цена пшеницы в 1849 г. пала еще ниже, чем в 1848 г., а цены на вино снизились на 40%. Денежные доходы крестьян, в особенности мелких, продолжали снижаться, в то время как прямые и косвенные налоги росли. Это приводило к росту ипотечной задолженности крестьян, к усилению зависимости мелких землевладельцев зерновых и винодельческих районов от скупщика, оптового торговца, помещика и ростовщика.

В результате политики Временного правительства позиции крупного банковского капитала после февральской революции не только не ослабели, но, наоборот, усилились. Господствующее положение на денежном рынке занимали банкирские дома Ротшильда, Малле, Фульда и других представителей финансовой аристократии. Французский банк раскинул сеть своих филиалов по всей стране и укрепил свою финансовую монополию. Металлические запасы Банка увеличились в 1849 г. вдвое по сравнению с кризисным 1848 г., эмиссия банкнотов непрерывно возрастала. В то же время учетные операции Французского банка продолжали сокращаться: их объем был в 1849 г. на 40% ниже, чем в 1848 г. Уменьшая кредитование промышленности и торговли и обставляя этот кредит повышенными требованиями гарантий, банк отдавал мелкую промышленность и торговлю во власть ростовщического кредита. Число судебных дел о банкротствах оставалось в 1849 г. на уровне 1848 г., а число случаев продажи имущества по приговорам коммерческих судов выросло наполовину по сравнению с 1848 г.

Таким образом, первая половина 1849 г. не принесла устойчивого хозяйственного подъема. Выход из кризиса совершался неравномерно и в ряде отраслей промышленности еще только намечался. Тяжелая промышленность и сельское хозяйство продолжали переживать депрессию. Разорение мелкой буржуазии и крестьянства усиливалось.

Все эти обстоятельства питали растущее недовольство в массах крестьянства и мелкой буржуазии, приводили к новому подъему революционных настроений в стране. Разоряемые слои мелкой буржуазии видели в политике монархистов, снова утвердившихся у власти, олицетворение господства крупного капитала, возврат к господству финансовой аристократии. Республиканский строй и демократические свободы, завоеванные в февральской революции, приобретали значение гарантий,

обеспечивавших возможность защиты интересов мелкой буржуазии. Крупный капитал был общим врагом рабочего класса, крестьянства и городского мещанства. Растущее сознание этого факта устраняло прежний раскол между этими классами.

Революционный подъем охватывал на этот раз не только Париж и крупные промышленные центры, но и мелкие провинциальные города, деревню и отчасти даже армию.

Антиправительственные демонстрации в городах

Годовщина февральской революции была отмечена массовыми собраниями и банкетами, носившими антиправительственный характер. В Лионе на собрании присутствовало 8000 человек, в Кане—1800, в Кламси —1200; банкеты состоялись также в Валансьенне, Нанси, Реймсе, Сент-Этьенне, Страсбурге, Бурже, в мелких городках департаментов Жиронды, Ло-и-Гаронны, Нижней Луары, Мёрты, Мёзы, Нижнего Рейна и некоторых других.

В Рокеморе (департамент Гар), Кламси, Тулузе, Юзесе, Ниоре, Гильотьере банкеты сопровождались столкновениями национальной гвардии с войсками и полицией. Две роты национальных гвардейцев Тулузы были распущены властями. В Дижоне войска разоружили национальную гвардию. В Париже многотысячный банкет учащейся молодежи был разогнан полицией, после того как студенты отказались допустить на банкет представителей власти.

Донесения прокуроров сообщали о многочисленных политических демонстрациях во время масленичного карнавала 1849 г. В городке Иссуар (департамент Пюи-де-Дом) в карнавальном шествии везли телегу с фигурой Свободы, опирающейся на плечи рабочего и крестьянина; позади шли фигуры иезуита, легитимиста и капиталиста, пытающиеся сковать Свободу железными цепями; две другие фигуры, сидевшие верхом на ослах, изображали «привилегии» и «знать».

В Лилле во время масленичного карнавала была провезена по всему городу группа ряженых, изображавшая рабочего, который по приговору суда отсекает голову чучелу Луи-Наполеона, «виновного,— как гласила надпись,— в узурпации поста президента, следуемого Ледрю-Роллену».

О таких антибонапартистских выступлениях сообщалось и из других мест.

Сведения о забастовках свидетельствовали о сохранившейся еще активности рабочего класса, несмотря на тяжелые поражения, понесенные им в 1848 г. В Бордо бастовали рабочие казенных судостроительных верфей; власти арестовали 16 вожаков, после чего работа возобновилась. В Рив-де-Жье бастовали горняки; стачка была вызвана попыткой предпринимателей уменьшить заработную плату и сократить часть рабочих.

Революционное брожение в деревне

Более многочисленными были факты, указывавшие на рост революционного брожения среди крестьян. Случаи волнений, сопровождавших сбор недоимок по 45-сантимному налогу 1848 г., были нередки и в 1849 г. В департаменте Дордонь в течение января — апреля 1849 г. неоднократно происходили крестьянские волнения в округах Риберак и Бержерак, где имел место массовый отказ от уплаты 45-сантимного налога. Власти направили в эти округа войска. В соседнем департаменте Ло в январе 1849 г. крестьянские массы осадили городскую ратушу Гурдона и потребовали от властей прекращения дальнейшего сбора 45-сантимного налога. Крестьяне требовали, чтобы им тут же, на месте, выдали квитанции о том, что налог получен сполна. Только после прибытия в город батальона пехоты и длительных увещаний крестьяне разошлись, пригрозив вернуться снова в еще большем количестве, если сбор налога будет

продолжаться. Крестьянские волнения из-за сбора 45-сантимного налога происходили весной 1849 г. и во многих других департаментах.

Еще более показательным был тот широкий отклик, который получил в деревне лозунг возвращения народу миллиарда, выплаченного по закону 1825 г. бывшим эмигрантам. Петиции, требовавшие от Учредительного собрания принятия соответствующего решения, широко распространялись и подписывались тысячами крестьян. Петиция, распространенная в департаменте Коррез, требовала возврата этого миллиарда эмигрантами (или их наследниками) в годичный срок с уплатой 3% и предлагала употребить эти суммы на возмещение крестьянам 45-сантимного налога, на уменьшение в течение трех лет на 50% прямых налогов с малоимущих, на поощрение промышленности, сельского хозяйства и народного образования. Петиция, распространявшаяся в Париже, выдвигала требование об уничтожении городских пошлин и акцизных сборов, о создании кредитных учреждений, страховых обществ и рабочих ассоциаций.

«Новая Рейнская газета», внимательно следившая за развитием этого движения, писала, что «если бы вопрос этот должен был решаться всеобщим голосованием, за него было бы, наверное, подано больше голосов, чем за Наполеона». «Дело с миллиардом,— добавляла газета,— это — первое революционное дело, которое втягивает крестьян в революцию. Петиции, поступающие отовсюду, и тон этих петиций доказывают, что революция получила прочную почву»[1].

Демократы и социалисты после президентских выборов

Приход монархистов к власти застал демократические элементы в состоянии глубокого разброда и раскола. Сторонники Ледрю-Роллена лживо обвиняли социалистов в махинациях в пользу реакции. Прудон, в свою очередь, поносил за это же Гору и видел в происшедшем пагубные последствия ее тактики. Полемика между прудонистской газетой «Народ» и газетой Делеклюза «Демократическая и социальная революция» приняла острый характер и сопровождалась взаимными личными оскорблениями. Делеклюз вызвал Прудона на дуэль, но последний отказался драться.

Многие мелкобуржуазные демократы и социалисты видели в успехе Луи-Наполеона не столько торжество буржуазной реакции, сколько выражение социалистических чаяний народных масс, увлеченных социальными обещаниями демагогической бонапартистской программы. Социалистическая печать обсуждала после выборов «вопрос»—социалист ли Луи-Наполеон или обманщик, и гадала, пойдет ли он с буржуазией или станет на путь сотрудничества с демократами и социалистами. По мере того как все яснее обнаруживалось сотрудничество президента с монархическими партиями, эти иллюзии, конечно, изживались. Но попытки Луи-Наполеона освободиться от опеки легитимистов и орлеанистов всякий раз возбуждали нелепые надежды мелкобуржуазных политиков на возможность оторвать его от контрреволюционного лагеря и привлечь к демократическому.

Игнорируя классовые противоречия и затушевывая классовую борьбу, мелкобуржуазные политики ошибочно считали буржуазию в целом сторонницей республики. Газета «Демократическая и социальная революция» утверждала, что контрреволюционные группы буржуазии совершенно изолированы в стране.

Не понимая подлинных причин экономической депрессии и принимая следствие за причину, мелкобуржуазные демократы усматривали в поли-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VII, стр. 320.

тике Французского банка главную и чуть ли не единственную причину застоя в делах. Их точка зрения отражала взгляды, типичные для мелкого лавочника и мелкого промышленника, винивших во всех бедствиях кризиса дороговизну кредита. Указывая на тощий вексельный портфель Банка (на 15 февраля он был равен всего 149 млн. фр.), газета «Демократическая и социальная революция» писала: «Всякие рассуждения тут излишни. Теперь видно, почему не возобновляются учетные операции, — это потому, что банковская верхушка хочет убить революцию... Понимают ли теперь парижские торговцы, что у них нет бо́льших врагов, чем финансовые принцы?»

Прудонисты считали, что финансовые и кредитные трудности и попытки переложить бремя дефицита на плечи налогоплательщиков неизбежно оттолкнут буржуазию от контрреволюционного лагеря монархистов и прибьют ее к берегам прудоновского «социализма».

Наличие общих взглядов на социально-политическую обстановку создавало почву для сближения различных группировок демократического лагеря. Правые элементы Горы, преобладавшие в составе ее депутатов в Учредительном собрании, рассчитывали на мирный, безболезненный переход власти в руки республиканцев-демократов. Эти парламентарии Горы — Феликс Пиа, Теодор Бак, Пьер Леру, Шельшер и другие — надеялись на то, что Горе удастся повести за собой буржуазных республиканцев на борьбу с правительством и свергнуть его посредством парламентского акта недоверия и обвинения в нарушении конституции. Что касается президента, то он либо подчинится воле Собрания и будет сотрудничать с республиканцами, либо должен будет разделить участь своих министров. Эта перспектива отводила народным массам совершенно пассивную роль: они должны были служить Горе лишь средством давления на Собрание и президента.

Тактика Делеклюза и других «якобинцев» 1849 г.

Более решительной была позиция левых элементов Горы, группировавшихся в Собрании вокруг Мартена Бернара, а вне Собрания представленных газетой Делеклюза «Демократическая и социальная революция» и организацией «Республиканская солидарность». С группой Мартена Бернара — Делеклюза был тесно связан Ледрю-Роллен. Однако собственные убеждения Ледрю-Роллена не отличались определенностью. Его речи были полны громких, но пустых фраз о равенстве и братстве, а по существу лишь повторяли политические идеи якобинцев 1793—1794 гг. с добавлением весьма неопределенного лозунга «права на труд». Популярность Ледрю-Роллену доставили не его выступления по социальным вопросам, а его речи, разоблачавшие контрреволюционное направление политики Луи-Наполеона и Барро.

Несмотря на видимую популярность Ледрю-Роллена, действительное его влияние в демократическом лагере было не столь уж велико. Для людей, близко знавших и наблюдавших его, не была секретом его политическая неустойчивость и дряблость. Энгельс дал проницательную характеристику Ледрю-Роллену, указав на присущие ему типические черты мелкобуржуазного политика: «...Слабость, мелкое тщеславие, увлечение высокопарными фразами... нерешительность... забвение революционных действий ради революционных воспоминаний — вот качества, которые характеризуют Ледрю-Роллена и тот класс, который он представляет»[1]. Подобную же характеристику давала Ледрю-Роллену и хорошо знавшая его Жорж Санд. В одном письме к Мадзини она писала, что вождь Горы

---

[1] «Пролетарская революция», 1940, № 3, стр. 156.

«совершенно не является человеком действия», что он «непомерно самолюбив и тщеславен». «Даже не желая того,— предсказывала Жорж Санд,— Ледрю-Роллен предаст действительное народное дело», ибо он — человек, имеющий «жалкий характер».

Среди левых элементов демократического лагеря влияние Ледрю-Роллена все больше уступало растущему влиянию Делеклюза (будущего члена Парижской Коммуны). Сторонники Делеклюза рассчитывали на новую революцию, которая поставит у власти истинных республиканцев. Революция, утверждал Делеклюз, застигла народ неподготовленным, народ не знал, где его друзья и где его враги, не имел ни организации, ни кадров, подготовленных к использованию победы, — теперь это не должно повториться.

В письме к Леопольду Дейтье от 26 декабря 1848 г. Делеклюз писал о близости новой битвы и о необходимости установления единства всех демократических сил. Дальнейший ход событий руководители «Республиканской солидарности» представляли себе в виде повторения революционных событий 1793—1794 гг. «Вот как мы думаем действовать после новой революции»,— писал Делеклюз в указанном выше письме: «Обнародовать декларацию прав и конституцию 93 года, слегка модифицировав ее. Временно — революционная диктатура, воплощенная в Комитете общественного спасения и опирающаяся на Совещательный комитет, составленный из делегатов от каждого департамента. Политическая организация дополнялась бы сетью „Республиканской солидарности", и достаточно было бы десяти декретов, чтобы придать революции всю ту силу, в которой она нуждается».

Эта схема дальнейшего развития событий была навеяна не только тем, что у мелкобуржуазных революционеров Горы не было другого исторического опыта, кроме опыта революций 1789—1794 гг. и 1830 г. Еще большее значение имело то обстоятельство, что социальные идеи Шарля Делеклюза, Мартена Бернара, а также других деятелей «Республиканской солидарности» не шли дальше социальных идей мелкобуржуазной революционной демократии конца XVIII в. Делеклюз, например, не видел глубокого отличия революции 1848 г., с ее развитым рабочим движением и социалистическими устремлениями пролетариата, от буржуазной революции конца XVIII в. Он считал, что деятели Второй республики лишь продолжают дело Первой республики, что декларация прав якобинской конституции 1793 г. является «святою святых», что она нуждается лишь в некоторых изменениях, «ставших необходимыми в силу прогресса общества».

«Республиканская солидарность» в основу своей деятельности клала программу Горы, опубликованную перед президентскими выборами 1848 г. Делеклюз считал эту программу мелкобуржуазного радикализма, окутанную туманной социалистической фразеологией, вполне пригодной для объединения сил демократического лагеря. Деятельность «Республиканской солидарности» меньше всего направлялась на организацию сил рабочих масс. Наоборот, эта организация, руководимая и в центре и на местах демократами-интеллигентами, была проводником мелкобуржуазного влияния на пролетариат, средством принижения его классового самосознания.

Тактика социалистических групп

Третьим составным элементом демократического лагеря являлись социалистические группы. Позиция их свидетельствовала о том, как они плохо разбирались в обстановке. Вместо мобилизации масс на борьбу с буржуазно-монархической контрреволюцией социалистические группы занимались выработкой утопических реформаторских

проектов. Последователи Луи Блана, бывшие люксембургские делегаты, вели пропаганду производительных ассоциаций среди рабочих и ремесленников. Прудон и его сторонники разработали проект создания «Народного банка», призванного служить центром безденежного обмена товарами и рычагом подъема промышленности и торговли при помощи «дарового кредита». Фурьеристы и их орган «Мирная демократия» («Démocratie pacifique») отстаивали идеи «социетарной школы» и видели спасение от всех зол в скорейшем учреждении опытного фаланстера. Последователи Кабе учреждали в Техасе (Северная Америка) Икарийскую общину, отвлекая этим внимание некоторой части рабочих от классовой борьбы.

К созданию Народного банка Прудона было приступлено в январе 1849 г. Прудонистский лозунг «дарового кредита» как нельзя лучше отвечал потребностям ремесла, мелкой торговли и мелкой промышленности, задыхавшихся под бременем долгов. Лишенные доступа к банковскому кредиту, требовавшему солидного обеспечения, и вынужденные прибегать к ростовщическому кредиту, мелкие производители и лавочники видели в «дешевом» или «даровом» кредите выход из кризиса и главное средство борьбы с засильем крупного капитала.

Наряду с прудонистами в выработке проекта Народного банка участвовали бывшие делегаты Люксембургской комиссии, а также фурьеристы. Проект получил поддержку производственных ассоциаций. В результате, число подписчиков Банка достигло к началу апреля 1849 г. двадцати тысяч человек.

Наступление контрреволюционных монархических сил и надвинувшийся политический кризис, связанный с предложением Рато, опрокинули все эти иллюзорные планы различных группировок мелкобуржуазной демократии и побудили их к пересмотру своих позиций.

После внесения правительственного законопроекта о клубах Прудон выступил со статьями, в которых призывал Собрание сместить Луи-Наполеона с президентского поста и привлечь его к судебной ответственности. Прудон предсказывал «решающую битву между революцией и контрреволюцией». Но битва эта, уверял он, будет носить мирный и бескровный характер. Народ, писал Прудон, должен «ждать инициативы своих представителей. Реакция должна быть побеждена самим Учредительным собранием, и победа не должна стоить ни одного волоса на голове хоть одного гражданина».

Писать так значило обманывать себя и своих читателей нелепыми и вредными иллюзиями.

Позиция «якобинцев»

Характерна позиция «якобинской» группы Горы. 28 января газета Делеклюза заявила: «Республиканцы совершенно не расположены склонить голову перед государственным переворотом, задуманным правительством. Если конституция, защитница всех прав, будет нарушена, они сделают то, что они сделали в июле 1830 г. и в феврале 1848 г.».

Однако на деле «якобинцы» 1849 г. усердно призывали массы к «спокойствию и выдержке». «Когда наступят день и час,—писала газета Делеклюза,—мы покажем всем этим фанфаронам роялизма. До тех пор для демократов существует лишь один лозунг — сопротивление бешеным провокациям их противников». Газета предостерегала против «преждевременных и незрелых попыток». «Возможно, — заявляла она,—что вскоре нам придется защищать конституцию и республику, поэтому мы все должны сохранять себя для этого великого дела».

Угрозы Горы по адресу монархистов рассчитаны были лишь на застращивание реакции с тем, чтобы решить исход дела парламентскими средствами, без уличной борьбы масс. Этим, собственно, и объясняются явный

вздох облегчения демократической прессы после событий 29 января и новый приступ оптимизма в оценке положения. Теперь, внушала 30 января газета Делеклюза своим читателям, «Республике нечего опасаться попыток монархистов. Большинство Собрания и народ находятся в согласии между собой».

Наивный оптимизм не покидал мелкобуржуазных демократов в течение всего последующего периода агонии Учредительного собрания. «Позиция революционной партии такова,— утверждал 15 февраля Делеклюз,— что при любых обстоятельствах события могут лишь улучшить ее... Всеобщие выборы не внушают нам никакого беспокойства». «А если бы наше предвидение оказалось ошибочным, то мы воззвали бы к Конвенту, наш голос был бы услышан, и Законодательное собрание было бы морально принуждено уступить воле всей Франции». «Если же,— добавляла газета несколько дней спустя,— реакционерам удастся обмануть Францию и создать контрреволюционное Законодательное собрание, Франция откажет в доверии его депутатам и воздаст им по заслугам».

Нетрудно заметить, как далеко отходили от своих революционных предков эпигоны якобинизма в 1849 г. Рядясь в одежды якобинцев, они в действительности отбрасывали опыт революционеров 1792 — 1793 гг. Перебирая цепь событий, приведших к замене Законодательного собрания Конвентом, они опускали в ней важнейшее звено: народное восстание 10 августа 1792 г., революционное свержение монархии.

Образование демократическо-социалистического блока

События 29 января ускорили процесс объединения демократических сил. Еще накануне этого дня было опубликовано обращение комитета Национального конгресса (избирательной организации Горы на президентских выборах) и Центрального совета (избирательного комитета социалистов на тех же выборах), призывавшее к объединению обеих организаций и созданию общего комитета.

Мелкобуржуазные демократы и мелкобуржуазные социалисты сходились на том, что ближайшее будущее должно принести победу демократии. Социалистические реформаторы, вроде Прудона и Консидерана, надеялись на возможность осуществления своих проектов с помощью государственной власти, которая перейдет в руки Горы. В свою очередь демократические республиканцы Горы искали теперь поддержки у рабочих и социалистов и включали реформаторские проекты мелкобуржуазных социалистов в свою программу борьбы с крупной буржуазией. И те и другие проповедовали солидарность интересов рабочего класса, крестьянства, мелкой и средней буржуазии в борьбе против общего врага — финансовой аристократии. Преследования демократической и социалистической прессы, радикальных клубов и организаций способствовали сближению социалистов с Горой. Сплочение монархических партий и создание объединения правых газет еще больше подчеркивали необходимость противопоставить объединенной контрреволюции единый фронт демократии.

Объединение было подготовлено на совместных банкетах, в которых, наряду с депутатами Горы, участвовали представители социалистических групп — Прудон, Пьер Леру, Консидеран и некоторые другие. В конце февраля 1849 г. был создан Объединенный комитет представителей демократической и социалистической прессы для выработки общей избирательной программы. Тогда же был создан единый Демократическо-социалистический избирательный комитет. В Комитет вошли активные деятели обеих групп, руководившие избирательной кампанией на президентских выборах. В провинции создавались объединенные комитеты по образцу парижского. Так оформился демократическо-социалистический блок, или «Новая

Гора», как вскоре стали называть это объединение, в отличие от прежней Горы, враждебной социалистам.

Программа «Новой Горы»

Официальной программой блока стали два документа, опубликованные демократической печатью 5 и 6 апреля 1849 г. Первый из них, носивший название «Программы демократической и социальной прессы», был подписан редакциями семи главных демократических и социалистических газет («La Réforme», «La République», «Le Peuple», «La Révolution démocratique et sociale», «Le Populaire», «Le Travail affranchi», «La Démocratie pacifique»), представлявших левореспубликанское, «якобинское», луиблановское, прудонистское и фурьеристское направления. Редакции оговаривали при этом, что каждая из газет сохраняет свои индивидуальные взгляды и свою независимость. Программа была плодом компромисса между различными идейными направлениями и отражала ту эволюцию, которую проделали различные течения мелкобуржуазной демократии. Характерно, что социалисты-утописты признавали подчеркнутое в программе значение политической борьбы для осуществления социальных преобразований. С другой стороны, мелкобуржуазные демократы пополнили свой идейный багаж рецептами социальных реформ, заимствованными у различных социалистических школ и систем.

Составители программы обращались за поддержкой «ко всем гражданам, искренне желающим удовлетворения всех законных интересов... и окончания, таким образом, эры насильственных революций».

В области политической программа требовала энергичной защиты республики и всеобщего избирательного права, сохранения конституции и развития ее в демократическом духе.

Важнейшую часть программы составляли экономические требования. Здесь мы находим такие пункты, как «право на труд», «демократическая организация земельного, сельскохозяйственного, коммерческого и промышленного кредита», реформа ипотечного дела, уничтожение ростовщичества, сокращение бюджетных расходов, справедливая раскладка налогов, уничтожение налога на соль и напитки, а также городских таможенных сборов, «создание складов и национальных базаров», поощрение ассоциаций в промышленности и сельском хозяйстве, «регулирование и морализация торговли», устройство земледельческих колоний и т. п. Против крупного капитала было направлено требование «централизации и эксплуатации в интересах всего общества страхового дела, банков, железных дорог, каналов и других средств сообщения, шахт и рудников». Однако прямое требование национализации крупной промышленности, транспорта и банков было обойдено в этой формулировке.

В области внешней политики программа провозглашала принципы «уважения национальностей», освобождения народов и братского союза между ними. Заканчивалась программа лозунгом: «Да здравствует всемирная демократическая и социальная республика!»

Дополнением к программе служило опубликованное 6 апреля обращение к избирателям, подписанное 58 депутатами Горы. Этот документ, автором которого был Феликс Пиа, развивал основные положения программы демократическо-социалистической прессы и содержал такие пункты, как упразднение должности президента, выборность чиновников, повышение низких окладов и снижение высоких, увеличение заработной платы учителей, введение пропорционального и прогрессивного налога, возмещение 45-сантимного налога его плательщикам и т. п. Отношение к крупному капиталу формулировалось в словах: «эксплуатация государством железных дорог, шахт и рудников, каналов, страхового дела и т. д.».

Обращение Горы возвещало освобождение человека от всех видов рабства, от невежества и нищеты. Но как? «Посредством труда и образования. В этом — вся республика». Далее шел пламенный панегирик частной собственности: «Мы хотим укрепить собственность, превратив ее из привилегии в право, иначе говоря, расширить ее, сделав ее доступной для всех, заинтересовав в ней всех». Обращение выдвигало организацию кантональных и департаментских банков, национального банка, расширение кредита.

Социальная программа Горы представляла, следовательно, смесь различных идей мелкобуржуазного социализма, направленных на защиту мелкой частной собственности от крупного капитала. Требования и нужды рабочего класса не получили в программе отражения; она обходила такие вопросы, как продолжительность рабочего дня, уровень заработной платы, право коалиций, женский и детский труд.

Революционное требование «права на труд», выражавшее социалистические стремления рабочего класса, превращалось в этой программе в реформу кредита, вполне совместимую с капиталистическим способом производства и отвечавшую потребностям мелкого хозяйчика. «Что такое право на труд? Это право на кредит. А что такое право на кредит? Это право на капитал, иначе говоря, на средства и орудия труда»,—объясняло обращение Горы. Характеризуя программу «Новой Горы», Маркс писал: «Социальные требования пролетариата были лишены своего революционного жала и получили демократическую окраску, а демократические требования мелкой буржуазии лишились прежней чисто политической формы и получили социалистическую окраску. Так возникла *социальная демократия*»[1].

Соглашение мелкобуржуазных демократов с социалистами сделало «Новую Гору» центром притяжения революционных сил в стране. Вожаки тайных обществ и клубов, бывшие люксембургские делегаты и другие деятели рабочего движения составили в рядах демократическо-социалистического блока немногочисленное, но активное пролетарское крыло.

Поддерживая лозунг «новой революции», рабочие вожаки вкладывали в него, однако, иное содержание, чем левые элементы Горы. Используя избирательные организации Горы как легальное прикрытие революционного подполья, многие вожаки рабочих стремились подготовить новое восстание рабочего класса и обеспечить его победу с помощью демократической мелкой буржуазии.

Заметную роль эти элементы играли в Париже и отчасти в Лионе. Среди рабочих вожаков 1849 г. уже не было крупных имен, известных всей стране или хотя бы всему рабочему населению Парижа. По большей части это были люди, известные лишь в пределах своего округа или квартала. Среди этих рабочих вожаков были монтер Малларме, бывший в 1848 г. председателем коммунистического клуба «Братство», сапожник Морель, один из учредителей бланкистского клуба «Народ», причастный к июньскому восстанию, ремесленник Герар, сапожник Сонжон, участник июньского восстания Дюфеликс, служащий Курне, кузнец из Сент-Антуанского предместья Филипп, типографский рабочий Дюбуа. Однако главную роль среди них играла группа старых деятелей тайных обществ, руководителей мелкобуржуазного «Общества прав человека и гражданина» — Лебон, Шипрон, Гранмениль, Дельбрук, Берье-Фонтен, Бон и некоторые другие. Таким образом, рабочие элементы в «Новой Горе»оказались

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. произв., т. I, 1949, стр. 238.

подчиненными руководству мелкой буржуазии. Политическая незрелость пролетариата и поражение парижских рабочих в июньские дни 1848 г. имели своим результатом гегемонию мелкобуржуазной демократии в демократическо-социалистическом блоке.

Разногласия внутри демократическо-социалистического блока

Соглашение демократов и социалистов не прекратило разногласий внутри столь пестрого по своему составу блока. Прудонисты и сторонники Луи Блана попрежнему подозревали друг друга в интригах. Прудон, осужденный на три года тюремного заключения за свои статьи против президента и лишенный возможности лично руководить предпринятой им «реформой кредита», решил ликвидировать Народный банк, но участвовавшие в создании банка люксембургские делегаты во главе с фурьеристом Лешевалье решили превратить его в «Общество взаимопомощи трудящихся», приспособленное к нуждам производительных ассоциаций. Прудон подверг насмешливой критике планы своих недавних союзников.

По мере приближения выборов действия буржуазной контрреволюции становились всё более вызывающими. Погромная литература монархистов, направленная против «красных», широко распространялась по стране. Провозглашенный бонапартистским публицистом Гранье де Кассаньяком лозунг «искоренения социализма» был подхвачен многими монархическими газетами. В провинции производились повальные обыски у бывших деятелей «Республиканской солидарности». Демократическую печать душили штрафами и судебными приговорами. Министр внутренних дел предписал префектам посылать на предвыборные собрания полицейских комиссаров для контроля за содержанием речей. Учащались столкновения между собраниями избирателей и полицейскими властями.

Прудоновский план «легального сопротивления»

23 апреля в газете «Народ» Прудон опубликовал статью, в которой предлагал разработать «кодекс легального сопротивления» граждан властям, нарушающим конституцию. «Легальное сопротивление» должно было начаться с заявления об отказе подчиниться беззаконию, затем переходить последовательно к отказу от уплаты налогов, от воинской службы, от выполнения административных распоряжений и судебных приговоров и лишь после того — к смещению старого и провозглашению нового правительства. Только в этот момент, утверждал Прудон, допустимо восстание, и лишь после подавления восстания допустим переход к подпольной борьбе. Прудоновский план был отклонен парижским демократическо-социалистическим комитетом. Последний решил отказаться от избирательных собраний в присутствии полицейских комиссаров, но не прибегать к каким-либо революционным способам борьбы с властями.

Признавая ситуацию неблагоприятной для революционного выступления, «Новая Гора» высказывала, однако, уверенность, что положение радикально изменится, как только контрреволюция открыто посягнет на конституцию. Пребывая в этой уверенности, «Новая Гора» отдавала инициативу борьбы в руки противника, заранее подчинялась его планам и расчетам. «Настанет день, и возможно скоро,— заявляла 5 мая газета Делеклюза,— когда народ вспомнит все свои страдания, всё, что он потерял, и окружит реакцию пустотой; реакция, загнанная в тупик, будет вынуждена рискнуть на государственный переворот. Вот тут-то мы ее и поджидаем».

Прудонисты уже 27 апреля объявили в газете «Народ», что, поскольку их советы отвергнуты и не поняты Горой, они устраняются от всяких

попыток такого рода обсуждения и «отныне замыкаются в пассивной роли наблюдателей».

Так, первые же признаки надвигающейся борьбы обнаружили серьезные разногласия внутри демократическо-социалистического блока.

Итальянский вопрос и позиция «Новой Горы»

Одним из центральных вопросов в борьбе «Новой Горы» против контрреволюционеров-монархистов была внешняя политика Луи-Наполеона и министерства Барро. Главное место в этой политике занимал итальянский вопрос.

Территориальная близость Италии к Франции, экономические интересы французской буржуазии, значение папства для католической церкви во Франции — всё это придавало итальянскому вопросу особое значение в глазах французских реакционеров. Незыблемость папской власти над Римом представлялась французским клерикалам условием сохранения их влияния в самой Франции. Таких же взглядов держались в этом вопросе легитимисты, орлеанисты, бонапартисты, а отчасти и умеренные республиканцы, напуганные ростом рабочего и демократического движения в стране.

Уже в ноябре 1848 г. правительство Кавеньяка, действуя в согласии с Учредительным собранием, направило в порт Чивита-Веккья, близ Рима, французскую военную эскадру с поручением взять папу на борт и перевезти его во Францию. Предлагая Пию IX помощь и убежище во Франции, Кавеньяк рассчитывал расположить в свою пользу католическое духовенство и добиться его поддержки во время президентских выборов. Однако Пий IX предпочел укрыться под более надежной, как он полагал, защитой неаполитанских и австрийских штыков. Папа отказался от предложения Кавеньяка и бежал из Рима в неаполитанский порт Гаэту, откуда и обратился за помощью к католическим державам.

23 декабря 1848 г., на первом же заседании нового французского кабинета, вопрос об интервенции против революции в Риме был решен в положительном смысле. Кабинет Барро стал искать способов осуществить свое решение, скрывая его до поры до времени от Учредительного собрания. Однако слухи об этом решении проникли и в Собрание. Гора разоблачила контрреволюционные замыслы президента и правительства в итальянском вопросе и потребовала оказания помощи итальянскому освободительному движению, признания Римской республики и борьбы с австрийской интервенцией в Италии. Но Учредительное собрание отклонило протесты Горы, развязав тем самым правительству руки для организации интервенции.

Решающим толчком для выступления Франции против Римской республики послужило поражение сардинских войск под Новарой 23 марта 1849 г.

28 марта Барро выступил в Собрании с сообщением о поражении Пьемонта и обещал защищать территориальную целостность этого итальянского государства от покушений со стороны Австрии. В действительности, Луи-Наполеон уже получил к этому времени от Австрии заверения в ее отказе от территориальных аннексий за счет Пьемонта. Речь шла лишь о том, кто раньше появится у стен Рима, т. е. о том, кто именно задушит Римскую республику — французы или австрийцы. Между тем Гора в последовавших 29 и 30 марта прениях потребовала немедленного вмешательства Франции в итальянские события с целью защиты Пьемонта, Тосканы и Рима от австрийской угрозы. Сама того не подозревая, Гора играла наруку Луи-Наполеону и министерству Барро, облегчая им проведение интервенции. 30 марта Собрание приняло резолюцию, в которой обещало полную поддержку правительству, если оно сочтет

необходимым «подкрепить свои переговоры с Австрией частичной и временной оккупацией какого-либо пункта итальянской территории».

Прикрывшись этой резолюцией, правительство предприняло интервенцию, но не в Северной Италии против австрийцев, а в центральной части страны — против Римской республики. 16 апреля было решено направить в Чивита-Веккью экспедиционный корпус в 14 тыс. человек под командованием генерала Удино. В тот же день правительство потребовало у Собрания кредитов на эту экспедицию. Представители Горы, подозревая правительство в намерении употребить французские штыки против Рима, воздержались от голосования. Вместе с ними воздержалась и часть буржуазных республиканцев, другая часть их голосовала заодно с монархистами. Собрание утвердило испрошенные правительством кредиты.

Ход событий быстро обнаружил мошеннический трюк президента и кабинета. 25 апреля французские войска высадились в Чивита-Веккьи и, заняв этот порт, двинулись к Риму. Снабженный инструкциями, запрещавшими ему признавать в какой-либо форме Римскую республику и развязывавшими ему руки для военных действий, генерал Удино спешил покончить с революционным городом. 30 апреля он предпринял штурм Рима, закончившийся поражением французских войск.

Известие об этих событиях вызвало взрыв негодования во всей Франции и создало в ней новый политический кризис. Наглый обман Барро был столь очевиден, что вывел из себя даже умеренных республиканцев, открыто обвинявших правительство в том, что оно «сделало из Франции жандарма абсолютизма».

9 мая, через два дня после принятия Учредительным собранием резолюции, осуждавшей военные действия против Рима, в печати появилось письмо Луи-Наполеона к генералу Удино с выражением восхищения «доблестью» французских войск и обещанием новых подкреплений.

Вызов, брошенный письмом президента Собранию, привел депутатов в сильное возбуждение. В Собрании развернулись страстные прения. Гора огласила в Собрании обвинительный акт против президента и министров и предложила признать Римскую республику и заключить с ней дружественный мир. Буржуазные республиканцы отказались поддержать Гору. 11 мая Собрание отвергло предложение Горы и закончило свои дебаты простым переходом к очередным делам.

В правящих кругах ждали лишь конца Учредительного собрания, чтобы возобновить военные действия против Рима. Для переговоров с римскими триумвирами правительство направило своего дипломатического агента Фердинанда Лессепса (будущего строителя Суэцкого канала). Лессепс настойчиво добивался соглашения с Римской республикой, не подозревая того, что вся его миссия является очередной уловкой правительства, обманом и французского народа и римского населения. Тем временем правительство послало подкрепления Удино, экспедиционный корпус которого был доведен до 20 тыс. человек.

ВЫБОРЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ

Обстановка, в которой происходили выборы в Законодательное собрание, была уже не та, что во время президентских выборов. Классовые противоречия обострились и приняли более обнаженный вид. На одной стороне стояли рабочие, передовая часть мелкой городской буржуазии, и передовая часть мелкого крестьянства, на другой — крупная буржуазия и крупные землевладельцы, поддерживаемые зажиточной верхушкой крестьянства.

«Партия порядка»

Все три монархические партии выступали объединенными в качестве так называемой «партии порядка». Имя этому объединению контрреволюционных сил дал Гизо, находившийся в эмиграции в Англии и выставивший свою кандидатуру от департамента Кальвадос. Опубликованное в этой связи письмо Гизо содержало целую программу действий для монархического лагеря. «Сегодня,— писал он,— для Франции важна одна вещь,— чтобы организовалась партия порядка... Сегодня она совершенно необходима. Разделенные между собой и пользующиеся каждая только своей собственной силой, ни одна из этих различных партий, являющихся естественными элементами партии порядка, не в состоянии в одиночку победить врагов порядка и создать свое правительство... Все элементы партии порядка, легитимисты, бонапартисты, орлеанисты, консерваторы всех периодов и оттенков,— все нуждаются, абсолютно нуждаются друг в друге».

Руководящим органом «партии порядка» был «Комитет улицы Пуатье», который со времени июньских дней 1848 г. объединял вожаков монархических партий. В Комитет входило 48 членов, в том числе: легитимисты Беррье и де ля Реторт, орлеанисты Тьер, Моле и Казимир Перье, бонапартисты Персиньи и генерал Пиа, клерикалы во главе с Монталамбером. Кроме того, в Комитет входили два-три правых республиканца (в том числе Гарнье-Пажес, бывший член Временного правительства). Преобладали в «Комитете улицы Пуатье» и задавали тон орлеанисты. Комитет руководил избирательной кампанией «партии порядка» по всей стране, опираясь на подобные же комитеты в департаментах.

Союзником «партии порядка» был «Избирательный комитет религиозной свободы», руководимый Монталамбером. Эта влиятельная организация имела в провинции большие связи и очень активную агентуру: католическое духовенство и близких к церкви помещиков, крупных буржуа, высших чиновников.

«Партия порядка», поддерживаемая всей массой крупных собственников, развернула широкую агитацию в стране, стремясь уловить голоса крестьян, городского мещанства и отсталых слоев рабочего класса. В ее избирательный фонд было собрано по подписке 200 тыс. фр.; по всей стране разлился поток брошюр, памфлетов, листовок, в которых на все лады расписывались «ужасы», якобы ожидающие страну в случае победы республиканцев и социалистов. Авторами этих брошюр были представители контрреволюционного лагеря — маршал Бюжо, публицисты Луи Вейо, Валлон и другие. Борзописцы «партии порядка» не брезгали никакой клеветой, никакой бранью по адресу демократов.

Демократическо-социалистический избирательный комитет в Париже

Рыхлость и неорганизованность, присущие мелкой буржуазии, которая составляла главную социальную опору Горы, сильно вредили этой партии в ее предвыборной кампании. Лишь там, где пролетарские элементы играли в демократическо-социалистическом блоке более заметную роль, Горе удавалось создать более сильную и более стройную организацию. Примером такой организации был Париж. В период избирательной кампании здесь оформилась массовая демократическая организация. В конце апреля в каждом из 14 округов Парижа были созваны собрания избирателей, сочувствующих Горе. Эти собрания выбрали делегатов — по 15 человек от каждого округа, Общее собрание этих делегатов составило Демократическо-социалистический избирательный комитет, который и возглавил избирательную кампанию Горы в Париже. Комитет пользовался большим авторитетом в массах. В его избрании принимало участие свыше 100 тыс. человек. Состав Комитета был довольно пестрым, но в нем были довольно широко пред-

ставлены пролетарские элементы. Среди его членов были активные участники тайных обществ, деятели революционных клубов, бывшие люксембургские делегаты.

Руководящую роль в Комитете играли левые деятели Горы (Делеклюз, д'Альтон-Шэ, Боден и др.) и вожаки тайных обществ (Н. Лебон, В. Шипрон, Дюфеликс, Бон и др.). Председателем Комитета был избран студент Серьен. К Комитету примыкала демократическая организация солдат и унтер-офицеров парижского гарнизона. Она имела своих делегатов в полках и активно участвовала в намечении кандидатов от демократическо-социалистического блока в Законодательное собрание. В число кандидатов блока в Париже были включены сержант Буашо и капрал Ратье.

Комитет требовал от своих кандидатов безусловного признания следующих положений: 1) существование республики не может зависеть от исхода выборов в парламент и от решения парламентского большинства; 2) если конституция будет нарушена, депутаты должны первыми подать пример сопротивления; 3) употребление французского оружия против свободы другого народа является нарушением конституции; 4) признание права на труд; 5) всеобщее бесплатное обязательное образование; 6) возвращение народу миллиарда, выплаченного бывшим эмигрантам в период Реставрации. Эти требования шли несколько дальше общей программы Горы и отличались своим боевым духом.

Демократическо-социалистический комитет руководил избирательной кампанией во всем департаменте Сены. Кроме него, были созданы окружные комитеты, состоявшие из членов департаментского комитета — делегатов от данного округа. Округа разбивались на секции, руководители которых назначались окружными комитетами. В таком построении выразилось стремление создать, в рамках широкой организации и под ее прикрытием, узкую боевую организацию, способную перевести борьбу на революционный путь.

«Демократическая ассоциация друзей конституции»

Правые буржуазные республиканцы играли в избирательной кампании второстепенную роль. Они численно преобладали в Учредительном собрании, но в стране давно растеряли свое былое влияние. Монархисты возлагали на них ответственность за все бедствия, которые, как утверждали правые партии, принесла Франции февральская революция. Рабочий класс с полным основанием видел в правых буржуазных республиканцах палачей июньских инсургентов. Массы мелкого крестьянства не могли простить им 45-сантимного налога. Программу правых республиканцев пропагандировала «Демократическая ассоциация друзей конституции»— избирательная организация, во главе которой стояли депутаты Учредительного собрания — Бюше, Греви, Демарэ и другие. Ассоциация призывала народ «выбирать людей, желающих сохранить конституцию, лойяльно выполнять ее и проводить те реформы, зародыши которых она содержит в себе...»

«Друзья конституции» не были в состоянии опровергнуть обвинения по адресу Кавеньяка и его контрреволюционной политики. Эти обвинения нашли новое подтверждение в ходе избирательной кампании. Виднейшие буржуазные республиканцы, заведомые враги рабочего класса и демократии, вроде Кавеньяка, Дюфора, генерала Ламорисьера и Ластейри, были включены «партией порядка» в списки своих кандидатов в Париже. Они оказались, таким образом, одновременно в двух списках кандидатов — и в списке «партии порядка» и в списке «Друзей конституции». Этот факт наглядно указывал на политическую близость и идейное родство буржуазно-республиканских вожаков с вожаками монархистов. Поставленные

перед необходимостью выбирать между двумя списками, Кавеньяк и его друзья оставили свои кандидатуры в списках «Друзей конституции».

Административный нажим на избирателей

Выборы происходили в обстановке разнузданного полицейского произвола и сильнейшего административного давления на избирателей. Избирательные собрания проходили под надзором полиции. В циркулярах префектам министр внутренних дел открыто требовал их вмешательства в избирательную борьбу и поддержки «партии порядка». Префекты и супрефекты предписывали эту же политику мэрам. Нажим властей дополнялся открытым вмешательством в выборы католического духовенства, его активным воздействием на избирателей. Епископ Каркассона предпринял поездку по епархии с проповедями, призывавшими крестьян отдать свои голоса «партии порядка».

Особенно бесцеремонным было вмешательство властей в ход выборов среди солдат. Демократические газеты в казармах изымались. Солдаты и унтер-офицеры, замеченные в чтении демократической литературы, переводились на службу в Алжир или Тунис. Воинские части, известные своими левыми настроениями, в момент голосования отправлялись на маневры или перебрасывались в новые местности, чтобы помешать солдатам принять участие в голосовании. Полковник Шаррас, видный республиканский деятель, утверждал, что из 450 тыс. армейских избирателей в голосовании не участвовало и 300 тыс.

Но главный мошеннический трюк правительство приберегло к моменту голосования. 11 мая Учредительное собрание большинством голосов отвергло обвинительный акт против министерства Барро, внесенный Горой в связи с нарушением конституции и решений Собрания по вопросу о римской экспедиции. Исход голосования был использован министром внутренних дел для нового воздействия на избирателей. 12 мая Леон Фоше разослал префектам телеграмму, в которой сообщал о благоприятном для правительства исходе голосования в Собрании и добавлял, что «агитаторы ждали лишь враждебного министерству голосования в Учредительном собрании, чтобы выйти на баррикады и возобновить июньские дни». Телеграмма перечисляла по фамилиям депутатов Собрания, голосовавших против правительства, изображала их как поджигателей гражданской войны, а реакционные партии как спасителей общества.

Тотчас же по получении этих телеграмм местные власти распорядились расклеить их на улицах, возле избирательных участков. В провинции, уже запуганной «кампанией страха», которую вела контрреволюционная печать, это правительственное сообщение произвело сильное впечатление и оказало существенное влияние на исход голосования. Правда, Фоше пришлось расплатиться за свой трюк министерским портфелем. Учредительное собрание осудило его телеграмму, и ему не осталось ничего иного, как выйти в отставку. Но цель провокации была достигнута.

Результаты выборов в Законодательное собрание

Учитывая все эти обстоятельства, надо признать избирательный успех «партии порядка» на выборах 13 мая 1849 г. довольно относительным. Ее победа отнюдь не свидетельствовала о действительном преобладании контрреволюционно-монархических настроений в стране, как об этом прокричала реакционная пресса и как это рисуют реакционные историки. Даже беглый анализ результатов голосования обнаруживает иную, гораздо более сложную картину.

Из 9837 тыс. зарегистрированных избирателей в голосовании приняло участие 6594 тыс. человек. Таким образом, около трети избирателей в голосовании не участвовало. Абсентеизм падал главным образом на крестьянство, на его отсталые, забитые и политически индифферентные

слои. Надо учесть также и то, что голосование происходило не в сельских общинах, а в центре кантона, и сельским избирателям приходилось для этого зачастую надолго оставлять свои жилища; понятно, что многие крестьяне не смогли или не захотели этого делать. В городах участие в голосовании было более высоким. В Париже на выборы явилось $^4/_5$ общего числа избирателей.

«Партия порядка» получила на выборах 3310 тыс. голосов — немногим более половины общего числа голосовавших, но всего лишь около трети голосов всех избирателей. Кандидаты Горы получили 1955 тыс. голосов, правые республиканцы — 834 тыс. голосов.

Однако избирательная механика обеспечила «партии порядка», собравшей лишь немногим более половины поданных голосов, две трети мест в Законодательном собрании (500 мандатов из 750). Гора, собравшая на выборах свыше 29% голосов, получила лишь 24% мандатов; правые республиканцы, собравшие свыше 18% голосов, получили около 9% мандатов. Дело в том, что голосование происходило по партийным спискам и притом в одном единственном туре; побеждали тот список и те кандидаты, которые собирали относительное большинство голосов. В этих условиях решающее значение имели избирательные блоки партийных группировок. «Партия порядка», являвшаяся блоком трех монархических партий, имела в этом отношении значительное преимущество перед своими противниками. Гора и «Друзья конституции» выступали большей частью с отдельными, конкурирующими между собой, списками. Это позволило «партии порядка» в ряде случаев одерживать победу в тех департаментах, где ее списки собирали лишь меньшинство поданных голосов.

В Париже кандидаты «партии порядка» получили 106 тыс. голосов и 14 депутатских мест; список демократическо-социалистического блока получил 106 тыс. голосов и 10 мест, «Друзья конституции» — 42 тыс. голосов и 4 места. На первом месте по числу голосов стоял князь Люсьен Мюрат (сын наполеоновского маршала Мюрата), шедший по списку «партии порядка»; вторым шел Ледрю-Роллен. По списку Горы избраны были Феликс Пиа, Ламеннэ, Консидеран, Пьер Леру и некоторые другие. Прудон собрал 103 тыс. голосов, но избран не был. Не были избраны и Лебон, Савари, Малларме, кандидаты демократическо-социалистического блока, выставленные по настоянию парижского Демократическо-социалистического избирательного комитета.

Успех Ледрю-Роллена имел особое значение: он был избран одновременно в четырех департаментах, в то время как ни один кандидат «партии порядка» не был избран одновременно более чем в трех департаментах.

Обращал на себя внимание успех Горы в армии. Из 9300 голосовавших солдат и офицеров, жителей департамента Сены, за кандидатов Горы подали голоса 4800 человек, за кандидатов «партии порядка» — 2500, за правореспубликанских кандидатов — 2000.

Эти цифры свидетельствовали о том, что, несмотря на развращающую бонапартистскую пропаганду, в армии еще сохранились демократически настроенные элементы. Военные кандидаты Горы — Буашо и Ратье в Париже и сержант Комиссэр в Эльзасе — были избраны.

Итоги выборов в Законодательное собрание, несмотря на все меры административного нажима и фальсификации со стороны властей, всё же в известной мере отражали относительную силу и влияние борющихся партий.

«Партия порядка» оказалась господствующей силой на севере, северовостоке, северо-западе и западе Франции, а также в Парижском районе. В этих департаментах большим удельным весом обладали зажиточное крестьянство и фермерство, крупная торговая буржуазия и землевладель-

МЕЛКОБУРЖУАЗНЫЕ ДЕМОКРАТЫ И СОЦИАЛИСТЫ, ИЗБРАННЫЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ СОБРА́НИЕ ОТ ПАРИЖА (13 МАЯ 1849 Г.)

(слева направо первый ряд сверху: Лагранж, Ледрю-Роллен, Буашо; в середине Феликс Пиа, Ламеннэ, Т. Бак; внизу: Раттье, Пердигье, Пьер Леру, Виктор Консидеран)

Литография А. Ф.

Собрание Института Маркса — Энгельса — Ленина. Москва

ческая аристократия. Опорой Горы оказались восточные и юго-восточные департаменты и районы центральной Франции — области крупной промышленности с многочисленным пролетариатом (вроде Эльзаса и Лотарингии), затем районы мелкой крестьянской собственности, мелкого ремесла и торговли, мелкого виноградарства и садоводства (вроде Лангедока и других районов западной части средиземноморского побережья). Влияние правых республиканцев сохранилось лишь в отдельных районах традиционного буржуазного либерализма и неразвитых классовых противоречий — в департаментах Юра, Дром и Верхние Пиренеи. Виднейшие буржуазные республиканцы, бывшие члены Временного правительства,— Дюпон, Ламартин, Марраст, Флокон, Мари, Гарнье-Пажес — не были избраны.

Таким образом, выборы в Законодательное собрание показали дальнейшее обострение классовых противоречий в стране. Рабочий класс, передовая часть мелкой буржуазии и крестьянства, выступали против крупной буржуазии, которая вела за собой отсталые элементы крестьянства и мелкобуржуазного населения городов.

Глава сороковая

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ ВОЙНА В ВЕНГРИИ В 1848—1849 ГГ.

Своей политикой в Венгрии, в период с марта по сентябрь 1848 г., Габсбурги добивались двоякой цели — капитуляции венгерского правительства перед Австрией и подавления венгерской революции изнутри, руками самого венгерского правительства. Венский двор стремился использовать для этого национальное движение сербов, хорватов и словаков, а также румын, словом, всех тех народов, которые в течение веков находились под гнетом венгерских феодалов.

Венгерский сейм и политика Габсбургов

Пока главные силы австрийской армии находились в Ломбардии, правящие круги монархии Габсбургов делали вид, будто они посредничают между венгерским правительством и восставшими против него народами. В действительности же австрийское правительство натравливало одних на других. С одной стороны, венский двор вооружал против Венгрии армию Елачича, своего агента в хорватском национальном движении, а с другой — передавал находившиеся в Венгрии части австрийской армии формально в распоряжение венгерского министра обороны. Это решение императора было маневром, рассчитанным на то, чтобы укрепить внутри венгерского правительства позиции верных династии графов Баттиани и Сечени и дать им возможность саботировать создание самостоятельной венгерской армии. Части австрийской армии, предоставленные «компетенции» венгерского правительства, остались под руководством своих, преимущественно немецких, офицеров и генералов и предназначались вовсе не для обороны Венгрии, а для подавления революционно-демократического движения в ней.

Ссылаясь на возможность урегулирования венгерско-хорватского конфликта мирным путем, Баттиани добился отсрочки создания самостоятельной венгерской армии. Либеральные политики из рядов обуржуазившегося среднего дворянства, располагавшие большинством мест в правительстве, опасались, что при повторяющихся крестьянских волнениях создаваемая из крестьян национальная армия окажется в силу своего классового состава опасной для него.

В конце апреля 1848 г. представители либерального дворянства добились ликвидации комитетов общественной безопасности, т. е. по существу обезглавили революционно-демократический лагерь.

Состоявшиеся 28 июня 1848 г. выборы в парламент (сейм) принесли либеральному дворянству полную победу. Она явилась результатом лишения неимущей части населения избирательного права. Подготовку и проведение выборов организовал старый аппарат комитатов. Если не считать около 30 депутатов-радикалов, не составлявших особой партии, венгерский парламент 1848 г. (общее количество его членов составляло 415) мало чем отличался от прежнего дворянского сейма. Против Петефи, выдвинутого кандидатом в его родном городе, была устроена местными властями подлая провокация, и он с трудом спасся от рук наемных убийц.

Парламентские выборы привели к обострению классовой борьбы, главным образом между городскими пролетарскими и полупролетарскими слоями и либеральным дворянством. Усилилось революционное брожение и среди крестьянства, возмущенного контрреволюционными махинациями местных властей, извращавших и саботировавших вместе с помещиками проведение в жизнь закона об отмене барщины и десятины. В деревнях власти со всей жестокостью применяли законы осадного положения «против бунтовщиков, подстрекателей и нарушителей общественного порядка» (как говорилось в распоряжении министра внутренних дел Семере). Но в городах, особенно в столице, правительство оказалось беспомощным перед бурно нараставшим демократическим движением. Огромное влияние в массах получил руководимый Петефи «Союз равенства». В программе Союза, опубликованной 26 июня 1848 г., говорилось, что в Венгрии «демократия является только фикцией, а не действительностью», потому что в стране «попрежнему существует классовое господство и народ живет в политическом рабстве». Программа требовала всеобщих выборов без ценза, свободы печати без залога, полного равноправия всех живущих в стране национальностей. Союз равенства получил влияние и в деревне; он требовал ликвидации всех феодальных привилегий и предоставления земли безземельным крестьянам. Подобную же агитацию вела среди крестьян «Газета рабочих», выходившая под редакцией Михаила Танчича.

Заседания парламента открылись 5 июля тронной речью, прочитанной королевским наместником эрцгерцогом Стефаном, и приветственными возгласами в честь династии.

В руках представителей среднего, либерального дворянства, занимавшего господствующее положение в парламенте, последний служил орудием обмана революционного народа. Все же в условиях революционного подъема господствующему классу не всегда удавалось увлечь народные массы парламентскими иллюзиями. Правительство Баттиани пыталось использовать радикальную группировку, руководимую мелкопоместным дворянином Мадарасом. Но Мадарас под влиянием усилившегося массового движения все больше левел и становился революционным демократом. Его группировка, по адресу которой Кошут на первых заседаниях парламента бросил слова, что «ничтожное меньшинство должно молчать», становилась серьезной силой как в парламенте, так и вне его. Теперь, когда часть либералов начала колебаться и склоняться к капитуляции перед Австрией, Кошут, изменив свою прежнюю позицию, стал опираться на Мадараса и его группу.

Тем временем народные массы Будапешта оказывали прямой нажим на парламент. Первый раз это произошло в июле, когда массы, осадившие здание парламента, заставили изменить решение либерального большинства по поводу так называемого «итальянского вопроса» (парламент только что удовлетворил тогда требование императорского двора доставить для австрийской армии в Ломбардии 40 тыс. человек при условии

отозвания из Хорватии Елачича). Революционный натиск трудящегося населения столицы, воодушевленного речами Петефи, принял такие грозные формы, что парламент в конце концов, по предложению Кошута, вынес решение, которое свело на нет выполнение требований императорской камарильи. Предоставление венгерских войск было обусловлено отказом от использования их против итальянского народа, причем было объявлено, что парламент считает территорию западнее реки Эч, принадлежащей Италии.

Подготовка вооруженного нападения Австрии на Венгрию

В июне — июле 1848 г. скрытая интервенция Австрии в Венгрии с помощью отрядов добровольцев из княжества Сербии была уже в полном ходу. Попустительство австрийских пограничных войск и изменническое поведение генералов венгерских частей австрийской армии, выполнявших приказы австрийского правительства, позволили сербским отрядам занять южные пограничные районы. Однако габсбургский двор по внешнеполитическим соображениям делал главную ставку на использование национального движения хорватов, а не сербов. В то время как сербским отрядам, превышавшим 10 тыс. человек, венское правительство не разрешало двигаться в глубь Венгрии, хорватскую армию Елачича (численностью в 20—22 тыс.) готовили для интервенции в Венгрии.

План интервенции Елачича был рассчитан на то, что правительству Баттиани удастся оттянуть создание венгерской национальной армии до начала интервенции. Этот план стал широко известен в Венгрии, так как офицеры венгерских частей австрийской армии получили указание воздерживаться от борьбы с армией Елачича.

Узнав о коварной игре двора, о подготовляемой им интервенции, революционно-демократический лагерь в Будапеште поднял тревогу. На массовых собраниях ораторы обвиняли правительство, в частности Баттиани, в саботаже создания венгерской армии и требовали немедленных мер для защиты революции и независимости страны. Разоблачение плана интервенции усилило антигабсбургские настроения и в рядах либерального дворянства. Его капитулянтские элементы притихли. Выступая 11 июля в парламенте, Кошут начал свою речь словами: «Отечество в опасности!» Он разоблачал маневры императорского двора и его подготовку к вооруженной интервенции, говорил об опасности, которая грозит стране, не имеющей собственной армии, и просил от имени правительства принять постановление о создании армии в 200 тыс. человек и о кредите в 42 млн. форинтов. Парламент единогласно принял закон о создании венгерской национальной армии «гонведов».

Однако проведение в жизнь этого закона оттягивалось. Баттиани и министр обороны Месарош вначале добивались создания 40-тысячной армии как составной части «общей» австрийской армии. Это им не удалось вследствие сопротивления Кошута, но по настоянию Баттиани правительство решило продолжать переговоры с императорским двором для утверждения закона об армии и «мирного урегулирования венгеро-хорватского вопроса». Венский двор вел переговоры только с целью выиграть время для завершения военной подготовки интервенции, в частности для переброски регулярных частей из Северной Италии (после победы Радецкого под Кустоцей) в подкрепление армии Елачича. 29 июля Баттиани вел переговоры в Вене, а также и непосредственно с Елачичем, обещая ему признание венгерским правительством отделения Хорватии от Венгрии. Но габсбургский холоп Елачич вовсе и не стремился к установлению независимости Хорватии; он настаивал лишь на отказе Венгрии от самостоятельной армии и финансов. 28 августа переговоры

между венгерским правительством и венским двором окончились отказом двора отозвать Елачича, которого 4 сентября император Фердинанд восстановил во всех должностях.

Вторжение Елачича

11 сентября Елачич перешел со своей армией реку Драву в трех местах. Части австрийской армии, переданные в ведение венгерского правительства, согласно полученному из Вены приказу, отступали без боя. У озера Веленце вблизи Будапешта венский двор остановил продвижение армии Елачича, решив до вступления последнего в столицу Венгрии изнутри расправиться с революционным народом, готовившимся к защите города и отправлявшим отряды ополчения к озеру Веленце. Свой план внутреннего переворота двор хотел осуществить с помощью тех формально подчиненных венгерскому правительству регулярных войск австрийской армии, которые Баттиани должен был подтянуть к Будапешту. Для беспрепятственной подготовки этого коварного маневра Кошут был заранее удален из состава правительства. 11 сентября Баттиани якобы в знак протеста против вторжения Елачича подал в отставку, но был вновь назначен премьером и составил новое правительство без Кошута, ссылаясь на то, что таким образом он еще может добиться у двора отозвания армии Елачича из Венгрии. В то же время вокруг Будапешта, по распоряжению Баттиани, разместились, будто бы для защиты его от Елачича, полки австрийской армии, состоявшие частично из венгерских солдат. Однако их ненадежность стала очевидной из поведения офицерского состава этих частей, явно сотрудничавшего с Елачичем. Скоро выяснилось, что эти части предназначались для подавления революционного движения в Будапеште. Чтобы замести следы существования такого плана и восстановить к себе доверие населения, Баттиани издал 13 сентября воззвание, в котором призывал венгерский народ к борьбе против Елачича, и отдал в этом смысле распоряжение подчиненным ему регулярным частям австрийской армии. Это воззвание произвело некоторое впечатление на венгерских солдат, а отчасти и на офицеров австрийской армии, но доверия к себе Баттиани не удалось восстановить. Массы на митингах и радикальная оппозиция в сейме под руководством не только Мадараса, но теперь и Кошута выражали решительный протест против переброски войск к Будапешту не для борьбы с Елачичем, а «для других целей».

22 сентября под давлением народных масс парламент избрал Комитет обороны для контроля над действиями правительства в составе шести членов, из которых четыре принадлежали к радикальной оппозиции. Управление внутренними делами Мадарас взял в свои руки. Во главе Комитета обороны, вопреки протестам Баттиани, встал Кошут. Захваченный революционным подъемом народных масс, Кошут встал на защиту общенациональных интересов и энергично взялся за организацию армии. С этих пор Кошут становится подлинным вождем венгерской национально-освободительной борьбы.

Баттиани предложил двору назначить чрезвычайным королевским комиссаром и главнокомандующим всеми силами австрийской армии (включая и армию Елачича) генерала графа Ламберга, уверяя, что его назначение будет приемлемым и для остальных членов правительства и для либерального большинства сейма. Ламберг был назначен 25 сентября; 28 сентября он прибыл в Будапешт, чтобы распустить парламент и на основании военного положения взять всю власть в свои руки. Баттиани в тот же день удалился из Будапешта якобы для того, чтобы по пути встретить Ламберга, дав, однако, заранее членам правительства указание подчиняться распоряжениям Ламберга в его, Баттиани, отсутствие.

О назначении Ламберга и о целях габсбургского двора народные массы узнали еще накануне из выступления Кошута, который в парламенте призвал к сопротивлению этому незаконному назначению. Когда Ламберг направлялся в парламент, он был схвачен и убит группой революционно настроенных граждан. Таким образом, коварный план Габсбургов и их агентов в венгерском правительстве, пытавшихся расправиться с венгерской революцией изнутри, провалился.

Елачич тотчас же начал наступление на Будапешт, но 29 сентября его армия была отброшена у Шукоро главным образом силами венгерского ополчения и созданных из новобранцев гонведских отрядов. Их революционный энтузиазм и патриотический подъем оказали влияние и на венгерские части регулярной австрийской армии, которые начали переходить на сторону венгерской революции. Армия Елачича потерпела при отступлении серьезное поражение, потеряв до 10 тыс. человек пленными и убитыми. Преследовавшая ее венгерская армия 10 октября подошла к австрийской границе.

Отставка правительства Баттиани и переход власти к Комитету обороны

После этой победы над Елачичем правительство Баттиани 1 октября ушло со сцены. Либеральное большинство парламента после некоторых колебаний подчинилось Кошуту и радикальной оппозиции, опиравшейся на демократическое движение. 7 октября парламент объявил незаконным указ Фердинанда от 3 октября, назначавший Елачича (императорская камарилья тогда еще не знала о его поражении) королевским комиссаром в Венгрии и распускавший парламент и правительство. 8 октября парламент временно передал функции правительства Комитету обороны. Однако 14 октября парламентское большинство, в отмену своего первоначального решения об оказании помощи революционной Вене, не разрешило венгерской армии преследовать Елачича через австрийскую границу. Венгерское либеральное дворянство не желало иметь ничего общего с революционным пролетариатом Вены, естественным союзником революционных масс Будапешта. Но Кошут под влиянием революционно-демократических сил решил не передавать армии сообщения об отмене первоначального решения парламента. Используя свои полномочия председателя Комитета обороны, он приказал командующему армией генералу Мога (а также Гергею, посланному правительством для контроля за выполнением этого приказа и, в случае необходимости, для замены Моги) идти на помощь революционной Вене. Но Гергей — мелкий венгерский дворянин из Словакии, бывший майор австрийской армии—умышленно задерживал наступление венгров, пока путь на Вену был открыт и Виндишгрец находился еще в Моравии, где он формировал новую армию.

Военные действия. Изменническое поведение Гергея

Начавшееся 6 октября под лозунгом солидарности с революционной Венгрией третье восстание трудящегося населения Вены, разоружившего посланные на помощь Елачичу войска, создало исключительно благоприятную обстановку для разгрома остатков войск Елачича и для установления связи между венгерской армией и революционной Веной. Но ни Мога, ни Гергей не хотели помочь революционной Вене, не хотели и получить от нее помощь против армии Виндишгреца, двигавшейся из Моравии на соединение с армиями Елачича и Ауэршперга. Вооруженные силы революционной Венгрии и венской демократии, в рядах которой стоял талантливый военачальник польский революционер Бем, могли бы разбить эти две уже совершенно ненадежные армии габсбургской контрреволюции и затем общими, численно и морально превосходящими силами ударить по армии Виндишгреца. Газета Петефи «Мар-

циуш 15» писала 14 октября: «Реакционеры испугались и бежали, куда глаза глядят, и если мы будем энергично наступать, то большинство немецкого населения Австрии и часть ее войск присоединятся к нам». Однако венгерская армия, задержавшаяся (по вине Моги и Гергея) почти на три недели у границы, упустила благоприятный момент.

Мога и Гергей под разными предлогами долго игнорировали приказ Комитета обороны и подчинились ему только тогда, когда сам Кошут прибыл в их лагерь. Но наступать было уже поздно: Виндишгрец успел переправиться со своей армией через Дунай, получил подкрепления и реорганизовал армию Елачича. 30 октября австрийские войска нанесли венгерской армии поражение у Швехата (под Веной) и на следующий день овладели Веной, утопив революцию в крови.

Занятый восстановлением «порядка» в Вене, Виндишгрец не стал преследовать венгерскую армию, которая расположилась теперь по обоим берегам Дуная, на западной границе Венгрии. Кошут отстранил Могу и назначил Гергея командующим верхнедунайской армией. В течение октября — ноября эта армия, пополненная отборными гонведскими частями, была реорганизована в регулярную армию и насчитывала свыше 30 тыс. достаточно вооруженных и обученных солдат, не считая отдельных, сохраненных по настоянию Кошута, отрядов ополчения (большинство ополчения было Гергеем распущено). Вместе с этой отборной армией регулярные гонведские соединения, быстро созданные под руководством Кошута в сентябре 1848 г., достигли в общей сложности 60—70 тыс. человек.

В сентябре 12-тысячная гонведская армия успешно отразила в Воеводине атаки австрийских пограничных войск и сербских отрядов. В декабре небольшая гонведская армия (около 7 тыс. чел.) под командованием Бема, пробравшегося после падения Вены в Венгрию, вступила в Трансильванию. На юго-западе, на границе Штирии, против австрийских и хорватских частей действовал 6-тысячный корпус гонведского генерала Перцеля. Остальные части гонведской армии были посланы защищать северную границу от приближавшегося из Галиции австрийского корпуса генерала Шлика. Революционно-патриотический подъем, охвативший в начавшейся национально-освободительной войне против немецко-габсбургского гнета и крестьянские массы, а также личная энергия Кошута обеспечивали дальнейшее увеличение численности и укрепление боеспособности гонведской армии, ее вооружение и снабжение.

После побед, одержанных над итальянской, пражской и венской революциями, габсбургская камарилья считала, что и судьба венгерской революции предрешена. Чтобы аннулировать все конституционные уступки Фердинанда, камарилья заставила его 2 декабря отречься от престола и посадила на его место молодого эрцгерцога Франца-Иосифа. Венгерский парламент не признал нового монарха, несмотря на то, что вновь образовавшаяся в парламенте капитулянтская группировка, так называемая «партия мира», ратовала за это признание.

16 декабря армия Виндишгреца, насчитывавшая вместе с войсками Елачича 52 тыс. человек, перешла реку Лейту (западная граница Венгрии) и двинулась за отступавшей армией Гергея в направлении Будапешта. Гергей отказался выполнить приказание Кошута и преградить путь Виндишгрецу на Будапешт, сославшись на «необходимость сохранить армию в целости»; он отказался также от развертывания отрядами ополчения партизанской войны против тыловой линии австрийской армии. А между тем венгерская верхнедунайская армия, хотя и уступала по численности австрийской, превосходила ее по маневренности и боевому духу и могла бы во всяком случае задержать продвижение Виндишгреца.

КЛАПКА, ПЕРЦЕЛЬ, БЕМ, КОШУТ, АУЛИХ

Литография Коллет

Собрание Института Маркса — Энгельса — Ленина. Москва

Но Гергей не хотел этого. Когда корпус Перцеля, спешивший с юго-запада на защиту столицы, бросился с фланга против Виндишгреца, Гергей, находившийся со своей армией поблизости, ничего не предпринял, чтобы отвлечь главные силы австрийской армии. Из-за преступной пассивности Гергея Перцель потерпел поражение 30 декабря в битве у Мор. Кошут не смог заставить Гергея выступить на защиту укреплений Буды. Гергей, рассчитывая на поддержку со стороны большинства парламента, на заседании военного совета, в отсутствие Кошута, добился сдачи Будапешта Виндишгрецу без боя.

На последнем заседании парламента в этом городе 31 декабря 1848 г. внезапно появился бывший премьер Баттиани и при поддержке «партии мира» внес предложение, чтобы парламент остался в Будапеште и только Комитет обороны эвакуировался в Дебрецен. Баттиани добивался капитуляции «конституционным» путем и объявления Комитета обороны «незаконным». Подготовкой такого парламентского путча он хотел «искупить свою вину» перед Габсбургами. Но проведению этого изменнического плана помешали, с одной стороны, сам Виндишгрец, заявивший в январе 1849 г. в Бычке делегации крайних правых депутатов парламента: «с бунтовщиками я не разговариваю», а с другой — Кошут и Мадарас, которые, опираясь на окруживший здание парламента народ, угрожали расстрелом каждому депутату, который останется в городе при Виндишгреце. Парламент был эвакуирован и 9 января вновь открылся в Дебрецене, куда вначале явилось не больше половины депутатов (председатель парламента Пазмань перешел на сторону Виндишгреца).

Часть гонведской армии, под командованием Перцеля, отступила из Будапешта на восток, а другая часть, под командованием Гергея,— на север, в Словакию. 5 января 1849 г. Виндишгрец вступил в столицу

и начал, при содействии венгерских аристократов (Майлата, Аппони и др.)., расправу с революционным народом. В тот же день Гергей в городе Вац издал лицемерный и двусмысленный манифест, направленный против Кошута и Комитета обороны, которых он клеветнически обвинял в бегстве из Будапешта. Гергей заявлял, что верхнедунайская армия не признает приказов Комитета обороны и готова выступить против каждого, кто «попытается республиканской агитацией уничтожить конституционное королевство».

Боевое настроение солдатских масс не позволяло в тот момент Гергею и его контрреволюционным офицерам идти на капитуляцию. Но, противопоставляя себя Кошуту, Гергей самостоятельно распоряжался армией. Корпус Гергея численностью в 16 тыс. человек боролся в Словакии лишь с небольшими силами австрийской армии. Двинувшись на северо-восток, он встретился с сильной арьергардной дивизией вторгшегося из Галиции австрийского корпуса Шлика. Дивизия Гуйона, состоявшая главным образом из словаков, 5 февраля у перевала Браниско нанесла Шлику поражение. Отрезанный от Галиции Шлик оказался окруженным у верхней Тиссы корпусом Гергея и армией Дембинского, но ему удалось выйти из окружения и направиться на соединение с армией Виндишгреца.

Успехи венгерской революционной армии весной 1849 г.

В это время возросшие силы венгерской революционной армии задержали Виндишгреца у средней Тиссы и заставили австро-сербские войска занять на юге оборонительные позиции. Руководимый Бемом гонведский корпус блестящими маневрами вытеснил австрийские силы из Северной Трансильвании. 9 февраля в Южной Трансильвании войска Бема одержали победу над корпусом австрийского генерала Пухнера. Против корпуса Бема и организованного им венгерского ополчения Пухнер призвал на помощь из Валахии русскую армию. Небольшие силы ее под руководством полковника Скарятина проникли в Трансильванию, но под Сибию (Германштадт) были отброшены назад. К концу марта Бем овладел почти всей Трансильванией, оттеснив Пухнера в Валахию. Этими успехами Бем был обязан не только своему незаурядному военному таланту, но и революционно-демократическому духу войска. Не случайно в его штабе нашел приют Петефи, отстраненный правительством Кошута от политической деятельности. В своих воззваниях Бем неустанно призывал венгров и румын сообща бороться против габсбургской контрреволюции и, подобно Петефи и Бэлческу, настаивал на демократическом разрешении национального вопроса в Трансильвании.

На главном театре войны, в Венгерской низменности, военное положение весной 1849 г. также изменилось в пользу венгерской революционной армии. После того как Кошут ввел в строй новые батальоны гонведов, эта армия насчитывала уже свыше 90 тыс. регулярных войск. Бо́льшая часть ее была сосредоточена против армии Виндишгреца на северо-востоке от Будапешта, а остальная находилась на юге Венгерской низменности, где оперировали австрийские пограничные войска, укомплектованные сербами. Попытка этих войск наступать на Сегед была отбита венграми.

В занятой Виндишгрецом западной области страны часть среднепоместного дворянства содействовала контрреволюционным австрийским военным властям.

Виндишгрец, ожидая скорой капитуляции Венгрии, не двинулся сразу из Будапешта на Дебрецен. В конце января он направил часть своей армии на северо-восток для соединения с корпусом Шлика.

Своими главными силами он напал на венгерскую армию Дембинского, только в феврале предприняв попытку пробить себе путь к Дебрецену.

ВЕНГЕРСКИЙ ЛАНДШТУРМ ПОД ПРЕССБУРГОМ 30 ОКТЯБРЯ 1848 Г.

Литография Петтенкоффена

Собрание Института Маркса — Энгельса — Ленина. Москва

В крупной битве под Каполна 26—27 февраля ни одна из сторон не могла взять верх, но венгерская армия по приказу Дембинского отступила, когда часть армии еще не была введена в бой. После этого Кошут снял Дембинского с поста главнокомандующего и назначил на его место генерала Фетера. Вскоре, однако, контрреволюционная офицерская клика, сгруппировавшаяся вокруг Гергея, воспользовалась болезнью Фетера и добилась назначения Гергея сначала временным заместителем Фетера, а затем и главнокомандующим. После некоторых колебаний Кошут дал на это согласие.

Получив донесение Виндишгреца о «разгроме венгерской армии» под Каполна, Франц-Иосиф упразднил самостоятельность Венгрии, включив ее Оломоуцким манифестом от 4 марта 1849 г. в число «земель Австрийской империи». В ответ на Оломоуцкий манифест в венгерском народе и его армии усилилась решимость бороться до конца против ненавистного гнета монархии Габсбургов.

В начале апреля 1849 г. венгерская армия, расположенная северо-восточнее Будапештэ, численностью в 54 тыс. человек, перешла у Хатвана в наступление. Она одержала победы под Хатваном (2 апреля), Тапиобичке (4 апреля), Ишасеге и Геделе (5—7 апреля) и Вацом (10 апреля), в результате чего австрийская армия покинула Будапешт, оставив гарнизон только в крепости Буда. Отступавшая на запад австрийская армия была разгромлена 19 апреля в решающей битве под Надьшарло. 26 апреля венгерская армия освободила Комаром, крепость у верхнего Дуная, гарнизон которой в течение четырех месяцев выдерживал осаду. Венгерская

армия, сражавшаяся с революционным энтузиазмом, одерживала победы, вопреки Гергею, которому не удалось деморализовать войска и добиться их поражения своими вредительскими приказами. Революционные генералы, стоявшие во главе отдельных корпусов,— Клапка, Гуйон, Надь Шандор — действовали независимо от этих приказов. Однако одержанные армией победы Гергей обычно приписывал себе.

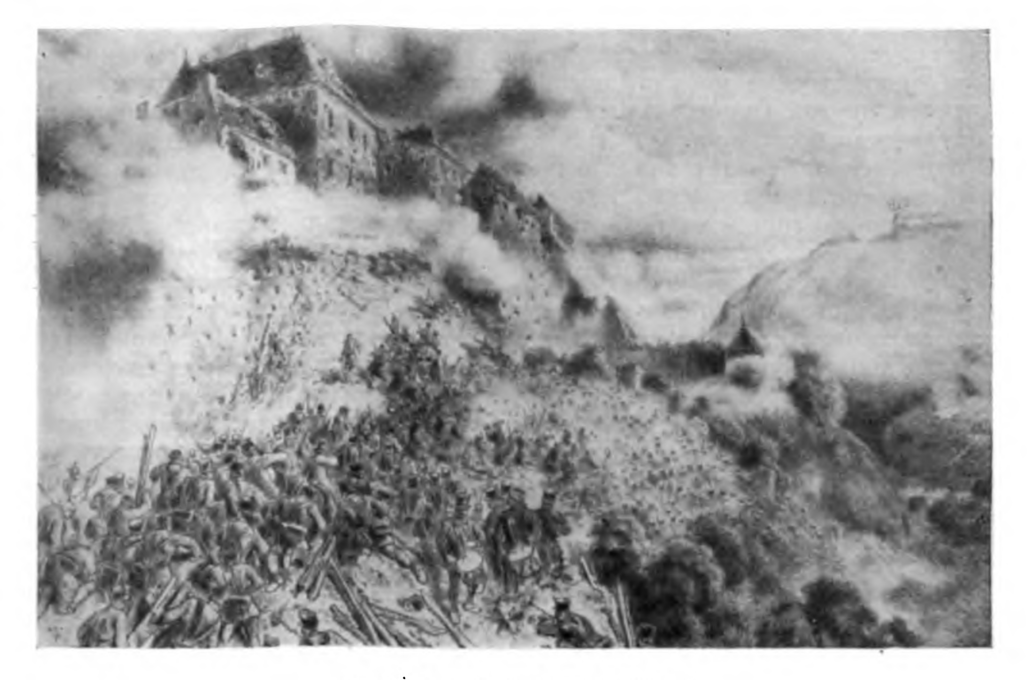
Деморализованные остатки австрийской армии, командование которой Виндишгрец передал генералу Вельдену, уже не могли оказать сопротивление и бежали к австрийской границе. Разгром и полный распад основной австрийской армии подняли дух демократических слоев населения Вены. В конце апреля — начале мая 1849 г. венцы ждали появления венгерской армии и своего освобождения от гнета контрреволюции. Путь венгерской армии к Вене вновь был открыт. Единственную возможность помешать венгерской армии вступить в Вену генерал Вельден видел в том, что армия царской России продвинется к Вене прямо через Краков, т. е. кратчайшим путем, а не через Карпаты в Венгрию. В своем письме от 20 апреля к австрийскому премьеру Шварценбергу он писал: «Спасение монархии зависит сейчас от быстрого продвижения русских со стороны Кракова, потому что я не вижу, какая внутренняя сила еще могла бы спасти монархию». Только позднее Вельден убедился, что в лице Гергея и его единомышленников, предателей венгерской революции, нашлись внутренние защитники габсбургской монархии.

В создавшейся военной и политической обстановке победоносная венгерская армия могла в кратчайший срок продвинуться от Комарома к Вене, не встретив на своем пути в Австрию серьезных сил противника. Это было очевидно как Вельдену, так и Гергею, в штабе которого в Комароме часть офицеров требовала продолжения наступления на Вену и полного уничтожения потерявшей свою боеспособность австрийской армии. Однако Гергей не только приостановил дальнейшее преследование австрийской армии, но и повернул со всеми своими силами обратно — для осады Буды, для чего достаточно было небольших сил. Чтобы скрыть свою измену, он ссылался на политическое значение взятия Буды (при тогдашних условиях коммуникаций и военной техники крепость Буда не имела стратегического значения) и на распоряжения Кошута. В действительности Кошут занимал вначале в этом вопросе колеблющуюся позицию. С одной стороны, он понимал, что здравый смысл диктует поход на Вену, хотя бы потому, что занятие Вены означало крах габсбургской монархии и, следовательно, освобождение всех угнетенных национальностей Австрийской империи. С другой стороны, по мотивам национального престижа, Кошут склонялся к быстрейшему взятию Буды как символа государственной самостоятельности Венгрии.

Но вскоре Кошут согласился с доводами Дембинского, а доводы эти, по существу, совпадали с реакционной, прогабсбургской точкой зрения Пальмерстона. Они сводились к тому, что венгерская армия занятием Вены и свержением власти Габсбургов нарушила бы «европейское равновесие», а это вызвало бы со стороны всех великих держав враждебное отношение к Венгрии (в действительности они и без того уже относились к ней враждебно).

Поддавшись лицемерным уверениям английского правительства в его сочувственном отношении к Венгрии, Кошут дал согласие повернуть часть венгерской армии на осаду Буды. Таким путем Кошут надеялся добиться от Англии признания самостоятельности Венгрии.

Гергей же повернул к Буде не часть армии, а основные и лучшие ее силы. Он отказался послать даже небольшую часть своей армии на австрийскую границу, опасаясь, что это неизбежно приведет к полному уничтоже-

ШТУРМ ОФЕНА 21 МАЯ 1849 Г.

Литография Петтенкоффена

Собрание Института Маркса — Энгельса — Ленина. Москва

нию остатков австрийской армии, и что тогда остановить венгерскую армию перед Веной будет весьма трудно. Полтора месяца провел Гергей в осаде Буды (из-за отсутствия тяжелой артиллерии крепость была взята только 2 мая с большими людскими потерями). Тем самым Гергей предоставил Вельдену возможность собрать остатки своей армии в лагере под Пожонью и соединиться с отступавшими из Словакии по долине Ваг силами генерала Вольгемут. Передышка, которую получила габсбургская монархия вследствие измены Гергея, дала ей возможность спасти свои основные силы от распада и угрожавшего ей гибелью объединения венгерской революционной армии с народными массами Вены.

И все же монархия Габсбургов оказалась не в состоянии быстро восстановить свои силы. Все надежды австрийское правительство возлагало на царскую интервенцию.

Дебреценский парламент. Радикалы и политика Кошута

Пребывая в Дебрецене и не подвергаясь там, как это было в Будапеште, воздействию со стороны революционных масс, венгерский парламент все больше превращался в орудие того господствовавшего большинства, которое ранее стояло на позициях либерализма, но с конца 1848 г., сплотившись в «партию мира» против радикалов и демократических масс, стало активной силой контрреволюции. Радикальная группа в связи с обострившейся борьбой крестьянских масс против «комитатских господ» (т. е. в основном против среднепоместного дворянства), напротив, все более левела. Победы гонведской армии укрепили ее решимость окончательно порвать с Габсбургской династией и объявить Венгрию независимой республикой. В то же время среднее дворянство старалось использовать свое преобладание в парламенте, чтобы в сотрудничестве с контрреволюционной офицерской группировкой, руководимой Гергеем, добиться компромисса с венским двором. Вместе

с тем среднее дворянство стремилось не только сохранить, но и расширить свои экономические позиции после отмены барщины, чтобы попрежнему, хотя и в другой форме, держать крестьян в экономической кабале и политическом бесправии.

В Дебрецене Кошут вначале шел вместе с радикалами, руководимыми Мадарасом. Но радикалы, потеряв в Дебрецене свою непосредственную опору — массы городской бедноты Будапешта, пытались опереться на недовольные крестьянские массы в борьбе против среднего дворянства. Кошут, будучи представителем именно среднепоместного дворянства, не поддержал в этом радикалов, и между ними вновь начались расхождения. Кошут отклонил предложение Мадараса распустить «не отражающий волю народа и только отнимающий его права парламент» и прибегнуть на время войны к методам революционной диктатуры. 25 марта Кошут заявил, что «только с этим парламентом он хочет управлять страной». Это заявление не означало капитуляции перед «партией мира»: Кошут хотел подчинить ее себе. Опасаясь усиления связи между «партией мира» и группой Гергея, он одобрил некоторые мероприятия Мадараса по созданию органа внутренней безопасности для борьбы против контрреволюционных элементов. Но парламент, который Кошут отказался распустить, противился попыткам улучшения положения крестьянских масс. Вместе с тем парламент стремился всячески скомпрометировать Мадараса в глазах масс. Мадарас, руководивший в Комитете обороны полицией, еще в Будапеште составил свой штаб из революционно-демократических элементов. Однако, когда группа Мадараса стала добиваться принятия закона о революционных трибуналах, карающих смертной казнью изменников, и закона о комиссии по проверке депутатов парламента, Кошут высказался за компромиссное решение этих вопросов. Поэтому Мадарасу так и не удалось посредством новых законов сломить «партию мира» и всевластие комитатской администрации. Проведение в жизнь закона о трибуналах по существу передавалось комитатским властям; в проверочной комиссии верх взяли члены «партии мира».

Кошут оставался последовательным только в своей антигабсбургской позиции. В вопросах внутренней политики он склонялся к компромиссу с «партией мира», стремясь тем самым добиться одобрения этой партией своей антигабсбургской политики.

«Декларация независимости Венгрии»

14 апреля 1849 г. Кошут созвал в Дебрецене торжественное заседание парламента, на котором была принята «Декларация независимости». Под давлением народных масс «партия мира», наряду с радикальной группой, голосовала за низложение Габсбургского дома и избрала Кошута правителем государства. Фактически оно получило форму республики, хотя это название из-за внешнеполитических соображений официально не было принято.

Кабинет Семере и его борьба против Мадараса

«Партия мира» и после принятия «декларации независимости» не прекратила своей подрывной деятельности. Тем не менее Кошут продолжал питать надежду на то, что она будет лойяльно сотрудничать с ним. Чтобы облегчить это сотрудничество, он принял ряд мер, направленных против революционно-демократических элементов. 2 мая было сформировано новое министерство, во главе которого был поставлен Семере — типичный представитель обуржуазившегося дворянства. Еще будучи министром внутренних дел в кабинете Баттиани, он показал себя врагом демократического движения. В опубликованной в апреле 1849 г. программе Семере заявлял, что «намерен руководствоваться идеями республиканизма и демократизма». Однако его действия решительно противоречили этому обещанию.

Первым шагом Семере на посту министра внутренних дел и главы кабинета было увольнение всех сотрудников Мадараса, которые были заменены людьми, близко стоявшими к «партии мира». Чтобы подорвать влияние Мадараса в массах, на него было возведено клеветническое обвинение в присвоении им части имущества, конфискованного у изменников родины.

Хотя Семере выставлял себя посредником между либералами и радикалами, его политика укрепляла позицию контрреволюционной антинациональной «партии мира» не только в парламенте, но и в комитатах. Комитатские власти всё более открыто саботировали мероприятия по усилению обороны страны и проявляли всё меньшую готовность подчиняться приказам Кошута.

Изменническая тактика Гергея

Следуя советам представителей «партии мира», Гергей после взятия Буды не решился осуществить свой план — устроить военный путч против Кошута и правительства; солдаты не допустили бы такого путча. «Партия мира» уверяла Гергея, что он сможет придти к власти и мирным путем. Кошут хотел обезвредить Гергея, удалив его из армии и назначив министром обороны. Гергей принял это назначение, но отказался уйти с поста главнокомандующего. Потеряв опору в трудящихся массах города и деревни, правительство Кошута оказалось бессильно перед Гергеем, сплотившим вокруг себя большинство офицерского состава армии.

В конце мая 1849 г. в Венгрию вступила русская армия численностью в 140 тыс. человек, под командованием князя Паскевича, а в середине июня начала наступление и реорганизованная под руководством генерала Гайнау австрийская армия. Пока Гергей пассивно выжидал в Комароме, армия Гайнау продвигалась вперед. Лишь в конце июня, когда она успела уже расположиться на выгодных позициях, Гергей выступил против нее. Вследствие своих бессмысленных маневров перед Пожоныо и у реки Ваг он проиграл 28 июня битву под Дьером и отступил в Комаром. В битве под Комаромом 2 июля венгерская армия отбросила армию Гайнау, но во второй и третьей битвах под Комаромом (7 и 11 июля) венгерские войска потерпели поражение из-за сбивчивых и противоречивых «приказов» своего главнокомандующего.

К середине июля Паскевич уже занял северо-восточную часть Венгрии. Кошут приказал Гергею оставить в Комароме сильный гарнизон, а главные силы двинуть на юго-восток, к Сегеду, и соединиться там с остальной частью венгерской армии, отступавшей перед армией Паскевича на юг. Гергей вначале не хотел подчиниться приказу Кошута и предложил правительству переехать из Сегеда в Комаром «под защиту крепости», но, по настоянию генерала Клапки, сторонника Кошута, отказался от своего предложения, тайной целью которого было задержать членов правительства, а затем выдать их австрийской армии. Клапка остался с сильным гарнизоном в крепости Комаром, в то время как Гергей двигался по левому берегу Дуная будто бы на соединение с южной венгерской армией. Натолкнувшись у Ваца на передовые части русской армии, он отошел на северо-восток. К концу июля Гергей через южную Словакию вышел у Токая к верхней Тиссе. Паскевич не помешал его армии переправиться через Тиссу, но заставил его двинуться на юг, куда направлялся теперь со своей главной армией и Паскевич. Гергей продолжал делать вид, что идет на соединение с южной венгерской армией. На самом же деле он вел свою армию в окружение русской армии, которой он и сдался 13 августа [1].

---

[1] Подробнее о царской интервенции в Венгрии см. в главе сорок седьмой.

* * *

Буржуазная, венгерская и австрийская, историография грубо фальсифицирует историю революции 1848 г., затушевывая предательство Гергея, а также и весь вопрос о роли внутренней контрреволюции в истории поражения Венгрии. Поэтому здесь следует особо подчеркнуть, что причиной поражения венгерского народа в 1849 г. была не только интервенция, но и внутренняя, в основном скрытая, контрреволюция.

Лагерь этой внутренней контрреволюции составляли аристократы, католическое духовенство, немецкие бюргерские слои сравнительно немногочисленного городского населения Венгрии и значительная часть венгерского среднепоместного дворянства. В начале революции 1848 г. среднее обуржуазивавшееся дворянство стояло на позициях либерализма и под нажимом масс шло на ликвидацию крепостнических порядков и на вооруженную борьбу за национальную независимость Венгрии. Но в отличие от революционно-демократического лагеря, возглавлявшегося демократами Петефи и Мадарасом, среднепоместное дворянство вовсе не стремилось к полному освобождению крестьян от феодального гнета, а добивалось лишь видоизменения феодальных привилегий и их приспособления в этом обновленном виде к требованиям капиталистического развития. Среднее дворянство хотело также сохранить и свое национальное господство над невенгерскими народами, входившими в состав населения земель «венгерской короны».

В ходе революции, одновременно с усилением борьбы среднего дворянства против требований народных масс, изменялась вся политическая ориентация б о л ь ш и н с т в а этой части дворянства: оно всё более правело и втайне переходило от либерализма мартовских дней 1848 г. на контрреволюционные позиции, становясь, таким образом, прямым пособником контрреволюционной венгерской аристократии и поработителя Венгрии — габсбургской камарильи.

Кошут, в отличие от большинства среднего дворянства, сохранял свою верность задачам национального освобождения Венгрии, но по причинам, освещенным выше, утратил опору в народных массах и оказался бессилен в борьбе с внутренней и внешней контрреволюцией.

Глава сорок первая

НОВЫЙ ПОДЪЕМ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В ИТАЛИИ. РИМСКАЯ РЕСПУБЛИКА

КЛАССОВАЯ БОРЬБА В ИТАЛИИ ПОСЛЕ ПОРАЖЕНИЯ ПРИ КУСТОЦЦЕ

Поражение при Кустоцце — важный рубеж в истории итальянской революции 1848 г. Оно завершает целый период революционных усилий и вместе с тем является отправным пунктом нового революционного подъема. Капитуляция пьемонтской армии и занятие Ломбардии австрийцами означали не просто военную катастрофу: это было новое и наиболее значительное звено в цепи поражений итальянской революции. Более того: после июньской бойни в Париже успехи контрреволюции в Верхней Италии представляли собой новую победу общеевропейской контрреволюции. «Двойной орел на куполе миланского собора означал не только поражение всей Италии,— писал Энгельс, — он означал также возрождение центра тяжести европейской контр-революции, возрождение *Австрии*» [1]. Казалось, революции наступил конец. В действительности же ни штыкам Радецкого, ни соединенным усилиям всей итальянской контрреволюции не удалось сломить энергию итальянского народа. На первом этапе революция не разрешила стоявших перед ней задач, но она привела в движение классовые силы, которые толкали ее вперед, развивая и углубляя ее.

Роль прогрессивных слоев буржуазии на новом этапе революции

После поражения итальянцев в первом туре войны за независимость либеральная буржуазия отошла от революции, а в некоторых частях Италии даже открыто перешла на контрреволюционные позиции. Так же как и на всем материке Европы, отмечал великий русский демократ Герцен, «пиемонтский слой» (как он называл итальянскую крупную буржуазию) отличался тем, что он «во *многих* вопросах постоянно либерален и *во всех*—боится народа и слишком нескромных толков о труде и заплате[2] да еще тем, что он всегда уступает врагам сверху, не уступая никогда *своим* снизу»[3]. Но часть буржуазии — в наиболее значительной мере городская

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VII, стр. 92.

[2] Так в подлиннике. Заплатой (от слова заплатить) в те времена по-русски нередко обозначалась заработная плата.

[3] А. И. Герцен. Былое и думы. ГИХЛ. Л., 1946., стр. 383.

мелкая буржуазия продолжала оставаться на революционных позициях. Эта прогрессивная часть буржуазии выдвинула деятелей, которые на новом этапе, после поражения при Кустоцце, возглавили борьбу трудящихся масс, составлявших главную движущую силу революции.

Борьба против политической раздробленности и чужеземного порабощения оставалась главным лозунгом и основной задачей итальянской революции. «Материальные потребности народа, как и чаяния восторженной поэтической молодежи,— писал впоследствии Карло Пизакане,— соединились в одном этом слове: национальность». Прогрессивное крыло буржуазии, бывшее еще до Кустоццы одной из решающих движущих сил революции, стало на этом этапе гегемоном движения. Оно опиралось на народные массы, являвшиеся его естественным союзником не только против феодально-клерикальной контрреволюции, но и против реакционной крупной буржуазии. Вот почему революция обрела в этот период более глубокий смысл и содержание: национально-освободительная борьба переплелась с задачами более широкого политического и социального обновления Италии.

Новому этапу революции соответствовали новые лозунги и новые идеи. Куцым либеральным реформам и проектам объединения Италии «сверху», в результате сговора государей, буржуазная демократия на новом этапе, под влиянием народных движений, противопоставляла программу, исходившую из объединения Италии «снизу», путем демократической революции. «Народная война», «народное представительство», «народный суверенитет» — таковы были лозунги, все более настойчиво выдвигавшиеся буржуазными демократами по мере обострения борьбы. Устами своих наиболее прогрессивных вождей итальянские демократы призывали к созданию единой итальянской республики, в которой они видели воплощение своей мечты о «свободе, равенстве и социальной справедливости». Однако эта программа борьбы за объединение страны исходила из абстрактного представления об «едином народе» («народе вообще»), в котором растворялись реальные классы, делающие историю. Равным образом «социальная справедливость», о которой говорили и писали буржуазные демократы, являлась в сущности не чем иным, как всё той же утопической, мелкобуржуазной мечтой о «равенстве и справедливости», о «гармоническом примирении труда и капитала». Следовательно, программа радикальной буржуазии, имевшая тогда неоспоримо прогрессивное значение как знамя борьбы против феодально-абсолютистского строя, носила вместе с тем отпечаток классовой ограниченности ее авторов. Тяга к союзу с умеренными, страх перед трудовым народом и пренебрежение к его интересам предопределили роль, которую в процессе революции сыграла итальянская буржуазная демократия. Дальнейший ход событий показывает, что она не смогла стать подлинным последовательно-революционным руководителем борьбы народных масс. Большинство итальянских буржуазных демократов, в частности их идеолог и руководитель Мадзини, не только не сумело развязать борьбу того народа, к которому постоянно взывало, но прямо ограничило его участие в борьбе, являвшееся залогом успеха буржуазно-демократического переворота. Однако решающее испытание теории и практики итальянской прогрессивной буржуазии было еще впереди. В первые месяцы после Кустоццы она в глазах народных масс была овеяна ореолом защитницы национальных интересов и объективно представляла собой ту силу, которая, по выражению Ленина, являлась «главной пружиной возможного прогресса»[1].

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 123.

Таким образом, в росте активности масс и в переходе руководства движением к передовым элементам буржуазии заключался источник последующего, более широкого, размаха революционного движения и вступления революции в новую, более высокую фазу своего развития.

Наступление контрреволюции

Со второй половины 1848 г. история итальянской революции отличается одной характерной особенностью: она развертывается в условиях почти всеобщего торжества контрреволюции в Европе и при усиливающемся наступлении контрреволюции во многих частях Италии.

Побежденная Ломбардия стонала под гнетом Радецкого. Страна покрылась виселицами; жестокие репрессии, непосильные контрибуции обрушились на непокорное население. В Модену, Парму и Пьяченцу вернулись сбежавшие монархи, там воцарились прежние абсолютистские порядки. Враги революции расправлялись с патриотами. Длинные колонны беженцев тянулись по дорогам Пьемонта и Центральной Италии. На другом конце полуострова, в Неаполитанском королевстве, карательные отряды Фердинанда II усмиряли восставшую Калабрию, попирая последние остатки неаполитанской свободы и готовясь к подавлению национально-освободительного движения в Сицилии. Неаполь упорно сопротивлялся. Но это было отчаянное сопротивление побежденных. Пустынны были улицы самого людного итальянского города, закрыты кафе. Мало кто посещал театры. По ночам невидимые руки убивали полицейских и королевскую стражу. Дворцовая камарилья, сильная поддержкой правительства, полиции и церкви, жаждала крови. И кровь всё еще лилась как на улицах Неаполя, так и в мрачных застенках, где, по циничному признанию министра Боццелли, «никогда не знали, что такое власть конституции».

В королевском дворце секретный комитет под председательством князя Торкьяроло замышлял всё новые расправы и составлял бесконечные списки намечаемых жертв. Убийца депутата Кардуччи, священник Пелузо, встретил у короля милостивый прием. Правительственные газеты вопили об измене трону и церкви со стороны республиканцев, которых объявляли носителями «страшных идей коммунизма». Впрочем, «коммунизмом» пугали не только горожан. Им пользовались для устрашения отсталого и забитого крестьянства, среди которого орудовали королевские агенты. Неустанно действовал особый трибунал, созданный для рассмотрения «преступлений против государства». Новый серьезный удар Фердинанд готовил парламенту. Депутаты либеральной и республиканской партий выступали против правительственных декретов, разоблачали махинации министров Боццелли и Руджиеро, разбогатевших на темных аферах, требовали привлечения к ответственности генерала Нунцианте за зверства, совершенные в Калабрии. В течение двух месяцев в палате раздавались пламенные речи и бурные протесты. Но эти речи и эти протесты не имели реальных последствий. Либеральное большинство, питавшее еще надежды на соглашение с королем, добивалось этого соглашения, несмотря на уроки 15 мая и последовавшего затем разгула контрреволюции. Оно всё еще рассчитывало заставить Фердинанда вновь принять участие в войне за независимость и примириться с требованиями конституции. В то же время тайное общество «Объединенная Италия» готовило свержение Бурбонов и воссоединение юга с севером под властью короля Карла-Альберта.

12 августа неаполитанская жандармерия, при поддержке банд лаццарони, окружила парламент, оглашая воздух дикими криками: «Долой парламент! Смерть депутатам!» Палата стойко выдержала этот натиск. Депутаты не двинулись с мест. Пока перед зданием парламента бушевала

подкупленная монархистами толпа, министр Руджиеро от имени правительства предложил депутатам покинуть зал под предлогом отсрочки заседаний до 30 ноября. После разгона парламента монархисты попытались спровоцировать новую кровавую резню. Жандармы и босяки, оказавшие не одну услугу реакции, бесчинствовали на улицах города, возбуждая страх и негодование жителей. Навстречу банде подкупленных двором лаццарони вышла толпа рабочих и ремесленников, вообще простого люда, разогнала банду и таким образом сорвала провокационные планы контрреволюции. В течение следующих дней полиция наводнила кварталы бедноты. Фердинанд II и его двор, сильно испуганные выступлениями «низов», поспешили принять отставку Боццелли. На пост министра внутренних дел был назначен Рафаэль Лонгобарди, крайняя жестокость которого была хорошо известна всей стране.

Борьба Сицилии за отделение от Неаполитанского королевства

С первых дней августа 1848 г. Сицилия ждала нападения неаполитанцев. Временное правительство, ослабленное внутренними распрями, ушло в отставку, как только весть о разгроме Карла-Альберта при Кустоцце дошла до сицилийской столицы. Новое правительство оказалось перед огромными трудностями, преодолеть которые было невозможно старыми, консервативными методами. Восемь месяцев неустанной борьбы не принесли сколько-нибудь серьезных изменений в экономической и социально-политической структуре сицилийского общества. Палата пэров, цитадель дворянства и духовенства, решительно отстаивала феодальные устои и привилегии и упорно сопротивлялась попытке проведения хотя бы малейших реформ. И если в апреле все классы были едины в вопросе о свержении Бурбонов, то теперь пропасть между реакционными силами, тянувшими назад, к старому, и народными массами, заинтересованными в развитии революции, углублялась с каждым днем. Инициатива нижней палаты, состоявшей преимущественно из представителей либерального дворянства и передовой интеллигенции, но испытывавшей давление «снизу», вызывала бурю негодования в палате пэров. Последняя тормозила и зачастую хоронила проекты нижней палаты. Так, проект займа не раз проваливался верхней палатой, а проект упразднения ненавистного налога на помол прошел лишь в урезанном виде: после долгих дебатов в обеих палатах было решено снизить его на 50%. Законопроект о всеобщем избирательном праве был принят лишь в результате ожесточенной борьбы. Впрочем, либеральное большинство нижней палаты стремилось лишь установить конституционно-монархический строй. Демократически-республиканское крыло не обладало достаточными силами в самой палате и имело мало сторонников вне ее.

Внутренним реформам и национально-освободительному движению мешали также сепаратистские тенденции, изолировавшие борьбу сицилийцев от борьбы всей остальной Италии. Народ, готовый на жертвы во имя революции, не находил вождей и защитников ни среди либералов, ни среди республиканцев. Недовольство масс, особенно крестьянства, усилившееся в летние месяцы 1848 г., выливалось в стихийные волнения, с которыми ни правительство Стабиле, ни позднее правительство Торреарса не смогли справиться.

Образование министерства Торреарса (13 августа) свидетельствовало об обострении политической ситуации. Вопреки протестам пэров, новый премьер-министр пригласил в состав кабинета республиканца Ла Фарина и демократически настроенного Кордову. Перед новым правительством возникли две серьезные задачи. Первая касалась катастрофического финансового положения Сицилии. По балансу за первую половину

августа в казне оставалось всего только 200 тыс. дукатов. Кордова разработал новый проект займа, который и был проведен через палаты. Вторая и наиболее неотложная задача состояла в организации обороны страны ввиду неминуемого нападения неаполитанцев. Созданный еще декретом от 9 августа военный комитет оказался недееспособным. Армия была плохо вооружена и еще хуже подготовлена. «Чистка», проведенная военным министром Патерно, вместо того чтобы освободить армию от монархических элементов, свелась к массовому увольнению рекрутов, что не могло не ослабить ее. Правительство Торреарса не успело принять сколько-нибудь эффективные меры и было застигнуто врасплох военной экспедицией генерала Филанджиери, отплывшей 30 августа от берегов Калабрии и направившейся к Мессине.

Палата стоя выслушала сообщение министра иностранных дел о предстоящем нападении неаполитанцев на Сицилию. О войне заговорили с энтузиазмом. Огромное возбуждение охватило Палермо. Развешанные повсюду прокламации правительства призывали к оружию. С восторгом была встречена речь либерала Интердонато, заявившего несколько дней спустя в палате: «Враг пришел в наш дом. Никакого компромисса с врагом, а война на истребление. Так поклялась Мессина. Так поклянемся и мы».

Бомбардировка Мессины

Тем временем Мессина уже подверглась первым жестоким ударам неприятеля. Филанджиери, оставив крупные резервы на калабрийском побережье, высадился к югу от Мессины и начал решительное наступление. Начался беспощадный обстрел города. Заговорили пушки мессинских крепостей — Цитадели и Сан-Сальвадоре, в свое время захваченных неаполитанцами и представлявших чрезвычайно важное преимущество нападающих. Но Мессина мужественно встретила неприятеля. Превосходящим силам неаполитанцев, имевших до 25 тыс. человек и свыше 300 орудий, она могла противопоставить лишь 5 тыс. плохо вооруженных новобранцев, национальных гвардейцев и недисциплинированной палермской дружины. Город не обладал ни настоящими укреплениями, ни достаточными вооружением и боеприпасами, ни способным военным командованием. А главное — Мессина могла рассчитывать только на собственные силы. Палермо, несмотря на громкие декларации, почти ничем ей не помог.

Семь дней длилась неравная борьба. Королевским войскам приходилось с боем отвоевывать каждую пядь земли. На всем пути до Мессины у каждого холма, у каждого деревенского домика происходили кровавые столкновения. Крестьяне гибли семьями, но не отступали. Генерал Филанджиери вскоре убедился в том, что сможет овладеть городом, лишь разрушив его дотла. Он обрушил на непокорную Мессину лавину огня. Пять дней не прекращалась разрушительная бомбардировка города, слывшего «жемчужиной Сицилии». Дважды за эти дни неаполитанцы получали подкрепления и обильное вооружение и всё же лишь с трудом продвигались по лабиринту руин, защитники которых готовы были скорее дать похоронить себя под обломками зданий, нежели отступить хотя бы на шаг. Трижды неаполитанские солдаты и швейцарские наемники пытались пробить брешь в стенах монастыря св. Маддалены и трижды были отброшены. В нападающих стреляли из каждого окна монастыря, наряду с национальными гвардейцами сражались простые монахи. Когда же неприятель проник, наконец, внутрь здания, рукопашный бой завязался на каждой лестнице, в каждой келье. Схватка кончилась лишь тогда, когда разрушенный обстрелом монастырь весь был объят пламенем.

Так было повсюду. Измученные обстрелом, голодом, бессонницей, защитники города продолжали оказывать сопротивление врагу. Женщины

и дети самоотверженно строили под огнем баррикады. На предложение капитулировать городские власти отвечали, что Мессина никогда не подчинится неаполитанскому королю. 6 сентября Филанджиери высадил свежие подкрепления. 48 часов подряд беззащитный город подвергался жестокой бомбардировке. А затем начались новые поджоги, грабежи, насилия и зверства, о которых с содроганием говорили в Европе.

Когда, наконец, умолкли батареи, победители увидели, что овладели опустевшим, истерзанным городом. Беспорядочные толпы беженцев наполняли дороги, ведущие в горы. Мессина перестала существовать. На большом протяжении на месте великолепных вилл, прославленных архитектурных памятников и цветущих садов виднелись страшные развалины, щебень и пепел, над которыми зловеще поднимались огненные клубы дыма. Они застилали небо и отражались в море, где сквозь красноватую завесу вырисовывались неподвижные силуэты английских и французских военных судов — равнодушных свидетелей гибели Мессины.

Наступление контрреволюционеров в Римском государстве

Двойная победа Фердинанда II — в Неаполе и в Мессине — подняла дух контрреволюционеров всей Италии. В римском государстве, под эгидой папской власти, монархисты и иезуиты, дипломаты и шпионы плели широкий заговор против революции. Не удовлетворившись падением либерального министерства Мамиани, лагерь контрреволюции, объединявший высшее духовенство и высшее дворянство, оказывал все возраставшее давление на папу Пия IX и его ближайшее окружение, противясь всяким уступкам и компромиссам.

Уже апрельская энциклика показала, что «святой отец» решил бороться с революцией всеми мерами.

Угроза развернутого наступления контрреволюции вызывала острое недовольство среди широких масс. В Мархии и Романье не прекращались волнения. Подчас они принимали форму террористических актов против папских наемников, бесчинствовавших во всем государстве. Болонья, где 8 августа безоружное население одержало блестящую победу над солдатами австрийского генерала Вельдена, все еще находилась под властью демократов. Повсюду народ требовал строжайшего соблюдения конституционного режима и скорейшего возобновления войны с Австрией. Повсюду стихийно создавались временные военные комитеты.

Министерство Фабри, сменившее министерство Мамиани, оказалось совершенно беспомощным. Пий IX судорожно искал выхода из создавшегося положения. В страхе перед народом, папа всё решительнее склонялся к возглавляемой Ламбрускини партии «грегорианцев» (сторонников архиреакционной политики покойного папы Григория XVI). Однако он пытался умерить их крайний консерватизм, не желая порывать с «конституционалистами» (правым крылом умеренных). Папе нужна была поддержка либерального дворянства, а также новой земельной и торговой буржуазии, которая, хотя и тяготилась феодально-церковными порядками и абсолютистской властью папы, всё же не склонна была идти на штурм существующего строя. Речь шла о влиятельных кругах новой «финансовой аристократии» (т. е. разбогатевших буржуа, купивших дворянское звание), один из представителей которой — князь Торлония, нарушая аристократические традиции, самолично управлял своими обширными владениями и, основав Римский банк, участвовал в разнообразных финансовых операциях.

Все эти новые князья и графы, презиравшие родовитое дворянство и ненавидевшие всесильное духовенство, не забывали, однако, что и титулами и богатством они обязаны папской власти. С ними блокировалась

крупная торговая буржуазия городов, прежде всего Болоньи и Анконы. Что касается экономически наиболее сильной прослойки буржуазии, т. е. крупных буржуазных арендаторов, то и последние не могли не чувствовать кровной связи с папским режимом, который обеспечивал им беспрепятственную возможность эксплуатации крестьянства и гарантировал огромные барыши своей таможенной системой, преграждавшей ввоз иностранного хлеба.

Вот почему либеральное движение в Римском государстве отличалось большой умеренностью. Часть либералов (Фарини, Мингетти), следуя доктрине Джоберти, проповедовавшего «божественную миссию» папства, призванного объединить вокруг себя Италию и весь мир, пыталась доказать совместимость папского режима с частичной реформой светской власти. Другая часть либералов (Мамиани) требовала более решительного обновления папского режима, отделения светской власти от духовной. Так или иначе речь шла о создании условий для участия либералов в управлении государством, взамен чего они были готовы оказать папе неограниченную поддержку.

Правление графа Росси

В сентябре 1848 г. Пий IX вручил бразды правления графу Пеллегрино Росси, представителю умеренного крыла либерального движения. (Формально во главе кабинета был поставлен кардинал Солиа.) Замешанный в свое время в антипапистских выступлениях, Росси был вынужден в 1816 г. оставить кафедру права в университете Болоньи и эмигрировать сначала в Швейцарию, а потом во Францию. Здесь он завязал обширные связи в политических и финансовых кругах и приобрел популярность среди интеллигенции своими лекциями и трудами по вопросам права и политической экономии. Умеренность политических взглядов Росси привлекла к нему симпатии Гизо. Вскоре Росси вернулся на родину, но уже в качестве дипломатического представителя Франции при папском дворе.

Придя к власти, Росси попытался осуществить политику «сильной руки» для спасения папского режима от натиска со стороны революционной демократии. Он предпринял ряд мер, которые при всей их ограниченности всё же нарушали некоторые привилегии феодалов и церкви и должны были способствовать развитию капиталистических отношений. Были созданы компании для строительства железных дорог и телеграфа, была проведена перестройка административного аппарата и судебного ведомства, а также и финансовая реформа, для осуществления которой Росси не остановился перед обложением имущества духовенства. Но вместе с тем Росси отстаивал незыблемость папского режима с его немощным конституционным статутом и всеми силами пытался помешать возобновлению войны против Австрии. Вынужденный принять участие в переговорах о конфедерации итальянских государей, он отвечал на предложения Турина весьма неопределенным проектом, в котором в качестве непременного условия выдвигалось участие Неаполя—этого оплота контрреволюции. Демократическое движение Росси всюду беспощадно преследовал, начав с усмирения Болоньи, куда он направил своего ближайшего сподвижника генерала Цукки. За Болоньей последовали Феррара, Равенна, Анкона. «У Росси была одна задача — обуздать демократию, ослабить или по крайней мере отсрочить на неопределенное время дело итальянской национальности»,— писал в своих мемуарах Рускони, один из позднейших министров Римской республики. Контрреволюция наступала. Но вскоре ей преградили путь те самые революционные силы, которые Росси старался подавить.

Волнения в Венеции, Тоскане, Пьемонте

Еще в дни капитуляции пьемонтской армии прозвучал горячий призыв Мадзини: «Война королей кончилась, война нации или народа начинается».

Первой пришла в движение Венеция. 11 августа в городе стало известно о перемирии с Австрией, отдавшем венецианцев на волю победителей. Столпившись у здания ратуши, народ требовал отделения Венеции от Сардинского королевства и провозглашения республики, которую в свое время Манин принес в жертву слиянию с Пьемонтом. Волнение улеглось лишь тогда, когда Манин объявил народу, что комиссары Карла-Альберта слагают с себя полномочия и что впредь до созыва парламента «править будет он сам». На площади св. Марка, под звездным небом, долго гремела народная овация. Два дня спустя народное представительство подтвердило диктаторские полномочия Манина и создало триумвират, которому предстояло руководить обороной революционной Венеции, вступившей в поединок с могущественной Австрийской империей.

Тоскана, которой после падения Ломбардии угрожало австрийское нашествие, была охвачена непрерывными волнениями. Во Флоренции не прекращались манифестации. Министерство Ридольфи, представлявшее собой блок сторонников абсолютистско-феодальной монархии с правым крылом либеральной буржуазии, успело вызвать глубокое недовольство в широких слоях населения своим бездействием в военных делах и репрессиями по отношению к демократам. Дальнейший ход событий заставил Ридольфи уйти в отставку. В течение трех недель длился правительственный кризис, вызванный главным образом разногласиями в лагере либералов. Наконец, либерал Каппони, пользовавшийся репутацией человека, стоявшего «над партиями», образовал министерство умеренного центра. Учитывая настроение в стране, Каппони поспешил обещать в парламенте, что в случае неудачи переговоров о мире будут возобновлены военные действия с Австрией; при этом он уверял палату, что великий герцог искренне стремится к войне. Это не помешало, впрочем, Леопольду II уведомить генерала Вельдена, что «подобные декларации» рассчитаны лишь для успокоения народа и сохранения трона. Однако скоро обнаружилось, что одних министерских деклараций недостаточно, чтобы сдержать нарастание революционных событий.

В Пьемонте перемирие Саласко вызвало резкое размежевание политических сил. После отставки правительства Казати, новый глава министерства Пинелли тщетно добивался «почетного мира» при помощи англо-французского посредничества. Он не отказывался следовать советам Пальмерстона, предлагавшего Пьемонту уступить Австрии Венецию взамен Ломбардии. Однако Австрия была непреклонна, и безнадежность переговоров становилась очевидной. Правое крыло либералов Сардинского королевства открыто продолжало ратовать за мир с Австрией, в то время как в парламенте и особенно вне его росло патриотическое движение за возобновление национально-освободительной войны. В авангарде этого движения стояла Генуя, цитадель демократов, но и Турин являлся ареной многочисленных народных демонстраций. В палате оппозиция, в которой наряду с демократами была представлена и группа умеренных, возглавлявшаяся Джоберти, резко нападала на правительство. Правительство оказалось в затруднительном положении. Сам Пинелли, потеряв доверие правых, был вынужден вскоре уступить власть Джоберти. Демагогическая игра последнего некоторое время имела успех. Новое министерство, сформированное 4 декабря, объявило себя «демо-

кратическим», хотя Джоберти поспешил определить свою демократию «как весьма уступчивую». Казалось, что дело войны за независимость было наполовину выиграно, и что Пьемонт вновь обнажит свой меч. Однако не Пьемонт, а территория Центральной Италии оказалась со второй половины 1848 г. ареной решающих боев.

Восстание в Ливорно. Гуэррацци и Монтанелли

Развернувшиеся в Тоскане события явились первым вестником наступления новых времен. На протяжении всего августа Ливорно, в котором бегство и саботаж торгово-промышленной буржуазии вызвали огромный рост безработицы и нищеты, представлял собой арену острых классовых столкновений. Здесь наблюдалась глубокая рознь между буржуазией и народными «низами». Не удивительно, что демократические идеи приобретали в Ливорно особую популярность, а борьба против монархистов и умеренных велась с крайней ожесточенностью. Восстание, давно подготовлявшееся, вспыхнуло 23 августа в связи с арестом популярного священника, революционера Гавацци, который высадился на берег, вопреки запрету Каппони, и которому ливорнцы оказали восторженный прием. Волнения продолжались несколько дней и достигли апогея, когда прибывший из Флоренции «чрезвычайный комиссар», подстрекаемый крупной буржуазией, прибег к решительным мерам, пустив в ход войска и пушки. Город покрылся баррикадами, целый день и целую ночь продолжались уличные бои, вынудившие, наконец, солдат отказаться от дальнейшей борьбы. Это было в первые дни сентября. Ливорнская торговая палата обратилась к правительству с просьбой направить в город вождя оппозиции депутата Гуэррацци, с тем чтобы тот силой своего авторитета восстановил «спокойствие и порядок».

Так, на авансцену политической жизни Тосканы выступил Франческо Доменико Гуэррацци, политический деятель, популярный романист, автор «Осады Флоренции» — книги, которая перед революцией вдохновляла итальянскую молодежь. В период оппозиционной борьбы с правительством Гуэррацци приобрел славу демократа, хотя к демократам он относился не только высокомерно, но и враждебно.

Прибыв в Ливорно, Гуэррацци, действительно, быстро восстановил «спокойствие». Он выдвинул требование реформы национальной гвардии и отмены особых полномочий, предоставленных правительству Каппони. К этому требованию позже прибавились другие: сохранение муниципальной гвардии, всеобщая амнистия и назначение в Ливорно нового либерального губернатора. Но великий герцог и его первый министр готовились к расправе над Ливорно, который правительственная печать объявляла «первым препятствием на пути объединения Италии». В лагере, созданном близ Пизы, начали собираться «добровольцы», которых правительство призывало участвовать в походе против «мятежного города»; однако число отозвавшихся на призыв Леопольда II оказалось невелико, да и собравшиеся скоро стали проявлять симпатии к ливорнцам. Некоторое время Ливорно был предоставлен самому себе. Но в конце концов угроза его фактического отделения от Тосканы заставила Каппони уступить и назначить на пост губернатора известного профессора Пизанского университета Монтанелли.

Джузеппе Монтанелли, в свое время бывший горячим сторонником либеральных реформ, являлся видной фигурой в итальянском национально-освободительном движении. В своих политических взглядах он пытался сочетать умеренный либерализм с «республиканским радикализмом». Монтанелли имел приверженцев и друзей в самых различных общественных слоях Тосканы. Однако в этот период его политической деятельности Монтанелли ближе всего стоял к мадзинистам: с ними

его связывало горячее стремление к воссоединению страны, которое он называл «главной целью своей жизни». Приняв предложение Леопольда II, Монтанелли поспешил, вопреки ожиданиям великого герцога, выразить солидарность с Гуэррацци. 8 сентября с террасы правительственного дворца в Ливорно новый губернатор бросил взволнованной толпе народа лозунг Итальянского учредительного собрания. Этот лозунг вскоре стал знаменем прогрессивной буржуазии и народных масс, поднявшихся на борьбу против абсолютистского режима и иноземного ига.

Лозунг Итальянского учредительного собрания

Население Ливорно ответило на выступление Монтанелли бурными демонстрациями. Подъем наблюдался и в других городах Тосканы. Всюду всё решительнее выдвигались лозунги: «Долой умеренных министров! Да здравствует Учредительное собрание!» Положение правительства пошатнулось и в столице. Каппони обратился за вооруженной помощью к Пьемонту, но Турин не решился вмешаться в тосканские дела. Тогда министерство подало в отставку.

После двух недель бесплодных переговоров великий герцог вынужден был 27 октября предложить формирование кабинета Монтанелли и, ввиду категорического требования последнего, согласиться на вхождение Гуэррацци в состав министерства. Свой приход к власти новое министерство ознаменовало официальным призывом к созыву Итальянского учредительного собрания [1].

Весь предшествующий ход событий обусловил ту огромную популярность, которую призыв флорентийцев сразу же обрел во всей Италии. Проекты объединения Италии «сверху» путем создания федерации государей, выдвигавшиеся многие годы подряд идеологами либеральной буржуазии (от Джоберти до Кавура), оказались столь же бесплодными, как и пресловутый «спасительный меч» Карла-Альберта. Все попытки образовать такую федерацию под эгидой римского папы или савойской монархии, предпринимавшиеся на протяжении 1848 г., позорно провалились. Было ясно, что правители итальянских государств, незаинтересованные в устранении раздробленности Италии, поддерживали проект федерации тогда, когда видели в нем средство расширения собственной гегемонии, и восставали против него, когда подозревали в нем стремление закрепить гегемонию какого-либо другого монарха.

«Силой, могущей создать единство, была одна лишь демократия»,— заявлял Монтанелли. Однако для него, как и для других буржуазных демократов Италии, понятие «демократии» было синонимом господства буржуазии. Тем не менее лозунг Учредительного собрания, порожденный борьбой против феодально-абсолютистского строя, отражал новую концепцию общественно-политического устройства и национального объединения Италии. Выступая от имени народа в целом, демократически настроенная буржуазия восставала против монопольного права монархов и стоявших за ними привилегированных сословий — помещичьей аристократии и высшего духовенства — управлять судьбами страны. В соответствии с этим только Учредительное собрание, избранное всеобщей подачей голосов, было бы правомочно решать вопрос о государственном устройстве отдельных государств. В свою очередь только демократически избранное Учредительное собрание всей Италии, а отнюдь не консервативный союз монархов должно было обеспечить немедленное слияние всех национальных сил и ресурсов в грядущей войне за независимость, а после победы — определить конституционный режим единой и независимой Италии.

---

[1] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VII, стр. 93.

Таким образом, в формуле Итальянского учредительного собрания сочетались принцип буржуазно-демократического преобразования Италии, т. е. коренной политической реформы ее государственной системы, и стремление масс к воссоединению Италии «снизу».

Естественно поэтому, что дальнейший ход революционных событий тесно переплетается с борьбой за Учредительное собрание. Но нигде эта идея не нашла такого восторженного отклика, как в Римском государстве, которое вскоре превратилось в арену острых конфликтов и грозных событий.

События 16 ноября. Народное восстание в Риме

Огромное возбуждение царило в Риме в первых числах ноября. Несмотря на атаки справа и слева, Росси упрямо продолжал свой политический курс, не чувствуя, как почва ускользала у него из-под ног. Контрреволюционное окружение папы, власть которого Росси собирался спасти своей политикой «золотой середины», ополчилось против его «опасных экспериментов». Духовенство и дворянство сорвали попытки Росси укрепить власть папы на базе компромисса с правым крылом либералов. Поддерживавшие Росси конституционалисты начали терять веру в своего министра. Народное движение принимало всё более широкий размах. Такие действия правительства, как выдача Фердинанду II неаполитанских революционных эмигрантов или преследования, которым подвергались Гарибальди и его легион, еще более усиливали напряженность политической обстановки. Она достигла предела, когда из одного перехваченного письма генерала Цукки стало известно, что готовится расправа над романьольскими патриотами и гарибальдийскими легионерами.

14 ноября Росси бросил новый вызов общественному мнению. В резкой статье, напечатанной в «Римской газете» («Gazzetta Romana»), он угрожал роспуском палат, если они не подчинятся воле правительства. Угроза эта приобретала особое значение в связи с приготовлениями правительства к открытию палат: в столицу спешно стягивались войска, начались аресты демократов. Всё это усиливало тревогу и как будто подтверждало слухи о том, что Росси готовит государственный переворот и стремится установить свою личную диктатуру.

В такой обстановке состоялось открытие палат. С раннего утра 15 ноября возбужденный народ собрался у здания парламента. Столица с нетерпением ждала речи министра.

Однако ему так и не удалось произнести эту речь: он был убит в момент, когда, выйдя из кареты, поднимался по широкой лестнице Дворца финансов. Имя убийцы осталось неизвестным. Рим холодно принял эту смерть. Крылатая фраза облетела в тот вечер все кварталы: «Да будет благословенна рука, сразившая Росси». Клерикалы не скрывали своего удовлетворения. Правительство и палаты обнаружили полную растерянность.

Народ воспринял смерть Росси как сигнал к действиям. У казарм карабинеров население братались с национальными гвардейцами. В городе вспыхивали стихийные демонстрации. Легионеры, смешавшись с населением, демонстрировали с лозунгами: «Да здравствует Италия!», «Хотим свободы!» Перед зданием «Народного клуба» многочисленная толпа ремесленников и волонтеров требовала создания Временного демократического правительства и созыва Итальянского учредительного собрания. Чтобы предупредить контрнаступление двора, было решено провести на следующий день массовую демонстрацию с целью склонить Пия IX к серьезным уступкам. Однако лидеры умеренных, завладевшие «Народным клубом», поспешили сделать всё, чтобы удержать движение в рамках легаль-

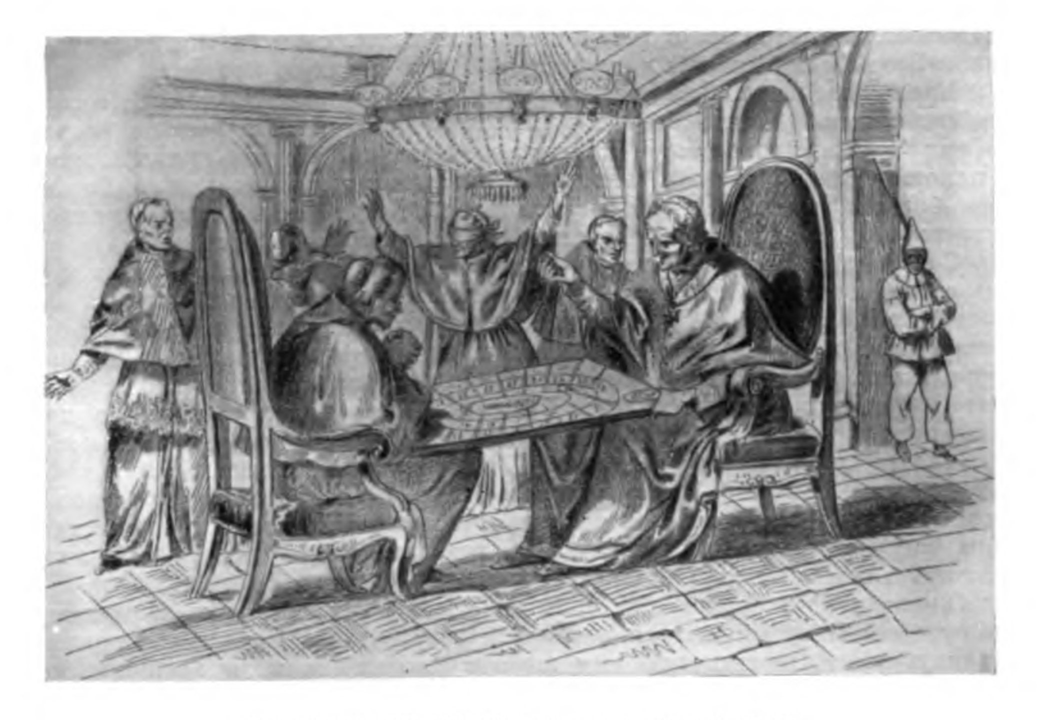
ности. Они выработали программу, которая в самом общем виде формулировала требования итальянской независимости, возобновления войны с Австрией и созыва Итальянского учредительного собрания по «федеральному образцу». Внимание умеренных было сосредоточено в основном на создании светского правительства, которое должно было обеспечить им приход к власти.

В течение всего памятного дня 16 ноября вожаки либералов, сначала Мингетти и Пазолини, а затем Галлетти, — вели переговоры с Пием IX, результатом которых явилось лицемерное обещание папы образовать светское министерство.

Между тем огромная процессия народа двигалась по улицам города к Квириналу: ремесленники, торговцы, мелкие буржуа, беднота Трастевера и вместе с ними солдаты и офицеры гражданской гвардии и линейных войск, бывшие волонтеры заполнили площадь перед папским дворцом и прилегающие к ней улицы. Под давлением народа Галлетти снова посетил Пия IX и после этой аудиенции заверил демонстрантов, что ему будет поручено образование светского министерства. Однако народ требовал большего: папа должен дать согласие на созыв Итальянского учредительного собрания и на возобновление войны с Австрией. Галлетти вновь направился к Пию IX, но папа заявил, что он не намерен подчиниться «насилию» и отказывается принять какие-либо требования народа. Такой позиции папы немало способствовала непримиримость высшего духовенства, а также советы иностранных дипломатов. В одной из своих депеш русский посол Бутенев сообщал Нессельроде, что послы Испании, Франции, Баварии и Португалии выразили решительный протест против «насилия над авторитетом папы» и заявили о своей готовности поддержать «святого отца». Бутенев добавлял, что он со своей стороны счел необходимым солидаризироваться с представителями католических держав: ведь речь идет, подчеркивал он, «о вопросе всеобщего интереса, а именно о сохранении суверенитета власти и поддержания социального порядка».

Когда Галлетти сообщил собравшемуся народу о неудаче своих переговоров, гул негодования пронесся по площади. Гремели возгласы: «Долой попов!», «Требуем временного правительства!» Решив положить конец затянувшейся манифестации, папские власти отдали приказ швейцарским полкам открыть огонь по демонстрантам. Толпа бросилась в прилегающие улицы, стала искать оружия. Вскоре площадь перед Квириналом снова заполнилась народом. Но это были уже не мирные демонстранты, требующие тех или иных уступок. Это был восставший народ, вооруженный ружьями, ножами, булыжником. Начался штурм папского дворца. Снова раздались выстрелы, но на этот раз стреляли и ружья восставших. На площади появилась пушка, которую национальные гвардейцы навели на папский дворец. Загорелись запасные ворота, подожженные народом. Выросли баррикады. Национальные гвардейцы перешли на сторону восставших. Вскоре к ним присоединились и линейные войска. Во дворце царило смятение. Пий IX непрерывно совещался с приближенными. Депутация высшего офицерства доложила, что нельзя более рассчитывать на повиновение солдат. Паника усилилась еще более, когда осколком снаряда был убит кардинал Пальма.

Пий IX вынужден был уступить: он дал согласие на образование светского министерства из видных представителей партии «умеренных», но заявил, что на пост премьера будет назначено духовное лицо. Согласился папа и на созыв Итальянского учредительного собрания и на участие в войне с Австрией. Галлетти поспешил объявить восставшим состав нового министерства. Он торжественно огласил фамилии

ВЕЧЕРНЕЕ ВРЕМЯПРЕПРОВОЖДЕНИЕ В ГАЭТЕ
Карикатура на папу из журнала «Il Don Pirlone», Рим, 1848

известных римлянам либеральных деятелей. Повстанцы разошлись с ликованием.

Папской Бастилии был нанесен первый удар. В этом и заключалось историческое значение событий 16 ноября, которые открыли новый этап революции в Риме. Оценивая события в Тоскане и восстание в Риме, Энгельс писал: «Наконец, после шестимесячных почти непрерывных поражений демократии, после ряда неслыханных триумфов контр-революции, снова показываются симптомы приближающейся победы революционной партии. Италия, — страна, восстание которой явилось прелюдией к европейскому восстанию 1848 г. и поражение которой явилось прелюдией к падению Вены, — Италия поднимается во второй раз»[1].

ЛИБЕРАЛЫ У ВЛАСТИ В РИМЕ

Политика министертва Галлетти. Бегство папы из Рима

Министерство, сформированное 16 ноября партией либералов («умеренных»), не замедлило обнаружить свою классовую природу.

Завладев плодами революционных усилий народа, к власти пришли представители дворянства, земельной и торговой буржуазии, иными словами, те общественные классы, которые давно добивались участия в управлении государством на основе сделки с папским режимом.

События 16 ноября еще более усилили стремление «умеренных» к компромиссу. Характерно, что конституционалисты не остановились и перед

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VII, стр. 90.

тайными переговорами с приближенными папы, через которых предлагали Пию IX переехать из «мятежного Рима» в тихую Болонью.

Вновь созданное правительство прежде всего стало добиваться соглашения с папой во что бы то ни стало, при единственном условии сохранения пресловутого конституционного статута. Однако министерство Галлетти оказалось перед непосильной задачей: то, что не удалось Росси, тем более не могло быть достигнуто теперь, когда еще более обострились классовые противоречия, приведшие к событиям 15—16 ноября.

С первых же дней своего существования новое правительство металось из стороны в сторону, пытаясь совместить несовместимое. Характерна с этой точки зрения правительственная программа, которая хотя и провозглашала принципы итальянской независимости и идею Итальянского учредительного собрания, однако формулировала их робко и половинчато, обусловливая их согласием Пия IX. Подкрепляя выраженные уже в программе верноподданнические чувства к «святому отцу», Галлетти писал впоследствии: «Все мои старания были сразу же посвящены тому, чтобы вернуть ему [т. е. папе] спокойствие и безопасность, и он никогда не был столь далек от какой-либо опасности, столь уважаем и свободен, как в те дни, так что доверие к правительству возрастало или должно было возрастать в нем с минуты на минуту».

Однако вскоре Галлетти пришлось убедиться, что «всем его стараниям» не суждено было увенчаться желаемым результатом. Папа не собирался принять руку, протянутую ему конституционалистами, и хотя внешне маскировал свои намерения, на деле лихорадочно готовился к бегству. Его опередили римские аристократы и сановники церкви, спешно покинув «мятежную столицу» и положив этим начало эмиграции, которая впоследствии приняла характер панического бегства. Через десять дней после убийства Росси в Риме осталось всего четыре кардинала. В ночь на 25 ноября из Рима бежал и папа. В сопровождении баварского посланника и кардинала Антонелли он направился в Террачину, а оттуда в неаполитанскую крепость Гаэту.

Бегство Пия IX, вызвавшее сильный резонанс во всей Европе, внесло новый элемент в напряженное и без того политическое положение Рима. Надежды либералов на достижение компромисса стали тщетными. Предстояла решительная борьба между силами контрреволюции и силами революционной демократии.

Попытки либералов вернуть Пия IX

Перед римским правительством вновь открылись два пути: путь создания революционной власти, закрепляющей результаты ноябрьского восстания, и путь новых «торгов и уступок» монарху, новых тщетных попыток сохранить конституционный статут и парализовать с помощью папы революционную инициативу масс. Министерство, в котором отныне видную роль стал играть Мамиани, пошло по второму пути. Об этом недвусмысленно заявил сам Галлетти, заверивший палату, что правительство «исполняет священную волю Пия IX», и призвавший народ к «уважению и укреплению санкционированных папой учреждений».

Палата, в которой господствовали либералы, поддержала правительство и решительно отвергла требования демократов об упразднении папской власти и о созыве Учредительного собрания. Когда Пий IX в грозной ноте объявил «незаконными» все акты, проистекавшие из движения 16 ноября, и назначил временную правительственную комиссию во главе с кардиналом Кастракане, министерство Галлетти, испугавшись своей «нелегальности», собралось было подать в отставку. Только решением парламента оно всё же осталось у власти, но поспешило отправить в Гаэту делегацию для переговоров с папой. Через несколько дней делегация вер-

нулась в столицу, не добившись успеха: Пий IX отказался ее принять. 11 декабря, под влиянием нараставшего народного возмущения и усиливавшегося развала государственного и административного аппарата, правительство создало Государственную хунту, призванную до возвращения Пия IX заменить собой верховную власть папы. Таким образом, в целом политика нового римского правительства отличалась крайней умеренностью. Оно проявило чрезвычайное усердие в обеспечении Пию IX денежной субсидии, но ничего не сделало, чтобы оздоровить государственные финансы, расстроенные баснословной расточительностью двора. Привилегии духовенства остались незыблемыми. Интересы народных масс, задавленных нуждой и политически бесправных, не нашли никакой защиты у правительства. Провозглашенные в программе Галлетти обещания остались мертвой буквой. Хотя возобновление войны с Австрией казалось неминуемым, правительство не принимало никаких мер к усилению обороны государства. Оно не откликнулось на патриотическое движение, на требования оказать помощь Ломбардии. Гарибальдийцы были удалены из столицы, отправлены сперва в Фолиньо, а затем в отдаленный порт Фермо, по ту сторону Апеннин. Лишь по требованию народа Гарибальди и его легионерам было разрешено остановиться в Мачерата.

Последние дни правительства либералов

«...Ниспровержение светской власти папы в Риме, — указывал Маркс, — всегда рассматривалось conditio sine qua non [как совершенно необходимое условие] итальянского освобождения» [1]. Позорное бегство папы, вызывающее поведение его в Гаэте, провал политики конституционалистов расчистили путь для радикального решения римской проблемы.

Декабрь, последний месяц бурного 1848 г., был в Риме месяцем напряженной политической борьбы. С одной стороны, беспокойный, настороженный Рим, шумные многолюдные демонстрации против духовенства и аристократии в провинции и, наряду с этим, все более решительные выступления «низов» против умеренных буржуа, против презренных «codini» («прихвостни»), как их называли повсюду. С другой стороны, усиливались происки Пия IX и его окружения. «...Папа, изгнанный из Рима, — писал Энгельс, — сидит в Гаэте под охраной кровожадного идиота Фердинанда; этот «iniziatore» Италии интригует против Италии с ее вековым смертельным врагом, Австрией, которой он в свой счастливый период угрожал отлучением»[2].

В лагере сторонников папы в Римском государстве шли лихорадочные приготовления к контрнаступлению.

Аристократия и крупная буржуазия Болоньи готовились отделиться от Рима и предлагали муниципалитетам и префектам Романьи и Мархии образовать независимое от Рима временное правительство. В северных провинциях Римского государства эти контрреволюционные силы ориентировались на Карла-Альберта или Леопольда II, не останавливались даже перед проектом отторжения этой территории в пользу Пьемонта или Тосканы.

Власть умеренных в Риме разваливалась под ударами и справа и слева. Из правительства вскоре вышли министр финансов Лунати и министр юстиции Серени. Верховный совет (сенат) уже не мог собираться — настолько поредел его состав. Палата влачила жалкое существование. Для партии умеренных настали критические дни. По мере обострения положения в ней всё более четко обозначался разрыв между консервативными и демократическими элементами.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XI, ч. 2, стр. 229.
[2] Там же, т. VII, стр. 102.

БОРЬБА ЗА УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ И РЕСПУБЛИКУ В РИМСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Лозунг Учредительного собрания в римской революции

В такой обстановке лозунг Учредительного собрания, горячо выдвигавшийся демократами, стал формулой, вокруг которой объединились широкие слои буржуазии и либерального дворянства. Этот лозунг казался якорем спасения для всех колебавшихся элементов. Вместе с тем это был единственный выход из положения для прогрессивных слоев буржуазии, видевших в Учредительном собрании «магическое» средство борьбы за объединение и буржуазное переустройство Италии.

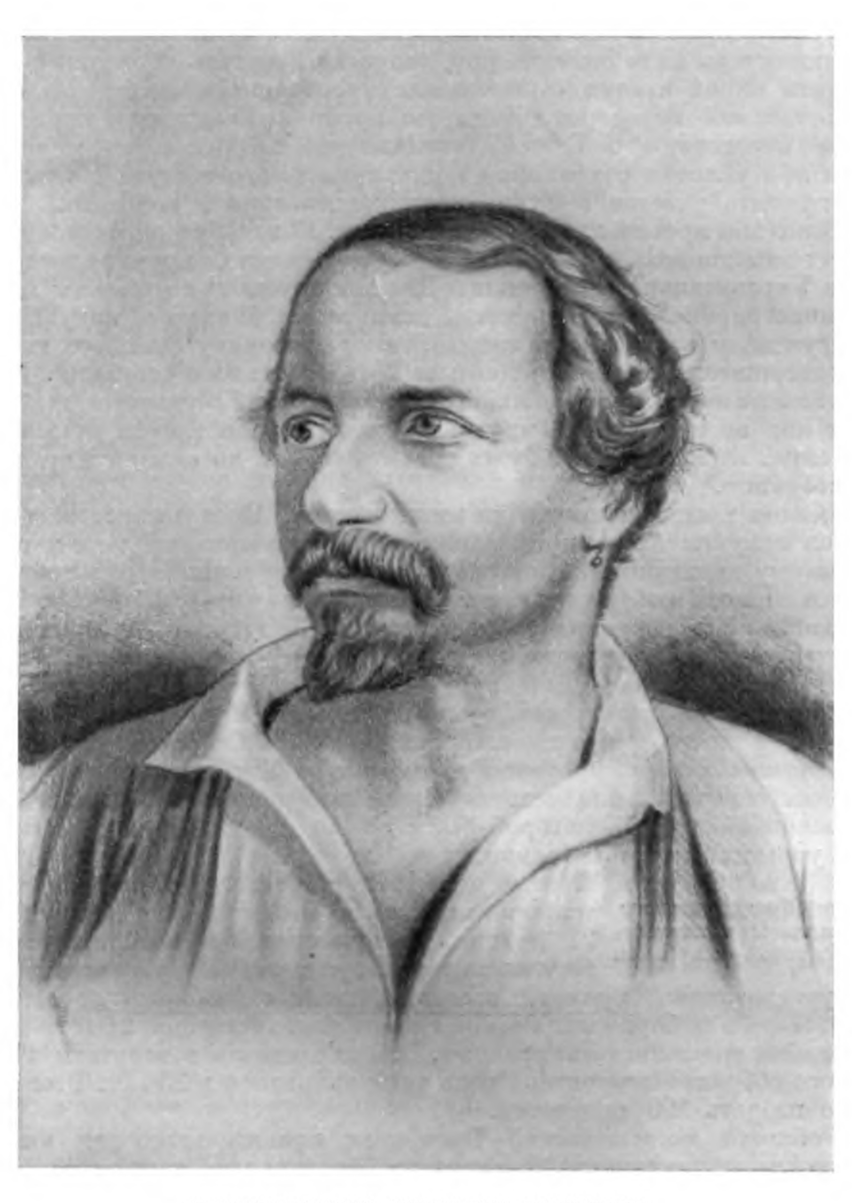
Гнет вековых привилегий дворянства и особенно духовенства, тормозивших свободное развитие буржуазных отношений, душная атмосфера мракобесия, полицейского произвола и жестокого террора — такова была почва, на которой ненависть к папству и стремление к политической свободе и национальному освобождению давали теперь богатые всходы.

Многочисленная армия адвокатов и журналистов, врачей и художников, значительная прослойка чиновников и мелких собственников, выходцы из обедневших дворянских и буржуазных семей становились борцами за независимость и единство Италии. За буржуазными демократами шли ремесленники, шла городская беднота, шла замученная хронической безработицей и беспросветной нуждой народная масса папских городов, которая самоотверженно поддерживала и подталкивала прогрессивную буржуазию на всех этапах развития римской революции.

В период борьбы за Учредительное собрание прогрессивная буржуазия, нуждаясь в союзниках против своих врагов справа, значительно расширила свои связи с трудящимися массами. Базой для сближения с ними являлся лозунг созыва Учредительного собрания на основе свободных выборов. При этом буржуазно-демократические круги не скупились на горячие протесты против нищеты и бесправия, на которые папство обрекало «низшее сословие». Кварталы римской бедноты, в первую очередь Транстевере с его вождем Чичероваккио, беднота Анконы, Форли, Болоньи служили главной опорой демократической партии. Характерно, что именно в этот период происходит значительная политическая активизация городских масс, о чем свидетельствует возникновение отдельных рабочих клубов, объединявших поденщиков, ремесленников, городскую бедноту.

Центрами политической борьбы стали клубы, в которых господствующее место занимали представители левого крыла либералов при значительно возросшем влиянии демократов. Клубы вели энергичную агитацию за Учредительное собрание как общеитальянское, так и римское. Успеху римских демократов содействовал Гарибальди с его легионом. На всем своем пути по городам и селениям Мархии, Умбрии, Романьи гарибальдийцы являлись страстными проповедниками идеи итальянской независимости и демократической власти, которой Гарибальди стремился придать последовательно-республиканский характер. С своей стороны и Мадзини призывал римлян «подняться во имя бога и народа» и провозгласить республику. Таким образом, лозунг Учредительного собрания слился с требованием республики.

В конце ноября в Рим поступили петиции клубов Фолиньо и Сполето, а вскоре и Анконы, требовавших созыва Учредительного собрания; Анкона угрожала в противном случае отделением от Рима. 13 декабря делегаты клубов 14 городов Романьи, собравшись в Форли, единодушно

ЧИЧЕРОВАККИО (АНДЖЕЛО БРУНЕТТИ)

Литография неизв. художника

Собрание Института Маркса — Энгельса — Ленина. Москва

приняли резолюцию, которая требовала создания временного правительства для созыва Римского учредительного собрания на основе всеобщего избирательного права. Вслед за Форли в пользу Учредительного собрания высказались все без исключения провинции. В Риме царило сильное возбуждение. Правительство всеми силами пыталось овладеть положением. Оно старалось дискредитировать идею Учредительного собрания и обрушивалось на ее сторонников, стараясь запугать обывателей и восстановить народ против «крамольных иностранцев», якобы готовивших насильственный переворот. В то же время правительство продолжало тайные переговоры с Гаэтой, соглашаясь на реставрацию папской власти при условии сохранения конституционного статута и готовности папы принять участие в Итальянском федеративном собрании.

Однако дни правительства были сочтены. 17 декабря демонстрация 500 рабочих-каменщиков, руководимых Чичероваккио, вручила петицию о созыве Учредительного собрания. Два дня спустя гражданская гвардия продемонстрировала свою верность демократии. В адресе, направленном командующему гражданской гвардией подполковнику Галлиего, гвардейцы поддерживали требование созыва Учредительного собрания. Правительственные круги были в полной растерянности. Государственный совет, до сих пор не подававший признаков жизни, взял в свои руки бразды правления, но заявил, что будет править только до созыва Учредительного собрания.

Мамиани поспешил выйти из министерства. Пост министра внутренних дел получил Армеллини, одним из первых примкнувший к республиканскому движению. Заняв сразу же ведущее положение в правительстве, Армеллини внес в парламент проект закона о созыве Учредительного собрания и распустил палату. Это произошло 28 декабря. Прекратила свое существование и Государственная хунта. Один из ее членов, князь Корсини, вышел в отставку. Два других члена, Галлетти и Камерата, вошли в состав нового правительства, возглавлявшегося Муццарелли. Из старого кабинета в новое правительство вошли также Стербини и Камерата, примкнувшие теперь к сторонникам созыва Учредительного собрания.

Таким образом, была создана Временная правительственная комиссия, основной задачей которой были проведение выборов и созыв Римского учредительного собрания.

Созыв Учредительного собрания. Провозглашение Римской республики

Первые дни 1849 г. совпали с началом избирательной кампании. Выборы были назначены на 21 января. Беспримерный в истории папского государства демократический избирательный закон устанавливал прямое, всеобщее, тайное избирательное право. Участвовать в выборах мог всякий гражданин, достигший 21 года и пользовавшийся гражданскими правами. Для кандидатов в депутаты Учредительного собрания возрастной ценз устанавливался в 25 лет. Всего предстояло избрать 200 депутатов.

В области экономической Временная правительственная комиссия ограничилась ликвидацией некоторых феодальных пережитков (майората, фидеикомиссов), сковывавших свободное обращение собственности, а также уничтожением налога на помол, являвшегося тяжким бичом для деревни. Комиссия расширила права муниципалитетов, наметила реформу гражданского кодекса, несколько упростила громоздкий бюрократический аппарат, обновила состав провинциальной администрации, но проявила полную беспомощность в упорядочении финансов. Наконец, было проведено почти повсеместное обновление провинциальных префектур, в связи с чем к власти пришли деятели «умеренных», эволюционировавшие теперь влево под давлением массового движения.

Повсюду наблюдался невиданный подъем. Декрет о созыве Учредительного собрания был встречен во всем государстве народными манифестациями, артиллерийским салютом, звоном колоколов. Особенно внушительной была демонстрация на площади Венеции в Риме. В Болонье префект граф Спада пытался, с ведома муниципалитета, саботировать декрет об Учредительном собрании. Поведение префекта вызвало взрыв народного негодования. Волнения приняли здесь столь бурный характер, что и муниципалитет и префект поспешили выйти в отставку. В клубах, в кафе, в печати разгорались горячие споры. Клубы, в которых умеренные боролись за влияние с демократами, составлялись избирательные списки, которые затем утверждались и дополнялись путем тайного голосования. В главных городах создавались особые комитеты по проведению выборов. Газеты широко рекламировали избирательные списки и печатали прокламации клубов.

Однако опасность возврата к старому не миновала. Новогодняя энциклика папы, угрожавшая отлучением всем, кто будет участвовать в выборах, послужила сигналом для новых происков контрреволюции. Началось с саботажа и провокаций более или менее крупного масштаба. За ними последовали попытки поднять отсталое крестьянство на гражданскую войну против городского населения и сорвать выборы. Так было в Альбано, где контрреволюционеры готовили кровавую расправу с избирателями. Так было в Орвието и других местах. Генерал Цукки обратился к войскам с призывом сохранять верность папе и не повиноваться римскому правительству. Генерал Латур готовился увести швейцарские полки из Болоньи в Неаполь для последующего похода на Рим. Генерал Цамбони пытался поднять в столице мятеж. Однако все эти контрреволюционные попытки генералов провалились.

Результатом позорных происков папистов было еще большее повышение революционной активности масс. Жители срывали и сжигали листовки с новогодней энцикликой папы. Рабочие, ремесленники, мелкие торговцы при поддержке гражданской гвардии ликвидировали контрреволюционные провокации в Болонье и Риме. Но и там, где контрреволюция не подавала открытого повода для выступлений, наиболее решительные демократические элементы пользовались неизменной поддержкой городских масс. В течение всего января кровавые столкновения, террористические акты, представлявшие собой стихийное выражение революционного в своей основе классового протеста народных масс, заинтересованных в развитии революции, вспыхивали в различных местах папского государства. Эти выступления были направлены не только против аристократов и духовенства, но и против умеренных либералов. Правительство организовало особый трибунал, который выносил приговоры «врагам общественного порядка», причисляя к ним не столько контрреволюционеров, сколько участников народных движений.

Наконец, настало 21 января — день выборов. Выборы прошли в обстановке сравнительного спокойствия и праздничной торжественности. Активность населения превысила все ожидания. Даже в отсталых деревнях число участвовавших в выборах составило свыше 50% избирателей. Папская анафема, угрозы и махинации папистов не возымели действия.

Рим переживал исторические дни. Необычное оживление царило в помолодевшем «вечном городе», разукрашенном трехцветными знаменами, пестрыми гобеленами, освещенном первыми лучами ранней римской весны. Прибытие депутатов со всех концов государства вносило элемент торжественности в общее радостное возбуждение. 5 февраля 1849 г. в великолепном Palazzo della Cancelleria собралось Учредительное собрание. Медленно

проследовали депутаты по улицам Рима, сопровождаемые народными массами. Восторженные римляне переполнили трибуны. От имени правительства Армеллини открыл заседание. Он закончил свою речь словами: «Пусть наши дела совершатся во имя Италии и народа».

Сторонники папы потерпели полное поражение на выборах. Правое крыло умеренных было представлено лишь небольшой фракцией «конституционалистов» во главе с Мамиани, насчитывавшей до 30 депутатов. Подавляющее большинство Собрания составляли отколовшиеся от «конституционалистов» умеренные, так называемые «независимые». Последовательно-демократическая фракция, включавшая наиболее революционные элементы, оказалась сравнительно немногочисленной. Однако сильная поддержкой масс и престижем своих вождей, она сумела впоследствии подчинить своему влиянию большинство Собрания.

Среди депутатов Учредительного собрания было свыше 100 представителей интеллигенции и чиновничества (юристы, врачи, литераторы, служащие и т. д.), 67 земельных собственников и владельцев домов и предприятий, 2 крупных торговца, 1 банкир и пр. Из 200 депутатов лишь 27 принадлежало к дворянскому сословию, — к тому же, это были либеральные или даже радикально настроенные дворяне.

Четырехдневные бурные дебаты развернулись вокруг главного вопроса: конституционная монархия или республика? Мамиани, Одино и другие умеренные депутаты, не считая возможным выступать в защиту папы, пытались запугать Собрание угрозой изоляции, которую будто бы повлечет за собой установление республиканского режима. Они утверждали, что это лишит Рим симпатий монархического Пьемонта и влиятельных государств Европы. Стремясь выиграть время, они предлагали отложить конституционный вопрос до решения вопроса об Учредительном собрании Италии. Колеблющаяся прослойка умеренных, возглавляемая Стербини, критикуя «конституционалистов», путанно формулировала собственную платформу. Однако большинство Собрания не хотело, да и не могло топтаться на месте. Со всех концов государства приходили требования уничтожения светской власти папы и коренного политического переустройства Рима. Депутаты по пути в Рим собирали петиции клубов и народных собраний. «Ни один клуб, ни один муниципалитет,— пишет Саффи в своих мемуарах,— не пожелал примирения с папой. Суверенитет Учредительного собрания и энергичное правительство были почти всеобщим требованием. О республике говорилось в многочисленных адресах и петициях».

Первым за республику выступил в Учредительном собрании Гарибальди. «К нему,— пишет Саффи,— были обращены все взгляды. Он был человеком, который в ту пору лучше кого-либо другого олицетворял мысли и чувства Рима: неограниченная свобода и беспощадная борьба против внутренних и внешних угнетателей родины». Гарибальди поддержали другие депутаты-республиканцы. Подавляющим большинством голосов (139 из 144 присутствовавших) Учредительное собрание декретировало фактическое и юридическое низложение светской власти папы, которому, однако, обеспечивались все гарантии для свободного осуществления духовной власти. Формой правления римского государства тот же декрет провозглашал «чистую демократию, которая примет славное имя Римской республики».

9 февраля в 2 часа дня трехцветное знамя взвилось над Капитолием. 101 пушечный выстрел возвестил миру рождение Римской республики.

Программа правительства и законодательство Учредительного собрания

Республика в Риме — это первое слово революционной драмы 1849 г., писала «Новая Рейнская газета». Итальянская революция одержала свою самую значительную победу. На обломках деспотической власти пап возник республиканский режим, начертавший на своем знамени прогрессивные идеи буржуазной революции и объявивший воссоединение и независимость Италии своей «наивысшей целью».

Весть о провозглашении республики в первые же дни облетела всё государство. Подавляющее большинство муниципалитетов, политические клубы, гражданская гвардия, собрания граждан спешили выразить свою преданность новому режиму. Всюду происходили импровизированные празднества, многолюдные манифестации.

Центральные площади городов украшались традиционным «деревом свободы», по улицам торжественно дефилировала национальная гвардия, звучала популярная «Карманьола».

Республика сразу же получила широкую поддержку. На базе общности классовых интересов в рамках республиканского режима произошло сближение между республиканцами мадзинистского направления и полевевшими умеренными, значительная часть которых принадлежала, как и часть мадзинистов, к средней буржуазии. Но одновременно усилились и оппортунистические колебания умеренных республиканцев под давлением союзников справа.

Во всех новых органах власти, сложившихся в процессе ноябрьской революции, республиканцы-демократы уступали количественно умеренным республиканцам. Таково было положение и в Учредительном собрании, таково было соотношение сил и в министерстве, назначенном Исполнительным комитетом (Армеллини, Монтекки, Саличети), через посредство которого Учредительное собрание должно было управлять страной до утверждения новой конституции. Характерно, что, вопреки резким протестам радикальных депутатов и радикальной печати, у дел оказались и члены обанкротившегося правительства Галлетти (Кампелло, Стурбинетти и др.), снова получившие министерские портфели. Сам Галлетти, скомпрометированный переговорами с папой, был избран председателем Учредительного собрания. Что касается провинции, то там уже со времени избирательной кампании в префектурах и муниципалитетах господствовали умеренные.

Правительственная программа учитывала требования значительных слоев населения, которым республика была обязана своим возникновением. Программа провозглашала уничтожение средневековых привилегий, реорганизацию государственного управления, судебную реформу, освобождение школы от клерикального влияния. Ставя частную собственность под защиту республики, правительство обещало радикальное оздоровление хозяйственной жизни, расстроенной хищническими действиями пап. Под влиянием утопических (преимущественно сен-симонистских) воззрений, господствовавших среди мелкобуржуазных демократов, правительство возвещало «физическое и моральное возрождение» неимущих, которым «старое общество отказывало во всех благах жизни» и которые «станут теперь предметом неустанной заботы». Но превыше всего ставилась борьба за Учредительное собрание Италии и за национальную независимость страны.

За программной декларацией последовали законодательные акты республики. Из них первым и наиболее существенным был декрет о национализации (а позже и распродаже) всей движимой и недвижимой

собственности «мертвой руки», т. е. духовных конгрегаций, чьи владения, оценивавшиеся в 100 с лишним миллионов экю, составляли экономическую основу векового владычества папства. Конфискация церковной собственности, вызвавшая бурю негодования в могущественном лагере клерикальной реакции, была встречена почти единодушным одобрением буржуазии и среднего дворянства, давно уже протестовавших против засилия духовенства в экономике страны. За этим последовал ряд мер, направленных к ликвидации политических привилегий духовенства: упразднение церковной юрисдикции и церковных судов, учреждение гражданского трибунала и кассационной палаты. Намечалась реорганизация системы образования, ее освобождение от «мертвящей опеки» клерикалов. На том месте, где возвышалось зловещее здание инквизиции, решено было воздвигнуть памятник свободы.

Вместе с тем Учредительное собрание продемонстрировало свое преклонение перед частной собственностью и проявило особенно ревностную заботу о развитии торговли и промышленности. Республика приняла на себя государственный долг папской власти, гарантировала права ее кредиторов, декретировала щедрую финансовую помощь торговцам Рима, Болоньи и Анконы, отменила судебные санкции, которыми торговцы карались за долги, одобрила планы железнодорожного строительства, положила начало новой таможенной политике и приняла меры к пресечению контрабанды. Позже Учредительное собрание декретировало резкое снижение таможенных тарифов на 80 предметов ввоза. Это было сделано вопреки сопротивлению некоторых кругов буржуазии, стоявшей за сохранение протекционистской политики папского режима.

Наибольшие трудности встретила Республика при разрешении финансового кризиса, унаследованного от прежней власти и еще более обострившегося после событий 16 ноября. Непрерывно возраставший дефицит и обесценение денежных знаков осложняли положение республиканских властей. Экономические и военные соображения заставили Учредительное собрание декретировать новую эмиссию бумажных денег в сумме 1300 тыс. экю, гарантированных национальным имуществом и получивших наименование «бон Республики». За первой эмиссией последовали другие. Спустя несколько месяцев количество находившихся в обращении бумажных бон достигало уже 8 млн. экю, т. е. увеличилось вдвое по сравнению с дореспубликанским периодом. В поисках выхода из кризиса Учредительное собрание уже 25 февраля решило ввести принудительный заем, прогрессивный налог на доходы «наиболее богатых фамилий, крупных капиталистов и торговцев, промышленных и торговых обществ и духовных корпораций». Это решение вызвало огромное недовольство в кругах крупной буржуазии, усмотревшей в нем «наступление» на собственность.

Классовая борьба в Римской республике

Острая классовая борьба развернулась с первых же дней существования Республики. Папский двор в Гаэте отвечал резкими протестами на законодательные акты республиканцев и уже 18 февраля стал призывать католические державы к интервенции против «мятежников». На горизонте появились первые грозные симптомы надвигавшейся бури. Воспользовавшись локальным инцидентом, Австрия оккупировала Феррару и освободила ее лишь за значительную контрибуцию. На южной границе зашевелились неаполитанцы. Испанская королева Изабелла декларировала свою солидарность с папой.

При поддержке извне все активнее действовала внутренняя контрреволюция — как откровенно папистская, так и замаскированная, «конституционалистская». Конституционалистская фракция Учредительного

собрания создала конспиративный центр в квартире богатого банкира Берретта, связанного с торговыми кругами Анконы и Болоньи. Формы борьбы против Республики были различные: провокации, попытки поднять отсталое крестьянство, уже в марте приведшие к беспорядкам в Романье и в других местах, упорная подрывная деятельность в городах, наконец, экономический саботаж, которым контрреволюция стремилась задушить Республику. Опись церковных имуществ систематически срывалась монастырями и конгрегациями. Происки духовенства сопровождались сопротивлением той части крестьянства (земельные арендаторы, субарендаторы), которая, будучи связана материальными интересами с церковным землевладением, боялась изменения существующих порядков. Наряду с этим реализация принудительного займа наталкивалась на невероятные трудности, а эмиссии бумажных денег задерживались Римским банком, попрежнему остававшимся в руках князя Торлония и графа Спада. При недостатке металлической валюты и искусственно разжигаемом недоверии к «бонам Республики» велась разнузданная спекулятивная игра, от которой тяжко страдало неимущее население.

Всё это с самого начала не могло не ослаблять Республику, не могло не вызывать недовольства более радикальных слоев населения.

Первые два месяца существования Республики были отмечены бурным движением народных масс, руководимых революционными элементами, вышедшими из среды буржуазных демократов. Во многих городах Романьи народ сжигал архивы папских канцелярий с так называемыми «уголовными регистрами»; настойчиво выдвигалось требование о пересмотре дел 5 тыс. заключенных, томящихся в тюрьмах. В столице и провинции возникали стихийные демонстрации против папистов и «подозрительных», за смещение «людей прошлого режима» и прекращение бюрократической практики «совмещения нескольких должностей». Наряду с этим всё громче выдвигались требования упразднения налогов, увеличения заработной платы, решительной борьбы с безработицей и пресечения махинаций «спекулянтов-кровопийц».

Судя по данным, приводимым современным итальянским историком де Марко, жалобы исходили от различных социальных категорий населения. Петиции в адрес Учредительного собрания не прекращались на протяжении всего периода существования Республики.

В числе просителей было немало мелких земельных и других собственников, торговцев, просивших о серьезных мерах помощи сельскому хозяйству, промышленности и торговле. 66 торговцев, владельцев мануфактур, и банкиров Болоньи выдвигали предложение об организации Национального банка с филиалами в главных городах государства. Торговцы Чезены, указывая на тяжелый торговый кризис в городе, просили распространить на них ту же финансовую помощь, которая была оказана торговле в ряде других городов.

Знаменательно также требование «Народного клуба», предлагавшего учредить национальный сельскохозяйственный банк, чтобы «поддержать терпящий нужду класс земледельцев». Учредительное собрание еще в феврале проявило готовность действовать в этом направлении, но так и не приступило к осуществлению этого проекта.

Однако наиболее настойчивые требования выдвигались трудящимися массами. Так, граждане города Медичина в провинции Болонья требовали отмены налога (так называемого focatico), взимаемого магистратом. Рабочие шерстяной мануфактуры в Трастевере жаловались на низкий заработок, недостаточный для содержания семьи, и—что весьма характерно—требовали уничтожения машин, усматривая в них причину своего бедственного положения.

Жаловались на низкую заработную плату и поденщики (батраки), занятые на общественных работах в Трастевере; они требовали в петиции, чтобы «всем им без пристрастия была повышена заработная плата с 15 до 20 байокки». О повышении заработной платы просили в петиции и низкооплачиваемые служащие Управления по гербовому сбору.

Вместе с тем встречались и требования более общего характера. Так, «Народный клуб» Кьяравалле предлагал Учредительному собранию гарантировать законодательным путем социальное обеспечение. В частности, предлагалось обеспечить пенсиями «рабочих, страдающих хроническими болезнями, и вдов, занятых на табачной фабрике в Кьяравалле».

Петиции, испрашивавшие пособия и работы, поступали в большом количестве от прислуги (от поваров, кучеров и пр.), лишившейся заработка вследствие бегства хозяев — аристократов и буржуа, а также от значительной прослойки сборщиков налогов, оставшихся без работы после отмены того или иного налога (в частности, налога на помол).

Сильно давала себя чувствовать безработица. Республиканские власти и Учредительное собрание приняли ряд мер для ее смягчения. В частности, решили продолжать реставрацию базилики св. Павла, к чему было привлечено до 800 рабочих, и наметили широкие земляные работы по раскопке Римского форума. Ассигнуя средства для этих работ, Собрание, как указывалось в декрете, проявляло заботу о простых гражданах столицы, «обеспечивая им возможность получить работу и средства к существованию». Но эти мероприятия были бессильны залечить язву безработицы как в столице, так и в других городах государства.

Большое недовольство широких трудящихся масс возбуждало расстройство нормального денежного обращения, невозможность обменивать казначейские боны на монеты и денежные знаки мелких купюр. Поденщики, получавшие по субботам свой недельный заработок, не могли реализовать его. Ненавистные населению менялы присваивали огромные барыши; в Риме они получали при обмене казначейских бон до 22% прибыли. В ряде районов столицы — в Трастевере и Монти — происходили серьезные волнения.

Аналогичное положение создалось повсюду в провинции. Из Тиволи поступали петиции, требовавшие, чтобы премьер-министр обязал «Римское общество по разработке железных копей» выдавать заработную плату рабочим, ремесленникам и служащим в соответствующей металлической валюте или мелкими купюрами. Подобные жалобы поступали также от населения Перуджи и Фолиньо.

Велико было недовольство в Риети. Префект распорядился было открыть кассу по обмену казначейских бон, предписывая мэру создать без проволочек необходимый денежный фонд за счет взносов имущих. Последние, же несмотря на энергичные меры префекта, не только отказывались вносить эквивалент серебром или золотом, но расторгали контракты с теми, кто не располагал другими денежными знаками, кроме бумажных. «Богатые думают лишь о своих денежных сундуках,— писал префект Риети премьер-министру,— и они готовы защищать их с упорством, которое могло бы спасти Италию, если бы они способны были думать о ней... Если же делается попытка вынудить их хоть к минимальной жертве в пользу родины, они кричат, что их угнетают, что подрываются основы собственности».

Правительство ответило на эти непрекращавшиеся требования рядом декретов, предусматривавших эмиссию металлических денег, а также созданием специальных правительственных контор по обмену казначейских бон, но, как мы увидим в дальнейшем, оно оказалось не в состоянии

радикально разрешить финансовую проблему вообще, проблему денежного обращения в частности.

Недовольство широких слоев населения деятельностью министров финансов, общественных работ, просвещения и обороны заставило всех этих министров выйти в отставку в первой половине марта.

Движение городских масс представляло, таким образом, чрезвычайно важную силу, которая могла стать решающим фактором прогрессивного развития страны. Однако «спокойствие и порядок» — таков был девиз не одних только умеренных республиканцев, но и большинства демократически настроенных республиканцев. Об этом недвусмысленно говорит множество воззваний, в которых видные государственные деятели сурово осуждали «какое бы то ни было нарушение общественного порядка».

Таким образом, уже в первые месяцы существования республиканского правительства проявилась его классовая ограниченность, его непоследовательность и неспособность к решительной революционной борьбе, что и явилось одной из основных причин гибели Республики в Риме.

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СОБЫТИЯ В ТОСКАНЕ

Деятельность правительства Гуэррацци

Тоскана была первым государством, в котором Римская республика могла найти союзника. Со времени ливорнских событий активность тосканских народных масс не угасала, и поэтому революция продолжала свое поступательное движение. Она вдохновлялась в Тоскане теми же национальными и социально-политическими лозунгами, что и в Римском государстве, а подчас на нее влияли римские революционные события. Однако ход событий в Тоскане не обнаружил ни той стремительности, ни той глубины и размаха, которые отличали демократическое движение в Риме Тосканская буржуазия, еще в большей мере, нежели римская, срослась с монархическим режимом, для которого она стала значительной экономической опорой. Многовековой процесс проникновения буржуазии в сферу аграрных отношений принял в Тоскане особенно широкие размеры. Во многих местах, в том числе и вокруг главных городов, буржуазия владела почти всей земельной собственностью, являлась непосредственным эксплуататором превращенного в испольщика крестьянина. Это обстоятельство не могло не сказаться на ее политических тенденциях. С другой стороны, великое герцогство Тосканское не отличалось такой отсталостью и реакционностью, как папское государство. Леопольд II, как, впрочем, и его отец Фердинанд III, заигрывал с либерально-монархической буржуазией и проявлял готовность к некоторым уступкам. Таким образом, база для компромисса со старой властью была в Тоскане шире и прочнее, чем в Риме.

Демократия была здесь слабее, чем в папском государстве, и была более склонна к соглашению с умеренными и монархистами. Ограниченность демократического движения в Тоскане, которое в меньшей мере, чем римское, опиралось на плебейские массы, объясняется также порочной политикой его вождей. Характеризуя деятельность Монтанелли и Гуэррацци, русский посол Бутенев писал, что, повидимому, они стремятся «скорее сдержать, нежели стимулировать революционный импульс».

Раболепно склоняясь перед конституционной монархией, всячески стараясь угодить влиятельным буржуазным и аристократическим кругам, либеральное правительство Тосканы топталось на месте. Оно пыталось упорядочить финансы, реорганизовать армию, административный аппарат, пересмотреть уголовный кодекс, но на всех этих мероприятиях лежала печать робости и ограниченности. Характерно, что обеспокоенный

сопротивлением богатых торговцев налогу на торговые сделки Гуэррацци готов был смиренно ретироваться перед теми, кто, по сообщениям полиции, встречал сборщиков налогов свинцовыми пулями. В большой речи, произнесенной в парламенте 25 января, он метал громы и молнии против сторонников принудительного налога на имущество. Он указывал, что в такое тревожное время недопустимо вводить прогрессивный налог, который «слишком чувствительно задел бы состояние богатых людей». С негодованием осуждал он опасные теории, которые «пока что нерешительно стучатся в двери имущих людей», но потеряют эту нерешительность, если ими заразится народ. «Ибо когда уже сам народ стучится в двери имущих,— восклицал Гуэррацци,— то, почтеннейшие коллеги, он ломает эти двери, срывает петли и попирает пороги».

Страхом перед пробуждением «низов» была проникнута вся деятельность правительства. Городская беднота начинала испытывать горькое разочарование. Крестьяне не доверяли флорентийскому правительству, слепо поддавались контрреволюционной агитации и не раз поднимались против «новой власти». Волнения, имевшие различный характер, то голодные бунты, то выступления безработных, то мятежи, спровоцированные контрреволюционерами, не прекращались как в городах, так и в деревнях. Крупные инциденты имели место в Эмполи, где чернорабочие и извозчики, лишившись работы и подстрекаемые реакционерами, сожгли железнодорожную станцию и разобрали пути. Всюду правительство решительно подавляло движение «низов», отталкивая от себя те социальные силы, которые при иных обстоятельствах могли бы послужить опорой в борьбе против контрреволюции.

На первых порах великий герцог, подчиняясь обстоятельствам, чтобы выиграть время, не затруднял положения министров-либералов. Вновь избранному парламенту, в котором преобладали умеренные, Леопольд II обещал созыв Учредительного собрания. В те же дни стало известно о предстоящих выборах Римского учредительного собрания, которое должно было впоследствии превратиться во всеитальянское. Во Флоренции на многолюдных демонстрациях, организованных демократами, народ требовал, чтобы Тоскана последовала примеру Рима.

Бегство Леопольда II

Принятие палатами законопроекта о созыве Учредительного собрания побудило великого герцога осуществить давно подготовлявшийся побег. 31 января 1849 г. он бежал в Сиену, где уже находилась его семья. В Сиене контрреволюционеры безуспешно пытались использовать его приезд для организации мятежа. Не оправдались и их надежды на возникновение беспорядков во Флоренции. Напротив, измена Леопольда вызвала волну возмущения как в столице, так и в большинстве провинциальных городов. Бегство великого герцога оживило агитацию демократов, поддерживаемых мелкой буржуазией и городскими «низами».

Либералы и правые круги буржуазных демократов, охваченные тревогой, побудили правительство сделать попытку вернуть Леопольда II во Флоренцию. Монтанелли поспешил в Сиену. Но здесь события приняли комедийный оборот. Великий герцог, притворившись больным, нагло обманул Монтанелли. Как будто согласившись на созыв Учредительного собрания, он 7 февраля тайком покинул Сиену и выехал в порт Санто-Стефано, откуда отплыл в Гаэту. Обескураженному Монтанелли герцог оставил письмо, в котором изображал свое бегство в виде жертвы, принесенной «добрым тосканцам», на которых он якобы не хотел навлечь отлучение от церкви, неизбежное в случае подписания законопроекта об Учредительном собрании. Позже стало известно, что бегство было заблаговременно подготовлено, о чем свидетельствовало письмо Пия IX,

советовавшего Леопольду уехать из Тосканы. Об этом свидетельствовало и письмо Радецкого, обещавшего «вернуть великого герцога на престол, как только он (Радецкий) расправится с демагогами Сардинии».

8 февраля на многолюдном народном собрании во Флоренции было принято решение о низложении Леопольда и провозглашении «народной власти». Выступление народа заставило испуганный парламент назначить временное правительство (триумвират) в составе Гуэррацци, Монтанелли, Маццони.

Борьба за провозглашение республики в Тоскане

Провозглашение республики в Риме ускорило развитие событий во Флоренции. 9 февраля в Ливорно прибыл Мадзини. Началась кампания за провозглашение республики. Ливорно был близок к тому, чтобы самостоятельно провозгласить ее. Во многих городах составлялись подписные листы, возникали стихийные митинги и демонстрации. Во Флоренцию прибывали делегаты из провинций с требованием установления республики и слияния с Римом.

Контрреволюция стала готовиться к переходу в наступление. Была задумана военная провокация, согласованная с Леопольдом II, а также с Австрией и Пьемонтом. Всполошилась и умеренная буржуазия. Гуэррацци старался справиться с угрозой, надвигавшейся как справа, так и слева. Он отразил готовившееся наступление генерала Ложье, угрожавшего Флоренции со стороны Пьемонта, и создал Комитет безопасности, распустил парламент и назначил выборы в Учредительное собрание. Вместе с тем он старался пресечь действия клубов и избежать провозглашения республики. Уговоры Мадзини не оказали действия. Гуэррацци оставался непоколебимым. Монтанелли был охвачен сомнениями, которые еще усилились после установления республики в Риме. «Мне кажется,—писал Монтанелли,— что создание республики в Риме отвлечет римское движение от национальной идеи, являющейся его движущей силой, и что оно лишится поддержки многочисленных членов конституционной партии, готовых содействовать ему. Республика еще больше затруднит и без того нелегкое дело признания Учредительного собрания Пьемонтом и Неаполем и к тому же не обретет симпатий Франции».

18 февраля республика была провозглашена народом на массовой сходке в Палаццо Веккио. Мадзини произнес вдохновенную речь, ему вторили флорентийские демократы и депутаты провинций. Триумвират вынужден был признать республику. В ночь на 19 февраля Монтанелли и Гуэррацци отредактировали декрет о республике и составили прокламацию, в которой говорилось о «Республике, вернувшейся спустя 318 лет». Однако под давлением умеренных формальное провозглашение республики было отложено до созыва Тосканского учредительного собрания, выборы которого были назначены на 5 марта. Лишь один Ливорно среди всеобщего ликования отпраздновал возникновение Тосканской республики.

ПРОВАЛ ПОПЫТОК СОЗЫВА ИТАЛЬЯНСКОГО УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ

Роль правительства Джоберти

Провозглашение республики в Риме и ожидавшийся созыв Учредительного собрания в Тоскане, казалось, приблизили осуществление политического объединения Италии, которое, по представлению буржуазных демократов, должно было быть достигнуто посредством Итальянского учредительного собрания. Созыв избранного всеобщим голосованием единого итальянского народного представительства должен был обеспечить участие всей нации в

войне за независимость, а затем выработку конституции, определяющей будущее государственное устройство Италии. Однако именно теперь, когда приверженцы демократического пути воссоединения Италии полагали, что они находятся почти у цели, ярче всего обнаружилась их неспособность осуществить эту историческую задачу.

Уже в последние месяцы 1848 г., когда революционная часть буржуазии решительно поднимала знамя Итальянского учредительного собрания, либералы, пришедшие к власти в Турине и в Риме, пытались вновь захватить инициативу в свои руки и сорвать движение. С этой целью были выдвинуты контрпроекты Федерального учредительного собрания (так называемые проекты Джоберти и Мамиани), представлявшие в сущности новый вариант всё той же конфедерации государей, призванной объединить Италию «сверху», руками суверенных монархов и, разумеется, без участия «низов». Вариант Джоберти содержал еще одну особенность: в нем отразились мечты Савойской династии о североитальянском государстве, созданном на базе территориальных приобретений первого периода революции 1848 г. (в этом вопросе интересы Сардинской монархии полностью совпадали с притязаниями пьемонтской либеральной буржуазии).

Предложив свои контрпроекты, Джоберти и Мамиани приступили к переговорам с Монтанелли якобы в целях «сближения точек зрения». Однако, несмотря на расположение к компромиссу умеренного вождя тосканских демократов, переговоры не сходили с мертвой точки. Венеция и Сицилия, где, впрочем, были весьма сильны сепаратистские тенденции, не были привлечены к переговорам. Зато Джоберти обусловил осуществление политического единства Италии заведомо нереальным участием Неаполя, превратившегося в главный оплот контрреволюции на юге страны.

События, разыгравшиеся в Римской области и Тоскане, вскоре заставили Джоберти сбросить маску. Настало время действий. Сославшись на «изменившуюся ситуацию», Джоберти официально отказался от переговоров об Итальянском учредительном собрании. Он активизировал переговоры с Гаэтой, начатые еще в декабре, и стал настойчиво предлагать Пию IX услуги Пьемонта в деле его «законной реставрации». В то же время, с целью изолировать Римскую республику, Джоберти предложил Флоренции сепаратное военное соглашение, исключавшее участие Рима, но не замедлил отречься от этого предложения, как только бегство Леопольда II в Сиену дало новое направление его деятельности. Джоберти пытался навязать свою помощь великому герцогу, убеждая его в том, что Пьемонт — единственная сила, могущая спасти его от республики. Но Леопольд II не внял его доводам и поспешил в Гаэту.

Расчеты Джоберти провалились. Под ударом оказался и сам премьер-министр. Его позиция давно уже не соответствовала политической обстановке в стране. Парламентские выборы в Пьемонте в январе 1849 г. ознаменовались победой прогрессивных элементов. Страна была охвачена патриотическим порывом. Во всех городах королевства и особенно в демократической Генуе росло движение за возобновление войны с Австрией, за политическое единство с Центральной Италией. Между тем Джоберти объявил несвоевременными какие-либо реформы в Пьемонте и санкционировал действия военного министра Ла Мармора, направленные против пьемонтской демократии. Его проект военной интервенции в пользу Леопольда II вызвал бурю негодования в стране. Джоберти не нашел поддержки ни в министерстве, ни у Карла-Альберта, которые в свою очередь тоже не доверяли заигрывавшему с демократией премьер-министру. 21 февраля Джоберти вышел в отставку.

Однако министерство, пришедшее на смену кабинету Джоберти, не принесло радикальных изменений в политической ориентации Сардин-

ского королевства. Никакого реального сближения с Римом или Тосканой, которое было бы вполне естественным при создавшейся ситуации, не произошло. Переговоры об Итальянском учредительном собрании не были всерьез возобновлены.

Неудача движения за слияние Тосканской республики с Римской

Демократическое воссоединение Италии не могло быть достигнуто иначе, как широким революционным движением масс и подлинно революционной решимостью его вождей. Однако те самые люди, которые, не скупясь на слова, взывали к «демократической революции» и воссоединению «снизу», на деле не шли далее «всеобъемлющего» лозунга Итальянского учредительного собрания, который при всем своем прогрессивном значении все же ограничивал борьбу за национальное объединение узкими парламентскими рамками. Прогрессивная буржуазия игнорировала единственную силу, которая могла довести до конца борьбу с феодально-абсолютистскими порядками. Не желая апеллировать к народу, одни предпочитали выжидать естественного хода событий, другие, по мере развития революции, пятились назад, поддаваясь влиянию монархических иллюзий или сепаратистских предрассудков — этих извечных врагов итальянского государственного единства. Характерно, что Монтанелли, считавшийся автором проекта Итальянского учредительного собрания и сторонником демократического воссоединения Италии, пересмотрел свои взгляды после провозглашения Римской республики и счел возможным поставить свое детище под «высокое покровительство» Леопольда II, которому предназначал пост председателя будущего Учредительного собрания Тосканы.

Слабость, присущая движению за Итальянское учредительное собрание, особенно отчетливо проявилась в том, что даже слияние Тосканы и Рима, где у власти были прогрессивные правительства, оказалось несбыточной мечтой.

В Риме Учредительное собрание, подталкиваемое демократическими элементами, с первых дней своего существования высказалось за слияние с Тосканой. Начались переговоры о почтово-телеграфной и валютной унии, о согласовании военной и политической деятельности обоих государств. Прибытие в Рим Мадзини дало объединительному движению новый импульс. Во Флоренцию выехали официальные уполномоченные для переговоров о создании единого Учредительного собрания Центральной Италии; в Риме ждали подобной же делегации из Флоренции. Однако флорентийский триумвират, отражая колебания умеренных кругов буржуазии, воспротивился слиянию с республиканским Римом.

Петиции клубов и требования делегаций, прибывавших из провинций, не нашли отклика в флорентийских «верхах». Подготовлявшаяся на 1 марта, еще до отъезда Мадзини и не без его участия, массовая демонстрация в пользу объединения с Римом была запрещена триумвирами. Вопрос о провозглашении республики и предложение о слиянии с Римом были переданы на обсуждение будущего Тосканского учредительного собрания.

Состоявшиеся вскоре выборы подтвердили ожидания триумвиров. Тосканское учредительное собрание оказалось воплощением умеренности и убожества. Собравшись в дни возобновившейся войны Пьемонта с Австрией, оно не успело проявить себя ни в области учредительной, ни в области законодательной деятельности. Учитывая «создавшуюся обстановку», триумвиры пришли к выводу, что провозглашение республики должно быть снова отложено, ибо, как впоследствии оправдывался Монтанелли, оно могло бы навлечь на страну иностранное нашествие и «оттолкнуть честных конституционалистов». По этим же «мотивам» был

снят с повестки дня Учредительного собрания и вопрос о воссоединении Тосканы с Римской республикой.

Итак, тосканская радикальная буржуазия расписалась в своем бессилии. Сорвав попытки слияния с Римом, она парализовала движение, родиной которого явилась Тоскана: Итальянское учредительное собрание оказалось миражем. Но и тогда, когда пушки вновь загремели на полях Северной Италии, буржуазные демократы не решились осуществить в открытой вооруженной борьбе то слияние национальных сил, к которому они постоянно призывали и которое явилось бы наиболее действенной предпосылкой воссоединения Италии «снизу». Вскоре итальянская революция вступила в полосу последних и наиболее суровых испытаний.

Глава сорок вторая

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1848 Г. И В 1849 Г.

Крупнейшим событием в истории революции 1848 г. было июньское восстание парижских рабочих.

«Восстание парижских рабочих в июне 1848 г. застало нас на посту,— писал впоследствии Энгельс. — С первого же выстрела мы решительно стали на сторону повстанцев. После их поражения Маркс почтил память побежденных одной из своих самых сильных статей.

Тут нас покинули последние акционеры. Но удовлетворение мы находили в том, что в Германии и почти во всей Европе наша газета была единственной, которая высоко держала знамя разгромленного пролетариата в тот момент, когда буржуазия и мещанство всех стран изливали на побежденных свою грязную клевету»[1].

Маркс и Энгельс об июньском восстании парижских рабочих

«Новая Рейнская газета» была тогда единственным органом печати, который верно оценил классовую сущность и всемирно-историческое значение июньского восстания, его принципиальное отличие от всех предшествовавших революционных выступлений. «Ни одна из многочисленных революций французской буржуазии, начиная с 1789 г.,— писал Маркс в своей газете,— не была покушением на порядок, так как все они оставляли в неприкосновенности классовое господство, рабство рабочих и *буржуазный порядок*, как бы часто ни менялась политическая форма этого господства и этого рабства. Июнь посягнул на этот порядок»[2].

В своей замечательной статье, напечатанной в «Новой Рейнской газете» 29 июня, Маркс разоблачал классовую сущность буржуазной республики, показывал всю фальшь ламартиновских фраз о «свободе», «равенстве» и «братстве». «...Фейерверк Ламартина,— писал Маркс,— превратился в артиллерийскую канонаду Кавеньяка. Вот оно — fraternité, братство противостоящих друг другу классов, из которых один эксплуатирует другой, это братство, возвещенное в феврале, огромными буквами начертанное на челе Парижа, на каждой тюрьме, на каждой казарме. Его истинным, неподдельным, прозаическим выражением является *гражданская война*, гражданская война в своем самом страшном обличии,— война труда и капитала. Это братство пылало перед всеми окнами Парижа вечером 25 июня, когда Париж буржуазии устроил иллюмина-

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв., т. II, 1949, стр. 317.
[2] Там же, т. I, 1949, стр. 133

цию, в то время как Париж пролетариата сгорал в огне, испускал стоны, истекал кровью»[1].

Разоблачая мелкобуржуазных социалистов типа Луи Блана, просивших для рабочих милостыню у буржуазии, Маркс на примере июньского восстания учил рабочих пониманию одного из важнейших положений своего учения: социализм возможен только после свержения господства буржуазии и захвата власти пролетариатом, установления диктатуры пролетариата.

Яркими красками рисовал Маркс исключительную стойкость, проявленную восставшим пролетариатом в вооруженной борьбе, тем более поразительную, что он боролся один — против объединенных сил буржуазии, сумевшей привлечь на свою сторону мелкую городскую буржуазию и часть крестьянства. Свою статью Маркс заканчивал открытым выражением солидарности с побежденными парижскими рабочими: «...вокруг их грозно-мрачного чела обвить лавровый венок есть *привилегия*, есть право демократической печати»[2].

Пламенная защита Марксом дела революционных рабочих Парижа вызвала ярость буржуазной печати. «Боннская газета»(«Bonner Zeitung») резко осуждала «Новую Рейнскую газету» за то, что она «заступается за парижских инсургентов» и «осмеливается призывать проклятие небес на доблестных защитников свободы и порядка». «Свобода — лозунг дня, мы стремимся к ней всеми силами души,— лицемерно заявляла редакция «Боннской газеты»,— но от свободы в понимании «Новой Рейнской газеты» мы можем только отвернуться». Выступление «Боннской газеты», подхваченное «Кельнской газетой» («Kölnische Zeitung»), показывало, как быстро разглядела буржуазия подлинно пролетарский характер «Новой Рейнской газеты».

На передовых рабочих статья Маркса произвела огромное впечатление. «Я еще прекрасно помню,— пишет в своих воспоминаниях Фридрих Лесснер,— как я раз двадцать прочитал в „Новой Рейнской газете“ статью Маркса об этих событиях, так как эта статья лучше всего выражала наши чувства». Кроме указанной статьи Маркса, «Новая Рейнская газета» поместила ряд других статей об июньском восстании, написанных Энгельсом. Из номера в номер освещала газета причины, ход и значение этого события, клеймила дикие жестокости, совершенные правительственными войсками при подавлении восстания. Энгельс, уже тогда проявлявший большой интерес к военным вопросам, дал глубокий анализ хода уличных боев в Париже в июньские дни и подробный разбор военного плана восставших рабочих.

До самого конца своего существования «Новая Рейнская газета» проявляла глубокий интерес к истории июньского восстания и поддерживала этот интерес среди своих читателей. Обращаясь к немецким реакционерам, Маркс писал в последнем номере газеты: «Разве не читали вы нашей статьи об июньской революции и разве душа июньской революции не была душою нашей газеты?»[3]

Разоблачение Марксом и Энгельсом контрреволюционной политики немецкой буржуазии

После поражения парижских рабочих контрреволюция подняла голову во всей Европе. Во Франции буржуазия, напуганная героической борьбой пролетариата, вступила в союз с самыми реакционными силами французского общества. В Германии феодальная аристократия и бюрократическая камарилья ободрились и стали еще решительнее укреплять свои позиции. Созда-

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв., т. I, стр. 132.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 201.
[3] Там же, т. VII, стр. 394.

валась реальная угроза восстановления прежнего господства дворянства, бюрократии, феодальной монархии.

Этому способствовала и политика немецкой буржуазии, стоявшей у власти со времени мартовской революции. «Напуганная не тем, чем немецкий пролетариат был, а тем, чем он грозил стать и чем французский пролетариат уже был, буржуазия,— писал Энгельс,— видела только одно спасение — в любом, даже самом трусливом компромиссе с монархией и дворянством...»[1]

Феодально-бюрократическая партия совместно с крупной буржуазией перешла в наступление и в Австрии. 23 августа было жестоко подавлено выступление рабочих в Вене. Маркс, побывавший в Вене вскоре после этого, ставил выступление венских рабочих в один ряд с июньским восстанием и чартистским движением. Он считал эти выступления предвестниками грядущих классовых боев пролетариата.

Страстно и последовательно разоблачали Маркс и Энгельс в «Новой Рейнской газете» враждебность германской буржуазии народу. Крупная буржуазия, писал Маркс, «антиреволюционная с самого начала, заключила оборонительный и наступательный союз с реакцией из страха перед народом, то-есть перед рабочими и демократической буржуазией» [2].

Свое отступничество от революции буржуазия маскировала лживой «теорией соглашения» короны с народом. Маркс и Энгельс, разоблачая истинную сущность этой политической тактики буржуазии, доказывали, что никакое «соглашение» старой власти с силами революции невозможно, что оно представляет собой на деле сдачу завоеванных народом позиций врагам революции.

Предательским было поведение немецкой буржуазии и в основном вопросе революции — вопросе о национальном объединении Германии. Экономические интересы буржуазии требовали уничтожения партикуляризма, национальной разобщенности Германии, но она отказалась от революционного метода борьбы за разрешение этой задачи. Больше того, буржуазия вступила в переговоры с теми самыми монархами, которые раздирали Германию на множество кусков. Ее униженные обращения от имени Франкфуртского собрания к прусскому королю, к австрийскому эрцгерцогу не могли не ободрить контрреволюционные силы, не могли не нанести удара революционно-демократическому лагерю.

Маркс и Энгельс как до революции, так и в ходе ее, постоянно указывали, что для решения задачи воссоединения Германии требуется прежде всего уничтожение прусской и австрийской монархий, а затем и других противников национального единства Германии. «Мы желаем,— писали они в «Новой Рейнской газете»,— единства Германии, но элементы этого единства могут образоваться только в результате распада больших немецких монархий» [3]. Решение этой задачи Маркс и Энгельс не мыслили без «действий снизу», без самого широкого участия масс, без революции. Только в результате революционной борьбы могла утвердиться единая демократическая Германская республика. Создание единой демократической республики должно было, по мысли Маркса и Энгельса, очистить от феодального мусора то поле битвы, на котором рабочему классу предстояло сразиться с буржуазией.

Маркс и Энгельс разоблачали в своей газете не только предательские действия крупной буржуазии,— они резко критиковали также половинчатость и трусость мелкобуржуазных демократов.

---

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв., т. II, стр. 313.
[2] «Новая Рейнская газета» от 14 июня 1848 г.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 236.

Поведение общегерманского Собрания во Франкфурте наглядно показывало его явную неспособность бороться за решение основных задач революции.

«Представитель революционного пролетариата, Маркс, в своей „Новой Рейнской газете“ за то и бичевал беспощадными сарказмами франкфуртских либеральных „освобожденцев“,— писал Ленин,— что они говорили хорошие слова, принимали всякие демократические „решения“, „учреждали“ всякие свободы, а на деле оставляли власть в руках короля, не организовали вооруженной борьбы с военной силой, бывшей в распоряжении короля» [1].

Ясно сознавая, что контрреволюционные силы будут всеми средствами препятствовать революционно-демократическим преобразованиям, Маркс и Энгельс доказывали в своей газете, во всех своих выступлениях, что свобода народа может быть завоевана и обеспечена только в результате нового подъема революционной борьбы. Маркс и Энгельс призывали массы к решительной борьбе и доказывали, что великие вопросы в жизни народов решаются только полным и насильственным уничтожением всего старого, отжившего. Реакционные классы сами прибегают к насилию, к гражданской войне, первые «ставят в порядок дня штык». Поэтому Маркс и Энгельс предупреждали народ о грозящих ему опасностях, призывали его смелыми действиями предотвращать удары контрреволюции, на каждый удар врага отвечать двойным ударом.

Маркс и Энгельс открыто говорили о необходимости революционной диктатуры. «Всякое временное состояние государства, создающееся после революции, требует,— писал Маркс,— диктатуры — и диктатуры энергичной» [2]. «Национальное собрание,— писал он,— должно было бы диктаторски выступить против реакционных поползновений отживших правительств, и тогда оно завоевало бы себе такую силу в народном мнении, о которую сломались бы все штыки» [3].

«Несомненно, что главными составными частями того „народа“, который Маркс противопоставлял в 1848 г. сопротивлявшейся реакции и предательской буржуазии, являются пролетариат и крестьянство» [4],— указывал Ленин. Именно эти классы могли бы отбить атаки контрреволюции, успешно решить задачи революции. Но германское Национальное собрание из-за трусости буржуазии не только не использовало народной энергии, а, напротив, сделало всё, чтобы нейтрализовать ее и свести нанет.

Во внешней политике немецкая буржуазия также сыграла позорную роль. Она продолжала политику прежних германских правителей. Натравливание народов друг на друга и использование одного народа для порабощения другого — вот что лежало в основе этой политики.

Революционная Германия, заявляли Маркс и Энгельс в «Новой Рейнской газете», должна была бы, особенно в отношении соседних народов, отречься от всего своего прошлого и провозгласить свободу тех народов, которые так долго угнетались господствующими классами Германии. А что сделала революционная Германия? Она подтвердила и освятила старое угнетение Италии, Польши, Чехии при помощи немецкой военщины.

Немецкая буржуазия уже в самом начале революции открыто стала на путь подавления национально-освободительного движения поляков в

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 18—19.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 444.
[3] «Новая Рейнская газета» от 7 июня 1848 г.
[4] В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 114.

Познани. В оккупированной Познани зверски расправлялась с поляками прусская военщина, нагло хозяйничали прусские чиновники.

Уже в апреле 1848 г. немецкая буржуазия решительно выступила против национальных требований чехов и потребовала включения Чехии в состав Германии. Австрийская армия подавила вспыхнувшее в июне восстание в Праге. «И после этого,— заявляла «Новая Рейнская газета»— немцы требуют, чтобы чехи им доверяли! И после этого осуждают чехов за то, что они не желают присоединиться к нации, которая, освобождаясь сама, в то же время угнетает и оскорбляет другие нации!»[1]

Отношение Маркса и Энгельса к национально-освободительному движению угнетенных народов

Маркс и Энгельс резко осуждали позицию, занятую германской буржуазией по отношению к народам, поднявшимся на борьбу за свое национальное освобождение. Они разоблачали классовый смысл политики, проводившейся контрреволюцией в отношении угнетенных национальностей, заявляя, что разжигание междунациональной розни служит целям подавления революции. Они страстно бичевали немецкий буржуазный национализм и его кровавые дела в Польше, Италии, Чехии, во всех частях австрийской монархии, представлявшей собой настоящую «тюрьму народов».

Маркс и Энгельс призывали в корне изменить политику Германии по отношению к другим народам. «... Иначе,— заявляли они,— мы задушим свою собственную юную, еще только почти чаемую свободу в тех самых цепях, которыми мы опутываем чужие народы. Германия станет свободной в той же мере, в какой даст свободу соседним народам»[2]. Не может быть свободен народ, угнетающий другие народы»,— таков был вывод, к которому пришли Маркс и Энгельс еще накануне революции.

Успешное разрешение национального вопроса Маркс и Энгельс видели только в дальнейшем развитии революции. «Каким образом хотите вы,— писали они,— вести демократическую политику во-вне, когда внутри демократия связана по рукам и по ногам?»[3] Только тогда, указывали Маркс и Энгельс, когда будет создано действительно народное правительство, «...кровавая политика старой и вновь возобновляемой системы, уступит место международной политике демократии»[4].

Отношение Маркса и Энгельса к национально-освободительным движениям определялось тем значением, какое имели эти движения для дальнейшего развертывания революции, для вовлечения в нее широких народных масс.

Находясь в Германии, Маркс и Энгельс, зорко следили за всеми европейскими событиями и старались делать всё возможное, чтобы содействовать успеху общеевропейских революционно-демократических движений вообще и национально-освободительных в частности. Еще до революции они указывали, что основным средством покончить с вековой политикой национального угнетения ряда европейских народов является уничтожение феодальных монархий, уничтожение прусского и австрийского реакционных государств путем революции. Еще до начала революции Энгельс заявлял, что именно немцы должны устранить «...препятствия, стоящие на пути к свободе славян и итальянцев»[5].

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 185.
[2] Там же, стр. 238.
[3] Там же, стр. 239.
[4] «Новая Рейнская газета» от 3 июля 1848 г.
[5] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 256.

Первым делом Маркса, начавшего выпускать «Новую Рейнскую газету», было обращение к редакции демократической итальянской газеты «Alba» с заявлением: «Мы будем отстаивать дело итальянской независимости, мы будем вести самую ожесточенную борьбу против австрийского деспотизма в Италии, равно как и в Германии и в Польше» [1].

«Новая Рейнская газета» решительно требовала независимости Польши. Лозунг освобождения Польши Маркс и Энгельс использовали для борьбы с общеевропейской реакцией, в интересах наиболее успешного развития общеевропейской революции. Они исходили из того, что в силу особых социально-политических условий (в первую очередь благодаря наличию широкого аграрного революционного движения, к которому примкнула даже часть мелкопоместного польского дворянства), Польша сделалась революционной частью России, Австрии и Пруссии. Эти три державы, поделившие между собой Польшу, возглавляли Священный союз, боровшийся против революционного и национально-освободительного движения во всей Европе. Стремление к сохранению раздела Польши объединяло членов Священного союза. «Совместный грабеж,— писал Энгельс,— связывал их узами солидарности». Борьба за независимость Польши означала поэтому борьбу против Священного союза, против объединенных сил контрреволюции в Европе.

Призывая к революционной борьбе с реакционными силами в Европе, выступая с лозунгом освобождения Польши, Маркс и Энгельс в первую очередь стремились мобилизовать массы на борьбу с контрреволюцией в самой Германии. «Национальное существование Польши,— заявляла «Новая Рейнская газета»,— ни для кого... не представляет большей необходимости, чем именно для нас, немцев». И далее: «...Пока мы помогаем угнетать Польшу, пока мы приковываем одну часть Польши к Германии... до тех пор мы не можем до основания сломать патриархально феодальный абсолютизм у нас самих» [2]. Создание демократической Польши, доказывали Маркс и Энгельс, есть первое условие создания демократической Германии.

Маркс и Энгельс ставили в особую заслугу полякам провозглашение лозунга аграрной революции, единственно возможной формы освобождения славянских наций Восточной Европы от феодального абсолютизма. Без опоры на крестьянство, без аграрной революции была невозможна успешная борьба за национальную независимость этих стран. Маркс и Энгельс горячо поддерживали «Польшу крестьянской демократии», они приветствовали Краковское восстание именно за то, что оно дало Европе «славный пример, отождествив национальное дело с делом демократии и с освобождением угнетенного класса». «Если над польским помещиком,— говорил Маркс в своей речи по польскому вопросу в феврале 1848 г.,— не будет тяготеть русский помещик, над польским крестьянином тем не менее будет помещик... Это политическое освобождение ничего не изменило бы в его социальном положении» [3].

Маркс и Энгельс также решительно поддерживали национально-освободительное движение в Венгрии. Они особенно одобрительно отнеслись к первым мероприятиям Комитета общественной безопасности, созданного в Будапеште, именно потому, что он выставил требование полной отмены феодальных повинностей.

Сочувственно отнеслись Маркс и Энгельс и к начальному этапу чешского общественно-политического движения, когда в Чехии под-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 240.
[2] Там же, стр. 382—384.
[3] Там же, т. V, стр. 263.

нялась волна массового революционного движения, руководимого радикально-демократическим крылом чешской буржуазии. В дни пражского восстания Маркс и Энгельс на страницах «Новой Рейнской газеты» клеймили провокационные действия австрийской военщины. «Новая Рейнская газета» разоблачала клеветнические утверждения немецкой реакционной прессы, будто демократическая пражская печать руководствовалась чужими (русскими) интересами. Это подлая клевета и нелепость, утверждал корреспондент «Новой Рейнской газеты», «свободная пражская печать не имеет других стремлений, кроме защиты независимости Богемии и отстаивания прав обеих национальностей. Ей, однако, отлично известно, что немецкая реакция стремится спровоцировать узконационалистические тенденции как в Познани, так и в Италии для того, чтобы *подавить революцию внутри Германии*, отчасти же для того, чтобы подготовить солдатчину к гражданской войне»[1]. После подавления народного восстания в Праге Маркс и Энгельс не раз возвращались к этому событию. «Уличная борьба в Праге,— заявляли они,— вопреки всем стараниям национальной прессы, будила в народе симпатии только к побежденным, а не к победителям»[2].

Подавление пражского восстания было переломным моментом в истории чешского общественного движения в период революции 1848 г. Расправа с руководителями восстания, преследования представителей демократического крыла привели к тому, что во главе движения оказалась либеральная буржуазия, которая из страха перед самостоятельными выступлениями пролетариата перешла от выжидательной тактики к активным действиям на стороне реакционных сил — совместно с монархией и дворянством. Этот переход сыграл значительную роль в усилении лагеря контрреволюции.

Маркс и Энгельс предвидели все последствия политики угнетения национальностей. Еще в июне 1848 г. в статье о пражском восстании они предсказывали, что несчастная судьба поставит чехов на сторону деспотизма против революции.

Отсталость экономического развития многих славянских областей, засилье в них дворянства, блок, который контрреволюционные помещичьи группы славянских народов заключили с австрийской монархией в целях сохранения своих социальных привилегий, великодержавные настроения среди австрийской и германской буржуазии и враждебная славянам политика общегерманского Франкфуртского собрания, подавление и оскорбление национального чувства, которое, как отмечал Энгельс, «у славян очень ярко выражено»,— все эти обстоятельства действовали в одном направлении, вели к ослаблению демократического крыла славянских движений, к изоляции национального движения чехов и южных славян от революционного движения в остальных частях Европы.

То обстоятельство, что в решающий для революции момент нового подъема массового движения часть славянских народов оказалась на стороне враждебных революции сил, заставило Маркса и Энгельса со всей резкостью выступить против «реакционных народов», противопоставляя им «революционные народы». Общая оценка, которую давали Маркс и Энгельс национальному движению чехов и южных славян, оказавшихся в ходе революции орудием контрреволюции, не мешала им отмечать факты, когда отдельные честные славянские демократы призывали «австрийских славян присоединиться к революции»[3]. Они с удовлетворением

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 245.
[2] Там же, стр. 427.
[3] «Новая Рейнская газета», от 16 февраля 1849 г.

отмечали факт существования среди южных славян демократической партии, «...которая. не отказываясь от своей национальности, хотела отдать ее борьбе за свободу» [1]. Отмечала «Новая Рейнская газета» и тот факт, что армия Елачича состояла далеко не из одних славян, но также из немцев, а командный и офицерский состав был по преимуществу немецким [2].

Вместе с тем, однако, следует отметить, что в статье «Демократический панславизм», опубликованной в феврале 1849 г., Энгельс, критикуя реакционную роль национальных движений чехов и южных славян в 1848 г., высказал тогда неправильное предположение, что австрийские славяне не имеют будущего и не способны на независимое государственное существование. В новых исторических условиях, благодаря победе Великой Октябрьской социалистической революции, вопрос о праве на самостоятельное национальное существование чехов и южных славян решен историей положительно. Следует отметить и то обстоятельство, что в последние годы жизни сам Энгельс с большим удовлетворением отмечал рост чешского рабочего класса и горячо приветствовал продвижение социализма на восток и юго-восток Европы.

В условиях 1848—1849 гг. Маркс и Энгельс рассматривали национальные движения как силу, которая могла быть использована либо революционным лагерем, либо лагерем контрреволюционным — русским царизмом и западноевропейским абсолютизмом. Они поддерживали не всякое национальное движение, а только такое, которое не шло вразрез с интересами революции, с интересами классовой борьбы пролетариата.

«Маркс в 40-х годах прошлого века,— указывал И. В. Сталин,— стоял за национальное движение поляков и венгров против национального движения чехов и южных славян. Почему? Потому, что чехи и южные славяне являлись тогда „реакционными народами“, „русскими форпостами“ в Европе, форпостами абсолютизма, тогда как поляки и венгры являлись „революционными народами“, боровшимися против абсолютизма. Потому, что поддержка национального движения чехов и южных славян означала тогда косвенную поддержку царизма, опаснейшего врага революционного движения в Европе» [3]. Маркс и Энгельс к национальным движениям подходили «не с формальной точки зрения, не с точки зрения абстрактных прав, а конкретно, с точки зрения интересов революционного движения» [4].

Придавая национальным движениям большое значение, учитывая их значение в общем балансе революционной борьбы, Маркс и Энгельс не превращали национальный вопрос в фетиш, подчеркивали его подчиненное по сравнению с «рабочим вопросом» значение. «Никакого абсолюта из национальных движений,— писал Ленин,— Маркс не делает, зная, что полное освобождение всех национальностей сможет дать только победа рабочего класса» [5].

Разоблачая сущность буржуазного космополитизма как идеологического прикрытия стремлений буржуазии упрочить свое классовое господство во всех странах, эксплуатировать трудящихся всего мира, Маркс и Энгельс учили рабочий класс всячески укреплять международную пролетарскую солидарность, пролетарский интернационализм.

Еще накануне революции 1848 г. Маркс и Энгельс в своих обращениях к пролетариям всех стран подчеркивали общность интересов

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VII, стр. 279.
[2] «Новая Рейнская газета», от 12 октября 1848 г.
[3] И. В. Сталин. Соч., т. 6, стр. 142—143.
[4] Там же, стр. 143.
[5] В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 410.

рабочих всех наций. Так как, говорили они, классовое положение рабочих во всех странах одинаково, так как их классовые интересы одинаковы, а классовые враги у них одни и те же,— то и бороться они должны сообща. Классовому союзу буржуазии всех наций «...они должны противопоставить братский союз рабочих всех наций»[1]. Отсюда и великий призыв: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

В национальном вопросе, как и в других вопросах политической борьбы, Маркс и Энгельс проводили пролетарскую, партийную линию, воспитывая массы в духе демократизма и социализма.

В годы революции 1848—1849 гг. и затем в своих выступлениях в последующее время Маркс и Энгельс дали, как указывает И. В. Сталин, «основные, отправные идеи по национально-колониальному вопросу»[2].

Ленин и Сталин, развивая дальше учение Маркса и Энгельса, собрали воедино идеи Маркса и Энгельса по национальному вопросу, развили и обогатили их, создав стройную систему взглядов о национально-колониальных революциях в эпоху империализма. Национально-колониальный вопрос, разработанный Лениным и Сталиным, стал составной частью общего вопроса о свержении империализма, о пролетарской революции.

Нерешенность национального вопроса и других задач буржуазно-демократического движения требовала в период революции 1848—1849 гг. развертывания решительной революционной борьбы против реакционных держав, против Священного союза, возглавлявшегося с 1815 г. царизмом. В 1848 г. в международной политике еще преобладало влияние царизма. В царской России Маркс и Энгельс справедливо видели сильного и опасного врага революционных и национально-освободительных движений.

Борьба против царизма была центральным пунктом внешнеполитической программы «Новой Рейнской газеты». Революция 1848 г., охватившая почти всю Западную Европу, остановилась у границ России. По мысли Маркса и Энгельса, революционная война с царской Россией означала борьбу не только против царизма как могучей опоры европейской реакции, но одновременно и против всех реакционных сил в Европе, которые помогали царю играть роль европейского жандарма.

Маркс и Энгельс полагали, что революционная война против царизма вызовет новый революционный подъем в Германии, как это было во Франции в конце XVIII в. во время ее победоносной борьбы против коалиции монархических государств Европы, что этот подъем покончит с пережитками феодализма и контрреволюционными силами внутри Германии. Революционная война с царизмом была бы, утверждал Энгельс, полным, открытым и действительным разрывом со всем позорным прошлым Германии. Эта война, писал он, была бы единственно возможным путем спасти честь Германии, честь германского народа по отношению к его «славянским соседям и особенно к Польше»[3]. Революционная война против царизма рассматривалась Марксом и Энгельсом как поддержка революции на всем континенте, поскольку она должна была поставить под угрозу все так называемое европейское равновесие. В ходе этой революционной войны пролетариат — надеялись Маркс и Энгельс — должен был освободиться от буржуазного влияния, превратиться в самостоятельную силу, организовать свою партию, чтобы быть готовым свергнуть буржуазию.

---

[1] Из речи Энгельса по польскому вопросу в ноябре 1847 г. Marx — Engels Gesamtausgabe. Bd. 6, S. 362.
[2] И. В. Сталин. Соч., т. 10, стр. 98.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 385.

Отношение Маркса и Энгельса к национальным движениям угнетенных народов в период революции 1848—1849 гг. и их призыв к революционной войне против русского царизма стояли в прямой связи со всей их партийной политикой, со всей их революционной тактикой, в основе которой лежала идея непрерывной — вплоть до победы пролетариата над буржуазией — революции. Победу пролетариата Маркс и Энгельс считали возможной только в общеевропейском масштабе, как одновременную победу революции хотя бы в главных европейских странах. Исходя из этой перспективы, Маркс и Энгельс ясно учитывали, что сперва необходима победа над имевшими общеевропейское значение феодально-монархическими твердынями реакции.

Царская Россия была в 1848 г. главным, но отнюдь не единственным оплотом европейской контрреволюции. Наряду с ней стояли как полуфеодальные Пруссия и Австрия, так и буржуазно-аристократическая Англия, поддерживавшая реакционные порядки во всех странах и жестоко подавлявшая народные движения.

В ходе революции Маркс и Энгельс пришли к убеждению о необходимости революционной войны против всех «трех великих контрреволюционных держав» — Англии, Пруссии и России. Такая война, доказывали Маркс и Энгельс, помогла бы «растворить Пруссию в Германии», сделала бы безусловно необходимым союз с Польшей, привела бы к освобождению Италии и Венгрии; Австрия исчезла бы, и вся восточноевропейская реакционная система государств была бы разрушена.

Об Англии 1848—1849 гг. Маркс писал как о стране, «...которая превращает целые нации в своих наемных рабочих, которая своими гигантскими руками охватывает весь мир, которая однажды уже взяла на себя расходы европейской реставрации, в собственном лоне которой классовые противоречия развились в наиболее ясной и бесстыдной форме,— Англия кажется,— писал Маркс,— скалою, о которую разбиваются революционные волны, которая хочет уморить голодом новое общество еще в чреве матери»[1]. Положение изменится лишь тогда, заявлял Маркс, когда в результате революционной войны «старая Англия будет сокрушена», и во главе английского правительства встанут чартисты, революционная партия рабочего класса.

Организационно-политическая деятельность Маркса и Энгельса

В годы революции великие вожди пролетариата развили большую организационно-политическую деятельность. Помимо руководства газетой, «Союзом коммунистов»; Маркс и Энгельс старались воздействовать на все революционно-демократические организации Германии тех лет. Маркс был председателем одного из трех крупных, насчитывавших по нескольку тысяч членов, демократических союзов в Рейнской области. Когда 13—14 августа эти союзы объединились на общем съезде и образовали Центральный окружной комитет, Маркс был единодушно избран вице-председателем всех демократических объединений Рейнской области и Вестфалии. «Он тотчас же привлекал к себе всеобщее внимание,— писал один из участников этого съезда.— Маркс обладал репутацией весьма замечательного в своей специальности ученого, и всё, что он говорил, было действительно содержательно, логично, продумано и ясно». «Я видел там Карла Маркса, вождя народного движения,— вспоминает другой делегат.— Черты его лица отражают большую энергию, и за его сдержанностью чувствуется страстный огонь смелой души».

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VII, стр. 103.

Во всех своих выступлениях в «Демократическом обществе» Маркс и Энгельс неуклонно следовали принципам своей революционной тактики. Когда на одном из собраний Общества Вейтлинг предложил «разделять политические и социальные интересы», Маркс разбил эту нелепую «теорию» и доказал всю важность единой социально-политической борьбы пролетариата как решающего условия успешного развития революции.

После демократического съезда в Кельне Маркс посетил Гамбург, Берлин и Вену с целью установить связи и согласовать план общих действий с демократическими и рабочими организациями.

За несколько дней своего пребывания в Вене (с 28 августа по 6 сентября) Маркс установил личный контакт с местными руководителями демократического движения, а также с передовыми рабочими города.

В день своего приезда Маркс принял участие в заседании «Венского демократического общества», где дал классовую оценку восстания венских рабочих 23 августа, призывал Общество к решительной борьбе и резко критиковал мелкобуржуазных демократов за их предложение обратиться с петицией к императору.

30 августа Маркс выступил в «Первом всеобщем рабочем союзе Вены» с докладом о социальных движениях в Западной Европе: об июньском восстании в Париже, о чартистах, о бельгийском рабочем движении, об условиях окончательного освобождения рабочего класса. 2 сентября Маркс в том же Союзе сделал доклад о наемном труде и капитале.

В Вене Маркс встречался с руководителем немецко-чешской фракции австрийского рейхстага Боррошем и беседовал с ним об австрийской национальной проблеме. Боррош жаловался на национальные раздоры в Чехии, на «фанатическую вражду» чехов к немцам. Маркс спросил его, как в этом отношении ведут себя чешские рабочие. «Ну,— ответил Боррош,— это совсем другое дело; как только рабочие вступают в движение, этому приходит конец, тут уж нет речи о чехах или немцах, тут уж все — заодно»[1]. Вспоминая впоследствии этот эпизод из времен 1848 г., Энгельс отмечал, что уже тогда пролетарское чувство классовой солидарности подсказывало рабочим различных национальностей необходимость единства действий в революционной борьбе.

В Берлине Маркс вел переговоры и с руководителями немецких демократических организаций, и с представителями польской демократической эмиграции. Свою поездку Маркс использовал также для укрепления денежных средств «Новой Рейнской газеты».

Рука об руку с Марксом и Энгельсом действовали их боевые соратники по «Союзу коммунистов». Под руководством Маркса члены кельнской общины «Союза коммунистов» вели работу в «Демократическом обществе», в «Рабочем союзе», в «Союзе работодателей и рабочих». Иосиф Молль и Карл Шаппер, с которыми Маркс и Энгельс тесно сблизились еще в самом начале своей политической деятельности, к осени 1848 г. благодаря своей активной работе стали во главе «Кельнского рабочего союза». Вильгельм Вольф часто выступал с докладами по злободневным политическим вопросам, пропагандируя линию, которую Маркс и Энгельс проводили в «Новой Рейнской газете». Манера Вольфа давать политические обзоры приводила слушателей в восхищение. «Слушать его было истинным наслаждением,— вспоминает один из них.— Он умело группировал события и преподносил их в сатирическом или серьезном тоне, смотря по характеру темы».

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 53.

Во время революции связь отдельных общин «Союза коммунистов» с Центральным комитетом ослабела и на некоторое время даже совсем прекращалась, но активное участие членов Союза в революции показывало, что он был хорошей школой революционной деятельности: всюду они энергично участвовали в движении и стояли во главе рабочих и демократических масс.

В середине сентября Маркс поместил в нескольких номерах «Новой Рейнской газеты» статью «Кризис и контрреволюция», посвященную анализу политического положения, создавшегося в связи с отставкой министерства Ауэрсвальда — Ганземана. Прусское юнкерство, писал Маркс, «горит жаждой конфликта с народом, повторения парижских июньских дней на улицах Берлина». «Надвигается решительная борьба»[1], — предупреждал Маркс. Исход боя, подчеркивал он, «будет зависеть от поведения народа и, в частности, от поведения демократической партии»[2]. Беспощадно разоблачая трусливую и предательскую политику либеральной буржуазии, Маркс разъяснял, что только решительная борьба народа может еще спасти революцию.

По мере того как политическая обстановка становилась всё более напряженной, Маркс и Энгельс вместе со своими соратниками всё чаще выступали непосредственно перед массами, на больших народных собраниях.

13 сентября на организованном Марксом и Энгельсом в Кельне многотысячном народном собрании был создан Комитет безопасности, в который вошли сотрудники «Новой Рейнской газеты», руководители «Рабочего союза» и «Демократического общества». Спустя несколько дней, редакторы «Новой Рейнской газеты», совместно с «Кельнским рабочим союзом», провели в Воррингене (близ Кельна) другое большое народное собрание, на котором присутствовало около 10 тыс. делегатов от многих рейнских городов и сел. На обоих собраниях распространялась листовка «Требования Коммунистической партии в Германии».

На протяжении всей революции Маркс и Энгельс боролись за мобилизацию всех сил народа. В своих печатных и устных выступлениях они старались привлечь к более активному участию в революции широкие массы крестьянства. В дни сентябрьского восстания во Франкфурте-на-Майне Маркс в специальной статье призывал крестьян Рейнской области воспрепятствовать отправке правительственных войск водным путем во Франкфурт, призывал к продолжению революционной борьбы. «Штурм, отбитый от церкви св. Павла, — писал он, — может направиться отдельными руслами... в сотни дворянских усадеб. Крестьянская война, поднятая этой весной, еще не дошла до своего конца, пока не достигнута ее цель — освобождение крестьян от феодализма»[3].

20 сентября Комитет безопасности созвал еще одно большое народное собрание. На этом собрании жителям Кельна было сделано сообщение о восстании во Франкфурте.

В ответ на призыв «Новой Рейнской газеты» граждане Кельна начали собирать деньги в пользу повстанцев и их семей. Когда полиция попыталась арестовать Молля, Беккера и Шаппера, рабочие силой освободили арестованных. Узнав о приближении войск, собравшиеся на Старой рыночной площади рабочие быстро соорудили из камней, предназначавшихся для постройки собора, несколько баррикад и приготовились к обороне.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 440.
[2] Там же, стр. 442.
[3] Там же, стр. 455.

В планы прусской контрреволюционной клики входила провокация: вызвать восстание до того, как оно будет подготовлено, чтобы истребить лучших людей народа и дезорганизовать революционную борьбу. Маркс разгадал этот коварный план. 25 сентября на собрании «Рабочего общества» он дал анализ создавшегося положения и убедил собравшихся в том, что момент для вооруженного восстания еще не наступил.

Прусские власти, напуганные активностью рейнских демократов, возглавляемых Марксом и Энгельсом, объявили Кельн на осадном положении, разоружили национальную гвардию, запретили выход «Новой Рейнской газеты». Было отдано распоряжение об аресте Энгельса и возбуждено судебное дело против Маркса и других работников «Новой Рейнской газеты». Накануне новых революционных выступлений реакция стремилась лишить массы их руководителей. «Штыки торчали в городе, как щетина на дикобразе,— писал Веерт в сатирической поэме, посвященной описанию этих дней.— Вокруг Нового рынка реяли прусские архангелы... И некий поручик во главе отряда воинов подошел к нашей двери и с барабанным боем возвестил смертный приговор „Новой Рейнской газете“».

Энгельс вынужден был в течение нескольких дней скрываться в Бармене, а затем уехать в Бельгию. Здесь он был задержан полицией и в арестантской карете доставлен на французскую границу. Из Парижа он пешком отправился в Швейцарию, чтобы при первой возможности пробраться оттуда в Германию, к Марксу.

Несмотря на запрещение газеты, высылку и судебные преследования членов редакции, несмотря на величайшие денежные затруднения газеты, на которую теперь набросились все ее кредиторы, Маркс не падал духом. «Новую Рейнскую газету» Маркс взял, по выражению Меринга, в «личную собственность,... иными словами, пожертвовал на нее то скромное состояние, которое унаследовал от отца, или, вернее, достал под будущее наследство. Сам он об этом никогда не проронил ни слова, но это было установлено письменными заявлениями его жены и публичным свидетельством его друзей. Они исчисляли приблизительно в 7000 талеров сумму, которую Маркс истратил на агитацию и на газету в год революции. Важен, конечно, не размер суммы, а то, что Маркс защищал крепость, отстреливаясь до последнего патрона».

В сентябре 1848 г. контрреволюция еще не смогла одержать полную победу над народом. В начале октября правительство вынуждено было снять осадное положение в Кельне. 12 октября Марксу удалось вновь наладить выход газеты. На него пала теперь, ввиду отсутствия Энгельса и некоторых других членов редакции, вся тяжесть не только организационной, но и литературной работы. Ему приходилось работать за всех. Вдобавок к этому он имел еще «на своей шее», как он впоследствии рассказывал, три-четыре судебных процесса по делам печати и каждый день ждал ареста.

В это же время Маркс принял на себя непосредственное руководство «Кельнским рабочим союзом». На собрании «Рабочего союза» 16 октября он заявил, что, хотя его положение в Кельне очень ненадежно, хотя он очень загружен работой в «Новой Рейнской газете», всё же он готов исполнить желание комитета «Рабочего союза» и принимает пост председателя Союза. «Правительство и буржуазия,— говорил Маркс,— должны убедиться, что, несмотря на все их преследования, находятся люди, готовые предоставить себя в распоряжение рабочих». В своем выступлении на этом заседании он разъяснял политическое положение в стране, говорил о значении самостоятельного рабочего движения в Германии. По предложению Маркса собрание послало приветствие венским повстанцам.

Маркс об октябрьском восстании в Вене и наступлении контрреволюции в Германии

Октябрьскому восстанию в Вене Маркс уделял огромное внимание. Победа контрреволюции в Вене, предупреждал Маркс, даст ей возможность нанести следующий удар в Берлине и на Рейне, где она уже давно выжидает подходящего момента. Не словесными выражениями симпатии, не бесплодными жалобами на жестокости врага, не добрыми пожеланиями, а делом, энергичной борьбой с контрреволюцией во всей Германии призывал Маркс поддержать революционную Вену. Он резко критиковал воззвание берлинского конгресса демократов от 29 октября в защиту осажденной Вены, указывая, что в этом воззвании нет и следа революционной энергии, а есть только «пафос болтливых проповедников».

В те же дни в «Новой Рейнской газете» Маркс опубликовал воззвание об организации похода добровольцев для поддержки революционной Вены. В тревожные для революции дни Маркс участвовал почти во всех заседаниях «Демократического общества», выступал на народных собраниях.

В статье о подавлении октябрьского восстания в Вене Маркс делал два важных политических вывода. Прежде всего он подчеркивал предательское поведение буржуазии. «В февральские и мартовские дни,— писал он,— вооруженная сила была повсюду разбита. Почему? Потому что она никого не представляла, кроме правительств. После июньских дней она всюду победила, ибо буржуазия всюду находится в тайном соглашении с нею, сохраняя, с другой стороны, в своих руках официальное руководство революционным движением...»[1]

Второй вывод, сделанный Марксом на основе анализа событий в Вене, касался методов борьбы с отживающим строем. «...Резня после июньских и октябрьских дней... каннибализм контрреволюции,— писал Маркс,— убедят народы в том, что существует только одно средство для того, чтобы *сократить*, упростить и локализовать кровожадную агонию старого общества и кровавые муки родов нового общества, только одно средство — *революционный террор*»[2].

6 ноября 1848 г. Маркс выступил на заседании комитета «Кельнского рабочего союза» с докладом о венском восстании, в котором он доказывал, что Виндишгрецу удалось взять город вследствие предательства буржуазии.

После перевода прусского Учредительного собрания из Берлина, где оно еще могло рассчитывать на поддержку народных масс, в провинциальный город Бранденбург, Маркс считал, что только массовое народное восстание могло спасти еще не целиком уничтоженные политические завоевания мартовской революции.

Маркс призывал народ всеми средствами сопротивляться контрреволюционному правительству. «Новая Рейнская газета» стала выходить с аншлагом: «Никаких налогов!» Она призывала массы не платить налогов до тех пор, пока правительство не откажется от своей контрреволюционной политики. «Королевская власть, — писал Маркс в передовой статье от 12 ноября 1848 г.,— сопротивляется не только народным массам, но и буржуазии. Поэтому побеждайте ее на буржуазный манер. А как победить королевскую власть на буржуазный манер? Взять ее измором. А как взять ее измором? Отказаться платить налоги». Обращаясь к народу, Маркс заключает статью следующими словами: «Подумайте об этом хорошенько! Ни принцы Прусские, ни Бранденбурги и Врангели

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 496.
[2] Там же, стр. 497.

не производят черного солдатского хлеба. Вы, вы одни производите солдатский хлеб» [1].

14 ноября Маркс от имени Окружного комитета рейнских демократов выпустил воззвание с призывом к отказу от уплаты налогов и объявил о созыве конгресса рейнских демократических обществ на 23 ноября; при этом он подчеркивал, что нельзя ограничиваться пассивным сопротивлением, что постановление Берлинского собрания об отказе от уплаты налогов будет проведено в жизнь только в том случае, если народ будет готов оказать властям вооруженное сопротивление.

18 ноября, по инициативе Маркса, Окружной комитет обратился ко всем демократическим организациям Рейнский области с предложением провести в жизнь следующие мероприятия: немедленно созвать местные демократические общества и союзы, во всех крупных населенных пунктах созывать массовые народные собрания, повсеместно организовать отряды народного ополчения, учредить комитеты общественной безопасности, всеми средствами сопротивляться попыткам насильственного взимания налогов.

Еще за несколько дней до появления этого воззвания правительство сделало попытку парализовать деятельность Маркса и других руководителей рейнских демократов. Утром 14 ноября Маркс был экстренно вызван к судебному следователю. Население Кельна узнало об этом, и во дворе суда собралась большая толпа народа, чтобы не допустить ареста Маркса. При таких условиях следователь не решился отдать распоряжение об аресте главного редактора «Новой Рейнской газеты». Маркс горячо поблагодарил собравшихся за поддержку, и народ проводил его до самого дома.

«Наша газета, — писал Маркс Энгельсу 29 ноября, — все время находится в положении „мятежной“, но, несмотря на все „приказы о печати“, она все время благополучно лавировала вокруг уголовного кодекса. Она теперь очень в моде»[2]. В другом письме Маркс подчеркивал свое твердое намерение «при всяких обстоятельствах удержать эту *крепость* за собой и не сдать политической позиции»[3].

Под руководством Маркса Рейнский демократический комитет развил энергичную деятельность. Был организован ряд народных сходок, на которых выступали члены редакции «Новой Рейнской газеты», а также Шаппер, Лассаль и др. В каждом номере газеты и в ежедневно выпускавшихся плакатах Маркс и его соратники призывали народ не платить налогов, прогонять реакционных чиновников, избирать комитеты безопасности.

В серии глубоких по содержанию и блестящих по форме статей, относящихся к концу 1848 г., Маркс дал обзор всех этапов германской революции и заклеймил предательство немецкой буржуазии, ее сделку с монархией, дворянством, бюрократией и военщиной против народа.

Разоблачая сущность прусской «теории соглашения», Маркс писал:

«Мартовская революция отнюдь не подчинила властителя божьей милостью суверенитету народа. Она только заставила корону, абсолютистское государство, сговориться с буржуазией, вступить в соглашение со своим старым соперником.

Корона пожертвует дворянством для буржуазии, буржуазия пожертвует народом для короны. При этом условии монархия станет буржуазной, а буржуазия монархическою» [4].

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VII, стр. 11—12.
[2] Там же, т. XXI, стр. 104—105.
[3] Там же, стр. 104.
[4] Там же, т. VII, стр. 57.

В тех же статьях Маркс давал уничтожающую характеристику политической дряблости немецкой буржуазии. «Немецкая буржуазия,— писал он,— развивалась так вяло, трусливо и медленно, что в тот момент, когда она враждебно противостояла феодализму и абсолютизму, она увидела себя враждебно противостоящею пролетариату и всем слоям городского населения, интересы и идеи которых были родственны пролетариату...» «...Без веры в себя самое, без веры в народ, брюзжащая против высших, дрожащая перед низшими, эгоистическая по отношению к тем и другим и сознающая свой эгоизм, революционная по отношению к консерваторам и консервативная по отношению к революционерам, не доверяющая своим собственным лозунгам, имеющая фразы вместо идей, напуганная мировой бурей и эксплоатирующая эту бурю, лишенная энергии и прибегающая к плагиату во всех направлениях, пошлая, ибо она не была оригинальною, оригинальная только в пошлости, вступающая в сделку со своими собственными желаниями, без инициативы, без веры в себя, без веры в народ, без всемирно-исторического призвания; проклинаемый всеми старец, который видит себя осужденным на то, чтобы в интересах своей собственной дряхлости руководить юношескими стремлениями сильного народа и отводить их,— старец, потерявший зрение, слух, зубы, потерявший все,— такою очутилась прусская буржуазия после мартовской революции у руля прусского государства»[1].

В передовой статье от 5 января 1849 г. под названием «Буржуазный документ» Маркс на примере изготовленного кельнским магистратом рабочего регламента («рабочей книжки») показывает, «*какую хартию октроировала бы народу*» немецкая буржуазия, «если бы она была у власти». Эту «рабочую книжку» Маркс характеризовал как «исторический документ цинизма» германской буржуазии. В одном пункте, писал он, германская буржуазия «приближается к своему британскому идеалу — в *бесстыдном обращении с рабочим классом*»[2].

Революционная инициатива рейнских демократов не получила достаточной поддержки в остальной Германии и не привела к активным выступлениям народных масс. Приближалась полная победа контрреволюции.

Борьба Маркса и Энгельса с контрреволюционными силами в 1849 г.

К началу 1849 г. революционная борьба была в разгаре только в одной Венгрии. Эта борьба переросла в открытую войну между венгерским народом и австрийской монархией. Маркс и Энгельс считали, что победа венгерского народа развяжет революционные силы не только в Австрии, но и в Германии, и потому горячо поддерживали отважную борьбу венгров.

Энгельс, возвратившийся в январе 1849 г. в Кельн, опубликовал в «Новой Рейнской газете» серию статей о войне в Венгрии. Из номера в номер освещал он ход военных действий и разоблачал лживые сообщения контрреволюционной прессы. Опираясь только на факты, о которых волей-неволей должны были сообщать официальные австрийские сводки, Энгельс опровергал и разоблачал победные реляции и нелепые измышления австрийского правительства. Как бы ни изощрялось во лжи командование австрийской армии, «наш Фридрих,— вспоминал В. Либкнехт,— составлял, подобно Кювье, из маленьких костей и косточек действительную картину военных событий».

Энгельс подчеркивал общеевропейское значение венгерской войны, указывал, что венграм приходится бороться против главных сил европейской контрреволюции. Он высоко оценивал решительность венгерских

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VII, стр. 55—56.
[2] Там же, стр. 127.

революционеров. «Впервые,— писал Энгельс,— в революционном движении 1848 г., впервые после 1793 г. нация, окруженная превосходными силами контрреволюции, осмеливается противопоставить трусливой контрреволюционной ярости революционную страсть, противопоставить terreur blanche (белому террору) terreur rouge (красный террор)»[1]. Высоко оценивал Энгельс и военную тактику, применявшуюся венгерской революционной армией — умение выбивать противника из его позиций обходным маневром, применение методов партизанской войны, использование крестьянской конницы и т. п.

Укрепление позиций контрреволюции сказалось в усиленном преследовании революционных демократов и радикальной прессы. Особенно ожесточенным нападкам подвергалась «Новая Рейнская газета», бесстрашно защищавшая дело народа.

Прусское правительство пыталось задушить «Новую Рейнскую газету» судебными процессами. Перед судом Марксу пришлось выступать два раза, и поле битвы в обоих случаях осталось за ним. Оба процесса, в которых Маркс обвинялся в государственной измене, состоялись 7 и 8 февраля 1849 г. Хотя обвинения были направлены лично против Маркса, он не хотел сводить свои выступления к одной только личной защите. Спокойно, убедительно, с большим искусством подверг он сначала критическому разбору формальную сторону дела, обнаружив при этом свое великолепное знание всех деталей юриспруденции, а затем в свойственной ему блестящей и смелой манере обрушился на прусское правительство и его агентов. Маркс говорил не для судебной коллегии, не для того, чтобы оправдать перед ней себя и своих соратников: он хотел, чтобы его услышали и поняли народные массы. Свою горячую защитительную речь 8 февраля Маркс закончил изложением своих взглядов на текущие политические события.

Энгельс следующим образом характеризовал эту замечательную речь: «Она, во-первых, интересна тем, что здесь, перед буржуазными присяжными, выступает коммунист, которому приходится разъяснять им, что действия, которые он совершил и за которые он в качестве обвиняемого стоит перед ними, должны были, собственно, быть не только совершены, но и доведены до конца, как долг и обязанность *их* класса — буржуазии...

А во-вторых,— и это делает речь особенно важной и для наших дней,— в противоположность лицемерной законности правительства, она отстаивает революционную точку зрения в такой форме, которая могла бы кое для кого послужить примером и в настоящее время»[2].

Правительство обвиняло Маркса и его сторонников в нарушении законов, в призыве к вооруженному сопротивлению контрреволюции. Да, замечает Энгельс, но правительство еще раньше порвало эти законы, и правовой почвы больше не существовало по вине самого правительства.

Судебные процессы Маркс сумел превратить в политическую демонстрацию, в суд над прусским правительством и прусской бюрократией. В зале суда на обоих заседаниях не было ни одного свободного места, все галереи были заполнены народом, приветствовавшим Маркса бурными аплодисментами. «Я с величайшим интересом присутствовал на обоих судебных заседаниях,— писал Лесснер.— Было наслаждением видеть и слышать, с каким огромным превосходством и глубокими знаниями Маркс и Энгельс сражались против черно-белой реакции. Даже враги не могли скрыть своего восхищения этими двумя людьми».

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VII, стр. 271.
[2] Там же, т. XVI, ч. 1, стр. 203—204.

Суд присяжных был вынужден вынести Марксу оправдательный приговор. Состязаться с Марксом в суде правительству оказалось не под силу. Одна французская газета писала по этому поводу: «Оправдательный приговор, вынесенный судебным трибуналом в итоге процесса, сфабрикованного против Маркса, ответственного редактора „Новой Рейнской газеты“, Шнейдера и Шаппера, представляет собой факт исключительно важного значения. Вся Германия с радостью встретила весть об оправдании этих замечательных людей».

Не добившись осуждения Маркса, прусское правительство пустило в ход против него весь арсенал полицейских мер. По распоряжению из Берлина кельнское полицейское управление задерживало всю корреспонденцию, адресованную Марксу. Для наблюдения за его деятельностью в Кельн был направлен из Берлина специальный полицейский чиновник. Маркс не переставал получать анонимные угрожающие письма. Один за другим следовали вызовы Маркса, владельца типографии, корректоров и наборщиков к судебному следователю. В редакцию подсылались пьяные офицеры, сотрудникам открыто угрожали насилием, если они не прекратят своей разоблачительной работы. Но Маркс не обращал на это ни малейшего внимания, не поддавался провокациям. Он попрежнему бесстрашно и упорно боролся с надвигавшейся контрреволюцией.

Деятельность Маркса и Энгельса среди рабочих весной 1849 г.

Большую работу Маркс проводил в «Кельнском рабочем союзе». Он организовал издание «Газеты Рабочего союза», подготовил ряд лекций по социальным вопросам. Марксу пришлось дать резкий отпор вернувшемуся из Парижа Готшальку, который стремился вызвать раскол в «Рабочем союзе». Маркс и Энгельс устанавливали связь с берлинским «Рабочим братством», убеждали его руководителей, в том числе и приехавшего в Кельн Борна, отказаться от своей неправильной тактики и принять линию «Новой Рейнской газеты». Маркс и Энгельс собирали совещания, на которых ставился вопрос о реорганизации «Союза коммунистов». На одном из таких совещаний в начале февраля было заслушано сообщение приехавшего из Лондона члена Центрального комитета Иосифа Молля, доложившего о состоянии общих дел Союза. На совещании было решено принять меры к организационному укреплению «Союза коммунистов».

19 марта редакция «Новой Рейнской газеты» и «Рабочий союз» устроили в Гюрценихе массовое народное собрание. Собрание было посвящено годовщине берлинских баррикадных боев. Член редакции «Новой Рейнской газеты» Дронке в своей речи почтил память павших пролетарских бойцов. Энгельс провозгласил приветствие в честь июньских повстанцев, Шаппер — в честь чартистов.

В апреле 1849 г. Маркс поместил на страницах «Новой Рейнской газеты» в виде передовых статей прочитанные им еще в 1847 г. в «Брюссельском рабочем союзе» лекции о наемном труде и капитале. Комитет «Кельнского рабочего союза» включил «Наемный труд и капитал» Маркса в программу дискуссионных вечеров всех своих отделений.

Проводившаяся Марксом и Энгельсом работа по идейно-политическому сплочению рабочего класса была враждебно встречена большинством «Демократического общества». Мелкобуржуазные демократы Рейнской провинции уходили всё дальше вправо, в испуге отворачивались от революционных методов борьбы. Разрыв пролетарского крыла этой организации с мелкобуржуазными демократами стал неизбежным. 14 апреля 1849 г. Маркс и Энгельс вместе с другими членами «Союза коммунистов» заявили о своем выходе из «Демократического общества». Одновременно порвал с ним связи и «Кельнский рабочий союз».

Выйдя из «Демократического общества», Маркс и Энгельс решили «поставить совершенно самостоятельную организацию рабочего класса с самостоятельной классовой политикой» [1]. Об этом свидетельствует вся их деятельность в последние месяцы 1848 и весной 1849 г., когда революция в Германии пошла на убыль, и когда они стали особенно интенсивно вести как идейно-политическую, так и организационную работу среди рабочих. На май 1849 г. они наметили созыв съезда рейнско-вестфальских рабочих союзов, а на июнь — проведение общегерманского съезда рабочих союзов.

Объясняя, почему Маркс и Энгельс приступили к созданию в Германии особой организации рабочего класса только в апреле 1849 г., Ленин писал в 1905 г. в своей работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции»: «Итак, только в апреле 1849-го года, после почти годового издания революционной газеты..., Маркс и Энгельс высказались за особую рабочую организацию! До тех пор они вели просто „орган демократии", не связанный никакими организационными узами с самостоятельной рабочей партией! Этот факт, — чудовищный и невероятный с нашей современной точки зрения, — показывает нам ясно, какое громадное различие было между тогдашней немецкой и теперешней русской социал-демократической рабочей партией. Этот факт показывает нам, во сколько раз менее обнаруживались на немецкой демократической революции (благодаря отсталости Германии в 1848 г. и в экономическом отношении и в политическом — государственная раздробленность) пролетарские черты движения, пролетарская струя в нем. Этого не надо забывать при оценке многократных заявлений Маркса, этой и немного позднейшей эпохи, о необходимости самостоятельной организации партии пролетариата. Маркс только из опыта демократической революции, почти через год, сделал практически этот вывод: до того мещанской, мелкобуржуазной была тогда вся атмосфера в Германии» [2].

В целях создания общегерманского объединения рабочих организаций Маркс совершил поездку по городам Северной Германии и Вестфалии, восстанавливал связи с членами «Союза коммунистов», встречался с рабочими деятелями ряда городов. С той же целью он направил уполномоченных Союза в Среднюю и Восточную Германию.

Участие Маркса и Энгельса в последних событиях германской революции

Последней вспышкой революционной энергии немецкого народа в 1849 г. были начавшиеся в мае восстания на правом берегу Рейна, в Саксонии и в Южной Германии — Пфальце и Бадене.

Лозунгом возобновившейся борьбы было требование проведения в жизнь так называемой имперской конституции. Маркс и Энгельс видели, что руководящей силой в развернувшемся движении оказались мелкобуржуазные демократы, склонные к колебаниям, уступчивости, сговору с врагом, но Маркс и Энгельс не могли пройти мимо этого движения. Напротив, они поддержали его, стремясь превратить вспыхнувшие восстания в исходный пункт всенародной борьбы и обеспечить активное участие рабочих в этой борьбе.

Вооруженная борьба в защиту имперской конституции началась 3 мая в столице Саксонии — Дрездене. Народ, сражавшийся против правительственных войск, одержал победу и овладел городом. За восстанием в Дрездене последовали восстания в Золингене, Эльберфельде, Гагене, Изерлоне и других городах Рейнской области.

---

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 9, стр. 243.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 116—117.

Узнав о начавшемся восстании в Западной Германии, Энгельс немедленно выработал план действий. План этот состоял в следующем: 1) по возможности избегать столкновений с войсками, расположенными в крепостях и городах; 2) предпринять на левом берегу Рейна диверсии в маленьких городах, фабричных пунктах и сельских местностях, чтобы сковать силы рейнских гарнизонов; 3) все свободные силы бросить в охваченный восстанием район правого берега Рейна, расширить восстание и при помощи народного ополчения организовать там ядро революционной армии.

Энгельс знал, что восстание в Рейнской Пруссии, окруженной семью крепостями, занятой почти третьей частью всей прусской армии, перерезанной во многих направлениях железными дорогами, только при исключительно благоприятном стечении обстоятельств могло окончиться победой. По плану Энгельса, баррикадные бои в рейнских городах должны были отвлечь значительную часть прусских войск и помочь выиграть время для создания революционной армии и подготовки восстания в Южной Германии, где намечался переход правительственных войск на сторону народа и откуда легче было распространить восстание на всю страну. Этот план свидетельствовал о выдающихся способностях Энгельса в области военно-революционной стратегии и тактики.

Для осуществления своего плана Энгельс отправился 10 мая в Эльберфельд, где восстание уже началось. По пути он заехал в Золинген и сформировал там колонну вооруженных рабочих в 500 человек, во главе которой и прибыл в Эльберфельд.

Восстание в Эльберфельде началось успешно. Рабочие храбро сражались на баррикадах, взяли приступом городскую тюрьму и разогнали городское управление. Руководство движением взял на себя Комитет безопасности, состоявший из мелкобуржуазных демократов. Но вместо расширения революционной борьбы Комитет призвал население сохранять спокойствие и вступил в переговоры с представителями старой власти. Трусливая политика мелкобуржуазных руководителей Комитета безопасности привела к тому, что через несколько дней движение было дезорганизовано. «При таких обстоятельствах,— писал Энгельс,— было возможно только одно: необходимо было принять некоторые быстрые решительные меры, которые опять вдохнули бы жизнь в движение, привлекли бы к нему новые боевые силы, парализовали бы его внутренних врагов и по возможности лучше организовали бы движение во всем марко-бергском промышленном округе»[1].

Энгельс немедленно взялся за организацию вооруженных сил в Эльберфельде, принял на себя руководство фортификационными работами и наблюдение над постройкой баррикад; ему была поручена также и артиллерия. Энгельс перестроил беспорядочно возведенные баррикады, организовал саперную роту и возвел баррикады у выходов из города.

Энгельс потребовал от Комитета безопасности разоружения враждебного народу буржуазного ополчения и вооружения рабочих, обложения буржуазии принудительным налогом для содержания вооруженных рабочих отрядов. «Этот шаг,— говорил Энгельс,— решительно порвал бы со всею прежнею бездеятельностью комитета безопасности, вдохнул бы в пролетариат новую жизнь и парализовал бы силу сопротивления „нейтральных“ округов. От успеха этого первого шага зависели бы дальнейшие мероприятия, которые имели бы своею задачей достать оружие из этих „нейтральных“ округов, распространить восстание дальше и планомерно организовать оборону всего округа»[2]. Комитет

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VII, стр. 418—419.
[2] Там же, стр. 419.

безопасности, избегавший всяких решительных действий, отклонил требования Энгельса; тогда он, вместе с другими начальниками отрядов, силой захватил несколько десятков ружей, принадлежавших одной верной правительству воинской части.

Эльберфельдские меры, принятые Энгельсом, и популярность, завоеванная им среди рабочих, вызвали острое беспокойство среди эльберфельдской буржуазии. Она распространила слух о том, что «всемирный баррикадный герой», приехавший из Кельна, хочет объявить «красную республику». Перепуганные мелкие буржуа, занявшие в ратуше кресла сбежавших правителей, поспешили воспользоваться первым предлогом, чтобы удалить из города рабочую гвардию и ее руководителя — Энгельса. 14 мая от имени Комитета Энгельсу было заявлено, что его присутствие беспокоит жителей, и что во избежание «недоразумений» он должен удалиться из города.

Эльберфельдские рабочие и отряд добровольцев были возмущены действиями Комитета. Они просили Энгельса остаться в городе, обещая защитить его от покушений с чьей бы то ни было стороны. Не будь энергичного выступления рабочих, вставших на защиту Энгельса, он был бы арестован. При создавшемся положении Энгельс вынужден был покинуть Эльберфельд. Он вернулся в Кельн, к Марксу.

Редакционный кабинет Маркса был связан со всеми важнейшими центрами восстания. Весь состав редакции был боевым революционным отрядом, готовым в любой момент сменить перо на ружье и печатный станок на баррикаду. «Во всей Германии удивлялись,— вспоминал впоследствии Энгельс,— нашим смелым выступлениям в прусской крепости первого класса с восьмитысячным гарнизоном и гауптвахтой; но 8 ружей и 250 патронов в редакционной комнате и красные якобинские колпаки наборщиков придавали нашему помещению в глазах офицерства также вид крепости, которую нельзя взять простым налетом» [1].

«Новая Рейнская газета» опубликовала отчет о событиях в Эльберфельде. «Пусть бергские и маркские рабочие, проявившие по отношению к нашему соредактору такое удивительное расположение и такую привязанность,— писал Маркс,— запомнят, что теперешнее движение—только пролог к другому, в тысячу раз более важному движению, в котором дело будет итти об их, рабочих, собственных интересах. Это новое революционное движение явится результатом нынешнего движения. И как только это новое движение начнется, тогда Энгельс — в этом рабочие могут быть уверены! — подобно всем другим редакторам „Новой рейнской газеты“, окажется на своем посту, и никакие силы мира не заставят его тогда этот пост покинуть» [2].

Относительную свободу печати, завоеванную народом в марте 1848 г., Маркс и Энгельс использовали с таким успехом, с такой смелостью, как никто в Германии. Для последних номеров «Новой Рейнской газеты» Маркс писал ежедневно по две, по три статьи, в которых разоблачал контрреволюционные планы прусского правительства. В этих статьях звучал страстный призыв к народу готовиться к решающей схватке.

10 мая «Новая Рейнская газета» опубликовала статью Маркса «Подвиги Гогенцоллернов», в которой он дал убийственно меткую характеристику всех прусских королей, кончая Фридрихом-Вильгельмом IV, нарисовал их пошлый, грубый, аморальный облик, разоблачил бесчисленные преступления, совершенные ими против интересов немецкого народа, против свободы и независимости других народов. Статья закан-

---

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв., т. II, 1949, стр. 318.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VII, стр. 386.

чивалась выражением уверенности в том, что народ найдет в себе достаточно сил, чтобы покончить с Гогенцоллернами и со всеми контрреволюционными силами. Эта замечательная статья принадлежит к числу самых сильных статей Маркса в «Новой Рейнской газете».

Популярность «Новой Рейнской газеты» и число ее читателей росли вместе с усилением нападок на нее со стороны правительства и его агентов. «Ни одна из немецких газет — ни раньше, ни после,— писал Энгельс,— не обладала подобной силой и влиянием, не умела так электризовать пролетарские массы, как «Новая Рейнская газета»[1]. Именно поэтому прусское правительство видело в Марксе и Энгельсе своих самых опасных врагов. Оно ждало первой возможности, чтобы расправиться с ними. Такая возможность представилась после подавления восстания в Рейнской области.

Рейнская провинция и Вестфалия были наводнены войсками. «Тогда, наконец,— рассказывает Энгельс,— правительство отважилось приняться и за нас. Многие члены редакции подверглись судебному преследованию; другие, как не пруссаки, подлежали высылке. Против этого ничего нельзя было поделать, так как за правительством стоял целый армейский корпус. Мы вынуждены были сдать свою крепость, но мы отступили, унося свое оружие и снаряжение, с музыкой, с развевающимся знаменем последнего красного номера...»[2]

Последний номер «Новой Рейнской газеты», весь отпечатанный красной краской, вышел 19 мая 1849 г. и был распространен во многих тысячах экземпляров. Этот последний номер газеты был достойным ответным ударом, который нанесли Маркс и Энгельс прусскому правительству. На первой странице было напечатано «Прощальное слово Новой Рейнской газеты» — пламенные стихи Фрейлиграта, написанные по предложению Маркса. Затем следовало обращение «К кельнским рабочим», заканчивавшееся словами: «Редактора «Новой Рейнской газеты», прощаясь с вами, благодарят вас за выраженное им участие. Их последним словом всегда и всюду—будет: освобождение рабочего класса!»[3] Передовая статья, озаглавленная «Военно-полевое уничтожение Новой Рейнской газеты», кратко излагала историю ее почти годового славного существования и клеймила антинародные действия властей. «Мы спасли революционную честь нашей родины,— заявляла редакция.— «Новая Рейнская газета» еще получит в Рейнской провинции полное право гражданства»[4].

11 мая 1849 г., еще до закрытия «Новой Рейнской газеты», правительство, воспользовавшись тем, что Маркс вышел в 1845 г. из прусского подданства, издало приказ о высылке его из Германии. Маркса, коренного уроженца и жителя Рейнской провинции, высылали из ее пределов как «иностранца», нарушившего «права гостеприимства». Это была неприкрытая расправа с вождем революционного пролетариата.

Маркс решил отправиться во Францию. Но до своего отъезда за границу он вместе с Энгельсом побывал во Франкфурте, где пытался убедить представителей левого крыла Национального собрания взять на себя руководство восстанием в Южной Германии, провозгласить себя единственной законной властью в стране и вызвать во Франкфурт баденскую и пфальцскую революционные армии. Захват Франкфурта революционной армией, помимо крупного политического эффекта, имел бы и важное стратегическое значение, так как означал бы распространение револю-

---

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв., т. II, 1949, стр. 319.
[2] Там же, стр. 318.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VII, стр. 391.
[4] Там же, стр. 394.

Neue Rheinische Zeitung

Organ der Demokratie.

№ 301. Köln, Samstag, den 19. Mai. 1849.

Abschiedswort der Neuen Rheinischen Zeitung.

Kein offner Hieb in offner Schlacht –
Es fällen die Nücken und Tücken,
Es fällt mich die schleichende Niedertracht
Der schmutzigen West-Kalmücken!
Aus dem Dunkel flog der tödtende Schaft,
Aus dem Hinterhalt fielen die Streiche –
Und so lieg' ich nun da in meiner Kraft,
Eine stolze Rebellenleiche!

Auf der Lippe den Trotz und den zuckenden Hohn,
In der Hand den blitzenden Degen,
Noch im Sterben rufend: „Die Rebellion!“ –
So bin ich mit Ehren erlegen.
O, gern wohl bestreuten mein Grab mit Salz
Der Preuße zusammt dem Czaare –
Doch es schicken die Ungarn, es schickt die Pfalz
Drei Salven mir über die Bahre!

Und der arme Mann im zerriss'nen Gewand,
Er wirft auf mein Haupt die Schollen;
Er wirft sie hinab mit der fleißigen Hand,
Mit der harten, der schwielenvollen.
Einen Kranz auch bringt er aus Blumen und Mai'n,
Zu ruh'n auf meinen Wunden;
Den haben sein Weib und sein Töchterlein
Nach der Arbeit für mich gewunden.

Nun Ade, nun Ade, du kämpfende Welt,
Nun Ade, ihr ringenden Heere!
Nun Ade, du pulvergeschwärztes Feld,
Nun Ade, ihr Schwerter und Speere!
Nun Ade – doch nicht für immer Ade!
Denn sie tödten den Geist nicht, ihr Brüder!
Bald richt' ich mich rasselnd in die Höh',
Bald kehr' ich reisiger wieder!

Wenn die letzte Krone wie Glas zerbricht,
In des Kampfes Wettern und Flammen,
Wenn das Volk sein letztes „Schuldig!“ spricht,
Dann stehn wir wieder zusammen!
Mit dem Wort, mit dem Schwert, an der Donau, am Rhein, –
Eine allzeit treue Gesellin
Wird dem Throne zerschmetternden Volke sein
Die Geächtete, die Rebellin!

F. FREILIGRATH.

An die Arbeiter Kölns.

Wir warnen Euch schließlich vor jedem Putsch in Köln. Nach der militärischen Lage Kölns wäret Ihr rettungslos verloren. Ihr habt in Elberfeld gesehen, wie die Bourgeoisie die Arbeiter ins Feuer schickt und sie hinterher aufs Niederträchtigste verräth. Der Belagerungszustand in Köln würde die ganze Rheinprovinz demoralisiren, und der Belagerungszustand wäre die nothwendige Folge jeder Erhebung von Eurer Seite in diesem Augenblicke. Die Preußen werden an Eurer Ruhe verzweifeln.

Die Redakteure der Neuen Rheinischen Zeitung danken Euch beim Abschiede für die ihnen bewiesene Theilnahme. Ihr letztes Wort wird überall und immer sein: Emancipation der arbeitenden Klasse!

Die Redaktion der Neuen Rheinischen Zeitung.

Deutschland.

Köln, 19. Mai. [illegible]

[illegible]

Köln, den 16. Mai 1849.

Königl. Regierung.

[illegible]

Proklamation an die Frauen.

[illegible]

Georg Weerth.

ПРОЩАЛЬНЫЙ НОМЕР «НОВОЙ РЕЙНСКОЙ ГАЗЕТЫ» ОТ 19 МАЯ 1849 г.

ции на долину Майна. Маркс и Энгельс предлагали немедленно отменить все феодальные повинности в Бадене, Пфальце и других занятых революционными войсками областях, чтобы поднять крестьянские массы всей Германии на революционную борьбу против помещиков и властей.

Осуществление предложенных Марксом и Энгельсом мер могло бы придать новые силы германской революции, способствовало бы переходу на сторону восстания гессен-дармштадтской армии, присоединению к движению Вюртемберга, Баварии, мелких государств Средней Германии, затруднило бы контрреволюционные действия правящих кругов в Пруссии и во всей Германии. Но франкфуртские парламентарии, как писал Энгельс, не имели ни мужества, ни энергии, ни ума, ни инициативы, чтобы действовать. Они остались глухи к предложениям, исходившим от пролетарских вождей.

Маркс и Энгельс сделали еще одну попытку осуществления намеченного ими плана. Из Франкфурта они поехали в Маннгейм и предложили руководителям баденского движения послать войска во Франкфурт, чтобы поставить трусливое Национальное собрание под свой контроль и оказать на него необходимое воздействие. Но вожаки южногерманского демократического движения не откликнулись на этот призыв Маркса и Энгельса. Наступление никак не входило в их планы.

1 июня Маркс выехал в Париж, где назревал новый политический кризис, подготовлялось выступление демократов против контрреволюционной «партии порядка» и президента Луи Бонапарта. Маркс надеялся, что Франция поднимет на революционную борьбу остальную Европу, и хотел принять участие в подготовке нового восстания. Энгельс в это время направился в Пфальц, где власть перешла в руки временного революционного правительства.

По приезде в Пфальц Энгельс убедился, что и здесь не было обеспечено правильное революционное руководство. Он указал правительству на недостатки в военной организации, на недопустимость оставления на местах старых чиновников и судей, предложил штабу армии более выгодную дислокацию войск.

Вскоре против баденско-пфальцской революционной армии были двинуты прусские войска. Начались военные действия. Энгельс принял в них непосредственное участие. «...Я опоясался боевым мечом,— писал он,— и отправился к Виллиху»[1]. «Виллих был единственным к чему-либо пригодным офицером, и вот я пошел к нему и стал его адъютантом»[2]. Добровольческий корпус Виллиха состоял из наиболее сознательных и смелых бойцов, преимущественно из рабочих.

Энгельс осмотрел поле предстоящего сражения. Узнав, что корпус Виллиха почти не имеет снаряжения, что у большинства солдат только по пяти-шести патронов, он поехал в Кайзерслаутерн, чтобы организовать доставку боеприпасов; ему удалось достать для своего отряда порох, свинец и патроны.

Вскоре пфальцская революционная армия отступила на территорию Бадена. Короткую передышку, которую имел отряд перед началом новых боев, Энгельс использовал для пополнения запасов оружия, для ремонта обуви и одежды, для военного обучения повстанцев. К отряду присоединились новые силы; среди них были рабочие, которые знали Энгельса по эльберфельдскому восстанию.

19 июня Энгельс со своим отрядом направился навстречу прусским

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VII, стр. 452.
[2] Там же, т. XXI, стр. 110.

войскам. В завязавшихся схватках он проявил инициативу, находчивость, беззаветную храбрость. «Он погиб, мы его уже не увидим»,—в испуге говорили бойцы его отряда, наблюдая его смелое поведение в бою. Идя в авангарде своей части, Энгельс руководил разведкой, держал связь с другими частями, составлял вместе с командиром отряда планы военных операций, брал на себя руководство выполнением особенно сложных и опасных боевых задач. Он оставался вместе с наиболее смелыми стрелками, чтобы прикрыть отступление, принимал деятельное участие в организации подвоза пороха, патронов, оружия.

Энгельс участвовал в четырех боях, в том числе в крупном сражении под Раштадтом. «О его исключительном хладнокровии, о полнейшем презрении к опасности еще долго говорили все те, кто видел его под огнем»,— вспоминала впоследствии дочь Маркса — Элеонора, слыхавшая рассказы боевых соратников Энгельса.

Сражение под Раштадтом закончилось победой прусских войск. Отряд Виллиха образовал арьергард и медленно отступал вслед за армией, которая 11 июля перешла швейцарскую границу. Энгельс с солдатами своего отряда задержался на целые сутки на немецкой территории. 12 июля, разрядив свои ружья, отряд Энгельса последним из баденско-пфальцской армии перешел швейцарскую границу.

Из Швейцарии Энгельс в начале октября 1849 г. направился в Италию (в Геную), а оттуда в Англию, где уже находился Маркс, высланный из Франции после неудачного исхода выступления 13 июня.

Еще до отъезда из Швейцарии Энгельс, по предложению Маркса, записал по свежей памяти историю баденско-пфальцского восстания. В этой работе («Германская кампания за имперскую конституцию») Энгельс подробно описал весь ход восстания, указал на значение и результаты военной кампании, вскрыл причины ее неудачи, показал, как действовали в процессе борьбы различные классы, отметил мужество и стойкость, проявленные рабочими, разоблачил дряблость, половинчатость и трусость мелкой буржуазии.

Германская революция 1848—1849 гг. потерпела поражение вследствие предательского поведения крупной буржуазии, нерешительности и колебаний мелкой буржуазии, слабости рабочего класса. Страх перед революционной самодеятельностью народных масс заставлял буржуазию стремиться «...закончить буржуазную революцию на полпути, на полусвободе, на сделке со старой властью и с помещиками»[1]. «Лучше возврат к старому бюрократически-феодальному абсолютизму, чем победа буржуазии как класса, чем современное буржуазное государство, завоеванное революционным путем, при усилении революционного класса, пролетариата! Таков был крик ужаса немецкой буржуазии, приведший к победе реакции по всей линии»[2].

Революция 1848—1849 гг. в Германии была по своему содержанию и по своим задачам буржуазной революцией, поскольку ликвидация феодально-абсолютистских порядков должна была устранить препятствия для свободного развития капитализма. Но вместе с тем эта революция отвечала интересам рабочего класса, поскольку ее успешный исход обеспечил бы пролетариату лучшие условия для развертывания борьбы за свое социальное освобождение. Чтобы обеспечить успех этой революции, Маркс и Энгельс выработали свою, последовательно-демократическую тактику и заботились больше всего «...о расширении и обострении буржуазно-демократических движений путем участия более широких и более

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 12, стр. 298.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 329.

„плебейских“ масс, мелкой буржуазии вообще, крестьянства в частности, наконец, неимущих классов»[1].

«В Германии 1848—1849 гг., — подчеркивает Ленин, — Маркс поддерживал крайнюю революционную демократию и никогда впоследствии не брал назад сказанного им тогда о тактике»[2].

Все поведение Маркса и Энгельса в революции 1848 г. представляет собой яркий образец последовательного осуществления одного из важнейших положений революционной пролетарской тактики: «... марксист *первый* вступает на путь прямой революционной борьбы, идет к непосредственной схватке, разоблачая примиренческие иллюзии всяких социальных и политических межеумков... Марксист *последний* покидает путь непосредственно-революционной борьбы, покидает лишь тогда, когда исчерпаны все возможности, когда нет и *тени* надежды на более короткий путь...»[3].

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 128.
[2] Там же, т. 21, стр. 60.
[3] Там же, т. 11, стр. 316—317.

Глава сорок третья

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В 1848 Г.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИОННОГО ПОДЪЕМА (МАРТ—ИЮНЬ 1848 Г.)

Внешняя, политика Второй республики всецело определялась классовой сущностью Временного правительства. Большинство членов Временного правительства состояло из буржуазных республиканцев и деятелей династической оппозиции. Руководство внешней политикой они удерживали в своих руках в значительно большей степени, чем внутренние дела. Внешней политикой руководил Ламартин, «трехцветный» республиканец. В период «всеобщего братания», с февраля до мая 1848 г., когда буржуазия еще вынуждена была делать уступки рабочему классу и мелкобуржуазным демократам, Ламартин, прикрываясь лживыми фразами о гуманных началах французской внешней политики, стремился разрешить главную внешнеполитическую задачу французской буржуазии того времени—сохранение любой ценой внешнего мира, чтобы избежать дальнейшего революционного подъема и новых уступок рабочему классу внутри страны.

Внешняя политика Временного правительства Франции

Вся внешняя политика Временного правительства определялась страхом интервенции, боязнью встретить внешнего врага или одно из «тех крупных внешних осложнений, которые могли бы воспламенить энергию, ускорить революционный процесс, толкнуть вперед временное правительство или выбросить его за борт»[1]. По свидетельству самого Ламартина, он боялся, что всякое открытое выступление Франции против трактатов 1815 г. на помощь революционным движениям в других странах вызовет образование контрреволюционной коалиции и войну с нею, которая потребует чрезвычайных революционных мер и новых уступок народным массам. Ламартин считал, что война принесет с собой и другую опасность — возможность установления военной диктатуры, как то было в конце XVIII в. Буржуазные республиканцы, опасаясь, что в случае войны их власть может рухнуть, старались избежать всяких осложнений в отношениях с реакционными правительствами Европы. Маркс так и писал об этой политике: «Главную свою заслугу молодая республика полагала в том, чтобы никого не пугать, а, напротив, самой

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв., т. I, 1949, стр. 122.

всего пугаться и мягкой податливостью и непротивлением отстаивать свое существование и обезоруживать врагов. Она громко заявила о своем миролюбии привилегированным классам внутри страны и деспотическим державам во-вне»[1].

Главным средством избежать интервенции Ламартин считал обеспечение мира с Англией. Расчет этот был верен: без английских субсидий война с Французской республикой была бы непосильной для расстроенных финансов Австрии, России и Пруссии. Став министром иностранных дел, Ламартин немедленно написал британскому послу в Париже лорду Норменби и представителям других государств о том, что республиканская форма нового правительства не меняет ни места Франции в Европе, ни ее искренних намерений поддерживать отношения доброго согласия между державами, которые, как и она, хотят независимости наций и всеобщего мира. На другой день Норменби посетил Ламартина и заявил, что его функции в качестве посла окончены, но сам он, по личному убеждению, полагает, что Англия будет следовать своему принципу — признавать в других государствах любую форму правительства, которая представляет «гарантии устойчивости и безопасности внутри и не дает никакого повода для беспокойства соседних стран». Ламартин продолжал расточать Норменби свои миролюбивые заверения и даже выразил желание заключить союз с Англией. Он всячески заботился о том, чтобы рассеять подозрения британского правительства относительно возможности какого бы то ни было вмешательства Франции в итальянские дела. Когда английский флот появился у берегов Сицилии и неаполитанский король обратился к Ламартину с просьбой прислать туда и французскую эскадру в противовес английской, Ламартин отказал, чтобы не вызвать у Пальмерстона никаких опасений.

Циркуляр Ламартина от 4 марта 1848 г.

4 марта Ламартин разослал представителям Французской республики за границей циркуляр, уверявший иностранные правительства в том, что Франция не начнет войны с целью отмены договоров 1815 г. Этот циркуляр был обнародован и своими звонкими фразами должен был удовлетворить французское буржуазное общественное мнение.

«Монархия и республика,— говорилось в циркуляре,— не являются в глазах истинных государственных людей абсолютными принципами, которые ведут смертельную борьбу: это факты, которые противостоят друг другу, но которые могут стать лицом к лицу, понимая и уважая друг друга». «Французская республика,— говорилось в нем далее,— не замышляет войны против кого бы то ни было... Трактаты 1815 г. не существуют более в глазах Французской республики как право; однако территориальные постановления этих трактатов есть факт, который она допускает как основу и как исходный пункт в своих отношениях с другими нациями».

Отвергнув идею революционного вмешательства в дела других стран, циркуляр в то же время заявлял, что в некоторых случаях республика имеет право осуществить подобное вмешательство: «Итак, мы громогласно заявляем, что если нам покажется, что в решениях провидения пробил час преобразования какой-либо угнетенной национальности в Европе или другом месте, если Швейцария, наша верная союзница со времени Франциска I, была бы стеснена или угрожаема в растущем движении, которое происходит в ней, если бы независимые государства Италии подверглись вторжению, если бы были навязаны пределы или поставлены преграды их внутреннему преобразованию, если бы оспаривалось с оружием в руках

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв., т. I, 1949, стр. 121—122.

их право соединяться для консолидации итальянского отечества,— Французская республика полагала бы себя вправе самой вооружаться для защиты этих законных движений, этого роста и национальной независимости народов».

Но европейские правительства поняли циркуляр Ламартина как отказ республиканской Франции от войны за отмену договоров 1815 г. и как выражение намерения сохранять мир. Пальмерстон угадал, что пышная фразеология циркуляра предназначалась не для иностранных кабинетов, а для парижских клубов. О звонких фразах циркуляра Пальмерстон писал: «Если бы вам пришлось положить все это в плавильник, выпарить газообразные части и удалить шлак, то вы нашли бы главное, а именно то, что должны быть мир и доброе товарищество с другими правительствами».

Ламартин продолжал неустанно твердить о том, что хотя республика и стоит за освобождение и независимость всех наций, но всеобщее братство народов может быть установлено только мирными путями. 27 марта официальная газета «Монитер» («Moniteur») предвещала скорое образование Священного союза народов и создание в будущем Соединенных Штатов Европы. Газета «Пресса» («Presse») проповедовала всеобщее разоружение. За мир высказывались Консидеран и другие последователи Фурье.

Внешнеполитическая программа французской революционной демократии

Революционные демократы и многие социалисты не верили в мирное осуществление братства народов и настаивали на активной помощи революционным движениям во всей Европе. Они были уверены, что война с контрреволюционными правительствами не только завершится полной победой восставших народов, но и приведет к осуществлению во Франции глубоких революционных преобразований, которые и были их главной целью. Революционные демократы и часть социалистов были убеждены, что только победа революции во всей Европе создаст полную гарантию прочности тех революционных порядков, которые они хотели установить во Франции. Помощь революционным движениям, восстановление Польши в границах 1772 г. в качестве оплота и союзника Франции, сближение Франции с освобожденной Италией и объединенной Германией — такова была внешнеполитическая программа этих групп. Революционное вмешательство в дела других народов было в их глазах ключом к решению всех вопросов внешней и внутренней политики. В 1792—1793 гг. война с контрреволюционной коалицией способствовала подъему революционных сил внутри Франции, и этот пример воодушевлял «якобинцев» и «социальных республиканцев» 1848 г. Во Временном правительстве их идеи поддерживали Ледрю-Роллен и Луи Блан.

Революционные эмигранты — поляки, ирландцы, немцы, бельгийцы, итальянцы, которых только в одном Париже было до 15 тыс., мечтали о том, чтобы Временное правительство оказало помощь в освобождении их стран от реакционных порядков и чужеземного гнета. Они основывали клубы, устраивали шествия с национальными флагами, посылали делегации и адреса Временному правительству, взывая о поддержке. Ответные речи Ламартина были полны громких фраз по поводу свободолюбивых стремлений европейских народов, но не содержали никаких обещаний практической помощи. Полякам Ламартин отвечал, что Французская республика, несмотря на свои симпатии к Польше, ведет миролюбивую политику, и советовал «ждать будущего». Маркс писал о речах Ламартина: «Подобно тому как Эол выпускает из своих мехов все ветры, так Ламартин развязывает и гонит по ветру на восток и на запад всех духов воздуха, все фразы буржуазной республики,— ветреные слова о братстве всех народов,

об освобождении, которое Франция принесет всем народам, о самопожертвовании Франции в интересах всех народов.

А сделал он что? — *ничего!*» [1]

Иностранные легионы и Временное правительство

Когда в марте 1848 г. иностранные эмигранты в Париже стали создавать свои легионы, военное министерство запретило пропускать за пределы Франции какие бы то ни было вооруженные группы людей. 18 марта в Париже был составлен немецкий легион в 2 тыс. человек под командой поэта Георга Гервега. Тремя отрядами они без оружия отправились к границе с черно-желто-красными знаменами. Бельгийские республиканцы образовали бельгийский легион. Он разделился на две колонны. Одна из них была доставлена на границу, после чего ее участники были без сопротивления задержаны бельгийскими властями. Другая колонна, перейдя границу, вступила в стычку с бельгийскими войсками, причем было убито 7 и ранено 26 человек, 60 человек были взяты в плен. Остальные вернулись на французскую территорию. Бесплатная доставка по железной дороге бельгийского легиона к границе на деле свелась к фактической выдаче его бельгийским властям. Маркс и Энгельс с негодованием отмечали, что Ламартин «сначала поддерживал бельгийский легион, чтобы потом вернее предать его»[2]. Ламартин отрекся от бельгийских демократов и заверил правительство короля Леопольда в намерении Франции строго соблюдать трактаты о нейтралитете и неприкосновенности Бельгии.

Савойские республиканцы требовали присоединения Савойи к Франции. После уклончивых ответов Ламартина вооруженный отряд савойских рабочих и лионских республиканцев перешел границу, занял Шамбери и провозгласил там республику, но на другой же день был разогнан окрестными крестьянами под предводительством контрреволюционных священников. Вторжение республиканцев вызвало сильную тревогу сардинского правительства.

Ламартин желал, чтобы многочисленные и беспокойные революционные эмигранты поскорее оставили Францию. Он не мешал организации иностранных легионов, но старался успокоить правительства соседних стран и избежать конфликта с ними. 2 апреля Ламартин опубликовал ноту о том, что Временное правительство отказало иностранным эмигрантам в помощи оружием и деньгами.

Поведение дипломатических представителей Временного правительства

Февральская революция внесла мало изменений во французское дипломатическое ведомство. Заместителем Ламартина по министерству иностранных дел был назначен директор газеты «Насиональ», буржуазный республиканец Жюль Бастид, крупный лесоторговец, известный своими католическими симпатиями. Прежние послы Франции за границей были заменены неофициальными агентами республики. Чиновники же министерства были в основном оставлены на своих местах. 15 марта в докладе о званиях дипломатических агентов Ламартин заявлял, что республика не нуждается в престиже рангов и в роскоши для своих агентов. «Их роскошь,— писал он,— заключается в их простоте; их ранг — в их звании; их достоинство — в уважении, которое они внушают и которое они выражают правительствам и народам, к которым они посланы». Ламартин предлагал ввести единообразие званий дипломатических агентов, ограничить их оклады, установить звания чрезвычайного посланника, полномочного посланника,

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 480.
[2] Там же, стр. 354.

поверенного в делах и секретаря миссии, упразднив, таким образом, ранг посла.

Впрочем, для успокоения реакционных правительств, Ламартин тщательно соблюдал общепринятые формы дипломатической переписки и назначал на дипломатические посты людей самого умеренного или консервативного образа мыслей. В Берлин он послал профессионального дипломата легитимиста графа Сиркура, в Вену — тоже профессионального дипломата Лакура, в Лондон — генерала Опика, в Рим — герцога д'Аркура. Как вели себя эти дипломаты при иностранных дворах, показывает пример Сиркура, который во время восстания 18 и 19 марта в Берлине избегал всяких сношений с прусскими либералами и революционерами и даже не вывесил на балконе французской миссии трехцветный флаг республики. 19 марта Сиркур заверил прусское правительство, что Франция желает установления парламентского режима в Пруссии, но что сохранение в ней монархического строя есть «залог мира», «порядка» и защиты «высших интересов» Германии и Европы.

После февральской революции положение Франции в Европе резко изменилось. Если Гизо сближался с Австрией и вызвал своей политикой острую вражду со стороны Англии, то Ламартин немедленно после революции постарался успокоить британское правительство и отдалиться от Австрии. В противоположность Гизо, Ламартин выставлял Францию защитницей целости, нейтралитета и независимости Швейцарии. Мечтой Ламартина был союз с Англией, малыми государствами и «либеральной» Пруссией. Как и многие другие либералы 1848 г., Ламартин питал иллюзию, что родство политических принципов сможет само по себе обеспечить солидарность Англии, Франции и Пруссии во внешней политике, несмотря на противоречивость интересов буржуазии этих стран.

Политика Ламартина в итальянских делах

Внешняя политика Временного правительства была слаба и пассивна. Даже в Италии, откуда Ламартину хотелось изгнать австрийское влияние и заменить его французским, правительство не отваживалось на активные действия, хотя во Франции велись значительные военные приготовления. Временное правительство создало Комитет национальной обороны под председательством Франсуа Араго. Решено было привести в состояние готовности четыре армии: у Рейна, Пиренеев, Альп и на севере. Эти армии могли бы, смотря по обстоятельствам, отражать нападение извне, оказывать своим присутствием воздействие на политику соседних правительств или выступать против рабочего класса внутри Франции. Часть обученных солдат была отозвана из Алжира и отправлена во Францию. По свидетельству Ламартина, создание армии у подножия Альп было нужно Временному правительству, чтобы сдерживать революционных рабочих Лиона. Та же армия могла поддержать итальянское освободительное движение против австрийцев в Ломбардии и Венеции.

Карл-Альберт питал крайнее недоверие к Французской республике: Савойская экспедиция и попытка провозглашения республики в Шамбери наводили на мысль, что Франция может потребовать за свою помощь против Австрии территориальных вознаграждений — Ниццы и Савойи. Большую тревогу вызывала в Пьемонте собранная у Альп французская армия. Французская республика была единственным государством, с которым Карл-Альберт не имел официальных отношений. Начиная войну с Австрией, туринский двор даже не послал в Париж официального уведомления об этом. Ламартин держался уклончиво и впоследствии хвастал, что для пьемонтского посланника маркиза Бриньоля он сделал «невозможным понять — одобряет или не одобряет французское правительство это объявление войны». В апреле Ламартин получил от своего агента в Пье-

монте Биксио сведения о том, что вмешательство Франции может быть желательно только в том случае, если итальянцы сами не смогут изгнать австрийцев за Альпы.

При Временном правительстве Франция была изолирована и не имела союзников. Но политика Ламартина содействовала сохранению мира, и в этом была реальная польза, которую она принесла французской буржуазии, желавшей иметь руки свободными для наступления на рабочий класс. Вместо энергичной борьбы против трактатов 1815 г., которую проповедовали буржуазные республиканцы до февральской революции, Временное правительство фактически признало эти трактаты.

Февральская революция и европейские правительства. Позиция Пальмерстона

После февральской революции иностранные дипломаты не покинули Парижа. Революционные потрясения в 1848 г. захватили почти всю Западную Европу, и почти все правительства были встревожены волнениями в своих странах. Революционные события в Италии, мартовские революции в германских государствах и в Австрийской империи отвлекли внимание от Французской республики в первые недели ее существования и сделали общее выступление против нее совершенно невозможным.

Вспоминая об этом времени, Герцен писал: «Я был в Италии в это время и видел своими глазами действие магических слов „République française“. Пий IX, один из всех монархов, которого народ любил, перепугался до полусмерти и начал снова делать уступку за уступкой; иезуиты были придавлены, кардиналы присмирели. Король неаполитанский укладывал драгоценные вещи и держал наготове пароход. Карл-Альберт, чтоб спасти корону, становился во главе итальянской войны. Савойя предлагала республике присоединиться. Правительства были деморализованы, сбиты с толку, народы — за Францию. Чтобы разом выразить слабость консервативной стороны и старой политики 1815 г., стоит вспомнить, что маленький уголок — Монако и Невшательский кантон сделали свои революции, и никто не думал им серьезно помешать»[1].

Исключали такую возможность и коренные противоречия интересов европейских государств. Царский посол в Лондоне барон Бруннов безуспешно убеждал Пальмерстона не признавать нового порядка во Франции. Пальмерстон отказался дать подобные обязательства, хотя вряд ли он ненавидел что-либо сильнее, чем революционные движения. Свое отношение к французскому Временному правительству и народным массам Франции он откровенно высказал в письме лорду Кларендону, указав, что «все его существо возмущается при мысли о нации в 33 миллиона, деспотически управляемой восемью или девятью людьми», в которых Пальмерстон видел «простых подчиненных» нескольких десятков тысяч парижской бедноты.

В своих действиях Пальмерстон преследовал лишь выгоды британской буржуазии. Он был рад тому, что февральская революция надолго займет силы Франции внутренними делами, вынудит ее предоставить самой себе Испанию и приостановит колониальные завоевания. Бруннов настойчиво доказывал Пальмерстону, что рано или поздно последствием февральской революции будет возвращение Франции к завоевательной политике. То же мнение высказывал и старый враг Франции герцог Веллингтон. Но Пальмерстон сразу же успел разглядеть, что в ближайшем будущем нечего серьезно опасаться Французской республики. Циркуляр Ламартина успокоил его; в течение месяца он убедился, что Временное правительство ведет гораздо более удобную для Англии политику, чем Луи-Филипп.

---

[1] А. И. Герцен. Письма из Франции и Италии. С того берега. М., 1931, стр. 171—172.

К тому же Пальмерстону нужно было сохранять мир с Францией ввиду нового подъема чартизма и революционного восстания в Ирландии.

Но, в отличие от 1830 г., когда Англия почти сразу же после июльской революции признала новое французское правительство, Пальмерстон не спешил с официальным признанием Второй республики и поддерживал с нею лишь фактические отношения. Республику уже признали США, Швейцария, Бельгия, Испания, но Пальмерстон выжидал, чтобы выяснить, насколько устойчиво новое правительство во Франции. Когда во Франции образовался бельгийский легион, встревоженный Пальмерстон поспешил обменяться мнениями с голландским правительством об угрозе французского революционного вмешательства в бельгийские дела. На этой почве произошло сближение Великобритании, Бельгии и Голландии. Правительство Голландии призвало под ружье и придвинуло к бельгийским границам 3 тыс. человек. Пальмерстон был очень доволен, когда выяснилась подлинная политика Ламартина в бельгийских делах. После этого единственным темным пятном во внешней политике Французской республики Пальмерстон считал ее двусмысленное поведение в итальянских делах и сосредоточение у подножия Альп французской армии.

Пальмерстон опасался торжества французского влияния на севере Италии. Прусский посланник в Лондоне фон Бунзен доносил в Берлин, что лучшим средством помешать Франции в этом деле Пальмерстон считает общее соглашение европейских правительств о мерах, которые надо предпринять, если она нападет на соседние государства. Соглашения этого Пальмерстон надеялся достичь на основе принципа невмешательства всех государств в дела Италии и Швейцарии. На деле Пальмерстон готов был содействовать созданию сильного буферного государства на севере Италии под английским влиянием, даже если бы Австрии пришлось уступить Ломбардию, но он не допускал никаких компенсаций за счет Пьемонта в пользу Франции.

Пользуясь слабостью внешней политики Временного правительства, Пальмерстон намеревался всюду, где это возможно, вытеснить французское влияние и заменить его английским. Прежде всего он решил подчинить Англии всю политику Испании. 7 апреля 1848 г. британский посланник в Мадриде Бульвер-Литтон предъявил испанским министрам письмо, в котором Пальмерстон поучал мадридское правительство, советуя ему извлечь уроки из французских событий и, во избежание судьбы Луи-Филиппа и Гизо, провести реформы, которые одни лишь могут предупредить революцию в Испании. Общественное мнение приписывало английскому правительству поддержку революционеров в Испании; в действительности же Пальмерстон хотел не революционного переворота, а подчинения Испании английскому влиянию с помощью испанских либералов.

Однако политика Пальмерстона потерпела полную неудачу. На этот раз коса нашла на камень. Генерал Нарваес, который стоял во главе консервативного правительства Испании, стремился избавиться как от французского, так и от английского вмешательства. С точки зрения международного права советы Бульвера были наглой попыткой вмешательства во внутренние дела Испании с целью превращения ее в полуколонию Англии. Нарваес использовал притязания Англии, чтобы дискредитировать в Испании партию «прогрессистов» и английскую политику. 10 апреля письмо Пальмерстона было возвращено Бульверу с категорическим ответом, что любой документ подобного рода будет передан обратно без всяких комментариев. Испанская нота содержала язвительные указания на репрессии в Ирландии, которые осуществляло то самое английское правительство, которое вмешивалось в дела Испании под предлогом защиты либеральных принципов. Бульвер продолжал свои настояния, но вскоре

ему был вручен приказ в 48 часов покинуть страну под тем предлогом, что он замешан в заговорах и поддержке революционеров. Взбешенный Пальмерстон приказал выдать паспорт испанскому посланнику в Лондоне, и дипломатические отношения обеих стран временно были прерваны.

Результатом бесцеремонной политики Пальмерстона в Испании было усиление там влияния «умеренных».

Контрреволюционные эмигранты в Англии

Во время февральской и мартовской революций революционные эмигранты покидали Англию, чтобы принять участие в борьбе за освобождение своих отечеств, а в Англию под покровительство британской аристократии и буржуазии устремлялись свергнутые правители континентальной Европы. В начале марта Луи-Филипп, переодетый в грубый пиджак горохового цвета, в огромных очках и с выросшей за неделю бородой, высадился в Нью-Хэвене, в сопровождении своей закутанной в плащ супруги. Из Парижа в Англию прибыл и Гизо. В Англии нашли убежище «г-н и г-жа Мейер», еще недавно известные под именем князя и княгини Меттерних. Туда же вскоре прибыл прусский наследный принц (будущий император) Вильгельм («принц-картечь»), которому пришлось спешно покинуть Пруссию, чтобы спастись от угроз со стороны демократов, знавших о его крайне реакционных взглядах.

Пальмерстон не скупился на изъявления своего радушия к этим беглецам. Он так крепко пожимал руки Гизо, что один из присутствовавших английских чиновников, Чарльз Гревиль, сказал: «Я думал, что Пальмерстон и Гизо оторвут друг другу руки».

Поселившись в Англии, бывшие правители континентальной Европы завязали сношения с премьер-министром лордом Эбердином, с королевой Викторией, с ее супругом — принцем Альбертом, с дядей королевы — бельгийским королем Леопольдом. Вместе с английскими тори они усердно принялись за реакционные интриги, стараясь отвлечь Пальмерстона от поддержки даже самых умеренных либеральных движений.

Отношение Николая I к февральской революции

Известие о февральской революции прибыло в Петербург с запозданием, 5 марта (22 февраля ст. ст.). Оно вызвало у Николая I прилив ярости, смешанной со злорадством по случаю падения Луи-Филиппа. Царь в душе никогда не признавал его законным монархом; но республика была для царя еще хуже Луи-Филиппа.

Николай I страстно желал двинуть против Франции свою армию и раздавить революцию. Он желал этого до такой степени, что почти забывал о полнейшей финансовой немощи своей империи. Чудовищная авантюра даже крестового похода против республиканской Франции уже рисовалась его воображению.

Сознавая всё же недостаточность средств для выступления против Франции, Николай торопился создать вооруженный заслон против надвигавшейся с Запада революции. Он приказал немедленно начать военные приготовления и старался укрепить свои связи с Берлином и Веной. Фридриху-Вильгельму IV Николай советовал сосредоточить на Рейне сильную армию и обещал в подмогу 350 тыс. человек. Царь настаивал на том, чтобы король не признавал Французской республики. На Австрию Николай не мог серьезно рассчитывать, так как итальянские революции еще раньше сковали ее силы.

Не будучи в состоянии напасть на нее, он решил по крайней мере порвать с ней дипломатические сношения и отозвать из Парижа своего посланника Н. Д. Киселева. Этот разрыв не должен был означать намерения воевать с Францией, пока она сама не нарушит трактатов 1815 г. Нессельроде писал 3 (15) марта Киселеву: «Когда Вы покинете Париж, все, не

исключая самого Ламартина, Вас спросят, чего хочет и что сделает Россия? Вы ответите: она желает мира и сохранения территориального строя в Европе в том виде, как он установлен был трактатами Венским и Парижским. Она не намерена вмешиваться во внутренние дела Франции; она не примет никакого участия во внутренних раздорах, которые могут ее раздирать; она никоим образом не будет влиять на выбор правительства, которое народ пожелает. Она соблюдает в этом отношении самый строгий нейтралитет. Но с той самой минуты, когда Франция выступит за свои пределы, когда она пойдет на одного из союзников государя, когда она будет поддерживать революционное движение за пределами своих границ и народы, восставшие против своих законных суверенов, государь придет на помощь атакованной державе и в особенности своим наиболее близким союзникам — Австрии и Пруссии — со всеми своими силами. Такова речь, которую Вам надлежит держать».

В депеше Бруннову, отправленной в Лондон 12 (24) марта, Нессельроде излагал образ действий, которого царь решил придерживаться сам и советовал придерживаться другим правительствам. «Что касается императора, — писал Нессельроде, — его намерение заключается в том, чтобы предоставить французов неизбежным последствиям нового политического эксперимента, который они хотят произвести, и присутствовать в качестве зрителя при этой разрушительной работе, поскольку она не выйдет за круг намеченных для Франции границ». На случай, если революция перебросится за пределы Франции, царь высказывал мнение, что «все европейские державы должны принять свои предосторожности, сделать оборонительные приготовления, собрать на своих границах внушительные военные средства и, до того как они будут атаковать, держаться в наблюдательной, не наступательной, но оборонительной позиции».

Обстоятельства вынудили царя в 1848 г. занять в отношении Франции более сдержанную позицию, чем во время июльских событий 1830 г. Французам не был запрещен въезд в Россию. Мартовские революции в германских государствах и в Австрии привели к тому, что даже намерения царя порвать с республиканской Францией дипломатические отношения остались неисполненными.

Политика Австрии, Пруссии и России от февральской революции до мартовских революций

Когда вспыхнула революция во Франции, австрийское правительство было всецело поглощено борьбой против революционного движения в Верхней Италии. Основу своей политики Меттерних видел в тесном единении с Россией, но надвигавшаяся революция заставила его попробовать оживить пошатнувшийся союз с Пруссией. 29 февраля он запросил прусского министра иностранных дел графа Каница о том, не может ли король прислать в Вену уполномоченного для обсуждения создавшегося положения.

Этот призыв не остался без ответа. Прусский король готов был оказать Австрии дипломатическую поддержку в итальянских делах в ответ на согласие Австрии на расширение Таможенного союза и на такую реформу Германского союза, которая увеличила бы в нем престиж и влияние Пруссии. 4 марта граф Радовиц прибыл в Вену, а 10 марта подписал с Меттернихом соглашение о предстоящей реформе Союза и созыве 25 марта конгресса германских государей в Дрездене для проведения ее в жизнь. Созывом конгресса прусский король и Меттерних надеялись предотвратить переход вопроса о будущем устройстве Германии из рук государей в руки общегерманского парламента. В то же время на границе с Францией Пруссия и малые немецкие государства принимали меры военной предосторожности.

Проект конгресса встретил сочувствие у государей Южной и Западной Германии, которые испытывали отчаянный страх перед республиканским движением в своих владениях и перед воображаемой угрозой французского нашествия. Во время мартовских революций на юге Германии государи Гессена, Бадена и Вюртемберга видели главную опору монархического строя в Пруссии и желали вступить с ней в более тесное сближение, чтобы не допустить решения судеб страны общегерманским парламентом, созыв которого обсуждался на совещании общественных деятелей в Гейдельберге.

Герцог Нассауский послал к южногерманским дворам и к прусскому королю своего советника Макса фон Гагерна с просьбой защитить герцогство и от немецких республиканцев и от французской угрозы; вместе с тем герцог предлагал Пруссии стать во главе движения за создание федеративной Германии. По выражению прусского посланника при Франкфуртском союзном сейме, цель миссии Гагерна заключалась в том, чтобы «передать большие вопросы дня... из рук радикального собрания в Гейдельберге — немецким правительствам». 15 марта Гагерн беседовал с прусским посланником во Франкфурте. «Не отрицая большой опасности дальнейшего подъема республиканских элементов, которые уже начали давать себя знать, как и насилий со стороны пролетариев», Гагерн выразил надежду на упрочение конституционных монархий в Южной Германии, «если только Пруссия примкнет к этой системе»; в противном случае, заявлял Гагерн, «либо образуется южногерманский Зондербунд и вместе с ним будет взорван Германский союз, либо силой прорвутся республиканские тенденции».

Правительства Бадена, Вюртемберга, Гессена и северогерманских государств изъявили согласие участвовать в конгрессе и одобрить прусский проект реформы Германского союза. Только Бавария упорно противилась этому плану, отстаивая свой партикуляризм.

После событий 13 марта в Вене прусский король решил созвать конгресс немецких государей в Потсдаме и использовать его для утверждения прусской гегемонии в Германии. Но маневры реакционных кругов были расстроены напором революционных событий. Революция 18—19 марта в Берлине опрокинула все их замыслы. Гагерн прибыл в Берлин и был принят прусским королем уже после баррикадных боев. Король решил пообещать конституцию и объявить о своем намерении возглавить конституционное движение за федеративную Германию, но престиж Пруссии среди малых германских государей уже пошатнулся. Они изумлялись тому, как монарх, «почти низложенный у себя дома», может предъявлять подобные претензии. Идею конгресса пришлось отбросить, и она осталась в 1848 г. неосуществленной.

Сознавая недостаточность своих средств, Николай I оказался в состоянии вынужденного бездействия по отношению к Франции. Он боялся двинуть свои войска и в Италию, удалить их от границ своей империи. «Если вспыхнет война между Австрией и Пьемонтом,— писал он в феврале 1848 г.,— нам нечего там делать, по крайней мере, до тех пор, пока революционная Франция не нападет на Австрию, что представляется маловероятным и что привело бы ко всеобщей войне. Послать же свои войска в столь отдаленные страны, на это я никогда не пойду».

Но если Италия и Франция были для царя «отдаленными странами», то совершенно иначе обстояло дело с соседними Австрией и Пруссией. Все усилия дипломатии Николая I были направлены на то, чтобы предупредить революции в германских государствах. Меттерних возлагал большие надежды на помощь царя и еще 20 января обратился к Нессельроде с просьбой о займе для борьбы с революционным движением в Италии.

На случай, если бы Австрии пришлось сосредоточить свои войска против Пьемонта, Николай I решил предложить венскому правительству выставить у границ Галиции русский корпус, чтобы он по первому требованию Австрии вступил в эту провинцию и задушил в ней всякую новую попытку польского восстания. Депешей от 26 февраля (9 марта) эти предложения были сообщены русскому посланнику в Вене барону Медему, но революция 13 марта в Вене разрушила все надежды Николая I на союз с Австрией. 22 марта Нессельроде уведомил новое австрийское правительство, что события в Вене исключают возможность предоставления ему русского займа.

Царь прилагал все усилия, чтобы побудить Фридриха-Вильгельма IV сосредоточить войска против Франции и оказать твердое сопротивление требованиям либеральной оппозиции в Пруссии. Царь настаивал, чтобы король не признавал республики во Франции, угрожая отказать в помощи в случае нападения французов. В письме королю от 7 марта он писал, что французы либо перейдут Рейн, либо будут вооружаться, выжидая, пока революция охватит Германию. «Повторяю, я предпочел бы,— добавлял царь,— первый случай, так как надеюсь, что он пробудил бы национальное чувство и соединил, наконец, Германию для общей обороны, предоставив нам всем возможность усмирить зловредный дух юга и, быть может, задушить его». Но надежды Николая не сбылись. Восстание в Берлине 18—19 марта и конституционные уступки короля превратили Пруссию из возможного союзника царизма в вероятного его противника.

Международное положение царской России после мартовских революций в Австрии и Пруссии

После мартовских революций в Вене и Берлине царь оказался в полной изоляции. Методы лавирования и компромиссов, которые применял в борьбе с революцией прусский король, были для Николая I совершенно нетерпимы. Напрасно король пытался разъяснить ему, что он намерен «вырвать из рук демагогов опасное и фатальное оружие немецкой национальности», т. е. использовать для борьбы с революционерами идею единого германского национального государства. Царь видел в поведении Фридриха-Вильгельма IV только трусость. Николай сожалел о том, что революция расшатала устои старой, абсолютистской Пруссии. Он страшился создания единой Германии. Особенно боялся он революционного объединения Германии, но не желал допустить и объединения Германии под главенством прусского юнкерства. Николай считал, что революция может переброситься в Познань, Галицию и Царство Польское, может подступить к границам России. И Нессельроде и царь считали объединение Германии «опасной утопией». По их мнению, объединенная Германия должна была быть охвачена «духом расширения и завоеваний».

В своем отчете за 1848 г. Нессельроде так излагает опасения, которые внушали царскому правительству возможность объединения Германии и ненависть немецких либералов к России: «В противоречии с договорами обе Пруссии включены в территорию Германского союза. Шлезвиг находится под угрозой. Доходят даже до разговора о включении наших провинций Курляндии и Лифляндии в великое немецкое единство. Эти притязания сопровождаются воинственными провокациями против России».

Злобная ненависть царя к революции и революционерам, его тупое упрямство и надменность получили свое выражение в манифесте, опубликованном 14 (26) марта после революций в Вене и Берлине.

Вызывающий язык этого документа произвел за границей самое невыгодное впечатление и вызвал новый прилив всеобщего негодования и ненависти прогрессивных общественных течений в Западной Европе к

царской России. Манифест был истолкован как выражение готовности Николая начать войну со всей революционной Европой. Нессельроде вынужден был поместить в «Journal de Saint-Pétersbourg» (так называлась официальная газета министерства иностранных дел) статью, которая разъясняла, что царский манифест вовсе еще не означает намерения России воевать, что Россия занимает оборонительную позицию и пока не вмешивается во внутренние преобразования в Западной Европе. Но в статье оговаривалось, что, охраняя трактаты 1815 г., Россия «не упустит из виду того распределения границ между государствами, тех взаимных прав владения, кои освящены ее ручательством, и решительно не потерпит, чтобы в случае изменения политического равновесия и иного какого-либо распределения областей подобное изменение обращалось в ущерб Империи. Дотоле она будет соблюдать строгий нейтралитет».

После революций в Вене и Берлине царь более всего опасался революционного объединения Германии и господства в ней агрессивной Пруссии. При таких условиях разрыв с Францией, несмотря на провозглашение там республики, становился для царя нежелательным.

Н. Д. Киселев понял перемену обстоятельств еще до получения новых инструкций. Вначале он не исполнил приказа об отъезде из Парижа, считая это неблагоразумным. Его удерживало в Париже также присутствие там русских подданных и пример всех других дипломатов, не собиравшихся покидать французскую столицу и пристально наблюдавших за ходом событий. Узнав о революциях в Вене и Берлине, Киселев окончательно решил, что уезжать ему не следует. Киселев принял на себя ответственность за это решение. Циркуляр Ламартина еще более утвердил его в намерении остаться в Париже и не обострять отношений с Временным правительством. В начале апреля Киселев прочел Ламартину письмо Нессельроде от 3 (15) марта, но пропустил то место, которое касалось угрозы царя придти на помощь Австрии и Пруссии против французов. Ламартин был доволен и благодарил Киселева, заверяя его, что со стороны Республики не может быть и речи о какой бы то ни было материальной поддержке поляков против России. Ламартин заговорил даже о возможности франко-русского союза. «Он сказал мне, — доносил Киселев, — что в его дипломатической карьере ему часто приходилось думать и признавать, что самый естественный союз для Франции был бы союз с Россией, и если бы польский вопрос не овладел легковесными симпатиями в этой стране, давшими пищу враждебным отношениям обоих правительств, то этот союз осуществился бы в пользу обоих народов, между которыми, может быть, больше естественного сродства, нежели с какой-либо другой нацией. Все тут зависит от времени и благоприятных обстоятельств, и он с великим доверием полагается на мудрость и могущество государя». Прощаясь с русским посланником, Ламартин спросил его, останется ли он в Париже. Киселев ответил: «не знаю». Ламартин, заметил, что «чем дольше он останется, тем будет лучше».

В депеше от 6 (18) апреля Нессельроде сообщал Киселеву, что царь вполне одобрил его поступок и разрешает ему оставаться в Париже, но «не вступая в официальные сношения с Временным правительством». Нессельроде пояснял и причину такой перемены в намерениях царя. «Вся наша система, — писал он Киселеву, — должна измениться». Как уже было сказано выше, развитие революции в Германии и возможность ее объединения революционным путем особенно тревожили царское правительство. В перспективе можно было ожидать союза Германии с восставшими поляками, и Нессельроде писал, что «внешнее давление со стороны Франции могло бы послужить нам противовесом против враждебных намерений наших соседей». Царь с уверенностью рассчитывал, что буржуазная Французская республика будет так же энергично противиться объединению

Германии и замыслам Пруссии, как и крепостническая самодержавная Россия. Хотя союз с Францией и не входил в виды Николая, но Нессельроде в той же депеше писал Киселеву: «Императорское правительство признает благоразумным напрасно не раздражать Францию, ибо, будучи республикою или монархией, революционной или консервативной, Франция всегда останется державой, с которой нужно считаться и которую нельзя исключить из возможных комбинаций, на которых будет покоиться общественное равновесие».

С Французской республикой тем легче было сговориться, что она оказывалась совсем не столь революционной, как вначале думали царь и его министры. Для царизма события в Германии были ближе и опаснее, чем события в Париже. В своем отчете за 1848 г. Нессельроде писал: «Наиболее близкие опасности приходили к нам не от Франции. Наиболее враждебная нашим интересам демократия уже не заседала больше в Париже. Она гнездилась ближе к нам, в Вене, Берлине, у наших дверей [в Польше]... В своем враждебном отношении к революции в Германии с царем вполне сходились буржуазные Франция и Англия, стремившиеся помешать Германии стать единым государством.

ПОЛЬСКИЙ И ШЛЕЗВИГ-ГОЛЬШТИНСКИЙ ВОПРОСЫ ВЕСНОЙ 1848 г.

Внешняя политика Пруссии после мартовской революции

Март — апрель 1848 г. ознаменовались в Пруссии наибольшим подъёмом революции. Соответственно и во внешней политике Пруссии отразились те уступки, на которые шло правительство в отношении либеральной буржуазии. Если армию и чиновничий аппарат король оставлял всецело во власти реакционеров (как резерв для будущей контрреволюции), то министерство иностранных дел с 21 марта было передано в руки заведомого противника абсолютизма барона Генриха Арнима, который занимал этот пост в кабинете Кампгаузена, т. е. до 20 июня. После 18 марта барон Арним был нужен как министр, популярный среди либеральной буржуазии. Это был ярый сторонник гегемонии прусской конституционной монархии в Германии. Его неприязнь к абсолютизму умерялась ненавистью к революции. Арним стремился использовать идею национального единства Германии для борьбы с революционным движением, оторвав от него всех сторонников прусского господства над Германией. Насколько консервативны были взгляды Арнима на представительный образ правления, показывает то, что в записке от 17 марта он рекомендовал превратить прусский ландтаг в общегерманский парламент.

Но Арним сходился с либералами и радикалами во враждебном отношении к системе договоров 1815 г. и разделял их желание включить в Германию Шлезвиг. Единственным серьезным препятствием к объединению и территориальному расширению Германии под главенством Пруссии он совершенно ошибочно считал Россию. Поэтому Арним держался «западной» ориентации, тщетно надеясь на союз с Францией и поддержку Англии. Подобно большинству немецких либералов и радикалов, он видел основное средство ослабления России в «восстановлении» Польши под немецким господством, для начала хотя бы в масштабе Познани. Что касается Австрийской империи, то Арним ожидал ее скорого распада, и советовал не оказывать ей никакой помощи. В записке от 17 марта Арним так излагал свои взгляды: «Воссоздание немецкой военной мощи, открытое провозглашение полного нейтралитета во всех вненемецких вопросах и в том числе в борьбе Австрии против своих отпавших немецких провинций, наконец, восстановление королевства Польского при условии его

вечного нейтралитета для успокоения Франции и как барьера против России». Остается добавить, что Арним и прусские либералы, как и часть польских эмигрантов, рассчитывали посадить на польский престол в Познани прусского принца Вольдемара.

Всю эту программу Арним отнюдь не думал осуществлять революционным путем. Он воображал, что сможет своей внешней политикой расколоть революционные силы и сплотить немецкие государства вокруг конституционной Пруссии. Строя подобные планы, Арним игнорировал противоположность интересов французской и немецкой буржуазии и не учитывал враждебности Франции и Англии к объединению Германии.

Россию Арним считал колоссом на глиняных ногах и не верил в то, что война с ней потребует серьезных усилий. Издержки этой войны он надеялся возложить вовсе не на Германию, а на поляков и Францию. Расчет был прост: в марте и апреле 1848 г. Арним был убежден в том, что польское революционное движение, начавшись в Познани, перебросится не только в Галицию, но и в русскую Польшу, и что поляки отвлекут на себя главные силы России и ослабят ее сопротивление делу объединения Германии. Арним не предполагал объявлять России войну, но не хотел мешать переходу скопившихся в Познани отрядов польских эмигрантов через русскую границу, чтобы возбудить восстание в русской Польше.

24 марта Сиркур писал из Берлина: «Здесь не сомневаются, что восстание за восстановление независимой Польши вспыхнет на территории, которая принадлежит Российской империи и которую немцы называют конгрессовой Польшей. Ожидают, что польское население Познани присоединится к этому порыву, и что поляки, рассеянные по Франции, Германии и Бельгии, стекутся для того, чтобы участвовать в этой борьбе. Во время этих событий прусское правительство предполагает держать свои войска в казармах, предоставить действовать добровольцам и отбросить силу силою, если бы случилось, что русские, преследуя своих врагов, перешли бы с оружием границу, которая определена трактатом для прусской Польши».

Совершенно очевидно, что при подобных планах Арнима в случае поражения в борьбе с царскими войсками поляки не могли бы рассчитывать на серьезную помощь прусских войск. Не удивительно, что польские эмигранты не доверяли Арниму и главные надежды возлагали на Францию.

Легко понять неосуществимость политических планов Арнима. Исполнение их зависело от факторов, находившихся вне его контроля, и прежде всего от того, произойдет ли в русской Польше такое восстание, которое сковало бы силы царской России, и согласится ли Франция вступить с Пруссией в союз. К тому же Арним вовсе не был вершителем прусской политики. Его влияние было весьма ограничено и наталкивалось на сопротивление короля и армии, которое могла устранить лишь последовательная демократическая революция, а не бессильные советы либерального министра. Король игнорировал Арнима и непосредственно переписывался с царем, сносясь с ним через своего военного представителя и посланника в Петербурге. Армия, король и остэльбские юнкеры не хотели разрыва с Россией и были враждебны польскому движению. Арниму король сказал: «Клянусь богом, что я ни теперь, ни в будущем не обнажу меч против России! Я считал бы тогда Германию погибшей».

Познанское восстание и его международное значение

Надежды Арнима и немецких либералов на совместную с поляками борьбу против царской России не осуществились. Восстание в русской Польше не вспыхнуло. Царство Польское было наводнено войсками. Удовлетворить поляков землями на востоке без войны с Россией не было никакой возможности, а немецкая буржуазия и юнкер-

ство вовсе не желали поступиться своими интересами в Познани. Не прошло и полутора месяцев, как ожесточенные военные действия начались, но не между Германией и царской Россией, а между немцами и поляками на территории Познани.

Королевским указом от 18 марта было предусмотрено включение Познани и Восточной Пруссии в Германский союз для того, чтобы эти провинции могли послать депутатов в общегерманский парламент. С точки зрения внешней политики этот указ был нарушением договоров 1815 г., оставлявших Познань за пределами Германского союза, и означал, что в случае вступления в Познань русских войск весь Германский союз должен объявить России оборонительную войну. Но познанские поляки не желали включения Познани в состав Германии. 23 марта польская делегация вынудила у короля обещание провести «национальную реорганизацию» Познани и потребовала создания в ней самостоятельной польской администрации и армии. Познанский ландтаг отказался послать делегатов в общегерманский парламент. Чтобы выйти из создавшегося положения, прусское правительство задумало разделить Познань на две части — герцогство Гнезненское с польской администрацией, которое оставалось бы вне Германского союза, и «немецкую» часть Познани, под видом которой предполагалось включить в Германский союз львиную долю всей провинции. Разумеется, суверенитет Пруссии предполагалось сохранить над всей территорией Познани как части прусского государства.

Тем временем в Берлин и Познань из Парижа и со всех концов Европы съезжались вооруженные польские эмигранты с целью создания военных отрядов для борьбы за восстановление независимой Польши. Польские аристократы, как, например, одряхлевший «претендент» на польскую корону, князь Адам Чарторыйский, питали совершенно несбыточные надежды на мирное соглашение держав по вопросу о восстановлении Польши. Польские же радикалы и демократы из разорившейся шляхты рассчитывали вооруженными действиями, начатыми против России с территории Познани, втянуть Пруссию, а затем и Францию в войну с царизмом и воспользоваться ее результатами.

Тем временем отношение к полякам со стороны немецкой либеральной и радикальной печати и клубов резко изменилось. Изъявление лицемерных симпатий к полякам сменилось потоком откровенной ненависти, особенно острой в сопредельных с Познанью прусских провинциях. Франкфуртский предпарламент не высказался за оставление Познани за пределами будущей единой Германии и оставил этот вопрос открытым. В бумагах Кампгаузена имеется записка от 28 апреля, видимо, принадлежащая Арниму и гласящая, что за восстановление Польши «не должно быть пролито ни капли немецкой крови». Прусское правительство разрешило въезд в Познань только тем польским эмигрантам, которые были местными уроженцами. Яростную травлю поляков вели познанские помещики-немцы, опасавшиеся потерять свое влияние в случае «национальной реорганизации» этой провинции. Король и генералы опасались разрыва с Россией. Сиркур писал 1 мая: «Самая решительная ненависть увлекла теперь все классы, и крестовый поход против поляков проповедуется во всех клубах. Отряды добровольцев, вооруженные и организованные для армии Шлезвига, желают отправиться теперь в Познань на помощь немцам». Лишь революционные демократы смело высказывались за оставление Познани вне Германии и за войну с Россией.

Тем временем военное министерство концентрировало в Познани войска, чтобы подавить движение, и к 5 апреля довело их численность до 350 тыс. человек. Генерал Виллизен, присланный ранее в Познань для вы-

работки компромиссного соглашения с поляками, был отозван; в начале мая туда в качестве королевского комиссара приехал враждебный полякам генерал Пфуль. Военное командование находилось в руках крайних реакционеров вроде генерала Коломба. Между польскими революционными отрядами и прусскими войсками начались бои. К маю восстание поляков в Познани было подавлено. Последние силы поляков капитулировали 9 мая.

Подавление Познанского восстания имело крупное международное значение. Оно означало крушение идеи польско-немецкого союза и планов войны с Россией за восстановление «независимой» Польши и создание единой Германии. Кровавая расправа с поляками была выигрышем для прусской монархии, царской России и Австрийской империи, заинтересованных в том, чтобы не допустить восстановления Польши.

Враждебная полякам позиция Пальмерстона. Провал планов прусско-французского союза против России

Отношение западных держав к возможности войны за восстановление Польши было враждебным. Английское правительство не желало коренной ломки «системы 1815 г.». 6 апреля Пальмерстон писал английскому посланнику в Берлине Уэстморленду: «Я в особенности поручаю вашему превосходительству воздержаться от всякого поведения, которое могло бы рассматриваться Россией как агрессивное, и избегать, поскольку это возможно, всяких мер, которые могли бы повлечь за собой нападение на русскую территорию». Опасаясь вспышки восстания в русской Польше, Пальмерстон через посланника в Петербурге Блумфильда советовал царю дать полякам самоуправление, что «могло бы отвратить опасность конфликта, результаты которого, в любом случае и чем бы он ни кончился, были бы плачевны». О помощи полякам со стороны Англии нечего было и думать. В мае 1848 г. лорд Россель сказал, что «теперь совершенно нечего делать ни в Польше, ни для Польши».

Позиция Франции также была отрицательной. 31 марта, в момент крайнего обострения отношений с Россией, Арним запросил Сиркура о том, что сделает Франция, если польские отряды, собиравшиеся в Познани, перейдут русскую границу, а русская армия, отражая и преследуя их, займет герцогство Познанское. Арним желал, чтобы французское правительство торжественно объявило о полной солидарности с Пруссией в польском вопросе. Тут же Арним пояснил, что ожидает от Франции помощи в виде посылки французской эскадры или хотя бы двух кораблей с десантом в Балтийское море для диверсии против России. Арним надеялся, что декларация Франции о союзе с Пруссией удержит Россию от вторжения в Познань, а французский флот поможет включить в Германию Шлезвиг. Недоверие к Франции и непопулярность союза с ней среди широких кругов буржуазии и юнкерства, а также страх перед французским республиканизмом были так велики в Германии, что о пропуске французской армии по сухому пути через Германию к границам России не могло быть и речи. Только в конфиденциальном разговоре и ничем себя не связывая, Сиркуру разрешили сказать, что «если Россия нападет на Пруссию и займет ее территорию, захватив Познань, то Франция поддержит Пруссию вооруженной рукой». В переговорах с Сиркуром Арним заявил, что через месяц Пруссия будет иметь под ружьем 450 тыс. человек, но из Парижа последовал отказ от каких бы то ни было обязательств, на этот раз даже без конфиденциальных упоминаний о возможности поддержки со стороны Франции.

Стремление немецких либералов к союзу с Францией против России уже в апреле и мае 1848 г. сменилось совершенно противоположными настроениями под влиянием вражды к польскому движению,

охватившей в это время германскую печать и клубы. Действия иностранных легионов и слухи о возможности вторжения французов в прирейнские области Германии были широко использованы реакцией для возбуждения недоверия и вражды к политике Французской республики. Прусская буржуазия уже не только не помышляла больше о сближении с Францией в польских делах, но стала бояться возможности выступления Франции в защиту поляков, которого требовали демократические клубы и газеты Парижа.

Сиркур доносил, что, кроме левых демократов, вся немецкая нация враждебна Франции и полякам, и что, даже если Пруссия станет республикой, война с ней будет неизбежна, если только Франция попытается восстановить Польшу, а всеобщая война из-за Польши приведет к истреблению польского дворянства крестьянами и к объединению Германии. В этой войне, писал он, — «Германия может себя спасти только реорганизацией, но реорганизовать себя она может только путем войны. Дадим ли мы ей эту войну? Вот к чему она приведет: мы потопим в море крови сначала наше богатство, а затем, по всей вероятности, и нашу свободу, чтобы воссоздать на двух берегах Рейна самую грозную в Европе военную державу. Мы объявим войну ради Познани и купим мир, уступив Страсбург». Сиркур утверждал, что Россия поможет Пруссии, и что хотя конституционное министерство против такого союза, но отношения Пруссии с Россией улучшаются, и если Франция нападет на Пруссию, то союз с Россией не будет отвергнут.

Инструкции Сиркуру рисуют страх французской буржуазии перед последствиями войны с Германией и Россией и показывают, как противоречия интересов немецкой и французской буржуазии мешали разрешению задачи объединения Германии. К тому же французское Учредительное собрание главную свою задачу видело в борьбе против собственного рабочего класса и во что бы то ни стало желало мира с реакционными правительствами Европы. Подавляющее большинство членов Собрания, открывшегося 4 мая, враждебно относилось к идее войны из-за Польши. Когда 10 мая Исполнительная комиссия заменила Временное правительство, министром иностранных дел был назначен Бастид, но эта перемена означала лишь укрепление курса на внешний мир и внутреннюю реакцию. Лишь демократы и социалисты поддерживали идею войны из-за Польши. Восстание в Познани было уже подавлено, когда 15 мая парижские революционные клубы организовали массовую демонстрацию, одним из главных лозунгов которой было требование вооруженной помощи польскому освободительному движению. Однако это выступление окончилось полной неудачей.

Для успокоения общественного мнения посланником в Берлин был назначен республиканец Эммануэль Араго, горячо веривший в возможность сближения Французской республики с единой Германией, но фактически Араго заменил Сиркура только 5 июня; к тому же новый посланник не пользовался никаким влиянием на свое правительство. После горячих дебатов Учредительное собрание предоставило поляков их собственной участи и с 23 мая ими более не занималось.

Пропаганда в парижских клубах и дебаты в Учредительном собрании по польскому вопросу вызвали в германских государствах новый приступ вражды к Франции и военную тревогу. Зато неудачный исход выступления 15 мая вызвал бурю восторгов в германской контрреволюционной печати. В Магдебурге был выпущен благодарственный адрес Ламартину за его выступление против войны. Барон Арним, еще недавно слывший «другом» поляков, от имени короля и от своего имени благодарил Ламартина.

Польское освободительное движение не оправдало надежд, которые воз-

лагали на него революционеры-демократы весной 1848 г., и не привело ко всеобщей революционной войне буржуазных государств Западной Европы против царской России.

Одной из причин неудачи польского освободительного движения была его внутренняя слабость. Польское движение 1848 г. потерпело неудачу еще и потому, что оно не получило никакой реальной поддержки от буржуазии Англии и Франции, допустивших беспощадное подавление этого движения австрийскими и прусскими войсками.

Маркс и Энгельс в «Новой Рейнской газете» призывали к революционной войне против царской России как главного оплота европейской реакции. В войне с царской Россией они видели наилучшее средство нанести удар германской и общеевропейской реакции. Но условием успеха такой войны они считали полное демократическое преобразование Германии и ее объединение последовательно революционным путем. В войне с царской Россией революционная Германия должна была, — указывали Маркс и Энгельс, — добиваться восстановления независимости Польши. Вместе с тем, в отличие от буржуазных либералов и большинства мелкобуржуазных демократов, обходивших вопрос о социальных отношениях в Польше, Маркс и Энгельс выдвигали задачу проведения в ней аграрной революции, которая должна была уничтожить крупное помещичье землевладение и освободить крестьян от феодальных повинностей.

Пруссия и шлезвиг-гольштинский вопрос

Новый повод ко всеобщей войне легко мог дать вопрос о Шлезвиге и Гольштинии. Эти два герцогства входили в состав Датского королевства на правах личной унии и сохраняли свой порядок престолонаследия (только по мужской линии) и свою особую конституцию. Гольштиния входила в состав Германского союза, но Шлезвиг, в южной своей части населенный немцами, а в северной — датчанами, находился за его пределами. Важное стратегическое положение обоих герцогств на южном побережье Балтийского и Северного морей и первоклассная Кильская гавань задолго до 1848 г. привлекали внимание немецкой буржуазии, которая считала включение Шлезвига в Германию первоочередной задачей национального объединения и территориального расширения страны. Агитация в немецкой печати по поводу Шлезвига особенно усилилась после того, как датский король Христиан VIII объявил о своем намерении ввести в герцогствах конституцию и новый порядок престолонаследия (по мужской и по женской линии) и вступил из-за этого в конфликт с сеймом Германского союза.

В новую стадию этот вопрос вступил после 18 марта. Прусские либералы решили немедленно воспользоваться мартовской революцией в Берлине, чтобы предъявить Дании требование о включении Шлезвига в Германский союз.

23 марта в Киле вспыхнуло восстание против датского правительства. Руководители движения немедленно обратились за помощью в Берлин. Со своей стороны прусское министерство, в поисках популярности, уже 24 марта приняло решение о занятии герцогств. Войскам был немедленно отдан приказ выступить «на защиту немецкой национальности». По предложению Пруссии, то же сделали правительства Ганновера, Брауншвейга, Ольденбурга и Мекленбурга. 6 апреля, без объявления Дании войны, прусские войска вступили в герцогства. Немецкая буржуазия была охвачена неописуемым энтузиазмом. Повсюду создавались добровольческие отряды из молодежи для похода на Данию.

Германо-датская война 1848 г. была единственным в истории случаем, когда немецкие войска не душили, а поддерживали революцию и революционное правительство. Маркс писал, что война с Данией, «...это —

первая революционная война, которую ведет Германия»[1]. Но прусское правительство вовсе не собиралось вести войну с революционными целями. Арним видел в этой войне «дар неба» именно потому, что с ее помощью он надеялся отвлечь наиболее революционные круги Пруссии от внутренней политики и задержать развитие революции. К тому же стремился и король с его генералами, рассчитывая приобрести репутацию борцов за немецкое национальное дело. С их точки зрения, как писал Маркс, датская война «...должна была послужить громоотводом для чрезмерного патриотизма немецкой молодежи...» и «...реабилитировать прусскую военщину»[2].

12 апреля Франкфуртский сейм обратился к Пруссии с предложением любыми средствами добиться уступок от Дании. Прусское правительство предъявило Дании ультиматум с требованием согласия на включение Шлезвига в Германский союз, организации в герцогствах вооруженных сил, находящихся в распоряжении Союзного сейма, снижения пошлин в Зунде и Бельтах для немецких товаров. Дания отвергла эти требования и 23 апреля объявила Пруссии войну.

Во время этой войны особенное значение для Пруссии приобрела позиция других держав. Не сомневаясь в том, что царь будет на стороне Дании, Арним пытался добиться от Франции заверения в том, что с ее стороны не последует нападения на прирейнские области и не будет противодействия политике Пруссии в Шлезвиге и Гольштинии. Но «западная ориентация» Арнима потерпела полный провал: Временное правительство заявило, что оно «ничем не намерено связывать себя в отношении герцогств».

Правительство Дании сначала пыталось скомпрометировать поднявшееся в Шлезвиге движение в глазах немецких либералов. Датский либеральный деятель Орла Леман отправился в Берлин доказывать, что датская конституция гораздо либеральнее тех порядков, которые хотело установить в герцогствах Временное правительство в Киле, и что германским демократам не к лицу поддерживать там «аристократическую» и «полуфеодальную» оппозицию. В действительности Временное правительство, образовавшееся в герцогствах в марте 1848 г., выдвинуло политическую программу хотя и менее либеральную, чем датская конституция, но всё же более радикальную, чем в других немецких государствах.

После занятия герцогств прусскими войсками датское правительство обратилось за помощью и посредничеством к Англии, Швеции и России. Пальмерстон протестовал против оккупации герцогств и принял на себя посредничество лишь с целью мирного разрешения спора в пользу Дании. Английское правительство и английская буржуазия не желали расчленения датской монархии и коренной перемены положения на Северном и Балтийском морях в пользу Пруссии или будущей единой Германии. Еще более враждебную Пруссии позицию заняла Швеция. 18 мая, когда прусские войска уже вторглись в Ютландию, шведское правительство объявило об отправке вооруженного корпуса на датские острова с целью их обороны и с тем, чтобы датские войска могли высадиться на материке для отпора пруссакам. Но главную преграду для Пруссии создавала всё нараставшая угроза со стороны России. Царское правительство не скрывало своего стремления помешать расчленению Дании и территориальному расширению Германии.

Николай I и Австрия в период от марта до июля 1848 г.

Польский и шлезвиг-гольштинский вопросы после мартовских революций занимали главное место в отношениях царя с Австрией и Пруссией. Николай I видел не только в Познани, но

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 427.
[2] Там же, т. VII, стр. 50.

и в Галиции опасный очаг польского движения, которое могло переброситься оттуда и в его владения. 5 апреля Нессельроде писал австрийскому министру иностранных дел графу Фикельмону: «Ради бога, не теряйте из виду Галицию. Она скоро будет охвачена пожаром, если это уже не произошло сейчас». Русскому посланнику в Вене Медему было предписано предупредить австрийское правительство, что царь не допустит революционного движения в Галиции. С циничной откровенностью, пользуясь отнюдь не дипломатическими выражениями, Николай I писал о своих намерениях князю Паскевичу: «Однако, быть может, что при новом австрийском правлении они дадут волю революции, запоют что-либо против нас в Галиции; в таком случае не дав сему развиться, но именем самого императора Фердинанда займу край и задушу замыслы».

Австрийская либеральная буржуазия враждебно относилась к царской России; революционная молодежь Вены устраивала «кошачьи концерты» под окнами русского посольства. Противоположной была позиция правительства. В конце марта оно направило в Петербург графа Туна с поручением заверить царя, что Австрия останется верна союзу с Россией, и объяснить вынужденный характер тех уступок, которые были вырваны революцией у императора Фердинанда. Николай еще раз передал через Туна, что не допустит создания свободного государства в Кракове. «Если помышляют о подобной перемене или если революция вспыхнет в Галиции и там не поступят с должной энергией,— грозил Николай,— я не поколеблюсь одного мгновения, чтобы перейти австрийскую границу и восстановить порядок именем императора Фердинанда». Тун убедился, что царь желает сохранения целости Австрийской империи, и что петербургский кабинет «рассматривает Австрию как якорь спасения Германии и всей Европы» от революции.

Царя тревожила не только Галиция. За вопросом о Галиции стоял общий вопрос об угрозе для самодержавно-крепостнического строя России со стороны западноевропейских революций. Нессельроде находил, что в случае распада Австрийской империи следует сгруппировать австрийских славян под русским влиянием и противопоставить их Германии и Венгрии, но успокаивал царя уверениями в том, что Австрия еще далека от подобного крушения.

Николай I и Пруссия в период от марта до июля 1848 г.

Отношения с Пруссией весной 1848 г. вызывали тревогу в правящих кругах Петербурга. В конце марта русский посол в Берлине барон Мейендорф доносил, что война с Россией может вспыхнуть силой вещей вследствие перехода через русскую границу скопившихся в Познани польских эмигрантов. Но двинуть русские войска в Познань Мейендорф считал невозможным. «Всякая военная демонстрация с нашей стороны,— писал он,— была бы в настоящее время опасна и привела бы к республике. Необходимо объявить, что мы не намерены атаковать и желаем только обороняться». 1 апреля Мейендорф вновь сообщал, что хотя намерения прусского правительства и не враждебны России, но прусские войска сосредоточиваются в Познани, и это требует серьезного внимания, так как в случае провозглашения в Пруссии республики, впрочем, мало вероятном, война с Россией неизбежна.

Николай находил мало вероятным объявление войны России со стороны прусского короля, занятого внутренними делами. «При этом положении,— писал царь,— чтобы он соединил свои силы против нас, нет ни вероятия, ни даже возможности. Итак, мы должны оставаться в оборонительном, почти кордонном расположении, обращая самое бдительное внимание на собственный край, дабы все попытки дома укрощать в самом начале. Для этого необходимо, чтоб Литва и Самогиция (жмудь) были сильно заняты».

В случае наступательных действий со стороны Пруссии, «если она прибегнет к Германии и сделает общую войну», царь собирался ответить «немедленным занятием Восточной Пруссии по Вислу». Если же в Берлине произойдет контрреволюционный переворот, добавлял он, то «мы ему не иначе должны способствовать, как только служа опорой или резервом, но предоставив им самим действовать, не вмешиваясь во внутренние дела». Видимо, Николай понимал, что появление русских войск в Германии могло бы вызвать лишь новый революционный подъем.

В конце апреля, когда стало очевидно, что период лицемерных заявлений о «дружбе» немецких либералов к полякам окончился, Мейендорф доносил, что воинственный подъем в Пруссии ослабевает. Нессельроде надеялся, что рано или поздно между поляками и Пруссией вспыхнет конфликт и это уничтожит опасность войны из-за польского вопроса. Записка, составленная им в апреле для императрицы, показывает, что царская дипломатия строила свои расчеты на общности интересов правящих классов Пруссии и России в порабощении Польши и на уверенности в том, что Пруссия никогда не согласится на предоставление полякам западных границ 1772 г. Притязания же поляков на границы до Днепра царское правительство предполагало использовать против самих же поляков, так как считало, что подобное требование заставит «каждого русского» сражаться «до последней капли крови». Кровавое подавление Познанского восстания возбудило у царя живейшую радость.

Не меньшую тревогу, чем польские дела, вызывали в Петербурге события в Шлезвиге и Гольштинии. Мейендорфу было предписано заявить протест против занятия герцогства прусскими войсками и пригрозить Пруссии разрывом. В апреле датчане были разбиты, и датский король обратился к царю за помощью.

Когда пруссаки вторглись в Ютландию, царь потребовал вывода из нее прусских войск и двинул в Литву еще одну кавалерийскую дивизию. В первой половине мая царь намеревался, в случае отказа Пруссии отвести войска из Ютландии, собрать на прусской границе свыше 250 тыс. войска, занять линию Вислы и удерживать ее, пока датский король не получит назад свои владения. Русский флот должен был присоединиться к датскому. Вопрос о том, будет ли Восточная Пруссия очищена от русских войск в случае закрепления в Пруссии конституционного строя, в записке царя был оставлен открытым.

Прусское правительство, боясь революционных последствий войны с Россией, дало царю обещание очистить Ютландию. Прусская контрреволюция торжествовала. Подавление Познанского восстания и согласие на отвод войск из Ютландии ослабили военную тревогу в Европе и привели к улучшению отношений Пруссии с Россией. К лету 1848 г. король послал в Россию генерала Пфуля с успокоительными заверениями. Царь все еще не доверял Пруссии, требовал повешения Мерославского, держал в пограничных губерниях 420 тыс. солдат и 100-тысячный резерв. Но положение уже резко изменилось. В начале июня, покидая Берлин, Сиркур отмечал, что между «конституционнейшим министерством» прусского короля и царским посланником установились «самые сердечные отношения».

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРИОД ПЕРЕХОДА КОНТРРЕВОЛЮЦИИ В НАСТУПЛЕНИЕ (ИЮНЬ — ДЕКАБРЬ 1848 Г.)

С лета 1848 г. европейские международные отношения развивались под знаком перехода контрреволюции в наступление. Подавление пражского восстания и восстания рабочих в Париже, победа австрийцев над итальян-

цами под Кустоццой, занятие дунайских княжеств русскими и турецкими войсками, варварская бомбардировка Мессины неаполитанскими войсками, падение революционной Вены, контрреволюционный переворот в Берлине — все эти события оказали решающее влияние на дипломатию второй половины 1848 г.

Занятие дунайских княжеств русскими и турецкими войсками

Революционные события 1848 г. отразились на положении дунайских княжеств — Молдавии и Валахии, которые находились номинально под суверенитетом султана, а фактически под двойным влиянием Турции и России. Соглашения и договоры с Турцией давали царскому правительству основание вмешиваться в дела княжеств и вводить туда войска в случае возникновения внутренних волнений. Весной 1848 г. царь был крайне встревожен нараставшей в княжествах оппозицией против молдавского господаря Стурдзы и валашского господаря Бибеску. Из России в дунайские княжества был послан с особой миссией генерал Дюгамель. Его инструкции указывали на «охранительный характер» этой миссии: он должен был добиваться запрещения молодежи посещать заграничные университеты и пообещать господарям моральную, а «по секрету» и материальную поддержку.

В апреле 1848 г. генерал Дюгамель прибыл в княжества, но турецкий комиссар Талаат-Эффенди не оказал ему содействия. При поддержке английского посланника он склонялся к уступкам той части бояр, которые желали провести в княжествах либеральные реформы. Таким путем турецкое правительство рассчитывало подорвать в княжествах влияние враждебных реформам сторонников России. Но в конце концов поднявшееся в княжествах движение вызвало беспокойство не только русского, но и турецкого правительства, опасавшегося, как бы княжества не потребовали себе полной независимости.

Начало восстания в Молдавии ускорило ход событий. 26 июня 1848 г. русский отряд перешел границу Молдавии, а 28-го занял Яссы. Нессельроде объявил, что вступление русских войск в княжества имеет целью «помощь» Турции против революционеров, и что, как только в княжествах будет установлен «порядок», войска будут отозваны. Тем временем вспыхнуло восстание в Валахии, Бибеску бежал, и была провозглашена конституция.

Занятие Молдавии русскими войсками не было предварительно согласовано с турецким правительством и вызвало у него немалую тревогу. Опасаясь как России, так и последствий революции в Валахии, турецкое правительство решило двинуть туда и свои войска. В июле в Валахию были введены крупные турецкие силы — сначала 5 тыс., а потом еще 20 тыс. солдат. Следует отметить, что Англия и Франция отказались войти в какие бы то ни было сношения с революционерами Валахии (английский консул способствовал своими действиями их поражению). Английское правительство стояло за подавление революции турками и за сговор турок с той частью бояр, которая враждебно относилась к России. Турецкие войска зверскими средствами подавили революционное движение в Валахии; в августе туда вступили русские войска, которые в сентябре соединились в Бухаресте с турецкими войсками. Чтобы успокоить турок, Нессельроде в сентябре 1848 г. предписал посланнику в Константинополе Титову воспользоваться передачей письма Николая I с поздравлением по случаю рождения у султана сына и заверить султана в «бескорыстии» замыслов царского правительства. Княжества были для царских войск удобным плацдармом против революционных движений в Австрийской империи и, в частности, Венгрии. В то же время на почве общей борьбы против революционного движения в княжествах Николай рассчитывал сблизиться с турецким правительством и усилить влияние

России в Константинополе. В сентябре 1848 г. царь предложил султану заключить союз.

Австрийское министерство, не решаясь заявить протест против занятия княжеств русскими войсками, просило лишь подтвердить, что Россия не имеет намерения нарушить безопасность соседних с княжествами владений Австрии. Пальмерстон пытался разыграть роль защитника либеральных реформ в княжествах и настаивал на скорейшем их очищении от русских войск, но действительная его цель заключалась в подрыве там русского влияния и замене его английским. Русский посланник в Лондоне Бруннов сослался на необходимость восстановления в княжествах «законного порядка» и язвительно указал Пальмерстону на пример самого английского правительства, «которое отправило 50-тысячное войско для подавления народного движения в Ирландии и в апреле 1848 г. увеличило в Лондоне число констэблей до 100 тысяч вместо того, чтобы дать требуемые чартистами реформы». Правительство Французской республики отнеслось к занятию княжеств Россией с крайней подозрительностью, но до конца 1848 г. его внимание было всецело поглощено внутренними событиями и положением в Италии.

Внешняя политика буржуазных республиканцев во Франции

Свирепая расправа над парижскими рабочими в июне 1848 г. показала подлинное лицо французской буржуазии. Известия об июньских днях в Париже послужили во всех странах новым толчком для перехода контрреволюции в наступление. Прислушиваясь к залпам парижских расстрелов, Герцен возмущенно писал: «Ну, что вы скажете, любезный князь Радецкий и сиятельнейший граф Паскевич-Эриванский? Вы не годитесь в помощники Кавеньяку. Меттерних и все члены Третьего отделения собственной канцелярии — дети кротости, des bons enfants [славные ребята], в сравнении с собранием осерчалых лавочников» [1]. Подавление восстания парижских рабочих было восторженно встречено реакционными правительствами Европы. Киселев получил предписание посетить генерала Кавеньяка и прочесть ему депешу, в которой Николай I поздравлял его с успехом июньской бойни и выражал ему свою похвалу.

После июньских дней французские буржуазные республиканцы попрежнему старались сохранить внешний мир, чтобы оставить руки свободными для борьбы против своего рабочего класса. Внешнюю политику диктатуры буржуазных республиканцев возглавляли Кавеньяк и «его обращенный во-вне орган, Бастид» [2], который продолжал занимать пост министра иностранных дел. Бастид сказал Киселеву, что внутренние события и затруднительное финансовое положение не дают французской республике возможности уделять внимание внешним делам. Киселев доносил, что армия республики, не превышающая 555 тыс. человек, недисциплинирована и недовольна политическим положением. Подобные известия успокаивали царское правительство и вселяли в него уверенность, что Франция не нарушит «трактатов 1815 г.» и не окажет помощи ни полякам, ни итальянцам. Правительство буржуазных республиканцев явно заискивало перед царем. Ротшильд, посетив Киселева, безуспешно предлагал русскому казначейству купить за 80 млн. фр. все французские коронные бриллианты. Было очевидно, что французское правительство крайне нуждается в деньгах. Бастид сам пришел к Киселеву и выразил ему от

---

[1] А. И. Герцен. Письма из Франции и Италии. С того берега. М.—Л., 1931, стр. 255.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 480.

имени Кавеньяка желание установить с Россией самые дружеские отношения и послать кого-либо в Петербург.

Кавеньяк и Бастид искали в царской России противовеса притязаниям Пруссии и планам Франкфуртского парламента в вопросе об объединении Германии.

Буржуазные республиканцы видели в поддержке Англии главную опору своей внешней политики несмотря на то, что к августу 1848 г. только Англия и Россия не признали еще официально Французскую республику. «При Кавеньяке,— писал Маркс,— та же политика, что и при Луи-Филиппе. Точно так же при международных распрях прибегают к старому, вечно новому средству. к entente cordiale (сердечному согласию) с Англией, с Англией Пальмерстона, с Англией контрреволюционной буржуазии»[1]. Английская и французская буржуазия действовала совместно в целях борьбы с революцией. Следует вспомнить, что первый удар рабочему движению в Европе в 1848 г. был нанесен именно в Англии военными приготовлениями против чартистов, подавлением чартистской демонстрации 10 апреля. Англия,— писал в конце 1848 г. Маркс,—«...кажется скалою, о которую разбиваются революционные волны...»; он подчеркивал, что пока британская буржуазия держит власть в своих руках, «...всякий социальный переворот во Франции необходимо потерпит крушение и будет разбит английской буржуазией, промышленною и торговою мировой гегемонией Великобритании»[2].

Англо-французское посредничество между Сардинией и Австрией

«Сердечное согласие» Пальмерстона и Кавеньяка осуществилось в совместном посредничестве при переговорах о перемирии между Сардинией и Австрией. Дипломатия сардинского короля Карла-Альберта была построена на страхе и поисках компромиссов. Он боялся революции и вмешательства Французской республики. Посредством войны он надеялся дать выход народному недовольству и хотел воспользоваться подъемом национального движения для расширения своих владений путем присоединения Ломбардии и Венеции. Его план состоял в том, чтобы установить гегемонию Пьемонта в Италии, но избежать революции.

Война, которую Карл-Альберт объявил Австрии под напором национально-освободительного движения, шла вначале успешно. Пьемонтские войска взяли Пескьеру и провозгласили Карла-Альберта «королем Италии». Ломбардия и Венеция изъявили желание присоединиться к Пьемонту. Под влиянием патриотического подъема итальянского народа даже папа Пий IX, великий герцог тосканский Леопольд и неаполитанский король Фердинанд вынуждены были принять участие в войне с Австрией. Опасаясь, что война перерастет в революционное движение, Пальмерстон советовал Австрии пойти на уступки и создать Верхнеитальянское королевство и конфедерацию итальянских государств. Австрийское правительство было так напугано революционными событиями в своей империи, что в меморандуме от 24 мая выразило согласие на уступку Ломбардии и на превращение Венеции в автономное государство.

Но к концу июня положение резко изменилось. Австрийцы получили крупные подкрепления. Пий IX, боясь Австрии и опасаясь усиления Пьемонта, запретил своим войскам переходить границу. В Неаполе восторжествовала контрреволюция, а в Австрийской империи было раздавлено пражское восстание, после чего австрийцы получили возможность более активно действовать в Италии. В то же время Карл-Альберт приостановил активные военные действия. В результате его предательской тактики

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 480.
[2] Там же, т. VII, стр. 103—104.

23—25 июля пьемонтские войска были наголову разбиты австрийцами у Кустоцца. После этого за продолжение войны стояла лишь незначительная оппозиция в туринском парламенте. Король, министры и большинство парламента желали перемирия. Нуждаясь во внешней поддержке, Карл-Альберт только после поражения при Кустоцце официально признал республику во Франции.

Австрийцы отбросили пьемонтские войска и грозили вторжением в Пьемонт. Официальные представители Карла-Альберта и агент Временного правительства Ломбардии прибыли в Париж для переговоров. Ломбардцы просили немедленной помощи без всяких условий. Карл-Альберт хотел только, чтобы Франция сделала благоприятную Италии декларацию и усилила свою армию у подножия Альп. Он настаивал на том, чтобы французское правительство обязалось не домогаться территориальных вознаграждений за свою поддержку и не вело бы в Италии революционной пропаганды. Карл-Альберт обратился к Франции с просьбой о посредничестве, которое он же отклонил весной 1848 г., заявив тогда, что Италия обойдется собственными силами. Теперь в ответ на свою просьбу он получил предложение о совместном посредничестве Франции и Англии.

Во время войны Николай I оказывал Австрии моральную поддержку. Имя короля Карла-Альберта — почетного шефа одного из русских полков — было вычеркнуто из армейских списков, и дипломатические сношения России с Сардинией были прерваны еще весной 1848 г. Нессельроде говорил австрийскому посланнику Лебцельтерну: «Надо, чтобы вы разбили короля Карла-Альберта».

Кавеньяк не желал доводить дело до вооруженного вмешательства. Позиция Кавеньяка объяснялась не только внутренними причинами — борьбой, которую французская буржуазия вела против рабочего класса внутри страны. Бастид считал, что добиваться присоединения Венеции и Ломбардии к Пьемонту значило бы проливать кровь за то, чтобы «создать у своих дверей мощное королевство». Вмешиваться ради создания в Северной Италии республики Бастид находил нежелательным, так как подобное вмешательство означало бы всеобщую войну с сомнительным исходом и с возможным установлением во Франции военной диктатуры. Английскому посланнику Бастид внушал мысль о создании итальянской конфедерации под французским влиянием и под председательством папы, но подобные планы не входили в расчет английских министров, которые вовсе не желали усиления в Италии французского влияния.

Пальмерстон попрежнему считал, что итальянские владения представляют не «щит Аякса», а скорее «ахиллесову пяту» Австрии, и только отвлекают ее от активной политики против России на Ближнем Востоке. Но вооруженного вмешательства Франции в итальянские дела ради присоединения Ломбардии к Пьемонту Пальмерстон также не желал.

К великому удовольствию Пальмерстона Кавеньяк 4 августа предложил Пьемонту посредничество с участием Англии. Но ни французское, ни английское правительства не сделали ничего для того, чтобы Ломбардия была передана Пьемонту. 6 августа австрийские войска заняли Милан. 9 августа в Милане было подписано перемирие на условиях восстановления статус кво, т. е. сохранения Ломбардии и Венеции в руках Австрии.

Проект европейского конгресса или конференции по итальянским делам

Венеция не признала австро-сардинского перемирия. Ее республиканское правительство обратилось к Франции за помощью. Бастид снова настаивал на посредничестве Франции и Англии при выработке условий окончательного мира и грозил Австрии вмешательством. На деле его угрозы имели целью лишь обмануть французское

общественное мнение; он и не думал объявлять войну Австрии и постарался высказать это прусскому дипломату в Париже графу Гатцфельдту, который не замедлил передать обо всем своему австрийскому коллеге. Уверенность в том, что Франция не решится на вооруженное выступление, лишь укрепила положение Австрии.

Осенью 1848 г. австрийское правительство отказалось распространить перемирие на Венецию. Число австрийских солдат на севере Италии достигло 120 тыс. Радецкий отказался выдать Сардинии артиллерию и материалы, захваченные в Пескьере, под тем предлогом, что сардинская армия не очистила форт д'Озорро.

Французское правительство выдвинуло проект созыва общеевропейского конгресса для пересмотра договоров 1815 г. Английское и прусское правительства предлагали созвать общеевропейскую конференцию по итальянским делам. Пальмерстон согласился на этот проект, так как был уверен, что Австрия ничего не уступит.

Австрийское правительство хотело участия России в обсуждении итальянских дел, надеясь на ее поддержку. Министерство князя Шварценберга старалось восстановить прежний союз Австрии с Россией. Шварценберг предложил России участвовать в посредничестве вместе с Англией и Францией, предварительно обязавшись не уступать Сардинии никаких территорий. Но Николай I отклонил участие в посредничестве: он не верил в возможность французского вооруженного вмешательства в итальянские дела и ограничился изъявлением своей солидарности с Австрией.

В действительности царская Россия была в то время совсем не так сильна, как это думали в Европе. Финансовая слабость, эпидемии и голод, техническая отсталость армий подрывали мощь Российской империи. К тому же внимание царского правительства было отвлечено дунайскими княжествами. Царь подозрительно отнесся к предложениям участвовать в европейской конференции по итальянскому вопросу. Сговор Англии и Франции в итальянских и дунайских делах вызывал у него весьма серьезные опасения. 23 сентября он одобрил памятную записку Нессельроде, отвергавшую мысль об участии России в европейском конгрессе или конференции. Памятная записка утверждала, что ревизии договоров 1815 г. допускать не следует. «С конгрессами,— писал Нессельроде,— дело обстоит так же, как и с конституциями, которые должны существовать, прежде чем быть написанными», а между тем «вследствие 33-летнего мира ни одно из великих европейских государств не знает истинных размеров своей мощи». При таких условиях, Нессельроде считал, что конгресс скорее приведет к войне, чем предотвратит ее. Не меньшие опасения вызывала у канцлера и мысль о том, что представительные собрания в охваченных революциями государствах смогут под давлением общественного мнения отказаться от ратификации постановлений конгресса. Нессельроде находил момент неблагоприятным для России, так как у нее не было союзников. Но главной причиной отклонения царизмом предложения об участии в европейском конгрессе была боязнь совместного давления Англии, Франции и Австрии на Россию в восточном вопросе. «Не надо забывать, — писал Нессельроде, — что Венский конгресс не касался вопросов Востока. Это пробел, который Европа никогда не прощала и который не раз пыталась заполнить после потрясения, предлагая поставить Турцию под эгиду европейской гарантии. Если бы конгресс открылся при нынешних обстоятельствах и если бы на нем в новом смысле пересматривали международные отношения, нужно ожидать, что снова будет брошена на стол европейская гарантия Турецкой империи и что ввиду настоящего состояния умов все будут против нас. Одна эта возможность, казалось бы, является решающей против идеи всеобщего конгресса».

Конференция только по итальянским делам, т. е. участие в посредничестве, также, по мнению царя и Нессельроде, ничего не принесла бы России, так как Франция и Англия, — доказывал Нессельроде, — стоят на иной принципиальной основе, чем Россия, и, географически, обладают перед нею преимуществом положения».

Переговоры о созыве конференции без участия России подвигались медленно и с трудом. В декабре 1848 г. было намечено место ее созыва — Брюссель. Австрийское правительство согласилось участвовать в конференции, но не делало никаких уступок. Шварценберг старался по возможности затягивать ее созыв до тех пор, пока внутри Австрийской империи не будет подавлено всякое революционное движение, и она не освободит себе руки для окончательной расправы с итальянцами.

Отношение Англии и Франции к революции в Сицилии

Европейская печать приписывала Пальмерстону роль подстрекателя революции в Сицилии. Особенно старалась таким путем скомпрометировать Пальмерстона реакционная пресса, в том числе торийские газеты. «Таймс» в 1849 г. обвинял Пальмерстона в снабжении сицилийцев оружием. Либералы столь же незаслуженно объявили его покровителем восставших сицилийцев.

На деле роль Пальмерстона была совсем иной. Поставкой оружия в Сицилию частным образом промышляли некоторые английские капиталисты, и Пальмерстон помог одному из них получить обратно доставленные им в один из британских арсеналов, но еще не оплаченные пушки, которые предприимчивый делец предпочел подороже продать в Сицилии. Пальмерстон действительно желал установления автономии Сицилии под главенством принца из Неаполитанского дома. Впоследствии он даже обещал признать независимость Сицилии под властью герцога Генуэзского (принца из правившего в Пьемонте Савойского дома), но по обыкновению не сдержал слова. Автономная или независимая Сицилия могла бы стать одним из оплотов британского влияния на Средиземном море, но заинтересованность Пальмерстона в этом вопросе не заходила столь далеко, чтобы оказывать повстанцам реальное содействие. Для этого слишком велика была ненависть Пальмерстона к революции.

Подавление сицилийского восстания и варварская бомбардировка Мессины неаполитанским флотом производились при полной пассивности английской и французской эскадр. Их адмиралы Паркер и Боден ограничились словесными требованиями прекратить обстрел. После бомбардировки французские офицеры приняли участие в устроенном неаполитанцами банкете. Маркс писал: «Офицеры французского флота угощаются на банкете, устроенном неаполитанскими офицерами, и на дымящихся еще развалинах Мессины пьют за здоровье *неаполитанского короля, слабоумного тигра* Фердинанда. А над их головами реют фразы Ламартина...»[1].

Внешняя политика Пруссии и Франкфуртского парламента

2 июля 1848 г. под давлением России, Англии, Франции и Швеции прусское правительство согласилось на перемирие с Данией, но вскоре выяснилось, что оно не собирается выполнять это обещание. Командовавший войсками генерал Врангель не хотел подписывать перемирие и настаивал на сохранении в Шлезвиге самостоятельных немецких воинских частей. Вопрос о том, насколько Шлезвиг сохранит свою связь с Данией и будет ли в нем допущено создание особых немецких вооруженных сил, стал основным предметом спора. Германская буржуазия считала генерала Врангеля героем дня. Торговая палата Штеттина назвала его именем подготовляемый к спуску корабль. Прусское

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 480.

правительство решило продолжать натиск, но и датчане не уступали. 24 июля военные действия возобновились.

Летом 1848 г. определилась внешняя политика Франкфуртского парламента. В сношениях с другими государствами Франкфуртский парламент объявил «Центральное правительство» единственным представителем Германии, но эта претензия не была официально признана ни германскими государями, ни другими европейскими правительствами.

При всем разнообразии точек зрения на роль Австрии и Пруссии в будущем объединении Германии и полном отсутствии реальной военной силы, на которую мог бы опереться парламент, его представители не ограничивались замыслом создания немецкого национального государства и соединяли эту идею с широкими агрессивными планами, которые вызывали тревогу соседних правительств. Почти полное единодушие Франкфуртский парламент проявил, встав на крайне агрессивную, реакционную и националистическую точку зрения по отношению к славянским народам. Антиславянский курс его политики выразился в нежелании признать право Чехии на самостоятельное политическое существование и в поддержке германизаторской прусской политики в Познани. Парламент одобрил намерение Пруссии включить в Германский союз две трети Познани, где подавляющее большинство принадлежало польскому населению.

Результатом такой политики германской буржуазии был отказ Познани и славянских провинций Австрии участвовать во Франкфуртском парламенте. Летом 1848 г. славянская провинция Австрии Истрия протестовала против намерения Франкфуртского парламента включить ее в Германский союз. Славянский конгресс в Праге еще более усилил враждебность Франкфуртского парламента к движениям славянских народов.

Шовинистическая политика германской буржуазии и ее представителей во Франкфуртском парламенте была использована контрреволюцией и содействовала поражению революции 1848 г. в Австрии и Германии. Маркс и Энгельс резко осуждали агрессивные и националистические стремления германской буржуазии, отвлекавшие германский народ от борьбы с реакцией у себя дома. «Несмотря на патриотический шум и завывание почти всей немецкой печати,— писали Маркс и Энгельс,— «Новая Рейнская газета» с первого же момента выступила в защиту поляков в Познани, итальянцев в Италии, чехов в Богемии»[1].

Объединительные проекты Франкфуртского парламента и прусские планы гегемонии в Германии наталкивались на сопротивление второстепенных немецких государств, в особенности Баварии, которая пыталась разыгрывать роль «третьей немецкой великой державы». Ее правительство противилось установлению в Германии наследственной императорской власти и в мае 1848 г. выдвигало проект создания своего рода «директории» из Австрии, Пруссии и Баварии. Враждебное отношение к идее прусской гегемонии имело место не только в Баварии, но и в Вюртемберге, Бадене, Саксонии и Ганновере.

В итальянском вопросе Франкфуртский парламент занял почти такую же агрессивную позицию, как и в славянском, и настаивал на включении в будущую Германию принадлежавшего Австрии итальянского Тироля. Центральное правительство предложило королю Карлу-Альберту свое посредничество для заключения окончательного мира с Австрией, но сардинское правительство в сентябре 1848 г. отклонило эти предложения.

Франкфуртский парламент постановил, что соединение Лимбурга с Голландией противоречит устройству Германского союза и высказался за полное отделение Лимбурга от Голландии. Некоторые депутаты так

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 242.

далеко заходили в своих агрессивных планах, что требовали включения в Германский союз Швейцарии и Бельгии; таким образом, национально-объединительные стремления Франкфуртского парламента всюду сочетались с агрессивными планами и отнюдь не сводились только к идее создания немецкого национального государства. Даже левые в славянском и итальянском вопросах поступались принципом национальной независимости. В населенном датчанами северном Шлезвиге национальное право было на стороне Дании, но Франкфуртский парламент отстаивал мнимые «исторические права» Германии на северный Шлезвиг. В вопросе об отделении от Дании южного Шлезвига и Гольштинии Франкфуртский парламент поддерживал Пруссию.

Прусское правительство боялось новой вспышки революции в случае войны с Россией, Францией, Швецией и Англией из-за Шлезвига и Гольштинии. 26 августа оно подписало в Мальмё новое перемирие с Данией, которое сохраняло за последней Шлезвиг и Гольштинию. Франкфуртский парламент 5 сентября отверг это перемирие ничтожным большинством — всего в 18 голосов. Когда же выяснилась угроза разрыва Франкфуртского парламента и Центрального правительства с Пруссией, настроение многих депутатов изменилось. Министр-президент Центрального правительства князь фон Лейнинген ушел в отставку, и пришедшее вместо него еще более реакционное министерство барона Шмерлинга, несмотря на протесты левых депутатов, добилось 15 сентября ратификации перемирия.

Маркс и Энгельс заклеймили ратификацию перемирия как позорное подчинение Франкфуртского парламента контрреволюционной внешней политике Пруссии.

Осенью и зимой 1848 г. Франкфуртский парламент и Центральное правительство продолжали сближаться с Пруссией против Австрии и против республиканского движения на юге Германии. Центральное правительство намеревалось сформировать пять корпусов в 600 тыс. человек и разместить их на юге и в центре Германии. Французскому правительству в сентябре было сообщено, что эти приготовления делаются для обеспечения внутреннего порядка в Германии.

Причина отказа Пруссии и Франкфуртского парламента от революционной войны за объединение Германии заключалась не столько в давлении извне (со стороны России, Англии и Франции), сколько во внутриполитических интересах германской буржуазии и прусского юнкерства, которые определяли дипломатию министерства Ганземана, берлинского двора и франкфуртского Центрального правительства, боявшихся пролетариата и революционного подъема в случае войны. Маркс и Энгельс подчеркивали эту внутреннюю классовую обусловленность внешней политики германской буржуазии в 1848 г. в следующих словах: «Но разве представители буржуазии во Франкфурте не согласятся скорее проглотить любое оскорбление и отдаться в рабство Пруссии, чем осмелиться на новую европейско-революционную войну и подвергнуть себя новым бурям, которые могут угрожать их собственному классовому господству в Германии?»[1].

Маркс и Энгельс призывали Германию в 1848 г. к революционной войне и, при условии последовательно революционной политики, считали успех такой войны вполне возможным. Главным оплотом европейской реакции они справедливо считали царизм. Но это не значит, что Маркс и Энгельс считали внешнее давление России и других держав главнейшей причиной поражения революции 1848 г. в Германии. Дипломатическое вмешательство России, Англии и Франции в шлезвиг-голь-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 426.

штинский вопрос могло повлиять на политику Пруссии и Франкфуртского парламента лишь потому, что эта политика сама по себе имела контрреволюционную классовую основу, а революция в Германии оказалась половинчатой, не была доведена до конца.

Отношение Николая I к политике Пруссии и Франкфуртского парламента

Летом 1848 г. царь еще теснее сблизился со Швецией и Данией для поддержки «политического равновесия на Севере» и противодействия намерениям Пруссии в отношении Шлезвига и Гольштинии. Николай I и Нессельроде не верили в осуществимость объединения Германии и включения в нее Голландии, Лимбурга, Швейцарии и других соседних стран, но высказывались по поводу этих планов совершенно недвусмысленно. В начале июня 1848 г. Нессельроде заявил английскому посланнику Блумфильду, что «хотя образование такой державы могло бы создать известную безопасность от нападения со стороны Франции, Россия не желает иметь на своих границах столь грозного соседа и употребит всё свое влияние, чтобы помешать успешному осуществлению этого проекта».

6 июля Нессельроде разослал всем русским представителям в германских государствах циркуляр, в котором отмечал враждебные настроения в Германии по отношению к России и осуждал войну с Данией. «До тех пор,— писал он,— пока Конфедерация [т. е. Германский союз], какую бы новую форму она ни приняла, не будет трогать соседние государства и не будет пытаться насильно расширять свои границы или распространять свою правомерную компетенцию за пределы тех пограничных областей, которые к ней отошли по договорам, император также будет относиться с уважением к ее внутренней независимости».

Царь готов был двинуть свои войска против Пруссии, если бы она не отказалась от своей политики в шлезвиг-гольштинском вопросе. «Ежели с Данией не кончат,— писал он Паскевичу,— войдем в Пруссию, хотя, признаюсь, очень нехотя, да долее терпеть нельзя».

Из страха перед новым революционным подъемом, который война могла вызвать в Германии, прусское правительство отказалось от продолжения военных действий, оставив за Данией оба герцогства. После этого датское правительство обратилось к царю с просьбой о коллективной гарантии державами безусловной принадлежности герцогств Дании. Николай I ответил на это полным согласием.

Летом 1848 г. между французским и царским правительствами происходил обмен мнений по поводу возможного объединения Германии под гегемонией Пруссии. В депеше Киселеву 18 (30) августа Нессельроде выражал удовлетворение тем, что Кавеньяк и Бастид сознавали значение этого объединения, хотя, подобно петербургскому кабинету, не принимали всерьез всего, что делалось во Франкфурте-на-Майне.

Отношение Французской республики к проектам объединения Германии и к шлезвиг-гольштинскому вопросу

И Франция и Англия враждебно относились к проектам объединения Германии. Летом и осенью 1848 г. точка зрения правящих кругов Франции в этом вопросе отличалась от позиции Николая I лишь меньшей готовностью к вооруженному вмешательству в защиту Дании. Во Франции только демократы сочувствовали объединению Германии; крупная буржуазия относились к нему явно враждебно.

29 июня Бастид писал французскому посланнику в Берлине Араго, что Шлезвиг — исконная датская провинция, из 350 тыс. жителей которой лишь 125 тыс. на юге говорят по-немецки. «По-немецки,— писал он,— говорят также в Эльзасе, в Лотарингии, в Швейцарии, в Курляндии, в Лифляндии. Станет ли это мотивом, на основании которого Германия

пожелает присоединить Эльзас и Лотарингию, немецкие области Швейцарии, Курляндию и Лифляндию? Подобный принцип простейшим образом ведет к нелепости...».

В июле, узнав о возобновлении войны с Данией, Бастид писал Араго, что «Франция имеет твердое намерение оставаться верной своим обязательствам и протестует против нападения, предметом которого стала Дания». Под упомянутыми в депеше обязательствами имелась в виду данная Францией (совместно с Россией, Англией и Швецией) в 1720 г. гарантия принадлежности обоих герцогств Дании. В депеше к тому же Араго от 31 июля Бастид писал, что «единство Германии создаст из этого народа в 40 миллионов гораздо более грозную державу, чем Германия является теперь». Давление Франции на Пруссию стало весьма ощутительным накануне перемирия в Мальмё. 1 августа Бастид передал прусскому посланнику в Париже резкий протест против вторжения пруссаков в Ютландию со ссылкой на трактат 1720 г. с Данией, которым Франция подтверждала гарантию ее территориальной целости. 29 августа Бастид в депеше к Араго писал, что Франция потребует участия в окончательном решении спора о герцогствах.

Отношение Англии к политике Пруссии и Франкфуртского парламента

25 марта 1848 г. Пальмерстон писал английскому посланнику во Франкфурте-на-Майне: «Я должен сказать вам, что всякое соглашение, которое стремилось бы более тесно соединить и укрепить отдельные государства, образующие Германию, рассматривалось бы правительством ее величества как содействующее равновесию держав и, следовательно, дающее гарантию общего мира». Высказываясь за укрепление политических связей между государствами Германского союза, английское правительство имело в виду использовать их в качестве противовеса Франции и России. Исходя из тех же соображений, оно не выступало и против прусской политики в Познани. Но сторонники немецкого единства в Германии негодовали на Пальмерстона за защиту им территориальной целости Дании.

Вопрос о целости Дании был для Великобритании вопросом о сохранении ее господства на Балтийском море. Чрезмерное укрепление позиций Пруссии и ослабление Дании у входа в Балтийское море Пальмерстон считал недопустимым с точки зрения английских интересов. Поэтому он старался сдержать Пруссию и помешать расчленению Дании. Вместе с тем Пальмерстон хотел предотвратить общеевропейскую войну, которая могла бы нарушить выгодное для Англии соотношение сил на континенте Европы, помешать британской колониальной агрессии и внести расстройство в британскую торговлю. Общественное мнение британской буржуазии было на стороне Дании. Тори, и в особенности газета «Таймс», проявляли к замыслам Пруссии против Дании еще более резкую и открытую вражду, чем виги. Уже после подавления чартистского движения в апреле 1848 г., когда британское правительство избавилось от страха перед рабочим движением внутри страны, давление британского правительства на Пруссию усилилось. Пальмерстон несколько раз предлагал воюющим сторонам британское посредничество, но безуспешно. Он выдвинул проект раздела Шлезвига на северную и южную части и включения южной части в Германский союз. Царское правительство было согласно на эту сделку, но как Дания, так и Пруссия ей противились. С конца июля тон Пальмерстона стал угрожающим. Он намеревался отказаться от посредничества и предоставить Николаю I полную свободу действий против Пруссии. 3 августа прусский посланник в Лондоне Бунзен получил от Пальмерстона доверительное предупреждение, что, в случае если франкфуртское Центральное правительство не ратифицирует перемирия, английский флот появится у берегов Дании для ее защиты и для обеспечения мира. После

отказа Франкфуртского парламента ратифицировать заключенное в Мальмё перемирие Пальмерстон грозил Пруссии общеевропейской войной. Таким образом, давление Николая I на Пруссию дополнялось давлением на нее Англии и Франции.

Значительное влияние на позицию Пальмерстона в германских делах оказывали непосредственные торговые интересы британской буржуазии. Вначале английские капиталисты продавали вооружение как Дании, так и Пруссии. В Гамбург было отправлено 40 морских орудий, а в Данию из Бирмингама 20 тыс. ружей. Но затем блокада Данией прусских балтийских портов стала вредить английской торговле. Еще неприятнее была для английской буржуазии перспектива включения Шлезвига, Гольштинии и приморских государств Германии в Прусский таможенный союз. В отличие от Пальмерстона Кобден и его сторонники благоприятно относились к идее немецкого единства, веря в успех британской торговли в любых условиях конкуренции. Но в целом позиция правящих классов Англии в шлезвиг-гольштинском и таможенном вопросах оказалась враждебной прусской политике и Франкфуртскому собранию.

Маркс и Энгельс ясно видели эту противоположность интересов. Они писали: «...Германия хочет Шлезвига, а Англия не хочет ей уступить его; Германия хочет покровительственных пошлин, а Англия — свободной торговли; Германия хочет единства, а Англия желает ее раздробления; Германия хочет быть самостоятельной, а Англия стремится к промышленному ее порабощению»[1].

По настоянию Англии и России перемирие в Мальмё оставило нетронутым право Дании на взимание Зундских пошлин, которые причиняли затруднения торговле немецких приморских городов. Министерство Ганземана не посмело настаивать на отмене этих пошлин.

Отношение Николая I к контрреволюции в Австрии и Пруссии

Дипломатическое вмешательство и военная демонстрация держав в шлезвиг-гольштинском вопросе непосредственно не коснулись внутреннего положения в Пруссии и Австрии. Контрреволюция в этих государствах победила собственными силами, хотя моральную поддержку она получала извне и более всего от русского самодержавия. Николай I неизменно поощрял письмами, поздравлениями и орденами всех генералов, которые одерживали победы над революционными восстаниями. Такие поздравления получил не только Кавеньяк, но и Виндишгрец, и Филанджиери, и Елачич. Подобные проявления благожелательности к победам контрреволюции исходили и от британского правительства. В конце 1848 г. английский посланник, по поручению Пальмерстона, поздравил прусского короля с разгоном берлинского Учредительного собрания.

Царское правительство пристально следило за событиями в Австрии. В сентябре 1848 г. Нессельроде еще раз обратил внимание австрийского министерства на скопление в Галиции польских эмигрантов, готовых присоединиться к австрийским и венгерским революционерам. Как и прежде, царское правительство отрицательно относилось к чешскому движению: все сообщения немецкой печати о причастности к движению австрийских славян каких-то «русских агентов» были чистейшим вымыслом. В ноябре 1848 г. Паскевич получил просьбу австрийского правительства о том, чтобы петербургский кабинет дал официальное заверение в готовности оказать Австрии материальную помощь против итальянцев. Царь не отказал в помощи, но, прежде чем обещать ее, пожелал узнать, на каких условиях будет восстановлена Австрийская монархия,

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VI, стр. 412.

и не предполагаются ли какие-нибудь реформы в Галиции. Разгром октябрьского восстания в Вене способствовал дальнейшему сближению австрийского правительства с царской Россией.

К событиям в Пруссии царь относился с крайним отвращением, не допуская никаких компромиссов с революцией.

Фридрих-Вильгельм IV в сентябре 1848 г. в личном письме царю спрашивал, может ли Николай I обещать свою помощь в трех случаях: 1) если королю придется покинуть Берлин; 2) если ему удастся овладеть положением в Берлине, но придется вести вооруженную борьбу с восставшей Германией; 3) если на него нападет Франция.

О своем ответе королю Николай I написал Паскевичу так: «На всё это я ему отвечал, что Россия была давно готова идти ему на помощь, доколь была старая Пруссия... Воротись Пруссия к старому, под свое старое знамя, тогда Россия выполнит свято то, что старый союз определил, но до того ни шагу не сделаю; довольно и того, что отвечаю ему за безопасность его границ от Мемеля и до Австрии, почему и может взять оттуда все свои войска. Что ежели будет ему неудача, власть королевская рушится и заменится республикой, тогда долг мой будет, обязанность России, и что может быть ринусь восстановлять Пруссию, не ту, какую король сотворил на гибель, но прежнюю...».

Таким образом, король мог быть уверен, что в случае крайности царь двинет свои войска для восстановления прусского абсолютизма. Эта уверенность придала храбрости трусливому Фридриху-Вильгельму IV, но вооруженное вмешательство царя ему не понадобилось. В конце 1848 г. прусская контрреволюция осуществила разгон берлинского собрания, не прибегнув к помощи извне. Английская и французская буржуазная печать выражала свое удовлетворение успехами прусской контрреволюции.

События 1848 г. показали, что французская и английская буржуазия совместно с царизмом старались помешать дальнейшему развитию революции в Германии и ее объединению. Факт этот особенно важно отметить в связи с тем, что царизм уже давно выброшен в мусорный ящик истории, а западноевропейская и американская буржуазия теперь ведет политику раздробления и порабощения Германии, мешая демократическому разрешению вопроса о ее государственном единстве и поддерживая в Германии реакционные силы.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ
к I тому

СОДЕРЖАНИЕ

Глава пятая

ИТАЛЬЯНСКИЕ ГОСУДАРСТВА НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ 1848 Г.

(К. Э. Кирова)

Глава шестая

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ 1848 Г. . 123

(А. Л. Нарочницкий)

Глава седьмая

СОЮЗ КОММУНИСТОВ 132

(Е. П. Кандель)

Глава тринадцатая

МАРТОВСКИЕ РЕВОЛЮЦИИ В АВСТРИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

(Р. А. Авербух)

Глава четырнадцатая

МАРТОВСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ПРУССИИ

(С. Б. Кан)

Глава пятнадцатая

ГЕРМАНСКИЙ ПРЕДПАРЛАМЕНТ И ПЕРВОЕ РЕСПУБЛИКАНСКОЕ ВОССТАНИЕ В БАДЕНЕ

(С. Б. Кан)

Глава шестнадцатая

КЛАССОВАЯ БОРЬБА В ПРУССИИ В АПРЕЛЕ — ИЮНЕ 1848 Г. 312

(С. Б. Кан)

---

* Параграф «События в Силезии» написан И. С. Миллером.

Глава двадцатая

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ И НАЦИОНАЛЬНАЯ БОРЬБА В ГАЛИЦИИ В 1848 Г.

(И. С. Миллер)

Глава двадцать первая

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В БУКОВИНЕ В 1848 Г.

(Ф. П. Шевченко)

Глава тридцатая

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ РЕВОЛЮЦИИ 1848 Г.

(Р. П. Конюшая)

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава тридцать первая

УСИЛЕНИЕ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ В АВСТРИИ

(Р. А. Авербух)

Глава тридцать вторая

БОРЬБА МЕЖДУ СИЛАМИ РЕВОЛЮЦИИ И СИЛАМИ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ В ПРУССИИ В ИЮНЕ — АВГУСТЕ 1848 Г.

(М. И. Фриман)

Глава тридцать третья

ФРАНКФУРТСКИЙ ПАРЛАМЕНТ (МАЙ — СЕНТЯБРЬ 1848 Г.)

(Е. И. Рубинштейн)

Глава тридцать четвертая

ВОЙНА ИЗ-ЗА ШЛЕЗВИГА И ГОЛЬШТИНИИ. ВОССТАНИЕ ВО ФРАНКФУРТЕ В СЕНТЯБРЕ 1848 Г.

(Е. И. Рубинштейн)

Глава тридцать пятая

ОКТЯБРЬСКОЕ ВОССТАНИЕ В ВЕНЕ. ПОБЕДА КОНТРРЕВОЛЮЦИИ В АВСТРИИ (НОЯБРЬ 1848 Г. — МАРТ 1849 Г.)

(Р. А. Авербух)

Глава тридцать шестая

ПОДГОТОВКА КОНТРРЕВОЛЮЦИИОННОГО ПЕРЕВОРОТА В ПРУССИИ

(М. И. Фриман)

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Академии Наук СССР

*

Редактор издательства *Г. И. Трайнина*

Технический редактор *А. А. Киселева*

*

РИСО АН СССР № 3399. Т-01383. Издат. № 1736
Тип. заказ № 1363. Подп. к печ. 13/III 1952 г.
Формат бум. $70 \times 108^{1}/_{16}$. Печ. л. 72,61+9 вкл. Бум. л. 26,5.
Уч.-издат. 70,4. Тираж 8000.
Цена по прейскуранту 1952 г. 44 р. 85 к.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., 10

Опечатки и исправления

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
26	11 сн.	маших	машин
28	8 сн.	индивидуальные	экономические
65	21 св.	работать и	работать в
382	1 св.	обсуждая	обсуждался
524	1 св.	с Мари и Маррасто	Мари и Маррастом
748	3 сн.	конструкционный	конституционный

Революция 1848—1849 гг., том I

В электронном издании указанные опечатки исправлены.

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

РЕВОЛЮЦИИ
1848–1849

I

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК
СССР